

Отделение «Проблемы управления»
Российской академии естественных наук

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:
ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации»,
Издательство «ЮРКОМПАНИ»
Издатель:
Издательство «ЮРКОМПАНИ»
Основан в 2009 году
Выходит один раз в месяц
ISSN 2076-1503 (print)
ISSN 2949-205X (online)
Индекс подписки
в каталоге «Пресса России» и
«Библиотечном каталоге»: 46138

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-36826 от 14 июля 2009 г.)
Журнал является сетевым изданием
(Свидетельство о регистрации СМИ
Эл. № ФС77-49683 от 5 мая 2012 г.)
Сайт: education.law-books.ru

Журнал включен в перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
доктора наук (список ВАК при Министерстве
образования и науки РФ) по отраслям науки:
5.1.1, 5.1.2, 5.1.3.

Журнал включен в Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в
Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2025

Отделение «Проблемы управления»
Российской академии естественных наук

ОБРАЗОВАНИЕ
и ПРАВО
научно-правовой журнал

Ежемесячный аналитический
научно-правовой журнал, посвященный
актуальным вопросам философии,
социологии, педагогики, юриспруденции,
образования, а также правовому
мониторингу, инновационным технологиям
и реформе образования
в России и мире

**Председатель
редационного совета:**
Светлана Иванова

Главный редактор:
Бадма Сангаджиев

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

**Заместитель главного редактора
по научному развитию:**
Руслан Гандалов

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Литературный редактор:
Вероника Кроткова

Корректор:
Вера Козлова

Компьютерная верстка:
Марина Горячева

Дизайн:
Александр Черкасов

Материал подготовлен
с использованием
СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес редакции (для писем):
111397, г. Москва,
Зеленый проспект, 22-302.

Home page:
www.education.law-books.ru

E-mail:
mail@law-books.ru

С 2011 года журнал «Образование и право» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

С 28 декабря 2015 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по специальностям: 12.00.01, 12.00.02.

С 20 июля 2022 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ) по специальностям:

- 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»;
- 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»;
- 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Образование и право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Международный совет:

Ари Палениус, проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан, проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг, проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка, проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Сун Ян – старший преподаватель исследовательского управления идейно-политического воспитания Гуйчжоуского профессионального колледжа здравоохранения

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

International Council:

Ari Palenius, prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan, prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng, prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka, prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene, prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

宋 杨 – 讲师 思政教学研究部 贵州健康职业学院

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Редакционный совет:

Председатель: С.А. Иванова – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

Э.Б. Абдуллин – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологий педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

С.А. Барков – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ж.А. Бокоев – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

В.Т. Волков – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, доктор экономических наук, доктор социологических наук, доктор технических наук, доктор физико-математических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой «Естественные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Жуков – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

С.Д. Каракозов – доктор педагогических наук, профессор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почетный доктор философии университета «EuroSwiss»

С.В. Молчанов – учёный секретарь ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», кандидат юридических наук, доцент

А.В. Морозов – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Ф.Ш. Мухаметзянова – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГОУ ВПО «Казанский Государственный Институт Культуры»

Р.М. Мырзалимов – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Н.К. Потоцкий – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Л.А. Рапацкая – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

К.Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республика Казахстан (2007 г., 2013 г.).

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Л.А. Тхабисимова – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

М.А. Эскиндаров – ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член Научного Совета при Совете Безопасности Российской Федерации, действительный член РАЕН

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Первый заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора по научному развитию: **Р.Б. Гандалоев**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Научного исследовательского сектора Ингушского государственного университета.

Заместитель главного редактора: **В.Б. Рыжов**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Е.Г. Багреева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.В. Барков – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

Н.И. Беседкина – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Е.В. Богданов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор

Е.В. Виноградова – доктор юридических наук, профессор. И.о. первого заместителя директора Института государства и права Российской академии наук

Е.В. Воевода – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

А.В. Гаврилина – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социологии Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, действительный член Академии педагогических и социальных наук

М.А. Газимагомедов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции, доцент кафедры прикладной информатики в юриспруденции Дагестанского государственного технического университета, член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН)

М.А. Гончаров – доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

С.А. Гримальская – кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования эконо-

мической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

М.М. Дикажев – доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

И.В. Дойников – доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

В.Б. Израелян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы

Р.А. Каламкарян – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

В.П. Камышанский – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.С. Канюк – доктор педагогических наук, доцент, профессор РАО, проректор по научной, образовательной деятельности и молодежной политике ФГБОУ ВО «Гжельский государственный университет»

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

Н.Н. Косаренко – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Н.В. Кроткова – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук

В.Л. Кубышко – начальник Департамента кадрового обеспечения МВД России

З.И. Курцева – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института филологии Московского педагогического государственного университета

А.Н. Левушкин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

П.Г. Межидова – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии Наук Чеченской Республики, г. Грозный

В.Э. Меламуд – доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы

В.С. Месков – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластенина Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета

А.Х. Миндагулов – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

В.О. Миронов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ю.В. Николаева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Г.М. Резник – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

А.В. Рогова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Н.В. Семенова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихо-океанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.Б. Синельников – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

А.А. Соловьев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета (МПГУ)

Д.С. Сомов – доктор педагогических наук, врио ректора Гжелского государственного университета

Т.А. Сошникова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

А.А. Спектор – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Р.Ф. Степаненко – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Д.П. Стригунова – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В.Н. Ткачев – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

Н.Е. Толстая – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института

А.Г. Тюриков – доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

М.С. Халиков – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Н.П. Ходакова – доктор педагогических наук, профессор, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

Г.Г. Черемных – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, нотариус г. Москвы, член Правления Московской городской нотариальной палаты

Х.С. Шагбанова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член-корреспондент РАЕН

Г.Г. Шинкарецкая – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Эриашвили Н.Д. * Об укреплении федерализма посредством присоединения вновь образованных субъектов Российской Федерации 13

Калугин В.И. * Правовое регулирование иностранных инвестиций в России: защита прав иностранных инвесторов из недружественных стран 17

Родыгина Н.Ю., Ковалева А.А., Еропкина И.В., Бобрышев Д.Д. * Ключевые направления сотрудничества России и Индии и анализ существующего уровня сотрудничества в торговле товарами и услугами 22

Балагуров А.М., Борисова А.Н. * Правовой статус Президента Республики Беларусь: конституционные основы и актуальные вопросы 29

Галлямов Д.Р. * Суд истории для уроков современности: от Нюрнберга к Токио 38

Кузнецов А.И., Голубкова Д.С. * Правовые аспекты функционирования авиации в условиях санкционного давления 44

Кулешов Г.Н., Почалина Л.Н., Чинарян Е.О., Большакова О.Г., Лутовинова Н.В. * Концепция государства всеобщего благосостояния: подходы и типы 48

Подосинникова Л.А. * Внутренний правовой суверенитет в контексте российской правовой системы 54

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Иванников Ф.В. * Роль цифровых технологий в правовом статусе личности 65

Антонова Н.В. * Правовое регулирование социальной защиты и социального обеспечения участников СВО и членов их семей: общее состояние и перспективы развития 68

Кулешов Г.Н., Рогова Т.М., Чинарян Е.О., Большакова О.Г., Лутовинова Н.В. * Принцип всеобщего уважения прав и свобод человека в современном международном праве 82

Образцова В.И. * Правовая охрана и защита персональных данных потребителей 88

Гумерова Э.Ф., Шумсутдинова А.М. * Защита прав потребителей в условиях цифровой экономики: проблемы и перспективы онлайн-торговли 93

Старов Д.А., Шигонина Л.А. * Право ребенка быть заслушанным в ходе судебного и административного разбирательства: зарубежное законодательство и практика в контексте международных обязательств 99

Ястремский И.А. * Некоторые аспекты осуществления и ограничения гражданских прав пациента клиники пластической хирургии 107

Минасян Г.М., Гери́на-Войки́на Е.В. * Проблемы соблюдения прав несовершеннолетних при обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество и выселении и их защита 111

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Басангов Д.А. * Цифровизация в праве Евразийского экономического союза: правовой мониторинг и вопросы методологии 118

Ларичев В.П. * Трансформация избирательного процесса в условиях цифровизации в Российской Федерации 128

Волков О.Е. * Проблема полномочий Совета Федерации в общей структуре власти Российской Федерации 134

POLITICS AND LAW

Eriashvili N.D. * On strengthening federalism through the incorporation of newly formed entities of the Russian Federation 13

Kalugin V.I. * Legal regulation of foreign investments in Russia: protection of the rights of foreign investors from unfriendly countries 17

Rodigina N.Yu., Kovaleva A.A., Eropkina I.V., Bobryshev D.D. * Key areas of cooperation between Russia and India and analysis of the existing level of cooperation in trade in goods and services 22

Balagurov A.M., Borisova A.N. * The legal status of the President of the Republic of Belarus: constitutional foundations and current issues 29

Gallyamov D.R. * The Court of History for the lessons of modernity: from Nuremberg to Tokyo 38

Kuznetsov A.I., Golubkova D.S. * Legal aspects of aviation functioning under sanctions pressure 44

Kuleshov G.N., Pochalina L.N., Chinaryan E.O., Bolshakova O.G., Lutovinova N.V. * Welfare state concept: approaches and types 48

Podosinnikova L.A. * Internal legal sovereignty in the context of the Russian legal system 54

HUMAN RIGHTS

Ivannikov F.V. * The role of digital technologies in the legal status of the individual 65

Antonova N.V. * Legal regulation of social protection and social security of the participants of the SVO and their family members: general state and development prospects 68

Kuleshov G.N., Rogova T.M., Chinaryan E.O., Bolshakova O.G., Lutovinova N.V. * Principle of universal respect for human rights and freedoms in contemporary international law 82

Obraztsova V.I. * Legal protection and protection of personal data of consumers 88

Gumerova E.F., Shumsutdinova A.M. * Consumer protection in the digital economy: problems and prospects of online commerce 93

Starov D.A., Shigonina L.A. * The child's right to be heard during judicial and administrative proceedings: foreign legislation and practice in the context of international obligations 99

Yastremsky I.A. * Some aspects of the exercise and limitation of civil rights of a patient at a plastic surgery clinic 107

Minasyan G.M., Gerina-Voyukina E.V. * Problems of observing the rights of minors in foreclosure on mortgaged real estate and eviction and their protection 111

PUBLIC LAW

Basangov D.A. * Digitalisation in the Law of the Eurasian Economic Union: Legal Monitoring and Methodological Issues 118

Larichev V.P. * Transformation of the electoral process in the context of digitalization in the Russian Federation 128

Volkov O.E. * The problem of the powers of the Federation Council in the general structure of government of the Russian Federation 134

Сорокина Е.В., Шилова А.С. * Особенности правоприменительной практики по вопросам финансово-правовых отношений в связи с импортозамещением 138

Платов Е.В. * Надзор в сфере противодействия коррупции как публично-правовая функция прокуратуры 146

Ковалев С.В. * Коррупция на этапе строительного контроля и надзора 151

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Соловьев А.А., Шеяфетдинова Н.А., Розанова Е.В., Портная Е.Б. * Теоретико-правовые аспекты содержания принципа нравственности государственного управления 154

Шеркунов С.А., Рыжов В.Б. * Роль стратегического планирования в управлении развитием социально-экономических систем 161

Спектор А.А., Недова Н.С., Бакулин В.М. * Актуальные проблемы правового регулирования использования информационных (цифровых) технологий при осуществлении публичной власти и в публичном управлении 168

Абрамов В.С. * К вопросу о правовом положении российского мегарегулятора и отдельных аспектах издания технико-юридических норм 174

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Писарев А.Н. * Президент Российской Федерации – гарант гражданского мира и согласия в стране: конституционно-правовые аспекты 177

Чинарян Е.О., Кулешов Г.Н., Чинарян Е.А., Смагин А.А., Лутовинов С.Б. * Принцип социального государства в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации 187

Тороп Ю.В. * Конституционно-правовые механизмы формирования ценностных ориентиров российской молодежи 192

Кулешов Г.Н., Почалина Л.Н., Чинарян Е.О., Чинарян Е.А., Лутовинов С.Б. * Сравнительно-правовой анализ конституционных основ социального государства (на примере Германии и России) 200

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Талянин В.В., Войде Е.Г., Удодов А.Г. * Кодификация гражданского права в Германии: политические противоречия и юридические решения 204

Абдуллаев Р.А. оглы * Корпоративная составляющая в торговом праве Турции 210

Ботанцов И.В., Вдовиченко С.С., Перегуда Е.С. * Международная правосубъектность Европейского Союза в сравнении с другими международными организациями 218

Рагимов А.А., Рамазанова А.А. * Формирование и развитие государственно-правовой мысли в странах Арабского Востока 224

Савостьянова С.А., Ратников Г.А. * Проблемы применения международного опыта использования цифровых валют центральных банков (CBDC) в Российской Федерации 235

Зассеева А.С. * Проблемы международно-правового статуса непризнанных государств - Республики Абхазия и Южная Осетия 239

Мамаева Л.М. * Проблема отсутствия обязательной доли в наследстве в КНР 249

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Со Л. * Внешняя политика России при Екатерине II 252

Бровкин Д.В., Браженская Н.Е. * Преступления против правосудия в истории права России 258

Sorokina E.V., Shilova A.S. * Peculiarities of law enforcement practice on financial and legal relations in connection with import substitution 138

Platov E.V. * Supervision in the field of anti-corruption as a public legal function of the Prosecutor's office 146

Kovalev S.V. * Corruption at the stage of construction control and supervision 151

MANAGEMENT THEORY

Solovyev A.A., Sheiafetdinova N.A., Rozanova E.V., Portnaya E.B. * Theoretical and legal aspects of the content of the principle of morality of public administration 154

Sherkunov S.A., Ryzhov V.B. * The role of strategic planning in managing the development of socio-economic systems 161

Spector A.A., Nedova N.S., Bakulin V.M. * Actual problems of legal regulation of the use of information (digital) technologies in the exercise of public power and in public administration 168

Abramov V.S. * On the issue of the legal status of the Russian mega-regulator and certain aspects of the publication of technical and legal norms 174

CONSTITUTIONAL LAW

Pisarev A. * President of the Russian Federation - guarantor of civil peace and harmony in the country: constitutional and legal aspects 177

Chinaryan E.O., Kuleshov G.N., Chinaryan E.A., Smagin A.A., Lutovinov S.B. * Principle of the social state as interpreted by the constitutional court of the Russian Federation 187

Torop Yu.V. * Constitutional-legal mechanisms of formation of value orientations of the Russian youth 192

Kuleshov G.N., Pochalina L.N., Chinaryan E.O., Chinaryan E.A., Lutovinov S.B. * Comparative legal analysis of the constitutional foundations of the social state (on the example of Germany and Russia) 200

THE HISTORY OF THE STATE AND THE LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Talyanin V.V., Voyde E.G., Udodov A.G. * Codification of civil law in Germany: political controversies and legal decisions 204

Abdullaev R.A. ogly * The Corporate Component of Turkish Commercial Law 210

Botantsov I.V., Vdovichenko S.S., Pereguda E.S. * Legal personality of the European Union in comparison with other international organizations 218

Rahimov A.A., Ramazanov A.A. * Formation and development of state-legal thought in the countries of the Arab East 224

Savostyanova C.A., Ratnikov G.A. * Problems of applying international experience in using central bank digital currencies (CBDCs) in the Russian Federation 235

Zasseeva A.S. * Problems of the international legal status of the unrecognized States - the Republics of Abkhazia and South Ossetia 239

Mamayeva L.M. * The problem of the lack of a mandatory share in inheritance in China 249

HISTORY OF THE RUSSIAN STATE AND LAW

Suo L.F. * Foreign policy of Russia under Catherine II 252

Brovkin D.V., Brazhenskaya N.E. * Crimes against justice in the history of Russian law 258

Левчук С.В. * «Чёрно-белые пятна» в вопросе депортации некоторых национальных групп населения СССР в годы Великой Отечественной Войны	263
Рабейкин Д.Ю. * Оценка эффективности реализации законодательства о кооперации в эпоху НЭПа	269
Хорунжий И.А. * Эволюция системы государственных закупок в СССР: от революционного эксперимента к плановой экономике	274
Пазов И.С. * Криминалистическая регистрация в Российской Империи (19-20 вв.): исторический опыт прошлого	280
Агаева А.А. * Правовой статус государственных автономных учреждений (на примере Хабаровского края)	288
Мохова А.В. * Правовая политика в области отечественного здравоохранения в 1930-е годы (на примере Хакасии)	294
ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА	
Лебедев М.С. * Правовое регулирование как специальный вид нормативного регулирования	299
Мелконян В.Г. * Принцип единства судебной практики в системе правовых принципов: теоретико-правовой анализ взаимосвязи	303
Косовская В.А. * Проблемы эффективности применения коллизионных норм при регулировании частноправовых отношений с иностранным элементом	308
Шахмамetyев А.А. * Национальные источники международного валютного права (на примере России)	313
Радионон Н.С. * Допустимость субсидиарной ответственности супруга в рамках дела о банкротстве физического лица, состоящего в браке	318
Выймов И.В. * Гонорар успеха: первый этап становления правоприменительной практики	321
ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО	
Алешина А.В. * Эффективность нормотворческой деятельности международных организаций в современных условиях	327
Касутина М.С. * Роль судебных реформ в развитии российского суда с X в. до середины XX в.	331
Шахмамetyев А.А. * Международные акты как источники валютного права	338
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	
Кривельская О.В. * Актуальные проблемы внесудебного и судебного разрешения дел об административных правонарушениях, выявляемых в ходе контрольно-надзорных мероприятий	343
Соколова Л.В. * Использование искусственного интеллекта для выявления нарушений антимонопольного законодательства	351
ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	
Петрухин К.И. * Злоупотребление правом в сфере интеллектуальной собственности	359
Багдасаров А.И. * Интеллектуальная деятельность и ее результаты: теоретико-методологические подходы к определению правовой природы	365
Жихарев Д.П. * Механизмы государственного регулирования и принципы саморегулирования в сфере функционирования аудиовизуальных сервисов	371
Демидов А.Н. * Правовая природа авторских прав на цифровой контент: теоретико-правовой аспект	374
Ратников Д.А. * К вопросу о необходимости определении сходства до степени смешения обозначений в спорах о досрочном прекращении правовой охраны товарных знаков в связи с неиспользованием: анализ судебной практики	380

Levchuk S.V. * «Black and white spots» in the issue of deportation of some national groups of the population of the USSR during the Great Patriotic War	263
Rabeykin D.Yu. * Assessment of the effectiveness of the implementation of legislation on cooperation in the era of NEP	269
Khorunzhiy I.A. * The evolution of the public procurement system in the USSR: from a revolutionary experiment to a planned economy	274
Pazov I.S. * Criminalistic registration in the Russian Empire (19th-20th centuries): historical experience of the past	280
Agaveva A.A. * Legal status of state autonomous institutions (on the example of the Khabarovsk Territory)	288
Mokhova A.V. * Legal policy in the field of domestic healthcare in the 1930s (using the example of Khakassia)	294
INTERPRETATION OF LAW	
Lebedev M.S. * Legal regulation as a special type of regulatory regulation	299
Melkonyan V.G. * The principle of uniformity of judicial practice in the system of legal principles: a theoretical and legal analysis of interconnections	303
Kosovskaya V.A. * Problems of the effectiveness of the application of conflict-of-laws rules in regulating private law relations with a foreign element	308
Shakhmametyev A.A. * National sources of international monetary law (on the example of Russia)	313
Radionov N.S. * The admissibility of subsidiary liability of a spouse in the bankruptcy case of a married individual	318
Vyimov I.V. * Success fee: the first stage of law enforcement practice formation	321
LEGAL EDUCATION AND LAW-MAKING	
Aleshina A.V. * The effectiveness of the normative activity of international organizations in modern conditions	327
Kasutina M.S. * The role of judicial reforms in the development of the Russian court from the tenth century to the middle of the twentieth century.	331
Shakhmametyev A.A. * International acts as sources of currency law	338
ADMINISTRATIVE LAW	
Krivelskaya O.V. * Actual problems of extrajudicial and judicial resolution of cases of administrative offenses detected during control and supervisory measures	343
Sokolova L.V. * The use of artificial intelligence to detect violations of antimonopoly legislation	351
INTELLECTUAL PROPERTY LAW	
Petrukhin K.I. * Abuse of intellectual property rights	359
Bagdasarov A.I. Intellectual activity and its results: theoretical and methodological approaches to the definition of legal nature	365
Zhikharev D.P. * Mechanisms of state regulation and principles of self-regulation in the field of functioning of audiovisual services	371
Demidov A.N. * The legal nature of digital content copyrights: theoretical and legal aspect	374
Ratnikov D.A. * On the need to determine similarity to the extent of confusion in disputes on early termination of legal protection of trademarks due to non-use: analysis of judicial practice	380

Езерская Ю.А. * Трансформации функционального назначения товарных знаков в условиях развития и цифровизации современного общества 386

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Дубень А.К. * Электронное правосудие в цивилистическом процессе на примере института судебного извещения 391

Исмаилов М.И. оглы * Подсудность в системе гарантий права на законный суд в уголовном судопроизводстве 396

Миронов И.А. * Исторические аспекты создания арбитражного суда в России и формирование его аппарата 403

Колесникова М.М. * Некоторые особенности доказывания при принятии судебных решений по делам о защите прав потребителей 409

Михайлов В.В., Корнилов А.Р. * Цифровизация в судебной системе Российской Федерации 415

Артышко К.В., Озеров О.Э. * О природе права на справедливое судебное разбирательство в цивилистическом процессе 420

Бондарева О.Ю., Крупина К.Д. * Особенности участия третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований в гражданском процессе 425

Долгов Д.С., Гудкова Д.Р. * Судебная защита прав на криптовалюту в Российской Федерации 430

Затеева Д.А. * Стандартизация предмета доказывания в гражданском судопроизводстве 434

Артышко К.В., Озеров О.Э. * Отдельные проблемы института электронных доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве 441

Проваткина В.Е., Волошина Т.В. * Анализ приведения в исполнения решений, вынесенных Международным коммерческим арбитражным судом 446

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Семенов Д.М., Кириллова А.П. * Ретроактивная оговорка в предпринимательских сделках 451

Ногтиков Д.В. * Правовые основы гражданско-правового положения индивидуального предпринимателя в Российской Федерации 456

Радионон Н.С. * Участие супруга при заключении мирового соглашения в рамках дела о банкротстве физического лица, состоящего в браке 460

Фоминых А.В. * О проблеме отказа в предоставлении потребительских кредитов и займов 463

Блинов А.Е. * Особенности правового регулирования лизинговой деятельности 468

Ястремский И.А. * Правоотношение пациента с клиникой пластической хирургии как потребителя платных медицинских услуг 474

Керимова А.И., Гаджимагомедова Ш.С., Халиков А.С., Хаджиева П.М. * Нормативное обеспечение деятельности врачей функциональной диагностики 478

Петрухин М.В. * К вопросу возмещения вреда третьим лицам при выполнении строительных работ 484

Астафьев М.В. * Изменение правового механизма подтверждения вещных прав на воздушные суда в современных условиях – тенденции и предложения 488

СПОРТИВНОЕ ПРАВО

Реди Е.В., Попова Е.Д. * Роль физических упражнений в профилактике профессиональных заболеваний студентов технических специальностей 494

Лозовой А.А., Лозовая М.А., Шевчук Ю.В. * Мотивация молодежи к физической активности: проблемы и пути развития 497

Ezerskaya Yu.A. * Transformations of the functional purpose of trademarks in the context of development and digitalization of modern society 386

JUSTICE AND JUDICIAL PRACTICE

Duben A.K. * Electronic justice in the civil process on the example of the institution of judicial notification 391

Ismailov M.I. oglu * Jurisdiction in the system of guarantees of the right to a lawful trial in criminal proceedings 396

Mironov I.A. * Historical aspects of the creation of the arbitration court in Russia and the formation of its staff 403

Kolesnikova M.M. * Some features of evidence in making court decisions on consumer protection cases 409

Mikhailov V.V., Kornilov A.R. * Digitalization in the judicial system of the Russian Federation 415

Artyshko K.V., Ozerov O.E. * On the nature of the right to a fair trial in the civil process 420

Bondareva O.Yu., Krupina K.D. * Features of the participation of third parties who do not make independent claims in the civil process 425

Dolgov D.S., Gudkova D.R. * Judicial protection of cryptocurrency rights in the Russian Federation 430

Zateeva D.A. * Standardization of the subject of evidence in civil proceedings 434

Artyshko K.V., Ozerov O.E. * Selected problems of the institute of electronic evidence in civil and arbitration proceedings 441

Provatkina V.E., Voloshina T.V. * Analysis of enforcement of decisions rendered by the International Commercial Arbitration Court 446

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Semenov D.M., Kirillova A.P. * Retroactive clause in business transactions 451

Nogtikov D.V. * Legal basis of civil status of an individual entrepreneur in the Russian Federation 456

Radionov N.S. * Spouse's participation in the conclusion of a settlement agreement in the bankruptcy case of a married individual 460

Fominykh A.V. * On the problem of refusal to provide consumer loans and loans 463

Blinov A.E. * Features of the legal regulation of leasing activities 468

Yastremsky I.A. * The patient's legal relationship with the plastic surgery clinic as a consumer of paid medical services 474

Kerimova A.I., Gadzhimagomedova Sh.S., Khalikov A.S., Khadzhieva P.M. * Regulatory support for the activities of functional diagnostics doctors 478

Petrukhin M.V. * On the issue of compensation for harm to third parties when performing construction work 484

Astafyev M.V. * The change of legal mechanism of the confirmation of the rights in rem on aircraft at the present time – tendencies and suggestions 488

SPORTS LAW

Redi E.V., Popova E.D. * The role of physical exercises in the prevention of occupational diseases of technical students 494

Lozovoy A.A., Lozovaya M.A., Shevchuk Yu.V. * Motivation of youth to physical activity: problems and ways of development 497

Хадиева А.Р., Бариева Э.Р., Королев А.Э. * Исследование специфики психологической подготовки в индивидуальных и командных видах спорта	502
Ишутин А.В., Шкапов П.Ю., Кошелев П.С., Шабалина Д.А. * Практическое дополнение высокоинтенсивными интервальными нагрузками спортсменов, специализирующихся на игровых видах спорта	507
Лозовой А.А., Лисовик А.Н., Люлина Н.В. * Современное значение физической культуры и спорта в глобальном и национальном контексте	511
МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	
Михайлов А.В. * Вопросы правового регулирования труда профессорско-преподавательского состава вузов (на примере Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ))	515
Макарова Т.Н., Сорокина Н.И., Степанов Р.И., Волкова С.А., Шакирова Е.Р. * Интеграция зарубежной художественной прозы в систему обучения профессиональному иноязычному общению студентов ветеринарной специальности	521
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Седова Т.В. * Синонимический ряд к слову «сквоттер» (на материале испанского и русского языков)	526
Волкова С.А., Шикирова Е.Р., Сорокина Н.И., Степанов Р.И., Макарова Т.Н. * Особенности ценностно-смыслового подхода при формировании у обучающихся естественно-научной картины мира	530
Окриашвили Т.Г., Ксенофонтов Е.А. * Элементы научной школы естественного права в Казанском университете в первой четверти XIX в.: историко-правовое исследование	535
Пырченкова Г.С., Фирсова И.А. * Кибербуллинг в подростковой среде: причины, последствия, меры предупреждения	541
Кадимова Н.А. * Формирование правовой функциональной грамотности учащихся: путь к успешной социализации и практическому применению знаний	546
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС	
Жмуров Д.В. * Криминальная афiliation	552
Османов М.М. * Всемирная сеть Интернет как площадка для пропаганды экстремистской идеологии: масштабы и каналы реализации	557
Шестак В.А., Хуртин Т.И. * О целесообразности правовой регламентации разведки по открытым источникам (OSINT) в уголовно-процессуальном законодательстве	562
Абаев Н.Б. * Трансформация криминальной сферы российского общества: концептуальные основы и развитие системы государственного противодействия	569
Демидов О.Г. * К вопросу о видах юридической ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы	575
Рябко Н.В., Османов М.М., Медведев В.В. * Противодействие финансированию цифрового терроризма в Российской Федерации: правовые проблемы и механизмы взаимодействия	581
Габибуллаев К.М. * Значимость предупреждения коррупционных правонарушений для обеспечения правопорядка и безопасности общества в России	586
Казберов П.Н. * Воспитательная работа как основное средство исправительного воздействия на осужденных: принципы, методы, формы	592
Искандаров Р.Р. * Роль семьи в процессе реабилитации наркозависимых осужденных: теоретический анализ и перспективы применения семейной терапии	596
Махнева П.А., Попова Д.К. * Преступные группы в основаниях ответственности по нормам особенной части УК РФ	600

Khadiyeva A.R., Barieva E.R., Korolev A.E. * Study of the specifics of psychological training in individual and team sports	502
Ishutin A.V., Shkapov P.Yu., Koshelev P.S., Shabalina D.A. * Practical addition of high-intensity interval training for athletes specializing in game sports	507
Lozovoy A.A., Lisovik A.N., Lyulina N.V. * The modern significance of physical culture and sports in a global and national context	511
MODERNIZATION OF EDUCATION	
Mikhailov A.V. * Issues of legal regulation of the work of university professors (using the example of Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI))	515
Makarova T.N., Sorokina N.I., Stepanov R.I., Volkova S.A., Shakirova E.R. * Integration of foreign fiction into the system of teaching professional foreign language communication to veterinary students	521
PEDAGOGICAL SCIENCES	
Sedova T.V. * Synonymic rows for the word "squatter" (based on spanish and russian languages)	526
Volkova S.A., Shikirova E.R., Sorokina N.I., Stepanov R.I., Makarova T.N. * Features of the value-semantic approach in the formation of students' natural science picture of the world	530
Okriashvili T.G., Ksenofontov E.A. * Elements of the scientific school of natural law at Kazan University in the first quarter of the 19th century: historical and legal research	535
Pyrchenkova G.S., Firsova I.A. * Cyberbullying in the adolescent environment: causes, consequences, preventive measures	541
Kadimova N.A. * Formation of students' legal functional literacy: a path to successful socialization and practical application of knowledge	546
CRIMINAL LAW AND PROCESS	
Zhmurov D.V. * Criminal affiliation	552
Osmanov M.M. * The world wide web as a platform for propaganda of extremist ideology: scale and channels of implementation	557
Shestak V.A., Khurtin T.I. * On the expediency of legal regulation of open source intelligence (OSINT) in criminal procedure legislation	562
Abaev N.B. * Transformation of the criminal sphere of Russian society: conceptual foundations and development of the system of state counteraction	569
Demidov O.G. * On the issue of the types of legal liability of employees of the penal enforcement system	575
Ryabko N.V., Osmanov M.M., Medvedev V.V. * Counteraction to the financing of digital terrorism in the Russian Federation: legal problems and mechanisms of interaction	581
Gabibullaev K.M. * Importance of preventing corruption offences for law enforcement and public safety in Russia	586
Kazberov P.N. * Educational work as the main means of correctional influence on convicts: principles, methods, forms	592
Iskandarov R.R. * The role of the family in the rehabilitation of drug-addicted convicts: a theoretical analysis and prospects for the use of family therapy	596
Makhneva P.A., Popova D.K. * Criminal groups in the grounds of responsibility under the norms of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation	600

Ахмадуллин А.С. * Уголовная статистика как инструмент выявления процессуальных нарушений	604
Волкова А.Ю. * Выявление и устранение некоторых проблем комплектования кадрового состава УИС	609
Соснин А.А. * Имущественные предпочтения гражданина-должника в ходе осуществления процедуры несостоятельности	613
Искандаров Р.Р. * Использование технологий виртуальной реальности в коррекции агрессивного поведения и тревожных расстройств у осужденных	620
ТРУДОВОЕ ПРАВО	
Шувалова П.А., Сошенко М.В., Шмырев В.И., Климова Е.В., Лутовинова Н.В. * Оценка и управление профессиональными рисками в системе управления охраной труда на примере предприятия ООО «Альсин»	624
ЦИФРОВОЕ ПРАВО	
Аскеров Н.Н. * Правовое регулирование криптовалюты в Иране	630
Долгов Д.С., Гудкова Д.Р. * Правовое регулирование майнинга криптовалют в России в условиях современного законодательства	636
Филина Н.В., Гудков Ю.А., Сенин И.Н. * Цифровые права человека: концепция, содержание и механизмы	639
Раевский Д.И. * Электронные юридические лица в Российской Федерации – основное лицо в будущем предпринимательства?	645
Ястремский И.А. * Преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта в пластической хирургии	650
Тихомиров А.А. * Цифровые финансовые активы как объект предпринимательских отношений	655
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО	
Гусаров А.В. * Квалифицированное молчание законодателя и эколого-правовой риск: проблемы соотношения	660
Мелентьев А.В. * Этапы тактической подготовки спецопераций в высотных зданиях с использованием альпинистского снаряжения	664
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА	
Ярошук И.А. * Метафорическая природа терминопорождения в языке права	669
Седова Т.В. * Морально-этическая оценка синонимии (на материале испанского и русского языков)	676
Григорьев Е.Г. * Правовые аспекты формирования сибирских воеводских учреждений	681
Мухаметзянова Ф.Г., Кочура А.С., Самошина А.Н., Яруллина А.Ш. * Влияние физической активности на психическое здоровье студентов и преподавателей вуза	684
Романова Т.В. * Роль энергетических ресурсов Центральной Азии и Закавказья в контексте их влияния на энергетическую безопасность в рамках ЕАЭС	692
Шестак В.А., Тихоненко А.Е. * Изменения в реализации накопительно-ипотечной системы обеспечения жильем военнослужащих в связи с проведением специальной военной операции	699
Шульга М.В. * Понятие и виды правосознания: теоретико-правовой аспект	704
Дорская А.А., Корнаухова В.Д. * Защита медицинских формирований во время вооружённых конфликтов: проблемы эффективности правоприменения	707

Akhmadullin A.S. * Criminal statistics as a tool for detecting procedural violations	604
Volkova A.Y. * Identification and elimination of some problems of recruitment of personnel of the management system	609
Sosnin A.A. * Property preferences of a debtor citizen during the insolvency procedure	613
Iskandarov R.R. * The use of virtual reality technologies in the correction of aggressive behavior and anxiety disorders in convicts	620
LABOR LAW	
Shuvalova P.A., Soshenko M.V., Shmyrev V.I., Klimova E.V., Lutovinova N.V. * Assessment and management of occupational risks in the occupational health and safety management system using Alsin LLC as an example	624
DIGITAL LAW	
Askerov N.N. * Legal regulation of cryptocurrencies in Iran	630
Dolgov D.S., Gudkova D.R. * Legal regulation of cryptocurrency mining in Russia under modern legislation	636
Filina N.V., Gudkov Yu.A., Senin I.N. * Digital human rights: concept, content and mechanisms	639
Raevsky D.I. * Are electronic legal entities in the Russian Federation the main face in the future of entrepreneurship?	645
Yastremsky I.A. * Advantages and disadvantages of using artificial intelligence in plastic surgery	650
Tikhomirov A.A. * Digital financial assets as an object of entrepreneurial relations	655
ENVIRONMENTAL LAW	
Gusarov A.V. * Qualified silence of the legislator and environmental and legal risk: problems of correlation	660
Melentyev A.V. * The stages of tactical preparation of special operations in high-rise buildings using climbing equipment	664
HISTORY AND CULTURE	
Yaroshchuk I.A. * The metaphorical nature of terminology in the language of law	669
Sedova T.V. * Moral and ethical appraisal of synonymy (based on Spanish and Russian languages)	676
Grigoriev E.G. * Legal aspects of the formation of Siberian voivodeship institutions	681
Mukhametzyanova F.G., Kochura A.S., Samoshina A.N., Yarullina A.Sh. * The impact of physical activity on mental health university students and teachers	684
Romanova T.V. * The Role of Energy Resources of Central Asia and Transcaucasia in the Context of Their Impact on Eurasian Energy Security and Integration	692
Shestak V.A., Tikhonenko A.E. * The changes in the implementation of the funded mortgage housing system for military personnel in connection with a special military operation	699
Shulga M.V. * Concept and types of legal awareness: theoretical and legal aspect	704
Dorskaya A.A., Kornaukhova V.D. * Protection of medical units during armed conflicts: challenges to effective law enforcement	707

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-13-16

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
профессор кафедры частного права Государственного
университета управления,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБ УКРЕПЛЕНИИ ФЕДЕРАЛИЗМА ПОСРЕДСТВОМ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВНОВЬ ОБРАЗОВАННЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье на основе анализа юридической литературы и законодательства об укреплении федерализма посредством присоединения вновь образованных субъектов Российской Федерации обосновано несколько суждений: федерализм может рассматриваться основой федеративного устройства Российской Федерации; федеративное устройство Российской Федерации представляет совокупность субъектов Российской Федерации, исчерпывающий перечень которых предусмотрен в статье 65 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. (с последующими изменениями и дополнениями); расширение перечня субъектов Российской Федерации может рассматриваться как укрепление федерализма.

Ключевые слова: государство, Российская Федерация, субъект Российской Федерации, законодательство, нормативный правовой акт, система нормативных правовых актов, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., федеративное устройство, федерализм.

ERIASHVILI N.D.,
Candidate of Law,
Candidate of Historical Sciences,
Doctor of Economics, Professor,
Honorary Worker of Education of the Russian Federation,
laureate of the Government of the Russian Federation in the field of education,
Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure
of the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Professor of the Department of Private Law of the State University of Management

ON STRENGTHENING FEDERALISM THROUGH THE INCORPORATION OF NEWLY FORMED ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *Based on the analysis of the legal literature and legislation on strengthening federalism through the accession of newly formed subjects of the Russian Federation, the article substantiates several judgments: federalism can be considered the basis of the federal structure of the Russian Federation; The federal structure of the Russian Federation is a set of subjects of the Russian Federation, an exhaustive list of which is provided for in Article 65 of the Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993 (with subsequent amendments and additions); The expansion of the list of subjects of the Russian Federation can be considered as a strengthening of federalism.*

Key words: *state, Russian Federation, subject of the Russian Federation, legislation, normative legal act, system of normative legal acts, Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, federal structure, federalism.*

Предметом данной статьи является влияние на федерализм присоединения вновь образованных субъектов Российской Федерации.

Первоначально о состоянии теории.

Так, С.В. Морозова осуществила историко-правовой анализ истоков федерализма и становления нынешней модели государственного управления в Российской Федерации. По мнению названного автора, существуют и позитивные, и негативные аспекты федерализма, направленного на формирование гармоничных отношений между субъектами Федерации и федеральным центром на основе справедливого и демократичного разделения государственной власти [3].

С.В. Нарутто проанализировала особенности федеративной государственно-правовой системы Российской Федерации: заложенный Конституцией РФ потенциал в отношении федеративной государственно-правовой системы себя еще не исчерпал [4].

В.В. Гошуляк на основе анализа докладов и заключений Европейской комиссии «За демократию через право» (Венецианская комиссия) относительно федеративного устройства государств высказал суждение о том, что Венецианская комиссия как авторитетный консультативный орган в сфере конституционного права выработала рекомендации относительно федеративного устройства государств, в которых указывается на отсутствие единой модели федерализма ибо у каждого государства она своя. При этом Венецианская комиссия классифицировала федерации мира (симметричные и асимметричные, конституционные и договорные, построенные по национальному и территориальному принципам); выявила тенденцию к расширению полномочий субъектов федерации (децентрализации) и определила пути разделения полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти (законодательные и договорные) [1].

Т.И. Шайхеев обратил внимание на систему федерализма и ее влияние на конституционные права граждан избирать и быть избранными, осу-

ществлять власть непосредственно или через своих представителей: некоторые субъекты Российской Федерации возлагают неоправданно завышенные надежды на финансирование со стороны Российской Федерации тех проектов, которые могут быть реализованы субъектом Российской Федерации за счет собственных финансовых средств, что побуждает субъекты Российской Федерации расширить свои полномочия путем их законодательного закрепления, или свести к минимуму свои полномочия в целях получения дотаций из федерального центра [8].

Н.А. Филиппова обосновала суждение о том, что конституционно закрепленный принцип единства исполнительной власти в Российской Федерации в пределах исключительного федерального ведения и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения с субъектами Российской Федерации подтверждает специфический правовой механизм согласования публичных территориальных интересов при императиве разделенного государственного управления - механизм публичного посредничества [7].

А.А. Данько рассмотрено коллизийное правовое регулирование федеративных отношений в Российской Федерации: в связи с необходимостью признания и правового оформления сложившихся реалий представляется целесообразным пересмотр конституционного статуса отдельных субъектов Российской Федерации [2].

Многообразие суждений относительно укреплении федерализма посредством присоединения вновь образованных субъектов Российской Федерации во многом предопределено и несовершенством законодательства Российской Федерации.

В первую очередь обращаемся к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. [9] (с последующими изменениями и дополнениями) [10], в которой закреплено федеративное устройство (статьи 65 – 791).

Основу федеративного устройства составляют субъекты Российской Федерации, перечень которых изменяется и на что обращается внимание в юридической литературе.

Так, Д.В. Фетищев и В.Н. Галузо сфокусировали внимание на вновь образованных субъектах Российской Федерации: Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область [5].

Законом РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» («Одобрено Государственной Думой 11 марта 2020 года»; «Одобрено Советом Федерации 11 марта 2020 года») Конституция РФ дополнена статьей 671: «1. Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации. 2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство. 3. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается. 4. Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения».

В Федеральном законе РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 5 марта 2025 г. [11] определены полномочия федеральных органов государственной власти в области местного самоуправления: «1) определение общих принципов организации местного самоуправления в Российской Федерации ...; 2) правовое регулирование по предметам ведения Российской Федерации и в пределах полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации прав, обязанностей и ответственности федеральных органов государственной власти и их должностных лиц, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их должностных лиц в области местного самоуправ-

ления; 3) правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности граждан, органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в области местного самоуправления; 4) правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления наделены федеральными законами ...; 5) правовое регулирование особенностей организации местного самоуправления на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях» - ст. 5).

Таким образом, исследования относительно влияния на федерализм Российской Федерации присоединения вновь образованных субъектов необходимо продолжать.

Во-первых, федерализм может рассматриваться основой федеративного устройства Российской Федерации.

Во-вторых, федеративное устройство Российской Федерации представляет совокупность субъектов Российской Федерации, исчерпывающий перечень которых предусмотрен в статье 65 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. (с последующими изменениями и дополнениями).

В-третьих, расширение перечня субъектов Российской Федерации может рассматриваться как укрепление федерализма.

Список литературы:

- [1] Гошуляк В.В. Конституционная модель российского федерализма в перспективе решений Венецианской комиссии // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9.
- [2] Данько А.А. Коллизионный федерализм в России: проблемы симметрии и асимметрии // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10.
- [3] Морозова А.С. Истоки федерализма в России. Становление современной модели государственного управления: историко-правовой анализ // Российская юстиция. 2015. № 8.
- [4] Нарутто С.В. Единство и многообразие российского федерализма // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9.
- [5] Фетищев Д.В., Галузо В.Н. Об унификации законодательства во вновь образованных субъектах Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11. С. 57-61.
- [6] Фетищев Д.В., Галузо В.Н. О мониторинге законодательства во вновь образованных субъектах Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 29-32.

[7] Филиппова Н.А. Исполнительный федерализм в России: выбор между внепарламентской и парламентской моделями обеспечения интересов субъектов Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 15.

[8] Шайхеев Т.И. Российский федерализм: особенности конституционной модели и проблемы ее практической реализации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 6.

[9] РГ. 1993. 25 декабря.

[10] РГ. 2020. 4 июля.

[11] СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1200.

Spisok literatury:

[1] Goshulyak V.V. Konstitucionnaya model' rossijskogo federalizma v perspektive reshenij Veneцианской комиссии // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9.

[2] Dan'ko A.A. Kollizionnyj federalizm v Rossii: problemy simmetrii i asimmetrii // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10.

[3] Morozova A.S. Istoki federalizma v Rossii. Stanovlenie sovremennoj modeli gosudarstvennogo upravleniya: istoriko-pravovoj analiz // Rossijskaya yusticiya. 2015. № 8.

[4] Narutto S.V. Edinstvo i mnogoobrazie rossijskogo federalizma // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 9.

[5] Fetishchev D.V., Galuzo V.N. Ob unifikacii zakonodatel'stva vo vnov' obrazovannyh sub'ekтах Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 11. S. 57-61.

[6] Fetishchev D.V., Galuzo V.N. O monitoringe zakonodatel'stva vo vnov' obrazovannyh sub'ekтах Ros-sijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 1. S. 29-32.

[7] Filippova N.A. Ispolnitel'nyj federalizm v Rossii: vybor mezhdru vneparlamentskoj i parlamente-skoj modelyami obespecheniya interesov sub'ektov Federacii // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 15.

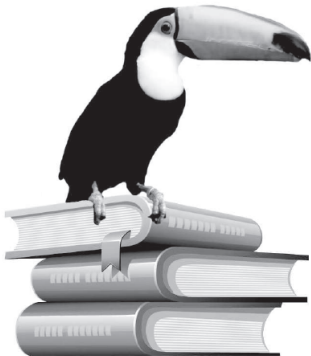
[8] Shajheev T.I. Rossijskij federalizm: osobennosti konstitucionnoj modeli i problemy ee praktich-eskoj realizacii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2015. № 6.

[9] РГ. 1993. 25 декабря.

[10] РГ. 2020. 4 июля.

[11] СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1200.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-17-21

КАЛУГИН Вадим Иванович,
Аспирант кафедры гражданского права и процесса
Академия Труда и Социальных Отношений,
e-mail: Vadimklgn@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИИ: ЗАЩИТА ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТОРОВ ИЗ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ СТРАН

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты правового регулирования прямых иностранных инвестиций в Российской Федерации, действующие ограничения и механизмы защиты прав инвесторов. Прямые инвестиции определяются как приобретение доли в уставном капитале или пакета акций, что позволяет инвестору влиять на управление организацией и получать соразмерную долю от выручки компании. В условиях действующего российского законодательства важным является создание эффективной правовой политики, обеспечивающей защиту прав иностранных инвесторов, особенно в свете введения санкций и ограничений. Основные гарантии инвестиционной деятельности закреплены в международных соглашениях, таких как Сеульская и Вашингтонская конвенции, Конституции РФ и отраслевом законодательстве. Однако с 2022 года рядом подзаконных нормативно-правовых актов были внесены ограничения на возможности иностранных инвесторов, что создает неопределенность и риски в долгосрочной перспективе для экономики России. Эти изменения могут негативно сказаться на инвестиционном климате и снизить интерес иностранных компаний к российскому рынку. Несмотря на существующие механизмы привлечения иностранного капитала, такие как редомициляция и получение статуса «международная компания», необходимо учитывать, что они имеют изолирующий характер и критерии, которым соответствует ограниченное число субъектов предпринимательской деятельности. Важно разработать более гибкие и доступные условия для иностранных инвесторов, чтобы стимулировать приток капитала и обеспечить устойчивое развитие экономики.

Ключевые слова: Прямые инвестиции, иностранные инвестиции, санкции, корпоративные права, защита прав, экономически значимые организации, защита прав, недружественные юрисдикции.

KALUGIN Vadim Ivanovich,
Postgraduate student
of the Department of Civil Law and Procedure
Academy of Labor and Social Relations

LEGAL REGULATION OF FOREIGN INVESTMENTS IN RUSSIA: PROTECTION OF THE RIGHTS OF FOREIGN INVESTORS FROM UNFRIENDLY COUNTRIES

Annotation. The article examines the key aspects of the legal regulation of foreign direct investments in the Russian Federation, the existing restrictions, and the mechanisms for protecting investors' rights. Foreign direct investments are defined as the acquisition of a share in the authorized capital or a block of shares, which allows the investor to influence the management of the organization and receive a proportional share of the company's revenue. In the context of current Russian legislation, it is crucial to create an effective legal policy that ensures the protection of foreign investors' rights, especially in light of the imposition of sanctions and restrictions. The main guarantees for investment activities are enshrined in international agreements, such as the Seoul and Washington Conventions, the Constitution of the Russian Federation, and sectoral legislation. However, since 2022, a number of subordinate regulatory acts have introduced restrictions on the opportunities for

foreign investors, creating uncertainty and risks in the long term for the Russian economy. These changes may negatively impact the investment climate and reduce the interest of foreign companies in the Russian market. Despite the existing mechanisms for attracting foreign capital, such as redomiciliation and obtaining the status of an "international company," it is important to note that they have an isolating nature and the criteria for compliance are met by a limited number of business entities. It is essential to develop more flexible and accessible conditions for foreign investors to stimulate capital inflow and ensure sustainable economic development.

Key words: *Foreign direct investments, foreign investments, sanctions, corporate rights, rights protection, economically significant organizations, rights protection, unfriendly jurisdictions.*

Прямые инвестиции – это приобретение части уставного капитала или пакета акций организации, дающее право на получение материальной выгоды или наделяющее правом принимать участие в управлении [1]. Инвестиции могут быть выражены не только в форме денежных средств, но могут быть в форме движимого и недвижимого имущества, а также исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. [2].

По направлению движения денежных средств выделяют два вида инвестиций: исходящие и входящие инвестиции [1].

Прямые иностранные капиталовложения – это внесение капитала, источник которого находится не на одной территории с объектом капиталовложения. Иностранный рынок всегда имеет перспективные возможности для получения прибыли, экономика России не является исключением. Инвестор, вкладывающий деньги или иное имущество, подлежащее оценке, в иностранное предприятие, всегда находится в более уязвимой позиции, чем национальный. Соответственно, государство, получающее капитал, должно иметь механизмы, направленные на защиту иностранного инвестора, его капитала и интересов.

Базовые гарантии инвестиционной деятельности закреплены в Конституции Российской Федерации, которая распространяется не только на граждан, но и на человека в целом, соответственно, и на иностранного гражданина [3]. Статья 8 закрепляет, что в Российской Федерации гарантируется свобода экономической деятельности, которая выражается в свободном движении капитала и товаров. В статье 34 указано, что каждый человек имеет право использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной деятельности, не запрещенной законом. Статья 35 охраняет право собственности законом и предоставляет право физическому лицу владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом.

Также есть ряд международных источников, ратифицированных РФ и направленных на защиту прав инвесторов. Сеульская конвенция 1985 года [4] является правоустанавливающим документом международного механизма, в котором денежные

потоки направляются через агентство по гарантиям инвестиций. Такое посредничество способствует защите интересов инвесторов и стимулирует приток инвестиций в развивающиеся страны. В конвенции также закреплены способы компенсации убытков, что является важным аспектом в контексте трансграничного перемещения денежных средств и имущества.

Вашингтонская конвенция 1965 года, была принята в рамках Международного банка реконструкции и развития (МБРР). Основная цель конвенции - создание эффективного механизма для разрешения споров, возникающих из инвестиционных отношений между иностранными инвесторами и принимающими государствами.

Конвенция содержит детальный порядок арбитража, предлагающий Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) инвесторам для разрешения конфликтов, осложненным иностранным элементом. Такая мера является обеспечением нейтральности и независимости при разрешении споров, что, в свою очередь, способствует повышению доверия к инвестиционному климату между странами-участниками.

Международно-правовые гарантии формируются не только нормами многосторонних соглашений, большое значение двусторонние соглашения о поощрении и защите капиталовложений (ДСПВЗК), которые имеют более узкую направленность, так как предметом соглашения выступают взаимные интересы государств-участников, что требует меньшего числа уступок.

По мнению А. Г. Богатырева, такие двусторонние инвестиционные соглашения имеют больший приоритет, чем многосторонние соглашения, что способствует расширению содержания национального законодательства. Такие соглашения могут создавать значительные преференции для сторон таких соглашений, что может негативно сказаться на правах и интересах инвесторов из стран, которые не имеют аналогичные соглашения.

В юридической литературе отмечается, что двусторонние международные договоры не создают рамочные концепции, в рамках которых у

государств-участников, есть больше свободы в отношении формирования национального законодательства, так как такие соглашения направлены на конкретные правоотношения. Исследователи также подчеркивают, что соглашения о защите иностранных инвестиций возникли в результате развития товарооборота, так как движение товаров и капитала между юрисдикциями, привело к постановке вопроса о правовом статусе иностранных граждан и их имущества. Защита прав собственности стала ключевым элементом в расширении торговых связей между государствами. [5].

Исследователи выделяют два основных метода реализации государством своих международных обязательств: инкорпорацию и трансформацию. При инкорпорации международное право автоматически становится частью национального законодательства, тогда как трансформация требует от государства принятия специального акта, который обеспечивает это включение.

Кроме того, стоит выделить две категории международных норм. Первая категория не требует никаких действий со стороны государства, так как достаточно ратификации международного договора. Вторая категория норм предполагает, что от государства требуются активные действия для предания международным нормам силы на своей территории. Во-первых, создание национальных норм с последующим созданием механизма их исполнения.

В соответствии с пунктом 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5, признаками невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации являются указания в договоре на обязательства государств-участников по внесению изменений в законодательство этих государств. Это также подтверждается Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 53 от 10 декабря 2019 года, касающимся выполнения судами Российской Федерации функций содействия и контроля в области третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража.

Основным источником, закрепляющим гарантии иностранных инвесторов на территории РФ, является Федеральный закон от 09.07.1999 N 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Важно отметить, что в N 160-ФЗ прямо закреплено, что права иностранных инвесторов урегулированы на международном, федеральном и уровне субъектов РФ.

Согласно ст. 4 N 160-ФЗ для иностранных инвесторов создан благоприятный режим, который наделяет иностранного инвестора такими же правами, какими пользуются национальные инвесторы.

Рассмотренные правовые источники создают фундаментальную нормативную базу для регулирования и защиты экономических интересов иностранных инвесторов, как на национальном, так и международном уровне, охвачено большинство аспектов инвестиционной деятельности. Разработанные или имплементированные правовые категории, легально признают статус инвестора, определяют набор его прав в отношении объекта инвестирования, а также закрепляют ограничения, введенные для целей защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В 2022 году были внесены изменения, ограничивающие возможности иностранных инвесторов, но и до их появления, также были обнаружены пробелы в национальном законодательстве. Например, срок и порядок выплаты компенсации иностранным инвесторам не определен. Международные источники, на основании которых формируется национальное законодательство в случае ратификации конвенций, закрепляют, что этот вопрос отнесен исключительно к введению государства. В условиях санкций и введенных защитных мер со стороны РФ, тема защиты прав иностранных инвесторов является более актуальной, так как фактически иностранные инвесторы не могут не только пользоваться и распоряжаться капиталом, внесенным до 2022 года, но и вывести его за территорию Российской Федерации.

В 2022 году было издано Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 N 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц». Указанные в списке страны либо отнесены к экономически развитым государствам, либо они являются важными посредниками при движении капитала, что ограничило возможность осуществлять инвестиционную деятельность для недружественных резидентов.

Уточнение в отношении ограничения таких прав определено указами Президента РФ. Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 ограничивает заключать сделки между резидентами недружественных государств, которые влекут право собственности на ценные бумаги. Для осуществления таких сделок необходимо согласие Правительственной Комиссии, что значительно осложняет процесс приобретения доли в российских компаниях, но, важно отметить, не исключает такую возможность.

Наиболее жесткие ограничения введены Указом Президента РФ от 05.08.2022 № 520, запрещающим сделки в отношении отчуждения долей в кредитных организациях недружествен-

ным резидентам и Указом Президента РФ от 19.10.2022 № 757, закрепляющим перечень стратегически важных предприятий, с долями которых сделки также запрещены.

Для поддержания эффективного международного взаимодействия в России до сих пор существуют механизмы, которые способны обеспечить интересы иностранных инвесторов. Одним из таких механизмов является редомициляция. Иностранные компании могут поменять юрисдикцию через редомициляцию, зарегистрировав компанию в России (с регистрацией в специальных административных районах, таких как Калининградская область и Приморский край). Еще одним механизмом является получение статуса международной компании, при условии выполнения ряда требований, указанных в статье 2 Федерального закона от 3 августа 2018 года № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах», компания может продолжать осуществлять деятельность на территории России. Получение этого статуса предполагает предоставление ряда налоговых льгот и преимуществ. Вышеуказанные меры предоставляют оптимальный компромисс между интересами государства и частных компаний, так как государство увеличивает объем поступающих налоговых поступлений, привлекает значительные инвестиционные ресурсы, превышающие 50 миллионов рублей в российскую экономику в течение года с момента государственной регистрации такой компании, а компания получает доступ к российскому рынку. Однако из-за неравномерного инвестиционного бремени эта сумма ограничивает количество организаций, которые могут перейти под российскую юрисдикцию, что предполагает привлечение только крупных бизнесов [6].

Также в Российской Федерации некоторые предприятия получили статус «экономически значимые организации» (ЭЗО). Общее правовое регулирование определено Федеральным законом от 04.08.2023 N 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями». Для характеристики организации в качестве ЭЗО законодатель предлагает использовать различные критерии оценки.

Первый критерий – это экономический, который может быть выражен либо в объеме выручки, превышающим 10 миллиардов рублей, либо стоимости активов более 150 миллиардов рублей, либо сумме налогов, подлежащей уплате составляет не менее 10 миллиардов рублей.

Второй критерий – это социально-экономический. Количество работников самой компании и ее дочерних предприятий должно быть не менее 500 человек.

Третий критерий – это важность компании для инфраструктуры общества и России. Этот критерий применяется для компаний, которые имеют прямое или косвенное отношение к оборонно-промышленным предприятиям; организациям, добывающим полезные ископаемые; являются участниками рынка ценных бумаг, а также ряд других компаний.

Введение ОЭЗ обусловлено тем, что такие компании занимаются хозяйственной деятельностью на территории РФ, но холдинговая компания расположена в недружественной юрисдикции, в следствие чего иностранные государства могут влиять на деятельность таких компаний, что негативно скажется на обществе и России.

Важно отметить, что решение о признании предприятия ОЭЗ происходит по совокупности оснований, во-первых, это соответствие одну или нескольких критериев, во-вторых, это доля участия российского физического лица или российской компании в иностранной холдинговой компании.

Компания признается ОЭЗ по решению арбитражного суда, из содержания которого следует, что создается новое юридическое лицо, аналогичное иностранной холдинговой компании, к которой переходят активы иностранной компании.

Такая мера направлена на защиту, в первую очередь, интересов государства, поэтому права и интересы иностранных инвесторов не имеют приоритета, что влечет к прекращению их корпоративных прав в отношении компаний, признанных ОЭЗ, но сохраняет их право на получение дивидендов. N 470-ФЗ не предусматривает механизма компенсации убытков, понесенных иностранным инвестором, несмотря на то, что схожие механизмы закреплены, например, п. 2 ст. 8 ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» предусмотрено, что в случае национализации иностранному инвестору возмещаются стоимость национализируемого имущества и иные убытки, но ОЭЗ создается посредством инкорпорации новой компании на территории России и передачей активов посредством решения суда, что фактически лишает ее правовой связи с иностранной холдинговой компанией.

Такая правовая конструкция подтверждает позицию М. И. Брагинского, что разграничение гражданских и финансовых имущественных отношений обычно проводится по признаку метода регулирования: первые носят стоимостный характер и регулируются методом равенства, а вторые – властно-имущественный. [7] Иностранные инвесторы по-прежнему могут распоряжаться своей долей, но покупатель будет также ограничен в осуществлении корпоративных прав, как и предыдущий иностранный владелец.

Иностранные инвестиции играют важную роль в экономическом развитии государств, способствуя увеличению валового внутреннего продукта (ВВП) и влияя на социально-экономическое положение. В условиях действующего законодательства России, регулирующего иностранные капиталовложения, необходимо учитывать требования к защите прав инвесторов и соблюдению норм, что становится критически важным для обеспечения правовой определенности и стабильности в инвестиционном климате [8].

Эффективная правовая политика в отношении иностранных инвестиций должна учитывать не только политические, но и экономические, правовые аспекты. В условиях текущих вызовов, связанных с изменениями в законодательстве и усилением контроля со стороны государства, необходимо обеспечить защиту прав иностранных инвесторов. Это включает в себя создание четких и понятных механизмов правовой защиты, позволяющих инвесторам сохранить внесенный капитал, а также обеспечение прозрачности.

Список литературы:

- [1] Чиненов, И Др М.В. Инвестиции: учебное пособие / Чиненов И Др М.В. — 2019. — 365 с.
- [2] Миньковская М.В. Влияние прямых и портфельных инвестиций на международную экономику/ М.В. Миньяковская, А.М. Пятаченко, В.В. Дреморецкий// Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. — 2019. — 8. — 219-222.
- [3] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
- [4] Сеульская конвенция 1985 года об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (Сеул, 11 октября 19895 года).
- [5] Богатырёв А.Г. Правовое регулирование инвестиционных отношений (вопросы теории и практики). — М.: Экон-информ. — 2012. — С. 140.
- [6] Иванов К. О. Проблемы правовой защиты частных инвесторов / К. О. Иванов // Эволюция

права 2019-2020: Сборник студенческих работ научной конференции юридического факультета МГУ, Москва, 11 октября 2019 года – 09 2020 года. — Москва: ООО «МАКС Пресс», 2022. — С. 154-156.

[7] Брагинский М.И. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях. — М.: Юрид. лит. — 1981. — С. 16.

[8] 1. Каюмов Р.И. Международное частно-правовое страхование иностранных инвестиций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — К. — 2009. — 26 с.

Spisok literatury:

- [1] CHinenov, I Dr M.V. Investicii: uchebnoe posobie / CHinenov I Dr M.V. — 2019. — 365 s.
- [2] Min'kovskaya M.V. Vliyanie pryamyh i portfel'nyh investicij na mezhdunarodnuyu ekonomiku/ M.V. Min'yakovskaya, A.M. Pya-tachenko, V.V. Dremoreckij// Strategiya predpriyatiya v kontekste povysheniya ego konkurentosposobnosti. — 2019. — 8. — 219-222.
- [3] «Konstituciya Rossijskoj Federacii» (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020)
- [4] Seul'skaya konvenciya 1985 goda ob uchrezhdenii Mnogostoron-nego agentstva po garantiyam investicij (Seul, 11 oktyabrya 19895 goda).
- [5] Bogatyryov A.G. Pravovoe regulirovanie investicionnyh otnoshenij (vo-prosy teorii i praktiki). — М.: Ekon-inform. — 2012. — S. 140.
- [6] Ivanov K. O. Problemy pravovoj zashchity chastnyh investorov / K. O. Ivanov // Evolyuciya prava 2019-2020: Sbornik studenche-skih rabot nauchnoj konferencii yuridicheskogo fakul'teta MGU, Moskva, 11 oktyabrya 2019 goda – 09 2020 goda. — Moskva: ООО «MAKS Press», 2022. — S. 154-156.
- [7] Braginskij M.I. Uchastie Sovetskogo gosudarstva v grazhdan-skih pravootnosheniyah. — М.: YUrid. lit. — 1981. — S. 16.
- [8] 1. Kayumov R.I. Mezhdunarodnoe chastno-pravovoe strahovanie inostrannyh investicij: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — К. — 2009. — 26 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-22-28

РОДЫГИНА Наталья Юрьевна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры международной
торговли и внешней торговли РФ,
Всероссийская академия внешней торговли
при Министерстве экономического развития
Российской Федерации,
ORCID: 0000-0002-9239-7871,
e-mail: rodygina.natalia@yandex.ru

КОВАЛЕВА Алина Александровна,
магистрант, Всероссийская академия внешней торговли
при Министерстве экономического развития
Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ЕРОПКИНА Ирина Вячеславовна,
магистрант, Всероссийская академия внешней торговли
при Министерстве экономического развития
Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

БОБРЫШЕВ Дмитрий Денисович,
магистрант, Всероссийская академия внешней торговли
при Министерстве экономического развития
Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ИНДИИ И АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩЕГО УРОВНЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В ТОРГОВЛЕ ТОВАРАМИ И УСЛУГАМИ

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых направлений сотрудничества между Россией и Индией, с особым акцентом на текущий уровень торговых отношений в сфере товаров и услуг. В работе рассматривается динамика российско-индийской торговли за последние годы, включая прогнозы роста товарооборота, а также выявляются ключевые проблемы, с которыми сталкиваются обе страны, такие как значительный дисбаланс в торговле, инфраструктурные и логистические ограничения, а также последствия международных санкций. В статье подробно анализируются основные товарные категории, включая энергетические ресурсы, химическую продукцию и металлы, а также структура взаимной торговли услугами, с акцентом на доминирование российского экспорта в этой сфере. Особое внимание уделено вызовам, связанным с переходом на расчёты в национальных валютах, что остаётся одним из важнейших факторов, влияющих на дальнейшее развитие экономического взаимодействия между Россией и Индией.

Ключевые слова: российский экспорт, импорт, нефть, товарооборот, экономическое сотрудничество, энергетические ресурсы, санкции, внешняя торговля, дисбаланс торговли.

RODIGINA Natalya Yurievna,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of the International and Foreign Trade
of the Russian Federation, Russian Foreign Trade Academy
of Ministry of Economic Development of the Russian Federation

KOVALEVA Alina Aleksandrovna,
Master's student, Russian Foreign Trade Academy
of Ministry of Economic Development of the Russian Federation

EROPKINA Irina Vyacheslavovna,
Master's student, Russian Foreign Trade Academy
of Ministry of Economic Development of the Russian Federation

BOBRY SHEV Dmitry Denisovich,
Master's student, Russian Foreign Trade Academy
of Ministry of Economic Development of the Russian Federation

KEY AREAS OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND INDIA AND ANALYSIS OF THE EXISTING LEVEL OF COOPERATION IN TRADE IN GOODS AND SERVICES

Annotation. The article analyzes the key areas of cooperation between Russia and India, with a special focus on the current level of trade relations in goods and services. The paper examines the dynamics of Russian-Indian trade in recent years, including trade growth forecasts, and identifies key challenges faced by both countries, such as significant trade imbalances, infrastructure and logistics constraints, and the impact of international sanctions. The article analyzes in detail the main commodity categories, including energy resources, chemical products and metals, as well as the structure of mutual trade in services, focusing on the dominance of Russian exports in this area. Special attention is paid to the challenges associated with the transition to settlements in national currencies, which remains one of the most important factors affecting the further development of economic interaction between Russia and India.

Key words: Russian exports, imports, oil, trade turnover, economic cooperation, energy resources, sanctions, foreign trade, trade imbalance.

Анализ данных Министерства коммерции и промышленности Индии свидетельствует о достижении объёма российско-индийской двусторонней торговли в размере 65 млрд долларов США по итогам 2023 года. Прогнозируется увеличение этого показателя до 100 млрд долларов США к 2030 году, что предполагает рост российского экспорта до уровня, превышающего 80 млрд долларов США, и увеличение импорта из Индии свыше 20 млрд долларов США. Реализация данного прогноза требует поддержания среднегодовых темпов роста товарооборота на уровне 6,4%.

Динамика российско-индийской торговли в значительной степени определяется экспортным потенциалом России в секторе энергоносителей и импортным потенциалом Индии в фармацевтической и химической промышленности. Тем не менее, реализация прогнозируемого роста товарооборота сталкивается с серьёзными вызовами. К ним относятся инфраструктурные ограничения в сфере логистики и сложности, связанные с международными финансовыми санкциями. Угрозы вторичных санкций вынуждают индийские компании сворачивать свою деятельность в России, что

негативно отражается на экономических связях между странами. В результате торговый дефицит Индии в отношении России заметно вырос: с 30 млрд долларов в 2022 году до 56,8 млрд долларов в 2023 году. Эта тенденция становится серьёзным препятствием на пути к гармоничному развитию двусторонней торговли.

В июле 2023 года Министерство коммерции и промышленности Республики Индия зафиксировало заметное усиление торгово-экономического взаимодействия с Российской Федерацией. По результатам анализа внешнеторговой статистики за январь–май 2023 года Россия впервые вошла в тройку крупнейших торговых партнёров Индии, достигнув объёма двустороннего товарооборота в размере 27,1 млрд долл. США. Указанное взаимодействие характеризуется значительным дисбалансом в пользу российского экспорта, основную часть которого составляют энергетические ресурсы; объём российских поставок превышает объём индийского экспорта более чем в 14,5 раза. Динамика 2023 года подтверждает укрепление позиций России на индийском рынке: по итогам года Российская Федерация заняла четвёртую позицию среди внешнеэкономических партнёров

Индии (после США, Китая и Объединённых Арабских Эмиратов), а также второе место по объёму импорта, уступив только Китайской Народной Республике.

Несмотря на геополитические ограничения, обусловленные западными санкциями, российско-индийские экономические отношения демонстрируют устойчивую положительную динамику. За последние три года наблюдался семикратный рост объёма двусторонней торговли, достигнув 65 млрд долларов США в 2023 году. Данный показа-

тель свидетельствует о значительном увеличении товарооборота по сравнению с предыдущими годами – 35 млрд долларов США в 2022 году, 13,5 млрд долларов США в 2021 году и 9,26 млрд долларов США в 2020 году. В первом квартале 2024 года был зафиксирован рекордный объём товарооборота в размере 17,49 млрд долларов США, что на 5% превышает аналогичный показатель 2023 года, что подтверждает тенденцию к устойчивому росту экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Индией.

Таблица 2.2 Товарооборот России и Индии в 2014-2024 гг.

Показатели	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024 (I кв.)
Оборот, \$ млрд	9,51	7,83	7,59	9,36	11	11,2	9,26	13,5	35	65	17,49
Темпы прироста, %	-5,57	-17,7	-3,1	+23,3	+17,5	+1,8	-17,4	+45,8	+159,2	+80	+5
Экспорт, \$ млрд	6,34	5,57	5,23	6,46	7,75	7,31	5,8	9,13	32,5	60,9	16,34
Темпы прироста, %	-9,19	-12,1	-6,3	+23,5	+19,96	-3,2	-20,7	+ 57,4	+256,06	+79,1	+5,4
Импорт, \$ млрд	3,17	2,26	2,36	2,9	3,23	3,92	3,46	4,43	2,5	4,1	1,15
Темпы прироста, %	+2,6	-28,8	+4,4	+25,9	+11,4	+21,4	+11,7	+28,03	-43,6	+41,4	+ 21,7
Сальдо, \$ млрд	3,17	3,31	2,87	3,56	4,52	3,39	2,34	4,7	30	56,8	15,19

Источник: РОССИЯ – ИНДИЯ. Вызовы и решения экономического сотрудничества 2024 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://bigasia.ru/wp-content/uploads/2024/07/russia_india.pdf (дата обращения: 18.11.2024)

Длительное время российско-индийская торговля характеризуется значительным дисбалансом, проявляющимся в существенном превышении российского экспорта над импортом. В предсанкционный период, при расчетах в долларах США, этот торговый профицит обеспечивал приток свободно конвертируемой валюты в Россию. Введение санкций и связанные с ним риски использования валют стран, подверженных санкциям, актуализировали вопрос перехода на расчеты в национальных валютах, однако, существующий высокий уровень торгового дисбаланса ограничивает возможности использования рупий, получаемых от экспорта российской продукции, ввиду недостаточного объема индийского экспорта, способного обеспечить их полное абсорбирование, что создаёт проблему недоста-

точного спроса на рупии на стороне Российской Федерации.

Динамика трансформации структуры российского экспорта в Индию визуализирована на *рисунке 2.3*.

В структуре российского экспорта в Индию в 2023-2024 гг преобладали: нефть (до \$45 млрд) и нефтепродукты (\$4,5 млрд), уголь (до \$4 млрд) и минеральные удобрения (\$2,4 млрд), алмазы (\$1,1 млрд), подсолнечное масло (до \$1,1 млрд) и чёрные металлы (до \$443 млн). Основу импорта в Россию индийских товаров в 2023 году составляли: химическая продукция (\$838 млн) и медикаменты (\$372 млн), машины и оборудование (\$687 млн), сельскохозяйственная продукция (\$605 млн), электротехника (\$382 млн), нержавеющая сталь и сплавы (\$322 млн).

Рисунок 2.3 – Динамика трансформации структуры российского импорта в Индию, %

Источник: Даниелян А. Дисбаланс в торговле между Россией и Индией стремительно растет [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/disbalans-v-torgovle-mezhdu-rossiey-i-indiey-stremitelno-rastet/> (дата обращения: 18.11.2024)

Российский экспорт в Индию традиционно характеризуется высокой долей минеральных ресурсов, включая топливно-энергетические товары и руду. В условиях усиления санкционного давления наблюдается дальнейшее смещение товарной структуры в пользу данной категории, доля которой в совокупном индийском импорте из России достигла 84%. В то же время поставки российской металлургической продукции на индийский рынок остаются на низком уровне: до начала санкционного режима их вклад в общий объем экспорта составлял лишь 4–5%. Такая диспропорция свидетельствует о сохраняющемся ограниченном спросе на металлургическую продукцию из России со стороны индийских контрагентов. На рынке химической продукции Россия представлена преимущественно производителями минеральных удобрений, наибольшим спросом среди которых пользуются азотные и комплексные удобрения.

Алмазообрабатывающая отрасль Индии, контролирующая порядка 90% мирового рынка в данном сегменте, отличается высокой степенью фрагментации и доминированием малых семейных предприятий, специализирующихся на огранке драгоценных камней. В этих условиях поставки алмазного сырья из Российской Федерации стабильно сохраняют своё значение, занимая третье место в структуре индийского импорта, несмотря на действие международных санкционных ограничений. Хотя основные торговые потоки остаются неизменными, в последние годы наблюдается устойчивая тенденция к снижению прозрачности проводимых внешнеэкономических

операций. Подробная динамика товарной структуры импорта из России за последние четыре года и десять месяцев приведена в *Приложении 1*.

Безусловно, основным направлением, определяющим динамику российско-индийской торговли, остаётся экспорт сырьевых товаров, в частности, нефти. Введённое с 5 декабря 2022 года европейское эмбарго на импорт российских нефтепродуктов, предположительно, стимулирует рост спроса на российскую нефть со стороны индийских нефтеперерабатывающих заводов, что будет способствовать дальнейшему увеличению объёмов поставок. Импорт лекарственных препаратов и субстанций из Индии традиционно составляет значительную долю в общем объёме российского импорта из этой страны. Возникшие в результате санкций сложности с логистикой и трансграничными расчётами вызвали временные колебания на российском фармацевтическом рынке в первом полугодии прошлого года, тем не менее, последующая нормализация ситуации обеспечила сохранение стабильности в динамике импорта фармацевтической продукции из Индии.

Как следует из данных Приложения 2, отсутствие содействия со стороны Индии в реализации механизмов параллельного импорта стало одной из причин существенного сокращения объёмов закупок Россией импортного оборудования после введения санкционных ограничений. Однако в целом влияние санкций на структуру импорта из Индии в Россию оказалось ограниченным. Снижение объёмов импорта, наблюдаемое в течение первых десяти месяцев текущего финансового года, вероятно, обусловлено снижением внутрен-

него потребительского спроса в Российской Федерации, что также может свидетельствовать о частичной адаптации российской экономики к новым внешнеэкономическим условиям. Неопределённость в расчётах в национальных валютах и сохраняющийся значительный дисбаланс в торговом обороте в пользу России остаются значительными барьерами для реализации потенциала увеличения объёмов импорта из Индии. Этот дисбаланс, в свою очередь, затрудняет переход на расчёты в национальных валютах, поскольку расчёты всё ещё зависят от доллара США, что указывает на неизбежную зависимость российской экономики от мировых финансовых институтов.

Одной из ключевых тенденций, наблюдаемых в российско-индийской торговле, является значительное увеличение положительного сальдо торгового баланса России с Индией. Так, по сравнению с 2022 годом этот показатель возрос более

чем в 12 раз, а по отношению к 2020 году — более чем в 24 раза. Однако для полноценной оценки масштаба данной тенденции важно сопоставить её с динамикой торговых балансов России с другими крупными торговыми партнёрами. Например, до начала специальной военной операции на Украине годовой профицит внешней торговли России с Европейским Союзом составлял около 70 миллиардов долларов США, что позволяет выявить относительную степень важности изменений в торговле с Индией в контексте внешнеэкономической ситуации. В 2023 году профицит торгового баланса с Индией составил 56,8 млрд долларов США, в то время как с Китайской Народной Республикой он ограничился 18 млрд долларов США.

Объемы взаимной торговли услугами России и Индии в 2017-2024 гг приведены в *таблице 2.3*.

Таблица 2.3 – Услугооборот России и Индии в 2017-2024 гг.

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024 (I кв.)
Оборот, \$ млрд	1,095	0,999	11,16	0,974	1,021	1,224	1,257	0,105
Доля экспорта РФ, %	59	64	65	78	91	100	100	100
Доля импорта РФ, %	41	36	35	22	9	0	0	0

Источник: составлено автором по данным открытых источников.

Наблюдается устойчивый рост абсолютных значений услугооборота с пиком в 2022 году. При этом прослеживается тенденция к полному доминированию российского экспорта, начиная с 2022 года, с полным отсутствием импорта со стороны России в 2023 и первом квартале 2024 года. Полученные результаты свидетельствуют о существенной асимметрии российско-индийской торговли в

указанный период. В российском экспорте услуг наиболее значимым сегментом является транспорт (треть доходов отрасли), далее идут деловые услуги с долей в 24%, строительство и телекоммуникации обеспечивают 7% доходов, на техническое обслуживание приходится 3%. За последние годы импорт услуг из Индии не осуществляется.

Структура экспорта российских товаров в Индию

	Финансовый год в Индии				
	апр. 2018- март 2019	апр. 2019- март 2020	апр. 2020- март 2021	апр. 2021- март 2022	апр. 2021- январь 2023
Минеральные продукты	2 395	3 454	2 223	5 375	31 238
Химическая продукция	599	671	809	1 109	2 719
Жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы	852	731	953	1 253	1 077
Жиры и масла	33	287	293	494	828
Недрагоценные металлы	256	206	210	287	427
Прочие	756	460	362	521	344
Целлюлоза, бумага, картон	379	353	202	253	219
Машины, оборудование и механизмы	137	150	124	123	199
Пластмассы, каучук, резина	283	245	193	262	86
Транспорт	24	394	12	49	43
Инструменты	23	22	34	57	27
Продукты растительного происхождения	49	71	36	7	23
Разные промышленные товары	1	1	1	19	17
Древесина, уголь	20	21	20	29	15
Оружие и боеприпасы	0	0	0	1	5
Изделия из камня, гипса, цемента и пр.	5	7	3	5	4
Текстиль	18	12	6	19	4
Животные и продукты животного происхождения	1	1	1	2	3
Пищевая продукция	1	1	1	1	0
Кожа, меха и изделия из них	10	8	3	3	0
Всего	5 840	7 093	5 486	9 870	37 277

Источник: Даниелян А. Дисбаланс в торговле между Россией и Индией стремительно растет [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/disbalans-v-torgovle-mezhdu-rossiey-i-indiey-stremitelno-rastet/> (дата обращения: 18.11.2024).

Структура импорта индийских товаров в Россию

Товарные группы	Финансовый год в Индии				
	апр. 2018- март 2019	апр. 2019- март 2020	апр. 2020- март 2021	апр. 2021- март 2022	апр. 2021- январь 2023
Химическая продукция	676	780	883	900	934
Машины, оборудование и механизмы	507	937	529	821	307
Продукты растительного происхождения	309	324	301	298	293
Пищевая продукция	110	109	84	104	193
Недрагоценные металлы	136	177	208	322	162
Животные и продукты животного происхождения	127	173	115	155	152
Пластмассы, каучук, резина	75	86	79	114	108
Изделия из камня, гипса, цемента и пр.	23	26	60	75	71
Инструменты	48	40	67	52	63
Текстиль	143	130	118	144	52
Транспорт	133	125	99	143	37
Кожа, меха и изделия из них	27	27	22	20	21
Жиры и масла	8	14	10	15	20
Обувь, головные уборы	27	21	19	24	16
Жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы	3	9	9	26	13
Минеральные продукты	9	9	7	8	12
Целлюлоза, бумага, картон	9	9	12	5	10
Оружие и боеприпасы	5	4	18	12	9
Разные промышленные товары	14	17	14	16	9
Древесина, уголь	1	1	1	1	1
Общий итог	2389	3018	2655	3254	2482

Источник: Даниелян А. Дисбаланс в торговле между Россией и Индией стремительно растёт [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/disbalans-v-torgovle-mezhdu-rossii-i-indii-stremitelno-rastet/> (дата обращения: 18.11.2024).

Список литературы:

[1] РОССИЯ – ИНДИЯ. Вызовы и решения экономического сотрудничества 2024 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://bigasia.ru/wp-content/uploads/2024/07/russia_india.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

[2] Даниелян А. Дисбаланс в торговле между Россией и Индией стремительно растёт [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/disbalans-v-torgovle-mezhdu-rossii-i-indii-stremitelno-rastet/> (дата обращения: 18.11.2024).

Spisok literatury:

[1] RUSSIA - INDIA. Challenges and solutions of economic cooperation 2024 [Electronic resource] // Access mode: https://bigasia.ru/wp-content/uploads/2024/07/russia_india.pdf (date of contact: 18.11.2024).

[2] Danielyan A. The imbalance in trade between Russia and India is growing rapidly [Electronic resource] // Access mode: <https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/disbalans-v-torgovle-mezhdu-rossii-i-indii-stremitelno-rastet/> (accessed: 18.11.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-29-37

БАЛАГУРОВ Александр Михайлович,
аспирант. Российский университет кооперации (Головной вуз),
Российская Федерация, Московская обл. Мытищи,
e-mail: st109519@ruc.su

БОРИСОВА Анастасия Николаевна,
преподаватель кафедры юриспруденции,
Российский университет кооперации (Головной вуз),
Российская Федерация, Московская обл. Мытищи,
e-mail: borisovaab.97@yandex.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Аннотация. Данная статья проводит анализ конституционно-правового статуса Президента Республики Беларусь с момента обретения независимости в 1991 г. до наших дней. В исследовании рассматривается эволюция статуса Президента, начиная с принятия первой Конституции Республики Беларусь в 1994 году, и выделяются основные этапы развития. Статья также касается актуальных вопросов, связанных с конституционно-правовым статусом Президента, таких как влияние последних изменений на его статус, полномочия и ответственность за свои действия. Особое внимание уделяется вопросу ограничения президентских полномочий и появлению нового органа народовластия, которому был присвоен собственный уникальный статус и исключительные полномочия, отобранные частично у Президента и Парламента. Анализ изменений в конституционно-правовом статусе Президента Республики Беларусь, представленных в данной статье, будет полезен студентам и аспирантам при написании курсовых и дипломных проектов, а также при подготовке устных докладов. Это исследование позволит им более глубоко понять эволюцию полномочий и роли Президента Республики Беларусь в системе государственной власти.

Ключевые слова: конституционная реформа, правовая система, конституция, поправки, демократия, референдум, Президент Республики Беларусь, Всебелорусское народное собрание, Национальное собрание Республики Беларусь, Совет министров Республики Беларусь.

BALAGUROV Alexander Mikhailovich,
PhD student. Russian University of Cooperation (Head University),
Russian Federation, Moscow region Mytishchi

BORISOVA Anastasia Nikolaevna,
Lecturer at the Department of Jurisprudence,
Russian University of Cooperation (Head University),
Russian Federation. Moscow region Mytishchi

THE LEGAL STATUS OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS: CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS AND TOPICAL ISSUES

Annotation. This article analyzes the constitutional and legal status of the President of the Republic of Belarus from the moment of independence in 1991 to the present day. The study examines the evolution of the status of the President, starting with the adoption of the first Constitution of the Republic of Belarus in 1994, and highlights the main stages of development. The article also deals with topical issues related to the constitutional and legal status of the President, such as the impact of recent changes on his status, powers and responsibility for his actions. Special attention is paid to the issue of limiting presidential powers and the emergence of a new body of democracy,

which has been given its own unique status and exclusive powers, partially taken away from the President and Parliament. The analysis of changes in the constitutional and legal status of the President of the Republic of Belarus presented in this article will be useful for students and graduate students when writing term papers and graduation projects, as well as when preparing oral reports. This study will allow them to better understand the evolution of the powers and role of the President of the Republic of Belarus in the system of state power.

Key words: *constitutional reform, legal system, constitution, amendments, democracy, referendum, President of the Republic of Belarus, All-Belarusian People's Assembly, National Assembly of the Republic of Belarus, Council of Ministers of the Republic of Belarus.*

В свете актуальных политических процессов в Республике Беларусь вопросы, связанные с правовым статусом Президента, становятся все более важными. Они всегда привлекали внимание общества и ученых. В Беларуси, как и во многих других странах, этот вопрос является предметом постоянного обсуждения и анализа. Один из ключевых аспектов правового статуса Президента Беларуси – его конституционное положение. Как глава государства, Президент имеет широкий круг полномочий и ответственности перед обществом и государством. В данной статье мы рассмотрим конституционные основы развития правового статуса Президента Республики Беларусь и актуальные вопросы, связанные с его полномочиями и ответственностью. Особое внимание будет уделено анализу соответствия правового статуса Президента Республики Беларусь конституционным принципам и нормам.

С момента обретения независимости и окончательного распада СССР в конце 1991 г. Беларусь проходила долгий путь поиска и формирования своей собственной государственной системы власти – до 1994 г. [1]. Главой государства за этот непродолжительный период времени был не Президент Республики Беларусь, а Председатель Верховного Совета, который, в соответствии с Конституцией БССР-РБ 1978 г., являлся высшим должностным лицом и ее главным представителем в сфере международных отношений, поскольку высшим государственным органом власти в то время был Верховный Совет Беларуси. И примечательным фактом является то, что Республика Беларусь была единственной постсоветской республикой, которая не учреждала должность Президента в своей Конституции до 1994 г. [2]. Кроме того, в Конституции БССР-РБ 1978 года оставались упоминания про СССР и союзные республики даже после его развала, поскольку в этот период велась разработка новой Конституции, которая бы поставила Беларусь на путь развития демократического правового государства, соблюдая требования международных договоров, отвечая одновременно тенденциям в мире того времени.

За три с лишним года проекты новой Конституции несколько раз обсуждались, пересматривались и отклонялись. По официальным данным, на обсуждение депутатами Верховного Совета выносилось три проекта Основного закона – один проект в конце 1991 г., второй – в августе 1992 г., а последний – в сентябре 1993 г. При этом, по неофициальным данным, существуют еще несколько конституционных проектов, которые хранятся в Национальном архиве Беларуси. Они не были опубликованы и не обсуждались депутатами в Верховном Совете.

При этом главной причиной постоянного поиска, пересмотра и отклонения разных проектов Конституции заключалась в том, какую роль будет выполнять Президент Республики Беларусь в новой Конституции, и какими полномочиями он будет наделен. В трех опубликованных проектах Конституции описывались разные варианты статуса Президента. В первом и третьем проектах Конституции Президент Беларуси был, как главой государства, так и главой исполнительной ветви власти. Во втором проекте, опубликованном в 1992 г., Президент наделялся лишь статусом главы государства и не являлся главой исполнительной власти.

Кроме этой причины, обсуждался и ключевой вопрос о равновесии и балансе ветвей власти, связанных с системой механизма сдерживания и противовесов в новой Конституции. В конечном счете все сводилось к выбору между президентской или парламентской республикой.

После долгого обсуждения и объединения разрозненных групп по разработке проектов в одну целостную группу привело к тому, что в окончательном проекте Конституции Президент Республики Беларусь получал статус и главы государства, и главы исполнительной власти. При этом Верховный Совет Республики не задвигался на второй план после Президента, а, наоборот, приобретал статус высшего представительного и законодательного органа власти в Беларуси и по факту становился ключевым государственным органом власти. Рассмотрев первоначальную редакцию Конституции Республики Беларусь 1994 года можно увидеть, что в Разделе IV сначала

идет глава о Верховном Совете, а затем глава, посвященная Президенту Республики. Это демонстрировало тот факт, что по структуре власти главенствующую роль занимал Верховный Совет.

Таким образом, Республика Беларусь становилась по форме правления смешанной республикой, т.е. парламентско-президентской, где парламент в лице Верховного Совета имел куда больше прерогатив и полномочий, нежели Президент, который не обладал правом роспуска Верховного Совета и находился под постоянным контролем со стороны депутатов, а при исполнении ряда своих полномочий, особенно кадровых, должен был получать обязательное согласие со стороны Верховного Совета. Также Президенту в обязательном порядке нужно было отчитываться по различным программам и докладам, реализуемым исполнительной властью. Лицо, занимающее пост Президента Беларуси, не могло данный пост занимать более двух сроков, а также должно было в обязательном порядке отказаться от участия в общественных объединениях и политических партиях до момента принесения присяги, а после вступления – до окончания своего срока полномочий.

Тем самым, Президент Республики Беларусь, в рамках принятой новой Конституции, становился контролируемой фигурой в руках Верховного Совета, выполняя фактически роль «главного менеджера» или «главного администратора» в государстве, который на время исполнения своих полномочий должен был отказываться от своих политических амбиций и партийной принадлежности, занимая нейтральное положение в управлении государством [3]. Кроме того, он должен был постоянно отчитываться перед депутатами за свои действия и программы.

Важно отметить, что Кабинет Министров, реализующий конституционные полномочия Президента, также контролировался Верховным Советом. При назначении лиц, занимающих ключевые посты в Кабинете Министров, и снятии их с должности Президент Беларуси в обязательном порядке должен был получать согласие со стороны Верховного Совета, которое распространялось на должности премьер-министра, заместителей премьер-министра, министров финансов, обороны, иностранных и внутренних дел и на председателя Комитета государственной безопасности. Кроме того, депутаты Верховного Совета, в случае выявления нарушений по исполнению Конституции и законов членом Кабинета Министров, могли поставить вопрос перед Президентом о досрочном сложении им полномочий [4].

После долгих обсуждений, споров и дебатов в Верховном Совете 14 марта 1994 г. была принята новая Конституция Республики Беларусь [5,

6], которая остается действующей уже более 30 лет, с учетом последующего принятия ее новой редакции и внесения в нее поправок, которые были совершены первым и действующим Президентом Беларуси – А.Г. Лукашенко.

Спустя пару недель после принятия Конституции 29 марта 1994 г. был принят и обнародован новый Закон «О выборах Президента Республики Беларусь» [7], а 30 марта того же года Верховный Совет объявил своим постановлением о проведении первых президентских выборов в стране, которые должны были состояться 23 июня 1994 г. В выборах на пост Президента участвовал являвшийся в тот момент депутатом Верховного Совета А.Г. Лукашенко, который выступал кандидатом-самовыдвиженцем. После проведения первого тура выборов 23 июня 1994 г. по официальным результатам не было выявлено явного победителя, и, согласно закону «О выборах Президента Республики Беларусь», должен был пройти второй тур. 10 июля того же года во втором туре А.Г. Лукашенко, получивший 80 процентов голосов от избирателей, был избран на пост Президента. Он стал первым и единственным, на сегодняшний день, Президентом Беларуси. Первые президентские выборы в стране 1994 г. признаны мировым сообществом вполне демократическими и честными.

20 июля 1994 г. после официального вступления на должность Президента А.Г. Лукашенко, осознавая свою текущую роль в государственной системе, не отказался от политических амбиций, а, напротив, начал их продвигать, конфликтуя и споря с депутатами Верховного Совета. Политическое противоборство дошло до своей критической ситуации в феврале 1995 г., когда Президентом Беларуси было объявлено о проведении первого всенародного голосования в стране. Идею проведения референдума одобрил Верховный Совет, который объявил дату его проведения. Однако намеченные для вынесения на референдум вопросы со стороны Президента Республики Беларусь – о наделении новым статусом русского языка, об экономической интеграции с Россией, о праве роспуска Верховного Совета Президентом в случае допущения им систематических или грубых нарушений Конституции, об изменении и установлении нового флага и герба – вызывали критику и негодование среди депутатов, которые были настроены против них по различным причинам.

14 мая 1995 г. все четыре вопроса, сформулированные Президентом, были одобрены на референдуме большинством избирателей. Результаты референдума стали основой усиления президентской власти в государстве и предпосылками к формированию новой вертикальной властной структуры.

Однако некоторые положения, утвержденные на референдуме, – право роспуска Верховного Совета Президентом и наделение русского языка вторым государственным языком – остались в подвешенном состоянии, так как возникла правовая неопределенность, которая сохраняется до сих пор.

В условиях неразберихи, одобренные на референдуме вопросы, кроме изменений государственного флага и герба, являясь предметом правовой дискуссии, остались лишь на бумаге, поскольку Верховный Совет Беларуси, ссылаясь на ст. 148 Конституции, не мог их утвердить, что обязательно требовалось в соответствии законом «О всенародном голосовании (референдуме) в Республики Беларусь».

Борьба между Президентом и Верховным Советом перешла в новый этап и достигла своего апогея в начале января 1996 года. А.Г. Лукашенко на заседании Верховного Совета раскритиковал действующую Конституцию, особенно ее некоторые главы, связанные с Верховным Советом и Президентом, ссылаясь на нечеткое разграничение полномочий между ними, сложившуюся неэффективную и фиктивную систему сдерживания и противовесов, а также на гегемонию Верховного Совета над Президентом, пообещав в будущем провести народное голосование по новому конституционному проекту [8]. В ответ на эти заявления была высказана мощная критика со стороны Председателя Конституционного Суда В.Г. Тихиня, который обвинил действующего Президента во всех существующих в стране конституционных проблемах.

В опубликованном послании Конституционного Суда «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 1995 г.» были определены десятки указов Президента, которые признавались антиконституционными, а действия Президента, связанные с этими указами, воспринимались как выходящие за рамки его конституционных полномочий. В послании было сказано и о том, что сложившаяся государственная система власти позволяет четко определить сферу деятельности Президента и Верховного Совета и обеспечить эффективное взаимодействие между ними в соответствии с требованиями Конституции.

После этого между Президентом и Верховным Советом наступило на некоторое время компромиссное взаимодействие, длившееся до июня 1996 г., когда Председатель Верховного Совета С.Г. Шарецкий обвинил А.Г. Лукашенко в узурпации власти. Президент в конце июля объявил об инициативе проведения референдума, на котором, кроме трех вопросов, касающихся отмены

смертной казни, свободной продажи и покупки земли и перенесения Дня независимости Беларуси на 3 июля, будет вынесен главный вопрос – принятие новых поправок и дополнений в действующую Конституцию, сформулированных Президентом.

Новый проект редакции Конституции, предложенный Президентом, радикально переделывал государственную систему власти, возвышая его над всеми ветвями власти и наделяя новыми привилегиями и полномочиями, которыми он ранее не обладал. При этом основой данного проекта, особенно формирования новой государственной системы власти, послужила Конституция РФ 1993 г.

Так, в случае принятия данного проекта, Верховный Совет Республики Беларусь, как высший законодательный и представительный орган власти, должен был прекратить свое существование [9], и его мог заменить новый законодательный и представительный орган власти – Национальное Собрание, состоящее из нижней и верхней палат – Представителей и Совета Республики. При этом Национальное Собрание, по сравнению с Верховным Советом, утрачивало многие права и полномочия, становясь менее значимым органом власти в государственном управлении, и более подконтрольным Президенту, получившему исключительное право на их досрочное прекращение полномочий парламента. Однако данное право могло быть использовано Президентом только в том случае, если на основании заключения Конституционного Суда были выявлены в деятельности парламента систематические или грубые нарушения по отношению к Конституции.

Важным дополнением было и создание нового исполнительного органа власти в Беларуси в лице Совета Министров, так как в самой Конституции в ее первоначальной редакции исполнительную власть осуществлял Президент. Теперь новый исполнительный орган власти должен быть подотчетным Президенту, но и ответственным перед палатами Национального Собрания.

Отдельного внимания заслуживают новые полномочия Президента. Так, глава государства получал еще больше кадровых полномочий в отношении Совета Министров, прокуратуры, Конституционного и Верховного Судов, Национального банка, Комитетов государственного контроля и безопасности.

Президент теперь мог назначать и отправлять в отставку любого члена Правительства без чье-либо согласия. В отношении других государственных должностей, в частности, судей Верховного Суда и генерального прокурора, требовалось согласие со стороны Совета Республики. В случае

с назначением кандидатуры на должность премьер-министра Совета Министров требуется согласие со стороны депутатов Палаты Представителей.

Президент также получал право на формирование, реорганизацию и упразднение своей Администрации, других органов государственного управления, консультативно-совещательных органов. Также он получал уникальное полномочие, характерное лишь для Республики Беларусь, – возможность на законном основании отложить или приостановить проведение забастовок в стране на 30 дней. Кроме того, Президент получал право назначать своих представителей и других должностных лиц в Национальное Собрание и принимать непосредственное участие в деятельности Парламента. Он мог приостанавливать и даже отменять решения местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов власти. Кроме указов и распоряжений, Президент в случае принятия новой редакции Конституции мог издавать декреты, имеющие силу законов.

Президент Беларуси имел право участвовать в формировании состава Совета Республики, который должен был формироваться по следующему принципу: получать от каждой области и города Минска по восемь представителей. Восемь же остальных представителей должен был назначать Президент. Он получал право открытого вмешательства в формирование повестки заседаний Национального Собрания.

В президентском проекте были заложены изменения, касающиеся и судебной власти, в первую очередь, Конституционного Суда, который долгое время критиковал Президента и обладал исключительной автономностью. Теперь он утратил свою независимость и во многих вопросах должен был считаться с мнением Президента, Совета Министров, Палат Национального Собрания, Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда.

Очередной пакет поправок и дополнений Президента, внесенных в Конституцию Республики Беларусь, стал причиной нового политического конфликта с Верховным Советом. Депутаты Верховного суда, совместно с судьями Конституционного суда, разработали альтернативный проект дополнений, которые были направлены на преобразование государства в парламентскую республику.

24 ноября 1996 г. прошло всенародное голосование, на которое были вынесены поправки и Президента, и депутатов Верховного Совета [10]. Народное большинство отдало свои голоса за инициативу А.Г. Лукашенко. Однако результаты данного референдума, как и предыдущего голосо-

вания референдума 1995 г., до сих пор находятся в состоянии правовой неопределенности, так как, в соответствии с законом, все решения, принятые на референдуме, должны подписываться Председателем Верховного Совета и официально публиковаться в Ведомостях Верховного Совета, но этого не было сделано.

После подписания и опубликования новой редакции Конституции 1994 г. в официальных газетах А.Г. Лукашенко начал ее активно применять, не выждав по закону десятидневный срок. 27 ноября 1996 г. депутатский корпус Верховного Совета, лояльно настроенный к Президенту, издал закон «О формировании Палаты Представителей Национального Собрания Республики Беларусь». При этом Президент Республики Беларусь в тот же день объявил о роспуске Верховного Совета и о созыве внеочередной сессии Палаты представителей. 28 ноября того же года начала свою деятельность Палата представителей Национального Собрания, осуществляя свои полномочия до ноября 2000 г. Спустя год, в начале 1997 г. начал функционировать Совет Республики Национального Собрания.

В результате все действия Президента были направлены на создание суперпрезидентского государства с персонифицированной властью в лице действующего Президента. После начала функционирования всех палат Национального Собрания Конституция Беларуси 8 лет не претерпевала изменений. В 2004 г., когда уже через 2 года должны были пройти новые президентские выборы, А.Г. Лукашенко подготовил поправку в Конституцию, которая сняла ограничения и позволила ему снова участвовать в выборах.

7 сентября 2004 г. указом Президентом был назначен республиканский референдум по данному вопросу. Он состоялся 17 октября 2004 г., в результате которого ограничения действующего Президента на участие в выборах были сняты. И хотя они существовали до 5 октября 2006 г. в законе «О Президенте Республики Беларусь», но уже не имели юридической силы, так как находились в противоречии с обновленной Конституцией.

После внесения указанных поправок Конституция долгое время оставалась неизменной. Идеи о проведении новой конституционной реформы действующий Президент стал высказывать с 2016 г. В июне 2020 г. А.Г. Лукашенко во время агитационного периода президентской гонки заявил о том, что идет подготовка к пересмотру Конституции. Однако после официального оглашения предварительных результатов президентских выборов разразился масштабный политический кризис, вылившийся в массовые акции протеста и недо-

вольства и послуживший в будущем основной причиной внесения изменений в действующую Конституцию.

Идея о проведении конституционной реформы на некоторое время затухла. Через семь месяцев после президентских выборов, в начале марта 2021 г., была создана специальная комиссия по данному вопросу, которая должна была предложить новые поправки и изменения в действующую Конституцию.

В июле того же года комиссия представила пакет поправок в Конституцию. Важными поправками являлись – внедрение Всебелорусского народного собрания как высшего представительного органа народовластия и учреждение института уполномоченного по правам человека, что являлось абсолютным новшеством для Беларуси. Однако данные предложения Президент отклонил, отправив их на доработку. В конце декабря 2021 г. была вынесена на всенародное обсуждение финальная версия конституционного проекта. В отличие от первоначальной версии в финальную версию были еще добавлены поправки в Конституцию, касающиеся статуса Президента, добавления ему новых привилегий в случае ухода с занимаемой должности. Также из этой версии исчезла поправка, касающаяся внедрения института уполномоченного по правам человека.

27 февраля 2022 г. состоялось всенародное голосование, в результате которого большинство голосов (83%) было отдано в поддержку проекта, согласно которому многие полномочия были переданы новому государственному органу власти – Всебелорусскому народному собранию [11]. Однако по факту власть продолжала оставаться в руках Президента, так как Всебелорусское собрание стояло по статусу выше Национального Собрания, но ниже Президента.

После новых поправок Совет Республики Национального Собрания был лишен права назначать судей Конституционного Суда и членов Центральной избирательной комиссии.

Главным изменением в функционировании деятельности Национального Собрания и его палат, особенно в механизме сдержек и противовесов, стало лишение права выдвижения обвинений против Президента и смещения его с занимаемой должности, так как это было передано Всебелорусскому народному собранию. При этом у палат Национального Собрания осталось право досрочного освобождения Президента от должности в случае длительной невозможности им выполнения своих полномочий по состоянию здоровья [12].

Новые поправки в Конституцию коснулись и самого Президента. Так, спустя почти восемнадцать лет было возвращено конституционное огра-

ничение по занятию одним и тем же лицом должности Президента более двух сроков. Однако данное конституционное ограничение не распространялось на действующего Президента, так как оно было удалено в 2004 г., а вновь закреплено в феврале 2022 г.

Были изменены и требования к кандидату на должность Президента. Так вместо 35 лет, кандидату должно быть на момент регистрации минимум 40 лет, а также он должен проживать в Беларуси не менее 20 лет. Изменились и кадровые полномочия Президента. Теперь не имел права формировать состав Конституционного Суда, Верховного Суда и Центральной избирательной комиссии, так как это должно делать Всебелорусское народное собрание. С учетом последних поправок Президент мог издавать только указы и распоряжения, но никакие другие подзаконные акты.

Из-за появления высшего представительного органа народовластия изменился и порядок проведения импичмента против Президента. Теперь этим процессом также стало заведовать Всебелорусское народное собрание.

Однако порядок проведения импичмента против Президента, в рамках существующего механизма сдержек и противовесов, утратил какой-либо смысл своего существования, так как с момента получения конституционного статуса заседания Всебелорусского народного собрания вообще не проводились. А с учетом того, что действующему Президенту теперь было разрешено занимать должность Председателя Всебелорусского народного собрания, проведение данной процедуры утратило смысл.

Важно отметить, что был изменен и порядок временного исполнения полномочий Президента. В отличие от РФ в Республике Беларусь не существует статуса исполняющего обязанности Президента, а лишь производится временная передача его президентских полномочий другому должностному лицу в случае отставки Президента или смещения его с должности, а также в других случаях, из-за которых Президент не может исполнять свои полномочия. До изменений в Конституцию президентские полномочия временно передавались Премьер-министру страны. А после внесения поправок они стали передаваться Председателю Совета Республики. Учитывая опыт политического кризиса 2020 г., было добавлено, что в случае насильственной смерти Президента должны быть проведены заседания Совета Безопасности под руководством Председателя Совета Республики, с целью введения военного положения.

В новой редакции Конституции Беларуси, по аналогии с РФ, позаимствовав некоторые детали из обновленной Конституции Российской Федера-

ции, появился статус Президента, прекратившего исполнений своих полномочий. Согласно этой оговорке, лицо, занимающее должность Президента Беларуси, в случае своей досрочной отставки или истечения срока полномочий, обладает пожизненным конституционно-правовым иммунитетом. А Президент, смещенный с должности по решению Всебелорусского народного собрания, лишается своей неприкосновенности и привлекается к делу по существу обвинений, которое будет рассматриваться судьями Верховного Суда. Однако бывший Президент, имеющий иммунитет, не может быть привлечен к ответственности за действия, совершаемые в качестве главы государства. Также бывший Президент может стать пожизненным членом Совета Республики.

С момента принятия новой редакции и существования закона «О Президенте Республики Беларусь», с 2006 года по настоящее время закон о статусе Президента, прекратившего исполнения своих полномочий, остается неизменным.

Главным изменением в новой редакции Конституции стало закрепление Всебелорусского народного собрания на конституционном уровне. Сам орган народовластия начал свое существование с 1996 г., когда А.Г. Лукашенко решил проконсультироваться с народом насчет своего президентского конституционного проекта, вносящего изменения в Конституцию, и получить от него одобрение на проведение референдума по данному вопросу. С момента проведения первого Всебелорусского народного собрания было всего проведено еще 5 собраний до 2021 года. После внесения последних поправок в Конституцию в 2022 г. и появления в начале февраля 2023 г. закона «О Всебелорусском народном собрании» пока не было проведено ни одного заседания [13].

За период своего существования Всебелорусское народное собрание не имело юридического статуса. В своих указах Президент ссылался на ч. 3 ст. 37 Конституции 1994 г., утверждая, что может проводить созывы Всебелорусского народного собрания. Но в изданных указах Президентом не был прописан статус собрания и его роль в государственном управлении. До 2022 г. Оно функционировало в статусе консультативно-совещательного органа. Созывы Всебелорусского собрания напоминали Съезды Коммунистической партии и народных депутатов СССР.

После закрепления в Конституции собрание, ставшее уникальным органом власти, приобрело центральное место в системе власти и весомую роль в государственном управлении. Кроме вопросов, связанных с кадрами, смещением с должности Президента, делегаты собрания, путем голосования, стали заниматься утверждением

основных направлений внутренней и внешней политики страны, концепции национальной безопасности, военной доктрины, программы социально-экономического развития страны. Ранее решения по этим вопросам принимались в виде программных законов палатами Национального Собрания. Теперь утвержденные документы стали оформляться и издаваться в виде решений высшего представительного органа народовластия.

Всебелорусскому собранию дали право рассматривать легитимность выборов Президента, депутатов Палат и членов Совета Республики, награждать Президента государственными наградами. Всебелорусское народное собрание получило право вводить военное и чрезвычайное положение, в случае бездействия Президента и наличия законных оснований.

В результате проведенного анализа стало ясно, что с 1994 по настоящее время сложившаяся в Беларуси государственная система власти остается подстроенной под действующего Президента, занимающего эту должность уже более 30 лет.

Важным этапом развития института президентства в Беларуси стал период с 1994 по 1996 гг., когда Президент, не желая быть подконтрольным депутатам Верховного Совета, развязал с ними политический конфликт. После проведенных референдумов власть Президента была существенно изменена, и его роль в государственном управлении стала фактически абсолютной. После получения результатов референдума А.Г. Лукашенко моментально ликвидировал Верховный Совет, нарушая законодательство. Для действующего Президента Беларуси было важно повысить свой статус, получив большой перечень полномочий, ликвидировать враждебно настроенный к нему Верховный Совет, который пытался сместить его с должности, и реформировать еще независимый в то время Конституционный Суд, который обвинял его в нарушении законов.

В соответствии с существующей классификацией форм правления, Республика Беларусь была отнесена после 1996 г. к президентским республикам. С одной стороны, с этой точкой зрения можно согласиться. С другой стороны, сравнивая Беларусь и США, становится ясно, что в Беларуси установлена суперпрезидентская республика, так как Президент в ней обладает огромным перечнем полномочий и против него не существует рычагов давления в виде импичмента.

Вообще, форма правления в Беларуси в настоящее время является крайне нетипичной для мировой практики. По государственному управлению она отдаленно напоминает КНР, Иран

и Казахстан. Деятельность Всебелорусского собрания, на сегодняшний день, кажется низкоэффективной и малоцелесообразной.

Следует подчеркнуть, что в последней редакции Конституции Президент, потерял некоторые полномочия. Так, он не может издавать декреты, имеющие силу закона, единолично назначать судей Конституционного Суда и членов Центральной избирательной комиссии. Также он лишился возможности самолично назначать некоторых государственных лиц на должности и освобождать их. Он может делать это только после получения согласия Совета Республики. Но данный момент касается только должностей Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля и кадрового состава Национального Банка. По повод Совета Министров все осталось прежним.

При разработке последней конституционной реформы велись споры о том, можно ли одному и тому же человеку занимать должности Президента Беларуси и Председателя Всебелорусского народного собрания. В конечном итоге в Конституции было прописано, что Президент может временно занимать должность Председателя Всебелорусского собрания [14].

В настоящее время в Беларуси существует много сомнительных моментов, касающихся государственного управления, и присутствует большое количество тем для дискуссий. Имеются опасения, что действующая Конституция через какое-то время подвергнется очередным изменениям, касающимся статуса Президента и других органов власти. Есть вероятность, что действующий лидер внесет такие поправки, которые позволят ему остаться, в случае отставки, Председателем Всебелорусского народного собрания с расширенными полномочиями. Возможно, в будущем существование Палат Национального Собрания станет бессмысленным, и все полномочия будут переданы Всебелорусскому собранию, которое по сути станет новым Верховным Советом. Тем самым, Беларусь может вернуться к истокам государственной системы власти СССР, а в случае упразднения института президентства, вновь станет парламентской республикой [15]. Однако пока ситуация, касательно деятельности нынешнего Президента и его дальнейших планов, остается неясной. Возникший в 2020 г. политический раскол в дальнейшем снова может набрать обороты.

Итак, в текущей ситуации Президент Беларуси обладает фактически абсолютной властью, создав автократию. Принцип сменяемости власти и механизм сдержек и противовесов преданы забвению на долгие годы, поскольку действующий Президент не хочет уходить с должности до конца своей жизни.

Однако будущее спрогнозировать сложно. Есть вероятность, что в определенный момент Беларусь вновь станет на демократический путь, реформировав механизм сдержек и противовесов и сделав его более действенным и практичным.

Список литературы:

- [1] Куликова Ю.А. Причины возникновения института президентства в странах СНГ (на примере российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Азербайджан) // Юриспруденция. – 2010. – № 2. – С. 73-84.
- [2] Закон Республики Беларусь от 29 марта 1994 года № 2909-XII «О выборах Президента Республики Беларусь» (утративший силу) // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь, 1994 г., № 10, ст. 146.
- [3] Скороход, И. Г. Глава государства – функция Президента Республики Беларусь / И. Г. Скороход // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74. – № 7(176). – С. 148-160. – DOI 10.17803/1729-5920.2021.176.7.148-160. – EDN UTORHY.
- [4] Руднева, К. В. Президент Республики Беларусь как субъект административного права // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. № 3-3.
- [5] Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-XII (с изменениями и 1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-XII (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 1999 г., № 1, 1/0.
- [6] Ипатов, В. Д. Становление института президентства в Республике Беларусь / В. Д. Ипатов, Д. Г. Полещук // Право.by. – 2016. – № 6(44). – С. 5-9. – EDN XGSIJP.
- [7] Закон Республики Беларусь от 29 марта 1994 года № 2909-XII «О выборах Президента Республики Беларусь» (утративший силу) // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь, 1994 г., № 10, ст. 146.
- [8] Курьянович Александр Викторович Конституционный кризис в Республике Беларусь 1996 г.: причины, эскалация, преодоление // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2013. – № 3. – С. 63-72.
- [9] Закон Республики Беларусь от 27.11.1996 № 821-XIII «О прекращении полномочий Верховного Совета Республики Беларусь тринадцатого созыва» // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь, 1996 г., № 35, ст. 638.
- [10] Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1996 года № 818а-XIII «О Республиканском референдуме 24 ноября 1996 года в Республике

Беларусь» (утративший силу) // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь, 1996 г., № 35, ст. 632.

[11] Шупицкая, О. Н. Правовое государство и Конституция Республики Беларусь // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4 (70). – С. 64-69.

[12] Закон Республики Беларусь от 08.07.2008 № 370-З (ред. от 12.07.2023) «О Национальном собрании Республики Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2008 г., № 172, 2/1467.

[13] Закон Республики Беларусь от 07.02.2023 № 248-З «О Всебелорусском народном собрании» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 9 февраля 2023 г., 2/2968.

[14] Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь: поиск оптимальной модели и современное состояние (к 20-летию со дня принятия) / Г. А. Василевич // Право.by. – 2014. – № 2 (28). – С. 5-12. – EDN SAHQXZ.

[15] Чиркин, В. Е., Масловская, Т. С. Институт президентства в Республике Беларусь: теоретические и конституционные // Государство и право. – 2011. – № 11. – С. 125-126. – EDN OJGBFT.

Spisok literatury:

[1] Kulikova YU.A. Prichiny vozniknoveniya instituta prezidentstva v stranah SNG (na primere rossijskoj Federacii, Respubliki Belarus', Respubliki Kazahstan i Respubliki Azerbajdzhan) // YUrisprudence. – 2010. – № 2. – С. 73-84.

[2] Zakon Respubliki Belarus' ot 29 marta 1994 goda № 2909-XII «O vyborah Prezidenta Respubliki Belarus'» (utrativshij silu) // Vedomosti Verhovnogo Soveta Respubliki Belarus', 1994 g., № 10, st. 146.

[3] Skorohod, I. G. Glava gosudarstva – funkciya Prezidenta Respubliki Belarus' / I. G. Skorohod // Lex Russica (Russkij zakon). – 2021. – Т. 74. – № 7(176). – С. 148-160. – DOI 10.17803/1729-5920.2021.176.7.148-160. – EDN UTORHY.

[4] Rudneva, K. V. Prezident Respubliki Belarus' kak sub'ekt administrativnogo prava // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2016. № 3-3.

[5] Konstituciya Respubliki Belarus' ot 15 marta 1994 g. № 2875-XII (s izmeneniyami i 1. Konstituciya Respubliki Belarus' ot 15 marta 1994 g. № 2875-XII (s izmeneniyami i dopolneniyami, prinyatymi na res-

publikanskih referendumah 24 noyabrya 1996 g., 17 oktyabrya 2004 g. i 27 fevralya 2022 g.) // Nacional'nyj reestr pravovyh aktov Respubliki Belarus', 1999 g., № 1, 1/0.

[6] Ipatov, V. D. Stanovlenie instituta prezidentstva v Respublike Belarus' / V. D. Ipatov, D. G. Poleshchuk // Pravo.by. – 2016. – № 6(44). – С. 5-9. – EDN XGSIJP.

[7] Zakon Respubliki Belarus' ot 29 marta 1994 goda № 2909-XII «O vyborah Prezidenta Respubliki Belarus'» (utrativshij silu) // Vedomosti Verhovnogo Soveta Respubliki Belarus', 1994 g., № 10, st. 146.

[8] Kur'yanovich Aleksandr Viktorovich Konstitucionnyj krizis v Respublike Belarus' 1996 g.: prichiny, eskalaciya, preodolenie // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». – 2013. – № 3. – С. 63-72.

[9] Zakon Respubliki Belarus' ot 27.11.1996 № 821-XIII «O prekrashchenii polnomochij Verhovnogo Soveta Respubliki Belarus' trinadcatogo sozyva» // Vedomosti Verhovnogo Soveta Respubliki Belarus', 1996 g., № 35, st. 638.

[10] Zakon Respubliki Belarus' ot 26 noyabrya 1996 goda № 818a-XIII «O Respublikanskom referendumе 24 noyabrya 1996 goda v Respublike Belarus'» (utrativshij silu) // Vedomosti Verhovnogo Soveta Respubliki Belarus', 1996 g., № 35, st. 632.

[11] SHupickaya, O. N. Pravovoe gosudarstvo i Konstituciya Respubliki Belarus' // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2022. – № 4 (70). – С. 64-69.

[12] Zakon Respubliki Belarus' ot 08.07.2008 № 370-Z (ред. от 12.07.2023) «O Nacional'nom sobranii Respubliki Belarus'» // Nacional'nyj reestr pravovyh aktov Respubliki Belarus', 2008 g., № 172, 2/1467.

[13] Zakon Respubliki Belarus' ot 07.02.2023 № 248-Z «O Vsebelorusskom narodnom sobranii» // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus', 9 fevralya 2023 g., 2/2968.

[14] Vasilevich, G. A. Konstituciya Respubliki Belarus': poisk optimal'noj modeli i sovremennoe sostoyanie (k 20-letiyu so dnya prinyatiya) / G. A. Vasilevich // Pravo.by. – 2014. – № 2 (28). – С. 5-12. – EDN SAHQXZ.

[15] CHirkin, V. E., Maslovskaya, T. S. Institut prezidentstva v Respublike Belarus': teoreticheskie i konstitucionnye // Gosudarstvo i право. – 2011. – № 11. – С. 125-126. – EDN OJGBFT.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-38-43

ГАЛЛЯМОВ Данил Раисович,
студент Института прокуратуры,
ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
e-mail: danil-gallyamov@mail.ru

Научный руководитель:
ЖУКОВА Полина Дмитриевна,
к. ю. н., доцент
ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
e-mail: mail@law-books.ru

СУД ИСТОРИИ ДЛЯ УРОКОВ СОВРЕМЕННОСТИ: ОТ НЮРНБЕРГА К ТОКИО

Аннотация. Одним из наиболее значительных событий в области международного права стало создание специальных трибуналов, которые могли бы привлечь к ответственности лица, виновные в серьезных нарушениях и посягательствах на закон против человечности. Когда в середине 1940-х годов в Нюрнберге и Токио были созданы международные уголовные трибуналы, реакция юристов была неоднозначной. Некоторые считали, что Вторая мировая война является исключительным событием, требующим специальных средств правовой защиты, и они высоко оценили деятельность трибуналов по продвижению международного права. Другие осуждали их за юридические недостатки и утверждали, что некоторые обвинения имели обратную силу и применялись избирательно. С тех пор сменяющие друг друга поколения интерпретировали деятельность трибуналов по-своему, исходя из конфликтов и политических проблем своего времени. За последние два десятилетия были созданы новые международные суды и сопровождающееся этим возрождение интереса к их предшественникам в Нюрнберге и Токио.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, военный трибунал, суверенитет, геноцид, судебное преследование, уголовная ответственность.

GALLYAMOV Danil Raisovich,
student at the Institute of Public Prosecutor's Office,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Scientific supervisor: **ZHUKOVA Polina Dmitrievna**,
PhD in law, Associate Professor,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

THE COURT OF HISTORY FOR THE LESSONS OF MODERNITY: FROM NUREMBERG TO TOKYO

Annotation. One of the most significant developments in the field of international law has been the creation of special tribunals that could bring to justice those responsible for serious violations and infringements of the law against humanity. When the international criminal tribunals were convened in Nuremberg and Tokyo in the mid-1940s, the reaction of lawyers was mixed. Some felt that the Second World War was an exceptional event requiring special remedies, and they praised the Tribunals for promoting international law. Others condemned them for their legal shortcomings, argued that some of the charges were retroactive, and applied selectively. Since then, successive generations have interpreted the work of the Tribunals in their own way, based on the conflicts and political problems of their time. Over the past two decades, new international courts have been created and there has been a resurgence of interest in their predecessors.

Key words: international humanitarian law, military tribunal, sovereignty, genocide, prosecution, criminal liability.

Первый международный суд, который рассматривал дела ключевых немецких военных преступников, ответственных за кровавые битвы Второй мировой войны, известен как Нюрнбергский процесс. Этот трибунал фактически установил исторический прецедент, согласно которому лидеры государств, развязавшие агрессивную войну, приведшую к миллионам жертв и уничтожению наций, были осуждены и получили заслуженное наказание.

Ни один документ лучше не отражает сложность и целесообразность переговоров, предшествовавших послевоенному трибуналу в Нюрнберге, чем стенограмма заседания четырех держав. Лондонская конференция, проходившая с конца июня по начало августа 1945 года [2]. На этой встрече, которая завершилась подписанием Устава ООН и бомбардировкой Хиросимы, союзники официально обсудили предложение о создании суда для рассмотрения дела захваченных в плен лиц немецких лидеров. В итоге конференция едва не сорвалась. Американский делегат пригрозил уйти из-за вопроса о местонахождении суда, французы возражали против планов предъявления обвинений в преступлениях против мира, британцев беспокоил риск встречных обвинений со стороны Германии, а СССР отказались поддержать определение агрессии. Дебаты, в свою очередь, были острыми и запутанными. Между делегатами по общему и гражданскому праву часто возникали недоразумения, и все они были вынуждены отстаивать интересы своей страны. До последнего дня никто из них не мог быть уверен в том, что трибунал вообще будет создан, не говоря уже о том, что их обсуждения послужат концептуальной основой для двух крупных судебных заседаний - одного в Нюрнберге, другого в Токио. Это была история в процессе становления.

За 80 лет, прошедших со времени Лондонской конференции и последовавших за ней международных трибуналов, сменявшие друг друга поколения, оглядываясь назад, давали свои оценки этому послевоенному эксперименту в области международного уголовного правосудия. Примечательно, что эти интерпретации часто формировались в ответ на войны их собственного времени. Например, в конце 1960-х годов Бертран Рассел и Жан-Поль Сартр организовали свой собственный неофициальный "трибунал", чтобы осудить преступления американцев во Вьетнаме. В начале 1990-х годов Маргарет Тэтчер в связи с событиями в Ираке и Мадлен Олбрайт в связи с событиями в Боснии обращаются к нюрнбергскому идеалу.

До недавнего времени среди зарубежных исследователей было широко распространено мнение, что крупномасштабные международные

трибуналы 1940-х годов были экспериментом, который вряд ли удастся повторить. Как писал Джеффри Бест в последнее десятилетие холодной войны, Нюрнберг был "всего лишь маяком позади нас, который становился все более тусклым" [4, С. 20]. Но с возрождением интереса к международному уголовному праву после падения Берлинской стены послевоенные трибуналы приобрели новое значение для юристов и политиков, работающих в международном уголовном суде.

Они столкнулись со многими из тех же проблем. Какой метод был наиболее подходящим для определения индивидуальной ответственности за международные преступления? Какие проблемы были связаны с криминализацией агрессии или судебным преследованием за преступления против человечности? Как можно было организовать судебное разбирательство, если документальные доказательства или свидетели были недоступны?

Бесспорно, Нюрнбергский трибунал стал путеводной звездой международного уголовного правосудия. Все страны были готовы поддержать революционную идею привлечения национальных лидеров к ответственности, но также осознавали подрывающие суверенитет последствия этих обвинений и поэтому относились к ним с осторожностью. Это был первый случай в глобальной юридической практике, юристы разрабатывали все процессуальные механизмы с самого начала, что послужило фундаментом международного гуманитарного права.

Сам процесс длился 10 месяцев и проходил с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года. За это время было проведено 403 слушания, зафиксированные в 42 томах. Международный военный трибунал в Нюрнберге (МВТ) приговорил 12 человек к смертной казни, троих к пожизненному заключению, а двое получили по 20 лет тюремного наказания. Также прозвучали 3 оправдательных приговора для радиоведущего Ганса Фриче, дипломата Франца фон Папена и Ялмара Шахта, которого считали одним из главных организаторов военной экономики Германии и бывшим президентом Рейхсбанка. Однако вскоре они вновь предстали перед судом в рамках процессов по денацификации и получили различные сроки каторжных работ.

Гораздо меньше известно о Токийском процессе, который проходил с 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года и стал международным военным трибуналом для Дальнего Востока (МВТДВ). Это был второй судебный процесс над главными военными преступниками [1, С.31]. В суде принимали участие 11 стран. В течение работы судебного органа, в состав которого вошли СССР, США, Великобритания, Австралия, Канада, Франция,

Нидерланды, Новая Зеландия, Китай, Индия и Филиппины, прошло 949 заседаний, были представлены 4356 документальных материалов и 1194 показания свидетелей. В конечном списке обвиняемых оказалось 29 человек, однако перед судом предстал только 25. Каждая страна делегировала своих прокуроров и судей, но главная роль отводилась американскому прокурору. Соединенные штаты играли ключевую роль в организации процесса: во-первых, имели финансирование для его проведения, в то время как другие державы испытывали большие финансовые трудности в ходе войны, во-вторых, именно США поставили символическую точку во Второй мировой войне, сбросив атомные бомбы на Нагасаки и Хиросиму.

В то время как большинство научных работ посвящено описанию создания, исследований и влияния Международного военного трибунала в Нюрнберге, сравнительно мало трудов затрагивает аналогичные аспекты Международного военного трибунала для Дальнего Востока.

Чтобы начать исправлять этот пробел в истории по военным преступлениям, в этой работе сравниваются два значимых трибунала, созданных сразу после Второй мировой войны, отмечаются их сходства и различия, а также прослеживается формирование норм международного права современной действительности.

Общая структура каждого трибунала была одинаковой: оба были специальными международными военными трибуналами. Они признавали верховенство над всеми лицами, подозреваемыми в совершении злодеяний, подпадающих под их юрисдикцию, - все остальные лица можно было судить альтернативными способами, такими как национальные суды. МВТ и МВТДВ также могли выносить и выносили смертные приговоры [5]. Предметная юрисдикция каждого из них была одинаковой: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Ни один не допускал защиты суверенным иммунитетом или обязательного подчинения приказам вышестоящего начальства. Кроме того, в обоих трибуналах имелись механизмы для пересмотра и, в определенных пределах, изменения приговоров, но не вердиктов, вынесенных их соответствующими коллегиями. Другими словами, оба трибунала были судами первой и последней инстанции, устанавливающими факты и выносящими окончательное решение.

Как Нюрнбергский, так и Токийский процессы тщательно отбирали своих руководящих сотрудников. Прокурорский и судебный персонал каждого из них был составлен из числа победителей на своих полях военных действий во время Второй мировой войны.

Наконец, деятельность МВТ и МВТДВ была в некотором роде схожей. Оба трибунала признали одного подсудимого непригодным для участия в судебном разбирательстве, и по крайней мере, один подсудимый умер во время разбирательства, в том, и другом случае. Оба трибунала также действовали наряду с другими методами правосудия, такими, как например, односторонние специальные военные трибуналы союзников и люстрация, для рассмотрения дел лиц, подозреваемых в совершении злодеяний в пределах своей юрисдикции.

Несмотря на вышеупомянутое сходство между двумя трибуналами, они существенно отличались друг от друга. Наиболее важные различия касаются структуры, персонала и операций. Эти различия между ними часто объясняются их несопоставимыми обстоятельствами. Как Джозеф Берри Кинан, главный обвинитель Токийского процесса, так и ученый Брендан Фрэнсис Браун утверждают, что различия между МВТ и МВТДВ были "не совсем вопросом свободного выбора... [они были] в значительной степени следствием различных военных, политических и социальных ситуаций, приведших к свержению власти в Германии и Японии" [6, С.226].

Публичные заявления правительства США о том, что оно будет добиваться привлечения к ответственности японцев, подозреваемых в совершении зверств, были менее частыми, чем те, которые правительство США делало в отношении нацистов. Публичные заявления правительства США в отношении японцев в основном совпадали с его заявлениями в отношении нацистов [8, С.39]. И эти публичные заявления о привлечении японских военных преступников к ответственности прозвучали относительно поздно по сравнению с аналогичными заявлениями о нацистах. Как отмечает ученый Ричард Майнер, "главной заботой союзников (за исключением Китая) на протяжении всей Второй мировой войны были Нацистская Германия, а не Япония. Только когда закончилась европейская война и поражение Японии стало неизбежным, союзники публично объявили о своем намерении преследовать японских военных преступников" [7, С.8].

Методы, с помощью которых создавался каждый трибунал, также были различными. Хотя оба они были учреждены исполнительными соглашениями или приказами, МВТ был создан по соглашению между победившими четырехсторонними державами в военных действиях Второй мировой войны, в то время как МВТДВ был учрежден по приказу Верховного главнокомандующего. 19 января 1946 года главнокомандующий союзными оккупационными войсками генерал Дуглас Макартур издал приказ о создании трибунала для японских военных преступников.

Разбирательство в МВТ проходило во Дворце правосудия в Нюрнберге, несмотря на то, что постоянным местом пребывания этого трибунала был назначен Берлин. Судебное заседание на высшем уровне проходило в аудитории старого военного министерства Японии в токийском районе Итигая, которая была назначена постоянным местом пребывания этого трибунала. Дворец правосудия был намного величественнее, что заставило некоторых наблюдателей утверждать, что место проведения МВТДВ было неподходящим и второсортным по сравнению с ним [7, С.3].

В юрисдикции этих двух трибуналов было два ключевых различия. Во-первых, МВТДВ требовал установления связи между преступлениями предположительно совершенными обвиняемыми, и преступлениями против мира принимая во внимание, что МВТ не требовал такого предварительного условия для судебного преследования. Если бы лица, разыскиваемые МВТДВ, предположительно не совершали преступления против мира, то с ними пришлось бы бороться с помощью альтернативных вариантов правосудия переходного периода. Другое из этих различий касалось способности каждого трибунала объявлять группы или организации преступными: МВТ мог это делать, в то время как МВТДВ - нет.

Существовали различия в количестве и типе официальных языков двух трибуналов. Уставы обоих трибуналов предусматривали проводить судебное разбирательство или переводить официальные документы на язык, понятный обвиняемым, а также на любой другой язык, который трибунал сочтет необходимым или желательным. Возможно, это противоречит здравому смыслу, но, несмотря на то, что в МВТДВ участвовало больше государств, представляющих большее число родных языков, чем в МВТ, официальных языков в ней было вдвое меньше. То разбирательство в МВТ велось - и все официальные документы были подготовлены - на английском, французском, русском и языке ответчика (немецком), в то время как в МВТДВ, помимо языка ответчика (японского), был только один официальный язык - английский.

Составы МВТ и МВТДВ значительно отличались друг от друга. Во-первых, численность и система отбора судей были разными. В МВТ было четыре судьи и четыре заместителя. По одному судье и его заместителю были назначены непосредственно каждой из сторон, подписавших Хартию МВТ, Большой четверкой (Францией, Великобританией, США и СССР). Для сравнения, в МВТДВ было одиннадцать судей и ни одного заместителя. По одному судье МВТДВ было назначено каждым из одиннадцати государств, участвовавших в разгроме Японии [3]. Таким

образом, по сравнению с МВТ, в коллегии МВТДВ было почти в три раза больше мест, и в ней было представлено почти в три раза больше государств (включая все те государства, которые были представлены в МВТ). У МВТ было четыре главных обвинителя, по одному от каждой из Большой четверки, подписавшей соглашение. В МВТДВ главный прокурор представлял США.

Наиболее существенное различие между МВТ и МВТДВ касалось обвинительных заключений. Обвинительный акт МВТ содержал четыре пункта, в то время как обвинительный акт МВТДВ содержал пятьдесят пять. Кроме того, в обвинительном заключении МВТ были предъявлены обвинения двадцати четырем лицам и шести организациям, в то время как в обвинительном заключении МВТДВ были предъявлены обвинения двадцати восемью лицам и не было указано ни одной организации.

Еще одно важное отличие Токийского процесса заключалось в его атмосфере: в отличие от Нюрнберга, где страны-победительницы старались выступать единым фронтом, несмотря на существующие расхождения, в Токио разногласия стали уже явно заметны. За два месяца до начала процесса, 5 марта 1946 года, Уинстон Черчилль произнес свою знаменитую Фултонскую речь, которая положила начало Холодной войне, и поэтому трибунал в Токио проходил в условиях нарастающего напряжения между США и СССР. Весь процесс принял форму борьбы за сферы влияния на Дальнем Востоке, от результата которой зависело, каким путём пойдет Япония — коммунистическим или капиталистическим. Острота противоречий нарастала с каждым днем до такой степени, что советской делегации даже было отказано в предоставлении бесплатных обедов, которые полагались всем другим представителям стран — участниц Токийского процесса.

Токийский трибунал и Нюрнбергский процесс стали основополагающими событиями в формировании норм и принципов современного международного права, связанных с наказанием за военные преступления, преступления против мира и человечности.

Список литературы:

- [1] Петухов, Н. А. Нюрнберг в Токио: судебные процессы над японскими военными преступниками / Н. А. Петухов, Е. В. Рябцева // Правосудие. — 2024. — Т. 6, № 4. — С. 30-42.
- [2] Avalon Project - Report of Robert H. Jackson, United States Representative to the International Conference on Military Trials: London, 1945 [Электронный ресурс]. — URL: https://avalon.law.yale.edu/subject_menus/jackson.asp (Дата обращения: 03.03.2025)

[3] Ball Howard, Prosecuting war crimes and Genocide: the twentieth century experience Lawrence: University of Kansas Press, 1999, 304p.

[4] Best Geoffrey, Nuremberg and After: The Continuing History of War Crimes and Crimes against Humanity, 1984, 29p.

[5] Charter of the International Military Tribunal art. 27, Aug. 8, 1945, [Электронный ресурс]. — URL: <http://avalon.law.yale.edu/imt/imtconst.asp> (Дата обращения: 05.03.2025)

[6] Keenan Joseph Berry and Brown Brendan Francis, Crimes against international law, Ex-library Edition, 1950, 226p.

[7] Minear Richard H., Victors' justice; the Tokyo war crimes trial Princeton Legacy Library, 2016, 254p.

[8] Solis Horwitz, The Tokyo Trial: International Conciliation, No. 465, November 1950, 118p.

Spisok literary:

[1] Petuhov, N. A. Nyurnberg v Tokio: sudebnye processy nad yaponskimi voennymi prestupnikami / N. A. Petuhov, E. V. Ryabceva // Pravosudie. — 2024. — Т. 6, № 4. — С. 30-42.

[2] Avalon Project - Report of Robert H. Jackson, United States Representative to the International Conference on Military Trials: London, 1945 [Elektronnyj resurs]. — URL: https://avalon.law.yale.edu/subject_menus/jackson.asp (Дата обращения: 03.03.2025)

[3] Ball Howard, Prosecuting war crimes and Genocide: the twentieth century experience Lawrence: University of Kansas Press, 1999, 304p.

[4] Best Geoffrey, Nuremberg and After: The Continuing History of War Crimes and Crimes against Humanity, 1984, 29p.

[5] Charter of the International Military Tribunal art. 27, Aug. 8, 1945, [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://avalon.law.yale.edu/imt/imtconst.asp> (Дата обращения: 05.03.2025)

[6] Keenan Joseph Berry and Brown Brendan Francis, Crimes against international law, Ex-library Edition, 1950, 226p.

[7] Minear Richard H., Victors' justice; the Tokyo war crimes trial Princeton Legacy Library, 2016, 254p.

[8] Solis Horwitz, The Tokyo Trial: International Conciliation, No. 465, November 1950, 118p.

Приложение 1: Сравнение МВТ и МВТДВ

		МВТ	МВТДВ
Местоположение	Страна	Германия, Дворец правосудия, Нюрнберг	Япония, Итигайский дворец, Токио
Время	Продолжительность судебного разбира- тельства	20 ноября 1945 года - 1 октября 1946 года	3 мая 1946 года – 12 ноября 1948 года
Судьи	Общее количество	4 основных и 4 альтернативных	11 основных и 0 альтернативных
	Главный судья/пред- седатель трибунала	Великобритания: сэр Джеффри Лоуренс	Австралия: сэр Уильям Уэбб
	Выборная система для главной судьи/ председателя трибу- нала	Выбран большинством голосов среди судей.	Назначен Верховным главно- командующий союзных дер- жав.
	Список стран участни- ков	СССР, США, Велико- британия и Франции.	США, Китай, Великобритания, Австралия, Канада, Франция, Нидерланды, Новая Зелан- дия, СССР, Индия и Филип- пины.

Прокуроры	Выборная система	Каждый из Большой четверки мог напрямую назначать своих собственных заместителей прокурора.	Каждое из 11 государств, которые находились в состоянии войны с Японией, могло назначить своих собственных заместителей прокурора при условии утверждения Верховным главнокомандующий союзных держав.
Юрисдикция	Пункты обвинительного заключения	4	55
	Предмет обсуждения	Преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности	Преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности
Подсудимые	Организации, которым предъявлены обвинения	6	0
	Количество осужденных	24	28
Судебный приговор	Максимальное наказание	Смертная казнь	Смертная казнь
Языки	Список официальных языков	4 русский, английский, французский немецкий (язык ответчика)	2 английский, японский (язык ответчика)

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-44-47

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

КУЗНЕЦОВ Арсений Игоревич,
Московский авиационный институт,
e-mail: a.kuznetsovvv@mail.ru

ГОЛУБКОВА Дарья Сергеевна,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: dadderli@list.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АВИАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается исследование влияния санкционных ограничений в настоящий период времени на развитие авиационной отрасли в Российской Федерации. Рассматриваются технико-экономические и правовые проблемы реализации гражданских авиационных проектов в условиях дефицита комплектующих и разрыва международного сотрудничества по вопросам импорта и экспорта необходимых запчастей. Анализируются нормативные изменения, вызванные необходимостью импортозамещения и адаптации к новым условиям. Также отдельное внимание уделяется устойчивости военной и гражданской авиации в условиях санкционных ограничений. Формулируются выводы и рекомендации, направленные на совершенствование и повышение эффективности правового регулирования авиационной деятельности в современных реалиях. Результаты работы можно рекомендовать специалистам в области авиационного права, а также авиационной промышленности, для ознакомления, проведения дальнейших мероприятий по совершенствованию авиационной отрасли в Российской Федерации.

Ключевые слова: авиация, санкции, авиационное право, нормативное регулирование, импортозамещение, авиационные технологии.

KUZNETSOV Arseniy Igorevich,
Moscow Aviation Institute

GOLUBKOVA Darya Sergeevna,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

LEGAL ASPECTS OF AVIATION FUNCTIONING IN THE CONTEXT OF SANCTIONS PRESSURE

Annotation. The article examines the impact of sanctions restrictions in the current period of time on the development of the aviation industry in the Russian Federation. The technical, economic and legal problems of the implementation of civil aviation projects in the context of a shortage of components and a gap in international cooperation on the import and export of necessary spare parts are considered. The article analyzes the regulatory changes caused by the need for import substitution and adaptation to new conditions. Special attention is also paid to the stability of military and civilian aviation in the face of sanctions restrictions. The conclusions and recommendations aimed at improving and increasing the effectiveness of the legal regulation of aviation activities in modern realities are formulated. The results of the work can be recommended to specialists in the field of aviation law, as well as the aviation industry, for familiarization and further measures to improve the aviation industry in the Russian Federation.

Key words: aviation, sanctions, aviation law, regulatory regulation, import substitution, aviation technologies.

Авиационной отрасли в Российской Федерации уже довольно продолжительное время отведено стратегически важное место в национальной экономике, что обуславливается обеспечением постоянной и эффективной коммуникации между регионами государства, поддержанием международных связей в сфере торговли и туризма, эффективным воздействием на развитие научно-технического потенциала страны.

Важно отметить, что поддержание транспортно-авиационной связи на территории России, посредством авиаперевозок и авиаперелетов, является необходимым элементом всей транспортной системы страны в целом, что является одним из ключевых аспектов в условиях разнообразных климатических и часовых поясов, а также самой протяженности территории Российской Федерации.

На данный момент в авиационной отрасли России можно выделить четырех субъектов, в первую очередь, к которым относятся непосредственно сами авиаперевозчики: ПАО «Аэрофлот» и его дочерние авиакомпании, к которым в том числе относятся АО «Авиакомпания «Россия» и ООО «Авиакомпания Победа», Utair, S7 Airlines ОАО АК «Уральские авиалинии», и другие. Кроме того, в перечень субъектов входят организации, деятельность которых направлена на производство и дальнейшее обслуживание воздушных судов: ПАО «Ил», ПАО «Яковлев», ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация», и т.д. Также, помимо перечисленных, в Российской Федерации существует Министерство транспорта Российской Федерации, Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиация), Министерство промышленности и торговли РФ, специализированные сертификационные органы, представляющие собой определенные государственные структуры регулирующие авиационную деятельность в России [2]. Четвертым и не менее важным субъектом авиационной отрасли является Государственная корпорация Ростех, регулирующая и координирующая деятельность предприятий оборонно-промышленного сектора, к которым в том числе относится предприятия авиационной промышленности.

Деятельность указанных субъектов и авиационная отрасль в целом регулируется на территории Российской Федерации рядом нормативных актов, основными из которых являются: Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ; Федеральные законы «О промышленной политике» и «О государственной регистрации прав на воздушные суда»; ряд Актов Правительства Российской Федерации и нормативных актов Федерального воздушного транспорта и Министерства транспорта Россий-

ской Федерации. Также одним из важных аспектов являются международные договоры и соглашения, участником которых является Россия, поскольку они также регулируют многие области авиационного права.

Однако, начиная с 2022 года, в отношении Российской Федерации, со стороны Соединенных Штатов Америки и стран Европейского союза, были введены санкционные меры, которые отразились на авиационной отрасли в том числе, поскольку данные ограничения коснулись запрета на поставку воздушных судов и авиационных запчастей, прекращения технического обслуживания российских авиакомпаний за границей, приостановления сотрудничества в области научно-технических авиационных разработок и решений.

Прекращение сотрудничества по поставке заграничных комплектующих и разработке совместных технологических решений, оказалось неожиданным вызовом для гражданской авиации, поскольку последние десятилетия была налажена работа по поставке авиазапчастей, применяемых в российской сфере авиаконструирования [3 с. 130], в связи с чем санкционное давление в первый год также сильно отразилось на реализации авиационных проектов Российской Федерации, таких как SSJ100, MC-21, Tu-214 и Ил-96-400М.

Например, в составе SSJ100 доля импортных компонентов превышала 70 %. Также санкционные меры отразились и на поставке двигателей SaM146, которые были разработаны совместно с французскими предприятиями. Ряд введенных ограничений коснулся, в том числе, производства СУ-30СМ, поскольку изначально предполагалось использование французских курсо-глиссадных систем Thales HUD 3022. Однако, важно отметить, что даже в таких условиях, в довольно короткие сроки Иркутскому авиазаводу удалось успешно реализовать импортозамещение данных систем, по итогам которого авиазаводом был выпущен новый вариант СУ-30СМ, на базе ответственной курсо-глиссадной системы, а также ряд новых двигателей для авиапромышленности. Кроме того, производство композитного крыла MC-21 предполагало использование японских и американских углеродных волокон, что стало впоследствии невозможным с учетом введенных санкционных мер [4 с.39].

До введения санкций с экономической точки зрения, для более финансово выгодного и быстрого развития авиационной промышленности, было целесообразней приобрести некоторые недостающие комплектующие у иностранных государств, однако начало санкционного давления, поставило перед отечественными авиаконструкторами ряд задач по ускорению развития авиапромышленности, в том числе посредством

производства собственных наработок, которые в дальнейшем будут применяться в российской авиапромышленности и поспособствуют полной независимости российской авиационной отрасли от импортных комплектующих.

Также санкционные меры указали на существующую на тот момент неопределенность с точки зрения правового регулирования авиации, поскольку отсутствовало четкое определение права собственности на воздушные суда, которые после расторжения международных лизинговых договоров, были перерегистрированы в российский реестр воздушных судов. Кроме того, были выявлены пробелы в правовом регулировании аварийного замещения технологий в гражданском авиастроении. Также возник ряд вопросов, связанных с началом использования полностью отечественных запчастей, в связи с тем, что отсутствовало международное признание проведения подобных процедур.

В новых условиях, с целью снижения влияния санкционных мер, был оперативно предпринят ряд нормативных нововведений, одно из которых, это упрощение процедур государственной регистрации воздушных судов, введенное Приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 18.01.2023 № 11 «Об утверждении Правил государственной регистрации гражданских воздушных судов в Российской Федерации». Так, срок государственной регистрации воздушного судна в настоящее время, уменьшился до 5 рабочих дней, следующих за днем подачи документов для проведения процедуры регистрации.

Также одним из нормативных нововведений стало упрощение процедуры сертификации отечественных запчастей в авиационной отрасли, в связи с чем, в ст. 37 Воздушного Кодекса Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ были внесены изменения, в соответствии с которым, теперь можно провести сертификацию авиационных конструкций и запчастей, признанных типовыми и соответствующими требованиям установленным законодательством.

Кроме того, нормативные нововведения повлияли на разработку и реализацию программ по импортозамещению. Постановлением Правительства Российской Федерации № 4114 от 22.11.2022 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности» и Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1693-р от 25.06.2022 были определены приоритетные цели государства в сфере авиационной деятельности, из которых наиболее важными являются цели по наращиванию мощностей отечественного авиапроизводства, увеличение производства авиационной техники российского произ-

водства и достижение независимости Российской Федерации от зарубежных авиатехнологий.

Помимо этого, Постановлением Правительства РФ от 19.03.2022 № 411 «Об особенностях государственной регистрации предназначенных для выполнения полетов гражданских воздушных судов в Государственном реестре гражданских воздушных судов Российской Федерации и государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» были внесены изменения в Федеральные законы, устанавливающие приоритет российского реестра воздушных судов, перед реестром иностранных государств.

Также одной из ключевых задач законодательных нововведений, было создание национальных реестров авиационного оборудования с установлением четких стандартов по его производству и обслуживанию.

Данные меры не только повлияли на уменьшение санкционного давления на авиационную промышленность, но и поспособствовали возрастанию независимости Российской Федерации в части технологического аспекта авиационной отрасли.

Важно отметить, что в данный момент Россия продолжает активно поддерживать сотрудничество с государствами, не присоединившимися к санкционным мерам, введенным против Российской Федерации, к которым, в частности, относятся Китай, страны Ближнего Востока и Латинской Америки. Указанные направления на данный момент являются одними из самых перспективных, поскольку позволяют привлекать не только зарубежные технологии и обмениваться опытом, но и привлекать инвестиции для совместных разработок и упрощения сотрудничества в авиационной сфере.

В настоящее время, перспективы дальнейшего продуктивного развития авиапромышленности определяет результат выполнения поставленных задач, таких как: завершение реализации полного импортозамещения, развитие законодательных механизмов регулирования авиационной промышленности и окончательное устранение существующих на данный момент пробелов в авиационном законодательстве, укрепление сотрудничества с дружественными государствами в сфере авиации.

Однако, нельзя не отметить, что несмотря на введение санкционных мер гражданская авиация проявляет высокую устойчивость, своевременно адаптируясь под новые условия и успешно разрабатывая отечественные наработки по импортозамещению комплектующих, что способствует сохранению конкурентоспособности российской авиационной отрасли на международном уровне.

На данный момент мы видим развитие гражданской авиации в условиях санкционного давления в продолжении совершенствования авиационного законодательства, активной разработки дополнительных программ по импортозамещению и поддержке новых проектов в сфере гражданской авиации, увеличения кадрового числа профессиональных специалистов в сфере авиаконструкторства, а также в поддержании международных отношений с дружественными государствами по вопросам авиации.

Таким образом, в новых условиях развитие российской авиационной отрасли требует комплексного подхода, сочетающего разработку новых технологичных проектов и модернизацию, а также продолжение совершенствования правового регулирования авиационной промышленности.

Список литературы:

[1] Кызим Е.Р. Проблемы повышения эффективности государственного регулирования в сфере гражданской авиации // Е.Р. Кэзим // Образование и право. — 2025.- № 1. — С. 77-79.

[2] Дραπεза Е.В., Андреева Е. С. Анализ актуальных для Российской Федерации направлений разработки импортозамещающих технологий // Е.В. Дραπεза, Е.С. Андреева // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2022. - № 12-1. — С. 128-132.

[3] Корепанова Е.Г., Полукчу К.Е., Корепанов Л.Е. Современные проблемы гражданской авиации РФ // Е.Г. Корепанова, К.Е. Полукчу, Л.Е. Корепанов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2022. - № 3. — С. 37-39.

[4] Ахметова А. Д. Чикагская конвенция: проблемы актуальности и возможность создания абсолютно нового соглашения // А.Д. Ахметова // Вестник науки. — 2021. - № 4 (37). — С. 104-111

[5] В.Н. Керницкий, Е.Л. Фарафонтова Проблемы правового регулирования гражданской авиации в России // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2020. - № 3. — С. 697-699.

[6] Чинючин Ю.М. Летная годность воздушных судов в системе управления безопасностью полетов / Ю.М. Чинючин. — Москва, Вологда: Инфра-Инженерия, 2024. — 188 с.

Spisok literatury:

[1] Kyzim E.R. Problemy povysheniya effektivnosti gosudarstvennogo regulirovaniya v sfere grazhdanskoj aviacii // E.R. Kezim // Obrazovanie i pravo. — 2025.- № 1. — S. 77-79.

[2] Drapeza E.V., Andreeva E. S. Analiz aktual'nyh dlya Rossijskoj Federacii napravlenij razrabotki importozameshchayushchih tekhnologij // E.V. Drapeza, E.S. Andreeva // Ekonomika i biznes: teorija i praktika. — 2022. - № 12-1. — С. 128-132.

[3] Korepanova E.G., Polukchu K.E., Korepanov L.E. Sovremennye problemy grazhdanskoj aviacii RF // E.G. Korepanova, K.E. Polukchu, L.E. Korepanov // Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavtiki. — 2022. - № 3. — S. 37-39.

[4] Ahmetova A. D. CHikagaskaya konvenciya: problemy aktual'nosti i vozmozhnost' sozdaniya absolyutno novogo soglasheniya // A.D. Ahmetova // Vestnik nauki. — 2021. - № 4 (37). — S. 104-111.

[5] V.N. Kernickij, E.L. Farafontova Problemy pravovogo regulirovaniya grazhdanskoj aviacii v Rossii // Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavtiki. — 2020. - № 3. — S. 697-699.

[6] CHinyuchin YU.M. Letnaya godnost' vozдушnyh sudov v sisteme upravleniya bezopasnost'yu poletov / YU.M. CHinyuchin. — Moskva, Vologda: Infra-Inzheneriya, 2024. — 188 с.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-48-53

КУЛЕШОВ Георгий Николаевич,
доцент кафедры юриспруденции АНОВО «ММУ»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОЧАЛИНА Людмила Николаевна,
доцент кафедры юриспруденции АНОВО «ММУ»,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧИНАРЯН Елена Олеговна,
доцент кафедры общей юриспруденции РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

БОЛЬШАКОВА Оксана Геннадьевна,
преподаватель Колледжа РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЛУТОВИНОВА Наталья Викторовна,
преподаватель Колледжа РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ: ПОДХОДЫ И ТИПЫ

Аннотация. Автор анализирует классификацию государств всеобщего благосостояния в зависимости от степени влияния рынка на благополучие людей и социальной справедливости в обществе, рассматривает проблемы реализация идеальной модели государства всеобщего благосостояния на территории России.

Ключевые слова: государство всеобщего благосостояния, социальное государство, модели социального государства, социальная политика.

KULESHOV Georgy Nikolaevich,
Associate Professor, Department of Jurisprudence, ANOVO "MMU"

POCHALINA Lyudmila Nikolaevna,
Associate Professor, Department of Jurisprudence, ANOVO "MMU"

CHINARIAN Elena Olegovna,
Associate Professor, Department of General Jurisprudence, RSSU

BOLSHAKOVA Oksana Gennadievna,
Lecturer at RSSU College

LUTOVINOVA Natalia Viktorovna,
Lecturer at RSSU College

WELFARE STATE CONCEPT: APPROACHES AND TYPES

Annotation. The author analyzes the classification of welfare states depending on the degree of market influence on the well-being of people and social justice in society, considers the problems of implementing an ideal model of a welfare state in Russia.

Key words: welfare state, welfare state, welfare state models, social policy.

Государство всеобщего благосостояния – это концепция, согласно которой предполагается активная роль государства и развитых систем социальных институтов в обеспечении экономического и социального благополучия всех граждан. Данная модель основывается на принципах равных возможностей, справедливого распределения источников и ресурсов, в также социальной ответственности за уязвимые слои населения, которым по тем или иным причинам недоступно обеспечение жизненных потребностей на базовом уровне. При этом термин «государство всеобщего благосостояния» охватывает самый широкий спектр экономических и социальных моделей, каждая из которых имеет свои особенности.

По мнению социолога Томаса Хамфри Маршалла, государство всеобщего благосостояния представляет собой уникальную форму организации общества, сочетающую в себе принципы демократии, обеспечения благополучия граждан и рыночной экономики. В рамках данной модели посредством системы прогрессивного налогообложения осуществляется перераспределение доходов и ресурсов. Это позволяет гарантировать всем гражданам, независимо от их социального и материального положения, доступ к бесплатным государственным услугам в сфере образования и здравоохранения. Кроме того, социально уязвимые слои населения могут получить адресную поддержку и социальную помощь [8].

Концепция государства всеобщего благосостояния характеризуется многогранностью интерпретаций и отсутствием единых базовых моделей. Кроме того, нет однозначной терминологии для обозначения данного понятия. В качестве синонимов используются такие термины, как «social state» (социальное государство), «social service state» (государство социального обслуживания), «service state» (государство обслуживания) и «planned state» (плановое государство) [6].

Появление этой концепции было обусловлено процессами индустриализации и урбанизации, которые привели к разрушению традиционных социальных структур. Государство вынуждено было взять на себя социальные функции, ранее выполнявшиеся этими структурами, такие как поддержка нетрудоспособных граждан и обеспечение престарелых.

В своей работе «Три мира капитализма благоденствия», опубликованной в начале XX века, датский социолог Йёста Эспинг-Андерсен классифицирует государства всеобщего благосостояния в зависимости от степени влияния рынка на благополучие людей и социальной справедливости в обществе. При этом он выделяет три типа:

- социал-демократический, основанный на принципах универсализма и независимости граждан от рынка;
- христианско-демократический (франко-германская модель), опирающийся на принцип субсидиарности;
- либеральный или неолиберальный, в котором преобладают рыночные механизмы [9].
- В целях лучшего понимания этой классификации рассмотрим более подробно каждую из них.

Социал-демократическая модель отличается высоким уровнем отделения общественных благ от рынка, низкой степенью социального расслоения и активным государственным обеспечением. Государство осуществляет как регулирование рынков, так и прямое финансирование программ социальной поддержки малообеспеченных слоев населения. Изначально социал-демократические принципы основывались на поддержке профсоюзных и других демократических организаций, но впоследствии распространились на всех граждан государства, гарантируя им равный доступ к льготам независимо от уровня дохода и трудового вклада. Эта модель действует, например, в таких странах, как Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция и Нидерланды.

Франко-германская (корпоративистская или христианско-демократическая) модель также характеризуется высоким уровнем отделения общественных благ от рынка, однако она допускает значительное расслоение общества по доходам и социальному статусу. Государство играет активную роль, предоставляя прямое финансовое обеспечение и регулируя рынки. Консервативные принципы корпоративистской социальной помощи предполагают наличие различных социальных программ, ориентированных на специфические профессиональные и статусные группы в зависимости от их трудового вклада. Эта модель действует в таких странах, как Австрия, Германия, Бельгия, Франция, Италия и Испания.

Неолиберальная модель характеризуется низким уровнем отделения общественных благ от рынка, значительным расслоением населения по уровню доходов и активным государственным регулированием рынка. Социальная помощь в рамках этой модели предоставляется в минимальном объеме и направлена на поддержку наиболее уязвимых слоев населения, неспособных обеспечить себя самостоятельно [5]. Такая модель характерна, например, для Австралии, Новой Зеландии, Канады, США, Швейцарии, Японии и России.

Основной чертой государства всеобщего благосостояния является полноценное социаль-

ное обеспечение граждан всех возрастов и независимо от их положения в обществе. При этом одним из главных принципов государства всеобщего благосостояния является система социального страхования, распространенная в большинстве развитых индустриальных стран мира. Примерами таких систем могут служить национальное страхование в Великобритании и социальное обеспечение в США. Финансирование такого страхования осуществляется за счет обязательных взносов и направлено на оказание поддержки лицам и семьям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Однако, как показывает практика, размер поддержки и, в частности, денежных пособий, часто оказывается ниже потребностей населения, но, тем не менее, это существенная помощь, которая оказывает влияние на благополучие отдельных категорий граждан.

В рамках государства всеобщего благосостояния также предусматривается государственное обеспечение базового образования, медицинской помощи и жилья (в некоторых случаях по льготным ценам или бесплатно). При этом объем предоставления таких услуг в странах Западной Европы значительно шире, чем в Соединенных Штатах. В европейских странах часто существует также медицинское страхование и субсидии на высшее образование. При этом в США медицина платная и имеет высокую стоимость, а субсидии на образование зачастую не покрывают потребности населения. В России также существует программа обязательного социального страхования граждан, которая пополняется за счет страховых взносов. При этом в случае дефицита – она пополняется за счет федерального бюджета.

Программа борьбы с бедностью и система прогрессивного налогообложения населения страны могут быть рассмотрены как составные части концепции государства всеобщего благосостояния. Прогрессивное налогообложение, направленное на достижение большей справедливости в распределении доходов, а не только на увеличение государственных доходов, и финансирование социальных выплат и пособий за счет него, служат примером такой интеграции. В социалистических странах к этой категории также относятся мероприятия по обеспечению занятости населения и регулированию цен на потребительские товары.

Современное понимание термина «государство всеобщего благосостояния» связано с комплексными мерами социального обеспечения, принятыми в Великобритании в 1948 году на основе доклада Уильяма Бевериджа «Социальное страхование и связанные с ним услуги» (1942) [4].

Английский экономист Уильям Беверидж (1879-1963 гг.) предложил модель послевоенного государства с всеобъемлющей системой социального обеспечения, охватывающей весь жизненный цикл человека. До него государство всеобщего благосостояния рассматривалось как институт, предоставляющий ограниченный набор социальных услуг уязвимым группам населения: престарелым, детям, инвалидам и т.д. У. Беверидж же впервые сформулировал концепцию социального страхования, гарантирующего всем гражданам страны базовый доход и необходимые условия для достойного существования, независимо от их индивидуальных обстоятельств. В своем докладе он детально изложил ключевые принципы и задачи государства всеобщего благосостояния, такие как введение семейных пособий, обеспечение полной занятости и создание национальной системы здравоохранения. Этот документ был воспринят обществом как революционный, предлагая новую парадигму организации социальной защиты на основе универсального подхода к социальной политике [4].

В XX веке, по мере того как концепция пассивного государства невмешательства теряла свою актуальность, практически все страны стремились к реализации хотя бы некоторых мер социального обеспечения в рамках концепции государства всеобщего благосостояния.

Революционные и экономические потрясения начала XX века сделали концепцию государства всеобщего благосостояния доминирующей моделью социально-экономического развития ведущих капиталистических стран вплоть до конца 1970-х годов [7].

Так, в США программы «Новый курс» президента Франклина Рузвельта, «Справедливый курс» президента Гарри Трумэна и многие другие внутренние инициативы последующих президентов основывались на принципах государства всеобщего благосостояния. По их мнению, в своей наиболее полной форме государство всеобщего благосостояния должно обеспечивать поддержку гражданам на протяжении всей жизни, «от колыбели до могилы», как это реализовано в Нидерландах и странах Скандинавии, управляемых социал-демократическими правительствами.

В СССР концепции «государства всеобщего благосостояния», «социального государства» и «социального рыночного хозяйства» подвергались жёсткой критике и трактовались, как попытки западной идеологии завуалировать эксплуататорскую сущность капитализма, придать привлекательный вид буржуазному обществу. Данная позиция была сформулирована Программой Коммунистической партии Советского Союза, принятой на

XXII съезде в 1961 году. В этом документе подчеркивалось, что сторонники буржуазного строя, именую его «государством всеобщего благоденствия», создают иллюзию противостояния капиталистического государства монополиям и возможности достижения социальной гармонии и всеобщего благополучия [2].

Противостояние идеологических систем СССР и Запада неизбежно привело к тому, что советские и западные исследователи стремились дискредитировать друг друга в области социальной политики. Советские ученые критиковали «государство всеобщего благосостояния» на Западе, указывая на высокую безработицу и пенсионный возраст, а также на систему страховых взносов с населения. Западные исследователи, в свою очередь, старались не замечать успехи СССР в социальной сфере и считали неприемлемым применение термина «государство всеобщего благосостояния» к советской модели [2].

В советской литературе пенсионный возраст в 70 лет, существовавший в Норвегии до начала 1970-х годов и позднее сниженный до 67 лет, рассматривался как проявление интенсивной эксплуатации рабочей силы. Ведь в СССР установленный пенсионный возраст для мужчин составлял 60 лет, а для женщин – 55 лет. Дополнительные льготы по выходу на пенсию предоставлялись определенным категориям граждан, к которым относились работники, занятые в тяжелых и опасных условиях труда (подземные работы, горячие цехи), многодетные матери, инвалиды войны, а также лица, трудившиеся в районах Крайнего Севера. При этом ранний выход на пенсию по старости (в возрасте 45-50 лет) не приводил к уменьшению размера пенсионных выплат [2].

К концу 1970-х – началу 1980-х годов модель государства всеобщего благосостояния столкнулась с серьезным кризисом, спровоцированным «неоконсервативной революцией» и победой идеологии тэтчеризма и рейганомии. В период господства неolibеральной модели в ряде стран наблюдался демонтаж ключевых элементов системы социального обеспечения. В настоящее время основную защиту принципов государства всеобщего благосостояния осуществляют левосоциалистические партии, которые ранее критиковали эту модель, в то время как социал-демократические силы переориентировались на так называемый «третий путь». Он предполагает не стремление к созданию идеальной модели государства всеобщего благосостояния, а к внедрению неolibеральных и консервативных идей с целью переложить часть функций по созданию такого государства на гражданское население.

Таким образом, концепция государства всеобщего благосостояния, зародившаяся в XIX и XX

веках, представляет собой совокупность идей о том, что правительство того или иного государства обязано обеспечивать своим гражданам высокий уровень жизни и нести ответственность за предоставление определенного спектра социальных услуг. После 70-х годов прошлого века эта идея претерпела существенные изменения и в настоящее время только некоторые западноевропейские, а также скандинавские страны продолжают стремиться к созданию идеального государства всеобщего благосостояния. При этом многие развивающиеся страны ставят своей целью только создание какой-либо формы государства всеобщего благосостояния в отдельных его аспектах и без стремления к абсолютизации.

Важно отметить, что в процессе цивилизационного развития модель государства всеобщего благосостояния заимствовала некоторые принципы либерализма. Однако отождествлять государство всеобщего благосостояния с либеральным государством, которое защищает интересы частных собственников, было бы неверным. Радикальный либерализм рассматривает социальное государство как искусственное образование, поскольку его стремление к дистрибутивной справедливости ограничивает индивидуальную свободу. С этой точки зрения, неравенство и социальные различия обусловлены случайными факторами, а расслоение по доходам носит естественный характер. Объективность и неизбежность неравенства делают любое перераспределение благ социально опасным. Поэтому роль государства сводится к ограничению общественного неравенства с помощью правовых механизмов, предотвращая противоправные действия [6].

Россия с точки зрения Конституции Российской Федерации является социальным государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (Статья 7) [3]. Некоторые исследователи считают, что «государство всеобщего благосостояния» и «социальное государство» это синонимы, ведь речь идет о государстве с высоким уровнем социально-экономического благосостояния населения при высоком уровне реализации демократических прав и свобод граждан [1]. Считаем, что это условно верный подход. Термин «всеобщий» предполагает, что все без исключения граждане имеют одинаковый уровень благосостояния, что выглядит идеалистическим и неосуществимым в реальности.

Если рассматривать государство всеобщего благосостояния, как играющего ключевую роль в защите и развитии экономического и социального благополучия своих граждан, осуществляющего перераспределение доходов и богатства страны, в результате которого гражданам независимо от

уровня их дохода предоставляются бесплатные услуги в сфере образования и здравоохранения, то такое государство можно назвать условно социальным. Если государство поддерживает социально уязвимые категории населения, выплачивая им пособия по безработице и пособия малообеспеченным семьям, а также доплаты низкооплачиваемым работникам и выплаты пенсионного обеспечения по возрасту, то, безусловно, такое государство можно считать полноценно социальным, но при этом его нельзя назвать «государством всеобщего благосостояния». Например, Россию можно назвать только условно государством всеобщего благосостояния, т.к. уровень государственной социальной поддержки населения, на наш взгляд, существенно не дотягивает до понятия «государства всеобщего благосостояния», как и до уровня большинства западных стран.

Причина в экономическом отставании России и невысоком уровне благополучия граждан в сравнении с некоторыми западными странами, в которых уровень дохода населения существенно выше, чем в России. Выплаты, пособия и пенсионное обеспечение, которые выплачиваются в России, не могут обеспечить достойный уровень существования граждан в сравнении с множеством западных стран. В рамках описанных моделей государства всеобщего благосостояния, в России преобладает неолиберальная модель, согласно которой граждане должны самостоятельно заботиться о своем благополучии. При этом государство оказывает незначительную поддержку отдельным категориям населения, которая на фоне инфляции в стране, выглядит минималистической и не соответствующей обеспечению потребностей людей, что в свою очередь не может сочетаться с полноценным воплощением в России идеи государства всеобщего благосостояния. Таким образом, Россию можно назвать неолиберальным социальным государством, имеющим признаки государства всеобщего благосостояния.

В заключении можно раскрыть некоторые проблемы, которые препятствуют реализации идеальной модели государства всеобщего благосостояния. К ним в частности относится необходимость определения оптимального уровня предоставления услуг населению, обеспечения соответствия системы льгот и взносов потребностям отдельных лиц и семей и при этом сохранения достаточных стимулов для производительного труда. Кроме того, необходимо повышение эффективности работы государственных служащих, органов государственной власти, монополий и бюрократических структур, а также обязательное справедливое распределение ресурсов для

социальной поддержки населения. В настоящее время в России устойчиво растет бедность населения на фоне устойчивого улучшения финансового благополучия отдельных лиц, имеющих неограниченный доступ к богатствам страны. Считаем, что в случае справедливого распределения ресурсов страны во благо всех граждан без исключения возможна реализация идеальной модели государства всеобщего благосостояния на территории России, равно как и во многих других странах мира, при условии устранения проблем социального расслоения общества.

Список литературы:

- [1] Дудин Г.А. Социальное государство (государство всеобщего благосостояния) в дискурсе всесторонней модернизации России // Евразийский Союз Ученых. 2015. №10-4 (19). С.146.
- [2] Иванова Г.М. На пороге «государства всеобщего благосостояния» Социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х годов) — М.: Институт российской истории РАН, 2011. С.248.
- [3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 12.10.2024 г.
- [4] Квашнина Ю.Д. Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее Москва. ИМЭМО РАН 2016. С.72.
- [5] Павроз А.В. Государство всеобщего благосостояния: сущность политики и фундаментальные противоречия // Политика и общество. 2011. № 11. С.24.
- [6] Соловьёва В.В. Государство всеобщего благосостояния: философско-правовой аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2023. №26. С.207.
- [7] Сидорина Т. Ю. Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? // Пространство экономики. 2012. №3. С.91.
- [8] Тернер, Брайан, С. «Гражданство сегодня: современная актуальность Т.Х. Маршалла». 1984.С.17.
- [9] Эспинг-Андерсен, Гёста Три мира капитализма благосостояния. Принстон, Нью-Джерси: Princeton University Press. 1990. С.12.

Spisok literatury:

- [1] Dudin G.A. Social'noe gosudarstvo (gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya) v diskurse vsestoronnej modernizacii Rossii // Evrazijskij Soyuz Uchenyh. 2015. №10-4 (19). S.146.

[2] Ivanova G.M. Na poroge «gosudarstva vseobshchego blagosostoyaniya» Social'naya politika v SSSR (seredina 1950-h — nachalo 1970-h godov) — M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2011. S.248.

[3] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>, 12.10.2024 g.

[4] Kvashnina Yu.D. Social'noe gosudarstvo v stranah ES: proshloe i nastoyashchee Moskva. IMEMO RAN 2016. S.72.

[5] Pavroz A.V. Gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya: sushchnost' politiki i fundamen-

tal'nye protivorechiya // Politika i obshchestvo. 2011. № 11. S.24.

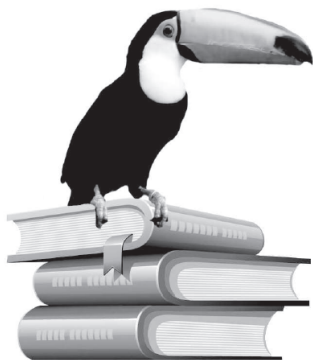
[6] Solov'yova V.V. Gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya: filosofsko-pravovoj aspekt // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2023. №26. S.207.

[7] Sidorina T. Yu. Operaciya «Welfare State»: reshilo li gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya problemy ideal'nogo gosudarstva? // Prostranstvo ekonomiki. 2012. №3. S.91.

[8] Terner, Brajan, S. «Grazhdanstvo segodnya: sovremennaya aktual'nost' T.H. Marshalla». 1984.S.17.

[9] Esping-Andersen, Gyosta Tri mira kapitalizma blagosostoyaniya. Princeton, N'yu-Dzhersi: Princeton University Press. 1990. S.12.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПОДОСИННИКОВА Людмила Анатольевна,

Кандидат юридических наук,

доцент кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин

Российского университета адвокатуры и нотариата

им. Г. Б. Мирзоева, Москва, Россия,

e-mail: mail@law-books.ru

ВНУТРЕННИЙ ПРАВОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В данной статье дано теоретическое объяснение национальной безопасности как результата развития внутреннего правового суверенитета. Невозможно оспорить тот факт, что эффективная правовая система, построенная на основе национальных ценностей и учитывающая их специфику, является не только инструментом регулирования общественных отношений, но и важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности. Существующие взгляды на данную научную проблему, не имеют достаточного теоретического объяснения. Особенно это касается теоретико-правового обоснования национальной безопасности в связи с формированием правового суверенитета, который диктует свой понятийно-смысловой дискурс. В юриспруденции данное понимание национальной безопасности в контексте формирования и защиты внутреннего и внешнего правового суверенитета в Российской Федерации имеет свои особенности и практическую актуальность, и должна быть наполнена собственным смысловым содержанием.

Ключевые слова: национальная безопасность, правовой суверенитет, конституция, правовое государство, традиционные ценности.

PODOSINNIKOVA Lyudmila A.,

Candidate of Law,

Associate Professor of the Department

of Advocacy and Criminal Law Disciplines

of the Russian University of Advocacy and Notary

named after G. B. Mirzoev, Moscow, Russia.

INTERNAL LEGAL SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Annotation. This article provides a theoretical explanation of national security as a result of the development of internal legal sovereignty. It is impossible to dispute the fact that an effective legal system based on national values and taking into account their specifics is not only an instrument for regulating public relations, but also an essential factor in ensuring national security. The existing views on this scientific problem do not have a sufficient theoretical explanation. This is especially true of the theoretical and legal justification of national security in connection with the formation of legal sovereignty, which dictates its own conceptual and semantic discourse. In jurisprudence, this understanding of national security in the context of the formation and protection of internal and external legal sovereignty in the Russian Federation has its own characteristics and practical relevance, and should be filled with its own semantic content. In jurisprudence, this understanding of national security in the context of the formation and protection of internal and external legal sovereignty in the Russian Federation has its own characteristics and practical relevance, and should be filled with its own semantic content.

Key words: national security, legal sovereignty, constitution, rule of law, traditional values.

Соответствие правовой системы национальным традициям играет ключевую роль в обеспечении ее легитимности и

эффективности, особенно в рамках концепции внутреннего правового суверенитета. Возникает закономерный вопрос о том, каким образом прин-

ципы внутреннего правового суверенитета с опорой на традиции проявляются в конкретной правовой системе.

В связи с этим представляется необходимым обратиться к анализу российской правовой системы в контексте внутреннего правового суверенитета. Именно российская правовая система, с ее богатой историей, уникальными культурными и духовными основаниями, являет собой яркий пример того, как внутренний правовой суверенитет формируется, реализуется и сталкивается с вызовами в современном мире. Взаимодействие различных правовых явлений нуждается в теоретическом осмыслении в силу множества связей между спецификой национальной правовой системы и способностью государства к осуществлению своего внутреннего правового суверенитета.

В данной связи мы хотим доказать связь между эффективным функционированием российской правовой системы и укреплением внутреннего правового суверенитета. Для подтверждения этой гипотезы целью является анализ многомерных связей между параметрами функционирования российской правовой системы и процессами укрепления или ослабления внутреннего правового суверенитета. Для достижения поставленной цели требуется решить задачи, связанные обоснованием тезиса о том, что своеобразие российской правовой системы базируется на специфике воплощения правового суверенитета.

Правовая система в целом является одним из базовых понятий аппарата юридической науки, представляя собой высокий уровень абстрагирования в рамках развития правового знания. Природа правовой системы конкретного государства носит уникальный характер, что позволяет юридической науке проводить разграничение между реалиями правовой жизни в различных социальных системах. Правовая система государства является основой функционирования правовой действительности, которая определяет нормативные границы отношений между государством и гражданами, а также между самими гражданами, поскольку, как указывает А.П. Альбов, «правовая система представляет собой набор правил, законов и институтов, установленных государством для регулирования поведения граждан и обеспечения правопорядка» [1, С. 11].

Эта система обеспечивает правопорядок, защиту прав и свобод каждого человека, а также, как указывают А.В. Малько и Р.С. Маркунин, «накапливает в себе всю совокупность нравственных начал и идей справедливости, доминирующих в обществе, аккумулирует нравственные, религиозные и иные идеалы, которые были сформированы за долгую и богатую историю конкретного государства» [2, С. 7].

Развивая эту мысль, надо отметить, что правовая система, охватывая собой всю полноту формализованного права, выходит за его границы. Ключевой составляющей правовой системы является конституция, которая закрепляет основные принципы и ценности государства, права и обязанности граждан. Кроме того, важным элементом является система, судопроизводства, решающего споры в соответствии с действующим законодательством, поскольку, как указывает В.В. Лазарев, судебные инстанции «наделены правом выносить акты нормативного характера, не связанные напрямую с конкретным спором о праве» [3, С. 17].

Н.В. Разуваев указывает, что системность является хотя и важной, но далеко не исчерпывающей характеристикой права. Функционирование правовой системы представляет собой динамичное явление, заявляющее о себе в той мере, в какой современное общество или определенная его часть «связывает задачи социального прогресса с формированием правового сознания и совершенствованием правовой культуры, с достижением законоустроенности и правовой стабильности в национальной правовой системе» [4, С. 32].

В.Н. Синюков, рассматривая особенности российской правовой системы, придерживается целостного подхода к познанию этого уникального культурно-исторического феномена. Суверенное действие права в пространстве и времени, по его мнению, носит непрерывный характер, что проявляется в многообразии «источников развития отечественного права, обусловленном, конечно, во многом противоречивой судьбой российской государственности» [5, С. 175].

Это многообразие открывает возможность для исследования роли внутреннего правового суверенитета как фактора развития национальной правовой системы, для выявления особенностей и условий их влияния друг на друга. Правовая система, являясь неотъемлемой частью организации социальной среды и регулирования поведения граждан, формируется под воздействием различных аспектов жизни общества, включая и духовную сферу. Правовая система Российского государства часто формировалась, как указывает В.Н. Синюков, в результате надевания «маски» на «русский правовой феномен политической властью или господствующей идеологической системой» [5, С. 183].

Внутренний правовой суверенитет адаптирован к изменениям действительности, способен трансформироваться под новое содержание общественных отношений, возникающих в различных сферах жизнедеятельности общества и государства. Именно правовой суверенитет может

сочетать в себе вызовы современности и обеспечение интересов личности, ее прав и свобод не только во внутригосударственных отношениях, но и в международном взаимодействии.

Внутренний правовой суверенитет проявляется в построении национальной правовой системы в соответствии с определенными правовыми идеями и концепциями, потребностями и традициями государства. Он проявляется также и в целевой ориентации правотворческого процесса, формировании устойчивой практики правоприменения, построении и функционировании механизмов судебной и иной защиты.

В юридической науке принято признавать уникальной и самобытный облик каждой правовой системы, хотя это обстоятельство не исключает возможности ее типологизации. А.П. Альбов и Р.В. Шагиева указывают, что «отдельные правовые системы важны не только сами по себе, они также оказывают влияние на другие системы, поэтому чрезвычайно важно понять место и роль российской правовой системы в общем дискурсе мирового развития» [6, С.22].

Продолжая эту мысль, можно отметить, что право всегда выступает своеобразным проявлением всех аспектов государственного суверенитета, что детерминирует целесообразность введения в официальный юридический терминологический оборот понятия «правовой суверенитет». Право не служит лишь обществу и государству, но гарантирует возможность нормальной жизнедеятельности социальных субъектов права, в том числе граждан и их объединений.

Именно уникальность правовой системы является средством для познания традиций государственности и иных характеристик, обогащающих научное понимание внутреннего правового суверенитета. В частности, Е.Н. Трикоз видит в смешанных правовых системах «глубокое взаимопроникновение исторически сложившегося и территориально обусловленного отношения к природе права, его роли в обществе и политической идеологии, специфике его правореализации» [7, С.93].

Внутренний правовой суверенитет Российской Федерации призван гарантировать ее национальную безопасность только при условии сочетания всех тех положительных наработок, которые накопились за все годы действия системы российского законодательства и механизма обеспечения государственного суверенитета. Для гарантирования внутреннего правового суверенитета важнейшее значение имеет формирование нового типа правовой системы с учетом национальных и международных интересов, самостоятельности и независимости государства во внутренних и внешних вопросах, свободного развития личности.

К вышесказанному добавим, что всякая правовая система может быть представлена в виде уникальной комбинации разнообразных традиций и источников правового регулирования. Эта комбинация обуславливает самобытность культурно-исторического облика правовой жизни каждого общества. Исторические и социальные условия развития государства и общества непосредственно влияют на формирование и функционирование правовой системы. Понимание внутреннего правового суверенитета невозможно без учета этого уникального влияния, поскольку именно традиции, переплетаясь с другими источниками права, формируют ту самую «почву», на которой формируется легитимность правовой системы и ее способность эффективно регулировать общественные отношения изнутри, не испытывая внешнего давления. Соответственно, исследование внутреннего правового суверенитета требует глубокого погружения в исторический и социокультурный контекст конкретной правовой системы. Необходимо выявить те специфические черты и особенности, которые обусловлены уникальным набором традиций и источников права, и которые, в конечном счете, определяют его самобытный путь развития.

Как указывают В.В. Денисенко и Е.Н. Трикоз, уникальный исторический облик национальной правовой системы становится «следствием тесного взаимодействия и встречного влияния правовых культур различных этносов, которые имели как совпадающие (общие), так и контрастные культурно-географические, технико-юридические и религиозно-этические особенности права» [8, С.33].

Одна из сущностных черт внутреннего правового суверенитета заключается в способности государства самостоятельно определять параметры правового развития, обеспеченные соответствующими положениями законодательства, адаптированного к текущим социально-экономическим и технологическим реалиям.

Однако стоит отметить и иные взгляды на эту проблему. Например, если обратиться к мнению В.Д. Перевалова, то можно увидеть, что при реализации права «конкретными людьми, представителями различных государств и правовых систем, взаимодействие последних приобретает межличностный и имманентно правовой характер» [9, С.8].

Иными словами, уникальность правовой системы может утрачиваться в результате внешних правовых заимствований, что приводит к ослаблению внутреннего правового суверенитета. Он может реализовываться только в условиях функционирования сильной и самобытной национальной правовой системы. В закреплении соот-

ветствующих предписаний во многом и проявляется внутренний правовой суверенитет России, добровольно берущей на себя международно-правовые обязательства и добровольно их выполняющей.

Существует взаимообуславливающая связь между правовой системой и внутренним правовым суверенитетом. Именно правовая система становится гарантом соблюдения внутреннего правового суверенитета государства за счет установления понятия законности и правового порядка. Но она не просто гарантирует внутренний правовой суверенитет, а является его активным инструментом и выражением. Установление законности и правопорядка через национальную правовую систему – это не только констатация факта, но и постоянный процесс подтверждения и воспроизводства суверенитета. При этом эффективность правовой системы в обеспечении внутреннего правового суверенитета определяется не только ее формальной структурой и нормативным содержанием, но и ее способностью отражать социальные и политические вызовы, сохраняя при этом ценностное ядро и легитимность в глазах общества. В этом смысле развитие и укрепление национальной правовой системы является непрерывным процессом, необходимым для поддержания и реализации внутреннего правового суверенитета. В.Е. Чиркин утверждает, что «подлинная гармонизация по сущностным вопросам возможна, когда антагонизм исчезнет, т.е. каждая из этих правовых систем превратится в иную систему или утвердится одна общая глобальная правовая система» [10, С.73].

В этой связи мы акцентируем важность национальной правовой системы как инструмента внутреннего правового суверенитета, подчеркивая ее уникальность, укорененность в традициях и способность к самоопределению. Чиркин же, напротив, размышляет о перспективах глобальной гармонизации, которая, по его мнению, может подразумевать даже исчезновение или трансформацию существующих национальных правовых систем.

Сохранение национальной правовой идентичности укрепляет в целом государственность и суверенитет, но автор предполагает, что в будущем допустима потеря самобытности. Представляется, что мнение Чиркина – это футурологический взгляд, размышление о возможном будущем, где национальные различия могут быть сглажены ради глобальной гармонии. Можно сказать, что укрепление внутреннего правового суверенитета, как мы его описывали, в состоянии быть одним из способов противостояния нежелательной «глобализации» и «гармонизации», если последняя понимается как унификация и потеря националь-

ного своеобразия. Д.В. Теткин указывает, что для практики развития правовой системы «имела принципиально важное значение интеграция законности в структуру конституционных принципов гражданского общества, его правовой и политической систем» [11, С.65].

В свою очередь, внутренний правовой суверенитет обеспечивает независимость и самостоятельность правовой системы от внешних влияний. Таким образом, правовая система и внутренний правовой суверенитет государства тесно взаимосвязаны и взаимодействуют. Одно не может существовать без другого, поскольку обеспечивает стабильность и законность в обществе. С.В. Батурина полагает, что преобразование российской правовой системы должно быть направлено на «освоение новых ценностей, культивирование их в обществе и обеспечивать реализацию социально-правовых интересов, как отдельных индивидов, так и социальных групп» [12].

Однако действенность такого подхода вызывает вопросы. Имплементация в правовую систему новых ценностей, ранее неизвестных традиции российской государственности, может деформировать основные компоненты правовой действительности, а также разбалансировать согласованное взаимодействие личности и государства в процессе правового воздействия.

В течение всей истории Российское государство демонстрировало высокий уровень внутреннего правового суверенитета, что отражалось в уникальных формах правовой жизни. На каждом историческом этапе развития страны можно наблюдать особенности российской государственности, которые отражают специфику ее внутреннего правового суверенитета. Эти особенности включают в себя как требования к соблюдению законов и уважению прав граждан, так и формирование и развитие институтов государственной власти. Правовой суверенитет России проявлялся не только в управлении государством, но и в ее внутренней политике и законодательстве.

Уникальность форм, в которых выражался внутренний правовой суверенитет Российского государства, объясняется тем, что он отражал именно те ценности и принципы, которые были важны для российского общества в конкретный исторический период. Это позволило России сохранить свою государственность и самобытность на протяжении многих веков. В.В. Лазарев указывает, что в процессе формирования определенной модели государственности образовывается «ценностная иерархия жизненных целей, а, в соответствии с ними – и представления о нормах поведения как ценностных средствах достижения идеала» [13, С.5].

В специфике российского общества нашла свое отражение уникальная система ценностей, лежащих в основе российской правовой культуры. Исследование ценностных систем различного уровня, типа и степени их воздействия на правовую жизнь общества позволяет прийти к выводу о том, что все существующие модели отношений в обществе определяются его самобытной культурой. В культурной традиции российского государства интегрируются многие западные и восточные культурные компоненты. Но правовая культура России в процессе развития приобрела качества единого органического, целостного образования.

В правовой культуре российского общества, представляющей собой совокупность сформировавшихся в различные периоды истории стереотипов поведения и ментальности, сложились ее системообразующие элементы. «Правовая система» и «правовая культура» как феномены социальной жизни тесно взаимосвязаны, взаимозависимы [14, С.9].

Специфика правовой культуры состоит в том, что она не является отдельным компонентом правовой системы, а содержит в себе ценностные основы права, правосознания и юридической практики, и пронизывает всю правовую систему и правовую жизнь общества.

Под правовой системой в широком смысле понимается совокупность внутренне взаимосвязанных, социально однородных правовых явлений, обеспечивающих реализацию целей конкретного общества, в рамках которой «правовая культура становится источником инноваций и преобразований правовой системы» [15, С.72].

Правовая система выступает как организующий фактор правовой жизни общества, под которой А.В. Малько предлагает понимать «форму социальной жизни, выраженную посредством правовых актов и правоотношений, характеризующую специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [16, С.53].

Правовая жизнь, по мысли автора, шире понятия правовой системы. Правовая система в большей степени нацелена на упорядочение правовой жизни общества, выступает по отношению к последней как организующий фактор. Сегодня возникает вопрос о механизме обеспечения организующего воздействия правовой системы на правовую жизнь, которое предполагает укрепление всех ее внутрисистемных связей, налаживание координирующих правовых механизмов, правовых средств. Без правовой системы нормы права, правовые акты, права, обязанности и другие правовые средства не могут находиться в системном единстве. В свою очередь, без данного

единства невозможно осуществлять правотворческую и правореализующую деятельность государства.

Следовательно, правовая культура является мощным связующим звеном между народом и государством, обеспечивая стабильность, единство и самобытность нации. В ряде современных научных подходов [17, С.99] отмечается особенность российской правовой системы как евразийского феномена, в котором сочетаются черты раннеславянской культуры, ментальность восточных цивилизаций и византийские православные ценности. Но российская правовая система формировалась не только как евразийская цивилизация. Она развивалась во многом и на собственной уникальной, культурно-исторической, духовной основе.

Развивая эту идею, отметим, что географическое положение России, безусловно, наложило отпечаток на ее правовую систему, обогатив элементами как западных, так и восточных традиций. Однако определяющим фактором стало формирование собственного, самобытного правового пространства, корнящегося в уникальном историческом опыте, культурных ценностях и духовных ориентирах русского народа [18, С.87]. Многие западные правовые системы выросли из римского права и эпохи Просвещения, акцентированные на индивидуализме, эгоизме и формальном равенстве. В отличие от них российская правовая традиция во многом формировалась под влиянием православной этики, соборных устоев, идеи сильной государственности и особого понимания справедливости, часто ставящего во главу угла не только букву закона, но и моральные, духовные основания [19].

Самобытность российской правовой системы проявляется в ряде ключевых особенностей. Исторически сложившееся сочетание централизованной власти и общинного самоуправления, особое значение социальной справедливости и коллективизма, а также глубокое влияние православной культуры на морально-этические нормы и ценности формирует уникальный «культурный код» российской правовой системы [20].

Этот код, проявляясь в специфических правовых институтах, подходах к правоприменению и пониманию законности, делает российскую правовую систему не просто вариантом евразийской правовой семьи, но самостоятельным и оригинальным явлением в мировой правовой культуре. Именно это уникальное основание является ключевым фактором для понимания и укрепления внутреннего правового суверенитета России, позволяющим развивать правовую систему, которая отвечает собственным ценностям и потребно-

стям, а не копирует внешние модели. Идея самостоятельной славянской правовой семьи сформулирована в учении Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Ю.А. Тихомирова, В.Н. Синюкова.

Правовая система России, подвергаясь влиянию романо-германской системы, все же не прониклась ее исконно культурным духом [21]. Многогранность и сложность российской правовой системы можно объяснить своеобразным сочетанием заимствованного романо-германского права и собственного самобытного российского права, основанного на национальных традициях, ценностных ориентациях, ментальности.

Правовая ментальность включает в себя духовный опыт конкретного общества и возникающее на его основе правосознание [22]. Основой правовой ментальности являются сформировавшиеся архетипы, представляющие собой первичные психические структуры, то есть «глубинный уровень индивидуального правового сознания, который состоит из системы правовых установок, являющихся для личности важной составляющей принципиальной позиции» [23, С.104].

Ментальность интегрирует в себе все правовые явления конкретного общества, под которыми, в первую очередь, следует понимать систему нормативно-правового регулирования, юридическую практику. В процессе культурно-исторического развития общества архетипы правовой ментальности совершенствуются, приобретают определенную структуру и содержание, формируя стандарты правового поведения, характерные для конкретного сообщества. Последние характеризуют восприятие окружающего мира, т.н. коллективные представления, и формируют стереотипы поведения больших социальных групп – нации, народа [24, С.13].

А.П. Альбов связывает правосознание народа и возможность обеспечения правового суверенитета. Автор указывает, что, чем лучше «образованы люди, и чем больше они знают о правовой системе, тем более вероятно, что они будут уважать и соблюдать нормы права, обеспечивающие, в конце концов, суверенитет и безопасность государства» [1, С.11].

Следовательно, правовая культура является неотъемлемой частью духовной жизни общества и обеспечивает развитие внутреннего правового суверенитета; будучи тесно взаимосвязаны, они воздействуют на развитие правовой системы общества. Если в рамках правовой системы государством обеспечена возможность для правоприменителя принимать решения и осуществлять контроль над соблюдением законов, это способствует укреплению правовой культуры. Реализация внутреннего правового суверенитета закрепляет конкретные практики решения правовых

вопросов, что, в свою очередь, способствует развитию правовой культуры общества. Правовая культура, являясь способом организации правовой системы, позволяет выявить многочисленные функциональные связи между ее структурными элементами и исследовать основные, ключевые ценности, сформировавшиеся в конкретном обществе.

Взаимоотношение правовой культуры и правовой системы заключается в их неразрывной и взаимообусловленной связи: правовая культура, будучи частью общей культуры общества, представляет собой совокупность знаний, ценностей, установок и моделей поведения, связанных с правом. Она формирует основу, на которой формируется правовая система, определяя ее легитимность, эффективность и характер функционирования. Правовая культура задает ценностные ориентиры для правотворчества, правоприменения и правосознания. Она определяет, какие нормы будут считаться справедливыми, какие процедуры приемлемыми, какое поведение правомерным. В этом смысле правовая культура первична, поскольку она предшествует созданию конкретных правовых систем и определяет их фундаментальные принципы и цели, отражая исторический опыт, социальные потребности и моральные установки общества.

Правовая система, будучи воплощением и формализацией правовых норм и институтов, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на правовую культуру через систему образования, юридическую практику, СМИ и правовое просвещение. Правовая система транслирует и закрепляет определенные правовые ценности и модели поведения, формируя и изменяя правосознание граждан.

Эффективно функционирующая правовая система, основанная на принципах справедливости, равенства и верховенства права, способствует укреплению позитивной правовой культуры, повышению уровня правовой грамотности и уважения к закону. Неэффективная, коррумпированная или несправедливая правовая система может разрушать правовую культуру, порождая правовой нигилизм, недоверие к закону и пренебрежение правовыми нормами. Таким образом, можно утверждать, что постоянное взаимодействие и обратная связь между правовой культурой и правовой системой формируют, в совокупности, уникальный правовой ландшафт каждого общества.

Представленная диалектика взаимоотношений правовой культуры и правовой системы напрямую влияет на содержание и реализацию внутреннего правового суверенитета. Если правовая система органично произрастает из правовой

культуры общества, отражает ее ценности и исторический опыт, она обретает внутреннюю легитимность и поддержку, становясь подлинным выражением воли народа и инструментом его самоопределения. Такая система способна эффективно регулировать общественные отношения изнутри, без необходимости внешнего принуждения или заимствования чуждых правовых моделей, что является сущностным признаком внутреннего правового суверенитета и способствует его укреплению. Она обеспечивает стабильность правопорядка, предсказуемость правового регулирования и доверие граждан к национальному законодательству, делая общество менее восприимчивым к внешнему правовому влиянию и более способным к самостоятельному правовому развитию. Правовая система характеризует состояние единства и целостности совокупности юридических явлений и процессов, а правовая культура отражает качество и ценность правовой системы. Из вышесказанного мы можем заключить, что характер и особенности правовой культуры российского государства свидетельствуют о том, что она не является составной частью европейских правовых систем. Для доказательства данного тезиса достаточно обратиться к ключевым характеристикам, которые мы уже обсуждали. Во-первых, в основе европейской правовой системы лежит рационализм, секуляризм и акцент на процедурную справедливость [25, С.412].

Российская же правовая система формировалась под влиянием православной этики и общинных традиций, в которых коллективные начала, моральные императивы и религиозные ценности были первостепенными [26].

Российская правовая культура исторически тяготела к патернализму государства, к идее «правды» как высшей справедливости, к духовности в лоне православия [27], выходящей за рамки формального закона, и особому вниманию к морально-этической стороне правовых отношений.

В качестве примера можно привести различное понимание справедливости. В европейской традиции, особенно в либеральной, справедливость часто сводится к формальному равенству перед законом и соблюдению установленных процедур. В российской же правовой культуре справедливость традиционно понимается значительно шире, включая социальную справедливость, учет моральных и нравственных аспектов, а также идею «правды» как высшей, возможно даже, надзаконной категории [28, С.426-427]. Исторически институт «ходатайства» в российском праве, позволявший апеллировать к высшей справедливости даже при формальном соблюдении закона,

является ярким примером такого подхода. Современные дискуссии о «духовных скрепах» и особом пути России также отражают стремление к поиску справедливости, выходящей за рамки формальных, чисто рациональных правовых конструкций. В этом – существенное отличие российской правовой культуры от преимущественно секулярных и рационалистических европейских правовых систем. Различия, коренящиеся в глубоких исторических и культурных расхождениях, убедительно свидетельствуют о самостоятельности и уникальности российской правовой культуры, не позволяя рассматривать ее как простое ответвление европейской правовой семьи. Помимо прочего, славянская правовая культура и национальная правовая система во многом отличаются способами формирования нормативных предписаний, формами систематизации нормативно-правового материала, способами толкования норм права и их применения, «демонстрируют устойчивость системообразующих качеств, отображающих тесное взаимодействие общества и государства» [29, С.19].

Несколько иначе это оценивает А.В. Кузьменко, видящий в динамике правовой системы «непрерывный количественный рост законодательства, отражающий потребность в специальном правовом регулировании отдельных общественных отношений», которые «усложняют структуру системы права, размывают границы многих существующих отраслей» [30, С.10].

Этот количественный рост позволяет оценить уровень развития правового регулирования в конкретном государстве и выявить особенности его правовой культуры. Так, А.П. Плешаков прямо называет правовую культуру в числе факторов становления современной российской государственности, указывая на то, что субъекты правотворчества должны обладать «не только элементарным правосознанием, но и ценностями, и императивами правовой культуры» [31, С.48].

Разумно предположить, что российская правовая культура в этом случае выступает фоном для разработки и принятия суверенных решений в области права. Она представляет собой сложный конгломерат многовековых традиций, влияния византийского права, европейской системы права, советских и современных тенденций. Именно этот исторический контекст, с его уникальными особенностями и противоречиями, формирует «правовой менталитет» и определяет специфический подход к пониманию справедливости, законности и роли государства в правовом регулировании.

Российская правовая культура проявляется не только в материальных источниках права, но и в идеальных (правосознании, правовой культуре, традиционных ценностях, научных доктринах и

дискурсах). Внутренний правовой обеспечивает способность государства самостоятельно формировать свою правовую систему. Дальнейшее развитие внутреннего правового суверенитета России предполагает не только совершенствование законодательства, но и глубокое изучение, осмысление и актуализацию российской правовой культуры, как фундаментальной основы для принятия самостоятельных и эффективных правовых решений, отвечающих национальным интересам и современным вызовам.

В.А. Затонский видит в правовой культуре не только качественное состояние правовой системы, но и средство для модернизации российской государственности. Неразвитость правовой культуры, по его мнению, становится «препятствием на пути реализации модернизационной политики, обеспечения режима законности модернизационных процессов, существенно затрудняет правовое регулирование, заставляет законодателя усложнять правовые механизмы и развивать систему неюридических гарантий законности» [32, С.35].

А.Ю. Мордовцев и Е.А. Апольский рассматривают советское право как форму суверенизации правовой системы, которая позволяла противодействовать западным правовым влияниям. Суверенный облик социалистического права формировался как за счет опоры на самобытные правовые традиции, так и за счет формирования оригинальных элементов национальной правовой системы. Предпринятые в постсоветский период попытки «механического объединения разнородных правовых институтов и норм без учета отечественных правовых традиций» [33, С.53] не позволили, по мнению авторов, сформировать жизнеспособную модель правового развития общества. Это послужило причиной для консервативного поворота в законодательстве, начавшегося в новом столетии.

Так, социалистическая правовая система СССР включала ряд уникальных отраслей, среди которых можно выделить колхозное право, право социалистической собственности и социалистическое трудовое право. Колхозное право регламентировало организацию и деятельность колхозов как основных форм сельскохозяйственного производства в стране. Эта отрасль закладывала основы для совместной работы крестьян в коллективе и управления сельским хозяйством. Право социалистической собственности определяло особенности собственности, принадлежащей государству и колхозам. Эта отрасль закрепляла и защищала права на общественные ресурсы и средства производства, что способствовало укреплению социалистической экономики.

Социалистическое трудовое право определяло нормы и правила трудовых отношений работников, защищая их интересы и обеспечивая социальные гарантии, так как оно было призвано «защищать права и свободы каждого из субъектов этой отрасли права путем установления оптимального соотношения потребностей сторон» [34, С.29].

В связи с политическими событиями того или иного этапа истории социалистические нормы в основных актах советского периода неизбежно претерпевали изменения. Либо они были полностью исключены, либо трансформировались в нормы социальные. Последние, в сущности, не регулируют отношения, связанные с построением бесклассового общества, и при этом стремятся максимально нивелировать неравенство, регулируя отношения, связанные с наиболее справедливым распределением тех или иных благ. Таким образом, правовая культура может либо создавать препятствия для укрепления правового суверенитета, либо, напротив, способствовать его дальнейшему развитию. Сегодня перед отечественной правовой системой возникают новые задачи, связанные с необходимостью усиления регулирующих свойств права, обеспечения тесного взаимодействия правотворчества и правоприменения, укрепления основ правового пространства. В нем «именно правовые действия участников вызывают к жизни специфический вид социальных отношений – правовых, в рамках которых происходит превращение реальных людей в маски – субъектов правоотношений» [35, С.58].

Можно констатировать, что положительная связь между эффективным функционированием российской правовой системы и укреплением внутреннего правового суверенитета обуславливается конкретными действиями государства как творца формализованного права, способного поддерживать и защищать своеобразие российской правовой системы. Правовая культура позволяет определить качество, уровень развития правовой системы и ее компонентов, и, в то же время, представляет собой мировоззренческую основу правовой системы, в которой выражаются ее особенности, самобытность и духовность. Необходимость исследования внутреннего правового суверенитета в контексте правовой системы России обусловлена настоящей актуальностью переосмысления основ права и государства (дискурсов, концепций, научных школ и др.) в контексте современных вызовов, внутренних политических и социальных процессов. Мы отмечаем, что в условиях поиска собственных путей развития России внутренний правовой суверенитет отражает не

только формально-догматические установки государства, но и влияет на всю правовую систему в целом. Новизна данных положений для теории права и государства заключается в том, обосновывается необходимость пересмотра традиционных подходов к пониманию суверенитета. При этом в анализ вводятся новые параметры, осмысливается воплощение внутреннего правового суверенитета через правовую систему. Это позволяет создать более полное представление о том, как право может функционировать в контексте конкретных национальных традиций и ценностей, а также о том, каким образом внутренний правовой суверенитет способен стать основой для построения более эффективной правовой системы, отражающей потребности общества.

Список литературы:

- [1] Альбов А.П. Правовая система России как основание суверенного режима законности // *Legal Bulletin*. 2023. Т. 8. № 1. С. 9-22.
- [2] Малько А.В., Маркунин Р.С. Правовая система общества и юридическая ответственность // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2020. № 2 (52). С. 6-13.
- [3] Лазарев В.В. Место и роль суда в правовой системе // *Журнал российского права*. 2014. № 10 (214). С. 17-30.
- [4] Разуваев Н.В. Правовая система и критерии отраслевой дифференциации права // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2002. № 3 (242). С. 31-55.
- [5] Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010. 673 с.
- [6] Альбов А.П., Шагиева Р.В. Российская правовая система в контексте сравнительного правоведения: проблемы исторического развития и теоретического обоснования // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2017. № 4 (47). С. 22-30.
- [7] Трикоз Е.Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе // *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2017. № 4 (32). С. 91-97.
- [8] Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Типология смешанных правовых систем // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 2 (42). С. 29-37.
- [9] Перевалов В.Д. Взаимодействие правовых систем: теоретические аспекты // *Российский юридический журнал*. 2014. № 5 (98). С. 7-14.
- [10] Чиркин В.Е. О глобальных правовых системах в современном мире // *Государство и право*. 2019. № 10. С. 68-74.
- [11] Теткин Д.В. Законность как характеристика качественного состояния правовой системы // *Право: история и современность*. 2018. № 3. С. 65-68.
- [12] Батурина С.В. Правовая доктрина как элемент российской правовой системы // *Юристь-Правоведъ*. 2008. № 4 (29). С. 31-35.
- [13] Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2021. Т. 25. № 4. С. 5-17.
- [14] Азнагулова Г.М. Правовая культура как функциональная система // *Журнал российского права*. 2024. Т. 28. № 3. С. 5-17.
- [15] Храмова О.Е. К вопросу о детерминирующих факторах культуры в развитии правовой системы // *Правовая культура*. 2023. № 2 (53). С. 72-73.
- [16] Малько А.В. Правовая система и правовая жизнь общества // *Журнал российского права*. 2014. № 7 (211). С. 51-60.
- [17] Марочкин С.Ю. Международное право в российской правовой системе: от норм к решениям суда евразийской интеграции // *Международное правосудие*. 2024. Т. 14. № 2 (50). С. 95-118.
- [18] Ульянов Н. Русское и великорусское // *Родина*. 1990. № 3. С.84-88.
- [19] Ионов И.Н. Российская цивилизация. IX – начало XX века. М., 1995. 320 с.
- [20] Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. 512 с.
- [21] Морозова Г.А. Третий Рим против нового мирового порядка. М., 2009. 272 с.
- [22] Непомнящих И.А. Россия: православное осмысление мира // URL: http://vedikz.narod.ru/main/nepomnyashikh/rus_in_modern_world1.htm (дата обращения: 25.05.2024).
- [23] Шувалова М.А. Генезис правовой ментальности в России // *Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России*. 2022. № 2 (56). С. 104-108.
- [24] Демидова И.А. Менталитет и ментальность как интегративные научные категории: осмысление в контексте познания правовой культуры общества // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2019. № 1 (81). С. 10-19.
- [25] Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006. 478 с.
- [26] Трегубенко С.В. Религиозные основания правовой традиции России: историко- и теоретико-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 159 с.
- [27] Царевский А.А. Значение Православия в жизни и исторической судьбе России // URL: http://www.krotov.info/lib_sec/23_ts/are/vsky.htm (дата обращения: 25.12.2024).

[28] Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л., 1990. С. 426–427.

[29] Беденков В.В. Особенности формирования правовой культуры в России // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2 (34). С. 17–20.

[30] Кузьменко А.В. «Системный взгляд» на систему права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 3 (248). С. 14–20.

[31] Плешаков А.П. Правовая культура и становление новой российской государственности // Правовая культура. 2007. № 1 (2). С. 46–53.

[32] Затонский В.А. Правовая культура – необходимый ресурс модернизации российской государственности // Правовая культура. 2012. № 1 (12). С. 31–41.

[33] Мордовцев А.Ю., Апольский Е.А. Советское право в национальной правовой истории: преемственность и новизна // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 48–55.

[34] Медянская В.А. Основные положения трудового права советского периода // Российское право онлайн. 2023. № 2. С. 25–29.

[35] Федорченко А.А. Правовое пространство как фрейм: социологическая оптика рассмотрения // Правовая культура. 2023. № 2 (53). С. 56–58.

Spisok literatury:

[1] Al'bov A.P. Pravovaya sistema Rossii kak osnovanie suverennogo rezhima zakonnosti // Legal Bulletin. 2023. T. 8. № 1. S. 9–22.

[2] Mal'ko A.V., Markunin R.S. Pravovaya sistema obshchestva i yuridicheskaya otvetstvennost' // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel'naya praktika. 2020. № 2 (52). S. 6–13.

[3] Lazarev V.V. Mesto i rol' suda v pravovoj sisteme // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 10 (214). S. 17–30.

[4] Razuvaev N.V. Pravovaya sistema i kriterii otraslevoj differenciacii prava // Izvestiya vysshix uchebny'x zavedenij. Pravovedenie. 2002. № 3 (242). S. 31–55.

[5] Sinyukov V.N. Rossijskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu. M., 2010. 673 s.

[6] Al'bov A.P., Shagieva R.V. Rossijskaya pravovaya sistema v kontekste sravnitel'nogo pravovedeniya: problemy istoricheskogo razvitiya i teoreticheskogo obosnovaniya // Ucheny'e trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2017. № 4 (47). S. 22–30.

[7] Trikoz E.N. Gibridny'e pravovy'e sistemy i ix mesto v smeshannom pravovom semeystve // Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA). 2017. № 4 (32). S. 91–97.

[8] Denisenko V.V., Trikoz E.N. Tipologiya smeshanny'x pravovy'x sistem // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 2 (42). S. 29–37.

[9] Perevalov V.D. Vzaimodejstvie pravovy'x sistem: teoreticheskie aspekty // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 5 (98). S. 7–14.

[10] Chirkin V.E. O global'ny'x pravovy'x sistemax v sovremennom mire // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 10. S. 68–74.

[11] Tetkin D.V. Zakonnost' kak xarakteristika kachestvennogo sostoyaniya pravovoj sistemy // Pravo: istoriya i sovremennost'. 2018. № 3. S. 65–68.

[12] Baturina S.V. Pravovaya doktrina kak element rossijskoj pravovoj sistemy // Yurist'-Pravoved'. 2008. № 4 (29). S. 31–35.

[13] Lazarev V.V. Ideologiya konstitucionnogo reformirovaniya pravovoj sistemy Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25. № 4. S. 5–17.

[14] Aznagulova G.M. Pravovaya kul'tura kak funkcional'naya sistema // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. T. 28. № 3. S. 5–17.

[15] Xramova O.E. K voprosu o determiniruyushix faktorax kul'tury v razvitii pravovoj sistemy // Pravovaya kul'tura. 2023. № 2 (53). S. 72–73.

[16] Mal'ko A.V. Pravovaya sistema i pravovaya zhizn' obshchestva // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 7 (211). S. 51–60.

[17] Marochkin S.Yu. Mezhdunarodnoe pravo v rossijskoj pravovoj sisteme: ot norm k resheniyam suda evrazijskoj integracii // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2024. T. 14. № 2 (50). S. 95–118.

[18] Ul'yanov N. Russkoe i velikorusское // Rodina. 1990. № 3. S. 84–88.

[19] Ionov I.N. Rossijskaya civilizaciya. IX – nachalo XX veka. M., 1995. 320 s.

[20] Pospelovskij D.V. Russkaya pravoslavnyaya cerkov' v XX veke. M., 1995. 512 s.

[21] Morozova G.A. Tretij Rim protiv novogo mirovogo poryadka. M., 2009. 272 s.

[22] Nepomnyashchikh I.A. Rossiya: pravoslavnoe osmyslenie mira // URL: http://vedikz.narod.ru/main/nepomnyashikh/rus_in_modern_world1.htm (data obrashheniya: 25.05.2024).

[23] Shuvalova M.A. Genezis pravovoj mental'nosti v Rossii // Regional'ny'e aspekty upravleniya, ekonomiki i prava Severo-zapadnogo federal'nogo okruga Rossii. 2022. № 2 (56). S. 104–108.

[24] Demidova I.A. Mentalitet i mental'nost' kak integrativny'e nauchny'e kategorii: osmyslenie v kontekste poznaniya pravovoj kul'tury obshchestva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 1 (81). S. 10–19.

[25] Isaev I. A. Vlast' i zakon v kontekste irrational'nogo. M., 2006. 478 s.

[26] Tregubenko S.V. Religiozny'e osnovaniya pravovoj tradicii Rossii: istoriko- i teoretiko-pravovoj aspekty': avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2005. 159 s.

[27] Czarevskij A.A. Znachenie Pravoslaviya v zhizni i istoricheskoy sud'be Rossii // URL: http://www.krotov.info/lib_sec/23_ts/are/vsky.htm (data obrasheniya: 25.12.2024).

[28] Frank S. L. Duxovny'e osnovy' obshchestva. Vvedenie v social'nyuyu filosofiyu // Russkoe zarubezh'e: iz istorii social'noj i pravovoj my'sli. L., 1990. S. 426–427.

[29] Bedenkov V.V. Osobennosti formirovaniya pravovoj kul'tury' v Rossii // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 2 (34). S. 17-20.

[30] Kuz'menko A.V. «Sistemny'j vzglyad» na sistemu prava // Izvestiya vy'sshix uchebny'x zavedenij. Pravovedenie. 2003. № 3 (248). S. 14-20.

[31] Pleshakov A.P. Pravovaya kul'tura i stanovlenie novoj rossijskoj gosudarstvennosti // Pravovaya kul'tura. 2007. № 1 (2). S. 46-53.

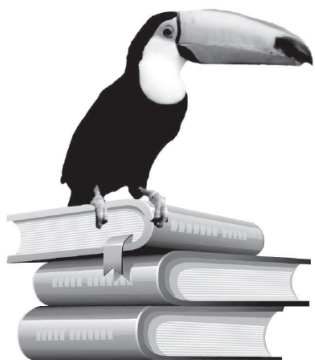
[32] Zatonckij V.A. Pravovaya kul'tura – neobxodimy'j resurs modernizacii rossijskoj gosudarstvennosti // Pravovaya kul'tura. 2012. № 1 (12). S. 31-41.

[33] Mordovcev A.Yu., Apol'skij E.A. Sovetskoe pravo v nacional'noj pravovoj istorii: preemstvennost' i novizna // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 1. S. 48-55.

[34] Medyanskaya V.A. Osnovny'e polozheniya trudovogo prava sovetskogo perioda // Rossijskoe pravo onlajn. 2023. № 2. S. 25-29.

[35] Fedorchenko A.A. Pravovoe prostranstvo kak frejm: sociologicheskaya optika rassmotreniya // Pravovaya kul'tura. 2023. № 2 (53). S. 56-58.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-65-67

ИВАННИКОВ Фёдор Вячеславович,
аспирант 3-го курса образовательной программы
«Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве»
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»,
e-mail: fv ivannikov@student.mpgu.edu

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В данной статье мы рассмотрим, как цифровые технологии изменяют ландшафт правового статуса личности, анализируя как позитивные, так и негативные аспекты. Анализируются основные достоинства, которые принесла цифровизация, такие как улучшение доступа к правосудию, повышение прозрачности и доступности информации о правах граждан, а также упрощение взаимодействия с государственными органами. Особое внимание уделяется механизмам защиты персональных данных и возможности участия граждан в демократических процессах через цифровые платформы. Также рассматриваются инновационные решения, которые предоставляют технологии для правоприменения и мониторинга соблюдения прав личности. В завершении подчеркивается, что хотя цифровые технологии обладают потенциалом для улучшения правового статуса граждан, необходимо учитывать возникающие риски и потребности в должном правовом регулировании. Статья будет полезна юристам, исследователям и всем заинтересованным в вопросах правовой защиты и цифровизации общества.

Ключевые слова: право, права человека, персональные данные, цифровизация, нормативные правовые акты, киберпреступления, законодательство, информационная безопасность, дистанционные преступления, социальное неравенство, цифровые платформы.

IVANNIKOV Fedor Vyacheslavovich,
3rd-year postgraduate student of the educational program
“Theory and History of law and the state;
history of the teachings of law and the State”
“Moscow Pedagogical State University

THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE LEGAL STATUS OF THE INDIVIDUAL

Annotation. In this article, we look at how digital technologies are changing the landscape of a person's legal status by analyzing both positive and negative aspects. It analyzes the main advantages that digitalization has brought, such as improved access to justice, increased transparency and accessibility of information about the rights of citizens, as well as easier interaction with government agencies. Particular attention is paid to the mechanisms for protecting personal data and the possibility of citizens' participation in democratic processes through digital platforms. It also considers innovative solutions that provide technologies for law enforcement and monitoring the observance of individual rights. In conclusion, it is emphasized that although digital technologies have the potential to improve the legal status of citizens, it is necessary to take into account the emerging risks and needs for proper legal regulation. The article will be useful to lawyers, researchers and everyone interested in legal protection and digitalization of society.

Key words: law, human rights, personal data, digitalization, regulatory legal acts, cybercrimes, legislation, information security, remote crimes, social inequalities, digital platforms.

Правой статус включает в себя совокупность прав и обязанностей, которые имеют индивидуумы и организации в рамках правовой системы. В условиях цифровизации этот статус может существенно изменяться под влиянием новых технологий, методов работы и социальной практики. Права личности в интернет-пространстве включают право на личную жизнь, защиту персональных данных, право на свободу выражения мнений и многих других. Эти права защищаются различными международными и национальными законами. Однако, особенно в условиях глобализации и цифровизации общества, необходимо учитывать ряд дополнительных аспектов. В последние годы было принято множество нормативных правовых актов, направленных на защиту прав личности в сети Интернет. Одним из наиболее значимых документов является Общий регламент по защите данных (GDPR), принятый в Европе в 2018 году. Он устанавливает строгие требования к обработке и хранению персональных данных и предоставляет пользователям больше контроля над своими данными. Он пришел на смену «Директиве 95/46/ЕС от 24 октября 1995 года о защите прав частных лиц применительно к обработке». Норма GDPR обязательна для всех стран ЕС. Другие страны также разрабатывают свои законодательные инициативы. Например, в России принят Федеральный закон от 27 июля 2006 года «О персональных данных», который устанавливает правила сбора и обработки личной информации.

Среди достоинств, можно отметить, что цифровые технологии предоставили новые возможности защиты прав граждан, улучшая доступ к правосудию и упрощая взаимодействие с государственными органами и частными учреждениями. Цифровизация значительно упростила доступ к правовым услугам. Виртуальные платформы и онлайн-сервисы позволяют гражданам получать юридическую помощь, ознакомиться с актуальными законодательными актами, подавать иски и документы в суды без необходимости физического присутствия в офисе. Это экономит время и ресурсы, делая правосудие более доступным для широкого круга граждан. Сегодня многие государственные услуги можно получить в онлайн-формате. Электронные сервисы позволяют гражданам взаимодействовать с различными учреждениями, такими как налоговые инспекции, службы регистрации и социальные организации, а также минимизирует бюрократические препятствия и увеличивает скорость получения услуг, повышая общую эффективность государственного управления.

Цифровизация способствует более эффективной защите прав личности. Современные тех-

нологии позволяют создать системы мониторинга и контроля за соблюдением прав граждан. Например, платформы для подачи жалоб и сигналов о нарушениях помогают гражданам оперативно обращаться за помощью, а специальные программы могут отслеживать случаи нарушения прав, позволяя реагировать на них быстро и эффективно. Цифровые технологии значительно расширяют возможности участия граждан в демократических процессах. Онлайн-голосование, электронные петиции и платформы для обсуждения общественных инициатив позволяют вовлекать большее число людей в политические процессы, что включает большее количество мнений и интересов в принятие решений и повышает уровень гражданской активности.

Еще одним важным аспектом защиты прав личности в сети Интернет является повышение осведомленности граждан о своих правах и о возможностях защиты. Различные некоммерческие организации и государственные учреждения проводят образовательные программы и семинары, направленные на повышение цифровой грамотности и информирование граждан в сети Интернет.

Несмотря на положительные аспекты, цифровизация также создает риски для правового статуса личности в сети Интернет, особенно в контексте конфиденциальности. Сбор и хранение больших объемов персональных данных, осуществляемых многими компаниями и государственными учреждениями, создают высокие риски утечки и несанкционированного доступа. При этом пользователи часто не осознают, как и для каких целей используются их данные. Это может привести к манипуляции на основе собранной информации, что ставит под угрозу свободу выбора и права личности.

Цифровизация может усугубить социальные различия и неравенство. Не все граждане имеют равный доступ к сети Интернет и цифровым технологиям, что создает «цифровой разрыв». Люди, не обладающие навыками или средствами для работы с цифровыми инструментами, оказываются в невыгодном положении. Это может выражаться в ограничении доступа к правосудию и другим услугам, что, в свою очередь, нарушает их права.

С увеличением числа пользователей сети Интернет возрастает и количество киберугроз. Кибератаки могут затрагивать как личные, так и финансовые данные граждан, что ставит под угрозу их безопасность. Кроме того, такие угрозы могут приводить к психологическому дискомфорту и ухудшению качества жизни. Неспособность защитить данные может вызвать у людей чувство уязвимости и незащищенности, что негативно ска-

зывается на правовой стабильности. Утечки данных и киберугроз ставят под сомнение возможность гарантированного соблюдения прав личности в цифровом пространстве. Люди становятся уязвимыми для манипуляций и мошенничества, что требует более строгих правовых мер по защите данных и улучшения цифровой гигиены.

Цифровые технологии создают возможности для анонимности в сети, что может быть как положительным, так и отрицательным аспектом. С одной стороны, анонимность позволяет людям свободнее выражать свои мнения, но с другой – создает условия для правонарушения, таких как кибербуллинг, распространение клеветы и другие противоправные действия. В таких случаях становится сложно установить личность правонарушителя и привлечь его к ответственности.

С учетом новых реалий, государства и международные организации должны адаптировать свои подходы к регулированию прав личности в сети Интернет. Внедрение законов о защите персональных данных, таких как GDPR в Европейском Союзе, ФЗ №152 «О персональных данных», ставит на повестку для вопросов о границах использования технологий и ответственности за нарушение прав личности в сети Интернет. Также необходимо развивать правозащитные механизмы, которые учитывают специфику цифровых технологий. Это включает в себя создание эффективных механизмов жалоб и судебной защиты, а также развитие правозащитных инициатив, направленных на повышение осведомленности общества о своих правах в цифровом пространстве.

Цифровые технологии кардинально меняют правовой статус личности, открывая новые возможности для защиты прав, но одновременно создавая значительные риски. В условиях стремительного развития технологий важно постоянно адаптировать правовые нормы и механизмы защиты, чтобы обеспечить соблюдение прав личности в цифровом мире. Глобальное сотрудничество и открытый диалог между правозащитными организациями, государствами и технологиями являются ключевыми факторами в создании эффективной правовой среды, которая учитывает специфику цифровой эпохи.

Список литературы:

- [1] Общий регламент о защите данных (GDPR), Регламент (ЕС) 2016/679.
- [2] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 №152-ФЗ.
- [3] Гайворонская Я.В. Нескромное обаяние цифровизации / Я.В. Гайворонская, О.И. Мирошниченко, А.Ю. Мамычев // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. N 4. С. 40 - 47. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2019.4.5. EDN: HRFTFM.
- [4] Головкин Р.Б. Специфика права на неприкосновенность частной жизни в современной России / Р.Б. Головкин // Конституционное и муниципальное право. 2005. N 3. С. 40 - 45.
- [5] Авдеев М.Ю. Категория «частная жизнь» в конституционном законодательстве Российской Федерации / М.Ю. Авдеев // Образование и право. 2010. N 7. С. 90 - 99.
- [6] Лузина А.Н. Судебная защита прав на недвижимое имущество в условиях цифровизации: соблюдение баланса интересов участников правоотношений / А.Н. Лузина // Российское правосудие. – 2022. – №S1.- С.100-110.

Spisok literatury:

- [1] Obshhij reglament o zashhite danny`x (GDPR), Reglament (ES) 2016/679.
- [2] Federal'ny`j zakon «O personal'ny`x danny`x» ot 27.07.2006 №152-FZ.
- [3] Gajvoronskaya Ya.V. Neskromnoe obayanie cifrovizacii / Ya.V. Gajvoronskaya, O.I. Miroshnichenko, A.Yu. Mamy`chev // Pravovaya paradigma. 2019. T. 18. N 4. S. 40 - 47. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2019.4.5. EDN: HRFTFM.
- [4] Golovkin R.B. Specifika prava na neprikosnovennost` chastnoj zhizni v sovremennoj Rossii / R.B. Golovkin // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2005. N 3. S. 40 - 45.
- [5] Avdeev M.Yu. Kategoriya "chastnaya zhizn'" v konstitucionnom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii / M.Yu. Avdeev // Obrazovanie i pravo. 2010. N 7. S. 90 - 99.
- [6] Luzhina A.N. Sudebnaya zashhita prav na nedvizhimoe imushhestvo v usloviyax cifrovizacii: soblyudenie balansa interesov uchastnikov pravootnoshenij / A.N. Luzhina // Rossijskoe pravosudie. – 2022. – №S1.- S.100-110.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-68-81

АНТОНОВА Наталья Владиславовна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
отдела социального законодательства
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
Ответственный секретарь Комиссии по юридической науке
Ассоциации юристов России,
e-mail: natalli_an@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ: ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье с использованием общенаучных и специальных методов исследования представлен анализ общего состояния российского законодательства о социальной защите и социальном обеспечении участников СВО и членов их семей, а также обозначены перспективные направления совершенствования такого законодательства в контексте реализации национальных целей развития Российской Федерации до 2036 года, утвержденных Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309.

Особое внимание уделяется проблемам законодательного регулирования пенсионного обеспечения участников СВО и обеспечения их отдельными видами социальных выплат и мер социальной поддержки; даются предложения по совершенствованию российского законодательства о социальном обеспечении.

Ключевые слова: социальная защита, социальное обеспечение, участники СВО и члены их семей, военнослужащие, специальные субъекты, пенсионное обеспечение, социальные выплаты, меры социальной поддержки, социальное обслуживание.

ANTONOVA Natalia Vladislavovna,
Candidate of Juridical Sciences,
Senior Researcher of the Department of Social Legislation
of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Executive Secretary of the Commission on Legal Science
of the Association of Lawyers of Russia

LEGAL REGULATION OF SOCIAL PROTECTION AND SOCIAL SECURITY OF THE PARTICIPANTS OF THE SVO AND THEIR FAMILY MEMBERS: GENERAL STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. The article, using general scientific and special research methods, presents an analysis of the general state of Russian legislation on social protection and social security of ITS participants and their family members, as well as outlines promising areas for improving such legislation in the context of the implementation of the national development goals of the Russian Federation until 2036, approved by Presidential Decree No. 309 of May 7, 2024.

Special attention is paid to the problems of legislative regulation of pension provision for members of the SVO and providing them with certain types of social benefits and social support measures; proposals are made to improve Russian legislation on social security.

Key words: social protection, social security, participants of the military and their families, military personnel, special subjects, pension provision, social payments, social support measures, social services.

Президентом Российской Федерации 2025 год в России был объявлен Годом защитника Отечества [46]. Это требует консолидации усилий общества и государства с целью создания условий для обеспечения достойной жизни участников СВО как лиц, непосредственно выполняющих конституционно значимые функции, связанные с обеспечением обороны страны и безопасности государства, а также членов их семей.

Сегодня в отношении участников СВО в соответствии с нормами ст. 7, ч. 1 и 2 ст. 39, ч. 1 ст. 59, ст. 71 (пункт «м»), 72 (пункт «б» части 1) и 114 (пункты «д», «е» части 1) Конституции Российской Федерации реализуется публично-правовой механизм социальной защиты и социального обеспечения [27]. Содержание такого механизма и его законодательное наполнение обусловлены специальным правовым статусом и спецификой профессиональной деятельности таких граждан, что одновременно определяет правовой статус членов их семей, включая возможность последних быть получателями благ и гарантий социальной защиты и социального обеспечения [2, 8, 10, 16, с. 237-260].

В последние годы механизм социальной защиты и социального обеспечения участников СВО претерпел ряд существенных трансформаций, ориентированных на обеспечение наивысшего уровня социальной защиты для данной категории специальных субъектов, членов их семей [6, 8, 21, 22, 23, 24]. Прежде всего, были созданы условия для охвата социальными благами и гарантиями всех участников СВО (военнослужащих и приравненных к ним лиц, добровольцев и др.), членов их семей, а также других лиц и членов их семей, на которых указами Президента Российской Федерации могут быть распространены гарантии и компенсации, установленные для военнослужащих и членов их семей специальным законом – Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – Закон о статусе военнослужащих) [28] и другими федеральными законами (ч. 5 ст. 2 Закон о статусе военнослужащих).

Это было реализовано посредством закрепления за участниками СВО статуса ветерана (а в установленных случаях инвалида) боевых действий в соответствии с нормами Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» (далее – Закон о ветеранах) [29]. Указанный статус позволил таким лицам и членам их семей претендовать на различные блага и гарантии социальной защиты и социального обеспечения в виде социальных выплат и мер социальной поддержки, реализуемых как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях.

Результатом новелл стало качественное повышение уровня социальной защищенности данной категории лиц при том, что гарантии ветерана (инвалида) боевых действий фактически дополнили базовые гарантии для участников СВО и членов их семей, предусмотренные специальным Законом о статусе военнослужащих, а также различными нормативными правовыми актами по институтам социального обеспечения. Например, *в рамках института пенсионного обеспечения* – это федеральные законы от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (далее – Закон о государственном пенсионном обеспечении) [30] и от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – Закон о страховых пенсиях) [31], Закон РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» (далее – Закон РФ от 12 февраля 1993 года № 4468-1) [32], *в рамках института социального обслуживания* – это федеральные законы от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [33] и от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [34], и др.

Важно подчеркнуть, что реализация права участниками СВО и членами их семей на блага и гарантии социальной защиты и социального обеспечения, предусмотренные федеральным законодательством (с учетом статуса ветерана боевых действий), не исключает реализации ими права на блага и гарантии, установленные законодательством субъектов РФ [4, 14, 15]. Более того, именно региональным законодательством установлен более широкий перечень дополнительных благ и гарантий социальной защиты и социального обеспечения [15, 21, 23]. Как правило, это меры социальной поддержки в области образования, трудоустройства, жилищно-коммунального обслуживания, социального обслуживания, погребения и др., но также и дополнительные виды социальных выплат, относящихся к мерам социальной поддержки и (или) носящих самостоятельный характер [25, с. 70-88]. Отдельные блага и гарантии могут быть также предусмотрены актами органов местного самоуправления.

Во всех случаях перечень видов социальных выплат и мер социальной поддержки в отношении

участников СВО и членов их семей обусловлен статусом участника СВО – военнослужащие и приравненные к ним лица [6], добровольцы, лица, направлявшиеся для обеспечения выполнения задач в ходе СВО на территориях Украины, Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР) с 24 февраля 2022 года, отработавшие установленный при направлении срок либо откомандированные досрочно по уважительным причинам.

Данный перечень до получения участником СВО статуса ветерана (либо инвалида) боевых действий, позволяющего претендовать на типовой объем благ и гарантий социальной защиты и социального обеспечения, обусловленный таким статусом, в том числе в отношении членов семьи, может быть неоднородным.

Например, *ежемесячная компенсационная выплата* участникам СВО, заключившим контракт о прохождении военной службы с 24 февраля 2022 года и являющимся получателями пенсии за выслугу лет, выплата которой была приостановлена при поступлении их на военную службу, устанавливается только кадровым военнослужащим, которые до заключения контракта (*то есть до 24 февраля 2022 года*) являлись пенсионерами и получали пенсию за выслугу лет [45]. В то же время *ежемесячная денежная компенсация*, предусмотренная ч. 9, 10, 11 и 13 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (далее – Закон о денежном довольствии военнослужащих) [35], может быть назначена как членам семьи погибшего (умершего, пропавшего без вести) военнослужащего (по контракту и (или) призыву), так и членам семьи добровольца, независимо от нахождения таких лиц на иждивении кормильца – военнослужащего или добровольца, а также трудоспособности таких членов семьи.

Еще одним примером выступают новеллы ст. 4 Закона о государственном пенсионном обеспечении, согласно которым право на пенсию по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению (а в случае смерти лица нетрудоспособным членам семьи – на пенсию по случаю потери кормильца) наравне с военнослужащими было также предоставлено гражданам, пребывавшим в добровольческих формированиях [41].

Указом Президента Российской Федерации от 6 июня 2022 г. № 355 [42] в рамках полномочий, установленных ч. 5 ст. 2 Закона о статусе военнослужащих, был также расширен круг получателей единовременной выплаты в случае гибели участника СВО, не имеющего членов семьи. Право на получение такой выплаты было предоставлено

его полнородным и неполнородным братьям и сестрам, что фактически уравнивало их с членами семьи участников СВО по данному основанию социального предоставления.

Таким образом, можно констатировать, что статус ветерана (инвалида) боевых действий и обусловленный им типовой объем благ и гарантий социальной защиты и социального обеспечения (федеральный и региональный) образуют один из ведущих механизмов справедливой дифференциации в области социальной защиты и социального обеспечения для всех участников СВО, учитывая характер и условия выполняемых ими задач, риска для жизни.

Перечень видов социальных выплат и мер социальной поддержки в отношении участников СВО и членов их семей с целью удобства его оценки и последующего применения (с учетом статуса ветерана (инвалида) боевых действий), может быть классифицирован как по видам выплат и мер социальной поддержки, так и нормативным правовым актам, которыми они устанавливаются [6, 16].

Например, такие социальные выплаты, как страховые выплаты в области государственного (личного) страхования жизни и здоровья участников СВО, а также установленные федеральным законодателем в отношении данной категории специальных субъектов и членов их семей единовременные, ежемесячные, ежегодные или периодические выплаты, являются самостоятельным видом социальных (материальных) благ и гарантий. Это следует из содержания ряда специальных федеральных законов, а также актов подзаконного уровня [48].

В то же время по правовой природе отдельные виды социальных выплат могут быть отнесены к адресным мерам социальной поддержки, поскольку их появление в российском законодательстве было обусловлено реформой по отмене («монетизации») льгот, начало которой было положено с принятием Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [36]. В результате с 1 января 2005 года льготы и преимущества для граждан, были заменены мерами социальной поддержки, кото-

рые стали устанавливаться как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации на основе принципа адресности.

В соответствии с данным принципом законодателем определяется нуждающаяся категория граждан-получателей мер социальной поддержки, которой на законодательном уровне присваивается соответствующий статус, в данном случае – ветеран (либо инвалид) боевых действий; военный пенсионер; инвалид, родитель, супруга (супруг) или несовершеннолетний – члены семьи военнослужащего или добровольца и др., что позволяет таким лицам рассчитывать на определенные меры социальной поддержки. Например, в соответствии с ч. 9, 10 и 13 ст. 3 Закона о денежном довольствии военнослужащих, родители военнослужащего или добровольца (в случае гибели (смерти) военнослужащего или добровольца), достигшие возраста 50 и 55 лет (соответственно женщина и мужчина) или являющиеся инвалидами, могут претендовать на такую меру социальной поддержки как ежемесячная денежная компенсация в связи с потерей кормильца.

Особый характер мер социальной поддержки, обусловленный их адресностью, а также гарантии их установления государством, находит отражение в содержании части 7 статьи 75 Конституции Российской Федерации.

Такие меры в отношении участников СВО и членов их семей (с учетом статуса ветерана (инвалида) боевых действий) широко распространены в области медицинской помощи и лечения, образования, отдыха и трудоустройства, пенсионного обеспечения, жилищно-коммунального обслуживания, кредитования и налогообложения, оказания бесплатной юридической помощи, исполнительного производства, освобождения от уголовной ответственности, социального обслуживания, погребения и др.

Помимо денежных выплат они могут предоставляться в виде различных социальных услуг и льгот, социального обслуживания и натуральной помощи. Например, статьей 16 Закона о ветеранах к мерам социальной поддержки ветеранов боевых действий отнесены: льготное обеспечение жильем; приобретение садовых земельных участков в первоочередном порядке; компенсация расходов на оплату жилых помещений (в размере 50%); внеконкурсное поступление в высшие учебные заведения; преимущественное пользование всеми видами услуг учреждений связи, культурно-просветительских и спортивно-оздоровительных учреждений; внеочередное приобретение билетов на все виды транспорта; льготное пенсионное обеспечение; обслуживание после выхода на пенсию в тех же поликлиниках и больницах, к которым было прикрепление в период службы;

обеспечение протезами (кроме зубных) и протезно-ортопедическими изделиями; освобождение от НДФЛ доходов в денежной и (или) натуральной форме, полученных в соответствии с настоящим Законом; использование ежегодного отпуска в удобное время и предоставление отпуска без сохранения заработной платы сроком до 35 календарных дней в году; профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование за счет средств работодателя.

Еще раз отметим, что механизм социальной защиты и социального обеспечения участников СВО и членов их семей функционирует как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта РФ. При этом именно уровень субъекта РФ в силу особого характера мер социальной поддержки выступает наиболее адресным и приоритетным для законодателя и обеспечиваемых лиц. Наличие региональной специфики социального предоставления в отношении участников СВО, членов их семей, что выражается в различных подходах к определению круга субъектов, оснований и объема такого предоставления, состояния социальной инфраструктуры, по верному замечанию российских ученых, требует унификации правового регулирования [21, 23]. Ведь, несмотря на внушительный объем региональных нормативных правовых актов, постоянное, часто хаотичное, обновление подзаконного регулирования, создает трудности в области процедуры реализации права на получение соответствующих благ и гарантий в субъектах РФ и приводит к необоснованной дифференциации [23, 24].

Ярким примером выступают вопросы социального обеспечения добровольцев и членов их семей в части доведения различных видов социального предоставления до адресата, а также вопросы реабилитации и комплексного сопровождения военнослужащих и других участников СВО, вернувшихся из зоны боевых действий [22, 24]. Последние образуют одно из приоритетных направлений социальной политики Российской Федерации, что находит отражение в активном развитии государственно-частного партнерства и волонтерства, создании Государственного фонда поддержки участников СВО «Защитники Отечества» (далее – Фонд «Защитники Отечества», Фонд) [43].

На Фонд были возложены задачи по участию в патриотическом воспитании и информационной поддержке задач СВО, привлечении волонтеров и негосударственных организаций, включая благотворительные, к реализации мер социальной поддержки участников СВО. В числе мер, реализуемых Фондом, не только меры поддержки в отношении ветеранов (инвалидов) боевых действий и членов их семей, но также организация и оказание

помощи членам семей лиц, пропавших без вести в период участия в СВО либо признанных в установленном порядке безвестно отсутствующими в связи с участием в СВО.

В числе наиболее перспективных задач, реализуемых Фондом «Защитники Отечества» по поручению Президента Российской Федерации [47] (в ходе обращения к Федеральному Собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 г.), – обеспечение комплексного сопровождения участников СВО и членов их семей (в случае гибели участника в связи с выполнением задач СВО), а также решение вопросов по социальной адаптации, интеграции и ресоциализации, обучения (переобучения, повышения квалификации), содействия в трудоустройстве участников СВО, прежде всего, ветеранов (инвалидов) боевых действий и оказанию им психолого-психотерапевтической помощи.

Поэтому на сегодняшний день в рамках обозначенного направления правового регулирования в контексте уставных задач Фонда «Защитники Отечества» перспективы развития российского законодательства сосредоточены в области включения ветеранов (инвалидов) боевых действий в систему долговременного ухода (СДУ), которая с 2023 года реализуется в форме общероссийского регионального проекта [12]. За каждым ветераном должен быть закреплён персональный социальный работник и адресный пакет социальных услуг [19].

В то же время должное функционирование СДУ в отношении участников СВО должно предусматривать четкую регламентацию по вопросам установления единых критериев нуждаемости в социальном обслуживании, определения социального пакета (перечня социальных услуг), предоставляемого бесплатно или (либо) за частичную плату, нормативного закрепления статуса лиц, осуществляющих необходимый уход [11, 12].

Анализ общего состояния и перспектив развития правового регулирования социальной защиты и социального обеспечения участников СВО и членов их семей показывает высокую значимость инициатив, ориентированных на расширение перечня лиц, которым может быть присвоен статус ветерана (либо инвалида) боевых действий.

В числе последних инициатив (законопроект № 658371-8) – присвоение статуса ветерана (инвалида) боевых действий военнослужащим спасательных воинских формирований федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, которые: а) принимали участие в специальной военной операции в проведении

работ по поиску, обезвреживанию и (или) уничтожению взрывоопасных предметов на территориях Украины, ДНР и ЛНР – с 24.02.2022 года; б) принимали участие в таких работах на территории Запорожской и Херсонской областей – с 30.09.2022 года. Те их них, кто стал инвалидом вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных в связи с выполнением таких работ, будут признаны инвалидами боевых действий; в) которые шесть и более месяцев исполняли обязанности в военно-гражданских администрациях Херсонской и Запорожской областей и принимали участие в обеспечении выполнения задач в ходе СВО на территории Украины и названных областей [49].

Законопроектом № 658371-8 также предлагается дополнить уже имеющуюся категорию «лица, направлявшиеся для обеспечения выполнения задач в ходе СВО, отработавшие установленный при направлении срок либо откомандированные досрочно по уважительным причинам», включив в них тех, кто направлялся на территории Запорожской и Херсонской областей с 30.09.2022 года.

Указанный законопроект заслуживает поддержки, поскольку, как было отмечено выше, статус ветерана (инвалида) боевых действий способствует справедливой дифференциации благ и гарантий социальной защиты и социального обеспечения в отношении всех участников СВО.

Поэтому справедливы предложения российских ученых о необходимости включения в число получателей мер социальной поддержки, установленных ст. 6.1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (далее – Закон о государственной социальной помощи) [37] в отношении ветеранов боевых действий, также лиц, направлявшихся для обеспечения выполнения задач в ходе СВО на территориях Украины, ДНР и ЛНР с 24 февраля 2022 года, отработавших установленный при направлении срок либо откомандированных досрочно по уважительным причинам, которым может быть установлен статус ветерана (инвалида) боевых действий [17].

Справедливым и обоснованным видится распространение гарантий и мер социальной поддержки, обусловленных статусом ветерана (инвалида) боевых действий, также на военных журналистов [53] и священнослужителей, выполняющих задачи в ходе СВО на территориях Украины, ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей [7].

Завершение СВО во всех случаях потребует от российского законодателя принятия дополнительных мер в области социальной защиты и социального обеспечения участников СВО, кото-

рые в силу различных обстоятельств, связанных с невозможностью продолжения военной службы, захотят реализовать свои способности в других сферах общественной жизни, рассчитывая на адекватное замещение трудового вклада достойным размером пенсионного обеспечения [3, 4, 5, 9, 16, с. 302-326, 20].

В связи с этим законодателю предстоит вернуться к вопросам в области пенсионного обеспечения военнослужащих и приравненных к ним лиц, а также членов их семей, так и не нашедшим своего решения.

Представители юридической науки справедливо во мнении, что пенсия за выслугу, назначаемая в соответствии с нормами Закона РФ от 12 февраля 1993 года № 4468-I кадровым военным служащим и приравненным к ним лицам (лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждений и органов УИС, войск Росгвардии, органов принудительного исполнения РФ), должна исчисляться из 100% их денежного довольствия [6, 8, 18]. Однако действующий механизм исчисления пенсии за выслугу лет в отношении данной категории специальных субъектов предусматривает поэтапное повышение расчетного размера их денежного довольствия с 54 % (с 1 января 2012 г.) до достижения 100 % его размера (на 2 % ежегодно). Данный механизм позволяет гарантировать исчисление пенсии таким субъектам с 1 января 2025 г. только в размере 89,83% суммы денежного довольствия.

Федеральный законодатель, осознавая высокую значимость для Российской Федерации исполняемых военнослужащими и приравненными к ним лицами конституционно значимых функции по обеспечению обороны страны и безопасности государства, поддержанию правопорядка, внес изменения в ст. 43 Закона РФ от 12 февраля 1993 года № 4468-I [38], согласно которым действие ч. 2 ст. 43 было приостановлено, что позволило с 1 января 2025 года гарантировать специальным субъектам исчисление размера их пенсии за выслугу лет в размере 93,59 % от размера их денежного довольствия. Однако данную новеллу можно считать мерой временного характера, ведь ее действие продлено только до 1 января 2026 года. Очевидно, что данный вопрос до сих пор не получил должной правовой регламентации.

Оценивая объем «двойного» пенсионного обеспечения военных пенсионеров и приравненных к ним лиц, когда к пенсии за выслугу лет может быть назначена страховая пенсия по старости,

становится очевидным, что действующее правовое регулирование препятствует справедливому учету прав таких граждан в системе обязательного пенсионного страхования [3, 6, 8].

Сегодня структура «двойной пенсии» военным пенсионерам не учитывает получения ими фиксированной выплаты (ФВ) к страховой пенсии по старости (инвалидности). Однако, будучи полноценными субъектами обязательного социального страхования и исправно отчисляя выплаты на формирование страховой пенсии в Социальный фонд России, такие граждане лишены ее базовой, гарантируемой государством каждому застрахованному лицу, части выплат [3]. На это неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации в ходе анализа конструкции модели страховой пенсионной системы РФ, где уплата страховых взносов фактически является гарантией прав застрахованных лиц на получение страховой пенсии по старости в полном объеме, включая ФВ [50, 51, 52]. Ведь именно через механизм уплаты страховых взносов будущими получателями страховой пенсии реализуется и обеспечивается их право на достойный объем обязательного страхового обеспечения по обязательному пенсионному страхованию [16].

Таким образом, предоставление военнослужащим и приравненным к ним лицам права на получение ФВ к страховой пенсии по старости – еще одна приоритетная задача для российского законодателя в области пенсионного обеспечения специальных субъектов, которая имеет все основания быть решенной, особенно в условиях обновления национальных целей и задач развития Российской Федерации до 2036 года [44].

Ускорение процесса законотворчества в области повышения социальной защищенности участников СВО и членов их семей уже способствовало внесению изменений в ряд тематических федеральных законов, включая кодексы, что позволило реализовать в отношении обеспечиваемых лиц отраслевые принципы адресности и всеобщности социального обеспечения, социальной справедливости [8, 16].

Среди новелл следует особенно отметить возобновление ежемесячной компенсационной выплаты кадровым военнослужащим – участникам СВО, заключившим контракт о прохождении военной службы с 24 февраля 2022 года и являющимся получателями пенсии за выслугу лет, выплата которой была приостановлена при поступлении их на военную службу [45]. Такая выплата до ее отмены назначалась дополнительно к денежному довольствию военнослужащего в размере 100 % пенсии за выслугу лет, выплачивае-

мой на день приостановления такой пенсии (с учетом индексации размера пенсии после приостановления ее выплаты).

Отдельным категориям обеспечиваемых лиц также было предоставлено право на «двойную пенсию» – это дети-инвалиды и инвалиды с детства I и II групп, родители которых погибли в ходе СВО [39]. Им может быть одновременно установлена пенсия по случаю потери кормильца, предусмотренная Законом Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 4468-1, и социальная пенсия по инвалидности, регламентированная Законом о государственном пенсионном обеспечении. При этом инвалидам с детства I и II групп вместо социальной пенсии по инвалидности к пенсии по случаю потери кормильца может также устанавливаться страховая пенсия по инвалидности или страховая пенсия по старости на условиях и в порядке, которые предусмотрены Законом о страховых пенсиях.

Аналогичный подход, характеризующийся отступлением законодателя от принципа недопустимости социального предоставления по одному и тому же социально значимому основанию, должен быть осуществлен также в отношении пенсионного обеспечения военных пенсионеров и приравненных к ним лиц, что значительно повысит эффективность законодательства в их отношении и станет примером реализации всесторонней заботы государства о лицах, исполняющих долг по защите Отечества.

Не менее справедливой и обоснованной могла бы стать индексация страховых пенсий работающим пенсионерам из числа участников СВО [15].

На сегодняшний день следует признать актуальными и предложения российских специалистов о необходимости развития адресных мер социальной поддержки в отношении участников СВО и членов их семей, которые могут осуществляться в виде ежемесячных пособий, призванных гарантировать достаточный уровень социального обеспечения независимо от наличия трудовых доходов в семьях [15].

В частности, речь идет о необходимости расширения круга лиц, которые могли бы претендовать на такую адресную меру социальной поддержки, как ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка (далее – универсальное пособие на детей), регламентация которого осуществляется в соответствии со ст. 9, 9.1. и 10 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (далее – Закон о пособиях 1995 г.) [40].

В настоящее время такое пособие предоставляется на детей, воспитываемых в малоиму-

щих (малообеспеченных) семьях, где размер среднедушевого дохода семьи, не превышает величину регионального прожиточного минимума на душу населения по состоянию на дату обращения за назначением пособия.

В отношении участников СВО и членов их семей, которые столкнулись с гибелью участника СВО или полной утратой им трудоспособности (инвалиды I группы), порог такого дохода (после предоставления всех действующих социальных выплат), по мнению российских специалистов, должен быть установлен в размере не ниже трехкратной величины регионального прожиточного минимума, что могло бы гарантировать выплату универсального пособия на детей в размере покупательной способности среднестатистической российской семьи [15]. Схожие гарантии по уровню доходов для назначения ежемесячного пособия также могут быть предоставлены детям участников СВО (сиротам и оставшимся без попечения родителей) до достижения ими совершеннолетия и (или) 23 лет, если они учатся очно; а в случае, если они стали инвалидами до совершеннолетия, – продолжать выплачивать и после 18 лет [15].

Не умаляя актуальности таких предложений, важно отметить, что правовое регулирование универсального пособия на детей крайне несовершенно. Несмотря на возвращение с 1 января 2023 года универсальному пособию на ребенка статуса федеральной гарантии и унификации в его основе ряда иных, значимых для малоимущих семей с детьми выплат, пособие так и не смогло преодолеть обязательной оценки степени нуждаемости семьи [13]. Возможность получения этого пособия и его размер сегодня обусловлены не только экономическими возможностями конкретного субъекта РФ, в котором такое пособие назначается, но и степенью материальной обеспеченности его получателей [13].

Обновление законодательства об универсальном пособии на детей фактически привело к «отсечению» большого количества нуждающихся получателей от гарантий адресной социальной поддержки, что лишило такую поддержку целевой направленности как наиболее доступного и востребованного способа социальной защиты [13]. Подтверждением этому выступает норма о возрасте ребенка, являющаяся границей для назначения данного пособия (до 17 лет).

Кроме того, внедрение данного пособия в новом универсальном формате привело к сужению круга российских граждан, не входящих в категорию малоимущих, которым ранее полагались социальные пособия на детей и в связи с материнством [1, 13]. Речь идет о различных социальных пособиях и компенсациях (по уходу за ребенком с полутора до трех лет, при постановке

на учет женщины на ранних сроках беременности и др.), пусть и малозначительных по объему возмещения (от 50 до 500 руб.), но рассчитанных на все российские семьи, вне зависимости от уровня доходов лиц, воспитывающих ребенка (детей) [1, 13].

Таким образом, совершенствование законодательства об универсальном пособии на детей в отношении семей участников СВО, а также введение новых выплат для данной категории граждан должно предусматривать решения по уже имеющимся проблемам законодательного регулирования по конкретным видам социального обеспечения.

Введение дополнительных гарантий для участников СВО и членов их семей представляется первостепенным в области улучшения жилищных условий семей погибших участников СВО, особенно в случаях, когда члены семьи могут быть сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях в связи с увеличением вследствие гибели участника СВО размера площади в расчете на одного члена семьи (превышения учетной нормы площади жилого помещения), либо утратить право на подачу заявления о постановке на такой учет после гибели участника СВО [15].

К значимым гарантиям для участников СВО можно отнести и предлагаемые российскими учеными гарантии, связанные с предоставлением ежемесячной денежной компенсации военнослужащим (добровольцам) из числа инвалидов II и III групп, имеющих ограниченную трудоспособность, если такая инвалидность была установлена вследствие военной травмы, с оказанием им государственной социальной помощи на основе социального контракта и другие гарантии в области образования, занятости и трудоустройства, налогообложения [15].

В заключение отметим, что выполнение российским государством своих социальных обязательств перед гражданами, которые рискуют здоровьем и жизнью для обеспечения суверенитета страны, защиты и безопасности населения, не представляется возможным без выработки адекватного нормативного подхода, который позволил бы максимально охватить нужды всех лиц, принимающих и принимавших участие в СВО, членов их семей.

Список литературы:

[1] Азарова Е.Г. Дети как приоритет государственного регулирования социального обеспечения / Е. Г. Азарова // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 5. – С. 106-119. – DOI 10.12737/jrl.2021.064.

[2] Антонова, Н. В. Пособия из государственного бюджета по законодательству России, Белоруссии и Казахстана: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Антонова Наталья Владиславовна. – Москва, 2017. – 221 с.

[3] Антонова, Н. В. О роли фиксированной выплаты к страховой пенсии в установлении работающим гражданам достаточного уровня пенсионного обеспечения / Н. В. Антонова // Российское и международное право: общее и особенное: Материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 17 апреля 2019 года. – Москва: Без издательства, 2019. – С. 380-386.

[4] Антонова, Н. В. Социальные выплаты в РФ: о социальных стандартах качества жизни / Н. В. Антонова // Актуальные вопросы права и управления: Материалы I Международной научно-практической конференции, Москва, 16 апреля 2021 года. – Москва: Государственный университет управления, 2021. – С. 9-10.

[5] Антонова, Н. В. Страховые пенсионные выплаты: новые вызовы / Н. В. Антонова // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2021. – № 1. – С. 41-45.

[6] Антонова, Н. В. Сочетание страховых и бюджетных механизмов в пенсионном обеспечении военнослужащих и приравненных к ним лиц: дефекты российской модели пенсионного страхования / Н. В. Антонова // Социальное и пенсионное право. – 2024. – № 3. – С. 26-35. – DOI 10.18572/2070-2167-2024-3-26-35.

[7] Антонова, Н. В. Пенсионное обеспечение священнослужителей: актуальные направления правового регулирования / Н. В. Антонова // Православный собеседник. – 2024. – № 4(36). – С. 90-95.

[8] Антонова, Н. В. Пути достижения социальной справедливости в правовом регулировании пенсионного обеспечения военнослужащих / Н. В. Антонова // Роль социальной справедливости в обеспечении традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 21 февраля 2025 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2025. – С. 108-118.

[9] Антонова, Н. В. Оценочные понятия в праве социального обеспечения (теоретико-правовой аспект) / Н. В. Антонова, М. Г. Астаева // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: Сборник научных трудов, Москва, 25 сентября 2019 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2019. – С. 241-246.

[10] Антонова, Н. В. К вопросу о признании семьи с детьми коллективным субъектом отдельных социально-обеспечительных правоотношений / Н. В. Антонова, М. Г. Астаева // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2019. – № 2. – С. 54-57.

[11] Антонова, Н. В. Система долговременного ухода: проблемы кадрового обеспечения / Н. В. Антонова // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2022. – № 3. – С. 39-46.

[12] Антонова, Н. В. Система долговременного ухода как институт социального обслуживания: российский и зарубежный опыт / Н. В. Антонова, О. Ю. Еремина // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2022. – № 4. – С. 38-49.

[13] Антонова, Н. В. Социальная поддержка семей с детьми в Российской Федерации и Республике Беларусь: проблемы совершенствования / Н. В. Антонова, Д. А. Пашенцев // Трудовое и социальное право. – 2023. – № 3(47). – С. 40-45.

[14] Антонова, Н. В. Правовой обычай в отношениях по социальному обеспечению: вопросы теории и практики / Н. В. Антонова, О. А. Чирикова // Экономика. Право. Общество. – 2024. – Т. 9, № 1(37). – С. 43-49. – DOI 10.21686/2411-118X-2024-1-43-49.

[15] Бобков, В. Н. О социальных гарантиях участников специальной военной операции и членов их семей / В. Н. Бобков, Е. В. Одинцова, Т. В. Чашина // Социально-трудовые исследования. – 2024. – № 1(54). – С. 138-146. – DOI 10.34022/2658-3712-2024-54-1-138-146.

[16] Галаганов, В. П. Право социального обеспечения: Учебник / В. П. Галаганов, Н. В. Антонова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2021. – 612 с.

[17] Кудашкин А.В., Потапова Н.Д., Потапов А.В. К вопросу пенсионного обеспечения военнослужащих с учетом практики Конституционного Суда Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 10. С. 42 - 51.

[18] Кудашкин, А. В. К вопросу о правовом статусе лиц, направленных для обеспечения решения задач в ходе специальной военной операции / А. В. Кудашкин, Н. Д. Потапова, А. В. Потапов // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 121-128.

[19] Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (постатейный) / Е. Г. Азарова, Н. В. Антонова, Н. С. Волкова [и др.]; Отв. редактор Н.В. Путило. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2020. – 272 с. – ISBN 978-5-392-30511-7. – DOI 10.31085/9785392305117-2020-272.

[20] Оплата и нормирование труда: Научно-практический комментарий к разделу VI Трудового кодекса Российской Федерации (главы 20-22) / С. В. Алексеев, Н. В. Антонова, С. В. Каменская, Т. Ю. Коршунова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. – 144 с.

[21] Семянникова, Д. А. Эффективность натуральной формы социального обеспечения военнослужащего-участника специальной военной операции и членов его семьи: региональный аспект / Д. А. Семянникова // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2023. – № 2. – С. 59-63.

[22] Семянникова, Д. А. Правовое регулирование предоставления комплексной реабилитации военнослужащим-участникам специальной военной операции / Д. А. Семянникова // Юридические исследования. – 2023. – № 12. – С. 67-76. – DOI 10.25136/2409-7136.2023.12.69154.

[23] Семянникова, Д. А. Социальное обеспечение военнослужащих - участников специальной военной операции (региональный аспект) / Д. А. Семянникова // Военно-юридический журнал. – 2024. – № 1. – С. 18-23. – DOI 10.18572/2070-2108-2024-1-18-23.

[24] Семянникова, Д. А. Особенности правового регулирования социального обеспечения граждан, вступивших в добровольческое формирование / Д. А. Семянникова // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 8(195). – С. 171-173.

[25] Социальные выплаты в Российской Федерации: межотраслевой подход к правовому регулированию: Научно-практическое пособие / Н. В. Антонова, А. В. Белякова, О. Ю. Еремина [и др.]; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. – 192 с. – ISBN 978-5-392-35235-7.

[26] Судебная практика и развитие законодательства о труде и социальном обеспечении: научно-практическое пособие / Н. В. Антонова, С. В. Каменская, Т. Ю. Коршунова [и др.]. – Общество с ограниченной ответственностью «Юридическая фирма Контракт». – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2024. – 248 с. – ISBN 978-5-605-10560-2.

[27] Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации – <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

[28] Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 12.02.2025) «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. Ст. 2331.

[29] Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О ветеранах» // СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 168.

[30] Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 28.02.2025)

«О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4831.

[31] Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О страховых пенсиях» // Официальный интернет-портал правовой информации – <http://pravo.gov.ru>, 30.12.2013.

[32] Закон РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 (ред. от 28.02.2025) «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 9. Ст. 328.

[33] Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации – <http://pravo.gov.ru>, 30.12.2013.

[34] Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 29.10.2024)

«О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

[35] Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 30.09.2024) «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // Официальный интернет-портал правовой информации – <http://www.pravo.gov.ru>, 10.11.2011.

[36] Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ (ред. от 08.08.2024)

«О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.

[37] Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 29.10.2024)

«О государственной социальной помощи» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.

[38] Федеральный закон от 26 октября 2024 г. № 353-ФЗ (ред. от 13.02.2025) «О приостановлении действия части второй статьи 43 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» // Официальный интернет-портал правовой информации – <http://pravo.gov.ru>, 26.10.2024.

[39] Федеральный закон от 13 июля 2024 г. № 184-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 37 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» и статью 3 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации – <http://pravo.gov.ru>, 13.07.2024.

[40] Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1929.

[41] Федеральный закон от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации – <http://pravo.gov.ru>, 04.11.2022.

[42] Указ Президента РФ от 6 июня 2022 г. № 355 (ред. от 29.12.2022) «О внесении изменений в некоторые указы Президента Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации – <http://pravo.gov.ru>, 06.06.2022.

[43] Указ Президента Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» // Официальный интернет-портал правовой информации – <http://pravo.gov.ru>, 03.04.2023.

[44] Указ Президента РФ от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспек-

тиву до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации – <http://pravo.gov.ru>, 07.05.2024.

[45] Указ Президента РФ от 28 июня 2024 г. № 554 «О ежемесячной компенсационной выплате отдельным категориям военнослужащих, проходящих военную службу по контракту» // Официальный интернет-портал правовой информации – <http://pravo.gov.ru>, 28.06.2024.

[46] Указ Президента РФ от 16 января 2025 г. № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» // Официальный интернет-портал правовой информации – <http://pravo.gov.ru>, 16.01.2025.

[47] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. «Послание Президента Федеральному Собранию» // РГ. 2023. № 39.

[48] Приказ Министра обороны РФ от 6 мая 2012 г. № 1100 (ред. от 17.02.2023) «О Порядке выплаты в Министерстве обороны Российской Федерации единовременных пособий, предусмотренных частями 8 и 12 статьи 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // РГ. 2012. № 141.

[49] Законопроект № 658371-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О ветеранах» (об уточнении территорий и периода обеспечения выполнения задач в ходе специальной военной операции, а также присвоении статуса «Ветеран боевых действий» отдельным категориям граждан)» // Система обеспечения законодательной деятельности – <https://sozd.duma.gov.ru/bill/658371-8>.

[50] Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2006 г. № 187-О «По жалобе гражданина Наумчика Вячеслава Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 2 и 3 статьи 3 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении» в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 32. Ст. 3585.

[51] Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2020 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», подпункта 2 пункта 1 статьи 6, пункта 2.2 статьи 22 и пункта 1 ста-

ты 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункта 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, а также частей 2 и 3 статьи 8, части 18 статьи 15 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки О.В. Морозовой» // СЗ РФ. 2020. № 5. Ст. 583.

[52] Постановление Конституционного Суда РФ от 11 октября 2022 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 1 статьи 6, пункта 2.2 статьи 22, пункта 1 статьи 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункта 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, части четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», частей 2 и 3 статьи 8 и части 18 статьи 15 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданина К.В. Воробьева» // СЗ РФ. 2022. № 43. Ст. 7482.

[53] В России могут ввести категорию ветерана военной журналистики // Официальный сайт информационного агентства «ТАСС», URL.: <https://tass.ru/obschestvo/19395035> (дата публикации – 28.22.2023 г.)

Spisok literatury`

[1] Azarova E.G. Deti kak prioritet gosudarstvennogo regulirovaniya social'nogo obespecheniya / E. G. Azarova // Zhurnal rossijskogo prava. – 2021. – Т. 25, № 5. – С. 106-119. – DOI 10.12737/jrl.2021.064.

[2] Antonova, N. V. Posobiya iz gosudarstvennogo byudzheta po zakonodatel'stvu Rossii, Belorussii i Kazaxstana: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk / Antonova Natal'ya Vladislavovna. – Moskva, 2017. – 221 s.

[3] Antonova, N. V. O roli fiksirovannoj vy`platy` k straxovoj pensii v ustanovlenii rabotayushhim grazhdanam dostatochnogo urovnya pensionnogo obespecheniya / N. V. Antonova // Rossijskoe i mezhdunarodnoe pravo: obshhee i osobennoe: Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii pamyati professora F.M. Rudinskogo, Moskva, 17 aprelya 2019 goda. – Moskva: Bez izdatel'stva, 2019. – С. 380-386.

[4] Antonova, N. V. Social'ny'e vy'platy' v RF: o social'ny'x standartax kachestva zhizni / N. V. Antonova // Aktual'ny'e voprosy' prava i upravleniya: Materialy' I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 16 aprelya 2021 goda. – Moskva: Gosudarstvenny'j universitet upravleniya, 2021. – S. 9-10.

[5] Antonova, N. V. Straxovy'e pensionny'e vy'platy': novy'e vy'zovy' / N. V. Antonova // Cherny'e dy'ry' v Rossijskom zakonodatel'stve. – 2021. – № 1. – S. 41-45.

[6] Antonova, N. V. Sochetanie straxovy'x i byudzhety'x mexanizmov v pensionnom obespechenii voennosluzhashhix i priravneny'x k nim licz: defekty' rossijskoj modeli pensionnogo straxovaniya / N. V. Antonova // Social'noe i pensionnoe pravo. – 2024. – № 3. – S. 26-35. – DOI 10.18572/2070-2167-2024-3-26-35.

[7] Antonova, N. V. Pensionnoe obespechenie svyashhennosluzhitelej: aktual'ny'e napravleniya pravovogo regulirovaniya / N. V. Antonova // Pravoslavny'j sobesednik. – 2024. – № 4(36). – S. 90-95.

[8] Antonova, N. V. Puti dostizheniya social'noj spravedlivosti v pravovom regulirovanii pensionnogo obespecheniya voennosluzhashhix / N. V. Antonova // Rol' social'noj spravedlivosti v obespechenii tradicionny'x rossijskix duxovno-nravstvenny'x i kul'turno-istoricheskix cennostej: Materialy' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 21 fevralya 2025 goda. – Moskva: Moskovskij gumanitarny'j universitet, 2025. – S. 108-118.

[9] Antonova, N. V. Ochenochny'e ponyatiya v prave social'nogo obespecheniya (teoretiko-pravovoj aspekt) / N. V. Antonova, M. G. Astaeva // Yazy'k pravotvorchestva v usloviyax cifrovizacii obshhestvenny'x otnoshenij: Sbornik nauchny'x trudov, Moskva, 25 sentyabrya 2019 goda. – Moskva: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Nauchno-izdatel'skij centr INFRA-M», 2019. – S. 241-246.

[10] Antonova, N. V. K voprosu o priznanii sem'i s det'mi kollektivny'm sub'ektom otdel'ny'x social'no-obespechitel'ny'x pravootnoshenij / N. V. Antonova, M. G. Astaeva // Cherny'e dy'ry' v Rossijskom zakonodatel'stve. – 2019. – № 2. – S. 54-57.

[11] Antonova, N. V. Sistema dolgovremennogo uxoda: problemy' kadrovogo obespecheniya / N. V. Antonova // Cherny'e dy'ry' v Rossijskom zakonodatel'stve. – 2022. – № 3. – S. 39-46.

[12] Antonova, N. V. Sistema dolgovremennogo uxoda kak institut social'nogo obsluzhivaniya: rossijskij i zarubezhny'j opyt' / N. V. Antonova, O. Yu. Eremina // Cherny'e dy'ry' v Rossijskom zakonodatel'stve. – 2022. – № 4. – S. 38-49.

[13] Antonova, N. V. Social'naya podderzhka semej s det'mi v Rossijskoj Federacii i Respublike

Belarus': problemy' sovershenstvovaniya / N. V. Antonova, D. A. Pashencev // Trudovoe i social'noe pravo. – 2023. – № 3(47). – S. 40-45.

[14] Antonova, N. V. Pravovoj oby'chaj v otnosheniyax po social'nomu obespecheniyu: voprosy' teorii i praktiki / N. V. Antonova, O. A. Chirikova // E'konomika. Pravo. Obshhestvo. – 2024. – T. 9, № 1(37). – S. 43-49. – DOI 10.21686/2411-118X-2024-1-43-49.

[15] Bobkov, V. N. O social'ny'x garantiyax uchastnikov special'noj voennoj operacii i chlenov ix semej / V. N. Bobkov, E. V. Odinczova, T. V. Chashhina // Social'no-trudovy'e issledovaniya. – 2024. – № 1(54). – S. 138-146. – DOI 10.34022/2658-3712-2024-54-1-138-146.

[16] Galaganov, V. P. Pravo social'nogo obespecheniya: Uchebnik / V. P. Galaganov, N. V. Antonova. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo "KnoRus", 2021. – 612 s.

[17] Kudashkin, A. V. K voprosu o pravovom statute licz, napravlenny'x dlya obespecheniya resheniya zadach v xode special'noj voennoj operacii / A. V. Kudashkin, N. D. Potapova, A. V. Potapov // Pravo v Vooruzhenny'x Silax - Voennopravovoe obozrenie. – 2024. – № 2(319). – S. 121-128.

[18] Kudashkin, A. V. K voprosu o pravovom statute licz, napravlenny'x dlya obespecheniya resheniya zadach v xode special'noj voennoj operacii / A. V. Kudashkin, N. D. Potapova, A. V. Potapov // Pravo v Vooruzhenny'x Silax - Voennopravovoe obozrenie. – 2024. – № 2(319). – S. 121-128.

[19] Ob osnovax social'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossijskoj Federacii: Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 28 dekabrya 2013 g. № 442-FZ (postatejny'j) / E. G. Azarova, N. V. Antonova, N. S. Volkova [i dr.]; Otv. redaktor N.V. Putilo. – Moskva: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Prospekt", 2020. – 272 s. – ISBN 978-5-392-30511-7. – DOI 10.31085/9785392305117-2020-272.

[20] Oplata i normirovanie truda: Nauchno-prakticheskij kommentarij k razdelu VI Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii (glavy' 20-22) / S. V. Alekseev, N. V. Antonova, S. V. Kamenskaya, T. Yu. Korshunova. – Moskva: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "YuRIDICHESKAYA FIRMA KONTRAKT", 2020. – 144 s.

[21] Semyannikova, D. A. E'ffektivnost' natural'noj formy' social'nogo obespecheniya voennosluzhashhego-uchastnika special'noj voennoj operacii i chlenov ego sem'i: regional'ny'j aspekt / D. A. Semyannikova // Cherny'e dy'ry' v Rossijskom zakonodatel'stve. – 2023. – № 2. – S. 59-63.

[22] Semyannikova, D. A. Pravovoe regulirovanie predostavleniya kompleksnoj rehabilitacii

voennosluzhashhim-uchastnikam special'noj voennoj operacii / D. A. Semyannikova // Yuridicheskie issledovaniya. – 2023. – № 12. – S. 67-76. – DOI 10.25136/2409-7136.2023.12.69154.

[23] Semyannikova, D. A. Social'noe obespechenie voennosluzhashhix - uchastnikov special'noj voennoj operacii (regional'ny'j aspekt) / D. A. Semyannikova // Voенно-yuridicheskij zhurnal. – 2024. – № 1. – S. 18-23. – DOI 10.18572/2070-2108-2024-1-18-23.

[24] Semyannikova, D. A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya social'nogo obespecheniya grazhdan, vstupivshix v dobrovol'cheskoe formirovanie / D. A. Semyannikova // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2024. – № 8(195). – S. 171-173.

[25] Social'ny'e vy'platy` v Rossijskoj Federacii: mezhotraslevoj podxod k pravovomu regulirovaniyu: Nauchno-prakticheskoe posobie / N. V. Antonova, A. V. Belyakova, O. Yu. Eremina [i dr.]; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. – Moskva: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Prospekt", 2022. – 192 s. – ISBN 978-5-392-35235-7.

[26] Sudebnaya praktika i razvitie zakonodatel'stva o trude i social'nom obespechenii: nauchno-prakticheskoe posobie / N. V. Antonova, S. V. Kamenskaya, T. Yu. Korshunova [i dr.]. – Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Yuridicheskaya firma Kontrakt". – Moskva: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 2024. – 248 s. – ISBN 978-5-605-10560-2.

[27] Konstituciya Rossijskoj Federacii, prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 (s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Oficial'ny'j tekst Konstitucii RF s vnesenny'mi popravkami ot 14.03.2020 opublikovan na Oficial'nom internet-portale pravovoj informacii – <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

[28] Federal'ny'j zakon ot 27 maya 1998 g. № 76-FZ (red. ot 28.12.2024, s izm. ot 12.02.2025) «O statuse voennosluzhashhix» // SZ RF. 1998. St. 2331.

[29] Federal'ny'j zakon ot 12 yanvarya 1995 g. № 5-FZ (red. ot 21.04.2025) «O veteranax» // SZ RF. 1995. № 3. St. 168.

[30] Federal'ny'j zakon ot 15 dekabrya 2001 g. № 166-FZ (red. ot 28.02.2025)

«O gosudarstvennom pensionnom obespechenii v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2001. № 51. St. 4831.

[31] Federal'ny'j zakon ot 28 dekabrya 2013 g. № 400-FZ (red. ot 28.02.2025) «O straxovy'x pensiyax» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii – <http://pravo.gov.ru>, 30.12.2013.

[32] Zakon RF ot 12 fevralya 1993 g. № 4468-1 (red. ot 28.02.2025) «O pensionnom obespechenii licz, proxodivshix voennuyu sluzhbu, sluzhbu v

organax vnutrennix del, Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhbe, organax po kontrolyu za oborotom narkoticheskix sredstv i psixotropny'x veshhestv, uchrezhdeniyax i organax ugovolno-ispolnitel'noj sistemy`, vojskax nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, organax prinuditel'nogo ispolneniya Rossijskoj Federacii, i ix semej» // Vedomosti SND RF i VS RF. 1993. № 9. St. 328.

[33] Federal'ny'j zakon ot 28 dekabrya 2013 g. № 442-FZ (red. ot 26.12.2024) «Ob osnovax social'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossijskoj Federacii» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii – <http://pravo.gov.ru>, 30.12.2013.

[34] Federal'ny'j zakon ot 24 noyabrya 1995 g. № 181-FZ (red. ot 29.10.2024)

«O social'noj zashhite invalidov v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 1995. № 48. St. 4563.

[35] Federal'ny'j zakon ot 7 noyabrya 2011 g. № 306-FZ (red. ot 08.08.2024, s izm. ot 30.09.2024) «O denezhnom dovol'stvii voennosluzhashhix i predstavlenii im otdel'ny'x vy'plat» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii – <http://www.pravo.gov.ru>, 10.11.2011.

[36] Federal'ny'j zakon ot 22 avgusta 2004 g. № 122-FZ (red. ot 08.08.2024)

«O vnesenii izmenenij v zakonodatel'ny'e akty` Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu nekotory'x zakonodatel'ny'x aktov Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem federal'ny'x zakonov "O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Federal'ny'j zakon "Ob obshhix principax organizacii zakonodatel'ny'x (predstavitel'ny'x) i ispolnitel'ny'x organov gosudarstvennoj vlasti sub`ektov Rossijskoj Federacii" i "Ob obshhix principax organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii"» // SZ RF. 2004. № 35. St. 3607.

[37] Federal'ny'j zakon ot 17 iyulya 1999 g. № 178-FZ (red. ot 29.10.2024)

«O gosudarstvennoj social'noj pomoshhi» // SZ RF. 1999. № 29. St. 3699.

[38] Federal'ny'j zakon ot 26 oktyabrya 2024 g. № 353-FZ (red. ot 13.02.2025) «O priostanovlenii dejstviya chasti vtoroj stat'i 43 Zakona Rossijskoj Federacii "O pensionnom obespechenii licz, proxodivshix voennuyu sluzhbu, sluzhbu v organax vnutrennix del, Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhbe, organax po kontrolyu za oborotom narkoticheskix sredstv i psixotropny'x veshhestv, uchrezhdeniyax i organax ugovolno-ispolnitel'noj sistemy`, vojskax nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, organax prinuditel'nogo ispolneniya Rossijskoj Federacii, i ix semej» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii – <http://pravo.gov.ru>, 26.10.2024.

[39] Federal'ny'j zakon ot 13 iyulya 2024 g. № 184-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'i 7 i 37 Zakona Rossijskoj Federacii «O pensionnom obespechenii licz, proxodivshix voennuyu sluzhbu, sluzhbu v organax vnutrennix del, Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhbe, organax po kontrolyu za oborotom narkoticheskix sredstv i psixotropny'x veshhestv, uchrezhdeniyax i organax ugovolno-ispolnitel'noj sistemy`, vojskax nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, organax prinuditel'nogo ispolneniya Rossijskoj Federacii, i ix semej»

pozharnoj sluzhbe, organax po kontrolyu za oborotom narkoticheskix sredstv i psixotropny'x veshhestv, uchrezhdeniyax i organax ugovovno-ispolnitel'noj sistemy', vojskax nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, organax prinuditel'nogo ispolneniya Rossijskoj Federacii, i ix semej' i stat'yu 3 Federal'nogo zakona «O gosudarstvennom pensionnom obespechenii v Rossijskoj Federacii» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii - <http://pravo.gov.ru>, 13.07.2024.

[40] Federal'ny'j zakon ot 19 maya 1995 g. № 81-FZ (red. ot 29.10.2024) «O gosudarstvenny'x posobiyaх grazhdanam, imeyushhim detej» // SZ RF. 1995. № 21. St. 1929.

[41] Federal'ny'j zakon ot 4 noyabrya 2022 g. № 419-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii - <http://pravo.gov.ru>, 04.11.2022.

[42] Ukaz Prezidenta RF ot 6 iyunya 2022 g. № 355 (red. ot 29.12.2022) «O vnesenii izmenenij v nekotory'e ukazy' Prezidenta Rossijskoj Federacii» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii - <http://pravo.gov.ru>, 06.06.2022.

[43] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 3 aprelya 2023 g. № 232 «O sozdanii Gosudarstvennogo fonda podderzhki uchastnikov special'noj voennoj operacii «Zashhitniki Otechestva»» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii - <http://pravo.gov.ru>, 03.04.2023.

[44] Ukaz Prezidenta RF ot 07 maya 2024 g. № 309 «O nacional'ny'x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii - <http://pravo.gov.ru>, 07.05.2024.

[45] Ukaz Prezidenta RF ot 28 iyunya 2024 g. № 554 «O ezhemesyachnoj kompensacionnoj vy'plate otdel'ny'm kategoriyaх voennosluzhashhix, proxodyashhix voennuyu sluzhbu po kontraktu» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii - <http://pravo.gov.ru>, 28.06.2024.

[46] Ukaz Prezidenta RF ot 16 yanvarya 2025 g. № 28 «O provedenii v Rossijskoj Federacii Goda zashhitnika Otechestva» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii - <http://pravo.gov.ru>, 16.01.2025.

[47] Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 21 fevralya 2023 g. «Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu» // RG. 2023. № 39.

[48] Prikaz Ministra oborony' RF ot 6 maya 2012 g. № 1100 (red. ot 17.02.2023) «O Poryadke vy'platy' v Ministerstve oborony' Rossijskoj Federacii edinovremenny'x posobij, predusmotrenny'x chastyami 8 i 12 stat'i 3 Federal'nogo zakona ot 7 noyabrya 2011 g. № 306-FZ «O denezhnom dovol'stvii voennosluzhashhix i predostavlenii im otdel'ny'x vy'plat» // RG. 2012. № 141.

[49] Zakonoproekt № 658371-8 «O vnesenii izmenenij v Federal'ny'j zakon «O veteranax» (ob utochnenii territorij i perioda obespecheniya vy'pol-

neniya zadach v xode special'noj voennoj operacii, a takzhe prisvoenii statusa «Veteran boevy'x dejstvij» otdel'ny'm kategoriyaх grazhdan)» // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti - <https://sozd.duma.gov.ru/bill/658371-8>.

[50] Opreделение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2006 г. № 187-О «По жалобе гражданина Наумчика Вячеслава Викторовича на нарушение его конституционны'х прав положенными пунктом 2 и 3 стат'и 3 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении» в Российской Федерации» // SZ RF. 2006. № 32. Ст. 3585.

[51] Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2020 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой стат'и 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропны'х веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнитель'ной системы», воjskax nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, organax prinuditel'nogo ispolneniya Rossijskoj Federacii, i ix semej», подпункта 2 пункта 1 стат'и 6, пункта 2.2 стат'и 22 и пункта 1 стат'и 28 Федерального закона «Об обязател'ном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункта 2 пункта 1 стат'и 419 Налогового кодекса Российской Федерации, а такzhe chastej 2 i 3 stat'i 8, chasti 18 stat'i 15 Federal'nogo zakona «O straxovy'x pensiyax» v svyazi s zhaloboju grazhdanki O.V. Morozovoj» // SZ RF. 2020. № 5. St. 583.

[52] Постановление Конституционного Суда РФ от 11 октябrya 2022 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 1 стат'и 6, пункта 2.2 стат'и 22, пункта 1 стат'и 28 Федерального закона «Об обязател'ном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункта 2 пункта 1 стат'и 419 Налогового кодекса Российской Федерации, части четвертой стат'и 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропны'х веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнитель'ной системы», воjskax nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, organax prinuditel'nogo ispolneniya Rossijskoj Federacii, i ix semej», chastej 2 i 3 stat'i 8 i chasti 18 stat'i 15 Federal'nogo zakona «O straxovy'x pensiyax» v svyazi s zhaloboju grazhdanina K.V. Vorob'eva» // SZ RF. 2022. № 43. St. 7482.

[53] V Rossii mogut vvesti kategoriyu veterana voennoj zhurnalistiki // Oficial'ny'j sajт informacionnogo agentstva «TASS», URL.: <https://tass.ru/obschestvo/19395035> (data publikacii - 28.22.2023 g.)

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-82-87

КУЛЕШОВ Георгий Николаевич,
доцент кафедры юриспруденции АНОВО «ММУ»,
e-mail: mail@law-books.ru

РОГОВА Татьяна Михайловна,
ст. преподаватель кафедры юриспруденции АНОВО «ММУ»,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧИНАРЯН Елена Олеговна,
доцент кафедры общей юриспруденции РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

БОЛЬШАКОВА Оксана Геннадьевна,
преподаватель Колледжа РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЛУТОВИНОВА Наталья Викторовна,
преподаватель Колледжа РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИП ВСЕОБЩЕГО УВАЖЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье автор рассматривает принцип всеобщего уважения прав и свобод человека на основании международных нормативно-правовых актов: конвенций, деклараций и пактов, принятых благодаря активному участию международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, Совета Европы) в большинстве стран мира.

Ключевые слова: права и свободы человека, международное право, международные документы, ООН.

KULESHOV Georgy Nikolaevich,
Associate Professor, Department of Jurisprudence, ANOVO "MMU"

ROGOVA Tatyana Mikhailovna,
Art. teacher of the Department of Jurisprudence ANOVO "MMU"

CHINARIAN Elena Olegovna,
Associate Professor, Department of General Jurisprudence, RSSU

BOLSHAKOVA Oksana Gennadievna,
Lecturer at RSSU College

LUTOVINOVA Natalia Viktorovna,
Lecturer at RSSU College

PRINCIPLE OF UNIVERSAL RESPECT FOR HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW

Annotation. In the article, the author considers the principle of universal respect for human rights and freedoms on the basis of international legal acts: conventions, declarations and pacts adopted thanks to the active participation of international organizations (UN, UNESCO, Council of Europe) in most countries of the world.

Key words: human rights and freedoms, international law, international documents, UN.

Принцип всеобщего уважения прав человека и свобод человека — один из основополагающих принципов международного права. Становление этого принципа в качестве одного из основных международно-правовых принципов современного международного права относится к периоду после Великой Отечественной войны, связанному с принятием Устава Организации Объединенных Наций (ООН), который вступил в силу 24 октября 1945 года. В этом документе много говорится о необходимости соблюдения прав человека. В частности, в преамбуле Устава отмечается, что ООН создается, среди прочего, с целью утверждения веры в «основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций» [27]. В 55 статье этого документа сказано, что Организация Объединенных Наций содействует среди прочего: «Всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [27]. При этом как отмечается в следующей 56 статье: «Все Члены Организации обязуются предпринимать совместные и самостоятельные действия в сотрудничестве с Организацией для достижения целей, указанных в статье 55» [27]. Иными словами, все страны мира, входящие в ООН, обязуются содействовать всеобщему уважению и соблюдению прав человека и свобод независимо от расы, пола, языка или религии.

В 1948 г. на очередном заседании Генеральной Ассамблеи ООН была принята Всеобщая декларация прав человека, которая была рекомендована всем странам мира. Текст этого документа является, по сути, первым глобальным определением прав, которыми обладают все люди, и состоит из 30 статей [2]. Эта декларация является частью Международного билля о правах человека наравне с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, Международным пактом о гражданских и политических правах и другими международными документами, направленными на защиту прав и свобод граждан.

В целях лучшего понимания принципа всеобщего уважения прав и свобод человека в современном международном праве следует привести некоторые основные мысли из Всеобщей декларации прав человека:

- Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность (Статья 3);
- Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах (Статья 4);

- Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию (Статья 5);
- Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности (Статья 6);
- Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона (Статья 7);
- Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию (Статья 9) [2].

Детальный анализ каждой статьи этого документа наилучшим образом позволяет понять суть всеобщего уважения прав и свобод человека в мире, т.к. в нем представлена эта информация с наибольшей полнотой и универсальностью.

Среди других международных документов, направленных на защиту прав и свобод человека, которые приняты в ряде стран мира, следует отметить Женевскую декларацию прав ребенка, принятую ООН в расширенном виде в 1959 году и основанную на Декларации прав ребенка 1924 года [8]. Согласно этому документу каждому ребенку должны быть предоставлены средства, необходимые для его нормального развития и физического и духовного. Голодный ребенок должен быть накормлен, больному ребенку должна быть оказана помощь, а ошибающийся ребенок должен быть поправлен. Сирота и бездомный ребенок должны получить приют и поддержку в трудную минуту. Кроме того, ребенок должен получать помощь в тяжёлое время испытаний в первую очередь, а также должен расти в атмосфере любви, и быть защищенным от всех форм эксплуатации. При этом ребенок должен воспитываться в сознании, что его лучшие качества должны служить на пользу другим людям [8].

В 1966 году были приняты два пакта, дополняющие Всеобщую декларацию прав человека, а именно Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Первый из перечисленных документов обязывает стороны уважать гражданские и политические права людей, включая: право на жизнь, свободу религии, свободу слова, свободу собраний, избирательные права, права на надлежащую правовую процедуру, справедливое судебное разбирательство и т.д. [22]. Второй Пакт предоставляет экономические, социальные и культурные права всем лицам, включая тех, кто проживает на территориях иных государств. Права, предусмотренные этим Пактом, включают: трудовые права, право на здоровье, право на образование, право на достаточный уровень жизни и т.д. [23].

В 1975 г. была принята Декларация о правах лиц с инвалидностью, которая, как и Всеобщая декларация прав человека носит рекомендательный характер для государств-членов ООН, однако она образует основу, которую используют для целей международного и внутреннего права. Этот документ состоит из преамбулы и тринадцати положений, которые широко продвигают права людей с инвалидностью [9].

Кроме вышеперечисленных документов, направленных на всеобщую защиту прав и свобод граждан в международном праве следует отметить следующие: Декларация о праве на развитие (ООН 1979 и 1986 гг.) [10], Венская декларация и Программа действий, принятые на Всемирной конференции по правам человека в 1993 г. [3]. Дополнительно это Пекинская декларация и Платформа действий, принятые на Всемирной конференции по положению женщин в 1995 г. [28], Всеобщая декларация о культурном разнообразии (ЮНЕСКО, 2001 г.) [4], Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (ЮНЕСКО, 2005 г.) [5], Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов (ООН, 2007 г.) [6], Декларация ООН о сексуальной ориентации и гендерной идентичности (ООН, 2008 г.) [7], которую не подписали некоторые страны, включая Россию и Китай, по причине противоречия ее положений традиционным духовно-нравственным ценностям и другие международные нормативно-правовые акты.

Кроме вышеперечисленного существует также множество других международных договоров по правам человека, принятых в ООН, широко известных и применяющихся в ряде стран мира, а именно: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (21 декабря 1965 г.) [24], Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (основана на Конвенция о политических правах женщины ООН 20 декабря 1952 г. Новая конвенция была принята 18 декабря 1979 г.) [12], Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (10 декабря 1984 г.) [13], Конвенция о правах ребенка (20 ноября 1989 г.) [14], Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (18 декабря 1990 г.) [25], Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (20 декабря 2006 г.) [26], Конвенция о правах инвалидов (13 декабря 2006 г.) [15] и т.д.

Дополнительно можно перечислить еще несколько международных документов, которые ратифицированы в ряде стран: Конвенция о

предупреждении преступления геноцида и наказании за него (9 декабря 1948 г.), [16], Конвенция о статусе беженцев (28 июля 1951 г.) [17], Конвенция о сокращении безгражданства (30 августа 1961 г.) [18], Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него (30 ноября 1973 г.) [21], Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (27 июня 1989 г.) [19] и т.д.

Анализ многочисленных международных документов по правам человека показывает, что в современном международном праве имеется главенствующая правовая норма, в соответствии с которой государства обязаны уважать и соблюдать права человека и основные свободы для всех, без различия расы, пола, языка и религии. Эта обязанность носит всеобщий характер. Это значит, что права и свободы человека подлежат соблюдению во всех государствах и действуют в отношении всех лиц без какой-либо дискриминации. При этом целью международного сотрудничества в этой области является не унификация национальных законодательств, а разработка стандартов (моделей), которые служат для государств своеобразной отправной точкой для разработки собственного национального законодательства. Таким образом, непосредственная регламентация и защита прав и свобод человека по-прежнему остаются внутренним делом каждого государства.

Международные нормы в области прав человека в подавляющем большинстве не могут применяться непосредственно на территории государства и требуют от него определенных шагов по их имплементации. Так, положения Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах прямо требуют от государства принятия мер, в том числе и законодательных, по обеспечению индивидам прав, предусмотренных пактами. Как правило, международные документы не определяют, каким образом государство будет выполнять принятые на себя обязательства. Вместе с тем стандарты поведения, содержащиеся в международных документах, в определенной мере связывают свободу поведения государств в сфере национального законодательства. Более того, в международно-правовых доктринах некоторых стран считается, что благодаря развитию нормативного содержания каждый гражданин постепенно становится непосредственным субъектом международного права. При этом такие явления как геноцид, апартеид, расизм и расовая дискриминация уже

квалифицированы международным сообществом как международные преступления, и в силу этого не могут рассматриваться в качестве дел, входящих во внутреннюю компетенцию государства.

Принцип всеобщего уважения прав человека и основных свобод основан на наличии у любого государства триады обязательств в сфере прав человека: обязательства уважать, обязательства обеспечивать и обязательства защищать права человека и его основные свободы. В случае грубых и массовых нарушений прав человека при геноциде, военных преступлениях, этнических чистках и преступлениях против человечности, такой признанный в международном праве принцип, как принцип ответственности по защите, включает в себя следующие обязательства: обязательство предотвратить, обязательство отреагировать и обязательство восстановить [20].

В качестве примера обязательство государств – участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, признанные в Конвенции [11], толкуется Европейским судом по правам человека как включающее следующие обязательства: принять меры по недопущению нарушения, пресечь нарушение и восстановить нарушенное право. Главное отличие этой Конвенции от иных международных договоров в области прав человека — существование реально действующего механизма защиты декларируемых прав в виде Европейского суда по правам человека [1]. Однако, например Россия вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ в 2022 г. по причине выхода из состава Совета Европы и таким образом в России перестали выполняться предписания Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Подводя итог вышеизложенному важно отметить, что принцип всеобщего уважения прав и свобод человека в современном международном праве основан на многочисленных декларациях, конвенциях и иных международных договорах, ратифицированных в большинстве стран мира. При этом во всех этих документах государства обязаны уважать и соблюдать права человека и основные его свободы без различия расы, пола, языка и религии в целях недопущения дискриминации. Основной проблемой подобных международных предписаний является то, что не все они приняты во всех странах мира. Есть страны, которые не ратифицировали отдельные международные соглашения и тем самым отказались от участия в глобальной системе защиты прав и свобод граждан, либо были исключены из этой системы по причине глобальной геополитической ситуации, как это случилось с Россией и ее выходом из состава Совета Европы.

Список литературы:

- [1] Аверьянов К.Ю. Характеристика правовых позиций Европейского Суда по правам человека // Вестник МИЭП. 2011. №3 (4). С. 122-127.
- [2] Всеобщая декларация прав человека // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights>(дата обращения: 26.10.2024).
- [3] Венская декларация и Программа действий // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 26.10.2024).
- [4] Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии// URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 26.10.2024).
- [5] Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека // URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/universal-declaration-bioethics-and-human-rights?hub=387> (дата обращения: 26.10.2024).
- [6] Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов// URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 26.10.2024).
- [7] Декларация ООН о сексуальной ориентации и гендерной идентичности // URL: https://en.wikisource.org/wiki/UN_declaration_on_sexual_orientation_and_gender_identity (дата обращения: 26.10.2024).
- [8] Декларация прав ребенка // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 26.10.2024).
- [9] Декларация о правах инвалидов // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (дата обращения: 26.10.2024).
- [10] Декларация о праве на развитие // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения: 26.10.2024).
- [11] Европейская конвенция по правам человека // URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 26.10.2024).
- [12] Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин// URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 26.10.2024).
- [13] Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[14] Конвенция о правах ребенка // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[15] Конвенция о правах инвалидов // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[16] Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[17] Конвенция о статусе беженцев // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[18] Конвенция о сокращении безгражданства // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[19] Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[20] Липкина Н.Н. Международноправовое обязательство уважать права человека: основные элементы содержания и пределы // Журнал российского права. 2014. №4 (208). С. 112-118.

[21] Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[22] Международный пакт о гражданских и политических правах // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[23] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml;

[24] Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[25] Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[26] Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disappearance.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[27] Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 26.10.2024).

[28] Пекинская декларация // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения: 28.10.2024).

Spisok literatury:

[1] Aver'yanov K.Yu. *Xarakteristika pravovy'x pozicij Evropejskogo Suda po pravam cheloveka* // Vestnik MIE'P. 2011. №3 (4). S. 122-127.

[2] Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 26.10.2024).

[3] Venskaya deklaraciya i Programma dejstvij // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[4] Vseobshhaya deklaraciya YuNESKO o kul'turnom raznoobrazii // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[5] Vseobshhaya deklaraciya o bioe'tike i pravax cheloveka // URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/universal-declaration-bioethics-and-human-rights?hub=387> (дата обращения: 26.10.2024).

[6] Deklaraciya Organizacii Ob`edinenny'x Nacij o pravax korenny'x narodov // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[7] Deklaraciya OON o seksual'noj orientacii i gendernoj identichnosti // URL: https://en.wikisource.org/wiki/UN_declaration_on_sexual_orientation_and_gender_identity (дата обращения: 26.10.2024).

[8] Deklaraciya prav rebenka // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[9] Deklaraciya o pravax invalidov // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[10] Deklaraciya o prave na razvitie // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[11] Evropejskaya konvenciya po pravam cheloveka // URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 26.10.2024).

[12] Konvenciya o likvidacii vsekh form diskriminacii v otnoshenii zhenshhin // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 26.10.2024).

[13] Konvenciya protiv py`tok i drugix zhestokix, beschelovechny`x ili unizhayushhix dostoinstvo vidov obrashheniya i nakazaniya // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (data obrashheniya: 26.10.2024).

[14] Konvenciya o pravax rebenka // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (data obrashheniya: 26.10.2024).

[15] Konvenciya o pravax invalidov // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (data obrashheniya: 26.10.2024).

[16] Konvenciya o preduprezhdenii prestupleniya genocida i nakazanii za nego // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (data obrashheniya: 26.10.2024).

[17] Konvenciya o statuse bezhencev // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (data obrashheniya: 26.10.2024).

[18] Konvenciya o sokrashhenii bezgrazhdanstva // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml (data obrashheniya: 26.10.2024).

[19] Konvenciya o korenny`x narodax i narodax, vedushhix plemennoj obraz zhizni v nezavisimy`x stranax // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (data obrashheniya: 26.10.2024).

[20] Lipkina N.N. Mezhdunarodnopravovoe obyazatel`stvo uvazhat` prava cheloveka: osnovny`e

e`lementy` soderzhaniya i predely` // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. №4 (208). S. 112-118.

[21] Mezhdunarodnaya konvenciya o presechenii prestupleniya aparteida i nakazanii za nego // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml (data obrashheniya: 26.10.2024).

[22] Mezhdunarodny`j pakt o grazhdanskix i politicheskix pravax // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (data obrashheniya: 26.10.2024).

[23] Mezhdunarodny`j pakt ob e`konomicheskix, social`ny`x i kul`turny`x pravax // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml;

[24] Mezhdunarodnaya konvenciya o likvidacii vsekh form rasovoj diskriminacii // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (data obrashheniya: 26.10.2024).

[25] Mezhdunarodnaya konvenciya o zashhite prav vsekh trudyashhixsya-migrantov i chlenov ix semej // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (data obrashheniya: 26.10.2024).

[26] Mezhdunarodnaya konvenciya dlya zashhity` vsekh licz ot nasil`stvenny`x ischeznovenij // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disappearance.shtml (data obrashheniya: 26.10.2024).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-88-92

ОБРАЗЦОВА Валентина Игоревна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры гражданского права Федерального
государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Московский государственный
юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»,
адвокат, член Адвокатской палаты Московской области,
e-mail: v9035285237@gmail.com

ПРАВОВАЯ ОХРАНА И ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются правовое регулирование персональных данных потребителей. Автор исследует проблемы защиты прав потребителей при обработке персональных данных. В статье содержится анализ судебной практики по рассматриваемым проблемам.

Ключевые слова: потребитель, персональные данные, потребительский договор, защита «слабой стороны», обработка персональных данных.

OBRAZTSOVA Valentina Igorevna,
candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer
of the Department of Civil Law of the Federal State
Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)»,
advocate, member of the Moscow
region chamber of Lawyers applicant

LEGAL PROTECTION AND PROTECTION OF PERSONAL DATA OF CONSUMERS

Annotation. The article discusses the legal regulation of personal data of consumers. The author explores the problems of consumer protection in the processing of personal data. The article contains an analysis of judicial practice on the issues under consideration.

Key words: consumer, personal data, consumer agreement, protection of the “weak side”, processing of personal data.

Ежедневно каждый человек вступает в правоотношения для удовлетворения своих бытовых потребностей, являющихся необходимым условием существования, доверяя государству и бизнесу свою персональную информацию. Обработка данных потребителей неизбежна при продаже товаров, оказании услуг или выполнении работ. Так, предприниматели становятся владельцами достаточно большого объема информации о потребителях, что возлагает на них особую обязанность защиты этих данных. Однако, на практике потребитель сталкивается с серьезными рисками раскрытия персональной информации каждому контрагенту, с такими как хищение персональных данных, незаконная их передача третьим лицам, нецелевая обработка и другие. В условиях глобальной циф-

ровизации во всех сферах жизнедеятельности большое значение приобретает защита персональных данных. Только в 2024 году в России произошло уже более 135 случаев утечек баз данных, в которых содержалось более 710 млн записей о россиянах, а также зафиксировано 135 случаев распространения в интернете баз данных (БД), согласно данным Роскомнадзора [1]. В частности, в открытом доступе оказались базы данных клиентов больших компаний, оказывающих услуги населению, ЯндексЕда, Delivery Club, Ozon, Wildberries, СДЭК, Почта России, ВТБ, Avito, Ростелеком, «Билайн», «Гемотест». Все это делает проблему утечек персональных данных и раскрытия личной информации миллионов людей все более обостренной. Неосторожное использование и хранение персональных данных потребителей в

последующем связано с нарушением прав на частную жизнь, честь, достоинство и деловую репутацию, с причинением убытков и морального вреда. Все это не только нарушает право человека на неприкосновенность частной жизни, гарантированное Конституцией РФ, но и создает реальную угрозу для совершения преступлений и правонарушений. Понятие права на неприкосновенность частной и личной жизни включает в себя и возможность пользоваться и распоряжаться своими персональными данными [2].

Часто украденные данные собираются в базы данных с целью их последующей перепродажи¹. Накапливание и анализ больших объемов данных (big data), включая персональную информацию потребителей, представляют большую экономическую ценность для предпринимателей, делая возможным оценку потребительского поведения, запросов и предпочтений, увеличивая востребованность своих товаров и услуг. Тем самым контрагент потребителя извлекает прибыль из сбора полученной информации, которая пользуется большим спросом на рынке предпринимателей, не смотря на ограниченную возможность использования данных. С другой стороны, потребитель не всегда обдуманно и осознанно раскрывает персональную информацию предпринимателю, который должен, но чаще всего не обеспечивает надлежащую защиту данной информации, что влечет наступление неблагоприятных последствий для потребителя.

Правовое регулирование персональных данных, в том числе потребителей, осуществляется Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»² (далее - Федеральный закон № 152-ФЗ), в котором определены понятие персональных данных, их обработки, принципы и другие общие начала правового регулирования персональных данных.

Персональные данные представляют собой любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Под обработкой персональных данных понимается любое действие (операция) или совокупность действий (операций), совершаемых с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с персональными данными, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ),

обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона № 152-ФЗ установлены принципы обработки персональных данных: законности и справедливости; ограничения достижением конкретных, заранее определенных и законных целей; недопустимости объединения баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в целях, несовместимых между собой; целевой обработки персональных данных и соответствия содержания и объема обрабатываемых персональных данных целям; точности, достаточности и актуальности персональных данных; срочности хранения персональных данных.

Общие условия обработки персональных данных законодатель установил в ст. 6 Федерального закона № 152-ФЗ, к которым, в частности, относится необходимость согласия субъекта персональных данных. Необходимо отметить, что такое согласие должно быть адресным, а данные физических лиц, размещенные в открытых источниках, например ВКонтакте, Одноклассники, МойМир, Instragram, Twitter, Авито и Авто.ру, не могут быть обработаны иными операторами, не смотря на их общедоступность³. Также незаконной признают обработку персональных данных без письменного согласия и без устного предупреждения гражданина в случае опубликования судебного акта, вынесенного в отношении него, например на сайте юридической компании⁴.

Однако правоприменительная практика показала значительные проблемы и пробелы в законодательстве в области персональных данных. Необходимо отметить, что до недавнего времени отсутствовали специальные нормы, направленные на дополнительную охрану и защиту персональных данных потребителей. Так, во исполнение Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года и соответствующего поручения Президента Российской Федерации в сентябре 2022 года вступили в силу поправки, разработанные Роспотребнадзором и принятые Федеральным законом от 01 мая 2022 г. № 135-ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»⁵ (далее - Федеральный закон № 135-ФЗ) и Федеральным законом от 28 мая 2022 г.

³ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2021 г. по делу № 88-15635/2021, 2-1712/2020 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08 декабря 2020 г. по делу № 88-20604/2020, 2-3910/2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Федеральный закон от 01 мая 2022 г. № 135-ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 18. Ст. 3021.

¹ Дмитриева Е. Г. Проблемы защиты персональных данных в цифровом мире и пути их решения // Право и бизнес. 2021. № 3.

² Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

№ 145-ФЗ «О внесении изменения в статью 14.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»¹ (далее - Федеральный закон № 145-ФЗ). Существенное внимание которых уделено охране и защите персональных данных потребителей, направленной на пресечение необоснованного, принудительного и непрозрачного сбора данных и недобросовестного поведения.

Особенность правоотношений с участием потребителей состоит в том, что применение к ним общих положений гражданского законодательства без учета специального правового регулирования может повлечь ущемление прав граждан. В целях реализации принципа защиты слабой стороны договора в отношениях, регулируемых законодательством Российской Федерации о защите прав потребителей, был включен п.4 статьи 16 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»² (далее - Закон РФ № 2300-1) об установлении запрета продавцу (исполнителю, владельцу агрегатора) на отказ потребителю в заключении, исполнении, изменении или расторжении договора с потребителем в связи с отказом потребителя предоставить персональные данные. Исключение составляют случаи, если обязанность предоставления таких данных предусмотрена законодательством Российской Федерации или непосредственно связана с исполнением договора с потребителем, например, для доставки товара необходимо указать адрес, в противном случае исполнение будет невозможно. В судебной практике также установлена необходимость предоставления родителями персональных данных в детских парках развлечений, так как исполнитель фактически утрачивает возможность известить и идентифицировать законного представителя при возникновении форс-мажорных обстоятельств, а также при передаче ребенка по окончании оказания услуг игровой площадки³. При оказании физкультурно-оздоровительных услуг суды указывают на необходимость получения персональных данных клиента путем предоставления копии паспорта и фотографирования его для прохода на территорию функциональных зон клуба, в связи с установленными нормативными требованиями охраны и антитеррористической защищенности, а также оптимизацией оказания

исполнителем услуг за счет автоматизации оборудования и применения современных технологий⁴.

С учетом внесенных изменений, по мнению А. Бычкова, у потребителя в указанной ситуации есть и возможность потребовать возмещения убытков. Однако, повышенный стандарт доказывания по данной категории дел, вряд ли «облегчит жизнь» потребителя [3].

В практике распространены случаи включения согласия потребителя на обработку персональных данных при заключении типового договора без необходимости, например, на обработку биометрических персональных данных в кредитных и иных финансовых организациях, что нарушает право потребителя на заключение данного договора, а также ставит его в зависимое положение от контрагента. С сентября 2022 года введен в действие п. 3 ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ, устанавливающий запрет обязательного предоставления биометрических данных, за исключением случаев предусмотренных законодательством Российской Федерации. Потребитель не может реально влиять на условия заключаемого договора, данные условия чаще всего определены предпринимателем в одностороннем порядке. В случае указания в договоре страхования подтверждения согласия на обработку персональных данных потребителя, указанных в Полисе и иных документах, представленных при заключении договора, согласие будет не отвечать требованиям конкретности, предъявляемому к согласию субъекта персональных данных и будет признано недействительным, ухудшающим положение потребителя и ущемляющим право на выражение данного согласия⁵. В Информационном письме Банка России № ИН-06-59/57, Роскомнадзора № 08ЛА-48666 от 29 ноября 2021 г. «О согласии заемщиком на обработку их персональных данных»⁶ были даны рекомендации кредиторам при заключении договором потребительского кредита (займа), направленные на обеспечение соблюдения прав и законных интересов заемщиков (потребителей), в частности на необходимость получения отдельного согласия заемщика на обработку его персональных данных каждым оператором, проставления отдельной подписи заемщика о согласии при включении его в другие документы.

¹ Федеральный закон от 28 мая 2022 г. № 145-ФЗ «О внесении изменения в статью 14.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 22. Ст. 3538.

² Закон РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

³ См.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01 октября 2024 г. по делу № 88-21552/2024 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 декабря 2024 г. по делу № 88-29888/2024 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ См.: Определение Верховного Суда РФ от 31 июля 2018 г. № 307-КГ18-10361 по делу № А44-745/2017 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Информационное письмо Банка России № ИН-06-59/57, Роскомнадзора № 08ЛА-48666 от 29 ноября 2021 г. «О согласии заемщиком на обработку их персональных данных» // Вестник Банка России. 2021. № 54.

В случае необходимости предоставления персональных данных потребитель вправе предъявить требование о предоставлении информации с указанием конкретных причин и правовых основаниях, определяющих невозможность заключения, исполнения, изменения или расторжения договора. В связи с чем на продавца (исполнителя, владельца агрегатора) возлагается обязанность по предоставлению такой информации в письменной форме (в том числе в форме электронного документа) в течение семи дней со дня предъявления указанного требования. В случае предъявления требования потребителем в устной форме, то такая информация должна быть предоставлена незамедлительно. Ответ продавца (исполнителя, владельца агрегатора) на требование потребителя должен быть дан в той форме, в которой предъявлено требование, за исключением иного указания в требовании. Однако, полагая, что в целях дальнейшей защиты прав потребителя более целесообразно данное требование о раскрытии информации предъявлять в письменной форме, как и получать соответствующий ответ от предпринимателя.

Согласно пояснительной записки одобренного Проект Федерального закона № 1184517-7 «О внесении изменения в статью 14.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», в условиях значительного роста глобального рынка больших данных и развития интернет-технологий, рассчитанных на целевого потребителя, отмечается существенный рост обращений потребителей, содержащих жалобы на действия продавцов (исполнителей), которые требуют от потребителя предоставить свои персональные данные, угрожая ему отказом в заключении, исполнении, изменении и расторжении договора купли-продажи, оказания услуг (выполнения работ).

Так, в ходе проверок, проводимых Роспотребнадзором, были выделены типичные нарушения прав потребителей в области персональных данных: избыточная и нецелевая обработка персональных данных, несоответствие содержания согласия на обработку требованиям законодательства Российской Федерации, ограничение свободного распоряжения персональными данными путем нарушения свободного доступа к товарам (работам, услугам).

При нарушении прав в области сбора и обработки персональных данных потребитель, как правило, имеет право требовать от предпринимателя возмещения убытков и компенсацию морального вреда, в соответствии с гражданским законодательством. Дополнительные меры гражданско-правовой ответственности, предусмотренные Законом РФ № 2300-1, направленные на охрану и защиту прав потребителей, не применяются в слу-

чае незаконного сбора и обработки персональных данных, например, применение повышенной неустойки (ст. 23, 28 и 31 Закона № 2300-1), взыскание штрафа (п. 6 ст. 13 Закона № 2300-1) невозможно при нарушении обязанности предпринимателем о предоставлении информации потребителю о причинах и основаниях необходимости предоставления персональных данных для заключения, исполнения, изменения или расторжения договора. К сожалению, Закон № 2300-1 не содержит специальных правовых норм, способных обеспечить необходимую защиту прав потребителей при сборе и обработке их персональных данных. Внесение изменений в п.4 статьи 16 Закона РФ № 2300-1 направлено скорее на охрану прав потребителей, однако никаких санкций данный закон не предусматривает. В связи с чем, в соответствии с Федеральным законом № 145-ФЗ, был дополнен п.7 ст. 14.8 КоАП РФ, устанавливающий административный штраф для должностных лиц в размере от 5 000 до 10 000 рублей, для юридических лиц - от 30 000 до 50 000 рублей за отказ в заключении, исполнении, изменении или расторжении договора с потребителем в связи с отказом потребителя предоставить персональные данные, за исключением случаев, если предоставление персональных данных является обязательным согласно федеральным законам и принятым в соответствии с ними иным нормативным правовым актам или непосредственно связано с исполнением договора с потребителем. При этом с 30 мая 2025 года ст. 14.8 КоАП РФ будет дополнена п.8, согласно которому будет введена административная ответственность за отказ в заключении, исполнении, изменении или расторжении договора с потребителем в связи с отказом потребителя от прохождения идентификации и (или) аутентификации с использованием его биометрических персональных данных. Данные нормы корреспондируют ответственности п.4 ст. 16 Закона РФ № 2300-1. Административная ответственность призвана обеспечить дополнительную защиту прав потребителей, ограничив практику принудительного и необоснованного сбора персональных данных.

В 2024 году установлена уголовная ответственность за незаконное использование компьютерной информации, содержащей персональные данные. Так, в Федеральном законе от 30 ноября 2024 г. №421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹ была введена статья 272.1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за незаконные использование, передачу, сбор, хранение компьютерной

¹ Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. №421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства. 2024. №49 (часть IV). Ст. 7412.

информации, содержащей персональные данные, а равно создание, обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и распространения.

Поднимая серьезный вопрос о разграничении частного и публичного, можно согласиться, что вопрос охраны и защиты персональных данных носит межотраслевой характер, обличенный в публично-правовую защиту данных и в реализацию субъективного гражданского права [4].

Вносимые изменения в законодательство о защите прав потребителей соответствуют принципу добросовестной деловой практики - защиты личной информации и использование механизмов получения согласия на сбор и использования личных данных потребителей, установленного Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 22 декабря 2015 г.¹, а также гарантии конфиденциальности потребителя и законности, прозрачности и справедливости сбора и использования их данных, которые приняты п. 48 Рекомендаций Совета Организации Экономического Сотрудничества и Развития по защите прав потребителей в электронной торговле от 24 марта 2016 г. № C(2016)13².

Представляется, что в области защиты персональных данных потребителей необходимо расширение и увеличение размера ответственности предпринимателя, это связано не только с необходимостью защиты слабой стороны договора – потребителя, но и для безопасности общества в целом. Удовлетворяя свои ежедневные бытовые потребности, гражданин должен быть защищен государством в данных правоотношениях. В условиях развития информационных технологий большинство заказов товаров или услуг, а также простой информационный запрос, например обратного звонка, сопровождается предоставлением ФИО, контактного телефона, платежной информации потребителя и иных персональных данных. Мировая практика показывает, что на примере Европы - Общего регламента по защите данных (Регламент ЕС 2016/679 от 27 апреля 2016 г., General Data Protection Regulation), устанавливаются штрафы для предпринимателей, нарушающих базовые принципы обработки персональных данных или права субъекта персональных данных, от 10-20 млн евро или 2-4% от

общего годового оборота предприятия в зависимости от правонарушения. При этом в России за нарушение прав потребителей в области персональных данных штрафы намного меньше. В сфере потребительских договоров интересы общества, в том числе в области персональных данных, требуют максимального соблюдения прав потребителей и самой строгой ответственности в случае их нарушения. Представляется целесообразным увеличение размера штрафных санкций, установленных в КоАП РФ в области персональных данных. Проводимая реформа законодательства в области персональных данных крайне важна в настоящее время, особенно в области защиты потребителей. Непрерывное развитие общественных отношений, в том числе в условиях глобальной цифровизации, ставит перед законодателем новые задачи, что обуславливает развитие как мер охраны, так и защиты прав потребителей, в частности предоставление дополнительных прав потребителям в области их персональных данных, а также усиление ответственности операторов персональных данных.

Список литературы:

- [1] Сычева М.И. Проблемы правового регулирования защиты персональных данных в сети Интернет // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10–3 (73). С. 175.
- [2] Дмитриева Е. Г. Проблемы защиты персональных данных в цифровом мире и пути их решения // Право и бизнес. 2021. № 3.
- [3] Бычков А. Персональные данные потребителя: новые правила // Юридический справочник руководителя. - 2022. - № 6. - С. 83 - 89.
- [4] Талапина Э.В. Право на информационное самоопределение на грани публичного и частного // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 5. С. 24-43.

Spisok literatury:

- [1] Sycheva M.I. Problemy pravovogo regulirovaniya zashchity personal'nyh dannyh v seti Internet // Mezhdunarodnyj zhurnal humanitarnyh i estestvennyh nauk. 2022. № 10–3 (73). S. 175.
- [2] Dmitrieva E. G. Problemy zashchity personal'nyh dannyh v cifrovom mire i puti ih resheniya // Pravo i biznes. 2021. № 3.
- [3] Bychkov A. Personal'nye dannye potrebitelya: novye pravila // YUridicheskiy spravochnik rukovoditelya. - 2022. - № 6. - S. 83 - 89.
- [4] Talapina E.V. Pravo na informacionnoe samoopredelenie na grani publichnogo i chastnogo // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2022. № 5. S. 24-43.

¹ «Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для защиты интересов потребителей» (Приняты 22 декабря 2015 г. Резолюцией 70/186 на 81-ом пленарном заседании 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс.

² Рекомендаций Совета Организации Экономического Сотрудничества и Развития по защите прав потребителей в электронной торговле от 24 марта 2016 г. № C(2016)13 // СПС КонсультантПлюс.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-93-98

ГУМЕРОВА Эльмира Фаиловна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права,
Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова
e-mail: ela.777@mail.ru

ШАМСУТДИНОВА Аделина Маратовна,
студент Казанского инновационного
университета им. В.Г. Тимирязова
e-mail: doubleme000w@gmail.com

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОНЛАЙН-ТОРГОВЛИ

Аннотация. В статье освещаются проблемы и перспективы, возникающие в процессе развития и распространения онлайн-торговли. Исследование проводится с акцентом на современные вызовы, связанные с урегулированием прав продавцов и покупателей, конфиденциальностью информации. Проанализированы актуальные проблемы, с которыми сталкиваются потребители на цифровых платформах: недостаточность информации о товарах и услугах, риски мошенничества, трудности в возврате товаров. Особое внимание в статье уделяется недостаткам действующего законодательства и неэффективности механизмов защиты прав потребителей в условиях цифровой экономики. Акцентируется внимание на возможностях и перспективах развития действующего законодательства, рассматриваются обсуждаемые законопроекты.

Ключевые слова: потребитель, продавец, онлайн-торговля, маркетплейс, цифровая платформа, владелец агрегатора, защита прав, цифровая экономика.

GUMEROVA Elmira Failovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Education and Business Law,
Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova

SHAMSUTDINOVA Adelina Maratovna,
student at Kazan Innovation University
named after V.G. Timiryasova

CONSUMER PROTECTION IN THE DIGITAL ECONOMY: PROBLEMS AND PROSPECTS OF ONLINE TRADE

Annotation. The article highlights the problems and prospects arising in the process of development and spread of online trade. The study is conducted with an emphasis on modern challenges related to the regulation of the rights of sellers and buyers, confidentiality of information. The current problems faced by consumers on digital platforms are analyzed: insufficient information about goods and services, risks of fraud, difficulties in returning goods. Particular attention is paid to the shortcomings of the current legislation and the ineffectiveness of consumer protection mechanisms in the digital economy. Attention is focused on the possibilities and prospects for the development of the current legislation, and the bills under discussion are considered.

Key words: consumer, seller, online trading, marketplace, digital platform, aggregator owner, protection of rights, digital economy.

Введение

Активные процессы цифровизации затронули множество сфер жизни. Особенно инновационные технологии повлияли на экономическую составляющую Российской Федерации, в частности на сферу торговли. На замену традиционным способам приобретения товаров приходят активно набирающие популярность Интернет-магазины и цифровые платформы. Однако изменения касаются не только расширения способов покупок, но и динамики взаимодействия между продавцами и потребителями.

Технологические новшества, обеспечивающие удобство и доступность онлайн-покупок, сопряжены с неурегулированными на данный момент рисками. Особое значение приобретают вопросы безопасности, качества приобретаемых товаров и услуг, защиты персональных данных. Принимая во внимание указанные обстоятельства, очевидным становится тот факт, что традиционные механизмы защиты прав потребителей сталкиваются с новыми вызовами. Существующие в современном законодательстве способы защиты прав потребителей не способны в должной мере справляться с рисками, возникающими в условиях онлайн-торговли.

Цель исследования заключается в комплексном изучении правовых основ прав потребителей в условиях цифровой экономики.

Предметом исследования выступают нормы российского законодательства, которыми урегулированы механизмы защиты прав потребителей.

При проведении исследования были использованы методы анализа нормативной базы и судебной практики, эмпирический метод, а также сравнительный анализ правоприменительной практики.

Основная часть

В последние годы онлайн-торговля демонстрирует стремительное развитие, она охватывает широкие слои потребителей и продавцов, а также трансформирует привычные модели поведения в сфере коммерции.

Наиболее динамично приобретают популярность сайты-каталоги или так называемые «маркетплейсы» (Ozon, Wildberries, ЯндексМаркет) [1, с. 104]. Указанные платформы функционируют как источники информации о товарах, их наличии и стоимости. Одним из ключевых элементов, способствующих успешному развитию таких платформ, является широкий ассортимент товаров и услуг, представленный на них. Такое многообразие позволяет потребителям осуществлять покупки в одном месте, что, несомненно, экономит время и создает условия для осознанного

потребительского выбора. Функционал маркетплейсов заключается также и в предоставлении возможности для совершения онлайн-покупки.

С правовой точки зрения, онлайн-платформы выступают посредником при заключении гражданско-правовых сделок между продавцами и покупателями. Некоторые авторы отмечают, что понятия «маркетплейс» и «владелец агрегатора о товарах» [2] являются смежными. Однако, между функционированиями этих площадок есть существенные различия. Агрегаторы не ведут прямую продажу, а лишь направляют покупателя к продавцу, все условия заключения правоотношений (условия передачи товара, изменения его стоимости, доставка и пр.) регулируются уже без участия агрегатора. В свою очередь, маркетплейс берет на себя функции по обеспечению процесса покупки, оплаты товара и логистики. Посредством маркетплейса продавцы не имеют возможности контактировать напрямую с покупателем.

В этом контексте маркетплейсы предлагают их пользователям доступ к ассортименту товаров и услуг, сопоставляют цены и предоставляют информацию о характеристиках продукции. В свою очередь товары и услуги, представленные на таких платформах, принадлежат продавцам (юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, самозанятым), которые зарегистрированы в качестве таковых на маркетплейсах.

Данная позиция закрепляется как в законодательстве, так и в судебной практике. В случаях обращения с иском о защите прав потребителей (например, с требованиями о возмещении убытков вследствие продажи товара ненадлежащего качества) суд подтверждает, что ответственность за качество товара, его соответствие заявленным характеристикам возлагается непосредственно на продавца, в свою очередь, маркетплейс признается ненадлежащим ответчиком. Следовательно, онлайн-платформы не выступают участниками в отношениях по защите прав потребителей.

Однако, это не значит, что маркетплейсы освобождаются от всех видов ответственности. Рассмотрим их правовое положение с точки зрения отношений между онлайн-платформой и продавцом. Между продавцом и маркетплейсом заключается договор (комиссии, агентский), согласно которому оказываются услуги по размещению товара на онлайн-платформе. Перечисленные договоры могут содержать положения, касающиеся порядка размещения товара на онлайн-платформе, предоставления рекламных услуг, а также управление продажами товаров. Соглашение между продавцом и маркетплейсом

предусматривает, что второй обязуется обеспечить работоспособность платформы, предоставить достоверную информацию о товаре и оптимизировать процесс продажи.

В свою очередь, онлайн-платформа имеет обязательства перед покупателем в части предоставления необходимой и достоверной информации о товаре и продавце. Необходимая и достоверная информация должна содержать в себе данные о наименовании, основных и дополнительных характеристиках товара, его фотографии, инструкции по использованию и гарантийные обязательства. Данные о производителе и продавце включают в себя наименование организации, юридический адрес, контактные данные. Рассмотрим на примере судебной практики.

Истец обратился в суд с иском о взыскании к ООО «Вайлдберриз», в котором просит обязать ответчика предоставить полную информацию о продавце товара в том числе юридический и фактический адреса. Требования мотивирует тем, что им на официальном сайте маркетплейса был оформлен интернет-заказ в целях приобретения товара. Товар был оплачен истцом в день оформления интернет-заказа. Товар получен истцом в пункте выдачи заказов. При распаковке товара истцом были обнаружены дефекты. Полная информация о данном продавце при заключении договора истцу не предоставлена, отсутствует информация о юридическом адресе, что исключает возможность предъявления требований истца к продавцу. В адрес ответчика была направлена претензия, с требованием предоставить информацию о продавце, однако до настоящего времени она оставлена без ответа.

Действия ответчика нарушают права истца в части непредоставления полной и достоверной информации о продавце, а также лишения ее возможности обращаться непосредственно к продавцу товара (надлежащему ответчику, стороне договора купли-продажи). В связи с чем, суд находит требования истца законными и обоснованными, подлежащими удовлетворению [3].

Обеспечение прозрачности и достоверности информации рассматривается как ключевой фактор, способствующий развитию электронной коммерции, повышению ее эффективности и укреплению репутации маркетплейсов.

Таким образом, роль маркетплейсов в процессе электронной коммерции тяжело переоценить. Онлайн-платформы создают более удобные условия торговли. Они аккумулируют широкий спектр предложений от различных продавцов, формируют более удобную среду для осуществления торговых операций для потребителей.

Современный рынок характеризуется высоким уровнем конкуренции и частыми изменениями потребительских предпочтений. Быстрая смена инноваций и экономических трендов создает потребность в адаптируемых механизмах. Такие механизмы должны позволять эффективно реагировать на меняющиеся запросы потребителей. В таких условиях активного развития концепция мэтчинга приобретает все большее значение.

Мэтчинг в сфере торговли представляет собой процесс комплексного сбора данных, целью которого является эффективное сопоставление предложений товаров и услуг с потребностями и интересами покупателей. В современных условиях маркетинга и торговли мэтчинг играет ключевую роль в понимании поведения потребителей, тем самым повышает эффективность рекламных кампаний.

Первоначально под мэтчингом стоит понимать сбор данных о покупателе или посетителе Интернет-платформы. Такой сбор данных помогает восстановить цифровой след покупателя, в частности, его персональные данные (имя, возраст, местоположение) и информацию о его поведении на платформе (просматриваемые или отложенные в корзину товары, история совершенных покупок и оставленные оценки о товарах или брендах).

Одним из механизмов мэтчинга в сфере торговли является использование файлов cookies. Заходя на сайт, всплывает баннер-предупреждение об использовании сайтом cookie-файлов. Принимая такие файлы, на устройство пользователя загружаются небольшие текстовые файлы, которые содержат информацию об их поведении в сети Интернет. Файлы cookies функционируют как своеобразные «памятные записи», позволяющие идентифицировать пользователя и отслеживать его поведение в течение времени. В таких файлах могут храниться данные о предпочтениях пользователя, истории посещения сайта, количество посещенных страниц товаров. В дальнейшем собранная информация о поведении пользователя используется для оптимизации предлагаемых товаров под его интересы.

Современными торговыми онлайн-платформами мэтчинг используется для повышения качества обслуживания и увеличения уровня продаж. Благодаря его процессам платформы могут учитывать индивидуальные предпочтения пользователей и предлагать персонализированные товары и услуги.

Несмотря на многочисленные преимущества использования файлов cookies в процессе мэтчинга для продавцов в сфере онлайн-торговли, данное направление развития имеет ряд

потенциальных рисков. Такие риски связаны в первую очередь с нарушением конфиденциальности пользователей онлайн-платформ, в частности, с утечкой персональных данных. При непредвиденном получении злоумышленниками доступа к серверам, на которых хранятся файлы cookies могут быть раскрыты персональные данные пользователя, особенности охраны которых закреплены в международных нормах, а также в Федеральном законе «О персональных данных» [4]. Обобщая указанные нормативные акты, важно отметить, что обработка персональных данных должна осуществляться с соблюдением принципов законности, добросовестности и прозрачности.

Одним из ключевых факторов, способствующих потенциальному нарушению прав потребителей на маркетплейсах, является минимальный перечень требований, предъявляемых к продавцам, осуществляющим деятельность на платформе. Продавцами на маркетплейсах могут быть юридические лица (зачастую общества с ограниченной ответственностью), индивидуальные предприниматели, а также самозанятые. При регистрации в качестве продавца запрашивается минимальный пакет документов: паспортные данные, устав ООО, ИНН, ЕГРН, справка о постановке на учет в качестве самозанятого. Несомненно, такой подход направлен на расширение круга поставщиков и увеличение товарного ассортимента. Однако, этот фактор создает дополнительные риски для потребителей. Отсутствие эффективных механизмов контроля за их деятельностью создают благоприятную среду для недобросовестных участников рынка. Учащаются случаи регистрации на маркетплейсах продавцов-однодневок, которые не имеют долгосрочных планов на рынке. Такие продавцы часто реализуют контрафактную продукцию, товары с истекшим сроком годности или не соответствующие заявленным требованиям. В своей деятельности они могут использовать следующие схемы:

- предлагать товары по заниженным ценам, а затем отправлять товары, не соответствующие описанию и характеристикам, или вовсе не отправлять их покупателям;
- создавать поддельные аккаунты и искусственно увеличивать количество положительных отзывов;
- принимать предварительную оплату за товар, а затем исчезать с онлайн-платформы.

В условиях высокой конкуренции на рынке и часто меняющихся потребительских предпочтений маркетплейсы имеют свободу в установлении собственных правил взаимодействия с пользователями платформы. Как правило, условия опреде-

ляются платформами в одностороннем порядке. Несомненно, свобода в установлении правил позволяет маркетплейсам оперативно подстраиваться под изменения на рынке. Однако, свобода в таком контексте может приводить к созданию и установлению условий, которые могут быть невыгодными или даже нарушающими права и интересы потребителей [5, с. 145].

Многие потребители сталкиваются с рисками, связанными с качеством товара, его соответствием с указанными на сайте характеристиками, с процедурой возврата приобретенного товара. В соответствии с положениями Закона «О защите прав потребителей», на продавце лежит обязанность по предоставлению товара, соответствующего установленным стандартам качества. Однако в условиях онлайн-торговли фактический контроль за соблюдением этого требования усложняется, так как покупатели не имеют возможности физически оценить товар перед его приобретением. Учитывая, что маркетплейсы выступают лишь в роли посредников, потребитель оказывается в ситуации, где его возможности по защите прав значительно ограничены.

Процедура возврата товара посредством онлайн-платформ зачастую сопровождается различного рода сложностями. Маркетплейсы устанавливают различные условия и сроки возврата. Например, в некоторых случаях возврат может быть возможен только в течение ограниченного периода времени, и зачастую строгость этих сроков не всегда устраивает покупателя. Более того, потребители могут столкнуться с неясными или сложными процедурами возврата. Указанные факторы могут привести к потенциальным трудностям, если не подошедший товар необходимо вернуть.

Заключение

В связи с вышесказанным, важным и необходимым направлением для обеспечения прав потребителей на онлайн-платформах является разработка четкой законодательной базы в отношении маркетплейсов. Правовые нормы должны устанавливать единые правила для всех маркетплейсов, поскольку именно такой подход позволит создать прозрачную среду для всех участников электронной торговли.

В настоящее время наблюдается активизация законодательной деятельности, направленной на урегулирование деятельности маркетплейсов. Выдвигаемые законодательные инициативы имеют ключевое значение для формирования прозрачных и справедливых правил в правоотношениях, возникающих между маркетплейсами, продавцами и потребителями.

На сегодняшний день на стадии рассмотрения в Государственной Думе Российской Федерации находятся два законопроекта, способных урегулировать проблемы, возникающие при использовании маркетплейсов.

Законопроект №445923-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» [6] предполагает изменение уже в действующих нормативных правовых актах. Он содержит в себе следующие ключевые положения, призванные обеспечить большую прозрачность защиты прав всех участников электронной коммерции:

- введение официального определения понятия «маркетплейс», согласно которому он будет представлять собой интерактивную цифровую платформу, посредством которой потребитель получает возможность ознакомления с предлагаемым ассортиментом товаров и их приобретения. При этом будут предусматриваться электронные способы оплаты или оплата наличными средствами;

- законопроект обязывает владельца маркетплейса обеспечить публичное размещение актуальной информации о действующих договорах с владельцами пунктов выдачи заказов и продавцами;

- потребителю предоставляется право предъявлять претензии непосредственно к владельцу маркетплейса наравне с продавцом, что стимулирует маркетплейсы к более тщательному контролю за качеством реализуемой продукции.

Законопроект № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [7] предлагает регулировать торговые отношения с участием маркетплейсов посредством отдельного федерального закона. Он предусматривает закрепление следующих положений:

- устанавливается, что деятельность маркетплейсов не относится к услугам по продвижению товаров. Данное положение имеет принципиальное значение для определения правового статуса онлайн-платформы и разграничения их ответственности;

- вводится прямой запрет на взимание выплат, связанных с возвратом товара;

- регламентируются обязательства и ответственность маркетплейса в отношении продавцов и потребителей. В частности, предусматривается

обязанность по предоставлению достоверных сведений о продавцах, недопущению размещения запрещенных товаров, а также оперативного рассмотрения жалоб и обращений потребителей.

Выдвигаемые законодательные инициативы по урегулированию деятельности маркетплейсов имеют стратегическое значение для развития рынка электронной коммерции, обеспечения защиты прав потребителей. Вне зависимости от того, какой из предложенных законопроектов примут, это будет большим шагом для правового закрепления маркетплейсов и урегулирования правоотношений с их участием. Стандартизация норм о маркетплейсах позволит повысить доверие со стороны потребителей и продавцов, улучшит защиту прав всех участников, а также создаст более предсказуемую и безопасную атмосферу для ведения электронной торговли.

Список литературы:

[1] Кошмина А. С., Бруева К. С. Цифровая экономика: онлайн-торговля // Вестник науки. 2023. №5 (62). – С. 103-108.

[2] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» // Российская газета. - № 8. - 1996.

[3] Решение от 25 июля 2024 г. по делу № 2-5262/2024 по иску о защите прав потребителей // Архив Подольского городского суда (Московская область). – Режим доступа: <https://sudact.ru>. – Проверено: 25.02.2025.

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // Российская газета. - № 165. - 2006.

[5] Спиридонова, А. В. Защита прав потребителей в сфере онлайн-торговли в Российской Федерации / А. В. Спиридонова // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты : Материалы IX всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. – С. 142-149.

[6] Законопроект № 445923-8 : Система обеспечения законодательной деятельности // Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru>, свободный. – Проверено: 20.03.2025.

[7] Законопроект № 568223-8 : Система обеспечения законодательной деятельности // Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru>, свободный. – Проверено: 20.03.2025.

Spisok literatury:

[1] Koshmina A. S., Brueva K. S. Cifrovaya ekonomika: onlajn-torgovlya // Vestnik nauki. 2023. №5 (62). – S. 103-108.

[2] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» // Российская газета. - № 8. - 1996.

[3] Решение от 25 июля 2024 г. по делу № 2-5262/2024 по иску о защите прав потребителей // Архив Подольского городского суда (Московская область). – Режим доступа: <https://sudact.ru>. – Проверено: 25.02.2025.

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-FZ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // Российская газета. - № 165. - 2006.

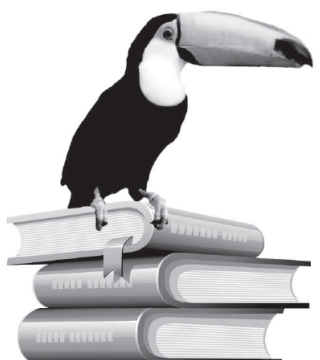
[5] Spiridonova, A. V. Защита прав потребителей в сфере онлайн-торговли в Российской Федерации / A. V. Spiridonova // Современные тенденции развития

частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты : Материалы IX всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. – С. 142-149.

[6] Законопроект № 445923-8 : Система обеспечения законодательной деятельности // Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru>, svobodnyj. – Проверено: 20.03.2025.

[7] Законопроект № 568223-8 : Система обеспечения законодательной деятельности // Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru>, svobodnyj. – Проверено: 20.03.2025.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-99-106

СТАРОВ Данил Александрович,
студент Крымского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева»,
e-mail: starov.dania@yandex.ru

ШИГОНИНА Людмила Александровна,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
e-mail: Shigoninal@mail.ru

ПРАВО РЕБЕНКА БЫТЬ ЗАСЛУШАНЫМ В ХОДЕ СУДЕБНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: ЗАРУБЕЖНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. Статья посвящена анализу реализации права ребенка на выражение своего мнения в ходе судебного и административного разбирательства в зарубежных государствах в контексте международных обязательств, принятых ими в рамках статьи 12 Конвенции о правах ребенка. На основании изучения зарубежного законодательства и судебной практики, а также мнений ученых, рассуждается о необходимости установления возрастного ценза относительно возможности несовершеннолетнего быть заслушанным в ходе судебного и административного разбирательства; рассматривается процесс заслушивания мнения ребенка. Сделан вывод, что государства в контексте международных обязательств, принятых на себя в связи с ратификацией КПР, стремятся их выполнять надлежаще, закрепляя в положениях законодательства право ребенка быть заслушанным.

Ключевые слова: мнение ребенка, Конвенция о правах ребенка, несовершеннолетние, судебное и административное разбирательство.

STAROV Danil Aleksandrovich,
student of the Crimean branch of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev”

SHIGONINA Lyudmila Aleksandrovna,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law
of the Crimean branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev”

THE RIGHT OF THE CHILD TO BE HEARD DURING JUDICIAL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: FOREIGN LEGISLATION AND PRACTICE IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL OBLIGATIONS

Annotation. The article is devoted to the analysis of the realization of the child's right to express his opinion during judicial and administrative proceedings in foreign countries in the context of international obligations assumed by them under article 12 of the Convention on the Rights of the Child. Based on the study of foreign legislation and judicial practice and the opinions of scientists, the author discusses the need to establish an age limit regarding the possibility of a minor to be heard

during judicial and administrative proceedings; the process of hearing the child's opinion is considered. It is concluded that states, in the context of the international obligations assumed in connection with the ratification of the Convention on the Rights of the Child, strive to implement them properly, enshrining in the provisions of legislation the right of the child to be heard.

Key words: *Child's opinion, Convention on the Rights of the Child, minors, judicial and administrative proceedings.*

Введение.

В настоящее время во всем мире насчитывается около 2 миллиардов детей в возрасте до 14 лет [1], что составляет около 25% от всего количества населения [2]. В связи с этим мировое сообщество на протяжении длительного количества времени предпринимает попытки регламентирования и систематизации прав ребенка, как социально незащищенного слоя населения.

Успешной попыткой взаимодействия многих государств является принятие Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка (далее – КПР) в 1989 году, закрепившей, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения» [3].

Тем самым, указанный документ установил фундаментальные принципы защиты прав ребенка, принятием которых ознаменовался период их развития и закрепления в национальном законодательстве: права ребенка включаются в Конституции, используются в качестве основы политики государства, являются исследовательской парадигмой ученых [4, с. 1].

Одним из важнейших нововведений КПР является обеспечение права ребенка на выражение своего мнения и, соответственно, быть заслушанным (услышанным)¹ в ходе судебного и административного разбирательства.

Как указывается иностранными исследователями, это право подразумевает возможность ребенка высказываться, участвовать в жизни общества и добиваться того, чтобы его взгляды принимались во внимание. Такой подход является ключом к правосубъектности ребенка и признает его в качестве правообладателя [5, с. 7]. Исходя

из этого, право быть услышанным также рассматривается как необходимое условие для реализации других прав ребенка [6, с. 280].

В соответствии со статьей 12 КПР право быть услышанным включает в себя четыре основных компонента: (1) право на получение информации о том, как быть услышанным, (2) право быть услышанным, (3) право на то, чтобы к мнению ребёнка относились серьёзно и учитывали его в соответствии с его зрелостью, а также (4) возможность ребенка не подвергаться влиянию, ограничению или давлению со стороны родителей, властей или любых других действующих лиц, которые могут помешать выражению его взглядов.

Дополнительно рассмотрим сущность и значение права быть заслушанным в судебном или административном разбирательстве на конкретных примерах иностранного законодательства.

К примеру, в статье 29 Закона Румынии от 2004 г. № 272 «О защите и поощрении прав ребенка» закреплено, что право быть услышанным предоставляет ребенку возможность запрашивать и получать любую относящуюся к делу информацию, чтобы с ним консультировались, выражать свое мнение и быть информированным о последствиях, которые может повлечь за собой его мнение, если оно будет учтено.

Исходя из буквального толкования статьи 9 Органического закона Испании от 1996 г. № 1/1996 «О правовой защите несовершеннолетних» право быть заслушанным состоит из комплекса возможностей: (1) несовершеннолетние имеют право быть выслушанными без какой-либо дискриминации по признаку возраста, инвалидности или любых других обстоятельств; (2) с этой целью несовершеннолетние должны получать информацию, позволяющую им осуществлять это право, на понятном языке и в доступных формах; (3) несовершеннолетним должна быть гарантирована возможность осуществлять это право самостоятельно или через лицо, которое они могут назначить от своего имени.

Статья 1004/1 Судебного кодекса Бельгии от 1967 г. закрепляет, что целью заслушивания несовершеннолетнего является предоставление ему возможности обратиться к судье со своими проблемами (опасениями) с целью содействия поиску наиболее подходящего решения с учетом его интересов.

¹ Уточним, что в официальном переводе статьи 12 КПР используется формулировка «возможность быть заслушанным». Однако, как представляется, дефиниция заслушанный/ выслушанный/ услышанный, в данном контексте равны. К примеру, статья 9 Закона Испании о правовой защите детей и молодежи в контексте права ребенка быть заслушанным в судебном и административном процессе, используют выражение «Minors have the right to be heard and listened...», что может переводиться как «несовершеннолетние имеют право быть услышанными и выслушанными...». В связи с этим указанные формулировки будут считаться взаимозаменяемыми по ходу настоящего исследования.

В свою очередь, как указывается нидерландскими судьями, беседа представляет детям шанс рассказать свою историю, высказать свое видение. Дополнительно судьям представляется возможность составить представление о ребенке, причем не только о мотивах и желаниях, но и о его развитии, а также уточнить информацию, задав дополнительные вопросы [7, с. 185].

Таким образом, бесспорен тот факт, что право ребёнка быть услышанным во всех делах, затрагивающих его интересы, считаясь одним из основополагающих принципов, определяющих понимание, толкование и применение остального набора его прав, в настоящий момент, как требует того статья 12 КПР, закреплено во всех законодательствах государств-членов ООН, ратифицировавших КПР.

Тем не менее, значимость темы исследования состоит в том, что в настоящее время проблема заключается в определении того, как, когда и каким образом это право должно быть реализовано на практике.

Для рассмотрения поставленного вопроса будет акцентировано внимание на исследовании зарубежной практики в части обеспечения права ребенка на выражение своего мнения и возможности быть заслушанным.

Отметим, что работа состоит из двух частей: первая посвящена анализу целесообразности установления возрастного ценза относительно возможности ребенка выразить свое мнение перед компетентным органом; вторая часть посвящена рассмотрению процесса заслушивания мнения ребенка.

Результаты проведенного анализа являются важным инструментом для понимания того, каким образом государства-участники осуществляют предписания статьи 12 КПР на внутреннем уровне.

Основная часть.

В настоящее время в Российской Федерации статьей 57 Семейного кодекса не ограничивается возраст ребенка для выражения мнения, однако вместе с тем установлен возраст, при достижении которого его мнение обязаны учитывать (10 лет, при отсутствии противоречий его интересам). Формулировка статьи 14 Закона Республики Таджикистан от 2015 г. № 1996 «О защите прав ребенка» также не ограничивает возраст для выражения мнения.

При этом законодательства определенных государств, в том числе Румынии, Бельгии, Нидерландов, устанавливают возрастной ценз для того, чтобы ребенок имел возможность быть заслушанным в судебном или административном разбирательстве.

В связи с этим может возникнуть вопрос о целесообразности его установления. Так ли это обоснованно и не противоречит ли это интересам ребенка?

С одной стороны такое решение кажется оправданным, так как развитие и возможность ребенка здраво мыслить зависит от степени его интеллектуальных и физиологических качеств, формирование которых происходит по мере его взросления.

С другой стороны, Комитет по правам ребенка придерживается той позиции, что КПР не рекомендует вводить возрастные ограничения в данной области, так как даже маленькие дети, которые еще не умеют выражать свои мысли устно, способны иметь свое мнение и демонстрировать его с помощью невербальных форм общения (жесты, рисунки и т.д.) [8].

Вдобавок комитет, ссылаясь на проведенные исследования, отмечает, что такие факторы как условия жизни и жизненный опыт способствуют ускоренному развитию способности ребенка формировать свое мнение, исходя из чего дети одного возраста могут мыслить кардинально различным образом [8].

Для ответа на поставленный вопрос рассмотрим мнения иностранных исследователей, а также обратимся к анализу зарубежного законодательства, обратив внимание на то, устанавливаются ли в нем какие-либо возрастные ограничения в отношении возможности ребенка быть заслушанным в ходе судебного или административного разбирательства.

Так, профессор по международному праву Р. Стерн придерживается мнения, что дети с самого раннего возраста могут формировать взгляды и желания, которые могут выражаться не только речью, но и, например, в игре, искусстве или других формах устного выражения [9, с. 159-160].

Схожим образом Г. Лэнсдаун, международный консультант и защитник прав детей, рассуждает над сферами, в которых малолетние дети демонстрируют равную или даже большую компетентность в решении проблем. В частности, это касается их способности приобретать навыки работы с компьютером, использовать воображение, выступать посредником между спорящими родителями, проявлять готовность прощать [10, с. 5].

Далее обратимся к опыту зарубежных стран по установлению ими возрастного ценза в отношении права ребенка быть заслушанным в ходе судебного или административного процесса.

К примеру, в Румынии закреплено обязательство компетентного органа выслушать мнение ребенка, достигшего только 10-летнего воз-

раста. Однако ребенок в возрасте до 10 лет также может быть заслушан, если это посчитается необходимым для корректного разрешения дела (статья 29 Закона Румынии от 2004 г. № 272 «О защите и поощрении прав ребенка»).

Законодательство Бельгии определяет, что несовершеннолетний, достигший двенадцатилетнего возраста, уведомляется судьей о его праве быть заслушанным. Несовершеннолетний в возрасте до двенадцати лет заслушивается только по его ходатайству, ходатайству сторон, ходатайству прокуратуры или по инициативе самого судьи (статья 1004/1 Судебного кодекса Бельгии от 1967 г.).

Статья 809 Гражданского процессуального кодекса Нидерландов (далее – ГПК Нидерландов) устанавливает, что мнение ребенка может быть заслушано, если ему исполнилось двенадцать лет (шестнадцать, если дела связаны со взысканием алиментов). Судья также может предложить детям младше указанного возраста быть заслушанными, однако не обязан этого делать, даже если ими четко на это указывается [7, с. 73].

В свою очередь, например, в Испании (статья 9 Органического закона Испании от 1996 г. № 1/1996 «О правовой защите несовершеннолетних»), Южной Африке (статья 10 Закона Южной Африки от 2005 г. № 38 «О детях»), Ирландии (статья 24 Закона Ирландии от 1991 г. № 17 «Об уходе за детьми»), Индонезии (статья 10 Закона Республики Индонезия от 2002 г. № 23 «О защите детей») право ребенка на выражение мнения не ограничивается ввиду его возраста и принимается во внимание с учетом возраста и зрелости ребенка.

Исходя из анализа законодательства различных стран, можно сделать вывод о том, что в настоящее время нет единого подхода к необходимости установления возрастного ценза относительно возможности ребенка быть заслушанным в ходе судебного или административного разбирательства.

Как правило, ребенок имеет право быть заслушанным независимо от его возраста. При этом его мнение учитывается с учётом возраста и зрелости.

В других случаях предусматривается определенный возрастной порог, начиная с которого обязательно заслушивание ребенка. Причем установленный возраст не является однородным, что может указывать на соблюдение государствами ценностей и обычаев, практикующихся в их правовой системе.

Отметим, что с учетом установки Комитета по правам ребенка, а также мнений специалистов, рассмотренных выше, первый подход является более предпочтительным и прогрессивным, так

как сформировать свое мнение по определенному вопросу может практически каждый ребенок, включая очень маленьких детей, которые еще не способны выразить свое мнение устно.

Кратко рассмотрев положения различных законодательств в отношении возрастного ценза относительно заслушивания мнения ребенка, подчеркнем, что в последнее время, в связи с возросшим вниманием, уделяемым правам детей, и бесспорной необходимостью применения в таких случаях подхода, в большей степени ориентированного на интересы ребенка, возникает вопрос о том, в какой степени традиционный судейский подход действительно позволяет детям свободно выражать своё мнение.

Как отмечается Комитетом по правам ребенка, «заслушивание ребенка не может быть эффективным, если оно происходит в условиях запугивания, во враждебной обстановке либо без учета особенностей и возраста ребенка» [8].

Как представляется, этот процесс должен происходить в комфортной атмосфере, в открытом и доброжелательном диалоге, в котором демонстрируется готовность выслушать.

Ввиду указанного, перейдем к анализу положений, непосредственно регулирующих процесс выяснения мнения ребенка в судебном или административном разбирательстве.

Нидерланды.

Согласно гражданскому законодательству Нидерландов ребенком является лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста (статья 1:233 Гражданского кодекса Нидерландов).

В соответствии с пунктом 1 статьи 809 ГПК Нидерландов они имеют право быть заслушанными в судебном разбирательстве, при условии, что им исполнилось двенадцать лет (шестнадцать, если дела связаны со взысканием алиментов). Судья также может предложить детям младше указанного возраста быть заслушанными, однако не обязан этого делать, даже если ими четко на это указывается.

Исходя из судебной практики, закон не определяет, каким образом несовершеннолетний может выразить свое мнение. Подразумевается, что оно может быть выражено самим несовершеннолетним или через его представителя в устной или письменной форме, как в судебном заседании, так и вне его¹.

Дополнительно в соответствии со статьей 802 ГПК Нидерландов судья может заслушать

¹ Conclusie procureur-generaal beslissing van 23-06-2023 in zaak № 22/04881. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LTHC7> (дата обращения: 03.03.2025).

ребенка, который по уважительным причинам не может явиться в здание суда, по месту его жительства.

Вдобавок пункт 3 статьи 809 ГПК Нидерландов устанавливает, что если предоставление несовершеннолетнему возможности выразить свое мнение невозможно без непосредственной для него опасности, то суд имеет право вынести постановление о назначении временного надзора за несовершеннолетним и о разрешении сертифицированному учреждению изъять его из места проживания под свой контроль.

Отметим, что несовершеннолетние приглашаются на встречу путем направления им вызывного письма, содержащего пояснения того, какая цель у проведения беседы, а также последствия ее проведения [7, с. 181].

Что касается самого процесса заслушивания мнения несовершеннолетнего, то единых правил на законодательном уровне не установлено.

Однако, исходя из содержания исследования, в ходе которого были опрошены нидерландские судьи, следует, что беседа с несовершеннолетним, как правило, проходит в зале суда. В отдельных случаях предусмотрена отдельная комната, отведенная для бесед с детьми. Беседа с детьми, не достигшими 12 лет, обычно проходит вне стен судебного зала [7, с. 187-188].

Подчеркнем, что такие комнаты, если они имеются в здании суда, могут быть оформлены в неформальном стиле. К примеру, в ней могут быть разукрашены стены, находиться какие-либо плакаты или фотографии, цветы, карандаши/ручки [7, с. 188].

Дополнительно отметим, что по заявлению несовершеннолетнего к беседе может быть допущено доверенное лицо (в том числе это могут быть брат и сестра опрашиваемого), если ему это необходимо для создания комфортной обстановки в ходе беседы [7, с. 190].

Ирландия.

Согласно статье 3 Закона Ирландии от 2001 г. № 24 «О детях» ребенком является лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста.

Статья 42А Конституции Ирландии закрепляет, что государством признаются естественные и неотъемлемые права всех детей, уполномоченные органы которого в соответствии с положениями закона защищают и отстаивают эти права.

В соответствии со статьей 24 Закона Ирландии от 1991 г. № 17 «Об уходе за детьми» суд должен считать благополучие ребёнка первостепенным фактором и, насколько это возможно, учитывая возраст и зрелость ребёнка, прислушаться к его пожеланиям.

Для этого, в частности, в соответствии со статьей 32 Закона Ирландии от 1964 г. № 7 «Об опеке над детьми» суд имеет возможность вынести постановление о назначении эксперта для определения взглядов ребенка. Одновременно с этим постановлением также определяются указания, которые должен выполнить эксперт.

Что касается самого процесса заслушивания мнения ребенка, то, как отмечается ирландскими исследователями, основным механизмом, с помощью которого осуществляется участие детей в судебных разбирательствах, является прямая беседа между ребенком и судьей либо в отдельной комнате, либо в свободном зале суда [11, с. 433].

Такая встреча может проходить в неформальной обстановке: к примеру, один из судей отметил, что во время общения с ребенком позволил ему посидеть в рабочем кресле [11, с. 434].

Однако, как указывается в упомянутом выше исследовании, судебная система Ирландии в полной степени не приспособлена к данному процессу, во-первых, из-за частого отсутствия специализированных помещений для беседы с детьми, и, во-вторых, из-за неготовности судьи к разговору с ребенком. В этой связи регулярнее всего назначается опекун *ad litem*, представляющий интересы несовершеннолетнего [11, с. 433].

Бельгия.

Судебный кодекс Бельгии от 1967 г. в статье 1004/1 определяет, что несовершеннолетний имеет право быть заслушанным в спорах, затрагивающих его интересы, за исключением требований, связанных с алиментными обязательствами и требованиями имущественного характера, напрямую его не касающихся.

Что касается возрастного ограничения, то по умолчанию только несовершеннолетний, достигший двенадцатилетнего возраста, имеет право быть заслушанным. В связи с этим статьей 1004/2 Судебного кодекса Бельгии устанавливается образец формы уведомления несовершеннолетнего, достигшего двенадцатилетнего возраста. В форме указывается порядок проведения беседы, а также способы согласия или отказа от него. При необходимости форма направляется по месту жительства ребенка.

В свою очередь несовершеннолетний в возрасте до двенадцати лет заслушивается только по инициативе судьи, ходатайству сторон, прокуратуры или заявлению самого несовершеннолетнего, о возможности направления которого уведомляются его законные представители.

Впоследствии судья своим решением, мотивированным обстоятельствами дела, может отка-

зять в заслушивании несовершеннолетнего в возрасте до двенадцати лет, за исключением случаев, когда просьба исходит от самого несовершеннолетнего или от органов прокуратуры.

В соответствии с пунктом 5 статьи 1004/1 Судебного кодекса Бельгии судья заслушивает несовершеннолетнего в месте, подходящем для этого: как правило, в отсутствие кого-либо.

Дополнительно несовершеннолетний на время проведения слушания может привести с собой совершеннолетнее доверенное лицо, к которому устанавливаются определенные требования.

Отдельно рассматриваемой статьей предусматриваются обязательные действия судьи, которые он должен совершить перед началом беседы. Так, в начале слушания судья: напоминает несовершеннолетнему о цели беседы; объясняет, что он не несет ответственности за разрешение спора и его просьбы не обязательно будут выполнены; сообщает, что стороны могут ознакомиться с отчетом, составленным по итогам беседы; информирует о возможности указать, что вся или часть предоставленной им информации является конфиденциальной.

По итогам беседы формируется отчет, состоящий из показаний несовершеннолетнего, за исключением тех материалов, которые он обозначил конфиденциальными.

Испания.

В соответствии со статьей 1 Органического закона Испании от 1996 г. № 1/1996 «О правовой защите несовершеннолетних», ребенком является лицо, не достигшее 18-летнего возраста.

Право ребенка быть заслушанным закреплено в статье 9 рассматриваемого Закона. В соответствии с ней несовершеннолетние имеют право быть выслушанными без какой-либо дискриминации по признаку возраста, инвалидности или любых других обстоятельств.

При этом мнение будет должным образом принято во внимание в зависимости от их возраста и зрелости, которая оценивается специализированным персоналом, принимая во внимание, как эволюционное развитие несовершеннолетнего, так и его способность понимать и оценивать конкретную ситуацию.

Исходя из судебной практики, ребенок считается «зрелым», если он обладает достаточными навыками суждения и, в любом случае, если ему исполнилось 12 лет [12, с. 208].

Для реализации указанной возможности несовершеннолетний также может выражать свое мнение устно или с помощью невербальных форм общения. В этой связи могут быть привлечены квалифицированные специалисты и эксперты.

Дополнительно несовершеннолетним гарантирована возможность осуществлять это право через лицо, которое они могут назначить от своего имени.

Касаемо самого процесса проведения беседы с несовершеннолетним, то, как отмечается в доктрине, отсутствие четких правил регламентации рассматриваемого процесса способствовало возникновению различий в том, как слушание проводится в судах Испании [12, с. 215].

Для преодоления данной тенденции испанские суды попытались систематизировать процесс беседы с ребенком и представили некоторые идеи и принципы, на которых основывается проведение слушания¹:

1. Перед началом слушания несовершеннолетнему должна быть предоставлена информация о том, что решается в процессе, и в какой степени это может повлиять на его интересы;

2. Слушание проводится при отсутствии давления и с соблюдением необходимых условий конфиденциальности, безопасности;

3. Рекомендуются избегать ситуаций, когда беседа может привести к необходимости выбора между родителями;

4. Слушание должно проходить в подходящем и удобном месте, которым обычно является кабинет судьи или зал суда;

5. Слушание должно проводиться на языке и в формулировках, адаптированных к несовершеннолетнему, без присутствия родителей, опекунов или попечителей, но с участием прокурора.

Проанализировав общие положения законодательства различных стран, предоставляющих возможность ребенку быть заслушанным в судебном или административном разбирательстве, отметим, что каждое из них имеет свои особенности: например, наличие в зданиях суда комнат, предназначенных для бесед с детьми и оформленных в стиле отличном от официального, либо возможность назначения эксперта для помощи в определении взглядов ребенка.

Заключение.

Голос ребёнка служит важнейшим ориентиром для понимания его жизненной реальности и индивидуальных потребностей.

Закрепление положений статьи 12 КПР, обязывающих учитывать мнение ребёнка в спорах, затрагивающих его интересы, подчёркивает эволюцию правовой системы, ориентированной на обеспечение наилучших интересов ребёнка. Такой подход имеет основополагающее значение

¹ Sentencia Civil № 554/2012, Audiencia Provincial de Cadiz, Sección 5, Rec 10/2012 de 22 de Octubre de 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LTH8D> (дата обращения: 15.04.2025).

для достижения результатов того или иного спора, которые действительно создают условия, способствующие гармоничному развитию и оптимальному раскрытию потенциала детей.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что государства в контексте международных обязательств, принятых на себя в связи с подписанием КПР, стремятся надлежаще их выполнять, закрепляя в положениях своего законодательства право ребенка быть заслушанным.

Рассматриваемая возможность реализуется в самых различных формах: в ряде случаев процесс проведения беседы с несовершеннолетним полностью закреплен в положениях законодательства; в других же дополнительно необходимо обращаться к положениям судебной практики.

Если рассуждать о наиболее качественной модели проведения беседы с несовершеннолетним для выяснения его мнения, то для ее формирования необходимо сосуществование в одной правовой системе всех средств, рассмотренных выше: наличие отдельных комнат для проведения разговора; возможность назначить эксперта для выяснения мнения ребенка; установления типовой формы для приглашения несовершеннолетнего на беседу. Как представляется, только при воплощении указанного комплекса возможностей можно утверждать о полном соблюдении государствами взятых на себя международных обязательств.

Список литературы:

- [1] Children in the World by Country 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LTGw3> (дата обращения: 10.02.2025).
- [2] Current World Population. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldometers.info/world-population/> (дата обращения: 10.02.2025).
- [3] Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
- [4] Tobin, J.W. Justifying Children's Rights // Melbourne Legal Studies Research Paper № 693. 2014. P. 1-79. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LTNWR> (дата обращения: 10.02.2025).
- [5] Birnbaum, L., Cetinkaya, H., Harper, T. Legal Status of the Child: Iran's International Human Rights Obligations. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www1.essex.ac.uk/hri/documents/legal-status-child.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).
- [6] Bouma, H., López López, M., Knorth, E.J., Grietens, H. Meaningful participation for children in the Dutch child protection system: A critical analysis

of relevant provisions in policy documents // Child Abuse & Neglect. 2018. Vol. 79. P. 279-292. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LTGwk> (дата обращения: 15.02.2025).

[7] Bruning, M.R., Bolscher, K.G.A. Kind in proces: van communicatie naar effectieve participatie // Meijers-reeks nr. 335. Nijmegen: Wolf Legal Publishers 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LTH4w> (дата обращения: 20.02.2025).

[8] Замечание общего порядка № 12 (2009): «Право ребенка быть заслушанным» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LTNT3> (дата обращения: 15.02.2025).

[9] Stern, R. The Child's Right to Participation – Reality or Rhetoric? 2006. 301 pp. Uppsala. ISBN 91-506-1891-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://juridikbok.se/book/915061891> (дата обращения: 16.02.2025).

[10] Lansdown, G. Participation and young children // Bernard van Leer Foundation. Early Childhood Matters. November 2004. P. 4-14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LTH3y> (дата обращения: 16.02.2025).

[11] Parkes, A., Shore, C., O'Mahony, C., Burns, K. The Right of the Child to Be Heard: Professional Experiences of Child Care Proceedings in the Irish District Court // Child and Family Law Quarterly. 2015. Vol. 27. № 4. P. 423-444. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LTHEN> (дата обращения: 10.03.2025).

[12] Esplugues, C. New Developments as Regards the Right of the Children to be Heard in Civil Procedures in Spain // The Taiwan Law Review. 2022. № 321. P. 203-219. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LTH7o> (дата обращения: 13.04.2025).

Spisok literatury:

- [1] Children in the World by Country 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LTGw3> (дата обращения: 10.02.2025).
- [2] Current World Population. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldometers.info/world-population/> (дата обращения: 10.02.2025).
- [3] Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
- [4] Tobin, J.W. Justifying Children's Rights // Melbourne Legal Studies Research Paper № 693. 2014. P. 1-79. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LTNWR> (дата обращения: 10.02.2025).
- [5] Birnbaum, L., Cetinkaya, H., Harper, T. Legal Status of the Child: Iran's International Human Rights

Obligations. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www1.essex.ac.uk/hri/documents/legal-status-child.pdf> (data obrashcheniia: 10.02.2025).

[6] Bouma, H., López López, M., Knorth, E.J., Grietens, H. Meaningful participation for children in the Dutch child protection system: A critical analysis of relevant provisions in policy documents // Child Abuse & Neglect. 2018. Vol. 79. P. 279-292. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://clck.ru/3LT-Gwk> (data obrashcheniia: 15.02.2025).

[7] Bruning, M.R., Bolscher, K.G.A. Kind in proces: van communicatie naar effectieve participatie // Meijers-reeks nr. 335. Nijmegen: Wolf Legal Publishers 2020. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://clck.ru/3LTH4w> (data obrashcheniia: 20.02.2025).

[8] Zamechanie obshchego poriadka № 12 (2009): «Pravo rebenka byt' zaslushannym» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://clck.ru/3LTNT3> (data obrashcheniia: 15.02.2025).

[9] Stern, R. The Child's Right to Participation – Reality or Rhetoric? 2006. 301 pp. Uppsala. ISBN

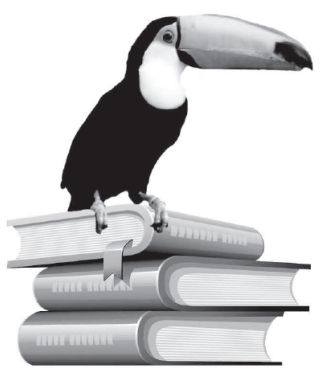
91-506-1891-1. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://juridikbok.se/book/9150618911> (data obrashcheniia: 16.02.2025).

[10] Lansdown, G. Participation and young children // Bernard van Leer Foundation. Early Childhood Matters. November 2004. P. 4-14. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://clck.ru/3LTH3y> (data obrashcheniia: 16.02.2025).

[11] Parkes, A., Shore, C., O'Mahony, C., Burns, K. The Right of the Child to Be Heard: Professional Experiences of Child Care Proceedings in the Irish District Court // Child and Family Law Quarterly. 2015. Vol. 27. № 4. P. 423-444. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://clck.ru/3LTHEN> (data obrashcheniia: 10.03.2025).

[12] Esplugues, C. New Developments as Regards the Right of the Children to be Heard in Civil Procedures in Spain // The Taiwan Law Review. 2022. № 321. P. 203-219. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://clck.ru/3LTH7o> (data obrashcheniia: 13.04.2025).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-107-110

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов» филиал
«Адвокатская контора «Пелевин и партнеры», адвокат,
e-mail: ur-fin@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ПАЦИЕНТА КЛИНИКИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты осуществления гражданских прав пациента и их ограничения. Раскрыты понятие, содержание гражданских прав пациентов. **Исследованы способы осуществления гражданских прав пациента.** Обосновано, что права пациентов обеспечивают основу для того, чтобы граждане рассматривались в качестве субъектов, контролирующих свой собственный процесс при оказании им медицинской помощи. Сделан вывод, что фундаментальные права пациентов, по-видимому, прочно утвердились в большинстве стран Европы, в то время как реализация прав, ориентированных на потребителя, отстает, поэтому реализация прав пациентов требует дальнейшего развития. Выявлено, что эффективные процедуры рассмотрения жалоб и медиации, а также систематический мониторинг соблюдения прав пациентов являются важными инструментами для повышения их воздействия на отдельных лиц и систему в целом. Установлено, что в настоящее время назрела необходимость разработки и принятия в России Федерального закона о правах пациентов. Данный закон мог бы закрепить права пациентов как определенную группу прав, производных от общих прав человека, определить гарантии обеспечения и реализации этих прав в области здравоохранения, четко закрепить случаи ограничения этих прав.

Ключевые слова: пациент, клиника пластической хирургии, права пациентов, осуществление прав, медицинская помощь, медицинские услуги, пластическая хирургия, защита прав.

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO "Leningrad Regional Bar Association" branch
"Pelevin and Partners Law Firm", lawyer

SOME ASPECTS OF EXERCISING AND RESTRICTING THE CIVIL RIGHTS OF A PLASTIC SURGERY CLINIC PATIENT

Annotation. The article considers some aspects of the implementation of the patient's civil rights and their limitations. The concept and content of the civil rights of patients are disclosed. The methods of implementing the patient's civil rights are studied. It is substantiated that the rights of patients provide the basis for citizens to be considered as subjects controlling their own process when providing them with medical care. It is concluded that the fundamental rights of patients seem to have been firmly established in most European countries, while the implementation of consumer-oriented rights lags behind, so the implementation of patients' rights requires further development. It is revealed that effective complaints and mediation procedures, as well as systematic monitoring of compliance with patients' rights are important tools for increasing their impact on individuals and the system as a whole. It is established that at present there is a need to develop and adopt a Federal Law on Patients' Rights in Russia. This law could enshrine the rights of patients as a certain group of rights derived from general human rights, determine guarantees for ensuring and implementing these rights in the field of health care, and clearly enshrine cases of restriction of these rights.

Key words: patient, plastic surgery clinic, patient rights, exercise of rights, medical care, medical services, plastic surgery, protection of rights.

Права пациентов – это предусмотренные нормативно-правовыми актами права, гарантирующие гражданам предоставление медицинской помощи. Права пациента прежде всего закреплены в главе 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации». Пациент осуществляет свои права на основании договора об оказании медицинских услуг между клиникой пластической хирургии (далее – клиника) и пациентом. Кроме того, пациент в отношениях с клиникой выступает как потребитель заказывающий и использующий медицинские услуги исключительно для личных нужд.

Соответственно, гражданские права пациента регулируются ГК РФ, Законом «О защите прав потребителей» и Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации».

Ограничения прав пациентов допускаются в строго предусмотренных законом случаях. Так, в ряде жестко определенных законом случаев медицинское вмешательство может проводиться без согласия пациента.

Способы осуществления гражданских прав пациента включают следующие: **реализация прав самим пациентом, получение им информации** о своих правах, обязанностях и услугах, **возмещение вреда здоровью** некачественной медицинской услугой, в том числе в судебном порядке, обращение с жалобой к руководителю клиники, в Роспотребнадзор, Росздравнадзор, Прокуратуру.

Осуществлению прав пациентов препятствуют невыполнение требований закона медицинскими работниками, низкая квалификация и высокая загруженность медицинских работников [1].

Наиболее частым нарушением является неполучение пациентом полной информации об оказываемой медицинской помощи [2].

Юридические гарантии осуществления прав пациентов – это средства и способы, обеспечивающие реализацию пациентами своих прав и защиту пациентами своих интересов при неблагоприятном исходе медицинского вмешательства и др. [3]

Права пациентов обеспечивают контроль пациентами процесса оказания медицинской помощи. Права пациентов могут быть полностью реализованы только если медицинская помощь соответствует требованиям к качеству и безопасности, если функционируют механизмы возмещения ущерба в случае несоблюдения этих требований.

Если мы хотим, чтобы права пациентов способствовали созданию систем здравоохранения,

в большей степени ориентированных на человека, лица, принимающие решения, должны обеспечить их реализацию в качестве действенных юридических прав, позволяющих людям осуществлять эти права. Отсутствие увязки законодательства о правах пациентов с реальными правоприменительными механизмами и процедурами сводит соответствующие законы и нормативные акты к простым декларациям или принципам, не имеющим практического применения.

Многие государства разработали (или разрабатывают) правовые подходы к определению и реализации традиционных прав пациентов на самоопределение и конфиденциальность, включая право на информированное согласие, на участие в принятии клинических решений, на конфиденциальность данных и на доступ к своей медицинской карте. Эти права часто защищаются множеством механизмов. Большинство стран внедрило эффективные механизмы защиты права на согласие, поскольку оно имеет основополагающее значение для уважения автономии человека [4].

Способы предоставления согласия (письменного, устного, подразумеваемого) могут существенно различаться, хотя определенная практика, существующая в некоторых странах, по-видимому, не соответствует общепринятому пониманию информированного согласия.

Например, в Латвии несколько больниц требуют, чтобы пациенты при поступлении подписывали форму общего согласия, которая обязывает их соглашаться на любое лечение, рекомендованное лечащим врачом. На практике это означает, что данное согласие принимает форму договорного обязательства, то есть пациент может быть госпитализирован в больницу только после получения предварительного согласия. Это также подразумевает, что пациенту отказывают в праве на получение информации об альтернативных вариантах лечения. Это наблюдение подчеркивает необходимость уделять больше внимания самоопределению в некоторых странах.

В более общем плане растет понимание того, что информированное согласие как концепция, возможно, устарело, поскольку оно, как правило, чрезмерно опирается на представление о пациенте как о пассивном получателе, которому должна быть раскрыта определенная информация. Некоторые выступают за использование этического и правового стандарта, который на первое место ставит автономию пациента в принятии решений [5].

Во многих странах право на конфиденциальность и право на информированное согласие защищены посредством механизмов подачи жалоб и возмещения ущерба, а также штрафов за

нарушение конфиденциальности. Однако в некоторых странах конфиденциальность не соблюдается при медицинском осмотре или недостаточно защищены сведения о пациенте в медицинских документах.

Ключевым способом обеспечения соблюдения прав пациентов является возмещение причиненного ущерба, которое включает инструменты урегулирования споров, связанных с причинением пациенту вреда, нарушением его прав т.п. Возможность привлечения пластического хирурга к ответственности стимулирует его соблюдать стандарты оказания медицинской помощи, предусматривая справедливую компенсацию пострадавшим пациентам.

Для привлечения клиник к ответственности необходимо доказать вину клиники и причинно-следственную связь между ее действиями и причиненным ущербом. При этом в ряде стран предусмотрена выплата пациентам компенсации без необходимости доказывания вины клиник. Такие системы считаются более справедливыми и эффективными.

Некоторые страны для предотвращения судебных разбирательств внедрили альтернативные механизмы разрешения споров в виде независимых посредников - омбудсменов или советов по медиации, которые действуют на уровне провайдеров, региональном уровне, национальном уровне или одновременно на всех уровнях.

Результаты варьируются от внесудебного урегулирования, административных или дисциплинарных санкций до объяснений или извинений. Последнее обычно делается путем предоставления заявителю отчета по результатам внутреннего расследования, проведенного поставщиком медицинских услуг или учреждением здравоохранения. Если результат неудовлетворителен, пациент все равно может обратиться в суд. Чтобы устранить неравенство в использовании механизмов правовой защиты, пациентам могут помогать или представлять их интересы адвокаты или пациентские организации, которые иногда выступают в качестве их законных представителей в суде.

Жалобы чаще всего возникают из-за опасений по поводу качества медицинской помощи, в частности, безопасности, включая плохую коммуникацию, отношение персонала и недостойное обслуживание. Процедуры рассмотрения жалоб также могут способствовать мониторингу соблюдения прав пациентов.

Например, Болгария, Греция, Венгрия и Мальта создали специальные комитеты по правам пациентов при Министерстве здравоохранения или за его пределами, в задачи которых входит мониторинг ситуации и консультирование по любым изменениям.

Итак, права пациентов получают все более широкое признание. Ожидается, что укрепление прав пациентов и обеспечение их осуществления помогут повысить осведомленность, расширить возможности пациентов и направлять деятельность директивных органов для поддержки достижения более широких целей системы здравоохранения. Недостатки в реализации концепции защиты прав пациентов могут привести к снижению доверия к системе здравоохранения, а также повлечь растущее неравенство, когда внедряемые механизмы приносят пользу только той части населения, которая в большей степени способна воспользоваться открывающимися новыми возможностями.

Автор считает, что фундаментальные права пациентов, по-видимому, прочно утвердились во многих европейских странах, в том числе и России, в то время как реализация данных прав отстает. Надлежащее толкование прав пациентов также предполагает необходимость уделять больше внимания качеству и безопасности в секторе здравоохранения, а также оперативности и эффективности государственных служб в целом.

Более широкое представление о правах пациентов, объединяющее эти различные аспекты, вероятно, поможет распространить представление о пациенте как о личности, нуждающейся в защите от незаконного вмешательства в его личную жизнь, как на информированного и активного партнера в системе здравоохранения.

Несмотря на достигнутый прогресс, реализация прав пациентов требует дальнейшего развития. Серьезной проблемой остается правоприменительная практика, поскольку недостаточная осведомленность различных заинтересованных сторон рассматривается как серьезное препятствие на пути к достижению предполагаемых целей законодательной базы. Функционирующие процедуры рассмотрения жалоб и медиации, мониторинг соблюдения прав пациентов способствуют их эффективной реализации.

Автор согласен с мнением, в соответствии с которым, для решения указанных проблем целесообразно привести права пациента в структурированный вид, осуществив их детализацию в законе [6].

В настоящее время назрела необходимость разработки и принятия в России Федерального закона о правах пациентов. Данный закон мог бы закрепить права пациентов и гарантии их обеспечения и реализации, предусмотрев создание комиссий (омбудсменов) по защите прав пациентов при органах здравоохранения, в функции которых входило бы решение вопросов, связанных с соблюдением и осуществлением прав пациентов.

Список литературы:

[1] Линденбрaten А.Л. Актуальные проблемы российского здравоохранения // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2020. № 3. С. 60-70.

[2] Гецманова И. В. Проблемы реализации права граждан на информацию в правоотношениях, связанных с оказанием медицинских услуг // Правовые вопросы медицинской деятельности. 2015. № 11. С. 5-7.

[3] Кильметова Р.Р., Дзотцоева А.А. Права и обязанности пациента (гражданина) в сфере охраны здоровья // Аграрное и земельное право. 2020. № 11 (191). С. 97-100.

[4] Buelens, W, Herijgers, C, Illegems, S (2016). The view of the European Court of Human Rights on Competent Patients' Right of Informed Consent. Research in the Light of Articles 3 and 8 of the European Convention on Human Rights, European Journal of Health Law, 23: 481–509.

[5] Moulton, B, et al.(2013). From informed consent to informed request: do we need a new gold standard? Journal of the Royal Society of Medicine, 106:391–4.

[6] Иванова Т.В., Цуглаева Н.В., Аштаева С.С. Права и обязанности пациента (гражданина) в сфере здоровья // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 232-235.

Spisok literatury:

[1] Lindenbraten A.L. Aktual'nye problemy rossijskogo zdravooxraneniya // Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko. 2020. № 3. S. 60-70.

[2] Gecmanova I. V. Problemy realizacii prava grazhdan na informaciyu v pravootnosheniyah, svyazannyh s okazaniem medicinskih uslug // Pravovye voprosy medicinskoj deyatel'nosti. 2015. № 11. S. 5-7.

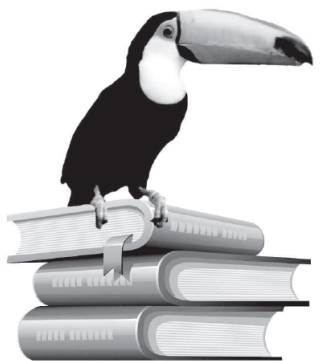
[3] Kil'metova R.R., Dzotcoeva A.A. Prava i obyazannosti pacienta (grazhdanina) v sfere ohrany zdorov'ya // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2020. № 11 (191). S. 97-100.

[4] Buelens, W, Herijgers, C, Illegems, S (2016). The view of the European Court of Human Rights on Competent Patients' Right of Informed Consent. Research in the Light of Articles 3 and 8 of the European Convention on Human Rights, European Journal of Health Law, 23: 481–509.

[5] Moulton, B, et al.(2013). From informed consent to informed request: do we need a new gold standard? Journal of the Royal Society of Medicine, 106:391–4.

[6] Ivanova T.V., Cuglaeva N.V., Ashtaeva S.S. Prava i obyazannosti pacienta (grazhdanina) v sfere zdorov'ya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 6 (222). S. 232-235.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-111-117

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

МИНАСЯН Гоар Микаеловна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве РФ,
e-mail: GMMinasyan@fa.ru

ГЕРИНА-ВОУЙКИНА Екатерина Викторовна,
Руководитель группы сопровождения приказного
судопроизводства направления судебного взыскания
АО «Экспобанк»,
e-mail: Vouikina1@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ОБРАЩЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА ЗАЛОЖЕННОЕ НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО И ВЫСЕЛЕНИИ И ИХ ЗАЩИТА

Аннотация. Данное научное исследование посвящено изучению важнейшего конституционного права гражданина, в том числе несовершеннолетнего, на жилье, законодательному регулированию изъятия единственного жилья, когда оно приобретено за счет кредитных средств.

Решение об обращении взыскания на единственное жилье должника, с которым проживают также несовершеннолетние дети, принимается судебными органами. Такие судебные дела вызывают много вопросов, о чем свидетельствует - обширная судебная практика, которая находит свое отражение в данной статье.

Значимость работы заключается в обосновании необходимости законодательного закрепления еще одного способа защиты интересов несовершеннолетних по делам об обращении взыскания на ипотечное жилье и о выселении.

Ключевые слова: право на жилье, права несовершеннолетних, неприкосновенность жилища, единственное жилье, обращение взыскания на предмет ипотеки, выселение из жилья, орган опеки и попечительства.

MINASYAN Goar Mikaelovna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Legal Regulation
of Economic Activity of the Financial University under the Government
of the Russian Federation

GERINA-VOYUIKINA Ekaterina Viktorovna,
Head of the group for supporting the order proceedings
of the direction of judicial collection of JSC Expobank

PROBLEMS OF OBSERVING THE RIGHTS OF MINORS IN FORECLOSURE ON MORTGAGED REAL ESTATE AND EVICTION AND THEIR PROTECTION

Annotation. This scientific research is devoted to the study of the most important constitutional right of a citizen, including a minor, to housing, legislative regulation of the seizure of the only housing when it is acquired using credit funds.

The decision to foreclose on the only home of the debtor, with whom minor children also live, is made by the judicial authorities. Such court cases raise many questions, as evidenced by the extensive judicial practice, which is reflected in this article.

The significance of the work lies in the substantiation of the need for legislative consolidation of another method of protecting the interests of minors in cases of foreclosure on mortgaged housing and eviction.

Key words: *right to housing, rights of minors, inviolability of housing, sole housing, foreclosure on mortgaged property, eviction from housing, guardianship and trusteeship authority.*

Конституция РФ гарантирует каждому право на жилище.

В преамбуле Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» разъясняется, что право на жилище относится к основным правам человека и заключается в обеспечении государством стабильного, постоянного пользования жилым помещением лицами, занимающими его на законных основаниях, в предоставлении жилища из государственного, муниципального и других жилищных фондов малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, в оказании содействия гражданам в улучшении своих жилищных условий, а также в гарантированности неприкосновенности жилища, исключения случаев произвольного лишения граждан жилища (ст. ст. 25, 40 Конституции РФ).

Никто не может быть произвольно лишен жилища. В упомянутой конституционной норме содержится запрет лишать произвольно жилища. Данная норма в первую очередь адресована государству как наиболее сильной стороне в отношениях с человеком. Как справедливо отмечает Е.И. Колюшин, адресатами этой конституционной обязанности являются также любые физические и юридические лица.

Существенная значимость вышеотмеченного особенно проявляется в отношении несовершеннолетних лиц, которые относятся к категориям наиболее уязвимых слоев населения. В соответствии с п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ несовершеннолетний имеет право жить и воспитываться в семье и право на совместное проживание с родителями.

Положение ст. 35 Конституции РФ о недопустимости лишения собственника его имущества иначе как по решению суда направлено на защиту права частной собственности, носит универсальный характер и подлежит применению во всех сферах жизни, в том числе и в жилищной сфере.

Право на неприкосновенность жилища является одним из важнейших в международном праве и закреплено во многих международных правовых актах. Так, согласно ст. 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. «никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища». Кон-

венция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. предусматривает, что не должно быть никакого вмешательства со стороны государственных органов в пользование этим правом, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. Согласно ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах никто не может подвергаться произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность жилища.

Прекращение права собственности на жилое помещение предусмотрено п. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ в случае, если жилое помещение (его части) для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, но при этом представляет собой предмет ипотеки. Определение оснований, порядка и условий выселения граждан из жилых помещений находится в компетенции органов государственной власти Российской Федерации.

Согласно положениям ст. 50 ФЗ Федерального закона от 16.07.1998 N 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» залогодержатель вправе обратиться взыскание на имущество, заложенное по договору об ипотеке, для удовлетворения за счет этого имущества названных в статьях 3 и 4 Закона об ипотеке, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обеспеченного ипотекой обязательства, в частности неуплатой или несвоевременной уплатой суммы долга полностью или в части, если договором не предусмотрено иное.

Конституционный Суд РФ в своем Определении от 17.01.2012 N 13-О-О отметил, что вышеуказанная норма гражданского процессуального законодательства содержит запрет обращения взыскания на жилое помещение, если для гражданина-должника и членов его семьи оно является единственным пригодным для постоянного проживания. Между тем этот запрет не распространяется на жилое помещение, являющееся предметом ипотеки, на которое в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание. В частности, положения назван-

ной статьи в их взаимосвязи с п. 1 ст. 78 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» не исключают обращение взыскания на заложенную квартиру - при условии, что такая квартира была заложена по договору об ипотеке либо по ипотеке в силу закона в обеспечение возврата кредита на приобретение или строительство таких или иных квартир, их капитальный ремонт или иное неотделимое улучшение, а также на погашение ранее предоставленных кредита или займа на приобретение или строительство жилого дома или квартиры.

Распространяя на обеспеченные ипотекой обязательства общее правило об ответственности должника всем своим имуществом, указанные законоположения направлены на достижение баланса прав и законных интересов взыскателей и должников и служат для реализации положений, закрепленных статьями 17 (часть 3), 35 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которым осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, каждый вправе иметь имущество в собственности и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, а также каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод в случае неисполнения обязательств, тем более что при наличии уважительных причин и с учетом фактических обстоятельств дела суд вправе отсрочить реализацию взыскания, при условии, что залог не связан с осуществлением гражданином предпринимательской деятельности.

Нужно учитывать, что наличие у гражданина-должника жилого помещения, являющегося единственным пригодным для постоянного проживания помещением для него и членов его семьи, в том числе несовершеннолетних, совместно проживающих в принадлежащем помещении, не является препятствием для обращения на него взыскания, если соответствующее жилое помещение является предметом ипотеки (договорной или в силу закона).

Следовательно, и банки, при принятии решения о выдаче ипотечного кредита, не занимается делением клиентов на «детных» и «бездетных». Банк отслеживает только уровень доходов заемщиков для выдачи денежных средств под ипотеку.

Таким образом, исходя из системного толкования норм действующего законодательства и судебной практики, обращение взыскания на заложенное жилое помещение возможно как в случае, когда такое помещение заложено по договору об ипотеке (независимо от того, на какие цели предоставлен заем (кредит)), так и по ипотеке в силу закона; наличие у гражданина-должника жилого помещения, являющегося единствен-

ным пригодным для постоянного проживания помещением для него и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, не является препятствием для обращения на него взыскания, если соответствующее жилое помещение является предметом ипотеки (договорной или законной), также проживание несовершеннолетних лиц не является препятствием для обращения взыскания.

Согласно ч. 1 ст. 78 Закона об ипотеке обращение залогодержателем взыскания на заложенные жилой дом или квартиру и реализация этого имущества являются основанием для прекращения права пользования ими залогодателя и любых иных лиц, проживающих в таких жилом доме или квартире.

В соответствии с ч. 1 ст. 35 ЖК РФ в случае прекращения у гражданина права пользования жилым помещением по основаниям, предусмотренным жилищным законодательством, другими федеральными законами, договором, или на основании решения суда данный гражданин обязан освободить соответствующее жилое помещение (прекратить пользоваться им). Если гражданин в срок, установленный собственником соответствующего жилого помещения, не освобождает указанное жилое помещение, он подлежит выселению по требованию собственника на основании решения суда.

В соответствии с ч. 2 ст. 292 ГК РФ переход права собственности на жилой дом или квартиру к другому лицу является основанием для прекращения права пользования жилым помещением членами семьи прежнего собственника, если иное не установлено законом.

Судебная практика подтверждает, что обязанность граждан освободить жилое помещение, являвшегося предметом ипотеки, в связи с обращением на него взыскания и передачей залогодержателю, а также право нового собственника квартиры требовать снятия с регистрационного учета и выселения предыдущих собственников, членов их семьи и иных лиц, в том числе несовершеннолетних, предусмотрены ч. 1 ст. 35 ЖК РФ, п. 1 ст. 78 Федерального закона от 16.07.1998 N 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», п. 2 ст. 292 ГК РФ, ст. 7 Закона от 25.06.1993 N 5242-1 Закон РФ от 25.06.1993 N 5242-1 (ред. от 27.01.2023) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»).

На основании вышеизложенного приходим к выводу, что обращение взыскания на заложенное жилое помещение влечет прекращение права пользования этим помещением у всех проживающих в нем лиц, включая несовершеннолетних.

При этом обращаем внимание на то обстоятельство, что по делам об обращении взыскания на предмет ипотеки и делам о выселении несовершеннолетних участие и разрешение органа опеки и попечительства не требуется.

Как следует из пункта 4 ст. 292 ГК РФ, согласие органов опеки и попечительства на отчуждение жилого помещения, в котором проживает несовершеннолетний, требуется в двух случаях: либо когда он находится под опекой или попечительством, либо когда он остался без родительского попечения, о чем известно органу опеки и попечительства. К числу оставшихся без родительского попечения ст. 121 СК РФ относит детей, чьи родители умерли, лишены родительских прав, ограничены в родительских правах, признаны недееспособными, длительно отсутствуют, уклоняются от воспитания детей или от защиты их прав и интересов. Приведенный перечень не является исчерпывающим, что позволяет органам опеки и попечительства осуществлять защиту прав и интересов детей в зависимости от конкретных обстоятельств во всех иных случаях, когда родительское попечение фактически отсутствует.

Таким образом, исходя из смысла п. 4 ст. 292 ГК РФ во взаимосвязи со ст.ст. 121 и 122 СК РФ, при отчуждении жилого помещения, в котором проживает несовершеннолетний, согласия органа опеки и попечительства, по общему правилу, не требуется, поскольку предполагается, что несовершеннолетний находится на попечении родителей, и это не опровергнуто имеющейся у органа опеки и попечительства информацией об отсутствии попечения со стороны родителей.

Жилое помещение, в котором проживают несовершеннолетние члены семьи собственника, отчуждается, по общему правилу, исходя из предполагаемой добросовестности родителей по отношению к детям и обусловленного этим ограничения соответствующих правомочий органа опеки и попечительства по участию в решении данного вопроса, что согласуется со ст. 38 (часть 2) Конституции Российской Федерации и корреспондирующей ей ст. 5 Конвенции о правах ребенка, в силу которой государства-участники признают и уважают права и обязанности родителей, несущих по закону ответственность за ребенка, должным образом управлять и руководить ребенком в осуществлении им признанных Конвенцией прав.

Данное правовое регулирование, как направленное также на обеспечение гарантий прав собственника свободно распоряжаться принадлежащим ему жилым помещением в своих интересах и в интересах проживающих с ним несовершеннолетних детей, исходя из указанных конституционных предписаний об ответственности родителей, само по себе не может рассматриваться как нарушающее Конституцию Российской Федерации.

Об отсутствии необходимости обязательного привлечения органов опеки и попечительства к участию в деле свидетельствует и существующая судебная практика, согласно которой законом предусмотрен определенный перечень дел, по которым участие органов опеки в суде является обязательным. В случаях, когда интересы несовершеннолетних представляют их законные представители, участие соответствующих органов не обязательно.

Несмотря на тот факт, что законодательно привлечение органов опеки и попечительства к рассмотрению дел об обращении взыскания на заложенное имущество и дел о выселении не требуется, суды иногда привлекают органы опеки и попечительства к их рассмотрению на основании ст. 47 ГПК РФ.

Орган опеки и попечительства - это исполнительный орган субъекта РФ или орган местного самоуправления, основными задачами которого являются (п. 1 ст. 34 ГК РФ; ст. 121 СК РФ; ст. 6, 7 Закона от 24.04.2008 N 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»):

- 1) защита прав и законных интересов граждан, нуждающихся в установлении над ними опеки или попечительства, и граждан, находящихся под опекой или попечительством;
- 2) надзор за деятельностью опекунов и попечителей, а также организаций, в которые помещены недееспособные или не полностью дееспособные граждане;
- 3) контроль за сохранностью имущества и управлением имуществом граждан, находящихся под опекой или попечительством либо помещенных под надзор в образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, или иные организации, в том числе для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Порядок получения заключения органа опеки и попечительства зависит от конкретной ситуации, при которой такое заключение требуется.

Считаем, что в рассматриваемой ситуации, когда речь идет об обращении взыскания на предмет ипотеки и выселении из единственного ипотечного жилья, в том числе несовершеннолетних членов семьи, несмотря на отсутствие в законодательстве императивной нормы о привлечении в судебный процесс органов опеки и попечительства, необходимо участие соответствующих органов для обеспечения защиты гарантированных государством жилищных прав и интересов несовершеннолетних.

Следовательно, требуется законодательное закрепление нормы о привлечении в гражданское

судопроизводство органов опеки и попечительства по аналогичным категориям дел как способ защиты прав несовершеннолетних.

Контроль органов опеки и попечительства за сделками с жилыми помещениями, в которых проживают несовершеннолетние, служит определенной гарантией соблюдения жилищных прав детей независимо от того, правом собственности или правом пользования жилым помещением они обладают.

В качестве еще одного способа защиты жилищных прав можно рассмотреть предусмотренную ст. 203 ГПК РФ (аналогичные положения содержатся в ч. 1 ст. 37 ФЗ от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве») возможность предоставления судом отсрочки или рассрочки исполнения решения суда, изменения способа и порядка его исполнения в зависимости от имущественного положения заявителя.

В соответствии с п. 2 ст. 350 ГК РФ, ч. 3 ст. 54 Закона об ипотеке и п.п. 77-82 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 N 23 «О применении судами правил о залоге вещей» по заявлению залогодателя суд при наличии уважительных причин вправе в решении об обращении взыскания на заложенное имущество отсрочить его реализацию на срок до одного года в случаях, когда залогодателем является гражданин независимо от того, какое имущество заложено им по договору об ипотеке, при условии, что залог не связан с осуществлением этим гражданином предпринимательской деятельности.

Определяя срок, на который предоставляется отсрочка реализации заложенного имущества, суд учитывает в том числе то, что сумма требований залогодержателя, подлежащих удовлетворению из стоимости заложенного имущества на момент истечения отсрочки, не должна превышать стоимость заложенного имущества по оценке, указанной в отчете независимого оценщика или решении суда на момент реализации такого имущества.

Отсрочка реализации заложенного имущества не затрагивает прав и обязанностей сторон по обязательству, обеспеченному ипотекой этого имущества, и не освобождает должника от возмещения возросших за время отсрочки убытков кредитора, причитающихся кредитору процентов и неустойки.

Если должник в пределах предоставленного ему отсрочкой времени удовлетворит требования кредитора, обеспеченные ипотекой в том объеме, который они имеют к моменту удовлетворения требования, суд по заявлению залогодателя отменяет решение об обращении взыскания.

Обязательно нужно учитывать, что отсрочка реализации заложенного имущества не допуска-

ется, если она может повлечь существенное ухудшение финансового положения залогодержателя; в отношении залогодателя или залогодержателя возбуждено дело о признании его несостоятельным (банкротом).

Предоставляя отсрочку, суд вправе обязать должника или залогодателя - третье лицо производить периодическую уплату определенной суммы денежных средств в счет погашения долга по обеспеченному требованию. В случае неисполнения ими соответствующих обязательств суд по ходатайству залогодержателя может отменить отсрочку.

Отсрочка исполнения решения суда, предусматривающего обращение взыскания на предмет залога, может предоставляться неоднократно с тем, чтобы общий срок отсрочки реализации решения суда не превышал одного года со дня вступления решения суда в законную силу.

При отпадении обстоятельств, послуживших основанием для предоставления отсрочки, или при их изменении должник, залогодатель или залогодержатель вправе обратиться в суд с ходатайством об отмене отсрочки до истечения ее срока или об изменении ее условий.

При вынесении судом решения о выселении выселяемые из жилого помещения граждане также имеют право при наличии уважительной причины обратиться в суд с заявлением о предоставлении отсрочки исполнения решения суда.

Основаниями для предоставления отсрочки могут являться неустранимые на момент обращения в суд обстоятельства, препятствующие выселению в установленный срок (например, тяжелое имущественное положение гражданина). Вопрос о наличии оснований для отсрочки решается судом в каждом конкретном случае (п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 N 50).

Верховный суд в указанном выше Постановлении Пленума указал, что при предоставлении отсрочки или рассрочки судам необходимо обеспечивать баланс прав и законных интересов взыскателей и должников таким образом, чтобы такой порядок исполнения решения суда отвечал требованиям справедливости, соразмерности и не затрагивал существа гарантированных прав лиц, участвующих в исполнительном производстве, в том числе права взыскателя на исполнение судебного акта в разумный срок.

Законодательно срок для предоставления отсрочки исполнения решения суда о выселении не установлен, но, как правило, отсрочка предоставляется на срок до 1 года.

Таким образом, при наличии уважительных причин судом может быть предоставлена отсрочка исполнения решения суда об обращении взыска-

ния на заложенное имущество и решения о выселении, что также является гарантией защиты прав несовершеннолетних лиц.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что действующим законодательством закреплена возможность обращения взыскания на заложенное жилое помещение за долги по кредиту даже при наличии несовершеннолетних детей, а после продажи недвижимости на торгах выселению подлежат все члены семьи, в том числе несовершеннолетние. Единственное, на что должники могут рассчитывать, это отсрочка реализации заложенной квартиры на период до 12 месяцев при наличии уважительных причин.

Вместе с тем, полагаем необходимым закрепить на законодательном уровне участие органов опеки и попечительства в судах при рассмотрении данной категории дел для обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних.

Список литературы:

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 N 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чadaевой».

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2010 года N 1589-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Исмукова Льва Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 50 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» и Федеральным законом «О внесении изменений в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 N 3335-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ланцовой Ольги Викторовны на нарушение ее конституционных прав и конституционных прав ее несовершеннолетнего сына пунктом 2 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью 1 статьи 35 Жилищного кодекса Российской Федерации и статьей 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»

[4] Определение Верховного Суда РФ от 31.05.2011 N 46-В11-5.

[5] Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2023 N 88-9505/2023 по делу N 2-1164/2022.

[6] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.03.2023 N 88-5555/2023 по делу N 2-1155/2022.

[7] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.03.2024 N 88-7047/2024.

[8] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.03.2022 N 88-1580/2022.

[9] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2024 N 88-230/2024.

[10] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2022 N 88-32551/2022 по делу N 2-98/2022.

[11] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2020 N 88-12350/2020.

[12] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2022 N 88-17138/2022.

[13] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2022 N 88-108/2022.

[14] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2021 N 88-25518/2021.

[15] Колюшин Е.И. Проблема баланса конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2025. N 2. С. 19 – 25.

[16] Грудцына Л.Ю. Конституционное право граждан на жилище. Неприкосновенность жилища//Адвокат, 2005, N 7.

Spisok literatury:

[1] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 08.06.2010 N 13-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 4 stat'i 292 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanki V.V. Chadaevoj».

[2] Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 16 dekabrya 2010 goda N 1589-O-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina Ismukova L`va Vladimirovicha na narushenie ego konstitucionny`x prav stat`ej 50 Federal`nogo zakona «Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti)» i Federal`ny`m zakonom «O vnesenii izmenenij v stat`yu 446 Grazhdanskogo processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii».

[3] Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.12.2022 N 3335-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanki Lanczovoj Ol`gi Viktorovny` na narushenie ee konstitucionny`x prav i konstitucionny`x prav ee nesovershennoletnego sy`na punktom 2 stat`i 292 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii, chast`yu 1 stat`i 35 Zhilishhnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat`ej 56 Grazhdanskogo processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii»

[4] Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 31.05.2011 N 46-V11-5.

[5] Opredelenie Sed'mogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 16.06.2023 N 88-9505/2023 po delu N 2-1164/2022.

[6] Opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 15.03.2023 N 88-5555/2023 po delu N 2-1155/2022.

[7] Opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 26.03.2024 N 88-7047/2024.

[8] Opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 23.03.2022 N 88-1580/2022.

[9] Opredelenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 23.01.2024 N 88-230/2024.

[10] Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 14.12.2022 N 88-32551/2022 po delu N 2-98/2022.

[11] Opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 19.05.2020 N 88-12350/2020.

[12] Opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 28.07.2022 N 88-17138/2022.

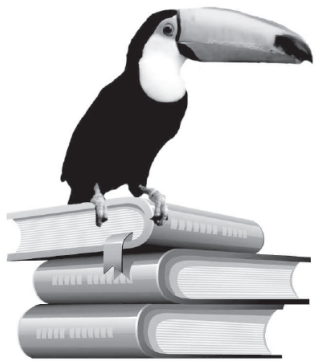
[13] Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 12.01.2022 N 88-108/2022.

[14] Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 10.11.2021 N 88-25518/2021.

[15] Kolyushin E.I. Problema balansa konstitucionny'x prav, svobod i obyazannostej cheloveka i grazhdanina // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2025. N 2. S. 19 – 25.

[16] Grudcyna L.Yu. Konstitucionnoe pravo grazhdan na zhilishhe. Neprikosnovennost' zhilishha//Advokat, 2005, N 7.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-118-127

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

БАСАНГОВ Денис Анатольевич,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
лаборатории правового мониторинга и социологии права
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ,
e-mail: report.izak@yandex.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ПРАВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ И ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Аннотация. В статье с использованием общенаучных и специальных методов исследования анализируются современные технологии, оценивающие эффективность нормативного регулирования в государствах – участниках Евразийского экономического союза, включая правовой мониторинг и оценку регулирующего воздействия. Рассмотрены основные нормативно-правовые акты, создающие основу цифровизации в рамках Евразийского экономического союза. Отмечается, что проблемой объективного мониторинга развития цифровой интеграции в рамках ЕАЭС является определенный дефицит открытой сопоставимой и детальной информации о социально-экономическом развитии и цифровой экономике государств-членов. Подчеркивается, что правовые мониторинговые исследования позволяют оценить соответствие последствий нормативного регулирования его целям, заложенным при принятии правового предписания, а также качество процедур оценки регулирующего воздействия, проведенных на стадии разработки и принятия правовых актов. В статье делается вывод о возможности создания основы для формирования целостного механизма правового мониторинга в ЕАЭС. Сформулированы рекомендации и предложения по оптимизации механизма осуществления правовых мониторинговых исследований и оценки регулирующего воздействия в государствах – участниках Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Евразийская экономическая комиссия, цифровизация, цифровая экономика, единое цифровое пространство, оценка регулирующего воздействия, правовой мониторинг, методология.

BASANGOV Denis Anatolievich,
Candidate of Juridical Sciences, Senior Researcher
Legal monitoring laboratories and sociology of law
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

DIGITALISATION IN THE LAW OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: LEGAL MONITORING AND METHODOLOGICAL ISSUES

Annotation. Using general scientific and special research methods, the article analyses modern technologies that assess the effectiveness of normative regulation in the member states of the Eurasian Economic Union, including legal monitoring and regulatory impact assessment. The main regulatory legal acts that create the basis for digitalisation within the framework of the Eurasian Economic Union are considered. It is noted that the problem of objective monitoring of the development of digital integration within the EAEU is a certain lack of open comparable and detailed information on socio-economic development and digital economy of the member states. It is emphasised that legal monitoring studies make it possible to assess the compliance of the consequences of regulatory regulation with its objectives, laid down when adopting a legal prescription, as well as the quality of regulatory impact assessment procedures carried out at the stage of development and adoption of

legal acts. The article concludes that it is possible to create a basis for the formation of an integral mechanism of legal monitoring in the EAEU. Recommendations and proposals for optimising the mechanism of legal monitoring research and regulatory impact assessment in the member states of the Eurasian Economic Union are formulated.

Key words: *Eurasian Economic Union, Eurasian Economic Commission, digitalisation, digital economy, common digital space, regulatory impact assessment, legal monitoring, methodology.*

Исследования в области правового мониторинга относятся к числу юридических технологий, ядром которых является структурный информационно-аналитический механизм и оценка нормативного правового акта, от его создания и до применения [1]. Для определения степени эффективности механизма правового регулирования необходимо сочетание ряда факторов, в т.ч. оценки регулирующего воздействия при подготовке правовых актов, установление корреляции между различными средствами правового воздействия и разнообразными элементами экономической системы, действие института правового мониторинга, разработка прогнозных оценок меняющихся правовых циклов [2].

Правовой мониторинг предполагает наличие полной и достоверной информации о текущем состоянии законодательства, о статистических и иных данных. Эта информация должна поддерживаться в актуальном состоянии, быть систематизирована в зависимости от поставленных задач. Мониторинговые исследования позволяют отслеживать качество принимаемых и действующих нормативных правовых актов, оценивать состояние системы права, осуществлять ее своевременную корректировку на основе данных о проблемах правоприменения, вызванных недостатками нормативной основы. Оценка регулирующего воздействия позволяет выявить и оценить возможные экономические последствия действия нормативных правовых актов. Несмотря на то что эта деятельность в большей степени носит экономический характер, позволяя определять издержки и выгоды как для государства, так и для субъектов предпринимательской деятельности, она играет значительную роль в правовой оптимизации [3].

Инструменты мониторинговых исследований, в т.ч. в области цифровизации общественных отношений, во многом способны выступать в качестве самостоятельных видов аналитической деятельности и не являются взаимозависимыми, однако направленность на достижение общего результата – повышение эффективности нормативно-правового регулирования, в целом очевидна.

На постсоветском пространстве внедрение цифровых технологий продолжается в течении нескольких десятков лет, вместе с тем влияние пандемии коронавируса явилось дополнительной

предпосылкой к пониманию, что цифровизация играет ключевую роль в развитии экономики данной группы стран и способствует формированию новых сфер общественной жизни. В современной повестке правовое регулирование цифровых технологий не является исключительной прерогативой национального законодательства, учитывая, что распространение технологических достижений давно вышло на международный уровень и зачастую не ограничивается границами государств.

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), созданный на основе заключенного 29 мая 2014 года договора между Россией, Беларусью и Казахстаном [4], в настоящее время является одним из крупнейших интеграционных объединений в мире, способным в будущем стать главной движущей силой евразийской интеграции. В азиатском регионе ЕАЭС по своему влиянию сопоставим с Европейским союзом. В рамках ЕАЭС активно ведется работа по достижению поставленных задач, и цифровая трансформация это один из ключевых факторов экономического развития, входящих в него государств. С момента образования Евразийского экономического союза цифровизация экономик государств-участников имеет стратегическое значение, предполагая формирование и развитие единого цифрового и правового пространства, включающее в себя: разработку нормативно-правовых документов для цифровой модернизации управления интеграционными процессами; организацию цифровой инфраструктуры; создание единого цифрового рынка и Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий. Выход цифровизации за границы стран-членов Союза позволяет пересмотреть актуальность вопросов обеспечения национальной безопасности, необходимости гармонизации национального законодательства и усиления глобальных позиций международной организации.

Определяющими условиями внедрения технологии правового мониторинга в большинстве государств – членов ЕАЭС [5] является комплексность в совокупности с многоаспектным анализом определения эффективности нормативного правового регулирования процессов цифровизации. Правовой механизм ЕАЭС в сфере цифровой экономики определяет такие понятия, как: «цифровая платформа», «цифровая трансформация»,

«цифровая экосистема», «цифровое преобразование», «цифровое пространство Союза», «цифровой актив» и т.д. За последнее время ЕАЭС принят ряд правовых актов, направленных на регулирование различных сфер цифровизации, включая, например, развитие цифровой экосистемы торговли в Евразийском экономическом союзе, создание, обеспечение функционирования и развитие интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза. Техническое регулирование в рамках ЕАЭС также постепенно переходит в плоскость цифровизации [6].

Реализация технологии правового мониторинга, в том числе в сфере цифровизации, предусматривается законодательством большинства государств – членов ЕАЭС. В частности, об этом свидетельствуют: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.01.2019 № 65 «О порядке проведения правового мониторинга», Приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 11.07.2023 № 471 «Об утверждении Правил правового мониторинга», Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [7], постановления Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» [8], от 03.12.2020 № 2011 «Об утверждении Правил мониторинга экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, оценки эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, общественного обсуждения вопросов эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций» [9] и ряд иных правовых актов. Так, согласно приведенному Указу мониторинг правоприменения представляет комплексную и плановую работу по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов Российской Федерации. Для сравнения, например, в Армении отсутствует единая для всех субъектов нормотворческого процесса методика осуществления правового мониторинга. В стране действует национальная стратегия развития цифровых услуг до 2025 года, которая включает развитие электронных государственных услуг и кибер-безопасности. Однако это не означает, что мониторинговые исследования в правовой и в цифровой сфере в данном государстве не проводятся. В данном государстве накоплен значительный научный потенциал в осуществлении такого мониторинга [10].

Ключевым документом, закрепляющим важность цифровизации для экономического развития государств ЕАЭС, является Цифровая повестка ЕАЭС до 2025 года [11], которая сформулировала приоритеты и принципы становления цифрового ЕАЭС-пространства. К приоритетам можно отнести разработку и гармонизацию массива нормативно-правовых актов стран ЕАЭС в ИТ-области; внедрение электронного товарооборота; применение цифровых технологий в сфере взаимодействия между институтами «государственной власти» [12], хозяйствующими субъектами и физическими лицами»; разработку и реализацию двухсторонних и многосторонних общих проектов цифровой трансформации государств ЕАЭС др. [13]. К принципам относятся: «принцип универсальности» (доступность цифровых сервисов для всех государств-членов ЕАЭС); «принцип создания современной цифровой инфраструктуры», «принцип сохранения суверенитета государств-членов», «принцип интероперабельности» [14], «принцип использования международных стандартов» в цифровой среде, «принцип поэтапного пилотирования» элементов ИТ-инфраструктуры и базовых сервисов цифровой экосистемы [15].

Формирование единого цифрового пространства в рамках ЕАЭС подразумевает последовательную практическую реализацию стратегий, заложенных в «Цифровой повестке», а именно: выработку и следование общей политике в цифровой сфере; укрепление институтов цифровой интеграции; построение общей цифровой инфраструктуры (платформы); разработку и внедрение «отраслевой, межотраслевой и правительственной трансформации»; создание системы управления и финансирования (инвестиционный фонд) в ИТ-сфере; гармонизацию юридических основ цифровой трансформации; разработку и совершенствование «систем трансграничных телекоммуникаций, кибербезопасности, электронной идентификации, логистики» и др. [16]. Особое внимание уделяется формированию цифровой грамотности, развитие которой возможно путем разработки специальных образовательных программ, направленных на повышение цифровых навыков, обеспечения поддержки формирования и реализации цифровых платформ.

Наряду с Цифровой повесткой в рамках эффективного использования цифровых ресурсов ЕАЭС дополнительную актуальность приобретает единая стратегия по созданию интегрированной информационной системы [17] (ИИС) ЕАЭС, целями которой являются обеспечение обмена разного рода данными между участниками ЕАЭС, в том числе организационные меры

электронного документооборота, направленного на формирование общности процессов в рамках ЕАЭС по выстраиванию единого трансграничного цифрового пространства [18].

Цифровая экономика государств-членов Союза создается и структурируется в форме электронных публичных и частных отношений субъектов, являющихся как уполномоченными органами государств, так и предпринимательскими сегментами в ЕАЭС.

Единое цифровое пространство ЕАЭС объединяет в себе не только национальные цифровые системы и решения, но также и частные, основное направление деятельности которых реализуется в развитии возможностей граждан в области получения товаров и услуг. Для бизнес-сообщества появляется возможность в более прозрачном заключении сделок, перевозке продукции, оформлении таможенных документов, что безусловно влечет за собой активное развитие международной торговли и экономического сотрудничества как со странами Союза, так и с партнерами ЕАЭС.

В контексте влияния евразийской цифровизации на рынок товаров, услуг и капитала, будет справедливым отметить, что цифровизация в интеграционных объединениях становится локомотивом развития различных отраслей экономики. Крупные корпорации расширяют сферы своего влияния, увеличивают число как потребителей, так и производителей, накапливают данные о них и новых процессах, что в дальнейшем способно формировать критерии последующего развития структуры не крупных экономик стран объединения.

С позиций наднационального органа управления, Евразийской экономической комиссии, цифровизация играет одну из ключевых ролей не только в развитии законодательных и экономических процессов, но также и в гуманитарных аспектах интеграции, позволяя формировать новые возможности сотрудничества благодаря созданию сетевой инфраструктуры, являющейся основой цифрового пространства стран ЕАЭС [19]. В свою очередь отсутствие единой политики в области цифровизации может привести к замедлению социально-экономического развития стран ЕАЭС.

Важнейшим элементом цифровизации ЕАЭС является формирование цифровой платформы. Данная платформа способна объединить государства ЕАЭС в единую информационную среду, что позволит снизить транзакционные затраты.

На темпы цифрового перехода негативно влияют различный уровень экономического развития и цифровой зрелости государств-членов ЕАЭС, низкий уровень взаиморасчетов в национальных валютах (не более 2-3%), их высокая

волатильность, неразвитость внутренних рынков цифровых технологий, малое число цифровых стартапов и высокотехнологичных МСП, а также высокая степень опасений среди населения в потери работы из-за возможной автоматизации рабочих мест. Проблемы, неизбежно возникающие в связи с глубоким изменением рынка труда в условиях цифровой революции, требуют быстрых и скоординированных действий государств по модернизации систем образования, организации доступа высвобождающейся рабочей силы к новым компетенциям, профилактике потенциальных всплесков безработицы. Однако возможности эффективного решения этих задач в рамках ЕАЭС на текущий момент ограничены, в том числе, из-за сохраняющегося символического объема ресурсов Евразийского фонда стабилизации и развития (чуть более 8,5 млрд долларов США, что примерно в 70 раз меньше ресурсов Европейского стабилизационного механизма).

Цифровая трансформация, реализуемая в рамках ЕАЭС не свободна от отдельных проблем и рисков. Одной из ключевых проблем является отсутствие положений Цифровой повестки в содержании Договора о создании ЕАЭС, что затрудняет официальную координацию и правовое регулирование в данной сфере. Председатель Правительства РФ России М.В. Мишустин 4 декабря 2022 г. в контексте включения сферы цифровизации в Договор о ЕАЭС заявил о необходимости признания свободы движения информации пятой свободой наряду с движением товаров, услуг, капитала и рабочей силы [20]. Россия заинтересована в расширении сферы сотрудничества в рамках ЕАЭС и признании свободы движения информации как одной из основных свобод внутри союза. Наряду с этим также существует разный уровень цифрового развития в государствах-членах и недостаточная реализация положений Цифровой повестки в национальной политике многих стран, в том числе в областях, связанных с персональными данными и цифровыми финансовыми услугами. Другой проблемой является разрозненность и непоследовательность государственных подходов к реализации Цифровой повестки участников Союза, что может затруднять сотрудничество в данной области [21].

Необходимо отметить, что проблемой эффективного мониторинга развития цифровой интеграции в рамках ЕАЭС является определенный дефицит открытой сопоставимой и детальной информации о социально-экономическом развитии и цифровой экономике государств-членов. Недостаточный уровень гармонизации статистических методов государств-членов Союза ограничивает возможности объективного моделирования развития ЕАЭС, а также содержит риски поли-

тического манипулирования статистическими данными со стороны отдельных государств-членов или стран-кандидатов. Кроме того, на сегодняшний момент страны-участницы ЕАЭС пока не готовы проводить единую монетарную и фискальную политику, а значит, создание полноценного цифрового союза откладывается на неопределенную перспективу.

В сравнении с другими технологически более развитыми государствами, цифровая трансформация ЕАЭС протекает медленнее, что обусловлено уровнем технологического развития. Исследования свидетельствуют, что в последние годы темпы общеевразийской цифровой трансформации замедляются, несмотря на то, что все страны-члены ЕАЭС активно стимулируют цифровой переход на национальном уровне: развивают государственные онлайн-сервисы, расширяют электронную торговлю, наращивают ИКТ-инфраструктуру, совершенствуют правовое регулирование цифровой сферы [22]. Анализ показывает, что не во всех секторах экономик стран ЕАЭС применяются цифровые технологии. Примечательно, что на это влияет не степень доступности цифровых технологий или их отсутствие, а общая неразвитость цифровой культуры граждан стран ЕАЭС, в связи с чем развитие цифровой культуры граждан Союза остается одним из ключевых направлений экономической стратегии государств-членов ЕАЭС.

Одним из первоначальных этапов реализации стратегии цифровизации экономик стран ЕАЭС являлось принятие Таможенного кодекса ЕАЭС, в котором были закреплены основные принципы цифровизации бизнес-процессов государств, электронное декларирование перевозимой продукции, что позволило снизить затраты бизнеса на данные процессы.

После принятия Таможенного кодекса ЕАЭС и Цифровой повестки следующим шагом стало заключение торгового соглашения с Китаем, что свидетельствует о заинтересованности стран ЕАЭС, в особенности России в развитии экономического сотрудничества как с самим Китаем, так и с другими странами азиатско-тихоокеанского региона, что в контексте развития цифровизации и упрощения таможенных и иных процедур, позволит увеличить объемы взаимного торгового оборота, а также расширить дипломатические связи между ними. Цифровизация является долгосрочным процессом, требующим значительных усилий со стороны правительств, бизнес-структур и общества, и результаты ее реализации будут очевидны лишь по прошествии времени. Для достижения успеха в цифровой экономике необходимо расширение экономического и технологического

сотрудничества между участниками ЕАЭС. В данном контексте необходим анализ цифровых программ стран-участниц ЕАЭС. Так, Беларусь утвердила государственную программу развития цифровой экономики и информационного общества [23], целью которой является создание системообразующих мероприятий национального масштаба в сфере информационно-коммуникационных технологий в рамках нескольких подпрограмм.

Эффективность выбранных направлений цифровизации на 2018-2022 гг. в рамках государственной программы «Цифровой Казахстан» [24], получила последующую реализацию в Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 гг. [25]. Развитие уровня казахстанской национальной цифровой экосистемы непосредственно коррелирует с реализацией экономической политики, повышая уровень конкурентоспособности страны на мировом и региональном уровнях. Ключевая роль отводится совершенствованию цифровой культуры и компетенций граждан, формированию нормативных основ для подготовки специалистов данной сферы, модернизации существующей системы электронного и мобильного правительства.

В Кыргызстане действует Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы [26], обозначившая контуры цифровой трансформации страны. Данный программный документ дополняет и расширяет структуру цифровой трансформации, определяет структуру, систему управления и основы процесса цифровизации страны.

С помощью цифровых технологий в экономике Российской Федерации реализуется масштабный процесс преобразований, запущенный в 2014 году с принятием Стратегии [27] и Государственной программы развития информационного общества [28]. В рамках этой программы Советом при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам был разработан Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [29]. По мнению экспертов Института проблем рынка РАН, начался «осознанный курс» на масштабную цифровую трансформацию российской экономики после реализации первого этапа программы по цифровизации в 2017 году [30]. Документ закрепил основные цели, задачи и методологические принципы цифровой трансформации в Российской Федерации. В дальнейшем Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204 [31] программа была преобразована в национальную программу, а позже с целью исправления недостатков и более конкретным определением и опи-

санием ожидаемых результатов, преобразована в национальный проект. С 2019 г. в России реализуется государственный проект «Искусственный интеллект» [32].

Помимо Цифровой повестки до 2025 года члены ЕАЭС также реализуют внутригосударственные программы, направленные на цифровизацию собственных экономик. К примеру, в России значимым и успешным примером цифровизации национальной экономики является работа государственного информационного портала «Госуслуги», в рамках которого гражданин имеет возможность получения любой услуги в государственных учреждениях на единой электронной платформе, что значительно сокращает время и процедуру их получения. Согласно официальным данным Минцифры России, число пользователей портала «Госуслуг» в 2024 году за 15 лет его работы составило свыше 112 млн человек, за этот период на портале было подано более 2,3 млн заявлений о браке, 670 тыс. - о регистрации рождения ребенка, более 32 млн - на единое пособие, оформлено более 180 млн записей к врачу, почти 60 млн электронных полисов ОМС, 2,3 млн записей в 1-й класс, более 9 млн заявлений в вузы, 33 млн выписок из ЕГРН, 91,6 млн личных кабинетов избирателей, более 623 млн платежей [33].

Вместе с тем, цифровизация национальной экономики приводит не только к получению конкурентных преимуществ, но также несет значительные риски. Так, основными рисками является недостаточный контроль за цифровизацией, способный привести к потрясениям в обществе, снижению степени развития реальных общественных отношений и др. В результате чего, одним из ключевых направлений в рамках цифровизации должно стать формирование инновационных инструментов сохранения культурного наследия стран ЕАЭС для обеспечения сильного сообщества государств ЕАЭС.

Все рассмотренные выше обстоятельства позволяют сделать вывод о возможности создания основы для формирования целостного механизма правового мониторинга в ЕАЭС. Оптимальным представляется использование в ходе мониторинга информационных систем, действующих в рамках ЕАЭС. Примером может являться российская Единая автоматизированная информационная система таможенных органов. Существуют варианты взаимодействия субъектов правового мониторинга на основе модернизации и расширения функциональных возможностей существующего официального интернет-сайта ЕЭК путем создания нового сервиса. Подобные условия позволяют согласовывать характеристики инте-

грационных правовых актов, методов и критериев их анализа и оценки, способы реализации интеграционных актов, процедуры согласования деятельности органов Союза и органов государств-членов, реализовывать итоги и рекомендации мониторинга [34].

Несомненным достоинством методик механизма правового мониторинга является их универсальность, а, следовательно, возможность применения ко всем отраслям, подотраслям и институтам права соответствующего государства. Вместе с тем, необходимо констатировать наличие расхождений в инструментарии правового мониторинга на национальном и международном уровнях, что способно ограничить объективность в получении результатов в условиях создания и действия актов интеграционного объединения типа ЕАЭС. Зачастую не совпадают показатели мониторинга, объекты и субъекты его осуществления, критерии оценки реализации национальных и международных актов, действующих по одним и тем же или однородным предметам регулирования. Это значительно затрудняет сопоставительный анализ итогов мониторинга между странами.

Правовой анализ развития цифровой интеграции в рамках ЕАЭС показывает динамику в формировании единого цифрового пространства. Очевидна активность государств-членов Союза в вопросах перехода к цифровой экономике посредством совершенствования правового регулирования цифровой трансформации на национальном уровне (развиваются государственные цифровые сервисы, увеличивается доля электронного межведомственного документооборота, расширяются отрасли с внедрением ресурсов электронной торговли).

Несмотря на разнообразие существующих стратегий на национальном уровне, единые подходы к цифровой интеграции в рамках ЕАЭС окончательно не оформлены. Нередко государства-члены Союза, за исключением, возможно, России, предпочитают действовать в вопросах цифровой повестки без учета общих интеграционных целей, при одновременном политическом декларировании намерений по объединению усилий. Рамочные соглашения и акты мягкого права, национальные и региональные стратегии в сфере цифровизации в настоящее время составляют основу развития и внедрения информационных технологий в структуру Союза.

Отсутствие единых выработанных правовых подходов к регламентации отношений, возникающих на пути перехода к цифровой экономике, не позволяют своевременно принимать эффективные системные решения.

В целях совершенствования законодательства, регулирующего отношения, возникающие в связи с развитием цифровой экономики, необходимо сконцентрировать внимание на приоритетных и комплексных отраслях, таких как единое трансграничное цифровое пространство, и иных областях межгосударственного взаимодействия, связанных с проверкой и подтверждением документов, с помощью сквозных автоматизированных процессов, реализованных на пространстве ЕАЭС. Следовательно, одной из приоритетных задач ЕЭК в ближайшей перспективе становится разработка принципиально нового правового механизма, предусматривающего сокращение типовых традиционных процедур, выполняемых в рамках административных процессов. Скоординированное совершенствование действующего правового регулирования цифровой интеграции для достижения совместно поставленных целей придаст импульс для реализации как действующих, так и новых проектов. Принимая во внимание, что национальные правовые акты государств-членов ЕАЭС в качестве основной цели не ставят координацию стратегий и концепций цифрового развития с аналогичными документами партнеров по интеграции, вопросы гармонизации национальных межгосударственных информационных платформ и формирование единых требований в рамках Евразийского экономического союза остаются наиболее важными и открытыми.

Список литературы:

- [1] Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие. М., 2009.
- [2] Хабриева Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 5-26.
- [3] Павлушкин А.В., Нанба С.Б. Правовой мониторинг межгосударственных актов // Журнал российского права. 2015. № 4 (220). С. 24.
- [4] Армения и Киргизия присоединились позднее.
- [5] Дорошкевич В.А. Изучение практики правоприменения и прогнозирование последствий принятия нормативных правовых актов как инструменты совершенствования законодательства Республики Беларусь // Правовой мониторинг как средство повышения качества нормотворческой деятельности. Астана, 2007. С. 46.
- [6] Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 30.04.2019 № 6 «О создании условий для развития цифровой экосистемы торговли в Евразийском экономическом союзе»; решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14.07.2021 № 63 «О реализации проекта «Цифровое техническое регулирование в рамках Евразийского экономического союза».
- [7] Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.
- [8] Постановление Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 35. Ст. 5081.
- [9] Постановление Правительства РФ от 03.12.2020 № 2011 «Об утверждении Правил мониторинга экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, оценки эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, общественного обсуждения вопросов эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (часть IV). Ст. 8217.
- [10] Арутюнян Г.Г. Конституционный мониторинг. Ереван, 2016.
- [11] Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 15.09.2017 № 82 «О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org> (дата обращения: 23.03.2025).
- [12] Цифровая повестка ЕАЭС 2016-2019-2025 / Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). М., 2019. С. 74–83. http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/digital_agenda_eaeu.pdf (дата обращения: 02.03.2025).
- [13] Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации. Обзор // Группа Всемирного банка; Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). С. 1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Обзор%20ВБ.pdf> (дата обращения: 02.03.2025).
- [14] Функциональная совместимость (от англ. interoperability) – в данном контексте способность социально-экономических систем участников ЕАЭС к эффективному взаимодействию и сотрудничеству.
- [15] Реализацию проектов и инициатив в рамках цифровой повестки ЕАЭС обсудили на форуме «Digital Almaty 2021» / Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). – 10.02.2021. – <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-02-2021-2.aspx> (дата обращения: 02.03.2025).
- [16] Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и

рекомендации. Обзор // Группа Всемирного банка; Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). – С. 15, 18. – <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Обзор%20ББ.pdf> (дата обращения: 02.03.2025).

[17] Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 22.08.2017 № 100 «Об утверждении Стратегии развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на период до 2025 года» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://eaeunion.org/> (дата обращения: 23.03.2025).

[18] Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 08.08.2019 № 76 «О проекте решения Евразийского межправительственного совета «О Концепции трансграничного информационного взаимодействия» официальный сайт Евразийского экономического союза <http://eaeunion.org/> (дата обращения: 23.03.2025).

[19] Цифровая трансформация как главный фактор развития ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/tsifrovaya-transformatsiya-kak-glavnyy-faktor-razvitiya-eaes/?ysclid=lxlg-9g4gu6865644> (дата обращения: 02.03.2025).

[20] Мишустин предложил внедрить в ЕАЭС свободу движения информации // Парламентская газета. 2022. 4 декабря. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/mishustin-predlozhit-vnedrit-v-eaes-svobodu-dvi-zheniya-informacii.html>. (дата обращения: 04.03.2025).

[21] Решение № 82 Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года».

[22] Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств-членов Евразийского экономического союза и мерах, принятых государствами-членами в области макроэкономической политики. Годовой доклад за 2020 год. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021.

[23] Постановление Совета Министров Республики Беларусь 23.03.2016 № 235. «Об утверждении программы развития цифровой экономики и информационного общества». [Электронный ресурс]. – URL: <https://nces.by/wp-content/uploads/psm235.pdf?ysclid=lit56j8vae815060817>

[24] О внесении изменений и дополнений в постановление Правительства Республики Казахстан от 12.12.2017 № 827 «Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан» (документ утратил силу). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000949#z0>

[25] Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 269. «Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023 - 2029 годы. [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269>

[26] Указ Президента Кыргызской республики от 31.10.2018 УП № 221 «О Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы». [Электронный ресурс]. –URL: <http://www.stat.kg/ru/ukaz-prezidenta-kyrgyzskoj-respubliki-o-nacionalnoj-strategii-razvitiya-kyrgyzskoj-respubliki-na-2018-2040-gody/>

[27] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства РФ. № 20. Ст. 2901.

[28] Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть II). Ст. 2159.

[29] Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // <https://digital.gov.ru>

[30] Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утратило силу) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

[31] Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

[32] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[33] Число пользователей портала Госуслуг достигло 112 млн. [Электронный ресурс]. –URL: <https://www.interfax.ru/russia/997759>

[34] Лукьянова В.Ю., Павлушкин А.В. Новые юридические технологии в государствах — участниках Евразийского экономического союза // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 62.

Spisok literatury:

- [1] Legal monitoring: scientific-practical. allowance. M., 2009.
- [2] Khabrieva T.Ya. Economic and Legal Analysis: Methodological Approach//Journal of Russian Law. 2010. № 12. S. 5-26.
- [3] Pavlushkin A.V., Nanba S.B. Legal monitoring of interstate acts//Journal of Russian Law. 2015. №. 4 (220). P. 24.
- [4] Armenia and Kyrgyzstan joined later.
- [5] V.A. Doroshkevich. Studying the practice of law enforcement and predicting the consequences of the adoption of regulatory legal acts as tools for improving the legislation of the Republic of Belarus// Legal monitoring as a means of improving the quality of normative activities. Astana, 2007. S. 46.
- [6] Order of the Eurasian Intergovernmental Council of 30.04.2019 No. 6 "On creating conditions for the development of a digital ecosystem of trade in the Eurasian Economic Union"; Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of 14.07.2021 No. 63 "On the implementation of the project" Digital technical regulation within the framework of the Eurasian Economic Union. "
- [7] Decree of the President of the Russian Federation of 20.05.2011 No. 657 "On Monitoring Law Enforcement in the Russian Federation" //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 21. Art. 2930.
- [8] Decree of the Government of the Russian Federation of 19.08.2011 No. 694 "On Approval of the Methodology for Monitoring Law Enforcement in the Russian Federation" //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 35. Art. 5081.
- [9] Decree of the Government of the Russian Federation of 03.12.2020 No. 2011 "On approval of the Rules for monitoring the experimental legal regime in the field of digital innovations, assessing the effectiveness and effectiveness of the implementation of the experimental legal regime in the field of digital innovations, public discussion of the effectiveness and effectiveness of the implementation of the experimental legal regime in the field of digital innovations" //Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 50 (part IV). Art. 8217.
- [10] Harutyunyan G.G. Constitutional monitoring. Yerevan, 2016.
- [11] Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of 15.09.2017 No. 82 "On the draft decision of the Supreme Eurasian Economic Council" On the Main Directions for the Implementation of the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union until 2025 " //Official website of the Eurasian Economic Union <http://www.eaeunion.org> (date of appeal: 23.03.2025).
- [12] EAEU Digital Agenda 2016-2019-2025/ Eurasian Economic Commission (EEC). M., 2019. S. 74-83. http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/digital_agenda_eaeu.pdf (accessed on: 02.03.2025).
- [13] Eurasian Economic Union Digital Agenda 2025: Perspectives and Recommendations. Overview//World Bank Group; Eurasian Economic Commission (EEC). S. 1. [Electronic resource]. - URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Browse%20VB.pdf> (Accessed on: 02.03.2025).
- [14] Interoperability - in this context, the ability of the socio-economic systems of the EAEU participants to effectively interact and cooperate.
- [15] The implementation of projects and initiatives within the framework of the EAEU digital agenda was discussed at the Digital Almaty 2021 forum/ Eurasian Economic Commission (EEC). - 10.02.2021. - <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-02-2021-2.aspx> (accessed on: 02.03.2025).
- [16] Eurasian Economic Union Digital Agenda 2025: Perspectives and Recommendations. Overview//World Bank Group; Eurasian Economic Commission (EEC). - S. 15, 18. - <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/%20VB.pdf> Review (Accessed On 02.03.2025).
- [17] Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of 22.08.2017 No. 100 "On approval of the Strategy for the development of the integrated information system of the Eurasian Economic Union for the period up to 2025" //Official website of the Eurasian Economic Union of <http://eaeunion.org/> (date of reference: 23.03.2025).
- [18] Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of 08.08.2019 No. 76 "On the draft decision of the Eurasian Intergovernmental Council" On the Concept of cross-border information interaction "official website of the Eurasian Economic Union <http://eaeunion.org/> (date of appeal: 23.03.2025).
- [19] Digital transformation as the main factor in the development of the EAEU. [Electronic resource]. - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/tsifrovaya-transformatsiya-kak-glavnyy-faktor-razvitiya-eaes/?ysclid=lxlg-9g4gu6865644> (дата обращения: 02.03.2025).
- [20] Mishustin proposed to introduce freedom of movement of information in the EAEU//Parlament-skaya Gazeta. 2022. Dec. 4. [Electronic resource]. - URL: <https://www.pnp.ru/politics/mishustin-predlozhit-vnedrit-v-eaes-svobodu-dvi-zheniya-informacii.html>. (accessed on: 04.03.2025).
- [21] Decision No. 82 of the Council of the Eurasian Economic Commission "On the draft decision of

the Supreme Eurasian Economic Council" On the Main Directions for the Implementation of the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union until 2025. "

[22] On the results and prospects of socio-economic development of the member states of the Eurasian Economic Union and measures taken by the member states in the field of macroeconomic policy. Annual Report 2020. M.: Eurasian Economic Commission, 2021.

[23] Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus 23.03.2016 No. 235. "On approval of the program for the development of the digital economy and information society." [Electronic resource]. – URL: <https://nces.by/wp-content/uploads/psm235.pdf?ysclid=lit56j8vae815060817>

[24] On amendments and additions to the Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated 12.12.2017 No. 827 "On approval of the State Program" Digital Kazakhstan "(the document has expired). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000949#z0>

[25] Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated March 28, 2023 No. 269. "On the approval of the Concept of digital transformation, the development of the industry of information and communication technologies and cybersecurity for 2023 - 2029. [Electronic resource]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P23000000269>

[26] Decree of the President of the Kyrgyz Republic of 31.10.2018 UP No. 221 "On the National Development Strategy of the Kyrgyz Republic for 2018-2040." [Electronic resource]. –URL: <http://www.stat.kg/ru/ukaz-prezidenta-kyrgyzskoj-respubliki-o-nacionalnoj-strategii-razvitiya-kyrgyzskoj-respubliki-na-2018-2040-gody/>

[27] Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the

Russian Federation for 2017-2030 " //Collection of Legislation of the Russian Federation. № 20. Art. 2901.

[28] Decree of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 No. 313 "On approval of the state program of the Russian Federation" Information Society " //Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. No. 18 (part II). Art. 2159.

[29] Passport of the national project "National Program" Digital Economy of the Russian Federation "(approved by Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, protocol of 04.06.2019 No. 7)// <https://digital.gov.ru>

[30] Order of the Government of the Russian Federation of 28.07.2017 No. 1632-r "On Approval of the Digital Economy of the Russian Federation Program" (expired)//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. № 32. Art. 5138.

[31] Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204 "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024 " //Collection of legislation of the Russian Federation. 2018. № 20. Art. 2817.

[32] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030")//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 41. Art. 5700.

[33] The number of users of the State Services portal has reached 112 million. [Electronic resource]. –URL: <https://www.interfax.ru/russia/997759>

[34] Lukyanova V.Yu., Pavlushkin A.V. New legal technologies in the member states of the Eurasian Economic Union //Journal of foreign legislation and comparative law. 2019. № 5. S. 62.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЛАРИЧЕВ Вячеслав Павлович,
аспирант кафедры
конституционного и международного права,
Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России),
ведущий специалист, ГКУ «Соцказначейство Москвы»,
e-mail: larichev.slava@mail.ru

Научный руководитель:
ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и международного права
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации избирательного процесса в Российской Федерации под влиянием цифровизации и интернетификации. Данная статья призвана обобщить и систематизировать накопленные ранее российскими и зарубежными исследователями и экспертами знания, а также заполнить существующий на сегодняшний день пробел, заключающийся в отсутствии комплексного подхода к анализу эволюции онлайн-голосования в России, включающего в себя как вопросы нормативно-правового регулирования, так и использования технологических решений для обеспечения эффективной и безопасной работы системы дистанционного электронного голосования. В статье представлен подобный хронологический политико-правовой анализ развития онлайн-голосования в России, обозначены основные риски и угрозы, связанные с цифровизацией и интернетификацией избирательного процесса, для граждан и государства, а также существующие на сегодняшний день технологические решения, позволяющие их нивелировать, являются способом легитимизации власти, поэтому необходимо создавать условия для максимального привлечения граждан к голосованию. В условиях кардинальных технологических преобразований электоральная сфера подвержена трансформациям, которые соотносятся с инновационными изменениями в государственном управлении, коммуникации, повседневных практиках. Цифровизация способствовала проникновению соответствующих технологий в выборный процесс, результатом которого стала возможность проведения дистанционного электронного голосования. Автор делает вывод о необходимости дальнейшей модернизации российской законодательной базы для дистанционного электронного голосования ДЭГ, а также о значимости комплексного и системного подхода к развитию онлайн-голосования в совокупности с готовностью органов государственной власти оперативно реагировать на происходящие изменения и преодолевать сопутствующие риски и угрозы, привлекая для решения этих задач научное и экспертное сообщество. Практическая значимость данного исследования состоит в возможности его использования органами государственной власти и лицами, принимающими решения, ответственными за развитие онлайн-голосования в России, с целью дальнейшего усовершенствования его технической и законодательной базы, а также научным сообществом и гражданами, желающими расширить свои знания о технологии дистанционного электронного голосования и регламентирующих его законах.

Ключевые слова: выборы, цифровизация, избирательное право, онлайн-голосование, дистанционное электронное голосование, кибербезопасность.

LARICHEV Vyacheslav Pavlovich,
graduate student of the Department
of Constitutional and International Law,
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
leading specialist,
GKU "Social Treasury of Moscow"

Scientific supervisor:
GRUDTSYNA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor,
Professor, Department of Constitutional and International Law
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

TRANSFORMATION OF THE ELECTORAL PROCESS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article analyzes the changes taking place in the electoral process in the Russian Federation under the influence of digitalization and internetization. The purpose of the study is to summarize and systematize the knowledge accumulated by Russian and foreign scientists and experts in the field, as well as to fill the existing gap in the study of the evolution of online voting in Russia. The article discusses the issues of regulatory regulation and the use of technological solutions to ensure the effectiveness and security of the remote electronic voting system. The article presents an analysis of the development of online voting in Russia, as well as identifies the main risks and threats associated with the digitalization of the electoral process. The current technological solutions aimed at reducing these risks are considered. Digitalization of the electoral sphere is one of the ways to legitimize power, therefore it is necessary to create conditions for maximum involvement of citizens in voting. In the context of technological transformations, the electoral sphere is undergoing transformations that are associated with innovative changes in public administration, communication and everyday practices. Digitalization has facilitated the introduction of appropriate technologies into the electoral process, which has made it possible to conduct remote electronic voting. The author comes to the conclusion that it is necessary to further modernize the legislative framework of the Russian Federation in the field of remote electronic voting (DEG). It is also noted the importance of an integrated and systematic approach to the development of online voting, which should be accompanied by the willingness of public authorities to respond promptly to changes and overcome the associated risks and threats. It is proposed to involve scientific and expert communities to solve these problems. The practical significance of this research lies in the possibility of its use by government authorities and decision makers responsible for the development of online voting in Russia to further improve its technical and legislative framework. The results of the study may also be useful for the scientific community and citizens wishing to expand their knowledge of remote electronic voting technology and relevant laws.

Key words: elections, digitalization, electoral law, electronic voting, remote electronic voting, cybersecurity.

Электронные выборы выступают важнейшим институциональным выражением электронной демократии, ее атрибутивным элементом, преобразующим электоральную демократию в демократию электронную.

Под электронными выборами понимается использование цифровых технологий в избирательном процессе, в механизмах формирования выборных органов и должностных лиц публичной

власти путем непосредственного волеизъявления избирателей.

Электронные выборы при этом мыслятся в двух организационно-правовых измерениях: 1) совокупность избирательных действий, целиком формируемых цифровыми технологиями (электронные выборы в чистом виде); 2) использование в электоральных процессах интерактивных составляющих наряду с традиционными избирательными процедурами.

Справедливо отмечается, что дистанционное электронное голосование привносит изменения во все стадии избирательного процесса, участниками которого являются и кандидаты, и политические партии, и наблюдатели, и члены избирательных комиссий [5, с. 98].

Вместе с тем электронное голосование как особый сегмент электронной демократии выступает центральным элементом электронных выборов, материализующим электоральную волю, придает выборам электронный характер. Использование цифровых технологий в иных фазах избирательного процесса не превращает выборы в электронные, но лишь свидетельствует о цифровом наполнении избирательных действий. Как указывает П.А. Астафичев, «голосование – главная стадия избирательного процесса; голосование есть выборы в узком смысле» [1, с. 16].

Электронное голосование осуществляется посредством электронного бюллетеня, изготовленного в единой унифицированной форме. Согласно Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» установлено, что электронное голосование есть голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием технического средства.

Определение дистанционного электронного голосования (ДЭГ) приводится в Федеральном законе № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которому дистанционное электронное голосование – это голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения.

Дистанционное электронное голосование реализуется с помощью Интернета и обозначается как интернет-голосование (онлайн-голосование). Но в последние годы развивается альтернативный формат – голосование при помощи мобильных устройств с соответствующей операционной системой, с использованием специализированного мобильного приложения и соответствующих биометрических данных избирателя, что минимизирует возможность внешнего контроля за волеизъявлением избирателя. Преимуществами электронного голосования в сравнении с традиционным являются его мобильность, простота, экономичность, массовая доступность.

Конституционный Суд Российской Федерации в отношении дистанционного электронного голосования отметил, что нацеленное на достижение всеобщности избирательного права разум-

ное увеличение доступных видов электоральных практик способствует росту числа граждан, принявших участие в голосовании, повышению гражданской активности.

Несомненным плюсом электронного голосования, повышающим легитимность выборов, является минимизация риска внешнего вмешательства в электоральные процессы, влияния субъективного фактора на результаты выборов. В этом смысле цифровизация электоральной демократии служит своего рода локомотивом развития технологических основ политических процессов и социальных коммуникаций» [2, с. 29].

Дистанционное электронное голосование в Российской Федерации используется сравнительно недавно, но имеет стойкую тенденцию роста.

Первоначально электронные выборы проводились в масштабе отдельных субъектов Федерации в качестве экспериментальных, послуживших эмпирической основой организации электронного голосования в стране. Технология дистанционное электронное голосование была задействована в ходе выборов депутатов Государственной Думы Российской Федерации VIII созыва, а также при формировании региональных и муниципальных органов власти, прошедших в единый день голосования 19 сентября 2021 г., на которых в семи субъектах РФ была доступна возможность дистанционного электронного голосования. Поэтапное расширение использования ДЭГ на территории нашей страны привело к тому, что в 2024 году, на выборах Президента РФ, ЦИК России приняла решение о применении данной технологии ДЭГ в 29 регионах.

Дистанционное электронное голосование представляет собой форму голосования, осуществляемую без применения бумажного избирательного бюллетеня, с использованием специализированного программного обеспечения, размещенного на программно-техническом комплексе. Избирателю предоставляется доступ к данному portalу через Интернет.

Процедура дистанционного электронного голосования обеспечивала реализацию избирателем волеизъявления, а также формирование данных об итогах голосования при сохранении неизменности результатов и соблюдения тайны голосования.

Для участия в процедуре голосования избиратель должен пройти идентификацию и аутентификацию через специализированный интернет-портал. В случае успешного подтверждения личности ему предоставляется доступ к системе, а также возможность ознакомиться с условиями проведения голосования.

Информация о результатах голосования передавалась в избирательную комиссию через каналы информационно-телекоммуникационной сети ГАС «Выборы».

Законодательство содержало гарантии достоверности голосования и его результатов. В случае выявления нарушений в процессе дистанционного электронного голосования, которые препятствовали установлению результатов волеизъявления его участников, территориальная избирательная комиссия могла признать итоги голосования недействительными. Соответствующая информация вносилась в протокол избирательной комиссии.

Практика экспериментальных выборов в России была учтена и обобщена законодателем в изменениях к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», дополненному Федеральным законом от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ статьей 64.1, допускающей проведение дистанционного электронного голосования на всех уровнях выборов и референдума в Российской Федерации на постоянной основе.

Действующее избирательное законодательство России в части регламентации электронных выборов (дистанционного электронного голосования) основывается на определенных принципах, характеризующих дистанционное электронное голосование как технологический механизм выражения и удостоверения народного волеизъявления, вытекающих из основополагающих концептуальных начал избирательного права и избирательного процесса в России.

Электронная избирательная система в Российской Федерации включает в себя следующие электоральные показатели.

Альтернативность электронного голосования предполагает возможность выбора избирателем способа голосования: традиционного или электронного, с использованием избирательного бюллетеня на бумажном или электронном носителе. Дистанционное электронное голосование позиционируется как альтернативное традиционному (бумажному), проводимое по решению соответствующей избирательной комиссии.

Всеобщность электронных выборов (всеобщее избирательное право) предполагает реальное участие в голосовании подавляющего большинства избирателей.

Участвовать в дистанционном электронном голосовании имеет право гражданин Российской Федерации, обладающий активным избирательным правом на выборах в федеральные органы государственной власти, органы государственной

власти субъекта Российской Федерации, органы публичной власти федеральной территории, органы местного самоуправления, при условии регистрации в федеральной государственной информационной системе ЕПГУ.

Для реализации своего права на участие в ДЭГ избиратель использует специализированный интернет-портал

Для участия в дистанционном электронном голосовании избиратель обращается на специальный портал в Интернете (в том числе через соответствующее мобильное приложение), определенный в порядке дистанционного электронного голосования. Далее необходимо пройти процедуру аутентификации и идентификации для подтверждения своей личности как носителя активного избирательного права, после чего получает доступ к голосованию.

Принцип всеобщего избирательного права подразумевает, что электронное голосование должно быть технически доступно каждому избирателю, его интерфейс и система электронного голосования должны быть понятны и просты в использовании. Кроме того, электронное голосование обязано учитывать потребности людей с ограниченными возможностями. Всеобщность выборов характеризуется полнотой не только активного, но и пассивного избирательного права, имеющего в том числе электронное выражение.

К принципам электронных выборов относится свобода волеизъявления, исключающая возможность неправомерного влияния на волю избирателя через систему электронного голосования. Программное составляющее системы электронного голосования обеспечивает защиту от манипуляций в отношении избирателя в процессе голосования.

Дистанционные выборы имеют надежное техническое сопровождение, включающее оборудование, программное обеспечение и процедуры, позволяющие гражданам реализовать свое избирательное право в электронном формате.

Техническая поддержка выборов осуществляется с применением ГАС «Выборы», а также других государственных информационных систем, включая региональные, прошедших необходимую сертификацию и соответствующие установленным ЦИК России требованиям к дистанционному электронному голосованию.

При проведении выборов в федеральные органы государственной власти возможно использование как федеральных, так и региональных информационных систем, сертифицированных и соответствующих стандартам к защите для проведения дистанционного электронного голосования.

Механизм электронных выборов обеспечивает тайну голосования, исключающую внешний

контроль за волеизъявлением избирателей. Информация об избирателях и голосах остается нераскрытой до начала подсчета голосов.

Законодательство содержит гарантии конфиденциальности голосования, предусматривая процедуру анонимизации, которая с помощью программно-технических механизмов исключает возможность установления личности избирателя с результатом его волеизъявления.

Следует отметить, что при выборах депутатов Государственной Думы восьмого созыва Центральной избирательной комиссией РФ в целях обеспечения тайны голосования применялась многоступенчатая система защиты заполненных бюллетеней.

В процессе дистанционного электронного голосования обеспечивается возможность свободного волеизъявления избирателя и формирования итоговых данных при соблюдении неизменности зафиксированных результатов голосования и тайны голосования.

Результаты анонимного голосования немедленно шифруются и сохраняются в зашифрованном виде в цепочке блоков соответствующей базы.

Шифрование происходит с применением специального ключа, при этом расшифровка с его использованием невозможна. Доступ к результатам голосования предоставляется только после завершения процедуры голосования с помощью отдельного ключа расшифрования.

Использование ГАС «Выборы» и других государственных информационных систем, а также их взаимодействие в рамках обработки персональных данных участников выборов и референдума осуществляется исключительно в целях реализации их избирательных прав и права на участие в референдуме.

Дистанционное электронное голосование реализуется с соблюдением принципа равного избирательного права, предполагающего равенство голосов избирателей, наличие единственного голоса, невозможность повторного голосования на выборах одного уровня. С этой целью избирателем подается одно заявление ДЭГ по всем выборам, на которых он обладает активным избирательным правом.

Программное обеспечение ДЭГ в принципе исключает повторное голосование, которое не допускается. Требование единственного голоса поддерживается невозможностью совмещения электронного голосования с традиционным. Получив доступ к ДЭГ, избиратель утрачивает право на получение бумажного бюллетеня на избирательном участке. Как только избиратель осуществил свое волеизъявление через систему ДЭГ, изменение волеизъявления (повторное волеизъявление) не допускается.

Требование равного избирательного права обеспечивается нормативным предписанием, согласно которому избиратель, включенный в список участников ДЭГ, автоматически исключается из списка избирателей на соответствующем избирательном участке.

Электронные выборы основываются на принципе гласности, предполагающем прозрачность избирательных действий, доступных внешнему аудиту.

Список участников дистанционного голосования является открытым, с ним вправе знакомиться члены избирательных комиссий и наблюдатели за дистанционным электронным голосованием. Неявка избирателя в день выборов дает возможность бесконтрольного добавления неопределенного круга аккаунтов портала «Госуслуги» в список участников ДЭГ со стороны администраторов системы. Это требует внедрения в избирательный процесс инструментария удостоверения личной подачи заявления избирателем, установления правила, что к подаче заявлений и дистанционному голосованию допускаются избиратели, у которых к учетным записям привязан номер оформленного на них мобильного телефона.

Система ДЭГ не обеспечивает эффективной возможности контроля со стороны членов избирательных комиссий и наблюдателей за корректностью проверки системой наличия у избирателей активного избирательного права, что требует внедрения надежных механизмов контроля за корректностью проверки системой наличия у избирателей активного избирательного права на конкретных выборах.

Так как СМС-код не обеспечивает заявленного подтверждения личности, вместо него необходимо внедрить более надежные инструменты, например электронную цифровую подпись на физическом носителе информации (токен, электронный паспорт гражданина России).

Анализ действующего избирательного законодательства Российской Федерации позволяет утверждать, что электронные выборы, включающие дистанционное электронное голосование, в целом соответствуют общим принципам избирательного права и избирательной системы в Российской Федерации.

Электронное голосование стало неотъемлемым и незаменимым атрибутом электронной демократии в России, обеспечивающим полноту избирательных прав граждан, обладая организационными качествами безопасности, мобильности, доступности, достоверности, технической оснащенности, открытости для независимой проверки.

Справедливо отмечается, что электронное голосование является перспективной сферой

избирательного процесса, способной при должной и объективно оправданной реализации, разумном использовании новейших технологий обеспечить качественно иную организацию голосования, отличающуюся принципиально новым уровнем удобства, точности, скорости и безопасности [4, с. 47].

Дистанционное электронное голосование при этом позиционируется как альтернативное традиционному (бумажному), равноценное ему по результатам волеизъявления, с предоставлением избирателю права свободного выбора между голосованием посредством электронного избирательного бюллетеня и избирательного бюллетеня на бумажном носителе, организационно совместимых. Согласно позиции Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, внедрение новых технологий ни в коем случае не отменяет традиционные избирательные процедуры, а лишь гармоничным образом дополняет их, делает более удобными для избирателей [3, с. 47]. При техническом отсутствии доступа к каналам электронного голосования электронные выборы должны являться лишь факультативным способом волеизъявления.

Электронное голосование, несмотря на высокую степень технологической защиты, не исключает риски неправомерного воздействия на операционную среду, состоящие в возможности искажения передаваемой через систему ДЭГ информации.

С целью минимизации подобных рисков можно было бы предложить введение в состав территориальной избирательной комиссии члена комиссии – ответственного за электронное голосование на правах заместителя комиссии, отвечающего за надежность и безопасность системы электронного голосования, в обязанности которого входили бы: оценка корректности функционирования электронного голосования и эффективности примененных мер ее защиты; проверка соответствия установленным требованиям технической спецификации; контроль за деятельностью операторов системы электронного голосования, юридически безответственных.

Электронные выборы стали неотъемлемым и незаменимым выражением электронной демо-

кратии в России, способствующим реализации избирательных прав граждан. Учитывая масштабы и тенденции электронного голосования в Российской Федерации, демонстрирующего качественно новый уровень открытости и доступности избирательных процедур, следует распространить электронное голосование на все уровни выборов в органы публичной власти в Российской Федерации (а также референдума), сделав дистанционное электронное голосование универсальным способом волеизъявления избирателей.

Список литературы:

- [1] Астафичев П.А. Институт народного представительства в современной России. Орел, 2003.
- [2] Лопатин А.И. Цифровизация избирательного процесса: опыт и перспективы // Избирательное законодательство и практика. 2022. № 1.
- [3] Мазуревский К.С. Реализация избирательных прав: современные тенденции // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7.
- [4] Матренина К.Ю. Проблемы сопровождения электронного голосования на выборах: российский и зарубежный опыт // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 1.
- [5] Трушалова Т.О. Право гражданина на участие в дистанционном электронном голосовании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12.

Spisok literatury:

- [1] Astafichev P.A. Institute of National Representation in Modern Russia. Eagle, 2003.
- [2] Lopatin A.I. Digitalization of the electoral process: experience and prospects//Electoral legislation and practice. 2022. № 1.
- [3] Mazurevsky K.S. Realization of electoral rights: modern trends//Constitutional and municipal law. 2022. № 7.
- [4] Matrenina K.Yu. Problems of accompanying electronic voting in elections: Russian and foreign experience//Constitutional and municipal law. 2016. № 1.
- [5] Trunalova T.O. Citizen's right to participate in remote electronic voting//Constitutional and municipal law. 2022. № 12.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-134-137

ВОЛКОВ Олег Евгеньевич,
аспирант

ВУЗ: ЮИ СФУ (Юридический институт
Сибирского Федерального Университета),
e-mail: o.e.volkoff@gmail.com

ПРОБЛЕМА ПОЛНОМОЧИЙ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИЙ В ОБЩЕЙ СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ РФ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме полномочий Совета Федерации в общей структуре власти РФ. После распада Советского Союза и многочисленных поправок конституции российская система руководства сформировала уникальную структуру власти и механизм ее действия. В данном исследовании система руководства России подробно проанализирована с точки зрения разделения властей, а также рассмотрена политическая логика и исторические предпосылки деятельности Совета Федерации. Совет Федерации Российской Федерации - это верхняя палата российского парламента, провел свое первое заседание в январе 1994 года. За месяц до этого, 12 декабря 1993 года, российские граждане приняли на референдуме новую конституцию России, которая действует и по сей день. Конституция определяет основные задачи, права и обязанности органов государственной власти России. Совет Федерации является важным институтом среди органов государственной власти. Тем не менее, существует ряд проблем, связанных с ограничением полномочий Совета Федерации.

Ключевые слова: полномочия, Совет Федерации, разделение властей, президент, ограничения.

VOLKOV Oleg E.,
PhD student
UNIVERSITY: YUI SFU (Law Institute
Siberian Federal University)

THE PROBLEM OF THE POWERS OF THE FEDERATION COUNCIL IN THE GENERAL STRUCTURE OF GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article is devoted to the current problem of the powers of the Federation Council in the general structure of government in the Russian Federation. After the collapse of the Soviet Union and numerous amendments to the constitution, the Russian system of government formed a unique structure of power and the mechanism of its action. In this study, the system of government in Russia is analyzed in detail from the point of view of the separation of powers, and the political logic and historical background of the activities of the Federation Council are considered. The Federation Council of the Russian Federation is the upper house of the Russian parliament, held its first meeting in January 1994. A month before that, on December 12, 1993, Russian citizens adopted a new constitution of Russia in a referendum, which is still in force today. The Constitution defines the main tasks, rights and responsibilities of the bodies of state power in Russia. The Federation Council is an important institution among the bodies of state power. However, there are a number of problems associated with the limitation of the powers of the Federation Council.

Key words: powers, Federation Council, separation of powers, president, restrictions.

Введение

Федеральное Собрание состоит из Совета Федерации и Государственной Думы. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридиче-

скую силу и прямое действие, распространяется на всю территорию и должна соблюдаться всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами и

гражданами. Такая структура правительства и разделение властей обеспечивают прочную основу для политической стабильности и верховенства закона в Российской Федерации.

Основной функционал любого парламента – законотворческая деятельность. Но бикамеральная структура его обычно приводит к пассивности верхней палаты ввиду инициативы и обсуждения происходят в нижней палате парламента. Задаче верхней палаты остается реципиент инициатив, одобренных нижней палатой.

Несмотря на то, что перечень специальных полномочий Совета Федерации достаточно внушителен и соответствует общемировым стандартам, на общенациональном уровне данный орган правления должен иметь более значительный объем полномочий, прежде всего в виде усиления контрольной функции.

Данная тема актуальна, что подтверждается интересом к ней исследователей. Место Совета Федерации в системе разделения властей и перспективы совершенствования порядка его формирования рассмотрено Д.А. Дресвяниным, А.А. Миерхольд, С.А. Сайбулаевой, В.М. Сайфутдиновой. Проблемы повышения эффективности законотворческой деятельности Совета Федерации охарактеризованы Н.В. Рубель, О.Ю. Кулагиной, Г.Г. Фастович, Я.А. Якубовой.

Цель и задачи исследования

Цель статьи – теоретически изучить проблема полномочий Совета Федераций в общей структуре власти РФ.

Задачи:

1. Изучить литературу по теме исследования.
2. Охарактеризовать полномочия Совета Федерации.
3. Выявить проблемы функционирования Совета Федерации в общей структуре государственной власти РФ.

Методы исследования:

- изучение и анализ литературы по теме работы;
- систематизация;
- обобщение.

Результаты исследования

Принцип разделения властей прямо закреплен в Конституции Российской Федерации, обеспечивающей взаимную независимость и согласованную работу органов государственной власти. Разделение властей – это теория структуры государственной власти и распределения властных ресурсов. Она утверждает, что власть должна

быть разделена на три ветви, а именно законодательную, исполнительную и судебную. Такое разделение должно вести к системе, где ветви власти сдерживают и уравнивают друг друга. Система разделения властей существует во многих странах, но её реализация может весьма сильно варьироваться [10], включая не только аспект модели такой реализации, но и качественный аспект. После распада Советского Союза Российская Федерация выбрала республиканскую форму правления и попыталась реализовать разделение властей. Сейчас законодательная, судебная и исполнительная власть формально разделены, и предполагается, что они ограничивают и уравнивают друг друга [4]. Поскольку РФ обозначена в Конституции РФ как федеративное государство, в ней реализуется принцип федерализма, отражающий единство национальных особенностей Российской Федерации, состоящей из субъектов федерации. Каждый субъект федерации пользуется определенной автономией, но подчинен федеральному законодательству.

Вопрос полномочий Совета Федерации не в последнюю очередь отражается в его законодательных и контрольных функциях. Совет Федерации играет важную роль в законодательном процессе. Согласно Конституции Российской Федерации, Совет Федерации и Государственная Дума совместно принимают законы. В то время как Государственная Дума является в настоящий момент основной площадкой для правовых дискуссий по поводу законодательных инициатив и принимает федеральные законы, представляя население РФ, Совет Федерации – помимо прочего – одобряет или отклоняет законы, уже принятые Государственной Думой, представляя в чистом виде интересы субъектов РФ, по крайней мере до учреждения института федеральных сенаторов. Предполагается, что такое распределение полномочий обеспечивает прозрачность и демократичность законодательного процесса.

Законодательные компетенции Совета Федерации определяют его место в системе государственного управления в целом и законотворчества, в частности. Структура законотворческого процесса предполагает распределение между двумя палатами российского парламента функциональных ролей, в соответствии с которым Совет Федерации одобряет или отклоняет законопроект, который принят ранее нижней палатой.

Одобрение или отклонение законодательного акта регламентируется ч. 3. ст. 105 Конституции РФ. Для решения данного вопроса устанавливается срок в 14 дней (две недели), истечение которого означает автоматическое одобрение законопроекта верхней палатой (ч. 4. ст. 105 Кон-

ституции РФ). То есть, для Совета Федерации предусмотрены две формы одобрения – активная и пассивная. Пассивная форма предусматривает исключения (ст. 106 Конституции РФ) – вопросы финансового, бюджетного, налогового, монетарного, таможенного законодательства, решения вопросов о войне и мире, международных договорах и государственной границе России. Решение данных вопросов требует принятия решения Советом Федерации в активной форме [1].

Стоит отметить, что хотя принятые Госдумой законы обычно требуют рассмотрения в Совете Федерации, если они не будут рассмотрены в течение двух недель, закон может быть отправлен на подпись непосредственно президенту без дополнительного шага верхней палаты [5]. Лишь после прохождения всех стадий законодательного процесса законопроект, будучи подписанным главой государства, официально опубликованным и вступившим в силу, становится законом в подлинном смысле этого слова.

Совет Федерации наделен полномочиями преодоления президентского вето, наложенного на одобренный законопроект (ч. 3. ст. 107 Конституции РФ). Данный процесс предполагает повторное рассмотрение законопроекта двумя палатами парламента с последующим принятием и одобрением квалифицированным большинством голосов. Таким образом, парламент может преодолеть вето главы государства, наложенное на федеральный закон. Повторное рассмотрение может сопровождаться созданием специальной комиссии при участии депутации от обеих палат российского парламента (ст. 120.1 Регламента) [3].

Важно отметить различия полномочий Совета Федераций в процессе одобрения ординарного федерального закона и федерального конституционного закона. Система одобрения конституционного закона требует три четверти голосов сенаторов. Принятие федерального конституционного закона происходит при наличии двух третей голосов депутатов Государственной Думы. Таким образом, для одобрения данного нормативно-правового акта требуется большая доля голосов сенаторов, чем голосов депутатов [12].

О значимой роли Совета Федерации говорит и наличие таких полномочий, как рассмотрение закона о поправках к Конституции РФ. Данный процесс регламентирует Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» [2], в котором указано о необходимости рассмотрения поправок верхней палатой. С этой целью в структуре Совета Федерации функционирует профильный Комитет по конституционному законодательству и государственному строительству.

Обязанности Совета Федерации не ограничиваются законодательством; он также участвует в важных национальных делах, таких как утверждение изменений территориальных границ и президентских объявлений о военном положении. Кроме того, использование российских вооруженных сил за рубежом также требует решения Совета Федерации. Назначения и увольнения высших государственных кадров являются одной из обязанностей Совета Федерации. По представлению Президента верхняя палата назначает судей, высших должностных лиц Счетной палаты [7].

Совет Федерации также несет ответственность за контроль работы правительства. Он имеет право оценивать действия правительства и обеспечивать соответствие деятельности правительства положениям Конституции и законов. Этот механизм надзора помогает защитить верховенство закона и демократическую систему страны и гарантирует, что решения и действия правительства отвечают общественным интересам.

Заключение

Таким образом, роль Совета Федерации в законотворческом процессе связана с принятием и одобрением конституционных, ординарных, законов о поправках к Конституции РФ. Основная часть законотворческого функционала принадлежит Государственной Думе, Совет Федерации выступает лишь реципиентом ранее принятых нижней палатой законотворческих решений. Но при голосовании за федеральный конституционный закон Совет Федерации получает заметное первенство в законотворческом процессе в соответствии с числом необходимых голосов.

Полномочия Совета Федерации как верхней палаты парламента определяется ее участием в законотворческом процессе, в процессе формирования органов государственной власти, а также в решении общегосударственных вопросов. Анализ полномочий Совета Федерации позволяет констатировать «усеченный» характер ее роли во многих процедурах государственного управления в сравнении с Государственной Думой или Президентом Российской Федерации. В законотворческом процессе Совет Федерации во многом выступает реципиентом ранее принятых нижней палатой законотворческих решений. Особая роль верхней палаты парламента проявляется только при голосовании за федеральный конституционный закон, когда для положительного решения требуется превосходящее квалифицированное большинство голосов (три четверти голосов сенаторов против двух третей голосов депутатов нижней палаты).

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
- [2] Федеральный закон от 4 марта 1998 г. №33-ФЗ (в ред. от 13 июня 2023 г.) «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
- [3] Постановление СФ ФС РФ от 30 января 2002 г. №33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 18 февраля 2002 г. №7. Ст. 635.
- [4] Давыдова М.Л. Законотворческие риски и проблема стабильности законодательства // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 155–160.
- [5] Дресвянин Д. А. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: место в системе разделения властей и перспективы совершенствования порядка формирования // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 147–169.
- [6] Миерхольд А. А. Конституционная эволюция порядка формирования и полномочий Совета Федерации Федерального Собрания РФ // LEX RUSSICA. 2018. № 11. С. 134–144.
- [7] Рубель Н.В., Кулагина О.Ю., Фастович Г.Г. Проблемы повышения эффективности законотворческой деятельности Совета Федерации // Вестник науки. 2018. №7 (7) том 3. С. 172 - 177.
- [8] Сайбулаева С. А. Парламент Российской Федерации: эволюция организации и функционирования // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 65–68.
- [9] Сайфутдинова В.М. Конституционно - правовые полномочия Совета Федерации в свете статьи 102 Конституции Российской Федерации // Правовое государство: теория и практик. 2014. №3 (37). С.84-86.
- [10] Сайфутдинова В. М. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: специфика и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81). С. 34–42.
- [11] Чепурнова Н. М., Степанян С. А. Совет Федерации Федерального Собрания в системе разделения властей // Закон и право. 2020. № 7. С. 15–21.
- [12] Якубова Я. А. Порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: перспективы // Молодой ученый. 2024. № 4 (503). С. 374-376.

Spisok literatury:

- [1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS «Konsul'tantPlyus».
- [2] Federal'nyj zakon ot 4 marta 1998 g. №33-FZ (v red. ot 13 iyunya 2023 g.) «O poryadke prinyatiya i vstupleniya v silu popravok k Konstitucii Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
- [3] Postanovlenie SF FS RF ot 30 yanvarya 2002 g. №33-SF «O Reglamente Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 18 fevralya 2002 g. №7. St. 635.
- [4] Davydova M.L. Zakonotvorcheskie riski i problema stabil'nosti zakonodatel'stva // YUridicheskaya tekhnika. 2019. № 13. S. 155–160.
- [5] Dresvyanin D. A. Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii: mesto v sisteme razdeleniya vlastej i perspektivy sovershenstvovaniya poryadka formirovaniya // Voprosy rossijskoj yusticii. 2021. № 11. S. 147–169.
- [6] Mierhol'd A. A. Konstitucionnaya evolyuciya poryadka formirovaniya i polnomochij Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya RF // LEX RUSSICA. 2018. № 11. S. 134–144.
- [7] Rubel' N.V., Kulagina O.YU., Fastovich G.G. Problemy povysheniya effektivnosti zakonotvorcheskoj deyatel'nosti Soveta Federacii // Vestnik nauki. 2018. №7 (7) tom 3. S. 172 - 177.
- [8] Sajbulaeva S. A. Parlament Rossijskoj Federacii: evolyuciya organizacii i funkcionirovaniya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 12. S. 65–68.
- [9] Sajfutdinova V.M. Konstitucionno - pravovye polnomochiya Soveta Federacii v svete stat'i 102 Konstitucii Rossijskoj Federacii // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktik. 2014. №3 (37). S.84-86.
- [10] Sajfutdinova V. M. Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii: specifika i perspektivy // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 8 (81). S. 34–42.
- [11] CHepurnova N. M., Stepanyan S. A. Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya v sisteme razdeleniya vlastej // Zakon i pravo. 2020. № 7. S. 15–21.
- [12] YAkubova YA. A. Poryadok formirovaniya Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii: perspektivy // Molodoj uchenyj. 2024. № 4 (503). S. 374-376.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-138-145

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

СОРОКИНА Елена Владимировна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева»,
кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: halens@mail.ru.

ШИЛОВА Анна Сергеевна,
студент юридического факультета
Северо-Западного филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева»,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСАМ ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СВЯЗИ С ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕМ

Аннотация. В статье исследуется роль суда при регулировании вопросов финансово-правовых отношений в связи с импортозамещением. Это стратегический компонент Единого плана национального развития Российской Федерации, который в последние годы не только активно развивается, но и существенно влияет на формирование бюджетных фондов, распределение и использование ресурсов, охватывает без преувеличения все сферы государства, включая экономику, социальную сферу, образование, логику и др. Тем более важным является нормативно-правовое регулирование процессов, связанных с импортозамещением, учитывая, что правовое поле импортозамещения находится в стадии формирования. В статье рассмотрены ситуации, проанализированы их особенности, которые выявили наличие правовых пробелов и потребовали регулирования в системе правосудия. К примеру, предметом рассмотрения подобных ситуаций являются вопросы о госзакупках, о необходимости перехода на отечественное программное обеспечение, о защите интеллектуальной собственности, о производстве контрафактной импортозамещенной продукции и попытке получения финансовых привилегий и др. Учитывая вышеизложенное, авторы пришли к выводу о крайней важности судебных решений по вопросам финансово-правовых отношений в связи с импортозамещением для формирования актуального и справедливого правового пространства и укрепления финансового и экономического суверенитета государства.

Ключевые слова: Верховный Суд Российской Федерации, импортозамещение, финансово-правовые отношения, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, Федеральная антимонопольная служба, Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области, финансовый и экономический суверенитет государства.

SOROKINA Elena Vladimirovna,
Associate Professor of the Department of State and Legal
Disciplines of the Northwestern Branch of the Lebedev
Russian State University of Justice,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor

SHILOVA Anna Sergeevna,
Student of the Faculty of Law of the North-Western Branch
of the Lebedev Russian State University of Justice

PECULIARITIES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE ON FINANCIAL AND LEGAL RELATIONS IN CONNECTION WITH IMPORT SUBSTITUTION

Annotation. *The article examines the role of the court in regulating financial and legal relations in connection with import substitution. This is a strategic component of the Unified National Development Plan of the Russian Federation, which in recent years has not only been actively developing, but also significantly affects the formation of budget funds, the allocation and use of resources, and covers without exaggeration all areas of the state, including the economy, social sphere, education, logistics, etc. The regulatory and legal regulation of import substitution processes is all the more important, given that the legal framework for import substitution is in the process of formation. The article examines the situations, analyzes their features, which revealed the existence of legal gaps and required regulation in the justice system.*

For example, the subject of consideration of such situations are issues of public procurement, the need to switch to domestic software, the protection of intellectual property, the production of counterfeit import-substituted products to obtain financial privileges, etc. Taking into account the above, the authors came to the conclusion that judicial decisions on financial and legal relations in connection with import substitution are urgently needed to form an up-to-date and fair legal space and strengthen the financial and economic sovereignty of the state.

Key words: *Supreme Court of the Russian Federation, import substitution, financial and legal relations, Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation, Federal Antimonopoly Service, Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region, financial and economic sovereignty of the state.*

Введение

Импортозамещение является стратегическим компонентом Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года [1], что определяет его правовое закрепление в федеральном законодательстве. Единый план рассчитан на долгосрочную перспективу, и вектор импортозамещения является определяющим для реализации национальных проектов, утвержденных на плановый период. Реализация национальных проектов обеспечивает нужды Российской Федерации в области экономики, промышленности, профессиональной подготовки и пр. Цель работы – сформулировать выводы о роли суда в преодолении правовых пробелов в финансово-правовых отношениях относительно импортозамещения, обращаясь к правоприменительной практике.

Теория

Современные исследователи правового положения импортозамещения справедливо отметили, что формально закрепленного определения импортозамещения нет, как нет и отдельного нормативно-правового акта, регулирующего этот процесс [2]. В данной работе под термином «импортозамещение» понимается процесс прекращения импорта определенной продукции посредством модернизации производства, подготовки профессиональных кадров, циклового воспроизводства аналогичной либо новой высокотех-

нологичной конкурентоспособной и рентабельной продукции, превышающей по техническим и иным характеристикам имеющиеся иностранные образцы; финансирование импортозамещения осуществляется преимущественно из средств федерального бюджета, специализированных фондов в соответствии с действующим нормативно-правовым регулированием (толкование авторское).

Нормативное регулирование импортозамещения во фрагментарном формате начинается в России с 2014 г. и продолжается по настоящее время, формируя и укрепляя финансово-правовую систему государства [14]. Установлено, что правовое обеспечение находится в процессе формирования и нуждается в уточнении и конкретизации, о чем свидетельствует обращение к правоприменительной практике и ее анализ.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим подробнее.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации вынесла определение от 06.06.2023 N 304-ЭС22-27912 по делу N A45-28299/2020 [3]. В данном определении конкретизированы критерии отличия сотрудничества по импортозамещению от картельного сговора. Управление Федеральной антимонопольной службы по Новосибирской области в 2020 году выявило, что ООО «Радиационная техника» и ООО «Сибмер» заключили соглашение, которое было квалифицировано УФАС как

антиконкурентное, заключенное для победы на открытых электронных аукционах. Было выдано предписание об устранении нарушений, которое не было выполнено. Вышеупомянутые общества обжаловали решение УФАС по Новосибирской области в суде. Хозяйствующие субъекты настаивали на правоприматстве заключенного договора, аргументируя необходимость исполнения государственных контрактов, которые направлены на импортозамещение. Суды трех инстанций приняли данную аргументацию и определили правоту вышеупомянутых субъектов. Однако УФАС не согласилось с вердиктом, и правосудие было осуществлено в Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации. В определении Судебной коллегии отмечено, что суды неправильно оценили доводы антимонопольного органа. Более того, в ходе этого процесса было конкретизировано понятие «картель», а хозяйствующие субъекты из Сибири признаны нарушившими ст. 11 закона «О защите конкуренции», в которой закреплена норма о запрете соглашения ограничения конкуренции на одном товарном рынке. Мнение УФАС по Новосибирской области, подтвержденное совокупностью доказательств, изначально было признано верным: ООО «Сибмер» и ООО «Радиационная техника» не являются конкурентами. Установлено, что данные хозяйствующие субъекты по факту являются единой структурой, и они сумели принять участие в 84 открытых электронных аукционах, а разница в цене за оказание услуг составляла 0,5-1% [4]. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации своим решением отменила прежнее решение Арбитражного суда Новосибирской области, а данное дело было направлено на новое рассмотрение в Арбитражный суд Новосибирской области. Обращает внимание тот факт, к госзакупкам по импортозамещению допускаются организации, предлагающие товары, работы или услуги, соответствующие нормам, закрепленным в правительственных и ведомственных актах Минэкономразвития РФ, Минпромторга РФ, Правительства РФ.

Верховный Суд Российской Федерации в Решении от 14.03.2022 № АКПИ21-1068 [5] повторно поддержал позицию ФАС об импортозамещении в рамках энергосервисных контрактов [6]. Верховный суд своим решением закрепил предоставление заказчикам национального режима в отношении поставляемых товаров [7]. Согласно ст. 14 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», закреплена норма о предоставлении националь-

ного режима при осуществлении закупок; преимущества для закупок имеют товары, произведенные на территории России или государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). ФАС определила нарушение в том, что при исполнении энергосервисного контракта компания-исполнитель, помимо энергии, стала реализовывать светильники иностранного производства. Используя преимущества национального режима, компания осуществляла импортозамещение в плане поставки энергии и попутно реализовывала оборудование иностранного производства. Возможность реализации продуктов промышленности иностранного производства в рамках исполнения контракта по импортозамещению однозначно запрещена в нормативно-правовых актах [15], таким образом, компания-исполнитель напрямую нарушала запрет, содержащийся в Постановлении Правительства Российской Федерации от 11.08.2014 № 791 «Об установлении запрета на допуск товаров легкой промышленности, происходящих из иностранных государств, в целях осуществления закупок для обеспечения федеральных нужд». Компания-исполнитель ссылаясь на то, что энергосервисный контракт не предполагает поставку каких-либо товаров, считая, что качественное оказание услуг и экономия энергоресурсов возможны только при условии наличия специальных средств, к которым компания-исполнитель отнесла светильники и иное оборудование иностранного производства. Суд первой инстанции встал на сторону ФАС. Однако хозяйствующий субъект, не согласившись с судебным решением, обратился с жалобой в Апелляционную коллегию Верховного суда России. Компания-исполнитель аргументировала свою точку зрения тем, что запрет на допуск иностранных товаров не должен распространяться на энергосервисные контракты. Суд подтвердил, что в данном случае компания-исполнитель нарушила требования Закона о контрактной системе. В данном случае значение решения Апелляционной коллегии Верховного суда РФ имеет особенное значение в данной экономической ситуации, так как поддерживает и укрепляет законодательство по регулированию импортозамещения, а значит, и приоритетных направлений развития государства.

Установлено законодательное ограничение на применение зарубежного программного обеспечения, процесс импортозамещения подразумевает необходимость перехода на отечественный аналог. Данный аспект приобретает первостепенное значение в рамках реализации курса на достижение технологического суверенитета страны. Значительную роль играет Указ Президента от 30.03.2022 № 166 (ред. от 07.04.2025) «О мерах по обеспечению технологической независи-

мости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», предусматривающий обязанность всех органов государственной власти и организаций государственного сектора завершить эксплуатацию зарубежных программных комплексов, включая операционные системы, применительно к объектам критической информационной инфраструктуры до 1 января 2025 года. Тем не менее, несмотря на то что к началу 2025 года лишь примерно 20% объектов КИИ были готовы к полноценному переходу, арбитражные суды уже учитывают новые правовые нормы при рассмотрении соответствующих споров. Анализ судебных разбирательств, связанных с применением запрета на использование иностранной продукции в государственных учреждениях, демонстрирует однозначную поддержку судами политики импортозамещения.

Например, в деле № А60-68560/2024 Министерство внутренних дел Российской Федерации объявило о намерении приобрести исключительно отечественные системы видеонаблюдения, что было оспорено в суде. В рамках дела ООО «Технопарк» подало жалобу на нарушения законодательства ФКУ «УОУМТС МВД России» при проведении закупки системы видеонаблюдения. УФАС признало жалобу обоснованной и выявило нарушения в действиях заказчика. ФКУ «УОУМТС МВД России» не согласилось с решением УФАС и обратилось в суд. В решении Арбитражного суда Свердловской области от 24.02.2025 по делу № А60-68560/2024 судья поддержал правомерность действий истца, ссылаясь на значимость вопроса национальной безопасности в условиях глобальных технологических рисков [8].

Аналогичная позиция была выражена судом в деле № А60-65524/2023, где предметом спора стало требование Управления материально-технического снабжения МВД России устанавливать программное обеспечение исключительно российского производства на приобретаемую компьютерную технику, включая BIOS. Хотя Федеральная антимонопольная служба утверждала, что BIOS является неотъемлемой частью программного обеспечения и не должна попадать под ограничения, в решении Арбитражного суда Свердловской области от 12.03.2024 по делу № А60-65524/2023 указано на возможность отдельной установки данной системы. Таким образом, в решении суда был подтвержден приоритет национальных интересов в сохранении суверенитета служебной информации [9].

Рассмотренные коллизии обусловлены дефицитом высокотехнологической продукции отечественного производства – это один из рисков импортозамещения, отмечаемый в работах эконо-

мистов[10], – но одновременно закреплённый в существующей нормативной базе. Судебная аргументация строится на основе принципов защиты государственной безопасности и поддержки отечественных производителей, в формате стратегии импортозамещения. Сложности с переходом испытывают более половины крупнейших организаций по всей России, по сведениям Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК) [11]. Целесообразно предположить, что вслед за государственным сектором переход на использование российского программного обеспечения неизбежно затронет коммерческий сектор экономики, поскольку возникнет необходимость формирования единой цифровой экосистемы, охватывающей государственные структуры и частные предприятия. Для преодоления указанного препятствия (дефицита импортозамещенной продукции) государство может избрать сценарий ужесточения политики импортозамещения, ввести запретительные меры относительно приобретения зарубежного программного обеспечения в сфере бизнеса. Тем более что конструктивный сценарий уже реализуется посредством применения механизмов государственной поддержки: размещения государственных заказов, организации целевых инвестиционных программ, реализации мероприятий по развитию образования и финансированию научных исследований в области информационных технологий. Более того, вышеуказанное регулируется нормативно-правовыми актами, предусматривающими бюджетные ассигнования, выделение средств Фонда развития промышленности и др. Обобщая вышеизложенное, представляется обоснованным заключить, что устойчивым решением обозначенной проблемы выступает продолжение последовательной реализации комплекса мер, ориентированных на развитие и укрепление вектора импортозамещения в правовом пространстве и в позициях национального производства.

В ряду актуальных проблем, которые рассматривает современное российское правосудие в связи с импортозамещением, является защита интеллектуальной собственности в процессе разработки аналогов известных брендов. Режим санкций, распространяющийся на Россию, характеризуется, в том числе, и тем, что иностранные компании ушли с российского рынка. В связи с этим наблюдается процесс регистрации товарных знаков, отдаленно напоминающих узнаваемые логотипы. И ушедшие иностранные компании, они же правообладатели товарного знака, в данном случае обращаются к российскому правосудию за восстановлением справедливости. Такие инициативы, инициированные иностранными компаниями, становятся предметом длительных судебных про-

цессов, чьи права, с точки зрения правообладателя, нарушаются представителями отечественного бизнеса. Причина роста количества исковых заявлений заключается в специфике сложившейся рыночной ситуации: многие международные корпорации прекратили деятельность в России, однако среди потребителей сохраняется спрос на конкретные товары определенных производителей, ассоциируемые с привычными товарами. Рыночная конъюнктура обновляется на основе прежних покупательских ассоциативных запросов.

Одним из подобных прецедентов является дело № СИП-353/2022, в котором Coca-Cola Company обратилась с возражением в Федеральную службу по интеллектуальной собственности (Роспатент) против предоставления правовой охраны ряду товарных знаков, зарегистрированных ООО «Напитки из Черноголовки-Аквалайф», включая знак «Фантола» [12]. Первоначально Роспатент отклонил претензию заявителя, что привело к дальнейшему судебному разбирательству в Суде по интеллектуальным правам (СИП). В ходе первого рассмотрения дела СИП признал аргументы Coca-Cola Company достаточно вескими и постановил отменить первоначальное решение Роспатента, сочтя, что регистрация товарного знака «Фантола» способна вводить потребителей в заблуждение относительно производителя товара или места изготовления (в соответствии с подпунктом 1 пункта 3 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации). Более того, суд подчеркнул, что недопустимо регистрировать знаки, идентичные или схожие до степени смешения с уже существующими торговыми наименованиями, согласно подпункту 2 пункта 6 статьи 1483 ГК РФ, предписав Роспатенту провести повторное рассмотрение обращения компании. Тем не менее, ООО «Напитки из Черноголовки-Аквалайф» воспользовалось правом кассационного обжалования, направив кассационную жалобу в Президиум СИП. После повторного изучения обстоятельств дела кассационная инстанция приняла противоположное решение, отметив отсутствие вероятности смешения товарных знаков «Фантола» и «Fanta» ввиду значительных отличий в написании и графическом оформлении. Таким образом, в решении Суда по интеллектуальным правам 28.07.2023 по делу № СИП-353/2022 была окончательно подтверждена законность предоставления правовой охраны товарному знаку «Фантола» и отвергнуты претензии Coca-Cola Company. Хотя регистрация и защита товарных знаков иностранных владельцев сохраняют свою юридическую силу вне зависимости от присутствия самих компаний на российском

рынке, тем не менее, правосудие принимает решение в данном случае в пользу отечественного производителя, укрепляя стратегию импортозамещения.

Если выше мы проанализировали коллизию, в результате которой иностранный производитель обращался к российскому правосудию за защитой своих интеллектуальных прав, то в данном случае необходимо отметить проблему подделки российских брендов на фоне переориентации госзакупок на местных производителей. В частности, с 2022 года фиксируется увеличение случаев подделки продукции российских производителей компьютерной техники и серверного оборудования. За 2022–2024 годы объемы заказов отечественной электроники увеличились в несколько раз, значительно превышая текущие производственные мощности российских предприятий. Такая динамика создала благоприятные рыночные условия для функционирования теневых производств, предлагающих псевдороссийские изделия по сниженным ценам. В условиях стратегии импортозамещения наблюдается повышение активности недобросовестных участников рынка, продвигающих низкосортные и небезопасные товары под видом сертифицированной отечественной продукции. В этой связи многие компании стали подавать иски в суд.

Одним из показательных примеров является арбитражное дело № А56-51316/2024, предметом которого стала поставка контрафактной компьютерной техники государственным заказчиком. Выяснилось, что данная продукция поставлялась с поддельными логотипами компании ICL, маркировка которой визуально воспроизводила оригинальный дизайн торговой марки. Настоящий производитель своевременно выявил факт распространения контрафактных изделий и обратился в суд. Рассмотрев представленные доказательства, Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области в решении от 21.10.2024 г. по делу № А56-51316/2024 констатировал высокую степень сходства обозначения, применяемого ответчиком, с зарегистрированным товарным знаком истца [13]. Основываясь на положениях гражданского законодательства, суд счел доказанным нарушение исключительных прав компании ICL посредством выпуска и сбыта контрафактной продукции, маркированной обозначениями, близкими до степени смешения с оригинальным товарным знаком. В итоге судебный процесс завершился полным удовлетворением исковых требований, предусматривающих выплату компенсационных выплат в размере 1,9 млн рублей за несанкционированное использование бренда. В данном случае можем отметить, что выпуск и сбыт контра-

фактной продукции осуществлялся как реализация импортозамещенной продукции, якобы в формате правового поля. Одним из перспективных подходов блокировки подобных правонарушений является внедрение обязательной системы маркировки определённых категорий товаров, однако на данном этапе такая практика осуществляется исключительно в рамках экспериментального проекта. В случае утверждения обязательного характера данной процедуры, информация о прослеживаемости продукции станет обязательным элементом при осуществлении контрольных мероприятий и принятии мер административного воздействия в отношении недобросовестных участников рынка. В данном эпизоде правосудие призвано сыграть особую роль, которая заключается в конкретизации критериев аутентичной продукции и защите прав отечественного производителя импортозамещенной высокотехнологической продукции.

Выводы

Приведенные примеры осуществления правосудия в связи с импортозамещением показательно свидетельствуют о том, что роль суда в данных процессах велика и незаменима, пока есть правовые пробелы, возможно вариативное толкование норм права, активизация противоправного поведения в этой сфере. Поэтому миссия суда – осуществить правосудие и восстановить справедливость, укрепить финансовый, экономический суверенитет государства. Особенно судебной правоприменительной практики в системе современных финансово-правовых отношений по импортозамещению основываются на нормах закона, на системном толковании норм, и роль суда в этом процессе одна из главных. Учитывая, что в системе норм, регулирующих импортозамещение, есть правовые пробелы, которые позволяют двойное толкование закона, а также учитывая то, что импортозамещение занимает важное место в финансово-правовой системе государства, но это правовое пространство еще формируется, некоторые аспекты требуют регулирования в системе правосудия в индивидуальном порядке.

Таким образом, особенности судебной правоприменительной практики в системе современных финансово-правовых отношений в связи с импортозамещением отражают реальные проблемы правового регулирования этой сферы, что требует дальнейшего совершенствования законодательной базы для реализации национальных проектов, направленных, в том числе, на укрепление финансового, производственного, технологического суверенитета Российской Федерации.

Список литературы:

- [1] Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года <http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf> (дата обращения 02.05.2025).
- [2] Илюхина Ю. В. Правовое обеспечение импортозамещения в рыночной экономике: дис... канд. юрид. наук М., 2024. 207 с.
- [3] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.06.2023 № 304-ЭС22-27912 по делу № А45-28299/2020. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06062023-n-304-es22-27912-po-delu-n-a45-282992020/> (дата обращения 16.02.2025).
- [4] Закупки по указанным аукционам осуществлялись государственными бюджетными учреждениями здравоохранения в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», - Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.06.2023 № 304-ЭС22-27912 по делу № А45-28299/2020. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06062023-n-304-es22-27912-po-delu-n-a45-282992020/> (дата обращения 16.02.2025).
- [5] Решение Верховного Суда РФ от 14.03.2022 № АКПИ21-1068. URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14032022-n-akpi21-1068/> (дата обращения 16.02.2025).
- [6] Верховный суд повторно поддержал позицию ФАС об импортозамещении в рамках энергосервисных контрактов. URL: <https://fas.gov.ru/news/32077> (дата обращения 16.02.2025).
- [7] Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/c360930e35e7953c74744ed45738094d9503d732/ (дата обращения 16.02.2025).
- [8] Решение Арбитражного суда Свердловской области от 24.02.2025 по делу № А60-68560/2024 // Картотека арбитражных дел URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cf46322c-69ff-4f2f-bbb2-fd034068ce16/1844741b-a2f2-4fe6-9de1-726a74b66b2f/A60-68560-2024_20250224_

Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.04.2025).

[9] Решение Арбитражного суда Свердловской области от 12.03.2024 по делу № А60-65524/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/294dcd8d-c296-4f2d-8edf-4ea2995d0972/61b2db3c-371b-4f85-a7d7-54f8c3187d8d/A60-65524-2023_20240312_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.04.2025).

[10] Шарифьянова З. Ф., Ухаткина А. А., Винник Б. А. Оценка влияния инфляции на экономику России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 1. С. 44-50. <https://doi.org/10.34773/EU.2024.1.8>

[11] Российские компании страдают при переходе на отечественное ПО // CNEWS. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-10-31_rossijskie_kompanii_massovo (дата обращения: 14.04.2025).

[12] Решение Суда по интеллектуальным правам от 28. 07.2023 по делу № СИП-353/2022 // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407406609/> (дата обращения: 16.04.2025).

[13] Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21.10.2024 г. по делу № А56-51316/2024 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d51b50bd-17f7-497f-aaf900c48e0abd07/b90b8257-9a2a-4967-807e-3441a150f5d3/A56-51316-2024_20241031_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.04.2025).

[14] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] режим доступа: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения 20.03.2025); Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». Электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39299> (дата обращения 20.03.2025); Приказ Минпромторга России от 02.08.2021 № 2915 «Об утверждении Плана мероприятий по импортозамещению в социально значимых отраслях промышленности Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-minpromtorga-rossii-ot-02082021-n-2915/>; Постановление Правительства РФ от 4 августа 2015 г. № 785 «О Правительственной комиссии по импортозамещению». URL: <http://government.ru/docs/all/102958/>; Постановление Правительства Российской Федерации от 20.10.2022 г. № 1872. Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям

на финансовое обеспечение затрат на выполнение комплексных проектов по разработке, созданию и внедрению в серийное производство судового комплектующего оборудования. URL: <http://government.ru/docs/all/143767/>.

[15] Приказ Минэкономразвития России от 25.03.2014 № 155 «Об условиях допуска товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minekonomrazvitiya-rossii-ot-25032014-n-155/>; Постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2014 № 656 «Об установлении запрета на допуск отдельных видов товаров машиностроения, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL <http://government.ru/docs/all/92149/>; Постановление Правительства Российской Федерации от 11.08.2014 № 791 «Об установлении запрета на допуск товаров легкой промышленности, происходящих из иностранных государств, в целях осуществления закупок для обеспечения федеральных нужд». URL <http://static.government.ru/media/files/41d4fb897de81b5cd804.pdf>.

Spisok literatury:

[1] Edinyj plan po dostizheniyu nacional'nyh celej razvitiya Rossijskoj Federacii do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda <http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf> (data obrashcheniya 02.05.2025).

[2] Ilyuhina Yu. V. Pravovoe obespechenie importozameshcheniya v rynochnoj ekonomike: dis... kand. yurid. nauk М., 2024. 207 s.

[3] Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 06.06.2023 № 304-ES22-27912 po delu № А45-28299/2020. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06062023-n-304-es22-27912-po-delu-n-a45-282992020/> (data obrashcheniya 16.02.2025).

[4] Zakupki po ukazannym aukcionam osushchestvlyalis' gosudarstvennymi byudzhetnymi uchrezhdeniyami zdrazvoohraneniya v sootvetstvii s Federal'nym zakonom ot 05.04.2013 № 44-FZ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», - Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 06.06.2023 № 304-ES22-27912 po delu № А45-28299/2020. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06062023-n-304-es22-27912-po-delu-n-a45-282992020/>

eskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06062023-n-304-es22-27912-po-delun-a45-282992020/ (data obrashcheniya 16.02.2025).

[5] Reshenie Verhovnogo Suda RF ot 14.03.2022 № AKPI21-1068. URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14032022-n-akpi21-1068/> (data obrashcheniya 16.02.2025).

[6] Verhovnyj sud povtorno podderzhal pozitsiyu FAS ob importozameshchenii v ramkah energoservisnyh kontraktov. URL: <https://fas.gov.ru/news/32077> (data obrashcheniya 16.02.2025).

[7] Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 N 44-FZ (red. ot 26.12.2024) «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/c360930e35e7953c74744ed45738094d9503d732/ (data obrashcheniya 16.02.2025).

[8] Reshenie Arbitrazhnogo suda Sverdlovskoj oblasti ot 24.02.2025 po delu № A60-68560/2024 // Kartoteka arbitrazhnyh del URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cf46322c-69ff-4f2f-bbb2-fd-034068ce16/1844741b-a2f2-4fe6-9de1-726a74b66b2f/A60-68560-2024_20250224_Resheniya_i_postanovleniya.pdf?isAddStamp=True (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[9] Reshenie Arbitrazhnogo suda Sverdlovskoj oblasti ot 12.03.2024 po delu № A60-65524/2023 // Kartoteka arbitrazhnyh del. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/294dcd8d-c296-4f2d-8edf-4ea-2995d0972/61b2db3c-371b-4f85-a7d7-54f8c3187d8d/A60-65524-2023_20240312_Resheniya_i_postanovleniya.pdf?isAddStamp=True (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[10] Sharif'yanova Z. F., Uhatkina A. A., Vinnik B. A. Ocenka vliyaniya inflyatsii na ekonomiku Rossii // *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal*. 2024. № 1. S. 44-50. <https://doi.org/10.34773/EU.2024.1.8>

[11] Rossijskie kompanii stradayut pri perekhode na otechestvennoe PO // CNEWS. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-10-31_rossijskie_kompanii_massovo (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[12] Reshenie Suda po intellektual'nym pravam ot 28. 07.2023 po delu № SIP-353/2022 // Garant. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407406609/> (data obrashcheniya: 16.04.2025).

[13] Reshenie Arbitrazhnogo suda Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti ot 21.10.2024 g. po delu № A56-51316/2024 // Kartoteka arbitrazhnyh del. URL: [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d51b50bd-](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d51b50bd-17f7-497f-aaf900c48e0abd07/b90b8257-9a2a-4967-807e-3441a150f5d3/A56-51316-2024_20241031_Reshenie.pdf?isAddStamp=True)

17f7-497f-aaf900c48e0abd07/b90b8257-9a2a-4967-807e-3441a150f5d3/A56-51316-2024_20241031_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (data obrashcheniya: 17.04.2025).

[14] Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ (red. ot 13.07.2024) «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» Dostup iz SPS «Konsul'tant-Plyus» [Elektronnyj resurs] rezhim dostupa: <https://www.consultant.ru/>. (data obrashcheniya 20.03.2025); Federal'nyj zakon ot 31.12.2014 № 488-FZ «O promyshlennoj politike v Rossijskoj Federacii». Elektronnyj resurs] rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39299> (data obrashcheniya 20.03.2025); Prikaz Minpromtorga Rossii ot 02.08.2021 № 2915 «Ob utverzhenii Plana meropriyatij po importozameshcheniyu v social'no znachimyh otraslyah promyshlennosti Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda». URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-minpromtorga-rossii-ot-02082021-n-2915/>; Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 4 avgusta 2015 g. № 785 «O Pravitel'stvennoj komissii po importozameshcheniyu». URL: <http://government.ru/docs/all/102958/>; Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 20.10.2022 g. № 1872. Ob utverzhenii Pravil predostavleniya subsidij iz federal'nogo byudzheta rossijskim organizaciyam na finansovoe obespechenie zatrat na vypolnenie kompleksnyh proektov po razrabotke, sozdaniyu i vnedreniyu v serijnoe proizvodstvo sudovogo komplektuyushchego oborudovaniya. URL: <http://government.ru/docs/all/143767/>.

[15] Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 25.03.2014 № 155 «Ob usloviyah dopuska tovarov, proiskhodyashchih iz inostrannyh gosudarstv, dlya celej osushchestvleniya zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minekonomrazvitiya-rossii-ot-25032014-n-155/>; Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14.07.2014 № 656 «Ob ustanovlenii zapreta na dopusk otdel'nyh vidov tovarov mashinostroeniya, proiskhodyashchih iz inostrannyh gosudarstv, dlya celej osushchestvleniya zakupok dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd». URL <http://government.ru/docs/all/92149/>; Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 11.08.2014 № 791 «Ob ustanovlenii zapreta na dopusk tovarov legkoj promyshlennosti, proiskhodyashchih iz inostrannyh gosudarstv, v celyah osushchestvleniya zakupok dlya obespecheniya federal'nyh nuzhd». URL <http://static.government.ru/media/files/41d4fb897de81b5cd804.pdf>.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-146-150

ПЛАТОВ Егор Витальевич,
преподаватель СПО ФГБОУ ВО
«Пензенский государственный университет»
Многопрофильный колледж,
e-mail: platovfsin@mail.ru

НАДЗОР В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ КАК ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ ФУНКЦИЯ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. В статье раскрывается правозащитный характер деятельности прокуратуры, как специфика правового положения органов прокуратуры в государственном механизме, позволяющий реагировать на нарушения законности со стороны всех субъектов права во всех сферах и отраслях управления, в т.ч. и в области противодействия коррупции. Автор указывает на особую роль прокуратуры в проведении антикоррупционной экспертизы, антикоррупционной пропаганды, координации деятельности по борьбе с преступностью. Отмечается, что реализации полномочий по предупреждению, борьбе и минимизации коррупции прокуратура сталкивается с рядом трудностей. Резюмируется, что прокуратура является не только юридическим, но и политическим институтом государства, наделенным особыми полномочиями по противодействию коррупции.

Ключевые слова: прокуратура, публично-правовой статус, орган государственной власти, надзорная деятельность, правозащитный орган, функция, противодействие коррупции.

PLATOV Egor Vitalievich,
teacher of secondary vocational education,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Penza State University"
Multidisciplinary College

ANTI-CORRUPTION SUPERVISION AS A PUBLIC LEGAL FUNCTION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Annotation. The article reveals the specifics of the legal position of the prosecutor's office in the state mechanism. It is proved that the prosecutor's office is the only structure that carries out general supervision of the observance of laws by all participants in public relations. Attention is drawn to the human rights-based nature of the prosecutor's office, which allows responding to violations of the rule of law by all subjects of law in all spheres and branches of government, including in the field of combating corruption. The author points out the special role of the prosecutor's office in conducting anti-corruption expertise, anti-corruption propaganda, and coordinating activities to combat crime. It is noted that the Prosecutor's Office faces a number of difficulties in exercising its powers to prevent, combat and minimize corruption. It is summarized that the prosecutor's office is not only a legal, but also a political institution of the state, endowed with special powers to combat corruption.

Key words: prosecutor's office, public legal status, public authority, supervisory activity, human rights body, function, anti-corruption.

На протяжении всего периода существования прокуратура занимала особое положение в механизме государства, что объясняется спецификой сферы ее деятельности. Несмотря на достаточно длительный период функционирования данной структуры, по поводу ее места в системе органов государственной власти до сих пор ведутся дискуссии [1].

В частности, в юридической литературе существуют различные взгляды на то, является ли прокуратура органом государственной власти. Так, одни исследователи не относят прокуратуру к таковому, объясняя свою позицию независимостью положения прокуратуры в структуре государственного аппарата [2]. Другие, - напротив, определяют ее как федеральный орган государствен-

ной власти, поскольку прокурор, будучи должностным лицом вправе предписывать различным субъектам выполнение того или иного действия [3]. Мы разделяем данную точку зрения. Несмотря на то, что в ст. 11 Конституции Российской Федерации среди органов государственной власти отсутствует прокуратура, Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) определяет прокурорских работников государственными служащими Российской Федерации (ч. 1 ст. 40 указанного закона) и представителями государственной власти (ч. 1 ст. 45 указанного закона).

Прокуратура является государственным органом, наделенным надзорными полномочиями, суть которых состоит в проверке законности при соблюдении всеми субъектами права нормативных правовых актов. Прокурорский надзор весьма специфичен, поскольку «не относится к деяниям какой-либо одной ветви власти (судебной, исполнительной, представительной), имея вместе с этим, признаки каждой из них» [4]. Для осуществления указанной государственной деятельности прокуратура обладает достаточно широким объемом полномочий, в частности, беспрепятственно входит на территории и в помещения поднадзорных объектов, вызывать должностных лиц и граждан для дачи объяснений по поводу нарушения закона и т.д. Изложенное свидетельствует о том, что прокуратура наделена государственно-властными полномочиями, а, следовательно, является самостоятельным органом публичной власти.

Прокуратура представляет собой особый орган государственной власти, специализирующийся на осуществлении надзорной деятельности. Анализ публично-правового статуса прокуратуры позволяет заключить, что его специфическими особенностями выступают такие элементы, как обладание собственной компетенцией (осуществление надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, исполнением законов) [5]; принятие нормативных правовых актов по вопросам своей деятельности; осуществление взаимодействия с иными государственными структурами. При этом важно подчеркнуть, что последнее свойство позволяет рассматривать данную структуру «в качестве органа сдержки и противовесов между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти» [6]. Именно независимость положения данного государственного органа в системе государственного механизма позволяет находиться в тесном взаимодействии с другими органами государственной власти. В частности, прокуратура активно сотрудни-

чает с органами законодательной властью при решении кадровых вопросов, органами исполнительной власти по борьбе с коррупционными преступлениями.

Отмеченная особенность публично-правового статуса прокуратуры опосредует специфику деятельности данного органа государственной власти. Речь идет о том, что прокуратура выступает единственным органом власти, осуществляющим надзор за соблюдением законов всеми участниками общественных отношений [7], тогда как иные властные структуры наделены функциями контроля [8].

К сожалению, подавляющее большинство нормативных правовых актов не разделяют понятия «надзор» и «контроль», рассматривая их в качестве синонимов. Данную позицию разделяют и некоторые ученые. В частности, Л.А. Галанина считает, что в некоторых ситуациях достаточно сложно разграничить контрольные полномочия от надзорных [9]. Усугубляет ситуацию и отсутствие нормативного определения терминов «контроль» и «надзор», хотя в юридической науке их соотношение выступало предметом дискуссий многих исследователей. Так, по мнению М.С. Студеникиной надзор служит более узкой категорией, выступая частью контроля [10]. С.Г. Нистратов указывает на автономность данных понятий, подчеркивая, что «надзор всегда имеет своим предметом законность, в то время как контроль – не только законность, но и целесообразность» [11]. Анализ приведенных точек зрения позволяет возможным утверждать о несовпадении контроля и надзора ни по объему, ни по сфере применения. Если объектами контроля выступают различные виды деятельности любых субъектов, то объекты надзора ограничены. Под прокурорский надзор не подпадает значительная часть деятельности общественных объединений, предприятий и учреждений. Поэтому не следует прокурорскую деятельность рассматривать как контрольную или контрольно-надзорную. Данные разновидности некорректно отождествлять с надзорной деятельностью. Это объясняется еще и тем, что пределы полномочий органов контроля и надзора имеют разные границы при проведении проверок: меры реагирования контрольных структур могут быть приняты не только касаясь выявленных нарушений закона, но и обращено внимание на нецелесообразность действий и решений. Тогда как надзор осуществляется исключительно в рамках законности.

Наконец, число подконтрольных объектов значительно превосходит количество поднадзорных объектов. Как правило, надзор затрагивает стратегически важные, социально значимые

сферы и отрасли управления. Контроль присутствует в любой структуре, любом трудовом коллективе независимо от сферы функционирования.

Исходя из этого, можно предположить, что надзор представляет собой такую форму деятельности, которая направлена на систематическое наблюдение за функционированием поднадзорных объектов с целью проверки соответствия их действий и решений нормам законодательства. Следовательно, прокурорский надзор можно определить как особый вид деятельности органов прокуратуры по обеспечению законности, выявлению, устранению и предупреждению нарушений закона.

В ходе осуществления надзорной деятельности органы прокуратуры для достижения вышеуказанных целей принимают акты прокурорского реагирования. К таковым относятся санкция, протест, представление, предостережение и др., которые отражают «реакцию» прокурора не только на неправомерные действия, но и на правомерные поступки. К примеру, санкция как разрешение прокурором на совершение определенных юридически значимых действий должностных лиц применяется при аресте имущества в качестве способа обеспечения исполнения решения о взыскании задолженности налогоплательщика-организации (п. 1 ст. 77 Налогового кодекса РФ).

Прокуратура, реагируя на случаи нарушения действующего законодательства, берет под свой контроль нарушения, затрагивающие права и свободы многих субъектов права во всех сферах, областях и отраслях управления, тогда как деятельность иных правоохранительных органов носит исключительно отраслевой характер. По поступившей информации о нарушении прав человека органы надзора проводят проверку в любой организации, предприятии, учреждении независимо от формы собственности и подчинения, в т.ч. и системе правоохранительных органов. При этом прокуратура осуществляет надзорную деятельность в инициативном порядке, основываясь на статистических данных о состоянии защиты прав и свобод институтов гражданского общества в различных сферах жизни, что несвойственно иным правоохранительным и правозащитным органам.

В этой связи в юридической литературе справедливо предлагается рассматривать прокуратуру как правозащитный орган, обеспечивающий положительное изменение ситуации с нарушением прав человека, предполагающий реализацию разнообразных мер защиты [12].

Правозащитный характер деятельности просматривается в участии прокуратуры при рассмотрении дел судами, а также правотворческой деятельности прокуратуры при подготовке проектов

нормативных правовых актов, осуществлении правовой экспертизы нормативных правовых актов, в т.ч. антикоррупционной, участии в обсуждении законопроектов в палатах Федерального Собрания Российской Федерации и законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Прокуратура, реализуя полномочия по надзору за законностью, выступая правозащитным институтом, осуществляет внутреннюю и внешнюю политику государства [13], служит основой национальной безопасности Российской Федерации [14]. Это выражается в участии прокуратуры при решении вопросов о выдаче преступников по требованию иностранных государств, в разработке международных договоров и соглашений об оказании правовой помощи и борьбы с преступностью. Поэтому прокуратура как орган государственной власти имеет не только правовое, но и политическое значение [15], что отличает ее от иных элементов правоохранительной системы.

Прокуратура играет особую роль в таком важнейшем направлении деятельности государства как противодействие коррупции.

Статья 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определяет противодействие коррупции как деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по предупреждению коррупции, борьбе с коррупцией и минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений. Однако приведенная трактовка понятия «противодействие коррупции» требует определенной корректировки. В частности, целью вышеуказанного закона является не ликвидация коррупционной деятельности как таковой, а создание определенных барьеров, усложняющих осуществление коррупционного поведения. Иными словами, одни коррупционные явления будут ограничены, а другие – нет, у одних должностных лиц сократятся возможности осуществления коррупционной деятельности, у других – нет [16]. В связи с чем, возникает закономерный вопрос: можно ли в качестве цели антикоррупционной политики ставить ограничение противоправных деяний? На наш взгляд, целью государственной политики должна быть борьба с коррупцией, которая подразумевает применение профилактических, предупредительных, пресекающих, карательных и восстановительных мер реагирования.

Процесс противодействия коррупционной деятельности включает в себя проведение профилактических мероприятий, борьбы с коррупцией и минимизации и (или) ликвидации послед-

ствий коррупционных правонарушений. На каждом из указанных этапов органы прокуратуры выполняют свои задачи. Так, в ходе реализации профилактических мер воздействия органы прокуратуры придают важное значение антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и их проектов, антикоррупционной пропаганде.

Ценность института антикоррупционной экспертизы велика. Именно данная мера воздействия направлена на недопущение еще на стадии принятия нормативного правового акта коррупционных проявлений со стороны правоприменителя, тем самым не допуская нарушения прав и свобод граждан. В рамках антикоррупционной пропаганды сотрудники прокуратуры уделяют внимание правовому просвещению населения и разъяснению содержания антикоррупционного законодательства. Между тем многолетний опыт использования институтов антикоррупционной экспертизы и антикоррупционной пропаганды в прокурорской деятельности выявил определенные сложности при их проведении, которые требуют своего решения. Во-первых, в Федеральном законе от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» к объектам антикоррупционной экспертизы не относятся нормативные договоры (соглашения) и их проекты; отсутствует законодательное определение нормативного правового акта, коррупциогенного фактора; не определен механизм работы органов прокуратуры с проектами нормативных правовых актов и др.

Во-вторых, несмотря на отсутствие законодательного закрепления функции проведения антикоррупционной пропаганды, фактически органы прокуратуры ее осуществляют. Тогда как согласно положениям статей 1 и 3 Закона о прокуратуре, все иные функции органов прокуратуры, не являющиеся надзорными, должны быть установлены именно федеральными законами.

В то же время необходимо помнить о том, что антикоррупционная экспертиза и антикоррупционная пропаганда не являются единственными средствами профилактики противоправных деяний коррупционной направленности, а значит, должны использоваться в совокупности с иными средствами воздействия.

Большое значение в эффективности деятельности по противодействию коррупции, осуществляемой органами прокуратуры, имеет международное сотрудничество органов прокуратуры в области противодействия коррупции. В настоящее время никем не оспаривается факт того, что проблема коррупции стала транснациональной проблемой, затрагивающей все мировое сообщество. Поэтому борьба с данным социальным злом служит составной частью межгосударственной

системы противодействия коррупции, а также особым направлением международного сотрудничества.

При ведении борьбы с коррупционной деятельностью прокуратура обладает широкими возможностями при осуществлении надзора за соблюдением антикоррупционного и уголовно-процессуального законодательства и т.д. Для борьбы с коррупционными преступлениями прокуратура координирует и обеспечивает взаимосогласованность действий правоохранительных органов в целях своевременного выявления, раскрытия, пресечения и предупреждения преступлений, устранения причин и условий, способствующих их совершению и реализации совместных мероприятий по определенным вопросам в пределах своей компетенции. Между тем при осуществлении координационной деятельности по борьбе с коррупцией органы прокуратуры сталкиваются с некачественным планированием осуществляемых координационных мероприятий, неиспользованием всех форм координационной деятельности, отсутствием единых критериев оценки качества и эффективности проводимых координационных мероприятий и т.д.

На этапе минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционной деятельности надзорное ведомство реализует функции, связанные с возмещением причиненного коррупционным поведением ущерба посредством обращения в арбитражный суд с иском о признании недействительными мнимых и ничтожных сделок и т.д.

Вместе с тем, следует отметить, что полномочиями по противодействию коррупции обладают не все прокурорские работники, а только сотрудники специализированного подразделения по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции.

Подводя итог сказанному, можно прийти к выводу о том, что прокуратура, обладая особым публично-правовым статусом:

- является не только юридическим, но и политическим институтом государства, формирующим основные направления внутренней и внешней политики страны;
- выступает правозащитным и правоохранительным органом, осуществляющим надзор за соблюдением законодательства всеми субъектами права во всех сферах и отраслях государственного управления;
- наделена особыми полномочиями по противодействию коррупции.

Список литературы:

- [1] См.: Надин А.Н. Место и роль прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 94.

[2] См.: Гоголевский А.В. К вопросу о понятии, элементах и видах правового статуса прокуратуры Российской Федерации // Современные проблемы судостроительства и организации судебной деятельности в Российской Федерации. Материалы Межд. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 12-13 апреля 2012 г.). Екатеринбург, 2013. Часть 1. С. 111.

[3] См.: Урываев А.В. Прокуратура Российской Федерации в механизме защиты конституционных права и свобод человека и гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 15-16.

[4] Деменкова Е.В. Прокуратура в системе органов государственной власти // Государство и право в XXI веке. 2016. № 1. С. 59.

[5] См.: Кобзарь-Фролова М.Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 2. С. 196.

[6] Дибиров Ю.С. Особенности административно-правового статуса органов прокуратуры // Символ науки. 2016. № 12-3. С.85.

[7] См.: Карпов Н.Н. Прокуратура в системе государственной власти Российской Федерации. М., 2007. С. 109.

[8] См.: Беляев В.П. Контроль и надзор в Российском государстве. М., 2005. С. 133.

[9] См.: Галанина Л.А. Организационно-правовое обеспечение контроля за обеспечением нормативно-правовых актов в субъектах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 22.

[10] См.: Студеникина М.С. Государственный контроль в сфере управления (проблемы надведомственного контроля) М., 1974. С. 18.

[11] Нистратов С.Г. Контроль и надзор как гарантии законности (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 8.

[12] См.: Каинов А.С. Правоохранительная и правозащитная деятельность // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 2 (25). С. 31.

[13] См.: Кошлевский В.Д. Прокуратура в системе органов государственной власти Российской Федерации: теоретический аспект. Пенза, 2007. С. 87.

[14] См.: Кардашова И.Б. Прокуратура Российской Федерации в системе обеспечения национальной безопасности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 4 (12). С. 7-11.

[15] См.: Чечин В.А. Доктринальные основания развития прокуратуры в Российской Федерации // Правовая культура. 2015. № 3. С. 56.

[16] См.: Артемьев А.Б. Антропология коррупции. СПб., 2011. С. 17.

Spisok literatury:

[1] Sm.: Nadin A.N. Mesto i rol' prokuratury v sisteme organov gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii // Voprosy rossijskoj yusticii. 2020. № 6. S. 94.

[2] Sm.: Gogolevskij A.V. K voprosu o ponyatii, elementah i vidah pravovogo statusa prokuratury Rossijskoj Federacii // Sovremennye problemy sudoustrojstva i organizacii sudebnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii. Materialy Mezhd. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 12-13 aprelya 2012 g.). Ekaterinburg, 2013. CHast' 1. S. 111.

[3] Sm.: Uryvaev A.V. Prokuratura Rossijskoj Federacii v mekhanizme zashchity konstitucionnyh prava i svobod cheloveka i grazhdanina: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2009. S. 15-16.

[4] Demenkova E.V. Prokuratura v sisteme organov gosudarstvennoj vlasti // Gosudarstvo i pravo v XXI veke. 2016. № 1. S. 59.

[5] Sm.: Kobzar'-Frolova M.N. Sistema organov publichnoj vlasti Rossijskoj Federacii: ponyatie, harakternye priznaki, vzaimodejstvie // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2021. T. 18, № 2. S. 196.

[6] Dibirov YU.S. Osobennosti administrativno-pravovogo statusa organov prokuratury // Simvol nauki. 2016. № 12-3. S.85.

[7] Sm.: Karpov N.N. Prokuratura v sisteme gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii. M., 2007. S. 109.

[8] Sm.: Belyaev V.P. Kontrol' i nadzor v Rossijskom gosudarstve. M., 2005. S. 133.

[9] Sm.: Galanina L.A. Organizacionno-pravovoe obespechenie kontrolya za obespecheniem normativno-pravovyh aktov v sub'ektah Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2001. S. 22.

[10] Sm.: Studenikina M.S. Gosudarstvennyj kontrol' v sfere upravleniya (problemy nadvedomstvennogo kontrolya) M., 1974. S. 18.

[11] Nistratov S.G. Kontrol' i nadzor kak garantii zakonnosti (teoretiko-pravovoj aspekt): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2012. S. 8.

[12] Sm.: Kainov A.S. Pravoohranitel'naya i pravozashchitnaya deyatel'nost' // Vektor nauki TGU. Seriya: YUridicheskie nauki. 2016. № 2 (25). S. 31.

[13] Sm.: Koshlevskij V.D. Prokuratura v sisteme organov gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii: teoreticheskij aspekt. Penza, 2007. S. 87.

[14] Sm.: Kardashova I.B. Prokuratura Rossijskoj Federacii v sisteme obespecheniya nacional'noj bezopasnosti // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2009. № 4 (12). S. 7-11.

[15] Sm.: Chechin V.A. Doktrinal'nye osnovaniya razvitiya prokuratury v Rossijskoj Federacii // Pravovaya kul'tura. 2015. № 3. S. 56.

[16] Sm.: Artem'ev A.B. Antropologiya korrupcii. SPb., 2011. S. 17.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-151-153

КОВАЛЁВ Сергей Викторович,
старший преподаватель кафедры
профессиональной подготовки ФГКОУ ВО
Восточно-Сибирский институт МВД России,
e-mail: serh-67kovalyov@yandex.ru

КОРРУПЦИЯ НА ЭТАПЕ СТРОИТЕЛЬНОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА

Аннотация. Коррупция в сфере строительного контроля и надзора остается одной из ключевых проблем, препятствующих устойчивому развитию инфраструктуры и обеспечению безопасности объектов. В статье анализируются механизмы коррупционных практик на этапах проверок, согласований и приемки строительных работ, рассматриваются их социально-экономические последствия, а также предлагаются меры по минимизации рисков.

Ключевые слова: коррупция, строительный контроль, надзор, цифровизация, безопасность.

KOVALEV Sergey Viktorovich,
Senior Lecturer of the Department
of Professional Training of the East
Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

CORRUPTION AT THE STAGE OF CONSTRUCTION CONTROL AND SUPERVISION

Annotation. Corruption in the field of construction control and supervision remains one of the key problems hampering the sustainable development of infrastructure and ensuring the safety of facilities. The article analyzes the mechanisms of corrupt practices at the stages of inspections, approvals and acceptance of construction work, examines their socio-economic consequences, and also proposes measures to minimize risks.

Key words: corruption, construction control, supervision, digitalization, security.

Строительный контроль и надзор – критически важные этапы реализации проектов, обеспечивающие соблюдение технических стандартов и безопасности. Однако именно здесь коррупция становится системной проблемой, подрывающей доверие к институтам власти и увеличивающей риски техногенных катастроф. Актуальность темы обусловлена ростом числа аварий, связанных с нарушениями в строительстве, а также экономическими потерями, которые, по оценкам Всемирного банка, достигают триллионы долларов ежегодно [2].

Коррупция в сфере строительного контроля и надзора представляет собой серьезную угрозу не только для экономики, но и для безопасности людей. Ее последствия могут быть катастрофическими, приводя к авариям, финансовым потерям и утрате доверия к государственным и коммерческим структурам.

Когда проверяющие органы или подрядчики действуют в коррупционных схемах, это приводит к формальному подходу к контролю. Нарушения технологий, использование дешевых некачественных материалов и несоблюдение проектной документации остаются без внимания. В результате возводятся здания с скрытыми дефектами, которые со временем могут привести к обрушениям, трещинам и другим аварийным ситуациям.

Истории с обрушением жилых домов, торговых центров и мостов часто связаны именно с коррупцией на этапе контроля. Если инспекторы закрывают глаза на нарушения за взятку, это ставит под угрозу жизни будущих жильцов, работников и посетителей объектов. Трагедии вроде обрушения «Зимней вишни» в Кемерово или дома в Магнитогорске – прямое следствие таких злоупотреблений.

Коррупционные схемы ведут к искусственному завышению смет, необоснованным изменениям проектов и откатам. В итоге застройщики и государство переплачивают, а конечные потребители (покупатели жилья, арендаторы) получают менее качественный продукт за те же или даже большие деньги.

Обнаружение коррупции в строительном надзоре влечет уголовные дела, штрафы и банкротства компаний. Кроме того, подрывается доверие к застройщикам и регулирующим органам, что негативно влияет на инвестиционный климат в отрасли.

Недобросовестные объекты требуют частых ремонтов, а иногда и полного сноса, что увеличивает расходы бюджета. Кроме того, коррупция отпугивает инвесторов, замедляя развитие строительной отрасли.

Коррупция в строительном контроле – это не просто финансовые махинации, а прямая угроза безопасности и устойчивому развитию. Борьба с ней требует прозрачности, жесткого надзора и ответственности всех участников процесса.

К проблематике коррупции в строительной сфере обращались различные ученые [6, с. 132]. Оценивая размеры строительной коррупции, исследователи опираются на анализ законодательства России, Европейского Союза и стран Азии в сфере строительного надзора, на содержание кейсов коррупционных схем, выявленных в практике, на исследование данных известной общественной антикоррупционной организации Transparency International, Global Infrastructure Anti-Corruption Centre (GIACC), на изучение экспертных интервью с участниками строительной отрасли и др.

Основными формами коррупции на этапе строительного контроля и надзора выступают:

- взятничество за ускорение согласований или сокрытие нарушений;
- фальсификация результатов экспертиз (например, занижение требований к материалам);
- так называемые «откаты» при заключении контрактов с подрядчиками [5, с. 430].

Ключевыми детерминантами коррупции в строительной сфере выступают:

- сложность административных процедур, провоцирующая поиск «обходных путей»;
- недостаточный уровень заработной платы работников, ответственных за осуществление контроля в строительной сфере, что создает мотивацию для злоупотреблений;
- непрозрачность системы надзора, отсутствие цифровизации данных [3, с. 436].

Важно отметить, что коррупция в строительной сфере порождает негативные последствия, которые выражаются в следующем:

- техногенные аварии (например, обрушение шахты «Листвяжная» в Кузбассе в 2021 году [7]);

- рост стоимости проектов из-за коррупционной «наценки»;

- деформация конкурентной среды, вытеснение добросовестных компаний.

Распространению коррупции в строительной сфере способствуют и правовые пробелы. В России, несмотря на ужесточение ответственности по статье 290 УК РФ «Получение взятки», сохраняется проблема двойственности норм [1]. Например, отсутствие четких критериев «существенных нарушений» позволяет работникам, ответственным за осуществление контроля в строительной сфере, трактовать их субъективно.

Если обратиться к международному опыту противодействия коррупции в строительной сфере, можно обратить внимание на Сингапур. В этой стране внедрение системы «Corenet» (централизованной цифровой платформы) сократило коррупцию за счет исключения личных контактов между работниками, ответственным за осуществление контроля в строительной сфере, и застройщиками [4].

Бороться с коррупцией в строительной сфере можно путем реализации предложений по оптимизации процесса контроля и надзора в данной сфере:

- цифровизация процессов (например, внедрение BIM-технологий (Building Information Modeling) для автоматизированного контроля качества);

- стимулирование «белых» схем: снижение административных барьеров для добросовестных участников;

- общественный мониторинг: создание платформ для обратной связи, где система позволяет гражданам сообщать о нарушениях.

В заключении отметим, что борьба с коррупцией в строительном контроле требует комплексного подхода: ужесточения законодательства, внедрения технологий и формирования этических стандартов в отрасли. Успешный зарубежный опыт демонстрирует, что снижение коррупции возможно при переходе к цифровым системам и повышению прозрачности. Еще одним шагом могло бы стать создание независимого надзорного органа в строительной сфере, подотчетного напрямую Правительству России, а не региональным властям.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] В результате коррупции мировая экономика каждый год теряет 2,6 трлн долларов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2018/12/1344641> (дата обращения: 26.03.2025).

[3] Бифов А.Б. Противодействие коррупции в строительном бизнесе // StudNet. 2020. Т. 3. № 3. С. 435–440.

[4] Внедрение BIM в Сингапуре: впечатляющий опыт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sapr.ru/article/25120> (дата обращения: 26.03.2025).

[5] Исламгазиева Э.Ш. Коррупция в сфере строительства // Перспективы развития строительного комплекса: материалы XV Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. Том 15. Астрахань: Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, 2021. С. 429–433.

[6] Михайлик А.А., Толстов А.С. Основные коррупционные схемы в сфере строительства в Российской Федерации // Epomen. Global. 2024. № 54. С. 132–138.

[7] Отбойный срок: почему владелец «Листвяжной» получил условное наказание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/1859698/elena-balaian-anastasiia-tarasenko/otboinyi-srok-pochemu-vladelec-listviazhnoi-poluchil-uslovnnoe-nakazanie> (дата обращения: 26.03.2025).

Spisok literatury:

[1] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 28.02.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.

[2] V rezul'tate korrupcii mirovaya ekonomika kazhdyj god teryaet 2,6 trln dollarov [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://news.un.org/ru/story/2018/12/1344641> (data obrashcheniya: 26.03.2025).

[3] Bifov A.B. Protivodejstvie korrupcii v stroitel'nom biznese // StudNet. 2020. Т. 3. № 3. С. 435–440.

[4] Vnedrenie BIM v Singapore: vpechatlyayushchij opyt [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://sapr.ru/article/25120> (data obrashcheniya: 26.03.2025).

[5] Islamgazieva E.SH. Korrupciya v sfere stroitel'stva // Perspektivy razvitiya stroitel'nogo kompleksa: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, molodyh uchenyh i studentov. Tom 15. Astrahan': Astrahanskij gosudarstvennyj arhitekturno-stroitel'nyj universitet, 2021. S. 429–433.

[6] Mihajlik A.A., Tolstov A.S. Osnovnye korrupcionnye skhemy v sfere stroitel'stva v Rossijskoj Federacii // Epomen. Global. 2024. № 54. S. 132–138.

[7] Otbojnyj srok: pochemu vladelec «Listvyazhnoj» poluchil uslovnnoe nakazanie [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://iz.ru/1859698/elena-balaian-anastasiia-tarasenko/otboinyi-srok-pochemu-vladelec-listviazhnoi-poluchil-uslovnnoe-nakazanie> (data obrashcheniya: 26.03.2025).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-154-160

СОЛОВЬЕВ Андрей Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Московского педагогического государственного университета (МПГУ)
профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина,
Председатель Арбитражного суда Московской области,
e-mail: solov.arbitr@rambler.ru

ШЕЯФЕТДИНОВА Наталья Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Московского педагогического государственного университета (МПГУ)
доцент кафедры КБ-12 «Правовое обеспечение национальной безопасности»
«МИРЭА- Российский технологический университет»,
e-mail: SheiafetdinovaUP@mail.ru

РОЗАНОВА Елизавета Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права
Московского педагогического государственного
университета (МПГУ),
e-mail: diamondliza@mail.ru

ПОРТНАЯ Елизавета Борисовна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры КБ-12 «Правовое обеспечение национальной безопасности»
ФГБОУ ВО «МИРЭА- Российский технологический университет»,
e-mail: portnaya.elizaveta@list.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ ПРИНЦИПА НРАВСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретико-правовых вопросов реализации принципа нравственности государственного управления, который заключается в соответствии действий государства определенным требованиям, независимо от того, насколько они в таком случае не будут соответствовать интересам отдельных граждан.

Авторы также останавливаются на проблемах императива нравственности государственных служащих.

Ключевые слова: нравственность, государственное управление, государственные служащие, нравственное измерение государства, ценности.

SOLOVYEV Andrey A.,
professor, doctor of science (Law),
Moscow State Pedagogical University,
Kutafin Moscow State Law University,
Chairman of the State Commercial Tribunal
of Moscow Region.

SHEIAFETDINOVA Natalia A.,
*candidate of legal sciences,
 associate Professor of the Department of theory
 of history of state and law Moscow State Pedagogical University,
 associate Professor of the Department of "Legal provision of national security"
 of the Russian Technological University*

ROZANOVA Elizabeth V.,
*candidate of legal sciences associate Professor
 of the Department of theory of history of state and law
 Moscow State Pedagogical University*

PORTNAYA Elizabeth B.,
*candidate of Sociological Sciences,
 associate Professor of the Department of KB-12
 «Legal support of national security» of the Russian
 Technological University,
 Moscow, Russian Federation*

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE CONTENT OF THE PRINCIPLE OF MORALITY OF PUBLIC ADMINISTRATION

Annotation. *The article is devoted to the study of theoretical and legal issues of the implementation of the principle of morality of public administration, which consists in meeting the actions of the state with certain requirements, regardless of how much they will not correspond to the interests of individual citizens in this case. The authors also focus on the issues of the imperative of morality of civil servants.*

Key words: *morality, public administration, civil servants, the moral dimension of the state, values.*

Государственная деятельность предполагает базовые морально-этические ориентиры архитектуры взаимодействия государства и общества. Нравственность в подобном взаимодействии важна как с содержательной, так и с имиджевой позиций функционирования государства. В условиях новых современных вызовов, с которыми столкнулась наша страна, очевидно, что проблема реализации принципа нравственности государственного управления приобрела особую значимость.

Без должного умственного отношения и моральных качеств со стороны государственного служащего нормативные системы, не могли бы существовать и не могли быть осмысленно прилагемы. Благородство любого общества особенно инкапсулировано и проявляется в мире на личном примере его общественных лидеров и государственных служащих [3, р. 243].

Тенденцией государственного управления стала формализация механизмов для работы с проблемами этики. Там, где такие формальные механизмы существуют, тенденцией было расширение и ужесточение кодексов. К большей части перечисленного, по-видимому, правительство было принуждено, так как граждане ответили на

растущий масштаб и вездесущность правительственной деятельности беспокойством о ценностях и приверженности правительства нравственным принципам. [17, р. 100]

Принцип нравственности государственного управления заключается в соответствии действий государства определенным требованиям, независимо от того, насколько они в таком случае не будут соответствовать интересам отдельных одиночных граждан. Такие требования к действиям государства включают в себя следующее:

- обеспечение и способствование общей защите политической свободы как гарантии более общей свободы;
- оставление возможностей для отмены или изменения такого действия;
- реализация такого действия в рамках иерархии контроль, в которой ответственность за такое действие может быть четко определена;
- такое действие воплощает ответ на общественные потребности, а не на личные потребности лидеров государства [2, р. 36].

Синтия Линч и Томас Линч отмечают, что «демократическая нравственность» позволяет поддерживать демократический режим управле-

ния, так как государственные служащие являются частью демократического процесса, который объединяет частные интересы в демократические публичные интересы, направленные на обеспечение блага для всех [14, р. 23]. Говорят также об «административной нравственности», которую определяют как использование религиозных, политических или социальных принципов для создания стандартов, в соответствии с которыми можно оценивать качество государственного управления, относя к таким стандартам: честность, отзывчивость, эффективность и действенность, компетентность, влияние соблюдения индивидуальных прав на демократические процедуры и общественное равенство [16, Р. 67].

Государственные учреждения и представители государственной власти, как отмечает Чарльз Гарофало, обладают особым нравственным статусом (о котором сегодня нередко забывается), так как они существуют для того, чтобы служить интересам общества, служить ценностям, которые, по мнению общества, являются достаточно важными и заслуживающими поддержки. Государственные управленцы должны оправдывать свои цели и средства, с помощью которых они их преследуют, как нечто, что продвигает общественные ценности. Они выводят свое профессиональное существование из этих ценностей и посвящают себя их охране. Это преданность идентична гражданской, той, которая ожидается от тех, кто обладает статусом гражданина... Таким образом, государственное управление в целом и государственные служащие-управленцы в частности могут заявлять о нравственной легитимности управления [11, р. 347].

В массив фундаментальных принципов и критериев, интегрирующих и приводящих в порядок процесс решения этических дилемм в государственном управлении входят: 1) демократическая подотчетность управления, 2) верховенство права и принцип законности, 3) профессиональная добросовестность, 4) отзывчивость в отношении гражданского общества. При этом основными детерминантами административного поведения в публичном секторе являются: 1) широкий политический контекст, в рамках которого функционируют административные организации; 2) правовая система и применяющийся к ней тип правового режима; 3) совокупность государственных служащих, образующих собой персонал государственных услуг 4) многообразие граждан и пользователей государственных услуг, образующее собой определенный тип гражданского общества. Взаимозависимость и взаимосвязанность этих различных основных предпосылок этического рассуждения в государственном управлении указывает на то, что дилеммы могут быть разрешены только

лишь эффективным и нравственно допустимым способом и таким образом, чтобы обеспечить полную подотчетность и надлежащее принятие во внимание следующих четырех функционально связанных императивов: 1) принцип демократической легитимности и подотчетности государственной бюрократии и управления; 2) верховенство права и принцип законности, в силу которых закон и только закон должен регулировать управление; 3) принцип меритократии, профессиональной добросовестности, автономии и емкости административного аппарата государства; 4) принцип отзывчивости и подотчетности управления перед гражданским обществом [15, р. 255–256].

Согласно И.В. Понкину, содержание принципа нравственности государственного управления (как одного из важнейших и приоритетных принципов в этом) раскрывается через то, что этот принцип: 1) предполагает человечность в государственном управлении и связанность государственного управления нравственными императивами (нормами нравственности как нормативной системы) и морально-нравственными обоснованиями, формирует и императивно определяет ценностно-мировоззренческие основания и рамки функционирования всего государства и его органов, реализации всего публичного управления в целом – в постоянном жестком соотношении с нравственными измерениями и императивами; 2) формирует и императивно определяет фундаментальные ценностно-мировоззренческие основания и рамки отношения публичной власти к своему народу и к личности, к своей стране и ее богатствам, ее настоящему, будущему и прошлому; 3) конкретизируется в идее нравственного служения (служения государства народу, служения чиновника государству, а через это – народу), служения ответственного и нравственного; 4) предопределяет обязанность государства (в лице его органов) выступать в качестве источника и организатора нравственного порядка (как составной части и основы социального порядка), в качестве хранителя и транслятора цивилизационно-культурного кода народа и страны и фундаментальных традиционных нравственных идеалов, в качестве обеспечителя нравственного иммунитета народа страны в отношении разрушительных факторов; 5) детерминирует приоритет нравственных стратегических ценностей и целей над нравственно-сниженными утилитарно-прагматическими; 6) детерминирует нравственность в качестве фундамента правовой системы; 7) формирует и императивно определяет ценностно-мировоззренческие основания, рамки и пределы интерреляций национального публичного порядка с международными и иностранными публичными порядками [1, с. 184–185].

Важна не только высокая нравственность, видимость такой нравственности также чрезвычайно важна для эффективного осуществления работы правительства. Это устанавливает более высокий стандарт не только для поведения, но и стандарт для достижения консенсуса и сообщения, повсеместно встречаемый за пределами государственного управления. Политики погрязли в таком количестве скандалов за последнюю четверть века, что мнение общество о государственных управленцах деградировало до опасных уровней. Несмотря на важность такой видимости, происходящую из того, какую веру и гордость она вселяет, чрезвычайный упор на видимость может отнимать силы и внимание от решения проблем, приводить к незаслуженному вниманию на «шоу» и порождать климат секретности или утаивания [19, р. 529–530]. То есть нужно оптимальное распределение.

Не менее важна также проблема императива нравственности государственных служащих. Данный вопрос, несмотря на его относительно обширную исследованность, тоже нельзя назвать исчерпанным.

Добросовестное государственное управление ныне является допустимой целью для государственных служащих в развивающихся странах, с которых спрашивается не только стремление к профессиональному совершенству, но и прозрачность и справедливость во всех транзакциях, а также приверженность моральным принципам во взаимодействии с требованиями граждан [18, р. 65].

Этичное государственное управление требует от представителей государственной власти того, чтобы они придерживались принципа службы другим, устанавливая для себя высокий стандарт нравственного поведения и расценивая свои должности как призвания.

Этичная государственная служба оберегает хороших служащих от скандалов, подрывающих репутацию правительства, и, таким образом, укрепляет доверие и уверенность общества в процесс управления, а также укрепляет восприятие легитимности [6, р. 3–4].

Поведение государственного служащего едва ли может быть названо этическим, если он пренебрегает своими обязанностями государственной должности и общественными интересами, присваивает государственные ресурсы для личной выгоды и удовлетворения личных стремлений посредством взяточничества, присвоения и растраты, вымогательства, казнокрадства, nepotизма и всего тому подобного, и принимает решение воспользоваться возможностями, которые возникают у него при исполнении служебных обязанностей. В наше время, этическое поведение

свелось к «воздержанию от греха». Ответственное поведение может зависеть либо от сознательности отдельно взятых государственных служащих, сформированной их личным, образовательным и профессиональным опытом, либо от осуществления учреждением внешнего контроля. Какой из двух механизмов окажется эффективным зависит от социального и узкого контекста, в котором государственные служащие ведут свою деятельность [13, Р. 595].

Этические идеалы, лежащие в основе государственного управления во многих странах, диктовали, что государственные служащие должны проявлять такие черты, как задание высокого стандарта поведения, чувство солидарности, самопожертвование, чувство общественного долга и общая заинтересованность в социальном благе. К сожалению, эти идеалы вступили в конфликт с узкими взглядами, характерными для профсоюзов и трудовых организаций работников. Они скорее делают упор на такую точку зрения, согласно которой государственная служба – это всего лишь работа. Они не принимают традиционную роль государственных служащих, в рамках которой понятие долга всегда служить обществу и жертвовать даже собственной личной жизнью во имя высших целей считалось более важным, чем взгляды профсоюзов на трудовую этику. Таким образом, современное государственное управление сталкивается с естественным конфликтом между традиционными ожиданиями тех, кто служит государству, и альтернативными ожиданиями государственных служащих, полагающих, что их обязанность служить ограничена только теми обязанностями, которые перечислены в их должностной инструкции и за которые они несут юридическую (но необязательно этическую) ответственность. [7, р. 297–298]

В то время, как существование неэтичного поведения, нарушений профессиональной этики и коррупции может расцениваться, как симптом неисправности государственных институтов, они также могут объясняться и иными причинами. С одной стороны, это может быть четкой манифестацией корыстности и безразличия. С другой же, это может объясняться такими социальными обязанностями и экономическими условиями, которые заводят лиц в ситуации, в которых им приходится принимать этически сложные решения для того, чтобы управляться со своими повседневными жизнями. Таким образом, то, что может показаться неэтичным поведением снаружи, не всегда является признаком регрессии нравственности того или иного лица. Иногда это может объясняться путаницей между частными и публичными этическими требованиями. В других случаях это может быть попыткой найти альтернативные,

работоспособные этические решения в ситуации, в которой нормы публичной нравственности уже нарушены или в которой общественное доверие уже подорвано [12, р. 138].

Полноценная нормативная этика государственного управления должна включать в себя: 1) понимание надлежащих этических принципов; 2) установление ценностей, поддерживающих эти принципы; 3) методы, которые могут применяться в определенных ситуациях с целью интерпретации принципов [5, р. 321]. Этические требования, предъявляемые государственным служащим, явно отличаются от таковых, предъявляемых к лицам от мира частного бизнеса [10, р. 121]. Принцип нравственного поведения государственных служащих заключается в необходимости проявления последними компетентного, эффективного, лояльного, ответственного, честного и подотчетного поведения [8, р. 43]. Как указывает Онкар Просад Дживеди, краеугольным камнем бюрократической нравственности является отделение администрации от политики, которое предполагает, что служащие органов публичной власти не должны стремиться удовлетворять политические интересы, и их деятельность должна быть направлена на удовлетворение публичных интересов [9, р. 163].

Кроме того, по мнению Онкара Просада Дживеди, государственный служащий должен демонстрировать наличие некоторых определенных внутренних установок, в частности, признавать нравственные последствия реализации государственной политики и совершения управленческих действий, осознавать нравственные дилеммы, присущие государственной политике, осознавать противоречивые и конкурирующие интересы различных социальных групп, а также иметь чувствительность к парадоксам правил или процедур, которые могут приводить к разочаровывающим и некорректным действиям [9, р. 163].

По мнению Пола Хэнсона Эппли, нравственный государственный администратор наделен, в том числе, следующими атрибутами: 1) чувство ответственности; 2) навыки общения и управления персоналом; 3) способность развивать и использовать институциональные ресурсы; 4) готовность участвовать в решении проблем и работать с другими в команде; 5) предпочтение находиться под влиянием общественных потребностей и интересов, а не использование чисто бюрократической власти [2].

Но это все – лишь поверхностные взгляды. Есть и онтологически существенно более сложные интерпретации, действительно, позволяющие создать интеллектуальные концептуальные платформы для осмысления исследуемого тематического горизонта.

Согласно Стивену Козну и Уильяму Эймике, оценка этического содержания деятельности государственных служащих требует того, чтобы они проецировали вероятные результаты своих действий и затем анализировали их согласно своим собственным представлениям о нравственности. То, что каждое отдельно взятое лицо будет применять свое собственное определение нравственности на государственных действиях, может звучать ужасающе, но у нас едва ли есть выбор. Остается лишь надеяться, что мы разделяем достаточно ценностей и нравственных установок для ведения благоразумной, согласующейся и этичной государственной политики. Наибольшей опасностью являются не преднамеренно неэтичные политические меры, а не преднамеренно неэтичные. В условиях быстроразвивающихся событий этические размышления становятся роскошью. Управленцы не вознаграждаются за трату времени на серьезное рассмотрение нравственности своих действий. Коррупция зачастую начинается с мелочей – бесплатного обеда или бутылки алкогольного напитка. Если государственные управленцы не проводят абсолютную черту, они вскоре могут начать оправдывать все большие и менее тактичные воздаяния. Отказываясь от всех подарков, государственные управленцы избегают необходимости анализировать и принимать решение по каждому из них. Это просто-напросто цена государственной службы [4, р. 107–108].

Нравственность в государственной деятельности позволяет более фундаментально выстроить алгоритмы взаимодействия с гражданами. В частности, цементирующим нормативным регулятором в таком случае выступает не только право, но и мораль, что делает нарушения государством своих обязанностей по отношению к гражданам, не только противоправным, но и предосудительным делом. Нарушения же со стороны граждан в адрес государства также могут рассматриваться как аморальное противоправное деяние. Однако не следует забывать и о тонких настройках такого инструментария как нравственность, что делает обязательным своевременное реагирование государства на изменения общественного мнения по тем или иным вопросам.

Список литературы:

- [1] Понкин И.В. Теория государственного управления: Учебник / Предисл. А.Б. Зеленцова. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 529 с.
- [2] Appleby P.H. *Morality and Administration in Democratic Government*. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1952. XIII; 261 p.
- [3] Bailey S.K. *Ethics and the public service* // *Public Administration Review*. 1964. Vol. 24. № 4. P. 234–243.

- [4] Cohen S., Eimicke W.B. Ethics and the public administrator // *The annals of the American academy of political and social science*. 1995. Vol. 537. № 1. P. 96–108.
- [5] Cooper T.L. Hierarchy, virtue, and the practice of public administration: A perspective for normative ethics // *Public Administration Review*. 1987. № 4. P. 320–328.
- [6] Dwivedi O. Public service ethics in a globalised world: the duty to serve and responsibility to care // *Indian Journal of Public Administration*. 2011. Vol. 57. № 1. P. 1–14.
- [7] Dwivedi O. Reflections on Moral Government and Public Service as a Vocation // *Indian Journal of Public Administration*. 1995. Vol. 41. № 3. P. 296–306.
- [8] Dwivedi O.P. Bureaucratic Morality, Corruption and Accountability // *Development Administration. From Underdevelopment to Sustainable Development*. – Ed. by O.P. Dwivedi. – London: Palgrave Macmillan, 1994. P. 43–68.
- [9] Dwivedi O.P., Olowu D. Bureaucratic Morality: An Introduction // *International Political Science Review / Revue internationale de science politique*. 1988, July. – Vol. 9. – № 3, Bureaucratic Morality / La Morale bureaucratique. P. 163–165.
- [10] Elcock H. Ethics and the public interest: A question of morality // *Teaching Public Administration*. 2012. Vol. 30. № 2. P. 115–123.
- [11] Garofalo C. With Deference to Woodrow Wilson: The Ethics–Administration Dichotomy in American Public Service // *Public Integrity*. 2008. Vol. 10. № 4. P. 345–354.
- [12] Hellsten S., Larbi G. A. Public good or private good? The paradox of public and private ethics in the context of developing countries // *Public Administration and Development: The International Journal of Management Research and Practice*. 2006. Vol. 26. № 2. P. 135–145.
- [13] Khan M. M., Rahman M. H., Siddiquee N. A. Ethics and public service in Bangladesh // *Indian Journal of Public Administration*. 1995. Vol. 41. № 3. P. 592–608.
- [14] Lynch C.E., Lynch T.D. Democratic Morality // *Ethics and Integrity in Public Administration. Concepts and Cases* / Ed. by R.W. Cox III. – New York: M.E. Sharpe, 2009. – 268 p.
- [15] Makrydemetres A. Dealing with ethical dilemmas in public administration: The «ALIR»-imperatives of ethical reasoning // *International Review of Administrative Sciences*. 2002. Vol. 68. № 2. P. 251–266.
- [16] Marume S.B.M., Chikasha A.S. Administrative Ethics // *International Journal of Business and Management Inventon*. 2016, August. Vol. 5. № 8. P. 67–70.
- [17] Menson T. P. Ethics and state budgeting // *Public Budgeting & Finance*. 1990. Vol. 10. № 1. P. 95–108.
- [18] Noor A. Ethics, religion and good governance // *Journal of Administration and Governance*. 2008. Vol. 3. № 2. P. 62–77.
- [19] Van Wart M. The sources of ethical decision making for individuals in the public sector // *Public Administration Review*. 1996. Vol. 56. P. 525–533.

Spisok literatury:

- [1] Ponkin I.V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya: Uchebnik / Predisl. A.B. Zelenczova. – М.: INFRA-M, 2019. – 529 s.
- [2] Appleby P.H. Morality and Administration in Democratic Government. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1952. XIII; 261 p.
- [3] Bailey S.K. Bailey S.K. Ethics and the public service // *Public Administration Review*. 1964. Vol. 24. № 4. P. 234–243.
- [4] Cohen S., Eimicke W.B. Ethics and the public administrator // *The annals of the American academy of political and social science*. 1995. Vol. 537. № 1. P. 96–108.
- [5] Cooper T.L. Hierarchy, virtue, and the practice of public administration: A perspective for normative ethics // *Public Administration Review*. 1987. № 4. P. 320–328.
- [6] Dwivedi O. Public service ethics in a globalised world: the duty to serve and responsibility to care // *Indian Journal of Public Administration*. 2011. Vol. 57. № 1. P. 1–14.
- [7] Dwivedi O. Reflections on Moral Government and Public Service as a Vocation // *Indian Journal of Public Administration*. 1995. Vol. 41. № 3. P. 296–306.
- [8] Dwivedi O.P. Bureaucratic Morality, Corruption and Accountability // *Development Administration. From Underdevelopment to Sustainable Development*. – Ed. by O.P. Dwivedi. – London: Palgrave Macmillan, 1994. P. 43–68.
- [9] Dwivedi O.P., Olowu D. Bureaucratic Morality: An Introduction // *International Political Science Review / Revue internationale de science politique*. 1988, July. – Vol. 9. – № 3, Bureaucratic Morality / La Morale bureaucratique. P. 163–165.
- [10] Elcock H. Ethics and the public interest: A question of morality // *Teaching Public Administration*. 2012. Vol. 30. № 2. P. 115–123.
- [11] Garofalo C. With Deference to Woodrow Wilson: The Ethics–Administration Dichotomy in American Public Service // *Public Integrity*. 2008. Vol. 10. № 4. P. 345–354.
- [12] Hellsten S., Larbi G. A. Public good or private good? The paradox of public and private ethics in the context of developing countries // *Public Administration and Development: The International Journal*

of Management Research and Practice. 2006. Vol. 26. № 2. P. 135–145.

[13] Khan M. M., Rahman M. H., Siddiquee N. A. Ethics and public service in Bangladesh // Indian Journal of Public Administration. 1995. Vol. 41. № 3. P. 592–608.

[14] Lynch C.E., Lynch T.D. Democratic Morality // Ethics and Integrity in Public Administration. Concepts and Cases / Ed. by R.W. Cox III. – New York: M.E. Sharpe, 2009. – 268 p.

[15] Makrydemetres A. Dealing with ethical dilemmas in public administration: The «ALIR»-imperatives of ethical reasoning // International Review of Administrative Sciences. 2002. Vol. 68. № 2. P. 251–266.

[16] Marume S.B.M., Chikasha A.S. Administrative Ethics // International Journal of Business and Management Invention. 2016, August. Vol. 5. № 8. P. 67–70.

[17] Menson T. P. Ethics and state budgeting // Public Budgeting & Finance. 1990. Vol. 10. № 1. P. 95–108.

[18] Noor A. Ethics, religion and good governance // Journal of Administration and Governance. 2008. Vol. 3. № 2. P. 62–77.

[19] Van Wart M. The sources of ethical decision making for individuals in the public sector // Public Administration Review. 1996. Vol. 56. P. 525–533.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-161-167

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

ШЕРКУНОВ Сергей Александрович,

кандидат экономических наук,

доцент кафедры государственного и муниципального управления

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,

Россия, г. Москва,

e-mail: scherckunov@yandex.ru

РЫЖОВ Валерий Борисович,

кандидат юридических наук, доцент,

заместитель главного редактора журнала «Образование и право»,

Россия, г. Москва,

e-mail: valeriy_ryzhov@mail.ru

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Аннотация. В статье уточнены понятия плана, планирования. Представлен опыт реализации государственных планов в Советской России и индикативных планов в зарубежных странах. Выработаны предложения по формированию стратегий развития отраслей народного хозяйства и территориальных социально-экономических систем. Сделан акцент на междисциплинарный подход к формированию стратегий развития социально-экономических систем любого уровня.

Ключевые слова: план, планирование, планизм, государственный план, индикативное планирование, стратегическое планирование, стратегия, социально-экономическая система.

SHERKUNOV Sergey Alexandrovich,

hD in Economics, Associate Professor of the Department

of State and Municipal Management Moscow

Pedagogical State University,

Moscow, Russia

RYZHOV Valery Borisovich,

PhD in Law, Associate Professor,

Deputy Editor-in-Chief of the journal

“Education and Law”, Moscow, Russia

THE ROLE OF STRATEGIC PLANNING IN MANAGING THE DEVELOPMENT OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

Annotation. In this article, the concepts of plan and planning are clarified. The experience of implementing state plans in Soviet Russia and indicative plans in foreign countries is presented. Proposals have been developed for the formation of strategies for the development of sectors of the national economy and territorial socio-economic systems. The emphasis is placed on an interdisciplinary approach to the formation of socio-economic systems development strategies at any level.

Key words: plan, planning, planism, state plan, indicative planning, strategic planning, strategy, socio-economic system.

Современные экономические системы разных стран облагают государство основной ответственностью за создание благоприятных условий для устойчивого развития экономики [10, с. 68]. Одним из инструмен-

тов для достижения этой цели является плановый подход в различных областях общественных отношений.

В «Большой энциклопедии» издательства «Терра» слово – «план» (от лат. planum – пло-

скость) в буквальном смысле означает «то же, что горизонтальная проекция, вид сверху» [6, с. 50]. Такое понимание термина, по сути, исключает дискуссии относительно структуры и объёма документа. План должен быть «как на ладони», то есть, понятен, конкретен и прозрачен.

За достаточно продолжительный период ведения планового хозяйства в нашей стране, слово «план» утратило своё первоначальное значение и, собственно говоря, план всё больше стал представлять собой многотомный, громоздкий, сложный для восприятия документ, даже в постсоветский период. Двухтомные и многотомные варианты стратегий социально-экономического развития «распыляют» видимость ориентиров, не дают чёткого представления о приоритетных направлениях развития. Важно осознавать, что экономическое развитие — это качественные изменения в устройстве хозяйственных систем, которые приводят к структурным сдвигам в политической, социальной, экологической, культурной, научной и прочих сферах человеческой жизни [9, с. 18]. А забюрократизированные варианты стратегий ни коим образом не соотносятся с базовыми принципами ведения рыночного хозяйства и управления экономикой, они возвращают нас к прежним формам организации деятельности. Стратегия должна отличаться компактностью, краткостью и лаконичностью, и, одновременно, быть высокоинформативным документом. В настоящее время к властям и разработчикам документов приходит понимание того, что все-таки «краткость — сестра таланта».

План имеет тесную связь с понятием прогноза. По выражению французских экономистов И. Бернара и Ж.-К. Колли «план» (англ., нем., исп.: plan) — есть «совокупность прогнозов и экономических целей, для достижения которых в гармоничное целое объединяются определённые средства» [5, с. 343].

Будучи предметом планирования, план представляет собой руководство к действию.

Планы различаются по целому ряду признаков. По степени принуждения к исполнению выделяют обязательные (директивные) планы и индикативные планы, «советующие», «ориентирующие», носящие рекомендательный характер;

Планирование (англ.: planning, нем.: planung, исп.: planificación) — это организация экономического развития на основе оптимальной структуры целей и соответствующих средств для их достижения [5, с. 346]. Планирование соотносится с разработкой замысла определённого вида деятельности и, традиционно включает формирование планов стратегического развития, комплекса мероприятий по их выполнению, создание системы мониторинга реализации целевых установок.

Стратегическое планирование — центральное звено стратегического управления и основа разработки управленческих решений [8; 13].

Институт планирования социально-экономического развития, как таковой, впервые появился в Советской России.

В целях координации деятельности по формированию и реализации государственных планов социально-экономического развития, отдельных отраслей народного хозяйства, в феврале 1921 г. было учреждено специальное ведомство — Государственная общеплановая комиссия (Госплан), которую возглавил Г.М. Кржижановский.

В 1925 г. были выданы первые контрольные цифры развития народного хозяйства СССР для прогнозирования. Пионерный пятилетний план социально-экономического развития Союзного государства был сформирован в 1927 г.

Примечательно, что на начальном этапе социалистического строительства, допускалась дискуссия по вопросу применения плановых методов ведения хозяйства. Под руководством Г.М. Кржижановского разработаны отправной (минимальный) и оптимальный планы развития народного хозяйства СССР на 1928/1929—1932/1933; вопреки мнению И. В. Сталина, Г.М. Кржижановский настаивал на том, что основным планом должен стать отправной вариант, учитывавший возможные неблагоприятные условия развития экономики. В декабре 1927 г. в структуре Госплана СССР была образована Центральная комиссия перспективного планирования во главе с Г.М. Кржижановским, его заместители — Г.Ф. Гринько и С.Г. Струмилин. Комиссия разработала генеральный план развития страны на 15 лет, который не был принят, не реалистичен. Проект нового Генерального плана развития народного хозяйства СССР (прообраз стратегии) был составлен в 1941 г. на 1943-1957 гг. (на 15-летний период), но, ему не удалось воплотиться в жизнь. В 1947 г. Председатель Госплана Н.А. Вознесенский предложил разработать Генеральный план развития экономики СССР на 20-летний период, но, поддержки в Политбюро не получил. В 1961 г., при Н.С. Хрущёве на XXII съезде была принята Программа экономического развития на 20 лет, как и предлагал Н.А. Вознесенский, по истечении которых «в СССР будет в основном построено коммунистическое общество». Однако уточнялось: «Полностью построение коммунистического общества завершится в последующий период». Программа носила декларативный характер.

На среднесрочную перспективу принимались пятилетние планы. В период так называемой «хрущёвской оттепели», выполнение очередного пятилетнего плана, рассчитанного на 1956 — 1960 гг., было приостановлено, и он был заменён

семи-летним планом, сроком действия с 1959 по 1965 гг. [12, с. 131-132]. В новом плане определённым образом были пересмотрены приоритеты. Теперь большее внимание в документе уделялось производству предметов потребления.

В советское время даже получило развитие понятие планизма, что означало заведомое стремление к плановой организации любого рода деятельности. После упразднения Госплана СССР в апреле 1991 г. (еще один повод к образованию ГКЧП в августе 1991 г.), его функции были переданы Министерству экономики и прогнозирования СССР (1 апреля – 26 декабря 1991 г.; который возглавил В.И. Щербаков, находившийся в ранге первого заместителя Председателя Совета Министров СССР).

Кризис 1990-х гг. был определён академиком А.Г. Аганбегяном не иначе как «кризис централизованного планового хозяйства» [4, с. 4]. На месте того, что разрушили – образовался «вакуум».

Практика индикативного планирования появилась в послевоенной Европе. Индикативные планы оперируют макроэкономическими показателями-индикаторами, которые устанавливаются в виде коридоров с нижним и верхним значением и носят векторный характер. Первый индикативный план в соответствии с политикой государственного дирижизма (экономического дирижизма, государственного регулирования экономики) был разработан во Франции, в 1947 г., Нидерландах – в 1948 г. В Нидерландах имеется практика долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития, прогнозы составлялись на 20-летний период. Во Франции был создан Генеральный комиссариат по планированию.

Экономисты выделяют три этапа (последовательные формы) развития индикативного планирования: (1) конъюнктурный – на этом этапе целью планирования является изменение экономической конъюнктуры в лучшую сторону с помощью системы макрорегуляторов; (2) структурный, когда акцент смещается на структурную политику в отношении отраслей, секторов экономики или территорий; (3) стратегический, когда у индикативного плана значительно расширяются временные рамки, происходит более глубокое согласование интересов всех субъектов экономики. Так, в Великобритании с 2002 г. реализуется «Промышленная стратегия правительства» с масштабным планом модернизации британской транспортно-логистической системы.

Все Стратегии национальной безопасности США ориентированы не только на распространение американского влияния и защиту американского образа жизни, но и на обеспечение процветания страны – повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции и рост производи-

тельности труда; сохранение имеющихся и приобретение новых рынков сбыта товаров; обеспечение энергетической и экологической безопасности, решение проблем энергосбережения и использования нетрадиционных источников получения электроэнергии; реализацию инновационно-инвестиционных проектов, развитие инфраструктуры; сохранение, рациональное использование и воспроизводство человеческого капитала, создание новых рабочих мест [14, с. 216].

Социалистические страны. Реформирование экономики КНР под руководством Дэн Сяопина, началось с роспуска «народных коммун» и перевода предприятий АПК на долгосрочную аренду государственной земельной собственности, сопровождалось сокращением доли государственных предприятий до 20 %. В 1992 г. Компартия КНР провозгласила хозяйственную систему страны «социалистической рыночной экономикой»; государственные планы развития приобрели индикативный характер. С элементами индикативного планирования формировались планы социально-экономического развития ГДР, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Польши.

Планирование остаётся одной из важнейших функций государственного менеджмента (государственного администрирования), методом осуществления государственной социально-экономической политики.

Стратегическое планирование развития социально-экономической системы (далее – СЭС) любого уровня – деятельность органов публичной власти по консолидации усилий сообщества, направленных на формирование общих целевых установок и выработку приоритетных направлений социально-экономического развития, сохранение, рациональное использование и приумножение имеющихся ресурсов, активизацию факторов роста, создание конкурентных преимуществ, обеспечивающих выход СЭС на качественно новый уровень развития.

Вектор развития СЭС на долгосрочную перспективу задаётся соответствующей стратегией. В Большой российской энциклопедии отсутствует трактовка понятия «экономическая стратегия» (есть – «стратегия военная», «стратегические силы»). На основе анализа современной литературы, под «стратегией» мы будем понимать систему крупномасштабных решений, реализация которых направлена на достижение долговременных целей на уровне СЭС, в той или отрасли экономики, сфере деятельности [6, с. 333].

Стратегия может рассматриваться в качестве «общего плана» [15, с. 780] действий органов государственной власти и местного самоуправления, руководства предприятий и организаций по вопросам формирования бюджета, контроля

доходов и расходов, осуществления капиталовложений, использования материально-технических, информационных, человеческих и организационных ресурсов. Основные результаты реализации Стратегии:

- ускорение темпов экономического роста;
- изменение динамики социально-экономических показателей (достижение положительной динамики);
- обеспечение выхода системы на качественно новый уровень развития.
- Представители различных научных школ и направлений ставили целью внести свой вклад в формирование понятия «стратегия».

В соответствии с теорией самоорганизующихся систем, в системологии различают два типа стратегий: (1) стратегии, ориентированные на эволюционный путь развития и (2) стратегии, для которых свойственен революционный характер развития. Последние призваны кардинальным образом изменить структуру и распределение функций в СЭС. При выборе соответствующего типа стратегии следует учитывать исходное состояние СЭС, её восприимчивость к изменениям [8; 13].

По рекомендациям Министерства экономического развития РФ, Стратегии развития отраслей экономики разрабатываются, как правило, если удовлетворяют одному из следующих критериев:

- доходы федерального бюджета от рассматриваемой отрасли занимают или будут занимать в перспективе более 1% общего объема доходов;
- вклад отрасли в ВВП в перспективе будет более 1%;
- отрасль обеспечивает решение задач технологического развития;
- отрасль обеспечивает выпуск продукции, направленной на поддержание безопасности и обороноспособности России;
- отрасль имеет или приобретает межотраслевой характер и показатели этой отрасли оказывают существенное влияние на развитие смежных отраслей экономики.

Стратегия развития территориальной СЭС должна разрабатываться в «русле синергии», быть результатом согласованных действий различных субъектов социально-экономической политики: публичной власти, бизнес-сообщества, политических партий и общественных организаций.

В 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1] приводятся трактовки понятия Стратегии развития территориальной СЭС, используя определенный шаблон и перестановку фраз:

- стратегия социально-экономического развития Российской Федерации – документ стратегического планирования, содержащий систему долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления, направленных на обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1] Министерство экономического развития России разрабатывает Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации до 2050 года» (Стратегия 2050) [2]. На портале Центра стратегических разработок размещена ссылка на аналитический материал подготовленный экспертами этой организации «Стратегии развития страны 2018-2024» [3]. По согласованию с Президентом РФ В.В. Путиным определены 7 приоритетов: 1. «Важен каждый» (высокотехнологическая медицинская помощь, улучшение демографической ситуации, индивидуальные траектории обучения, дополнительное профессиональное образование, профилактика вредных привычек, развитие массовых видов спорта, адресная поддержка малоимущих граждан; 2. «Страна возможностей» (развитие предпринимательских способностей, к 2025 г. «живая инициатива станет двигателем экономического развития страны», уроки предпринимательства в школах, учебные курсы в вузах, организация работы предпринимателей с государственными органами исключительно в электронной среде, стартапам – налоговые каникулы на один год, оптимизация контрольно-надзорных мероприятий); 3. «Технологическая революция» (перевод отраслей на цифровой режим функционирования (цифровые платформы), применение новых технологий в реальном секторе экономики, создание новых производств и отраслей – постуглеродная энергетика, «зеленая» химия, микроэлектроника нового поколения, поддержка малого инновационного предпринимательства – создание стартап-студий и акселераторов, приоритет – инженерно-техническому образованию); 4. «Государство для граждан» (реформа в области государственного управления – поправки в Конституцию РФ, создание Центра эффективности государственного управления, Федерального центра, формирующего единый кадровый резерв, введение стандартов работы государственного служащего, совершенствова-

ние системы предоставления государственных услуг, становление сервисного государства?); 5. «Защита и справедливость» (Вооруженные силы должны на 100 % формироваться на контрактной основе (создание профессиональной армии), создание Федерального центра подготовки судей, обязательная запись судебных заседаний на аудио (кроме особых случаев, связанных с защитой государственной тайны), развитие гражданского общества, реформирование контрольно-надзорных органов); 6. «Развитие городов и регионов» (цели пространственного развития – урбанизированные системы уровня конурбации и мегалополиса; создание комфортной среды для жизни и работы людей в территориях; обеспечение транспортной доступности; жилищный фонд, созданный для аренды – временного проживания, модернизация системы ЖКХ, отсрочки управляющим компаниям по банковским кредитам снизит период ожидания капитального ремонта); 7. «Мировая экономика» (обеспечение конкурентоспособности российских компаний на международных рынках товаров и услуг, рост несырьевого экспорта, экспорт услуг – образование, здравоохранение, туризм, логистика, упрощение таможенного и налогового контроля).

- стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации – документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи государственного управления на уровне субъекта Российской Федерации на долгосрочный период. Разрабатывается на период, не превышающий периода, на который разрабатывается прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период.
- стратегия социально-экономического развития муниципального образования – документ стратегического планирования, определяющий цели и задачи муниципального управления и социально-экономического развития муниципального образования на долгосрочный период (по 172-ФЗ [1] – свыше 6 лет). Разрабатывается и реализуется по решению органов местного самоуправления.

В экономической литературе можно встретить ссылку на то, что руководствоваться недостаточно продуманной стратегией лучше, чем вообще не иметь таковой. Скорее всего, дело обстоит не совсем так, особенно, если речь идет о территориальных СЭС.

Стратегия закладывает механизм разработки и реализации стратегических документов другого уровня – стратегия макрорегиона (федерального округа) закладывает основы для формирования стратегии развития городской агломерации, конурбации, мегалополиса – субъекта РФ – муниципального образования. В отсутствии четко видимого вектора развития, управление будет осуществляться бессистемно, что, неминуемо, приведёт к рассогласованию действий и сбоям в работе всего хозяйственного механизма. В данных условиях, на протяжении длительного времени, вряд ли удастся достигнуть существенных результатов в развитии СЭС по вертикали.

При разработке стратегий развития, как правило, используют (1) формализованный, (2) инкрементальный и (3) системный подходы [7, с. 26-30]. В первом случае, проблема сужается до области, позволяющей применять математические модели и методы. Данный подход способствует реализации принципа научности, но снижает креативную составляющую процесса проектирования, возможности учёта в полном объёме роли географического фактора, специфики историко-культурного, политического и социально-экономического развития территории.

При инкрементальном подходе выбор альтернативы достигается в процессе «политического торга», в результате победы конкретной политической команды, лоббирования интересов политических сил.

Использование системного подхода позволяет осуществлять учет как количественных методов, так и качественных факторов.

В настоящее время ведут речь о комплексном подходе к процессам разработки стратегий [11, с. 205]. Он обладает большей модальностью, чем системный подход. Системный подход охватывает только область теоретического мышления, в то время как комплексный подход применяется на уровне как теоретического, так и обыденного сознания, он более практичен (результат его применения – это и «стратегия и тактика» – «стратегическая дорожная карта» - визуализированная и удобная для чтения стратегия).

Стратегия развития отрасли, территориальной СЭС в большей степени, чем стратегии развития отдельных организаций, является продуктом «интеллектуального прорыва» и творческой деятельности, в широком понимании этого слова. Подобные документы с большим трудом поддаются формализации, что, впрочем, хорошо понимают и специалисты в области моделирования развития сложных систем. Необходимо использование комплексного междисциплинарного подхода к стратегическому планированию развития

объекта – отрасли, территориальной СЭС. К разработке стратегии развития территориальной СЭС должны привлекаться специалисты – представители различных областей научного знания – историки, географы, экономисты, юристы, социологи, государственные менеджеры.

Крупнейшими центрами, разрабатывающими теоретико-методологические основы и практические рекомендации по формированию и реализации стратегий социально-экономического развития СЭС любого уровня являются Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова РАН, Центральный экономико-математический институт РАН, Институт экономики РАН, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Совет по изучению производительных сил (СОПС) Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Институт проблем региональной экономики РАН (г. Санкт-Петербург); Институт экономических стратегий (ИНЭС) Отделения общественных наук РАН, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Центр стратегических разработок (ЦСР), Ресурсный центр по стратегическому планированию при Леонтьевском центре (РЦСП, г. Санкт-Петербург), Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов, Внешэкономбанк (ВЭБ).

При поддержке Центра стратегических разработок ежегодно, начиная с 2002 г. в г. Санкт-Петербурге проводится форум стратегов, на котором обсуждаются актуальные вопросы стратегического планирования.

В 1991 г. в Санкт-Петербурге по инициативе экономиста – лауреата Нобелевской премии В.В. Леонтьева и мэра Санкт-Петербурга А.А. Собчака был создан Центр для поддержки рыночных реформ, выработки Стратегии развития Санкт-Петербурга – так называемый Леонтьевский центр. С 2000 г. при Леонтьевском центре функционирует Ресурсный центр по стратегическому планированию (РЦСП) – портал для специалистов по территориальному стратегическому планированию. На портале размещаются материалы с лучшими отечественными и зарубежными практиками стратегического планирования, обзоры рынка консалтинговых услуг по стратегическому планированию, аннотированный список публикаций по тематике стратегического планирования.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (посл. ред.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 12.04.2025).

[2] Документы стратегического планирования [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/dokumenty_strategicheskogo_planirovaniya/ (дата обращения: 12.04.2025).

[3] Стратегии развития страны 2018-2024 [Электронный ресурс] // Центр стратегических разработок. – URL: <https://grans.hse.ru/data/2019/01/14/1146841983/strategy2018-2024.pdf> (дата обращения: 12.04.2025).

[4] Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России // ЭКО. 2004. № 1. – С. 4-12.

[5] Бернар И., Колли Ж.-К. Толковый экономический и финансовый словарь: французская, русская, английская, испанская терминология. В 2-х т. Т. II / пер. с фр. – М.: Международные отношения, 1997. – 956 с.

[6] Большая энциклопедия: в 62 томах / Т. 48. – М.: Терра, 2006. – 446 с.

[7] Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование: учебник для вузов. – М.: Экономика, 2011. – 485 с.

[8] Литвак Б.Г. Стратегическое планирование и прогнозирование: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2025. – 139 с.

[9] Право и экономическое развитие: актуальные вопросы: Монография / В.Б. Батиевская, М.В. Келехсаева, Т.Е. Ситохова [и др.] ; гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2023. – 196 с.

[10] Сущность и особенности современной экономики: Учебное пособие / С.И. Аккиева, О.В. Бескровная, М.В. Бузмакова [и др.] ; отв. ред. В.В. Силакова. – М.: ООО «Группа компаний «Рино Лэнс», 2024. – 99 с.

[11] Рыжов В.Б., Лопатин Д.Н. Теоретические основы модернизации концепции таможенного оформления и контроля в местах, приближенных к государственной границе Российской Федерации // Образование и право. 2019. № 5. – С. 204-213.

[12] Сахаров А.С., Корнилов Д.А. Процесс принятия решений при совместном использовании стратегического планирования и экономического прогнозирования // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2015. № 2. – С. 131-137.

[13] Стратегическое планирование на местном уровне / Р.А. Попов, А.С. Пузанов. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2023. – 144 с.

[14] Фатхутдинов Р.А. Стратегический маркетинг / 4-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 267 с.

[15] Экономическая энциклопедия / гл. ред. Л.И. Абалкин; Институт экономики РАН. – М.: Экономика, 1999. – 1060 с.

Spisok literatury:

- [1] Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» (posl. red.) [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (data obrashcheniya: 12.04.2025).
- [2] Dokumenty strategicheskogo planirovaniya [Elektronnyj resurs] // Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/dokumenty_strategicheskogo_planirovaniya/ (data obrashcheniya: 12.04.2025).
- [3] Strategii razvitiya strany 2018-2024 [Elektronnyj resurs] // Centr strategicheskikh razrabotok. – URL: <https://grans.hse.ru/data/2019/01/14/114684-1983/strategy2018-2024.pdf> (data obrashcheniya: 12.04.2025).
- [4] Aganbegyan A.G. Social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii // EKO. 2004. № 1. – S. 4-12.
- [5] Bernar I., Kolli Zh.-K. Tolkovyj ekonomicheskij i finansovyj slovar': francuzskaya, russkaya, anglijskaya, ispanskaya terminologiya. V 2-h t. T. II / per. s fr. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1997. – 956 s.
- [6] Bol'shaya enciklopediya: v 62 tomah / T. 48. – M.: Terra, 2006. – 446 s.
- [7] Kuzyk B.N., Kushlin V.I., Yakovec Yu.V. Prognozirovanie, strategicheskoe planirovanie i nacional'noe programmirovanie: uchebnik dlya vuzov. – M.: Ekonomika, 2011. – 485 s.
- [8] Litvak B.G. Strategicheskoe planirovanie i prognozirovanie: uchebnik dlya vuzov. – M.: Yurajt, 2025. – 139 s.
- [9] Pravo i ekonomicheskoe razvitie: aktual'nye voprosy: Monografiya / V.B. Batievskaya, M.V. Kelekhsaeva, T.E. Sitohova [i dr.] ; gl. red. E.V. Fomin. – Cheboksary: OOO «Izdatel'skij dom «Sreda», 2023. – 196 s.
- [10] Sushchnost' i osobennosti sovremennoj ekonomiki: Uchebnoe posobie / S.I. Akkueva, O.V. Beskrovnaya, M.V. Buzmakova [i dr.] ; otv. red. V.V. Silakova. – M.: OOO «Gruppa kompanij «Rino Lens», 2024. – 99 s.
- [11] Ryzhov V.B., Lopatin D.N. Teoreticheskie osnovy modernizacii koncepcii tamozhennogo oformleniya i kontrolya v mestah, priblizhyonnyh k gosudarstvennoj granice Rossijskoj Federacii // Obrazovanie i pravo. 2019. № 5. – S. 204-213.
- [12] Saharov A.S., Kornilov D.A. Process priyatya reshenij pri sovmestnom ispol'zovanii strategicheskogo planirovaniya i ekonomicheskogo prognozirovaniya // Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2015. № 2. – S. 131-137.
- [13] Strategicheskoe planirovanie na mestnom urovne / R.A. Popov, A.S. Puzanov. – M.: Fond «Institut ekonomiki goroda», 2023. – 144 s.
- [14] Fathutdinov R.A. Strategicheskij marketing / 4-e izd. – SPb.: Piter, 2006. – 267 s.
- [15] Ekonomicheskaya enciklopediya / gl. red. L.I. Abalkin; Institut ekonomiki RAN. – M.: Ekonomika, 1999. – 1060 s.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-168-173

СПЕКТОР Асия Ахметовна,
профессор кафедры экономической теории и менеджмента
Российского университета транспорта (МИИТ),
доктор юридических наук, доцент,
г. Москва, Россия,
e-mail: spector.a@mail.ru

НЕДОВА Наталья Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Экономическая теория и
менеджмент» Российского университета
транспорта (МИИТ), Россия,
Москва,
e-mail: fedorova_roat_dot@bk.ru

БАКУЛИН Василий Михайлович,
доцент кафедры информатики и математики
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
e-mail: bvm@volgodom.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ

Аннотация. С развитием информационных (цифровых) технологий и искусственного интеллекта, а также постоянным совершенствованием и построением цифрового правительства правовое регулирование данных процессов приобретает все большую актуальность. Повышение эффективности и качества административного управления оказывает большое влияние на ценности и содержание права. С одной стороны, административные помощники обладают определенной степенью независимости и автономности, что соответствует современной тенденции развития искусственного интеллекта и цифровых технологий. С другой стороны, хотя на информационные технологии возлагаются общественные задачи, они не могут избежать ограничений правовых обязательств. Государство по-прежнему несет ответственность за обеспечение его законного и эффективного функционирования. Хотя система регулирования цифровых технологий в государственном секторе имеет сходство с системой в частном секторе, концепции ценностей и логика рассуждений, лежащие в их основе, совершенно различны и должны строиться в соответствии с принципами публичного права. В будущем законодательстве об искусственном интеллекте и цифровых технологиях при осуществлении публичной власти и в публичном управлении должно быть специально регламентировано.

Ключевые слова: правовое регулирование, информационные (цифровые) технологии, публичная власть, публичное управление.

SPECTOR Asia Akhmetovna,
Professor of the Department of Economic Theory and Management,
Russian University of Transport (MIIT),
Doctor of Law, Associate Professor,
Russia, Moscow

NEDOVA Natalia Sergeevna,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor
of the Economic Theory and
Management Department of the Russian
University of Transport (MIIT),
Russia, Moscow

BAKULIN Vasily Mikhailovich,
Associate Professor of the Department
of Computer Science and Mathematics
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation"

TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF INFORMATION (DIGITAL) TECHNOLOGIES IN THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC AUTHORITY AND IN PUBLIC ADMINISTRATION

Annotation. *With the development of information (digital) technologies and artificial intelligence, as well as the constant improvement and construction of a digital government, legal regulation of these processes is becoming increasingly relevant. Improving the efficiency and quality of administrative management has a great impact on the values and content of law. On the one hand, administrative assistants have a certain degree of independence and autonomy, which corresponds to the modern trend in the development of artificial intelligence and digital technologies. On the other hand, although information technologies are assigned public tasks, they cannot avoid the limitations of legal obligations. The state remains responsible for ensuring its legal and effective functioning. Although the system of regulation of digital technologies in the public sector is similar to the system in the private sector, the concepts of values and the logic of reasoning underlying them are completely different and should be built in accordance with the principles of public law. In future legislation on artificial intelligence and digital technologies in the exercise of public authority and in public administration, it should be specifically regulated.*

Key words: *legal regulation, information (digital) technologies, public authority, public administration.*

Введение

В последние годы стремительное развитие цифровых технологий позволило людям увидеть их преимущество в сфере публичной власти и управления, оценить их удобство и эффективность. Во всем мире, в том числе и России, наблюдается общая тенденция к разработке законодательства, регулирующего данную сферу. Фокус исследований в области законодательства в области информационных технологий сместился с вопроса «нужно ли принимать законы» на вопрос «как принимать законы». В настоящее время обсуждение законодательства в данной области в основном сосредоточено вокруг частного сектора, при этом недостаточно внимания уделяется государственному управлению.

Все текущие проекты законотворческих инициатив содержат конкретные правила применения искусственного интеллекта и цифровых технологий в государственном секторе, однако эти правила приблизительны и лаконичны. Россия

активно продвигает создание цифрового правительства и поощряет применение информационных технологий в социальном управлении. В сфере государственного управления технологии могут не только существенно повысить эффективность управления, но и усилить правоохранительную деятельность, а также повысить качество и точность принятия административных решений [1].

Однако применение цифровых технологий и искусственного интеллекта в государственном секторе может привести к дисбалансу в отношениях между государственной властью и гражданами, подрвать власть правительства и повлиять на традиционные ценности публичного права, такие как демократия, верховенство закона и защита прав. Возникающие при этом риски даже выше, чем в частном секторе.

Исследования в области применения цифровых технологий в публичной власти и управлении по-прежнему редки и не могут удовлетворить

теоретические потребности в контексте законодательства. К теме государственной политики в области информатизации и использования информационных технологий в органах государственной власти обращалась Ю.М. Боброва. Вопросы правового регулирования цифровых технологий в общей законодательной системе изучали Ю.А. Тихомирова, Н.В. Кичигин, Ф.В. Цомартова, С.Б. Бальхаева, В.Э. Волков, Р.И. Дремлюга, С.А. Синицын. Проблему правового регулирования информационных технологий в сфере государственного управления рассматривали О.И. Филонова, А.С. Лолаева, О.В. Брежнев.

Цель и задачи

В данной статье предпринята попытка рассмотреть актуальные проблемы правового регулирования использования информационных (цифровых) технологий при осуществлении публичной власти и в публичном управлении, что является целью исследования. В задачи работы входит изучение и анализ литературы по теме исследования, определение основных направлений развития правового регулирования использования информационных (цифровых) технологий при осуществлении публичной власти и в публичном управлении, проблем в данной сфере.

Методы исследования

В исследовании были использованы следующие методы: изучение и анализ источников по теме статьи, систематизация, обобщение, синтез, сравнение.

Результаты исследования

Определение правового статуса является необходимым условием регулирования цифровых технологий и искусственного интеллекта одной из центральных тем современной публичной власти. Правовой статус цифровизации смещается от объекта к субъекту, и эта тенденция находит свое отражение в публичном праве.

Дискуссия о правовом статусе искусственного интеллекта, то есть о том, имеет ли он статус юридического лица, имеет давнюю историю и вновь привлекла внимание на фоне развития генеративного искусственного интеллекта. По этому вопросу существуют две основные точки зрения: объективизм и субъективизм. Теория объектов рассматривает искусственный интеллект как объект правовых отношений, которые можно разделить на теорию инструментов и программных агентов [9]. Признавая правовой статус субъекта искусственного интеллекта, теорию субъекта можно далее разделить на теорию агента, электронной личности, ограниченной личности и теорию фиктивной личности. Благодаря быстрому

развитию технологий, уровень цифровых технологий продолжает достигать новых высот, особенно в последние годы, что не только значительно расширило сферу их применения, но и создало ряд проблем правового регулирования [6].

Научные дискуссии и концептуальные изменения существуют и в контексте публичного права, но они основаны на предметной теории административного права. В последние годы, с внедрением цифровых технологий в государственное управление, признание доминирующего положения цифровых систем становится все более очевидной тенденцией.

Появились предложения предоставить субъектам искусственного интеллекта статус юридического лица и квалификацию правоохранительных органов, субъективность искусственного интеллекта [4].

В сфере публичного управления цифровые технологии являются средством повышения эффективности управления и автоматизации процессов принятия и исполнения административных решений. Именно в рамках этой позиции применение искусственного интеллекта и информационных технологий в государственном управлении подвергается существенным ограничениям.

Каждый этап административного процесса — от установления фактов до принятия решений или вынесения административных мер — может выполняться средствами цифровых технологий. Запрет на полную автоматизацию администрирования, предусмотренный в законодательстве, не может адаптироваться к технологическому развитию информационных технологий, особенно к появлению высокопроизводительного искусственного интеллекта.

Как уже упоминалось выше, усиление субъектности искусственного интеллекта находит свое отражение и в сфере публичного права. В частности, признание статуса искусственного интеллекта как субъекта административного права получает все большее признание в кругу законодателей.

Появилась теория административного делегирования, которая предлагает объяснить взаимоотношения между цифровыми платформами и административными образованиями на основе теории делегирования управления, а также прояснить полномочия и обязанности между правительством и цифровыми платформами на основе этой теории [10]. Определенные автоматизированные административные действия выполняются на основе отношений делегирования, но управление и ответственность по-прежнему принадлежат административному органу.

Исследователи предлагают рассматривать искусственный интеллект как цифровой админи-

стративный помощник правительства. Поскольку административные помощники являются важной формой частного участия в выполнении общественных задач, участие цифровых технологий в общественных задачах можно сравнить с частным участием в управлении. Следует позитивно относиться к применению искусственного интеллекта в цифровом правительстве и по возможности избегать общих запретов. Но необходимо правовое регулирование этого процесса, чтобы ценности публичного права не принижались.

В современных реалиях применение информационных технологий высокого уровня в цифровом правительстве встречается редко. Даже генеративный искусственный интеллект, привлеченный большое внимание в последние годы, только начал применяться в нынешнем процессе построения цифрового правительства [2].

Первоочередной задачей при построении системы регулирования искусственного интеллекта в цифровом правительстве является решение вопроса о его правовой допустимости, то есть о том, разрешено ли правовым порядком применение искусственного интеллекта и цифровых технологий в государственном управлении. Этот вопрос имеет большое практическое значение, поскольку в настоящее время в ряде стран действуют практики, запрещающие в той или иной степени определенные цифровые технологии. Хотя пока еще не наблюдается высокой степени паники в отношении технологии искусственного интеллекта, ее высокие риски также привлекли определенное внимание, и применение искусственного интеллекта в государственном секторе было ограничено в той или иной степени. Традиционно выполнение общественных задач рассматривалось как неотъемлемая обязанность государственных органов, что является требованием, основанным на принципе монополии государства на публичную власть.

Применение искусственного интеллекта в цифровом правительстве оказало влияние на демократические принципы Конституции. Принцип демократии является общим принципом современных правовых государств и четко закреплен в Конституции РФ. Весь процесс осуществления и функционирования государственной власти не может быть отделен от демократического контроля. В этой непрерывной демократической цепочке осуществление законодательной, исполнительной, судебной, надзорной и иных властей не может быть отделено от народного разрешения и демократического контроля. Благодаря быстрому развитию цифровых технологий и их широкому применению в государственном управлении, они сыграли важную роль в повышении

эффективности административного управления и оптимизации распределения ресурсов. Однако внедрение искусственного интеллекта также в определенной степени поставило под сомнение цепочку демократической легитимности. Во-первых, системы искусственного интеллекта часто проектируются и разрабатываются техническими экспертами, а их использование в процессах принятия государственных решений не санкционируется широкими демократическими процедурами, что может привести к отсутствию у общественности достаточного понимания и доверия к логике принятия решений и результатам этих систем. Эти технические эксперты имеют свои собственные уникальные оценочные суждения, и их идеи не совпадают с общественным мнением, но их собственные ценности могут быть легко внедрены в системы искусственного интеллекта. Во-вторых, в отличие от традиционных моделей принятия решений, самообучающийся искусственный интеллект больше не полагается исключительно на предустановленные инструкции от людей-программистов для выполнения задач, а обладает способностью к самообучению и адаптации, а также может автономно корректировать свои поведенческие стратегии в соответствии с изменениями окружающей среды. Эта машинная автономия, отделенная от контроля демократически легитимных государственных служащих, приводит к тому, что искусственный интеллект нарушает цепь демократической легитимности и, таким образом, лишен формальной демократии. Наконец, с точки зрения реальной демократии процесс принятия решений искусственным интеллектом часто носит характер «черного ящика». Непрозрачность и сложность алгоритмов затрудняют эффективное участие граждан в процессе принятия решений, что противоречит концепции реальной демократии, согласно которой граждане должны широко участвовать в деятельности органов государственного управления и контролировать ее.

Существует также противоречие между применением информационных технологий в публичной власти и принципом верховенства закона. Принцип верховенства права подчеркивает, что любое осуществление государственной власти должно осуществляться в соответствии с законом, обеспечивающим законность, предсказуемость и воспроизводимость административных действий [8]. Правовая предсказуемость является основополагающим элементом верховенства права. Он обеспечивает ясность и стабильность правовых норм и позволяет гражданам разумно предвидеть правовые последствия своих действий. Этот принцип требует, чтобы закон четко

определял объем и порядок осуществления административной власти, чтобы граждане могли предвидеть и понимать правовую основу и возможные последствия действий правительства [5].

Воспроизводимость также является важным требованием принципа верховенства права, который означает, что административные решения правительства можно отслеживать, а ошибки можно обнаружить на любом этапе, что создает основу для административной ответственности и защиты прав. Однако внедрение систем искусственного интеллекта, особенно обладающих высокой степенью автономности, делает результаты административной деятельности непредсказуемыми как для административных органов, так и для граждан [3]. Кроме того, поскольку процесс принятия решений цифровых технологий может быть недостаточно прозрачным, их внутренние алгоритмы и механизмы обучения часто рассматриваются как «черные ящики», что затрудняет прогнозирование и объяснение результатов работы цифровых систем.

Защита основных прав граждан является важным принципом Конституции РФ, это также ограничивает применение искусственного интеллекта и цифровых технологий в государственном управлении. Развитие искусственного интеллекта представляет серьезную угрозу основным правам и оказывает глубокое влияние на ряд основных прав человека, включая, помимо прочего, право на неприкосновенность частной жизни и защиту личной информации, свободу выражения мнения, свободу мысли и совести, свободу вероисповедания, право на свободу и безопасность, право на справедливое судебное разбирательство, право на равенство, гендерное равенство и права детей. Системы искусственного интеллекта с помощью своих алгоритмов способны нарушить неприкосновенность личной жизни и усилить навязчивое наблюдение за жизнью отдельных лиц путем сбора и обработки больших объемов персональных данных. Кроме того, использование цифровых систем для модерации контента и принятия решений может ограничивать свободу выражения мнений. Автоматизированные процессы принятия решений с использованием искусственного интеллекта могут быть лишены прозрачности и объяснимости, что создает проблемы для права на справедливое судебное разбирательство [7].

Заключение

Для регулирования применения искусственного интеллекта в цифровом правительстве правительства изначально приняли некоторые законодательные меры. Существует три основных пути: путь регулирования административного

права, путь регулирования законодательства о защите данных и путь регулирования законодательства об искусственном интеллекте.

Регулирование применения цифровых технологий в государственном управлении является проблемой административного права. Законы о защите данных могут решить лишь часть проблем, вызванных технологией искусственного интеллекта. Необходим комплексный подход в правовом регулировании использования информационных (цифровых) технологий при осуществлении публичной власти и в публичном управлении.

Список литературы:

- [1] Артюхин Р.Е., Поветкина Н.А. Новые институты бюджетного права в условиях цифровой революции. Москва: Норма, 2021. 192 с.
- [2] Боброва Ю.М. Государственная политика в области информатизации и использования информационных технологий в органах государственной власти : конспект лекций. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. 32 с.
- [3] Брежнев О.В. Проблемы правового регулирования использования информационно-коммуникационных технологий для обеспечения взаимодействия органов власти и населения в России // Коммуникология. 2019. Том 7. №4. С. 54-70.
- [4] Волков В.Э. Публично-правовое регулирование цифровых технологий: блокчейн, искусственный интеллект, виртуальная реальность: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2023. 118 с.
- [5] Дремлюга Р.И. Виртуальная реальность: общие проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9. С. 39 - 49.
- [6] Лолаева А.С. Правовое регулирование использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов публичной власти // Административное и муниципальное право. 2022. № 1. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37359 (дата обращения: 27.04.2025).
- [7] Селькова А.А. Перспективы технологии дополненной реальности в свете законодательной ориентации на цифровизацию судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 8. С. 56-58.
- [8] Синицын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования. Москва: Инфотропик Медиа, 2020. 212 с.

[9] Тихомирова Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая информация // Право Журнал Высшей школы экономики 2021 № 2 С 4–23.

[10] Филонова О.И. Правовое обеспечение внедрения цифровых технологий в сфере электронных обращений граждан в органы государственной власти // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Том 4. № 4. С. 119-132.

Spisok literatury:

[1] Artyuhin R.E., Povetkina N.A. Novye instituty byudzhethnogo prava v usloviyah cifrovoj revolyucii. Moskva: Norma, 2021. 192 s.

[2] Bobrova YU.M. Gosudarstvennaya politika v oblasti informatizacii i ispol'zovaniya informacionnyh tekhnologij v organah gosudarstvennoj vlasti : konspekt lekcij. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii, 2020. 32 s.

[3] Brezhnev O.V. Problemy pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij dlya obespecheniya vzaimodejstviya organov vlasti i naseleniya v Rossii // Kommunikologiya. 2019. Tom 7. №4. S. 54-70.

[4] Volkov V.E. Publichno-pravovoe regulirovanie cifrovyyh tekhnologij: blokchejn, iskusstvennyj intellekt, virtual'naya real'nost': uchebnoe poso-

bie. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 2023. 118 s.

[5] Dreml'yuga R.I. Virtual'naya real'nost': obshchie problemy pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. № 9. S. 39 - 49.

[6] Lolaeva A.S. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v deyatel'nosti organov publichnoj vlasti // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2022. № 1. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37359 (data obrashcheniya: 27.04.2025).

[7] Sel'kova A.A. Perspektivy tekhnologii dopolnennoj real'nosti v svete zakonodatel'noj orientacii na cifrovizaciyu sudoproizvodstva // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2022. № 8. S. 56-58.

[8] Sinicyn S.A. Rossijskoe i zarubezhnoe grazhdanskoe pravo v usloviyah robotizacii i cifrovizacii. Opyt mezhdisciplinarnogo i otraslevogo issledovaniya. Moskva: Infotropik Media, 2020. 212 s.

[9] Tihomirova YU.A., Kichigin N.V., Comartova F.V., Bal'haeva S.B. Pravo i cifrovaya informaciya // Pravo ZHurnal Vyshej shkoly ekonomiki 2021 № 2 С 4–23.

[10] Filonova O.I. Pravovoe obespechenie vnedreniya cifrovyyh tekhnologij v sfere elektronnyh obrashchenij grazhdan v organy gosudarstvennoj vlasti // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. 2018. Tom 4. № 4. S. 119-132.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-174-176

АБРАМОВ Виталий Сергеевич,
аспирант,
Самарский государственный
экономический университет,
e-mail: abramov1998@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ РОССИЙСКОГО МЕГАРЕГУЛЯТОРА И ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ИЗДАНИЯ ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ

Аннотация. В современных условиях российскому мегарегулятору вменено регламентирование и совершенствование национальной банковской системы, регламентирование денежного обращения, выпуск в обращение национальной валюты, осуществление и разработка денежно-кредитного регулирования, осуществление надзора за деятельностью кредитных организаций. Создание Банком России технико-юридических норм в настоящее время не имеет достаточного нормативно-правового обеспечения, которое требует дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: правовое положение, центральный банк, российский мегарегулятор, технико-юридические нормы, кредитные организации, банковская сфера.

ABRAMOV Vitaly Sergeevich,
graduate student,
Samara State Economic University

ON THE QUESTION OF THE LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN MEGA-REGULATOR AND CERTAIN ASPECTS OF THE PUBLICATION OF TECHNICAL AND LEGAL STANDARDS

Annotation. In modern conditions, the Russian mega-regulator is charged with regulating and improving the national banking system, regulating money circulation, issuing the national currency, implementing and developing monetary regulation, and supervising the activities of credit institutions. The creation of technical and legal standards by the Bank of Russia currently does not have sufficient legal support, which requires further improvement.

Key words: legal status, central bank, Russian mega-regulator, technical and legal standards, credit institutions, banking sector.

В современной нестабильной ситуации в мировой экономике, нарастания политической неопределенности, усложнения обстановки в сфере внешней торговли, перераспределения активов и ухода некоторых зарубежных компаний в ряде отраслей, снижение доходности в производстве и торговле и заработных плат граждан для центрального банка особенно важно оперативное и своевременное правильное применение инструментов денежно-кредитной политики и их результативное применение с целью поддержания текущей рыночной деятельности хозяйствующих субъектов и поступательного развития экономики страны.

В современной ситуации целесообразно повышение независимости центрального банка и

поступательное развитие нормативно-правовой базы, регламентирующей положение центрального банка.

Повышение независимости Центрального банка Российской Федерации особо важно для обеспечения эффективности проводимой денежно-кредитной политики.

Банк России имеет особый статус в кредитно-денежной и валютно-финансовой системах Российской Федерации.

Центральный банк Российской Федерации (Банк России) – уникальный государственный орган, занимающий особое положение в Российской Федерации, обладающий независимостью, статусом мегарегулятора, наделенного большим объемом полномочий: защита и обеспечение

устойчивости рубля, надзор за банковской деятельностью, администрирование золотовалютных запасов страны, рефинансирование банков и иные полномочия.

Результативность работы Банка России прямо влияет на устойчивость и поступательное улучшение финансового состояния Российской Федерации, улучшение международного экономического положения и повышение национальной безопасности [1].

Независимость и юридическая самостоятельность Банка России содействует росту экономической устойчивости и национальной безопасности.

Центральный банк имеет главное положение на банковском рынке, в кредитно-финансовой системе, в страховой сфере.

Правовой статус является юридическим выражением нормативно закрепленных правоотношений соответствующего лица с социумом, с государством, с иными субъектами, регламентирует организационно-правовую форму, сферы ответственности и функции, внутреннюю систему, пределы компетентности и реализуемые полномочия.

Центральный банк наделен специфическим публично-правовым статусом как особый государственный институт, обладающий независимостью и полномочиями для защиты и обеспечения устойчивости национальной валюты и регламентирования налично-денежного обращения[2].

В целях достижения реализации вмененных ему полномочий центральный банк работает в тесной взаимосвязи с российской исполнительной и законодательной властью, учреждениями и ведомствами по задачам, входящим в сферу ответственности российского мегарегулятора.

Мегарегулятор уполномочен издавать документы нормативного характера в меру своих полномочий вдобавок другие инстанции органы и лица обязаны исполнять его указания, в противном случае мегарегулятор вправе реализовывать санкции, меры воздействия в отношении регулируемых им областях экономической деятельности.

Сегодня в условиях цифровизации экономики технико-юридические нормы также начинают играть особенную роль в национальной правовой системе.[3] На текущий момент издание технико-юридических норм Банком России специальным нормативно-правовым актом не регламентируется.[4]

Сегодня в соответствии с законодательством, определяющим положение российского мегарегулятора, российский мегарегулятор можно считать особым публичным институтом, неза-

висимым от трех действующих ветвей власти и не относится к имеющимся классам государственных органов и организаций [5]. Это орган, наделенный денежной властью, как единый эмиссионный центр, регулятор денежно-кредитной сферы.

Действующая национальная банковская система Российской Федерации отличается от зарубежных банковских систем значительным влиянием государственного воздействия и вменением Банку России более широкого круга функций, чем у значительной части иностранных центральных банков.

Углубление юридического регламентирования и регулирования кредитно-денежной сферы и соответствующих правоотношений спровоцировано повышением прозрачности национальной банковской системы Российской Федерации перед иностранными хозяйствующими субъектами и постепенным вхождением и проникновением в глобальную международную банковскую систему, а также возрастанием масштаба влияния банковской сферы на российскую экономику.

Нормативно-правовое регламентирование работы центрального банка в существующей действительности совершенствуется в соответствии с базельскими стандартами, международными рекомендациями, правилами и кредитно-финансовыми технологиями, растет значение и влияние предложений мировых финансовых организаций[6].

Кроме того мегарегулятор, при осуществлении своей регулирующей деятельности учитывает национальные интересы российской банковской системы, продолжая при этом соблюдать и реализовывать базельские нормы и требования [7].

Российский мегарегулятор уполномочен издавать документы нормативного характера и реализовывать санкции, меры воздействия в отношении регулируемых им областях экономической деятельности в меру своих полномочий.

Нормативно-правовой документ, регламентирующий создание технико-юридических норм российским мегарегулятором может быть издан в виде Положения.

Нужно заметить, что правовой статус российского мегарегулятора продолжает быть предметом расхождений и споров у правоприменителей и представителей научной общественности.

В качестве вывода следует отметить, что российский мегарегулятор можно считать особым независимым публичным институтом, мегарегулятором, которому вменены очень широкие полномочия: выпуск в обращение национальной валюты, регламентирование банковской сферы, администрирование золотовалютных запасов страны, рефинансирование банков и системно

значимых кредитных организаций и иные полномочия в соответствии с функциями мегарегулятора. В условиях цифровизации экономики создание Банком России технико-юридических норм требует дальнейшего совершенствования, детального нормативно-правового регламентирования.

Список литературы:

[1] Рождественская, Т. Э. Банковское право : учебник и практикум для вузов / Т. Э. Рождественская, А. Г. Гузнов, А. В. Шамраев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 371 с.

[2] Банковское право: учебник / отв. ред. Е. В. Покачалова, Е. Н. Пастушенко. - М.: Директ-Медиа, 2020.-304 с.

[3] Кулапов В.Л. Теория государства и права : учебник / В.Л. Кулапов ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». - Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия, 2019. - 452 с.

[4] Пастушенко, Е. Н. Вопросы издания Банком России технико-юридических норм в условиях цифровой экономики / Е. Н. Пастушенко // Актуальные вопросы права в банковской сфере : Материалы Международного правового банковского форума Научное издание, Самара, 10–11 октября 2019 года / Ответственные редакторы С.И. Ашмарина, А.В. Павлова. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2019. – С. 234-239. – EDN CBUWOY.

[5] Гаджимагомедов Магомед Джамбулатович, Молчанов Александр Васильевич Нормативно-правовое регулирование деятельности Банка России в современных условиях // УЭПС. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-banka-rossii-v-sovremennyh-usloviyah>

[6] Мирошниченко, О. С. Банковское регулирование и надзор : учебное пособие для вузов / О. С. Мирошниченко. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 205 с.

[7] Ручкина, Г. Ф. Банковское право : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Г.

Ф. Ручкина, Е. М. Ашмарина, Ф. К. Гизатуллин. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 471 с.

Spisok literatury:

[1] Rozhdestvenskaya, T. E. Bankovskoe pravo : uchebnik i praktikum dlya vuzov / T. E. Rozhdestvenskaya, A. G. Guznov, A. V. SHamraev. — 2-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2020. — 371 s.

[2] Bankovskoe pravo: uchebnik / otv. red. E. V. Pokachalova, E. N. Pastushenko. - M.: Direkt-Media, 2020.-304 s.

[3] Kulapov V.L. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik / V.L. Kulapov ; FGBOU VO "Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya". - Saratov: Izd-vo FGBOU VO "Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2019. - 452 s.

[4] Pastushenko, E. N. Voprosy izdaniya Bankom Rossii tekhniko-yuridicheskikh norm v usloviyah cifrovoj ekonomiki / E. N. Pastushenko // Aktual'nye voprosy prava v bankovskoj sfere : Materialy Mezhdunarodnogo pravovogo bankovskogo foruma Nauchnoe izdanie, Samara, 10–11 oktyabrya 2019 goda / Otvetstvennyye redaktory S.I. Ashmarina, A.V. Pavlova. – Samara: Samarskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet, 2019. – S. 234-239. – EDN CBUWOY.

[5] Gadzhimagomedov Magomed Dzhambulatovich, Molchanov Aleksandr Vasil'evich Normativno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti Banka Rossii v sovremennyh usloviyah // UEPS. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-banka-rossii-v-sovremennyh-usloviyah>

[6] Miroshnichenko, O. S. Bankovskoe regulirovanie i nadzor : uchebnoe posobie dlya vuzov / O. S. Miroshnichenko. — 2-e izd. — Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2020. — 205 s.

[7] Ruchkina, G. F. Bankovskoe pravo : uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury / G. F. Ruchkina, E. M. Ashmarina, F. K. Gizatullin. — 4-e izd., pererab. i dop. — M. : Izdatel'stvo YUrajt, 2019. — 471 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-177-186

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

ПИСАРЕВ Александр Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного права
имени Н.В.Витрука Российского государственного
университета правосудия,
e-mail: a.n.pisarev@mail.ru

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ГАРАНТ ГРАЖДАНСКОГО МИРА И СОГЛАСИЯ В СТРАНЕ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Актуальность исследования вызвана тремя основными факторами.

Во-первых, необходимостью дальнейшего глубокого научного и правового анализа поправок 2020 г. к Конституции, в которых содержится ряд принципиально новых для отечественного государства и права положений, закрепляющих, в частности, функцию Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране.

Во-вторых, несомненным интересом российского государства в современных условиях к проблематике развития гражданского общества в России, в данном случае в контексте правовой регламентации его взаимодействия с государством в целях обеспечения гражданского мира и согласия.

В-третьих, сложной геополитической ситуацией, в которой находится последние десять лет Российская Федерация, стремящаяся в условиях беспрецедентного давления коллективного Запада и его постоянных попыток нарушить гражданский мир и согласие в стране, сохранить государственный суверенитет и доказать свою принадлежность к числу ведущих стран мира.

Цели научного исследования.

В целях разработки предложений по закреплению в действующем законодательстве полномочий Президента, необходимых для реализации его функции по поддержанию гражданского мира и согласия в стране, представляется обоснованным проведение в соответствующем конституционно-правовом аспекте сравнительного-правового анализа данной функции главы Российского государства с иными его конституционными функциями и полномочиями. Детальная правовая регламентация в действующем конституционном законодательстве полномочий Президента в данной области позволяет определить рамки его ответственности, подотчетности, а также оценить его действия и решения с точки зрения их соответствия Конституции и законам.

Основные научные результаты, полученные автором и их практическое значение.

Во-первых, закрепление функции Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране объясняется его призванием консолидировать государство и гражданское общество в силу исторически сложившейся в нашем Отечестве роли главы государства как общенационального лидера и носителя верховной власти, призванного обеспечить преемственность в развитии отечественной государственности в соответствии с конституционными ценностями, отражающими цивилизационную и общероссийскую культурную идентичность.

Во-вторых, содержание анализируемой функции Президента и его полномочий по её реализации определяется понятием и сущностью закреплённой в преамбуле Конституции юридической дефиниции «гражданский мир и согласие» в качестве конституционно значимой ценности и ориентира конституционного развития страны, одного из важнейших направлений политики государства.

В-третьих, определен универсальный характер функции главы Российского государства по поддержанию гражданского мира и согласия в стране, который проявляется в её взаимосвязанности с иными конституционными функциями и полномочиями Президента.

Ключевые слова: гражданский мир и согласие; конституционные функции Президента; полномочия необходимые для реализации функций главы Российского государства; поправки 2020 г. к Конституции; преамбула Конституции; конституционно значимая ценность и ориентир конституционного развития страны; универсальный характер функции по поддержанию гражданского мира и согласия в стране.

PISAREV Alexander,
doctor of law, Professor,
Professor of the Department of constitutional law
named after N. V. Vitruk
of the Russian state University of justice

PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION - GUARANTOR OF CIVIL PEACE AND HARMONY IN THE COUNTRY: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS

Annotation. *The relevance of the study is caused by three main factors.*

First, there is the need for further in-depth scientific and legal analysis of the 2020 amendments to the Constitution, which contain a number of fundamentally new provisions for the national state and law, reinforcing, in particular, the function of the President to maintain civil peace and harmony in the country.

Secondly, the undoubted interest of the Russian state in modern conditions in the development of civil society in Russia, in this case in the context of the legal regulation of its interaction with the state in order to ensure civil peace and harmony.

Thirdly, the difficult geopolitical situation that the Russian Federation has been in for the past ten years, striving in the face of unprecedented pressure from the collective West and its constant attempts to violate civil peace and harmony in the country, preserve state sovereignty and prove its belonging to one of the leading countries in the world.

Objectives of the scientific research

In order to develop proposals to consolidate in the current legislation the powers of the President necessary for the implementation of his function to maintain civil peace and harmony in the country, it seems reasonable to conduct a comparative legal analysis of this function of the head of the Russian state with his other constitutional functions and full powers in the relevant constitutional and legal aspect. chiyami. The detailed legal regulation of the President's powers in this area in the current constitutional legislation makes it possible to determine the scope of his responsibility and accountability, as well as to evaluate his actions and decisions in terms of their compliance with the Constitution and laws.

The main scientific results obtained by the author and their practical significance. Firstly, the consolidation of the function of the President to maintain civil peace and harmony in the country is explained by his vocation to consolidate the state and civil society due to the historically established role of the head of state in our Fatherland as a national leader and bearer of supreme authority, designed to ensure continuity in the development of national statehood in accordance with constitutional values, reflecting the civilizational and all-Russian cultural identity.

Secondly, the content of the analyzed function of the President and his powers to implement it is determined by the concept and essence of the legal definition of "civil peace and harmony" enshrined in the preamble to the Constitution as a constitutionally significant value and guideline for the country's constitutional development, one of the most important areas of state policy.

Thirdly, the universal nature of the function of the head of the Ro has been determined.

Key words: *civil peace and harmony; the constitutional functions of the President; the powers necessary to carry out the functions of the head of the Russian state; the 2020 amendments to the Constitution; the preamble to the Constitution; the constitutionally significant value and guideline of the country's constitutional development; the universal nature of the function of maintaining civil peace and harmony in the country.*

В законодательстве Российской Федерации до настоящего времени не раскрываются понятие и содержание закрепленной в ч.2 ст.80 Конституции функции Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране, а также – полномочия главы Российского государства необходимые для её реализации.

Вместе с тем, юридическая дефиниция «гражданский мир и согласие в стране» находит своё отражение в преамбуле действующей Конституции Российской Федерации с 1993 г. в числе декларативных положений, которые с одной стороны не содержат нормативно-правовых, императивных предписаний, а с другой стороны являются составной частью Конституции и соответственно определяют мотивы и причины её принятия, стратегию развития государства и гражданского общества, основные направления осуществления правотворческой и правоприменительной деятельности всех органов публичной власти, в том числе и Президента Российской Федерации.

На основе анализа положений преамбулы Конституции Н.Н. Федоскин и О. Н. Гапонов делают заслуживающий внимания вывод том, что закрепленные там ценности, в том числе, касающиеся утверждения гражданского мира и согласия с учетом их основополагающего для всей страны характера, “являются основным законом не только государства, но и всего российского общества в целом” [Федоскин Н. Н., Гапонов О. Н., 2018. с. 128.].

В этой связи становится понятным, что при определении понятия и содержания функции и полномочий главы Российского государства в данной области необходимо основываться, прежде всего, на научных исследованиях ученых правоведов, ранее проводивших правовой анализ конституционной дефиниции «гражданский мир и согласие в стране» и имеющих различные точки зрения по этому поводу.

Например, Б.С. Эбзеев понятие этой дефиниции связывает, прежде всего, с отсутствием в обществе острых социально-политических конфликтов в виде гражданской войны или вооруженного противоборства, т.е. социального насилия, а также – установлением конституционного порядка, направленного на объединение сочленов общества, установления должного баланса личных интересов и общего блага, т.е. солидаризацию общества [Эбзеев Б. С., 2022, с. 14].

И.А. Умнова обоснованно считает, что юридическая категория гражданского (социального) мира охватывает общественные отношения, возникающие внутри государства и характеризует состояние общества, основанное на согласии и

отсутствии вооруженных столкновений между политически и (или) идеологически ориентированными группировками, социальными группами населения, способными вовлечь народы и население страны в войну общенационального характера и (или) локальные конфликты с использованием оружия [Умнова (Конюхова) И.А., 2017, с.85].

В. Н. Линкин на основе сравнительно-правового анализа положений конституций вновь образованных государств постсоветского периода, закрепляющих юридические понятия «гражданский мир» и «национальное согласие», приходит к обоснованному выводу о востребованности обществом в этих странах указанных категорий в связи с наступлением времени потрясений в государствах, находящихся на первоначальном этапе своего существования. При этом, “мир и согласие представляет собой материальный базис, который появляется из нематериального общественного запроса” [Линкин В. Н., 2019, с 43].

В.В. Путин гражданский мир и согласие в стране рассматривает, прежде всего, применительно к обеспечению межнационального согласия, ликвидации межэтнической и межконфессиональной напряженности. По его мнению, “для России – с её многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер. Основу для обеспечения гражданского мира и согласия в стране должна обеспечивать цивилизационная идентичность носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации – русский народ, русская культура” [Путин, В. В. 2012, с.15].

Важно отметить, что по мимо ученых, Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно формулировал в своих постановлениях правовую позиции относительно понятия и содержания юридической дефиниции «гражданский мир и согласие в стране».

В частности, в постановлении от 13 февраля 2018 г. №8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» гражданский мир и согласие определяется в качестве конституционно значимой ценности, для утверждения которой подлежат защите право собственности, интеллектуальные права, исходя из общего блага и необходимости поддержания конкурентной экономической среды [17].

В постановлении от 17 мая 2021 г. №19-П «По делу о проверке конституционности части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях,

митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А. Никифоровой» Конституционный Суд сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой гражданский мир и согласие рассматривается в качестве цели, во имя достижения которой государством должны быть обеспечены гарантии реализации прав на проведение мирных публичных мероприятий как их участников, так и лиц, в них непосредственно не участвующих [18].

Согласно правовой позиции Конституционного Суда, сформулированной в его постановлении от 17 февраля 2022 г. №7-П «По делу о проверке конституционности статей 14.8 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Медэксперт», достижение гражданского мира и согласия следует рассматривать в качестве конституционно значимых ценностей, для утверждения которых осуществляется социальная политика государства, направленная на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [19].

В постановлении Конституционного Суда от 2 июня 2022 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной» гражданский мир и согласие рассматривается в качестве одного из элементов объективной системы, лежащей в основе процесса конституционализации частноправовых норм при их применении судами [20].

В своём заключении от 16 марта 2020 г. №1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» Конституционный Суд указал на соответствие поправок к Конституции, касающиеся конституционного статуса Президента, а том числе закрепляющих новую конституционную функцию главы Российского государства по поддержанию гражданского мира и согласия в стране, природе и принципам института президентства, его роли и месту в системе органов государственной власти, основам конституционного строя, в соответствии с которыми Президент призван осуществлять самостоятельную и ответственную деятельность по реализации принадлежащих ему конституционных полномочий [21].

Основываясь на приведенных суждениях главы Российского государства, авторитетных ученых и правовой позиции Конституционного Суда относительно понятия и содержания представленной в преамбуле Конституции юридической дефиниции «гражданский мир и согласие в стране», логично предположить, что функция Президента по их поддержанию носит универсальный характер в силу её взаимосвязанности с другими конституционными функциями и полномочиями главы Российского государства.

Такого рода взаимосвязанность исследуемой функций главы Российского государства с иными его конституционными функциями и полномочиями точно отмечена Е.А. Абаевой, которая считает, что деятельность главы Российского государства по поддержанию гражданского мира и согласия в стране призвана «консолидировать общество, доверием к его власти, её преемственностью и транзитом в рамках конституционных установлений, реального, а не имитационного учета общественного мнения и вовлеченности народа, институтов гражданского общества в управление делами страны еще на стадии обсуждения, а в последствии и принятия государственно-значимых решений со стороны Главы государства» [Абаева Е. А., 2023, с.62].

В этом же аспекте К.М. Конджакулян обоснованно полагает, что деятельность Президента по поддержанию гражданского мира и согласия направлена на нахождение компромисса, преодоление разногласий между группами, имеющими различные интересы, в связи с чем данное положение главы государства возвышает его над всей политической системой [Конджакулян К.М., 2020. С. 8, с. 44].

Ряд ученых считает, что деятельность по поддержанию гражданского мира и согласия состоит в правовой гармонизации интересов личности, общества и государства посредством формирования системы сдержек и противовесов, правовых гарантий прав и свобод личности [Опалева А. А., Опалев А. В., Яковлев К. Л., 2024. с. 28].

Универсальный характер исследуемой функции Президента определяет структуру дальнейшего исследования понятия и содержания функции и полномочий Президента Российской Федерации по поддержанию гражданского мира и согласия в стране с точки зрения их взаимосвязанности с иными конституционными функциями и полномочиями Президента по гарантированию Конституции, прав и свобод человека и гражданина; принятию мер по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности; обеспечению согласованного функционирования и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти.

Важность и необходимость такого рода исследования, по мнению автора, определяется тем, что закрепление в ч.2 ст. 80 Конституции указанной функции главы Российского государства обязывает государство осуществлять детализацию и конкретизацию данных конституционных норм в действующем законодательстве Российской Федерации.

Взаимосвязанность исследуемой функций с конституционной функцией и полномочиями Президента по гарантированию Конституции по нашему мнению, находят своё обоснование в авторской позиции И.Е. Полуниной, которая характеризует такого рода гарантирующую функции главы Российского государства как ведущее направление его деятельности по формированию и реализации единых для всей территории Российской Федерации государственно-правовых стандартов и организационно-юридических гарантий обеспечения реальности – социальной исполнимости, включения в общественную практику, охране и защите положений Конституции закрепляющих важнейшие демократические ценности государства и общества [Полунина И.Е., 2010, с.12].

К числу конституционных ценностей, которые могут быть положены в основу деятельности государства и гражданского общества, по поддержанию гражданского мира и согласия в стране могут быть отнесены общенациональные, исторические, культурные, духовные ценности, которые нашли свое отражение в положениях ст.ст.67.1, ст.68.1 и ст. 69.1 Конституции и определяют цивилизационную и общекультурную идентичность её носителей, основанную на преемственности их развития в дореволюционный, советский и современный периоды отечественной государственности.

Положения указанных статей Конституции следует рассматривать в качестве основы для определения стратегии государственной политики, направленной на дальнейшее развитие основополагающих общенациональных, исторических, культурных, духовных ценностей, которые должны объединять и сплачивать многонациональный народ Российской Федерации, в том числе в целях обеспечения гражданского мира и согласия в стране перед лицом внешних и внутренних вызовов и угроз.

В настоящее время становится все более отчетливым стремлением российского общества к обеспечению баланса частных и публичных интересов, в том числе при поддержании гражданского мира и согласия в стране, основанных на таких многовековых социальных основах организации русского общества как определение роли индивида с точки его полезности для общества; разви-

тие общинной этики и морали, основанных на взаимопомощи и поддержке; приоритет чести, достоинства над меркантильными потребительскими интересами; вера в справедливость и православие, отвечавшее коллективистским устремлениям русского общества, способствующее его консолидации и развитию нравственности и культуры.

Взаимосвязанность конституционных функций Президента по гарантированию прав и свобод человека и гражданина и поддержанию гражданского мира и согласия в стране, а также необходимых для их реализации полномочий очень точно отмечена в словах С.А. Авакьяна о том, что “Президенту для качественного и продуктивного осуществления гарантирующих права и свобода мероприятий необходимо быть также представителем всего народа, его традиций и менталитета, поддерживать интересы общества и укреплять общественно-политическую и общую государственную жизнедеятельности страны”[Авакьян С. А., 2014., С.68].

О такого рода взаимосвязанности можно говорить применительно к правовому положению Совета по развитию гражданского общества и правам человека, которое определено в Положении, утвержденном указом Президента от 1 февраля 2011 г. и предусматривающем, в том числе, деятельность этого консультативного органа при главе Российского государства по содействию в реализации конституционных полномочий Президента в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина; развитию институтов гражданского общества и расширения участия граждан в развитии таких институтов и др [22].

В контексте уже отмеченного выше процесса имплементации, детализации и конкретизации закрепленной в ч.2 ст. 80 Конституции функции Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране представляется обоснованным дополнение указанного Положения нормой о том, что Совет по развитию гражданского общества и правам человека, в том числе, содействует процессам поддержания гражданского мира и согласия в стране и реализации соответствующих конституционной функции и полномочий Президента, а также осуществляет подготовку предложений Президенту по вопросам взаимодействия с правоохранительными общественными объединениями и иными структурами гражданского общества в том числе в указанных целях.

Важно отметить, что деятельность Президента по гарантированию прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, в том числе в целях поддержания гражданского мира и согласия носит, прежде всего, контрольный характер за деятельностью органов публичной власти и наделенных полномочиями в этой области.

В этой связи заслуживает внимания точка зрения Н. И. Побежимовой и Н. С. Щербакова о том, что контрольные полномочия главы Российского государства носят универсальный, комплексный и многоаспектный характер, позволяющий Президенту не только «присутствовать» во всех ветвях государственной власти, но и активно взаимодействовать с ними» [Побежимова Н. И., Щербаков Н. С., 2022, с.141].

Некоторые ученые рассматривают функцию Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране в контексте его деятельности по разрешению в качестве высшего арбитра разногласий между органами различных уровней публичной власти или – с точки зрения содержания конституционных функции и полномочий главы Российского государства по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти.

Например, М.А. Шепелев публично-правовой институт Президента Российской Федерации рассматривает в качестве субъекта верховной власти с оговоркой о подчинении ему только исполнительной власти, а значит интерпретации президентской власти как «власти верховного управления» [Шепелев, М. А., 2020, С. 24].

В.Т. Пругло закрепленную в преамбуле Конституции юридическую дефиницию «гражданский мир и согласие» связывает с гражданской, подлинно миро-согласительной направленностью правовых актов органов исполнительной власти, согласительными нормотворческими процедурами, устранением необоснованных и неоправданных различий в регулировании федеральных и региональных отношений и нарушений системных отношений внутри российского правового пространства, а также - противостоянием органов законодательной и исполнительной власти в ряде субъектов Российской Федерации [Пругло В.Т., 2004, С.9].

А.В. Тетерин взаимосвязанность рассматриваемых конституционных функций Президента связывает с определением следующих полномочий, посредством которых он реализует функцию по поддержанию гражданского мира и согласия в стране: издание «законозаменяющих указов» в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов власти; участие в наделении гражданина Российской Федерации полномочиями высшего должностного лица субъекта; достижение согласия между главой Российского государства и Государственной Думой в рамках процедуры назначения на должность Председателя Правительства [Тетерин А. В., 2021, с. 12.].

Важно отметить, что в Конституция наделяет главу Российского государства полномочиями, направленными не только на реализацию его функции по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти, но призванными, в тоже время устранять разногласия между ними, а значит способствовать поддержанию гражданского мира и согласия.

В этих целях Конституция Российской Федерации предусматривает возможность реализации согласительных процедур между федеральными органами государственной власти, а также полномочия главы Российского государства по преодолению конституционного кризиса в случае невозможности преодоления возникших между ними разногласий.

Такие процедуры возможны при реализации Президентом своих конституционных полномочий по: назначению на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождению от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (п.д.1 ст.83); представлению Совету Федерации кандидатур для назначения на должность Председателя Конституционного Суда, его заместителей и судей, Председателя Верховного Суда, его заместителей и судей, председателей, заместителей и судей других судов; назначению на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождению от должности Генерального прокурора, прокуроров субъектов Российской Федерации и приравненных к ним прокуроров военных и других специализированных прокуратор (п.е.1, ст.83) и т.д.

Кроме этого, участие Президента в проведении согласительных процедур между органами государственной власти Российской Федерации возможно в предусмотренных в Конституции случаях: отклонения Государственной Думой представленной Президентом кандидатуры Председателя Правительства (ч.4 ст.111); отклонения Государственной Думой представленных Председателем Правительства кандидатур своих заместителей и федеральных министров (ч.4, ст.112); когда Правительство подает в отставку, которая принимается или отклоняется Президентом (ч.1 ст.117); выражения недоверия Государственной Думой Правительству (ч.3 ст.117); когда Председатель Правительства поставил перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству (ч.4 ст.117).

На федеральном уровне публичной власти согласительные процедуры с участием Президента также возможны в законодательном процессе в предусмотренных Конституцией случаях: отклонения Президентом федерального закона и

его обращения в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности этого закона (ч.3 ст.107); обращения Президента в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности федерального конституционного закона (ч.3 ст.108); проверки Конституционным Судом конституционности законов субъекта Российской Федерации до их обнародования (п.в, ч.5.1, ст.125).

Важная роль в реализации Президентом функции по поддержанию гражданского мира и согласия в стране отведена Государственному Совету Российской Федерации, который согласно п.е.5 ст.83 Конституции, призван обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти.

Согласно положений ст.85 Конституции Президент может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между федеральными и региональными органами государственной власти, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Он также вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов в случае их противоречия Конституции Российской Федерации и федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом.

Детализация и конкретизация указанных положений Конституции осуществляется в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. №414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Кроме этого, согласно положений п.5 ст.5 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. №394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» он призван оказывать содействие Президенту при использовании им согласительных процедур для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации [23].

В контексте процесса имплементации, детализации и конкретизации закрепленной в ч.2 ст. 80 Конституции функции Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране представляется обоснованным дополнение ч.4 ст.29 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. №414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» таким основанием для отрешения Президентом высшего должностного лица субъекта Российской

Федерации от должности как совершение действий, направленных на нарушение гражданского мира и согласия в стране или повлекших за собой такие нарушения.

А. В. Безруков взаимосвязанность конституционных функций Президента по гарантированию Конституции, прав и свобод граждан, обеспечению согласованного функционирования и взаимодействие органов государственной власти объясняет тем, что все они направлены на обеспечение конституционного правопорядка посредством осуществления главой Российского государства собственной нормотворческой и организационно-управленческой деятельности; разрешения правовых споров между органами государственной власти; отмены или приостановления действия правовых актов органов исполнительной власти и реализации других полномочий [Безруков А.В., 2018, С.46-47].

По нашему мнению, конституционная функция и полномочия Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране непосредственно связаны с его функцией и полномочиями по охране суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности.

Об этом свидетельствуют положения п.5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, в которых под ней понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются, в том числе гражданский мир и согласие в стране [24].

Кроме этого, в п.5 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», утвержденной указом Президента от 29 мая 2020 г. №344, определено, что экстремизм во всех его проявлениях ведет в том числе к нарушению гражданского мира и согласия [25].

Полномочия Президента по обеспечению национальной безопасности находят отражение в нормах п. “ж”, ст.83 Конституции о том, что он формирует Совет Безопасности Российской Федерации в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, а также поддержания гражданского мира и согласия в стране.

Указанные конституционные нормы детализируются и конкретизируются в положениях ст.13 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», закрепляющих основные функции и порядок формирования Совета Безопасности Российской Федерации [26].

По мнению автора, исходя из функционального предназначения войск национальной гвардии призванных согласно положений ст.1 Федерального закона от 3 июля 2016 г. №226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» обеспечивать государственную и общественную безопасность, защищать права и свободы человека и гражданина, следует признать, что эта деятельность осуществляется в том числе в целях поддержания гражданского мира и согласия [26].

С учетом этого, к числу полномочий Президента по реализации такого рода функции следует отнести закрепленные в ст.6 указанного Закона его полномочия по руководству войсками национальной гвардии, определению их задач, в том числе по поддержанию гражданского мира и согласия в стране.

Выводы:

1. Взаимосвязанность конституционных функций Президента по поддержанию гражданского мира и согласия в стране и гарантированию Конституции проявляется в призвании главы Российского государства обеспечить взаимодействие государства и гражданского общества на основе и во исполнении общенациональных, исторических, культурных, духовных ценностей, закрепленных в ст.67.1, 68.1 и 69.1. Конституции.
2. Президент призван гарантировать соблюдение положений Конституции, охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части поддержания гражданского мира и согласия в стране. В этой связи представляется обоснованным дополнение Положения «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека», утвержденном указом Президента от 1 февраля 2011 г. №120, нормой о том, что этот консультативный орган при Президенте в том числе, содействует процессам поддержания гражданского мира и согласия в стране и реализации соответствующих конституционной функции и полномочий Президента, а также осуществляет подготовку предложений Президенту по вопросам взаимодействия с правозащитными общественными объединениями и иными структурами гражданского общества, в том числе в целях поддержания гражданского мира и согласия в стране.
3. Исходя из взаимосвязанности исследуемой функции с функцией Президента по обеспечению согласованного функционирования и

взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти, представляется обоснованным дополнение ч.1 ст.29 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. №414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» таким основанием для вынесения Президентом предупреждения высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации как издание нормативного правового акта, который повлечет и может повлечь за собой нарушение гражданского мира и согласия в стране. При этом, такого рода причинно-следственная связь и угрозы устанавливаются соответствующим судом, а высшее должностное лицо субъекта обязуется в течение двух месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного им срока принять в пределах своих полномочий меры по исполнению судебного решения.

4. К числу полномочий Президента по реализации конституционной функции поддержания гражданского мира и согласия в стране следует отнести закрепленные в ст.6 Федерального закона от 3 июля 2016 г. №226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» его полномочия по руководству войсками национальной гвардии, определению их задач, в том числе в данной области его деятельности.

Список литературы:

- [1] Абаева Е. А. Поддержание гражданского мира и согласия в современной парадигме президентской власти / Е. А. Абаева // Международное и отечественное право : Сборник научных статей по итогам VI Севастопольского юридического форума, Севастополь, 22–23 сентября 2023 года. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. – С. 62;
- [2] Авакян С. А. Гражданское общество, публичная власть и проблема представительства / С. А. Авакян. - Текст : непосредственный // Роль и значение институтов гражданского общества в становлении государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Казань, 30 июня 2014 г., С.68;
- [3] Безруков А. В. Институт главы государства в механизме укрепления государственного единства и правопорядка (теоретико-историческое и конституционно-правовое осмысление) / А. В. Безруков, В. В. Чугаев // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 46-47;
- [4] Конджакулян, К.М. Правовые основы суперпрезидентства в Российской Федерации: новые конституционные изменения / К.М. Конджакулян // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 12. – С. 44.

[5] Линкин, В. Н. О системе политико-правовых ценностей, закрепленных в преамбулах конституций бывших республик СССР / В. Н. Линкин // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 3. – С. 43;

[6] Опалева, А. А. Правовая гармонизация интересов личности, общества и государства как условие поддержания гражданского мира и согласия / А. А. Опалева, А. В. Опалев, К. Л. Яковлев // Современное право. – 2024. – № 4. – С. 28;

[7] Писарев, А. Н. Преимущество в развитии отечественных государственно-правовых институтов как важнейший фактор сохранения конституционной идентичности России / А. Н. Писарев // Современное конституционное право: отечественные и зарубежные исследования : Сборник научных трудов / отв. ред. Е.В. Алфёрова, И.А. Умнова (Конюхова). – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. – С. 45-60.

[8] Применение Конституции Российской Федерации как правовая гарантия гражданского мира и безопасности государства»: Монография / Под редакцией И.А. Умновой (Конюховой). М.: РГУП, 2017. 185 с.

[9] Побежимова, Н. И. Президентский контроль в России, его место и роль в публичной власти / Н. И. Побежимова, Н. С. Щербаков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2022. – № 5. – С. 141;

[10] Полунина И.Е. Глава Российского государства как гарант Конституции Российской Федерации : теоретико-правовые аспекты : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Полунина Ирина Евгеньевна; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. – Москва, 2010. – С.12;

[11] Путин, В. В. Россия: национальный вопрос / В. В. Путин // Вестник Российской нации. – 2012. – № 1(21). – С. 13-25;

[12] Пругло, Владимир Тимофеевич. Формирование административно-правовой основы гражданского мира и согласия в субъектах Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.14 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. — Москва, 2004. С.9;

[13] Тетерин, А. В. Президент Российской Федерации как гарант мира и согласия в стране / А. В. Тетерин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 7. – С. 12;

[14] Федоскин, Н. Н. Преамбула Конституции Российской Федерации и её политико-правовое значение / Н. Н. Федоскин, О. Н. Гапонов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2018. – № 1(2). – С. 128.

[15] Шепелев, М. А. Президент России как субъект верховной власти: заметки о сути консти-

туционной реформы / М. А. Шепелев // Вестник социально-гуманитарных исследований. – 2020. – Т. 3, № 2. – С. 24;

[16] Эбзеев, Б. С. Государство как «образ и действительность разума», или Конституция России о гражданском мире / Б. С. Эбзеев // Государство и право. – 2022. – № 8. – С. 14.

[17] Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 9. Ст. 1435.

[18] Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 22. Ст. 3912.

[19] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1594.

[20] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 25. Ст. 439.

[21] Собрание законодательства Российской Федерации. 2020 г. № 12 ст. 1855.

[22] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 6. Ст. 852.

[23] Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (часть III) Ст. 8039.

[24] Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

[25] Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.

[26] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

Spisok literatury:

[1] Abaeva E. A. Podderzhanie grazhdanskogo mira i soglasiya v sovremennoj paradigme prezident-skoj vlasti / E. A. Abaeva // Mezhdunarodnoe i oteche-stvennoe pravo : Sbornik nauchny'x statej po itogam VI Sevastopol'skogo yuridicheskogo foruma, Sevastopol', 22–23 sentyabrya 2023 goda. – Tyumen': TyumGU-Press, 2023. – S. 62;

[2] Avak'yan S. A. Grazhdanskoe obshhestvo, publichnaya vlast' i problema predstavitel'stva / S. A. Avak'yan. – Tekst : neposredstvenny'j // Rol' i znachenie institutov grazhdanskogo obshhestva v stanovlenii gosudarstvennosti: materialy' Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. — Kazan', 30 iyunya 2014 g., S.68;

[3] Bezrukov A. V. Institut glavy' gosudarstva v mexanizme ukrepleniya gos-udarstvennogo edinstva i pravoporyadka (teoretiko-istoricheskoe i konstitucionno-pravovoe osmy'slenie) / A. V. Bezrukov, V. V. Chugaev // Pravopri-menenie. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 46-47;

[4] Kondzhakulyan, K.M. Pravovy'e osnovy' superprezidentstva v Rossijskoj Federacii: novy'e konstitucionny'e izmeneniya / K.M. Kondzhakulyan // Gosu-darstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2020. – № 12. – С. 44.

[5] Linkin, V. N. O sisteme politiko-pravovy'x cennostej, zakreplenny'x v preambulax konstitucij by'vshix respublik SSSR / V. N. Linkin // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. – 2019. – № 3. – С. 43;

[6] Opaleva, A. A. Pravovaya garmonizaciya interesov lichnosti, obshhestva i gosudarstva kak uslovie podderzhaniya grazhdanskogo mira i soglasiya / A. A. Opaleva, A. V. Opalev, K. L. Yakovlev // *Sovremennoe pravo*. – 2024. – № 4. – S. 28;

[7] Pisarev, A. N. Preemstvennost' v razvitii otechestvenny'x gosudarstvenno-pravovy'x institutov kak vazhnejshij faktor soxraneniya konstitucionnoj identichnosti Rossii / A. N. Pisarev // *Sovremennoe konstitucionnoe pravo: otechestvenny'e i zarubezhny'e issledovaniya* : Sbornik nauchny'x trudov / otv. red. E.V. Alferova, I.A. Umnova (Konyuxova). – Moskva : Institut nauchnoj informacii po obshchestvenny'm naukam RAN, 2019. – S. 45-60.

[8] Primenenie Konstitucii Rossijskoj Federacii kak pravovaya garantiya grazhdanskogo mira i bezopasnosti gosudarstva»: Monografiya / Pod redakciej I.A. Umnovoj (Konyuxovoj). M.: RGUP, 2017. 185 s.

[9] Pobezhimova, N. I. Prezidentskij kontrol' v Rossii, ego mesto i rol' v publichnoj vlasti / N. I. Pobezhimova, N. S. Shherbakov // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. – 2022. – № 5. – S. 141;

[10] Polunina I.E. Glava Rossijskogo gosudarstva kak garant Konstitucii Rossijskoj Federacii : teoretiko-pravovy'e aspekty' : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskix nauk : 12.00.02 / Polunina Irina Evgenievna; [Me-sto zashhity': Stavrop. gos. un-tj]. – Moskva, 2010. – S.12;

[11] Putin, V. V. Rossiya: nacional'ny'j vopros / V. V. Putin // *Vestnik Rossijskoj nacii*. – 2012. – № 1(21). – S. 13-25;

[12] Pruglo, Vladimir Timofeevich. Formirovanie administrativno-pravovoj osnovy' grazhdanskogo mira i soglasiya v sub'ektax Rossijskoj Federacii : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskix nauk : 12.00.14 / Ros. akad. gos. sluzhby' pri Prezidente RF. — Moskva, 2004. S.9;

[13] Teterin, A. V. Prezident Rossijskoj Federacii kak garant mira i so-glasiya v strane / A. V. Teterin // *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samo-upravlenie*. – 2021. – № 7. – S. 12;

[14] Fedoskin, N. N. Preambula Konstitucii Rossijskoj Federacii i eyo politiko-pravovoe znachenie / N. N. Fedoskin, O. N. Gaponov // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. – 2018. – № 1(2). – S. 128.

[15] Shepelev, M. A. Prezident Rossii kak sub'`ekt verховной власти: za-metki o suti konstitucionnoj reformy' / M. A. Shepelev // *Vestnik soci-al'no-gumanitarny'x issledovanij*. – 2020. – T. 3, № 2. – S. 24;

[16] E`bzeev, B. S. Gosudarstvo kak "obraz i dejstvitel'nost' razuma", ili Konstituciya Rossii o grazhdanskom mire / B. S. E`bzeev // *Gosudarstvo i pravo*. – 2022. – № 8. – S. 14.

[17] Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2018. № 9. St. 1435.

[18] Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2021. № 22. St. 3912.

[19] Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2022. № 10. St. 1594.

[20] Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2022. № 25. St. 439.

[21] Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2020 g. № 12 st. 1855.

[22] Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 6. St. 852.

[23] Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2020. № 50 (chast' III) St. 8039.

[24] Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2021. № 27 (chast' II). St. 5351.

[25] Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2020. № 22. St. 3475.

[26] Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 1. St. 2.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-187-191

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

ЧИНАРЯН Елена Олеговна,
доцент кафедры общей юриспруденции РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

КУЛЕШОВ Георгий Николаевич,
доцент кафедры юриспруденции АНОВО «ММУ»,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧИНАРЯН Елизавета Амаяковна,
Преподаватель Колледжа РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

СМАГИН Андрей Андреевич,
преподаватель Колледжа РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЛУТОВИНОВ Сергей Борисович,
магистр РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Автор рассматривает особенности социального государства в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации в целях обеспечения прав и законных интересов граждан в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации и изменение дефиниции социального государства за последние три десятилетия.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, социальное государство, Конституция РФ, социальная политика.

CHINARYAN Elena Olegovna,
Associate Professor, Department of General Jurisprudence, RSSU

KULESHOV Georgy Nikolaevich,
Associate Professor, Department of Jurisprudence, ANOVO "MMU"

CHINARYAN Elizaveta Amayakovna,
Lecturer at the College of RSSU

SMAGIN Andrey Andreevich,
Lecturer at the College of RSSU

LUTOVINOV Sergey Borisovich,
Master of RSSU

PRINCIPLE OF THE SOCIAL STATE AS INTERPRETED BY THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The author considers the features of the social state in the interpretation of the Constitutional Court of the Russian Federation in order to ensure the rights and legitimate interests of citizens in accordance with the provisions of the Constitution of the Russian Federation and the change in the definition of the social state over the past three decades.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, social state, Constitution of the Russian Federation, social policy.

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации часто становится деятельность государства в социальной сфере. В частности, это подтверждается статистическими данными, которые размещены на официальном сайте Конституционного Суда РФ. Согласно информации с этого сайта только за период с 1 января 2023 г. по 1 января 2024 г. было рассмотрено более двухсот дел, в контексте которых упоминалось «социальное государство» [1]. Это понятие закреплено в основных законодательных актах большинства стран мира, включая и Россию, где в 7-й статье Конституции нашей страны сказано следующее: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [2].

В настоящее время в Российской Федерации принято большое количество законодательных актов, направленных на регулирование прав граждан нашей страны на социальное обеспечение. При этом граждане часто сталкиваются с ущемлением этих прав, что может также стать нарушением Конституции Российской Федерации, гарантирующей права и свободы человека и гражданина. Конституционный Суд Российской Федерации занимает особое положение в правовой системе. Он может обнаружить проблемы не только правоприменительного, но и правотворческого характера, влиять на приведение нормативно-правовых актов в соответствие с Конституцией РФ, признавая верховенство основного закона страны над другими законодательными актами и постановлениями. Кроме того, Конституционный Суд РФ может влиять на деятельность органов государственной власти и оказывать им поддержку на пути качественного повышения уровня законодательства, а также содействуя органам исполнительной и судебной власти в реализации их полномочий. При этом Конституционный Суд РФ отталкивается в своих суждениях от фундаментальных положений Конституции, гарантирующей права и свободы граждан, если их деятельность не противоречат законодательству [3].

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает вопросы, охватывающие социальную защиту граждан, и принимает решения, направленные на обеспече-

ние прав и законных интересов граждан в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации.

Как отмечает исследователь этого вопроса М.В. Саудаханов: «При буквальном толковании принципа социального государства Конституционным Судом РФ получалось, что Россия как социальное государство, должна проводить политику, которая направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [4].

Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации заключается в том, что любое различие в правах граждан России должно соответствовать Конституции России в соответствии с закрепленным в основном законе страны принципом равенства каждого человека перед законом и органами судебной власти независимо от пола, возраста, расы, языка или религиозной принадлежности. Это указано в статье 19 Конституции РФ [5]. При этом такие различия допускаются с позиции Конституционного Суда, но только если они имеют объективное обоснование и преследуют цели, которые соизмеримы с основными положениями Конституции РФ и не противоречат им.

При определении социального государства, как государства имеющего все признаки государства социальной справедливости, важно учесть позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении № 8-П от 24 мая 2001 г [6]. В ней Конституционный Суд РФ подчеркнул неприемлемость отказа государства от выполнения социальных обязательств по отношению к отдельным категориям граждан, которые были приняты ранее. Эта правовая позиция была в дальнейшем многократно подтверждена Конституционным Судом РФ и стала одним из ключевых конституционных принципов, ограничивающих свободу законодателя в изменении объема и содержания социальных льгот. В частности, данный принцип означает запрет на уменьшение или ограничение права на социальное обеспечение для лиц, которые приобрели это право на основании ранее действовавших постановлений или нормативно-правовых актов. Считаем, что позиция Конституционного Суда в данном вопросе является обоснованной, поскольку иной подход позволил бы государству уклоняться от выполнения взятых на себя социальных обязательств, что подрывало бы доверие граждан к действующей власти.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации претерпели эволюцию в зависимости от социально-экономической ситуации в стране и потребностей государства и общества.

В начальный период, основываясь на понимании положений основного закона страны – Конституции РФ 1993 г., в ряде своих постановлений (включая № 13-П4 от 26 апреля 2016 г., № 46-П5 от 20 декабря 2018 г., № 26-П6 от 3 июля 2019 г., № 31-П7 от 8 октября 2019 г., № 34-П8 от 13 ноября 2019 г. и др.), Конституционный Суд РФ придерживался буквального толкования полномочий Российской Федерации как социального государства, зафиксированного в 7-й статье Конституции РФ [7].

В процессе развития правоприменительной практики в ряде постановлений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам определения сущности и полномочий социального государства стали проявляться тенденции его обращения к международным обязательствам России. В качестве иллюстрации можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № 37-П, в котором суд ссылается на положения статьи 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и статьи 2 Конвенции МОТ № 29, касающейся принудительного труда. Данная конвенция была принята в 1930 г. и ратифицирована СССР в 1956 г. [8].

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2020 г. № 35-П, принятом после вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации, подчеркивалась обязанность федерального законодателя, исходя из требований ряда статей Конституции (1 ч.1, 7 ч.1, 8 ч.1, 17 ч.3, 19 ч.1 и 2, 34 ч.1, 35 ч.2, 37, 55 ч.3), обеспечить баланс между конституционными правами и свободами граждан. При этом Конституционный Суд РФ особо отметил необходимость справедливого согласования прав и законных интересов сторон в трудовом договоре как ключевое условие для гармонизации трудовых отношений в Российской Федерации, которая является социальным правовым государством [8].

Позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в этих постановлениях, связанных с трудовыми отношениями, наилучшим образом отражает современные представления о социальном государстве. В таком государстве не только само государство, но и гражданское общество со всеми его институтами, а также каждый отдельный гражданин должны проявлять активность в социальной сфере и солидарно участвовать в построении общества и государства.

При рассмотрении этого вопроса, связанного с пониманием «социального государства» следует уделить внимание так называемому принципу «субсидиарности». Данный принцип предполагает, что ответственность за осуществление социальной политики лежит не только на государственных органах, но и на всём обществе в целом.

Целью такого подхода является реализация концепции солидарности общественности и государства в решении социально значимых вопросов.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации в рассматриваемом вопросе созвучна конституционным поправкам 2020 г., а именно пункту 6 статьи 75 Конституции РФ, провозглашающего принципы всеобщности, справедливости и солидарности, лежащие в основе российского правопорядка. В особенности она согласуется с положениями новой статьи 75.1 Конституции РФ, согласно которой Российская Федерация обязана создавать условия для обеспечения устойчивого экономического роста и повышения уровня благосостояния граждан, укрепления взаимодововерия между государством и обществом, гарантирования защиты достоинства каждого гражданина и уважения к труду. Данная позиция также подразумевает обеспечение баланса между правами и обязанностями граждан, развитие социального партнерства, а также укрепление экономической, политической и социальной солидарности [8].

Таким образом, можно утверждать, что Конституционный Суд Российской Федерации, посредством своих постановлений по делам, касающимся принципа социального государства, последовательно разработал не только наиболее полный и современный образ такого государства в контексте российской действительности, но и в значительной степени подготовил содержание конституционных поправок 2020 г., затрагивающих не только принцип социального государства.

В ходе рассмотрения споров, связанных с принципом социального государства, закреплённым в статье 7 Конституции РФ, Конституционный Суд, анализируя её взаимосвязь с другими статьями основного закона страны и международными договорами, выработал в своих решениях наиболее полный и отвечающий современным реалиям образ социального государства. Этот сформировавшийся образ, естественно, нашёл своё отражение в конституционных изменениях 2020 г.

В ходе конституционной реформы 2020 года упор был сделан на совершенствование социальной сферы. Конституция Российской Федерации была дополнена положениями, предусматривающими дополнительные гарантии в социальной области: установление минимальной заработной платы не ниже прожиточного минимума трудоспособного населения (часть 5 статьи 75), ежегодную индексацию пенсий (часть 6 статьи 75), право граждан на обязательное социальное страхование, адресную социальную поддержку и индексацию социальных пособий и иных социальных выплат (часть 7 статьи 75). Внедрение этих поправок оказывает влияние на деятельность Конститу-

ционного Суда Российской Федерации в контексте координации социальных и экономических интересов, а также обеспечения равновесия между правовым обеспечением новых социальных гарантий и экономической эффективностью [9].

Одним из характерных аспектов конституционного производства в области защиты социальных прав является тенденция Конституционного Суда РФ к расширительному толкованию субъектного состава лиц, имеющих право на различные виды социального обеспечения. В результате признания отдельных норм законодательных актов неконституционными и последующего внесения изменений в действующее законодательство, круг граждан, получающих доступ к социальным благам, увеличивается [10].

В качестве иллюстрации можно привести Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 2-П от 6 февраля 2014 г. В нём было установлено несоответствие Конституции Российской Федерации подпункта 5 статьи 4 Федерального закона «О ветеранах» в части, которая не допускала признания инвалидами Великой Отечественной войны лиц, привлекавшихся в годы войны организациями Осоавиахима СССР и органами местной власти к работам по сбору боеприпасов и военной техники, разминированию территорий и объектов. При этом лица становились инвалидами вследствие ранений, контузий или увечий, полученных при выполнении указанных работ до февраля 1944 г. Неточное определение периода проведения указанных работ привело к тому, что отдельные граждане лишились возможности воспользоваться правом на получение определённых видов социального обеспечения [9].

Вышеизложенное, наряду с другими позициями Конституционного Суда Российской Федерации, свидетельствует о его особой роли в сфере защиты социальных прав граждан. Интерпретация положений Конституции Российской Федерации и нормативных актов, регулирующих социальные права, Конституционным Судом направлена на выработку новых подходов к защите и толкованию этих положений, а также к пониманию их сущности. Такая деятельность Суда способствует минимизации ошибок в правоприменительной практике путем ее корректировки.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет защиту от произвольного толкования норм о социальных правах человека и гражданина, содержащихся в нормативно-правовых актах, противоречащих Конституции Российской Федерации.

Рассматривая дела о признании отдельных положений законодательства в сфере реализации

социальных прав не соответствующими Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд предотвращает негативные последствия как в настоящем, так и в будущем. Кроме того, он способствует нахождению баланса между публичными и частными интересами.

Вместе с тем в результате внесенных изменений в Конституцию Российской Федерации модель социального государства претерпела трансформацию. Вместо государства-покровителя мы наблюдаем государство-партнер, активно взаимодействующее с гражданским обществом и его институтами. На основе принципов тесного сотрудничества с обществом и социальной солидарности, государство создает благоприятные условия для жизни каждого человека.

Взаимодействие с таким государством требует от гражданского общества и каждого индивида перехода от пассивной роли получателя благ к активному участию в социально-экономическом развитии страны. Граждане становятся равноправными партнерами государства в деле повышения уровня жизни, обеспечения благосостояния и прогресса всей страны в целом.

Иными словами, принцип социального государства в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации с 1993 г. по настоящее время претерпел некоторые изменения. Если раньше он предполагал обязанность органов государственной власти выполнять все необходимые задачи для построения социального государства, обеспечения государственной поддержки семьям, материнству, отцовству и детству, а также социальной защиты уязвимых слоев населения, то в настоящее время государство выступает в роли партнера, когда социальные гарантии должны реализоваться при активном участии гражданского общества. При этом Конституционный Суд РФ всецело поддерживает этот принцип «субсидиарности», предполагающий совместное разрешение социальных вопросов обществом и государством, закрепленный в Конституции РФ.

Список литературы:

- [1] Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx>
- [2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 05.10.2024 г.
- [3] Попов А.С. Защита Конституционным Судом РФ права на социальное обеспечение / А. С. Попов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 6 (348). — С. 248-254.

[4] Саудаханов М.В. Облик социального государства в решениях конституционного суда российской федерации // Вестник экономической безопасности. 2021. №1. С. 60.

[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 05.10.2024 г.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 N 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой» // СПС «Консультант Плюс».

[7] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 05.10.2024 г.

[8] Саудаханов М.В. Облик социального государства в решениях конституционного суда российской федерации // Вестник экономической безопасности. 2021. №1. С. 60.

[9] Шерстнева А.В. О некоторых особенностях защиты социальных прав человека и гражданина Конституционным Судом Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2021 Т. 17, № 1 С. 37.

[10] Миронова Т. К. О роли Конституционного суда в расширении сферы действия законов о социальном обеспечении // Вопросы российского и международного права. 2015. № 1–2. С. 77.

Spisok literatury:

[1] Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx>

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского

голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 05.10.2024 г.

[3] Popov A.S. Zashhita Konstitucionny'm Sudom RF prava na social'noe obespechenie / A. S. Popov. — Tekst: neposredstvenny'j // Molodoj uchenyj. — 2021. — № 6 (348). — С. 248-254.

[4] Saudaxanov M.V. Oblik social'nogo gosudarstva v resheniyax konstitucionnogo suda rossijskoj federacii // Vestnik e'konomicheskoy bezopasnosti. 2021. №1. С. 60.

[5] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993g. s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 g.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 05.10.2024 г.

[6] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24.05.2001 N 8-P "Po delu o provere konstitucionnosti polozhenij chasti pervoj stat'i 1 i stat'i 2 Federal'nogo zakona «O zhilishny'x subsidiyax grazhdanam, vy'ezzhayushhim iz rajonov Krajnego Severa i priravnennoy x k nim mestnostej" v svyazi s zhalobami grazhdan A.S. Stax i G.I. Xvalovoj» // SPS «Kon-sul'tant Plyus».

[7] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993g. s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 g.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 05.10.2024 г.

[8] Saudaxanov M.V. Oblik social'nogo gosudarstva v resheniyax konstitucionnogo suda rossijskoj federacii // Vestnik e'konomicheskoy bezopasnosti. 2021. №1. С. 60.

[9] Sherstneva A.V. O nekotory'x osobennostyax zashhity' social'ny'x prav cheloveka i grazhdanina Konstitucionny'm Sudom Rossijskoj Federacii // Yuridicheskaya nauka i praktika. 2021 Т. 17, № 1 С. 37.

[10] Mironova T. K. O roli Konstitucionnogo suda v rasshirenii sfery` dejstviya zakonov o social'nom obespechenii // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2015. № 1–2. С. 77.

ТОРОП Юлия Валерьевна,
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного юридического Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: torop15@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье раскрываются государственные приоритеты в области реализации молодежной политики, аргументируется необходимость формирования ценностных ориентиров современной российской молодежи на основе российских традиционных духовно-нравственных ценностей. Определяются конституционно-правовые механизмы формирования концептуальной ценностной системы российской молодежи, аргументирована важность ее институционализации. Показана важность Конституции Российской Федерации как базовой ценностной основы российского государства и общества. На основе анализа изменений законодательства исследуются новеллы правового регулирования молодежной политики в этой сфере, в том числе новый понятийный аппарат. Раскрываются понятия патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи как новых направлений современной молодежной политики России, отмечается их системообразующий общественно-политический характер. Показана реализация направлений по воспитанию патриотической и духовно-нравственной молодежи на федеральном и региональном уровнях. Определены направления дальнейшего формирования традиционных российских ценностно-смысловых ориентиров для молодежи России, аргументирована важность создания для этого специализированной инфраструктуры.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, российское общество, традиционные ценности, стратегия реализации молодежной политики, национальная безопасность, права молодежи, защита законных интересов молодежи, развитие молодежи, самореализация молодежи, инфраструктура молодежной политики, патриотическое воспитание, духовно-нравственные ценности, патриотизм, идеология.

TOROP Yulia Valeryevna,
candidate of law,
Associate Professor of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL),
Ph.D

CONSTITUTIONAL-LEGAL MECHANISMS OF FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS OF THE RUSSIAN YOUTH

Annotation. The article reveals the state priorities in the field of implementation of youth policy, argues the necessity of formation of value orientations of modern Russian youth on the basis of Russian traditional spiritual and moral values. The constitutional-legal mechanisms of formation of the conceptual value system of Russian youth are defined, the importance of its institutionalization is argued. The importance of the Constitution of the Russian Federation as a basic value basis of the Russian state and society is shown. On the basis of the analysis of legislative changes the novelties of legal regulation of youth policy in this sphere, including the new conceptual apparatus are investigated. The concepts of patriotic and spiritual and moral education of youth as new directions of modern youth policy of Russia are revealed, their system-forming socio-political character is noted. The realization of directions for the education of patriotic and spiritual and moral youth at the federal

and regional levels is shown. The directions of further formation of traditional Russian value-sense orientations for young people of Russia are defined and the importance of creating a specialized infrastructure for this purpose is shown.

Key words: *youth, youth policy, Russian society, traditional values, strategy of youth policy implementation, national security, youth rights, protection of legitimate interests of youth, youth development, youth self-actualization, youth policy infrastructure, patriotic education, spiritual and moral values, patriotism, ideology.*

Исторический опыт и современные мировые тенденции убедительно свидетельствуют, что устойчивое экономическое и социальное развитие государства, реализация его инновационного потенциала, укрепление государственного суверенитета и обеспечение защиты духовно-нравственных ценностей как основы существования и жизнедеятельности российского общества возможно только при осознанном участии молодежи как наиболее прогрессивной и активной части социума. В России, несмотря на демографические сложности с приростом населения, численность молодого поколения увеличивается. И будущее нашей страны зависит от успешного становления молодых граждан Российской Федерации, способных к созидательному труду, верных Отечеству, имеющих высокие нравственные идеалы и готовых их защищать и отстаивать перед лицом внешних угроз. Президент Российской Федерации В.В. Путин в ежегодном Послании Федеральному Собранию подчеркнул, что «...завтрашний день страны определяют устремления нынешнего, молодого поколения. Его становление, его успехи, жизненные ориентиры, которые пройдут любую проверку на прочность, – это важнейший залог и гарантия суверенитета России, продолжение нашей истории» [9]. В этой связи закономерно прослеживается научный интерес к различным областям формирования молодежной политики в парадигме определенных Президентом РФ национальных целей развития Российской Федерации, первостепенной из которых является воспитание патриотичной и социально ответственной личности [10].

В настоящее время активно идет процесс институционализации молодежной политики: в 2020 году был определен ее конституционный базис (п. «е» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ), принят Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» [11] (далее – Закон о молодежной политике) как комплексный регулятор общественных отношений между субъектами молодежной политики в сфере ее формирования и реализации, обозначивший основные цели и принципы. В августе 2024 года Правительством РФ утверждена Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года [12] (далее – Стратегия) как концептуальная основа достижения целей молодежной

политики, прежде всего таких как обеспечение защиты прав и законных интересов молодых граждан, создание для них равных условий духовно-культурного, интеллектуального, профессионального, социального и физического развития и самореализации, формирование условий их участия в всех сферах жизни современного общества – политической, социально-экономической, научной, культурной. В большинстве субъектов Российской Федерации сегодня действуют региональные законы о молодежной политике, к полномочиям органов местного самоуправления отнесены разработка и реализация муниципальных программ по основным направлениям реализации молодежной политики.

Дальнейшая успешная реализация молодежной политики связана, по нашему мнению, с учетом такой специфической особенности молодежи как субъекта конституционно-правовых отношений, возникающих в сфере молодежной политики, как ее субъект-объектная двойственность [1, с. 9]. Другими словами, молодежь выступает одновременно и объектом государственной молодежной политики, испытывая целенаправленное воздействие со стороны публичных органов, и ключевым, основным субъектом, реализующим все ее направления. Субъектность молодежи определяется профессором В.В. Комаровой как основа в решении стоящих перед государством и обществом задач [2, с. 21]. С учетом такого подхода совершенно закономерно в ст. 2 Закона о молодежной политике молодежь, молодые граждане, молодежные некоммерческие общественные объединения как субъекты, осуществляющие деятельность в сфере молодежной политики, приобретают первостепенное значение.

Одним из основополагающих государственных приоритетов в этой связи становится формирование ценностных ориентиров молодежи. Для того чтобы обеспечить сохранение российских духовно-нравственных ценностей как основы нашего общества, защитить суверенитет России и обеспечить всестороннее развитие молодых граждан, их человеческого и гражданского потенциала, требуется, чтобы основной субъект молодежной политики – молодой гражданин Российской Федерации – прежде всего сам являлся носителем и защитником таких ценностей, осмысливал современные геополитические, технологи-

ческие, экономические, информационные процессы, опираясь на традиционные российские ценности и сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность.

Достижение указанной цели – это целенаправленный многоаспектный процесс, включающий в себя разноплановые действия на всех уровнях государственного, общественного, семейного, межличностного взаимодействия, при активном участии различных публичных и общественных институтов (государственных органов, органов местного самоуправления, образовательных учреждений, профессиональных союзов, религиозных организаций, средств массовой информации и т.п.). Но ключевая роль в этом процессе, несомненно, принадлежит государству, прежде всего путем создания эффективного правового регулирования и конституционно-правовых механизмов формирования ценностно ориентированного молодого гражданина Российской Федерации.

Следует отметить, что до определенного времени указанное направление государственной молодежной политики не получало своего концептуального развития, носило фрагментарный и во многом декларативный характер, что в целом отражало политику приоритетности моральных норм по сравнению с правовыми в регулировании духовно-нравственных ценностей российского общества и определенную дистанцированность государства от регулирования этой сферы общественных отношений, а также игнорирование их значения для национальной безопасности России. Национальные проекты и программы 90-х годов были ориентированы прежде всего на точечное повышение материального уровня жизни молодежи, во многом оставляя без внимания проблему формирования позитивной ценностной ориентации и воспитание молодежи в духе патриотизма, уважения к труду, ответственности за судьбу своего Отечества. Однако беспрецедентные угрозы суверенитету российского государства, выразившиеся в последние десятилетия как в неприкрытой военной агрессии, террористических методах воздействия, агрессивной санкционной политике, так и в деструктивном идеологическом, информационном, психологическом воздействии на граждан Российской Федерации поставили вопрос о сохранении общероссийской гражданской идентичности, в основе которой заложены нравственные ориентиры, исторически обеспечивающие духовно-культурное развитие многонационального народа России. В особой опасности в этой связи оказались именно молодые граждане, поскольку дестабилизационная деятельность, в том числе распространение недостоверной информации, очернение российской

истории, научных достижений, пропаганда и романтизация криминального образа жизни осуществляется прежде всего посредством информационно-коммуникационной сети «Интернет», активным пользователем которой является молодежь.

Одним из главных конституционно-правовых механизмов реализации государственной молодежной политики в отношении формирования ценностных ориентаций молодежи является институционализация единой базовой системы ценностных ориентаций современной российской молодежи в рамках четко сформулированной и определенной национальной идеи, стратегии национального развития [3].

Базовой ценностной основой, закладывающей фундамент мировоззренческих ценностей российского государства и общества, является Конституция Российской Федерации, преамбула которой определяет такие российские духовно-нравственные ценности как «память предков», «любовь и уважение к Отечеству», «вера в добро и справедливость», «благополучие и процветание России», «ответственность за свою Родину перед нынешними и будущими поколениями». В ходе конституционной реформы 2020 года были закреплены также обязанность государства по сохранению памяти предков, обеспечению исторической правды, недопустимости умаления подвига народа при защите Отечества (ст. 67.1). Ценности, закрепленные на конституционном уровне, как верно отмечает О.С. Рыбакова, становятся целевыми установками всего общества, в том числе молодежи, когда они ею разделяются и принимаются, т.е. находят отражение в сознании представителей молодого поколения [4].

Российской Федерацией в настоящее время сделаны важные шаги в этом направлении.

Прежде всего, сформированы концептуальные основы сохранения и укрепления ценностной ориентации молодых граждан России: так, Указом Президента РФ в 2021 году утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [13] (далее – Стратегия нацбезопасности), в 2022 году утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [14] (далее – Основы). Принятие указанных основополагающих документов стратегического планирования закладывает фундамент для согласованных действий по реализации национальных приоритетов России, сплочения российского общества для преодоления внутренних и внешних угроз, определяя в качестве одной из задач обучение и воспитание детей и молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей (п. 33 Стра-

тегии нацбезопасности). А вектор дальнейшего развития российского государства как демократического, социального, открытого миру связывается прежде всего с сохранением российской самобытности, культуры и патриотическим воспитанием молодых граждан (п. 22 Стратегии нацбезопасности). Важным элементом формирования концептуальной ценностной системы российской молодежи является введение Основами специального понятийного аппарата. Нормативное закрепление в п. 4 получает определение понятия «традиционные ценности», под которыми понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимовыдержка, историческая память и преемственность поколений, единство народов России (п. 5 Основ).

В этой связи в науке обоснованно отмечается такая тенденция, как расширение предмета правового регулирования общественных отношений, связанных с действием в обществе, а также с охраной и защитой российских духовно-нравственных ценностей, отражающая вектор дальнейшего развития российской государственности [5]. Очевидно, указанную тенденцию следует оценить как позитивную, развивающую аксиологический потенциал Конституции Российской Федерации, в значительной степени преодолевающую обсуждаемую проблему норм о «деидеологизации» (ч. 2 ст. 13) как правового барьера для институционализации единой системы ценностных ориентаций современной российской молодежи [6]. Конституция, как верно отмечает профессор С.А. Авакьян, рассуждая об идеологической функции российской Конституции, просто не может не быть идеологическим – в смысле мировоззренческим – документом. Каждая конституция закрепляет свою систему общественных ценностей и нацелена на то, чтобы на ее основе формировались соответствующие воззрения каждого члена общества [7]. Также как позитивную необходимо оценить корреляцию заявленных традиционных ценностей с действительными настроениями, преоб-

ладающими в молодежной среде, с преодолением декларативности и формализма, характеризующими молодежную политику предыдущих периодов развития [8]. Согласно социологическим исследованиям, проведенным ВЦИОМ в 2023-2024 годах, первое место в структуре ценностных ориентаций современной российской молодежи занимают семейные ценности, а 92 % молодежи испытывают чувство гордости за Россию, ее историю и культуру. Абсолютное большинство опрошенных разделяет ценности, обозначенные в Основах. Этот аспект очень важен, поскольку молодежь особенно чувствительна к формализму и негативно реагирует на навязывание искусственных смыслов.

Дальнейшее создание конституционно-правовых механизмов формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи связывается с нормативно-правовым регулированием основ молодежной политики российского государства с учетом сформулированных ценностно-смысловых и нравственных ориентиров.

Ключевую роль в становлении патриотически настроенного, высоконравственного и ответственного молодого гражданина России призваны сыграть Закон о молодежной политике и Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации. В этой связи в декабре 2024 года в Закон о молодежной политике были внесены концептуальные изменения и дополнения.

Во-первых, соответствующее развитие получает понятийный аппарат молодежной политики. Прежде всего, уточняется само понятие молодежной политики: согласно п. 4 ст. 1 Закона о молодежной политике молодежная политика понимается комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера, реализуемых на основе межведомственного взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов публичной власти федеральной территории «Сириус», органов местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, юридических лиц независимо от их организационно-правовых форм и граждан Российской Федерации, в том числе индивидуальных предпринимателей, и направленных на создание условий для развития молодежи, защиты ее прав и законных интересов, а также ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на патриотическое воспитание молодежи и духовно-нравственное воспитание молодежи (выделено мной – Ю.Т.) в целях достижения устойчивого социально-экономиче-

ского развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности Российской Федерации, укрепления суверенитета Российской Федерации и традиционных российских духовно-нравственных ценностей (выделено мной – Ю.Т.).

Как видно, в определении молодежной политики появляются новые векторы: во-первых, молодежная политика как целенаправленная комплексная деятельность различных субъектов (публичных органов, юридических лиц, граждан РФ), осуществляющих молодежную политику, теперь четко ориентирована на такое направление как патриотическое воспитание молодежи и духовно-нравственное воспитание молодежи, а во-вторых, молодежная политика приобретает новое целеполагание – укрепление суверенитета Российской Федерации и традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Исходя из нового понимания молодежной политики становление патриотически воспитанного, высоконравственного молодого гражданина России видится условием, залогом дальнейшего существования России как суверенного государства. Далее, Законом о молодежной политике вводится два новых легальных понятия: патриотическое воспитание молодежи (п. 4.1 ст. 1) и духовно-нравственное воспитание молодежи (п. 4.2 ст. 1). Под патриотическим воспитанием молодежи понимается систематическая и целенаправленная деятельность органов публичной власти и иных субъектов (выделено мной – Ю.Т.), осуществляющих деятельность в сфере молодежной политики, по формированию у молодых граждан любви и уважения к Отечеству, верности ему и чувства личной ответственности за судьбу Отечества перед нынешним и будущими поколениями, готовности к выполнению гражданского долга и конституционной обязанности по защите Отечества, а также по защите исторической правды и сохранению исторической памяти, формированию и укреплению у молодых граждан общероссийской гражданской идентичности (в том числе на основе региональных особенностей и народных традиций соответствующей территории), уважения к отечественной истории и гордости за достижения Отечества и ее граждан, развитию общественно значимой созидательной активности молодежи. Духовно-нравственное воспитание молодежи – это совокупность скоординированных мер, реализуемых органами публичной власти и иными субъектами (выделено мной – Ю.Т.), осуществляющими деятельность в сфере молодежной политики, по формированию у молодых граждан мировоззрения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей (выделено мной – Ю.Т.), в целях решения задач по их защите, сохранению и

укреплению в молодежной среде, формированию у молодежи высоких нравственных качеств, уважения к историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации.

Таким образом, по сравнению с определением воспитания как деятельности, направленной на развитие личности и формированию у обучающихся нравственных ориентиров, закрепленного п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [15], новеллой является, во-первых, понимание патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи прежде всего как систематической и целенаправленной деятельности органов публичной власти. Развивая указанный подход, новая ст. 7.2 Закона о молодежной политике предусматривает полномочия органов публичной власти в сфере патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи. Во-вторых, появляется принципиально новое целеполагание: меры, реализуемые органами публичной власти и иными субъектами в ходе духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи, нацелены на формирование у молодых граждан мировоззрения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей в целях решения задач по их защите, сохранению и укреплению в молодежной среде. Иными словами, воспитание как часть образовательной деятельности, направленное в первую очередь на развитие личности и удовлетворение ее образовательных потребностей и интересов, в сфере патриотического воспитания молодежи в настоящий момент приобретает системообразующий общественно-политический характер, сплачивающий молодежь в единую социальную и правовую целостность на базе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, т.е. на мировоззренческом уровне. Полагаем, указанный подход логично отразить также в положениях Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», закрепив мировоззренческие целевые установки воспитательной деятельности по формированию у обучающихся таких положительных качеств как трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению (п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»).

Во-вторых, Закон о молодежной политике в качестве приоритетных определяет два новых направления молодежной политики – патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи (п. 1, 2, ч. 1 ст. 6). Российской Федерацией проводится целенаправленная политика в этих направлениях. Так, п. 3 ст. 3 Федерального закона

«Об образовании в Российской Федерации» закрепляет как принцип государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования гуманистический характер образования в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями и воспитание гражданственности и патриотизма. На федеральном, региональном, местном уровнях приняты нормативные акты, реализуются программы по патриотическому воспитанию молодежи. Правительством Российской Федерации принято Постановление «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» [16]. В ходе реализации федерального проекта «Патриотическое воспитание» к 2024 году 38,65 % граждан Российской Федерации вовлечены в систему патриотического воспитания, более 1 750 000 детей участвуют в деятельности детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «ЮНАРМИЯ», проведено 188 мероприятий, направленных на популяризацию отечественной истории в Российской Федерации и за рубежом [17]. Федеральным агентством по делам молодежи проводятся разнообразные мероприятия патриотической направленности. Так, в 2025 году организован конкурс грантов в форме субсидий для молодежных и детских общественных объединений на реализацию проектов по сохранению исторической памяти и гражданскому воспитанию, в числе которых, например, проект #помогаю_своим, направленный на организацию помощи ветеранам и участникам боевых действий, а также способствующий популяризации и сохранению памяти об их подвигах, проект #транслируя_ценности, направленный на создание интернет-контента и работу в медиапространстве по формированию у молодежи чувства гордости за свою страну и уважения к ее историческому прошлому [18]. В структуре Росмолодежи действует подведомственное ФГБУ «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи» (Роспатриотцентр), реализующее разнообразные мероприятия патриотической направленности [19] и оказывающее методическое обеспечение: специалистами Роспатриотцентра разработаны Методические рекомендации по Основам патриотического воспитания граждан Российской Федерации [20].

В ряде субъектов Российской Федерации действуют специальные законы в сфере духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи (Московская область, Республика Алтай, Пермский край), активно организуются мероприятия патриотической направленности. Например, в Кировской области ежегодно проходит конкурс добровольческих патриотических отрядов «Поколение Патриотов». Его целью явля-

ется создание и поддержка добровольческих отрядов, работающих по направлению патриотического воспитания молодежи. В 2025 году участниками конкурса стали 76 команд, в проекте приняли участие более 600 человек [21]. В Курской области поддержке администрации Курской области, комитета внутренней и молодежной политики Курской области действует автономная некоммерческая организация Центр поддержки и развития военно-патриотического воспитания «Патриот». В приграничных районах области Центр «Патриот» организовал активную работу по предоставлению помощи гражданскому населению, пострадавшему от террористической агрессии военных формирований Организации Североатлантического договора; активисты Центра вывозят в тыл мирных жителей, раненых, снабжают продуктами и лекарствами, осуществляют розыск пропавших. Центр «Патриот» ведёт также активную военно-патриотическую работу в Курской области, организуя мероприятия и освещая деятельность всех патриотов нашей Родины и родного края.

Дальнейшее формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи связывается с созданием инфраструктуры, учреждением специализированных организационно-правовых форм деятельности в сфере патриотического и духовно-нравственного воспитания. Так, новеллы Закона о молодежной политике предусматривают создание отдельного вида специализированных государственных и муниципальных учреждений патриотического воспитания молодежи, осуществляющих деятельность по патриотическому воспитанию молодежи в качестве основного вида деятельности (п. 1 ч. 5 ст. 13.1). Кроме этого, предусматривается создание координационных органов при высших должностных лицах субъектов Российской Федерации и главах муниципальных образований (ст. 9.1).

Указанные механизмы призваны на практике способствовать патриотическому воспитанию молодых граждан России и формированию мировоззрения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Список литературы:

[1] Шелудякова Т.В. Государственная молодежная политика в России и зарубежных странах: конституционно-правовое исследование: Автореф. дис....канд.юр. наук. – Воронеж, 2017.

[2] Комарова В.В. Социальная государственность: риски и современные механизмы реализации молодежной политики //Конституционно-правовой статус молодежи и приоритеты молодежной политики: российский и зарубежный опыт: монография / под общ. ред. В.В. Комаровой. Москва: Проспект, 2023.

[3] Елишев С.О. Формирование ценностных ориентаций современной молодежи посредством государственной молодежной политики // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. N 9. С. 5 - 10.

[4] Рыбакова О.С. Конституционные духовно-нравственные ценности - основа формирования мировоззрения молодежи // Устойчивое развитие России: правовое измерение: материалы X Московского юридического форума: сб. докладов. В 3-х ч. Ч. 3. М., 2023. С. 292 - 296.

[5] Адамянц С.Т. Духовно-нравственные ценности российского общества как объект правового обеспечения: вопросы теории и практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 1(150). – С. 61-68.

[6] Елишев С.О. Приоритетные направления и проблемы в осуществлении государственной молодежной политики в Российской Федерации // Вестник Российской нации. – 2013. – № 6(32). – С. 186-198.

[7] Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М.: РЮИД, Сашко, 2000.

[8] Молодежная политика в современной России: учебное пособие для вузов / Т.К. Ростовская, Е. А. Князькова. — Москва : Издательство Юрайт, 2020.

[9] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию» // «Российская газета», N 46, 01.03.2024

[10] Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // «Собрание законодательства РФ», 13.05.2024, N 20, ст. 2584

[11] Федеральный закон от 30.12.2020 N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ, 04.01.2021, № 1 (ч. I), ст. 28

[12] Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 N 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // «Собрание законодательства РФ», 02.09.2024, N 36, ст. 5484

[13] Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, N 27 (часть II), ст. 5351

[14] Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // «Собрание законодательства РФ», 14.11.2022, N 46, ст. 7977

[15] Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» //

«Собрание законодательства РФ», 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598

[16] Постановление Правительства РФ от 24.07.2000 N 551 «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» // «Российская газета», N 144, 27.07.2000

[17] Сайт: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения: 20.03.2025)

[18] Сайт: https://fadm.gov.ru/directions/grant/?ELEMENT_ID=1948 (дата обращения: 20.03.2025)

[19] Сайт: rospatriotcentr.ru (дата обращения: 20.03.2025)

[20] Сайт: https://patriot.nso.ru/sites/patriot.nso.ru/wodby_files/files/document/2022/12/documents/metodicheskie_rekomendacii_osnovy_patrvospitaniya.pdf (дата обращения: 20.03.2025)

[21] Сайт: https://fadm.gov.ru/news/v_kirovskoy_oblasti_prokhorit_konkurs_pokolenie_patriotov/?sphrase_id=54569 (дата обращения: 20.03.2025)

Spisok literatury:

[1] Sheludyakova T.V. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v Rossii i zarubezhnyh stranah: konstitucionno-pravovoe issledovanie: Avtoref. dis.... kand.yur. nauk. – Voronezh, 2017.

[2] Komarova V.V. Social'naya gosudarstvennost': riski i sovremennye mekhanizmy realizacii molodezhnoj politiki //Konstitucionno-pravovoj status molodezhi i priority molodezhnoj politiki: rossijskij i zarubezhnyj opyt: monografiya / pod obshch. red. V.V. Komarovej. Moskva: Prospekt, 2023.

[3] Elishev S.O. Formirovanie cennostnyh orientacij sovremennoj molodezhi posredstvom gosudarstvennoj molodezhnoj politiki // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2010. N 9. S. 5 - 10.

[4] Rybakova O.S. Konstitucionnye duhovno-nravstvennye cennosti - osnova formirovaniya mirovozzreniya molodezhi // Ustojchivoe razvitie Rossii: pravovoe izmerenie: materialy X Moskovskogo yuridicheskogo foruma: sb. dokladov. V 3-h ch. Ch. 3. M., 2023. S. 292 - 296.

[5] Adamyanc S.T. Duhovno-nravstvennye cennosti rossijskogo obshchestva kak ob»ekt pravovogo obespecheniya: voprosy teorii i praktiki // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – 2023. – № 1(150). – С. 61-68.

[6] Elishev S.O. Prioritytne napravleniya i problemy v osushchestvlenii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii // Vestnik Rossijskoj nacii. – 2013. – № 6(32). – С. 186-198.

[7] Avak'yan S.A. Konstituciya Rossii: priroda, evolyuciya, sovremennost'. 2-e izd. M.: RYulD, Sashko, 2000.

[8] Molodezhnaya politika v sovremennoj Rossii: uchebnoe posobie dlya vuzov / T.K. Ros-tovskaya, E. A. Knyaz'kova. — Moskva : Izdatel'stvo Yurajt, 2020.

[9] Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 29.02.2024 «Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu» // «Rossijskaya gazeta», N 46, 01.03.2024

[10] Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2024 N 309 «O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 13.05.2024, N 20, st. 2584

[11] Federal'nyj zakon ot 30.12.2020 N 489-FZ «O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii» // SZ RF, 04.01.2021, № 1 (ch. I), st. 28

[12] Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.08.2024 N 2233-r «Ob utverzhdenii Strategii realizacii molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 02.09.2024, N 36, st. 5484

[13] Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 N 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 05.07.2021, N 27 (chast' II), st. 5351

[14] Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 N 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki

po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 14.11.2022, N 46, st. 7977

[15] Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 31.12.2012, N 53 (ch. 1), st. 7598

[16] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.07.2000 N 551 «O voenno-patrioticheskikh molodezhnyh i detskich ob"edineniyah» // «Rossijskaya gazeta», N 144, 27.07.2000

[17] Sajt: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (data obrashcheniya: 20.03.2025)

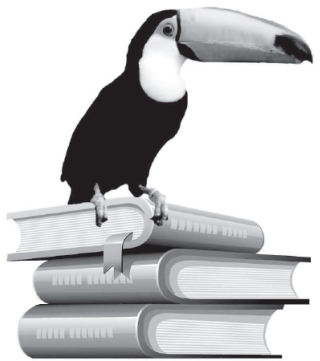
[18] Sajt: https://fadm.gov.ru/directions/grant/?ELEMENT_ID=1948 (data obrashcheniya: 20.03.2025)

[19] Sajt: rospatriotcentr.ru (data obrashcheniya: 20.03.2025)

[20] Sajt: https://patriot.nso.ru/sites/patriot.nso.ru/wodby_files/files/document/2022/12/documents/metodicheskie_rekomendacii_osnovy_patr_vospitaniya.pdf (data obrashcheniya: 20.03.2025)

[21] Sajt: https://fadm.gov.ru/news/v_kirovskoy_oblasti_prokhorit_konkurs_pokolenie_patriot-ov/?sphrase_id=54569 (data obrashcheniya: 20.03.2025)

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-200-203

КУЛЕШОВ Георгий Николаевич,
доцент кафедры юриспруденции АНОВО «ММУ»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОЧАЛИНА Людмила Николаевна,
доцент кафедры юриспруденции АНОВО «ММУ»,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧИНАРЯН Елена Олеговна,
доцент кафедры общей юриспруденции РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧИНАРЯН Елизавета Амаяковна,
Преподаватель Колледжа РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЛУТОВИНОВ Сергей Борисович,
магистр РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ И РОССИИ)

Аннотация. Автор сравнивает правовое регулирование принципа социальности государства в Германии и в России, который ориентирован на достижение социальной справедливости и обязывает данные государства обеспечивать равноправный социальный порядок.

Ключевые слова: государство всеобщего благосостояния, социальное государство, модели социального государства, социальная политика, принцип социальности государства.

KULESHOV Georgy Nikolaevich,
Associate Professor,
Department of Jurisprudence, ANOVO "MMU"

POCHALINA Lyudmila Nikolaevna,
Associate Professor,
Department of Jurisprudence, ANOVO "MMU"

CHINARYAN Elena Olegovna,
Associate Professor,
Department of General Jurisprudence, RSSU

CHINARYAN Elizaveta Amayakovna,
Lecturer at RSSU College

LUTOVINOV Sergey Borisovich,
Master of RSSU

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE SOCIAL STATE (ON THE EXAMPLE OF GERMANY AND RUSSIA)

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО № 5 • 2025

Annotation. *The author compares the legal regulation of the principle of sociality of the state in Germany and in Russia, which is focused on achieving social justice and obliges these states to ensure an equal social order.*

Key words: *welfare state, welfare state, social state models, social policy, principle of sociality of the state.*

Социальное государство является одной из широко распространенных в современных развитых странах концепций, согласно которой государство стремится обеспечить социально-экономическую стабильность через установление баланса и снижение остроты социального неравенства. Принцип социальности государства ориентирован на достижение социальной справедливости, он обязывает государство обеспечить равноправный социальный порядок.

Законодательно данный принцип был впервые закреплён в статье 20 Боннской Конституции ФРГ в 1949 году. Так абзац 1 статьи 20 определяет Федеративную Республику Германию как «демократическое и социальное федеративное государство». В соответствии с абзацем 1 статьи 28 конституционный порядок в федеральных землях также должен соответствовать федеральным конституционным принципам «республиканского, демократического и социального правового государства» с целью обеспечения единообразия в пределах федерации в отношении наиболее важных конституционных принципов [1].

Конституционный суд Германии отводит принципу социальности государства особое место и защищает его от каких-либо законодательных поправок. Так в соответствии с абз. 3 статьи 79 Конституции Германии конституционные поправки не могут касаться основных принципов, установленных в статьях 1 и 20. Гарантия уважения и защиты человеческого достоинства (абз. 1 ст. 1), приверженность неприкосновенным и неотчуждаемым правам человека (абз. 2 ст. 1) и их прямое действие (абз. 3 ст. 3), а также принципы, указанные в статье 20, таким образом, защищены от нарушения даже в случае принятия поправок к Конституции Германии [4].

С одной стороны, Конституция Германии не раскрывает содержание принципа социальности государства и нормативные последствия данного принципа. При этом данный принцип является основным в политике государства ФРГ и имеет широкую сферу применения. В тоже время принцип социальности государства не предусматривает возможности обоснования каких-либо субъективных прав индивидов, соответственно, конкретные социальные права гражданина в Германии не вытекают из данного принципа.

Конституция Германии возлагает организацию социальной системы и принятие решений в сфере социального обеспечения на законода-

тельную власть. Принципиально именно к дискреционным полномочиям законодательной власти отнесено определение вида и объема систем социального обеспечения и определение групп людей, имеющих право на социальное обеспечение на основании необходимых критериев.

Принцип социальности государства закреплён в конституционных актах практически всех федеральных земель ФРГ, за исключением нескольких отдельных таких, как Свободный ганзейский город Бремен, Гессен, Шлезвиг-Гольштейн.

В основном все формы выражения признания принципа социальности государства в указанных конституционных актах можно разделить на следующие несколько видов:

- закрепление цели достижения благосостояния общества или социальной справедливости в преамбуле нормативных актов (например, в преамбуле Конституции федеральной земли Баден-Вюртемберг от 11.11.1953 г. написано, что данный акт был принят, в том числе, с целью организовать общественную жизнь в соответствии с принципами социальной справедливости);
- непосредственное указание на социальность государства (например, в ч.1 ст. 3 Конституции федеральной земли Баварии от 15.12.1998 г. указано, что Бавария является правовым, культурным и социальным государством и служит всеобщему благу);
- закрепление обязанности государства реализовывать социальное обеспечение и обеспечение некоторых социальных прав человека (например, в ст. 22 Конституции федеральной земли Берлин закреплена обязанность земли в рамках своих полномочий осуществлять социальное обеспечение);
- запрет на внесение в соответствующий конституционный акт поправок, противоречащих принципу социальности государства (например, в ч. 1 ст. 64 Конституции федеральной земли Баден-Вюртемберг от 11.11.1953 г. говорится, что поправки, вносимые в данный конституционный акт, не должны противоречить принципам республиканского, демократического, социального и правового государства) [3].

На сегодняшний день в Германии создана разветвленная сеть обязательного медицинского и пенсионного страхования, страхования от несчастных случаев, страхования на случай

потребности в уходе и на случай безработицы [5]. Она защищает граждан от последствий экзистенциальных рисков и угроз. Кроме того, социальная сеть включает в себя базовое обеспечение для пенсионеров и нетрудоспособных лиц или налоговые льготы, например, возмещение семье затрат на детей. Семьи получают ежемесячное пособие на детей. Социальное страхование в Германии осуществляется за счет взносов работников. Таким образом, принцип социальности государства является основным для Германии и определяет вектор немецкой политики.

Что касается России, то в соответствии со ст. 7 Конституции РФ: «Российская Федерация - это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты».

Положение о социальном государстве ввиду его общественной важности отнесено к основам конституционного строя нашей страны и находит своё развитие в других конституционных нормах. К ним следует отнести целый ряд социальных прав, гарантированных в следующих статьях второй главы Основного закона.

Вторая глава Конституции конкретизирует и развивает положения ст. 2 и 7 о человеке, его правах и свободах как высшей ценности. Это право на жизнь (ст. 20), на труд и его оплату (ч. 1 - 4 ст. 37), на отдых (ч. 5 ст. 37), на защиту материнства, детства и семьи (ст. 38), на социальное обеспечение (ст. 39), на жилище (ст. 40), на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), на экологическую безопасность (ст. 42), на образование (ст. 43), на участие и доступ к культурной жизни (ст. 44), и главное: «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина, независимо от пола, расы, национальности, языка, места жительства» (п. 2 ст. 19) [2].

Перечень этих прав и свобод в Конституции РФ в целом соответствует мировым стандартам. Следуя положению Всеобщей декларации прав человека, о том, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства», Конституция Российской Федерации 1993 г. провозглашает, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения».

Российская Федерация, признав себя социальным государством, взяла обязательства по обеспечению каждого члена общества благоприятными условиями существования (обеспечить гражданам доступ к качественной пище, одежде, жилищу, медицине, социальному обслуживанию), предоставлять гражданам необходимый минимум социальных благ.

Реализуя свои функции, социальное государство гарантирует:

1. Оптимальный прожиточный минимум, но не за счет социальной благотворительности, а на основе защиты от безработицы, обеспечения максимально возможной в данной ситуации занятости, установления разумного минимального уровня оплаты труда в сочетании с почасовой оплатой труда, предоставления реальных возможностей на содержательный отдых;
2. Строго регламентированное по качеству и объемам социальное обеспечение по возрасту, инвалидности, бедности и другим жизненно важным показателям. Основным механизмом здесь – социальное страхование;
3. Право на бесплатное или социальное жилье на основе законодательно утвержденных федеральных и региональных стандартов социальной нормы жилой площади, уровня квартплаты, предельной стоимости жилищно-коммунальных услуг на 1 кв. метр жилой площади и максимально допустимой доли собственных расходов граждан на оплату коммунальных услуг, приемлемых условий ипотечного кредитования и т.д.;
4. Доступность бесплатного (или за доступную плату) качественного медицинского обслуживания, включая бесплатную медицинскую помощь по всей номенклатуре официально утвержденных стандартов медицинских услуг;
5. Доступность бесплатного (или за доступную плату) качественного образования в соответствии с реальными возможностями человека, потребностями рынка труда и духовно-нравственного развития общества;
6. Запрет незаконных и вредных для экосистемы действий со стороны хозяйствующих и иных субъектов;
7. Защита интересов граждан-потребителей от произвола производителей товаров и услуг, особенно в части качества продукции и теневого контрафактного производства.

Социальные гарантии принципиально меняют образ жизни людей, наполняют реальное содержание правового статуса личности новым социальным смыслом, задают ему новое звучание с позиций гуманизма, справедливости, равенства возможностей и права на определенный уро-

вень благосостояния. Они служат своего рода заслоном перед жизненными трудностями и невзгодами.

Конституция РФ закрепляет принцип социальной ответственности государства и исходит из равенства социальных прав с гражданскими и политическими правами. При разработке проекта Конституции были приняты во внимание теория поколений прав человека, а также международное понимание соотношения различных поколений прав человека, где все права, независимо от поколения, являются для человека равноценными. Кроме того, можно говорить о субсидиарном характере социальных прав на современном этапе развития принципа социального государства. Предполагается, что государство участвует в реализации социальных прав путем создания необходимой инфраструктуры (образовательные, медицинские учреждения и т.д.), а также оказания помощи людям, неспособным в силу определенных причин обеспечить достойный уровень своей жизни.

Таким образом, Россия и Германия являются двумя государствами, за которыми на конституционном уровне закреплена «социальная функция». Реализации этой функции представляется возможной при высоком уровне развития национальной экономики через перераспределение государством финансирования на науку, образование, культуру, поддержку семьи и ребенка, программы социального и медицинского страхования. Социальному государству должны быть свойственны равноправные отношения между гражданами и государством: государство обеспечивает высокий уровень жизни, а граждане создают материальное богатство для себя и для всего общества, и тем самым обеспечивают своё материальное благосостояние. Возникающий паритет интересов государства и его граждан создаёт правовые условия для развития социальной рыночной экономики. Человек должен стоять в центре экономических и социальных процессов и являться наиважнейшим условием развития экономики.

Список литературы:

- [1] Аристов Е.В. Германия как социальное государство: конституционно- правовое исследование // Право и образование. – 2015. – № 11. – С. 121–133. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. - N 67. - 05.04.1995.
- [2] Конституция Российской Федерации : Принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [с учетом поправок,

внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 14.03.2020 N 1-ФКЗ, от 04.10.2022 N 5-ФКЗ, от 04.10.2022 N 6-ФКЗ, 04.10.2022 N 7-ФКЗ, 04.10.2022 N 8-ФКЗ] // Российская газета. - 04.07.2020. - N 144.

[3] Крылова Екатерина Александровна, Баринов Артём Сергеевич «Социальное государство»: миф или реальность? Сравнительный анализ на примере России и Германии // АНИ: экономика и управление. 2019. №4 (29). С. 27-35.

[4] Люббе-Вольфф Гертруда Принцип социального государства в практике федерального конституционного суда германии // СКО. 2008. №1 (62). С.67-76.

[5] Палешева Н.В., Савельева Н.К., Созинова А.А., Холкин А.В., Братухина Е.А., Ильина Е.Н. Сравнение систем социального страхования по безработице в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия // Экономика труда. 2022. Том 9. № 2. С. 349-362. – doi: 10.18334/et.9.2.114259.

Spisok literatury:

- [1] Aristov E.V. Germaniya kak social'noe gosudarstvo: konstitucionno- pravovoe issledovanie // Pravo i obrazovanie. – 2015. – № 11. – S. 121–133. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka : prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) // Rossijskaya gazeta. - N 67. - 05.04.1995.
- [2] Konstituciya Rossijskoj Federacii : Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993, s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 [s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ, ot 14.03.2020 N 1-FKZ, ot 04.10.2022 № 5-FKZ, ot 04.10.2022 № 6-FKZ, 04.10.2022 № 7-FKZ, 04.10.2022 № 8-FKZ] // Rossijskaya gazeta. - 04.07.2020. - N 144.
- [3] Krylova Ekaterina Aleksandrovna, Barinov Artyom Sergeevich "Social'noe gosudarstvo": mif ili real'nost'? Sravnitel'nyj analiz na primere Rossii i Germanii // ANI: ekonomika i upravlenie. 2019. №4 (29). S. 27-35.
- [4] Lyubbe-Vol'ff Gertruda Princip social'nogo gosudarstva v praktike federal'nogo konstitucionnogo suda germanii // SKO. 2008. №1 (62). S.67-76.
- [5] Palesheva N.V., Savel'eva N.K., Sozinova A.A., Holkin A.V., Bratuhina E.A., Il'ina E.N. Sravnenie sistem social'nogo strahovaniya po bezrabotice v Rossijskoj Federacii i Federativnoj Respublike Germaniya // Ekonomika truda. 2022. Tom 9. № 2. S. 349-362. – doi: 10.18334/et.9.2.114259.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-204-209

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

ТАЛЯНИН Валерий Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
профессор кафедры теории государства и права,
e-mail: teana2009@mail.ru

ВОЙДЕ Екатерина Георгиевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры криминологии
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
e-mail: mail@law-books.ru

УДОДОВ Александр Григорьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и
правоохранительной деятельности,
финансово-промышленного университета «Синергия»,
доцент,
e-mail: jantagan@rambler.ru

КОДИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ГЕРМАНИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ЮРИДИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена истории создания Германского гражданского уложения - ключевого законодательного акта Германии, объединившего разрозненные правовые системы германских земель в единый кодекс. Рассматриваются предпосылки кодификации, связанные с политическим объединением Германии в 1871 году, а также сложности, вызванные разнообразием местных правовых традиций (прусского, римского, французского и саксонского права). Особое внимание уделено этапам разработки Германского гражданского уложения: работе двух комиссий (1874-1888 гг. и 1890-1895 гг.), дискуссиям между либералами и консерваторами, критике первого проекта и его последующей доработке. Отмечается влияние принципа частной автономии и защитных норм для экономически слабых субъектов. В заключении подчеркивается значение Германского гражданского уложения как результата интеграции правовых традиций и преодоления политических противоречий.

Ключевые слова: Германское гражданское уложение, кодификация права, история права Германии, частная автономия, правовые традиции, римское право, прусское земельное уложение, Отто фон Бисмарк, юридическая унификация, XIX век.

TALYANIN Valery Viktorovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Professor, Department of Theory of State and Law

VOYDE Ekaterina Georgievna,
Ph.D., Senior Lecturer, Department of Criminology,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot

UDODOV Alexander Grigorievich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Law Enforcement,
Synergy University of Finance and Industry,
Associate Professor

CODIFICATION OF CIVIL LAW IN GERMANY: POLITICAL CONTROVERSIES AND LEGAL DECISIONS

Annotation. *The article is devoted to the history of the creation of the German Civil Code - a key legislative act of Germany, uniting the disparate legal systems of the German lands into a single code. The prerequisites for codification associated with the political unification of Germany in 1871 are considered, as well as the difficulties caused by the variety of local legal traditions (Prussian, Roman, French and Saxon law). Particular attention is paid to the stages of development of the German Civil Code: the work of two commissions (1874-1888 and 1890-1895), discussions between liberals and conservatives, criticism of the first draft and its subsequent revision. The influence of the principle of private autonomy and protective norms for economically weak entities is noted. The conclusion emphasizes the importance of the German Civil Code as a result of the integration of legal traditions and overcoming political contradictions.*

Key words: *German civil code, codification of law, history of German law, private autonomy, legal traditions, Roman law, Prussian land code, Otto von Bismarck, legal unification, XIX century.*

Формирование единой системы гражданского права в Германии во второй половине XIX века стало важнейшим этапом в развитии национального законодательства. До объединения страны в 1871 году германские государства обладали собственными правовыми системами, что создавало значительные сложности для экономического взаимодействия и юридической практики. Разработка Германского гражданского уложения (далее - ГГУ) была направлена на преодоление этой фрагментации и создание унифицированного правового пространства. Актуальность исследования обусловлена значимостью ГГУ не только для Германии, но и для мировой юридической науки. Этот кодекс стал образцом систематизации гражданского права, сочетающим традиции римского, прусского, французского и саксонского законодательства. Его принятие в 1896 году завершило длительный процесс кодификации, сопровождавшийся острыми дискуссиями о принципах частной автономии, социальной справедливости и юридической техники [14].

Целью данной статьи является анализ исторических, политических и правовых аспектов создания ГГУ, включая предпосылки его разработки, основные этапы кодификации и влияние различных правовых школ на его содержание. В задачи исследования входит: рассмотрение правовой ситуации в Германии до объединения и факторов, обусловивших необходимость унификации гражданского права; изучение роли ключевых участников процесса кодификации, включая юристов, политиков и научных деятелей; оценка влияния римского права и местных правовых традиций на

структуру и содержание ГГУ; анализ критики первоначального проекта и изменений, внесенных в ходе его доработки. Методологическую основу исследования составляют историко-правовой и сравнительно-правовой методы, позволившие проследить эволюцию законодательства и его взаимодействие с политическими процессами. В работе использованы архивные материалы, научные публикации и законодательные акты, отражающие этапы разработки ГГУ.

Научная новизна статьи заключается в комплексном подходе к изучению кодификации гражданского права Германии, объединяющем анализ юридических, исторических и социальных факторов. Особое внимание уделено противоречиям между либеральными и консервативными взглядами на право, а также роли ГГУ в становлении современного гражданского законодательства. Структура статьи включает введение, разделы, посвященные предпосылкам, этапам разработки и содержанию ГГУ, а также заключение, подводящее итоги исследования. Результаты работы могут быть полезны для юристов, историков права и всех, кто интересуется вопросами кодификации и развития гражданского законодательства [15].

Гражданский кодекс, положения которого уже более ста лет являются центральной кодификацией гражданского права Германии, является одним из самых значительных законодательных актов в истории права Германии. С момента своего обнародования в 1896 году он, как и сама Германия, претерпел множество изменений, и потребовались десятилетия подготовки, прежде чем оказанное ему сопротивление, было, наконец преодолено. Когда 18 января 1871 года была воз-

рождена Германская империя [1], объединение отдельных германских государств под руководством Пруссии в новое национальное государство во многих отношениях носило лишь внешний характер. У каждой из земель была своя собственная правовая система, и даже после того, как бесчисленные территории древней Священной Римской империи, иногда даже крошечные, были объединены в примерно тридцать государств среднего размера в наполеоновский период, юридическая фрагментация сохранялась в значительной степени из-за сохраняющихся старых правовых систем.

Рассматривая особенности сложившейся мозаики, можно отметить, что на Западе, который в течение долгих лет принадлежал Франции после Французской революции и наполеоновской эпохи (Прусская рейнская провинция, Пфальц, Эльзас и Лотарингия), продолжал применяться Гражданский кодекс Франции, в то время как на прусских территориях действовало Общее прусское земельное уложение, дополненное местными провинциальными законами. В Баварии, Вюртемберг, Бадене и Саксонии де действовали свои собственные земельные законодательные акты, принятые в XVIII - XIX веках, некоторые из которых представляли собой дополненные законодательные акты раннего средневековья, как знаменитое Саксонское зеркало или рецепции римского права. Последнее получило особенное распространение на территориях современных Франконии, Гессена, Нижней Саксонии и Мекленбурга, где римское право, дополнялось местными постановлениями [13].

Земли с собственной юрисдикцией, в свою очередь, были разделены на меньшие территории, на которых сохранялись части унаследованных местных правовых систем. Такое положение было доставляло множество трудностей для юридического оборота и экономики, поэтому создание единой системы гражданского законодательства было центральной задачей, дополнявшей процессы воссоединения национального немецкого государства [12].

Однако этот процесс был значительно затянут спорами вокруг кодификации. С прекращением правления Наполеона среди немецких юристов велась дискуссия о том, желательна ли межгосударственная унификация частного права в Германии по образцу других стран, таких как, например, Франция.

Либеральный юрист Антон Фридрих Юстус Тибо выступал за упрощение деловых операций, в то время как консерватор Фридрих Карл фон Савиньи был против, отчасти потому, что он не доверял юридической науке своего времени такую

сложную задачу. Но это не решило проблему, и в 1867 году в учредительном сейме только что созданной Северо-Германской конфедерации, непосредственной предшественницы Германского рейха, была предпринята новая инициатива в этом направлении со стороны депутата-национал-либерала Фридриха фон Микеля, но она была отклонена.

Недавняя заявка на создание единого частного права в конечном итоге увенчалась успехом в 1869 году, но сначала осталась без каких-либо непосредственных последствий. Только в 1873 году Рейхстаг и Федеральный совет внесли поправки в Конституцию второго рейха, передав ему юрисдикцию по регулированию всего гражданского права, что открыло путь для кодификации. Однако и это не позволило добиться быстрых результатов. От предварительной комиссии до первого проекта велась долгая работа над задачей по объединению бесчисленных и проверенных временем частных правовых систем в единую.

Первоначально была создана предварительная комиссия, которая внесла основные предложения в Федеральный совет и состояла из следующих ведущих юристов: советника Имперского верховного суда Гольдшмидта, директора Верховного трибунала Вюртемберга Франца фон Кюбеля [2], президента Прусского апелляционного суда в Шеллинга [3] и других известных юристов [11].

Таким образом, представленные предложения в значительной степени основывались на работе заслуженного профессора коммерческого права Левина Гольдшмидта, который был один из самых решительных сторонников национальной кодификации частного права. Разрабатываемая кодификация должна была представлять собой компиляцию ранее существовавшего права, поэтому недавно разработанные в то время концепции, такие как преддоговорная ответственность и позитивное нарушение договора, еще не получили широкого распространения.

Еще в 1874 году была созвана комиссия, которая должна была составить новый кодекс законов и состояла из девяти должностных лиц министерства и судей и двух профессоров: председателя Верховного суда Рейха Папе, Советника апелляционного суда в Кольмаре Дершайде, советника министров Бадена Гебхарда, советника Верховного трибунала Пруссии Йохова, директора Верховного трибунала Вюртемберга фон Кюбеля, лектора в Министерстве юстиции Пруссии Курльбаум II, Планк, Совету Апелляционного суда в Целле Планк, председателю Высшего апелляционного суда Саксонии фон Веберу и про-

фессорам фон Роту в Мюнхене и Виндшайде в Гейдельберге. Таким образом, в комиссию вошли практики и ученые из областей римского, прусского, рейнского (французского) и саксонского права, что позволило влиянию этих четырех основных источников права проникнуть в новый свод законов.

Первое заседание состоялось 17 сентября 1874 года в Берлине. Были распределены заказы на проекты пяти книг Гражданского кодекса, которые существуют до сих пор. Общая часть должна была быть разработана Гебхардом, обязательственное право Кюбелем, вещное право Йоховом, семейное право Планком и наследственное право Шмиттом.

Работа первой комиссии продлилась несколько лет и не продвигалась должным образом из-за политических проблем. Во-первых, переговоры по-прежнему велись так, как они велись в Германской конфедерации до основания рейха между все еще независимыми немецкими государствами, поскольку имперские власти и парламент на данный момент все еще не имели большого значения, а Федеральный совет, в котором доминировали князья, занимал прочную позицию у власти.

С другой стороны, для рейхсканцлера Отто фон Бисмарка на первый план вышли другие приоритеты, которые изначально сделали планы кодификации второстепенными. Первые семь лет прошли с составлением предварительных проектов, пока и имперские власти, и рейхстаг не пришли к власти и не смогли активизировать свою деятельность [10]. Настоящая работа началась только в 1881 году, и продолжалась до 1888 года, прежде чем Комиссия представила свой первый полный проект. Создаваемые пять книг Гражданского кодекса были разделены между юристами разных штатов, поэтому, материальное и семейное право находилось под сильным влиянием Пруссии. Хотя новый кодекс должен был заменить римское право, влияние романистов так же сказывалось на его характере. Важнейшая основная идея частной автономии возникла из либеральных течений того времени, выражавших потребность буржуазии в освобождении от влияния знати и преимуществах свободы экономических сил. Соответственно, волеизъявление стало центральным элементом, который встречается во всех книгах Германского гражданского уложения [5, 6, 7].

Проект вызвал резкую критику со стороны современников. Некоторые считали его экономически более слабым, чем антисоциальным, из-за слишком слабо истолкованных прав, поскольку частная автономия благоприятствовала тем, у кого была собственность, и, следовательно, ста-

вила в невыгодное положение тех, кто не обладал экономической властью. Отмечался не германский характер из-за сильного влияния римских правовых идей. Кроме того, непрофессионалам было трудно понять первый проект из-за сильно абстрактного юридического языка, что резко контрастировало с более ранними работами, такими как Прусское земельное уложение, которое было разработано немногим ранее [8].

Из-за этой резкой критики первый проект был еще раз тщательно пересмотрен так называемой Второй комиссией в 1890-1895 годах. Которая отличалась постоянной сменой участников, число которых было около десяти сотрудников, и его возглавлял советник Верховного трибунала Готлиб Планк. В новом проекте, были учтены потребности экономически слабых субъектов, что выражалось, например, в таких институтах, как приобретение права собственности переработчиком, а также защитные положения в договоре аренды и обслуживания, которые должны быть особенно полезны для работников [9]. Окончательный проект, представленный второй комиссией, был внесен в Федеральный совет в октябре 1895 года и прошел его с некоторыми незначительными изменениями, 17 января 1896 года он был представлен на рассмотрение рейхстага, а 1 июля того же года, после внесения еще нескольких поправок, был принят в третьем чтении подавляющим большинством голосов «перевесивших» сопротивление социал-демократов. 14 июля 1896 года кайзер подписал закон, а 18 августа он был опубликован. Однако в соответствии с Вводным законом гражданский кодекс вступал в силу лишь с 1 января 1900 г. Отсрочка была связана с тем, что германским государствам требовалось «дополнительное время для приведения своего местного законодательства в соответствие с гражданским кодексом» [4].

Протоколы заседаний комиссии также были опубликованы в качестве предисловия для Гражданского кодекса, чтобы идеи авторов закона стали доступными для граждан и облегчить их толкование юристами. В то же время был обнародован Вводный закон к Гражданскому кодексу, который, помимо регулирования международного частного права, содержал также переходные положения, необходимые для введения нового кодекса. Затем, после более чем двадцатилетней подготовительной работы, Гражданский кодекс вступил в силу, как и планировалось, 1 января 1900 года. Процесс разработки и принятия Гражданского кодекса Германии представляет собой уникальный опыт интеграции различных правовых традиций и преодоления сложных политических барьеров ради создания единого правового

пространства. Несмотря на многочисленные трудности и конфликты, обусловленные многообразием историко-культурных факторов, итоговым документом стала хорошо продуманная и последовательная система норм, закрепившая важные юридические принципы и ценности.

Заключение

Создание Германского гражданского уложения (ГГУ) в конце XIX века стало важнейшей вехой в истории европейского права. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Историческое значение ГГУ заключалось в преодолении многовековой правовой раздробленности германских земель. Кодекс не просто унифицировал законодательство, но и создал правовую основу для экономического развития объединенной Германии.

Процесс кодификации (1874-1896 гг.) отразил сложный баланс между традицией и модернизацией. Включение элементов римского, прусского, французского и саксонского права сделало ГГУ уникальным синтезом различных правовых культур. Политические и идеологические противоречия, выраженные в противостоянии либералов и консерваторов, а также столкновение тенденций централизации и регионализма, значительно повлияли на содержание кодекса. Компромиссный характер окончательной редакции проявился в сочетании принципа частной автономии с элементами социальной защиты.

Юридико-технические особенности ГГУ, представленные системностью и абстрактностью формулировок, установили новые стандарты законодательной техники, повлияв на последующие кодификации в других странах. Германское гражданское уложение остается действующим законодательным актом уже более 120 лет, что свидетельствует о продуманности его первоначальной конструкции. Опыт его создания особенно актуален сегодня для стран, находящихся в процессе правовой модернизации и поиска баланса между национальными традициями и унификацией законодательства. Таким образом, история ГГУ демонстрирует, что успешная кодификация права требует не только юридической экспертизы, но и учета исторического контекста, политических реалий и социальных потребностей общества.

Список литературы:

[1] История Германии : учеб. пособие : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. М. : КДУ, 2008. Т. 1 : С древнейших времен до создания Германской империи. С. 456.

[2] Нам, К. В. История принципа добросовестности (Treu und Glauben) до принятия Германского гражданского уложения / К. В. Нам // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 5(138). – С. 97-108. – DOI 10.17803/1729-5920.2018.138.5.097-108. – EDN XPPUTZ. С.103

[3] Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. - С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890-1907.

[4] Козин, С. А. Объединение Германии 1871 Г.: суверенитет единого государства / С. А. Козин // Российское право онлайн. – 2023. – № 4. – С. 15-21. – DOI 10.17803/2542-2472.2023.28.4.015-021. – EDN HCJLVS.

[5] Гражданское уложение Германии : вводный закон к Гражданскому уложению : пер. с нем.. – 2-е изд., доп.. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – (Серия «Германские и европейские законы» =). – ISBN 5-466-00160-0. – EDN QWPAXX.

[6] Комарва Р.Н. Язык закона, лингвистические характеристики: На материале текста Германского гражданского уложения. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. 2000 - СПб. 69 с.

[7] Антонов Б.А. Формирование института узufrукта в германском гражданском праве. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М. 2006 - 65 с.

[8] Лысенко О.Л. История кодификации торгового права Германии в XIX веке. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М. 1997 – 65 с.

[9] Водкин М.Ю. Проблемы рецепции римского права собственности в европейских кодификациях XIX - XX вв. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М. 2007 – 67 с.

[10] Храмцов К.В. Свобода завещания в наследственном праве России и Германии и ее охрана уголовно-правовыми средствами. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М. 1999 – 60 с.

[11] Алексеев, А. И. Роль дзайбацу в трансформации японского государства и права периода Мэйдзи (1868-1912) / А. И. Алексеев // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 1(63). – С. 217-227.

[12] Трошинский, П. В. Кодификация гражданского законодательства Китая / П. В. Трошинский // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 56-68. С. 59

[13] Суханов Е.А. О видах сделок в германском и российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 2. С. 5–26

[14] Удодов, Г. А. Немецкое уголовное законодательство в XX веке / Г. А. Удодов, М. А. Асланов // Международный научный вестник. – 2024. – № 11. – С. 33-36. – EDN AIAJHN.

[15] Удодов, Г. А. Исторические предпосылки принятия Уголовного кодекса Германии 1871 г / Г. А. Удодов, И. В. Романова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 4(43). – С. 30-33. – DOI 10.47475/2311-696X-2024-43-4-30-33. – EDN PIYFNO

Spisok literatury:

[1] History of Germany: study. manual: in 3 volumes/under the general. ed. B. Bonvecha, Yu. V. Galaktionova. M.: KDU, 2008. T. 1: From ancient times to the creation of the German Empire. S. 456.

[2] Nam, K. V. History of the principle of good faith (Treu und Glauben) before the adoption of the German Civil Code/K. V. Nam//Lex Russica (Russian law). – 2018. – № 5(138). – S. 97-108. – DOI 10.17803/1729-5920.2018.138.5.097-108. – EDN XPPUTZ. Page 103

[3] Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron. - S.-Pb.: Brockhaus-Efron. 1890-1907.

[4] Kozin, S. A. Unification of Germany 1871 G.: sovereignty of a single state/S. A. Kozin//Russian law online. – 2023. – № 4. – S. 15-21. – DOI 10.17803/2542-2472.2023.28.4.015-021. – EDN HCJLVS.

[5] German Civil Code: introductory law to the Civil Code: trans. With it.. - 2nd ed., Add.. - Moscow: Volters Kluver, 2006. - (Series "German and European Laws" =). – ISBN 5-466-00160-0. – EDN QWPAXX.

[6] Komarva R.N. Language of law, linguistic characteristics: Based on the material of the text of the German Civil Code. //Abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences. 2000 - St. Petersburg. 69 pp.

[7] Antonov B.A. Formation of the Institute of Usufruct in German Civil Law. //Abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences. M. 2006 - 65 p.

[8] Lysenko O.L. History of the codification of German commercial law in the 19th century. //Abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences. M. 1997 - 65 p.

[9] Vodkin M.Yu. Problems of reception of Roman property law in European codifications of the 19th - 20th centuries//Abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences. M. 2007 - 67 p.

[10] Khramtsov K.V. Freedom of testament in the hereditary law of Russia and Germany and its protection by criminal legal means. //Abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences. M. 1999 - 60 p.

[11] Alekseev, A.I. The role of zaibatsu in the transformation of the Japanese state and law of the Meiji period (1868-1912) /A.I. Alekseev//The rule of law: theory and practice. – 2021. – № 1(63). – S. 217-227.

[12] Troshchinsky, P.V. Codification of Chinese Civil Law/P.V. Troshchinsky//Journal of Foreign Law and Comparative Law. – 2021. – T. 17, NO. 2. – S. 56-68. Page 59

[13] Sukhanov E.A. On types of transactions in German and Russian civil law//Bulletin of civil law. 2006. № 2. Page 5-26

[14] Udodov, G. A. German criminal law in the twentieth century/G. A. Udodov, M. A. Aslanov//International Scientific Bulletin. – 2024. – № 11. – S. 33-36. – EDN AIAJHN.

[15] Udodov, G. A. Historical prerequisites for the adoption of the German Criminal Code 1871/G. A. Udodov, I. V. Romanov//Law and order: history, theory, practice. – 2024. – № 4(43). – S. 30-33. – DOI 10.47475/2311-696X-2024-43-4-30-33. – EDN PIYFNO

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-210-217

АБДУЛЛАЕВ Рашад Абдул оглы,
магистр права, аспирант кафедры
гражданского права и процесса
Академии Труда и Социальных отношений.
Управляющий партнер юридической компании
«R&A Group Ltd.»,
e-mail: rashadabdullaev@inbox.ru

КОРПОРАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ТОРГОВОМ ПРАВЕ ТУРЦИИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу реформ, внесённых в Турецкий торговый кодекс 2012 года. Исследуются ключевые нововведения в сфере корпоративного права, включая регулирование акционерных обществ, агентских договоров, системы бухгалтерского учёта и коммерческих книг. Особое внимание уделено механизму корпоративного управления, ответственности совета директоров, электронному торговому реестру и положениям о недобросовестной конкуренции. Автор анализирует цели и задачи реформирования, а также соотношение новых положений ТКТ с правом Европейского союза и Швейцарии.

Ключевые слова: турецкий торговый кодекс, корпоративное право, акционерное общество, агентский договор, бухгалтерский учёт, корпоративное управление, недобросовестная конкуренция

ABDULLAEV Rashid Abdul oglu,
master of Law, postgraduate student
of the Department of Civil Law and Process
of the Academy of Labor and Social Relations.
Managing Partner of the law firm "R&A Group Ltd."

THE CORPORATE COMPONENT OF TURKISH COMMERCIAL LAW

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of the reforms introduced by the Turkish Commercial Code of 2012. It examines key innovations in the field of corporate law, including the regulation of joint-stock companies, agency agreements, accounting systems, and commercial books. Particular attention is paid to corporate governance mechanisms, the liability of the board of directors, the electronic commercial register, and provisions on unfair competition. The author analyzes the goals and objectives of the reforms, as well as the alignment of the new provisions of the TCC with the legal systems of the European Union and Switzerland.

Key words: Turkish Commercial Code, corporate law, joint-stock company, agency agreement, accounting, corporate governance, unfair competition

Новый Торговый кодекс Турции (далее – ТКТ) способствует продолжению развития новых аспектов и перспектив турецкого законодательства, в том числе, с учетом масштабной интеграции турецкой правовой системы в структуры законодательства Европейского Союза. Новый Торговый кодекс Турции вступил в силу с 01.07.2012 г., принимая во внимание, что определенные правила, касающиеся новых стандартов ведения бухгалтерского учета и аудита, вступили в силу с 01.01.2013 г., а правила по эксплуатации веб-сайта с 01.07.2013 г.

ТКТ состоит из шести основных глав: предпринимательское право, корпоративное право, о ценных бумагах, транспортное право, морское торговое право и закон о страховании. По сравнению с предыдущим ТКТ, новый торговый кодекс рассматривает транспортное право отдельной главой. Анализируя характеристики каждой главы, становится совершенно очевидным, что ТКТ ставит перед собой задачу провести всеобъемлющую правовую реформу на практике. Нынешний ТКТ, введенный в действие пятьдесят лет назад и сформулированный с учетом современных изме-

нений в законодательстве Германии и Швейцарии, в основном не был реформирован в течение пятидесяти лет, несмотря на многие изменения в европейском праве. В результате этого Министерство юстиции Турции сформировала комиссию по подготовке нового торгового кодекса. Эта комиссия, состоящая из ученых, судей, адвокатов, чиновников и экспертов, провела углубленное исследование доктрины и судебной практики Европейского экономического права. Далее, будут рассмотрены основные характеристики нового правового режима торговой деятельности.

Новый закон, регулирующий в том числе деятельность организаций, предполагает комплексную реформу ТКТ. Прежде всего, новая система придает большое значение механизмам реструктуризации, таким как слияния, разделения и преобразования. С другой стороны, компании-однодневки и группы компаний появляются в качестве новых фигур в канве Кодекса. В частности, акционерные общества сталкиваются с широким и относительно новым правовым режимом, который реализует современные нормы корпоративного права и который также регулирует некоторые новые правовые институты. С другой стороны, «акционерный» характер обществ с ограниченной ответственностью тщательно укрепляется. Кроме того, правила, касающиеся Транспортного и Морского права были пересмотрены в соответствии с международными соглашениями, касающимися этих дисциплин. В частности, глава Закона о страховании была пересмотрена с учетом актуальных проблем Турецкого страхового сектора и новых разработок, а также в Закон были введены новые институты современного страхования. В этих рамках каждая глава нового ТКТ будет продемонстрирована с ее основными характеристиками ниже.

В предпринимательском праве произошли следующие изменения. В целом, преобладает сохранение характеристик текущего ТКТ, а введенные преобразования в ТКТ ориентированы на гармонизацию турецкого предпринимательского права в соответствии с Европейским законодательством. Основные моменты, касающиеся этой реформы, относятся к принципам бухгалтерского учета для предприятий, коммерческим книгам, коммерческому реестру, недобросовестной конкуренции и далее к агентскому договору. Введены новые принципы бухгалтерского учета и коммерческие книги. Одной из самых знаковых реформ ТКТ является внедрение современных правил бухгалтерского учета и новых норм для коммерческих книг. В этих рамках ТКТ предписывает, чтобы все системы бухгалтерского учета турецких предприятий были организованы в соответствии с турецкими стандартами бухгалтерского учета, которые

были и будут в дальнейшем применяться в соответствии с международно-признанными финансовыми стандартами (МСФО) [1, с. 347]. В дополнение к этому, предприятие должно документировать и регистрировать все свои коммерческие операции, при необходимости в электронном виде, что означает, что механизмы электронного реестра должны быть интегрированы в систему бухгалтерского учета предприятия (статья 64/2 ТКТ). С другой стороны, любые записи, которые должны появляться в коммерческих книгах продавца, должны быть полными, правильными, своевременными и систематическими (статья 65/2 ТКТ). Наиболее отличительная цель законодателя состоит в том, как отражено в Кодексе, «чтобы позволить эксперту получить надлежащую картину деятельности и финансового положения предприятия в разумные сроки». В связи с этой гипотезой, правила, касающиеся коммерческих книг, систем бухгалтерского учета и аудита, должны рассматриваться как единое целое, и практика должна проводиться таким образом, чтобы обеспечить прозрачность и надежность.

Торговый реестр также затронули ряд изменений. Создание электронной системы регистрации является одной из наиболее важных задач ТКТ. Электронный реестр будет служить реализации принципа «правдивого и объективного представления». Благодаря электронному реестру прозрачность записей предприятия будет усилена, в то время как положительные и отрицательные функции системы регистрации будут выполняться более эффективным образом. Кроме того, государство и Торговая палата, которая ведет торговый реестр, последовательно несет ответственность за ущерб, возникший в результате сделок, осуществляется владельцем реестра (статья 25/2 ТКТ). При глобальном подходе, правила, касающиеся электронного реестра, и правила, касающиеся информационных технологий, должны способствовать лучшему обеспечению прозрачности.

В части положений о фирменном наименовании также можно отметить ряд нововведений. Правила, касающиеся фирменного наименования, были изменены, чтобы обеспечить прозрачную и надежную систему. В этой системе законодатель стремится дать возможность третьим лицам получать надлежащую информацию о правовом положении организации. В частности, ТКТ подчеркивает принципы прозрачности и правдивого и справедливого представления (Статья 39 ТКТ). В дополнение к этому, статья 39 ТКТ явно демонстрирует взаимосвязь между правовым режимом, связанным с фирменным наименованием, и правилами, относящимися к информационным технологиям. Коснулись изменения и

регламентирования недобросовестной конкуренции. Закон о конкуренции и режим, касающийся недобросовестной конкуренции, — это две дисциплины, которые постоянно рассматриваются с современной точки зрения в европейской и швейцарской правовых системах. Новый правовой режим, касающийся регламентирования недобросовестной конкуренции, определяет концепцию недобросовестной конкуренции и демонстрирует связь между этим правовым режимом и законом о конкуренции. Другими аспектами реформы стали упоминания о перечислении нескольких вариантов недобросовестной конкуренции и дополнительные более эффективные правила возмещения убытков, возникающих в результате недобросовестной конкуренции. Кодекс перечисляет и классифицирует многие виды торговых практик, в качестве приемов недобросовестной конкуренции в соответствии с решениями Европейского Суда.

Ниже приведены некоторые примеры недобросовестной конкуренции:

- Мошеннические методы продажи и рекламы;
- Принуждение лица к нарушению или расторжению договора;
- Получение несправедливой выгоды от продуктов интеллектуальной собственности третьих лиц;
- Получение и разглашение коммерческой тайны;
- Нарушение определенных правил, установленных для определенных отраслей и профессий;
- Использование несправедливых общих положений и условий договора, ТКТ уделяет особое внимание сохранению турецкой судебной практики, разработанной Кассационным судом Турции на сегодняшний день.

Несмотря на принятие швейцарской законодательной реформы в отношении недобросовестной конкуренции, законодатель намерен поддерживать формирование турецкого законодательства в этой области. Новые правила о недобросовестной конкуренции отличаются тем, что защищают права потребителей. Несмотря на существование специальных правил защиты прав потребителей, ТКТ эквивалентно повышает потребительскую ценность, поскольку ограничения конкуренции вторгаются в правовой статус потребителя. Суть закона о недобросовестной конкуренции направлена на защиту всех участников рынка.

Как упоминалось выше изменений также коснулись агентского договора. Выполняя в том числе функцию координации иностранных инвестиций, агентский договор очень распространен на практике. По этой причине правовой режим, касающийся агентского контракта, нуждается в

масштабной правовой реформе. Напротив, другие подобные соглашения, такие как соглашение о франчайзинге и эксклюзивное агентское соглашение по продажам, не рассматриваются ТКТ. Вероятно, ТКТ, по-видимому, ограничивает практику этих соглашений исключительно общими принципами права и определенными положениями Законодательства о конкуренции. Наиболее примечательными моментами новых правил являются следующие: правило для неавторизованного агентства изменилось таким образом, что в случае, если договор был заключен неавторизованным агентом, и далее в случае, если уполномоченный не принимает этот договор сразу после того, как он был проинформирован о заключении настоящего договора, неавторизованный агент несет ответственность за выполнение настоящего соглашения (ст. 108 ТКТ).

С другой стороны, ТКТ усиливает право агента на получение агентского вознаграждения. Соответственно, агент должен получать вознаграждение за каждую свою транзакцию, эквивалентное транзакциям, не реализованным агентом, но реализованным в его географической области. Статья 113 ТКТ сохраняет право на вознаграждение даже в том случае, если агентский договор был расторгнут. Агент заслуживает требования о вознаграждении за транзакции, начатые до расторжения договора. Обязательства поручителя были эквивалентно перечислены в ТКТ, в то время как ТКТ демонстрирует, какие обязательства должны быть выполнены поручителем, чтобы побудить агента выполнить свои обязательства (статья 120 ТКТ). Как упомянутый в преамбуле, ТКТ характерно защищает права агентов, поскольку турецкие предприятия выступают в качестве агентов, а не поручителей. Как следствие этого, стороны агентского договора лишены возможности заменить правила в ТКТ в ущерб агенту [2, с. 287]. Еще одним новым аспектом агентских договоров является управление портфелем. Несмотря на отсутствие регулирования, Верховный суд Турции ввел в действие компенсацию портфеля за агентские соглашения, расторгнутые в отсутствие вины агента. Принимая во внимание положения швейцарского законодательства и решения судебной практики Турции, ТКТ применяет конкретную норму для компенсации портфеля, а именно ст. 122 ТКТ. В соответствии с настоящим регламентом в случае, если агентский договор не был расторгнут по вине агента, поручитель получает значительные выгоды и это означает, что агент лишен возможности выдвигать юридические требования, которые он имеет право выдвигать при обычных обстоятельствах, и наконец, если принцип справедливости требует выплаты такой компенсации, агент

может запросить компенсацию портфеля, которая должна сбалансировать обогащение поручителя благодаря клиентам, приобретенным агентом для поручителя, и убытки, с которыми сталкивается агент из-за расторжения договора по вине агента. ТКТ продвигается вперед, чтобы ввести конкретную норму, которая позволяет портфелю компенсировать другие аналогичные типы соглашений, такие как эксклюзивные агентские соглашения по продажам.

Обширные изменения коснулись регулирования корпоративного права. Общие аспекты. Благодаря ТКТ, турецкое законодательство в части корпоративного права претерпевает комплексную реформу. В этом исследовании происходит фокусирование исключительно на реформах, касающихся общих принципов корпоративного права, а также акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. Первая глава закона, регулирующего деятельность организаций, посвящена общим принципам. Учитывая современные изменения в европейской и швейцарской правовых системах, кодекс предлагает обеспечить соблюдение многих принципов и правовых институтов, которые в значительной степени являются новыми для турецкого законодательства.

Отметим, что ТКТ включает в себя подробные правила о слияниях, разделениях и преобразованиях предприятий (статьи 134-194 ТСС). Существовавшие правила не удовлетворяли потребностей времени, а также не удовлетворяли потребности практики. Учитывая многие экспертные мнения турецких правоведов, весьма остро и очевидно проявляется нехватка норм материального права, подлежащих регулированию при преобразовании предприятий. Новые правила этой дисциплины исходят из европейской и швейцарской правовых систем. Еще одним новшеством ТКТ является правовой режим, установленный для группы компаний. Принимая во внимание мнение академического сообщества «Высокая Группа экспертов по корпоративному праву», ТКТ обеспечивает соблюдение всеобъемлющей правовой системы для группы организаций. Прежде всего, ТКТ демонстрирует основные элементы группы компаний и перечисляет основные инструменты контроля. С помощью этих инструментов ТКТ эквивалентно повышает презумпцию контроля, это означает, что правила, относящиеся к группе компаний, будут играть решающую роль в турецком корпоративном праве. Новая система вводит специальные режимы ответственности для материнских компаний. Такая ответственность основывается на злоупотреблении контролем или на доверии, восстановленном материнской компанией в глазах третьих лиц.

Примечателен ряд реформ, проведенных в отношении акционерных обществ. Существовавшие ранее правила, касающиеся основания акционерных обществ, допускали «постепенное основание», что означает, то что учредители, принимая на себя определенную часть капитала, могут делать объявления с целью привлечения капитала. В этом альтернативном варианте компания должна быть основана на сборе всего капитала. Также должно и следует отметить, что этот метод основания не получил широкого распространения в турецкой практике. Как следствие этого события, новый ТКТ отказывается от метода постепенного основания и заменяет этот метод методом публичной оферты. В этой новой альтернативе компания должна преобразовать определенную часть капитала в денежные акции и осуществить публичное предложение этих акций в течение 2 месяцев с момента основания компании. С этой точки зрения ТКТ улучшает и качественно меняет существенные характеристики акционерного общества, повышая его анонимный характер. Через это, таким образом, даже частные (не котирующиеся на бирже) компании могут воспользоваться преимуществами рынков капитала.

Существенным нововведением торгового кодекса 2012 года стал отказ от принципа «Ultra Vires». Согласно ст. 137 действовавшего ранее ТКТ, любые сделки компании, которые выходят за рамки предпринимательской деятельности, предусмотренной уставом, считаются недействительными. Такие сделки назывались сделками «ultra vires», поскольку все сделки, относящиеся к основной деятельности, указанной в уставе компании, являются действительными и «intra vires». В соответствии с 1-й Директивой ЕС о корпоративном праве ТКТ отказывается от этого принципа.

Акционерное общество с единственным акционером. Учитывая изменения в законодательстве ЕС, ТКТ вводит акционерное общество с единственным акционером (единоличная компания ст. 338/1 ТКТ). Три основные функции этого регламента являются: 1) согласование правового режима с экономической истиной; 2) создание новой модели для инвесторов, которым требуется ограниченная ответственность; 3) создание модели, способствующей запуску и ведению группы компаний, институционализации предприятий и дальнейшему созданию фондов. С другой стороны, эта реформа позволяет акционеру покупать другие акции акционеров и превратить организацию в компанию с единственным акционером. В случае такой передачи акций единственному акционеру совет директоров обязан зарегистрировать этот факт в торговом реестре в течение семи дней с момента передачи [3, с. 654].

В противном случае совет директоров несет ответственность за ущерб, понесенный третьими лицами в результате этой передачи. Зарегистрированный акционерный капитал. ТКТ позволяет акционерным обществам принимать уставный капитал (ст.332 ТКТ). В частности, следует указать, что даже акционерные общества, которые не являются публичными, могут в равной степени извлечь выгоду из этой системы. Эта реформа отражает тенденцию ТКТ уменьшать дистанцию и различия между несколькими видами акционерных обществ. Даже компаниям с ограниченным кругом акционеров, которые сознательно воздерживаются от превращения в публичные компании, может потребоваться ввести уставный капитал. Стартовый капитал для компаний, внедряющих систему уставного капитала, составляет 100 000 турецких лир [4, с. 435].

ТКТ вводит новые правила и ограничения в отношении квалифицированного акционерного капитала. Любые имущественные права и объекты собственности могут быть переданы в акционерное общество в качестве части капитала (ст. 342 ТКТ). Учитывая эволюцию технологий и внедрение соответствующих современных правил, права интеллектуальной собственности классифицируются как своего рода квалифицированный акционерный капитал, в то время как это позволяет предлагать веб-сайт в качестве квалифицированного инструмента капитала. ТКТ реализует общий принцип для квалифицированного акционерного капитала, а именно, что инструмент должен быть отчуждаемым и должен не подлежать никаким залогами или судебным исполнениям. Для сохранения активов корпорации ТКТ предписывает, что кредиты, срок погашения которых не истек, не могут быть представлены в качестве части капитала акционерному обществу (ст. 342/1 ТКТ).

В этой связи, представляется важным выделить проблемы, связанные с механизмом принятия решений акционерных корпораций. Совет директоров:

- Совет директоров может состоять только из одного члена (ст. м. 359/1 ТКТ);
- Юридические лица могут приобрести статус члена правления (ст. м. 359/2 ТКТ);
- Требование быть акционером больше не является обязательным для членом совета директоров;
- Специализация. Не менее одной четвертой членом совета директоров должны иметь высшее образование. Очевидно, что эта норма служит принципу корпоративного управления, который повышает профессиональные навыки. Но, как это ни парадоксально в случае, если совет директоров состоит исключительно из единственного

участника, такой участник не обязан иметь такую специализацию, то есть в данном случае указанное выше ограничение на него не распространяется (статья 359/3 ТКТ).

• Представительство в совете директоров; Состав совета директоров обычно определяется большинством голосов. Однако, несмотря на отсутствие четкого регулирования, считается, что устав может предусматривать несколько групп акционеров, которые должны быть представлены в совете директоров при любых обстоятельствах. Такие предпочтения могут быть отнесены к нескольким группам акционеров или к миноритарным акционерам. То есть существующая система, а также ТКТ не допускают прямого назначения члена, но члены могут быть назначены группой акционеров или миноритарными акционерами. Что касается частных (не включенных в публичный список) корпораций, то нет никаких ограничений на законодательное представительство в совете директоров, так что все члены совета директоров могут быть избраны с помощью этих механизмов. Напротив, максимум 1/2 совета директоров в публичном акционерном обществе могут быть избраны на основе привилегированных акций (статья 360/1 ТКТ). Делегирование полномочий ТКТ принимает подробный правовой режим делегирования полномочий по управлению генеральным директором и директором. Как обычно, новый режим классифицирует управленческие полномочия как административные полномочия и полномочия представительства (статья 367 ТКТ). В случае, если полномочия представителя должны быть возложены на единственное лицо, это лицо должно быть членом правления (статья 370/2 ТКТ).

Напротив, административные полномочия могут быть делегированы лицу, которое не является членом правления (ст.367/1 ТКТ). Как следствие этого, все члены правления могут функционировать в качестве неисполнительных членом. Для делегирования управленческих полномочий необходимо четкое регулирование в уставе. В случае делегирования, совет директоров обязан издать директиву организации для обеспечения соблюдения режима управления корпорацией, который включает полномочия каждого административного субъекта, а также иерархическую структуру между советом директоров или генеральным директором и другими органами управления. Обязательство выпустить такую директиву соответствует эволюции современного корпоративного права через принципы корпоративного управления. Через эти механизмы, можно добиться более эффективного режима ответственности. С другой стороны, в свете принципа прозрачности для третьих сторон будет более

очевидно, через какие механизмы управления корпорация будет продвигаться и развиваться для достижения своих собственных целей.

Даже в том случае, если все члены совета директоров будут выполнять функции неисполнительных директоров, ТКТ подчеркивает необходимость эффективной корпорации среди управленческих подразделений. Устав является точным инструментом для достижения такого функционального сотрудничества. Из-за структуры управления, ТКТ допускает как монистическую, так и дуалистическую структуру. Другими словами, структура управления может состоять исключительно из совета директоров, а также совета директоров и наблюдательного совета. Кворумы. Статья 330 действующего ТКТ ссылается на кворумы заседаний и решений совета директоров или директора. Вследствие недостаточной точности формулировки этой статьи практика столкнулась с трудностями при определении того, принимается ли обоснованное решение в определенных случаях. Новая формулировка нового ТКТ имеет очень четкую и четкую формулировку и подчеркивает принцип большинства (ст. 390 ТКТ). О недействительности решений совета директоров действовавший ТКТ не содержит каких-либо статей, касающихся действительности решений совета директоров. В судебной практике сложилась теория недействительности, основанная на общих принципах гражданского права. Относительно этого фактически, ТКТ принимает решение ввести в действие конкретную статью о недействительности этих решений. В этом отношении решения, нарушающие принцип равенства, противоречащие сущностному характеру корпорации, нарушающие основные права акционеров или дополнительно нарушающие определенное распределение полномочий между генеральной ассамблеей и советом директоров, считаются недействительными (статья 391 ТКТ). Онлайн-заседания совета директоров. В связи с современными потребностями бизнеса ТКТ позволяет проводить онлайн-заседания совета директоров (ст. 1527 ТКТ).

Акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью, предоставляющие услуги в области информационных технологий, должны организовать веб-сайт и информировать все заинтересованные стороны через этот веб-сайт. Ответственность за организацию и ведение этого веб-сайта, а также за постоянное обновление его содержимого лежит на совете директоров. Каждое акционерное общество и общество с ограниченной ответственностью должны публиковать проверенный отчет о своей отчетности на своем веб-сайте. Корпоративный веб-сайт должен содержать исчерпывающую информацию для

заинтересованных сторон. Использование информационных технологий поможет корпорации проанализировать и отразить свои собственные показатели корпоративного управления.

Важная часть обновлений коснулась разделения полномочий между советом директоров и генеральной ассамблеей. Смещение полномочий между генеральной ассамблеей и советом директоров угрожает эффективной работе механизмов управления. Чтобы предотвратить такую путаницу, ТКТ продвигается вперед, чтобы перечислить определенные полномочия генеральной ассамблеи и совета директоров и определить взаимную позицию обоих механизмов принятия решений. В соответствии с этими правилами, 1) абсолютные и неотъемлемые полномочия совета директоров перечислены в статье 375 ТКТ; 2) аналогичным образом, абсолютные и неотъемлемые полномочия генеральной ассамблеи были перечислены в статье 408 ТКТ и в некоторых других статьях; 3) для решений, которые не входят в абсолютную компетенцию каждого органа, статут может назначить компетентный орган. В отсутствие такого регламента совет директоров компетентен решать этот вопрос.

Генеральная ассамблея представляется в качестве перспективы, ориентированной на акционеров. Статьи 407-451 ТКТ, которые регулируют правовой режим общего собрания и, очевидно, сохраняют суть ТКТ, гораздо больше оценивают права акционеров как центральный исходный пункт. В ТКТ акционер не рассматривается как обязательный орган для существования корпорации, но он оценивается как «непременное условие» для эффективного функционирования корпорации. Эти новые характеристики упомянутых правил можно наблюдать в следующих механизмах. Представление руководства в общем собрании должны участвовать генеральный директор, по крайней мере один член совета директоров и независимый аудитор, назначенный для проверки определенной сделки, такой как слияние (статья 407/2 ТКТ). Это положение направлено на обеспечение эффективной координации между несколькими подразделениями корпорации и служит для улучшения информационного обслуживания акционеров. Подзаконные акты. Совет директоров должен разработать подзаконные акты, касающиеся механизмов и проведения общего собрания, и зарегистрировать эти подзаконные акты в торговом реестре (ст. 419/2 ТКТ). Подготовка подзаконных актов в качестве дополнительного источника в дополнение к уставу корпорации послужит созданию прозрачной и эффективной корпоративной организации.

Кворумы в связи с изменениями в законодательстве (Статья 421 ТКТ).

Согласно поправкам к законодательству, ТКТ проводит различие между компаниями, зарегистрированными на бирже, и частными (не включенными в список) акционерными обществами [5, с. 125]. В компаниях, котирующихся на бирже, такие решения, как увеличение капитала, в частности увеличение уставного капитала и преобразование компании, должны приниматься с использованием обычных кворумов (статья 418 ТКТ). Поправки к законодательству, которые налагают на акционеров дополнительные обязательства или обязательство по возмещению убытков по балансу, могут быть приняты исключительно единогласно (кворум для принятия решения). Изменение предмета деятельности компании, выпуск привилегированных акций, ограничения на передачу акций должны приниматься и решаться голосами акций, составляющими 75% от всего капитала (кворум для принятия решения). Все другие виды поправок к уставу должны приниматься на основе 50% от общего капитала (кворум для принятия решения). В отличие от ТКТ в случае, если поправка к уставу не будет принята на первой генеральной ассамблее, кворумы на второй ассамблее такие же, как и на первой генеральной ассамблее.

Представительство акционера на общем собрании. Для обеспечения более эффективного участия, ТКТ оценивает комплексное регулирование представительства акционера на общем собрании. В этом контексте представители классифицируются как представитель корпорации, независимый представитель и представитель учреждения (ст. 427 ТКТ). Помимо эффективного участия, правила в отношении представительства акционеров равнозначно направлены на то, чтобы очертить рамки представителей. Право на информацию. Существовавшие ранее правила в отношении прав акционера на информацию удовлетворительно не сохраняются. Учитывая этот факт, ТКТ расширяет сферу действия права на информацию таким образом, чтобы ограничить исключения исключительно коммерческой тайной и выгодами компании (ст. 437 ТКТ).

Недействительность решений генеральной ассамблеи. Действовавший режим, касающийся действительности резолюций генеральной ассамблеи, в значительной степени сохранен в новой редакции ТКТ. Однако, основания абсолютной недействительности были перечислены в целях обеспечения более надежной системы недействительности (ст. 447 ТКТ). Правила, касающиеся недействительности таких решения внедрены на основе швейцарского законодательства [6, с. 54]. Проведение собраний генеральной ассамблеи в удаленном формате или онлайн. ТКТ позволяет организовывать онлайн-собрания генеральной

ассамблеи, в которых акционеры могут участвовать и голосовать онлайн. В компаниях, зарегистрированных на бирже, организация онлайн-заседаний генеральной ассамблеи является обязательной.

ТКТ в свете принципов корпоративного управления. Принципы корпоративного управления влияют на современные корпоративное право очень эффективным образом. Эти принципы имеют очевидное отражение в ТКТ. Они могут быть продемонстрированы следующим образом: 1) в новом ТКТ законодатель подчеркивает, что ожидает эффективной, плодотворной и ответственной работы совета директоров. Экономическая реальность, заключающаяся в том, что директора, представляющие интересы контролирующего акционера, могут участвовать в совете директоров, была воспринята в ТКТ, тогда как обязательства по осмотрительности и добросовестности этих директора были выделены в ТКТ. ТСС повышает профессиональный уровень управления корпорацией; 2) конкретная дифференциация в ТКТ между исполнительными и неисполнительными директорами позволяет корпорации создать организацию управления с монистической или дуалистической структурой; 3) специализация по крайней мере половины директоров совета директоров или единственного директора, они должны иметь высшее образование (статья 359/3 ТКТ). Это явный признак того, что ТКТ соблюдает общепринятые принципы корпоративного управления; 4) права акционеров. Права акционеров были тщательно усилены в ТКТ. Участию в генеральной ассамблее и использованию административных прав способствовали несколько механизмов. Представление акционера на общем собрании рассматривалось с институциональной точки зрения. Принцип равенства был гарантирован очевидным регулированием (статья 357 ТКТ). Помимо понятия акционера, ТКТ эквивалентно учитывает понятие заинтересованной стороны. Права заинтересованных сторон, таких как кредиторы, держатели облигаций и т.д., были защищены в ТКТ; 5) предприятия и корпорации классифицируются как малые и крупные предприятия, а также малые и крупные корпорации. Такая классификация определит правовой режим, применимый к финансовой отчетности и к процессу аудита предприятия или корпорации; 6) информационные технологии. Каждое акционерное общество обязано использовать информационные технологии для отражения корпоративной уровень управления компанией. Информационные технологии способствуют прозрачности корпорации, что является одним из наиболее важных аспектов корпоративного управления; 7) экономические отношения между корпорацией и акционером, выходящие за рамки ста-

туса акционера, представляют собой серьезную проблему. Такие отношения, вероятно, могут вторгнуться в структуру корпоративного управления корпорации, поскольку контролирующие акционеры могут злоупотреблять активами компании с помощью этих механизмов. В этом отношении, помимо контрактов, связанных с деятельностью компании, акционер не может извлекать выгоду из активов компании. В частности, акционеры не могут занимать деньги у компании (статья 358 ТКТ). Это последовательная реформа турецкой торговой практики, которая во многом зависит от финансовых отношений между компанией и основным акционером; 8) страхование от ущерба, причиненного директорами. Такая страховка не является обязательной. Несмотря на этот факт, организация такого страхования служит соблюдению принципов корпоративного управления (ст. 361 ТКТ).

Реформа Турецкого торгового кодекса 2012 года явилась не просто актом правового обновления, но отражением глубинных сдвигов в правовой и экономической парадигме современного турецкого общества. В отличие от прежних попыток модернизации, новый ТКТ построен на системном переосмыслении роли корпоративного регулирования, механизма предпринимательской ответственности и взаимодействия частного бизнеса с государством в условиях глобализированной экономики.

Через призму корпоративного права в новом ТКТ можно проследить стремление Турции к юридической синхронизации с континентальными моделями управления, в частности — с германо-швейцарской правовой традицией. Однако при этом законодатель оставляет пространство для гибкости, отражая специфику национального правового порядка. Особенно ярко это проявляется в институционализации электронных форм регистрации, акценте на корпоративную прозрачность, укреплении внутренних механизмов саморегуляции в компаниях и пересмотре баланса интересов между акционерами, менеджментом и заинтересованными сторонами.

Уникальность реформы заключается и в том, что она формирует новое правовое мышление. Современный турецкий предприниматель должен мыслить в категориях не только прибыли, но и правовой ответственности, устойчивого управления, соответствия международным стандартам финансовой отчетности и соблюдения антимонопольных норм. Это означает, что Турция

не просто перенимает зарубежные модели, но начинает формировать собственную правовую идентичность — открытую, конкурентоспособную и в то же время глубоко осмысленную. Таким образом, ТКТ выступает как инструмент правовой модернизации, а его развитие — как динамичный процесс, требующий не только грамотного правоприменения, но и вовлеченности научного сообщества. Именно в диалоге между теорией и практикой, между традицией и инновацией, может быть раскрыт весь трансформационный потенциал нового турецкого торгового права. В этой связи дальнейшее исследование и критическое осмысление положений ТКТ становится не просто актуальной задачей, но и вкладом в формирование устойчивого правового будущего Турции.

Список литературы:

- [1] Pulasli Hasan, Sirketler Hukuku Serhi (Commentary on Company Law), 3rd Ed., Ankara 2018. — 357 с.
- [2] Kendigelen, Abuzer/KIRCA, Ismail, Kiymetli Evrak Hukuku (Law of Negotiable Instruments), Istanbul 2019. — 287 с.
- [3] Oguzman Kemal / Oz, Turgut, Kisiler Hukuku (Law of Persons), 16th Ed., Istanbul 2016. — 654 с.
- [4] Bahtiyar Mehmet, Ortakliklar Hukuku (Company Law), 13th Ed., Istanbul 2019. — 435 с.
- [5] Akdag-Guney Nelca, Anonim Sirket Yonetim Kurulu (Board of Directors in Joint Stock Companies), 2nd Ed., Istanbul 2016. — 125 с.
- [6] Arkan Sabih, Ticari Isletme Hukuku (Law of Commercial Enterprise), 25th. Ed., Ankara 2019. — 54 с.

Spisok literatury:

- [1] Pulasli Hasan, Sirketler Hukuku Serhi (Commentary on Company Law), 3rd Ed., Ankara 2018. — 357 с.
- [2] Kendigelen, Abuzer/KIRCA, Ismail, Kiymetli Evrak Hukuku (Law of Negotiable Instruments), Istanbul 2019. — 287 с.
- [3] Oguzman Kemal / Oz, Turgut, Kisiler Hukuku (Law of Persons), 16th Ed., Istanbul 2016. — 654 с.
- [4] Bahtiyar Mehmet, Ortakliklar Hukuku (Company Law), 13th Ed., Istanbul 2019. — 435 с.
- [5] Akdag-Guney Nelca, Anonim Sirket Yonetim Kurulu (Board of Directors in Joint Stock Companies), 2nd Ed., Istanbul 2016. — 125 с.
- [6] Arkan Sabih, Ticari Isletme Hukuku (Law of Commercial Enterprise), 25th. Ed., Ankara 2019. — 54 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-218-223

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

БОТАНЦОВ Иоанн Владимирович,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: Botansoff@mail.ru

ВДОВИЧЕНКО Сергей Сергеевич,
студент 3 курса факультета
подготовки специалистов для судебной системы
(юридический факультет) Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева,
e-mail: sergeyvдовиче@mail.ru

ПЕРЕГУДА Егор Сергеевич,
студент 3 курса факультета подготовки
специалистов для судебной системы (юридический факультет)
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: egorpereguda@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию международной правосубъектности Европейского Союза как международной организации. В статье проанализированы основные точки зрения на правосубъектность международной организации. Авторами приведены различные оценки правосубъектности Европейского Союза, а также дано собственное обоснование восприятия Европейского Союза в качестве международной организации. Проведено сравнение правосубъектности Европейского Союза с Евразийским экономическим союзом, как с организациями, имеющими сходства во внутреннем и внешнем устройстве. Авторы выдвинули предполагаемые концепции (сценарии) развития и упадка Европейского Союза как субъекта международного права.

Ключевые слова: международная правосубъектность, международная организация, конфедеративное устройство, союз государств, нормализация внутреннего устройства, суверенитет.

BOTANTSOV Ioann Vladimirovich,
Associate Professor of the Department of General
Theoretical Legal Disciplines of the North-Western branch
of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
PhD in Law, Associate Professor

VDOVICHENKO Sergey Sergeevich,
3rd year student of the faculty
for training specialists for the judiciary (faculty of law)
of the North-Western branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

PEREGUDA Egor Sergeevich,

3rd year student of the faculty

for training specialists for the judiciary (faculty of law)

of the North-Western branch of the Russian State University

of Justice named after V.M. Lebedev

LEGAL PERSONALITY OF THE EUROPEAN UNION IN COMPARISON WITH OTHER INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

Annotation. *The article is devoted to the study of the international legal personality of the European Union as an international organization. The article analyzes the main points of view on the legal personality of an international organization. The authors provide various assessments of the legal personality of the European Union, and also give their own justification for the perception of the European Union as an international organization. A comparison of the legal personality of the European Union with the Eurasian Economic Union as an organization with similarities in its internal and external structure is made. The authors put forward supposed concepts (scenarios) of the development and decline of the European Union as a subject of international law.*

Key words: *international legal personality, international organization, confederative structure, union of states, normalization of internal structure, sovereignty.*

Введение. Внешнеполитическое пространство никогда не находилось в состоянии полной стабильности. Различные субъекты международного права (в первую очередь государства) сталкиваются с проблемами как собственного устройства, так и взаимодействия друг с другом. На сегодняшний день многогранность и динамика международных взаимодействий приобретает всё более сложный характер. Одной из причин, определяющих тенденцию усложнения международных отношений, является постепенный переход мира к многополярности от однополярного устройства. В этой связи особую актуальность приобретает оценка правосубъектности международных образований, получивших новое развитие в связи с этим внешнеполитическим переходом. Одним из наиболее «крупных игроков» современной международной арены, стремящихся к лидерству в экономических и политических отношениях, выступает Европейский Союз. Однако дискуссионность и неопределённость его внешнеполитического статуса (в том числе и международной правосубъектности) осложняет процесс построения взаимодействия этой международной организации с другими субъектами международных отношений.

Основная часть. Европейский Союз (далее – ЕС) – это международная организация, которая прошла долгий путь от чисто экономического содружества отдельных европейских стран (Европейское объединение угля и стали) до настоящего экономико-политического блока, представленного большинством государств Европы. Современный ЕС последовательно принимает на себя уникальную структуру (относительно мирового опыта интернационального сотрудничества) организа-

ции, стремящейся к предельной унификации экономической, правовой и социальной областей деятельности государств-членов организации. Основными достижениями ЕС следует считать создание единого валютного режима, правовое определение торговых и таможенных отношений между государствами-членами (значительное упрощение передвижения товаров между границами), унификацию и гармонизацию законодательств государств-членов через внедрение института совместного нормотворчества и правоприменения (Европейского парламента, системы судов ЕС).

Однако в настоящее время ЕС сталкивается с серьёзным испытанием собственной основы существования – соотношения сепарации и унификации регулирования поведения государств-членов [1]. Наивысшей точкой кризисности модели европейской унификации, приведшей к резкому росту евроскептических настроений, стал выход Соединённого Королевства из ЕС, что стало первым подобным прецедентом в истории существования данной организации. Отдельные же государства-члены ЕС проводят предельно независимую политику, противопоставляя себя центральной власти ЕС (Венгрия и Словакия – в вопросах построения международных отношений с Российской Федерацией, внутренних вопросах противодействия «европейским» ценностям, Польша – в вопросах национального регулирования миграции и однополых отношений). В столь непостоянной основе достаточно актуальной представляется оценка международной правосубъектности ЕС – определения того, как ЕС способен (и способен ли вообще) взаимодействовать

с другими участниками международных отношений, равных ему по внешнеполитическому статусу.

Обращаясь к разнообразным теоретическим концепциям допустимо отметить, что наиболее распространённый подход к определению международной правосубъектности в широком смысле состоит в том, что это способность быть субъектом международного права, иначе говоря, приобретать права и обязанности в рамках международного права [3]. Такое определение международной правосубъектности в значительной степени сходно с понятием внутригосударственной правосубъектности, сущность которой заключается в наличии правоспособности и дееспособности государства как таковой, то есть возможности потенциально иметь права и обязанности, также способность их осуществлять. Однако некоторые учёные выделяют особенную черту, определённую характеристику, играющую несколько более важную роль в понятии международной правосубъектности в отличие от национальной. Это способность субъекта непосредственно участвовать в создании международно-правовых норм и осуществлять их [4].

В XIX веке и в начале XX века теоретическая научная оценка сводилась к тому, что международной правосубъектностью обладали исключительно государственные образования (причём исключительно «цивилизованные»). Однако на данный момент и классическая и неоклассическая школы международного права придерживаются той точки зрения, согласно которой международная правосубъектность присутствует и у производных субъектов международного права – то есть международных межправительственных организаций. В практическом аспекте (закреплении в правовой норме) это было определено консультативным заключением международного суда Организации Объединённых Наций (далее – ООН) 1949 года [6]. Этим заключением международный суд указал, что международные организации также обладают правосубъектностью, даже если это прямо не указано в уставе организации.

В качестве свойств международных организаций, обладающих международной правосубъектностью, учёные-международники выделяют следующие признаки: во-первых, структура такой организации предполагает постоянное объединение государств с органами управления; во-вторых, различия в юридических полномочиях и целях деятельности между организацией и ее государствами-членами; в-третьих, наличие юридических полномочий, реализуемых на международном уровне, а не только в рамках национальных систем одного или нескольких государств.

Иные подходы оценки международной правосубъектности кардинально не отличаются от

подобного. Так профессор Оксфордского университета, Малькольм Эванс определяет, что преобладающие в науке два подхода к определению международной правосубъектности межправительственной организации – индуктивный (статус международной организации должен вытекать из возможностей, полномочий, прав и обязанностей, закрепленных за этой организацией в её учредительном документе и реализуемых на практике) и объективный (международная организация обладает международной правосубъектностью до тех пор, пока выполняются определенные объективные критерии, установленные договором-уставом-законом), не имеют кардинальных различий, при условии, что члены организации сами придали ей соответствующие характеристики [5]. Как только эти характеристики присваиваются по воле её членов посредством учредительного документа или последующей практики, нормы международного права наделяют организацию международной правосубъектностью со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Так, мы определяем, что международная правосубъектность – это вполне чётко определённая характеристика участников международных правоотношений, которой обладают международные организации, состоящие из государств в качестве постоянных участников, имеющие органы управления и проводящие определённые реализуемые юридические полномочия. При этом важной чертой международной правосубъектности допустимо считать фактическую способность международного нормотворчества.

Для объективной оценки международной правосубъектности ЕС необходимо определить собственно его правовой статус – ту форму объединения государств, с которой мы сможем связать проявления внешнего суверенитета. В своей работе мы уже изначально «предопределили» эту форму как международную организацию, однако, в научной литературе встречаются точки зрения, связанные с оценкой ЕС в качестве конфедерации или эфемерного «союза государств».

Наиболее популярной точкой зрения оценки статуса ЕС является его оценка в качестве международной организации. Международная организация – это учрежденная государствами межправительственная организация, которой её государства-члены передали компетенцию в вопросах, регулируемых внутренними соглашениями и особыми процедурными порядками. Таким образом, органы ЕС функционируют самостоятельно от государственных органов стран-участников организации, относительно независимы и подотчётны только тем структурам, которые определены соглашениями стран-участников (к примеру, Европейской комиссии). В этом смысле весь внешний и внутренний суверенитет ЕС образован переда-

чей со стороны стран-участниц организации собственного суверенитета. Такое восприятие существенно снижает правосубъектность ЕС, низводя её до выражения воли органов управления организацией в целом, а не всех её стран-участников.

Некоторые исследователи приводят оценку сложившегося в ЕС уровня унификации в качестве уровня унификации конфедеративного государства. При такой оценке исследователи воспринимают ЕС в качестве самостоятельного государственного (или государствовидного) образования, способного обладать единой правосубъектностью в рамках всего блока стран-участниц. При этом важно отметить, что конфедеративное устройство, предполагающее распределение внутреннего и внешнего суверенитета между центром конфедерации (принадлежность внешнего суверенитета) и её субъектами (принадлежность внутреннего суверенитета), исключает какое-либо отхождение от такой структуры. И в этом смысле ЕС как объединение государств, обладающих реальными правами «саботировать» общие решения и политики центральных органов европейского объединения, не может быть воспринят нами в качестве конфедеративного государства даже в силу того, что в своих внешних связях страны ЕС выступают самостоятельно.

Союз государств – это предельно теоретический конструкт, предполагающий юридически оформленное военно-политическое или экономическое сотрудничество нескольких государств, проводимое для достижения и защиты общих интересов. В этом смысле исследователи только обращают своё внимание на то, что перед ЕС поставлены некоторые общие цели, и ЕС сам по себе представлен несколькими независимыми государствами. Фактически при такой оценке ЕС не происходит какого-либо практически полезного обособления его правосубъектности. С такой же теоретической и практической значимостью ЕС может быть оценён нами в качестве «содружества», «блока» или даже «экономической лиги». Однако из самого названия такого объединения не следуют особые свойства его международной правосубъектности.

В дальнейшем наше рассуждение будет опираться на восприятие ЕС в качестве международной организации.

В продолжение оценки международной правосубъективности представляется необходимым провести анализ фактического соответствия ЕС критериям международно-правосубъектной организации, определённых нами ранее.

Неполная однозначность вопроса оценки международной правосубъектности ЕС в первую очередь связана с правовыми конструкциями, лежащими в основе объединения этой международной организации. Так, до 2007 года, правовую

основу ЕС составляли несколько соглашений, учредительных договоров, таких как «О Европейском объединении угля и стали»; «О Европейском экономическом сообществе»; «О Европейском сообществе по атомной энергии». Эти три организации составляли так называемые Европейские Сообщества. Также двумя другими «опорами-направлениями деятельности» Европейских Сообществ являлись Общая внешняя политика и политика безопасности и полицейское и судебное сотрудничество по уголовным делам.

В рамках этой сложной системы только договор о Европейском объединении угля и стали предусматривал международную правосубъектность самой организации. Статья 6 этого Договора прямо определяла: «В международных отношениях Объединение обладает правоспособностью, необходимой для осуществления своих функций и достижения целей» [7]. Вопрос о наличии правосубъектности у двух других организаций Европейского Сообщества косвенно решался практикой Европейского Суда, утверждавшего наличие таковой правосубъектности. Международная правосубъектность же двух других «столпов» в оценках теоретиков международного права отсутствовала, так как их форма, в сущности, являлась лишь кооперативными процессами усиления элемента сотрудничества между государствами-членами.

Однако после 2007 года ситуация с международной правосубъектностью стала куда более определённой. В 2007 году был заключён Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (далее – Лиссабонский договор), важный в рамках исследуемой темы тем, что после его вступления в силу ЕС приобрёл полную международную правосубъектность, так как это прямо стало указано в положениях договора. При этом о всеобъемлющей унитарной правосубъектности ЕС говорить неверно, поскольку отдельные организации внутри ЕС обладают крайне спорным положением.

К примеру, Европейское сообщество по атомной энергии, хоть и находится под прямым управлением ЕС, является отдельным международным институтом. Отметим также, что и Европейский центральный банк при определённых условиях может считаться отдельным субъектом международного права, способным заключать международные договоры. Более того, определённые органы и организации, образованные различными дополнительными договорами, существуют как международные субъекты в своих правах и обязанностях, при этом рассматриваются как части ЕС, так как членство в этих организациях ограничено исключительно странами участниками ЕС. В качестве примера таких организа-

ций можно привести Европейские инвестиционные банк и фонд, Европейский Стабилизационный Механизм.

Применительно к оценке международной правосубъектности ЕС отметим, что ЕС обладает возможностью быть стороной международного договора. Эта возможность предельно отчётливо проявляется при анализе различных соглашений. Примером такого договора мы приведём Соглашение о Добровольном Партнерстве (далее – ДПС), регулирующее торговлю древесиной между ЕС и некоторой страной-экспортёром. На примере ДПС ЕС и Республики Либерии, видно, что ЕС является полноценной стороной договора [8].

В качестве организации для проведения сравнительной характеристики, нами был выбран Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), поскольку в настоящее время эта организация, участником которой является Российская Федерация, выступает одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся экономических объединений. Помимо этого, данный союз имеет важное стратегическое значение для развития России и является одним из шагов к становлению концепции многополярного мира. Так в политической оценке отмечено, что в степени глубины интеграции ЕАЭС занимает второе место после ЕС [2].

Сходства в правосубъектности организаций отражаются в следующих позициях: правосубъектность ЕАЭС закреплена в уставе организации; в соответствии с тем же уставом, организация в праве сотрудничать и заключать соглашения с другими государствами и организациями, как самостоятельно, так и с государствами-членами, из этих положений прямо следует разделение воли государств участников и самой организации, аналогично как и в опыте построения такого взаимодействия в ЕС. Также ЕАЭС направляет свою деятельность как на унификацию правовых норм стран-участников, так и на ведение активной внешней политики по сплочению уже вступивших в состав организации членов.

Хотя и декларируемые цели ЕАЭС в большей степени сводятся к экономическому сектору (в соответствии с уставом этой организации) мы не можем отметить существенные препятствия для сравнения этой международной организации с ЕС, поскольку правовые механизмы реализации внутренней и внешней политики организации предельно схожи. Так ЕАЭС как сторона межправительственного договора заключает ряд международных соглашений, таких как Соглашения о свободной торговле с Сербией, Вьетнамом и Сингапуром. Таким образом, международная правосубъектность ЕАЭС допускает участие этой организации в качестве стороны международного договора.

Как можно отметить, хоть ЕАЭС и является интегративной международной организацией, сконцентрированной на экономическом аспекте взаимодействия государств, это не отменяет того факта, что в рамках реализации своей политики организация сталкивается со схожими процессами, которые преодолевал ЕС на этапе создания единого экономического пространства. Целесообразно полагать, что и характер правосубъектности двух организаций крайне схож, что говорит о вполне реальной возможности анализа опыта ЕС для его применения в реализации планируемых ЕАЭС концепций. Спекуляция на тему будущего объединения европейских государств в любом случае будет носить характер предположения, основанного на текущих закономерностях и оценках перспектив развития ЕС. Какое-либо точное прогнозирование в условиях постоянно меняющегося «политического ландшафта» (резкого роста «правых» настроений в ЕС, относимых к евро-скептикам) не будет иметь предельно точного характера. Однако в текущих реалиях мирового опыта развития международных организаций мы можем выделить три сценария трансформации международной правосубъектности ЕС: первый – стагнация; второй – интеграция; третий – деградация.

Стагнация международной правосубъектности ЕС представляется нам наиболее очевидным сценарием вследствие того, что полноценная международная правосубъектность ЕС будет исключать внешний суверенитет стран-участниц ЕС. То есть всякое взаимодействие государства-члена ЕС будет исходить из того, что воля этого самого государства не противоречит воли центрального органа власти ЕС, ответственного за внешнеполитическое взаимодействие. Однако такое существенное ограничение внешнеполитической независимости представляется исключительно «обременительным» для крупных стран (к примеру, крайне трудно представить прохождение процедуры ратификации всех международных соглашений, в которых участвуют Германия, Франция или Италия) или стран, придерживающихся резко противоположных позиций по оценке международного стремления ЕС (к примеру, очевидно, что Венгрия и Словакия в текущих реалиях своего политического устройства совершенно не готовы к утрате своего внешнего суверенитета в пользу передачи его центральным органам власти ЕС). Таким образом, стагнация международной правосубъектности ЕС будет иметь своим выражением «остановку» на текущем уровне интеграции, допускающем ограниченное участие ЕС в международной политике.

Интеграция международной правосубъектности ЕС как сценарий проведения успешной федерализации ЕС будет требовать от стран-у-

частниц объединения общих стремлений к единению своих внешних политик, а также «избавления» от «проблемных» участников ЕС, не готовых расстаться с собственным внешнеполитическим суверенитетом. Достаточно сложно представить, как в ближайшей перспективе сильные в экономическом или политическом отношении европейские государства добровольно бы отказались от собственного положения на международной арене, уступив его центральной власти Брюсселя. Однако определённый идеализм отдельных политических течений исключать невозможно.

Деградация международной правосубъектности ЕС представляет собой наиболее негативный сценарий для «европейской идеи» единения европейских государств в рамках одной организации. Этот сценарий не связан с как таковой международной правосубъектностью в её правовой оценке, он предполагает роспуск ЕС как международной организации (следовательно, и прекращение существования правосубъектности самой организации). Однако нами этот сценарий приведён в качестве потенциально возможного вследствие именно нежелания отдельных политических сил европейских государств способствовать усилению единой центральной власти ЕС. Возможно отметить, что «ведущие» государства-члены ЕС подвержены росту евроскептических настроений (Германия – Альтернатива для Германии, Франция – Национальное объединение), причём евроскептики посредством легальных правовых процедур входят в состав органов унификации ЕС, значительно препятствуя проектам федерализации Европы (Патриоты за Европу). В рамках этого сценария ЕС не может пережить утрату отдельных государств-членов, вышедших из состава объединения в силу роста евроскептических отношений, что приводит к отказу европейских государств от процедур объединения.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что международная правосубъектность ЕС – сложная категория, основанная на различных договорённостях между государствами-членами объединения. Правовой порядок определения пределов возможной меры поведения ЕС на международной арене в качестве независимого игрока может и должен быть использован в интересах эффективной унификации отдельных положений в рамках тех организаций, в которых состоит Российская Федерация.

Список литературы:

- [1] Gazi T. The Refugee Crisis in Europe: An Analysis of the EU's Response and Its Impact on Member States // *Bulletin of Science and Practice*. – 2024. – Vol. 10, No. 1. – P. 355-367.
- [2] Lapenko M. V. EAEU: Economic Integration Space // *Russian International Affairs Council*. – М.:

Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2018. – 112 р.

- [3] Канашевский В. А. Международное частное право: учебник / В. А. Канашевский. – М.: Международные отношения, 2024. – 1184 с.

- [4] Лукашук И. И. Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И. И. Лукашук. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

- [5] Шоу М. Н. Международное право / М. Н. Шоу. – Алматы: Общественный фонд «Ұлттық аударма бюросы», 2019. – 640 с.

- [6] Консультативное заключение «О возмещении ущерба, понесенного на службе ООН» от 11 апреля 1949 г. // *ICJ Reports*. – 1949. – P. 174 et seq., 180

- [7] Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали // Подписан в г. Париже 18.04.1951. Срок действия Договора истёк 23.07.2002.

- [8] Voluntary Partnership Agreement between the European Union and the Republic of Liberia on forest law enforcement, governance and trade in timber products to the European Union // *Official Journal*, – 19.07.2012 – P. 0003 – 0090.

Spisok literatury:

- [1] Gazi T. The Refugee Crisis in Europe: An Analysis of the EU's Response and Its Impact on Member States // *Bulletin of Science and Practice*. – 2024. – Vol. 10, No. 1. – P. 355-367.

- [2] Lapenko M. V. EAEU: Economic Integration Space // *Russian International Affairs Council*. – М.: Некоммерческое партнерство «Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam», 2018. – 112 p.

- [3] Kanashevskij V. A. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik / V. A. Kanashevskij. – М.: Международные отношения, 2024. – 1184 с.

- [4] Lukashuk I. I. Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast' : ucheb. dlya studentov yurid. fak. i vuzov / I. I. Lukashuk. – М. : Volters Kluver, 2005. – 432 s.

- [5] Shou M. N. Mezhdunarodnoe pravo / M. N. Shou. – Almaty: Obshchestvennyj fond «Ұлттық аударма byuroсы», 2019. – 640 s.

- [6] Konsul'tativnoe zaklyuchenie «O vozmeshchenii ushcherba, ponesennogo na sluzhbe OON» ot 11 aprelya 1949 g. // *ICJ Reports*. – 1949. – P. 174 et seq., 180

- [7] Dogovor ob uchrezhdenii Evropejskogo ob"edineniya uglya i stali // Подписан в г. Паризе 18.04.1951. Срок действия Договора истёк 23.07.2002.

- [8] Voluntary Partnership Agreement between the European Union and the Republic of Liberia on forest law enforcement, governance and trade in timber products to the European Union // *Official Journal*, – 19.07.2012 – P. 0003 – 0090.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-224-234

РАГИМОВ Абдула Александрович,
кандидат философских наук, доцент кафедры
«Философии и истории»
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский
университет» Россия, г. Махачкала,
e-mail: mail@law-books.ru

РАМАЗАНОВА Алина Аслановна,
студентка Лечебного факультета
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский
университет» Россия, г. Махачкала,
e-mail: alinaram2306@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА

Аннотация. Представлен анализ роли ислама в жизни Арабского Востока и исследования основных течений арабоязычной средневековой культуры, формирования научного мировоззрения относительно общественного и государственно-правового устройства. Анализируются главные течения рационализма в трудах философов Востока и их вклад в европейскую культуру. Особое внимание уделяется идеям о государственно-правовом устройстве, происхождении общества, государства и власти, а также путям достижения счастья и функционирования государства, основанного на законе и справедливости. Подчеркивается актуальность идей философов Востока для современной общественности.

Ключевые слова: Ислам, арабский восток, государственно-правовая мысль, рационализм, философия, средневековье, общественное устройство, политическая мысль, право, справедливость, восточная мудрость.

RAHIMOV Abdula Alexandrovich,
PhD, Associate Professor of the Department
of Philosophy and History
Dagestan State Medical
University, Makhachkala, Russia

RAMAZANOVA Alina Aslanovna,
a student of the Faculty of Medicine
Dagestan State Medical
University, Makhachkala, Russia

FORMATION AND DEVELOPMENT OF STATE-LEGAL THOUGHT IN THE COUNTRIES OF THE ARAB EAST

Annotation. An analysis of the role of Islam in the life of the Arab East and the study of the main currents of Arabic-speaking mediaeval culture, the formation of a scientific worldview regarding the social and state-legal structure are presented. The main currents of rationalism in the works of philosophers of the East and their contribution to European culture are analysed. Particular attention is paid to the ideas of the state-legal structure, the origin of society, the state and power, as well as the ways of achieving happiness and the functioning of the state based on law and justice. The relevance of the ideas of the philosophers of the East for the modern public is emphasised.

Key words: Islam, Arab East, state-legal thought, rationalism, philosophy, Middle Ages, social structure, political thought, law, justice, Eastern wisdom.

Введение

Арабская философия средневековья, развивавшаяся в эпоху Восточного Ренессанса, оказала значительное влияние на мировую общественность, включая страны Кавказа и Дагестан. Возродив греческое античное наследие и наполнив его новым содержанием, она внесла вклад в развитие науки и культуры. Актуальность темы обусловлена попытками современных стран воплотить в жизнь государственно-правовые принципы, заложенные в прошлом. Исследование направлено на анализ влияния государственно-правовой мысли стран Арабского Востока на мировую общественность и рассмотрение синкретичного представления о человеке и природе в средневековье. В работе использованы учебные пособия, монографии, периодическая литература и философский словарь. Задача исследования – проследить влияние развития государственно-правовой мысли в странах Арабского Востока на будущее стран Востока, Европы и всего мира.

1. Основные течения в арабском средневековье

Для того чтобы лучше понять умонастроение людей арабского средневековья, необходимо ознакомиться с течениями, получившими развитие в тот период. В арабском средневековье (IX–XII) можно выделить несколько основных течений: **калам, перипатетизм, исмаилизм и суфизм**.

Первоначальное формирование средневековой парадигмы происходило в учениях **мутакаллимов**. Основоположник течения Васыл ибн Ата. Данное течение не было единообразным течением, на различные вопросы существовали противоположные точки зрения: «Известен и описан в литературе дух спора и полемики, характерный для калама, особенно на начальном (мутазилитском) этапе его развития, когда на устраивающихся мутакаллимами собраниях-диспутах (маджалис) присутствие оппонентов (в том числе немусульман) приветствовалось и всякий волен был отстаивать свою позицию. Однако уже на мутазилитском этапе сформировались определенные принципы, следование которым было обязательно для каждого, кто хотел считать себя мутакаллимом. Эти принципы заключались в признании 1) единобожия, 2) божественной справедливости, 3) «обещания и угрозы», 4) «срединного положения», 5) «обязанности добрых дел...» [3].

Степанянц М.Т. пишет следующее: «В спорах и дискуссиях мутакаллимов формировалось проблемное поле средневековой арабской философии» [4].

Гуськов Е.П., занимавшийся проблемами коммуникативности, отмечал, что: «Коммуникативность — это способность живой системы рас-

шифровывать физические и химические сигналы, индуцированные другим организмом как информацию, изменяющую поведение особи и социальной группы» [5]. Гуськов Е.П. даже считает, что утрата природной коммуникативности неизбежно ведет к деградации того или иного вида. Думается, такое же влияние общение оказывало и на средневековую мысль Востока.

Доктрины мутакаллимов опираются на две посылки: убеждение в трансцендентности и единстве Бога и индивидуальной свободе человека, что влечет непосредственную ответственность за свои поступки. Положение об индивидуальной свободе человека очень распространено и в наши дни. Так, в УК РФ 1996г. закреплен принцип назначения наказания посредством индивидуализации, который означает, что каждый осужденный должен нести ответственность в соответствии с характером и степенью общественной опасности преступления, а также личностью преступника и конкретных обстоятельств дела, т.е. индивидуально.

Мутакаллимы верили в единство и единственность Бога и в многообразие и зависимость от него сотворенного мира. Они же утверждали и срединное положение человека в системе отношений между богом и человеком, он является, по их мнению, центральным элементом, необходимым как для Бога, так и для мира. Не будь человека, существование остального естества было бы сомнительным: «Создаваемая средневековым философским мышлением картина мира представляется своеобразной «пирамидой», вершина которой (Бог-абсолют) связана с основанием (мир-макрокосмос) через промежуточное сечение (человек-макрокосмос), структурно необходимое и обязательное» [6].

Мутакаллимы выбирают принцип «божественной справедливости», означающий, что всякое воздаяние справедливо, а такое возможно лишь в том случае, если человек свободен при выборе своих поступков: «Положение о свободе воли, выдвинутое мутакаллимами, не только выделяло человека из мира, но и делало его в какой-то степени богоподобным: он должен строить свои действия свободно и с учетом данного ему знания» [7].

Следующее анализируемое течение арабоязычный **перипатетизм**, который в основном рассматривается как продолжение греческой традиции в новых исторических условиях. О вкладе в европейскую культуру говорится следующее: «В европейской истории естествознания, медицины и философии еще с XIX в. считается общепризнанным, что своим первым знакомством с наукой и философией, трудами Платона, Аристотеля, неоплатоников Европа обязана восточному пери-

патентизму и в особенности трудам выдающегося центральноазиатского философа, врача естествоиспытателя Ибн Сины. Во многих исследованиях он считался самым крупным и едва ли не единственным восточным мыслителем, представившим европейцам систематизированную версию аристотелизма» [8].

«Значительное влияние на европейскую схоластическую философию, а позднее и на философию нового времени оказала арабоязычная философия, крупнейшими представителями которой были Авиценна (Ибн Сина, 980-1037) и Аверроис (Ибн Рушд, 1126-1196)» [9], — таково мнение С.Ш.Муслимова и А.Н. З.Дибирова, с чем мы солидарны.

Аверроис признавал бессмертие общечеловеческого разума: «Полемизируя с исламской догматикой, Аверроис отрицал бессмертие индивидуальной души, считая, что она гибнет вместе с телом. В то же время он допускал бессмертие общечеловеческого, надличностного разума, подобного божественному разуму» [9]. Ученый планомерно отстаивал свои жизненные позиции: «В трактате «Опровержение опровержения» он отвергал нападки теологов на философию, отстаивая права разума в познании. Им поведено разграничение рациональной религии, доступной немногим образованным, и образно-аллегорической религии, доступной всем, что явилось одним из источников теории двойственной истины» [10]. Роль Аверроиса в развитие философской мысли средневековой Европы можно выразить следующими словами: «Учение Ибн Рушда оказало большое влияние на развитие философского свободомыслия в средневековой Западной Европе (Аверроизм)» [11].

Арабоязычные перипатетики опирались на естественнонаучные идеи, вплотную подходили к материализму, но все же находились под влиянием «божественного начала», которое является неотъемлемой частью их философии. Бог един, вне мира и непричастен к множественности вещей. Но в то же время он — перводвигатель всего сущего. Первым творением Бога является Первый Разум, понятие которого в перипатетизме внутренне противоречиво. Единый и вечный творец вынужден стать множественным, дабы сотворить Первый Разум и через него весь мир. Рационализация понятия единой божественной сущности с множественным миром оказывается невозможной.

Следующим представителем перипатентизма был аль-Фараби. Нельзя не согласиться с мнением А.Н. Нысанбаева: «Таким образом, теория умозрительного познания аль-Фараби убедительно показывает, что уже в эпоху Арабского халифата и восточного перипатентизма аль-Фа-

раби высказал справедливую и продуктивную идею о роли и задачах диалогического обмена мнениями и выработки общей точки зрения в процессе обсуждений и дискуссий. Вот почему вполне естественно, что в наше время, когда возрастает значение общественных обсуждений и дискуссий в различных областях политики, науки, религии и культуры, направленных на достижение согласия и общего решения той или иной проблемы, вклад средневекового восточного перипатетика в философскую теорию диалога обретает самое актуальное звучание» [12]. Таким образом, идеи развития диалога и общения в этот период также имеют место.

Перипатетики не выдвигали дуалистического противопоставления философии и религии, считали их равноценными. Единство мира они объясняли их сотворением Первопричиной: «Гармонизирующим принципом становится мировая иерархия господства одних вещей и подчинения других, причем структура иерархии, мера ценности и доминирования той или иной вещи обуславливается степенью ее приближенности к Первому Сущему или удаленности от его благодати Единого» [13]. Этот же порядок должен быть воспроизведен и в социально-политических структурах. Возглавляет иерархию идеальный правитель, достигший во всем совершенства. Кроме того, подчеркивается его ответственность за благополучие подданных, правитель руководствуется текстом ислама и человеческой мудростью. Мир перипатетиками воспринимается как божественное творение.

Далее появляется новое течение **исмаилизм**, представителями которого являлись аль-Кирмани, аль-Хамиди, аш-Ширази и др. Умопостижение знания они делят на явное и внутреннее. Внутреннее, скрытое знание постижимо через внешнее. Иерархизация мироздания достигает у исмаилитов апогея, у которых иерархизированы роды сущего. На верхней степени находится вид, являющийся высшей степенью благородства. Человек же вообще выделяется из всего земного шара, возвышаясь над ним, становится подобным Первому Разуму. Но и в человеческом роде есть наиболее совершенные особи.

Дилемму, стоявшую перед мутакаллимами, они разрешали следующим образом: «Исмаилиты отказываются от попыток рационального объяснения непосредственной зависимости существования мира от единого бога и вставляют в цепь причинного восхождения к творцу иррациональное звено — Бог творит (как, почему? — спрашивать бессмысленно) Первый Разум, а уж из него посредством эманации образуется все мироздание» [14]. Так они решают проблему сведения множественного мира к единству.

Ал-Кирмани считал, что Бог лишен всякой атрибутики: «Исмаилиты отрицали за Богом все без исключения атрибуты и утверждали, что тот не находится ни в состоянии бытия, ни небытия» [15]. Огромное значение придается разуму. Признается семеричная иерархия бытия: Бог, Мировой Разум, Мировая Душа, первичная материя, пространство, время, Совершенный человек.

Представителем следующего течения — **суфизма** — являлся Ибн Араби. Степанянц отмечает причины возникновения нового течения, которые коренятся в следующем: «Мистическое направление в мусульманской культуре — суфизм был продуктом элитарного сознания и в то же время «народной» религией; служил формой социального протеста против господствующей социальной системы и подкрепляющей ее официальной религиозной — доктрины, он использовался также для умиротворения верующих, подавления их социальной активности» [16]. Рациональному мышлению противопоставлял иррационализм, одна из разновидностей религиозного свободомыслия. Призыв отказаться от земных страстей, следовать примеру аскетов, восхвалял поэтов-жизнелюбов Низами, Омара Хайама, Руми и др.

Смирнов А.В., пишет также, что уже тогда предусматривалась ответственность человека за все зло, творимое им: «Коранический текст изобилует рассказами о людях и целых народах, наказанных или истребленных Богом за непослушание. Человек одновременно - царь земли и безропотный слуга Бога, несущий суровую ответственность за свои поступки» [17]. Говоря об ответственности, философ развивает положение о справедливости, которая возможна в случае свободных действий людей и поступки: Признать абсолютную адекватность воздаяния за предопределенность действий людей — значит признать ответственность Бога за совершенное ими зло, но ведь творить зло Бог не может.

Проанализировав основные взгляды философов арабского средневековья, теперь нам легче будет разобраться в путях формирования государственно-правовой мысли.

2. Формирование зачатков государственно-правовой мысли в средневековом Арабском Востоке

В общественной и политической мысли Арабского Востока можно выделить 3 рациональных направления, в которых развиты взгляды на государство и право: умозрительный рационализм (выражен во взглядах на общество и политику фаласифа — продолжателей античных интеллектуальных традиций); прагматическое

(особый жанр словесности «поучения владыкам»); реалистическое - социологическая рефлексия Ибн Халдуна и его последователей.

Развитие государственно-правовой мысли первоначально происходило в недрах **умозрительного рационализма**. Философы, относящиеся к данному течению, были заняты поисками идеального объединения людей. Идеальные общества представителей умозрительного рационализма: Добродетельный Град ал-Фараби, Духовный Град «Братьев чистоты», Справедливый Град Ибн Сины, Совершенный Град Ибн Баджи, Добродетельный Град Ибн Рушда.

Ибн Баджа конструирует идеальный Град через навязывание человеческому объединению «идеальных и обязательных» структур. Он рисует образ Совершенного города, противопоставляя ему город телесный, украшательства, воображения и памяти.

В телесном городе все действия жителей направлены на создание телесных форм - пища, питье, платья - все, к чему стремятся горожане. Город украшательства ориентирован на духовные формы, которые содержатся в сексории, совместном чувствилище. Данный вид города можно практически приравнять к телесному, отличие в том, что здесь те же вещи, но только, имеющие определенную окраску, например, окраска одежды (хисс муштарак). Горожане схожи с жителям телесного города, но они в большей степени стремятся к духовному. Город воображения (тахайюл) отличается хорошие отношения людей между собой, доброжелательность. Жилье, одежда, внешняя атрибутика призвана украшать, удивлять, придавать определенную окраску. Сюда же относится дар горожан к красноречию, их доброжелательность, хорошее обращение. Город памяти призван фиксировать все то, что уже было накоплено и сотворено предыдущими типами городов. Накопление происходит в монументах, книгах, поэмах, призванных сохранять духовную форму. Несовершенные города образуют иерархию от более низкого к высшему.

Развивая государственно-правовую теорию, Ибн Баджа основное значение уделял человеку как общественному существу: «Иби Баджа опирается на положение о том, что человек по своей природе — существо гражданское, общественное, политическое — «мадани» (от «мадина» «город», на арабском означало то же, что полис у древних греков). Объединение в городах является естественной потребностью — с этой мыслью свыклись все просвещенные люди средневековья» [18]. Несовершенство городов, по его мнению, заключается и в их многочисленности. Естественно, объединение людей, в котором вопло-

щена Истина, подлинное понимание мира, человека и общества — идеальное, поскольку человек является существом общественным и вне общества жить не может. Истинный город — это Совершенный Град.

Люди, по мнению Ибн Баджи, также различны по степени проницательности ума. Каждый человек видит истину по-разному. Непосредственное видение, без всяких преград, — истинное счастье. Достичь истинного счастья можно только в случае объединения людей в Граде, где они совместно будут стремиться к совершенству. Гарантеей счастья людского выступает коллективизм, совместный труд, раскрытие знаний.

Совершенный Город — это город, где царит любовь, нет вражды, брани, нет института судей. Все ведут себя разумно, бережно относятся к своему здоровью, занимаются физическими упражнениями и соответственно нет необходимости во врачах. Взгляды горожан истинны, а действия добродетельны. Они занимаются тем же, что и жители других городов, только им еще и не чужды искусства, науки, отдых, развлечения. Задача горожан — достичь счастья всех обитателей. Как близки данные идеи мечтам стран социалистического лагеря.

Ибн Баджа подразделяет град и жителей на пять групп, согласно иерархичному принципу, который не должен служить делению людей на высших и низших, а призван отображать иерархию целей, стоящих перед государством. Таким образом, в основу положена не экономическая или политическая, а функциональная градация, преследующая цель общественного разделения труда между жителями города.

Классифицируются жители на следующие группы:

- 1) люди с совершенными органами и хорошим здоровьем — рабы по природе,
- 2) люди, имеющие совершенные внешние «орудия»: инструменты, одежды, украшения;
- 3) люди, наделенные «формальными добродетелями» — скромностью, благородством, хитростью, которые приближаются к совершенным людям, но не достигают их совершенства, подобными им качествами обладают и животные, человек проявляет гибкость, приносившаяся к различным ситуациям;
- 4) люди, обладающие «умственными совершенствами», обладающие истинным мнением, способные дать верный совет, профессионалы в своем деле, сюда относятся профессионалы практики и теоретики;
- 5) мудрецы, правители, философы, призванные ориентировать подданных, устанавливая определенные обычаи.

Подобное подразделение города и горожан является утопичным. Душа у философа рассматривается в отрыве от общественной реальности.

Следующий представитель данного течения — Ал-Фараби. Его основные произведения: «Трактат о взглядах жителей добродетельного города», «Гражданская политика», «О достижении счастья», «Трактат об органах человеческого тела», — в которых он проводит идею единства строения Града и космоса со строением человеческого тела, она является одной из главных идей его творчества. Для Ал-Фараби характерно и следующее: «Индивид у него — отправной пункт, пусть даже и нравственно важный. Но спасение этот индивид получает только через социальное сознание, через Город, народ, через человеческий род, как гарант родового бессмертия» [19].

М.Т. Степанянц видит в работе философа творческое начало: «Незадолго до кончины, в возрасте 70 лет, Ал-Фараби завершил «Трактат о взглядах жителей добродетельного города» («Китаб ара ахл ал-мадина ал-фадила»), в котором попытался воссоздать схему развития мироздания от начала до возникновения человеческого общества и изложить свое видение идеального общественного устройства, творчески препарировав при этом идеи Аристотеля и Платона» [20].

Философ дает следующее понятие добродетельного общества: «Город, в котором объединение людей имеет своей целью взаимопомощь в делах, коими обретается истинное счастье, является добродетельным городом, и общество, где люди помогают друг другу в целях достижения счастья, есть добродетельное общество» [21].

Общество, по мнению Фараби, может стать «добрым», если во главе него находится такой же добрый владыка, причем признавалась роль перевоспитания как один из способов совершенствования общества. Подобные идеи были широко распространены в СССР. Так, в УК 1960г. говорилось, что основные цели наказания заключаются в перевоспитании преступника. В наше время законодатель отказался от этого, что, возможно, является неправильным: «Добродетель владыки, руководствующегося разумом в целях нравственного самосовершенствования, имеет следствием добродетельность всех людей. В результате — позитивное изменение общества» [22].

В «Трактате о взглядах жителей добродетельного города» мыслящую (мыслительную) силу автор определяет как силу, посредством которой человек «воспринимает умопостигаемые объекты интеллекции, отличает красоту от уродства и обретает искусства и науки: «Цель дости-

жения счастья требует теоретического обоснования, и автор органически увязывает этику и политику с теорией познания» [23].

Развивается идея доброй воли, соблюдения норм права как привычке: «Благородные поступки, совершаемые (1) по доброй воле, а не случайно, и (2) систематически, на протяжении всей жизни, формируют прекрасный нрав. Поэтому большое значение придается привычке как фактору, способствующему его выработке» [23]. Человек даже не осведомленный в науках, если его поведение соответствует прекрасному, ближе к философии, чем тот, кто прочитал книги по различным отраслям знания, но не согласовывает свои поступки с прекрасным. Причем, для того, чтобы быть свободным, человеку необходимо наличие альтернативы: «Реальное свободное действие человека выступает прежде всего как выбор альтернативных линий поведения. Свобода есть там, где есть выбор: выбор целей деятельности, выбор средств, ведущих к достижению целей, выбор поступков к определенной жизненной ситуации и т.д.» [24].

Кроме того, в линии поведения человека должно формироваться представление об ответственности за все его поступки: «В обществе человеку свойственно для своей пользы обращать внимание на то, что в совокупности действий, которые должны были бы быть сделаны, имеются поступки, которые не следует совершать. Это он познает в детстве и воспитывается на этом, а затем он привыкает слышать, что он не должен совершать эти поступки пока наконец это убеждение не станет для него естественным» [25].

У Ибн Рушда в произведении «Метафизика» единство мира объясняется через единство идеально организованного социума: с Миром дело обстоит так же, как с Градом Добрых Людей (Маина ал-Ахияр).

Рассуждая о мировых проблемах, философия пользуется методом аналогии: «Аналогия — глубинная основа всех рассуждений арабо-исламских философов. И поэтому «практическая философия», или политика, в их интерпретации выступала своеобразной социологией, по которой достижение счастья как цели человеческого существования возможно исключительно при условии реализации в социуме принципов космической гармонии» [26].

Главное в человеческой жизни — инстинкт самосохранения, что отмечается в диспуте Луначарского с Митрополитом А.И.: «Охранение своей жизни, чувство самосохранения есть могучее животное чувство, присущее человеку, и мысль человека, еще с младенчества, не могла не работать над этой проблемой» [27]. Основным способом самосохранения — это совместное по принципу стадности единение людей, занятых взаимной выручкой и поддержкой.

Целью фаласифа, как видно из вышеизложенного, является «всеобщее счастье». Фаласифа уверены, что счастье достижимо, если хорошо спланировать жизнь людей. В данном

случае игнорируются индивидуальные стремления людей, в обществе неравенство, порожденное различными интеллектуальными способностями. Оправдан идеологический диктат. Основа всего — умозрительный рационализм.

Умозрительный разум отличает человека от других живых существ. Человек способен не только свободно действовать, но и принимать меры предосторожности: «Он способен принимать меры предосторожности против ущерба, который может быть нанесен со стороны общества, что мы разъясним в свое время, а также способен свободно, по своей воле, действовать в обществе» [28].

Ярославский прямо говорит о том, что только коммунизм способен дать действительную свободу воле человека: «Коммунизм, который строит человеческие взаимоотношения на общем интересе, на взаимопомощи и общественном производстве, который создает условия для общественного хозяйства и тем самым устраняет возможность в будущем эксплуатации человека человеком, создает впервые условия для нравственности, основанные на действительной свободе» [29]. Возможно, он прав.

Второе течение — **прагматический рационализм** отражен в жанре литературы — «поучениях владыкам». Жанр возник из-за потребности управления громадным неоднородным государством. Авторы «поучений» выдвигали задачу нравственного совершенствования властителей, а задача преследовалась политическая, т.е. управления обществом. Общественное благо возможно только в случае совершенствования самого владыки, правителя. Надо в первую очередь перестроить себя, а потом уже браться за своих подданных.

К основным произведениям прагматизма относятся: «Трактат о приближенных» Ибн ал-Мукаффы, «Поучение владыкам» Абу-л-Хасана ал-Маварди, «Чистейшего золота поучение владыкам» Абу Хамида ал-Газали и др. Рационалистическая основа, всеобщая польза и справедливость являются идеальной политикой, изображаемой в «поучениях». Призывали к извлечению пользы из политической истории, в том числе из истории немусульманских народов. Почти во всех произведениях есть разделы, посвященные нравам правителя. Мораль являлась, по их мнению, частью достижения успеха политики. Искусство успешной политики в самосовершенствовании правителей. Подданные должны воспроизводить поведение правителей и воспроизводить их поступки. Каков исток, таковы будут и реки. Движение к рационализму прослеживается у ал-Маварди. Он излагает представления об известных ему источниках человеческих нравов, которые, по

его мнению, должны быть уравновешены в человеке, кроме того, они должны быть осознаны. Нравы делятся на врожденные и приобретенные. Преимущество отдается приобретенным, поскольку они более «достохвальны».

Основная цель прагматиков в совершенствовании правителя: «Но все рассуждения ал-Маварди о нравах и социально значимой роли добродетелей (особенно у владык) потеряли бы смысл, если бы он игнорировал цель — преобразование социума через нравственное совершенствование правителей, и средство ее осуществления — разум. Возможность изменения — это, в сущности, та посылка, из которой исходили все авторы «поучений»: им была свойственна своего рода активная жизненная позиция» [30]. Он считал, что порочного человека можно перевоспитать.

Законы природы переносятся на общественное устройство. Городом управляет правитель, причем: «Управление выпадает на долю того, кто предрасположен к нему от природы» [31]. Правитель должен сочетать в себе 12 врожденных природных качеств. Добродетельному городу противопоставлен город невежества. Жителям такого города не свойственно стремиться к счастью, правители руководят городом для удовлетворения собственных страстей.

В произведениях «поучения владыкам» развивались относительно научные представления о жизни общества. Ал-Маварди используя рационалистический метод стремился объяснить смену государственных образований на Востоке, его эволюция представляет определенный интерес. Эту задачу в последующем решил Ибн Халдун. Держава проходит, по Ал-Маварди, три этапа: на первом она сурова, подчиняет себе людей, на втором уже нет надобности в жестоком правлении и она уже мягка с подданными, на третьем государство вновь слабеет, т.к. появляются понятия честности и несправедливости. Он рассматривает процесс перехода власти от одного правителя к другому.

Смена власти происходит в разных формах. В начале устанавливается новая держава на религиозной основе. Это происходит по трем негативным причинам:

1. Старым государством начинают править те, кто не является «людьми религии». Подданные готовы отдать державу тем, будет «людьми религии».

2. Правитель, относясь к людям религии, тем не менее, начинает пренебрегать ею, население перестают подчиняться ему.

3. Глава вносит осуждаемые нововведения в религию, это ведет к крушению державы.

Развитие как бы идет по кругу: несправедливость приводит к восстанию, новая власть со вре-

менем деградирует, вызывая взрыв со стороны населения, поэтому устанавливается новое государство.

Если государство отходит от веры, и появляется человек, стоящий за веру, то ему повинуются, так же, как и богу. Его положение крепко.

При второй форме смене власти — установление новой власти посредством свержения старой происходит вследствие ослабления державы при пренебрежительном отношении к государственным делам или в силу невозможности управлять делами. Возникает несправедливая держава, обреченная на гибель.

Может быть третий вариант, когда новая власть силой свергнет старую посредством восстания самоотверженных масс. Руководство при этом передается человеку достойному, благородному.

Третье течение рационализма — **рационализм реалистический**, — характерен творчеству Ибн Халдуна. У него новый подход к проблемам общества и государства. Общество трактуется им как сложное самообразование, находящееся в постоянном, независимом изменении.

Движения общества неизменны и утопические теории для него неприемлемы. По мнению Ибн Халдуна, человеческое общество возникает вследствие объективной необходимости добывания людьми средств к существованию, обеспечения их безопасности перед лицом природы.

Самое значительное произведение философа — «Большая история», особенно знаменито «Введение» к «Большой истории» — «Мукаддима», где содержатся взгляды арабского мыслителя на социальную природу человека, на его познавательные способности, на закономерности эволюции (пять фаз) развития государства. Автор пытается найти способы, необходимые для успешного управления государством.

Человек отличается от других живых существ благодаря способности мыслить. Кроме того, человеку характерна потребность в правителях и в насильственной власти, т.к. существование человека невозможно без этого.

Общественная жизнь людей: «Это — совместная жизнь, совместное поселение в городе или сельской местности, которое объясняется склонностью людей к объединению, и (совместное) удовлетворение людьми своих потребностей, ибо человеческой природе присуще стремление к взаимной помощи в (приобретении) средств к жизни...» [32]. Объединение для человека жизненно необходимо. Государство проходит различные фазы и состояния. На каждой фазе жители имеют различные нравы. Первая фаза — фаза победы, когда власть вырывается у предшествующей династии. Правитель и народ

едины. На второй фазе правитель — верховный владыка, один держит в руках власть. Нанимает воинов, приобретает зависимых людей. Задача его трудна. Третья фаза — фаза спокойной жизни, когда собирают плоды царствования. Увеличиваются налоги, придворные в роскоши. Это последняя фаза, на которой правители обладают всей властью, создают мощь. Четвертая фаза — время довольствия и умиротворения. Правитель доволен, живет со всеми в мире. Пятая фаза — фаза растрат и расточительства. Правитель теряет все, накопленное предками, стремлением к наслаждениям. Выбирает дурных друзей, поручая им важные дела и обрекая все на провал, т. к. они, как правило, оказываются в них не сведущими.

Близкие ему знатные люди проникаются к нему ненавистью, бросают его на произвол судьбы. Его войско распадается. Наступает старость и болезненное состояние династии, она идет к верной гибели. Управление государством требует знания жизни. Ученые-богословы и люди, стремящиеся руководить обществом, пытаются свести общественную жизнь к отвлеченным понятиям и поэтому совершают ошибки. Простолюдин более близок к реальной жизни, у него здоровый взгляд на мир, он ощущает реальность.

Таким образом, общество в своем развитии проходит два этапа: примитивности (бидава) и цивилизации (хидара), которые отличаются способом добывания средств к существованию и их последующем потреблении. Причем возможны случаи их сосуществования, а также эволюционирование общества путем захвата избыточных средств у другого общества. Нельзя не согласиться с тем, что «Движение общества от состояния примитивности к цивилизации — одновременно и движение от отношений равенства и первобытной демократии к отношениям господства и подчинения» [33].

На этапе примитивности люди объединяются по кровному принципу, руководство, как правило, передается по наследству. Источником власти-владения по Ибн Халдуну, власти, основанной на неравенстве, является не только появление избыточного продукта, но и естественное стремление людей обладать «земными благами». Это целиком приложимо и к государству, которое возникает как власть одних над другими. Государства возникают в основном в результате захвата одного общества другим. Государство для Ибн Халдуна — это династическая ксенократия.

На первом этапе государством управляет асабия (род, племя), захватившее территорию и находящиеся там материальные ценности. Там господствует примитивный демократизм. Далее отношения между ней и главой рода становятся антагонистическими, т. к. появляется мулк («власть

владение»). Стремясь укрепить свою власть правитель создает новую асабию, основанную на материальных привилегиях. Государство становится чуждым своему народу, основная функция его сводится к воспроизводству собственного существования. Таким образом, государство подписывает себе смертный приговор. Одновременно асабия заменяется наемным войском, это приводит к необходимости выплаты им жалованья, которое порождается налогами, взимаемыми с населения. Государство начинает вмешиваться в хозяйственную жизнь, вводятся новые налоги, осуществляется контроль над торговлей. Ибн Халдун высказывает мысль об определенном возрасте государства, примерно 120 лет. Сравнивает жизнь государства с жизнью человека, который рождается, растет, крепнет, хиреет и умирает. Хотелось бы закончить вопрос следующими словами: «И самый надежный и верный взгляд на управление — прямой взгляд на отношения людей между собой, и улучшение его средств к жизни, и устранение напастей и вреда» [34].

В. Бурлакова, занимавшаяся исследованием социальных циклов, очень верно подмечает следующее: «Социальная цикличность, взятая в особых исторических контекстах, способна наглядно продемонстрировать социокультурные механизмы функционирования и развития данного общества, показать причины его устойчивости, импульсы саморазвития, то есть раскрыть гибкие связи новаций и традиций» [35].

Заключение

Роль ислама в жизни Арабского Востока невозможно переоценить, вся жизнь арабского мира была, да и сейчас основана на нем: «Ислам как основная форма выражения культуры средневековья, как функционирующая форма общественного сознания того периода, охватывал различные стороны общественного бытия, воздействовал на все другие формы общественного сознания, на систему массовой информации, политическую жизнь общества и служил социально-духовным механизмом соединения нормативной и санкционированной культуры с остальным духовным производством, выполнял важнейшие функции по соединению идеологического с мифологическим, элитарного с массовым» [36].

В работе «Формирование и развитие государственно-правовой мысли в странах Арабского Востока» мною исследованы основные течения арабоязычной средневековой культуры, прослежены основные этапы формирования научного мировоззрения касательно общественного и государственно-правового устройства. Далее проанализированы главные течения рационализма, последовательно развивающиеся в трудах вели-

ких философов Востока. Вклад в европейскую культуру был весьма существенным: кроме возрождения античной греческой традиции, в мыслях и идеях арабских философов можно заметить ряд положений, актуальных во все времена и во всех обществах. Так, безусловно, значительна роль коммуникации, диспутов в выработке наиболее оптимального решения в любом споре.

Арабские философы пытались найти истину: то ли в споре, то ли, исследуя опыт предшествующих поколений, - это, несомненно, верный подход к проблематике. Особо интересна точка зрения ученых-мыслителей Арабского Востока, касающаяся государственно-правового устройства. Так, практически все мыслители пытаются рационально объяснить происхождение человеческого общества, государства, власти правителя.

Образовавшись, государство должно нормально функционировать, поэтому они ищут способы достижения этого, а также заняты путями поиска человеческого счастья. Счастье, по их мнению, достижимо в городе, основанном на законе, справедливости, свободы волеизъявления людей. Где каждый человек занят всеобщим благом. И обществом правит достойный глава.

В целом идеи утопичны, хотя общества наших дней (социалистические страны) пытались на практике осуществить этот замысел. В нашей стране, к сожалению, он не осуществился. Не сверни наше государство с намеченного после Октябрьской революции пути, в случае действительно добросовестного отношения правителей и людей к окружающей действительности, возможно, мечта арабских мыслителей воплотилась бы в реальность у нас. Но основополагающие идеи философов Востока были и будут оставаться у общественности на вооружении. Ведь мудрость наших предков, в особенности восточная, непрекаема и авторитетна.

Список литературы:

- [1] Философский словарь под ред. Фролова И.Т. Издание пятое. М. Издание политической литературы. 1987. с. 27;
- [2] Дрейер О.К., Лось В.А. Глобальные проблемы и «Третий мир». М. «Наука».
- [3] Главная редакция восточной литературы. 1991. с. 22;
- [4] Смирнов А.В. Великий шейх суфизма. Опыт парадигмального анализа философии Ибн-Араби М. «Наука». Изд. «Восточной литературы». 1993. с. 14;
- [5] Степанянц М.Т. Восточная философия. Вводный курс. Избранные тексты.
- [6] 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва. «Восточная литература»
- [7] РАН.2001. с. 375;

[8] Гуськов Е.П. Коммуникативность как фактор органической эволюции //Вестник московского университета 2002.№1. с. 8;

[9] Смирнов А.В. Великий шейх суфизма. Опыт парадигмального анализа философии Ибн-Араби М.

[10] «Наука». Изд. «Вост. лит». 1993.с. 29;

[11] Смирнов А.В. Великий шейх суфизма. Опыт парадигмального анализа философии Ибн-Араби М.

[12] «Наука». Изд. «Вост. лит». 1993.с. 30;

[13] Нысанбаев А.Н. Средневековый арабоязычный перипатетизм и исламская религиозная традиция /Вопросы философии. 2002.№3. с. 124;

[14] Философия. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений под общей редакцией Муслимова С.Ш. и А.Н.З. Дибирова. Издательско-полиграфический центр ДГУ. Махачкала. 1996. с. 34;

[15] Спиркин А.Г. Философия. Издание второе. Гардарики. М. 2003. с. 88;

[16] Философский словарь под ред. Фролова И.Т. Издание пятое. М. Издание политической литературы. 1987. с. 28;

[17] Нысанбаев А.Н. Средневековый арабоязычный перипатетизм и исламская религиозная традиция /Вопросы философии. 2002.№3. с. 120;

[18] Нысанбаев А.Н. Средневековый арабоязычный перипатетизм и исламская религиозная традиция /Вопросы философии. 2002.№3. с. 119;

[19] Смирнов А.В. Великий шейх суфизма. Опыт парадигмального анализа философии Ибн-Араби М.

[20] «Наука». Изд. «Вост. лит». 1993.с. 42;

[21] Степанянц М.Т. Восточная философия. Вводный курс. Избранные тексты.

[22] 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва. «Восточная литература»

[23] РАН.2001. с. 417;

[24] Степанянц М.Т. Восточная философия. Вводный курс. Избранные тексты.

[25] 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва. «Восточная литература»

[26] РАН.2001. с. 473;

[27] Смирнов А.В. Великий шейх суфизма. Опыт парадигмального анализа философии Ибн-Араби М.

[28] «Наука». Изд. «Вост. лит». 1993.с. 29;

[29] Игнатенко А.А. Социум и разум. Рациональная традиция и современность

[30] Ближний и Средний Восток. М. «Наука». 1990. с. 139;

[31] Фролова Е. Индивидуальное бытие, искомое, но не найденное. Средневековая арабская философия.

[32] Проблемы и решения. М. Изд. фирма «Восточная лит.». РАН. 1998.с.144;

[33] Степанянц М.Т. Восточная философия. Вводный курс. Избранные тексты. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва. «Восточная литература» РАН.2001.с.396;

[34] Степанянц М.Т. Восточная философия. Вводный курс. Избранные тексты. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва. «Восточная литература» РАН.2001.с.397;

[35] Игнатенко А.А. Социум и разум. Рациональная традиция и современность Ближний и Средний Восток. М.

[36] «Наука». 1990. с.150;

[37] Касымжанов А.Х. Проблема разума в философии Ал-Фараби. Рац, традиция и современность. Ближний и Средний Восток. М. «Наука». Главная редакция восточной литературы. 1990.с. 106;

[38] Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. Учебник. Издание второе переработанное и дополненное. Москва «Проспект». 1999.с.444;

[39] Арабская философия. Человек. Мыслители прошлого о его жизни, смерти и бессмертии. М. Изд. политической литературы. 1999. с. 196;

[40] Игнатенко А.А. Социум и разум. Рациональная традиция и современность Ближний и Средний Восток. М.

[41] «Наука». 1990. с.144;

[42] Диспут А.В. Луначарского с Митрополитом А.И. 21 сент. 1925г. Философия и мировоззрение. М.

[43] Издательство политической литературы. 1990. с. 291;

[44] Арабская философия. Человек. Мыслители прошлого о его жизни, смерти и бессмертии. М. Изд. политической литературы. 1999. с.199;

[45] Ярославский См. Можно ли прожить без веры в бога? Философия и мировоззрение. М. Издательство политической литературы. 1990.с.378;

[46] Игнатенко А.А. Социум и разум. Рациональная традиция и современность Ближний и Средний Восток. М.

[47] «Наука». 1990. с.149;

[48] Степанянц М.Т. Восточная философия. Вводный курс. Избранные тексты. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва. «Восточная литература» РАН.2001.с.400;

[49] Степанянц М.Т. Восточная философия. Вводный курс. Избранные тексты. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва. «Восточная литература» РАН.2001.с.484;

[50] Игнатенко А.А. Социум и разум. Рациональная традиция и современность Ближний и Средний Восток. М. «Наука». 1990. с. 156;

[51] Степанянц М.Т. Восточная философия. Вводный курс. Избранные тексты. 2-е издание,

исправленное и дополненное. Москва. «Восточная литература» РАН.2001.с.490;

[52] Бурлакова Светлана Владиславовна Цикличность в социальных системах. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ростов-на-Дону. 1997.с.4;

[53] Мансуров Акбаради Насирович Влияние ислама на духовную культуру народов (социально-философский анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ташкент. 1991.с.12;

Spisok literatury:

[1] Filosoфskij slovar' pod red. Frolova I.T. Izdanie pyatoe. M. Izdanie politicheskoy literatury. 1987. s. 27;

[2] Drejer O.K., Los' V.A. Global'nye problemy i «Tretij mir». M. «Nauka».

[3] Glavnaya redakciya vostochnoj literatury. 1991. s. 22;

[4] Smirnov A.V. Velikij shejh sufizma. Opyt paradigmalnogo analiza filosofii Ibn-Arabi M. «Nauka». Izd. «Vostochnoj literatury». 1993. s. 14;

[5] Stepanyanc M.T. Vostochnaya filosofiya. Vvodnyj kurs. Izbrannye teksty.

[6] 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva. «Vostochnaya literatura»

[7] RAN.2001. s. 375;

[8] Gus'kov E.P. Kommunikativnost' kak faktor organicheskoy evolyucii //Vestnik moskovskogo universiteta 2002.Nº1. s. 8;

[9] Smirnov A.V. Velikij shejh sufizma. Opyt paradigmalnogo analiza filosofii Ibn-Arabi M.

[10] «Nauka». Izd. «Vost. lit». 1993.s. 29;

[11] Smirnov A.V. Velikij shejh sufizma. Opyt paradigmalnogo analiza filosofii Ibn-Arabi M.

[12] «Nauka». Izd. «Vost. lit». 1993.s. 30;

[13] Nysanbaev A.N. Srednevekovyj araboyazychnyj peripatetizm i islamskaya religioznaya tradiciya /Voprosy filosofii. 2002.Nº3. s. 124;

[14] Filosofiya. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij pod obshchej redakciej Muslimova S.SH. i A-N.3. Dibirova. Izdatel'sko-poligraficheskij centr DGU. Mahachkala. 1996. s. 34;

[15] Spirkin A.G. Filosofiya. Izdanie vtroe. Gardariki. M. 2003. s. 88;

[16] Filosoфskij slovar' pod red. Frolova I.T. Izdanie pyatoe. M. Izdanie politicheskoy literatury. 1987. s. 28;

[17] Nysanbaev A.N. Srednevekovyj araboyazychnyj peripatetizm i islamskaya religioznaya tradiciya /Voprosy filosofii. 2002.Nº3. s. 120;

[18] Nysanbaev A.N. Srednevekovyj araboyazychnyj peripatetizm i islamskaya religioznaya tradiciya /Voprosy filosofii. 2002.Nº3. s. 119;

- [19] Smirnov A.V. Velikij shejh sufizma. Opyt paradigm'nogo analiza filosofii Ibn-Arabi M.
- [20] «Nauka». Izd. «Vost. lit». 1993.s. 42;
- [21] Stepanyanc M.T. Vostochnaya filosofiya. Vvodnyj kurs. Izbrannye teksty.
- [22] 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva. «Vostochnaya literatura»
- [23] RAN.2001. s. 417;
- [24] Stepanyanc M.T. Vostochnaya filosofiya. Vvodnyj kurs. Izbrannye teksty.
- [25] 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva. «Vostochnaya literatura»
- [26] RAN.2001. s. 473;
- [27] Smirnov A.V. Velikij shejh sufizma. Opyt paradigm'nogo analiza filosofii Ibn-Arabi M.
- [28] «Nauka». Izd. «Vost. lit». 1993.s. 29;
- [29] Ignatenko A.A. Socium i razum. Racional'naya tradiciya i sovremennost' Blizhnij i Srednij Vostok. M. «Nauka». 1990. s. 139;
- [30] Blizhnij i Srednij Vostok. M. «Nauka». 1990. s. 139;
- [31] Frolova E. Individual'noe bytie, iskomoe, no ne najdennoe. Srednevekovaya arabskaya filosofiya.
- [32] Problemy i resheniya. M. Izd. firma «Vostochnaya lit.». RAN. 1998.s.144;
- [33] Stepanyanc M.T. Vostochnaya filosofiya. Vvodnyj kurs. Izbrannye teksty. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva. «Vostochnaya literatura» RAN.2001.s.396;
- [34] Stepanyanc M.T. Vostochnaya filosofiya. Vvodnyj kurs. Izbrannye teksty. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva. «Vostochnaya literatura» RAN.2001.s.397;
- [35] Ignatenko A.A. Socium i razum. Racional'naya tradiciya i sovremennost' Blizhnij i Srednij Vostok. M.
- [36] «Nauka». 1990. s.150;
- [37] Kasymzhanov A.H. Problema razuma v filosofii Al-Farabi. Rac, tradiciya i sovremennost'. Blizhnij i Srednij Vostok. M. «Nauka». Glavnaya redakciya vostochnoj literatury. 1990.s. 106;
- [38] Alekseev P.V., Panin A.V. Filosofiya. Uchebnik. Izdanie vtoroe pererabotannoe i dopolnennoe. Moskva «Prospekt». 1999.s.444;
- [39] Arabskaya filosofiya. CHelovek. Mysliteli proshlogo o ego zhizni, smerti i bessmertii. M. Izd. politicheskoy literatury. 1999. s. 196;
- [40] Ignatenko A.A. Socium i razum. Racional'naya tradiciya i sovremennost' Blizhnij i Srednij Vostok. M.
- [41] «Nauka». 1990. s.144;
- [42] Disput A.V. Lunacharskogo s Mitropolitom A.I. 21 sent. 1925g. Filosofiya i mirovozzrenie. M.
- [43] Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1990. s. 291;
- [44] Arabskaya filosofiya. CHelovek. Mysliteli proshlogo o ego zhizni, smerti i bessmertii. M. Izd. politicheskoy literatury. 1999. s.199;
- [45] YAroslavskij Sm. Mozhno li prozhit' bez very v boga? Filosofiya i mirovozzrenie. M. Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1990.s.378;
- [46] Ignatenko A.A. Socium i razum. Racional'naya tradiciya i sovremennost' Blizhnij i Srednij Vostok. M.
- [47] «Nauka». 1990. s.149;
- [48] Stepanyanc M.T. Vostochnaya filosofiya. Vvodnyj kurs. Izbrannye teksty. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva. «Vostochnaya literatura» RAN.2001.s.400;
- [49] Stepanyanc M.T. Vostochnaya filosofiya. Vvodnyj kurs. Izbrannye teksty. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva. «Vostochnaya literatura» RAN.2001.s.484;
- [50] Ignatenko A.A. Socium i razum. Racional'naya tradiciya i sovremennost' Blizhnij i Srednij Vostok. M. «Nauka». 1990. s. 156;
- [51] Stepanyanc M.T. Vostochnaya filosofiya. Vvodnyj kurs. Izbrannye teksty. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva. «Vostochnaya literatura» RAN.2001.s.490;
- [52] Burlakova Svetlana Vladislavovna Ciklichnost' v social'nyh sistemah. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk. Rostov-na-Donu. 1997.s.4;
- [53] Mansurov Akbaradi Nasirovich Vliyanie islama na duhovnuyu kul'turu narodov (social'no-filosofskij analiz. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk. Tashkent. 1991.s.12.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.04.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-235-238

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

САВОСТЬЯНОВА С.А.,

доцент кафедры международного
и публичного права Юридического факультета,
Финансовый Университет при Правительстве РФ,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, Москва,
e-mail: sasavostyanova@fa.ru

РАТНИКОВ Г.А.,

студент бакалавриата Юридического факультета,
Финансовый университет при Правительстве РФ
Россия, Москва,
e-mail: 236107@edu.fa.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ (CBDC) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется международный опыт использования цифровых валют центральных банков (CBDC) и анализируются проблемы правоприменения, возникающие в связи с их внедрением. Особое внимание уделяется перспективам правового регулирования CBDC, включая вопросы о применении юрисдикции того или иного государства, защиты прав потребителей и предотвращения финансовых преступлений. Рассматриваются потенциальные преимущества и риски от внедрения цифровых валют для стабильности финансовой системы и экономики в целом.

Ключевые слова: цифровая валюта, цифровой рубль, международное право, финансовое право, CBDC.

SAVOSTYANOVA S.A.,

Associate Professor of the Department of International
and Public Law, Faculty of Law,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Candidate of Law, Associate Professor
Russia, Moscow

RATNIKOV G.A.,

Bachelor's degree student at the Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
Russia, Moscow

PROBLEMS OF APPLYING THE INTERNATIONAL EXPERIENCE OF USING CENTRAL BANK DIGITAL CURRENCIES (CBDCS) IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the international experience of using central bank digital currencies (CBDCs) and analyzes the problems of law enforcement that arise in connection with their implementation. Special attention is paid to the prospects of legal regulation of CBDCs, including questions about the application of the jurisdiction of a particular state, consumer protection and the prevention of financial crimes. The potential advantages and risks from the introduction of digital currencies for the stability of the financial system and the economy as a whole are considered.

Key words: digital currency, digital ruble, international law, financial law, CBDC.

В настоящее время мир наблюдает за стремительным развитием цифровых технологий, которые все больше влияют на финансовые системы разных государств. Одной из наиболее значимых инноваций в этой области являются цифровые валюты Центральных Банков (CBDC), которые представляют собой цифровую форму национальных валют, выпускаемую и контролируруемую центральными банками. Использование CBDC по задумке создателей открывает новые возможности для повышения эффективности финансовых транзакций, снижения затрат и улучшения доступа к финансовым услугам. Однако, вместе с этими преимуществами, вероятнее всего, будут возникать правовые вопросы, связанные с правоприменением и правовым регулированием таких валют. В связи с этим, актуальной становится задача анализа международного опыта использования CBDC, а также перспектив их правового регулирования и правоприменения.

Понятие цифровой валюты Центрального Банка (CBDC) закреплено в ряде стран, в которых она полноценно функционирует. Так, в качестве таких стран мы рассмотрим Китайскую Народную Республику (КНР), Ямайку и Содружество Багамских Островов – эти страны считаются пионерами не только в области внедрения CBDC в экономику, но и законодательного закрепления CBDC. Итак, первым вводит понятие цифровой валюты центрального банка в своё правовое поле законодатель Багамских островов и определяет её, как «электронную версию Багамского доллара, выпускаемую Центральным банком в соответствии с полномочиями, предоставленными ему Законом, полностью обеспеченную резервами, хранящимися в Центральном банке» [6, с.3], позже легально закрепляет CBDC как полноценную юридическую категорию и Ямайский законодатель в 2022 году поправкой к Закону о Центральном Банке Ямайки [5, с.1-2] и определяет CBDC как «цифровую форму валюты, выпускаемую Центральным Банком Ямайки, которая является законным платежным средством в электронной форме на Острове (Ямайка)». Цифровая валюта Народного Банка Китая (E-CNY) определяется как «законное платёжное средство в цифровой форме, выпущенное Народным Банком Китая (PBOC) и управляемое уполномоченными операторами, основанное на системе широкого счёта, поддерживающее функцию свободного соединения банковских счетов, эквивалентное физическому юаню, обладающее стоимостными характеристиками» [7, с.4]. Проанализировав соответствующие документы [5,6,7], содержащие определение цифровой валюты Центрального Банка и

её функции, а также документы, в которых описаны принципы функционирования CBDC, например «Proposed Legislation for the Regulation of the provision and use of Central Bank issued Electronic Bahamian Dollars» (Багамские острова) или «Bank of Jamaica's CBDC Solution» (Ямайка), выделим следующие общие признаки E-CNY (КНР), JAMDEX (Ямайка) и The Sand Dollar (Содружество Багамских Островов):

1. Исключительное право эмиссии Центральным Банком: Все три CBDC выпускаются и регулируются национальными центральными банками, что гарантирует их статус официального законного платежного средства (аналог физических денег).

2. Офлайн-функциональность: Поддержка транзакций без интернета (актуально для регионов с плохой связью, таких как Багамы или сельский Китай).

3. Контролируемая анонимность: Обеспечивают конфиденциальность для малых платежей, но с возможностью отслеживания крупных операций для противодействия отмыванию денег.

4. Финансовая инклюзивность: CBDC нацелены на расширение доступа к финансовым услугам, особенно для населения без банковских счетов (например, удаленные острова Багам, сельские регионы Китая).

5. Содействие безналичной экономике: Снижение зависимости от наличных, сокращение издержек на печать денег и повышение эффективности платежей.

6. Фокус на внутреннее использование CBDC: Основное применение — внутри страны, хотя в перспективе возможны эксперименты с кросс-государственными платежами (например, проект m-CBDC Bridge с участием Китая, который в перспективе позволит Китаю рассчитывать с другими государствами с помощью своей цифровой валюты).

Выделив общие особенности CBDC других государств, рассмотрим цифровую валюту Центрального Банка России – *цифровой рубль*.

Важно отметить тот факт, что легального определения цифрового рубля в Российской Федерации нет, но для того, чтобы понять его правовую природу, обратимся к нескольким источникам: например, ГК РФ упоминает цифровые рубли и определяет их как имущественные права, законодатель относит расчёты цифровыми рублями к безналичным расчётам (ст.140 ГК РФ), то есть трактует категорию цифровых рублей, как разновидность безналичных денег. Исходя из «Концепции цифрового рубля», разработанной Банком России, «Цифровой рубль является обязательством Банка России» [2]. Упоминания цифрового

рубля содержатся и в иных федеральных законах: «О валютном регулировании и валютном контроле», «О национальной платёжной системе», «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)». Основываясь на «Концепции цифрового рубля» и отдельных положениях из упомянутых выше федеральных законов, попытаемся сформулировать определение цифровой валюты Центрального Банка в России, итак:

Цифровой рубль – это форма национальной валюты, эмитируемая Банком России в цифровом формате, обладающая свойствами законного платёжного средства на всей территории Российской Федерации и функционирующая на основе распределённых реестров или централизованных технологических платформ. Стоит заметить, что несмотря на положительный опыт внедрения CBDC в других государствах, внедрение цифрового рубля может столкнуться с некоторыми проблемами. В этой связи хотелось бы более детально рассмотреть опыт упомянутых выше государств, как новаторов не только в законодательном закреплении понятия цифровой валюты центрального банка, но и во внедрении последней в экономику, как полноценной экономической категории.

Начать анализ возможных проблем, связанных с внедрением цифрового рубля, стоит, на наш взгляд, с цели внедрения CBDC. Сама идея создания CBDC, к примеру, на Багамских островах и её последующая реализация во многом была продиктована произошедшими в 2019 году стихийными бедствиями. Ураганы уничтожили тысячи домов и объектов инфраструктуры, что сделало практически невозможным денежные переводы для жителей отдалённых островов. Внедрение CBDC стало реакцией на объективную действительность, проще говоря, решение реально возникшей проблемы - невозможности выполнения транзакций с отдалённых островов. Говоря о целях внедрения цифрового рубля в России можно опираться на Концепцию цифрового рубля, в которой необходимость введения продиктована «развитием цифровых технологий, позволяющих снизить стоимость и повысить скорость проведения операций, а также общемировой тенденцией по разработке национальных цифровых валют» [2]. На наш взгляд, цели введения должны быть сформулированы более чётко, например, «обеспечение полной прозрачности государственных платежей» или «противодействие легализации (отмыванию) денег». Таким образом, населению будет понятна реальная необходимость введения цифрового рубля. Сформулировать цель введения можно и более глобально, чтобы населению был понятен потенциальный итог введения циф-

рового рубля, так сделал китайский законодатель. определив цель, как «развитие цифровой экономики Китая, расширение доступа к финансовым услугам и повышение эффективности денежной и платёжной систем, при поддержке надёжной, эффективной, адаптивной и открытой инфраструктурой розничных платежей системы E-CNY» [7, с.7]. В противном случае в обществе может сложиться недоверие к цифровому рублю или могут возникнуть мифы о нём. Так, по данным ВЦИОМ за 2023 год, «новой разновидностью национальной валюты хотели бы воспользоваться трое из десяти наших сограждан (31%, 2023 г. — 30%), в том числе только 9% заявили об этом с полной уверенностью» [1].

Неопределённость внедрения цифрового рубля также связана и с его будущим взаимодействием с платформой системы быстрых платежей (СБП). На наш взгляд, особое внимание этому стоит уделить в области C2C-платежей (client to client), то есть между физическими лицами. СБП сегодня – это сформировавшаяся платформа для переводов между любыми банками в Российской Федерации, на всей территории страны, к которой у общества сформировано доверие. Платформа цифрового рубля, как мы заметили выше, пока таким доверием не пользуется. Возможным решением данного вопроса может стать пересмотр размеров вознаграждений, выплачиваемых оператором платформы (Банком России) участникам платформы цифрового рубля, поскольку в настоящее время, вознаграждение, например, для переводов C2C составляет 0.00% [3], что никак не стимулирует физических лиц использовать цифровые рубли. В данном случае стоит обратиться к практике Ямайки, где для активного внедрения местной CBDC (JAM-DEX) используются также и меры стимулирования, как для физических, так и для юридических лиц, например, физическими лицам, использующим JAM-DEX, государство каждый месяц выплачивает 2% от средств, потраченных через JAM-DEX.

Одной из наиболее острых проблем считаем проблему обеспечения анонимности для небольших переводов, осуществляемых физическими лицами. В первую очередь, на наш взгляд, возникают противоречия между нормами Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» (далее Федеральный Закон «О персональных данных») и принципом работы платформы цифрового рубля. Так, нормы: «Содержание и объем обрабатываемых персональных данных должны соответствовать заявленным целям обработки. Обрабатываемые персональные данные не должны быть избыточными по отношению к заявленным целям их обработки.»

[4] или «Обрабатываемые персональные данные подлежат уничтожению либо обезличиванию по достижении целей обработки или в случае утраты необходимости в достижении этих целей, если иное не предусмотрено федеральным законом» [4] не соотносятся с принципом фиксации всех транзакций с использованием цифрового рубля в системе Банка России, включая данные о суммах, участниках и времени операций. Более того, доступ третьих лиц к данным транзакций (к примеру, налоговых органов) должен быть строго регламентирован, чтобы не нарушать положения Федерального закона «О персональных данных» о конфиденциальности персональных данных.

Международный опыт внедрения CBDC демонстрирует разнообразие различных вызовов, с которыми сталкиваются страны их вводящие. Общими приоритетами остаются обеспечение кибербезопасности, защита персональных данных, интеграция с традиционными платёжными системами и баланс между контролем и правами пользователей. На наш взгляд, прямое заимствование зарубежных моделей невозможно: цифровой рубль требует адаптации международного опыта с учётом специфики правовой системы и геополитической конъюнктуры, однако точно заимствуя лучшие особенности CBDC разных государств, цифровая валюта в России может стать весьма перспективным направлением развития цифровой экономики будущего.

Список литературы:

- [1] ВЦИОМ. Цифровой рубль: за и против [электронный ресурс]: - URL <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-rubl-za-i-protiv> (дата обращения 20.03.2025).
- [2] «Концепция цифрового рубля» (подготовлена Банком России), 2021 [электронный ресурс]: - URL <https://www.cbr.ru/fintech/dr> (дата обращения 20.03.2025).
- [3] Решение Совета директоров Банка России от 29.11.2024 «О продлении льготного периода на платформе цифрового рубля» [электронный ресурс]: - URL <https://www.cbr.ru> (дата обращения 20.03.2025).

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // Российская газета. 29.07.2006. № 165.

[5] Bank of Jamaica (Amendment) Act, 2022 [электронный ресурс]: - URL <https://boj.org.jm/about-boj/legislation/> (дата обращения 20.03.2025).

[6] CENTRAL BANK OF THE BAHAMAS ACT (NO. 24 OF 2020), 2021 [электронный ресурс]: - URL <https://bfsb-bahamas.com/theindustry/resources/legislation/> (дата обращения 20.03.2025).

[7] 中国数字人民币的研发进展白皮书 (Белая Книга о ходе исследований и разработок цифрового юаня), 2021 [электронный ресурс]: - URL <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/4293590/index.html> (дата обращения 20.03.2025)

Spisok literatury:

[1] ВЦИОМ. Цифровой рубль: за и против [электронный ресурс]: - URL <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-rubl-za-i-protiv> (дата обращения 20.03.2025).

[2] «Концепция цифрового рубля» (подготовлена Банком России), 2021 [электронный ресурс]: - URL <https://www.cbr.ru/fintech/dr> (дата обращения 20.03.2025).

[3] Решение Совета директоров Банка России от 29.11.2024 «О продлении льготного периода на платформе цифрового рубля» [электронный ресурс]: - URL <https://www.cbr.ru> (дата обращения 20.03.2025).

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // Российская газета. 29.07.2006. № 165.

[5] Bank of Jamaica (Amendment) Act, 2022 [электронный ресурс]: - URL <https://boj.org.jm/about-boj/legislation/> (дата обращения 20.03.2025).

[6] CENTRAL BANK OF THE BAHAMAS ACT (NO. 24 OF 2020), 2021 [электронный ресурс]: - URL <https://bfsb-bahamas.com/theindustry/resources/legislation/> (дата обращения 20.03.2025).

[7] 中国数字人民币的研发进展白皮书 (Белая Книга о ходе исследований и разработок цифрового юаня), 2021 [электронный ресурс]: - URL <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/4293590/index.html> (дата обращения 20.03.2025)

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-239-248

ЗАСЕЕВА Амага Сергеевна,
аспирант, Кафедра международного права
МГИМО МИД России,
e-mail: am.zasseeva@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ - РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ И ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты международно-правового статуса Республики Абхазия и Республики Южная Осетия как непризнанных или частично признанных государств. Исследуются историко-правовые предпосылки их образования, проблемы международного признания, особенности правосубъектности в современных международных отношениях. Анализируются правовые последствия признания Российской Федерацией независимости этих республик, а также реакция международного сообщества. Особое внимание уделяется противоречиям между принципами территориальной целостности государств и права народов на самоопределение в контексте данной проблематики. Рассматриваются перспективы эволюции международно-правового статуса Абхазии и Южной Осетии в условиях трансформации системы международных отношений.

Ключевые слова: непризнанные государства, частично признанные государства, Абхазия, Южная Осетия, международно-правовой статус, территориальная целостность, право на самоопределение, международное признание, Российская Федерация, Грузия.

ZASSEEVA Amaga Sergeevna,
Postgraduate Student, Department of International Law
MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

PROBLEMS OF THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF THE UNRECOGNIZED STATES - THE REPUBLICS OF ABKHAZIA AND SOUTH OSSETIA

Annotation. The article examines the key aspects of the international legal status of the Republic of Abkhazia and the Republic of South Ossetia as unrecognized or partially recognized states. The article examines the historical and legal prerequisites for their education, the problems of international recognition, and the peculiarities of legal personality in modern international relations. The article analyzes the legal consequences of the recognition of the independence of these republics by the Russian Federation, as well as the reaction of the international community. Particular attention is paid to the contradictions between the principles of territorial integrity of States and the right of peoples to self-determination in the context of this issue. The prospects of the evolution of the international legal status of Abkhazia and South Ossetia in the context of the transformation of the system of international relations are considered.

Key words: unrecognized states, partially recognized states, Abkhazia, South Ossetia, international legal status, territorial integrity, right to self-determination, international recognition, Russian Federation, Georgia.

Введение

Проблема непризнанных государств представляет собой одно из наиболее сложных и противоречивых явлений современных международных отношений. Несмотря на фактическое существование ряда государственных образований, обладающих признаками государственности (тер-

ритория, население, эффективная публичная власть), отсутствие широкого международного признания существенно ограничивает их международную правосубъектность. Республика Абхазия и Республика Южная Осетия являются яркими примерами подобных государственных образований, которые, обладая де-факто независимостью

от Грузии уже более трех десятилетий, до сих пор признаны лишь небольшим числом государств-членов ООН, включая Российскую Федерацию.

Актуальность темы обусловлена не только продолжающимся поиском международно-правовых механизмов урегулирования статуса этих республик, но и значимостью данного вопроса в контексте обеспечения региональной безопасности на Кавказе, а также его влиянием на российско-грузинские отношения и взаимодействие России с западными странами. Более того, проблема Абхазии и Южной Осетии имеет существенное теоретическое значение для развития международно-правовой доктрины в части разрешения коллизии между принципами территориальной целостности и правом народов на самоопределение.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ международно-правового статуса Республики Абхазия и Республики Южная Осетия с учетом исторических, политических и правовых аспектов их становления, а также выявление перспектив эволюции их международно-правового положения.

Историко-правовые предпосылки образования Республики Абхазия и Республики Южная Осетия

Понимание современного международно-правового статуса Абхазии и Южной Осетии невозможно без анализа исторического контекста их государственности. В дореволюционный период Абхазия имела статус княжества под протекторатом Российской империи с 1810 года, а в 1864 году была преобразована в Сухумский военный отдел. Южная Осетия не имела собственной государственности и территориально входила в состав различных грузинских княжеств, а затем – в состав Тифлисской губернии Российской империи [1, с. 120].

После революции 1917 г. и в период становления советской власти статус этих территорий неоднократно менялся. 31 марта 1921 г. Абхазия была провозглашена Советской Социалистической Республикой, затем в декабре 2021 г. под давлением Москвы руководство Абхазии заключило союзный договор с Грузинской ССР, а в 1931 г. (опять же, под давлением Сталина) Абхазская ССР была преобразована в автономную республику в составе Грузинской ССР. Что касается Южной Осетии, то она в 1922 г. получила статус автономной области в составе Грузинской ССР [2, с. 37].

В этом контексте важно обратить внимание, что изначально включение Абхазии в состав Грузинской ССР происходило на договорной основе,

что впоследствии стало одним из аргументов абхазской стороны в пользу правомерности одностороннего выхода из состава Грузии. В то же время, статус автономной области Южной Осетии был установлен без учета этнических и исторических особенностей осетинского народа, разделенного административной границей (часть осетин проживала в Северо-Осетинской АССР в составе РСФСР) [3, с. 54].

В период распада СССР и последовавшей за ним трансформации политической карты постсоветского пространства Абхазия и Южная Осетия предприняли шаги по изменению своего политико-правового статуса.

Южная Осетия первой встала на путь суверенизации: в сентябре 1990 года Совет народных депутатов Юго-Осетинской автономной области провозгласил создание Юго-Осетинской Советской Демократической Республики в составе СССР, что вызвало резко негативную реакцию грузинских властей. В декабре 1990 года Верховный Совет Грузии принял решение об упразднении Юго-Осетинской автономии, что привело к вооруженному конфликту [4, с. 12]. После распада СССР и провозглашения независимости Грузии в апреле 1991 года Южная Осетия провозгласила независимость от Грузии 29 мая 1992 года, что стало реакцией на отказ Грузии предоставить республике особый статус в составе грузинского государства.

Процесс суверенизации Абхазии начался с принятия Декларации о государственном суверенитете 25 августа 1990 г. После распада СССР Абхазия первоначально стремилась к сохранению федеративных связей с Грузией. Однако односторонние действия грузинских властей по восстановлению Конституции Грузинской Демократической Республики 1921 г., которая не предусматривала автономного статуса Абхазии, спровоцировали эскалацию напряженности. В июле 1992 года Верховный Совет Абхазии принял решение о восстановлении действия Конституции Абхазской ССР 1925 года, фактически провозгласив независимость республики (статус повышался с автономной республики до договорной); это привело к началу грузино-абхазского вооруженного конфликта [5, с. 42].

Военные действия в Абхазии (1992-1993 гг.) и Южной Осетии (1991-1992 гг.) завершились поражением грузинских вооруженных формирований и установлением де-факто независимости этих республик от Грузии. Были подписаны соглашения о прекращении огня и разъединении сторон, которые предусматривали ввод миротворческих сил (преимущественно российских) в зоны конфликтов [6, с. 118].

Таким образом, уже к середине 1990-х годов Абхазия и Южная Осетия функционировали как

де-факто независимые государства, имея собственные органы власти, вооруженные силы и законодательство, однако не получили международного признания.

Проблема международного признания Абхазии и Южной Осетии

Международное признание является одним из ключевых элементов, определяющих международно-правовой статус государства. В доктрине международного права существуют две основные теории относительно значения признания: декларативная и конститутивная.

Согласно декларативной теории, признание лишь констатирует факт существования государства как субъекта международного права и не создает его. Государство существует независимо от признания, которое имеет скорее политическое, нежели правовое значение. Эта позиция нашла отражение в Конвенции о правах и обязанностях государств 1933 г. (Конвенция Монтевидео), которая установила критерии государственности: постоянное население, определенная территория, правительство и способность вступать в отношения с другими государствами [7]. Конститутивная теория, напротив, рассматривает признание как необходимое условие международной правосубъектности государства. Согласно этой теории, государство становится полноправным субъектом международного права только после его признания другими государствами [8, с. 238].

Современная практика международных отношений демонстрирует, что непризнанные государства, включая Абхазию и Южную Осетию, могут существовать десятилетиями, имея ограниченную международную правосубъектность, что свидетельствует о большей релевантности декларативной теории. Однако отсутствие широкого международного признания существенно ограничивает возможности таких государств для полноценного участия в международных отношениях [9, с. 92].

Ключевым поворотным моментом в международно-правовом статусе Абхазии и Южной Осетии стало признание их независимости Российской Федерацией 26 августа 2008 года после российско-грузинского вооруженного конфликта, известного как «Пятидневная война». Этому предшествовало военное вторжение грузинских вооруженных сил в Южную Осетию 7-8 августа 2008 года и последовавшая за этим российская военная операция, которая привела к вытеснению грузинских войск с территорий обеих республик [10, с. 125].

Признание независимости Абхазии и Южной Осетии Россией основывалось на нескольких аргументах:

1. право народов на самоопределение, закрепленное в Уставе ООН и других международно-правовых документах;

2. создание прецедента в виде признания независимости Косово многими западными странами в феврале 2008 года;

3. необходимость защиты населения Абхазии и Южной Осетии от возможных вооруженных действий со стороны Грузии;

4. длительное существование этих республик в качестве де-факто независимых государств с функционирующими институтами власти [11].

Вслед за Россией независимость Абхазии и Южной Осетии признали Никарагуа (сентябрь 2008 г.), Венесуэла (сентябрь 2009 г.), Науру (декабрь 2009 г.), Сирия (май 2018 г.) и Вануату (признавшее только Абхазию в мае 2011 г. и впоследствии отозвавшее признание) [12]. Таким образом, количество государств, признавших независимость Абхазии и Южной Осетии, на сегодняшний день остается ограниченным, и это очевидно отражает сложность их международно-правового положения, обусловленную влиянием геополитических факторов на процесс признания.

Большинство государств-членов ООН, включая страны Европейского Союза, США и другие западные государства, не признали независимость Абхазии и Южной Осетии и продолжают рассматривать их как территории, находящиеся под суверенитетом Грузии. Такая позиция основывается на приоритете принципа территориальной целостности государств и невмешательства во внутренние дела.

Генеральная Ассамблея ООН приняла, которая подтвердила территориальную целостность Грузии и призвала к выводу иностранных войск с территории страны. Европейский Союз (ЕС) также занял позицию непризнания изменения границ Грузии, что нашло отражение в резолюциях Европейского парламента и заявлениях официальных лиц ЕС [13]. Как писала европейская исследовательница С. Фишер, политика «непризнания и вовлечения», проводимая ЕС в отношении Абхазии и Южной Осетии, направлена на поддержание территориальной целостности Грузии при одновременном развитии контактов с населением непризнанных республик через программы образования, здравоохранения и экономического сотрудничества [14, с. 36].

США тоже заняли жесткую позицию непризнания независимости Абхазии и Южной Осетии, рассматривая их как «оккупированные территории Грузии». США расширили санкции против России после признания ею независимости этих республик и длительное время продолжали оказывать политическую и экономическую поддержку Грузии [15].

Таким образом, международное сообщество остается разделенным в вопросе признания Абхазии и Южной Осетии. На наш взгляд, это отражает более широкие геополитические противоречия между Россией и западными странами, которые только усугубились после присоединения Крыма в 2014 г.

Правовые аспекты международной правосубъектности Абхазии и Южной Осетии

Согласно критериям государственности, установленным в уже упомянутой Конвенции Монтевидео, Абхазия и Южная Осетия обладают основными атрибутами независимых государств: постоянным населением, определенной территорией, эффективной публичной властью. Обе республики имеют свои конституции, избираемые органы власти, функционирующую судебную систему и вооруженные силы [16, с. 31].

В Абхазии действует Конституция, принятая 26 ноября 1994 г. и существенно измененная в 1999 г. В республике функционирует президентская форма правления, действует многопартийная система, регулярно проводятся выборы. Южная Осетия также имеет свою Конституцию, принятую 8 апреля 2001 г., которая устанавливает президентскую республику с разделением властей.

Однако эффективность государственных институтов в обеих республиках ограничена их экономической зависимостью от России, которая предоставляет значительную финансовую помощь и обеспечивает безопасность через размещение своих военных баз. Это дает некоторым исследователям вполне справедливые основания характеризовать Абхазию и Южную Осетию как «зависимые государства» или «государства-сателлиты» [17, с. 183].

Несмотря на ограниченное международное признание, Абхазия и Южная Осетия заключили ряд международных договоров, преимущественно с Российской Федерацией. Наиболее значимыми являются:

1. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия от 17 сентября 2008 г.;

2. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия от 17 сентября 2008 г.;

3. Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве от 24 ноября 2014 г.;

4. Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции от 18 марта 2015 г.

Эти договоры предусматривают совместную оборону, охрану границ, координацию внешней политики, экономическое сотрудничество и социальную поддержку. Фактически, они создают механизмы интеграции Абхазии и Южной Осетии с Российской Федерацией, что вызывает критику со стороны Грузии и западных стран, рассматривающих такие договоры как нарушение суверенитета Грузии [18, 298].

Абхазия и Южная Осетия также заключили между собой Договор о дружбе и сотрудничестве в 2005 году. Кроме того, обе республики подписали соглашения о признании и сотрудничестве с другими непризнанными или частично признанными государствами, такими как Приднестровская Молдавская Республика и Нагорно-Карабахская Республика (до 2023 г.).

Однако, несмотря на наличие правовой базы, международная договорная правоспособность Абхазии и Южной Осетии остается крайне ограниченной, поскольку большинство государств мира не признают их в качестве субъектов международного права и, соответственно, не вступают с ними в договорные отношения.

В силу своего статуса Абхазия и Южная Осетия не являются членами ООН и большинства других международных организаций универсального характера. Их заявки на членство блокируются из-за отсутствия широкого международного признания. Тем не менее, обе республики пытаются развивать различные форматы международного взаимодействия.

Так, в июле 2006 г. Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье и Нагорный Карабах (до 2023 г.) создали неформальное объединение под названием «Содружество непризнанных государств» (впоследствии переименованное в сообщество «За демократию и права народов»). Эта организация не имеет международно-правового статуса, но служит площадкой для координации позиций и обмена опытом между непризнанными государствами постсоветского пространства [19, с. 7].

Абхазия и Южная Осетия также участвовали в различных переговорных форматах по урегулированию конфликтов с Грузией, включая Женевские международные дискуссии, начатые в 2008 году после российско-грузинского конфликта. Эти дискуссии проводились под эгидой ООН, ОБСЕ и ЕС с участием Грузии, России, США, а также представителей Абхазии и Южной Осетии. Однако, как подчеркивают исследователи, принципиальные разногласия между сторонами препятствовали достижению значимых результатов; в итоге стороны ограничивались декларациями [20, с. 37].

Важно отметить, что отсутствие членства в международных организациях ограничивает

доступ Абхазии и Южной Осетии к международным механизмам защиты прав человека, экономического сотрудничества и разрешения споров, что создает дополнительные проблемы для населения этих территорий.

Коллизия принципов территориальной целостности и права на самоопределение

Как уже подчеркивалось выше, одним из ключевых аспектов проблемы международно-правового статуса Абхазии и Южной Осетии является коллизия между фундаментальными принципами международного права: принципом территориальной целостности государств и принципом равноправия и самоопределения народов.

Принцип территориальной целостности закреплен в п. 4 ст. 2 Устава ООН, который запрещает угрозу силой или ее применение против территориальной целостности или политической независимости любого государства [21]. Данный принцип развит в Декларации о принципах международного права 1970 г. и Заключительном акте СБСЕ/ОБСЕ 1975 г., которые подтверждают неприкосновенность границ и территориальную целостность государств. Принцип равноправия и самоопределения народов также закреплен в Уставе ООН (ст. 1, п. 2) и конкретизирован в Международных пактах о правах человека 1966 года, которые устанавливают, что «все народы имеют право на самоопределение» и потому «свободно устанавливают свой политический статус» [22].

Соотношение этих принципов остается одной из наиболее сложных проблем современного международного права. Декларация о принципах международного права 1970 г. устанавливает, что право на самоопределение не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к нарушению территориальной целостности государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов [23]. Это положение, известное как «защитительная оговорка», теоретически допускает возможность сепарации в случаях, когда государство не соблюдает права определенных этнических групп или народов и подвергает их дискриминации. Однако к сожалению, критерии, позволяющие определить, когда право на самоопределение может реализовываться в форме отделения (сепарации), остаются неразработанными и во многом зависят от политической интерпретации ситуации [24, с. 261].

Позиция Абхазии и Южной Осетии, разумеется, основывается на приоритете права на самоопределение. Обе республики аргументируют свое право на независимость следующими факторами: исторический опыт государственности (особенно

в случае Абхазии); длительное существование в качестве автономных образований в составе СССР; нарушение прав абхазского и осетинского населения грузинскими властями в конце 1980-х - начале 1990-х гг.; вооруженная агрессия со стороны Грузии, приведшая к многочисленным жертвам среди гражданского населения; длительный период де-факто независимого существования, в течение которого были сформированы все атрибуты государственности; волеизъявление населения, выраженное на референдумах о независимости [25, с. 64]. Российская Федерация, поддерживая независимость Абхазии и Южной Осетии, также апеллирует к праву народов на самоопределение и проводит параллели с признанием независимости Косово западными странами, указывая на применение «двойных стандартов» в международной практике [26, с. 47].

В свою очередь, позиция Грузии и большинства международного сообщества опирается на принцип территориальной целостности. На практике он проявляется в следующих аспектах: Абхазия и Южная Осетия исторически являются составными частями грузинского государства; согласно международному праву, границы бывших союзных республик СССР стали международно признанными границами новых независимых государств (принцип *uti possidetis juris*); сепаратизм в Абхазии и Южной Осетии поддерживался внешними силами (в первую очередь Россией), что противоречит принципу невмешательства во внутренние дела государств; признание независимости Абхазии и Южной Осетии создает опасный прецедент, угрожающий стабильности международной системы [27, с. 116]. Также Грузия указывает на принудительное изменение этнического состава населения в результате конфликтов, в частности, на массовое изгнание этнических грузин из Абхазии и Южной Осетии, что, по мнению сторонников такой позиции, ставит под сомнение легитимность референдумов о независимости республик [28, с. 73].

Из вышеизложенного становится понятным, насколько важное значение в контексте международно-правового статуса Абхазии и Южной Осетии имеет прецедент Косово, провозгласившего независимость от Сербии в феврале 2008 г. и признанного большинством западных стран, несмотря на возражения Сербии и России. Консультативное заключение Международного Суда ООН от 22 июля 2010 года по вопросу о соответствии одностороннего провозглашения независимости Косово международному праву установило, что «общее международное право не содержит применимого запрета на провозглашение независимости» [29]. Это заключение, хотя и не создавало правового основания для признания Косово, было

использовано Россией и самопровозглашенными республиками как аргумент в пользу правомерности их действий. Возражая этому, западные страны настаивают на уникальности случая Косово, указывая на длительное международное управление этой территорией под эгидой ООН, масштабные нарушения прав человека в период конфликта и исчерпание всех возможностей для мирного урегулирования в рамках сохранения территориальной целостности Сербии [30, с. 3].

Другими значимыми прецедентами являются случаи Эритреи (отделившейся от Эфиопии в 1993 г.), Восточного Тимора (получившего независимость от Индонезии в 2002 г.) и Южного Судана (отделившегося от Судана в 2011 г.). Все эти случаи характеризовались длительными вооруженными конфликтами, международным посредничеством и, что важно, итоговым соглашением «материнского» государства на отделение, выраженным в соответствующих соглашениях.

Процесс распада Югославии также создал ряд прецедентов в сфере международного признания новых государств. Критерии признания, разработанные Европейским Сообществом в декабре 1991 года (Декларация о «Руководящих принципах признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе»), включали в себя требования демократического правления, уважения прав человека и международных обязательств, которые, разумеется, далеко не всегда последовательно применялись на практике – да и в целом носили характер оценочных категорий [31].

Таким образом, нельзя не обратить внимание на очевидный факт: международная практика признания новых государств остается непоследовательной и во многом определяется политическими интересами признающих государств, а значит, не может рассматриваться как материал для выработки строгого формально-юридического подхода к решению обозначенной проблемы. Это создает дополнительные сложности в определении международно-правового статуса Абхазии и Южной Осетии.

Перспективные сценарии урегулирования конфликта и изменения статуса республик

На основе анализа текущей ситуации и исторического опыта урегулирования подобных конфликтов представляется возможным выделить несколько потенциальных сценариев эволюции международно-правового статуса Абхазии и Южной Осетии.

Первый сценарий – сохранение статус-кво. Он предполагает продолжение нынешней ситуации, при которой Абхазия и Южная Осетия будут сохранять де-факто независимость при ограни-

ченном международном признании. В пользу этого сценария говорит отсутствие политической воли для компромисса у всех сторон конфликта, а также сложившаяся система безопасности с участием России. Однако представляется, что длительное сохранение неопределенного статуса создает риски новых вспышек насилия и усугубляет социально-экономические проблемы населения этих территорий. Об этих рисках, в частности, говорится и в зарубежной литературе [32].

Второй сценарий – расширение международного признания. Данный сценарий предполагает постепенное увеличение числа государств, признающих независимость Абхазии и Южной Осетии, что может привести к их де-факто легитимации на международной арене без формального членства в ООН (по модели Тайваня или Косово). Думается, что реализация этого сценария зависит от геополитической ситуации и эволюции отношений России с западными странами. В текущих условиях международной конфронтации шансы на его реализацию представляются крайне низкими.

Третий сценарий – реинтеграция непризнанных республик в состав Грузии. Отметим, что именно возвращение Абхазии и Южной Осетии под суверенитет Грузии на основе широкой автономии или федеративного устройства является официальной позицией Грузии и поддерживается большинством международного сообщества. Однако категорическое неприятие такого решения властями и населением Абхазии и Южной Осетии, а также позиция России делают его реализацию крайне маловероятной в обозримом будущем.

Четвертый сценарий, который находит поддержку в российском политико-экспертном сообществе – это интеграция республик с Российской Федерацией. Речь идет об ускоренном расширении интеграции с Россией вплоть до вхождения в ее состав по модели Крыма (или же в довольно нестандартной форме «ассоциированного государства») [33]. Этот сценарий имеет довольно высокую поддержку в Южной Осетии, где неоднократно высказывались идеи о возможном присоединении к России и объединении с Северной Осетией. Что же касается Абхазии, то здесь, по данным социологических исследований, преобладает стремление к сохранению независимости при тесном сотрудничестве с Россией. Представляется, что в текущих условиях именно этот сценарий развития событий может быть оценен как довольно вероятный.

Пятый сценарий – это компромиссное решение на основе «отложенного статуса». Данный подход предполагает временное замораживание вопроса о политическом статусе при акценте на

решение гуманитарных проблем, восстановление экономических связей и обеспечение прав беженцев. Отметим, что подобная модель применялась в ходе урегулирования конфликта в Боснии и Герцеговине (Дейтонские соглашения) и отчасти в Восточном Тиморе. Впрочем, реализация такого сценария требует согласия всех сторон на определенные компромиссы, что в текущих условиях представляется маловероятным: даже несмотря на потепление отношений между Россией и Грузией, официальный Тбилиси не может отказаться от собственных притязаний на территорию частично непризнанных республик [34].

В результате, наиболее вероятным в краткосрочной и среднесрочной перспективе представляется сохранение статус-кво с постепенным углублением интеграции Абхазии и Южной Осетии с Россией при сохранении формальной независимости.

Влияние трансформации системы международных отношений на статус Абхазии и Южной Осетии

Нельзя не обратить внимание, что проблема международно-правового статуса Абхазии и Южной Осетии неразрывно связана с более широкими процессами трансформации системы международных отношений, которые наблюдаются в последние десятилетия.

Усиление многополярности мировой системы, ослабление западно-центричного миропорядка и рост влияния незападных центров силы (в первую очередь - России и Китая, а также стран, традиционно относимых к «Глобальному Югу»), создают потенциальные предпосылки для пересмотра сложившихся представлений о принципах международного признания. На наш взгляд, появление альтернативных центров легитимации может способствовать утверждению более плюралистического подхода к проблеме самоопределения и признания новых государств.

Разумеется, кризис системы международного права, проявляющийся в избирательном применении его норм и принципов (что наглядно заметно на примере разных подходов к соотношению принципов территориальной целостности и права наций на самоопределение), также влияет на восприятие проблем непризнанных государств. Параллельное существование различных правовых режимов и практик (так называемая «фрагментация международного права»), как указывает А.С. Буханова, создает условия для конкурирующих интерпретаций ключевых принципов, включая территориальную целостность и право на самоопределение [35, с. 69].

Другие тенденции, наблюдаемые в рамках текущего миропорядка - растущая регионализа-

ция международных отношений и формирование региональных подсистем с собственной иерархией и правилами взаимодействия - тоже влияют на перспективы урегулирования статуса Абхазии и Южной Осетии. Кавказ все больше воспринимается в мире как зона особых интересов России, и это в перспективе может усилить тенденцию к фактической (хотя и не юридической) легитимации текущего статус-кво со стороны внерегиональных акторов - на что указывают, в том числе, и некоторые западные исследователи [36, с. 113].

Наконец, важным фактором является углубляющееся противостояние между Россией и западными странами, которое затрудняет поиск компромиссных решений по статусу спорных территорий. В условиях «новой холодной войны» проблема Абхазии и Южной Осетии становится частью более широкого геополитического противостояния. К сожалению, можно констатировать, что это минимизирует шансы на урегулирование исследуемой проблемы в ближайшей перспективе.

Заключение

Таким образом, Абхазия и Южная Осетия обладают основными атрибутами государственности в соответствии с критериями, установленными в международном праве, и длительное время функционируют как де-факто независимые государства. Однако ограниченное международное признание (только со стороны России и небольшого числа других государств) существенно ограничивает их международную правосубъектность.

В основе проблемы международно-правового статуса Абхазии и Южной Осетии лежит фундаментальная коллизия между принципами территориальной целостности государств и права народов на самоопределение. Международное право не дает однозначного решения этой коллизии, а проанализированная в настоящей статье практика государств демонстрирует непоследовательность и применение «двойных стандартов» в зависимости от геополитических интересов.

На наш взгляд, признание независимости Абхазии и Южной Осетии Российской Федерацией и несколькими другими государствами после российско-грузинского конфликта 2008 г. стало ключевым фактором в эволюции их международно-правового статуса. Однако большинство международного сообщества продолжает рассматривать их как часть территории Грузии, что создает правовую неопределенность их положения - тем более, что правительство Грузии пока не готово идти на какие-либо компромиссы в данном вопросе.

Думается, что неразрешенный статус Абхазии и Южной Осетии негативно влияет на региональную безопасность, создает гуманитарные проблемы для населения и препятствует полноценному экономическому развитию этих территорий. Длительное существование де-факто государственности без международного признания формирует феномен «замороженной государственности», который требует особого теоретического осмысления. Тем не менее, в обозримой перспективе наиболее вероятным сценарием представляется сохранение статус-кво с постепенным углублением интеграции Абхазии и Южной Осетии с Россией при формальном сохранении их независимости. В пользу данного сценария свидетельствуют и последние международные инициативы, складывающиеся между Россией и частично признанными республиками по поводу интенсификации сотрудничества.

Разумеется, поиск компромиссных решений затруднен антагонистическими позициями сторон и отсутствием эффективных международных механизмов урегулирования. Однако происходящая на наших глазах трансформация глобальной системы международных отношений, характеризующаяся кризисом либерального миропорядка и усилением многополярности, может создать новые условия для переосмысления проблемы непризнанных государств и выработки более гибких подходов к их международно-правовому статусу.

Список литературы:

- [1] Анчабадзе Г.З. История и культура древней Абхазии. М.: Наука, 1964.
- [2] Тоидзе Л. Образование осетинской автономии в Грузии // Осетинский вопрос / сост. А. Бакрадзе, О. Чубинидзе. Тбилиси, 1994. М
- [3] Маркедонов С.М. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. Ереван: Институт Кавказа, 2012.
- [4] International Crisis Group. Georgia: Avoiding War in South Ossetia. Europe Report №159. Brussels, 2004.
- [5] Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс: INPA-Press, 1990.
- [6] Вершинина М.И., Агапов П.В. Конфликты в Южной Осетии и Абхазии и российско-грузинские отношения: проблемы регионального и международного сотрудничества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. №2.
- [7] Montevideo Convention on the Rights and Duties of States, 26 December 1933 // League of Nations Treaty Series. Vol. 165. – P. 19-43.
- [8] Ильяшевич М.В., Хахина А.А. К вопросу о международно-правовом признании государств // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. №1.
- [9] Ker-Lindsay J. The Foreign Policy of Counter Secession: Preventing the Recognition of Contested States. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- [10] Мельников Геннадий Петрович Конфликт в Южной Осетии и внешняя политика России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2010. №4 (47).
- [11] Медведев Д.А. Заявление Президента Российской Федерации в связи с признанием независимости Южной Осетии и Абхазии, 26 августа 2008 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/os/1586424/> (дата обращения: 12.02.2025)
- [12] Как Россия признавала независимость Абхазии и Южной Осетии в 2008 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5228408> (дата обращения: 12.02.2025)
- [13] European Parliament Resolution on the situation in Georgia (2008/2594(RSP)) // Official Journal of the European Union. – 2008. – С 41Е. – P. 53-55.
- [14] Fischer S. The EU's Non-Recognition and Engagement Policy towards Abkhazia and South Ossetia. Brussels: European Union Institute for Security Studies, 2010.
- [15] U.S. Department of State. U.S. Relations With Georgia. Bilateral Relations Fact Sheet, July 13, 2022.
- [16] Kolstø P., Blakkisrud H. Living with Non-recognition: State- and Nation-building in South Caucasian Quasi-states // Europe-Asia Studies. 2008. №3 (60)
- [17] Caspersen N. Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System. Cambridge: Polity Press, 2012.
- [18] Gerrits A.W.M., Bader M. Russian patronage over Abkhazia and South Ossetia: implications for conflict resolution // East European Politics. 2016. №3.
- [19] Popescu N. 'Outsourcing' de facto Statehood: Russia and the Secessionist Entities in Georgia and Moldova // CEPS Policy Brief. 2006. №109.
- [20] Кулижникова М.В. Женевские дискуссии по безопасности и стабильности в Закавказье - анализ эффективности // Скиф. 2021. №5 (57).
- [21] Устав ООН от 26 июня 1945 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 20.02.2025)
- [22] Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А(XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://>

www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 20.02.2025)

[23] Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations, UN General Assembly Resolution 2625 (XXV), 24 October 1970 // UN Document A/RES/25/2625.

[24] Hannum H. *Autonomy, Sovereignty, and Self-Determination: The Accommodation of Conflicting Rights*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996.

[25] Агафонов В.В. Политико-правовые основы признания независимости Абхазии и Южной Осетии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. №1 (7).

[26] Мусаелян Л. А. Об одной коллизии в международном праве и возможном способе ее разрешения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. №2 (28).

[27] Nodia G. The August 2008 war: main consequences for Georgia and its conflicts // *Nationalities Papers*. 2012. №5 (40).

[28] Rich P.B. *Conflict in the Caucasus: Russia, Georgia and the West*. London: Routledge, 2010.

[29] International Court of Justice. Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo, Advisory Opinion of 22 July 2010 // ICJ Reports. 2010.

[30] Bolton G., Visoka G. Recognizing Kosovo's independence: Remedial secession or earned sovereignty? // *South East European Studies at Oxford, Occasional Paper*. 2010. №11/10.

[31] Declaration on the "Guidelines on the Recognition of New States in Eastern Europe and in the Soviet Union", 16 December 1991 // *European Journal of International Law*. – 1993. – Vol. 4. – No. 1. – P. 72-73.

[32] Berg E. Parent States versus Secessionist Entities: Measuring Political Legitimacy in Cyprus, Moldova and Bosnia & Herzegovina // *Europe-Asia Studies*. 2013. №7

[33] Медведев допустил присоединение к России Абхазии и Южной Осетии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/08/2023/64e530269a7947aef9176c00> (дата обращения: 25.02.2025)

[34] Власти Грузии исключили идею конфедерации с Абхазией и Южной Осетией [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/10/2024/67028b859a79476b314cfa90> (дата обращения: 25.02.2025)

[35] Буханова А.С. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения // *Право и управление: XXI век*. 2011. №4 (21).

[36] Rzeszutko M. The borderization of Georgia's breakaways as a tool of Russia's long-term struggle with the EU and NATO [Electronic source]. URL: https://www.marshallcenter.org/sites/default/files/files/2022-06/Borderization_PDF.pdf (accessed: 25.02.2025)

Spisok literatury:

[1] Anchabadze G.Z. *Istoriya i kul'tura drevnej Abhazii*. M.: Nauka, 1964.

[2] Toidze L. *Obrazovanie osetinskoj avtonomii v Gruzii* // *Osetinskij vopros* / sost. A. Bakraze, O. Chubinidze. Tbilisi, 1994. M

[3] Markedonov S.M. *De-fakto obrazovaniya postsovetского prostranstva: dvadcat' let gosudarstvennogo stroitel'stva*. Erevan: Institut Kavkaza, 2012.

[4] International Crisis Group. *Georgia: Avoiding War in South Ossetia*. Europe Report №159. Brussels, 2004.

[5] Avtorhanov A. *Imperiya Kremlya. Sovetskij tip kolonializma*. Vil'nyus: INPA-Press, 1990.

[6] Vershinina M.I., Agapov P.V. *Konflikty v YUzhnoj Osetii i Abhazii i rossijsko-gruzinskie otnosheniya: problemy regional'nogo i mezhdunarodnogo sotrudnichestva* // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2010. №2.

[7] Montevideo Convention on the Rights and Duties of States, 26 December 1933 // *League of Nations Treaty Series*. Vol. 165. – P. 19-43.

[8] Il'yashevich M.V., Hahina A.A. K voprosu o mezhdunarodno-pravovom priznanii gosudarstv // *Vestnik RUDN. Seriya: YUridicheskie nauki*. 2014. №1.

[9] Ker-Lindsay J. *The Foreign Policy of Counter Secession: Preventing the Recognition of Contested States*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

[10] Mel'nikov Gennadij Petrovich *Konflikt v YUzhnoj Osetii i vneshnyaya politika Rossii* // *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2010. №4 (47).

[11] Medvedev D.A. *Zayavlenie Prezidenta Rossijskoj Federacii v svyazi s priznaniem nezavisimosti YUzhnoj Osetii i Abhazii*, 26 avgusta 2008 goda [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/os/1586424/> (data obrashcheniya: 12.02.2025)

[12] *Kak Rossiya priznavala nezavisimost' Abhazii i YUzhnoj Osetii v 2008 godu* [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5228408> (data obrashcheniya: 12.02.2025)

[13] European Parliament Resolution on the situation in Georgia (2008/2594(RSP)) // *Official Journal of the European Union*. – 2008. – C 41E. – P. 53-55.

[14] Fischer S. *The EU's Non-Recognition and Engagement Policy towards Abkhazia and South Ossetia*. Brussels: European Union Institute for Security Studies, 2010.

- [15] U.S. Department of State. U.S. Relations With Georgia. Bilateral Relations Fact Sheet, July 13, 2022.
- [16] Kolstø P., Blakkisrud H. Living with Non-recognition: State- and Nation-building in South Caucasian Quasi-states // *Europe-Asia Studies*. 2008. №3 (60)
- [17] Caspersen N. *Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*. Cambridge: Polity Press, 2012.
- [18] Gerrits A.W.M., Bader M. Russian patronage over Abkhazia and South Ossetia: implications for conflict resolution // *East European Politics*. 2016. №3.
- [19] Popescu N. 'Outsourcing' de facto Statehood: Russia and the Secessionist Entities in Georgia and Moldova // *CEPS Policy Brief*. 2006. №109.
- [20] Kulizhnikova M.V. ZHenevskie diskussii po bezopasnosti i stabil'nosti v Zakavkaz'e - analiz effektivnosti // *Skif*. 2021. №5 (57).
- [21] Ustav OON ot 26 iyunya 1945 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (data obrashcheniya: 20.02.2025)
- [22] Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah. Prinyat rezolyuciej 2200 A(HKH1) General'noj Assamblei OON ot 16 dekabrya 1966 goda. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pact-con.shtml (data obrashcheniya: 20.02.2025)
- [23] Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations, UN General Assembly Resolution 2625 (XXV), 24 October 1970 // UN Document A/RES/25/2625.
- [24] Hannum H. *Autonomy, Sovereignty, and Self-Determination: The Accommodation of Conflict-ing Rights*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996.
- [25] Agafonov V.V. Politiko-pravovye osnovy priznaniya nezavisimosti Abhazii i YUzhnoj Osetii // *YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika*. 2009. №1 (7).
- [26] Musaelyan L. A. Ob odnoj kollizii v mezh-dunarodnom prave i vozmozhnom sposobe ee razresheniya // *Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki*. 2015. №2 (28).
- [27] Nodia G. The August 2008 war: main consequences for Georgia and its conflicts // *Nationalities Papers*. 2012. №5 (40).
- [28] Rich P.B. *Conflict in the Caucasus: Russia, Georgia and the West*. London: Routledge, 2010.
- [29] International Court of Justice. Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo, Advisory Opinion of 22 July 2010 // *ICJ Reports*. 2010.
- [30] Bolton G., Visoka G. Recognizing Kosovo's independence: Remedial secession or earned sovereignty? // *South East European Studies at Oxford, Occasional Paper*. 2010. №11/10.
- [31] Declaration on the "Guidelines on the Recognition of New States in Eastern Europe and in the Soviet Union", 16 December 1991 // *European Journal of International Law*. – 1993. – Vol. 4. – No. 1. – P. 72-73.
- [32] Berg E. Parent States versus Secessionist Entities: Measuring Political Legitimacy in Cyprus, Moldova and Bosnia & Herzegovina // *Europe-Asia Studies*. 2013. №7
- [33] Medvedev dopustil prisoedinenie k Rossii Abhazii i YUzhnoj Osetii [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/08/2023/64e530269a7947aef9176c00> (data obrashcheniya: 25.02.2025)
- [34] Vlasti Gruzii isklyuchili ideyu konfederacii s Abhaziej i YUzhnoj Osetiej [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/10/2024/67028b859a79476b314cfa90> (data obrashcheniya: 25.02.2025)
- [35] Buhanova A.S. Kolliziya principov samoopredeleniya narodov, territorial'noj celostnosti gosudarstv i vozmozhnye puti ee resheniya // *Pravo i upravlenie: XXI vek*. 2011. №4 (21).
- [36] Rzeszutko M. The borderization of Georgia's breakaways as a tool of Russia's long-term struggle with the EU and NATO [Electronic source]. URL: https://www.marshallcenter.org/sites/default/files/files/2022-06/Borderization_PDF.pdf (accessed: 25.02.2025)

МАМАЕВА Лиана Мамедовна,

магистр

кафедры гражданского права

Дагестанского государственного университета,

e-mail: liana.mamaeva@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ОТСУТСТВИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ДОЛИ В НАСЛЕДСТВЕ В КНР

Аннотация. Обязательная доля в наследстве — это юридический инструмент, который гарантирует определенным лицам право на получение минимальной доли наследства, даже при наличии завещания или других распоряжений наследодателя. Роль и значение этого понятия варьируется в зависимости от правовой системы и культурных особенностей каждой страны. Тема обязательной доли в наследстве представляет собой важный элемент правового регулирования наследственных отношений. В большинстве европейских правовых систем, включая Россию, Францию и Германию, предусмотрено наличие обязательной доли — части наследства, которую определённые наследники (чаще всего нетрудоспособные члены семьи) получают вне зависимости от содержания завещания. Однако в Китайской Народной Республике (КНР) отсутствует подобный институт в классическом понимании, что вызывает значительный интерес у исследователей.

Данная статья рассматривает проблему отсутствия обязательной доли в наследственном праве Китая, анализируя причины такого положения, его последствия для социальной справедливости и защиты уязвимых слоёв населения. В работе поднимается вопрос о том, насколько существующее законодательство КНР способно обеспечивать баланс между волей наследодателя и правами его иждивенцев. Также исследуется судебная практика, в которой суды иногда пересматривают завещания с учётом нужд наследников, несмотря на отсутствие прямой нормы о обязательной доле.

Автор приходит к выводу о необходимости внедрения элементов обязательной доли или аналогичных механизмов социальной защиты, что позволит более эффективно защищать интересы социально уязвимых наследников и обеспечивать справедливость в процессе наследования.

Ключевые слова: обязательная доля, наследственное право, зарубежные страны, наследодатель, наследники.

MAMAYEVA Liana Mammadova,

Master's degree

Departments of Civil Law

Dagestan State University

THE ROLE OF THE “OBLIGATORY SHARE IN THE INHERITANCE” IN RUSSIA AND IN FOREIGN COUNTRIES

Annotation. A mandatory share in an inheritance is a legal instrument that guarantees certain persons the right to receive a minimum share of the inheritance, even if there is a will or other instructions from the testator. The role and meaning of this concept varies depending on the legal system and cultural characteristics of each country. The topic of compulsory share in inheritance is an important element of the legal regulation of inheritance relations. In most European legal systems, including Russia, France and Germany, provides for a mandatory share of the inheritance, which the heirs of certain (often disabled family members) receive, regardless of the contents of the will. However, there is no such institution in the classical sense in the People's Republic of China (PRC), which arouses considerable interest among researchers.

This article examines the problem of the lack of a mandatory share in China's inheritance law, analyzing the reasons for this situation, its consequences for social justice and the protection of vul-

nerable segments of the population. The paper raises the question of how the existing legislation of the People's Republic of China is able to ensure a balance between the will of the testator and the rights of his dependents. The article also examines judicial practice in which courts sometimes review wills taking into account the needs of the heirs, despite the absence of a direct rule on the mandatory share.

The author concludes that it is necessary to introduce elements of a mandatory share or similar social protection mechanisms, which will more effectively protect the interests of socially vulnerable heirs and ensure fairness in the inheritance process.

Key words: *compulsory share, inheritance law, foreign countries, testator, heirs.*

Система наследования по завещанию в Российской Федерации находится под сильным влиянием германской правовой системы, в то время как законодательство о наследовании по завещанию в Китае является относительно принципиальным и сжатым, что тесно связано с реалиями Китая. Обязательной доли в наследстве, как это существует в некоторых странах (например, в России), в Китае нет. В китайской правовой системе завещание имеет большое значение, и собственник имущества может в значительной степени распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению.

В Китае наследование регулируется Гражданским кодексом, который был принят в 2020 году, 6 Главой, а также Законом КНР "О наследовании". Статьи 1061–1066 ГК КНР начинают свое повествование с того, что муж и жена имеют право наследовать имущество друг друга, а также про имущество, которое является общей собственностью и находится в совместной собственности супругов и которое нет. Т. е. переживший супруг имеет право на свою долю в совместно нажитом имуществе, даже если завещание предусматривает иное и это единственное, что имеет схожесть с "обязательной долей".

Далее 1 глава 6 книги ГК КНР регулирует гражданско-правовые отношения, возникающие в связи с наследованием (статья 1119).

Проанализировав их, можно прийти к выводу, что в Китае отсутствует понятие "обязательной доли в наследстве". Удивительно, что в столь коммунистическом государстве отсутствует столь социальный режим.

В Китае очень важен принцип свободы завещания. В России также существует он, но ограничивается обязательной долей для несовершеннолетних или нетрудоспособных детей наследодателя, его нетрудоспособного супруга и родителя, а также нетрудоспособных иждивенцев наследодателя (1149 ГК РФ).

Китайские законодатели считают, что, итак большое внимание уделяется поддержке и защите родителей и несовершеннолетних. Например, в Законе Китайской Народной Республики о содействии семейному воспитанию, а именно в статье

14, сказано, что лица, обладающие полной гражданской дееспособностью проживающие совместно члены семьи, обязаны помогать и оказывать содействие родителям и другим опекунам несовершеннолетнего. В Конституции КНР, в статье 45 прописано, что граждане Китайской Народной Республики в старости, в случае болезни или потери трудоспособности имеют право на получение от государства и общества материальной помощи. Государство развивает социальное страхование, общественное вспомоществование и медико-санитарное обслуживание, необходимое для реализации этого права граждан [4].

Государство и общество обеспечивают инвалидов из числа военнослужащих, оказывают материальную помощь семьям павших героев, предоставляют льготы семьям военнослужащих, а также помогают слепым, глухим, немым и другим гражданам-инвалидам в устройстве на работу, получении средств на жизнь, получения образования [1].

Что касается родителей, то они обязаны содержать и воспитывать несовершеннолетних детей, совершеннолетние дети, в свою очередь, обязаны содержать и поддерживать родителей (статья 49 Конституция КНР). Также это прописано в Гражданском Кодексе КНР, а именно, что родители обязаны растить, образовывать и защищать своих несовершеннолетних детей. Взрослые дети обязаны поддерживать, помогать и защищать своих родителей (статья 26 ГК КНР).

Все эти нормы действуют, когда наследодатель жив. Но кто ж будет заботиться о данной категории лиц после смерти наследодателя?

Что касается иждивенцев наследодателя, то после его смерти соответствующая доля наследства **может быть** передана лицу, не являющемуся наследником, которое находилось на иждивении умершего, или лицу, не являющемуся наследником, которое внесло значительный вклад в поддержку умершего [2].

В статье 1159 Конституции КНР также есть упоминание о том, что при разделе наследства налоги и долги, подлежащие уплате или причитающиеся умершему в соответствии с законом, выплачиваются из наследства, **при условии**, что

необходимая часть наследства сохраняется для любого наследника, который не имеет ни трудоспособности, ни источника дохода.

Снова нет конкретных мер, обеспечивающих гарантию вышеперечисленным лицам после смерти наследодателя. Но почему ж так обстоят дела в Китае? Выделим возможные причины отсутствия «обязательной доли» в наследстве:

- **Культурные и исторические факторы:** Традиционно в китайской культуре уважается воля старшего поколения и их право распоряжаться своим имуществом так, как они считают нужным. Конфуцианские ценности акцентируют внимание на почитании родителей и подчинении им, но не всегда гарантируют равное распределение имущества между детьми [5].

- **Система социального обеспечения:** В Китае исторически сложилась система, где дети несут ответственность за содержание престарелых родителей. Наличие или отсутствие наследства могло зависеть от того, насколько хорошо дети выполняли свои обязанности по уходу за родителями. Хотя система социального обеспечения развивается, ответственность детей за уход за престарелыми родственниками по-прежнему играет важную роль.

- **Акцент на волеизъявлении завещателя:** Китайское наследственное право делает акцент на уважении воли завещателя, выраженной в завещании. Вмешательство государства в распоряжение имуществом считается менее желательным.

Проблемы и последствия отсутствия обязательной доли:

- **Несправедливость и лишение наследства:** Наиболее очевидная проблема заключается в том, что завещатель может несправедливо лишить наследства нуждающихся родственников, таких как несовершеннолетние дети, нетрудоспособные супруги или престарелые родители, которые находились на его иждивении. Например, завещатель может оставить все свое имущество одному ребенку, исключив остальных.

- **Бремя для государства:** В случаях, когда нуждающиеся родственники лишены наследства, бремя их содержания может лечь на плечи государства, что увеличивает расходы на социальное обеспечение.

Отсутствие обязательной доли в наследстве в Китае является сложным и спорным вопросом, отражающим культурные, исторические и социальные особенности страны. Хотя существующие механизмы защиты прав нуждающихся родствен-

ников в определенной степени смягчают негативные последствия, они не обеспечивают такой же степени защиты, как обязательная доля. Вероятность и сроки введения института обязательной доли в наследственном праве Китая пока остаются неясными. Пока что ситуация требует от нуждающихся родственников активности в защите своих прав через существующие правовые механизмы.

Список литературы:

- [1] Конституция Китайской Народной Республики от 04.12.1982 https://www.constituteproject.org/constitution/China_2018#s1
- [2] Гражданский кодекс Китайской Народной Республики: Книга VI о наследовании 2020 года [Электронный ресурс] URL <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-chinapart-vi-succession-20200528/>
- [3] Закон Китайской Народной Республики о содействии семейному воспитанию «Закон Китайской Народной Республики о содействии семейному воспитанию» от 2021 // <https://chinaperevod.com/law/glava-2-semeynye-obyazannosti>
- [4] Закон Китайской Народной Республики «О наследовании» 1985 г. Электронный ресурс URL <https://chinahelp.me/notary/zakon-knr-onasledovaniy>
- [5] Меликова Каринэ Андреевна Конфуцианство и взаимоотношения поколений в Древнем Китае // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. - 2014. - С. 3.

Spisok literatury:

- [1] Konstitucija Kitajskoj Narodnoj Respubliki" от 04.12.1982 https://www.constituteproject.org/constitution/China_2018#s1
- [2] Grazhdanskij kodeks Kitajskoj Narodnoj Respubliki: Kniga VI o nasledovanii 2020 goda [Elektronnyj resurs] URL <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-chinapart-vi-succession-20200528/>
- [3] Zakon Kitajskoj Narodnoj Respubliki o sodejstvii semejnomu vospitaniyu "Zakon Kitajskoj Narodnoj Respubliki o sodejstvii semejnomu vospitaniyu" от 2021 // <https://chinaperevod.com/law/glava-2-semeynye-obyazannosti>
- [4] Zakon Kitajskoj Narodnoj Respubliki «O nasledovanii» 1985 g. Elektronnyj resurs URL <https://chinahelp.me/notary/zakon-knr-onasledovaniy>
- [5] Melikova Karine Andreevna Konfucianstvo i vzaimootnosheniya pokolenij v Drevnem Kitae // Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. - 2014. - S. 3.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-252-257

СО Линфэн,
аспирантка научно-исследовательского
центра русской филологии и культуры
Хэйлунцзянского университета, Китай,
e-mail: slfen28@163.com

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II

Аннотация. Автор отмечает, что в период правления Екатерины II были проведены масштабные политические, экономические и военные реформы, после которых военная и экономическая мощь России значительно возросла. Говорится о том, что в этот период феодально-крепостнический строй России достиг пика своего развития, а аристократия требовала внешней экспансии для получения экономических выгод. В данной статье представлено описание международного и внутреннего контекста периода правления Екатерины II, сделан обзор содержания внешней политики Екатерины II и, на основе анализа имеющихся материалов, дана ее оценка.

Ключевые слова: Екатерина II, внешняя политика, внешняя экспансия, реформы, военные конфликты, Российская империя.

SUO L.F.,
postgraduate student,
Center for Russian Language Literature and Culture Studies,
Heilongjiang University, China

FOREIGN POLICY OF RUSSIA UNDER CATHERINE II

Annotation. During the reign of Catherine II, major political, economic and military reforms were carried out. After the reforms, Russia's military and economic strength increased and feudal serfdom reached its peak. The nobility demanded foreign expansion in order to gain economic advantages. This article starts with the international and domestic background of Catherine II's period, gives a brief overview of the content of her foreign policy, and finally evaluates Catherine II's foreign policy.

Key words: Catherine II, Foreign policy, External expansion, reforms, military conflicts, Russian Empire.

В период царствования Екатерины II происходит бурное развитие российской феодальной монархии, повышается уровень экономического развития страны, внутри феодальной системы начинает формироваться капиталистическая структура и происходит активное движение России по пути внешней экспансии.

1. Предпосылки внешней политики России при Екатерине II

Международная обстановка в XVIII веке благоприятствовала внешней экспансии России, крупные европейские державы были заняты вой-

ной и послевоенным восстановлением, а развитие отечественной металлургии, ремесла и военной промышленности создавало экономическую и военную базу для внешней экспансии России.

Международный контекст

Семилетняя война между Великобританией и Францией за заморские колонии и морскую гегемонию во второй половине XVIII века принесла большие бедствия европейским державам: истощение серьезными финансовыми трудностями и потери в живой силе. Великобритания и Франция должны были не только нести собственные военные расходы, но и выделять огромные суммы

денег союзникам для финансирования войны. Высокие налоги вызвали недовольство внутри стран, поднимались народные восстания, внутри правящего класса также начались распри, и после войны каждая из стран-участниц оказалась в политически нестабильной ситуации. Хотя Россия также участвовала в Семилетней войне, но она ввела часть своих войск только в отдельные районы и понесла сравнительно небольшие потери. Международная обстановка после окончания Семилетней войны создала условия для дальнейшей экспансии России в Европу.

Франция, потерпевшая поражение в войне, потерявшая часть своих заморских колоний и торговых опорных пунктов и понесшая серьезный экономический ущерб, уже не могла претендовать на гегемонию на европейском континенте и была бессильна препятствовать российской экспансии; Великобритания надеялась, что Россия еще больше ослабит Францию, и не стремилась сильно ограничивать ее внешнюю экспансию; Австрия и Пруссия, сосредоточившись на восстановлении и строительстве своей внутренней экономики, обеспечили России более спокойную обстановку на западе. У Швеции на северо-западном направлении не было сил бороться за возвращение захваченных Россией территорий вдоль Балтийского моря; на юге турки-османы ещё с 1689 г. перешли от нападения к обороне, а после Семилетней войны сосредоточились на внутреннем экономическом развитии и не могли в полной мере препятствовать внешней экспансии России.

Внутренний контекст

Во второй половине XVIII века развитию российского капитализма способствовал внешнеторговый обмен, с помощью которого аристократия надеялась постоянно расширять производство, завоевывать все большие рынки сбыта товаров путем захватнических войн, увеличивать экспорт зерна в Западную Европу, поддерживать страну во внешних войнах. В это время из-за усиления эксплуатации крестьянства дворянами классовые противоречия в России были очень острыми, и правящий класс надеялся смягчить внутренние конфликты и закрепить феодально-крепостнический строй с помощью внешней экспансии. Екатерина II, представляя интересы аристократии, содействовала внешней экспансии.

Благодаря реформам Екатерины II в России активно развивалась тяжелая промышленность, по производству чугуна Россия опережала европейские страны, к концу XVIII века выплавка чугуна в России могла достигнуть 10 млн фунтов, не только обеспечивая внутренние потребности страны, но и экспортируясь в зарубежные страны,

развитие тяжелой промышленности стало важным условием для развития военной промышленности России.

По численности русская армия при Екатерине II считалась самой сильной и закаленной в боях армией Европы, а одним из источников боевой мощи была рекрутская система, введенная Петром I. Заметным преимуществом рекрутской системы было то, что она обеспечила Россию масштабной армией, которая превосходила по численности армии нескольких крупнейших европейских стран [6]. За время правления Екатерины II численность сухопутных войск России значительно увеличилась [2; 5; 7]. А для укрепления военно-морского флота Екатерина II восстановила и усилила Балтийский флот, передав ему 37 главных кораблей, 13 трехмачтовых крейсеров и 30 других судов, и создала Черноморский флот, двадцатый по счету флот России [9, р. 349]. Наличие сильной армии и флота служило военной гарантией активной внешней политики российского правительства.

Внутренняя и внешняя обстановка времен Екатерины II благоприятствовала проведению политики внешней экспансии, и императрица решительно воспользовалась этой благоприятной возможностью.

2. Внешняя политика Екатерины II

Во внешней политике Екатерины II преобладало стремление к расширению территории империи, и за время ее правления территория России увеличилась с 16 420 000 кв. км до 17 050 000 кв. км. Получив выход к Балтийскому морю еще при Петре I, во второй половине XVIII века Россия в лице Екатерины II ставила своей задачей присоединение Западной Украины и Белоруссии, разгром Турции и ее вассала Крымского ханства и получение выхода к Черному морю, а также укрепление позиций на Балтийском море [9, р. 353].

Польша, расположенная в центре европейского континента, стала необходимым путем для установления Россией своей гегемонии в Европе. Польша XVIII века была слаба внутри правящего класса из-за нерационального государственного устройства и напряженной религиозной ситуации, «свободные выборы короля» и «свободное вето» серьезно ослабляли функции правительства, феодальная система также серьезно препятствовала развитию польского капитализма. И хотя Польша была католической страной, в восточной ее части проживало большое количество православных христиан, «неверные» искали убежища в соседних странах, что послужило поводом для вторжения этих стран в Польшу. В Российской империи исходили из принципа, сформировавшего

гося еще в Древней Руси, когда люди будучи носителями славянских обычаев и традиций, представители славянского этноса являлись «своими» [4, с. 71].

В 1762 г. вступлению Екатерины II на престол предшествовал религиозный выпад против Польши: утверждалось, что Россия обязана защищать православных христиан в Польше. В 1764 г. при поддержке России королем Польши был избран Станислав Понятовский. Придя к власти, он попытался сохранить независимость страны и укрепить власть короля, проведя реформы «свободных выборов короля» и «свободного вето», но эти реформы ущемляли контроль Екатерины II над Польшей и вызывали ее недовольство. Чтобы лучше решить польский вопрос, в 1764 г. Россия и Пруссия подписали союзный договор, секретный пункт которого гласил, что обе стороны намерены не допустить «утраты права Польской республики свободно выбирать короля и установления системы престолонаследия» и что они «без колебания употребят силу, если понадобится, против ниспровержения институтов и основных законов Польской республики» [8, р. 289]. Подписание договора свидетельствовало о том, что Россия и Пруссия согласовали политику в отношении Польши, а также гарантировало российский контроль над ней.

В 1766 г. русские и прусские представители внесли в польский парламент законопроект, требующий равных прав для некаатоликов и католиков, который встретил сильное сопротивление польского народа. Чтобы подавить восстание польского народа, русская армия вторглась в Польшу в 1767 г. Польская армия, поддержанная Турцией и Францией, вела вооруженную борьбу против России, но оказалась бессильна противостоять русскому вторжению. Русские победы в Польше и Турции вызвали опасения Австрии и Пруссии, и в 1769 г. Фридрих II и Иосиф II достигли соглашения о разделе Польши. Россия не хотела оказаться в дипломатической изоляции в это время и в 1772 г. заключила трехстороннее соглашение с Австрией и Пруссией о разделе Польши. Россия получила территорию Белоруссии между реками Западная Двина, Друзь и Днепр, а также часть Латвии общей площадью 92 000 квадратных километров [3, с. 289].

После первого раздела Польша оказалась под дальнейшим политическим контролем России, а мелкие и средние шляхтичи и патриоты во главе с Гуго Коллонтаем, осознав глубинные причины отсталости Польши, развернули в стране движение за обновление, главным содержанием которого стала защита суверенитета и национальной независимости страны. Под их руководством в Польше была разработана и сформулирована

Конституция 3 мая, которая принципиально отвергала «свободное вето» и «свободные выборы короля» и осуществляла коренные изменения в польском государственном устройстве. Однако реформы мелких и средних шляхтичей вызвали опасения у бояр, и они попросили Россию прислать войска для подавления реформаторского движения. В 1792 г. Екатерина II направила в Польшу 100 000 русских войск. Пруссия, опасаясь, что Россия захватит страну, также направила войска на польскую территорию. Екатерина II согласилась разделить Польшу с Пруссией, чтобы подавить французскую буржуазную революцию, и в 1793 г. по Петербургскому договору Россия получила часть Белоруссии и Литвы, а также большую часть Украинской губернии, общей площадью более 250 000 квадратных километров [8, р. 315].

Третий раздел Польши был связан с подавлением антирусского восстания под руководством Т. Костюшко, и русская, прусская и австрийская армии совместно вторглись на польскую территорию, а в 1795 г. три страны подписали Договор о третьем разделе Польши, по которому Россия получила Литву, Курляндию, Западную Белоруссию и западную часть Волынских территорий общей площадью более 120 000 км, и таким образом царская Россия раздвинула свои границы до линии рек Немана и Буга [8, р. 316].

В результате трех разделов Польши Россия получила около 62 процентов польской территории, укрепив свое господство в Балтийском регионе и значительно расширив территорию в европейской части страны. Но ее западная граница оказалась непосредственно соприкасающейся с Австрией и Пруссией, лишившись Польши как буферного барьера. В процессе раздела Польши российская, прусская и австрийская державы достигли компромисса интересов, что также сыграло немаловажную роль в победе России в Русско-турецкой войне и получении выхода к Черному морю.

Русско-турецкая война

Черноморские проливы – Босфор и Дарданеллы – важный транспортный путь в Азию и Африку находились под контролем Турции, а вопрос получения выхода к Черному морю всегда был в центре внимания России. В XVIII веке, с развитием экономики России, выход к Черному морю должен был стать важным коридором для перевозки российских товаров, захват Крымского полуострова и получение выхода к Черному морю стали естественной целью, которой Екатерине II необходимо было достичь.

В 1768 г. Россия направила войска на турецкую территорию под предлогом преследования антироссийских сил в Польше и сожгла турецкий

город Балту. Защищая свою национальную независимость, Турция при поддержке Франции объявила войну России. В это время Россия, чтобы помешать Пруссии и Австрии поддержать Турцию, договорилась, что три страны совместно разделят Польшу, и таким образом Пруссия и Австрия встали на сторону России. Ввиду того, что Турции пришлось послать войска для подавления крестьянского восстания внутри страны, она потерпела поражение на международном поле боя. Россия хотела продолжить наступление, но в стране вспыхнуло Пугачевское восстание, и, чтобы сохранить феодальное правление, России пришлось на время прекратить войну с Турцией. В 1774 г. Россия и Турция подписали Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по которому Россия получила выход к Черному морю и часть Черноморского побережья, независимость Крымского ханства, а также выгодное положение на Балканском полуострове.

Но Первая русско-турецкая война не удовлетворила амбиции Екатерины II, ее целью было полное расчленение Турции, поэтому она начала готовиться ко Второй русско-турецкой войне. Чтобы уменьшить дипломатическое сопротивление, российское правительство активно привлекало на свою сторону Австрию. В 1780 г. Россия и Австрия обсудили вопрос войны с Турцией и подписали союзный договор, который гарантировал Австрии полную поддержку России в будущих русско-турецких войнах. В 1783 г., воспользовавшись неспокойной обстановкой в Крыму, российское правительство разорвало Кючук-Кайнарджийский мирный договор, аннексировало Крымское ханство и построило военно-морскую базу в Севастополе.

В 1787 г. Екатерина II заявила о покровительстве княжествам Грузии и Дуная и проинспектировала Черноморский флот вместе с императором Иосифом II. Чтобы сохранить территориальную безопасность, Турция в августе объявила России войну. В начале войны русская армия одержала победу и успешно захватила важные порты в устье Дуная, а Австрия выполнила свое обещание, данное России, направив войска в Турцию и захватив Белград и другие пункты.

И хотя Россия одержала несколько побед над Турцией, ряд факторов не позволил ей достичь поставленных целей в полной мере. В 1790 г., под двойным давлением Великобритании и Пруссии, Австрия вышла из войны, внезапная болезнь и смерть Потёмкина и Французская революция также серьезно повлияли на ход военной кампании. После заключения Австрией сепаратного мира Россия, чтобы избежать отдельной войны с европейскими державами, отказалась от своих обширных претензий на турецкие террито-

рии, и в 1792 г. Россия и Турция подписали Ясский мир, по которому Турция признала притязания России на Крымское ханство, России были переданы обширные территории по рекам Южный Буг и Днестр.

После двух войн с Турцией Азовское море стало для России практически внутренним морем, и она превратилась в важного игрока в Черноморском регионе, где русские торговые суда теперь могли свободно передвигаться. Оборот российской черноморской торговли в 1776 г. составлял менее 400 руб., а к 1796 г. он вырос почти до 2 000 000 руб. [3].

Внешняя политика России в Азии

Внешняя политика Екатерины II в Азии заключалась в контроле над Кавказским регионом на юге и попытке открыть бассейн реки Хэйлунцзян (китайское название реки Амур) в Китае.

Кавказский регион был стратегически важным местом, связывающим Восточную Европу с Западной Азией и Южную Азию с Балканами, и его захват позволил бы России контролировать прибрежную полосу северной Персии и открыл бы путь для экспансии в Индию и Афганистан.

С XVI века царская Россия часто создавала опорные пункты на Кавказе под предлогом помощи, а в XVIII веке жестоко угнетаемые крестьяне и казаки бежали в долину Северного Кавказа и причерноморские степи. Царское правительство сформировало из казаков армию, построило линию блокгаузов у рек Терек и Сунжа, основало эмигрантские станицы и постепенно подчинило Северный Кавказ. Во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг., когда Южный Кавказ превратился в поле боя, царская Россия склонила Грузию к участию в войне против турок в качестве своего союзника, что позволило российской армии вступить на грузинские территории. В 1783 г., воспользовавшись конфликтом в грузинской царской семье из-за права наследования, российское правительство сделало Грузию протекторатом Российской империи и смогло продвинуться дальше на юг.

Вскоре после прихода к власти в 1762 г. Екатерина II отправила в Китай своего посланника И.И. Кропотова, чтобы вновь поставить перед цинским правительством вопрос о «ложном пути» в Хэйлунцзян, а в 1763 г. скорректировала систему обороны российско-китайской границы, сделав Нерчинскую область плацдармом для нападения на Китай. В том же году Екатерина II приказала Г.Ф. Миллеру составить проект «Рассуждений о предприятии с русской стороны войны с китайцами». В «Рассуждениях...» Миллер отрицал территориальный суверенитет Китая над территорией бассейна реки Амур (Хэйлунцзян), настаивая

на том, что «вся река Амур, от верховьев до устья, искони принадлежала России» [3]. Однако в это время Китай был силен, после усмирения восстания джунгар северная граница была стабильна, и началась русско-турецкая война, у России не было времени думать о востоке, поэтому царское правительство отложило план войны с Китаем. Другим важным фактором была активная торговля между Китаем и Россией. После подписания Кяхтинского договора Россия получила огромные прибыли от кяхтинской торговли. В период с 1760 по 1775 г. доля кяхтинской торговли в объеме внешней торговли России увеличилась с 7,3 до 8,3 %, а доходы от тарифов Кяхты выросли с 20,4 до 38,5 % от общих тарифов всей России [10, р. 105]. Цинское правительство могло воспрепятствовать кяхтинской торговле, поэтому русское правительство не спешило начинать вооруженное вторжение в Китай.

3. Оценка внешней политики Екатерины II

Внешняя политика Екатерины II была направлена на расширение и укрепление национального могущества. Благодаря военной экспансии и дипломатии Россия получила новые земли и богатства, а ее международный статус продолжал расти, обеспечивая ей лидирующие позиции в европейских внешних делах.

Следует отметить, что дипломатическое мышление Екатерины II претерпело определенные изменения: в первые годы правления под влиянием идей европейского Просвещения она отдавала предпочтение либерализму и пацифизму. В начале своего правления Екатерина II писала российскому послу в Варшаве графу Кейзерлингу: «Скажу вам совершенно откровенно, что моя цель – поддерживать дружбу со всеми державами и даже вступать в оборонительные союзы, чтоб иметь право становиться на сторону того, кого притесняют всего сильнее, и сделаться таким образом третейским судьей в Европе» [1]. Однако с дальнейшим развитием промышленности и сельского хозяйства в России в XVIII веке аристократия требовала расширения сельскохозяйственного производства и приобретения новых земель и крепостных, и внешние помыслы и политика Екатерины II постепенно превратились в борьбу за гегемонию в Европе. Таким образом, во время своего правления Екатерина II реорганизовала русскую армию, восстановила русский флот и начала масштабную экспансию в Европе и Азии, превратив Россию в огромную империю, охватывающую Европу, Азию и Северную Америку.

Внешняя политика Екатерины II отличалась гибкостью и разносторонностью, императрица умела корректировать дипломатическую стратегию в зависимости от изменений международной

обстановки, используя разнообразные средства для достижения поставленных стратегических целей в интересах России. В процессе раздела Польши и противостояния с Турцией она реализовала свою цель, заключив союзы с Пруссией, Австрией и другими странами; в то же время она уделяла внимание органичному сочетанию военной и дипломатической политики. Так, в ходе борьбы с Турцией не только нанесла удар военными средствами, но и ослабила международную поддержку Турции дипломатическими методами.

Внешняя политика Екатерины II была направлена на обеспечение национальных интересов России, что в определенной степени оказало положительное влияние на страну, получившую большое количество земель и крепостных, способствовало дальнейшему развитию феодально-крепостнической системы в России, бурному развитию ремесла и военной промышленности, ускорению процесса модернизации; значительно повысило международный статус России, ее международный дискурс в европейских делах. К концу царствования Екатерины II политический центр Европы переместился из Западной Европы в Восточную, и Россия стала играть решающую роль в дальнейших делах Северо-Восточной Европы.

Список литературы:

- [1] Валишевский К. Роман Императрицы. Екатерина II, Императрица Всероссийская. – СПб.: Издание А.С. Суворина 1908. – 630 с., 35 л. илл.
- [2] Военная история государства Российского [Золотарев В.А., др.] / 2-е изд., дополн. – М. Кучково Поле, 2015. – 751 с.
- [3] Ключевский В.О. Курс русской истории / Т. 5 [послел. и коммент. составили: В.А. Александров, В.Г. Зимина]. – М.: Мысль, 1989. – 476 с.
- [4] Рыжов В.Б. Оппозиция «свой-чужой» в культуре Древней Руси // Дипломатический вестник. Право, экономика, политика. 2024. № 4 (27). – С. 66-74.
- [5] Саксонов О.В., Лишин С.А. Русская армия в эпоху Екатерины II [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru). 2016. № 1 (6). – URL: <https://www.noo-journal.ru/2016-1-6/article-0053/> (дата обращения: 12.04.2025).
- [6] Саксонов О.В., Лишин Н.А. Фундамент побед русского оружия во второй половине XVIII века [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru). 2016. № 1 (6). – URL: <https://www.noo-journal.ru/vak/2016-1-6/article-0053/> (дата обращения: 12.04.2025).
- [7] Татарников К.В. Русская армия времен Екатерины Великой: взгляд изнутри [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и

источники. 2012. Т. II. – С. 278-314. – URL: http://www.milhist.info/2012/09/30/tatarnikov_1 (дата обращения: 12.04.2025).

[8] 王绳祖.国际关系史·第一卷 (1648-1814) [M].世界知识出版社,1995.

[9] 孙成杰、刘祖熙、李建.俄国通史简编(上) [M].人民出版社,1986.

[10] 孙守春.早期恰克图贸易的历史地位和作用 [J].辽宁师范大学学报,2003(03).

[5] Saksonov O.V., Lishin S.A. Russkaya armiya v e'poxu Ekateriny` II [E'lektronny`j resurs] // Nauka. Obshhestvo. Oborona (noo-journal.ru). 2016. № 1 (6). – URL: <https://www.noo-journal.ru/2016-1-6/article-0053/> (data obrashheniya: 12.04.2025).

[6] Saksonov O.V., Lishin N.A. Fundament pobed russkogo oruzhiya vo vtoroj polovine XVIII veka [E'lektronny`j resurs] // Nauka. Obshhestvo. Oborona (noo-journal.ru). 2016. № 1 (6). – URL: <https://www.noo-journal.ru/vak/2016-1-6/article-0053/> (data obrashheniya: 12.04.2025).

[7] Tatarnikov K.V. Russkaya armiya vremen Ekateriny` Velikoj: vzglyad iznutri [E'lektronny`j resurs] // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. 2012. Т. II. – С. 278-314. – URL: http://www.milhist.info/2012/09/30/tatarnikov_1 (data obrashheniya: 12.04.2025).

[8] 王绳祖.国际关系史·第一卷 (1648-1814) [M].世界知识出版社,1995.

[9] 孙成杰、刘祖熙、李建.俄国通史简编(上) [M].人民出版社,1986.

[10] 孙守春.早期恰克图贸易的历史地位和作用 [J].辽宁师范大学学报,2003(03).

Spisok literatury`:

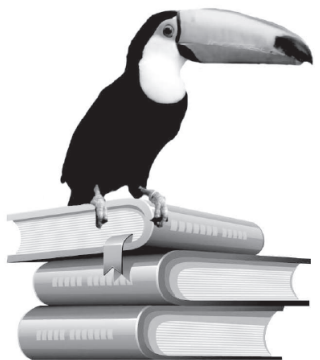
[1] Valishevskij K. Roman Imperatricy. Ekaterina II, Imperatricza Vserossijskaya. – SPb.: Izdanie A.S. Suvorina 1908. – 630 s., 35 l. ill.

[2] Voennaya istoriya gosudarstva Rossijskogo [Zolotarev V.A., dr.] / 2-e izd., dopoln. – M. Kuchkovo Pole, 2015. – 751 s.

[3] Klyuchevskij V.O. Kurs russoj istorii / Т. 5 [poslesl. i komment. sostavili: V.A. Aleksandrov, V.G. Zimina]. – M.: My'sl', 1989. – 476 s.

[4] Ry'zhov V.B. Oppoziciya «svoj-chuzhoj» v kul'ture Drevnej Rusi // Diplomaticheskij vestnik. Pravo, e'konomika, politika. 2024. № 4 (27). – S. 66-74.

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-258-262

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,
доцент кафедры специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
e-mail: dimpsonn@yandex.ru

БРАЖЕНСКАЯ Наталья Евгеньевна,
Доцент кафедры ГСЭД ДВФ ФГБОУ ВО
«РГУП имени В.М. Лебедева»
кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: Elena.Brazhenskaya@yandex.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ В ИСТОРИИ ПРАВА РОССИИ

Аннотация. Автор в своей научной работе проводит исследование становления судебной системы, отражающей систему правосудия, в некоторых случаях проводит сравнительный анализ судебной практики в эпоху становления и развития на современном этапе.

Ключевые слова: суд, правосудие, посягательство, судебная система, преступление, закон, борьба с преступностью, законодательство, ответственность.

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,
Associate Professor of the Department of Special and Automotive Equipment
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Legal Sciences

BRAZHENSKAYA Natalia Evgenievna,
Associate Professor of the Department
of State Economic Activity of the Far Eastern Federal University
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Russian State University of Economics named after V.M. Lebedev"
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

CRIMES AGAINST JUSTICE IN THE HISTORY OF RUSSIAN LAW

Annotation. The author in her scientific work conducts a study of the formation of the judicial system, reflecting the justice system, in some cases conducts a comparative analysis of judicial practice in the era of formation and development at the present stage.

Key words: court, justice, encroachment, judicial system, crime, law, fight against crime, legislation, responsibility.

Начиная с периода своего становления и последующего совершенствования Российское государство, считало приоритетным и более актуальным обязательность исполнения законов и противодействие преступности в различных сферах ее проявления.

Ответственность в данном направлении несли особые органы государственной власти и правоохранительные органы, которые были уполномочены определенными правами и компетенциями необходимыми для борьбы с преступниками.

Отечественный законодатель вводит в конституционную гарантию неприкосновенности судей, и привлечение их к уголовной ответственности, что стало крайне редким явлением.

В современной России ответственность за преступления против правосудия помимо уголовной ответственности может предусматривать и административные и дисциплинарные меры, что подчеркивает актуальность защиты системы правосудия.

Выделение норм, направленных на установление ответственности за преступления против правосудия в отдельную главу кодекса, соответствующих конституционным принципам и положениям, определяет место и роль судебной власти в современном правовом государстве.

Целесообразно отметить, что именно судебная система реализует ряд важных для общества функций, в том числе и функцию охраны укрепления законности и функцию защиты прав и интересов субъектов права.

Исследование преступлений против суда имеет важное значение для обеспечения защиты прав и свобод человека и государства в судебной системе, поскольку преступные действия могут затруднить эффективную реализацию всей правовой системы в целом.

История России свидетельствует о неизменной актуальности института преступлений против правосудия. Данный институт является одним из самых важных и развивающихся в рамках уголовного законодательства, ведь в условиях правового государства, гарантирующего права и свободы каждого человека, правосудие играет огромную роль в обеспечении правопорядка и защите интересов общества.

Тем не менее, правосудие, как и любая другая сфера, нуждается в надлежащей защите и охране. Именно поэтому уголовно-правовые средства защиты от преступлений против правосудия используются наравне с другими мерами, существующими во всех странах мира.

Нормативно-правовое регулирование системы преступлений против правосудия и уголовной ответственности за посягательства на его интересы формировалось на протяжении многих десятилетий.

Каждый этап истории России сопровождался изменениями в законодательстве, направленными на более эффективную борьбу с преступлениями против правосудия.

Процесс возникновения и развития уголовно-правовых норм в данной области отражен во многих правовых исторических документах, каждый из которых внес значительный вклад в действующую уголовно-правовую систему.

На современном этапе преступления против правосудия по-прежнему занимают особое положение в правовых кодификациях, поэтому исследование исторического аспекта формирования системы преступлений против суда, безусловно, нужно начать с законодательства Древней Руси, так как именно оно заложило базис для развития уголовно-правовой системы в целом.

Стоит начать с того, что первыми законодательными источниками, которые регламентиро-

вали торговую деятельность международного характера, некоторые виды имущественных отношений, являлись Договоры.

Так, ст. ст. 6-7 Договора 911 г. и ст. ст. 5-6 Договора Древней Руси с Византией от 945 г. устанавливали ответственность за кражу, разбой и грабеж в виду штрафа, размер которого, как правило, зависел от стоимости имущества.

При этом важно отметить, что в случае убийства виновного субъекта, который совершил то или иное преступление, ответственность за данное деяние не устанавливалась, однако штраф не выплачивался, поскольку потерпевший мог забрать принадлежавшее ему ранее похищенное имущество.

Если же говорить исключительно лишь о преступлениях против суда, то одним из наиболее разработанных нормативных правовых актов является «Русская Правда» – древнейший, системобразующий законодательный источник, первоначальный текст который до эпохи современности.

Вместе с тем, серьезные корректировки и пополнения в содержание фабулы Русской Правды были сделаны сыновьями Ярослава Мудрого, во времена управления которых был сформирован настоящий законодательный документ. «Правда Ярослава» и «Правда Ярославичей» стали основой краткой редакции «Русской Правды» [1].

Исходя из содержания законодательного акта «Русской Правды» делинквентными действиями и противоправными поступками, принято было признавать, те незаконные действия, в результате чего имело место быть таких последствий как: причинение вреда здоровью человека и ущерб конкретной личности и его материальному имуществу и достатку.

Ввиду вышеизложенного все преступления в соответствии с настоящим сводом законов и правил исходил только из следующих основных видах преступлений:

- преступные посягательства против человека;
- преступления направленные на чужое имущество (кражи, грабежи, разбой).

Каких-либо государственных и иных видов общественно опасных действий «Русская Правда» не затрагивала.

При этом в указанном законодательном акте применялась трактовка к определению «обида», а противоправное деяние определялось как поступок, как оценивался строго по количеству ущерба, причиненного индивидуально конкретному лицу [2].

Вместе с тем, в последних версиях «Русской правды» обнаружены положения, которые можно

рассматривать в качестве предвестников существующих составов преступлений, связанных с нарушением правосудия. Эти нормы являются своего рода прототипом современных преступлений против правосудия.

В частности, к таким преступным деяниям относились те действия, которые препятствовали судебным органам путем создания неблагоприятных условий для вынесения судом правильного решения устанавливать «правду». Данные деяния представляли собой, например, ложные доносы («ябедничество»), «безосновательное обвинение» и т.д.

Так, в ст. 20 Пространной редакции «Русской Правды» [3], проработанной и изданной Владимиром Мономахом, устанавливалась ответственность за ложный донос: «А иже свержет виру, то гривна кун сметная отроку, а кто и клепал, тому дати другую гривну; а от виры помечнаго 9(кун)» [4].

Интерпретируя другими словами, в случае если у обвиняемого получится оправдаться, то с него берется как оплата – вира., т.е., заплатить сметную гривну кун представителю княжеской власти – отроку, за его участие в суде и оправдании. Тем самым, истец, заявивший о ложном обвинении, обязан уплатить ту же сумму отроку и тем самым должен быть привлечен к ответственности.

Это правило является частью древней русской традиции, которая устанавливала определенные нормы и правила поведения в обществе. Оно демонстрирует, что справедливость должна быть достигнута в каждом конкретном случае, и что обвинение должно быть основано на реальных доказательствах. Однако необходимо отметить, что данное правило также может быть рассмотрено с точки зрения ущемления прав обвиняемых. Ведь при такой системе, даже если обвиняемый доказывает свою невиновность, он все равно должен платить за участие в суде. Более того, оно не учитывает возможность того, что обвинитель может предъявить ложное обвинение умышленно, чтобы нанести вред обвиняемому.

В связи с этим, становится очевидным, что правосудие того времени не было сбалансированным и достаточно справедливым.

Также в ст. 1 указанного законодательного акта было определено, что за убийство близких князю лиц предусматривалась двойная ответственность, а в ст. 3 была установлена возможность назначения двойной виры за убийство представителей княжеской администрации в случае разбоя [4].

Несмотря на то, что первичной формой наказания в Древней Руси была именно месть,

которую осуществляли потерпевшие или его ближние, в «Русской Правде» устанавливались повышенные штрафы за убийство тиуна, дифференцировавшиеся в зависимости от занимаемого им места в судебной иерархии (ст. 9-11 Русской Правды по Карамзинскому списку) [5].

При этом интересным представляется тот факт, что ограничения мести постепенно сводились к ограничениям.

В частности, сужался круг преступлений, за которые допускалась месть, и устанавливался ограниченный срок, в течении которого можно мстить или сужению круга мстителей.

Однако каждая месть, неважно, за что именно свершенная, подлежала судебной оценке.

Суд проверял соблюдение правил мести и мог сам в зависимости от характера преступления присудить месть [6].

Таким образом, «Русская Правда» в своем первоначальном виде не предусматривала таких видов преступлений, как посягательство на государство, суд, князя.

Вместе с тем, нельзя говорить о том, что данные виды преступлений не совершались в Древней Руси. Как отмечают в такой связи многие авторы, как правило, такие преступники наказывались на месте, поэтому проведения судебного разбирательства не требовалось [7].

Только в последующих редакциях, в частности, Пространной редакции «Русской Правды» [8] закладывались постепенно основы системы преступлений против суда. Сама же ответственность за противоправные действия, направленные на правосудие, устанавливалась, как правило, в виде денежного штрафа, сумма которого уходила в казну государства.

Поэтому можно сделать определенный вывод о том, что преступления против суда уже в период Древней Руси начали формироваться к группе основных преступлений.

В частности, в Новгороде и Пскове, представлявшие собой боярские республики, судебная система начала приобретать исключительные особенности, которые выражались в том, что суд князя и посадника функционировал совместно с церковным судом.

Более того, важное место в правовой системе Древней Руси в рассматриваемый период занимало Вече, которое наделялось соответствующими полномочиями по разрешению наиболее тяжких преступлений.

Отсутствие законов, регулирующих злоупотребления представителями судебных органов в «Русской Правде», которая продолжала действовать в период феодальной раздробленности, неизбежно привело к созданию норм, направленных на защиту правосудия «изнутри».

Но этого не было достаточно, и в Судебнике 1497 года появилась новая норма о лжесвидетельстве и запрете давать взятки.

В частности, статья 67 Судебника устанавливала обязательство истца и ответчика не давать взятки судьям и приставам во время судебных процессов. Кроме того, свидетели должны были говорить только правду и не давать ложных показаний, если они не видели реальных обстоятельств дела. Аналогичный запрет содержался и в ст. 4 Псковской судной грамоты.

Необходимо отметить, что после принятия Псковской судной грамоты стали возможны новые преступления, направленные против судебных органов. Среди них можно выделить такие преступления, как незаконное проникновение в здание суда, физическое насилие над судебными должностными лицами. Это в свою очередь способствовало более жесткому наказанию за подобные преступления.

Так, например, ст. 58 данного документа определяла, кто имеет право посещать зал суда, а также устанавливала наказание за насильственное проникновение в помещение суда и нападение на специальных должностных лиц. Заключение в колодки и штраф были назначены в качестве мер наказания за такие преступления [9]. Запрещалось также применять физическое насилие к истцу или ответчику на суде в присутствии судебных властей (ст. 111 Псковской судной грамоты).

В целом, Псковская судная грамота, принятая в 1451 году, стала значимым событием в развитии правовой системы России. Она включала в себя множество норм и правил, регулирующих деятельность судебных органов и устанавливающих ответственность за нарушение правил.

Важным также представляется и то, что Псковская судная грамота устанавливала впервые виды ответственности за преступления против суда:

- ответственность за «тайный посул судье»;
- ответственность за несанкционированное вторжение в помещение суда – «судебню»;
- ответственность за применения насилия в отношении «подверника» (судебного пристава того времени) (ст.ст. 48, 58);
- ответственность за порядок в зале судебного заседания, а именно за совершение оскорбительных действий. Ст. 11 данного источника гласила, что ответственность применяется в отношении тех, «кто ударит на суде истца».

При этом последний указанный нами вид ответственности наступал для правонарушителя в виде наложения на него штрафа в размере

одного рубля. В случае если правонарушитель не имел возможности погасить данный штраф, то нарушитель «выдавался головой» тому, кому нанес оскорбление.

Особый интерес в процессе анализа норм Псковской Судной грамоты представляют нормы, запрещающие и возлагающие ответственность за подстрекательство к нападениям на суд или на противоположную сторону [10]:

Таким образом, опираясь на вышеизложенное, можно прийти к выводу, что несмотря на это, законодательные акты Древней Руси заложили основу формирования системы преступлений против суда.

Список литературы:

- [1] Русская правда (Краткая редакция) // Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти томах. Том 1. – М.: Юридическая литература, 1994.
- [2] Альбов А.П. История отечественного государства и права X-XIX века. В 2 ч. – Ч. 1. – М.: Юрайт, 2023. С. 42.
- [3] Русская правда (Пространная редакция) // Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти томах. Том 1 – М.: Юридическая литература, 1994.
- [4] Янин В.Л. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9-ти томах. – Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1984. С. 65.
- [5] Калачов Н.В. Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. – М.: Тип. Августа Семена, 1846. С. 46.
- [6] Исаева Т.С. Основные памятники русского права. – Владивосток: Дальневост. ун-та, 1983. С. 23.
- [7] Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/>
- [8] Русская правда (Пространная редакция) // Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти томах. Том 1 – М.: Юридическая литература, 1994.
- [9] Псковская Судная грамота // Исторические записки. – М., 1940. Т. VI. – С. 256-257.
- [10] Донсков Д.А. Преступления в сфере правосудия: история развития российского законодательства до 1917 г. // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе: Сборник научных статей. – Ярославль, 2001. – С. 120.

Spisok literatury:

- [1] Russkaya pravda (Kratkaya redakciya) // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9-ti tomax. Tom 1. – М.: Yuridicheskaya literatura, 1994.

[2] Al'bov A.P. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava X-XIX veka. V 2 ch. – Ch. 1. – M.: Yurajt, 2023. S. 42.

[3] Russkaya pravda (Prostrannaya redakciya) // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9-ti tomax. Tom 1 – M.: Yuridicheskaya literatura, 1994.

[4] Yanin V.L. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. V 9-ti tomax. – T. 1. – M.: Yurid. lit., 1984. S. 65.

[5] Kalachov N.V. Tekst Russkoj Pravdy` na osnovanii chety`rex spiskov razny`x redakcij. – M.: Tip. Avgusta Semena, 1846. S. 46.

[6] Isaeva T.S. Osnovny`e pamyatniki russkogo prava. – Vladivostok: Dal'nevost. un-ta, 1983. S. 23.

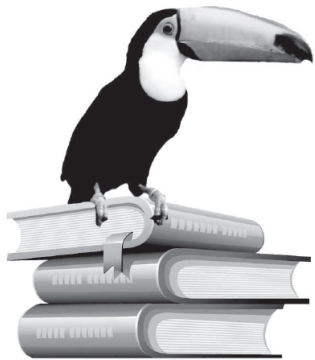
[7] Sergeevich V.I. Lekcii i issledovaniya po drevnej istorii russkogo prava // SPS «Garant». URL: <https://www.garant.ru/>

[8] Russkaya pravda (Prostrannaya redakciya) // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9-ti tomax. Tom 1 – M.: Yuridicheskaya literatura, 1994.

[9] Pskovskaya Sudnaya gramota // Istoricheskie zapiski. – M., 1940. T. VI. – S. 256-257.

[10] Donskov D.A. Prestupleniya v sfere pravosudiya: istoriya razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva do 1917 g. // Differenciaciya otvetstvennosti i voprosy` yuridicheskoy texniki v ugodnom prave i processe: Sbornik nauchny`x statej. – Yaroslavl', 2001. – S. 120.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЛЕВЧУК Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. В. Г. Плеханова,
e-mail: levchuk.sv@rea.ru

«ЧЁРНО-БЕЛЫЕ ПЯТНА» В ВОПРОСЕ ДЕПОРТАЦИИ НЕКОТОРЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье представлена ретроспектива проблемы депортации отдельных народов и социальных групп в СССР с мест постоянного проживания в Сибирь и Среднюю Азию в условиях Великой Отечественной войны. В центре внимания проведенного исследования находятся архивные и иные материалы, позволяющие дать более объективную политико-правовую оценку практике депортации народов, с акцентом на факты и реальную ситуацию в стране. Представленная проблема требует пристального изучения ввиду неоднозначности сложившихся в научной литературе оценок, от крайне отрицательных до умеренно-либеральных. За рамками серьезных исследований оказался вопрос об истинных причинах депортации и о том, почему эти меры касались лишь отдельных национальных и социальных групп. Более того, в международной практике, с целью обеспечения национальной безопасности, широко применялись подобные меры, особенно в военное время, примером чего являются США, Великобритания и другие страны. Указанные прецеденты, при этом, так и не получили должной международно-правовой оценки. Отдельное внимание в статье уделено анализу сообщений военного командования, приказам и указам Президиума Верховного Совета СССР. Также описаны особенности массового выселения больших групп населения юга СССР в интересах обеспечения безопасности тыла. В заключении автор делает вывод о необходимости опираться в оценках практики депортации народов на объективные факторы, такие как: реальная ситуация на фронтах; масштабы логистических цепочек и обеспечение их безопасности; правовой режим законности военного времени; вопросы обеспечения армии и тыла в чрезвычайных условиях.

Ключевые слова: депортация отдельных национальных и социальных групп, законы военного времени, стратегия и тактика военных действий, тенденциозность оценок, обеспечение тыла армии, государственно-правовые аспекты депортации.

LEVCHUK Sergey Vladimirovich,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics

«BLACK AND WHITE SPOTS» IN THE ISSUE OF DEPORTATION OF SOME NATIONAL GROUPS OF THE POPULATION OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article presents a retrospective of the problem of deportation of some peoples and social groups in the USSR from their places of permanent residence to Siberia and Central Asia in the conditions of the Great Patriotic War. In the centre of attention of the conducted research there are archival and other materials, allowing to give more objective political and legal assessment of the practice of deportation of peoples, with emphasis on the facts and the real situation in the country. This problem requires close scrutiny due to the ambiguity of assessments in the scientific literature, ranging from extremely negative to moderately liberal. The question of the true reasons for the deportations and why these measures affected only certain national and social groups has been

left out of serious research. Moreover, in international practice, in order to ensure national security, such measures were widely used, especially in wartime, as exemplified by the USA, Great Britain and other countries. These precedents, however, have not received proper international legal assessment. Special attention in the article is paid to the analysis of messages of the military command, orders and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. It also describes the peculiarities of mass eviction of large groups of population in the south of the USSR in the interests of ensuring the security of the rear. In conclusion, the author draws a conclusion about the necessity to rely in assessing the practice of deportation of peoples on objective factors such as: the real situation at the fronts; the scale of logistic chains and ensuring their security; the legal regime of wartime legality; the issues of providing the army and the home front in emergency conditions.

Key words: *deportation of separate national and social groups, wartime laws, strategy and tactics of military operations, tendentiousness of assessments, provision of the rear of the army, state-legal aspects of deportation.*

Введение

Вопрос о депортации ряда народов и социальных групп в Сибирь и Среднюю Азию во время Великой Отечественной войны требует пристального изучения ввиду неоднозначности сложившихся в научной литературе оценок. Начиная с доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде партии «О культе личности Сталина и его последствиях», депортация народов получила крайне одиозную оценку, как «нарушение ленинской национальной политики и социалистической законности». Именно так это закреплялось в Декларации Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечению их прав», а также - в Законе РСФСР от 26 апреля 1991 года «О реабилитации репрессированных народов». В своём стремлении заполнить «белые пятна» истории, многие государственные и общественные деятели, публицисты и журналисты вместо «белых пятен», создали «чёрные» [1, с. 7].

Это обстоятельство коснулось многих аспектов государственно-правового развития СССР, включая вопрос о депортации, которая оценивалась, как заведомо «противозаконная и преступная», прямо нарушающая нормы и принципы международного права. Однако тенденциозность подобных оценок очевидна, поскольку за рамками серьёзных исследований оказался вопрос об истинных причинах этих мер и о том, почему эти меры касались лишь отдельных национальных и социальных групп. Более того, в международной практике, с целью обеспечения национальной безопасности, широко применялись аналогичные меры, особенно в военное время, будь то США, Великобритания и иные государства. Так, в начале 1942 года власти США, в страхе перед угрозой со стороны Японии, принудительно переселили гражданское население Алеутских островов и острова Прибылова на Аляску.

Цель

Представление ретроспектива проблемы депортации отдельных народов и социальных групп в СССР с мест постоянного проживания в Сибирь и Среднюю Азию в условиях Великой Отечественной войны.

Результаты

По личному приказу президента США Ф.Д. Рузвельта, от 19 февраля 1942 года, более 120 тысяч американских граждан японского происхождения, проживавших на Западном побережье, были не только насильственно выселены с мест своего постоянного проживания в «гнилые местечки» центральной части страны, но и размещались в специальных трудовых лагерях. Из армии США были уволены военнослужащие японского происхождения и привлечены к принудительному труду [2, с. 432]. В годы войны власти Великобритании также «устранили нежелательные социальные элементы», преимущественно граждан немецкого происхождения, принудительно выслав их в Канаду. Подобных фактов было достаточно и по другим странам, но все они не рассматривались на международном уровне в качестве преступных и незаконных. Не удивительно, что и в современных условиях страны запада откровенно попирают общепринятые нормы и принципы международного права, включая незыблемость прав частной собственности не неся за это никакой ответственности. В этой связи закономерен вопрос, почему именно советский прецедент депортации народов привлёк столь пристальное внимание научного сообщества и вызвал бурную полемику.

Глубоко ошибочной представляется основная парадигма ряда исследований по данной проблематике, опиравшаяся лишь на особенности национальной политики в СССР, а не на более очевидный и объективный фактор времени - вопрос обеспечения интересов государственной

безопасности и охраны тыловых коммуникаций действующей армии в чрезвычайных военных условиях. На наш взгляд, более объективные оценки причин депортации народов следует искать в анализе стратегического положения на советско-германском фронте и тех реальных угроз, которые имели место на момент принятия столь непростых решений.

В августе 1941 года у советского военно-политического руководства возникла обоснованная тревога за безопасность переправ через Волгу, имевшим стратегическое значение, благодаря которым обеспечивались военные, товарно-сырьевые и иные поставки для нужд фронта. Речь идёт о двух важнейших мостах (железнодорожном и автомобильном), которые определяли кратчайший путь сообщения между Центром и Востоком страны в районе Саратова (г.Энгельс) и Самары (г.Куйбышев). Вся эта территория была заселена преимущественно российскими немцами и относилась к Республике немцев Поволжья. Нет никаких оснований сомневаться в патриотизме и законопослушности большей части местного населения, вопреки отдельным проявлениям недовольства последствиями политики раскулачивания в 30-е годы, в рамках процесса коллективизации и индустриализации страны. Однако имели место донесения спецслужб о реальных намерениях немецкой агентуры создать диверсионные группы для подрыва указанных мостов через Волгу. Вряд ли было допустимо полностью исключить фактор национальной солидарности с оккупантами некоторых представителей местного немецкого населения, как это было в США по отношению к гражданам японского происхождения и в Европе.

Действительно, в странах Европы этнические немцы в планах гитлеровцев играли роль «пятой колонны». Они были хорошо организованы а нацистская партия вела среди них усиленную националистическую пропаганду [3, с. 389].

Подрыв столь значимых логистических объектов в условиях войны мог вызвать катастрофические последствия для страны. Достаточно вспомнить события октября-ноября 1941 года, когда битва под Москвой находилась в критической фазе и лишь свежие дивизии с Урала и Сибири, переправленные по этим мостам, смогли изменить ситуацию. Кроме того, архивные данные по военным донесениям указанного периода свидетельствуют и о том, что некоторые представители немецкого населения на территории Украины и вайнахов Северного Кавказа, стреляли в спину нашим отступающим солдатам. В частности, 3 августа 1941 года в сообщении командования Южного фронта на имя И.В.Сталина говорилось: «Военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов

по отходящим войскам;... установлены факты, что наступающие немецко-фашистские войска встречались с хлебом-солью в деревнях с немецким населением.» [4, с. 447].

Если принять во внимание ситуацию на фронте к моменту принятия Приказа №227 от 28 июля 1942 года - «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» и последующую Сталинградскую битву, то Указ «О выселении немцев, проживающих в районах Поволжья», принятый Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года, должен восприниматься более адекватно, как крайняя необходимость. Следует учитывать и то, что все немцы Поволжья, проживавшие в городах, переселялись в ходе депортации именно в города и для большинства активистов сохранялось членство в партии и комсомоле. Члены семей всех перемещённых лиц могли взять с собой не менее 1 тонны груза с получением продовольствия и денежного пособия в местах последующего проживания. По пути следования осуществлялось медицинское обслуживание и предусматривалось горячее питание, т.е. типовой социальный пакет.

Тем самым, в августе-сентябре 1941 года было всего депортировано 449 668 человек немецкой национальности, арестовано не более 351 лица, обвинённых в распространении пораженческих слухов [2, с. 434]. Таким образом, главной ошибкой в оценке решений Ставки, во главе со Сталиным, является недопонимание угроз и реалий войны, целью которой для нацистов было не только стратегическое поражение СССР, но и физическое уничтожение большинства представителей наций и народностей, согласно плану «Ост».

Вторым этапом депортации стали события 1944 года, когда были проведены ещё две операции по массовому выселению больших групп населения юга СССР в интересах обеспечения безопасности тыла. В феврале 1944 года была упразднена Чечено-Ингушская АССР и принудительно выселены чеченцы и ингуши в Казахстан и Киргизию, за исключением лиц, находящихся в смешанных браках. При этом, важно отметить существенные отличия в настроениях среди немцев Поволжья - законопослушных в своём большинстве, и чечено-ингушей, где ситуация была принципиально иной. Народ вайнахов (чеченцы и ингуши) имели традиционную специфику социальной структуры, включая наличие тейпов (родов), кланового характера властных структур и презрительное отношение к государственным структурам, ввиду преобладания практики ведения «отхожих промыслов» в форме «абречества»: угон скота, захват заложников, кровная месть и

ваххабизм, как форма обоснования исламской независимости. Русско-чеченская война XIX века, длившаяся более 10 лет, так и не разрешила исторических противоречий, плавно перешедших на стадию существования СССР и обострившихся в годы ВОВ.

Интересно, что в 1865 году Российской империей была предпринята попытка их первой депортации, путем выселения части вайнахов в Турцию, что не привело к примирению на Северном Кавказе, хотя было выселено более 22490 человек. В рамках СССР, в 20-30-е годы XX века, вайнахам были переданы исконно русские земли, включая Наурский, Щелковской и Сунженский плодородные районы терского казачества, что также не привело к серьёзному изменению их менталитета. В январе 1941 года в Итумкалинском районе началось восстание против советской власти, а в справке НКВД от ноября 1943 года, «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР», [2, с. 437] говорилось о существовании в республике более 38 радикальных антироссийских групп с численностью около 20 000 человек.

При создании военных формирований в январе 1942 года, удалось набрать менее 50% их запланированного численного состава; более того, в марте 1943 года из 14 576 человек, призванных на военную службу, дезертировало более 13500 человек. А при подходе немецкой армии к Грозному (за 50км от него), в Чечено-Ингушетии начались массовые восстания в Шатоевском, Чеберлаевском, Итум-Калинском, Введенском и Галанжойском районах, где приняли участия не менее 18 тысяч человек, включая членов партии, сотрудников милиции и государственных структур. И хотя большинство чеченцев и ингушей сражались на стороне Красной армии, желание сохранить прежний, досоветский уклад жизни, предопределяло стремление военизированных групп опереться на Германию и вермахт. С учётом наличия на территории Чечено-Ингушской АССР Грозненских нефтепромыслов и нефтепроводов из Баку, обеспечивавших большую часть потребностей действующей армии, оставлять без внимания подобную ситуацию было не только опасно, но и преступно.

С учётом указанных причин было принято решение о депортации местного населения, согласно постановлению ГКО от 31 января 1944 года. Исходя из содержания документа, депортации подлежали все граждане чеченской и ингушской национальности, за исключением смешанных семей, из лиц разной национальности и их детей, причём русские женщины, состоявшие в браке с вайнахами, выселялись на общих основаниях. Процесс выселения проводился с 23 по 29

февраля 1944 года, с перекрытием всех дорог и населённых пунктов войсками, дабы избежать вооружённого сопротивления со стороны бандформирований. Устанавливался срок сбора в пределах 3 часов с правом вывоза до 100 кг груза на одного человека, но не более 500 кг на семью. Прямо разрешалось зарезать часть скота и взять с собой мясо-продукты, а иной инвентарь и скот оценивались и возмещались по стоимости на местах выселения в форме компенсации.

Особое внимание уделялось денежным средствам, которых у населения оказалось весьма немало (до 2-3 млн рублей), при том, что население жило небогато. Тем не менее, деньги не изымались и полностью сохранялись у населения для успешной адаптации в новых поселениях на территории Казахстана и Киргизии. Всего депортировано было 496 460 человек из числа чеченцев и ингушей, а под арест попало 2 016 человек, после обвинений в антисоветской деятельности и изъятии 20 072 единиц огнестрельных оружия. В ряде исследований утвердилась точка зрения, что депортация проходила в «скотских» условиях, с высадкой населения в пустынных заснеженных казахских степях и с последующим «голодомором», унёсших жизни до 50% депортированных граждан. Лживость подобных утверждений очевидна, так, согласно постановлению ГКО от 31 января 1944 года [5], был подробно указан общий порядок выселения чеченцев и ингушей с конкретным наделением соответствующими полномочиями и ответственностью ряда ведомств, включая НКПС, Наркомздрава, Наркомторга и др.

Более того, советским и партийным органам Казахстана и Киргизии прямо вменялось в обязанность обеспечить порядок и условия их расселения на указанных территориях. И.В. Сталину лично приходили отчёты НКВД о ходе и результатах депортации, что не может вызывать сомнений в подлинности информации о жёстком контроле за этим процессом со стороны центра. Что же касается условий перевозки в т.н. вагонах «теплушках», т.е. утеплённых товарных составах, то в них, по обыкновению того времени, перевозили войсковые соединения и проводили общую эвакуацию части населения на Восток в общем объёме до 15 млн человек. В каждом составе была предоставлена горячая еда и медицинское сопровождение, а постанционное обеспечение продовольствием соответствовало карточным нормам указанного времени. Фактом следует признать и то, что в 180 эшелонах депортированных родилось не менее 56 младенцев и ушло из жизни по различным основаниям до 1272 человек, из общей численности перемещённых лиц, общим объёмом до 493 269 человек.

На местах поселения, в колхозах, совхозах и поселках городского типа, депортированных обеспечивали беспроцентными ссудами для строительства домов с рассрочкой на 7 лет. Каждая семья в первые месяцы поселения получала по 1 голове крупного рогатого скота и продовольствие по карточной системе. Депортация затронула и иные народности Кавказа, включая карачаевцев (68 327 человек) и балкарцев (37 406 человек) по тем же политическим и правовым основаниям [2, с. 440]. Тем самым, даже признавая невозможность их прямой интеграции с местным населением и наличие серьезных проблем в организации практической жизни на новых местах, никакого «голодомора» у них не было. Доподлинно известно, что местное руководство Казахстана и Киргизии весьма недружелюбно отнеслось к переселенцам и многие долгое время не могли устроиться на работу, но с июля 1944 года ситуация изменилась и под контролем центральных властей 81% переселенцев были трудоустроены в местные колхозы, совхозы и промышленные предприятия. Более 74% переселенцев получили участки и огороды для личных нужд. Одновременно было создано 429 местных комендатур для наблюдения за режимом проживания переселенцев по причине большого числа традиционных разбоев, грабежей и угона скота. Общий контроль за ситуацией был передан командированному из Москвы заместителю наркома внутренних дел, комиссару госбезопасности С.Круглову и по результатам его работы было арестовано не менее 2000 поселенцев с Кавказа, которые активно воскрешали «старинные обычаи и традиции горцев».

Подводя итоги депортационных «репрессий» и практике «голодомора» следует указать на следующий факт: вайнахов на Кавказе в 1937 году проживало более 436 тысяч, в 1944 году - 493 тысячи, в 1959 году - 526 тысяч, т.е. на 8% больше, чем до ВОВ. Таким образом, нет необходимости верить фейкам о практике «геноцида» и «голодомора» Кавказских народностей в годы ВОВ. Примечательно сравнение, на примере Республики Беларусь, где в годы войны имели место огромные потери населения, в части динамики его восстановления после ВОВ в условиях мира и благополучия: Республика потеряла во время ВОВ 22,3% всего населения и лишь в 70-е годы её численность была восстановлена.

Весной 1944 года депортационные меры были приняты в отношении крымских татар, поскольку, при отступлении Красной армии в конце 1941 года и в ходе оккупации Крыма немецкими захватчиками, ярко проявилось крайне враждебное отношение к советской власти со стороны крымских татар населявших преимущественно

горные области. В 1942-1942 годах НКВД подготовил справку для Ставки о положении в Крымской АССР по данным агентуры, согласно которой в указанный период резко активизировалось националистическое подполье крымских татар под прямым воздействием крымско-татарских эмигрантов в Турции, которые курировались турецкими и германскими спецслужбами. В документе указывалось о создании на территории Турции экстремистской партии «Милифирка» для легализации антисоветских структур на территории Крыма. Ещё в 1930 году произошло Усть-Кутское контрреволюционное восстание в горной части Крыма, участники которого были наказаны тюремными сроками и выпущены на свободу в начале 1941 года. Именно из их числа формировались первые добровольческие отряды крымских татар, стрелявшие в спину отступавшим советским войскам и ставшие опорой нацистов в борьбе с партизанским движением в Крыму. Лидер партии «Милифирка» - Садредин Мустафа, прибывший из Турции и прошедший инструктаж в Германии в декабре 1941 года, принял участие в Симферопольском съезде мусульманских националистов, где был одобрен план восстановления «Крымского ханства». На съезде был избран Крымский хан, бывший работник обкома ВКПб - Белял Асанов [6, с. 195] и сформированы местные татарские комитеты во главе с общекрымским, для организации местного самоуправления, под немецким контролем. Целью местных комитетов указывалось формирование «добровольческих» татарских батальонов для помощи немецкой армии в борьбе с большевизмом, советскими партизанами и евреями. В оригинальном трофейном документе - справке «командования тыловых войск южных областей» для Главного командования сухопутных войск Германии «О формировании вспомогательных войск из лиц татарского и кавказского происхождения» - отмечается, что татары выделили в распоряжение германской армии до 20 000 человек, которые были поставлены на службу Германии [2, с. 442].

В «актив» деятельности этой группировки следует отнести: выполнение полицейских функций, изгнание летом 1942 года русскоязычного населения из ряда сельских районов Крыма с разграблением их имущества, проведение акции по уничтожению евреев и отдельных поселений татар (Айлен, Чермалык, Бешуй), не желавших сотрудничать с нацистами. И это далеко не полный перечень их деяний, что было принято во внимание для принятия решения ГКО в мае 1944 года, сразу после освобождения Крыма, о выселении крымских татар с территории Крыма на постоянное место жительства в Узбекскую ССР. Процесс выселения был аналогичен депортации

чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, с одной существенной разницей - депортация крымских татар осуществлялась летом и местом депортации стали территории Узбекистана преимущественно с мусульманским населением.

Заключение

Подводя итог рассмотрению проблемы депортации части национального населения СССР в годы войны, следует отметить наличие тенденциозности в оценках этого явления и необходимость откровенного признания «неудобных» фактов отечественной истории. Тем не менее, многонациональность - важнейший атрибут Российского федерализма, главный фактор силы нашего государства, что особенно важно в настоящее время.

Список литературы:

[1] Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941-1955 гг.: Ист.-правовое исслед. / Л.П. Белковец ; Отв. ред. В.Ф. Волович, И.В. Октябрьская ; М-во образования Рос. Федерации. Сиб. ун-т потребит. кооп., Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии. - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. - 320 с.

[2] Курицын В. М. Концепция истории государства и права: науч.издание / В. М. Курицын. - Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. - 720 с.

[3] Семиряга М. И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны [Текст]. - М.: РОССПЭН, 2000. - 389 с.

[4] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т.2. Кн.1. Начало (22 июня -31 августа 1941 г). М.:Русь. 2000. - 447 с.

[5] «Особая папка ПГ» Приложение к «Независимой газете» от 29 февраля 2000 г/ Составитель Николай Бугай // Документы из архива И.Сталина о депортации чеченцев в 1944 г.

[6] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб.док. Т.III. Кн.2. От обороны к наступлению. 1 июля -31 декабря 1942 г.. М.: Русь, 2003. - 195 с.

Spisok literatury:

[1] Administrativno-pravovoe polozhenie rossijskih nemcev na specposelenii 1941-1955 gg.: Ist.-pravovoe issled. / L.P. Belkovec ; Otв. red. V.F. Volovich, I.V. Oktjabr'skaja ; M-vo obrazovanija Ros. Federacii. Sib. un-t potrebit. koop., Ros. akad. nauk. Sib. otd-nie. In-t arheologii i jetnografii. - Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2003. - 320 s.

[2] Kuricyn V. M. Konceptcija istorii gosudarstva i prava: nauch.izdanie / V. M. Kuricyn. - Moskva : JuNITI-DANA, 2014. - 720 s.

[3] Semirjaga M. I. Kollaboracionizm: Priroda, tipologija i projavlenija v gody Vtoroj mirovoj vojny [Tekst]. - M.: ROSSPJEN, 2000. - 389 s.

[4] Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne. Sb. dokumentov. T.2. Kn.1. Nachalo (22 ijunja -31 avgusta 1941 g). M.:Rus'. 2000. - 447 s.

[5] «Osobaja papka PG» Prilozhenie k «Nezavisimoj gazete» ot 29 fevralja 2000 g/ Sostavitel' Nikolaj Bugaj // Dokumenty iz arhiva I.Stalina o deportacii chechencev v 1944 g.

[6] Organy gosudarstvennoj bezopasnosti v Velikoj Otechestvennoj vojne. Sb.dok. T.III. Kn.2. Ot oborony k nastupleniju. 1 ijulja -31 dekabnja 1942 g.. M.: Rus', 2003. - 195 s.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-269-273

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

РАБЕЙКИН Дмитрий Юрьевич,
стажер РУАН им. Г.Б. Мирзоева,
e-mail: dmitryrlegal@gmail.com

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КООПЕРАЦИИ В ЭПОХУ НЭПА

Аннотация. Статья посвящена историко-правовой оценке эффективности нормативно-правового регулирования потребительской кооперации в период НЭПа. В материале с позиций социологического правопонимания анализируется практическая реализация правовых норм той эпохи. На основании полученных данных была выявлена немаловажная роль потребительской кооперации в построении социалистического общества. Автор отмечает, что направление кооперативного законодательства в период новой экономической политики определялось теми задачами, которые ставило государство перед кооперацией. С одной стороны, даже в условиях частичной либерализации кооперативы оставались заложниками политико-идеологической конъюнктуры, что предопределило их постепенное огосударствление к концу 1920-х годов. С другой, в кооперации советское правительство видело основу для организации производства и общественного потребления на новых основах, связанных с широким самоуправлением трудящихся, с их участием в организации как производства, так и иных связанных с ним процессов. В этой связи важное значение имеет анализ архивных документов, который ярко демонстрирует нам, что в эпоху НЭП в рамках государственной политики потребительская кооперация воспринималась как эффективный инструмент формирования коллективных форм хозяйствования и укрепления экономических связей между городским и сельским населением. Принятые в этот период законодательные инициативы прямо подтверждают стремление власти использовать кооперативы для интеграции интересов промышленных центров и аграрных регионов.

Ключевые слова: потребительская кооперация, нормативно-правовое регулирование, законодательство, государство, право, эпоха НЭП.

RABEYKIN Dmitry Yuryevich,
intern at the RUAN named G.B. Mirzoev

ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION ON COOPERATION IN THE ERA OF NEP

Annotation. The article is devoted to the historical and legal assessment of the effectiveness of regulatory regulation of consumer cooperation during the NEP period. The article analyzes the practical implementation of the legal norms of that era from the standpoint of sociological legal understanding. Based on the data obtained, the important role of consumer cooperation in building a socialist society was revealed. The author notes that the direction of cooperative legislation during the period of the new economic policy was determined by the tasks that the state set for cooperation. On the one hand, even under conditions of partial liberalization, cooperatives remained hostages of the political and ideological conjuncture, which predetermined their gradual nationalization by the end of the 1920s. With another, the Soviet government saw the basis for organizing production and public consumption on new foundations related to broad self-government of workers, with their participation in the organization of both production and other related processes. In this regard, the analysis of archival documents is important, which clearly demonstrates to us that in the era of the New Economic Policy, consumer cooperation was perceived as an effective tool for forming collective forms of management and strengthening economic ties between urban and rural populations. The legislative initiatives adopted during this period directly confirm the government's desire to use cooperatives to integrate the interests of industrial centers and agrarian regions.

Key words: consumer cooperation, regulatory and legal regulation, legislation, state, law, the era of the New Economic Policy.

Новая экономическая политика (НЭП), провозглашённая 15 марта 1921 года на X съезде Российской коммунистической партии (большевиков) сменила политику «военного коммунизма» [10] и стала поворотным этапом в истории советского государства, ознаменовавшим временный возврат к рыночным механизмам для преодоления последствий Гражданской войны и хозяйственной разрухи.

Дело в том, что после гражданской войны в стране наступил политический и экономический кризисы. Объем промышленности уменьшился в 7 раз. Запасы сырья были исчерпаны. Уменьшился объем железнодорожных перевозок. Также пострадало сельское хозяйство. Многие предприятия закрылись. В результате уровень безработицы стал увеличиваться. Все эти факторы привели к усилению общественного недовольства [10].

Инициатором НЭП выступил В.И. Ленин, который обосновал необходимость временного отступления от принципов «военного коммунизма» для преодоления экономического и политического кризиса. Это решение стало ответом на массовые крестьянские восстания (например, Антоновщину), Кронштадтский мятеж и катастрофический голод 1921–1922 годов.

Основные цели НЭПа были следующие:

1. Экономическое восстановление:
 - преодоление разрухи после Гражданской войны: промышленное производство сократилось в 5–7 раз, сельское хозяйство — на 45%);
 - восстановление товарообмена между городом и деревней через замену продразвёрстки продналогом (фиксированный сбор, оставлявший крестьянам излишки для свободной продажи);
 - стабилизация финансовой системы: проведение денежной реформы (введение червонца в 1922 г.), ликвидация гиперинфляции;
 - предотвращение дальнейшего экономического спада, вывод хозяйства из состояния кризиса и его восстановление.
2. Политическая стабилизация:
 - снижение социальной напряжённости: прекращение крестьянских бунтов и рабочих стачек, укрепление социальной базы советской власти;
 - укрепление союза рабочего класса и крестьянства, который В.И. Ленин называл основой советской власти.
3. Адаптация общества и государства к построению социалистического государства:
 - временное допущение рыночных механизмов (частная торговля, концессии, кооперация) при сохранении государственного кон-

троля над крупной промышленностью и внешней торговлей;

- подготовка условий для будущей индустриализации и коллективизации;
 - обеспечение благоприятных условий для построения социалистического общества.
4. Внешнеполитическая цель — преодоление международной изоляции Советского государства.

Ключевыми задачами НЭПа были:

1. В сельском хозяйстве:
 - стимулирование производства через материальную заинтересованность крестьян;
 - разрешение аренды земли и наёмного труда (Земельный кодекс 1922 г.);
2. В промышленности и торговле:
 - денационализация мелких и средних предприятий, создание трестов и синдикатов на принципах хозрасчёта;
 - легализация частной торговли: к 1921 году 75% товарооборота приходилось на частный сектор.
3. В финансовой системе страны:
 - восстановление банковской системы (Госбанк, кооперативные банки);
 - введение прогрессивной налоговой системы (промысловый, подоходный налоги).
4. В социальной сфере:
 - ликвидация карточной системы, переход к денежной оплате труда;
 - борьба с безработицей и неграмотностью.

Одним из центральных мест для достижения правительством поставленных целей и задач была потребительская кооперация, призванная восстановить товарообмен между городом и деревней, обеспечить население продовольствием и промтоварами, а также стать инструментом в преодолении бедности и безработицы. Однако эффективность её деятельности напрямую зависела от правовых рамок, устанавливаемых государством.

Анализ законодательства о кооперации в эпоху НЭПа представляет собой уникальную возможность для изучения взаимодействия права и экономики в переходных условиях. С одной стороны, декреты 1921–1924 гг. (такие как «О потребительской кооперации» от 7 апреля 1921 г.) провозглашали добровольность членства, хозяйственную самостоятельность и многообразие форм кооперативов. С другой — сохранялись механизмы жёсткого контроля через Центросоюз, налоговое давление и обязательные госзадания, что превращало кооперативы в инструмент централизованной политики. Несмотря на формальную самостоятельность, кооперативы выполняли различные госзадания, например, заготовку мяса и масла для Наркомпрода.

Цель данной статьи — оценить эффективность реализации кооперативного законодательства в 1920-е годы, опираясь на статистические данные, архивные материалы и нормативные акты. Основное внимание уделяется следующим аспектам:

- динамика роста потребительских обществ и их экономические показатели (объёмы товарооборота, размер паевых взносов, кредитная активность).
- влияние ключевых правовых документов на структуру и функции кооперации.
- противоречия между декларируемой автономией кооперативов и реальными практиками государственного вмешательства.

Важно отметить, что при анализе специфики правового регулирования потребительской кооперации в эпоху (НЭПа) ключевое значение имеет не только изучение нормативных актов, регулирующих кооперацию, но и анализ статистических данных, архивных документов и эмпирических свидетельств, отражающих практику применения права и результативность его воздействия на различные сферы жизни страны.

Оценка эффективности имплементации законодательства о потребительской кооперации в рассматриваемый период предполагает установление степени достижения целей новой экономической политики, поставленных государством при принятии соответствующих правовых норм. Важно понимать, что период новой экономической политики был фактически на этапе построения нового социалистического государства, а поэтому перед правительством стояли задачи по стимулированию экономического роста, развитию сельского хозяйства, поддержке населения страны и др. [6]).

При этом, основными критериями для такой оценки служат количественные индикаторы, отражающие динамику развития кооперативного сектора: число зарегистрированных кооперативов, численность участников добровольных кооперативных объединений, финансовые показатели деятельности кооперативных организаций и т.п.

Однако, необходимо также учитывать и тот факт, что количественные показатели не всегда демонстрируют нам все аспекты оценки эффективности законодательства. Существуют также качественные параметры, такие как уровень социальной справедливости, степень участия населения в управлении кооперативами, влияние кооперации на развитие сельских территорий, которые сложнее поддаются формализованной оценке.

Практическая реализация законодательства о потребительской кооперации столкнулась с рядом проблем, обусловленных, в частности, ослабленным состоянием аппарата потребкооперации к началу НЭПа [4].

Например, Центральный союз потребительских обществ (Центросоюз) испытывал значительные финансовые затруднения перед государством, а сама организационная структура кооперативного движения демонстрировала недостаточную централизацию, что нередко приводило к отсутствию полной информации о финансовом состоянии кооперативов на местном уровне в то время.

Реализация кооперативного законодательства, согласно архивным данным, а особенно декрета СНК «О потребительской кооперации» (7 апреля 1921 г.), как своеобразного фундамента, привела к тому, что во втором полугодии 1923 года, товарооборот Центросоюза составил 35% от общего товарооборота в стране [4]. Данный факт косвенно подтверждает эффективность кооперативного законодательства, обеспечивавшего существование и деятельность кооперативных обществ и предприятий.

Декрет СНК от 7 апреля 1921 г., восстановивший имущественные права коопераций и разрешивший им самостоятельную торговлю, создал условия для их быстрого включения в рыночные отношения. Это подтверждает нам, что законодательство периода НЭПа, несмотря на идеологические ограничения, сумело мобилизовать потенциал кооперации для решения ключевых задач:

- восстановление товарообмена между городом и деревней, разрушенного в годы «военного коммунизма»;
- конкуренция с частным сектором: кооперативы, опираясь на господдержку (например, льготные кредиты через Госбанк), смогли составить конкуренцию «нэпманам», снизив цены на основные товары.
- социальная стабилизация: обеспечение населения продовольствием через кооперативные сети сгладило последствия голода 1921–1922 гг.

Важно также отметить, что в анализируемый нами период правительство уделяло приоритетное внимание именно потребительской кооперации, благодаря ее способности решать комплекс задач: от экономического восстановления до идеологического влияния на крестьянство. Другие виды кооперации, хотя и развивались, оставались вспомогательными инструментами в рамках государственной политики. Помимо этого, другие виды кооперации сталкивались с серьезными барьерами на своем пути. Например, сельхозкооперация сталкивалась с нехваткой техники и бюрократией, промысловые артели зависели от госпоставок сырья, а их прибыль изымалась в бюджет, что существенно снижало их потенциал. Кредитные кооперативы не могли конкурировать с госбанками, которые контролировали основные финансовые потоки.

Таким образом, особое внимание уделялось потребительской кооперации, которая стала ключевым инструментом восстановления экономики.

Например, Декрет СНК «О потребительской кооперации» (7 апреля 1921 г.):

1. Восстановил добровольное членство, отменив принудительную приписку граждан к кооперативам, но сохранил обязательность участия в Единых потребительских обществах (ЕПО) для получения товаров.
2. Разрешил кооперативам самостоятельную торговлю и заготовку сельхозпродукции, что стимулировало товарообмен между городом и деревней.
3. Сохранил контроль государства через Центросоюз, который распределял ресурсы и координировал деятельность кооперативов.

Помимо этого, Декрет о денационализации имущества кооперативов (26 октября 1921 г.) возвращал кооперативам часть национализированной собственности, а Постановление ВЦИК «Об отмене предварительного контроля» (10 июня 1921 г.) сократило бюрократические барьеры, упростив создание кооперативов. Это позволило ускорить их рост.

Об успехах законодательного регулирования потребительской кооперации нам могут говорить количественные показатели того времени. Архивные документы свидетельствуют о том, что количественные характеристики потребительской кооперации в 1921 году были следующие: 27409 потребительских обществ, из которых 1713 – городские и фабричные, 25696 – сельские, 4631 добровольное потребительское объединение, 89 транспортно-потребительских обществ и 900 военных кооперативов [4].

При этом, предприятия потребительской кооперации осуществляли как закупку сырья, плодов, ягод, грибов, лекарственных трав у населения и сельскохозяйственных предприятий, так и занимались их переработкой, и реализацией через розничные торговые сети (преимущественно собственные магазины) и на местных рынках. Таким образом, потребкооперация могла влиять на ценообразование закупаемой и реализуемой продукции, а также на изделия собственного производства.

Однако, несмотря на рост количественных показателей, система потребительской кооперации все же не достигала намеченных целей и не справлялась со всеми поставленными государством задачами.

Такое положение дел образовалось из-за того, что потребительская кооперация в эпоху НЭП подвергалась государственному вмешательству в форме централизованного распределения

ресурсов, высокого налогообложения и трудностей с получением кредитов. Кроме того, отмечалось наличие обширного управленческого аппарата, финансируемого за счет средств пайщиков, и недостаток паевых средств [2].

Вместе с тем, не следует переоценивать степень развития потребительской кооперации в тот период. Дело в том, что в созданных условиях обязательного членства в ней состояло значительное число граждан страны, и, по архивным данным на 1 января 1923 года, средний пай в Центросоюзе составлял всего 1 рубль 13 копеек [4]. То есть несмотря на формальную массовость потребительской кооперации в указанный период, её реальный экономический потенциал оставался крайне ограниченным. Обязательное членство, хотя и обеспечивало высокую численность участников, не гарантировало финансовой устойчивости. Это указывает на противоречие между количественными показателями (охват населения) и качественными (ресурсная обеспеченность), что может свидетельствовать о сомнительной эффективности потребительской кооперации как инструмента экономического развития в условиях административного принуждения.

Таким образом, в период НЭПа развитию кооперативного движения способствовал переход от административно-командных методов регулирования деятельности кооперации к методам экономическим и частичный отказ от директивного управления в пользу рыночных механизмов [5]. Рост численности объединений в этот период объяснялся сочетанием добровольного участия и финансовой мотивации граждан, что обеспечивало совпадение личных и общественных интересов. Итогом стали восстановление народного хозяйства, модернизация производственной инфраструктуры и увеличение товарооборота. Значимую роль сыграло как разнообразие кооперативных форм (торговые, аграрные, финансовые и сбытовые объединения), так и государственная поддержка, включая субсидирование и льготное кредитование.

Кооперация стала ключевым элементом правовой и экономической стратегии НЭПа, рассматриваясь властями как инструмент укрепления коллективной собственности и налаживания связей между городом и деревней. Данный курс закреплялся в нормативных актах, однако его реализация сталкивалась с трудностями:

- Кризисные условия хозяйствования, вызванные последствиями Гражданской войны;
- Недостаточная проработанность правовых норм — многие законы принимались поспешно в критических для страны условиях.

Тем не менее, несмотря на трудности, кооперативы продолжали развиваться, оставаясь в русле официальной политики, направленной на сочетание рыночной гибкости с государственным регулированием. Опыт НЭПа наглядно демонстрирует нам, как законодательные инициативы могут стимулировать или, напротив, сдерживать развитие различных отраслей, а также как идеологические установки влияют на развитие отдельных институтов, создавая те или иные барьеры и препятствия.

Список литературы:

- [1] Аллахвердиев, А. Развитие кооперации в хозяйствах населения / А. Аллахвердиев // APK: Экономика, управление. 2003. № 6. С. 4-7.
- [2] Андреева Л.В., Андронova Т.А., Аapresova Н.Г. и др. / Малое и среднее предпринимательство: правовое обеспечение / отв. ред. И.В. Ершова. М.: Юриспруденция, 2014. 460 с. // СПС «Консультант Плюс».
- [3] Борисова Л.В. «Бунт нэпа против пролетарской диктатуры». Борьба со взяточничеством и экономическими преступлениями в 1920-е годы / Л.В. Борисова; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — М.; СПб.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 212 с.
- [4] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Фонд 484 - Центральный союз потребительских обществ СССР (Центросоюз). Опись 1, дело 190, л. 1., дело 193, л. 15, дело 513, л. 7, дело 572, л. 44.
- [5] Королева Е.В. Правовое регулирование отечественной кооперации: история и современность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10-2. С. 91.
- [6] Ленин В.И. «О кооперации», ПСС, издание 5-е, т. 45, стр. 369-377.
- [7] Пашенцев Д.А., Михайлова Н.В., Долакова М.И. Правовые основы реализации финансово-экономической политики государства в период нэпа // Юридическая наука. 2017. № 3.

[8] Сборник действующих разъяснений Верховного Суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г. М.: Государственное юридическое издательство РСФСР, 1930. С. 270.

[9] Чаянов А.Л. Краткий курс кооперации. М.: Московский рабочий, 1990. С. 77.

[10] Сайт: <https://all-russia-history.ru/new-economic-policy>

Spisok literatury:

- [1] Allaxverdiev, A. Razvitie kooperacii v hozyastvax naseleniya / A. Allaxverdiev // APK: E'konomika, upravlenie. 2003. № 6. S. 4-7.
- [2] Andreeva L.V., Andronova T.A., Apresova N.G. i dr. / Maloe i srednee predprinimatel'stvo: pravovoe obespechenie / отв. red. I.V. Ershova. M.: Yurisprudenciya, 2014. 460 s. // SPS «Konsul'tant Plyus».
- [3] Borisova L.V. «Bunt ne`pa protiv proletarskoj diktatury». Bor`ba so vzyatochnichestvom i e`konomicheskimi prestupleniyami v 1920-e gody` / L.V. Borisova; In-t ros. istorii Ros. akad. nauk. — M.; SPb.: In-t ros. istorii Ros. akad. nauk; Centr gumanitarny`x iniciativ, 2024. — 212 s.
- [4] Gosudarstvenny`j arxiv Rossijskoj Federacii (GARF). Fond 484 - Central`ny`j soyuz potrebitel'skix obshhestv SSSR (Centrosoyuz). Opis` 1, delo 190, l. 1., delo 193, l. 15, delo 513, l. 7, delo 572, l. 44.
- [5] Koroleva E.V. Pravovoe regulirovanie otechestvennoj kooperacii: istoriya i sovremennost` // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki. 2012. № 10-2. S. 91.
- [6] Lenin V.I. «O kooperacii», PSS, izdanie 5-e, t. 45, str. 369-377.
- [7] Pashencev D.A., Mixajlova N.V., Dolakova M.I. Pravovy`e osnovy` realizacii finansovo-e`konomicheskoy politiki gosudarstva v period ne`pa // Yuridicheskaya nauka. 2017. № 3.
- [8] Sbornik dejstvuyushhix raz`yasnenij Verxovnogo Suda RSFSR, izdanny`x za vremya s 1923 g. do 1 yanvarya 1929 g. M.: Gosudarstvennoe yuridicheskoe izdatel'stvo RSFSR, 1930. S. 270.
- [9] Chayanov A.L. Kratkij kurs kooperacii. M.: Moskovskij rabochij, 1990. S. 77.
- [10] Sajt: <https://all-russia-history.ru/new-economic-policy>

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-274-279

ХОРУНЖИЙ Иван Александрович,
Аспирант 3 года обучения
РТУ МИРЭА,
e-mail: khrivan@rambler.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В СССР: ОТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА К ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье исследуется эволюция системы государственных закупок в СССР на протяжении всего периода существования советского государства (1917-1991 гг.). Автор анализирует трансформацию механизмов государственного снабжения от революционного периода через эпоху НЭПа, индустриализацию, военные и послевоенные годы до периода перестройки. Особое внимание уделяется противоречиям между идеологическими установками и экономической целесообразностью, проблеме сохранения элементов преемственности в условиях радикальных преобразований. Исследование основано на анализе архивных документов, статистических данных и свидетельств современников. Статья раскрывает как сильные стороны советской системы закупок (способность к концентрации ресурсов, оперативность в кризисных ситуациях), так и ее системные недостатки (чрезмерная централизация, бюрократизация, отсутствие рыночных стимулов). Делаются выводы об актуальности исторического опыта СССР для современных систем государственного регулирования экономики.

Ключевые слова: государственные закупки СССР, плановая экономика, система снабжения, НЭП, индустриализация, военная экономика, Госснаб, административно-командная система, хозяйственный механизм, экономическая история.

HORUNZHIJ Ivan Alexandrovich,
Postgraduate student of 3 years of study
RTU MIREA

THE EVOLUTION OF THE PUBLIC PROCUREMENT SYSTEM IN THE USSR: FROM A REVOLUTIONARY EXPERIMENT TO A PLANNED ECONOMY

Annotation. The article examines the evolution of the public procurement system in the USSR throughout the entire period of the Soviet state (1917-1991). The author analyzes the transformation of public procurement mechanisms from the revolutionary period through the NEP era, industrialization, the war and post-war years to the period of perestroika. Special attention is paid to the contradictions between ideological attitudes and economic expediency, the problem of preserving elements of continuity in the context of radical transformations. The research is based on the analysis of archival documents, statistical data and contemporary testimonies. The article reveals both the strengths of the Soviet procurement system (the ability to concentrate resources, efficiency in crisis situations) and its systemic shortcomings (excessive centralization, bureaucratization, lack of market incentives). Conclusions are drawn about the relevance of the historical experience of the USSR for modern systems of state regulation of the economy.

Key words: USSR public procurement, planned economy, supply chain, NEP, industrialization, military economy, State security, administrative and command system, economic mechanism, economic history.

Известно, что 1917 год принес череду исторических событий. Так, начавшаяся в феврале 1917 года революция

привела к свержению самодержавия и образованию Временного правительства. Однако Временное правительство просуществовало лишь до

октября 1917 года, не изменив коренным образом систему общественных отношений. Октябрьская революция 1917 года принесла радикальную «ломку» общественных отношений и строительство нового государственного и правового порядка.

Новые источники права заменили прежние. Так, указ императора или предписание Сената сменились декретами, которые легли в основу правового регулирования общественных отношений в первые годы советской власти. Другую группу источников советского права составили законы свергнутых правительств, к которым относилось законодательство Российской империи и Временного правительства. Законы свергнутых правительств продолжали действовать до принятия законодательных актов образованных советских республик. [1] Примечательно, что законодательство о закупках в первые годы советской власти реформированию не подвергалось, в связи с чем нормативные акты царской эпохи юридически сохраняли действие вплоть до 1921 года.

В период новой экономической политики (НЭП) сфера государственных закупок и гособоронзаказа подверглась новому правовому регулированию. Декретом СНК РСФСР от 30 сентября 1921 года была установлена необходимость определения подрядчиков для выполнения государственных заданий путем проведения публичных торгов, сведения о которых должны были публиковаться заблаговременно¹. Одновременно устанавливался порядок взаимодействия государственных органов с привлекаемыми для выполнения государственных заданий потенциальными подрядчиками, а также порядок приемки товаров и оказанных услуг и порядок взыскания штрафов и возмещения убытков. По аналогии с царскими актами сохранялся и институт задатка, который необходимо было внести в размере 10% от стоимости контракта. Важной нормой, содержащейся в указанном декрете, являлась ответственность подрядчика (исполнителя), предусматривающая возможность привлечения последнего к уголовной ответственности вне зависимости от его привлечения к имущественной ответственности.

Таким образом, несмотря на провозглашенную большевиками радикальную ломку общественных отношений, порядок отбора исполнителей для выполнения госзаказов остался схожим с установленным нормативными актами императорской эпохи. Еще одной особенностью являлось то, что рассматриваемый декрет был принят правительством РСФСР, т.е. до образования единого союзного государства, в связи с чем при

образовании СССР потребовалось упорядочить сферу госзакупок.

Декрет 1921 года сменило совместное постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1923 года, установившее ряд особенностей при исполнении госзаказов. Так, предусматривалось, что при возникновении форс-мажорных обстоятельств (например, стихийных бедствий) допускалась возможность заключения госзаказов без подряда.² Дополнительно допускалось заключение госзаказа без проведения торгов в случае выполнения задания для государственных органов, не состоящих на госбюджете, а также при осуществлении поставок и выполнении подрядов между государственными органами. Примечательно, что рассматриваемый декрет устанавливал освобождение от внесения залога для хозяйствующих субъектов с преобладающим государственным участием. [2]

В 1927 году в связи со свертыванием НЭПа было утверждено новое Положение, регулирующее порядок осуществления закупок для государственных нужд. Так, в целях исполнения обязательств в разумные сроки была введена норма, допускающая заключение госзаказа без проведения торгов по договорам поставки сроком не более двух недель и суммой контракта не более пяти тысяч рублей.³ Рассматриваемый нормативный акт предусматривал обязательные преддоговорные стадии, включающие разработку предварительных условий договоров, разработку сметы, а также публикацию объявления о проведении торгов. Одновременно Положением 1927 года был установлен порядок проведения торгов, которые являлись многоэтапными. Так, на первом этапе проведения торгов необходимо было подать предложения в запечатанных конвертах с изложением предложений и обязательным указанием цены исполнения контракта. Второй этап подразумевал не что иное, как процедуру «переторжки», хорошо известную с дореволюционных времен. Так, потенциальные подрядчики или исполнители должны были лично явиться в назначенное место и время и вновь подтвердить готовность принять на себя обязательства по исполнению госзаказа. По итогам проведения конкурса с лицом, предложившим наиболее выгодные условия, заключался государственный контракт на выполнение государственного задания, а при равенстве предложенных условий – с государственными органами и организациями с преобладающим участием государства либо с кооперативными организациями.

² Декрет ЦИК СССР, СНК СССР от 27 июля 1923 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1923. № 171

³ Положение о государственных подрядах и поставках, утвержденное Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 11 мая 1927 г. // СЗ СССР. 1928. № 28. Ст. 291.

¹ Декрет СНК РСФСР от 30 сентября 1921 г. «О государственных подрядах и поставках (Положение)» // Известия ВЦИК 1921. № 230.

Таким образом, Положение 1927 года детально регламентировало порядок осуществления закупок для госзакупок, что являлось его существенным достоинством.

К основным недостаткам рассматриваемого Положения следует отнести то, что рассматриваемый нормативный акт не включал в себя ряд специальных норм, устанавливающих порядок осуществления госзакупок в целях обеспечения обороны и безопасности государства, в связи с чем Положение 1927 года применялось к осуществлению закупок как в целях «общегосударственных» нужд, так и в целях исполнения гособоронзаказа. Следует отметить, что руководству СССР следовало более ответственно подойти к правовому регулированию сферы осуществления госзакупок, особенно в целях обеспечения обороноспособности и безопасности государства, что и было сделано после окончательного свертывания НЭПа в 1930-е годы.

1930-е годы характеризовались стремительной индустриализацией и коллективизацией, однако начавшаяся в Восточной Европе Вторая мировая война внесла свои коррективы в законодательство о закупках. Если в период политики «военного коммунизма», НЭПа финансовый контроль за осуществлением госзакупок фактически отсутствовал, то сложившаяся геополитическая обстановка потребовала изменений. Так, вплоть до 1941 года финансовый контроль за расходованием бюджетных средств осуществлялся непосредственно Наркоматом обороны. В целях контроля качества выпускаемой продукции на предприятиях военно-промышленного комплекса создавались военные представительства, полномочия которых охватывали не только приемку товаров по качеству и контроль за качеством выпускаемой продукции, но и проверку документации и расчет цен на выпускаемую продукцию.¹

Одновременно усиливался командно-административный метод регулирования экономических отношений, и соответственно, управление сферой госзакупок, в том числе гособоронзаказа, осуществлялось на основе командно-административного метода, в связи с чем конкурсная основа отбора исполнителей перестала существовать.

В период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) вся власть в государстве перешла к Государственному комитету обороны СССР, на который также возлагались функции по снабжению армии и флота. В целях эффективного кон-

троля и надзора за своевременным и полным обеспечением армии и флота был создан Наркомат государственного контроля СССР, который после окончания Великой Отечественной войны был преобразован в Министерство государственного контроля СССР с полномочиями направления своих представителей в военные округа и на флот и широкими контрольными полномочиями: от проверки документов до их изъятия. [3]

Возрождение системы госзакупок началось в послевоенные годы. Так, к источникам правового регулирования института госзакупок относятся законодательство СССР и союзных республик. В 1961 году были утверждены Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик, на основе которых в 1964 году был принят Гражданский кодекс РСФСР.² Гражданский кодекс РФ содержал положения о договоре контрактации, согласно которому планировалось увеличить оборот государственных закупок продукции, необходимой государству. [4] Несмотря на то что нормы гражданского законодательства были ориентированы на регулирование порядка закупок сельскохозяйственной продукции, они послужили основой формирования советского законодательства в сфере госзакупок.

Совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 февраля 1961 года «О перестройке и улучшении организации государственных закупок сельскохозяйственных продуктов» устанавливало срок, на который рекомендовалось заключать договор контрактации, а именно на срок от одного года до пяти лет с ежегодной сверкой. [5] В 1966 году постановлением Совета Министров СССР была утверждена форма типового договора контрактации. [6]

Немаловажное значение в системе источников законодательства в сфере закупок имели нормативные акты Комитета по заготовкам, который занимался разработкой и утверждением условий закупок. Одним из ключевых нормативных актов являлось «Положение о порядке заключения и исполнения договоров контрактации сельскохозяйственной продукции». ³ Проекты договоров разрабатывались соответствующими министерствами и ведомствами СССР при участии заинтересованных министерств и ведомств союзных республик и Комитета по заготовкам при Совете Министров СССР. Примечательно, что параллельно с принятием новых актов гражданского

² "Гражданский кодекс РСФСР" (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001)// Ведомости ВС РСФСР. – 1964. № 24. Ст. 406.

³ Постановление Совета Министров СССР от 4 января 1966 г. № 3 «О договорах контрактации сельскохозяйственной продукции»//СП СССР. 1966. № 2. Ст. 11.

¹ Постановлением Комитета обороны при СНК СССР № 204но «О представительствах Наркомата обороны в промышленности». – Электронный ресурс. URL: <https://istmat.org/node/57839> (дата доступа: 01.03.2024)

законодательства в 1958 году были утверждены Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик, на основе которых в 1960 году был принят Уголовный кодекс РСФСР. Важно, что в отличие от совершенствующегося гражданского законодательства, УК РСФСР не содержал положений, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере госзакупок, что не позволяло выявлять виновных лиц в срыве государственных поставок, а также развязывало руки должностным лицам в отношении возможного применения мошеннических схем при исполнении госзаказа.

Экономическая реформа 1965 года была направлена на совершенствование системы органов государственного финансового контроля. В декабре 1965 года был создан Комитет народного контроля СССР, который обладал широкой сетью контрольных органов на местах и на региональном уровне.¹ Параллельно с Комитетом народного контроля ряд ревизионных полномочий осуществляли подразделения Министерства финансов СССР.² Таким образом, формировалась система межведомственного взаимодействия, основанная на принципах оперативности, плановости и эффективности с одновременным распределением полномочий между государственными органами, что мешало оперативным действиям предприятий. [7]

Система госзакупок в том виде, в котором она сформировалась к 1965 году, просуществовала без изменений последующие двадцать лет. Именно этот период истории ученые называют периодом «застоя». Созданная система госзакупок была излишне централизованной, отличалась сложностью и не обеспечивала баланс между производством и потреблением. Последующие акты, регулирующие порядок осуществления госзакупок и порядок формирования обязательств по исполнению гособоронзаказа, приходится на период перестройки, которая кардинально изменила государственное устройство и систему осуществления госзакупок.

В 1987 году было принято совместное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 816 «О перестройке планирования и повышении роли Госплана СССР в новых условиях хозяйствования». ³ Так, нормами рассматриваемого постановления вводилась конкурсная система распре-

деления заказов между предприятиями, которые выдавались вышестоящими органами и подлежали обязательному включению в план. [8]

В 1988 году было принято Постановление Совета Министров СССР, устанавливающее основные принципы формирования госзаказов, к которым относились социальная переориентация экономики, укрепление экономического суверенитета и внедрение в производство достижений науки и техники. Вновь был закреплён принцип конкурсного распределения госзаказов. Основной целью данного акта являлось удовлетворение, с одной стороны, государственных интересов, а с другой – обеспечение конкуренции и соблюдение интересов конечного потребителя, включая одновременное укрепление обороноспособности страны и государственной безопасности. Рассматриваемым постановлением было утверждено Временное положение, в соответствии с которым устанавливались порядок и сроки распределения госзаказов, [9] а также сохранялась обязанность исполнения госзаказов предприятиями. [10]

Несмотря на новизну, принятое Положение содержало ряд существенных недостатков. Так, не был определен порядок участия предприятий в конкурсе по распределению госзаказов, оставался неурегулированным вопрос снабжения подрядчиков, реализующих госзаказ, а также пробелом оставался вопрос ответственности подрядчиков и государственных предприятий во взаимодействиях по процедуре госзакупок. Таким образом, существовавшее правовое регулирование приводило к широкому усмотрению должностных лиц, что в конечном итоге привело к неэффективности системы госзакупок.

После принятия Временного положения было принято решение сократить объем госзаказов на треть, а в отдельных отраслях – наполовину от прежнего объема. Впоследствии реализация данного решения увеличила доходы предприятий, а в ряде отраслей стала формироваться сверхприбыль, что привело к взрыву потребительского рынка с одновременным выводом из производства некачественной продукции. [11]

В целях повышения качества выпускаемой продукции в конце 1980-х годов была создана Госприемка, представлявшая собой контролирующую организацию и наделенная полномочиями по приемке продукции по качеству и количеству. Одновременно Госприемка обладала полномочиями привлекать к ответственности виновных в выпуске некачественной продукции. [11] Летом 1987 года был принят Закон «О государственном предприятии», целью которого являлось повышение самостоятельности предприятий. Так, хозяйствующим субъектам предоставлялось право реа-

¹ Закон СССР от 9 декабря 1965 г. № 4224-VI «Об органах Народного контроля в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1965. № 49. Ст. 718.

² Постановление Совета министров СССР от 16 февраля 1971 г. № 105 «Об утверждении Положения о Министерстве финансов СССР» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1971. № 4. Ст. 28.

³ Свод законов СССР. 1990. Т. 5. С. 6–69.

лизировать произведенную сверх установленных соответствующим министерством показателей продукцию по свободным ценам. [12] Была введена система прямых заказов, то есть предоставлялось право выдавать заказы предприятий на необходимую для потребителей продукцию. Одновременно предприятия могли самостоятельно распоряжаться имуществом, объединяться в кооперативы и совместные предприятия, а также выступать субъектом внешнеэкономической деятельности. [13]

В 1988 году правительство СССР разрешило частное предпринимательство в форме кооперативов. В то же время сохранялась проблема огромных военных расходов, в связи с чем правительство СССР пересмотрело планы по государственным закупкам. [13]

Несмотря на частичную реформу законодательства о закупках, основой функционирования экономики оставался командно-административный метод, сформированный под руководством Госплана СССР. Как и прежде, плановые показатели формировались исполнителями — министерствами и ведомствами союзных республик. Госплан СССР наделялся полномочиями издавать постановления, обязательные для исполнения всеми министерствами и ведомствами.

Таким образом, проанализировав законодательство в сфере госзакупок в период перестройки, можно прийти к выводу, что с разрушением системы государственных заготовительных организаций перед государством встала необходимость решения проблемы определения государственных заказчиков, которым предстояло реализовывать товары потребителям и закупать продукцию для исполнения госзаказа. [14]

Распад Советского Союза и кризис 1990-х годов бросили новые вызовы и создали определенные угрозы для нашей страны. С образованием Российской Федерации как суверенного государства возник вопрос о создании новой системы законодательства в сфере госзакупок, которая должна была стать конкурентной. Однако ряд императивных норм также предстояло сохранить, чтобы не допустить срыва исполнения государственного контракта. Поэтому новая российская система осуществления госзакупок, в том числе для нужд гособоронзаказа, основывается как на частноправовых, так и на административных методах регулирования.

Список литературы:

[1] Алексеев С. В. Возникновение основ социалистического права // Вопросы российского и международного права. 2016. № 8. С. 12–26. С. 16.

[2] Михашин А.В. Гражданско-правовое регулирование закупок по государственному оборонному заказу: дис. канд. юр. наук, Москва, 2020. 199 с. с. 53.

[3] Славинский П.В. Государственный финансовый контроль в сфере государственного оборонного заказа: дис..... канд. юр. наук: Москва, 2018, 208 с. с.30.

[4] Бурмистров А.А. «Государственные закупки СССР в послевоенное время», Марийский юридический вестник, №. 10, 2013, с. 49-60. С. 51.

[5] Корнеев С. М. Основы советского гражданского права. Москва, 1962. 158 с. с. 100.

[6] Бурмистров А.А. «Государственные закупки СССР в послевоенное время», Марийский юридический вестник, №. 10, 2013, с. 49-60. С. 51.

[7] Шохин С. О. Проблемы и перспективы развития финансового контроля в Российской Федерации / С. О. Шохин. М.: Финансы и статистика, 1999. 351 с. с. 142.

[8] Бурмистров А. А. «Государственные закупки СССР в послевоенное время», Марийский юридический вестник, №. 10, 2013, с. 49–60. С. 54.

[9] Шевченко Л. В. Формирование договорных отношений по поставкам товаров для государственных нужд / Л.И. Шевченко // Приложение к журналу «Хозяйство и право». 1999. № 12. с. 3–31. с. 7.

[10] Андреева Л.В. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2009. 296 с. с. 43.

[11] Бурмистров А. А. «Государственные закупки СССР в послевоенное время», Марийский юридический вестник, №. 10, 2013, с. 49–60. с. 57.

[12] Курс лекций по истории России. Ч. IV: История России со второй половины 80-х годов XX века до начала XXI века: учеб. пособие / С. А. Васютин, В. П. Литовченко, Г. А. Макурина, Р. С. Маюриков, В. А. Мирошник, А. В. Палин, Т. А. Реховская, Р. С. Селезенев, Кемеровский технологический институт пищевой промышленности. Кемерово, 2006. с. 22–24.

[13] Бурмистров А. А. «Государственные закупки СССР в послевоенное время», Марийский юридический вестник, №. 10, 2013, с. 49–60. С. 57.

[14] Коваленко С. П. Договор контрактации как элемент системы закупки сельскохозяйственной продукции для государственных нужд: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Волгоград, 1998. 158 с. с. 87.

Spisok literatury:

[1] Alekseev S. V. Vozniknovenie osnov social-isticheskogo prava// Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2016. № 8. S. 12–26. S. 16.

[2] Mihashin A.V. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie zakupok po gosudarstvennomu oboronnomu zakazu: dis. kand. yur. nauk, Moskva, 2020. 199 s. s. 53.

[3] Slavinskij P.V. Gosudarstvennyj finansovyy kontrol' v sfere gosudarstvennogo oboronnoy zakaza: dis..... kand. yur. nauk: Moskva, 2018, 208 s. s.30.

[4] Burmistrov A.A. "Gosudarstvennye zakupki SSSR v poslevoennoe vremya", Marijskij yuridicheskij vestnik, №. 10, 2013, s. 49-60. S. 51.

[5] Korneev S. M. Osnovy sovetskogo grazhdanskogo prava. Moskva, 1962. 158 s. s. 100.

[6] Burmistrov A.A. "Gosudarstvennye zakupki SSSR v poslevoennoe vremya", Marijskij yuridicheskij vestnik, №. 10, 2013, s. 49-60. S. 51.

[7] SHohin S. O. Problemy i perspektivy razvitiya finansovogo kontrolya v Rossijskoj Federacii / S. O. SHohin. M.: Finansy i statistika, 1999. 351 s. s. 142.

[8] Burmistrov A. A. "Gosudarstvennye zakupki SSSR v poslevoennoe vremya", Marijskij yuridicheskij vestnik, №. 10, 2013, s. 49–60. S. 54.

[9] SHEvchenko L. V. Formirovanie dogovornyh otnoshenij po postavkam tovarov dlya gosudarstvennyh nuzhd / L.I. SHEvchenko // Prilozhenie k zhurnalu «Hozyajstvo i pravo». 1999. № 12. s. 3–31. s. 7.

[10] Andreeva L.V. Zakupki tovarov dlya federal'nyh gosudarstvennyh nuzhd: pravovoe regulirovanie. M.: Volters Kluver, 2009. 296 s. s. 43.

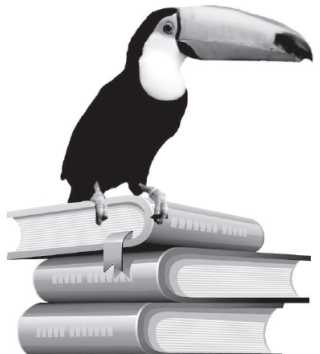
[11] Burmistrov A. A. "Gosudarstvennye zakupki SSSR v poslevoennoe vremya", Marijskij yuridicheskij vestnik, №. 10, 2013, s. 49–60. s. 57.

[12] Kurs lekcij po istorii Rossii. CH. IV: Istoriya Rossii so vtoroj poloviny 80-h godov XX veka do nachala XXI veka: ucheb. posobie / S. A. Vasyutin, V. P. Litovchenko, G. A. Makurina, R. S. Mayurnikov, V. A. Miroshnik, A. V. Palin, T. A. Rekhovskaya, R. S. Selezenev, Kemerovskij tekhnologicheskij institut pishchevoj promyshlennosti. Kemerovo, 2006. s. 22–24.

[13] Burmistrov A. A. "Gosudarstvennye zakupki SSSR v poslevoennoe vremya", Marijskij yuridicheskij vestnik, №. 10, 2013, s. 49–60. S. 57.

[14] Kovalenko S. P. Dogovor kontraktacii kak element sistemy zakupki sel'skohozyajstvennoj produkcii dlya gosudarstvennyh nuzhd: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. Volgograd, 1998. 158 s. s. 87.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПАЗОВ Ибрагим Станиславович,
Кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕГИСТРАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (19-20 ВВ.) ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРОШЛОГО

Аннотация. В данной статье рассматривается история становления и развития криминалистической регистрации в Российской империи. Это исследование является частью более широкой историко-правовой дисциплины, посвященной истории криминалистики России. Автор, опираясь на анализ исторических источников, выделяет два основных этапа эволюции этих системы криминалистической регистрации, давая им детальную характеристику с учетом специфики социально-политической обстановки в государстве. Первый этап характеризуется преобладанием традиционных форм учета и формирования статистической базы. Второй этап озаглавлен Формирование основ криминалистического учета внедрения дактилоскопического учета, а также создания регистрационного бюро. В заключительной части статьи подводятся итоги эволюции криминалистической регистрации за исследуемый период, выявляются основные причинно-следственные связи упадка криминалистики связанные с Февральской революцией 1917 года.

Ключевые слова: Криминалистическая регистрация; Российская Империя; департамент полиции; суды; статистическое бюро; регистрационное бюро; регистрационное бюро; информационная карточка; дактилоскопия.

PAZOV Ibragim Stanislavovich,
Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer,
North Caucasus Institute for Advanced Training
of Employees of the Ministry of Internal Affairs
of Russia (branch) Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CRIMINALISTIC REGISTRATION IN THE RUSSIAN EMPIRE (19TH-20TH CENTURIES) HISTORICAL EXPERIENCE OF THE PAST

Annotation. This article examines the history of the formation and development of forensic registration in the Russian Empire. This research is part of a broader historical and legal discipline dedicated to the history of criminology in Russia. Based on the analysis of historical sources, the author identifies two main stages in the evolution of these forensic registration systems, giving them a detailed description, taking into account the specifics of the socio-political situation in the state. The first stage is characterized by the predominance of traditional forms of accounting and the formation of a statistical base. The second stage was marked by the formation of the basics of forensic accounting, the introduction of fingerprint accounting, as well as the creation of a registration bureau. In the final part of the article, the results of the evolution of criminalistic registration over the period under study are summarized, and the main cause-and-effect relationships of the decline of criminology associated with the February Revolution of 1917 are revealed.

Key words: Criminalist registration; Russian Empire; police Department; courts; statistical Bureau; registration bureau; registration bureau; information card; dactyloscopy.

Регистрация различных объектов, имеющих значение для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, имеет давнюю историю своего становления и развития. Появившись как средство регистрации преступников, в дальнейшем она постоянно расширяла сферы своего «внимания», и в нее входили все новые и новые объекты.

История криминалистических учётов прошла долгий путь развития. Начавшись с жестоких и несовершенных методов, таких как клеймение, она эволюционировала в научно обоснованные системы фиксации информации о преступлениях, преступниках и связанных с ними объектах. На протяжении этого пути система называлась по-разному, и её функции также менялись. Современный аналог – это информационно-аналитическое обеспечение правоохранительных органов. Прежнее название – криминалистическая регистрация – отражало лишь часть функционала современных систем. По сути, современное информационно-аналитическое обеспечение – это значительно расширенная и усовершенствованная версия прежней криминалистической регистрации. Разница заключается в масштабе, глубине анализа данных и используемых технологиях. Криминалистическая регистрация была, по сравнению с современными системами, более ограниченной и примитивной по своим возможностям обработки и анализа информации. В то время как современное информационно-аналитическое обеспечение использует сложные базы данных и алгоритмы для выявления закономерностей и прогнозирования преступности [7, с. 214-218].

В начале XIX века, во время правления императора Александра I, была проведена серия реформ, охватывающих систему государственного управления Российской империи. Эти преобразования были вызваны необходимостью решения новых задач в сфере социально-экономического развития страны.

Среди наиболее значимых изменений следует отметить переход к отраслевому принципу управления и создание министерств.

8 сентября 1802 года по Высочайшему Манифесту вместо существовавших ранее коллегий были учреждены восемь министерств: Юстиции, Военных сухопутных сил, Морских сил, Коммерции, Иностранных дел, Финансов, Народного Просвещения и Министерство внутренних дел.

Все министерства получили Положение, определяющее их функции и задачи. Министерство внутренних дел Российской империи стало самым крупным и многофункциональным ведомством. В его ведение перешли сословные органы дворянства и городских сословий, местные адми-

нистративно-полицейские учреждения, вопросы продовольственного дела и управления делами иностранных поселенцев, Мануфактур-коллегия, Медицинская коллегия, Главное почтовое управление и Соляная контора [6, с. 204].

Первым министром внутренних дел был назначен граф Виктор Павлович Кочубей, который занимал эту должность с сентября 1802 по ноябрь 1807 года.

Структура министерств формировалась на основе функционального принципа, в результате чего были созданы структурные подразделения, первоначально именуемые экспедициями, а позднее переименованные в департаменты. В Министерстве внутренних дел (МВД) изначально было учреждено четыре экспедиции. Вторая экспедиция, носившая название «Экспедиция спокойствия и благочиния», несла ответственность за управление полицией. Данная экспедиция была разделена на два отделения: первое занималось сбором информации о преступлениях и происшествиях, а также предупреждением распространения ложных слухов; второе осуществляло руководство городской полицией и пожарными командами, а также рассматривало жалобы в адрес полиции [6, с. 204].

Таким образом, государственный учет преступности впервые, в целом по России, был поручен отделению Экспедиции спокойствия и благочиния.

В 1806 году Министерство внутренних дел Российской империи претерпело значительную реструктуризацию. Часть его полномочий была передана другим министерствам, а в его составе был учрежден Почтовый департамент.

Экспедиция спокойствия и благочиния была преобразована в «Экспедицию государственного благоустройства». Она получила новую структуру, состоящую из двух отделений и пяти столов.

Первый стол первого отделения отвечал за сбор информации о происшествиях на территории России, о лицах, прибывающих из-за рубежа и покидающих страну, а также контролировал соблюдение порядка в публичных местах и собраниях. Второй стол занимался вопросами организации и функционирования полицейских подразделений, ночной и пожарной охраны, тюремных служб. Он также осуществлял контроль за доставкой осужденных к месту отбытия наказания и участвовал в проведении рекрутской кампании. Основной задачей третьего стола являлось назначение, поощрение и увольнение сотрудников полиции.

Для совершенствования управления деятельностью министерства в 1810 году создается Государственный Совет. Почти одновременно с этим утверждается и издается Манифест «О раз-

делении государственных дел по министерствам», где предусматривается создание специального Министерства полиции, в задачи которого помимо борьбы с преступностью стали входить и такие функции как[4, с. 166, 169-170]:

- проведение рекрутского набора в армию;
- охрана государственных запасов продовольствия;
- таможенный контроль;
- содержание и трудоустройство осужденных;
- обеспечение исправности и безопасности путей сообщения;
- осуществление явного и тайного надзора за иностранцами и цензурные функции.

Министерство полиции Российской империи было организовано в виде трех департаментов: Департамента полиции хозяйственной, Департамента полиции исполнительной и Медицинского департамента, а также общей и особенной канцелярий министра.

Департамент полиции хозяйственной отвечал за управление городским хозяйством, организацию снабжения населения продовольствием, совершенствование сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства. В его структуре функционировало семь отделений:

1-е отделение: ведало вопросами продовольственного обеспечения;

2-е отделение: управляло учреждениями, финансируемыми из общественных средств (больницы, дома для душевнобольных, воспитательные и исправительные заведения);

3-е отделение: вело дела Приказов общественного презрения;

4-е и 5-е отделения: занимались вопросами земского управления;

6-е отделение: ведало городским устройством, утверждало решения городских дум, контролировало торговлю и промышленность в городах, а также взимание налогов с недвижимого имущества;

7-е отделение: осуществляло сословное управление в городах, рассматривало дела о перечислении лиц из одного сословия в другое.

Департамент полиции исполнительной осуществлял надзор за деятельностью местных учреждений, проводил административные полицейские меры и контролировал исполнение судебных приговоров. Его функции были распределены между тремя отделениями и канцелярией:

1-е отделение: следило за поступлением государственных налогов и сборов, собирало и систематизировало отчеты, ведомости, донесения и сообщения о положении дел в местных учреждениях; занималось выдачей заграничных

паспортов и видами на жительство иностранцам в России, исключало из российского подданства; разрешало открытие частных типографий; ведало делами религиозных сект.

2-е отделение: осуществляло надзор за проведением полицейских расследований по уголовным делам; решало вопросы, связанные с личными и имущественными правами; рассматривало жалобы на бездействие местного полицейского начальства.

3-е отделение: контролировало исполнение судебных приговоров, порядок рекрутского набора; ведало делами по взысканию налогов и недоимок; принимало меры по содействию войскам при передвижении и собирало пожертвования для удовлетворения потребностей военного ведомства.

Канцелярия: отвечала за штат чиновников, распоряжалась денежными средствами департамента; вела переписку с военно-учетными учреждениями; вела дела, связанные со всеми отделениями, находящимися под надзором директора департамента.

Медицинский департамент осуществлял управление гражданской медицинской частью и медицинскими учебными заведениями, а также ведал делами судебной медицины и медицины полиции. Он состоял из трех подразделений:

1-е отделение: ведало делопроизводством Медицинского совета, управлением медицинскими учебными заведениями и медицинскими отделениями университетов; приглашением иностранных врачей в Россию; производством в звания медицинские, фармацевтические, ветеринарные; осуществляло надзор за карантинами.

2-е отделение: контролировало производство лекарственных средств, медицинской посуды, испытание и утверждение проб, выдачу свидетельств о доброкачественности медикаментов.

3-е отделение: занималось бухгалтерскими делами.

В 1819 году Министерство полиции было упразднено. Некоторые его департаменты, а именно Департамент торговли и Почтовый департамент, были переданы в ведение Министерства внутренних дел (МВД). Департаменты полиции исполнительной и хозяйственной также вернулись под юрисдикцию МВД. Статистическое отделение было включено в состав МВД 12 мая 1823 года и стало частью Департамента полиции исполнительной.

Общая канцелярия Министерства полиции была присоединена к канцелярии МВД. Особенная канцелярия и цензурный комитет были интегрированы в структуру МВД без изменения их

функций. Департамент полиции, являясь ключевым подразделением министерства, претерпел незначительные модификации: была расширена Канцелярия директора департамента, а также учрежден счетный стол для ведения учета. После реорганизации МВД в 1819 году, его структура оставалась неизменной на протяжении длительного периода [6, с.205].

Таким образом, полиция обособлялась от административного аппарата, но в то же время стояла над ним, постоянно контролируя его деятельность. Однако практическая работа Министерства полиции показала, что его организация и деятельность не дала ожидаемого положительного результата, а наоборот, усложнило и запутало взаимодействие местных органов. Тем самым ликвидация министерства была предпринята, и функции управления полицией снова возвратились в Министерство внутренних дел.

Министерство внутренних дел, как и было задумано, осуществляло борьбу с преступностью, обеспечивало охрану общественного порядка на всей территории необъятной Российской империи. Основным его структурным подразделением являлся Департамент полиции. В его функции входили вопросы определения штатной численности и формирования полицейских органов, контроль за их деятельностью, в том числе и за расходованием отпущенных на это денежных средств.

Однако в царствование Николая I вновь остро встал вопрос о воссоздании Министерства полиции. Это было обусловлено восстанием в 1825 году декабристов, целью которого была смена государственного устройства. В связи с этим в июне 1826 года в составе Собственной Его Императорского Величества Канцелярии создается новое подразделение, получившее название 3-го Отделения, вскоре ставшее известным как орган политической полиции. Его исполнительной структурой стала жандармерия. Его начальником был назначен граф Александр Христофорович Бенкердорф, ставший одновременно и шефом жандармов. III Отделение объявлялось органом «высшей полиции». Это означало, что в сферу его задач входили вопросы обеспечения государственной безопасности: сбор сведений (учет) о религиозных сектах и расколах; учет и слежка за иностранцами; борьба с политическими противниками строя и их учет; борьба с фальшивомонетничеством.

К функции III Отделения относилось составление для императора ведомостей о «всех без исключения происшествиях», а также статистических сведений, «до полиции относящихся» [6, с.205].

Таким образом, к 1826 г. в России было создано два параллельных вида полицейских уче-

тов: по линии полицейского департамента (общегосударственный); по линии политической полиции, т. е. III Отделения.

Со времени создания в министерстве статистического отделения его роль и значение в государственном управлении продолжала повышаться. Настоятельная потребность в накоплении статистических данных, в их изучении и осмыслении привела к совершенствованию статистических методов и учетов.

20 декабря 1834 года Статистическое отделение было реорганизовано в Статистическое отделение при Совете Министра внутренних дел, а также были учреждены губернские статистические комитеты.

22 декабря 1852 года произошло слияние Статистического отделения с Люстрационным комитетом, что привело к образованию Статистического комитета МВД. С 4 марта 1858 года по 30 апреля 1863 года данный комитет функционировал в составе двух отделов: Статистического и Земского.

В соответствии с Манифестом от 30 апреля 1863 года в структуре Министерства внутренних дел была создана новая система статистических органов, включающая в себя Статистический Совет и Центральный статистический Комитет.

В нем говорилось следующее [8]:

«402. При министре внутренних дел для статистической части учреждены: 1) Статистический Совет, и 2) Центральный Статистический Комитет» (раздел III, гл. IX).

«403. Статистический Совет имеет целью содействовать министерствам... в работах по административной статистике определением правильных и вернейших способов собирания и обработки статистических сведений и однообразным направлением трудов по этой части».

Совет был организован с председателем во главе и членами Совета. Назначение и увольнение председателя осуществлялось по высочайшему указу, исходящему от министра внутренних дел.

В состав Статистического совета входили: директор Центрального статистического комитета (в его отсутствие возглавлявший Совет); один из старших редакторов Комитета; представители от министерств военного дела, морского ведомства, финансов, юстиции и путей сообщения; академик Императорской Академии наук; профессор Санкт-Петербургского университета по соответствующей кафедре, а также иные лица, представленные министром внутренних дел.

В том же году, предшествующем судебной реформе 1864 года, в Российской империи были отменены клеймение и телесные наказания [6, с.206].

В 1866 г. вышел первый сборник Центрального статистического комитета «Статистический временник Российской империи». Он содержал сведения о территориях, населении, промышленности, уголовной статистике и др. Это был первый российский статистический ежегодник (с 1905 г. — «Ежегодник России», с 1912 г. — «Статистический ежегодник России») [6, с.206].

В Российской империи статистические данные о происшествиях, преступлениях и лицах, обвиняемых в их совершении, собирались становыми приставами. Информация фиксировалась в отчетах и направлялась уездным исправникам. Последние обобщали эти данные в сводных отчетах, таких как «Ведомости о происшествиях» и «Ведомости о лицах, находящихся под арестом». На основе этой информации уездные исправники формировали отчеты для губернаторов и губернского статистического комитета [6, с.206].

Позднее, в 1914 году, Департамент полиции ввел специальный статистический листок для учета лиц от 7 июня 1914 г. № 172620, обвиняемых в совершении государственных преступлений. Этот документ содержал подробную биографическую информацию об обвиняемом, статьи уголовного закона, по которым ему было предъявлено обвинение, сведения о прошлых судимостях и количестве вынесенных обвинительных приговоров. Информация из статистических листков направлялась в статистический отдел Министерства юстиции [6, с.206].

Примером данного учета может послужить материалы дела по поиску Нечаева С.Г. [10, л.15]:

«Копия с донесения Начальника Ставропольского Губернского Жандармского управления Начальнику Терской области, от 8 сентября 1869 года за № 138.

Исполняющий должность Начальника Кавказского жандармского Округа при секретном предписании от 29 августа а № 189, препроводя ко мне фотографическую карточку уроженца села Иванова, Владимирской губернии, бывшего студента Санкт-Петербургского университета С.Г. Нечаева, предложил немедленно принять самые строгие меры к наблюдению за приездом данного лица из-за границы и в случае появления Нечаева, немедленно арестовать его со всем, что при нем найдено будет, и тот час уведомить его телеграммой, для доставления Нечаева в 3 отделение С.Е.И.В К, в полнее вероятно что Нечаев при себе будет иметь паспорт на имя московского мещанина Н.Николаева, выданный на отъезд за границу из иностранного отделения канцелярии московского генерал-губернатора 3-го марта 1869 года за № 168, или же иностранный паспорт, или наконец русский паспорт на имя И.Павлова, или какое-либо другое имя. Дело к которому Нечаев

причастен весьма важное и обращает на себя особое внимание Его сиятельства Шефа жандармов.

Докладывая о вышеизложенном обстоятельствах предоставляю фотографическую карточку Нечаева.»

В дальнейшем сбор статистических сведений для нужд государственного управления оставался в МВД, вплоть до 1917 г.

Следующим немаловажным этапом в реорганизации и развитии министерства внутренних дел стал 1880 год. Это было вызвано тем, что существующая власть впервые столкнулась с таким понятием, как политический терроризм, к которому стала прибегать партия «Народная воля».

В 1878 году революционные круги совершили убийство начальника Третьего Отделения Н.В. Мезенцева. В феврале 1880 года был организован и осуществлен взрыв в Зимнем Дворце. Данное событие стало поводом для создания Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного строя под руководством графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова.

6 августа того же года, в связи с недостаточной популярностью и неэффективностью Третьего Отделения в глазах общественности, оно было упразднено, а его функции переданы Департаменту полиции исполнительной Министерства внутренних дел, который позднее был переименован в Департамент государственной полиции.

В 1880 году после покушения на императора Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии было ликвидировано. Департамент полиции исполнительной был переименован в Департамент государственной полиции, а спустя три года, в 1883 году, — в Департамент полиции.

В этот период учет преступников велся преимущественно по биографическим данным (фамилия, имя, отчество, год и место рождения) и описанию внешности. Уже в 1890 году, после внедрения во Франции антропометрической системы Альфонса Бертильона, в Санкт-Петербурге было создано первое в России антропометрическое бюро с фотографией. Целью создания такого бюро являлось исключение возможности для рецидивистов скрывать свою прежнюю судимость и криминальное прошлое. Ежедневно в антропометрическое бюро доставлялось большое количество лиц для измерения, фотографирования и установления личности, вызвавших подозрение у сотрудников сыскной полиции [6, с.206].

К 1898 г. в Департаменте полиции создан Особый отдел, к которому перешел политический розыск. В организации деятельности политиче-

ского отдела большое значение играла информационная служба, к которой относились и криминалистические учеты, и регистрация. Различные виды уголовных и иных учетов, которые велись в то время жандармскими подразделениями и полицией, регламентировались ведомственными полицейскими инструкциями и законодательными актами, такими как «Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений» и «Свод уставов о паспортах и беглых» [9]. На основе своих учетов полиция пресекала противоправную деятельность, а виновных привлекала к ответственности.

В начале XX века Министерство внутренних дел Российской Империи (МВД) активно совершенствовало систему борьбы с преступностью, формируя мощный аппарат надзора и контроля за подозрительными организациями и отдельными лицами. Эта система, появившаяся не сразу, но эволюционировавшая со временем, представляла собой сложную сеть взаимодействующих структур. Важным шагом стало создание в 1902 году в крупных городах России розыскных пунктов, которые впоследствии получили название охранных отделений. Эти отделения подчинялись Департаменту полиции и играли ключевую роль в борьбе с преступностью. Охранные отделения имели разветвленную структуру. В их состав входили регистрационные бюро, ответственные за ведение криминалистических учетов. Эти бюро собирали и систематизировали информацию о преступлениях, преступниках и их методах, формируя базы данных для оперативной работы. Однако, функции охранных отделений выходили далеко за пределы простой регистрации. В их штате работали специально обученные сотрудники – надзиратели и филеры. Их задача заключалась в проведении негласного наблюдения за лицами, подозреваемыми в причастности к политическим партиям или тайным обществам. Это подчеркивает, что борьба с преступностью в тот период тесно переплеталась с политическим контролем. Надзиратели и филеры работали под прикрытием, собирая информацию о деятельности этих лиц, используя различные методы наблюдения и слежки, которые, несомненно, были тайными и скрытными [6, с. 207].

Параллельно с развитием системы наблюдения, МВД внедряло и совершенствовало методы криминалистической регистрации. В 1901 году, вдохновившись опытом лондонской полиции и работами английского антрополога Френсиса Гальтона, посвященными дактилоскопии, московская сыскная полиция начала экспериментировать с использованием отпечатков пальцев для идентификации преступников. Гальтон в своей книге «Отпечатки пальцев» (1892 г.) детально опи-

сал уникальность папиллярных узоров, заложив научную основу для применения дактилоскопии в криминалистике. Методика Эдварда Генри, начальника лондонской полиции, представляла собой систему классификации отпечатков пальцев, что значительно облегчало их поиск и сравнение в архивах. Успешные эксперименты в Москве быстро распространились на Санкт-Петербург и другие крупные города России. Вскоре в этих городах появились первые дактилоскопические картотеки, которые позволили значительно повысить эффективность работы полиции. Однако, официальное введение дактилоскопии в качестве стандартного метода розыска и регистрации преступников произошло только в 1906 году [6, с. 207].

26 декабря 1906 года Департамент полиции разослал циркуляр начальникам жандармских управлений и охранных отделений, в котором предписывалось обязательное внедрение дактилоскопии в их работу. Это событие ознаменовало важный этап в развитии криминалистики в России. Дальнейшее развитие дактилоскопии было зафиксировано 9 апреля 1907 года, когда циркуляром МВД по Департаменту полиции было создано специальное Регистрационное бюро Департамента полиции. Это бюро отвечало за централизованное хранение и обработку дактилоскопических данных, что способствовало более эффективному межведомственному взаимодействию и повышению эффективности розыска преступников на всей территории Российской империи [6, с. 207].

К 1910 году полицейская система учета в России была подвергнута централизации и модернизации. Наиболее эффективно эта система функционировала в сыскных отделениях полиции. Это объяснялось тем, что «Инструкция чинам сыскных отделений» 1910 года уделяла значительное внимание деятельности регистрационного бюро. В частности, пункт 29 данной инструкции подчеркивал, что справочное регистрационное бюро составляет основу внутренней организации сыскного отделения. [5, с. 44-49].

В 1912 году, после принятия Инструкции Департаментом полиции, была проведена реформа учета и регистрации преступников. Согласно новым положениям, местные полицейские органы были обязаны направлять в Департамент полиции только один экземпляр полной регистрационной карты с фотографией подозреваемого.

Помимо этого, на каждого задержанного следовало составлять одну алфавитную карту без фотографии. Данные изменения оптимизировали процедуру учета и хранения информации о преступниках.

Примером научно-технической (экспертно-криминалистической) деятельности служить инструкция и объяснение в региональном подразделении Владикавказского жандармского управления железных дорог отправленного в департамент полиции (1912 г.).

По требованиям «Инструкции чинам сыскных отделений» один из сотрудников отделения отвечал за регистрацию и фотографирование задержанных лиц, а остальные сотрудники должны были уметь работать с криминалистическими средствами фотографирования и регистрации [3, с. 12]. «1. При составлении списков все разыскиваемые лица делились на 5 групп: 1) Лица, подлежащие немедленному аресту, включаются в список А/2, имеющие соответствующий заголовок, причем социал-революционеры и анархисты выделяются в особый список А/2, 2) разыскиваемые лица всех прочих категорий при обнаружении которых следовало, не подвергая их ни обыску, ни аресту, ограничиться только установлением наблюдения или сообщить об их обнаружении разыскивающему учреждению - в список Б/1, при чем лица которым был запрещен въезд в Империю или же которые высланы безвозвратно на известных условиях за границу относятся к списку Б/2; 3) сведения о не опознанных преступниках положением фотографий на предмет на опознания и установления личности включаются в список В, 4) лица, розыск которых подлежал прекращению - помещался в список Г и 5) сведения о похищенных паспортах, служебных бланках, документах, печатях и проч., а равно о найденных случайно или обнаружено обыск вещах включался в список Д, статья которого имели свою особую нумерацию.

В каждом списке фамилии и прочие данные о разыскиваемом печатались по алфавиту с обозначением порядка, при чем велась для ссыскания статей всех списков одна общая нумерация.

2. Каждая розыскная статья списка полностью отпечатывалась на отдельных розыскных картах карты формировались в местных учреждениях розыскного алфавита и помещались на дугах или в ящиках циркуляра на картах не обозначались, так как помещенные перед каждой фамилией порядковый номер и буквы дают возможность легко отыскать в циркуляре. Имена, отчество и фамилия разыскиваемых лиц и сведения о звании и приметах включались как в карту, так и розыскной список; карты для специальных розыскных учреждений печатались для жандармских и полицейских управлений - отдельными листами на обыкновенной бумаге, к ним прилагался алфавит который разрезался по линиям; кроме того прилагались: экземпляры циркуляры городских приставов, а в особых случаях отписки фотографий для снабжения последних железно-дорожных, жандармских пунктах.

3. Во избежание излишних повторений и с целью наилучшей систематизации сведений о разыскиваемых преступников, отдельные графы сыскных статей, заключали в себе данные о вероисповедании, родственных связях, месте жительства и т.д. обозначались буквами, при чем каждая буква заменяла следующие подзаголовки: примеры: А) Подробное звание, год, месяц, число и место рождения, вероисповедание, профессия, Г) Приметы, Д) Имелась ли фотографическая карточка не подвергался ли подозреваемый дактилоскопическому исследованию, где и когда К) в чем именно и по каким статьям обвинялся, Ж), Е) указывалась так же принадлежность к партиям» [10, Л. 422 об.].

В остальном, вплоть до 1917 г., «Инструкция чинам сыскных отделений» 1910 г. являлась основным руководящим документом по формированию и ведению криминалистических учетов полиции России.

Однако, к большому сожалению, в процессе Февральской революции 1917 г. антропометрические и дактилоскопические бюро полиции, а также картотеки преступников и иных подучетных лиц были разгромлены, а во многих городах, в том числе и в Петрограде, сожжены.

Анализ исторического развития криминалистической регистрации в России позволяет выделить два основных этапа: донаучный (до середины XIX века), до криминалистический (с середины XIX века до начала XX века).

Формирование основ криминалистического учета в Российской империи датируется 1905–1908 годами. Именно в этот период был внедрен дактилоскопический учет, а также созданы регистрационные бюро, аккумулировавшие информацию о внешнем облике преступников (антропометрические данные, словесные портреты, фотографии), методах и орудиях совершения преступлений.

Кроме того, велись альбомы профессиональных преступников, учет лиц, находящихся в розыске, а также собирались коллекции воровских инструментов и почерков.

Февральская революция привела к ликвидации сложившейся практики формирования и ведения криминалистических учетов в полиции Российской империи. Несмотря на это, многие уголовно-сыскные отделения полиции были преобразованы в уголовно-розыскную милицию и продолжили свою деятельность. Традиционные методы противодействия преступности, включая криминалистические учеты, оказались востребованными новой властью в связи с резким ростом криминальной активности в послереволюционный период.

Список литературы:

- [1] История милиции Кабардино-Балкарии: этапы создания, становления и развития / [подполк. милиции Шипилов Валерий Иванович, майор внутр. службы Заруцкий Олег Валерьевич, лейтенант милиции Кузьмина Светлана Валерьевна, полк. милиции Голяндин Николай Петрович; под общ. ред. ген.-лейтенанта внутр. службы Шогенова Хачима Алисаговича]. — Нальчик : Эль-Фа, 2004. — 216 с.
- [2] История полиции Кабардино-Балкарской Республики : монография / Н. П. Голяндин, А. Т. Бозиев, В. И. Шипилов ; под общ.ред. Д. М. Беровой. — Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. 206 с. (Сер. «История полиции Северного Кавказа и Юга России»).
- [3] Инструкция чинам сыскных отделений : [на подлинной написано: утверждаю, 9-го августа 1910 года / Министр внутр. дел статс-секр. Столыпин]. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1910.
- [4] МВД России : Энциклопедия / Гл. ред. В.Ф. Некрасов. — Москва : Объед. ред. МВД России, ОЛМА-Пресс, 2002. — 623 с.
- [5] Мясоедов Н. Н., Миллер Л. Ю., Миронова И. История развития полицейских учетов в Российской империи (1715–1917 гг.).- М., 2003-82 с.
- [6] Саркисян Г. Г. История развития криминалистических учетов полиции в Российской империи (1715–1917 гг.) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55). С. 199–209.
- [7] Саркисян Г. Г. Современное состояние и проблемы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Юрист-Правоведъ. 2019. № 4 (91).
- [8] Полное собрание законов Российской империи, Собрание второе. СПб., 1830. Т. IX: Собр. 1.
- [9] Полное собрание законов Российской империи, Собрание второе. СПб., 1830. Т. XIV: Собр. 1.
- [10] Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-Алания) Ф. 12. Оп. 8, Д. 33; Ф. 33. Оп. 2, Д. 11.

Spisok literatury:

- [1] Istoriya milicii Kabardino-Balkarii: etapy sozdaniya, stanovleniya i razvitiya / [podpolk. milicii SHipilov Valerij Ivanovich, major vnutr. sluzhby Zaruckij Oleg Valer'evich, lejtenant milicii Kuz'mina Svetlana Valer'evna, polk. milicii Golyandin Nikolaj Petrovich; pod obshch. red. gen.-lejtenanta vnutr. sluzhby SHogenova Hachima Alisagovicha]. — Nal'chik : El'-Fa, 2004. — 216 s.
- [2] Istoriya policii Kabardino-Balkarskoj Respubliki : monografiya / N. P. Golyandin, A. T. Boziev, V. I. SHipilov ; pod obshch.red. D. M. Berovoj. — Krasnodar : Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2018. 206 s. (Ser. «Istoriya policii Severnogo Kavkaza i YUga Rossii»).
- [3] Instrukciya chinam sysknyh otdelenij : [na podlinnoj napisano: utverzhdayu, 9-go avgusta 1910 goda / Ministr vnutr. del stats-sekr. Stolypin]. — SPb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 1910.
- [4] MVD Rossii : Enciklopediya / Gl. red. V.F. Nekrasov. — Moskva : Ob"ed. red. MVD Rossii, OLMA-Press, 2002. — 623 s.
- [5] Myasoedov N. N., Miller L. YU., Mironova I. Istoriya razvitiya policejskih uchotov v Rossijskoj imperii (1715–1917 gg.).- M., 2003-82 s.
- [6] Sarkisyan G. G. Istoriya razvitiya kriminalisticheskikh uchotov policii v Rossijskoj imperii (1715–1917 gg.) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 3 (55). S. 199–209.
- [7] Sarkisyan G. G. Sovremennoe sostoyanie i problemy informacionno-analiticheskogo obespecheniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti // YUrist"-Pravoved". 2019. № 4 (91).
- [8] Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, Sobranie vtoroe. SPb., 1830. T. IX: Sobr. 1.
- [9] Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, Sobranie vtoroe. SPb., 1830. T. XIV: Sobr. 1.
- [10] Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya (CGA RSO-Alaniya) F. 12. Op. 8, D. 33; F. 33. Op. 2, D. 11.

АГАЕВА Арзу Агамурад кызы,
студент ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»
г. Хабаровск,
e-mail: arzu.agaeva.002@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННЫХ АВТОНОМНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Аннотация. В статье исследуется правовой статус государственных автономных учреждений на примере Хабаровского края. Актуальность темы обусловлена неоднозначностью результатов трансформации системы государственных учреждений, начатой в 2006 году. Автор подробно анализирует теоретические подходы к определению юридической природы автономных учреждений, региональную нормативно-правовую базу и практические аспекты их функционирования. Исследование последовательно выявляет специфику правового регулирования в регионе, включая особенности формирования и выполнения государственных заданий, работы наблюдательных советов и системы контроля. Выделены ключевые проблемы: коллизии между федеральным и региональным законодательством, пробелы в правовом регулировании и организационные недостатки. Предложены направления совершенствования правового статуса автономных учреждений, включая конкретизацию законодательства, внедрение риск-ориентированного подхода к контролю и развитие механизмов государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: автономное учреждение, правовой статус, Хабаровский край, наблюдательный совет, имущественные отношения, государственное задание, риск-ориентированный подход.

AGAYEVA Arzu Agamuradovna,
student of the Pacific
State University,
Khabarovsk

LEGAL STATUS OF STATE AUTONOMOUS INSTITUTIONS (ON THE EXAMPLE OF THE Khabarovsk Territory)

Annotation. The article examines the legal status of state autonomous institutions on the example of the Khabarovsk Territory. The relevance of the topic is due to the ambiguity of the results of the transformation of the system of public institutions, which began in 2006. The author analyzes in detail the theoretical approaches to determining the legal nature of autonomous institutions, the regional regulatory framework and the practical aspects of their functioning. The study consistently reveals the specifics of legal regulation in the region, including the specifics of the formation and execution of government assignments, the work of supervisory boards and the control system. The key problems are highlighted: conflicts between federal and regional legislation, gaps in legal regulation and organizational shortcomings. The directions of improving the legal status of autonomous institutions are proposed, including the specification of legislation, the introduction of a risk-based approach to control and the development of public-private partnership mechanisms.

Key words: autonomous institution, legal status, Khabarovsk Territory, supervisory board, property relations, state assignment, risk-based approach.

Трансформация системы государственных учреждений России, начатая в 2006 году с принятием Федерального закона «Об автономных учреждениях», до сих пор не получила однозначной оценки в научном сообществе.

Автономные учреждения, задуманные законодателем как инновационная организационно-правовая форма, призванная сочетать преимущества государственного финансирования и рыночной самостоятельности, за восемнадцать

лет существования продемонстрировали неоднозначные результаты. Особый научный интерес представляет изучение регионального измерения этой реформы, поскольку именно на уровне субъектов федерации происходит практическая реализация теоретических конструкций, заложенных в федеральном законодательстве.

Концепция автономного учреждения как особой организационно-правовой формы юридического лица публичного права стала результатом длительного поиска оптимальной модели функционирования государственных учреждений. Традиционная модель сметного финансирования, господствовавшая в советский период, в условиях рыночной экономики показала свою неэффективность. Как точно отметил А.В. Винницкий, «автономизация государственных учреждений представляет собой закономерный этап эволюции организационно-правовых форм юридических лиц публичного права, обусловленный объективными потребностями модернизации государственного сектора экономики» [1].

Ключевой теоретической проблемой, до сих пор не получившей однозначного решения в отечественной цивилистике, остается вопрос о юридической природе автономного учреждения. В научной литературе сформировались два основных подхода к определению места автономных учреждений в системе юридических лиц. Приверженцы первого подхода (В.Е. Чиркин, Ю.А. Тихомиров) рассматривают автономные учреждения как юридические лица публичного права, подчеркивая их тесную связь с публично-правовыми образованиями-учредителями и преобладание публичных целей деятельности. Сторонники второго подхода (Е.А. Суханов, О.Е. Кутафин) настаивают на частноправовой природе автономных учреждений, указывая на их участие в гражданском обороте на равных началах с иными субъектами и значительную автономию в распоряжении доходами [2].

Сравнительный анализ правового статуса автономных, бюджетных и казенных учреждений позволяет выделить несколько ключевых особенностей автономных учреждений. Во-первых, наиболее широкий объем правомочий по распоряжению доходами от приносящей доход деятельности и приобретенным за счет этих доходов имуществом. Во-вторых, особая система управления, включающая наблюдательный совет как обязательный орган. В-третьих, более гибкий правовой режим закрепленного имущества, предполагающий возможность распоряжения недвижимым и особо ценным движимым имуществом с согласия собственника.

Значимым элементом правового статуса автономных учреждений выступает их финансо-

во-правовое положение. Автономные учреждения, в отличие от казенных и бюджетных, не являются получателями бюджетных средств в строгом смысле слова, а финансируются посредством субсидий на выполнение государственного задания, что создает принципиально иную модель финансовых отношений между учредителем и учреждением, основанную не на сметном финансировании, а на принципах субсидиарности и результативности [3].

Структура правового статуса этого типа учреждения включает следующие элементы:

- 1) целевой компонент (цели, задачи и функции);
- 2) организационный компонент (порядок создания, реорганизации, ликвидации, внутренняя структура);
- 3) компетенционный компонент (совокупность прав и обязанностей);
- 4) имущественный компонент (особенности правового режима имущества);
- 5) ответственностный компонент (специфика ответственности учреждения и учредителя) [4].

Особенностью правоспособности автономного учреждения является ее специальный характер, определяемый целями деятельности, установленными в уставе. Однако в отличие от бюджетных и казенных учреждений, критерии определения разрешенных видов деятельности для автономных учреждений носят более общий характер, что на практике создает более широкие возможности для осуществления приносящей доход деятельности. Выявленные теоретические особенности правового статуса автономных учреждений находят свое воплощение в региональном законодательстве и практике его применения, что требует детального изучения на примере Хабаровского края.

Нормативно-правовая база регулирования автономных учреждений Хабаровского края представляет собой многоуровневую систему актов различной юридической силы. На верхнем уровне находятся законы Хабаровского края, затрагивающие вопросы создания и деятельности автономных учреждений. Фундаментальное значение в нормативно-правовом регулировании исследуемой сферы имеет законодательный акт субъекта федерации – Закон Хабаровского края от 25 июня 2003 года № 124 «Об основах управления и распоряжения государственной собственностью Хабаровского края», который инкорпорирует в себя кардинальные юридические предписания, детерминирующие компетенционные правомочия региональных властных структур по отношению к автономным учреждениям, а также регламентирует процессуальные аспекты юридического

волеизъявления относительно институциональной трансформации данных субъектов права – их генезиса, структурной модификации и прекращения правосубъектности [5].

Субординированную позицию в иерархической конструкции региональных нормативных источников занимают подзаконные юридические акты административного характера, санкционированные высшим коллегиальным исполнительным органом края и подведомственными ему управленческими структурами. В данную категорию правовых регуляторов входят директивные документы Правительства Хабаровского края, устанавливающие алгоритмы конструирования и материально-ресурсного подкрепления государственных заданий, специфические параметры формирования коллегиальных надзорных органов, юридические критерии категоризации и инвентаризации имущественных объектов, относящихся к разряду особо ценного движимого имущества, а также иные аспекты функционирования автономных учреждений. Основным среди них является Постановление Правительства Хабаровского края от 11 февраля 2011 года № 32-пр «Об автономных учреждениях Хабаровского края» [6].

Важное место в системе регионального регулирования занимают ведомственные акты органов исполнительной власти края, выполняющих функции учредителей автономных учреждений. К их числу относятся приказы министерств и комитетов Правительства края, устанавливающие отраслевые особенности функционирования государственных автономных учреждений в сферах образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания.

Анализ содержания регионального законодательства позволяет выделить несколько ключевых особенностей правового регулирования автономных учреждений в Хабаровском крае. Следует отметить достаточно подробную регламентацию процедуры создания автономных учреждений и контроля за их деятельностью, закрепленную в Постановлении Правительства Хабаровского края от 11 февраля 2011 года № 32-пр.

Практика функционирования наблюдательных советов в автономных учреждениях Хабаровского края демонстрирует общероссийские тенденции и типичные проблемы. Несмотря на законодательно закрепленный статус наблюдательных советов как органов управления, на практике они часто сталкиваются с формализмом в принятии решений, недостаточной эффективностью в реализации контрольных функций и ограниченным реальным влиянием на стратегию развития учреждений.

Динамика создания и функционирования автономных учреждений в Хабаровском крае

отражает неравномерность процесса автономизации государственных учреждений в регионе. Согласно данным Реестра организаций Хабаровского края, по состоянию на 26 апреля 2025 года в регионе функционирует 5 федеральных, 36 краевых и 191 муниципальное автономное учреждение [7].

Отраслевое распределение автономных учреждений в крае характеризуется явным преобладанием образовательных организаций, что объясняется как более ранним началом процесса автономизации в сфере образования, так и большей готовностью образовательных учреждений к функционированию в условиях расширенной экономической самостоятельности. Наименьшее распространение модель автономного учреждения получила в сфере здравоохранения, что связано со спецификой финансирования медицинских организаций через систему обязательного медицинского страхования.

Практика формирования и выполнения государственных заданий автономными учреждениями Хабаровского края отражает общероссийскую тенденцию к формализации данного процесса. Анализ государственных заданий автономных учреждений края за 2020-2023 годы показывает увеличение количества и детализации показателей качества и объема оказываемых услуг, усложнение системы мониторинга выполнения заданий. По данным министерства культуры Хабаровского края, в 2021 и 2022 годах средний уровень выполнения государственных заданий автономными учреждениями составил 97,4 %, что несколько выше аналогичного показателя для бюджетных учреждений (94,8 %) [8].

Система контроля деятельности автономных учреждений в Хабаровском крае включает несколько уровней и форм. Внутренний контроль осуществляется наблюдательным советом и руководителем учреждения. Ведомственный контроль реализуется органом исполнительной власти, выполняющим функции учредителя. Внешний государственный контроль осуществляется контрольно-счетной палатой края и министерством финансов края. Данная многоуровневая система обеспечивает достаточно высокую степень подконтрольности автономных учреждений, но одновременно снижает реальный уровень их автономии.

Показательным примером является практика расширения перечня вопросов, по которым требуется обязательное одобрение учредителя. Помимо установленных федеральным законодательством случаев (распоряжение недвижимым и особо ценным движимым имуществом, внесение изменений в устав и др.), в Хабаровском крае распространена практика включения в уставы авто-

номных учреждений дополнительных ограничений самостоятельности, например, требований о согласовании штатного расписания, тарифов на платные услуги, крупных закупок и т. д.

Особый интерес представляет анализ финансово-экономической деятельности автономных учреждений Хабаровского края. Расширенные возможности по привлечению внебюджетных доходов теоретически должны были обеспечить рост финансовой устойчивости и самостоятельности учреждений, однако практика демонстрирует значительную дифференциацию результатов. Наблюдается существенный разрыв между отдельными отраслями: учреждения культуры и дополнительного образования нередко достигают значительных показателей по внебюджетным поступлениям, в то время как организации социального обслуживания населения сохраняют высокую зависимость от бюджетного финансирования. Подобная неравномерность объясняется как объективными различиями в рыночном потенциале разных отраслей, так и субъективными факторами – готовностью руководителей учреждений к активной предпринимательской деятельности.

Дихотомия между правовой теорией и управленческой практикой автономных учреждений порождает комплекс нерешенных проблем. Не секрет, что наблюдательные советы, задуманные как действенный механизм общественного участия в управлении, зачастую превращаются в формальные структуры, собирающиеся лишь для утверждения заранее подготовленных решений. Анализ доступных протоколов заседаний наблюдательных советов автономных учреждений края свидетельствует о преобладании единогласных решений без содержательной дискуссии и альтернативных предложений, что наглядно демонстрирует системную проблему – разрыв между юридической моделью и фактической реализацией концепции автономного учреждения [9].

Нельзя обойти вниманием и вопрос о кадровом обеспечении автономных учреждений Хабаровского края. С одной стороны, правовой статус этих организаций предполагает большую свободу в формировании штатного расписания, установлении систем оплаты труда и премирования работников, с другой – существующие бюджетные ограничения и региональные нормативы фактически нивелируют данное преимущество. Парадоксально, но многие руководители автономных учреждений края не используют в полной мере возможности гибкого регулирования трудовых отношений, предпочитая следовать единым для всех типов учреждений отраслевым рекомендациям, что свидетельствует о глубинных противоречиях между декларируемой автономией и реальными управленческими практиками [10].

Примечательно, что становление института автономных учреждений в крае происходит на фоне трансформации всей системы публичного управления. Анализ региональных государственных программ и стратегических документов свидетельствует о движении к модели «управления по результатам» (performance management), в которой ключевую роль играют измеримые показатели эффективности деятельности. В этом контексте автономные учреждения рассматриваются органами исполнительной власти не столько как самостоятельные субъекты правоотношений, сколько как инструменты достижения целевых индикаторов государственных программ. Подобный функциональный подход объективно сужает пространство для реализации принципа автономии, заложенного в самой концепции данной организационно-правовой формы.

Систематизация выявленных в ходе исследования проблем позволяет классифицировать их на несколько основных групп:

- 1) коллизии между федеральным и региональным законодательством;
- 2) пробелы в правовом регулировании;
- 3) организационные проблемы.

Правовой статус автономных учреждений характеризуется потенциальной сложностью в определении оптимального баланса между федеральным регулированием и локальными особенностями функционирования. Федеральный закон «Об автономных учреждениях» устанавливает исчерпывающий перечень вопросов, относящихся к компетенции наблюдательного совета, что призвано обеспечить единообразие в управлении такими учреждениями. Вместе с тем, на практике возможны ситуации, требующие гибкого подхода к интерпретации полномочий органов управления с учетом специфики конкретных учреждений и региональных особенностей.

Существенным пробелом в правовом регулировании является отсутствие четких критериев отнесения имущества к категории особо ценного движимого имущества. Федеральное законодательство устанавливает лишь рамочные требования, делегируя конкретизацию критериев субъектам федерации.

Организационные проблемы связаны, прежде всего, с формализмом в работе наблюдательных советов, неэффективностью системы контроля за деятельностью автономных учреждений, непрозрачностью процедур формирования и финансового обеспечения государственных заданий.

В целях совершенствования федерального законодательства об автономных учреждениях представляется целесообразным внесение ряда изменений в Федеральный закон «Об автономных учреждениях». Во-первых, необходимо конкрети-

зировать понятие «автономия учреждения», закрепив минимальный объем прав, который не может быть ограничен учредителем. Во-вторых, следует установить более четкие критерии отнесения имущества к категории особо ценного движимого имущества, сократив дискрецию региональных органов власти в данном вопросе. В-третьих, целесообразно конкретизировать полномочия учредителя по контролю за расходованием средств от приносящей доход деятельности, закрепив право автономного учреждения самостоятельно распоряжаться данными средствами в соответствии с целями деятельности.

На уровне законодательства Хабаровского края представляется необходимым принятие закона «О государственных автономных учреждениях Хабаровского края», который бы закрепил единые требования к порядку создания, функционирования и контроля деятельности автономных учреждений, унифицировал бы процедуры согласования отдельных видов сделок, установил бы минимальные стандарты прозрачности работы наблюдательных советов и формирования государственных заданий.

Важным направлением совершенствования правового регулирования представляется внедрение риск-ориентированного подхода к контролю автономных учреждений. Основная идея данного подхода заключается в дифференциации интенсивности контроля в зависимости от оценки рисков деятельности конкретного учреждения. Для автономных учреждений с высокими показателями эффективности деятельности и низким уровнем рисков целесообразно существенное сокращение контрольных мероприятий и расширение автономии, в то время как для учреждений с низкими показателями эффективности и высоким уровнем рисков оправдано усиление контроля [11].

Перспективной моделью развития системы автономных учреждений представляется внедрение механизмов государственно-частного партнерства. В рамках данной модели автономные учреждения могут выступать операторами инфраструктурных проектов, реализуемых совместно с частными инвесторами. Такой подход позволит привлечь дополнительные инвестиции в развитие материально-технической базы учреждений, внедрить современные методы управления, сохранив при этом социальную направленность их деятельности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовой статус государственных автономных учреждений в Хабаровском крае характеризуется выраженной региональной спецификой, обусловленной особенностями нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики. Функционирование автоном-

ных учреждений требует достижения сбалансированного подхода между необходимостью государственного контроля и принципом организационной автономии. Эффективность деятельности таких учреждений определяется способностью найти оптимальный баланс между управленческой самостоятельностью и механизмами государственного регулирования. Существующая модель правового регулирования автономных учреждений сталкивается с системным вызовом: чрезмерный контроль может нивелировать инновационный потенциал данной организационно-правовой формы, в то время как полная автономия может создавать риски неэффективного управления бюджетными ресурсами.

Совершенствование правового регулирования государственных автономных учреждений в Хабаровском крае должно осуществляться по нескольким основным направлениям: конкретизация федерального законодательства, усиление регионального законодательства, внедрение риск-ориентированного подхода к контролю, развитие механизмов государственно-частного партнерства. Практическая реализация предложенных рекомендаций позволит повысить эффективность функционирования автономных учреждений региона, обеспечить оптимальный баланс между государственным контролем и экономической самостоятельностью, создать условия для привлечения дополнительных ресурсов в социальную сферу и повышения качества оказываемых населению услуг.

Список литературы:

- [1] Винницкий, А. В. Публичная собственность: проблемы формирования административно-правовой доктрины : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург, 2013. 570 с.
- [2] Воробьева М. А. Особенности правового статуса государственных автономных учреждений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №10-2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-statusa-gosudarstvennyh-autonomnyh-uchrezhdeniy> (дата обращения: 22.04.2025).
- [3] Голубцов, В. Г. Дихотомия и конвергенция публичного и частного в правосубъектности автономного учреждения / В. Г. Голубцов // LexRussica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 2(195). – С. 68-80. – DOI 10.17803/1729-5920.2023.195.2.068-080. – EDN SCSXVK.
- [4] Турищева, Т. Б. Обязательства автономных учреждений: теоретические и учетные

аспекты / Т. Б. Турищева // Kant. – 2022. – № 1(42). – С. 63-67. – DOI 10.24923/2222-243X.2022-42.11. – EDN CVYDJU.

[5] Закон Хабаровского края от 25 июня 2003 года № 124 «Об основах управления и распоряжения государственной собственностью Хабаровского края» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/995108839> (дата обращения: 22.04.2025).

[6] Постановление Правительства Хабаровского края от 11 февраля 2011 года № 32-пр «Об автономных учреждениях Хабаровского края» (с изменениями на 13 октября 2022 года) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/995136437?ysclid=m8k55r5g55966299921> (дата обращения: 22.04.2025).

[7] Реестр организаций [Электронный ресурс]. URL: <https://bus.gov.ru/registry> (дата обращения: 26.04.2025).

[8] Отчет о выполнении госзаданий [Электронный ресурс]. URL: <https://minkult.khabkrai.ru/O-Ministerstve/Podvedomstvennye-organizacii/Gosudarstvennye-zadaniya-174> (дата обращения: 22.04.2025).

[9] Рогозина, А. С. Особенности перехода бюджетного учреждения в автономное учреждение / А. С. Рогозина, Д. С. Алексеева, Ю. С. Якимова // Большая студенческая конференция : сборник статей III Международной научно-практической конференции : в 2 ч., Пенза, 15 декабря 2022 года. Том Часть 2. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 37-41. – EDN JQOVZ.

[10] Касюк, Е. А. Организационный аспект построения системы внутреннего контроля в автономном учреждении: концептуальный подход / Е. А. Касюк // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2024. – № 2. – С. 120-125. – EDN LUGTCA.

[11] Касаткина, Е. А. Совершенствование стратегического управления муниципальным автономным учреждением / Е. А. Касаткина, И. И. Рамазанов // Вестник Сургутского государственного университета. – 2024. – Т. 12, № 3. – С. 37-46. – DOI 10.35266/2949-3455-2024-3-3. – EDN EIFTZZ.

Spisok literatury:

[1] Vinnickij, A. V. Publichnaya sobstvennost': problemy formirovaniya administrativno-pravovoj doktriny : special'nost' 12.00.14 «Administrativnoe pravo; administrativnyj process» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk. Ekaterinburg, 2013. 570 s.

[2] Vorob'eva M. A. Osobennosti pravovogo statusa gosudarstvennyh avtonomnyh uchrezhdenij // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestven-

nyh nauk. 2021. №10-2. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-statusa-gosudarstvennyh-avtonomnyh-uchrezhdeniy> (data obrashcheniya: 22.04.2025).

[3] Golubcov, V. G. Dihotomiya i konvergenciya publichnogo i chastnogo v pravosub'ektnosti avtonomnogo uchrezhdeniya / V. G. Golubcov // Lex-Russica (Russkij zakon). – 2023. – Т. 76, № 2(195). – С. 68-80. – DOI 10.17803/1729-5920.2023.195.2.068-080. – EDN SCSXVK.

[4] Turishcheva, T. B. Obyazatel'stva avtonomnyh uchrezhdenij: teoreticheskie i uchetyne aspekty / T. B. Turishcheva // Kant. – 2022. – № 1(42). – С. 63-67. – DOI 10.24923/2222-243X.2022-42.11. – EDN CVYDJU.

[5] Zakon Habarovskogo kraya ot 25 iyunya 2003 goda № 124 «Ob osnovah upravleniya i rasporyazheniya gosudarstvennoj sobstvennost'yu Habarovskogo kraya» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/995108839> (data obrashcheniya: 22.04.2025).

[6] Postanovlenie Pravitel'stva Habarovskogo kraya ot 11 fevralya 2011 goda № 32-pr «Ob avtonomnyh uchrezhdeniyah Habarovskogo kraya» (s izmeneniyami na 13 oktyabrya 2022 goda) [Elektronnyj resurs]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/995136437?ysclid=m8k55r5g55966299921> (data obrashcheniya: 22.04.2025).

[7] Reestr organizacij [Elektronnyj resurs]. URL: <https://bus.gov.ru/registry> (data obrashcheniya: 26.04.2025).

[8] Otchet o vypolnenii goszadaniy [Elektronnyj resurs]. URL: <https://minkult.khabkrai.ru/O-Ministerstve/Podvedomstvennye-organizacii/Gosudarstvennye-zadaniya-174> (data obrashcheniya: 22.04.2025).

[9] Rogozina, A. S. Osobennosti perekhoda byudzhethnogo uchrezhdeniya v avtonomnoe uchrezhdenie / A. S. Rogozina, D. S. Alekseeva, YU. S. YAKimova // Bol'shaya studencheskaya konferenciya : sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii : v 2 ch., Penza, 15 dekabrya 2022 goda. Tom CHast' 2. – Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.YU.), 2022. – С. 37-41. – EDN JQOVZ.

[10] Kasyuk, E. A. Organizacionnyj aspekt postroeniya sistemy vnutrennego kontrolya v avtonomnom uchrezhdenii: konceptual'nyj podhod / E. A. Kasyuk // Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii. – 2024. – № 2. – С. 120-125. – EDN LUGTCA.

[11] Kasatkina, E. A. Sovershenstvovanie strategicheskogo upravleniya municipal'nym avtonomnym uchrezhdeniem / E. A. Kasatkina, I. I. Ramazanov // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2024. – Т. 12, № 3. – С. 37-46. – DOI 10.35266/2949-3455-2024-3-3. – EDN EIFTZZ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-294-298

МОХОВА Анна Владимировна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Института истории и права
Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,
e-mail: anna.mohovva@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В 1930-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ХАКАСИИ)

Аннотация. Статья освещает основные этапы развития системы отечественного здравоохранения в 1930-х гг., а также вопросы его правового регулирования. На примере Хакасии показана реализация государственной политики в области охраны здоровья населения, выявлены главные проблемы в данной сфере и пути их решения.

Ключевые слова: Конституция, Совнарком, государство, нормативный правовой акт, декрет, Наркомздрав, здравоохранение, медицинские кадры, санитарное просвещение, профилактические мероприятия.

MOKHOVA Anna Vladimirovna,
candidate of historical sciences,
associate professor of the department of state and legal disciplines
of the Institute of History and Law
of the Khakass State University named after N.F. Katanov

LEGAL POLICY IN THE FIELD OF DOMESTIC HEALTHCARE IN THE 1930S (ON THE EXAMPLE OF KHAKASSIA)

Annotation. The article covers the main stages of development of the domestic health care system in the 1930s, as well as issues of its legal regulation. The example of Khakassia shows the implementation of state policy in the field of public health protection, identifies the main problems in this area and ways to solve them.

Key words: Constitution, Council of People's Commissars, state, normative legal act, decree, People's Commissariat of Health, health care, medical personnel, health education, preventive measures.

1920-е–1930-е гг. являются ключевым моментом в отечественной истории. Во-первых, в жизнь стали внедряться ленинско-сталинские идеи модернизации советского общества, а для их воплощения необходимо было усиление политической власти, централизация экономики, формирование соответствующей политической элиты и пр. Во-вторых, для экономического роста требовались образованные и квалифицированные кадры, причем здоровые, поэтому социальная сфера также нуждалась в преобразованиях и эффективном правовом регулировании со стороны государства.

После Октября 1917 г. принятие большевистским правительством на себя законодательной прерогативы сигнализировало об усилении роли исполнительной власти. Несомненно, для ликвидации санитарных последствий граждан-

ской войны нормативные акты Совнаркома сыграли огромную роль. Так, декреты СНК «О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом», «Об обязательном оспопрививании», «О мероприятиях против холерной эпидемии», «О мероприятиях по борьбе с малярией» и пр. свидетельствовали о решительных мерах правительства в решении санитарно-гигиенических проблем, и их неисполнение влекло за собой юридическую ответственность.

Законодательные основы в области медико-санитарного дела были заложены в пунктах Положения о Народном комиссариате здравоохранения 1918 г. Данный акт закреплял жесткую централизацию управления здравоохранением страны в лице Наркомздрава [10]. В условиях становления советской власти эта система себя оправдывала, так как обеспечивала бесплатность

и доступность медицинской помощи широким слоям населения. С другой стороны, централизация управления здравоохранением подразумевала остаточный принцип финансирования данной сферы и, как следствие, слабую материально-техническую базу медицинских и лечебных учреждений, нехватку материалов и лекарств, кадровый дефицит и т.д.

Национальные районы значительно отставали от европейской части России как в экономическом, политическом, так и в социально-культурном отношении. Слаборазвитость экономики и инфраструктуры, отдаленность от центра, особенности менталитета коренного населения, а также недостаточное внимание со стороны центральных органов власти тормозили развитие системы здравоохранения национальных регионов, что влекло за собой отсутствие квалифицированной медицинской помощи местному населению.

Основные принципы объединения республик, особенности национальной политики, разграничение предметов ведения верховных органов власти были закреплены в Конституции СССР 1924 г. Что касается вопросов охраны здоровья населения, то они относились к ведению высших органов власти, и формулировка звучала кратко: «установление общих мер в области охраны народного здоровья» [20, с. 240].

Конец 1920-х гг. ознаменован окончанием эпохи нэпа, ликвидацией частной собственности, усилением централизации власти и экономики. В производственной сфере акцент переместился на тяжелую промышленность, ведь главной целью являлось превращение аграрной страны в индустриальную. Инициированные сверху индустриализация и коллективизация стали основными мероприятиями в решении этих важных государственных задач. Поэтому работа органов отечественного здравоохранения перестраивалась в направлении все большего учета потребностей промышленности в городе, а также колхозного и совхозного строительства в сельской местности.

В декабре 1929 г. вышло в свет постановление ЦК ВКП(б) «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян», согласно которому проведение лечебно-медицинских мероприятий как в центральных, так и в национальных районах должно быть направлено в соответствии с экономическими требованиями и историческими реалиями [11, с. 7]. Так, в промышленных зонах открывались врачебные участки, здравпункты, в сельской местности – акушерские, фельдшерские и фельдшерско-акушерские пункты. С учетом национальной специфики к работе в них привлекалось местное население.

В начале 1930-х гг. укрепилась санитарная организация на основе решения правительства о создании Государственной санитарной инспекции (1933 г.), которая стала основным противоэпидемическим заслоном в борьбе с инфекционной заболеваемостью. Параллельно с противоэпидемической работой проводились и общесанитарные мероприятия, например, формировались отряды санитарных уполномоченных из числа добровольцев, которые наблюдали за санитарным состоянием жилищ, улиц, колодцев и под руководством медперсонала осуществляли оздоровительные и профилактические мероприятия. У женщин-хакасок еще сильны были религиозные предрассудки, поэтому привлечение их к проведению санитарно-медицинских мероприятий, повышение образовательного и культурного уровня стало одной из первоочередных задач местных органов власти.

К середине 1930-х гг. в Хакасии усилилась специализированная медицинская помощь путем открытия противотуберкулезного, кожно-венерологического диспансеров в областном центре Абакане. Кроме того, были открыты противомаларийная станция, три межрайонных противотрахоматозных диспансера и несколько противотрахоматозных пунктов в сельской местности, началось больничное строительство и т.д.

Таким образом, в 1920-е–1930-е гг., несмотря на тяжелые условия, страна приняла на себя заботу и ответственность за сохранение и укрепление здоровья населения, и Конституция СССР 1936 г. окончательно закрепила право человека на бесплатную медицинскую помощь. Так, ст. 14 гласила о руководящей роли высших органов государственной власти и органов государственного управления в области здравоохранения [20, с. 240]. Ст. 119 гарантировала право на отдых, а ст. 120 – материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности и пр. Это право обеспечивалось «широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов» [20, с. 240].

В процессе формирования национальной интеллигенции Хакасии, в т.ч. и медицинской, большую роль сыграло постановление СНК СССР от 13 ноября 1929 г. «О мероприятиях по подготовке работников из среды народов нерусского языка в техникумы, на рабфаки, в вузы», в котором особое внимание обращалось на необходимость расширения мероприятий по подготовке работников из среды коренных народов [13]. Благодаря этим преобразованиям, получили возмож-

ность поступления в сибирские вузы и техникумы молодые люди и из Хакасии. Так, первым дипломированным врачом-хакасом стал выпускник Томского медицинского института 1931 г. Н.М. Одежкин, который свою трудовую деятельность посвятил лечению и ликвидации трахомы, а также других глазных болезней в Хакасии.

Существенную роль в подготовке средних медицинских работников Хакасии сыграла открытая в 1934 г. в Абакане фельдшерско-акушерская школа, количество обучающихся в которой ежегодно увеличивалось. Если в год открытия в учебном заведении обучалось 32 обучающихся, то в 1936 г. – 66, а в 1938 г. – 107 [12, с. 157]. Первый выпуск медиков состоялся в 1937 г. в количестве 25 чел. [19, л. 11].²¹ Конечно, такое малое количество выпускников не удовлетворяло кадровые потребности органов здравоохранения Хакасии. Поэтому параллельно с фельдшерско-акушерской школой при городских больницах функционировали краткосрочные курсы подготовки медиков среднего звена. Например, в 1935 г. на подготовительных курсах медтехников в г. Абакане обучалось 40 чел., из них хакасов – 25 чел., на районных курсах ясельных работников выпущено 106 чел. (37 чел. – хакасы), на областных курсах – 40 чел., из них 4 хакаса [2, л. 23]. Итак, открытие фельдшерско-акушерской школы способствовало тому,

что ее выпускники пополняли ряды специалистов лечебно-медицинских учреждений Хакасии. Проработав в местных органах здравоохранения и приобретая практические навыки, некоторые из них поступали в медицинские вузы, после окончания которых возвращались на Родину.

Несмотря на принимаемые меры по решению кадровых вопросов, количество медицинских специалистов в течение 1930-х гг. продолжало уменьшаться. Так, в 1936 г. из запланированных 104,5 ставок врачей в Хакасии было занято лишь 47, что составляло только 43% [7, л. 72]. Одним из показателей низкого процента наличия врачей в регионе были так называемые «невозвращенцы» – стипендиаты из числа местной молодежи, не вернувшиеся после окончания мединститут в Хакасию [5, лл. 9, 10]. Другим фактором являлись суровый климат региона, неудовлетворительные производственные и жилищные условия медиков, низкая зарплата и т.д., что отпугивало многих. Например, врачи Хакасии получали в среднем 200–250 руб. [4, л. 25], в сельской местности зачастую имела место задержка зарплаты на 2–3 мес. Сопутствующим основанием было отсутствие жилья для медиков. Поэтому улучшение материально-бытового положения медицинских кадров Хакасии являлось важным фактором удержания их на местах.

**Сеть медицинского персонала Хакасской автономной области,
на 10 тыс. населения:**

Персонал / год	1930	1934	1938
Врачи	0,0028	0,0041	0,0082
Средний медперсонал	0,0072	0,0196	0,0243

Составлено по: НАРХ. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 2. Л. 27; Ф. 14. Оп. 1. Д. 88. Л. 54 а; Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 12. Л. 68; Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 1039. Л. 8.

Для улучшения качества медицинского обслуживания требовалось реформирование системы высшего медицинского образования, а для этого необходимо было все медицинские факультеты преобразовать в самостоятельные медицинские институты и передать в ведение Наркомздрава РСФСР.

В 1934 г. в соответствии с постановлением ЦИК СССР «О подготовке врачей» все медицинские вузы перешли на 5-летний срок обучения [14]. В дополнение к этому были открыты факультеты по подготовке врачей-стоматологов и провизоров. Быстрый рост потребности во врачебных

кадрах вызвал необходимость дальнейшего расширения сети вузов медицинского профиля.

Немаловажную роль в медицинском деле играл средний медперсонал, который из-за нехватки врачебных кадров зачастую замещал их должности. Поэтому правовой основой подготовки медиков средней квалификации стало постановление СНК СССР от 8 сентября 1936 г. «О подготовке средних медицинских, зубо-врачебных и фармацевтических кадров», согласно которому предусматривалась массовая подготовка специалистов данного профиля, в том числе и для национальных регионов [15]. С повышением зарплаты

среднего и младшего медперсонала с апреля 1939 г. основной задачей органов здравоохранения стало использование благоприятной ситуации для закрепления кадров этих категорий работников на местах [17].

Следующим шагом государства в развитии здравоохранения и укреплении сельской лечебной сети стало вышедшее в июне 1938 г. постановление СНК СССР «Об укреплении сельского врачебного участка» [16], в соответствии с которым в сельские местности страны выехало 4,5 тыс. врачей [1, с. 64]. Согласно постановлению, доврачебные звенья (фельдшерские, акушерские, фельдшерско-акушерские пункты) вошли в подчинение врачебных участков. Так как коллективы врачебных участков поддерживали тесную связь со всеми партийными, советскими и хозяйственными органами в пределах своей территории, то это, в некоторой степени, смягчало их финансовые и материально-технические проблемы.

В результате проведенных мероприятий значительно укрепилась материально-техническая база сельских врачебных участков, установились дополнительные материальные льготы для сельских врачей, стабилизировался порядок систематического повышения их квалификации. Медработники в сельской местности обеспечивались бесплатным жильем, бесплатными коммунальными услугами и транспортом. Итогом тесного взаимодействия медиков и партийных организаций стало медицинское обслуживание работников сельского хозяйства на период полевых работ.

Таким образом, в результате проведенных мероприятий в Хакасии к концу 1930-х гг. количество больниц в сельской местности достигло 13 из 17 имевшихся в целом в области. Штат медперсонала вырос до 82 врачей, 243 чел. среднего звена и 309 чел. младшего персонала (данные на 1938 г.) [12, с. 115], что стало возможным благодаря выросшему бюджету здравоохранения региона с 428190 руб. в 1930 г. до 5930500 руб. в 1938 г. [3, л. 3]. Однако, несмотря на увеличение финансирования сферы здравоохранения, увеличение штата сотрудников и улучшение их условий труда и быта, текучесть кадров наблюдалась на всем протяжении изучаемого периода.

В марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) был рассмотрен третий 5-летний план развития народного хозяйства СССР, в котором нашли свое отражение и вопросы здравоохранения. В соответствии с этим планом предусматривалось увеличение зарплаты медперсонала страны на 113,5%, увеличение ассигнований на нужды здравоохранения, на улучшение жилищно-бытовых условий медицинских кадров [21, с. 12]. Особое внимание уделялось женским и детским лечебным учреждениям.

С увеличением в 1930-х гг. ассигнований на нужды здравоохранения улучшилась лечебная и медицинская сеть Хакасии, повысилось качество медико-санитарного обслуживания местного населения, улучшилось санитарное состояние жилых зон, появились национальные медицинские кадры. Работа органов здравоохранения Хакасии постепенно принимала планомерный и организационный характер. Укрепление законодательной базы отечественного здравоохранения позволило достичь определенных успехов. Не менее важным событием того периода стала ликвидация многих социально-опасных заболеваний, что явилось особенной заслугой как медиков, так и местных органов власти.

Несмотря на допущенные ошибки в теории и практике, положительным итогом этого периода явилась разработка основ диспансерного метода, который в соответствии с опытом работы специализированных медицинских учреждений (противотуберкулезный, противотрахоматозный, кожно-венерологический диспансеры, противомаларийная станция, открытые в течение 1930-х гг. в Хакасии) стал внедряться в общую лечебно-профилактическую сеть региона.

Список литературы:

- [1] Всеобщее право на здоровье и его реализация в различных странах мира / под ред. Д.Д. Венедиктова. — Москва: Медицина, 1981. — 280 с.
- [2] Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив»). Ф. 2. Оп. 1. Д. 8.
- [3] Там же. Д. 527.
- [4] Там же.
- [5] Ф. 11. Оп. 1. Д. 45.
- [6] Ф. 14. Оп. 1. Д. 88.
- [7] Ф. 39. Оп. 1. Д. 270.
- [8] Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 2.
- [9] Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 12.
- [10] Декрет СНК РСФСР от 18 июля 1918 г. «О Народном Комиссариате Здравоохранения» (Положение) // Собрание Узаконений. 1918. № 52. Ст. 590.
- [11] О медицинском обслуживании рабочих и крестьян [Текст]: [Постановление ЦК ВКП(б) Обращения НКЗдрава, ЦК союза Медсантруд. Н.-В. Крайздрава и Крайправления союза Медсантруд ко всем мед. работникам Н.-В. края]. — Саратов, 1930. — 12 с.
- [12] Очерки истории Хакасской областной организации КПСС / сост. и науч. ред. П.Н. Мешалкин, С.П. Ултургашев. — Красноярск: Кн. изд-во, 1987. — 358 с.
- [13] Постановление СНК СССР от 13 ноября 1929 г. «О мероприятиях по подготовке работни-

ков из среды народов нерусского языка в техникумы, на рабфаки, в вузы» // [Электронный ресурс] // Сайт «Исторические материалы» [сайт]. – URL: <http://istmat.info> (дата обращения: 23.03.2025 г.).

[14] Постановление ЦИК СССР от 3 сентября 1934 г. «О подготовке врачей» // [Электронный ресурс] // Сайт «Исторические материалы» [сайт]. – URL: <http://docs.historyrussia.org> (дата обращения: 24.03.2025 г.).

[15] Постановление СНК СССР от 8 сентября 1936 г. «О подготовке средних медицинских, зубоветеринарных и фармацевтических кадров» // [Электронный ресурс] // Сайт «Исторические материалы» [сайт]. – URL: <http://docs.historyrussia.org> (дата обращения: 25.03.2025 г.).

[16] Постановление СНК СССР от 23 апреля 1938 г. №542 «Об укреплении сельского врачебного участка» // [Электронный ресурс] // Сайт «Исторические материалы» [сайт]. – URL: <http://istmat.info> (дата обращения: 23.03.2025 г.).

[17] Постановление СНК СССР от 8 мая 1939 г. №637 «О повышении заработной платы средних и младшим медицинским работникам и работникам аптечных учреждений и предприятий» // [Электронный ресурс] // Сайт «Исторические материалы» [сайт]. – URL: <http://docs.historyrussia.org> (дата обращения: 23.03.2025 г.).

[18] Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 1039. Л. 8.

[19] Там же. Л. 11.

[20] Советские Конституции. Справочник. – Москва: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1963. – 352 с.

[21] Социализм и здравоохранение: проблемы здоровья и физического развития человека / под ред. С.Я. Чикина. – Москва: Медицина, 1977. – 191 с.

Spisok literatury:

[1] Vseobshchee pravo na zdorov'e i ego realizatsiya v razlichnykh stranakh mira / pod red. D.D. Vendiktova. – Moskva: Medicina, 1981. – 280 s.

[2] Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Hakasiya «Nacional'nyy arhiv» (GKU RH «Nacional'nyy arhiv»). F. 2. Op. 1. D. 8.

[3] Tam zhe. D. 527.

[4] Tam zhe.

[5] F. 11. Op. 1. D. 45.

[6] F. 14. Op. 1. D. 88.

[7] F. 39. Op. 1. D. 270.

[8] F. R-4. Op. 1. D. 2.

[9] F. R-19. Op. 1. D. 12.

[10] Dekret SNK RSFSR ot 18 iyulya 1918 g. «O Narodnom Komissariate Zdravoohraneniya» (Polozhenie) // Sobranie Uzakonenij. 1918. № 52. St. 590.

[11] O medicinskom obsluzhivanii rabochih i krest'yan [Tekst]: [Postanovlenie CK VKP(b) Obrashcheniya NKZdrava, CK soyuza Medsantrud. N.-V. Krajzdrava i Krajpravleniya soyuza Medsantrud ko vsem med. rabotnikam N.-V. kraya]. – Saratov, 1930. – 12 s.

[12] Ocherki istorii Hakasskoj oblastnoj organizatsii KPSS / sost. i nauch. red. P.N. Meshalkin, S.P. Ulturgashev. – Krasnoyarsk: Kn. izd-vo, 1987. – 358 s.

[13] Postanovlenie SNK SSSR ot 13 noyabrya 1929 g. «O meropriyatiyah po podgotovke rabotnikov iz sredy narodov nerusskogo yazyka v tekhnikumy, na rabfaki, v vuzy» // [Elektronnyj resurs] // Sajt «Istoricheskie materialy» [sajt]. – URL: <http://istmat.info> (data obrashcheniya: 23.03.2025 g.).

[14] Postanovlenie CIK SSSR ot 3 sentyabrya 1934 g. «O podgotovke vrachej» // [Elektronnyj resurs] // Sajt «Istoricheskie materialy» [sajt]. – URL: <http://docs.historyrussia.org> (data obrashcheniya: 24.03.2025 g.).

[15] Postanovlenie SNK SSSR ot 8 sentyabrya 1936 g. «O podgotovke srednih medicinskih, zubovrachebnyh i farmacevticheskikh kadrov» // [Elektronnyj resurs] // Sajt «Istoricheskie materialy» [sajt]. – URL: <http://docs.historyrussia.org> (data obrashcheniya: 25.03.2025 g.).

[16] Postanovlenie SNK SSSR ot 23 aprelya 1938 g. №542 «Ob ukreplenii sel'skogo vrachebnogo uchastka» // [Elektronnyj resurs] // Sajt «Istoricheskie materialy» [sajt]. – URL: <http://istmat.info> (data obrashcheniya: 23.03.2025 g.).

[17] Postanovlenie SNK SSSR ot 8 maya 1939 g. №637 «O povyshenii zarabotnoj platy srednim i mladshim medicinskim rabotnikam i rabotnikam aptechnyh uchrezhdenij i predpriyatij» // [Elektronnyj resurs] // Sajt «Istoricheskie materialy» [sajt]. – URL: <http://docs.historyrussia.org> (data obrashcheniya: 23.03.2025 g.).

[18] Rukopisnyj fond HakNIIYALI. F. I-3. Op. 2. D. 1039. L. 8.

[19] Tam zhe. L. 11.

[20] Sovetskie Konstitucii. Spravochnik. – Moskva: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1963. – 352 s.

[21] Socializm i zdravoohranenie: problemy zdorov'ya i fizicheskogo razvitiya cheloveka / pod red. S.YA. CHikina. – Moskva: Medicina, 1977. – 191 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-299-302

ЛЕБЕДЕВ Максим Сергеевич,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Управление персоналом и социология»,
Уральский государственный университет путей сообщения,
e-mail: lms-83@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВИД НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается понятие правового регулирования, выделяются его признаки, структура, виды и значение для упорядочивания общественных отношений. С позиции теоретико-описательного подхода автором выявлено соотношение правового регулирования с социальным и нормативным регулированием. На основе системно-структурного метода к пониманию правового регулирования описана его сущность и механизм действия. Делается вывод о необходимости обеспечения эффективности правового регулирования всеми субъектами правоотношений на всех уровнях его практической реализации.

Ключевые слова: правовое регулирование, нормативное регулирование, механизм регулирования, сущность регулирования, значение регулирования, структура регулирования, виды регулирования.

LEBEDEV Maxim Sergeevich,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Personnel
Management and Sociology,
Ural State University of Railway Transport

LEGAL REGULATION AS A SPECIAL TYPE OF REGULATORY REGULATION

Annotation. The article examines the concept of legal regulation, highlights its features, structure, types and importance for the regulation of public relations. From the perspective of a theoretical and descriptive approach, the author identifies the relationship between legal regulation and social and regulatory regulation. Based on the system-structural method for understanding legal regulation, its essence and mechanism of action are described. It is concluded that it is necessary to ensure the effectiveness of legal regulation by all subjects of legal relations at all levels of its practical implementation.

Key words: legal regulation, regulatory regulation, regulatory mechanism, essence of regulation, meaning of regulation, regulatory structure, types of regulation.

Для достижения общественного развития необходимо обеспечивать своевременное регулирование протекающих в общественной жизни процессов. Регулирование рассматривается как форма управляющего воздействия, целью которого является стремление управляющего субъекта права достигнуть и поддержать баланс (равновесия) в управляемом

объекте, а также его эволюционного развитие посредством введения и обеспечения действия специальных регуляторов (норм).

На данный момент можно выделить различные виды регулирования:

1) техническое регулирование, упорядочивающее посредством установления технических норм взаимоотношения человека с внешним

миром, природой, техникой. Оно направленно на повышение безопасности и эффективности различных технологических процессов;

2) социальное регулирование, упорядочивающее отношения между людьми, посредством установления социальных норм и правил поведения, Данный вид регулирования направлен на упорядочивание общественных отношений и формирование границ социальных процессов.

В юридической науке можно выделить два вида социального регулирования:

1) индивидуальное – особая форма деятельности общества, направленная на упорядочивание поведения людей с помощью индивидуальных правовых методов и средств (договорное регулирование, правоприменительная деятельность);

2) нормативное – особая форма деятельности общества, направленная на упорядочивание поведения людей, посредством создания, практической реализации и государственно-правового обеспечения действия различного рода общеобязательных правил, регулирующих общественные отношения в различных сферах жизнедеятельности людей (традиционное, моральное, корпоративное, правовое).

В юридической науке можно встретить словосочетания «нормативно-правовое регулирование» или «нормативное правовое регулирование», которые по объему тождественны понятию «правовое регулирование».

Как специальный инструмент права, правовое регулирование позволяет на государственном уровне влиять на политические, социально-экономические, культурные и иные процессы жизнедеятельности людей путем создания и реализации правил поведения. Такой подход к пониманию правового регулирования позволяет рассмотреть его как форму осуществления государственных функций [3].

Регулирование общественных отношений правом позволяет удовлетворить законные потребности и согласовать различные интересы людей посредством действия правовых предписаний и установлений, а также установить границы между социальными процессами. В свою очередь, упорядочивание общественных отношений обеспечивает правопорядок в обществе. Без правопорядка не возможно добиться стабильности функционирования государства и динамического развития общества. Такой подход к осмыслению правового регулирования позволяет «очертить границы, определяющие «мягкость» или «жесткость» регламентации общественных отношений с точки зрения баланса интересов. Эти границы находятся в состоянии постоянной подвиж-

ности, зависят от текущих социально-экономических и политических условий, места и времени» [1].

Ключевыми признаками правового регулирования как специального вида социального регулирования являются его существенные характеристики (свойства), позволяющие выявить особенность описываемого явления:

1) воздействие на социальные отношения основывается на реализации предписаний правовых норм;

2) осуществляют различные органы в разном порядке;

3) наличие цели – упорядочивание общественных отношений, их охрана и стимулирование развития;

4) процессуальность – протекание ряда органически вытекающих друг из друга этапов:

– нормативная регламентация, как результат правотворчества. Приобретая юридическую силу нормы права определяют круг прав и обязанностей субъектов права;

– конкретизация нормативных предписаний, когда в процессе правоотношений возникают субъективные права и юридические обязанности;

– реализация субъективных прав и юридических обязанностей, как результат влияния правил поведения на деяния конкретных субъектов права. Если в процессе правового регулирования участвует государство и его органы, выделяется факультативная стадия – применения права. На этой стадии специально уполномоченный субъект власти осуществляет: установление фактических обстоятельств юридического дела; правовую квалификацию; вынесение акта применения права; исполнение решения.

Итак, правовое регулирование как форма осуществления государственных функций, характеризуется целенаправленным воздействием органов государственной власти на общественные отношения и социальные институты. С помощью использования правовых способов и средств достигается стабилизация и упорядочивание общественных отношений, определяются направления их дальнейшего существования и развития.

Длительный процесс функционирования общесоциальных и специальных юридических способов и средств влияния правовых предписаний, характеризует механизм правового регулирования. В юридической литературе [2], [5], [6], [8] до сих пор дискуссионным остается вопрос структуры механизма правового регулирования. Правоведы пытаются определить, объект и предмет правового регулирования и их логическое отношение. Так как объект по объему понятия шире чем предмет, объектом правового регулирования

выступают общественные отношения, а предметом – правоотношения, как специфический вид общественных отношений.

Так как правовое регулирование целенаправленное воздействие на общественные отношения, одним из элементов механизма его практической реализации выступает цель – обеспечение законности и достижение правопорядка. Для достижения этой цели необходимо выполнить ряд задач: упорядочить общественные отношения, обеспечить их охрану и стимулировать эволюционное развитие. Для выполнения этих задач органы государственной власти используют и применяют различные способы (управомочивание, обязывание и запрет), методы (императивный и диспозитивный) и средства (принципов права и актов официального толкования, правил поведения, прав и обязанностей субъектов правоотношений, юридических фактов, запретов, льгот, мер поощрения и наказания) правового регулирования.

Особенности правового регулирования напрямую зависят от способности и возможностей власти управлять процессами в стране, политического режима и политического устройства. От этого зависит чьи интересы, прежде всего, регулятор будет фактически обеспечивать.

Исходя из назначения рассматриваемого феномена сущностью правового регулирования выступает установление баланса интересов различных социальных групп, обеспечивающего максимальную возможность удовлетворения потребностей общества (при демократическом режиме правления) или господствующего класса (при не демократическом режиме правления).

В зависимости от уровня субъекта можно выделить несколько видов правового регулирования [7], [9]:

1. Государственное правовое регулирование общественных отношений осуществляют органы государственной власти. Опираясь на положения Конституции РФ, данный вид регулирования можно подразделить на три уровня: федеральный, республиканский и региональный.

Федеральное правовое регулирование осуществляется органами государственной власти и должностными лицами. Оно основано на принципах, нормах Конституции РФ и направлено на установление правовых основ всех сторон жизни общества и упорядочивание в различных сферах общественных отношений.

Республиканское правовое регулирование основывается на принципах и нормах конституций республик в составе РФ. К предметам исключительного ведения республик в составе РФ отно-

сится правовое регулирование тех сфер общественной жизни, которые находятся вне федеральных пределов ведения.

Региональное правовое регулирование, осуществляемое в рамках полномочий органов власти субъекта Российской Федерации. Оно направлено на развитие конкретного субъекта России и основывается на их уставах. Можно выделить различные формы регионального (в том числе республиканского) правового регулирования: регулирование через нормотворчество; регулирование проблем и задач на градообразующих предприятиях и социально значимых организаций; разработка концепций социально-экономического развития; поддержка малого предпринимательства и другие.

2. Негосударственное правовое регулирование (правовое саморегулирование). Оно характеризует самостоятельную инициативную деятельность субъектов, которая отличается их самостоятельностью в рамках своих компетенций, а также «равноправным положением, автономностью их воли и самостоятельной имущественной ответственностью» [4].

К виду негосударственного правового регулирования можно отнести местное самоуправление, осуществляемое органами местной власти. Согласно Конституции РФ органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти. Регулирование на местном уровне реализуется в различных формах посредством установления прав, обязанностей и ответственности субъектов права и осуществления специальных полномочий, которыми наделены органы местного самоуправления.

Еще один вид негосударственного правового регулирования – локальный уровень в рамках управления корпоративными сообществами и организациями. Объектом этого вида регулирования выступает комплекс организационно-управленческих, имущественных и социально-трудовых отношений, направленный на достижение оптимального баланса между интересами субъектов права. Специфическими формами этого вида регулирования выступают правовые процедуры, юридический процесс, правовые акты и обычаи локального уровня.

На каждом уровне правовое регулирование имеет свои особенности и проблемы, которые влияют на развитие общественных отношений и дальнейшее совершенствование правовой системы. То, на сколько будет обеспечена эффективность правового регулирования на всех уровнях будет зависеть степень согласованности интересов субъектов правоотношений.

Список литературы:

- [1] Архипова Е. Ю. Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 132-139.
- [2] Беляев В. П., Нинцева Т. М. Объект и предмет правового регулирования: проблема определения понятий // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2020. – Т. 7. – №3. – С. 13-20
- [3] Бухтерева М. А. Формы реализации функций государства: автореф. дис. ... к.ю.н.: 12.00.01. – М., 2002. – 26 с.
- [4] Лескова Ю. Г. Саморегулирование как экономическое и правовое явление // Журнал российского права. – 2011. – № 5. – С. 48-56.
- [5] Лукашев М. А. Предмет правового регулирования как категория теории государства и права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Краснодар, 2006. – 220 с.
- [6] Осипов М. Ю. Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – М., 2008. – 203 с.
- [7] Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права. Тема: «Правовое регулирование и его механизм» // Сибирский юридический вестник. – 2003. – №1. – С. 3-8.
- [8] Свинин Е. В. Объект и предмет правового регулирования как компоненты структурной организации правопорядка // Lex russica. – 2020. – Т. 73. № 1. – С. 118-131.
- [9] Тихомиров Ю. А. Государственно-правовое регулирование: основания и пределы // Журнал российского права. – 2017. – №9. – С. 5-16.

Spisok literatury:

- [1] Arhipova E. YU. Balans chastnyh i publicnyh interesov pri pravovom regulirovanii // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. – 2022. – T. 6. – № 2. – P. 132-139.
- [2] Belyaev V. P., Ninceva T. M. Ob'ekt i predmet pravovogo regulirovaniya: problema opredeleniya ponyatij // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta YUzhnogo federal'nogo universiteta. – 2020. – T. 7. – №3. – P. 13-20
- [3] Buhtereva M. A. Formy realizacii funkcij gosudarstva: avtoref. dis. ... k.yu.n.: 12.00.01. – M., 2002. – 26 p.
- [4] Leskova YU. G. Samoregulirovanie kak ekonomicheskoe i pravovoe yavlenie // Zhurnal rossijskogo prava. – 2011. – № 5. – P. 48-56.
- [5] Lukashev M. A. Predmet pravovogo regulirovaniya kak kategoriya teorii gosudarstva i prava : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.01. – Krasnodar, 2006. – 220 p.
- [6] Osipov M. YU. Pravovoe regulirovanie kak dinamicheskaya sistema: ponyatie, struktura, funkcii : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.01. – M., 2008. – 203 p.
- [7] P'yanov N. A. Konsul'tacii po teorii gosudarstva i prava. Tema: «Pravovoe regulirovanie i ego mekhanizm» // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2003. – №1. – P. 3-8.
- [8] Svinin E. V. Ob'ekt i predmet pravovogo regulirovaniya kak komponenty strukturnoj organizacii pravoporyadka // Lex russica. – 2020. – T. 73. № 1. – P. 118-131.
- [9] Tihomirov YU. A. Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie: osnovaniya i predely // Zhurnal rossijskogo prava. – 2017. – №9. – P. 5-16.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-303-307

МЕЛКОНЯН Вартан Гарегинович,
аспирант, Владимирский государственный университет
имени Николая Григорьевича и Александра Григорьевича Столетовых,
город Владимир,
e-mail: i@varme1.ru

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ

Аннотация. В рамках настоящей статьи проводится теоретико-правовой анализ принципа единства судебной практики, входящего в систему правовых принципов. Анализируется взаимосвязь исследуемого принципа с иными фундаментальными принципами права, такими как законность, правовая определенность, справедливость, правовая стабильность, доверие к праву (легитимные ожидания) и верховенство права. В рамках статьи раскрываются данные принципы, их теоретическое понимание (приводятся определения наиболее авторитетных исследователей) и практический смысл. Анализируется значение принципа единства судебной практики в системе правовых принципов и его системообразующий характер (как фундаментального элемента правопорядка). Делается акцент на проблеме отсутствия прямого нормативного выражения рассматриваемого принципа при его фактическом признании как важного ориентира в правоприменительной деятельности. В исследовании обосновывается, что данный принцип выходит за рамки технического инструмента и имеет самостоятельное значение для формирования предсказуемой судебной практики. Сформулированы выводы о месте принципа единства судебной практики в структуре правовой системы и его функциональной роли в обеспечении согласованности правоприменения.

Ключевые слова: судебная практика, принцип единства судебной практики, правовые принципы, законность, правовая определенность, справедливость, правовая стабильность, доверие к праву, верховенство права, правопорядок.

MELKONYAN Vartan Gareginovich,
candidate of law, associate professor,
associate professor of the Department of civil law and procedure,
Moscow University for the Humanities

THE PRINCIPLE OF UNIFORMITY OF JUDICIAL PRACTICE IN THE SYSTEM OF LEGAL PRINCIPLES: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF INTERCONNECTIONS

Annotation. This article presents a theoretical and legal analysis of the principle of the unity of judicial practice as part of the system of legal principles. It explores the interrelation between this principle and other fundamental legal principles, such as legality, legal certainty, justice, legal stability, trust in law (legitimate expectations), and the rule of law. The article examines these principles, their theoretical interpretations (with definitions provided by the most authoritative scholars), and their practical implications. Particular attention is paid to the significance of the principle of the unity of judicial practice within the system of legal principles and its system-forming character as a fundamental element of the legal order. The article highlights the issue of the absence of a direct normative expression of this principle despite its de facto recognition as an important guideline in law enforcement practice. The study argues that this principle goes beyond being a mere technical tool and possesses intrinsic value for the development of predictable judicial practice. Conclusions are drawn regarding the place of the principle of the unity of judicial practice within the structure of the legal system and its functional role in ensuring consistency in law enforcement.

||| **Key words:** *Judicial practice, the principle of uniform judicial practice, legal principles, legality, legal certainty, justice, legal stability, trust in law, rule of law, legal order.*

Принцип единства судебной практики является фундаментальным и важнейшим принципом права. В рамках других статей автором был подробно проанализирован принцип единства судебной практики как гарант национальных интересов России. Установлено, что именно единство судебной практики обеспечивает нормальное функционирование системы правоприменения, обеспечивая доверие граждан к суду и иным правоприменительным органам. Стабильность и предсказуемость правосудия являются без преувеличения важными элементами системы правоприменения. Однако с учетом отсутствия должного, на наш взгляд, правового регулирования принципа единства судебной практики, исследуемый принцип получил заслуженное внимание как в теории, так и в практике высших судов. Все чаще в научной среде возникают дискуссии относительно исследуемого принципа, анализируется его правовая природа, понятие, структура, практическое применение, однако, отсутствует комплексное исследование по анализу соотношения данного принципа с иными принципами права, входящими в систему принципов права, об их взаимосвязи и значении принципа единства судебной практики в этой системе.

Под системой правовых принципов (система принципов права) понимается совокупность принципов права. Любая система характеризуется наличием взаимосвязанных элементов. Точно так же и система принципов права, элементами которой являются конкретные принципы. Под принципами понимаются «основополагающие идеи, начала, выражающие сущность права, юридически закрепляющие объективные закономерности общественной жизни; подразделяются на общие, отраслевые, межотраслевые.» [1, с. 19]. Наиболее фундаментальными принципами права, входящими в эту систему, являются следующие: законность, правовая определенность, справедливость, верховенство права, равенство всех перед законом (равноправия). Имеются различные классификации принципов права. Говоря о принципах, на которых базируется правоприменение, следует выделить следующие: принцип единства судебной практики, законность, правовая определенность, справедливость, правовая стабильность, доверие к праву (легитимные ожидания) и верховенство права.

Следует проанализировать каждый из обозначенных принципов, начиная с ключевого исследуемого принципа. Так Коршунова П.В. указывает, что единство судебной практики «следует опреде-

лить как явление, характеризующее качество и состояние судебной практики, и как свойство судебной практики, выраженное в правильном, единообразном истолковании и применении материального и процессуального законодательства и актов высших судебных органов всеми судьями на территории Российской Федерации в процессе вынесения решения по аналогичным категориям дел» [2 с. 53]. В свою очередь под законностью понимается «строгое, неуклонное соблюдение, исполнение законов и соответствующих им правовых актов всеми гражданами, должностными лицами и государственными органами.» [3, с. 9]. Довольно интересно, что законность является не только фундаментальным принципом, но и комплексным, включающим в себя принципы единства, всеобщности, гарантированности основных прав и свобод человека со стороны государства, целесообразности, неотвратимости наказания. Взаимосвязанным понятием является элемент правопорядка, под которым понимается «состояние упорядоченности и организованности общественной жизни, основанное на праве и законности» [3, с. 10]. Выделяются также следующие принципы правопорядка: государственное обеспечение правопорядка; устойчивость; формальная определенность; системность. Указанные принципы единства судебной практики и законности взаимосвязаны и принцип единства судебной практики не может существовать без законности. Ведь только строгое неуклонное соблюдение и исполнение законов обеспечит стабильное и предсказуемое правосудие, принятие судами единообразных решений по идентичным категориям дел. Принцип законности во взаимосвязи с единством судебной практики обеспечивают должное правоприменение.

В свою очередь принцип правовой определенности является довольно сложным и многогранным. В научной среде встречаются точки зрения, согласно которым принцип правовой определенности является одним из основополагающих аспектов принципа верховенства права. Следует отметить, что говорить о понятии правовой определенности будет не совсем корректно в связи с его сложным и многогранным характером. Уместно будет раскрыть его структуру: так, И.С. Дикарев раскрывает данный принцип через следующие элементы: стабильность правового регулирования; осведомленность гражданина относительно действующих законов и подзаконных нормативных актов, а также решений, затрагивающих его права и законные интересы; ясность, недвусмысленность и согласованность правовых норм, пра-

воприменительных решений; единообразное применение закона (в том числе единство судебной практики); стабильность правоприменительных решений; исполнимость судебных решений [4, с. 12-13]. В свою очередь Д.С. Велиева и М.В. Пресняков в своей статье со ссылкой на позиции Конституционного Суда России приводят позицию, что принцип правовой определенности интерпретируется «как принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, предполагающий ответственность последнего за качество принимаемых решений, сохранение присущей природе законодательных актов разумной стабильности правового регулирования, обеспечение надлежащей правовой определенности, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, предсказуемость законодательной политики в социальной сфере» [5, с. 305]. Таким образом, как выше обозначено, принцип единства судебной практики является составным элементом правовой определенности и без него правовая определенность была бы немыслима. Единство судебной практики является сопутствующим элементом правоприменения. В итоге, правовая определенность и единство судебной практики глубоко взаимосвязаны и обеспечивают существование единой правовой среды (единое законодательство, единое правоприменение и др.).

Говоря о справедливости, следует отметить, что данный принцип не всегда относят к системе общих принципов права. Однако не вдаваясь в дискуссии относительно сложности и многогранности данного принципа, его глубоко философский характер, следует отметить, что в узком смысле принцип справедливости выражается в «равном юридическом масштабе поведения и строгой соразмерности юридической ответственности допущенному правонарушению» [6, 23]. Данная позиция наиболее распространена, однако не отражает в необходимой степени глубину принципа справедливости, который в широком смысле, в том числе, подразумевает обеспечение равенства всех субъектов в каком-либо правовом аспекте и правильное беспристрастное правоприменение, результатом которого будет решение, соответствующее фундаментальному представлению общества о справедливости. Единство судебной практики является сложным принципом и помимо формального соблюдения правовых позиций высших судов и единообразного правоприменения суды вправе отступить от указанных позиций высших судов в случае, если такое отступление будет глубоко мотивировано. Правоотношения в обществе являются динамичными, и закон не всегда успевает обеспечивать им

должное правовое регулирование. Решением в такой ситуации (правовой пробел) будет принятие судом решения по аналогии закона (права) либо с учетом общепризнанных обычаев и иных норм. И в данном случае решение будет принято с учетом фундаментального принципа справедливости.

Не менее важными принципами являются принцип стабильности права и доверие к праву (легитимные ожидания). Представляется разумным анализ данных принципов во взаимосвязи в связи с их взаимодополняемой правовой природой. Стоит отметить, что данные принципы редко обозначаются в практике и даже в теории права. Однако принцип стабильности права находит фактическое отражение в Конституции России, о чем пишет Карамян С.А., указывая следующее: «в преамбуле Конституции России утверждается «незыблемость ее демократической основы»; в части 3 статьи 135 Конституции предусматривается базовая «неизменность Конституции Российской Федерации» [7, с. 111]. Автор приводит большое количество примеров фактического закрепления принципа стабильности права в законодательстве России. Однако следует перейти к существу данного принципа. Представляется что стабильность подразумевает неизменность и предсказуемость норм действующего законодательства. Отдельного внимания заслуживают нормы права о действии закона во времени, недопустимости придания обратной силы закону и т.п. В свою очередь принцип доверия к праву (легитимных ожиданий) включает в себя: «сохранение разумной стабильности правового регулирования; недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм; установление переходного периода для адаптации к изменениям правового регулирования; предсказуемость законодательной политики; возможность участников правоотношений предвидеть последствия своего поведения; уверенность в неизменности официально признанного правового статуса; уверенность в возможности реализации прав; ответственность государственной защиты прав; уважение прав со стороны властей; установление механизма, позволяющего компенсировать неблагоприятные последствия вследствие изменений правового регулирования.» [8, с. 5]. Данный принцип имеет цель обеспечить стабильность правового регулирования и доверие граждан к государству и праву. Следует подчеркнуть глубокую взаимосвязь принципа единства судебной практики с принципами стабильности права и доверия к праву. Правовая система успешно функционирует только по причине того, что нормы законодательства предсказуемы, не подвергаются безосновательным изменениям и толкованию; новые приня-

тые законы применяются к ранее возникшим правоотношениям условно, зачастую законодателем даются прямые разъяснения и указания относительно действия таких норм права во времени. Отдельно следует обратить внимание на правоприменение, что оно должно также обеспечивать стабильность, предсказуемость судопроизводства и иных видов правоприменения.

Особого внимания заслуживает верховенство права, определение которого в теории не сформулировано, о чем пишет Чиркин В.Е.: «Однако признанного определения этого понятия не существует. Не ясен даже сам характер этого словосочетания.» [9, с. 7]. Несмотря на это, из комплексного исследования различных источников можно сформулировать следующее определение: верховенство права – это принцип, согласно которому право обладает высшей регулятивной силой в обществе и государстве, устанавливает обязательные нормы поведения для всех – включая органы публичной власти, – и обеспечивает защиту прав и свобод личности, равенство перед законом, недопустимость произвола и верховенство конституционных ценностей. Таким образом, ключевой признак верховенства права состоит в том, что именно право является высшим источником правовой системы страны. Нормы права обязательны для всех без исключения субъектов общественных отношений. Говоря о связи принципа единства судебной практики и верховенства права стоит отметить, что единство судебной практики служит обеспечению верховенства права. Суды фактически являются субъектами, обеспечивающими верховенство права на всей территории страны. Принцип единства судебной практики обеспечивает защиту национальных интересов России и способствует отправлению правосудия, целью которого является в том числе обеспечение верховенства права.

Таким образом, принцип единства судебной практики является важнейшим связующим звеном между соответствующими принципами правоприменения, раскрытыми выше.

Проведённое исследование позволяет сделать обоснованные выводы о теоретико-правовом статусе принципа единства судебной практики в системе правовых принципов. Прежде всего, он занимает в ней самостоятельное и системообразующее положение. Это не просто технический инструмент согласования правоприменительной практики, а категория, обладающая нормативно-ценностной нагрузкой. Будучи тесно взаимосвязанным с такими принципами, как законность, правовая определённость, справедливость, стабильность права, доверие к праву и верховенство

права, данный принцип способствует обеспечению внутренней согласованности правовой системы.

Функционально принцип единства судебной практики выполняет интегративную и стабилизирующую роль. Он способствует формированию единообразного подхода к толкованию и применению права, минимизирует риск произвольного судебного усмотрения, усиливает предсказуемость правоприменения и тем самым укрепляет доверие к судебной системе в целом. На макроуровне это обеспечивает нормативную целостность правопорядка и способствует его устойчивому воспроизводству. На микроуровне – гарантирует реализацию прав и законных интересов субъектов в условиях правовой определённости и справедливости.

Таким образом, принцип единства судебной практики следует рассматривать как ключевое связующее звено в системе правовых принципов, обеспечивающее согласованность и устойчивость правоприменения в условиях правового государства. Его значение выходит за рамки судебной сферы и проявляется в более широком контексте – как условие и механизм поддержания целостности и предсказуемости всей правовой системы.

Список литературы:

- [1] Теория государства и права: учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 – Юриспруденция (бакалавриат) / Н.А. Чертова, И.В. Ершова; Сев. (Арктич.) федер. ун-т. – Электронные текстовые данные. – Архангельск: САФУ, 2021. – 151 с.
- [2] Коршунова П.В. К вопросу о единстве судебной практики // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 52 – 55.
- [3] Правоведение: учеб. пособие / Е. Г. Шаблова, О.В. Жевняк, Т.П. Шишулина; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Е.Г. Шабловой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 192 с.
- [4] Дикарев И. С. Принцип правовой определённости и законная сила судебного решения в уголовном процессе [Текст]: монография / И. С. Дикарев; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. – 175 с.
- [5] Велиева Д.С., Пресняков М.В. Сущность принципа правовой определённости: в поисках конституционно-правового смысла // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып.3. С. 302 – 309.
- [6] Вайпан В.А. Принцип справедливости в гражданском праве и судебное усмотрение // Гражданское право. 2018. № 1. С. 22 – 28.

[7] Карамян С.А. Стабильность права как правовой принцип // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 3 (42). С. 109–116.

[8] Павлисова Т.Е., Ембулаева Н.Ю. Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства (защиты законных ожиданий) в российском праве: проблемы и перспективы // Право и политика. 2018. №4. С. 1 – 10.

Spisok literatury:

[1] Teoriya gosudarstva i prava: uchebnoe posobie dlya obuchayushchihsya po napravleniyu podgotovki 40.03.01 – YUrisprudenciya (bakalavriat) / N.A. CHertova, I.V. Ershova; Sev. (Arktich.) feder. un-t. – Elektronnye tekstovye dannye. – Arhangel'sk: SAFU, 2021. – 151 s.

[2] Korshunova P.V. K voprosu o edinstve sudebnoj praktiki // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 5. S. 52–55.

[3] Pravovedenie: ucheb. posobie / E. G. SHablova, O.V. Zhevnyak, T.P. SHishulina; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. E.G. SHablovoj. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016. – 192 s.

[4] Dikarev I. S. Princip pravovoj opredelennosti i zakonnaya sila sudebnogo resheniya v ugovnom processe [Tekst]: monografiya / I. S. Dikarev; Feder. gos. avt. obrazovat. uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya «Volgogr. gos. un-t». – Volgograd: Izd-vo VolGU, 2015. – 175 s.

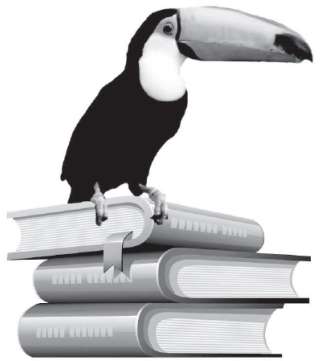
[5] Velieva D.S., Presnyakov M.V. Sushchnost' principa pravovoj opredelennosti: v poiskah konstitucionno-pravovogo smysla // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2019. T. 19, vyp. 3. S. 302–309.

[6] Vajpan V.A. Princip spravedlivosti v grazhdanskom prave i sudebnoe usmotrenie // Grazhdanskoe pravo. 2018. № 1. S. 22–28.

[7] Karamyan S.A. Stabil'nost' prava kak pravovoj princip // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. 2023. № 3 (42). S. 109–116.

[8] Pavlisova T.E., Embulaeva N.YU. Princip podderzhaniya doveriya k zakonu i dejstviyam gosudarstva (zashchity zakonnyh ozhidaniy) v rossijskom prave: problemy i perspektivy // Pravo i politika. 2018. № 4. S. 1–10.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-308-312

КОСОВСКАЯ Виктория Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена»,
e-mail: vkosovskaya@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Аннотация. Процесс регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, в большинстве случаев включает в себя стадию выбора компетентного правопорядка. Исключение составляют те ситуации, когда у правоприменителя есть возможность обратиться к унифицированным материальным нормам международных договоров и обычаев, напрямую регулирующих правоотношение. Целью исследования является выявление правовой природы коллизионных норм и эффективности их использования. С помощью методов научного познания, таких как анализ, синтез, системно-аналитический, формально-логический, изучены различные подходы к пониманию дефиниции «коллизионная норма» с учетом всех особенностей таких норм, определены необходимые пути решения выявленных пробелов коллизионно-правового регулирования. Системный подход позволил определить место, которое занимают коллизионные нормы в механизме правового регулирования частных отношений с иностранным элементом. В статье обосновано место коллизионных норм в системе норм международного частного права. Проанализированы современные научные подходы к пониманию механизма применения коллизионных норм. Сделан вывод о том, что коллизионные нормы занимают особое место в нормативном составе международного частного права, обусловленное теми функциями, которые они выполняют.

Ключевые слова: международное частное право, частноправовое отношение, иностранный элемент, коллизия, коллизионная норма, эффективность правоприменения, применимое право.

KOSOVSKAYA Viktoria Aleksandrovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia.,
Associate Professor, Associate Professor
of Department of International Law

PROBLEMS OF THE EFFECTIVENESS OF THE APPLICATION OF CONFLICT-OF-LAWS RULES IN REGULATING PRIVATE LAW RELATIONS WITH A FOREIGN ELEMENT

Annotation. The process of regulating private law relations, complicated by a foreign element, in most cases includes the stage of choosing a competent legal order. The exception is those situations where the law enforcement officer has the opportunity to refer to the unified substantive norms of international treaties and customs that directly regulate the legal relationship. The purpose of the study is to identify the legal nature of conflict-of-laws rules and the effectiveness of their use. Using methods of scientific knowledge, such as analysis, synthesis, system-analytical, formal-logical, various approaches to understanding the definition of “conflict of laws norm” have been studied, taking into account all the features of such norms, the necessary ways to solve the identified gaps in con-

conflict-of-laws regulation have been identified. The systematic approach allowed us to determine the place occupied by conflict-of-laws rules in the mechanism of legal regulation of private relations with a foreign element. The article substantiates the place of conflict-of-laws rules in the system of norms of private international law. Modern scientific approaches to understanding the mechanism of application of conflict-of-laws rules are analyzed. It is concluded that conflict-of-laws rules occupy a special place in the normative composition of private international law, due to the functions they perform.

Key words: *international private law, private law relationship, foreign element, conflict, conflict rule, effectiveness of law enforcement, applicable law.*

Введение.

Современное международное частное право, зародившееся как право конфликтное, коллизионное, за длительное время своего существования претерпело определенные изменения, повлекшие за собой возникновение новелл в коллизионно-правовом регулировании частных отношений с иностранным элементом.

Феномен коллизионных норм заключается, в первую очередь, в уникальном предназначении – выборе компетентного правопорядка, к которому надлежит обращаться правоприменителю. Такую ситуацию с определением надлежащего права можно представить только в сфере регулирования частноправовых отношений по своей природе, поскольку именно принцип равенства сторон предполагает возможность выбора из нескольких правопорядков, стоящих «за спиной» разнонациональных элементов, одного единственного.

Вопрос об эффективности применения той или иной коллизионной нормы в этой связи представляется достаточно актуальным и значимым. Н.В. Власова справедливо указывает, что «... эффективность коллизионной нормы заключается в точном определении применимого права, которое должно отражать связь с искомым частноправовым отношением, то есть представлять наилучшее решение коллизионного вопроса с пространственной точки зрения; соответствовать правам и законным интересам сторон данного правоотношения; не вступать в противоречие с публичными интересами правопорядков, с которыми это отношение имеет тесную связь» [1, с. 100-101].

При этом, Т.В. Новикова отмечает, что «... механизм коллизионного регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, в дополнение к принципам и нормам, нацеленным на решение центрального вопроса выбора применимого материального права, задействует и некоторое количество коллизионных институтов, исполняющих функции общего характера...» [2, с. 91].

В этой связи представляется весьма актуальным и значимым определить то место, которое занимают коллизионные нормы в нормативном составе международного частного права.

Основная часть. Объективный характер, признаки и существенные черты любого явления определяются его природой, которая, в свою очередь, дает возможность понять, какое место занимают коллизионные нормы в массиве регуляторов частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом.

В науке международного частного права существует единое мнение об отсылочном характере коллизионных норм, который проистекает из их основного предназначения – выбора единственного компетентного правопорядка в ситуации, когда частноправовой характер регулируемых отношений в силу принципа равноправия сторон и присутствия в них иностранного элемента делает возможным в одинаковой степени использовать нормы любой из представленных правовых систем.

Интересный вывод делает С.В. Литвинова о том, что «...природа современных коллизионных норм МЧП определяется не только международной коммуникацией людей, но и взаимодействием между государственным суверенитетом и коллизионными нормами. По своей природе коллизионные нормы являются инструментом добровольного ограничения государством своего суверенного права регулировать международные частные отношения и применять нормы своего права на своей территории в пользу иностранного права» [3, с.81].

Возможно, говорить об ограничении государством своего суверенитета слишком категорично, ведь применение коллизионных норм это санкционированный государством механизм регулирования частных отношений трансграничного характера, проистекающий исключительно из их характера. Поэтому, достаточно часто можно встретиться с мнением специалистов о процессуальном характере коллизионных норм, в силу того, что адресованы они напрямую правоприменителю, который обязан следовать указаниям коллизионной нормы и применять для дальнейшего разрешения спора именно то право, которое указано в коллизионной норме.

При этом отдельные авторы акцентируют внимание и на отличиях процессуальных и коллизионных норм. «Процессуальная норма по структуре отличается принципиально от коллизионной

нормы. Процессуальная норма непосредственно регулирует права и обязанности участников гражданского процесса, в том числе, если один из участников является иностранным физическим или юридическим лицом, в некоторых случаях, могут быть применены и санкции в отношении участников гражданского процесса, но нет отсылки к праву того или иного государства» - указывают А.Т. Мовсисян и А.Б. Опокин [4, с. 364].

Как и любая норма права, коллизийная норма содержит правило, обязательное для регулирования конкретного отношения. Однако сама по себе данная норма не сможет справиться с задачей окончательного его урегулирования без дальнейшего применения нормы материальной, закрепленной в источниках избранной с помощью коллизийной нормы правовой системы.

Отличительной чертой коллизийной нормы является ее структура, которая в силу предназначения такой нормы должна содержать две главные составляющие – это указание на то правоотношение, которое является предметом регулирования и требует выбора применимого права, и собственно само указание на применимое право. Такие две составляющие (объем и привязка) в полной мере могут обеспечить выполнение коллизийной нормой ее функционального предназначения.

Справедливо мнение Е.С. Аничкина и Я. Стоилова о том, что «...коллизийные нормы стран мира в сопоставлении с материальным или процессуальным правом имеют значительно меньше различий между собой. Во многом это объясняется высоким уровнем унификации коллизийных правил вообще, а также их немногочисленностью в рамках национально-правовых систем» [5, с. 54].

В этой связи следует отметить и идентичность формулировок коллизийных норм, которые закреплены в международных договорах. Все это свидетельствует о том, что выработанные еще в XV-XVI вв. основные принципы выбора применимого права охватывают практически все сферы частноправовых отношений с иностранным элементом и являются весьма универсальными и эффективными.

Несмотря на это, процесс выбора применимого права сопряжен с определенными трудностями. Не все многообразные гражданско-правовые, брачно-семейные, трудовые отношения трансграничного характера получили свое коллизийно-правовое регулирование как на унифицированном (международном), так и на национальном уровне. Нехватка конкретной коллизийной нормы или невозможность ее применения требуют обращения к принципу наиболее тесной

связи, который принято рассматривать как своего рода «спасательный круг» для восполнения пробелов.

Следует согласиться с Е.В. Кабатовой в том, что «...принцип наиболее тесной связи выступает скорее как общий принцип, а не как результат применения коллизийной нормы, ибо здесь отсутствует указание на конкретную правовую систему, которая должна быть определена судом или арбитражем при рассмотрении конкретного спора. ... Нахождение тесной связи представляет собой не результат применения конкретной нормы, а итог использования общего принципа» [6, с. 8-9].

Т.В. Новикова, исследуя разграничение принципа наиболее тесной связи и обычных коллизийных норм, предлагает «...для выявления и оценки территориальных связей, наиболее значимых с учетом специфики конкретного отношения, использовать как раз те коллизийные привязки, которые получили признание на уровне международных документов, не имеющих силы для Российской Федерации. Например, для определения права, применимого к трасту, из-за отсутствия в отечественном международном частном праве подходящих коллизийных норм В.А. Канашевский обоснованно предлагает использовать принцип наиболее тесной связи как общую резервную коллизийную привязку (п. 2 ст. 1186 ГК РФ), отмечая, что в качестве руководства для определения тесной связи траста с каким-либо правовым порядком российские суды могут использовать положения Гаагской конвенции о праве, применимом к трастам, и о признании трастов. Несмотря на то что Российская Федерация не является участником этой Конвенции, ее положения... в определенном смысле могут рассматриваться в качестве обычной, о котором идет речь в п. 1 ст. 1186 ГК РФ» [7, с.144].

Л.И. Волова делает вывод о том, что «...введение принципа применения права той страны, с которой то или иное отношение наиболее тесно связано, является ярким примером утверждения в МЧП гибких принципов определения применимого права» [8, с.120].

В процессе применения коллизийно-правового метода регулирования привоприменитель зачастую сталкивается с необходимостью решения вопроса о конкуренции самих коллизийных норм.

В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации № 24 от 9 июля 2019 г. «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» даны разъяснения по данному вопросу. В частности, при наличии коллизийных норм, закрепленных в международ-

ных договорах и внутреннем законодательстве, приоритет имеют нормы международного происхождения.

«При наличии в российском законодательстве специальных коллизионных норм по определенным вопросам следует применять такие специальные коллизионные нормы. Например, специальные коллизионные нормы содержатся в разделе VII «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства» СК РФ, главе XXVI «Применимое право» КТМ РФ. Вместе с тем суд применяет положения раздела VI «Международное частное право» ГК РФ, если в соответствующем специальном законодательном акте отсутствуют нормы, регулирующие общие положения коллизионного права (статья 4 СК РФ, пункт 2 статьи 1 КТМ РФ)».

А.С. Гамбарян и Л.Г. Даллакян, изучая проблему конкуренции коллизионных норм, делают вывод о том, «...что при конкуренции коллизионных норм действует приоритет иерархической коллизионной нормы над иными коллизионными правилами и преимущество содержательной коллизионной нормы над темпоральной нормой. При отраслевых коллизиях равнозначных норм на первый план выдвигается правило отраслевого приоритета, которое имеет преимущество над содержательной и темпоральной нормами. Кроме того, согласно юридической доктрине правило отраслевого приоритета может иметь преимущество и над иерархической коллизионной нормой. Согласно законодательству приоритет иерархической коллизионной нормы действует во всех случаях, за исключением наличия компетенционной коллизии, в случае которой преимущество может быть отдано компетенционной коллизионной норме» [9, с. 206-207].

Выбирая необходимую коллизионную норму для разрешения конкретной ситуации, правоприменитель должен уяснить содержание терминов и понятий, из которых она состоит, чтобы соотнести с ними фактические обстоятельства дела. Данный процесс осложняется присутствием иностранного элемента в самом правоотношении, что существенно влияет на решение вопроса о том, на какую правовую систему нужно опираться, квалифицируя соответствующие понятия.

Анализируя проблему квалификации в международном частном праве и способы ее разрешения, В.А. Канашевский отмечает, что «...основное правило — осуществление квалификации юридических понятий коллизионной нормы по закону суда (*lex fori*) нередко препятствует судам правомерно разрешать спор, когда они сталкиваются с институтами, не имеющими аналогов в отечественной правовой системе. В этом случае

интересы справедливого разрешения дела требуют от суда квалификации юридических понятий по праву, регулирующему существо отношения (*lex causae*)» [10, с. 45].

В случае применения судом коллизионных норм, содержащихся в международных договорах, процесс квалификация понятий значительно упрощается за счет выработанных единообразных понятий, используемых для целей того или иного международного соглашения и закрепленных, как правило, в его первых статьях или преамбуле. Такой способ принято именовать «автономной квалификацией», и он является по сути оптимальным, но на сегодняшний день все еще трудно достижимым, поскольку международной унификацией охватываются не все сферы международного частного права и участниками таких соглашений являются далеко не все государства.

Выводы. Неоспоримым является тот факт, что при отсутствии соответствующих унифицированных материальных норм, регулирование частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, возможно только с помощью специальных коллизионных норм, позволяющих правоприменителю выбрать компетентное право.

Природа коллизионных норм определяется их функциональным предназначением, наделяющим их процессуальным компонентом, который дает четкие указания судьям, нотариусам, органам загса, к праву какого государства следует обращаться для урегулирования конкретной ситуации. По мнению С.В. Литвиновой, коллизионные нормы можно отнести в силу их природы к самостоятельному виду нетипичных правовых предписаний (специальных норм права) [3, с. 81].

Эффективность применения коллизионных норм зависит от многих факторов, в том числе, от правильной квалификации юридических понятий и терминов, которые входят в ее состав, а также от возможности найти и применить единственную верную в данной ситуации коллизионную норму, либо обратиться к праву наиболее тесной связи.

Список литературы:

[1] Власова Н.В. Проблемы эффективности определения применимого права и формулирования коллизионных норм в международном частном праве // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 2 (50). С. 97-104.

[2] Новикова Т.В. Нормы непосредственного применения в контексте принципов коллизионного регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом // Защита частных прав: проблемы теории и практики. Материалы XIII ежегодной международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 90-96.

[3] Литвинова С.В. Место коллизионных норм международного частного права в системе российского права // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 73–83.

[4] Мовсисян А.Т., Опокин А.Б. Коллизионная и процессуальная норма в международном частном праве // Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2025. С. 361-366.

[5] Аничкин Е.С., Стоилов Я. Коллизионные нормы международного частного права России и Болгарии: сравнительный анализ // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 1. С. 51-55.

[6] Кабатова Е.В. Изменение роли коллизионного метода в международном частном праве / Богуславский М.М., Светланов А.Г. (ред.). Международное частное право: современная практика: сб. статей. М., 2000. - 175 с.

[7] Новикова Т. В. О проблеме разграничения принципа наиболее тесной связи и обычных коллизионных норм // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 140–148.

[8] Волова Л.И. Новеллы коллизионного регулирования трансграничных обязательственных отношений после модификации норм VI раздела третьей части ГК РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 116-122.

[9] Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Проблемы конкуренции коллизионных норм в юридической науке и практике // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 201-209.

[10] Канашевский В. А. Проблема квалификации в международном частном праве // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 9. С. 33–46.

Spisok literatury:

[1] Vlasova N.V. Problemy effektivnosti opredeleniia primenimogo prava i formulirovaniia kollizionnykh norm v mezhdunarodnom chastnom prave // Vestnik MGPU. Seriya: Iuridicheskie nauki. 2023. № 2 (50). С. 97-104.

[2] Novikova T.V. Normy neposredstvennogo primeneniia v kontekste printsipov kollizionnogo regulirovaniia chastnopravovykh otnoshenii, oslozhnennykh inostrannym elementom // Zashchita chastnykh prav: problemy teorii i praktiki. Materialy KhIII ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Irkutsk, 2024. S. 90-96.

[3] Litvinova S.V. Mesto kollizionnykh norm mezhdunarodnogo chastnogo prava v sisteme rossiiskogo prava // Territorii novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. Т. 16, № 4. S. 73–83.

[4] Movsisian A.T., Opokin A.B. Kollizionnaia i protsessual'naia norma v mezhdunarodnom chastnom prave // Aktual'nye napravleniia razvitiia otraslei prava v usloviakh novoi real'nosti. Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 2025. S. 361-366.

[5] Anichkin E.S., Stoilov Ia. Kollizionnye normy mezhdunarodnogo chastnogo prava Rossii i Bolgarii: sravnitel'nyi analiz // Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal. 2022. № 1. S. 51-55.

[6] Kabatova E.V. Izmenenie roli kollizionnogo metoda v mezhdunarodnom chastnom prave / Boguslavskii M.M., Svetlanov A.G. (red.). Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: sovremennaia praktika: sb. statei. M., 2000. - 175 s.

[7] Novikova T. V. O probleme razgranicheniia printsipa naibolee tesnoi svyazi i obychnykh kollizionnykh norm // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2021. Т. 16. № 6. S. 140–148.

[8] Volova L.I. Novelly kollizionnogo regulirovaniia transgranichnykh obiazatel'stvennykh otnoshenii posle modifikatsii norm VI razdel'a tret'ei chasti GK RF // Severo-Kavkazskii iuridicheskii vestnik. 2021. № 2. S. 116-122.

[9] Gambarian A.S., Dallakian L.G. Problemy konkurentsii kollizionnykh norm v iuridicheskoi nauke i praktike // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 438. S. 201-209.

[10] Kanashevskii V. A. Problema kvalifikatsii v mezhdunarodnom chastnom prave // Zhurnal rossiiskogo prava. 2021. Т. 25. № 9. S. 33–46.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-313-317

ШАХМАМЕТЬЕВ Алексей Алимович,
доцент кафедры административного и финансового права
МГИМО МИД России, доктор юридических наук,
e-mail: a.shachmametiev@inno.mgimo.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)¹

Аннотация. Активное участие государства в мировой торговле, диверсификация форм участия его резидентов во внешнеэкономической деятельности непосредственно зависят от степени либерализации валютных операций. С другой стороны, для большинства государств по-прежнему актуальна проблема защиты национальной валюты, поддержание ее стабильности. Стремительный рост международных финансовых операций, широкий спектр международных валютных отношений обуславливают необходимость постоянного совершенствования нормативной правовой основы их регулирования, а также ведут к расширению источников такого регулирования. Рассматривая концептуально международное валютное право не в узких рамках отраслевой привязки, а комплексно, на примере России можно показать систему его национальных источников.

Ключевые слова: источники права, международное валютное право, валютное право, международные валютные отношения, валютное регулирование, валютный контроль, валютные операции, Центральный банк России.

SHAKHMAMETIEV Alexey Alimovich,
associate professor of the department
administrative and financial law
MGIMO University, doctor of law

NATIONAL SOURCES OF INTERNATIONAL MONETARY LAW (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA)

Annotation. Active participation of the state in world trade, diversification of forms of participation of its residents in foreign economic activity directly depend on the degree of liberalization of currency transactions. On the other hand, for most states the problem of protecting the national currency, maintaining its stability is still relevant. The rapid growth of international financial transactions and a wide range of international monetary relations necessitate the constant improvement of the regulatory framework for their regulation, and also lead to the expansion of sources of such regulation. By conceptually examining international currency law not within the narrow framework of sectoral reference, but in a comprehensive manner, using the example of Russia, one can demonstrate the system of its national sources.

Key words: sources of law, international currency law, currency law, international currency relations, currency regulation, currency control, currency transactions, Central Bank of Russia

Введение. Международные валютные отношения являются объектом регулирования как правовыми актами, издаваемыми органами власти отдельных государств (юрисдикций), так и международно-правовыми нормами. Если рассматривать международное валютное право (далее также «МВП») комплексно, а не в узком контексте

догматики отраслевой принадлежности, то национальная составляющая его источников должна быть выделена в качестве неотъемлемой составной части правовой основы регулирования валютных отношений, осложненных иностранным элементом, того или иного государства (если такое регулирование в нем имеется). В данном случае в

¹ Материал подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «Консультант-Плюс». Если специально не указано иное, в статье использованы электронные версии документов и материалов из указанной системы.

качестве примера берется Российская Федерация (далее также «РФ»). Необходимо обратить внимание, что речь идет именно о видах (формах) источников. При этом не ставится задача ни дать их полный перечень, ни проводить анализ содержания.

Также необходимо уточнить содержание понятия «источник МВП» для целей дальнейшего изложения. Данное понятие предлагается использовать в широком значении, т.е. как источник науки МВП, охватывающем не только нормы позитивного права, но и акты правоприменительной практики, сложившиеся правила поведения и положения теоретических разработок (доктрины).

Таким образом, система национальных источников международного валютного права России – это относящаяся к данной сфере регулирования взаимосвязанная совокупность формально выраженных (закрепленных) правотворческих решений и актов, а также актов правоприменительной деятельности (в том числе судебной практики), принятых уполномоченными органами России. Кроме того, с определенными оговорками к этой системе источников следует отнести обычаи и наиболее авторитетные разработки правовой доктрины.

Конституция РФ. В российской правовой системе Конституция РФ признается правовым актом высшей юридической силы (Основным Законом), имеющим прямое действие [1, с. XVII; 2, с. 658–659; 3, с. 71–72]. Положения Конституции РФ как источник правового регулирования валютных отношений могут рассматриваться условно, исходя из ее главенствующего положения в системе источников национального законодательства (включая валютное). Закрепляя общие правила и принципы государственного вмешательства в экономику, конституционные нормы создают юридическую основу финансового, валютного и иных способов и форм регулирования. Они определяют общий порядок и условия издания правовых актов, принципы правотворческой деятельности органов власти, в том числе в сфере валютных отношений, четко обозначают границы областей осуществления законодательной и исполнительной ветвей государственной власти и, следовательно, в целом определяют сферы законодательного (в узком значении этого термина, т.е. путем принятия законов) и подзаконного нормотворчества, прежде всего через издание указов и распоряжений Президентом РФ, постановлений и распоряжений Правительством РФ.

Конституция РФ относит валютное регулирование в Российской Федерации к компетенции федеральных органов (п. «ж» ст. 71). Законы, содержание нормы валютного регулирования, должны рассматриваться обеими палатами Федерального Собрания (п. «в» ст. 106).

Принимая во внимание федеративное устройство России, в конституционных положениях сформулированы основы национальной составляющей международного валютного права России: единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств на российской территории (ст. 8); рубль является денежной единицей России, защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка России (ст. 75), а также конституционные нормы, гарантирующие свободу предпринимательской деятельности и защиту права собственности (ст. 34, 35).

Таким образом, совокупность положений Конституции РФ как источник права образует суть одного из главных принципов всей основы правового регулирования в валютной сфере – принцип конституционности. Данный принцип предполагает строгое соответствие всех правовых источников основам, закрепленным в Основном Законе страны, и подлежит неукоснительному соблюдению как при издании законодательных и подзаконных актов, так и в правоприменительной практике.

Законодательные акты. Законодательные акты среди источников правового регулирования валютных отношений всегда играли и сохраняют в настоящее время главенствующую роль с точки зрения не только формы, но и содержания. Формально законодательные акты по своей юридической силе следуют в иерархической системе нормативных актов сразу за конституцией, и им должны соответствовать все иные правовые акты, находящиеся на нижних ступенях этой системы (в данном случае речь идет исключительно о «внутренних» источниках правовых норм; международные договоры не рассматриваются). Законодательные акты, выступающие в роли источников международного валютного права, можно разделить на следующие группы, используя в качестве основания классификации содержание (предмет регулирования):

- акты законодательства, предметом публично-правового регулирования которых являются валютные отношения в целом и связанные с предметом международного валютного права, в частности;

- законодательные акты, в которые включены отдельные нормы, касающиеся предмета международного валютного права.

К первой группе относится Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – «Закон № 173»), который непосредственно затрагивает все основные правовые вопросы, возникающие в сфере валютного регулирования и контроля в России. При этом, являясь «специальным» актом, т.е. нормативным правовым докумен-

том, обеспечивающим государственное регулирование в определенной сфере общественных отношений, Закон № 173 выступает юридической основой, на которой строится и развивается валютное законодательство и в соответствии с которой осуществляется принятие подзаконных актов по вопросам валютного регулирования.

В Законе № 173 содержится определение «валютное законодательство Российской Федерации», понимаемое в узком значении, поскольку оно состоит из данного Закона и принятых в соответствии с ним федеральных законов (ч. 1 ст. 4). Можно констатировать, что пока таких федеральных законов не принято.

В России есть немногочисленные законодательные акты, в которые включены отдельные нормы, касающиеся предмета международного валютного права. Например, Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании», Налоговый кодекс Российской Федерации (в частности, в нем установлены правила пересчета сумм в иностранной валюте в российские рубли).

В законах иногда встречаются нормы, призванные обеспечить хозяйствующим субъектам дополнительные гарантии против ухудшения их положения вследствие изменения законодательства (так называемая дедушкина оговорка). Данные положения имеют важное значение для создания стабильного благоприятного инвестиционного климата и в немалой степени затрагивают интересы и иностранных организаций (нерезидентов). Например, согласно Федеральному закону от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» инвестору предоставляются гарантии использования на российской территории и перевода за ее пределы доходов, прибыли и других правомерно полученных денежных сумм (ст. 11).

К рассматриваемой группе источников можно отнести и законы о ратификации или одобрении международных договоров, содержащих нормы МВП. Так, в соответствии со ст. 15 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» подлежат обязательной ратификации, в частности, международные договоры, исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливающие иные правила, чем предусмотренные законом.

Подзаконные акты. Прежде чем говорить о подзаконных актах, следует сказать, что в Законе № 173 не говорится о валютном регулировании посредством актов Президента РФ. Конституция РФ содержит нормы, определяющие нормотворческие полномочия Президента РФ. Он

издает свои решения в форме указов и распоряжений (ст. 90). Наиболее активно нормотворческая деятельность Президента России в валютной сфере осуществлялась в период проведения радикальных экономических реформ (примерно до второй половины последнего десятилетия прошлого века), обеспечивая правовую основу перехода к децентрализованной системе регулирования экономики и либерализацию условий экономической деятельности. Затем указами Президента РФ по преимуществу регулировались общеорганизационные вопросы. Но в последние годы ситуация кардинально поменялась: именно указами Президента РФ внесены существенные изменения в валютное регулирование (см., например, Указ Президента РФ от 8 августа 2022 г. № 529 «О временном порядке исполнения обязательств по договорам банковского счета (вклада), выраженных в иностранной валюте, и обязательств по облигациям, выпущенным иностранными организациями»).

В соответствии с Законом № 173 подзаконные правовые акты по вопросам, связанным с применением валютных запретов и ограничений и осуществлением контроля, могут издаваться в двух формах, соответственно, в виде актов органов валютного регулирования и актов органов валютного контроля. Акты органов валютного регулирования вправе принимать в пределах своей компетенции для реализации функций Центральный банк РФ и Правительство РФ (ч. 2 ст. 5). Данные акты:

- могут устанавливать порядок осуществления валютных операций, а также использования счетов (включая установление требования об использовании специального счета);
- обязательны для резидентов и нерезидентов, а также уполномоченных банков, если адресованы последним;
- не могут вводить требования о получении резидентами и нерезидентами индивидуальных разрешений и о предварительной регистрации;
- в силу прямого указания могут быть нормативными, но только в случаях, предусмотренных валютным законодательством (ч. 4 ст. 4 Закона № 173).

Кроме того, Центральный банк РФ устанавливает единые формы учета и отчетности по валютным операциям, порядок и сроки их представления, а также готовит и публикует статистическую информацию по валютным операциям. С 1 января 2026 г. Центральный банк РФ в целях обеспечения стабильности финансового рынка Российской Федерации по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством РФ, вправе установить запрет на совершение отдельных

видов валютных операций, связанных с приобретением и отчуждением цифровых прав и условия совершения отдельных видов валютных операций, связанных с приобретением и отчуждением цифровых прав.

Органы валютного контроля могут издавать акты валютного контроля по вопросам, отнесенным к их компетенции, только в случаях и пределах, предусмотренных российским валютным законодательством и актами органов валютного регулирования. Такие акты не могут содержать положения, касающиеся вопросов регулирования валютных операций (ч. 5 ст. 4 Закона № 173).

Относительно самостоятельное место в блоке подзаконных источников занимают правовые акты органы валютного регулирования и контроля, касающиеся организации их деятельности (исполнения функций) в таком качестве, а также государственных структур, находящихся в их ведении и осуществляющих валютный контроль. Это, в частности, предусмотрено и Законом № 173 (ч. 6 ст. 22):

- Правительство РФ обеспечивает координацию деятельности в области валютного контроля федеральных органов исполнительной власти, являющихся органами валютного контроля, а также их взаимодействие с Центральным банком РФ;

- Центральный банк РФ осуществляет взаимодействие с другими органами валютного контроля, а также осуществляет координацию взаимодействия уполномоченных банков и не являющихся уполномоченными банками профессиональных участников рынка ценных бумаг как агентов валютного контроля с органами валютного контроля при обмене информацией в соответствии с российским законодательством.

К таким «техническим» документам можно отнести подзаконные акты, издаваемые Центральным банком РФ (см., например, Инструкцию Банка России от 16 августа 2017 г. № 181-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления») и Министерством финансов РФ (как правило, находящимися в его ведении ФТС России (см., например, Приказ ФТС России от 17 июля 2019 г. № 1171 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по осуществлению государственного контроля за валютными операциями, связанными с перемещением товаров через таможенную границу <...>») и Федеральной налоговой службой России (см., например, Приказ ФНС России от 26 августа 2019 г. № ММВ-7-17/418@ «Об

утверждении Административного регламента осуществления Федеральной налоговой службой контроля и надзора за соблюдением резидентами <...> и нерезидентами валютного законодательства Российской Федерации, требований актов органов валютного регулирования и валютного контроля <...>»)) по вопросам организации валютного контроля. Указанные акты обязательны для агентов валютного контроля, они не устанавливают дополнительных обязанностей для участников валютных операций.

Судебная практика. Для целей дальнейшего изложения понятие «судебная практика» охватывает формализованные результаты правоприменительной деятельности судебных органов по вопросам валютного регулирования и контроля, выработанные в ходе судебной деятельности «правовые положения, определения-дефиниции, правила, указания, которые обладают определенной степенью обобщенности, общепризнанности и обязательности» [4, с. 10]. Судебная практика в настоящее время детально освещается в электронных средствах информации, а также публикуется в специальных изданиях. Отечественная судебная практика по вопросам валютного регулирования и контроля значительно меньше, чем, например, по налоговым спорам. Пока ей не предложено значимых правовых позиций, доктрин, которые бы существенно влияли на фактическое регулирование валютных операций. Скорее, она важна для уяснения тех или иных положений валютного законодательства.

По своей юридической значимости и авторитету наиболее «весомыми» являются решения Конституционного Суда РФ (см., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2021 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 15.25 и пункта 2 части 1 статьи 25.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 6 части 1 статьи 1, частей 4 и 5 статьи 12 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», а также части 2 статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» в связи с жалобой гражданина Н.В. Кузнецова»).

Суды общей юрисдикции также участвуют в формировании судебной практики, обеспечивая решение вопросов, связанных с установлением содержания правовых актов, включая проверку их законности, с применением норм в конкретных ситуациях (в частности, при рассмотрении споров между органами валютного контроля и физическими лицами о нарушениях правил совершения валютных операций).

В российской правовой системе в создании судебной практики по вопросам валютного регулирования и контроля важную роль играют арбитражные суды (см., например, Информационное письмо ВАС РФ от 31 мая 2000 г. № 52 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с применением законодательства о валютном регулировании и валютном контроле»). Их основными задачами являются защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов субъектов, споры с участием которых отнесены к подведомственности арбитражных судов, в области предпринимательской или иной экономической деятельности, а также содействие укреплению законности и предупреждению правонарушений в указанной сфере.

Представляется весьма поверхностной гипертрофированная оценка роли суда как универсальной инстанции, способной устранять все пробелы и недочеты законодательства. Искусственное возвышение значимости судебной практики как источника права способно привести к абсурдной конкуренции различных судебных инстанций, к подмене одних государственных органов другими без какого-либо улучшения качества самого законодательства. Внедрение прецедента волевым решением угрожает значительными потерями для национальной правовой системы, поскольку ее структура построена на других принципах. Поэтому требования об абсолютном признании прецедента в качестве источника права представляются необоснованными с теоретической точки зрения и, мягко говоря, несвоевременными в практическом плане.

Решения судебных органов, в том числе касающиеся вопросов толкования права, выходят в свет в специальных публикациях (подвергаясь, как правило, определенной систематизации) и либо доводятся для ознакомления путем размещения их текстов на сайтах указанных органов в сети Интернет, в справочных правовых системах. Можно отметить, что публикацию судебной прак-

тики сторонники «легализации» прецедента также рассматривают как одно из подтверждений фактического признания последнего, поскольку к основным признакам обязательности прецедента по общему праву относится именно публикация постоянных судебных отчетов – сборников судебной практики [5].

Список литературы:

- [1] См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: БЕК, 1996. С. XVII.
- [2] Конституции государств Европейского Союза. М.: ИНФРА-М–НОРМА, 1997. С. 658–659.
- [3] Сравнительное конституционное право. М.: Манускрипт, 1996. С. 71–72.
- [4] Боботов С.В. Конституционная юстиция: сравнительный анализ. М.: РПА МЮ РФ, 1994. С. 10.
- [5] См.: Голомазова Л. Роль и значение судебных актов в становлении прецедентного права в России // эж–Юрист. 2000. № 1.

Spisok literatury:

- [1] Sm.: Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii. [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. M.: BEK, 1996. P. 664. (In Russ.).
- [2] Konstitutsii gosudarstv Evropeiskogo Soiuza. M.: INFRA-M–NORMA, 1997. S. 803. (In Russ.).
- [3] Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo. [Comparative constitutional law]. M.: Manuskript, 1996. S. 729. (In Russ.).
- [4] Bobotov, S.V. Konstitutsionnaia iustitsiia: sravnitel'nyi analiz. [Constitutional Justice: A Comparative Analysis]. M.: RPA Mlu RF, 1994. S.10. (In Russ.).
- [5] Sm.: Golomazova L. Rol' i znachenie sudebnykh aktov v stanovlenii pretsedentnogo prava v Rossii [The role and significance of judicial acts in the development of case law in Russia] // ezh–Iurist. [EJ-Lawyer]. 2000. № 1. (In Russ.).

РАДИОНОВ Никита Сергеевич,
аспирант Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: nikradio@bk.ru

ДОПУСТИМОСТЬ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУПРУГА В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА, СОСТОЯЩЕГО В БРАКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы привлечения супруга должника к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве. Анализируются правовые основания и условия такой ответственности, соотношение субсидиарной ответственности с ответственностью в виде убытков. На основе анализа судебной практики и законодательства обосновывается возможность рассмотрения заявления о привлечении супруга должника к субсидиарной ответственности при наличии доказательств его активного участия в доведении должника до банкротства по существу.

Ключевые слова: банкротство, субсидиарная ответственность, супруг должника, имущественная ответственность супругов, убытки, контролирующее лицо, семейные правоотношения, защита прав кредиторов, недобросовестное поведение, доказывание в делах о банкротстве.

RADIONOV Nikita Sergeevich,
postgraduate student of the Faculty of Law
Financial University
under the Government of the Russian Federation

ADMISSIBILITY OF SUBSIDIARY LIABILITY OF A SPOUSE IN A BANKRUPTCY CASE OF A MARRIED INDIVIDUAL

Annotation. The article considers the issues of bringing the debtor's spouse to subsidiary liability in bankruptcy cases. The legal grounds and conditions of such liability, the ratio of subsidiary liability with liability in the form of losses are analyzed. Based on the analysis of judicial practice and legislation, the possibility of considering an application for bringing the debtor's spouse to subsidiary liability is substantiated if there is evidence of his active participation in bringing the debtor to bankruptcy on the merits.

Key words: bankruptcy, subsidiary liability, spouse of the debtor, property liability of spouses, losses, controlling person, family legal relations, protection of creditors' rights, dishonest behavior, proof in bankruptcy cases.

Действующее законодательство предусматривает несколько видов ответственности супруга должника в рамках дела о банкротстве. Во-первых, это имущественная ответственность в пределах совместно нажитого имущества согласно статье 45 Семейного кодекса РФ и положениям Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» №127-ФЗ. Во-вторых, возможна ответственность за совершение сделок с общим имуществом супругов, которые могут быть оспорены в рамках дела о банкротстве по основаниям, предусмотренным главой III.1 Закона о банкротстве. Но существует ли вероятность привлечения к субсидиарной

ответственности супруга должника при наличии доказательств его участия в доведении должника до банкротства или сокрытии имущества? Эксперты указывают, что «начиная с 2017 года в судебной практике прослеживается четкая тенденция не только в росте количества случаев привлечения к субсидиарной ответственности, но и в расширении круга лиц, которые могут быть к ней привлечены» [1]. Отметим, что институт субсидиарной ответственности супруга должника априори сопряжен с необходимостью установления баланса между защитой прав кредиторов и принципом индивидуальной ответственности по обязательствам.

Как отмечают исследователи, введение в российское законодательство механизма субсидиарной ответственности направлено на устранение недостатков в правовом регулировании, с учетом практики, существующей в англо-американском праве, связанной с доктриной проникающей ответственности [2]. Представляется верным утверждение о том, что применение субсидиарной ответственности «это игнорирование ограниченной ответственности участников юридического лица в случаях, когда обеспечивающая такое ограничение конструкция юридического лица используется недобросовестно, при злоупотреблении правом» [2]. В этом контексте приведенные положения по аналогии полагаем возможным применить и к институту общих обязательств супругов, поскольку если один из супругов недобросовестно использует правовой режим общего имущества, это может привести к схожим последствиям.

Рассматривая судебную практику привлечения к субсидиарной ответственности с учетом семейно-правовых отношений, невозможно не указать на позицию Верховного Суда РФ, изложенной в Определении от 23.12.2019 по делу № А40-131425/2016, в которой указано, что супруг должника может быть привлечен к субсидиарной ответственности в случае, если установлено его «соучастие в совершении действий, приведших к банкротству». Подчеркнем, что сам по себе факт наличия семейных отношений не является достаточным основанием для привлечения к ответственности. Такой подход представляется обоснованным, поскольку позволяет дифференцировать ответственность супругов в зависимости от степени их вовлеченности в деятельность, приводящую к неплатежеспособности. Как справедливо отмечают исследователи, «для привлечения именно к деликтной ответственности все же нужно нечто большее, чем пассивное знание: некоторая степень активного соучастия» [3].

Необходимо отметить, что из актуальной судебной практики следует, что субсидиарная ответственность и ответственность в виде убытков имеют тесную взаимосвязь. Согласно позиции Верховного Суда РФ, выраженной в Определении от 28.09.2023 по делу № А57-12609/2017, убытки, причиненные контролирующим лицом, в конечном счете ложатся как на кредиторов (в части непогашенных требований), так и на иных лиц (в остальной части, применительно к супругам – членам семьи). По сути, Верховный Суд РФ уравнивал два возможных механизма пополнения конкурсной массы, распространив правило о поглощении большего размера меньшим в обе стороны. Отметим, что суды и до этого рассматривали оба вида ответственности как взаимодополняющие механизмы защиты прав кредиторов. Как указано в

Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.09.2022 по делу № А56-47040/2019, «субсидиарная ответственность и ответственность в виде убытков соотносятся как общее и частное». Учитывая, что специфика доказывания при привлечении к разным видам имущественной ответственности во многом совпадает, а также принимая во внимание возможное реальное и непосредственное влияние супруга должника-банкрота на распоряжение общим имуществом, возникает основание для его квалификации в качестве своеобразного контролирующего лица; и с учетом того обстоятельства, что возможность возложения на супруга обязательства по возмещению убытков уже допустима в рамках статьи 1064 ГК РФ, представляется обоснованным распространение в отношении таких лиц и субсидиарной ответственности, поскольку обе правовые конструкции нацелены на восстановление интересов кредиторов, чьи имущественные права нарушены недобросовестным поведением лиц, осуществляющих фактический контроль над активами должника. Следует отметить, что суд обладает правом самостоятельно определять правовую квалификацию заявленного требования независимо от того, каким образом заявитель обозначил вид ответственности и какие правовые нормы были им указаны. В частности, суд может изменить квалификацию требования – например, рассматривать заявление о привлечении к субсидиарной ответственности как требование о возмещении убытков или, напротив, квалифицировать требование о взыскании убытков в качестве заявления о привлечении к субсидиарной ответственности (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53).

Учитывая потенциальные риски, связанные с тем, что при оспаривании сделок один из супругов может не предоставить необходимые доказательства о направлении денежных средств на совместные семейные нужды, а также возможность сокрытия действительного финансового положения и вероятность взыскания убытков с супруга, представляется целесообразным допустить рассмотрение заявления о привлечении супруга, не находящегося в процедуре банкротства, к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве второго супруга-должника. В связи с тем, что действующее законодательство прямо не предусматривает возможность привлечения супруга-должника к субсидиарной ответственности, суды, как правило, придерживаются буквального подхода к трактовке нормативных актов. Как следствие, заявления подобного рода чаще всего не принимаются либо производство по ним прекращается. В обоснование таких решений суды ссылаются на положения законодательства о банкротстве, согласно которым рассмотрение

обращений о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, в рамках процедур несостоятельности физических лиц не предусмотрено¹.

В действительности нередко встречаются случаи, когда долги должника формируются в интересах семьи, а супруг принимает активное участие в управлении использованием заемных средств, своими действиями влияя на финансовое положение семьи и способствуя росту или возникновению неплатежеспособности. В подобных ситуациях представляется целесообразным расширенное применение инструментов привлечения супруга должника-банкрота к ответственности при наличии ряда существенных условий. Во-первых, необходимо установить, что обязательства возникли именно для удовлетворения семейных потребностей, что подтверждается расходованием средств на нужды семьи. Во-вторых, требуется доказательство того, что супруг осуществлял фактический контроль за тратой указанных средств, принимая важные решения относительно их распределения. В-третьих, важно подтвердить, что именно действия супруга способствовали образованию или увеличению неплатежеспособности должника, к примеру, посредством заключения заведомо невыгодных сделок либо нецелесообразного направления финансов. Предлагаемый подход, позволяющий рассматривать заявления о привлечении к субсидиарной ответственности по существу, способствует достижению баланса между интересами кредиторов и необходимостью исключить возложение на добросовестного супруга чрезмерной имущественной ответственности. Отметим, что применение института субсидиарной ответственности супруга должно учитывать индивидуальные особенности отношений внутри семьи и основываться на принципе добросовестности участников гражданских правоотношений. Привлечение супруга к субсидиарной ответственности представляется оправданным лишь в тех ситуациях, когда доказан умысел причинения значительного вреда кредиторам банкрота, что полностью укладывается в общую логику развития этого правового института. Основной риск текущего подхода судов заключается в том, что отказ в рассмотрении заявлений о привлечении супруга к субсидиарной ответственности при одновременном допущении взыскания убытков может приводить к неполной защите прав кредиторов. Такая ситуация создает правовую неопределенность и потен-

циально нарушает принцип полного возмещения причиненного вреда, закрепленный в ст. 15 ГК РФ. Отдельного внимания заслуживает риск формирования противоречивой судебной практики, когда схожие по своей природе действия супруга должника могут получать различную правовую квалификацию в зависимости от избранного способа защиты прав кредиторов. Данная ситуация также создает риск злоупотреблений со стороны недобросовестных должников, которые могут использовать текущую правовую неопределенность для вывода активов через супруга, понимая ограниченность механизмов привлечения последнего к ответственности. Представляется, что для минимизации указанных рисков необходимо формирование единообразного подхода к возможности привлечения супруга должника как к субсидиарной ответственности, так и к ответственности в виде взыскания убытков.

Список литературы:

- [1] Колесникова С.Г. Актуальные вопросы судебной практики об ответственности контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». – 2019. – № 4. – С. 47.
- [2] Корюкаева Т.Г., Петряшова А.А. Вопросы судебной практики рассмотрения споров о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражные споры. – 2024. – № 3. – С. 87.
- [3] Тай Ю.В., Бudyлин С.Л. Сын за отца отвечает. Субсидиарная ответственность членов семьи директора в банкротстве компании. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.12.2019 N 305-ЭС19-13326 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 6. – С. 15.

Spisok literatury:

- [1] Kolesnikova S.G. Aktual'nye voprosy sudebnoj praktiki ob otvetstvennosti kontroliruyushchih dolzhnika lic pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve) // Informacionno-analiticheskij zhurnal «Arbitrazhnye spory». – 2019. – № 4. – S. 47.
- [2] Koryukaeva T.G., Petryashova A.A. Voprosy sudebnoj praktiki rassmotreniya sporov o privlechenii k subsidiarnoj otvetstvennosti kontroliruyushchih dolzhnika lic v ramkah del o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) // Arbitrazhnye spory. – 2024. – № 3. – S. 87.
- [3] Taj YU.V., Budylin S.L. Syn za otca otvechaet. Subsidiarnaya otvetstvennost' chlenov sem'i direktora v bankrotstve kompanii. Kommentarij k Opredeleniyu Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 23.12.2019 N 305-ES19-13326 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. – 2020. – № 6. – S. 15.

¹ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.05.2022 по делу № А19-4168/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.03.2025 по делу № А56-105398/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-321-326

ВЫЙМОВ Иван Владиславович,
Аспирант кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
e-mail: ivan.vyimow0310@gmail.com

ГОНОРАР УСПЕХА: ПЕРВЫЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье проводится анализ правоприменительной практики по вопросу о допустимости условия о гонораре успеха. При этом главным образом уделяется внимание практике, складывавшейся до законодательной легализации модели гонорара успеха. Отмечается, что позиции судов, в том числе высших, к рассматриваемой проблеме были крайне противоречивы - всего можно выделить четыре подхода, три из которых в той или иной мере исходят из недопустимости условия о гонораре успеха. Сформированные до закрепления конструкции гонорара успеха в законодательстве РФ негативные позиции судов к данной модели и в настоящее время продолжают препятствовать развитию данного института, вследствие чего они должны подвергаться доктринальному переосмыслению.

Ключевые слова: юридические услуги, оплата юридических услуг, гонорар успеха, свобода договора.

VYIMOV Ivan Vladislavovich,
Postgraduate student of the Department of Business Law,
Civil and Arbitration Procedure,
Perm State
National Research University

SUCCESS FEE: THE FIRST STAGE OF FORMATION OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. The article analyzes the law enforcement practice on the issue of the admissibility of the condition on the success fee. At the same time, attention is mainly paid to the practice that developed before the legislative legalization of the success fee model. It is noted that the positions of the courts, including the highest ones, were extremely contradictory to the problem under consideration - in total, four approaches can be distinguished, three of which, to one extent or another, proceed from the inadmissibility of the condition on the success fee. The negative positions of the courts towards this model, formed before the consolidation of the success fee structure in the legislation of the Russian Federation, continue to hinder the development of this institution, as a result of which they must undergo a doctrinal rethink.

Key words: legal services, payment of legal services, success fee, freedom of contract.

Долгое время ни на уровне закона, ни на уровне практики оставался неразрешенным вопрос о возможности установления в договоре условия о гонораре успеха, т.е. модели оплаты, при которой ее размер зависит от достигнутого результата оказания юридических услуг (например, от положительного решения суда). Исходя из содержания законодательного регулирования следует выделять два этапа развития данной модели вознаграждения, разделяющей чертой между которыми является 1 марта

2020 г. (дата вступления в законную силу положения Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 №63-ФЗ (далее – ФЗ №63) [1] о возможности установления в соглашении адвоката с доверителем условия о гонораре успеха (п.4.1. ст. 25)).

В рамках данной статьи остановимся на исследовании судебной практики, складывавшейся на первом этапе. Представляется, что ее анализ имеет конкретную практическую ценность

и в настоящее время, так как позиции прежде всего высших инстанций, сложившиеся до 1 марта 2020 г., и сегодня нередко выступают как основа для судов при решении вопросов, связанных с гонораром успеха.

В 1999 г. Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации (далее – ВАС РФ) было принято Информационное письмо № 48, ставшее одним из первых актов высших судов в вопросе о гонораре успеха. В нем ВАС РФ указал, что требование о выплате обусловленного решением суда вознаграждения не подлежит удовлетворению. Размер вознаграждения в этом случае определяется в порядке статьи 424 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], с учетом фактически совершенных исполнителем действий (деятельности) [3].

Большинство авторов, комментируя данную позицию, отмечают, что ВАС РФ хоть и не объявил условие о гонораре успеха недействительным, но фактически отказал в судебной защите права на его получение [4,5,6].

С данным мнением нельзя согласиться в полной мере, так как оно не соответствует буквальному выражению подхода ВАС РФ. Действительно, изначально ВАС РФ отмечает невозможность удовлетворения требования о гонораре успеха. Но при этом сразу же фактически оговаривается, что вознаграждение все же должно выплачиваться, но только его размер определяется судом в порядке ст. 424 ГК РФ. Данная оговорка явно намекает на то, что о полном отказе в судебной защите права речи не идет.

Представляется, что фактически ВАС РФ выработал два разных подхода к вопросу о взыскании гонорара успеха — это отказ в судебной защите права на его получение, и это определение размера гонорара успеха судом. То есть, ВАС РФ не пришел к какого-либо одному выводу, вследствие чего его позиция является логически противоречивой, несогласованной.

Практика судов как нельзя лучше показывает противоречие позиции ВАС РФ. В ряде случаев суды, ссылаясь на Информационное письмо ВАС РФ №48, отмечали невозможность удовлетворения требования о выплате гонорара успеха [7]. Между тем иногда суды, опираясь на рассматриваемый подход ВАС РФ, делали вывод о том, что установление сторонами в соглашении модели гонорара успеха само по себе не может являться основанием к отказу в иске (в этом случае размер вознаграждения должен определяться в порядке статьи 424 ГК РФ) [8].

Следует критически отнестись к обоим вариантам решения проблемы допустимости гонорара успеха. Оба подхода произвольно без наличия

правовых оснований ограничивают принцип обязательной силы договора (*pacta sunt servanda*). Является непонятным с точки зрения логики гражданского права и сущности частноправового регулирования, почему ВАС РФ посчитал, что можно отказывать в защите права на получение гонорара успеха или что суды справятся с определением размера вознаграждения лучше, чем участники оборота.

Вторым крупным решением высших судов в вопросе о гонораре успеха является Постановление Конституционного суда РФ (далее – КС РФ) от 23 января 2007 г. № 1-П [9].

КС РФ весьма обширно аргументировал свой подход, но основной его довод продиктован предметными характеристиками договора возмездного оказания услуг. В постановлении КС РФ отмечается, что включение в данный договор конструкции гонорара успеха противоречит основным началам гражданского законодательства, так как это означает введение иного, не предусмотренного законом, предмета договора (достижение результата законодатель не включил в предмет договора возмездного оказания услуг).

Представляется, что данный довод расходится с принципом свободы договора. Как известно, одним из проявлений принципа свободы договора является возможность сторон заключать непоименованные и смешанные договоры (п.2,3 ст. 421 ГК РФ). Исходя из этого, если условие о гонораре успеха, по мнению КС РФ, не подходит под законодательное определение предмета договора возмездного оказания услуг, то это еще не может являться достаточным основанием для непризнания данной модели оплаты. Как минимум, всегда можно сказать, что в случае применения конструкции гонорара успеха договор носит характер непоименованного или смешанного.

Оценивая связь подхода КС РФ со свободой договора, Карапетов А.Г. отмечает, что КС РФ как будто бы забыл о конституционном принципе свободы договора [10, с. 34].

Представляется, что данное утверждение не соответствует тексту постановления. КС РФ в п.2.2 своего постановления прямо анализирует принцип свободы договора применительно к рассматриваемым отношениям. В частности, КС РФ отмечает, что деятельность органов государственной власти (как сама по себе, так и ее результаты) не может быть предметом частноправового регулирования.

Данная позиция, безусловно, выглядит бесспорной. Вместе с тем КС РФ не учитывает, что, закрепляя условие о гонораре успеха, стороны договора и не претендуют на то, чтобы сделать решение суда предметом частноправового регу-

лирования. Скорее, положительное судебное решение воспринимается ими как оценка качества услуг и, соответственно, своего рода индикатор надлежащего исполнения обязательства.

В связи с этим правильнее будет утверждать, что КС РФ не забыл о принципе свободы договора, а не верно применил и истолковал его применительно к отношениям по выплате гонорара успеха.

Нельзя не заметить, что КС РФ в своем постановлении не учитывает все многообразие услуг. В ГК РФ в п.2 ст. 779 [11] прямо отмечены некоторые услуги, которые по своей сущности могут направлены на достижение результата (например, аудиторские, медицинские). Последовательная реализация позиции КС РФ может привести к тому, что многие услуги могут просто выйти из сферы регулирования гл. 39 ГК РФ.

Следует отметить, что КС РФ хоть прямо и не отметил ничтожность условия о гонораре успеха, но из его решения фактически следует это. На это, главным образом, указывает многочисленная практика. Суды, опираясь на постановление КС РФ, отмечали, что условие о гонораре успеха не соответствует положениям о предмете договора возмездного оказания услуг и, следовательно, является ничтожным (ст. 168 ГК РФ) [12]. Ввиду этого, правы авторы, отмечающие, что КС РФ в своем постановлении фактически поставил гонорар успеха вне закона [13, 14].

Прогрессивные изменения в практике решения вопроса о правомерности гонорара успеха произошли в конце 2007 г. и связаны с принятием ВАС РФ Информационного письма № 121 [15]. В нем ВАС РФ отметил, что судебные расходы взыскиваются в разумных пределах независимо от условий выплаты вознаграждения (например, только в случае положительного решения в пользу доверителя).

То есть, ВАС РФ фактически отмечает допустимость постановки вознаграждения за юридические услуги в зависимость решения суда. Налицо коренной отход ВАС РФ от своей позиции 1999 г. и противоречие с подходом КС РФ. Впоследствии ВАС РФ прямо отмечал допустимость согласования выплаты вознаграждения исполнителю в различных формах (в то числе, и в зависимости от результата действий исполнителя) [16].

С опорой на данные подходы ВАС РФ и принцип свободы договора суды в ряде случаев справедливо приходили к выводам об удовлетворении требований о выплате гонорара успеха. В частности, в практике отмечалось следующее:

-законодательство РФ не устанавливает особых требований к условиям о выплате вознаграждения исполнителю [17, 18];

-условие о гонораре успеха не является недействительным, поскольку не противоречит статье 421 ГК РФ [19];

-из всего смысла законодательного регулирования отношений по оказанию услуг не усматривается невозможность согласования условия о гонораре успеха [20].

Несмотря на прямое противоречие таких решений позиции КС РФ, их положительное значение очевидно.

Во-первых, они фактически напомнили о необходимости при решении вопросов о допустимости гражданско-правовых конструкций, не закреплённых в законодательстве РФ, придерживаться принципа свобода договора.

А во-вторых, они так или иначе показывали наличие объективной практической потребности в признании модели гонорара успеха.

Нельзя не отметить практику Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) по рассматриваемому вопросу.

В ряде случаев ВС РФ в целом не отрицал возможность примирения рассматриваемой конструкции. Так, например, в одном из дел ВС РФ отметил, что данная модель оплаты является своего рода премированием адвокатов [21]. В другом деле ВС РФ утвердил мировое соглашение, по которому истец был обязан вернуть гонорар успеха после пересмотра дела [22]. В тоже время ВС РФ неоднократно отмечал отсутствие правовых оснований для удовлетворения требований о выплате гонорара успеха [23, 24].

Хорошо видно, что ВС РФ принципиально не выработал каких-либо новых подходов к решению проблемы допустимости условия о гонораре успеха. Более того, отсутствие единообразного подхода со стороны ВС РФ только препятствовало внесению ясности в правоприменительную практику.

Таким образом, на первом этапе становления правоприменительной практики по вопросу о применении гонорара успеха сложилось четыре подхода судов:

- 1) отказ в судебной защите права на получение гонорара успеха;
- 2) непризнание судом согласованного сторонами размера гонорара успеха и определение вознаграждения самостоятельно судом в порядке, предусмотренном статьей 424 ГК РФ;
- 3) признание условия о гонораре успеха ничтожным;
- 4) признание права сторон на согласование в договоре условия о гонораре успеха и, как следствие, необходимости удовлетворения требований о его выплате.

Безусловно, наиболее предпочтительным выглядит последний подход, так как он в большей

степени отвечает принципам и духу частного права, препятствует вмешательству судов в сферу договорной свободы. В остальных выделенных подходах заложена неправильная правовая логика, выражающаяся в отрицательном отношении к незакрепленным в законодательстве РФ конструкциям, а также в желании судов навязать участникам оборота свое видение построения их отношений. Такая логика противоречит сущности гражданско-правового регулирования, так как означает произвольное вмешательство судов в частные дела.

К сожалению, данная логика (заложенная во многом решением КС РФ) негативным образом влияет на решение существующих в настоящее время правоприменительных вопросов, связанных с гонораром успеха.

Во-первых, подход КС РФ служит основанием для невключения судами гонорара успеха в состав судебных расходов [25, 26, 27]. Сам КС РФ, в 2023 г. в двух своих определениях отметил, что правовая позиция, выраженная в Постановлении от 23 января 2007 года № 1-П, даже с учетом произошедших законодательных изменений продолжает иметь ориентирующее значение в части решения вопроса о невключении издержек в виде гонорара успеха в состав судебных расходов [28, 29].

И во-вторых, подход КС РФ зачастую приводит к отрицанию возможности применения конструкции гонорара успеха лицами, не имеющими статус адвоката (как правило, такие решения выносят суды общей юрисдикции) [30, 31].

Представляется, что в основу решений существующих в настоящее время вопросов должна быть заложена практика судов, в которой провозглашается свобод сторон в вопросе о возможности постановки вознаграждения в зависимости от положительного решения суда. Только так гонорар успеха сможет стать полноправной моделью вознаграждения за юридические услуги, свободно признаваемой гражданско-правовой конструкцией.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 31 марта 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 32. Ст. 3301.
- [3] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29 сентября 1999 г. № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг» // Вестник ВАС РФ. № 11. 1999.
- [4] Зайцев В.В. Гонорар успеха: нормативное регулирование, особенности оформления соглашений, риски, судебная практика // Адвокатская практика. 2023. № 2. С.35-39.
- [5] Степанов Д.И. Гонорар успеха вне закона // Корпоративный юрист. 2007. № 3. С.55-61.
- [6] Сазанова И.В. Еще раз о гонораре успеха // Российский судья. 2015. №11. С.12-15.
- [7] Решение Арбитражного суд г. Москвы от 25 августа 2015 г. по делу № А40-26903/2015 // СПС «КонсультантПлюс»
- [8] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 21 сентября 2010 г. по делу № А40-136500/09-21-954» //» СПС «КонсультантПлюс»
- [9] Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1. 2007.
- [10] Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): Постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса РФ. М.: М-Логос, 2017.
- [11] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
- [12] Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 21 ноября 2017 г. по делу № А46-6600/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
- [13] Вифлянцева А.О. Гонорар успеха как способ защиты частных и публичных интересов в делах об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С.212-230.
- [14] Шавырина Ю.И. Эволюция гонорара успеха в России и практика его применения за рубежом // Адвокатская практика. 2022. № 5. С.6-9.
- [15] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 5 декабря 2007 № 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах» // Вестник ВАС РФ. № 2. Февраль. 2008.
- [16] Постановление Президиума ВАС РФ от 4 февраля 2014 г. по делу № А40-91883/08-61-820 // СПС «КонсультантПлюс».
- [17] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06 ноября 2014 г. по делу № А56-6239/2014 // СПС «КонсультантПлюс»;

[18] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14 марта 2018 г. по делу № А09-15610/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[19] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 июня 2019 г. по делу № А76-26478/2018 // СПС «КонсультантПлюс»/

[20] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 февраля 2019 г. по делу № А60-7190/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

[21] Определение ВС РФ от 26 февраля 2015 г. по делу № А60-11353/2013 // СПС «КонсультантПлюс»

[22] Определение ВС РФ от 27 апреля 2017 г. по делу № А40-212975/2015 // СПС «КонсультантПлюс»

[23] Определение ВС РФ от 30 сентября 2019 г. по делу № 78-КГ19-32 // СПС «КонсультантПлюс»;

[24] Определение ВС РФ от 21 октября 2019 г. по делу № А40-191144 // СПС «КонсультантПлюс»

[25] Определение ВС РФ от 17 ноября 2022 г. по делу № А40-21242/2021 // СПС «КонсультантПлюс»

[26] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 февраля 2024 г. по делу № А56-76307/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[27] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 2 сентября 2024 г. по делу № А67-5260/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[28] Определение Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. № 749-О // СПС «КонсультантПлюс».

[29] Определение Конституционного Суда РФ от 20 июля 2023 г. № 1925-О // СПС «КонсультантПлюс».

[30] Апелляционное определение Московского городского суда от 16 января 2024 г. по делу № 33-803/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[31] Апелляционное определение Московского городского суда от 26 февраля 2024 г. № 33-3129/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 31 marta 2002 g. № 63-FZ «Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» // SZ RF.2002. № 23. St. 2102.

[2] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ // SZ RF.2002. № 32. St. 3301.

[3] Informacionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 29 sentyabrya 1999 g. № 48 «O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki, vznikayushchih pri rassmotrenii sporov, svyazannyh s dogovorami na okazanie pravovyh uslug» // Vestnik VAS RF. № 11.1999.

[4] Zajcev V.V. Gonorar uspekha: normativnoe regulirovanie, osobennosti оформлениа соглашений, riski, sudebnaya praktika // Advokatskaya praktika. 2023. № 2. S.35-39.

[5] Stepanov D.I. Gonorar uspekha вне закона // Korporativnyj yurist. 2007. № 3. S.55-61.

[6] Sazanova I.V. Eshche raz o gonorare uspekha // Rossijskij sud'ya. 2015. №11. S.12-15.

[7] Reshenie Arbitrazhnogo sud g. Moskvy ot 25 avgusta 2015 g. po delu № А40-26903/2015 // SPS «Konsul'tantPlyus»

[8] Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy ot 21 sentyabrya 2010 g. po delu № А40-136500/09-21-954» //» SPS «Konsul'tantPlyus»

[9] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23 yanvarya 2007 g. № 1-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 1 stat'i 779 i punkta 1 stat'i 781 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Agentstvo korporativnoj bezopasnosti" i grazhdanina V.V. Makeeva» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. № 1. 2007.

[10] Karapetov A.G. Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast'): Postatejnyj kommentarij k stat'yam 307 - 453 Grazhdanskogo kodeksa RF. M.: M-Logos, 2017.

[11] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26 yanvarya 1996 № 14-FZ // SZ RF. 1996. № 5. St. 410.

[12] Postanovlenie Vos'mogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 21 noyabrya 2017 g. po delu № А46-6600/2017 // SPS «Konsul'tantPlyus».

[13] Viflyancev A.O. Gonorar uspekha kak sposob zashchity chastnyh i publicnyh interesov v delah ob osparivanii normativnyh pravovyh aktov i aktov, soderzhashchih raz'yasneniya zakonodatel'stva i obladayushchih normativnymi svojstvami // Vestnik grazhdanskogo processa. 2020. № 5. S.212-230.

[14] SHavyrina YU.I. Evolyuciya gonorara uspekha v Rossii i praktika ego primeneniya za rubezhom // Advokatskaya praktika. 2022. № 5. S.6-9.

[15] Informacionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 5 dekabrya 2007 № 121 «Obzor sudebnoj praktiki po voprosam, svyazannym s raspredeleniem mezhdru storonami sudebnyh rashodov na oplatu uslug advokatov i inyh lic, vystupayushchih v kachestve predstavitelej v arbitrazhnyh sudah» // Vestnik VAS RF. № 2. Fevral'. 2008.

[16] Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 4 fevralya 2014 g. po delu № А40-91883/08-61-820 // SPS «Konsul'tantPlyus».

[17] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 06 noyabrya 2014 g. po delu № А56-6239/2014 // SPS «Konsul'tantPlyus»;

[18] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Central'nogo okruga ot 14 marta 2018 g. po delu № A09-15610/2016 // SPS «Konsul'tantPlyus».

[19] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 19 iyunya 2019 g. po delu № A76-26478/2018 // SPS «Konsul'tantPlyus»/

[20] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 18 fevralya 2019 g. po delu № A60-7190/2018 // SPS «Konsul'tantPlyus»

[21] Opredelenie VS RF ot 26 fevralya 2015 g. po delu № A60-11353/2013 // SPS «Konsul'tantPlyus»

[22] Opredelenie VS RF ot 27 aprelya 2017 g. po delu № A40-212975/2015 // SPS «Konsul'tantPlyus»

[23] Opredelenie VS RF ot 30 sentyabrya 2019 g. po delu № 78-KG19-32 // SPS «Konsul'tantPlyus»;

[24] Opredelenie VS RF ot 21 oktyabrya 2019 g. po delu № A40-191144 // SPS «Konsul'tantPlyus»

[25] Opredelenie VS RF ot 17 noyabrya 2022 g. po delu № A40-21242/2021 // SPS «Konsul'tantPlyus»

[26] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 22 fevralya 2024 g. po delu № A56-76307/2021 // SPS «Konsul'tantPlyus».

[27] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Zapadno-Sibirskogo okruga ot 2 sentyabrya 2024 g. po delu № A67-5260/2023 // SPS «Konsul'tantPlyus».

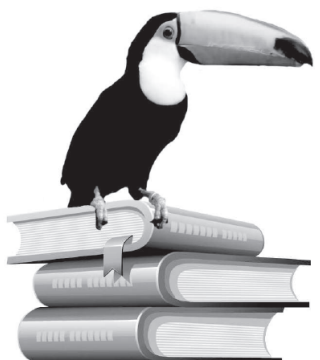
[28] Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 6 aprelya 2023 g. № 749-O // SPS «Konsul'tantPlyus».

[29] Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20 iyulya 2023 g. № 1925-O // SPS «Konsul'tantPlyus».

[30] Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 16 yanvarya 2024 g. po delu № 33-803/2024 // SPS «Konsul'tantPlyus».

[31] Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 26 fevralya 2024 g. № 33-3129/2024 // SPS «Konsul'tantPlyus».

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-327-330

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

АЛЕШИНА Александра Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена,
e-mail: aaleshina23@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. На сегодняшний день вопросы, связанные с деятельностью и функционированием международных организаций, их роли и значения в межгосударственном сотрудничестве, а также их нормотворческой функции, являются актуальными в контексте многополярных межгосударственных отношений. В статье отдельное внимание уделено правосубъектности международных организаций, а также механизмам прекращения членства в них.

Ключевые слова: Международные организации, нормотворчество, межгосударственное сотрудничество, правосубъектность, международно-правовое регулирование.

ALESHINA Aleksandra Vladimirovna,
Ph.D. in Law, Associate Professor,
Associate Professor of Department of International Law,
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

THE EFFECTIVENESS OF THE NORMATIVE ACTIVITY OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN MODERN CONDITIONS

Annotation. Today, issues related to the activities and functioning of international organizations, their role and importance in interstate cooperation, as well as their normative function, are relevant in the context of multipolar interstate relations. The article pays special attention to the legal personality of international organizations, as well as the mechanisms for terminating membership in them.

Key words: International organizations, rulemaking, interstate cooperation, legal personality, international legal regulation.

На сегодняшний день взаимодействие государств в различных сферах деятельности постоянно расширяется, что влечет за собой появление новых отношений, которые становятся предметом международно-правового регулирования. Наиболее эффективной формой межгосударственного сотрудничества выступают международные организации, способствующие объединению государств на международной арене и консолидации их усилий по разрешению глобальных проблем современности.

Как отмечает А. Ткаченко, «...в настоящее время в современных общественных процессах

участвует все больше международных организаций, они выдвигают различные нормотворческие инициативы, формулируют предложения по урегулированию международных конфликтов и спорных ситуаций, выражают свое официальное мнение по поводу событий международного характера и таким образом играют все большую и большую роль в функционировании международного права» [3, с. 37].

Принято считать, что международные организации стали появляться в результате проведения международных конференций, которые впоследствии были преобразованы в постоянные объединения государств (например, Центральная

комиссия навигации по Рейну была создана в 1815 г. после проведения Венского конгресса 1814-1815 гг.). В дальнейшем появились такие межгосударственные объединения универсального уровня, как Всемирный телеграфный союз (1865 г.) и Всемирный почтовый союз (1874 г.).

В 1919 г. после окончания Первой Мировой войны, в рамках Версальской системы была учреждена Лига Наций, появление которой явилось результатом осознания государствами необходимости создания объединения политического характера. Лига Наций, формально просуществовавшая до 1946 г., явилась предшественницей Организации Объединенных Наций, основной целью которой является поддержание всеобщего мира и безопасности. Именно с созданием этой организации связано признание за международными межправительственными организациями статуса субъекта международного права.

Вторая половина XX века была ознаменована появлением множества международных организаций, обеспечивающих организационную основу межгосударственного взаимодействия в различных сферах международных отношений. Так, например, в 1946 г. были учреждены Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), в 1966 г. появилась Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) и многие другие.

Государства, создавая международные организации, наделяют их правосубъектностью, в силу которой они могут иметь права и обязанности, участвовать в создании норм международного права, а также нести ответственность за свои неправомерные действия. Общепризнанный характер правосубъектности организаций закреплен во многих международных источниках. Так, в Преамбуле Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или международными организациями 1986 г. указано, что «...международная организация обладает такой правоспособностью заключать договоры, которая необходима для выполнения ее функций и достижения ее целей».

Следует согласиться с А. Ткаченко, что «...международные организации, являясь вторичными субъектами международного права, отличаются от государств прежде всего тем, что они не обладают суверенитетом. Это позволяет сделать вывод о том, что международная правосубъектность международных организаций основана на договорно-правовом характере, в отличие от государств, чья правосубъектность базируется на их суверенитете» [3, с. 41]. Правосубъектность международных организаций носит специальный

характер, который определяется целями и полномочиями организации, необходимыми для решения поставленных перед ней задач, и должен быть закреплен в ее учредительном документе. Объем прав и обязанностей, в которых проявляется качество международной правосубъектности, у разных организаций различен. По мнению А.Е. Кутейникова, «...объединившись в рамках международных межправительственных организаций, государства выражают свою волю через определение основных направлений деятельности и целей. Они наделяют организации необходимыми для их реализации компетенциями, признают за ними определенные права, вносят финансовые средства, необходимые для их деятельности, оказывают содействие осуществлению целей и задач организаций и выполняют их решения. С другой стороны, такие организации образуют комплекс социальных отношений между людьми. Специфика деятельности, строение, особенности организационных процессов межправительственных организаций обусловлены одновременно и соотношением ресурсов, ролей, статусов государств, и особенностями поведения, социальными представлениями, знаниями, умениями, навыками людей. Сочетание этих двух сторон во многом определяет облик каждой отдельной реально существующей организации, а также общие признаки класса международных межправительственных организаций» [2, с. 82].

Конечно, правосубъектность международных организаций имеет свои особенности и отличия от правосубъектности государств. В основу таковых можно положить сам источник происхождения такой правосубъектности: государства обладают правосубъектностью в силу своего объективного существования, а международные организации наделяются государствами правосубъектностью в результате их волеизъявления.

В свою очередь, государства обладают полной международной правосубъектностью, тогда как международные организации – специальной в соответствии с целью их деятельности. Если говорить о возможности прекращения правосубъектности, то у международных организаций правосубъектность прекращается по волевому признаку, а в отношении государств – правосубъектность не прекращается на всем протяжении их существования.

Международные организации принимают активное участие в нормотворческом процессе. Направление и объем нормотворческой деятельности закрепляется в их уставах либо в виде прямого упоминания конкретных форм нормотворческой деятельности (например, уставы ООН, ФАО

и др.), либо в виде изложения функций и полномочий, прямо не указанных в учредительных документах, но вытекаемых из сущности цели и задач организации, интерпретация которых позволяет говорить о наличии нормотворческой компетенции (например, в постановлениях главных органов организации), а также в виде указания на виды и формы правотворчества в соглашениях, заключаемых государствами-членами между собой и организацией (например, как дополнение к учредительному акту).

Особенно важным является то, что международные организации обладают возможностью влиять на процесс признания государств и правительств. Несмотря на то, что право на признание нового субъекта международного права закрепляется, в первую очередь, за государствами, прием в международную организацию такого субъекта может рассматриваться как прямой путь к признанию и иметь большее значение, чем признание со стороны отдельных государств.

Как субъекты международного права организации обязаны вести свою деятельность в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также в рамках своих целей и компетенций. Так же они несут ответственность за правонарушения и нанесение ущерба своими действиями.

Правосубъектность международных организаций может проявляться и в случае осуществления ими своей деятельности с иностранными физическими и юридическими лицами, поскольку организация постоянно сталкивается с необходимостью взаимодействия с такими частными субъектами в процессе приобретения товаров, аренды помещений, заключения трудовых договоров и т.д. Таким образом, международные организации не могут осуществлять предусмотренные уставом публично-правовые функции без того, чтобы не выступать субъектом гражданского оборота. По общему правилу, для регулирования данных правоотношений применяется право страны места нахождения штаб-квартиры международной организации (например, частноправовые отношения с участием ЮНЕСКО будут регулироваться французским правом, МОТ – швейцарским правом и т.д.). Однако отдельные отношения (например, трудовые отношения международных служащих с соответствующей международной организацией) в современных условиях регулируются, как правило, правовыми нормами, разработанными самой международной организацией.

Учредительные документы всех международных организаций содержат положения, определяющие процедуру приема в члены. Обычно

прием новых членов осуществляется на очередной сессии представительного органа путем принятия соответствующей резолюции. Например, постановление о приеме государства в члены ООН принимают на сессии Генеральной Ассамблеи при наличии у вступающего государства рекомендации Совета Безопасности ООН.

Для отдельных международных организаций существуют специфические условия членства в них. Например, стать членом закрытой международной организации (НАТО), можно только с согласия всех государств-учредителей.

Прекращение членства в международной организации возможно путем добровольного выхода государства из организации (каждое государство вправе в любое время по своему усмотрению выйти из международной организации), исключения из организации (может стать результатом систематического нарушения устава организации, прекращения существования самого государства и ликвидация самой международной организации, что автоматически прекращает членство государств-участников. Как справедливо отмечает Д.К. Бекяшев, «...учредительные акты большинства международных организаций предусматривают положения о добровольном выходе из организации на основе выполнения определенных условий: наличия письменного заявления о выходе, выполнения финансовых обязательств, установления определенного срока для вступления заявления в силу и др. Причем, даже если такие акты не содержат положений о выходе, это не означает, что государство-член не может выйти из организации. Оно имеет на это право в силу своего суверенитета» [Бекяшев, с. 91].

Говоря об исключении государства из членов какой-либо международной организации, данная возможность предусмотрена в качестве механизма защиты от тех государств, которые систематически грубо нарушили договорные обязательства, закрепленные в учредительном договоре.

Для того, чтобы международная организация перестала существовать необходимо согласованное волеизъявление всех государств-членов данной организации. Причины такого решения могут крыться в отсутствии необходимости существования такой организации, ее неэффективности и т.д. В целом, на сегодняшний день, нормативная деятельность международных организаций требует переосмысления в рамках происходящей трансформации мирового правопорядка и оставляет надежду на более эффективное регулирование международных межгосударственных отношений.

Список литературы:

[1] Бекашев Д.К. Современные правовые формы участия государств в деятельности международных организаций // Lex russica. - 2023. - Т. 76. № 5. С. 85-100.

[2] Кутейников А.Е. Международные межправительственные организации как особый класс организаций // Социологические исследования. - 2011. № 11 (331). С. 79-87.

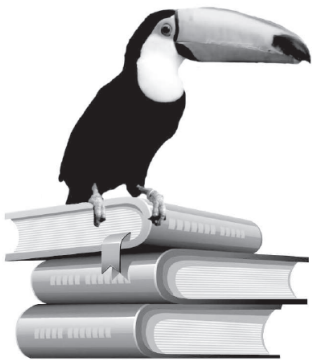
[3] Ткаченко А. Правовая природа международных организаций // Юридический Вестник РГЭУ. - 2023. № 4. С. 37-44.

Spisok literatury:

[1] Bekyashev D.K. Sovremennye pravovye formy uchastiya gosudarstv v deyatel'nosti mezhdunarodnyh organizacij // Lex russica. - 2023. - T. 76. № 5. S. 85-100.

[2] Kutejnikov A.E. Mezhdunarodnye mezhpravitel'svennye organizacii kak osobyj klass organizacij // Sociologicheskie issledovaniya. - 2011. № 11 (331). S. 79-87.

[3] Tkachenko A. Pravovaya priroda mezhdunarodnyh organizacij // Yuridicheskij Vestnik RGEU. - 2023. № 4. S. 37-44.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-331-337

КАСУТИНА Марина Сергеевна,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права
г. Омск, Россия,
e-mail: marinakonisheva95@gmail.com

РОЛЬ СУДЕБНЫХ РЕФОРМ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО СУДА С X В. ДО СЕРЕДИНЫ XX В.

Аннотация. Становление и развитие российского суда имеет продолжительную историю. В статье на основании ряда научных исследований и исторического опыта нашего государства проведен анализ истории развития суда. Ключевыми точками в данном анализе выступают масштабные и комплексные преобразования суда – судебные реформы. Научное сообщество не дает однозначный ответ на вопрос о точном количестве судебных реформ в истории России. В историко-правовой литературе наиболее признаваемыми на сегодня являются следующие судебные реформы: Петра I, Екатерины II, 1864 г., 1922 г., второй половины 1950-х - конца 1960-х гг., 1990-х гг., причем в отношении некоторых сохраняются дискуссионные оценки. Основываясь на концепции того, что в ходе судебной реформы изменению подвергаются сразу три элемента в их совокупности – судостроительство, судопроизводство и статус судей, дается их комплексное описание в ходе реформ Петра I, Екатерины II, реформ 1864 г. и 1922 г. В отношении каждой из выделенных реформ проводится периодизация реализуемых преобразований с выделением этапов их проведения. Итогом судебных реформ выступает совокупность изменений, затрагивающих сферы судостроительства и статуса судей, судопроизводства и обладающих устойчивостью в послереформенный период. Анализируются итоги преобразований по каждой из судебных реформ. Отмечается социальное значение проводимых преобразований. Автором обращается внимание на то, что помимо исследуемых в качестве судебных реформ преобразований, существуют непризнанные в качестве таковых – судебная реформа второй половины 1950-х - конца 1960-х гг., которая нуждается в комплексном исследовании.

Ключевые слова: судебная реформа, судостроительство, судопроизводство, статус судей, Петр I, Екатерина II, судебная реформа 1864 г., судебная реформа 1922 г.

KASUTINA Marina Sergeevna,
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky,
Lecturer, Department of Theory and History of State and Law
Omsk, Russia

THE ROLE OF JUDICIAL REFORMS IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN COURT FROM THE 10TH CENTURY TO THE MIDDLE OF THE 20TH CENTURY

Annotation. The formation and development of the Russian court has a long history. In the article, based on a number of scientific studies and the historical experience of our country, an analysis of the history of the development of the court is carried out. The key points in this analysis are large-scale and complex transformations of the court - judicial reforms. The scientific community does not give an unambiguous answer to the question of the exact number of judicial reforms in the history of Russia. In the historical and legal literature, the most recognized today are the following judicial reforms: Peter I, Catherine II, 1864, 1922, the second half of the 1950s - late 1960s, 1990s, and in relation to some, controversial assessments remain. Based on the concept that during the judicial reform three elements are subject to change in their totality at once - the judicial system, legal proceedings and the status of judges, their comprehensive description is given during the reforms of Peter I, Catherine II, the reforms of 1864 and 1922. For each of the identified reforms, a periodization

of the implemented transformations is carried out with the identification of the stages of their implementation. The result of judicial reforms is a set of changes affecting the spheres of the judicial system and the status of judges, legal proceedings and possessing stability in the post-reform period. The results of the transformations for each of the judicial reforms are analyzed. The social significance of the reforms is noted. The author draws attention to the fact that in addition to the reforms studied as judicial reforms, there are those not recognized as such - the judicial reform of the second half of the 1950s - the end of the 1960s, which requires a comprehensive study.

Key words: *judicial reform, judicial system, legal proceedings, status of judges, Peter I, Catherine II, judicial reform of 1864, judicial reform of 1922.*

Развитие судебной власти в России во многом осуществлялось через комплексные и масштабные преобразования – судебные реформы. Научным сообществом не сформулирован однозначный ответ на вопрос о точном количестве судебных реформ в истории России. В историко-правовой литературе наиболее признаваемыми на сегодня являются следующие судебные реформы: Петра I, Екатерины II, 1864 г., 1922 г., второй половины 1950-х - конца 1960-х гг., 1990-х гг., причем в отношении некоторых сохраняются дискуссионные оценки.

Вопрос о первой в истории российского суда судебной реформе дискуссионен. Полагаем, что первыми и глубинными по своему характеру были преобразования суда в период правления Петра I. Впервые они были оценены в качестве судебной реформы в труде Ю.В. Готье, опубликованном в 1915 г. [1, с. 189-190]. Детальный научный анализ судебной реформы Петра I дан в монографии Д.О. Серова [2].

Анализируя преобразования суда в период правления Петра I в качестве судебной реформы, отметим, что они были вызваны определенными причинами, связанными с кризисным характером дореформенной судебной системы: «единство суда и администрации» при отсутствии судов общей юрисдикции и наличии многих региональных особенностей; отсутствие четкой регламентации инстанционности; устаревание законодательства.

Судебная реформа Петра I осуществлялась в хронологически ограниченный период – 1717-1723-е гг. При этом, представляется возможным выделить этапы ее проведения: 1) 1696-1716 гг. – подготовительный этап, осуществление отдельных преобразований; 2) 1717-1723 гг. – проведение комплексных преобразований; 3) 1724-1727 – оценка результатов и, в связи с этим контрреформаторские мероприятия.

Необходимо отметить волевой, управляемый характер реформы, опирающийся на концепции «полицейского» государства [3, с. 15] и камерализма [4, с. 104-105]. Комплексность и системность преобразований подтверждается воздействием на все три элемента. Прежде всего, менялось судоустройство. Отправной точкой

судебной реформы выступает 1717 г., когда была учреждена Юстиц-коллегия, которая расценивалась как некое «ядро» судебной системы. После создания Юстиц-коллегии в 1718 г. был принят закон в 1718 г., согласно которому судебная система включала в себя: 1. «нижние» суды (городовые и провинциальные), 2. надворные суды, 3. Юстиц-коллегию, 4. Правительствующий Сенат. Причем создаваемые нижние суды, надворные суды и образованную Юстиц-коллегию можно рассматривать как первые суды общей юрисдикции. Законодатель предпринял попытку выделения специализированных судебных органов, к которым относились: военные суды; церковные суды; суды для горожан – магистратские суды; а также органы с судебными полномочиями по государственным преступлениям (Преображенский приказ и Тайная канцелярия); полицеймейстерские суды (Главная полицеймейстерская канцелярия и подчиненная ей Московская полицеймейстерская канцелярия); ряд коллегий (Камер-коллегия, Ревизион-коллегия, Берг-коллегия, Коммерц-коллегия, Вотчинная коллегия); Вышний суд. Подсудность определялась как предметом спора, так и кругом лиц.

Одним из результатов судебной реформы Петра I стало зарождение в России судейского корпуса. Предпринимались шаги по закреплению положений, касающихся статуса судей. Сам термин «судья» стал пониматься как «особое должностное лицо, призванное осуществлять правосудие» [5, с. 52].

Изменения, проводимые в ходе судебной реформы, охватывали и судопроизводство, в основном уголовное. Произошло вычленение стадии следствия, инквизиционный вид уголовного процесса розыскного типа был сменен на следственный [6, с. 121]. Был введен ревизионно-решающий порядок пересмотра судебных актов – направление на утверждение вышестоящих судов судебных актов, вынесенных судами, рассматривающими дела по существу.

Важным признаком судебных реформ выступает закрепление изменений в нормативных правовых актах. Судебная реформа Петра I имела надлежащее законодательное обеспечение. Помимо утвержденных нормативных актов, пыта-

лись создать систематизированный акт в виде Уложения Российского государства, хотя эта работа и не завершилась.

Таким образом, преобразования в ходе судебной реформы Петра I 1717-1723 гг. носили комплексный характер и имели цель по упорядочиванию судебной системы и процесса отправления правосудия. В литературе указывается, что монарх не выделял отдельно судебную реформу, а считал преобразования частью реформы административной [7, с. 27]. Судебная реформа Петра I, проводимая в общем русле всей реформаторской политики была направлена на централизацию государственного аппарата. Социальная направленность реформы была достаточно узкой в условиях абсолютной монархии – она усиливала роль класса феодалов. Однако судебная система в измененном состоянии просуществовала недолго – до конца 1720-х гг.

Дальнейшие преобразования суда в России XVIII в. проводились в период правления Екатерины II, их также надлежит расценивать в качестве судебной реформы. Судебная система второй половины XVIII в. продолжала состоять из большого количества административно-судебных органов. Взойдя на престол в 1762 г., императрица отметила кризисное состояние правосудия, ярким свидетельством его неблагополучия являлось огромное количество фактов взяточничества в судах. Идеи планируемых преобразований суда не были представлены в виде отдельного документа, а включены в текст Наказа Уложенной комиссии и провозглашали: «1) отделение судебной власти от исполнительной; 2) обязательная сила закона; 3) выборность судей, возможность отвода судей и обнародование судебных решений».

Понимая судебную реформу как длящийся процесс, представляется возможным выделить следующие этапы ее проведения: 1) 1767-1774 – осознание необходимости проведения преобразований суда, подготовка проекта планируемых преобразований; 2) 1775-1785 – проведение преобразований на основании базового документа судебной реформы – Учреждения для управления губерний 1775 г.; 3) 1785-1796 – подведение итогов.

Основным нормативным правовым актом судебной реформы выступало «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Задачей преобразований являлось создание эффективного правосудия с отделением суда от административных органов и создании стройной судебной системы. Создавалась система судебных органов: 1) общесословные суды (палаты уголовного и гражданского суда); 2) сословные суды на уровне губернии и уезда (Верхний земский суд,

Верхняя расправа, Губернский магистрат и Нижняя расправа, Нижний земский суд, Городовой магистрат или Ратуша); 3) специальные суды (совестный, сиротский и надворный). Главой судебной системы оставался император. При этом сохранялась практика как можно более редкого осуществления главой государства судебной власти напрямую. В 1763 г. произошла реорганизация Сената. Административные полномочия Сената были ограничены, упрочился его статус высшего контрольного и судебного органа империи.

При этом создать окончательно оформленную единую судебную систему не получилось. Попытка систематизации законодательства в формате нового Уложения в период правления Екатерины II не удалась.

Процессуальные нормы содержались в «Учреждении для управления губерний», по-прежнему применялось Соборное уложение 1649 г. и иные акты. Процесс оставался следственным (инквизиционным), был письменным и закрытым.

Судебная реформа Екатерины II создала совершенно новую судебную систему. В отличие от петровских преобразований, подход к преобразованиям суда был более системным. Впервые судебная реформа проводилась исходя из заранее установленных принципов: сословность, коллегиальность, специализация. Судебная реформа не проводилась изолированно от иных реформ. В целом реформы, реализованные на основе «Учреждений для управления губерний» 1775–1780-х гг., укрепили государственный аппарат, создали условия для более успешного выполнения административных и судебных функций. Позиции дворян в социальной иерархии значительно укрепились, а новая судебная система еще более подчеркнула четкий сословный характер. Это обусловило долгий период ее существования.

Произошедшие в конце XVIII - первой половине XIX вв. изменения судебной системы, учрежденной Екатериной II, не решили всех имевшихся проблем ее функционирования. Основным законодательным актом, определявшим организацию судебных органов в первой половине XIX в., оставались Учреждения для управления губерний 1775 г. Некоторые вопросы судостроительства регулировали и другие акты, помещенные в различных частях Свода законов, издание которого было начато в 1832 г. Государством и обществом осознавались причины необходимости проведения судебной реформы. Судебная система России накануне судебной реформы 1864 г. состояла почти из большого количества судебно-административных органов. Процессу были свойственны неразглашение тайны, письменная форма веде-

ния дел и формализм. Все стадии судебного процесса были полны недостатков и злоупотреблений. Это все приводило к тому, что судоустройство и судопроизводство на практике проявляли себя порочными и несостоятельными. К.Н. Лебедев в дореформенный период писал: «человек, узнавший российское правосудие, может заболеть и помешаться, так оно отвратительно и дурно» [8, с. 241]. Кризис юстиции отражался и в различных поговорках, которые слагал народ, например, «что мне законы, коли судьи знакомы» [9, с. 12]. Несостоятельность суда и правосудия способствовала низкому престижу юстиции, неуважению к закону. Недостатки судебной деятельности объяснялись острым дефицитом квалифицированных юридических кадров. Закон не устанавливал для судей образовательного ценза, даже в Сенате, как указывает Ю.П. Титов, «по данным на 1841 г., числилось 6 человек с высшим образованием» [10, с. 453].

Все это обозначало необходимость проведения судебной реформы. Попытки реформирования суда предпринимались уже с начала XIX в. Разработка судебной реформы была начата в середине 50-х гг. XIX в. В законотворческий процесс были вовлечены многие органы государственной власти, общественность, а также известные специалисты в области права: Д.Н. Блудов, С.И. Зарудный, В.П. Бутков, А.М. Плавский и иные. Осенью 1862 г. были утверждены императором Александром II и официально опубликованы «Основные положения преобразования судебной части в России», которые стали фундаментом проводимой реформы, что напрямую отражает признак о наличии отдельно разработанного проекта судебной реформы, обсужденного в широкой печати.

Преобразование российской судебной системы растянулось на несколько десятилетий: в последнем регионе страны - Закаспийской области, Судебные Уставы были введены в лишь в 1899 г. Представляется возможным выделить этапы судебной реформы: 1) подготовительный этап (1850-е гг. - 1864 г.) – осуществлялась разработка проекта преобразований, подготовка проектов Судебных Уставов; 2) практическая реализация судебной реформы (1864-1899) – введение в действие Судебных Уставов и начало последовавшей за этим «судебной контрреформы».

20 ноября 1864 г. были утверждены Судебные уставы – комплекс кодифицированных правовых актов, составивших правовую базу судебной реформы. Создавалась система местных судов (участковые и почетные мировые судьи, съезды мировых судей) и система общих судебных установлений (окружные суды, охватывавшие территорию нескольких уездов, и судебные палаты,

юрисдикция которых распространялась в пределах нескольких губерний). Объединял всю судебную систему и выступал высшей судебной инстанцией Правительствующий Сенат. Отдельной группой судебных органов были сословно-специализированные суды: волостные, военные, духовные, коммерческие, инородческие.

Деятельность судов строилась на началах коллегиальности, исключение - мировые судьи, рассматривавшие дела единолично. Изменения в ходе судебной реформы касались не только судебной системы, но затрагивали и связанные с ней органы и институты: учреждались институт судебных следователей, адвокатура, суд присяжных; реорганизовывалась прокуратура.

Исследуемая судебная реформа, безусловно, затрагивала область судопроизводства. С. В. Лонская подчеркивает, что «Уставы гражданского и уголовного судопроизводства впервые в отечественной истории кодифицировали нормы процессуального права. Произошло окончательное разделение самого процесса на гражданский и уголовный» [11, с. 93]. Устав гражданского судопроизводства вводил два порядка судопроизводства: общий и простой; административная власть отделялась от судебной; учреждался состязательный процесс; сторонам предоставлялось право на получение квалифицированной юридической помощи; устанавливались правила о доказательствах; предусматривалось участие в гражданском процессе прокурора; устанавливались правила о постановлении вопросов при решении дел, и судам вменялось в обязанность мотивировать свои решения; отменялись штрафы за неправомерные иски и за апелляционные жалобы, признанные судом неправильными; высший надзор за рассмотрением гражданских дел был возложен Сенат; исполнение судебных решений возлагалось на судебных приставов - особых, состоящих при суде чинов. Таким образом, характер гражданского процесса определялся частным интересом, инициативой сторон, наиболее полным воплощением принципа состязательности.

Устав уголовного судопроизводства вводил новый тип уголовного процесса, нацеленный на достижение объективной истины. Устанавливался смешанный следственно-состязательный процесс. Государство в лице следователя начинало уголовное преследование. Следователь был подконтролен прокурору, участвующие в деле лица были вправе подавать жалобы на всякое следственное действие, которые разрешались судом и в судебном заседании. В ходе реформы от формальной теории доказательств судьи переходили к свободной оценке доказательств в соответствии с законом, совестью и внутренним убеждением. Важными принципами, введенными в

уголовный процесс, стали презумпция невиновности, право обвиняемого на защиту. Судебное заседание признавалось главной стадией уголовного судопроизводства. Обвинение и защита являлись равными сторонами.

Детально были определены правила прохождения делом судебных инстанций при их сокращении, что ускорило судопроизводство. Уставы исходили из того, что в первой инстанции дело всегда решается по существу, затем возможно обжалование решения двух типов: «снова по существу (апелляционное) и с точки зрения законности форм судопроизводства (кассационное)» [11, с. 94]. В этой связи выделялись три инстанции, каждая была закреплена за соответствующим звеном судебной системы.

Судебная реформа 1864 г. затрагивала статус судей и иных лиц судебного ведомства. Формирование судейского корпуса осуществлялось как на выборной основе - мировые судьи и съезды мировых судей, так и посредством назначения судей на должности - окружные суды и судебные палаты. Закреплялись квалификационные требования, предъявляемые к кандидатам и порядок их назначения на должности, фиксировались гарантии независимости судей. Регламентировался порядок увольнения и перемещения. В этой связи, справедливо отмечает Т.Н. Ильина, что «залогом успешной реализации судебной реформы являлось развитие юридического образования» [12, с. 38].

Итак, судебная реформа 1864 г. была самой демократичной и наиболее последовательной среди преобразований 60-70 гг. XIX в. Главное достоинство Судебной реформы 1864 г. заключается в том, что она привела к созданию принципиально новой российской судебной системы.

Однако проведение судебной реформы растянулось на многие годы, и при этом судьба Судебных уставов оказалась достаточно сложной. Т.Н. Ильина подчеркивает, что «заложенные в судебных уставах принципы правового государства вступали в конфликт с авторитарной природой российского самодержавия» [13, с. 10]. С нарастанием волны революционного террора усиливался административный надзор за судами, пересматривалась их компетенция и сам процесс, многие новеллы преобразований нивелировались. Однако большое количество идей судебной реформы продолжают оставаться актуальными и сегодня, свидетельствуя о высоком профессионализме ее разработчиков.

В результате октябрьского переворота 1917 г. судебная система Российского государства, установленная Судебными уставами 1864 г. была упразднена. Создавались новые судебные органы. После завершения гражданской войны и

перехода к НЭПу стабилизировались общественные отношения. Была начата кодификация советского законодательства, параллельно с ней возникает необходимость в судебной реформе.

Согласно Положению о судостроительстве, новая судебная система состояла из народных судов, губернских судов и Верховного Суда РСФСР. Вводилась также подсистема специализированных судебных органов, к которым относились, например, военные трибуналы.

Нижестоящей инстанцией и основой судебной системы выступал народный суд, осуществлявший свою деятельность в соответствии с участковым принципом работы в рамках губернии. Определялся правовой статус народных судей, требования к кандидатам на должность, порядок их назначения. При рассмотрении дел обязательное участие принимали народные заседатели, в отношении которых установленные ранее требования были сохранены.

Следующей инстанцией выступал губернский суд. Он рассматривал более сложные и важные гражданские и уголовные дела по первой инстанции, кассационные жалобы и протесты на судебные акты народных судов. Губернский суд состоял из председателя, двух его заместителей, постоянных членов суда и народных заседателей. Структура суда включала пленум, дисциплинарную коллегия и два отдела (гражданский и уголовный).

Высшим звеном судебной системы стал Верховный суд РСФСР. Главной его задачей являлось осуществление надзора за всеми без исключения судебными органами. Он являлся судом первой инстанции по уголовным и гражданским делам, а также кассационной инстанцией по делам, рассматриваемым губернскими судами. Верховный суд действовал в составе Президиума, пленарного заседания и кассационных коллегий (по уголовным и гражданским делам), судебных, военных, военно-транспортных и дисциплинарных коллегий. Создание Верховного суда РСФСР ознаменовало появление ядра судебной системы РСФСР, осуществляющего надзор за нижестоящими звеньями.

Судебная реформа 1922 г. затрагивала также смежные органы власти и институты. Важной ее частью стало возрождение разрушенных большевиками прокуратуры и адвокатуры. Положение об адвокатуре принято ВЦИК 26 мая 1922 г., Положение о прокурорском надзоре - 28 мая 1922 г.

Частью реформы стала кодификация процессуальных отраслей права, непосредственно определяющих порядок судопроизводства по гражданским и уголовным делам: в 1922 - 1923 гг. введены в действие УПК РСФСР и ГПК РСФСР. 25

мая 1922 г. был принят первый УПК РСФСР, который впоследствии 15 февраля 1923 г. был заменен УПК РСФСР 1923 г. Первый УПК РСФСР принимался как закон полностью автономной и независимой страны, УПК РСФСР 1923 г. – как закон союзной республики. Новый кодекс был схож с прежним, но все же отразил некоторые изменения, в частности, была исключена возможность рассмотрения уголовных дел революционными трибуналами и судом в составе народного судьи и шести народных заседателей. В целом же установленный первым УПК РСФСР порядок уголовного судопроизводства остался практически неизменным и продолжал использоваться в течение почти 40 последующих лет.

Как указывает М. С. Строгович, УПК РСФСР 1923 г. был «подлинно кодифицированным и надлежащим образом систематизированным законодательным актом, определяющим порядок уголовного судопроизводства Советской России» [14, с. 113]. УПК РСФСР 1923 г. состоял из шести отделов, которые делились на 32 главы и 465 статей. УПК РСФСР был достаточно логично построен и содержал мало бланкетных положений. УПК РСФСР 1923 определял принципы судопроизводства, первый отдел кодекса включал в себя нормы, применявшиеся на всех стадиях уголовного судопроизводства. Дальнейшие отделы соответствовали стадия уголовного процесса, начиная с предварительного расследования и заканчивая исполнением приговоров. Допускалось кассационное и надзорное обжалование при отсутствии апелляции. УПК РСФСР озаменовал начало новейшей истории уголовного процесса и был положительно оценен профессиональным сообществом.

Проведение НЭПа и развитие гражданского оборота требовали усиления судебной защиты граждан. В этой связи 7 июля 1923 г. ВЦИК был утвержден и введен в действие с 1 сентября 1923 г. ГПК РСФСР. Кодекс был построен по простой системе, включал в себя 5 частей, 36 глав и 316 статей. Первая часть содержала общие для всех стадий гражданского процесса положения. Вторая часть характеризовала исковое производство, третья включала правовое регулирование особых производств, четвертая часть была посвящена обжалованию и пересмотру решений, пятая – исполнению судебных актов.

Суд приступал к рассмотрению дела не иначе как по заявлению заинтересованной в том стороны, причем и в устной форме. Суду отводилась достаточно активная роль в процессе

Таким образом, судебная реформа 1922 г. являлась комплексным преобразованием всей судебной системы, судопроизводства и статуса судей и иных, связанных с судом государственных органов и институтов. Она закладывала основные

принципы построения и деятельности судебной системы. В результате нее создавалась единая судебная система с четко определенной компетенцией каждого из звеньев, что упрощало порядок обращения в суд и делало его понятным. В ходе нее достаточное внимание было уделено разработке процессуальных кодексов, кодификационные работы велись достаточно интенсивно и в короткие сроки удалось упорядочить несистематизированные нормы различных отраслей права. При этом организация судебной системы носила централизованный характер, это обуславливалось усилением партийно-государственного контроля. Таким образом, идеология реформы была выстроена в соответствии с классовым принципом, идентифицировавшим главную задачу суда: «обеспечение воли пролетариата, руководствуясь принятыми партией декретами» [15, с. 163].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что судебные реформы отражают путь развития судебной системы. Всего до 1991 г. в истории нашей страны состоялось пять судебных реформ: судебная реформа Петра I, судебная реформа Екатерины II, судебная реформа 1864 г., судебная реформа 1956-1964-х гг. Не все из обозначенных нами реформ являются признанными в качестве таковых, преобразования суда середины XX в. не были восприняты в качестве судебной реформы и нуждаются в дальнейшем комплексном исследовании.

Список литературы:

- [1] Готье Ю.В. Отделение судебной власти от административной // Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского; При ближайшем участии М. Н. Гернета, А. Э. Вормса, Н. К. Муравьева и А. Н. Паренаго. – М.: Объединение, 1915. в 2 т. Т.1;
- [2] Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование: монография. Москва: Зерцало-М, 2009. 488 с.
- [3] Хрусталева Л.А. Судебно-правовые реформы Петра (конец XVII — первая четверть XVIII вв.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. / Хрусталева Лев Алексеевич; [Место защиты: ГОУВПО «Московская государственная юридическая академия»]. Москва, 2003.
- [4] Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра великого в первой четверти XVIII века / РАН. Ин-т рос. истории. С.-Петерб. фил. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
- [5] Тиганов А.И. Правовой статус судей в России в XVII - начале XX века: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тиганов Александр Иванович; [Место защиты: Юго-Зап. гос. ун-т]. Курск, 2012.

[6] Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб.: «Наука», 2000.

[7] Домрачев И.Г. Судебные преобразования в России XVIII - XX вв.: позитивные и негативные результаты: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Домрачев Иван Гарриевич; [Место защиты: Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний]. Нижний Новгород, 2008. С.27.

[8] Лебедев К.Н. Записки // Русский архив. 1910. № 10.

[9] Юридические пословицы и поговорки русского народа: опыт систематического собрания/ Сост. И.И. Иллюстров. М., 1885. С. 12.

[10] История государства и права СССР / Под ред. Ю.П. Титова. М., 1988. С. 453.

[11] Лонская С.В. Российские судебные реформы. XVIII-XX века: Учеб.пособие. Калининград: Изд-во КГУ, 2003.

[12] Ильина Т. Н. Взаимосвязь судебной реформы 1864 года и преобразований в сфере образования в России во второй половине XIX века / Т. Н. Ильина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9-2.

[13] Ильина Т. Н. Какая была судебная реформа 1864 года? (вместо предисловия) / Т. Н. Ильина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2024. № 4.

[14] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. М.: Наука, 1968.С.113.

[15] Рябцева Е. В. Судебные реформы в первые годы советской власти // Труды Института государства и права РАН. 2022. №3. С.163.

Spisok literatury:

[1] Got'e YU.V. Otdelenie sudebnoj vlasti ot administrativnoj // Sudebnaya reforma / Pod red. N. V. Davydova i N. N. Polyanskogo; Pri blizhajshem uchastii M. N. Gerneta, A. E. Vormsa, N. K. Murav'eva i A. N. Parenago. - M.: Ob"edinenie, 1915. v 2 t. T.1;

[2] Serov D. O. Sudebnaya reforma Petra I: Istoriko-pravovoe issledovanie: monografiya. Moskva: Zercalo-M, 2009. 488 s.

[3] Hrustalev L.A. Sudebno-pravovye-reformy Petra (konec XVII — pervaya chetvert' XVIII vv.): dis.

... kand. jurid. nauk: 12.00.01. / Hrustalev Lev Alekseevich; [Mesto zashchity: GOUVPO «Moskovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya»]. Moskva, 2003.

[4] Anisimov E. V. Gosudarstvennye preobrazovaniya i samoderzhavie Petra velikogo v pervoj chetverti XVIII veka / RAN. In-t ros. Istorii. S.-Peterb. Fil. - SPb.: Dmitrij Bulanin, 1997.

[5] Tiganov A.I. Pravovoj status sudej v Rossii v XVII - nachale XX veka: istoriko-pravovoe issledovanie: dis ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / Tiganov Aleksandr Ivanovich; [Mesto zashchity: YUgo-Zap. gos. un-t]. Kursk, 2012.

[6] Smirnov A. V. Modeli ugovolnogo processa. SPb.: «Nauka», 2000.

[7] Domrachev I.G. Sudebnye preobrazovaniya v Rossii XVIII - XX vv.: pozitivnye i negativnye rezul'taty: dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.01 / Domrachev Ivan Garrievich; [Mesto zashchity: Vladimir. yurid. in-t Feder. sluzhby ispolneniya nakazaniy]. Nizhnij Novgorod, 2008. S.27.

[8] Lebedev K.N. Zapiski // Russkij arhiv. 1910. № 10.

[9] YUridicheskie poslovicy i pogovorki russkogo naroda: opyt sistematicheskogo sobraniya/ Sost. I.I. Illyustrov. M., 1885. S. 12.

[10] Istoriya gosudarstva i prava SSSR / Pod red. YU.P. Titova. M., 1988. S. 453.

[11] Lonskaya S.V. Rossijskie sudebnye reformy. XVIII-XX veka: Ucheb.posobie. Kaliningrad: Izd-vo KGU, 2003.

[12] Il'ina T. N. Vzaimosvyaz' sudebnoj reformy 1864 goda i preobrazovanij v sfere obrazovaniya v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka / T. N. Il'ina // Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs. 2014. № 9-2.

[13] Il'ina T. N. Kakaya byla sudebnaya reforma 1864 goda? (vmesto predisloviya) / T. N. Il'ina // Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs. 2024. № 4.

[14] Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. T.1. M.: Nauka, 1968.S.113.

[15] Ryabceva E. V. Sudebnye reformy v pervye gody sovetskoj vlasti // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2022. №3. S.163.

ШАХМАМЕТЬЕВ Алексей Алимович,
доцент кафедры административного и финансового права
МГИМО МИД России, доктор юридических наук,
e-mail: a.shachmametiev@inno.mgimo.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ КАК ИСТОЧНИКИ ВАЛЮТНОГО ПРАВА¹

Аннотация. Стремительное развитие экономических, гуманитарных, культурных связей со второй половины прошлого века обусловило необходимость согласования и формализации на межгосударственном уровне правил регулирования валютных отношений. Такие правила затрагивают наиболее важные аспекты функционирования международной валютной системы, могут получать закрепление в «классических» многосторонних или двусторонних международных договорах, в актах международных организаций. Динамика и цикличность мировой экономики отражаются на моделях взаимодействия разных валют, национальных режимах валютного регулирования. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость изучения международных правил валютного регулирования, анализа перспектив их развития.

Ключевые слова: источники права, валютное право, международные валютные отношения, валютное регулирование, валютный контроль, международные договоры, валютная интеграция.

SHACHMAMETIEV Alexey Alimovich,
associate professor of the department
administrative and financial law
MGIMO University, doctor of law

INTERNATIONAL ACTS AS SOURCES OF CURRENCY LAW

Annotation. Rapid economic development, humanitarian and cultural ties since the second half of the last century have increased the need to coordinate and formalize at the interstate level the rules for regulating currency relations. Such rules affect the most important aspects of the functioning of the international monetary system and can be enshrined in “classical” multilateral or bilateral international treaties and in acts of international organizations. The dynamics and cyclicity of the world economy are reflected in the models of interaction of different currencies, national currency regulation regimes. This, in turn, determines the need to study international currency regulation rules, analyze the prospects for their development.

Key words: sources of law, currency law, international currency relations, currency regulation, currency control, international treaties, currency integration.

Введение. Мировая валютная система как совокупность национальных (суверенных) денежных систем и среда их взаимодействия регулируется правовыми актами, издаваемыми органами власти отдельных государств (юрисдикций), международно-правовыми нормами, стандартами, рекомендациями, принимаемыми на двусторонней или многосторонней основе, а также в рамках интеграционных межгосударственных объединений.

Вначале следует отметить, что в механизме регулирования международных валютных отношений существенное значение имеют политические решения, номинально не облеченные в форму источников права. Такие акты часто служат вектором дальнейших действий, в том числе нормотворческого процесса. Играя вспомогательную роль в системе источников международного валютного права (далее также «МВП»), политические нормы создают необходимую для приня-

¹ Материал подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «Консультант-Плюс». Если специально не указано иное, в статье использованы электронные версии документов и материалов из указанной системы.

тия правовых актов организационно-политическую основу, легитимируя процесс нормотворчества.

Можно заметить, что это не является особенностью новейшего времени. В качестве примера можно вспомнить о массовом переходе со второй половины XIX в. государств Европы к золотовалютному стандарту. Иногда в научной и учебной литературе утверждается, что это стало следствием реализации договоренностей Парижской валютно-финансовой конференции 1867 г. Но факт проведения таковой документально не подтверждается. Скорее, речь идет о неформальном обсуждении, которое могло состояться на уровне глав государств и их представителей в кулуарах другого мероприятия – Всемирной выставки в Париже 1867 г. [1, с. 28–29].

Международно-правовые принципы и нормы в российской правовой системе. Конституция РФ закрепляет в общей форме приоритет норм международного права: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (п. 4 ст. 15). Аналогичное положение закреплено в Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (ст. 5) и Федеральном законе от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (ч. 2 ст. 4).

Непосредственное действие норм международного права не означает их «автоматического» применения помимо национальной правовой системы. Конституция РФ не определяет условий ратификации и иных специальных процедур по «внедрению» международных договоров в российскую правовую систему. Данные процедуры регламентируются Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации».

Классификация международно-правовых актов. Классификация международно-правовых источников межгосударственного сотрудничества по валютным вопросам и регулирования валютных отношений с иностранным элементом может быть различной. Это закономерно, учитывая и многообразие таких источников, и широкий выбор критериев классификации.

В качестве примера и основы дальнейшего изложения может быть предложена хотя и достаточно консервативная, но функциональная и относительно универсальная классификация, в которой используется совокупность следующих крите-

риев: предмет правового регулирования либо сфера применения, юридический статус, состав участников, уровень их представительства. С учетом этого можно выделить (с возможностью дальнейшей классификационной детализации) следующие основные виды международно-правовых источников МВП:

а) акты, аккумулирующие общепризнанные принципы и нормы международного права;

б) документы, содержащие принципы и нормы МВП, определяющие правовые основные правила функционирования международной валютной системы;

в) двусторонние и ограниченные многосторонние международные соглашения по валютным вопросам, т.е. касающиеся взаимодействия государств в валютной сфере и регулирования отдельных видов валютных операций, взаимодействия национальных денежных систем и т.п.;

г) рекомендательные юридические акты, вырабатываемые в рамках деятельности международных организаций и форумов.

Акты, аккумулирующие общепризнанные принципы и нормы международного права.

Общепризнанные принципы и нормы международного права не содержатся в каком-либо отдельном правовом акте, отсутствует и их установленный свод. В международной практике под ними подразумевают обычные нормы, складывающиеся под влиянием фактического поведения государств, расцениваемые ими в качестве общеобязательных. Данные принципы и нормы находят формализацию в международных договорах и иных документах по конкретным предметам регулирования либо в результате систематизации и кодификации международного права [2, с. 2–8].

Стоит отметить, что одна и та же норма, сложившаяся в отношениях между государствами и зафиксированная на определенном этапе в договоре, может выступать и как конвенционная (для стран – участниц этого договора), и как обычная (для третьих стран, не являющихся стороной данного договора). Примером могут служить положения правовой системы МВФ или ВТО, получившие широкое распространение в отношениях между странами, формально не являющихся участниками данной системы.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» названы некоторые источники общепризнанных принципов и норм международного права (п. 5). В частности, в нем отмечается, что они закреплены в международных пактах, конвенциях и иных документах (например, во Всеобщей декларации прав

человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах). Более детально содержание общепризнанных принципов и норм международного права разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», в котором сказано, что под такими принципами «следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. К общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений» (п. 1 Постановления).

Нормы международного валютного права, принятые в рамках деятельности международных организаций и форумов. Развитие международной экономической деятельности и мировой торговли, потребности либерализации их условий предопределили вектор усилий стран мирового сообщества к согласованию правил валютных операций. Эффективными формами реализации такого сотрудничества выступают:

а) решение проблем мировой валютной системы в качестве самостоятельного направления в рамках деятельности универсальных международных организаций;

б) создание специализированных международных организаций и проведение многосторонних форумов, специально занимающихся решением проблем мировой валютной системы (в целом или в отдельных сферах деятельности).

Правовой анализ деятельности международных организаций представляется более содержательным не в форме их абстрактного изложения, а в контексте рассмотрения конкретных аспектов правового регулирования отдельных институтов МВП и международного сотрудничества по валютным вопросам. В частности, правовые документы международных организаций (МВФ, БМР, ВТО) являются важным источником

норм, лежащих в основе правил текущих валютных операций, конвертируемости национальных валют и проч.

Международные соглашения по валютным вопросам. Международные соглашения по валютным вопросам как по общему их количеству, так и по охватываемым вопросам и уровню правовой детализации являются наиболее представительным видом рассматриваемых источников международно-правовых норм. В связи с этим рассматриваемое объединение источников можно дополнительно классифицировать на несколько групп (или подвидов).

1. *Общие (политические) соглашения, содержащие условия сотрудничества государств и фиксирующие их принципиальные договоренности в решении проблем мировой валютной системы.* В качестве примера здесь можно назвать Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, в котором государства-участники, отметили значение валютно-финансовых вопросов для развития международной торговли и выразили стремление решать их таким образом, чтобы содействовать устойчивому росту товарооборота.

2. *Международные соглашения, определяющие условия экономической интеграции государств.* Экономические отношения непосредственно затрагивают валютные вопросы, поэтому в указанных соглашениях им также уделяется внимание. Например, к таким договорам относятся международно-правовые документы, лежащие в основе создания таможенного и экономического союза европейских государств и интеграции России с государствами – бывшими республиками в составе Союза ССР.

3. *Соглашения, имеющие основной целью регулирование отношений государств в валютной сфере* (Правительством РФ подготовлен проект типового Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительствами иностранных государств о сотрудничестве и взаимной помощи в области валютного и экспортного контроля). Учитывая предмет данных соглашений, их условно можно определить как валютные и разделить на несколько подгрупп.

Во-первых, многосторонние соглашения, охватывающие широкий круг вопросов, касающихся функционирования мировой валютной системы. Наиболее важное значение здесь сохраняют Статьи Соглашения МВФ (Устав МВФ).

Во-вторых, соглашения, определяющие общие правила взаимодействия государств в валютной сфере, а также предусматривающие гармонизацию и унификацию их валютных законодательств. Такие соглашения обычно заключаются (на различных уровнях) в рамках интеграци-

онного объединения государств, выступая одним из элементов его правовой основы (например, Соглашение об основных принципах политики в области валютного регулирования и валютного контроля в государствах-участниках СНГ от 18 октября 2011 г.).

В-третьих, специальные (или ограниченные) валютные соглашения:

- в области предоставления финансовой помощи, например, со стороны МВФ государствам-членам) или кредитования государствами МВФ, а также в иных форматах (например, Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС от 15 июля 2014 г.);

- о порядке расчетов (клиринге) (например, Торговое и платежное соглашение между СССР и Турецкой Республикой от 8 октября 1937 г.);

- о порядке погашения межгосударственных кредитов (суверенных займов) (например, Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Алжирской Народной Демократической Республики о порядке урегулирования платежей по специальным кредитам, предоставленным для финансирования поставок в Алжир специального имущества, от 22 декабря 1992 г.);

- о защите инвестиций, в которых обычно предусматриваются гарантии инвесторам по свободе платежей в связи с инвестициями (например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций от 29 сентября 2014 г.);

- о порядке валютного обмена (например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики о взаимных обязательствах в связи с введением национальной валюты Эстонской Республики от 20 июня 1992 г.);

- о правилах использования валюты одного государства на территории другого (например, Соглашение о взаимных обязательствах и требованиях, связанных с использованием рубля - валюты Российской Федерации в качестве законного платежного средства на территории Республики Армения от 25 июня 1993 г.);

4. *Соглашения по вопросам международного информационного, административного и правового сотрудничества в валютной сфере (включая правоохранительные аспекты).* Данные соглашения могут заключаться на межгосударственном (межправительственном) уровне и между ведомствами двух или нескольких стран (например, Договор о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или)

денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза от 20 июля 2011 г.; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в области валютного контроля от 25 апреля 1996 г.).

5. *Международные соглашения, включающие положения, регулирующие отдельные аспекты взаимоотношений государств в валютной сфере.* Например, договоры, определяющие общий режим торгово-экономических отношений между государствами (например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о торгово-экономическом сотрудничестве от 14 мая 1999 г.). В них, как правило, затрагиваются вопросы, в частности, касающиеся расчетов, режима отдельных операций. К этой же группе можно отнести договоры о взаимоотношениях международных организаций со странами местонахождения этих организаций (представительств их органов). В данных актах определяются правила размещения и функционирования организаций на территории принимающей страны, предоставления налоговых льгот для этих организаций и их сотрудников, а также представительств государств при этих организациях (например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Международным валютным фондом о Постоянном представительстве Международного валютного фонда в Российской Федерации от 24 сентября 1997 г.).

Акты, вырабатываемые в рамках деятельности международных организаций и форумов. К источникам МВП относятся акты международных организаций. Эти акты могут носить обязательный или рекомендательный характер для государств-членов, могут использоваться и иными странами.

Как отметил К.Б. Роуз, МВФ в рамках выполнения своих функций и оказания содействия государствам-членам в поддержании финансовой стабильности признает 12 приоритетных областей деятельности, требующих разработки общих принципов, рекомендаций, стандартов. К таким областям относятся:

- 1) бухгалтерский учет;
- 2) аудит;
- 3) противодействие отмыванию денежных средств и финансированию терроризма;
- 4) банковский надзор;
- 5) корпоративное управление;
- 6) раскрытие информации;
- 7) фискальная прозрачность;
- 8) банкротства и защита прав кредиторов;
- 9) страховой надзор;
- 10) прозрачность финансовой политики;

11) платежная система;

12) регулирование рынка ценных бумаг [3, с. 23].

Здесь в качестве примеров можно привести подготовленные МВФ: Специальный стандарт в отношении раскрытия информации (1996), Общая система раскрытия информации (1997), Кодекс надлежащей практики по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере (2007).

Международная судебная практика.

Результаты рассмотрения споров субъектов международных валютных отношений приобретают важное значение в системе источников МВП, если это непосредственно связано с публично-правовой составляющей регулирования таких отношений. В качестве примера можно назвать судебные решения, связанные с попытками противостоять валютным ограничениям, введенным в США в начале 1930-х годов [4], а также обширную судебную практику по вопросу применения п. (b) разд. 2 ст. VIII Устава МВФ [5].

Межгосударственная интеграция и развитие источниковой базы. Современная мировая экономика не только стимулирует интенсификацию международного обмена, увеличение его объемов и расширение субъектного состава участников, но и создает предпосылки для развития интеграционных объединений государств. Центральное место в обеспечении этой деятельности на этапах углубленной интеграции занимает совместное регулирование валютных и денежно-кредитных отношений. В настоящее время Россия формально остается участницей или выступает за развитие экономической интеграции в рамках:

- Содружества Независимых Государств (СНГ);
- Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь;
- Евразийского экономического союза.

Приходится признать, что опыт многолетнего участия Российской Федерации в проектах интеграции с соседними государствами дает многочисленные примеры как непоследовательности стран-участниц в достижении поставленных целей, так и недостаточности и неэффективности используемых для их решения средств. В качестве примера договоров по вопросам валютного регулирования, принятых в рамках интеграционных процессов с участием России, можно назвать:

- Соглашение о согласованных принципах валютной политики от 9 декабря 2010 г.;
- Договор о согласованной валютной политике государств - участников Соглашения о согласованных принципах валютной политики от 9 декабря 2010 г. от 12 декабря 2011 г.;

– Договор о взаимодействии уполномоченных органов государств - участников Соглашения о согласованных принципах валютной политики от 9 декабря 2010 года, осуществляющих валютный контроль, от 15 декабря 2011 г.

Данные акты утратили силу в связи с принятием Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. При этом их положения в целом были воспроизведены в его тексте (Раздел XIV) и в Приложении № 14 к этому Договору.

Список литературы:

[1] Подробнее см.: Катаонов В.Ю. Бреттон-Вудс: ключевое событие мировой финансовой истории. М.: Издательский дом «Кислород», 2014. С. 28–29.

[2] См., например: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24 октября 1970 г. Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 2–8.

[3] См.: Роуз К.Б. Механизмы и пределы влияния США в МВФ. Аналит. обзор. М.: РАН. ИНИОН, 2013. С. 23.

[4] Подробнее см.: Любимов Н.Н. Международное государственное кредит. М.: Госфиниздат, 1944.

[5] Подробнее см.: Эбке В. Международное валютное право. М.: Международные отношения, 1997.

Spisok literatury:

[1] Podrobnее sm.: Katasonov V.YU. Bretton-Vuds: klyuchevoe sobytie mirovoj finansovoj istorii. M.: Izdatel'skij dom «Kislorod», 2014. S. 28–29.

[2] Sm., naprimer: Deklaraciya o principah mezhdunarodnogo prava, kasayushchihsya druzhestvennyh otnoshenij i sotrudnichestva mezhdugosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom Organizacii Ob»edinennyh Nacij (prinyata 24 oktyabrya 1970 g. Rezolyuciej 2625 (XXV) na 1883-m plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON) // Mezhdunarodnoe publichnoe pravo. Sbornik dokumentov. T. 1. M.: BEK, 1996. S. 2–8.

[3] Sm.: Rouz K.B. Mekhanizmy i predely vliyaniya SSHA v MVF. Analit. obzor. M.: RAN. INION, 2013. S. 23.

[4] Podrobnее sm.: Lyubimov N.N. Mezhdunarodnyj gosudarstvennyj kredit. M.: Gosfinizdat, 1944.

[5] Podrobnее sm.: Ebke V. Mezhdunarodnoe valyutnoe pravo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1997.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-343-350

КРИВЕЛЬСКАЯ Ольга Валентиновна,
заместитель заведующего
кафедрой административного и финансового
права по научной работе МГИМО МИД России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: o.krivelskaya@inno.mgimo.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ВЫЯВЛЯЕМЫХ В ХОДЕ КОНТРОЛЬНО- НАДЗОРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу правоприменительной и нормативной практики привлечения к административной ответственности за нарушение обязательных требований в контексте реформирования системы государственного и муниципального контроля (надзора) в Российской Федерации. Автор исследует проблемы, возникающие при возбуждении дел об административных правонарушениях вне рамок контрольных мероприятий, с акцентом на правовые коллизии, вызванные изменениями, внесёнными в статью 28.1 КоАП РФ Федеральным законом № 290-ФЗ, и Постановлением Правительства РФ № 336 от 10 марта 2022 года.

В работе выявляется отсутствие единообразия в судебной практике, особенно в вопросах допустимости возбуждения дел при отсутствии предварительного контрольного мероприятия и понуждения к исполнению предписаний до вступления в силу судебных актов. Рассматриваются правовые позиции судов различных инстанций, приводятся конкретные примеры из судебной практики, а также даётся оценка разъяснениям профильных федеральных органов исполнительной власти.

В результате проведённого анализа делается вывод о необходимости системной унификации правоприменительных подходов, устранения противоречий в нормативной базе и обеспечения баланса между защитой прав хозяйствующих субъектов и реализацией публичных функций контроля.

Ключевые слова: административная ответственность, обязательные требования, государственный контроль, возбуждение дела, КоАП РФ, судебная практика, правовая неопределённость.

KRIVELSKAYA Olga Valentinovna,
Deputy Head of the Department
of Administrative and Financial Law for Scientific Work
of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

ACTUAL PROBLEMS OF EXTRAJUDICIAL AND JUDICIAL RESOLUTION OF CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES DETECTED DURING CONTROL AND SUPERVISORY MEASURES

Annotation. The article is devoted to the analysis of law enforcement and regulatory practice of bringing to administrative responsibility for violation of mandatory requirements in the context of reforming the system of state and municipal control (supervision) in the Russian Federation. The author explores the problems that arise when cases of administrative offenses are initiated outside the framework of control measures, with an emphasis on legal conflicts caused by amendments to

Article 28.1 of the Administrative Code of the Russian Federation by Federal Law No. 290-FZ and Decree of the Government of the Russian Federation No. 336 dated March 10, 2022.

The work reveals a lack of uniformity in judicial practice, especially in matters of the admissibility of initiating cases in the absence of a preliminary control measure and enforcement of orders before the entry into force of judicial acts. The legal positions of courts of various instances are considered, specific examples from judicial practice are given, and explanations of relevant federal executive authorities are evaluated.

As a result of the analysis, it is concluded that it is necessary to systematically unify law enforcement approaches, eliminate contradictions in the regulatory framework and ensure a balance between protecting the rights of business entities and implementing public control functions.

Key words: *administrative responsibility, mandatory requirements, state control, initiation of proceedings, Administrative Code of the Russian Federation, judicial practice, legal uncertainty.*

Административная ответственность квалифицируется в качестве самостоятельной формы юридической ответственности, наступающей вследствие совершения административных правонарушений — противоправных деяний, затрагивающих общественные отношения, охраняемые нормами административного законодательства, и влекущих применение предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях мер административного взыскания [2].

На современном этапе развития правовой системы Российской Федерации, в условиях реализации концепции реформирования института государственного контроля (надзора), одной из наиболее острых проблем, стоящих перед уполномоченными органами исполнительной власти, остаётся применение механизмов привлечения к административной ответственности. Указанная проблема обусловлена неоднородностью и несбалансированностью нормативных новелл, содержащихся в обновлённом законодательстве, которые, несмотря на провозглашённую цель повышения эффективности регулирования общественных отношений, нередко вступают в противоречие с фактическими условиями осуществления контрольно-надзорной деятельности.

Таким образом, вступление в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [3] обусловило, с одной стороны, создание обновлённого нормативно-правового фундамента, рассчитанного на модернизацию контрольно-надзорного механизма в условиях ускоренной трансформации современных социально-экономических реалий. С другой стороны, данные правовые акты существенно усложнили практику применения административно-правовых механизмов, особенно в части пресечения нарушений обязательных требований, включая инициирование процедур привлечения подконтрольных субъектов к административной ответственности, что обусловлено как возросшей нормативной нагрузкой, так и

отсутствием унифицированных правоприменительных алгоритмов.

Р.Ю. Ромашов интерпретирует институт обязательных требований в административно-правовой сфере в качестве сложной, иерархически организованной нормативной конструкции, представляющей собой совокупность разнохарактерных по содержанию и форме правовых предписаний. Эти предписания охватывают условия, ограничения, запреты, юридические обязанности и иные требования, имеющие прямую связь с осуществлением предпринимательской или иной хозяйственной деятельности. Особенность данного института заключается в том, что правомерность соблюдения соответствующих требований подлежит проверке исключительно в пределах осуществления процедур государственного или муниципального контроля (надзора), а также при реализации механизмов привлечения к административной ответственности и применения иных установленных законом форм надзорной оценки, включая экспертизу [17, с.232].

В свою очередь, В.А. Селезнев предлагает трактовать нарушение обязательных требований как самостоятельный вид противоправного поведения хозяйствующих субъектов — юридических лиц либо индивидуальных предпринимателей. Данное поведение выражается в бездействии либо в ненадлежащем исполнении ими установленных на уровне федерального законодательства или законодательства субъектов Российской Федерации запретов, дозволений и иных императивных предписаний. Подобные правонарушения, как правило, выявляются в ходе осуществления публичной административной контрольной (надзорной) деятельности и, как указывает автор, причиняют устранимый (обратимый) вред. В силу этого они служат основанием для применения к правонарушителю административно-принудительных мер пресекательно-восстановительного характера [18].

Заслуживает внимания тот факт, что с 10 марта 2022 г. обрёл юридическую силу правительственный акт Российской Федерации — Поста-

новление № 336 от 10.03.2022 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), а также муниципального контроля» [6]. Принятие данного нормативного акта было направлено на реализацию задач по стабилизации экономической обстановки в условиях внешнеэкономических и внутренних вызовов, а также на снижение избыточного административного давления на предпринимательское сообщество со стороны контрольно-надзорных органов.

Согласно предписаниям, изложенным в пункте 9 вышеуказанного нормативного акта, уполномоченное должностное лицо обладает правом инициировать производство по делу об административном правонарушении исключительно в пределах, прямо предусмотренных действующим законодательством. Реализация данного полномочия допустима при наличии объективных признаков противоправного деяния, выражающихся в нарушении обязательных требований, подлежащих проверке в ходе осуществления мероприятий по государственному либо муниципальному контролю (надзору).

Внесённые Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 290-ФЗ изменения в статью 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях повлекли за собой дополнительное усиление нормативной неопределённости [4]. Новая редакция, представленная частью 3.1 указанной статьи, устанавливает, что возбуждение административного дела по фактам несоблюдения обязательных требований, подлежащих контролю со стороны уполномоченных государственных либо муниципальных органов, допускается лишь по итогам проведённого контрольного мероприятия с обязательным участием субъекта предполагаемого нарушения, за исключением прямо предусмотренных законом ситуаций.

Эти изменения породили ряд правовых коллизий и трудностей как в применении, так и в интерпретации данных нормативных положений со стороны государственных контрольных органов, органов прокуратуры и судебных инстанций. Высший судебный орган Российской Федерации подчеркнул, что нововведения, установленные Правительством РФ, не исключают использования процедурных механизмов КоАП РФ, предусмотренных для сбора доказательств и ведения дела, включая возможность административного расследования [11].

В письме Министерства экономического развития Российской Федерации от 24 марта 2022 года № Д24и-8436 подчёркивается, что установленные пунктом 9 постановления Правительства РФ от 10 марта 2022 года № 336 ограничения охватывают исключительно процессуальные

аспекты начала производства по делам об административных правонарушениях, а именно составление протоколов, проведение административных расследований, а также реализацию иных полномочий, предусмотренных частью 4 статьи 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [7].

Между тем, иная трактовка изложена в официальном письме Минэкономразвития России от 25 марта 2022 года № 10429-АХ/Д24и, где зафиксирована противоположная по содержанию правовая позиция. В соответствии с данным разъяснением, в целях недопущения использования фиктивных оснований для привлечения субъектов к административной ответственности с целью обхода действующего моратория на осуществление контрольных мероприятий, пункт 9 вышеуказанного постановления рассматривается как нормативное предписание, прямо запрещающее возбуждение дел об административных правонарушениях. Запрет распространяется на случаи, когда нарушение затрагивает обязательные требования, подлежащие проверке в рамках мероприятий государственного или муниципального контроля (надзора), за исключением надзора в отношении деятельности органов публичной власти и местного самоуправления. Следовательно, инициирование административного производства в подобных условиях правомерно исключительно при наличии документированных результатов контрольного (надзорного) мероприятия, проведённого во взаимодействии с контролируемым субъектом, и отражённых в соответствующем акте [8].

Между тем, органы прокуратуры Российской Федерации в своей правоприменительной практике придерживаются прямо противоположного подхода. В частности, прокуроры исходят из того, что инициирование процедуры административного расследования либо возбуждение дела по признакам административного правонарушения, обнаруженного вне рамок планового или внепланового контрольного мероприятия, противоречит установленному правовому порядку. В соответствии с их позицией, положения пункта 9 вышеуказанного постановления предполагают запрет на применение мер административной ответственности к субъекту предпринимательской деятельности в случае, если факт нарушения обязательных требований был выявлен в обход процедур государственного контроля (надзора), без проведения предусмотренных законом мероприятий взаимодействия и последующего документирования [19].

Рассмотрение указанной проблематики невозможно без обращения к конкретному примеру из правоприменительной практики. Например, формулирование в договоре купли-продажи

условий, которые в своей сущности ущемляют либо ограничивают установленные законом права потребителя, образует юридический факт, обладающий признаками административного правонарушения, подпадающего под диспозицию части 2 статьи 14.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Указанные положения, вступающие в противоречие с нормативными предписаниями статьи 16 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей» [5], квалифицируются как нарушение обязательных требований законодательства, в связи с чем объективно могут служить достаточным основанием для инициирования производства по делу об административном правонарушении в порядке, определённом статьёй 28.1 КоАП РФ, органами исполнительной власти, наделёнными полномочиями по осуществлению государственного надзора в области защиты прав потребителей, включая федеральную службу Роспотребнадзора.

Однако с учётом действующего законодательства, включая указанные выше ограничения, реализация полномочий по возбуждению производства по делу либо отказу в его возбуждении становится юридически затруднительной. Отсутствие предварительного контрольного мероприятия, проведённого с соблюдением процессуальных требований, препятствует вынесению легитимного процессуального акта, что фактически блокирует применение административной ответственности к нарушителю даже при наличии состава правонарушения.

В соответствии с правовой позицией, выраженной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 30 марта 2021 года № 9-П [9], подлежит следующему толкованию: если в адрес уполномоченного органа поступает обращение от гражданина либо организации, содержащее сведения, свидетельствующие о признаках административного правонарушения, должностное лицо, обладающее соответствующей компетенцией, обязано провести рассмотрение указанных данных, независимо от процессуальной формы предварительной проверки изложенных обстоятельств. В случае, если по итогам указанной проверки будет сделан вывод о недостаточности сведений для начала производства по делу об административном правонарушении, уполномоченное лицо обязано оформить мотивированное постановление об отказе в возбуждении дела.

Одновременно надлежит принимать во внимание, что статьёй 24.5 КоАП РФ предусмотрен исчерпывающий перечень правовых оснований, позволяющих правомерно отказать в инициировании административного производства. Однако на

практике контрольные (надзорные) органы, сталкиваясь с невозможностью инициировать контрольные мероприятия в условиях действия ограничительных режимов на проведение проверок, оказываются в правовой дилемме. В ряде случаев указанные органы либо уклоняются от предоставления мотивированного ответа по существу поступившего обращения, либо выносят формальные и юридически необоснованные определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, что является прямым нарушением требований действующего законодательства Российской Федерации.

В условиях актуального этапа эволюции административно-деликтного регулирования в Российской Федерации, на основе анализа правоприменительной практики за период 2021–2024 годов выявляется устойчивая тенденция, указывающая на отсутствие согласованности в судебной интерпретации вопроса о правомерности инициирования дел об административных правонарушениях вне пределов проведения контрольных (надзорных) процедур. Наиболее остро это проявляется в интерпретации положений части 3.1 статьи 28.1 КоАП РФ, которая устанавливает необходимость предварительного проведения контрольного мероприятия с участием контролируемого субъекта как условие законности возбуждения дела.

Суды различных инстанций по-разному толкуют указанную норму, что приводит к противоречивым правовым позициям и коллизиям с положениями статьи 24.5 КоАП РФ, закрепляющей исчерпывающий перечень оснований для отказа в возбуждении дела об административном правонарушении. Эти расхождения в судебной практике порождают угрозу нарушений конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ [1]), поскольку при формальном следовании процедурным запретам контролируемые лица могут быть лишены эффективных механизмов защиты от фактически совершённого правонарушения.

Примеры судебной практики иллюстрируют указанную проблематику:

Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2023 года № 5-АД23-1-К2. Суд указал, что возбуждение дела об административном правонарушении, связанном с несоблюдением обязательных требований, допустимо исключительно после проведения контрольного мероприятия с участием проверяемого субъекта, если иное прямо не предусмотрено законодательством. Нарушение этой последовательности процедур признано нарушающим гарантии на справедливое разбирательство и защиту прав субъекта контроля [10];

Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15 марта 2023 года по делу № А43-3464/2023. В данном деле суд поддержал вывод о незаконности отказа в возбуждении дела, обоснованного отсутствием проведённого контрольного мероприятия. Суд констатировал, что такие мероприятия представляют собой лишь один из возможных способов получения доказательств, и не могут быть рассмотрены в качестве единственного допустимого основания для инициирования административного производства. Он подтвердил правомерность возбуждения дела при наличии административного расследования, что соответствует положениям главы 27 КоАП РФ [12];

Постановление Арбитражного суда Московского округа от 9 апреля 2024 года по делу № Ф05-4264/2024. Противоположную позицию занял суд в данном случае, признав законным отказ в возбуждении дела об административном правонарушении, обусловленный невозможностью проведения контрольного мероприятия. Суд сослался на императивную формулировку части 3.1 статьи 28.1 КоАП РФ и указал, что без выполнения этого условия возбуждение дела будет противоречить законодательству [14].

В рамках административно-правового регулирования, охватывающего сферу контрольно-надзорной деятельности, существенную значимость приобретают как внесудебные, так и судебные административные споры, вытекающие из соответствующих правоотношений. Судебная практика по данным категориям дел демонстрирует наличие различных подходов к разрешению возникающих конфликтов, что обусловлено как сложностью нормативного регулирования, так и неоднозначностью толкования отдельных положений законодательства.

Во-первых, весьма распространёнными являются споры, возникающие в связи с обжалованием актов, предписаний и иных решений контрольно-надзорных органов, вынесенных по результатам проведённых мероприятий. Как показывает правоприменительная практика, подобные акты подлежат оспариванию в случае, если они затрагивают субъективные права и законные интересы контролируемых субъектов. Так, в решении Хостинского районного суда города Сочи от 13 апреля 2022 года по делу № 12-49/2022 признано незаконным постановление Черноморо-Азовского морского управления Росприроднадзора. Суд установил, что в материалах дела отсутствовали достоверные сведения о лице, подлежащем привлечению к ответственности, что повлекло отмену обжалуемого акта как вынесенного с нарушением требований процессуального закона [15].

Во-вторых, судебная практика охватывает значительный массив споров, связанных с оспариванием факта возбуждения дел об административных правонарушениях. Особенно актуальными такие дела становятся в контексте применения части 3.1 статьи 28.1 КоАП РФ, согласно которой возбуждение дела, связанного с нарушением обязательных требований, допускается лишь после проведения контрольного (надзорного) мероприятия с участием подконтрольного лица. Так, в том же Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа по делу № А43-3464/2023 был сделан вывод о незаконности отказа в возбуждении дела со ссылкой на отсутствие контрольного мероприятия. Суд обоснованно указал, что такое мероприятие представляет собой лишь одну из форм деятельности уполномоченного органа и не препятствует инициированию административного расследования в порядке, установленном КоАП РФ [12].

В-третьих, нередко случаи, когда предметом судебного рассмотрения становятся споры о правомерности понуждения к исполнению предписаний об устранении нарушений обязательных требований. В таких делах суды оценивают обоснованность и юридическую состоятельность вынесенных предписаний, а также соблюдение процедуры их выдачи. Признание предписания незаконным возможно в случае, если оно не содержит достаточного фактического и нормативного обоснования либо было вынесено с нарушением установленных регламентов административной процедуры.

Вопрос о допустимости понуждения к исполнению предписаний об устранении нарушений обязательных требований до вступления в законную силу судебного акта остаётся спорным. Отсутствие единообразия в судебной практике порождает правовую неопределённость для подконтрольных субъектов.

Согласно ч. 2 ст. 95 Федерального закона № 248-ФЗ, контрольный орган вправе добиваться исполнения предписания в судебном порядке, если такая мера прямо предусмотрена законодательством. Однако в деле № А40-235573/2022 Арбитражный суд г. Москвы отказал в удовлетворении иска, сославшись на отсутствие специального нормативного основания [16]. Похожую позицию занял Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в деле № Ф08-13308/2021, подчеркнув, что понуждение к исполнению ненормативного акта не входит в установленные способы защиты [13].

В то же время существует противоположная практика. Так, Джидинский районный суд удовлетворил иск Россельхознадзора о понуждении к исполнению предписания, выданного в рамках контрольной деятельности [20].

Таким образом, проведённое исследование подтверждает наличие правовой неопределённости в регулировании и применении административной ответственности за нарушение обязательных требований в условиях действия обновлённого законодательства о контроле (надзоре). Поправки к статье 28.1 КоАП РФ и положения Постановления № 336 создали дополнительные барьеры для возбуждения дел об административных правонарушениях, особенно при отсутствии предварительных контрольных мероприятий.

Судебная практика демонстрирует разнотолковные подходы к толкованию новых норм, что снижает правовую предсказуемость и затрудняет реализацию как публичных, так и частных интересов. Для устранения коллизий необходимо нормативное уточнение условий возбуждения дел и официальное разъяснение спорных положений со стороны Верховного Суда РФ. Это обеспечит баланс между задачами государственного контроля и защитой прав подконтрольных субъектов.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации - Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
- [2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
- [3] Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 5007.
- [4] Федеральный закон от 14.07.2022 N 290-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ, 18.07.2022, N 29 (часть III), ст. 5257.
- [5] Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, N 3, ст. 140.
- [6] Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 N 336 (ред. от 28.12.2024) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ, 14.03.2022, N 11, ст. 1715.
- [7] Письмо Минэкономразвития России от 24.03.2022 N Д24и-8436 «О разъяснении особенностей организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в 2022 году» // Официальные документы, N 13, 05-11.04.2022.
- [8] Письмо Минэкономразвития России от 25.03.2022 N 10429-АХ/Д24и «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в 2022 году» // Справочно - правовая система «Гарант» - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404412988/> (дата обращения: 14.04.2025).
- [9] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2021 N 9-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и части 3 статьи 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Яковенко» // Собрание законодательства РФ, 12.04.2021, N 15 (часть IV), ст. 2658.
- [10] Постановление Верховного Суда РФ от 08.02.2023 N 5-АД23-1-К2 // <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08022023-n-5-ad23-1-k2/> (дата обращения: 14.04.2025).
- [11] Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 30.08.2022 N АКПИ22-494 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим пункта 9 Постановления Правительства РФ от 10.03.2022 N 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // Справочно-правовая система «Гарант» - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405157623/> (дата обращения: 14.04.2025).
- [12] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15 марта 2023 года по делу № А43-3464/2023 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/Gp1nQiaEnkUK/> (дата обращения: 14.04.2025).
- [13] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 9 апреля 2024 года по делу № Ф05-4264/2024 // Справочно - правовая система «Консультант Плюс» <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=516579#q87eLiU22sX6DWe5> (дата обращения: 14.04.2025).
- [14] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.12.2021 N Ф08-13308/2021 по делу N А32-9382/2021 // Справочно

- правовая система «Консультант Плюс» <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=174692#JrUgLiU5DFbySGAY> (дата обращения: 14.04.2025).

[15] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 23 июня 2022 г. N 02АП-2751/22 по делу N A28-15863/2021 // Справочно - правовая система «Гарант» <https://base.garant.ru/65099404/> (дата обращения: 14.04.2025).

[16] Решение Хостинского районного суда города Сочи от 13 апреля 2022 года по делу № 12-49/2022 // <https://actofact.ru/case-23RS0058-12-49-2022-2022-02-18-1-1/> (дата обращения: 14.04.2025).

[17] Решение Арбитражного суда города Москвы от 10 марта 2023 г. по делу № А40-235573/2022 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/0G7oPBrmgers/> (дата обращения: 14.04.2025).

[18] Ромашов, Р.Ю. Проблемы привлечения к административной ответственности за нарушения обязательных требований в условиях реформы контрольной (надзорной) деятельности / Р. Ю. Ромашов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 25 (524). — С. 232-235. — URL: <https://moluch.ru/archive/524/115765/> (дата обращения: 14.04.2025).

[19] Селезнев В.А. Административная ответственность за нарушение обязательных требований // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-otvetstvennost-za-narushenie-obyazatelnyh-trebovaniy> (дата обращения: 14.04.2025).

[20] Официальный сайт Прокуратуры Хабаровского края [Электронный ресурс]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_27/activity/legal-education/explain?item=89600958 (дата обращения: 14.04.2025).

[21] Джидинский районный суд удовлетворил иск Управления Россельхознадзора о понуждении к исполнению предписания // <https://38.fsvps.gov.ru/news/dzhidinskij-rajonnyj-sud-udovletvoril-isk-upravlenija-rosselkhoznadzora-o-ponuzhdenii-k-ispolneniju-predpisaniya/> (дата обращения: 14.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Oficial'nyj tekst Konstitucii RF, vlyuchayushchij novye sub»ekty Rossijskoj Federacii - Doneckuyu Narodnuyu Respubliku, Luganskuyu Narodnuyu Respubliku, Zaporozhskuyu oblast' i Hersonskuyu oblast', opublikovan na Oficial'nom internet-portale pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

[2] Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 01.04.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 07.01.2002, N 1 (ch. 1), st. 1.

[3] Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 N 248-FZ (red. ot 28.12.2024) "O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal'nom kontrole v Rossijskoj Federacii" // Sobranie zakonodatel'stva RF, 03.08.2020, N 31 (chast' I), st. 5007.

[4] Federal'nyj zakon ot 14.07.2022 N 290-FZ "O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah i stat'yu 1 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" // Sobranie zakonodatel'stva RF, 18.07.2022, N 29 (chast' III), st. 5257.

[5] Zakon RF ot 07.02.1992 N 2300-1 (red. ot 08.08.2024) "O zashchite prav potrebitel'j" // Sobranie zakonodatel'stva RF, 15.01.1996, N 3, st. 140.

[6] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 10.03.2022 N 336 (red. ot 28.12.2024) "Ob osobennostyah organizacii i osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora), municipal'nogo kontrolya" // Sobranie zakonodatel'stva RF, 14.03.2022, N 11, st. 1715.

[7] Pis'mo Minekonomrazvitiya Rossii ot 24.03.2022 N D24i-8436 "O raz'yasnenii osobennostej organizacii i osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora), municipal'nogo kontrolya v 2022 godu" // Oficial'nye dokumenty, N 13, 05-11.04.2022.

[8] Pis'mo Minekonomrazvitiya Rossii ot 25.03.2022 N 10429-AH/D24i "Ob osobennostyah organizacii i osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora), municipal'nogo kontrolya v 2022 godu" // Spravochno - pravovaya sistema "Garant" - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404412988/> (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[9] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 30.03.2021 N 9-P "Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 5 stat'i 28.1 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah i chasti 3 stat'i 201 Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanki O.S. Yakovenko" // Sobranie zakonodatel'stva RF, 12.04.2021, N 15 (chast' IV), st. 2658.

[10] Postanovlenie Verhovnogo Suda RF ot 08.02.2023 N 5-AD23-1-K2 // <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08022023-n-5-ad23-1-k2/> (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[11] Reshenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda RF ot 30.08.2022 N AKPI22-494 «Ob otkaze v udovletvorenii zayavleniya o priznanii chastichno nedejstvuyushchim punkta 9 Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 10.03.2022 N 336 «Ob osobennostyah organizacii i osushchestvleniya

gosudarstvennogo kontrolya (nadzora), municipal'nogo kontrolya» // Spravochno-pravovaya sistema "Garant" - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405157623/> (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[12] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 15 marta 2023 goda po delu № A43-3464/2023 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/Gp1nQiaEnkUK/> (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[13] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 9 aprelya 2024 goda po delu № F05-4264/2024 // Spravochno - pravovaya sistema "Konsul'tant Plyus" <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=516579#q87-eLiU22sX6DWe5> (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[14] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 21.12.2021 N F08-13308/2021 po delu N A32-9382/2021 // Spravochno - pravovaya sistema "Konsul'tant Plyus" <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=174692#JrUgLiU5DFbySGAY> (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[15] Postanovlenie Vtorogo arbitrazhnogo apel'yacionnogo suda ot 23 iyunya 2022 g. N 02AP-2751/22 po delu N A28-15863/2021 // Spravochno - pravovaya sistema "Garant" <https://base.garant.ru/65099404/> (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[16] Reshenie Hostinskogo rajonnogo suda goroda Sochi ot 13 aprelya 2022 goda po delu № 12-49/2022 // <https://actofact.ru/case-23RS0058-12-49-2022-2022-02-18-1-1/> (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[17] Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 10 marta 2023 g. po delu № A40-235573/2022 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/0G7oP-Brmgers/> (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[18] Romashov, R.Yu. Problemy privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti za narusheniya obyazatel'nyh trebovanij v usloviyah reformy kontrol'noj (nadzornoj) deyatel'nosti / R. Yu. Romashov. — Tekst : neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. — 2024. — № 25 (524). — S. 232-235. — URL: <https://moluch.ru/archive/524/115765/> (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[19] Seleznev V.A. Administrativnaya otvetstvennost' za narushenie obyazatel'nyh trebovanij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-otvetstvennost-za-narushenie-obyazatelnyh-trebovanij> (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[20] Oficial'nyj sajт Prokuratury Habarovskogo kraja [Elektronnyj resurs]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_27/activity/legal-education/explain?item=89600958 (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[21] Dzhidinskij rajonnyj sud udovletvoril isk Upravleniya Rossel'hoznadzora o ponuzhdenii k ispolneniyu predpisaniya // <https://38.fsvps.gov.ru/news/dzhidinskij-rajonnyj-sud-udovletvoril-isk-upravlenija-rosselhoznadzora-o-ponuzhdenii-k-ispolneniju-predpisaniya/> (data obrashcheniya: 14.04.2025).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-351-358

СОКОЛОВА Лилия Владимировна,
Кафедра конкурентного и предпринимательского права
Дальневосточный федеральный университет,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ НАРУШЕНИЙ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к использованию искусственного интеллекта для выявления нарушений антимонопольного законодательства в условиях цифровизации экономики. Проанализированы технологические возможности и ограничения алгоритмов искусственного интеллекта, а также риски, связанные с их применением в конкурентном контроле. Особое внимание уделено российской практике внедрения искусственного интеллекта в антимонопольное регулирование, включая запуск государственных информационных систем и разработку моделей машинного обучения для анализа госзакупок. Рассматривается международный опыт регулирования искусственного интеллекта в Европейском союзе, Китае, Сингапуре и Великобритании, а также особенности подходов стран БРИКС. Отмечается необходимость развития нормативно-правовой базы, повышения прозрачности алгоритмов и квалификации специалистов, а также международного сотрудничества для эффективного антимонопольного контроля в цифровую эпоху.

Ключевые слова: искусственный интеллект, антимонопольное законодательство, цифровые рынки, конкурентное право, алгоритмические сговоры, машинное обучение, государственные закупки, антикартель, правовое регулирование, международный опыт.

SOKOLOVA Lilia Vladimirovna,
Department of Competition and Business Law
Far Eastern Federal University

USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO DETECT ANTIMONOPOLY VIOLATIONS

Annotation. The article examines modern approaches to the use of artificial intelligence (AI) for detecting violations of antitrust legislation in the context of economic digitalization. The technological capabilities and limitations of AI algorithms, as well as the risks associated with their application in competition control, are analyzed. Special attention is paid to Russian practices of integrating AI into antitrust regulation, including the launch of state information systems and the development of machine learning models for public procurement analysis. The article reviews international regulatory experience in the European Union, China, Singapore, and the United Kingdom, as well as the specific approaches of BRICS countries. The author emphasizes the need to develop a legal framework, increase algorithmic transparency and specialist qualifications, and foster international cooperation for effective antitrust control in the digital age.

Key words: artificial intelligence, antitrust law, digital markets, competition law, algorithmic collusion, machine learning, public procurement, anti-cartel, legal regulation, international experience.

Активное внедрение искусственного интеллекта в производственно-экономические процессы и цифровые рынки стало одним из главных трендов мировой экономики за последние годы. По данным аналитических агентств¹, в 2024 году проникновение искусственного интеллекта в корпоративное управление и процессы анализа данных в России и за рубежом существенно увеличилось, а темпы роста мирового рынка, по прогнозам крупнейших международных компаний, входящих в так называемую «Большую тройку», достигают 40–55% в год². К 2030 году мировой рынок искусственного интеллекта может превысить 2 трлн долларов, что отражает не только экономическую значимость этих технологий, но и их влияние на структуру и динамику конкуренции на цифровых рынках [1].

Актуальность темы использования искусственного интеллекта для выявления нарушений антимонопольного законодательства обусловлена как быстрым ростом цифровизации, так и усложнением механизмов конкуренции. В 2024–2025 годах антимонопольные органы стран ЕАЭС и БРИКС уделяют особое внимание влиянию искусственного интеллекта на рыночную динамику и разрабатывают новые подходы к контролю за цифровыми платформами и маркетплейсами. Современные исследования отмечают, что использование искусственного интеллекта может не только повышать эффективность бизнес-процессов, но и создавать риски для конкуренции, включая алгоритмические ценовые сговоры, манипулирование рынком и усиление рыночной власти крупных корпораций [2]. Таким образом, ряд иностранных государств уже принял специальные законы и разработал стратегии, регулирующие использование искусственного интеллекта в целях антимонопольного контроля, например, Закон о цифровых рынках, конкуренции и потребителях в Великобритании³.

В России нормативно-правовую основу регулирования ИИ формируют Указ Президента «О

развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁴ и федеральные законы об экспериментальных правовых режимах⁵. Эти документы закладывают основу для формирования регулирования цифровых рынков и внедрения искусственного интеллекта в системы антимонопольного контроля. Автор считает исследование применения искусственного интеллекта для выявления нарушений антимонопольного законодательства является необходимым шагом в развитии цифрового антимонопольного регулирования на фоне стремительной цифровизации экономики.

Использование искусственного интеллекта для анализа больших данных и выявления нарушений антимонопольного законодательства становится всё более востребованным инструментом в современной практике конкурентного контроля, позволяя антимонопольным органам эффективно обнаруживать сговоры и другие антиконкурентные действия. Современные алгоритмы искусственного интеллекта способны обнаруживать антиконкурентные действия с точностью свыше 90%, что значительно ускоряет и повышает качество расследований [3]. Например, в России Федеральная антимонопольная служба активно внедряет системы на базе искусственного интеллекта, которые анализируют огромные массивы данных торгов и выявляют подозрительные схемы, что ранее было практически невозможно сделать вручную⁷.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2019. - № 42. - Ст. 6160. - Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910100010>, дата обращения: 13.04.2025.

⁵ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - № 31 (часть I). - Ст. 5017. - Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310024>, дата обращения: 15.04.2025

⁶ Федеральный закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2021. - № 27. - Ст. 4356. - Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020046>, дата обращения: 15.04.2025

⁷ Пепеляев Групп. Антимонопольные пределы для ИИ // Пепеляев Групп. - 2024. - Режим доступа: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/antimonopolnye-predely-dlya-ii/> (дата обращения: 15.04.2025)

¹ Тренды и бизнес-идеи на 2025 год от СберПро // СберПро. - 2025. - Режим доступа: <https://sber.pro/publication/trendi-razvitiya-biznesa-kakie-it-resheniya-vostrebovani-rossiiskimi-kompaniyami>, свободный. - Загл. с экрана. - Дата обращения: 10.04.2025

² Портал выбора технологий и поставщиков TAdviser // Аналитика и исследования по внедрению искусственного интеллекта в бизнес-процессы и цифровые рынки. - URL: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения: 11.04.2025)

³ Digital Markets, Competition and Consumers Act 2024. - UK, 2024. - 24 May. - № 13. - URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2024/13/contents> (дата обращения: 12.04.2025)

Технологические аспекты применения искусственного интеллекта и методы анализа данных

Современные технологии искусственного интеллекта открывают новые возможности для антимонопольного контроля, позволяя в режиме реального времени обрабатывать и анализировать огромные массивы данных торгов и цен. Еще несколько лет назад подобный масштаб работы был невозможен без значительных человеческих ресурсов и времени, что существенно ограничивало оперативность и глубину исследований. Особенно важным шагом в российской практике становится запуск Государственной информационной системы «Антикартель», который запланирован на 2025 год. Эта система способна ежедневно мониторить госзакупки и товарные рынки, используя математические модели анализа больших данных, обрабатываемых искусственным интеллектом. При этом интеграция с различными ведомственными базами позволяет автоматизировать процесс выявления нарушений, что значительно повысит прозрачность торгов и усилит конкурентную среду [4]. Автор полагает, что запуск «Антикартеля» — это не просто технологическое новшество, а стратегический инструмент, способный изменить парадигму антимонопольного регулирования в России, сделав её более проактивной и предиктивной.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, применение искусственного интеллекта в антимонопольном контроле сопряжено с рядом рисков и сложностей. Во-первых, алгоритмические сговоры могут быть менее заметны и сложнее для доказательства, поскольку координация цен и рыночных стратегий осуществляется автоматически и без прямого человеческого вмешательства [5]. Во-вторых, существует проблема прозрачности и подотчетности алгоритмов, что требует разработки новых правовых механизмов и стандартов. В-третьих, искусственный интеллект может создавать высокие барьеры для входа на рынок, усиливая рыночную власть крупных корпораций, что требует особого внимания регуляторов.

Представляется, что для успешного внедрения искусственного интеллекта в антимонопольную практику необходимо не только совершенствовать технические средства анализа, но и развивать нормативно-правовую базу, учитывающую специфику цифровых технологий. Важно обеспечить баланс между стимулированием инноваций и защитой конкуренции, а также повысить квалификацию специалистов, способных работать с новыми инструментами. Кроме того, международное сотрудничество и обмен опытом, например в рамках ЕАЭС и БРИКС, играют ключевую роль в

формировании эффективных стратегий регулирования цифровых рынков. Таким образом, искусственный интеллект открывает новые горизонты для борьбы с нарушениями и обеспечивает более прозрачную и конкурентную экономическую среду. Однако для реализации всего его потенциала необходим подход, сочетающий технологические инновации, правовое регулирование и международное сотрудничество.

Высшая школа экономики разработала модель машинного обучения для выявления картелей на государственных закупках, которая демонстрирует высокую практическую эффективность при предсказании признаков сговора между участниками торгов. В исследовании, основанном на анализе решений Федеральной антимонопольной службы России и данных об электронных аукционах, модель была обучена и протестирована на выборках из 40 аукционов, что позволило достичь точности в 91% при выявлении картельных сговоров [6]. Такая технология значительно облегчает и ускоряет процесс мониторинга госзакупок, позволяя автоматизировать выявление подозрительных схем, что ранее было невозможно без значительных человеческих ресурсов и времени.

В 2023 году через систему госзакупок было заключено около 2,4 миллиона контрактов на сумму свыше 10,6 триллионов рублей, что создает масштабный рынок с высоким потенциалом для антиконкурентных соглашений. Внедрение подобных моделей машинного обучения является ключевым шагом к повышению прозрачности и эффективности антимонопольного контроля, снижая риски потерь бюджета из-за недобросовестного поведения участников торгов. При этом специалисты отмечают необходимость усиления контроля со стороны Федеральных органов антимонопольной службы для минимизации ошибок и предотвращения неправомерных наказаний добросовестных поставщиков, поскольку модели пока рассматриваются как вспомогательные инструменты, а окончательные решения всё ещё принимаются в соответствии с действующим законодательством. Разработка модели Высшей школы экономики показывает, что искусственный интеллект действительно может помочь в борьбе с картелями, выявляя сговоры с высокой точностью. Однако простой технологии недостаточно, чтобы законы успевали за инновациями, а специалисты умели правильно использовать эти инструменты. Только сочетание новых технических решений, грамотного регулирования и профессиональных кадров позволит эффективно бороться с нарушениями и сохранять честную конкуренцию в быстро меняющемся цифровом мире.

Ограничения технологий искусственного интеллекта

Использование искусственного интеллекта в антимонопольном регулировании открывает новые возможности, но одновременно порождает и значительные сложности, особенно связанные с так называемыми «чёрными ящиками» - ситуациями, когда внутренние механизмы принятия решений искусственного интеллекта остаются непрозрачными для пользователей и экспертов. Такая непрозрачность создаёт серьёзные препятствия для юридической оценки доказательств, полученных с помощью искусственного интеллекта. В частности, суды и антимонопольные органы сталкиваются с проблемой обоснованности и доказательности выводов, сделанных алгоритмами, поскольку невозможно полностью проверить логику и последовательность их работы. В связи с этим его решения рассматриваются не как окончательные, а лишь как вспомогательные инструменты, которые требуют подтверждения и анализа квалифицированной комиссией или экспертной группой. Такой подход позволяет сочетать скорость и масштабность анализа, характерные для ИИ, с необходимой юридической тщательностью и соблюдением принципов справедливого разбирательства.

Кроме того, автоматизация процессов выявления нарушений с помощью искусственного интеллекта повышает риск ошибочного наказания добросовестных участников рынка. Алгоритмы, основанные на статистических моделях и машинном обучении, могут ошибочно интерпретировать поведение компаний, особенно в сложных или нестандартных ситуациях, что приводит к ложным срабатываниям. Такие ошибки способны не только нанести ущерб репутации и бизнесу невиновных субъектов, но и подорвать доверие к антимонопольным органам и самим технологиям. Таким образом только при условии прозрачности алгоритмов, участия квалифицированных экспертов и чётких правил ответственности можно обеспечить справедливость и эффективность антимонопольного контроля в цифровую эпоху.

Международный опыт регулирования: ЕС, США, Китай, Сингапур

Международный опыт регулирования искусственного интеллекта демонстрирует разнообразие подходов, отражающих особенности правовых систем и приоритеты разных стран. В Европейском союзе в 2024 году был принят Закон об искусственном интеллекте¹, который стал первым

масштабным нормативным актом, направленным на обеспечение безопасности, прозрачности и подотчётности ИИ-систем. Закон вводит классификацию искусственного интеллекта по уровню риска - от запрещённых систем с неприемлемым риском до минимально регулируемых - и устанавливает строгие требования к системам с высоким уровнем риска, включая обязательный контроль со стороны человека и возможность немедленного отключения таких систем. Кроме того, в документе предусмотрены меры поддержки инноваций, в том числе создание регуляторных «песочниц» для стартапов и малых компаний².

В Китае с 2023 года действует первое в мире Руководство по регулированию генеративного искусственного интеллекта, которое отражает более жёсткий и централизованный подход к контролю цифровых технологий. Документ запрещает использование искусственного интеллекта для подрыва государственной власти, пропаганды терроризма и распространения запрещённого контента, что подчёркивает приоритет национальной безопасности и общественного порядка. В отличие от ЕС, где акцент сделан на баланс между инновациями и рисками, китайское регулирование ориентировано на строгий контроль и предотвращение любых угроз, связанных с ИИ, что отражает особенности политической и правовой системы страны³.

Сингапур же избрал более мягкий и этически ориентированный подход: основными являются принципы прозрачности, справедливости и ответственности, а также регулярная проверка моделей искусственного интеллекта на ошибки и потенциальные предвзятости. Вместо жёстких запретов и ограничений сингапурские регуляторы делают ставку на создание доверия к технологиям через открытость и взаимодействие с разработчиками и пользователями. Такой подход способствует развитию инноваций при одновременном минимизации рисков для общества и бизнеса⁵.

drugikh-stranakh/2024_reglament_evropeyskogo_soyuza_ob_iskusstvennom_intellekte_ano_cifrovaya_ekonomika_/ (дата обращения: 01.05.2025)

² Euronews. The EU AI Act enters into force // Euronews.com. – 2024. – 01.08. – Режим доступа: <https://ru.euronews.com/next/2024/08/01/the-eu-ai-act-enters-into-force> (дата обращения: 01.04.2025)

³ Китайское руководство по регулированию генеративного ИИ // Xinhua News. – 2023. – Режим доступа: https://www.xinhuanet.com/english/2023-08/15/c_1310388299.htm (дата обращения: 01.05.2025)

⁴ Китайский подход к регулированию ИИ: национальная безопасность и контроль // China Law Review. – 2024. – № 2. – С. 34–41

⁵ Singapore AI Governance Framework // Infocomm Media Development Authority. – 2024. – Режим доступа:

¹ Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act) // АНО «Цифровая экономика». – 2024. – Режим доступа: [https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-](https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v)

В Великобритании в 2024 году принят Закон о цифровых рынках, конкуренции и потребителях¹. Закон направлен на регулирование деятельности крупных цифровых компаний, предотвращение злоупотреблений доминирующим положением и обеспечение справедливой конкуренции. Особое внимание уделяется алгоритмам по защите прав потребителей в условиях цифровой экономики.

Международный опыт показывает, что успешное регулирование искусственного интеллекта требует баланса между инновациями и контролем. ЕС задаёт стандарты прозрачности и безопасности, поддерживая при этом стартапы через регуляторные «песочницы». Китай фокусируется на жёстком контроле в интересах национальной безопасности, а Сингапур – на этике и доверии через открытость и регулярные проверки. Великобритания усиливает контроль над цифровыми платформами, защищая права потребителей в цифровой экономике. Для России же важно интегрировать эти подходы, учитывая собственные реалии: сочетать прозрачность и поддержку инноваций с эффективным контролем и защитой национальных интересов. Кроме того, необходимо создавать механизмы аудита алгоритмов, чтобы минимизировать риски ошибок и повысить доверие к технологиям. Внедрение таких мер позволит России не только повысить качество антимонопольного регулирования, но и укрепить позиции на международном цифровом рынке.

Россия и страны БРИКС

В России сформирована комплексная система регулирования искусственного интеллекта, включающая нормативно-правовые акты, технические стандарты и этические нормы, а также механизмы экспериментальных правовых режимов для тестирования инновационных решений в реальных условиях без риска нарушения законодательства. Так, Указ Президента² закрепляет национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года, предусматривающую интеграцию федерального проекта «Искусственный интеллект» в национальный проект по формированию экономики данных. Законо-

дательство вводит классификацию систем по уровням риска, обязательную маркировку и регистрацию высокорисковых систем, а также страхование ответственности разработчиков и операторов за возможный вред. Экспериментальные правовые режимы позволяют компаниям тестировать технологии в «регуляторных песочницах», что способствует инновациям и снижает барьеры для выхода на рынок. Важным элементом является создание комиссий для оценки причинения вреда при использовании искусственного интеллекта и мониторинга соблюдения норм³.

В рамках БРИКС антимонопольные органы стран координируют усилия по регулированию цифровых рынков и применению искусственного интеллекта, что способствует обмену опытом и формированию согласованных подходов к контролю за цифровой экономикой. Совместные инициативы направлены на разработку стандартов прозрачности алгоритмов, обеспечение ответственности операторов искусственного интеллекта и предотвращение злоупотреблений на рынках. Такая координация позволяет учитывать специфику национальных правовых систем и экономик, одновременно укрепляя сотрудничество в борьбе с цифровыми монополиями и картельными сговорами. В частности, Россия активно участвует в рабочих группах БРИКС по цифровой экономике и антимонопольному регулированию, что способствует внедрению лучших международных практик и адаптации их к отечественным условиям⁴.

Правовые и этические вызовы

Правовые и этические вызовы, возникающие при применении искусственного интеллекта в антимонопольной практике, требуют всестороннего и глубокого анализа. Одной из ключевых проблем является сложность доказательства алгоритмических сговоров, поскольку традиционные

³ Минэкономразвития России. Федеральный проект «Искусственный интеллект» в рамках национального проекта «Цифровая экономика» // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – 2024. – Режим доступа: https://economy.gov.ru/ai_project (дата обращения: 03.05.2025)

⁴ Федеральная антимонопольная служба России. Публичная декларация целей и задач ФАС России на 2024 год // Официальный сайт ФАС России. – 2024. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/system/presentations/attachments/2024/06/28/original/%D0%92%D0%B8%D0%B7%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D1%86%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9_%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D1%87_2023-2024.pdf (дата обращения: 03.05.2025)

<https://www.imda.gov.sg/ai-framework> (дата обращения: 02.05.2025)

¹ UK Digital Markets, Competition and Consumers Act 2024 // UK Parliament. – 2024. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2024/10/contents/enacted> (дата обращения: 02.05.2025)

² Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» с последующими изменениями // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 42. – Ст. 6160

методы антимонопольного контроля основаны на прямых доказательствах коммуникаций между участниками рынка. В случае искусственным интеллектом такие сговоры могут реализовываться автоматически, без явного взаимодействия между компаниями, что превращает алгоритмы в «чёрные ящики», недоступные для полного анализа. Для эффективного выявления подобных нарушений необходим доступ к исходному коду и логике работы ИИ-систем, что ставит перед законодательством задачу разработки новых механизмов раскрытия информации и расширения понятий доказательств в цифровой среде [7]. Важным аспектом становится баланс между защитой коммерческой тайны и обеспечением прозрачности, что требует внедрения специализированных процедур аудита и контроля.

Второй значимый вызов связан с вопросом ответственности за действия искусственного интеллекта. В российской и зарубежной практике продолжаются дискуссии о том, кто несёт ответственность за нарушения, вызванные работой искусственного интеллекта - разработчик алгоритма или компания, использующая его в бизнес-процессах. Поскольку он не обладает правосубъектностью, ответственность ложится на юридических лиц, однако степень контроля и понимания алгоритмов у разработчиков и пользователей может существенно различаться. В некоторых зарубежных юрисдикциях предлагаются модели совместной ответственности и обязательные требования к прозрачности и объяснимости решений ИИ, что способствует снижению рисков и повышению доверия к технологиям. В России аналогичные вопросы требуют законодательного закрепления, включая нормы о страховании ответственности и создание специализированных комиссий для оценки подобных инцидентов.

Этические дилеммы, возникающие при использовании искусственного интеллекта, также не теряют актуальности. Одним из ярких примеров является персонализированное ценообразование, когда алгоритмы устанавливают разные цены для различных категорий потребителей, что может привести к дискриминации и нарушению принципов равенства и справедливости. Такие практики сложно выявить и доказать традиционными методами, что требует разработки этических стандартов и нормативных актов, регулирующих применение в коммерческой деятельности. Кроме того, необходимо внедрение механизмов мониторинга и оценки алгоритмов на предмет предвзятости и несправедливого воздействия на потребителей¹. В этом контексте важна роль как государ-

ственных органов, так и профессиональных сообществ, разрабатывающих кодексы этики и рекомендации по ответственному использованию ИИ.

Отдельного внимания заслуживают вызовы, связанные с распространением дипфейков и манипулятивных рекламных алгоритмов. Эти технологии способны искажать информацию, вводить потребителей в заблуждение и создавать несправедливые конкурентные преимущества, что подрывает доверие к рынку и наносит вред общественным и экономическим интересам. В связи с этим требуется усиление правового регулирования, предусматривающего ответственность за создание и распространение фейковых материалов, а также контроль за рекламными практиками на цифровых платформах. Регуляторы должны внедрять стандарты прозрачности и подотчётности для рекламных алгоритмов, а также развивать инструменты выявления и блокировки недобросовестной рекламы.

Перспективы и рекомендации

Перспективы и рекомендации по регулированию искусственного интеллекта в антимонопольной сфере требуют внедрения законодательных мер, направленных на повышение прозрачности и подотчётности искусственного интеллекта. Среди таких мер - обязательное раскрытие алгоритмов для проведения независимого аудита, что позволит регуляторам и экспертам оценивать корректность и законность работы систем. Важным шагом станет внедрение стандартов «этичного искусственного интеллекта», которые будут регулировать вопросы справедливости, недискриминации и безопасности, а также создание открытых API для мониторинга цифровых рынков в режиме реального времени, что повысит эффективность выявления антиконкурентных сговоров и других нарушений [8].

Особое внимание следует уделять развитию Explainable AI - интерпретируемых моделей искусственного интеллекта, способных объяснять свои решения и действия. Это повысит доверие регуляторов, участников рынка и общества в целом, а также облегчит юридическую оценку результатов работы искусственного интеллекта. Прозрачность алгоритмов позволит минимизировать риски ошибок и несправедливых решений, что особенно важно в антимонопольной практике, где последствия могут затрагивать экономические интересы множества субъектов.

¹ Регулирование искусственного интеллекта: вызовы и перспективы // МГУ им. М.В. Ломоносова. —

2023. — Режим доступа: <https://www.msu.ru/ai-regulation> (дата обращения: 03.05.2025)

В рамках Евразийского экономического союза и БРИКС ведется активный диалог по вопросам правового регулирования, обмена опытом и выработки согласованных стандартов. Такие платформы способствуют формированию единого пространства доверенных технологий и обеспечивают равные возможности для всех участников цифровой экономики. Российская Федерация выступает инициатором создания альянса БРИКС по искусственному интеллекту и продвижения Кодекса этики, что способствует укреплению многостороннего сотрудничества и снижению рисков злоупотреблений¹.

Кроме того, перспективным направлением является использование технологии блокчейн для фиксации и проверки транзакций на цифровых рынках. Блокчейн обеспечивает неизменность и прозрачность данных, что может стать дополнительным инструментом в борьбе с картелями и манипуляциями. Применение распределённых реестров позволит создавать надёжные системы аудита и контроля, повышая доверие к цифровым платформам и снижая возможности для злоупотреблений. Таким образом, комплексное законодательное регулирование, развитие интерпретируемых моделей искусственного интеллекта, активное международное сотрудничество и внедрение инновационных технологий, таких как блокчейн, создают основу для эффективного и справедливого антимонопольного контроля в эпоху цифровой трансформации.

В заключение стоит отметить, что интеграция искусственного интеллекта в антимонопольное регулирование открывает перед российской и мировой правоприменительной практикой новые горизонты, но одновременно предъявляет высокие требования к качеству законодательства, этическим стандартам и технологической экспертизе. На сегодняшний день очевидно, что одних только технических решений недостаточно: необходима комплексная система мер, сочетающая обязательное раскрытие алгоритмов для независимого аудита, внедрение стандартов «этичного искусственного интеллекта» и создание открытых API для мониторинга цифровых рынков. Развитие интерпретируемых моделей Explainable AI позволит повысить прозрачность и подотчетность решений, что критически важно для доверия со стороны регуляторов и общества. Особое значение приобретает международное сотрудничество, в том числе в рамках ЕАЭС и БРИКС, где идет

активный обмен опытом и согласование подходов к регулированию цифровых рынков и искусственного интеллекта. Такой диалог позволяет учитывать национальные особенности, но при этом вырабатывать единые стандарты, что особенно важно в условиях трансграничной цифровой экономики.

В перспективе одним из ключевых инструментов повышения прозрачности и доверия может стать внедрение блокчейн-технологий для фиксации и проверки транзакций, что создаст дополнительные гарантии честности и позволит эффективнее бороться с картельными сговорами. Все эти меры должны сопровождаться постоянным повышением квалификации специалистов, развитием этических кодексов и совершенствованием механизмов ответственности. Таким образом, гибкий подход, объединяющий технологические инновации, современное правовое регулирование и международное сотрудничество, позволит не только минимизировать риски, связанные с применением искусственного интеллекта в антимонопольной сфере, но и реализовать его потенциал для формирования честной, конкурентной и прозрачной цифровой экономики России.

Список литературы:

- [1] Маглинова М.Ю., Манакова М.В. Применение искусственного интеллекта в странах БРИКС // Вектор экономики. – 2024. – № 11. – С. 73–86
- [2] Захаров А.В. Антимонопольные риски и перспективы правового регулирования ИИ // Экономика и жизнь. – 2024. – № 39. – С. 24–27
- [3] Захаров А.В. Искусственный интеллект в антимонопольном контроле: современные возможности и перспективы / Монография. – М., 2024. – С. 45–47
- [4] Иванова С.В. Риски и сложности применения искусственного интеллекта в антимонопольном контроле // Вестник антимонопольного регулирования. – 2023. – № 4. – С. 34–37
- [5] Демидова О.А. Идентификация картелей на электронных аукционах госзакупок // Высшая школа экономики. – 2024. – Режим доступа: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/988531170.pdf> (дата обращения: 16.04.2025)
- [6] Гирич Л.В. Алгоритмический сговор: сравнительно-правовой анализ // Вестник Высшей школы экономики. – 2024. – № 12. – С. 138–158
- [7] Мельникова Е.Н. Перспективы сближения законодательства стран ЕАЭС в части правового регулирования искусственного интеллекта // Журнал Евразийского экономического союза. – 2024. – № 7. – С. 45–60.

¹ Казанская декларация XVI саммита БРИКС «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» // БРИКС. – 2024. – Режим доступа: <https://brics2024.org/declaration> (дата обращения: 16.04.2025)

Spisok literatury:

[1] Maglinova M.YU., Manakova M.V. Primenenie iskusstvennogo intellekta v stranah BRIKS // Vektor ekonomiki. – 2024. – № 11. – S. 73–86

[2] Zaharov A.V. Antimonopol'nye riski i perspektivy pravovogo regulirovaniya II // Ekonomika i zhizn'. – 2024. – № 39. – S. 24–27

[3] Zaharov A.V. Iskusstvennyj intellekt v antimonopol'nom kontrole: sovremennye vozmozhnosti i perspektivy / Monografiya. – M., 2024. – S. 45–47

[4] Ivanova S.V. Riski i slozhnosti primeneniya iskusstvennogo intellekta v antimonopol'nom kontrole // Vestnik antimonopol'nogo regulirovaniya. – 2023. – № 4. – S. 34–37

[5] Demidova O.A. Identifikaciya kartelej na elektronnyh aukcionah goszakupok // Vysshaya shkola ekonomiki. – 2024. – Rezhim dostupa: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/988531170.pdf> (data obrashcheniya: 16.04.2025)

[6] Girich L.V. Algoritmicheskij sgovor: sravnitel'no-pravovoj analiz // Vestnik Vysshej shkoly ekonomiki. – 2024. – № 12. – S. 138–158

[7] Mel'nikova E.N. Perspektivy sblizheniya zakonodatel'stva stran EAES v chasti pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta // Zhurnal Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. – 2024. – № 7. – S. 45–60.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-359-364

ПЕТРУХИН Кирилл Игоревич,
аспирант
кафедры частного права
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
e-mail: avgust0009@gmail.com

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. *Нарушения в области интеллектуальных прав достаточно старая тема для цивилистики, однако, в данной сфере злоупотребления стали основной формой деятельности многих компаний. Не редко мы наблюдаем случаи, когда участники рынка специально регистрируют права на интеллектуальную собственность для извлечения прибыли через массовые подачи исковых заявлений для взыскания компенсации. Отсутствие чётких критериев злоупотребления правом в сфере интеллектуальной собственности, является первопричиной появления лиц, так называемых, массовых истцов. В настоящей работе будет проанализирована законодательная база России в области интеллектуальной собственности и в области злоупотреблении правом. Исследуем проблемные места российского законодательства, выдвинем предложения по его изменению. В статье приводится определение «патентного троллинга», в широком и узком смысле. Выявляются первопричины возникновения и цели современного «патентного троллинга». Приводятся примеры из зарубежной и российской судебной практики, показывающие типичные и не типичные примеры троллинга, раскрывающие особенности нашей страны в контексте рассматриваемой темы и стран запада, где проблема патентных троллей достаточно стара. Будут приведены позиции российских правоведов, касательно «патентного троллинга». Определим разницу между практикой «троллей» в России и зарубежных стран. На примерах изучим тактику и стратегию «троллей». В статье мы выведем критерии и цели «патентных троллей», а также определим критерии, по которым тролли выбирают свои цели. Проанализируем возможные проблемы законодательства, позволяющие существовать массовым истцам. На примере покажем возможную тактику борьбы с «троллями». Укажем на возможные пути решения возникших проблем.*

Ключевые слова: *Гражданское право, интеллектуальные права, «патентный троллинг», арбитражный процесс.*

PETRUKHIN Kirill Igorevich,
Postgraduate student
Department of Private Law
St. Petersburg University
of Management Technologies and Economics

ABUSE OF RIGHTS IN THE SPHERE OF INTELLECTUAL PROPERTY

Annotation. *Intellectual property rights violations are quite an old topic for civil law, however, in this area abuses have become the main form of activity for many companies. We often see cases when market participants specifically register intellectual property rights to make a profit through mass filings of claims for compensation. The lack of clear criteria for abuse of rights in the field of intellectual property is the root cause of the emergence of so-called mass plaintiffs. This paper will*

analyze the legislative framework of Russia in the field of intellectual property and in the field of abuse of rights. We will study the problem areas of Russian legislation and put forward proposals for its amendment. The article provides a definition of "patent trolling" in a broad and narrow sense. The root causes of the emergence and goals of modern "patent trolling" are revealed. Examples from foreign and Russian judicial practice are given, showing typical and atypical examples of trolling, revealing the peculiarities of our country in the context of the topic under consideration and Western countries, where the problem of patent trolls is quite old. The positions of Russian legal experts regarding "patent trolling" will be presented. We will determine the difference between the practice of "trolls" in Russia and foreign countries. Using examples, we will study the tactics and strategy of "trolls". In the article, we will derive the criteria and goals of "patent trolls", and also determine the criteria by which trolls choose their targets. We will analyze possible problems of legislation that allow mass plaintiffs to exist. Using an example, we will show possible tactics for combating "trolls". We will point out possible ways to solve the problems that have arisen.

Key words: Civil law, intellectual rights, "patent trolling", arbitration process.

Проблемы патентных споров исследуются разными авторами достаточно долгое время. Написаны кандидатские и докторские диссертации, статьи в разных журналах, однако, тему злоупотребления интеллектуальных прав («патентный троллинг») практически не затрагивается на популярных сайтах, по типу «Киберленинки», всего двадцать восемь правовых статей на данную тематику, а значит проблема исследована недостаточно и нуждается в научном осмыслении. Иное же положение сложилось в западных странах. Тема злоупотребления с использованием интеллектуальных прав там находится в заголовках передовых СМИ, тут Wall Street Journal, The New York Times, The Washington Post, британский WIRED и тематическая пресса Intellectual Asset Management, перечислять можно очень долго, статей много и все они за разные периоды. В России дела, связанные с «патентным троллингом» более редкие, подобному явлению есть логичное объяснение. Количество регистраций интеллектуальной собственности, как в странах запада, так и востока в разы превышает количество патентов, выданных в России, многие технологии импортные.

Для начала исследования какого-то явления мы должны дать определение, что следует считать «патентным троллингом» и относится это понятие исключительно к патентному праву?

Сначала надо пояснить законодательную основу, благодаря которой правообладатель патента может манипулировать рыночными субъектами для извлечения собственной выгоды. В первую очередь возьмём российскую законодательную базу. Согласно ст. 1357 ГК РФ право получения патента принадлежит автору произведения и может быть передано на законных основаниях другому лицу. Главой 72 ГК РФ не установлено обязательное использование запатентованного объекта. Нормами гражданского права установлены ограничения, которые могут способствовать выдаче принудительной лицензии, однако, такое

маловероятно. Патентообладатель может осуществлять управление своими правами через корпоративные структуры, созданные самостоятельно или с привлечением иных организаций.

Первое, что необходимо сразу обозначить, это понятие «патентный троллинг». Это словосочетание сленговое и хоть имеет отношение к патентному праву (от него как явление происходит), но, как у многих понятий, существует несколько значений термина. Стоит сразу сказать, что в иностранной литературе используется более научнообразный термин «непрактикующие компании» [2, с.56]. В узком смысле «патентный троллинг» — это форма поведения и использования, принадлежащих правообладателю патентных прав в качестве возможности заработка на компенсациях, взысканных через суд. Как пишет Ворожевич А.С. «патентными троллями» называются компании, которые не производят и не продвигают собственный продукт, а получают патенты для целей подачи исков о нарушении своего исключительного права против фирм, уже использующих технологию» [1.с.3]. В литературе выделяют несколько признаков «патентного тролля». Во-первых, фирма, осуществляющая «патентный троллинг» не использует патент. Во-вторых, их основная деятельность сконцентрирована на регистрации патентов для последующей подачи суд и заработка на компенсациях. В-третьих, не ведёт никакой реальной деятельности, не занимается исследованиями или производством чего-либо, торговлей. К.В. Шуртаков, в своей статье более чётко описывает бизнес-модель, он приводит пример на основе дела с участием «Лаборатории Касперского». Смысл в том, чтобы ответчик по таким делам соотносил издержки по делу и отчисления по лицензионному договору. «Лаборатория Касперского» потратила два с половиной миллиона долларов на судебные разбирательства, в следствии больших затрат многие компании выбирают просто платить отчисления «патентным троллям». Суд в США сослался на то, что

Истец (компания IPAT) специализируется на подаче схожих исков. Кроме этого «Лаборатория Касперского» подала иски ещё против пятидесяти компаний [6.с.293].

Действия «патентных троллей» ограничиваются не только патентными отношениями, поскольку связано с товарными знаками (знаками обслуживания, комбинированными знаками) не в меньшей степени. То есть в широком же смысле – это использование всех видов интеллектуальных прав, как инструмент конкурентного преимущества или «экономического рейдерства» [4.с.61].

Объектами «патентного троллинга» в странах запада становятся в основном очень крупные компании, например eBay (Ибэй – крупный ретейлер по продаже и перепродаже товаров). Дело, рассматриваемое судом США eBay Inc. v. Merc Exchange, LLC, компанией Истцом (eBay Inc.) была запатентована бизнес-схема, которой пользовался Ответчик (Merc Exchange, LLC). Требование Истца заключалось в применении судебного запрета для Ответчика, в использовании запатентованной собственности и взыскание убытков. Ответчик же пытался оспорить патент и признать его недействительным, однако суд встал на сторону Истца, но учитывая экономическую важность Ответчика и характер иску Истца, как компанию, которая патент не использует, обязал только возместить убытки. Объектом «патентного троллинга» в России служат небольшие компании и индивидуальные предприниматели, которые не способны противостоять крупному капиталу. В данном деле есть ещё один примечательный момент: в решении суд даёт один из признаков компании «тролля» и так как в США право основано на прецеденте, то на это решение можно ссылаться при принятии новых судебных актов. По мнению суда, существуют так называемые не практикующие патентообладатели, которые не имеют намерения использовать патенты и держат их исключительно в целях заключения лицензионных договоров [3.с.57].

Многие «патентные тролли» используют практику взыскания компенсации за неправомерное использование исключительных прав и так как в США судебное делопроизводство крайне дорогое, то компании заключают внесудебное соглашение с выплатой определённой суммы регулярно или единой суммой с правом использования запатентованной собственности. В США нет правового механизма о взыскании судебных издержек с проигравшей стороны и суд в каждом отдельном случае решает вопрос о возложении издержек на ту или иную сторону. Есть вполне интересный пример дела Octane Fitness, LLC v. ICON Health & Fitness, Inc., 572 US 545 (2014), где

Истцу из числа «патентных троллей» не удалось принудить Ответчика к заключению лицензионного соглашения. В результате разбирательства иск был отклонён, потому как Ответчик не нарушает патентные права Истца. Однако издержки Ответчику суд не взыскал, поскольку он не доказал субъективную недобросовестность Истца. Поэтому в большей части случаев компании-ответчики стремятся урегулировать спор в досудебном порядке, так как судебные могут быть слишком высоки. Как мы видим на приводимом выше примере с компанией «Лаборатория Касперского», потратившей на суд против «патентного тролля» два с половиной миллиона долларов. Издержки значительные и их могут покрыть только большие компании. Ввиду всего вышеперечисленного стороны в подобных спорах обычно заключают мировое соглашение с последующим лицензированием результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

В статье доктора юридических наук Синицына С.А. о «патентных троллях» приводится следующее мнение: «патентный тролль» пытается извлечь максимальную финансовую выгоду из патента, который он не применял, не применяет и не имеет намерения применять на практике». [5.с.21]. Автор статьи показывает, что деятельность недобросовестных правообладателей основана на неурегулированной в праве ситуации, когда запретительная функция исключительного права сама по себе не может быть правонарушением. Он, в целом, верно задаёт вопросы о правомерности отнесения не практикующих патентообладателей к правонарушителям? Тормозят ли они прогресс? Можно ли такую форму ведения дел признать недопустимой или стоит узаконить её? Возможно ли обязать правообладателя использовать принадлежащий ему патент или обязать совершенствовать принадлежащую интеллектуальную собственность? Тут, конечно, возникает опасность слишком серьёзного использования ограничения прав собственности на объекты интеллектуальных прав. Однако, как в европейском праве, так и в США ведутся дискуссии на этот счёт.

Как нам кажется, без выделения чётких критериев «патентного тролля» принципиально невозможно построить адекватной стратегии противодействия злоупотреблению интеллектуальными правами, лишь чёткая позиция законодателя может изменить положение.

Тем временем, все, найденные мной статьи, обычно концентрируются на «патентном тролле», как на лице, обладающем зарегистрированным правом, при этом обязательно не практикующем правообладателем и на его жертве абсолютно полной противоположности. Хотя практика пока-

зывает, что это абсолютно не верное утверждение, которое сильно сузило понятие до «злоупотребление в области патентного права», тем временем как мы отмечали в самом начале понятие «патентный тролль» и явление «патентный троллинг» являются сленговыми и не всегда связаны именно с патентным правом. Российские правоведы несознательно искажают смысл английского выражения «patent trolling» или «patent hoarding», забывая, что чётких критериев нет и при этом упуская изначальный термин «не практикующая компания». В целом корректнее термин «патентный троллинг» заменить на более ёмкое и понятное выражение «Злоупотребление правом на объекты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации».

Ситуация в нашей стране с «патентным троллингом» не типичная и редко связана именно с патентами, хотя и классические примеры в нашей судебной практике тоже есть. В деле А40-29590/2020 Истец (СКВИН СА) подал иск против компании ООО «Самсунг Электроникс Рус Компани» о запрете использования патента № 2686003 (система электронных платежей) и запрете на ввоз смартфонов Самсунг, использующие программу Самсунг пэй (то есть почти всех устройств). Первая инстанция приняла решение в пользу истца и требования удовлетворила. Однако, апелляционная инстанция решение отменила и приняла новый судебный акт, согласно которому не все смартфоны Самсунг имеют возможность пользоваться спорным приложением, при этом эта возможность не говорит о каких-то функциональных и технических возможностях телефона, охраняемых патентом, а только опциональной установке на телефон. Также, суд второй инстанции указал на отсутствие доказательств тождественности технологии, защищённая патентом и используемая в телефонах Самсунг. Суд второй инстанции в тоже время указал на злоупотребление правом со стороны Истца и отсутствие доказательств использования патента. Остальные инстанции согласились с выводами девятого апелляционного суда. Данный пример выражает абсолютно типичным для «патентного троллинга», однако, чаще «тролли» обращают своё внимание на средства индивидуализации.

Если говорить об этом явлении на территории России, в статье Гаджиев Г.А. приводит пример, который более полно раскрывает понятие «патентного троллинга» в России. Он пишет следующие: «В России получила распространение практика регистрации чуть ли не каждого кадра из известных мультфильмов. После этого правообладатели вчиняют иск о взыскании компенсации к индивидуальным предпринимателям, сами заказывая у них, например, торты с изображением

любимых детьми персонажей или широко практикуя контрольные закупки». Данная цитата хорошо иллюстрирует явление «патентного троллинга» в России, поскольку в нашей стране оно больше связано с интеллектуальными правами, не затронутые патентной защитой [3.с.57].

Однако, есть возможность борьбы с недобросовестными рыночными агентами и порой жертва «патентного троллинга» даёт отпор и даже выигрывает спор. Примером могут служить дело № А11-417/2019, «тролль» заранее зарегистрировал товарный знак «Планета» свидетельство № 299509 и несколько схожих словосочетаний «Планета удачи» свидетельство № 732603, «Планета покупок» свидетельство № 725926. Далее Истец обратился в суд за защитой исключительного права на товарный знак и взысканием компенсации в размере 600 000 рублей с ООО «Планета», также назывался и одноимённый торговый комплекс во Владимирской области. Суд первой инстанции отказал Истцу в требованиях и назвал подобное использование товарных знаков недобросовестным и говорит об обязанности правообладателя использовать товарный знак. Апелляционная инстанция оставила решение без изменений. С Арбитражным судом Владимирской области не согласился Суд по интеллектуальным правам и направил дело на новое рассмотрение. Кассационный суд руководствовался степенью смешения вывески торгового центра Ответчика и товарного знака, принадлежащего Истцу и тем, что суды основывали выводы о малой степени вероятности смешения обозначений, тем самым, мало мотивировав отказ в иске. После направления дела в первую инстанцию суд повторно отказал в исковых требованиях и указал на тот факт, что Истец, судя по картотеке арбитражных судов, массово подаёт иски с похожими требованиями. Апелляционная инстанция отменила решение нижестоящей инстанции и требования Истца удовлетворила, взыскала с Ответчика 100 000 рублей. Кассационный суд оставил постановление суда второй инстанции без изменений. Окончательно ситуацию разрешил Верховный Суд РФ. В своём определении он оставил решение суда первой инстанции в силе, а судебные акты апелляционной и кассационной инстанций отменил. В своём определении ВС РФ руководствовался тем, что Истцом так и не было представлено достаточных доказательств продажи товаров или оказания услуг под данным товарным знаком. На основе этого примера мы можем увидеть, что правовые возможности для отпора подобным массовым истцам имеются, однако, необходимо доказать недобросовестность «патентного тролля».

Также хочется показать не типичное проявление «троллинга». Из практики может служить следующий случай. Арбитражный суд Нижегородской области рассматривал дело № А43-22576/2024 по иску ООО «Союзмультфильм» к ИП Силаеву Александру Викторовичу о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав компании. Ответчик не правомерно использовал изображение «Волк», принадлежащие Истцу. Арбитражный суд взыскал в пользу Истца десять тысяч рублей и десять тысяч рублей в пользу киностудии ООО «Союзмультфильм». Такие дела носят просто массовый характер, их десятки тысяч. В практике арбитражных судов очень много мировых соглашений по делам данной категории, так как единственное, что остаётся Ответчику в данном споре — это попытаться уменьшить свои потери. Хотя это не типичный пример «троллинга», однако, ситуация в целом показательная и полностью попадает под критерии недобросовестного поведения, обозначенные нами в самом начале.

Для противодействия злоупотреблениям необходимо вносить законодательные изменения. Во-первых, выработать концепцию «лёгких патентов», чтобы регулировать незначительные изменения, вносимые в первоначальную технологию, более тщательно контролировать регистрацию товарных знаков (знаков обслуживания). Во-вторых, необходимо более серьёзно проработать институт принудительной лицензии. Российское законодательство имеет в своём составе норму ст. 1362 ГК РФ, однако, необходимо расширение её действия на все объекты интеллектуальной собственности. Стоит пересмотреть институт компенсации за нарушение интеллектуальных прав. Важна прежде всего сама презумпция несения ущерба и сам заявитель полностью освобождён от доказывания ущерба в рамках, установленных в ГК РФ суммах, чем пользуются многие «тролли». Такая форма взыскания компенсации чужда принципам гражданского права и походит, скорее всего, на методы административного права и в контексте рассматриваемой темы приводит к неосновательному обогащению.

В настоящей статье мы определили цели и причины злоупотреблений, связанных со сферой интеллектуального права. Стоит резюмировать, что понятие «патентный тролль» не относится исключительно к патентным правам, а должно быть применимо и ко всей сфере интеллектуальных прав. С точки зрения терминологии вместо термина «патентный тролль» употреблять «юридический тролль» или распространённый в англоязычной литературе «не практикующая организация».

Цель «троллей» очевидна – это заработок через массовую подачу исков, «тролли» регистрируют незначительные технологические изменения, узнаваемые обозначения в качестве товарных знаков (знаков обслуживания). Если для Европы и США характерны классические «патентные тролли», то в России «тролли» обосновались в сегменте средств индивидуализации, хотя есть примеры манипуляции патентами, которые приводились выше, но это редкие случаи. Объектами «троллинга» выступают, если говорить про Европу и США, то это крупные технологические компании, для России же это средний и малый бизнес, который в том или ином виде затрагивает исключительные права «троллей».

Мы установили, что для «троллей» характерна массовая подача исков против огромного числа юридических и физических лиц, использующих точно такую же или похожие объекты интеллектуальных прав, для этого массовые истцы заблаговременно регистрируют на себя необходимую интеллектуальную собственность. Недобросовестность таких участников можно установить через картотеку арбитражных судов. Как правило будет очень много похожих исков к другим компаниям. Также, можно будет сослаться на недавнюю регистрацию схожего по степени смешения товарного знака или иного объекта интеллектуальных прав.

В целом, действующее российское законодательство потворствует действиям массовых истцов. Изначально, заложенные в закон нормы, согласно которым Истцу не нужно доказывать реально нанесённый ущерб, надо лишь подтвердить факт нарушения, такая форма взыскания может напоминать методы административного права.

Зарубежная и Российская практика патентного «троллинга» отличается, однако, смысл данного явления один – это заработок на манипуляции интеллектуальными правами. С массовыми истцами можно и нужно бороться, не стоит потворствовать их желаниям, не идти на мирное или лицензионное соглашение, а спланировать грамотную стратегию судебной защиты.

Список литературы:

- [1] Ворожевич А.С. Патентный троллинг: сущность, история, правовые механизмы борьбы // Закон. - 2013. - № 9. - С. 1 - 18.
- [2] Гаджиев Г.А. Патентный троллинг: вопросы правовой квалификации (Часть 1) // Журнал российского права. - 2021. - Т. 25. № 1. С. 31 - 39.
- [3] Гаджиев Г.А. Патентный троллинг: вопросы правовой квалификации (Часть 2) // Журнал российского права. - 2021. - Т. 25. № 3. С. 49 - 62.

[4] Николаев К.А. Правовые средства пресечения патентного троллинга и возможности применения законодательства о защите конкуренции // Предпринимательское право. - 2019. - № 1. - С. 60 - 66.

[5] Сеницын С.А. Злоупотребление правом: от общего к частному (на примере патентных прав) // Вестник гражданского права. - 2022. - № 6. С. 55 - 97.

[6] Шуртаков К.В. Патентные тролли: анализ зарубежной и российской практики // Экономика науки. - 2016. - Т. 2. № 4. - С. 293 - 303.

Spisok literatury:

[1] Vorozhevich A.S. Patentnyj trolling: sushchnost', istoriya, pravovye mekhanizmy bor'by // Zakon. - 2013. - № 9. - С. 1 - 18.

[2] Gadzhiev G.A. Patentnyj trolling: voprosy pravovoj kvalifikacii (CHast' 1) // Zhurnal rossijskogo prava. - 2021. - Т. 25. № 1. С. 31 - 39.

[3] Gadzhiev G.A. Patentnyj trolling: voprosy pravovoj kvalifikacii (CHast' 2) // Zhurnal rossijskogo prava. - 2021. - Т. 25. № 3. С. 49 - 62.

[4] Nikolaev K.A. Pravovye sredstva presecheniya patentnogo trollinga i vozmozhnosti primeneniya zakonodatel'stva o zashchite konkurencii // Predprinimatel'skoe pravo. - 2019. - № 1. - С. 60 - 66.

[5] Sinicyn S.A. Zloupotreblenie pravom: ot obshchego k chastnomu (na primere patentnyh prav) // Vestnik grazhdanskogo prava. - 2022. - № 6. С. 55 - 97.

[6] Shurtakov K.V. Patentnye trolli: analiz zarubezhnoj i rossijskoj praktiki // Ekonomika nauki. - 2016. - Т. 2. № 4. - С. 293 - 303.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-365-370

БАГДАСАРОВ Александр Игоревич,
аспирант
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского,
e-mail: sabzero201@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ

Аннотация. Работа посвящена анализу теоретико-методологических подходов к определению правовой природы интеллектуальной деятельности и ее результатов. Проанализированы историко-правовые особенности становления и развития доктринальных концепций интеллектуальной деятельности как правовой категории. Показано место и роль интеллектуальной деятельности в содержании правового статуса автора ее результатов. Акцентируется на творческом характере создания результатов интеллектуальной деятельности, детерминирующем современную концепцию интеллектуальных прав в частноправовом регулировании.

Ключевые слова. Частноправовое регулирование, интеллектуальные права, интеллектуальная деятельность, результат интеллектуальной деятельности, автор результата интеллектуальной деятельности, гражданское законодательство, цивилистика, теоретико-методологические подходы, творчество, интеллект.

BAGDASAROV Alexander Igorevich,
postgraduate student of the
V.I. Vernadsky Crimean Federal University

INTELLECTUAL ACTIVITY AND ITS RESULTS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF LEGAL NATURE

Annotation. The work is devoted to the analysis of theoretical and methodological approaches to the definition of the legal nature of intellectual activity and its results. The historical and legal features of the formation and development of doctrinal concepts of intellectual activity as a legal category are analyzed. The place and role of intellectual activity in the content of the legal status of the author of its results is shown. The article focuses on the creative nature of creating the results of intellectual activity, which determines the modern concept of intellectual property rights in private law regulation.

Key words. Private law regulation, intellectual rights, intellectual activity, result of intellectual activity, author of the result of intellectual activity, civil legislation, civics, theoretical and methodological approaches, creativity, intelligence.

Введение

Определение концептуального, формально-юридического и правоприменительного содержания частноправового регулирования статуса автора результата интеллектуальной деятельности требует установления теоретико-методологических основ и закономерностей эволюции правовых составляющих категории «интеллектуальная деятельность» как необходимого праксиологиче-

ского условия возникновения прав интеллектуальной собственности (интеллектуальных прав) в качестве института гражданского права и, при осложнении наличием иностранного элемента в одной из его возможных форм, международного частного права.

Интеллектуальная деятельность является видом деятельности, производной от понятия «интеллект», представляющего собой разнопла-

новый и многослойный феномен, продуцирующий самые разнообразные формы и способы решения умственных задач в различных сферах общественных отношений.

Основная часть

По мнению А.Н. Воронина, «интеллект связан с формами познания высшего порядка: формированием понятий, рассуждением, решением задач, творчеством и т.п.» [1, с. 37], что совершенно очевидным образом, с одной стороны дает возможность провести разграничение между интеллектуальной и физической деятельностью человека, а с другой стороны, привязывает интеллектуальную деятельность к достижению определенного конечного результата, ощутимо для субъекта интеллектуальной деятельности и, при некоторых условиях, для общества (определенного либо неопределенного круга окружающих индивидов).

В качестве главного качества интеллекта, предопределяющего его онтологическое место и предназначение среди инструментов, которыми обладает индивид, в литературе называют «приобретать, воспроизводить, использовать знания» [1, с. 41], что, по большому счету, составляет и основное содержание интеллектуальной деятельности как определенного процесса, имеющего конкретные предметные, временные и пространственные рамки.

В общем смысле философии познания, как отмечают многие исследователи, гносеологический вектор интеллектуальной деятельности в целом всегда, независимо от конкретных форм ее осуществления, направлен на формирование программы деятельности, постановку цели, определение мотива [2, с. 44].

В различных науках, как правило, выделяют несколько основных задач, решаемых субъектами интеллектуальной деятельности в процессе реализации умственных процессов, имеющих творческий, инновационный характер [3, с. 181].

Во-первых, это интерпретационная задача [4, с. 67], которая заключается в установлении смысла данных, точного их содержания, обобщении и систематизации, направленной на обеспечение реализации какой-либо принципиально новой функции как в общественной, так и в технической плоскости (для ее успешного решения субъекту интеллектуальной деятельности необходимо предварительно провести еще эффективный сбор и организовать хранение полученных данных, необходимых для дальнейшей рациональной интерпретации). В отдельных видах интеллектуальной деятельности данная задача является преобладающей, например, при созда-

нии переводчиком перевода художественного произведения, либо при составлении базы данных, предполагающем обобщение и правильную интерпретацию уже имеющегося большого объема данных.

Во-вторых, интеллектуальная деятельность в ее различных внешних формах выражения направлена на диагностику ошибок, неисправностей, неточностей в уже существующей системе, процессе, явлении, произведении с целью их улучшения, совершенствования и модернизации. Так, селекционные достижения всегда фундаментально основаны на глубоком изучении свойств уже существующих сортов растений и пород животных с целью интеллектуального нахождения новых, усовершенствованных, вариантов, исходя из экономических и эстетических задач, востребованных в социуме.

В-третьих, интеллектуальная деятельность решает задачу мониторинга [5, с. 38], состоящую в постоянном (текущем) получении данных, необходимых для создания будущего результата интеллектуальной деятельности, в режиме реального времени. Например, актуальное и юридически признаваемое изобретение требует предварительного мониторинга уже существующих разработок в рамках соответствующего предмета научно-технического знания, изучения уже потенциально созданных и применяемых российских и зарубежных аналогов.

В-четвертых, в процессе интеллектуальной деятельности индивида выделяются такие ее важнейшие задачи, как прогнозирование [6, с. 28] и проектирование – две футуристические функции, направленные на получение принципиально нового результата интеллектуальной деятельности. Относительно природы указанных функций следует отметить, что промышленные (коммерческие) результаты интеллектуальной деятельности в своей концептуальной основе немыслимы без осуществления интеллектуально опосредованного проектирования, предполагающего возможность дальнейшего воспроизводства (тиражирования) объекта по созданному интеллектом проектировщика шаблону (создание таких результатов интеллектуальной деятельности, как полезная модель, промышленный образец, товарный знак и т.п.).

Кроме обозначенных основных задач, имманентно присущих интеллектуальной деятельности, в отдельных исследованиях обозначаются такие, как: управление; принятие решений; коррекция; классификация; обучение; диспетчирование и некоторые другие [5, с. 42].

Многие авторы сводят перечисленные задачи к двум большим группам – задачам ана-

лиза и задачам синтеза, которые рассматриваются в разрезе содержания интеллектуальной деятельности дихотомически и в диалектическом единстве [5, с. 44].

С правовой точки зрения, интеллектуальная собственность рассматривается с точки зрения категория присвоения ее результатов, на основе чего выделено понятие «интеллектуальная собственность», «право интеллектуальной собственности» (в объективном значении совокупности правовых норм) и «права интеллектуальной собственности» (в значении субъективных интеллектуальных прав, основным и обязательным носителем которых выступает автор результата интеллектуальной собственности).

Характерным отличием материального присвоения результатов интеллектуальной деятельности при этом является то обстоятельство, что юридически оно происходит уже после осуществления самого акта интеллектуальной деятельности, в результате которого появился соответствующий результат.

При этом, по обоснованному мнению Ю.А. Варфоломеевой, «права на результаты интеллектуальной деятельности – один из самых спорных вопросов в области собственности» [7, с. 28], что связана с дискуссией о признании интеллектуальной собственности особым видом собственности либо выделении ее в качестве особой группы субъективных прав.

С точки зрения экономического подхода к интеллектуальной деятельности и ее результатам, права на результаты интеллектуальной деятельности (объекты интеллектуальной собственности) представляют собой особый вид собственности. Так, по определению представителя российской экономической науки профессора А.Е. Шаститко, являющегося автором новой институциональной экономической теории, «объекты интеллектуальной собственности являются подмножеством объектов собственности» [8, с. 11], т.е., иными словами, находятся в общей цивилистической парадигме классической триады правомочий собственника в вещном праве.

Эта триада выражается при осуществлении права собственности на результаты интеллектуальной деятельности следующим образом: а) право владения означает, что законный обладатель результата интеллектуальной деятельности имеет возможность непосредственного воздействия на него; б) право пользования предусматривает использование результата интеллектуальной деятельности для извлечения выгоды в виде получения дохода, компенсирующего затраты на создание и приносящего прибыль; в) право распоряжения подразумевает право собственника на использование результата интеллектуальной дея-

тельности по своему усмотрению, что открывает доступ к объектам прав интеллектуальной собственности третьим лицам (как правило, на возмездной основе, хотя, безусловно бывают исключения безвозмездного характера), помимо их авторов, осуществивших интеллектуальную деятельность, которая привела к созданию определенного ее результата.

Экономический подход позволяет также провести достаточно четкое разграничение между вещными правами и правами интеллектуальной собственности (правами на результаты интеллектуальной деятельности) по критерию способа удовлетворения потребностей индивида и общества. Если вещные права направлены на удовлетворение материальных потребностей (пример объекта вещного права – книга как физический объект, промышленное бумажное изделие), то права на результаты интеллектуальной деятельности удовлетворяют индивида и общество своим сущностным содержанием (например, научная информация, заключенная в тексте книги, либо техническое решение, положенное в содержательную основу промышленного образца).

Исходя из подобного понимания, интеллектуальная деятельность является онтологическим механизмом создания исключительно содержательной стороны ее результатов, а не их внешней (вещной по своей природе) форме выражения и распространения в социуме, выступающей носителем достигнутого в результате проведения автором целенаправленной интеллектуальной деятельности содержания.

Другой взгляд на природу и содержание результатов интеллектуальной деятельности представлен в теориях научно-технического прогресса, традиционно находящихся на синергетическом стыке общественных и технических наук.

Согласно данным теориям, результаты интеллектуальной деятельности необходимо рассматривать как экономический институт, активно влияющий на инновационный процесс, а не только как комплекс правовых норм. Как утверждает основоположник одной из теорий научно-технического прогресса Р. Камерон, представляющий в своих работах историю человечества в качестве смены определенных экономических форм жизнедеятельности, «на заре промышленного развития в XVIII в. наука и научное знание были слишком слабыми, чтобы их можно было применять в производственных процессах... Лишь во второй половине XIX в. научные теории стали играть роль основы для разработки новых процессов и создания новых отраслей» [9, с. 208], следовательно, именно начиная с обозначенного периода исследователь отмечает целесообразность создания комплексного правового регулирования экономи-

ческих отношений, связанных с результатами интеллектуальной деятельности, достигшими уже к указанному этапу достаточной сложности и многообразия.

Безусловно, в контексте теории научно-технического прогресса как объяснения содержания и закономерностей интеллектуальной деятельности, рассматриваются, прежде всего, промышленные результаты интеллектуальной деятельности, с юридической точки зрения, представляющие собой объекты права промышленной интеллектуальной собственности, охватываемые в современных условиях патентным правом. Выдвижение концептуальной идеи о справедливом участии создателя промышленной инновации в получении прибыли от предпринимательской деятельности при этом впервые была выдвинута Й. Шумпетером [10, с. 145], который, вместе с тем, рассматривал данную проблему исключительно с точки зрения экономического инструментария, а не комплексной юридической защиты прав автора результата интеллектуальной деятельности.

В любом случае, начиная с Нового времени и до сегодняшних дней, совершенно четко прослеживается детерминация усложнения правового регулирования авторства на результаты интеллектуальной деятельности появлением принципиально новых технологий, общим научно-техническим прогрессом в обществе, дифференциацией форм результатов интеллектуальной деятельности в технологических сферах.

Наряду с процессом постепенной эволюции законодательных основ, начиная с конца XIX ст. на доктринальном уровне разрабатывались многочисленные научные теории, обосновывающие концепцию авторских прав на результат своей интеллектуальной деятельности.

Так, представитель немецкой классической философии Ф. Ланге исходил из рентной теории, согласно которой труд автора должен оплачиваться [11, с. 188]. К. Гарейс одним из первых систематизировал и классифицировал объекты (результаты) интеллектуальной деятельности, отмечая, что защите подлежат именно проявления индивидуальности, отраженные в этих объектах [12, с. 42].

С историко-правовой точки зрения, необходимо отметить, что эволюция отношений присвоения результатов труда (умственного и физического), выраженного в институте права собственности как основного вещного права, имеет свои истоки в римском частном праве, рецепция которого предопределило магистральный вектор развития вещного права во всех правовых системах романо-германской (континентальной) правовой семьи.

В римском праве идея присвоения (права собственности) возникла в качестве конструкции

«завладение» (лат. occupatio) («Книга сорок первая» в Титулах I–X «Дигест Юстиниана») [13], устанавливающая случаи правомерного завладения вещью, легитимирующего ее «захватчика» как собственника (в качестве одного из объектов правомерного завладения называются, например, дикие животные, а также животные, рожденные от тех животных, которые уже принадлежат лицу; неожиданно возникший речной или морской остров; улетевший из поля видимости собственника рой пчел, и некоторые другие).

Если анализировать историко-правовые аспекты становления и эволюции института интеллектуальных прав, следует отметить, что первым в истории литературным источником, фиксирующим факт установления определенных защитных ограничений в исследуемой сфере частноправовых отношений, считается монополия, предоставленная поварам в греческой колонии Сибарис в 500 г. до н. э. на приготовление некоторых видов кулинарных блюд [14], что можно считать аналогом такого известного современному гражданскому праву результату интеллектуальной деятельности, как секрет производства (ноу-хау), а также, с известной долей условности, наименования места происхождения товара.

В римском частном праве, которое уже было обозначено как фундамент современного вещного права, хотя и отсутствовало понятие «интеллектуальная собственность», которое появилось и устоялось позднее, тем не менее, вопросы о содержании и защите интеллектуальных прав, в особенности – авторского права на художественные произведения, римскими юристами обсуждались с пониманием их существенного отличия от классических вещных прав, предполагавших владение, пользование и распоряжение имуществом, имевшим физическую (материальную) форму. Вместе с тем, на законодательном уровне известной является приведенная И.А. Покровским в качестве примера определенного пренебрежения к неимущественной ценности произведения норма о принадлежности поэмы, написанной на чужом папирусе собственнику папируса, а не поэту [13, с. 42], что, очевидно, действительно свидетельствует об абсолютном «овеществлении» частноправовых отношений в римском праве, сведении концептуального понимания права собственности к вещному праву на материальные объекты.

В то же время, гражданско-правовой институт интеллектуальной собственности, целенаправленно ориентированный на защиту результатов интеллектуальной деятельности, в его современном виде сформировался уже в средневековой Европе.

По справедливому мнению И.А. Покровского, развитие института интеллектуальной собствен-

ности в постантичном мире представлял собой огромный шаг вперед по сравнению с римским частным правом [13, с. 42], в парадигме которого основное внимание уделялось вещному праву, а зарождение правовой концепции интеллектуальных прав находилось еще в теоретико-дискуссионном, эмбриональном состоянии.

Существует мнение, что аналогия интеллектуальной собственности с правом собственности как вещным правом не преодолена и в современной гражданско-правовой доктрине, и, возможно, не может быть до конца преодолена по определению.

Реформа современного российского законодательства об интеллектуальных правах и авторстве на результаты интеллектуальной деятельности, порождающие и объективирующие права интеллектуальной собственности, по свидетельству выдающихся отечественных цивилистов, принимавших непосредственное участие в указанном процессе, В.Ф. Яковлева и Е.А. Суханова [15, с. 7], была связана, в первую очередь, с решением таких задач кодификационного характера:

1) Полное сосредоточение в Гражданском кодексе (далее – ГК РФ) всего гражданского законодательства об интеллектуальной собственности и ряда неразрывно связанных с ним иных норм (регистрационных правил, преимущественно имеющих административно-правовую, а не цивилистическую, природу), что повлекло отмену целого комплекса федеральных законов, принятых в период 1992-1993 гг. вследствие проведенной большой частноправовой кодификации (кодификационный аспект реформирования гражданско-правового института интеллектуальной собственности. – Авт.).

2) Приведение федерального законодательства об интеллектуальной собственности в единую систему, что особенно проявляется в выделении главы 69 «Общие положения», представляющей собой систематизацию базовых положений о результатах интеллектуальной деятельности, их авторстве и праве собственности (системно-структурная унификация. – Авт.).

3) решение проблемных вопросов соотношения прав интеллектуальной собственности с общими положениями гражданского законодательства, устранение противоречий между ними (цивилистическая унификация. – Авт.).

4) проведение кодификационной работы юридико-технического характера с целью повышения качества нормативного правового материала, предметно регулирующего частноправовые аспекты прав на результаты интеллектуальной деятельности (юридико-технический аспект кодификации. – Авт.).

Результаты усовершенствований нашли свое нормативное расположение в Разделе VII ГК РФ «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» [16].

Заключение

Анализируя процесс создания результатов интеллектуальной деятельности, следует отметить сферы, в которых происходит указанный процесс с правовой точки зрения, исходя из факта предоставления правовой защиты в международно-правовых и внутригосударственных источниках права интеллектуальной собственности в объективном значении: а) производственная (промышленная, технологическая) сфера; б) научная сфера; в) литературная сфера; г) художественная сфера.

В свою очередь, интеллектуальная собственность как гражданско-правовая категория означает права на результаты интеллектуальной деятельности в указанных сферах (производственной, научной, литературной, художественной), чем предопределена исчерпывающая (закрытая) систематизация охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в ст. 1225 ГК РФ.

Перечень, представленный в ст. 1225 ГК РФ, является дихотомическим, поскольку состоит из двух объединенных единым гражданско-правовым регулированием частей – результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации юридических лиц. Этот перечень представляет собой «стержень» всей Части четвертой ГК РФ, определяя ее внутреннюю архитектуру, структуру и юридико-техническую логику изложения.

Список литературы:

- [1] Воронин А.Н. Интеллектуальная деятельность: проявление интеллекта и креативности в реальном взаимодействии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 3. С. 35-58.
- [2] Сорокина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. М.: Канон +, 2009. 272 с.
- [3] Клещев А.С., Шалфеева Е.А. Онтология задач интеллектуальной деятельности // Онтология проектирования. 2014. Т. 2. № 5. С. 179-205.
- [4] Гаврилова Т.А., Хорошевский В.Ф. Базы знаний интеллектуальных систем. СПб: Питер, 2000. 384 с.
- [5] Тельнов Ю.Ф. Интеллектуальные информационные системы. М.: МЭСИ, 2004. 246 с.
- [6] Боргест Н.М. Ключевые термины онтологии проектирования: обзор, анализ, обобщения // Онтология проектирования. 2013. № 3. С. 9-31.

[7] Варфоломеева Ю.А. Интеллектуальная собственность в условиях инновационного развития. М.: «Ось-89», 2006. 144 с.

[8] Трансакционные издержки, связанные с созданием и использованием прав на товарные знаки / под ред. А.Е. Шаститко. М.: Бюро экономического анализа, 2000. 158 с.

[9] Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. М: РОССПЭН, 2001. 544 с.

[10] Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. 864 с.

[11] Ланге Ф.А. История материализма и критика его значения в настоящее время. М.: URSS, 2009. 329 с.

[12] Гарейс К. Германское торговое право. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1893. 392 с.

[13] Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М., 1956. 131 с.

[14] Зеленков В.И. Право интеллектуальной собственности в Античности и раннем Средневековье // Научный аспект. 2024. № 7 // Электронный научный журнал. URL: <https://na-journal.ru/7-2024-pravo/14254-pravo-intellektualnoi-sobstvennosti-v-antichnosti-i-rannem-srednevekove> (дата обращения: 29.04.2025).

[15] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический) к ч. 4 / под ред. С.А. Степанова. 4-е изд. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2014. 456 с.

[16] Гражданский кодекс Российской Федерации от 21.10.1994 № 190-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Voronin A.N. Intellektual'naya deyatel'nost': proyavlenie intellekta i kreativnosti v real'nom vzaimodejstvii // Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. 2006. T. 3. № 3. S. 35-58.

[2] Sorina G.V. Prinyatie reshenij kak intellektual'naya deyatel'nost'. М.: Канон +, 2009. 272 с.

[3] Kleshchev A.S., SHalfeeva E.A. Ontologiya zadach intellektual'noj deyatel'nosti // Ontologiya proektirovaniya. 2014. T. 2. № 5. S. 179-205.

[4] Gavrilova T.A., Horoshevskij V.F. Bazy znaniy intellektual'nyh sistem. SPb: Piter, 2000. 384 s.

[5] Tel'nov YU.F. Intellektual'nye informacionnye sistemy. М.: MESI, 2004. 246 с.

[6] Borgest N.M. Klyuchevye terminy ontologii proektirovaniya: obzor, analiz, obobshcheniya // Ontologiya proektirovaniya. 2013. № 3. S. 9-31.

[7] Varfolomeeva YU.A. Intellektual'naya sobstvennost' v usloviyah innovacionnogo razvitiya. М.: «Os'-89», 2006. 144 с.

[8] Transakcionnye izderzhki, svyazannye s sozdaniem i ispol'zovaniem prav na tovarnye znaki / pod red. A.E. SHastitko. М.: Byuro ekonomicheskogo analiza, 2000. 158 s.

[9] Kameron R. Kratkaya ekonomicheskaya istoriya mira. Ot paleolita do nashih dnei. М: ROSSPEN, 2001. 544 s.

[10] SHumpeter J.A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, socializm i demokratiya. М.: Eksmo, 2008. 864 с.

[11] Lange F.A. Istoriya materializma i kritika ego znacheniya v nastoyashchee vremya. М.: URSS, 2009. 329 с.

[12] Garejs K. Germanskoe torgovoe pravo. М.: Tipografiya A.I. Mamontova, 1893. 392 с.

[13] Pereterskij I.S. Digesty Yustiniana. Ocherki po istorii sostavleniya i obshchaya harakteristika. М., 1956. 131 с.

[14] Zelenkov V.I. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Antichnosti i rannem Srednevekov'e // Nauchnyj aspekt. 2024. № 7 // Elektronnyj nauchnyj zhurnal. URL: <https://na-journal.ru/7-2024-pravo/14254-pravo-intellektualnoi-sobstvennosti-v-antichnosti-i-rannem-srednevekove> (data obrashcheniya: 29.04.2025).

[15] Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii (uchebno-prakticheskij) k ch. 4 / pod red. S.A. Stepanova. 4-e izd. М.: Prospekt; Ekaterinburg: Institut chasnogo prava, 2014. 456 с.

[16] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 21.10.1994 № 190-FZ // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <https://pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 29.04.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-371-373

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

ЖИХАРЕВ Д.П.,

Аспирант Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: dzhikharev@gmail.com

Научный руководитель:

БАДАНОВА Елена Вениаминовна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРИНЦИПЫ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СЕРВИСОВ

Аннотация. В работе рассмотрено законодательное регулирование по вопросу выдачи прокатных удостоверений, а также оценена возможность их применения для целей проката аудиовизуальной продукции.

В работе рассмотрена возможность функционирования аудиовизуальных сервисов преимущественно на принципах саморегулирования при соблюдении баланса между общественным интересом интересами хозяйствующих субъектов. Предложен порядок получения прокатных удостоверений без нарушения нормальной хозяйственной деятельности предпринимателей при выделении фигуры продюсера как ключевой в этом процессе.

Ключевые слова: СМИ; судебная практика; телеканал; список воспроизведения; сетка вещания.

ZHIKHAREV D.P.,

Postgraduate Student at St. Petersburg University
of Management Technologies and Economics
St. Petersburg, Russia

Scientific supervisor:

BOGDANOVA Elena Veniaminovna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Civil Law and Procedure
St. Petersburg University
of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

MECHANISMS OF STATE REGULATION AND PRINCIPLES OF SELF-REGULATION IN THE FIELD OF OPERATION OF AUDIOVISUAL SERVICES

Annotation. The paper examines the legislative regulation of the issue of issuing distribution certificates, and also assesses the possibility of their use for the purposes of renting audiovisual products.

The paper examines the possibility of audiovisual services functioning mainly on the principles of self-regulation while maintaining a balance between the public interest and the interests of eco-

... nomic entities. A procedure for obtaining distribution certificates without disrupting the normal economic activity of entrepreneurs is proposed, highlighting the figure of the producer as the key one in this process.

Key words: *media; judicial practice; TV channel; playlist; broadcasting grid.*

Прежде всего, необходимо отметить, что невозможно полностью разделять требования к аудиовизуальному сервису как к платформе, на которой размещаются аудиовизуальные произведения и требования к самим аудиовизуальным произведениям.

Контурно отметим основные нормативные акты в сфере аудиовизуальных сервисов. Общим законом киноотрасли является ФЗ от 22.08.1996 N 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» (далее - «Закон о кино»), который принимался в эпоху традиционных форматов проката кино. Менее специальным актом для кино, но более специальным для сервисов является ФЗ от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ст. 10.5 которого посвящена напрямую обязанностям владельцев аудиовизуальных сервисов. Переход от традиционного кино к онлайн кино является логическим продолжением конвергенции искусства всех форм аудиовизуального в экранном искусстве, о котором пишет Е.В. Грунчева [1.С.23].

Самой целью функционирования аудиовизуальных сервисов является де-факто назвать показ кинофильмов. Под показом фильма (в традиционном понимании) ст.2 Закона о кино понимает либо публичную демонстрацию фильма в кинозале или с помощью одного из форматов вещания, а также упоминает и другие технические способы. При этом любой показ фильма без прокатного удостоверения не допускается (ст.3 Закона о кино), за исключением ряда частных случаев. Афанасьева Е.Г. [2.С.63] указывает, что разрешительный порядок демонстрации фильмов является де-факто аналогом системы лицензирования в сфере вещания, а формой такого разрешения является прокатное удостоверение, выдача которого находится в зоне ответственности Министерства Культуры. Детали порядка выдачи прокатного удостоверения урегулированы на подзаконном уровне Приказом Минкультуры России от 21.05.2024 N 942. П. 1 данного приказа способы показа описывает уже более развернуто, включая помимо показа фильма в кинозале и непоименованными иными техническими способами также прокат фильма на материальном носителе.

Уже второй упоминаемый термин других технических способов нигде напрямую не раскрывается в нормативных актах, однако его непосредственное отношение к аудиовизуальным сервисам следует напрямую из судебной практики. Вто-

рой кассационный суд общей юрисдикции рассмотрел дело №16-1605/2024 признал факт показа на интернет-платформе «Кинопоиск» сериала показом фильма другими техническими способами, а показ без прокатного удостоверения – основанием для административной ответственности. Получается, что получение прокатного удостоверения для аудиовизуального сервиса уже должно быть формально обязательным. В связи с данным выводом стоит остановиться и на свежей законодательной инициативе (Законопроект № 795587-8) предлагающей по аналогии с прокатом кино на большом экране закрепить обязанность аудиовизуальных сервисов получать прокатное удостоверение на всю продукцию, размещенную на таких ресурсах. Сама выдача такого удостоверения предполагает соблюдение обязательных требований, предъявляемых к любой аудиовизуальной продукции для целей получения прокатного удостоверения, прежде всего связанной с необходимостью фильтровать материалы, пропагандирующие отрицание или иной формат дискредитации традиционных духовно-нравственных ценностей. Дубровин В.Л. [3.С.2] к государственной политике, имеющей непосредственное воздействие на производителей контента относит весь спектр нормативных актов в т.ч. имеющих отношение к противодействию экстремистской деятельности, фейкам, и других. Административный регламент Министерства культуры по выдаче прокатных удостоверений указывает, что лицами, имеющими право подать заявление о выдаче прокатного удостоверения являются: продюсер фильма; прокатчик фильма; демонстратор фильма; иные лица. Интересное дело, показывающее взаимосвязь частных субъектов в киносфере (в данном случае прокатчика и демонстратора), а также затрагивающее попытки добиться признания норм о прокатном удостоверении неконституционными рассмотрено Конституционным Судом РФ (Определение КС РФ от 02.10.2019 г. N 2641-О). Конституционный Суд РФ отказался рассматривать жалобу заявителя по существу ввиду того, что прокатное удостоверение отозвано не у заявителя (кинотеатра), а у прокатчика, следовательно, интересы заявителя не были затронуты. При том, что именно заявитель как демонстратор был привлечен к административной ответственности за прокат фильма без прокатного удостоверения, а убытки в виде упущенной выгоды в данном случае очевидно несут обе стороны.

Очевидно, что прокатные удостоверения для всех форм просмотра необходимы. Однако чрезмерная бюрократизация не должна вредить нормальной хозяйственной деятельности аудиовизуальных сервисов. Чтобы не допустить ситуацию, когда стороны начнут перекладывать друг на друга ответственность за выдачу прокатного удостоверения возможным решением и задачей публичной власти может стать в том числе сужение количества лиц, ответственных за получение прокатного удостоверения. Наиболее очевидной кандидатурой является кандидатура продюсера, функция которого даже законодателем определена как лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за финансирование, производство и прокат фильма. В законодательстве разных стран вопрос статуса продюсера урегулирован не одинаково. Наибольшее значение статуса продюсера имеет место в странах англо-американской системы, где он даже признается автором произведения [7. С.125]. Возможным решением могло бы быть и введение формата получения прокатного удостоверения, не вредящего хозяйственной деятельности, задействованных лиц. В частности, характер разрешения сменить на уведомительный, без прохождения всех формальностей, в случае нарушения которого компетентный орган (в данном случае Роскомнадзор) будет уполномочен привлекать к административной ответственности.

Список литературы:

[1] Е.В. Грунчева. Эволюция экранного искусства. От немого кино к 3d-видеомэппингу // Вест-

ник Челябинской государственной академии культуры и искусств». 2016. №3(47). С.23.

[2] Е.Г. Афанасьева. Вот такое кино: российская цензура под маской прокатного удостоверения // Предпринимательское право. 2020, № 4. С.63.

[3] В.Л. Дубровин. Прокатные удостоверения для отечественного художественно-игрового контента – современная российская практика // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 1 (151). С.2.

[4] Е.С. Гринь, В. А. Алексеева. Организатор создания сложного объекта интеллектуальных прав: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2018. С.125.

Spisok literatury:

[1] E.V. Gruncheva. Evolyuciya ekrannogo iskusstva. Ot nemogo kino k 3d-videomeppingu // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv». 2016. №3(47). S.23.

[2] E.G. Afanas'eva. Tot takoe kino: rossijskaya cenzura pod maskoj prokatnogo udostovereniya // Predprinimatel'skoe pravo. 2020, № 4. S.63.

[3] V.L. Dubrovin. Prokatnye udostovereniya dlya otechestvennogo hudozhestvenno-igrovogo kontenta – sovremennaya rossijskaya praktika // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2025. № 1 (151). S.2.

[4] E.S. Grin', V. A. Alekseeva. Organizator sozdaniya slozhnogo ob'ekta intellektual'nyh prav: problemy teorii i praktiki // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. S.125.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-374-379

ДЕМИДОВ Олег Геннадьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества
Псковского филиала Университета ФСИИ России,
e-mail: demidov-Oleg-Gen@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВИДАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье представлена общая характеристика видов, оснований и условий юридической ответственности (дисциплинарной, материальной, гражданско-правовой и уголовной) сотрудников уголовно-исполнительной системы за нарушение законодательства о службе.

Ключевые слова: сотрудник УИС, проступок, правонарушение, преступление, противоправность, вина, ущерб, ответственность.

DEMIDOV Oleg Gennadievich,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal Law Disciplines and Organization
of Execution of Punishments not related to the isolation of convicts from society
Pskov Branch of the Federal Penitentiary Service of Russia University

ON THE ISSUE OF THE TYPES OF LEGAL LIABILITY OF EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

Annotation. The article presents a general description of the types, grounds and conditions of legal liability (disciplinary, material, civil and criminal) employees of the penal enforcement system for violating the legislation on service.

Key words: UIS employee, misconduct, offense, crime, wrongfulness, guilt, damage, responsibility.

Проблема правового регулирования любых видов юридической ответственности по своей теоретической и практической значимости всегда являлась достаточно актуальной. Особенно, когда в качестве субъекта ответственности выступает лицо со специальным правовым статусом. В данной статье в качестве таких субъектов рассмотрим сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее УИС), условия службы которых регулируются, главным образом, нормами Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» (далее закон о службе в УИС) [1].

Сотрудники УИС, как и любые другие граждане РФ за совершение тех или иных правонару-

шений несут различные виды юридической ответственности. Вместе с тем, учитывая, что служба в УИС является одним из видов федеральной государственной службы, представляющим собой профессиональную служебную деятельность граждан РФ по контракту, сотрудники УИС в рамках своей профессиональной деятельности становятся участниками специфических комплексных, сложных по своему характеру и структуре правоотношений, которые в науке именуются служебными[2], а иногда служебно-трудовыми[3]. Данный статус сотрудника УИС предполагает и некоторые особенности отдельных видов юридической ответственности, предусмотренные, прежде всего, законодательством о службе в УИС, а также и другими законодательными актами Российской Федерации.

Так, в соответствии со ст. 15 закона о службе в УИС за совершение преступления сотрудник

несет уголовную ответственность в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации. За совершение административного правонарушения сотрудник несет дисциплинарную ответственность в соответствии с законом о службе в УИС, за исключением административного правонарушения, за совершение которого сотрудник подлежит административной ответственности на общих основаниях в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. За нарушение служебной дисциплины на сотрудника в соответствии со статьями 47, 49 – 53 закона о службе в УИС налагаются дисциплинарные взыскания. Вред, причиненный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника при исполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. В случае возмещения Российской Федерацией вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудника, федеральный орган уголовно-исполнительной системы имеет право обратного требования (регресса) к сотруднику в размере выплаченного возмещения, для чего федеральный орган уголовно-исполнительной системы может обратиться в суд от имени Российской Федерации с соответствующим иском заявлением. За ущерб, причиненный учреждению и (или) органу уголовно-исполнительной системы, сотрудник несет материальную ответственность в порядке и случаях, которые установлены трудовым законодательством Российской Федерации.

Исходя из изложенного, из всех предусмотренных нормами российского законодательства видов юридической ответственности нормами права о службе в УИС детально регламентируется лишь дисциплинарная ответственность сотрудников УИС, все другие виды юридической ответственности сотрудников регламентируются нормами других отраслей права (уголовным, административным, гражданским, трудовым).

Основанием для привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности является совершение им нарушения служебной дисциплины (дисциплинарного проступка), законодательное определение которого ныне содержится в части 1 статьи 49 Закона о службе в УИС. В части 2 указанной статьи перечислены те виды проступков, которые признаются грубым нарушением служебной дисциплины. Как и любое другое правонарушение, дисциплинарный проступок обладает совокупностью объективных и субъективных признаков, характеризующих его объект, объективную сторону, субъекта и субъективную сторону. Анализ признаков состава дисциплинарного проступка позволяет делать вывод о том, что одним

из ключевых его объективных признаков является противоправность поведения (действия или бездействия) сотрудника, а субъективным – наличие вины. При этом между самим проступком и виной сотрудника должна прослеживаться причинная связь. Наличие этих признаков для применения дисциплинарного взыскания во всех случаях является обязательным. Обстоятельством, имеющим значение для правильного рассмотрения дел об оспаривании дисциплинарного взыскания и подлежащим доказыванию, является соблюдение при применении к сотруднику дисциплинарного взыскания вытекающих из ст. 1, 2, 15, 17, 18, 19, 54 и 55 Конституции РФ и признаваемых Российской Федерацией как правовым государством общих принципов юридической, а следовательно, и дисциплинарной ответственности, таких как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм.

Даже при формальном наличии всех обязательных признаков состава дисциплинарного проступка, исходя из общих принципов и положений конституционного, административного, уголовного, трудового и служебного права России, дисциплинарная ответственность сотрудников УИС, не должна наступать в случаях наличия всех необходимых условий совершения проступка вследствие: непреодолимой силы; нормального хозяйственного или обоснованного риска; крайней необходимости; необходимой обороны; неисполнения руководителем обязанности по обеспечению надлежащих условий для выполнения сотрудником своих служебных обязанностей; исполнения обязательного приказа или распоряжения; в результате физического или психического принуждения; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений.

Порядок наложения на сотрудников УИС дисциплинарных взысканий сегодня достаточно детально определен: законом о службе в УИС, Приказом Минюста России от 31.12.2020 № 341 «Об утверждении Порядка проведения служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», дисциплинарным уставом УИС РФ[4].

В соответствии с частью 4 статьи 15 закона о службе в УИС устанавливается фактически гражданско-правовая ответственность сотрудника УИС, в соответствии с которой вред, причиненный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника при исполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством РФ[5]. В статье 16 части первой Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) [6] закре-

плено, что убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием. В статье 1069 главы 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» части второй ГК РФ установлено, что вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

В случае возмещения Российской Федерацией вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудника УИС, ФСИН России имеет право обратного требования (регресса) к сотруднику в размере выплаченного возмещения. С этой целью ФСИН России может обратиться в суд от имени Российской Федерации с соответствующим иском заявлением. Изложенное основано на норме пункта 1 статьи 1081 ГК РФ, согласно которой лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником или сотрудником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т.п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

В части 5 статьи 15 закона о службе в УИС устанавливается бланкетная норма, в соответствии с которой к государственно-служебным отношениям будет применяться трудовое законодательство РФ. Так, за ущерб, причиненный учреждению и (или) органу уголовно-исполнительной системы, сотрудник несет материальную ответственность в порядке и случаях, которые установлены главой 39 Трудового кодекса РФ (далее ТК РФ) [7].

Под материальной ответственностью сотрудника УИС понимается его обязанность возместить ущерб, причиненный работодателю (государству в лице соответствующего учреждения или органа УИС) в результате виновного противоправного неисполнения или не надлежащего исполне-

ния им своих служебных обязанностей. Общие правила привлечения сотрудника УИС к материальной ответственности в настоящее время установлены в ТК РФ. Возмещение сотрудником УИС ущерба, причиненного в процессе служебной деятельности, может регламентироваться и другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, которые не должны вступать в противоречие с ТК РФ. В связи с чем, другие нормативные правовые акты могут устанавливать правила материальной ответственности, улучшающие положение сотрудников в данной сфере по сравнению с общим трудовым законодательством. Основанием привлечения сотрудника УИС к материальной ответственности является совершенное им действия (бездействия), характеризующегося следующими общими условиями наступления материальной ответственности: наличие в результате у работодателя реального ущерба; совершение сотрудником виновных действий (бездействия); противоправность поведения (действий или бездействия) виновного сотрудника; причинно-следственная связь между противоправным поведением сотрудника и причиненным ущербом. Сотрудник УИС несет материальную ответственность как за прямой действительный ущерб, причиненный непосредственно работодателю, так и за прямой действительный ущерб, возникший у работодателя в результате возмещения им ущерба другим лицам, если он возник по вине сотрудника.

Сотрудник обязан возместить государству в лице ФСИН России прямой действительный ущерб, упущенная выгода взысканию не подлежит. Законодательство в зависимости от пределов материальной ответственности выделяет два его вида. Основным видом является ограниченная материальная ответственность. Она заключается в обязанности сотрудника возместить причиненный ущерб в пределах своего среднего месячного денежного довольствия, если иное не предусмотрено ТК РФ или иными федеральными законами. Полная материальная ответственность сотрудника наступает только в случаях, предусмотренных ст. 243 ТК РФ.

Сотрудник УИС может быть привлечен к материальной ответственности только в случаях, когда отсутствуют обстоятельства, исключающие его материальную ответственность. Такими обстоятельствами, согласно ст. 239 ТК РФ являются непреодолимая сила, нормальный хозяйственный риск, крайняя необходимость, необходимая оборона, а также не обеспечение работодателем условий для хранения имущества, вверенного сотруднику. Доказанность каждого из рассмотренных обстоятельств служит основанием для освобождения сотрудника, как от полной, так и от огра-

нической материальной ответственности. Представляется, что перечень указанных обстоятельств следует еще дополнить такими, как: физическое или психическое принуждение; исполнение приказа или распоряжения путем внесения дополнений в ст. 239 ТК РФ или путем принятия отдельного федерального закона о материальной ответственности сотрудников УИС аналогично тому как в отношении военнослужащих принят и действует Федеральный закон от 12.07.1999 № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» [8].

При осуществлении, а, равно как и не при осуществлении, своей служебной деятельности, сотрудник УИС своими действиями (бездействием) может совершить правонарушение, предусмотренное не только служебным, трудовым или гражданским законодательством, но и предусмотренное административным или даже уголовным законодательством РФ.

Как известно, основанием административной ответственности является административное правонарушение. В соответствии со статьей 2.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) [9] административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Данное понятие позволяет усмотреть конститутивные признаки административного правонарушения: антиобщественность, противоправность, виновность. Кроме того, следует иметь в виду, что любое административное правонарушение, как основание административной ответственности должно содержать все обязательные объективные и субъективные признаки состава конкретного правонарушения, предусмотренного КоАП РФ или конкретным законом субъекта РФ.

Не углубляясь в аспекты основания административной ответственности, отметим, что действующее законодательство о службе в УИС предусматривает некоторые особенности административной ответственности сотрудников. Так, в части 2 статьи 15 Закона о службе в УИС содержится бланкетная норма, в соответствии с которой за совершение административного правонарушения сотрудник УИС несет дисциплинарную ответственность в соответствии с законом о службе в УИС. Исключение составляют административные правонарушения, за совершение которых сотрудник подлежит административной ответственности на общих основаниях в соответствии с КоАП РФ. Данное правило предусмотрено и частью 1 статьи

2.5 КоАП РФ, в соответствии с которой за административные правонарушения сотрудники, в том числе органов и учреждений УИС, имеющие специальные звания, несут дисциплинарную ответственность. Таким образом, за совершение большей части административных правонарушений сотрудниками УИС для них предусмотрена фактическая замена административной ответственности на дисциплинарную. В теории административного права указанная ответственность именуется специальной. В данном случае можно говорить о своеобразной конвертации (от лат. *converto* – изменяю, превращаю) административной ответственности в дисциплинарную [10]. Следует также отметить, что действующее законодательство предусматривает только одностороннюю конвертацию административной ответственности в дисциплинарную, но не наоборот.

Вместе с тем, в соответствии с ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ за административные правонарушения, предусмотренные статьями 5.1 – 5.26, 5.45 – 5.52, 5.56, 6.3, 7.29 – 7.32, 7.32.1, главой 8, статьей 11.16 (в части нарушения требований пожарной безопасности вне места военной службы (службы) или прохождения военных сборов), главой 12, статьей 14.9, частью 7 статьи 14.32, главами 15 и 16, статьями 17.3, 17.7 – 17.9, частями 1 и 3 статьи 17.14, статьями 17.15, 18.1 – 18.4, частями 2.1, 2.6 статьи 19.5, статьями 19.5.7, 19.7.2, частью 5 статьи 19.8, статьей 20.4 (в части нарушения требований пожарной безопасности вне места военной службы (службы) или прохождения военных сборов) и частью 1 статьи 20.25 КоАП РФ, сотрудники УИС, несут административную ответственность на общих основаниях.

В части 1 статьи 15 закона о службе в УИС закрепляется бланкетная норма, в соответствии с которой за совершение преступления сотрудник УИС несет уголовную ответственность в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации. В соответствии с частью 1 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [11] преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания. Из данного понятия можно выделить основные признаки преступления, отличающие его от других видов правонарушений. Среди них: общественная опасность деяния, его противоправность, угроза применения судом в отношении виновного лица именно уголовного наказания. Также следует иметь в виду, что в соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Таким образом, в нормах УК РФ

устанавливаются обязательные объективные и субъективные признаки составов преступлений, за совершение которых любые граждане, в том числе и сотрудники УИС, могут быть привлечены к уголовной ответственности. Следовательно, в каждом конкретном случае совершения лицом преступления необходимо установить тождество признаков совершенного деяния с обязательными объективными и субъективными признаками деяния, предусмотренного в соответствующей норме Особенной части УК РФ. При установлении такого тождества можно утверждать о наличии основания уголовной ответственности.

Сотрудники УИС, как и любые другие граждане могут совершать различные преступления, предусмотренные в Особенной части УК РФ. Что касается тех преступлений, которые сотрудник УИС может совершить непосредственно при исполнении своих служебных обязанностей, то это преступления, в основном, предусмотренные в главе 30 УК РФ, именуемой как «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». В первую очередь речь идет о таких преступлениях как, например, «Злоупотребление должностными полномочиями» – ст. 285 УК РФ, «Превышение должностных полномочий» – ст. 286 УК РФ, «Получение взятки» – ст. 290 УК РФ, «Служебный подлог» – ст. 292 УК РФ, ст. 293 УК РФ – «Халатность» и многие другие, в числе которых могут быть преступления, содержащиеся и в других главах Особенной части УК РФ.

УК РФ в отличие от КоАП РФ не предусматривает каких-либо особенностей уголовной ответственности сотрудников УИС. Вместе с тем следует иметь в виду, что при привлечении сотрудника УИС к уголовной ответственности, в соответствии с признаками некоторых квалифицированных составов он может рассматриваться как специальный субъект. Кроме того, в соответствии с пунктом «н» части 1 статьи 63 УК РФ судом может быть принято во внимание как обстоятельство, отягчающее наказание – совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти, если преступление совершалось таким образом.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» // Собрание законодательства Российской Федерации от 23 июля 2018 г. № 30 ст. 4532.

[2, с. 25] Чаянов С.Е. Служебное правоотношение: понятие, структура, обеспечение / под ред. В.В. Володина. М.: Ось-89, 2009.

[3, с. 48] Демидов О.Г. Контракт о службе в уголовно-исполнительной системе как способ реализации прав граждан на труд // Закон и право. № 7. 2024.

[4] Приказ Министерства юстиции РФ от 12 сентября 2019 г. № 202 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении дисциплинарного устава уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // Зарегистрирован в Минюсте РФ 17 сентября 2019 г. Регистрационный № 55944.

[5, с. 162] Бобров А.М. Комментарий к Федеральному закону от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (постатейный). Пермь: ПГНИУ, 2019.

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

[7] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 3.

[8] Федеральный закон от 12.07.1999 № 161-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «О материальной ответственности военнослужащих» // Собрание законодательства РФ, 19.07.1999, № 29, ст. 3682.

[9] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

[10, с. 175] Гришковец А.А. Дисциплинарная ответственность за административные правонарушения // Административная ответственность: вопросы теории и практики. Сборник статей по материалам восьмых Лазаревских чтений, посвященных 80-летию юбилею Института государства и права РАН и 80-летию Н.Г. Салищевой. М. 2004.

[11] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 19 iyulya 2018 g. № 197-FZ (red. ot 30.11.2024) «O sluzhbe v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii «Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih

ugolovnye nakazaniya v vide lisheniya svobody» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 23 iyulya 2018 g. № 30 st. 4532.

[2, s. 25] Chayanov S.E. Sluzhebnoe pravoot-noshenie: ponyatie, struktura, obespechenie / pod red. V.V. Volodina. M.: Os'-89, 2009.

[3, s. 48] Demidov O.G. Kontrakt o sluzhbe v ugovno-ispolnitel'noj si-steme kak sposob realizacii prav grazhdan na trud // Zakon i pravo. № 7. 2024.

[4] Prikaz Ministerstva yusticii RF ot 12 sentyabrya 2019 g. № 202 (red. ot 09.08.2023) «Ob utver-zhdenii disciplinarnogo ustava ugovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii» // Zaregistrovan v Minyuste RF 17 sentyabrya 2019 g. Registracionnyj № 55944.

[5, s. 162] Bobrov A.M. Kommentarij k Feder-al'nomu zakonu ot 19 iyulya 2018 g. № 197-FZ «O sluzhbe v ugovno-ispolnitel'noj sisteme Rossij-skoj Federacii i o vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii «Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyay-ushchih ugovnye nakazaniya v vide lisheniya svo-body» (postatejnyj). Perm': PGNIU, 2019.

[6] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot

08.08.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 05.12.1994, № 32, st. 3301.

[7] Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 07.04.2025) // Sobra-nie zakonodatel'stva RF, 07.01.2002, № 1 (ch. 1), st. 3.

[8] Federal'nyj zakon ot 12.07.1999 № 161-FZ (red. ot 23.11.2024) «O mate-rial'noj otvetstvennosti voennosluzhashchih» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 19.07.1999, № 29, st. 3682.

[9] Kodeks Rossijskoj Federacii ob administra-tivnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 07.04.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 07.01.2002, № 1 (ch. 1), st. 1.

[10, s. 175] Grishkovec A.A. Disciplinarnaya otvetstvennost' za admini-strativnye pravonarush-eniya // Administrativnaya otvetstvennost': vopro-sy teorii i praktiki. Sbornik statej po materialam vos'myh Lazarevskih chtenij, posvyashchennyh 80-letiyu yubi-leyu Instituta gosudarstva i prava RAN i 80-letiyu N.G. Salishchevoj. M. 2004.

[11] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 17.06.1996, № 25, st. 2954.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-380-385

РАТНИКОВ Дмитрий Александрович,
Аспирант ФГБОУ РГАИС,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СХОДСТВА ДО СТЕПЕНИ СМЕШЕНИЯ ОБОЗНАЧЕНИЙ В СПОРАХ О ДОСРОЧНОМ ПРЕКРАЩЕНИИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В СВЯЗИ С НЕИСПОЛЬЗОВАНИЕМ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В настоящей статье анализируется необходимость установления судом сходства до степени смешения обозначений при определении заинтересованности истца в делах о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием. Автор исследует судебную практику, выделяет признаки заинтересованности и критерии установления сходства, а также оценивает их влияние на исход дел. В заключение подчеркивается связь между выводами судов о наличии сходства и заинтересованности истца в таких спорах.

Ключевые слова: интеллектуальные права; промышленная собственность; товарные знаки; судебные решения; досрочное прекращение правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием; заинтересованность, сходство до степени смешения.

RATNIKOV Dmitry Alexandrovich,
Graduate student of FSBEI RGAIS

ON THE NEED TO DETERMINE SIMILARITY TO THE EXTENT OF CONFUSION IN DISPUTES ON EARLY TERMINATION OF LEGAL PROTECTION OF TRADEMARKS DUE TO NON-USE: ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE

Annotation. The article analyses the necessity for courts to establish confusing similarity of designations when determining the interest of the plaintiff in cases of early termination of legal protection of a trademark due to non-use. The author examines judicial practice, identifies the signs of interest and criteria for establishing similarity, and assesses their impact on the outcome of cases. Finally, the author emphasises the connection between the courts' conclusions on the existence of similarity and the plaintiff's interest in such disputes.

Key words: intellectual property rights; industrial property; trademarks; court decisions; early termination of trademark protection due to non-use; interest, confusing similarity.

Товарный знак представляет собой средство индивидуализации товаров и услуг участников гражданского оборота.

Как отмечает профессор Суханов Е.А., «после регистрации в качестве товарного знака обозначение резервируется за конкретным субъектом, который приобретает возможность его исключительного (эксклюзивного) использования для обозначения товаров (услуг) определенного вида» [11].

Институт досрочного прекращения правовой охраны товарного знака представляет собой меру

ответственности за неиспользование товарного знака, поскольку на правообладателе соответствующего средства индивидуализации лежит обязанность использования этого средства.

Вместе с тем в предмет доказывания по указанной категории дел входит установление не только обстоятельств использования товарного знака правообладателем, но и обстоятельств, подтверждающих заинтересованность лица, подавшего заявление о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака [12].

Предоставляя возможность заинтересованным лицам инициировать досрочное прекраще-

ние правовой охраны товарных знаков, указанный институт позволяет обеспечить баланс общественных и частных интересов.

Значительное количество судебных споров этой категории обуславливает наличие большого количества спорных вопросов по различным аспектам процесса досрочного прекращения правовой охраны товарных знаков.

Принимая во внимание положения, содержащиеся в части 1 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – «АПК РФ»), статьях 12 и 1486 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ») в их взаимосвязи, иск о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования может быть заявлен только заинтересованным лицом.

Согласно пункту 165 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – «Постановление №10») «Для признания осуществляющего предпринимательскую деятельность лица заинтересованным в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования необходимо, чтобы совокупность обстоятельств дела свидетельствовала о том, что направленность интереса истца заключается в последующем использовании им в отношении однородных товаров тождественного или сходного до степени смешения со спорным товарным знаком обозначения с обеспечением его правовой охраны в качестве средства индивидуализации либо без такового».

Бремя доказывания заинтересованности в досрочном прекращении товарного знака в таких спорах ложится на истца, а вывод суда о ее отсутствии является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении исковых требований.

Заинтересованность лица устанавливается судом в результате оценки совокупности юридических фактов, существующих в его отношении на дату направления предложения заинтересованного лица [13]. При этом она также должна сохраняться на дату подачи иска [14], а также на дату принятия Судом по интеллектуальным правам решения по делу [15].

Статья 1486 ГК РФ не содержит определения понятия и признаков заинтересованного лица, в связи с чем, для понимания кто именно может быть признан заинтересованным лицом в спорах о досрочном прекращении правовой охраны товарных знаков, необходимо обратиться к судебной практике.

Так, в соответствии с пунктом 42 «Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав»

(утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015), «применительно к пункту 1 статьи 1486 ГК РФ заинтересованным лицом может быть признано любое лицо, имеющее законный интерес в прекращении правовой охраны неиспользуемого товарного знака».

Кроме того, проанализировав актуальные позиции президиума Суда по интеллектуальным правам [16], можно выделить два основания, обуславливающих наличие заинтересованности у истца.

Первое основание заключается в осуществлении однородной деятельности или производстве однородных товаров, в отношении которых зарегистрирован спорный товарный знак, либо наличии подготовительных действий, направленных на осуществление однородной деятельности или производство однородных товаров, а также в намерении истца использовать сходное с зарегистрированным товарным знаком обозначение.

В данном случае заинтересованность истца обусловлена его желанием использовать тождественное или сходное до степени смешения обозначение в своей предпринимательской деятельности. Так, в качестве рисков к осуществлению предпринимательской деятельности под конкретным обозначением можно отнести наличие уже зарегистрированных товарных знаков, сходных до степени смешения с обозначением, которое лицо планирует использовать. Это, в свою очередь может привести к претензиям со стороны правообладателей зарегистрированных товарных знаков.

Второе основание заключается в наличии между сторонами спора, связанного с защитой исключительного права на товарный знак, либо иного спора, в котором предметом спора выступает наличие у ответчика исключительного права на спорный товарный знак [17].

В данном случае заинтересованность истца может быть обусловлена необходимостью защиты от предъявления требований со стороны правообладателя, не использующего товарный знак [18].

Например, в решение Суда по интеллектуальным правам от 25.12.2024 по делу № СИП-760/2024 суд указал, что «сам факт наличия спора о защите исключительного права на товарный знак по свидетельству Российской Федерации N 617459 в рамках дела N A09-9064/2023 между обществом «СИЛА ВОИНА ЕВРАЗИЯ» и обществом «Ворлд Инновейтив Продактс», является достаточным основанием для признания истца заинтересованным в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака ответчика».

Необходимо также отметить, что нормы отечественного законодательства не предусматри-

вают какого-либо исчерпывающего перечня доказательств, которые могут представляться для подтверждения заинтересованности.

Соответственно, истец, в подтверждение своей заинтересованности, может представлять любые доказательства, которые он считает подтверждающими его заинтересованность.

Исходя из смысла пункта 165 Постановления №10, признание подавшего иск лица заинтересованным в смысле статьи 1486 ГК РФ возможно только в случае намерения использовать им тождественное или сходное до степени смешения обозначения.

В соответствии с пунктом 42 Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, утвержденных Приказом Министерства экономического развития РФ от 20.07.2015 № 482, зарегистрированных в Минюсте России 18.08.2015, рег. № 38572, «обозначение считается тождественным с другим обозначением (товарным знаком), если оно совпадает с ним во всех элементах. Обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением (товарным знаком), если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия».

В пункте 163 Постановления №10 сказано, что «...смешение возможно, если в целом, несмотря на отдельные отличия, спорное обозначение может восприниматься указанными лицами в качестве соответствующего товарного знака или если потребитель может полагать, что обозначение используется тем же лицом или лицами, связанными с лицом, которому принадлежит товарный знак».

Вероятность смешения товарного знака и спорного обозначения определяется исходя из степени сходства обозначений и степени однородности товаров для указанных лиц. При этом смешение возможно и при низкой степени сходства, но идентичности (или близости) товаров или при низкой степени однородности товаров, но тождестве (или высокой степени сходства) товарного знака и спорного обозначения»

В то же время необходимо понимать, что помимо оценки сходства и однородности на опасность смешения обозначений также влияют и иные факторы, в связи с чем суд, при оценке обозначений на предмет их сходства до степени смешения, при наличии соответствующих доказательств, должен принять во внимание факультативные обстоятельства, которые могут повлиять на итоговый вывод о сходстве обозначений до степени смешения. К ним относятся: степень

известности товарного знака, наличие серии товарных знаков у правообладателя, длительность и объем использования товарного знака и другие обстоятельства.

Кроме того, стороны могут представлять социологические исследования на предмет смешения обозначений рядовыми потребителями, которым также должна быть дана оценка судом.

Таким образом, при установлении заинтересованности лица, подавшего иск о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, суд помимо прочего, должен оценить сходство обозначений и однородности товаров, производство которых осуществляет истец, а также проанализировать все имеющиеся дополнительные факторы, влияющие на вероятность смешения спорного товарного знака и обозначения истца в гражданском обороте.

Вместе с тем, само по себе сходство до степени смешения обозначений без представления иных доказательств заинтересованности, не может служить основанием для признания лица, подавшего иск, заинтересованным, поскольку, как отметил президиум Суда по интеллектуальным правам, «интерес заключается именно в последующем использовании обозначения, сходного со спорным знаком обслуживания, само по себе наличие у истца исключительного права на знак обслуживания, сходный со знаком обслуживания ответчика и имеющий более раннюю дату приоритета, не может быть достаточным условием для признания истца заинтересованным в досрочном прекращении правовой охраны спорного знака обслуживания» [19].

В то же время, если судом будет установлено, что обозначение, которое истец планирует использовать в своей предпринимательской деятельности, и спорный товарный знак не являются сходными до степени смешения, то лицо не может быть признано заинтересованным в досрочном прекращении правовой охраны спорного товарного знака, что повлечет отказ в исковых требованиях.

Исследование судом вопроса сходства обозначений в спорах о досрочном прекращении правовой охраны товарных знаков в связи с неиспользованием при установлении заинтересованности истца является логически обоснованным, поскольку только наличие тождественного или сходного до степени смешения товарного знака будет затрагивать интерес истца в использовании своего обозначения и препятствовать его использованию в своей предпринимательской деятельности. Однако, в случае, если отсутствует принципиальная возможность смешения обозначений в гражданском обороте, то незачем и прекращать

правовую охрану спорного товарного знака, поскольку существование товарного знака ответчика не будет препятствовать ведению деятельности истцом и каким-либо образом затрагивать его законные интересы.

Так, например, в деле № СИП-138/2024, Суд по интеллектуальным правам установил отсутствие сходства до степени смешения товарного знака

« **СЛАДУШКА** », зарегистрированного для товаров 29, 32 классов Международной классификации товаров и услуг (далее – «МКТУ») по свидетельству РФ № 640315, в отношении которого требовалось досрочное прекращение правовой охраны и серией товарных знаков

« **ВЛАДУШКА** » по свидетельству РФ № 848386,

« **Владушка** » по свидетельству РФ № 906266,

« **ВЛАДУШКИ** » по свидетельству РФ № 826296,

« **Владушка** » по свидетельству РФ № 945065, зарегистрированных для широкого перечня товаров и услуг 29, 30, 31, 35, 43 классов МКТУ, и отказал в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, несмотря на наличие иных признаков заинтересованности. В частности, истец в вышеуказанном деле обосновывал свою заинтересованность наличием поданного в Роспатент ответчиком возражения против предоставления правовой охраны товарным знакам истца.

Таким образом, в данном деле именно отсутствие сходства до степени смешения между товарными знаками истца и ответчика послужило основанием для отказа в удовлетворении требования о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, поскольку истец был признан незаинтересованным лицом.

Вывод об отсутствии сходства до степени смешения, в свою очередь, может повлиять на результаты связанных дел, рассматриваемых, например, в связи с предполагаемым нарушением прав на товарный знак или в случае оспаривания правомерности предоставления правовой охраны товарному знаку ввиду его сходства до степени смешения с более ранним товарным знаком (статья 1512 ГК РФ).

Так, в соответствии с частью 2 статьи 69 АПК РФ, «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитраж-

ного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица».

В соответствии с абзацем 1 части 1 статьи 16 АПК РФ, «Вступившие в законную силу судебные акты арбитражного суда являются обязательными для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации».

Исходя из смысла приведенных выше норм, институт досрочного прекращения правовой охраны товарного знака может служить, среди прочего, инструментом для получения выводов суда, которые впоследствии будут иметь значение при разрешении иных споров, так или иначе связанных с нарушением или оспариванием конкретного товарного знака.

Таким образом, анализ судебной практики показал, что в спорах о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием, выводы суда о сходстве или об отсутствии сходства до степени смешения спорного товарного знака и обозначения истца непосредственно влияют на итоговый вывод суда о наличии либо отсутствии заинтересованности истца в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака.

Список литературы:

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

[2] Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 8 декабря 2006 года № 230-ФЗ [Электронный ресурс]: принят Гос. Думой Федер. Собр. РФ 24 ноября 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. РФ 8 декабря 2006 г.: офиц. текст: по состоянию на 23.04.2025 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // «Закон», N 7, 1999.

[4] Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав» [Электронный ресурс] (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015) – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской

Федерации» [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005) // Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. N 37. С. 2818 - 2849.

[7] Гражданское право: учебник в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут 2019. – 464 с.

[8] Право интеллектуальной собственности. Т.3. Средства индивидуализации: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2018. – 432 с.

[9] Вопросы досрочного прекращения правовой охраны товарного знака/ Минакова А.И. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. Сентябрь. N 3 (45). С. 99-111.

[10] Установление обстоятельств заинтересованности в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака / Химичев В.А. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 2, декабрь 2013 г., с. 31-36.

[11] Суханов Е. А. Гражданское право: учебник в 4 т. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 406;

[12] Химичев В.А. Установление обстоятельств заинтересованности в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 2, декабрь 2013 г., с. 31-36

[13] Постановления президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.04.2022 по делу № СИП-52/2020, от 04.08.2022 по делу № СИП-931/2021, от 10.08.2022 по делу № СИП-932/2021, от 11.08.2022 по делу № СИП-930/2021, от 01.12.2022 по делу № СИП-52/2020;

[14] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.05.2021 по делу N СИП-1131/2020

[15] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 31.05.2021 по делу N СИП-596/2020

[16] Постановления президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.12.2024 по делу N СИП-1307/2023; от 30.05.2024 по делу N СИП-459/2023.

[17] Постановления президиума Суда по интеллектуальным правам от 10.08.2023 по делу N СИП-281/2022, от 30.10.2023 по делу N СИП-810/2022; от 18.12.2023 по делу N СИП-451/2023; от 18.12.2023 по делу N СИП-368/2023.

[18] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 23.12.2024 по делу N СИП-1077/2023.

[19] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 23.12.2019 по делу N СИП-555/2018.

Spisok literatury:

[1] Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 24.07.2002 N 95-FZ (red. ot 28.12.2024) [Elektronnyj resurs] – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

[2] Grazhdanskij kodeks RF (chast' chetvertaya) ot 8 dekabrya 2006 goda № 230-FZ [Elektronnyj resurs]: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. RF 24 noyabrya 2006 g.: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. RF 8 dekabrya 2006 g: ofic. tekst: po sostoyaniyu na 23.04.2025 g. – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

[3] Konvenciya po ohrane promyshlennoj sobstvennosti (Zaklyuchena v Parizhe 20.03.1883) (red. ot 02.10.1979) // «Zakon», N 7, 1999.

[4] Obzor sudebnoj praktiki po delam, svyazannym s razresheniem sporov o zashchite intellektual'nyh prav» [Elektronnyj resurs] (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 23.09.2015) – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

[5] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.04.2019 N 10 «O primenenii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

[6] Soglasenie po trgovym aspektam prav intellektual'noj sobstvennosti (TRIPS) (Zaklyucheno v g. Marrakeshe 15.04.1994) (s izm. ot 06.12.2005) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 10 sentyabrya 2012 g. N 37. S. 2818 - 2849.

[7] Grazhdanskoe pravo: uchebnik v 4 t. / отв. ред. Е.А. Суханов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут 2019. – 464 с.

[8] Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Т.3. Sredstva individualizacii: Uchebnik / Pod obshch. red. d.yu.n., prof. L.A. Novoselovoj. – М.: Статут, 2018. – 432 с.

[9] Voprosy dosrochnogo prekrashcheniya pravovoj ohrany tovarnogo znaka/ Minakova A.I. // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2024. Sentyabr'. N 3 (45). S. 99-111.

[10] Ustanovlenie obstoyatel'stv zainteresovanosti v dosrochnom prekrashchenii pravovoj ohrany tovarnogo znaka / Himichev V.A. // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. № 2, dekabr' 2013 g., s. 31-36.

[11] Suhanov E. A. Grazhdanskoe pravo: uchebnik v 4 t. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 406;

[12] Himichev V.A. Ustanovlenie obstoyatel'stv zainteresovanosti v dosrochnom prekrashchenii

pravovoj ohrany tovarnogo znaka // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. № 2, dekabr' 2013 g., s. 31-36

[13] Postanovleniya prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam ot 28.04.2022 po delu № SIP-52/2020, ot 04.08.2022 po delu № SIP-931/2021, ot 10.08.2022 po delu № SIP-932/2021, ot 11.08.2022 po delu № SIP-930/2021, ot 01.12.2022 po delu № SIP-52/2020;

[14] Postanovlenie Prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam ot 28.05.2021 po delu N SIP-1131/2020

[15] Postanovlenie Prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam ot 31.05.2021 po delu N SIP-596/2020

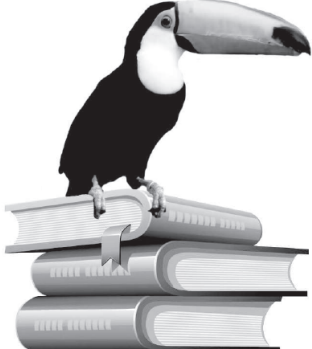
[16] Postanovleniya prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam ot 28.12.2024 po delu N SIP-1307/2023; ot 30.05.2024 po delu N SIP-459/2023.

[17] Postanovleniya prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam ot 10.08.2023 po delu N SIP-281/2022, ot 30.10.2023 po delu N SIP-810/2022; ot 18.12.2023 po delu N SIP-451/2023; ot 18.12.2023 po delu N SIP-368/2023.

[18] Postanovlenie Prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam ot 23.12.2024 po delu N SIP-1077/2023.

[19] Postanovlenie prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam ot 23.12.2019 po delu N SIP-555/2018.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-386-390

ЕЗЕРСКАЯ Юлия Андреевна,
Аспирант юридического факультета
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности,
Патентный поверенный (рег. № 2436),
e-mail: mail@law-books.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ И ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются эволюция и дифференциация функционального назначения товарных знаков в контексте развития и цифровизации современного общества. Отправной точкой анализа является классическое понимание товарных знаков и их функций в традиционном для российского права значении. В рамках статьи выявлена и проанализирована трансформация функций товарных знаков в условиях информационного общества, характеризующегося экспоненциальным ростом объемов информации, высокой конкуренцией и расширением цифрового пространства.

Основным выводом автора статьи является утверждение о том, что в условиях современной экономики товарный знак рассматривается как стратегический нематериальный актив, существенно формирующий репутацию производителя.

Ключевые слова: товарные знаки и знаки обслуживания, средства индивидуализации, функции товарного знака, индивидуализация товаров и услуг, гарантия качества, нематериальные активы в информационном обществе, трансформация рынка.

EZERSKAYA Yulia Andreevna,
Postgraduate Student, Faculty of Law,
Russian State Academy of Intellectual Property,
Patent Attorney (Reg. No. 2436)

TRANSFORMATIONS OF THE FUNCTIONAL PURPOSE OF TRADEMARKS IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT AND DIGITALIZATION OF MODERN SOCIETY

Annotation. The article examines the evolution and differentiation of the functional purpose of trademarks in the context of the development and digitalization of modern society. The starting point of the analysis is the classical understanding of trademarks and their functions in the traditional meaning for Russian law. The article identifies and analyzes the transformation of trademark functions in the information society, characterized by the exponential growth of information, hypercompetition, and the expansion of digital space.

The main conclusion of the author is the assertion that in the modern economy, a trademark is considered as a strategic intangible asset that significantly shapes the reputation of the manufacturer.

Key words: trademarks and service marks, means of individualization, functions of a trademark, individualization of goods and services, quality guarantee, intangible assets in the information society, market transformation.

В условиях глобализации, развития информационных технологий и усложнения экономических отношений роль товарных знаков является весьма значительной. Товарные знаки перестают быть просто обозначениями,

идентифицирующими товары и услуги определенного производителя, а становятся мощным инструментом маркетинга, средством формирования лояльности потребителей и важным активом бизнеса.

Настоящая статья посвящена анализу основных функций товарных знаков в условиях рынка и их трансформации в соответствии с динамикой общественных отношений.

Исследование научной литературы и мнений отечественных правоведов о трансформации функций товарных знаков позволило прийти к выводу о том, что в настоящее время выделяются типичные для правового поля и традиционные для рынка назначения соответствующих средств индивидуализации.

Так, базовой функцией товарного знака, безусловно, является функция индивидуализации товаров и услуг. Товарный знак позволяет потребителю отличать товары и услуги одного производителя от товаров и услуг других производителей. В этом заключается основное назначение соответствующего средства индивидуализации, обеспечивающее возможность идентификации товара и осознанного потребительского выбора.

Индивидуализирующая функция товарного знака заключается в том, что товарный знак позволяет потребителю безошибочно отличать товары или услуги одного производителя (или поставщика) от однородных товаров или услуг, предлагаемых другими участниками рынка. Такое назначение товарного знака играет решающую роль в обеспечении конкуренции и свободы выбора для потребителей [3]. Например, благодаря индивидуализирующей функции, потребитель может идентифицировать желаемый товар, вспомнить о предыдущем опыте его использования (положительном или отрицательном) и принять осознанное решение о покупке. В условиях современного рынка, наполненного массой товаров, данная функция представляется фундаментальной и справедливо направленной как на защиту интересов неопределенного круга лиц, так и на обеспечение баланса спроса и предложения.

Индивидуализация товаров и услуг опосредует также репутационную функцию товарных знаков. Так, товары, маркированные определенным товарным знаком, при их соответствии или несоответствии ожиданиям потребителей способны порождать в создании целевой аудитории определенные представления о производителе, что в конечном итоге формирует и укрепляет (либо разрушает) репутацию компании, определяет ее восприятие, оказывая прямое влияние на ее конкурентоспособность и долгосрочную прибыльность.

Следовательно, индивидуализирующая функция товарного знака, обеспечивая четкую дифференциацию товаров и услуг в рыночном пространстве, выступает не только как необходимое условие реализации свободы потребительского выбора и поддержания конкурентной среды,

но и как определяющий фактор формирования репутационного капитала производителя. Представления, формирующиеся у потребителей на основе опыта взаимодействия с товарами, маркированными определенным товарным знаком, оказывают непосредственное воздействие на восприятие компании в целом, опосредуя ее репутационные характеристики. Конгруэнтность товаров/услуг ожиданиям целевой аудитории обеспечивает аккумуляцию позитивного репутационного капитала, повышая конкурентоспособность производителя, в то время как диссонанс приводит к его девальвации, оказывая негативное влияние на показатели компании.

Третьей традиционной функцией товарных знаков выступает их рекламное назначение. Рекламная (или информационная) функция товарного знака заключается в его способности выступать эффективным инструментом продвижения товара на рынке. Товарный знак, как визуальный и смысловой элемент, способствует формированию у потребителя позитивного образа товара и ассоциированию его с определенными ценностями и атрибутами, что является ключевым фактором в процессе принятия решения о покупке.

Вместе с тем, под влиянием экономических, социальных, технологических и правовых факторов происходит существенная трансформация функций товарных знаков.

Так, в качестве одного из основных предназначений современных товарных знаков можно выделить гарантирующую функцию, направленную на стимулирование производителей к постоянному совершенствованию своей продукции и обеспечению соответствия качества ожиданиям потребителей.

Традиционно гарантийная функция товарного знака подразумевает заявление об определенном уровне качества товара и его соответствия стандартам, связанным с функциональными характеристиками продукта. Однако, в современном мире эта функция значительно расширяется. Потребители все больше внимания уделяют не только практическим свойствам товара, но и ценностям, которые транслирует компания-производитель.

В контексте текущего исследования гарантийная функция товарного знака может рассматриваться в расширенном толковании, охватывающем не только традиционные показатели качества, но и соответствие товара или услуги установленным этическим и экологическим стандартам. Такое понимание гарантийной функции обусловлено возрастающей ролью ценностно-ориентированного маркетинга и потребительского спроса на продукты, отвечающие принципам устойчивого развития.

Так, например, товарный знак может свидетельствовать об экологической чистоте продукта. Товарный знак может гарантировать отсутствие в составе продукта вредных химических веществ, использование экологически чистых материалов и упаковки, возможность переработки или утилизации продукта после использования. Обеспечивая гарантию экологической чистоты продукта, товарный знак становится важным стратегическим инструментом для производителя, позволяющим дифференцировать свою продукцию в конкурентной среде и привлечь внимание экологически ориентированных потребителей.

Тенденции в законодательстве ряда стран свидетельствуют об усилении нормативного регулирования тестирования продукции на животных, что, в свою очередь, влияет на формирование потребительских предпочтений и стратегии производителей. В связи с этим, наличие товарного знака, сопровождаемого, например, знаком «Leaping Bunny» (в дословном переводе – «Скачущий кролик»), гарантирует соответствие продукции требованиям этических стандартов и отражает добровольную приверженность производителя принципам гуманного обращения с животными. Данная маркировка подтверждает, что производитель отказался от использования тестов на животных на всех этапах производства и дистрибуции, что может быть важным конкурентным преимуществом на рынке. При этом необходимо отметить, что использование знака «Скачущий кролик» хотя и является обозначением, зарегистрированным в качестве товарного знака, одновременно с этим представляет собой знак добровольной сертификации, размещение которого должно сопровождаться обязательным прохождением соответствующих процедур – в частности, подтверждением соответствия продукции установленным требованиям и стандартам, разработанным и контролируемым уполномоченными организациями [5]. Несоблюдение данного требования, то есть использование знака «Скачущий кролик» без фактического подтверждения соответствия продукции стандартам, установленным сертификационным органом, может квалифицироваться как введение потребителя в заблуждение, поскольку создает ложное представление о том, что продукция не тестируется на животных, что, в свою очередь, может повлиять на потребительский выбор и нарушить принципы добросовестной конкуренции на рынке.

Также большое значение в условиях глобализации и экономического развития ведущих стран приобретает концепция справедливой торговли. Так, в отношении товаров (например, кофе, чай, шоколад, текстиль), товарный знак, сопровождаемый соответствующей маркировкой (напри-

мер, «Fairtrade International» (в дословном переводе – «Справедливая международная торговля»), может служить гарантией того, что производители и работники получили справедливую оплату за свой труд, что соблюдались их права и обеспечивались достойные условия труда. Условия размещения на товарах дополнительного сертификационного обозначения, зарегистрированного ещё и в качестве товарного знака, также строго регламентированы: лица, намеренные использовать соответствующее обозначение обязаны пройти установленные ответственным органом процедуры проверки и соответствия [6]. Подобные механизмы способствуют не только реализации социальных целей, но и формированию устойчивой экономической модели, направленной на развитие местного производства и сокращение бедности.

В условиях информационного общества, характеризующегося повышенным уровнем осведомленности и требовательности потребителей, особое значение приобретает также прозрачность цепочки поставок. Потребители все чаще стремятся получить информацию об источниках происхождения ингредиентов продукта, методах его производства и условиях труда, обеспеченных на всех этапах создания. В данном контексте, товарный знак, сопровождаемый детальной информацией о происхождении продукта и условиях его производства, выполняет функцию гаранта прозрачности и предоставляет потребителю возможность сделать осознанный и информированный выбор, соответствующий его ценностям и убеждениям.

В условиях цифровизации экономики товарные знаки приобретают особую значимость с точки зрения управления нематериальными активами. Так, товарный знак, являясь объектом исключительных прав и обладая высокой стоимостью, известностью и репутацией, может рассматриваться как значимый компонент капитала компании. В отличие от материальных активов, стоимость которых поддается более точной оценке, ценность товарного знака формируется на основе ряда факторов, таких как узнаваемость, ассоциации с качеством и потребительская лояльность. В условиях цифровой экономики, где бренд является ключевым фактором конкурентоспособности, роль товарного знака как нематериального актива возрастает, оказывая существенное влияние на инвестиционную привлекательность компании, ее рыночную капитализацию и возможность привлечения финансирования. При этом необходимо отметить, что легального понятия бренд в контексте российского права нет, а указанный термин используется скорее в маркетинге и означает информацию о товарном знаке, сохраненную в

сознании потребителей, положительно выделяющую и фиксирующую безусловные ценности и преимущества замаркированного им объекта в ряду аналогов [2].

На финансовых рынках товарный знак выполняет, например, важную сигнальную функцию, предоставляя инвесторам и кредиторам информацию о качестве продукции, репутации компании и ее перспективах. Наличие узнаваемого товарного знака свидетельствует о том, что компания обладает сильным брендом, который способствует формированию лояльной клиентской базы и обеспечивает стабильные денежные потоки. Это повышает доверие инвесторов и кредиторов к компании и облегчает доступ к финансированию на выгодных условиях, поскольку сильный товарный знак рассматривается как надежный актив, снижающий риски и повышающий вероятность успешной реализации инвестиционного проекта, а также позволяющий занимать высокие позиции на рынке и иметь большое количество продаж. Обладая такими характеристиками товарный знак относится к сильным брендам, то есть способен притягивать к себе потребителей [1].

В контексте стратегического управления товарный знак также выполняет важную функцию в обеспечении гибкости и масштабируемости бизнеса. Возможность лицензирования или использования товарного знака в рамках франчайзинговых соглашений позволяет компании расширить свое присутствие на рынке, не неся значительных финансовых и операционных рисков, связанных с прямым инвестированием в новые регионы или сектора. Лицензирование и франчайзинг позволяют компании использовать репутацию и узнаваемость товарного знака для привлечения партнеров и развития бизнеса на основе проверенной бизнес-модели.

Товарный знак на сегодняшний день выступает ключевым фактором, обеспечивающим конкурентоспособность компании за счет дифференциации ее товаров или услуг от предложений конкурентов. Уникальное и запоминающееся обозначение, зарегистрированное в качестве товарного знака, позволяет компании выделить свою продукцию на рынке, сформировать узнаваемый имидж и создать устойчивые ассоциации с определенными потребительскими ценностями и характеристиками. Это, в свою очередь, способствует формированию лояльной клиентской базы и защите своей доли рынка от посягательств со стороны конкурентов, стремящихся к имитации или прямому копированию.

Представленный анализ функций товарных знаков, в том числе в условиях трансформации экономических отношений предопределяет необ-

ходимость рассмотрения факторов, влияющих на формирование функциональных трансформаций товарных знаков.

Среди основных факторов можно выделить следующие: научно-технический прогресс, экономические факторы и изменение потребительских предпочтений.

Прогрессирующая цифровизация экономики, характеризующаяся расширением онлайн-торговли, активным использованием социальных сетей, мобильных приложений и других цифровых платформ, обуславливает эволюцию функций товарных знаков.

Так, появление новых каналов коммуникации предоставляет компаниям дополнительные возможности для эффективного взаимодействия с целевой аудиторией, что также оказывает значительное влияние на расширение рекламного назначения товарных знаков как средств индивидуализации, а сам по себе научно-технический прогресс привел к увеличению ассортимента товаров и услуг на рынке, что усложнило подходы к дифференциации предлагаемых производителями продуктов. Говоря об экономических факторах, влияющих на трансформацию функций товарных знаков, необходимо затронуть процесс глобализации рынка, который проявляется в расширении международных экономических связей и требует от товарных знаков адаптации к культурным особенностям разных стран и обеспечения конкурентоспособности компании в глобальном масштабе. Очевидно, что само по себе усиление конкуренции на рынках товаров и услуг вынуждает производителей искать новые способы дифференциации своих брендов и привлечения внимания потребителей, в том числе в условиях их повышенного внимания к отдельным качествам и свойствам как самих товаров, так и способов их производства.

В современной экономике нематериальные активы играют все более важную роль в формировании стоимости компании. Это приводит к тому, что товарные знаки начинают выполнять новые функции, связанные с капитализацией бренда и привлечением инвестиций. В данном контексте товарный знак выступает не только как средство индивидуализации товаров и услуг, но и как ценный актив, отражающий репутацию, доверие потребителей и рыночную силу компании. Таким образом, можно говорить о формировании инвестиционной функции товарного знака, позволяющей компаниям использовать его в качестве залога, предмета лицензионных соглашений и фактора, повышающего их привлекательность для инвесторов и кредиторов.

Особую роль в конъюнктуре современного рынка играет внимание к устойчивости развития

бизнеса. В условиях растущего осознания экологических и социальных проблем происходит трансформация потребительских ценностей, что обуславливает необходимость интеграции принципов устойчивого развития в бизнес-модели современных компаний. В свою очередь, товарные знаки начинают выполнять новые функции, связанные с продвижением экологически чистых товаров и услуг, поддержкой принципов справедливой торговли и демонстрацией социальной ответственности бизнеса. Данная тенденция отражает растущую значимость этических и экологических аспектов в процессе принятия потребительских решений и формировании лояльности к бренду [4]. Потребители становятся более информированными, требовательными и осознанными в своем выборе. Они все больше ценят качество, безопасность, экологичность и этичность товаров и услуг. Это заставляет компании адаптировать свои бренды и товарные знаки к новым потребительским трендам.

В заключение представляется необходимым обобщить изложенные выше доводы. Товарные знаки, безусловно, обладают существенной значимостью на всех этапах экономического развития, выполняя традиционную функцию индивидуализации товаров и услуг, позволяя потребителям дифференцировать различных производителей. Вместе с тем, в условиях современной экономики и изменений потребительских предпочтений, а также формирования нового фокуса внимания, товарные знаки приобретают новые функции, усиливающие позиции производителей в условиях рыночной конкуренции. В связи с этим возникает необходимость в дальнейшем совершенствовании правового регулирования отношений, связанных с использованием товарных знаков, с учетом новых реалий и вызовов, сформированных в условиях развития экономических связей и общественных отношений в целом.

Список литературы:

- [1] Вашкевич В.П. Интеллектуальная собственность как фактор конкурентоспособности наукоемкого предприятия / В.П. Вашкевич // Инновации. - 2023. - № 5. - С. 25-30
- [2] Горбунова А.А. Сила бренда как результат его индивидуализации / А.А. Горбунова // Новый университет. - 2014. - № 9(43). - С. 35-40. - ISSN 2221-7347
- [3] Иванова Е.Г. История развития понятия товарного знака и его функций // Юридическая наука. - 2014. - №3, - С. 48-51
- [4] Смирнова Е.В. Становление экологического маркетинга // Безопасность в техносфере. - 2012. - Т. 1. - № 1. - С. 27-31
- [5] Leaping Bunny Program [Электронный ресурс] URL: <https://www.leapingbunny.org>.
- [6] Fairtrade International Program [Электронный ресурс] URL: <https://www.fairtrade.net>.

Spisok literatury:

- [1] Vashkevich V.P. Intellektual'naya sobstvennost' kak faktor konkurentosposobnosti naukoemkogo predpriyatiya / V.P. Vashkevich // Innovacii. - 2023. - № 5. - S. 25-30
- [2] Gorbunova A.A. Sila brenda kak rezul'tat ego individualizacii / A.A. Gorbunova // Novyj universitet. - 2014. - № 9(43). - S. 35-40. - ISSN 2221-7347
- [3] Ivanova E.G. Istoriya razvitiya ponyatiya tovarnogo znaka i ego funkcij // Yuridicheskaya nauka. - 2014. - №3, - S. 48-51
- [4] Smirnova E.V. Stanovlenie ekologicheskogo marketinga // Bezopasnost' v tekhnosfere. - 2012. - Т. 1. - № 1. - S. 27-31
- [5] Leaping Bunny Program [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.leapingbunny.org>.
- [6] Fairtrade International Program [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.fairtrade.net>.

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-391-395

ДУБЕНЬ Андрей Кириллович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Института государства и права РАН,
e-mail: k.duben@mail.ru

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ИЗВЕЩЕНИЯ

Аннотация. Автор рассматривает развитие электронного правосудия в цивилистическом процессе, обосновав, что на современном этапе общественного развития использование информационных технологий являются необходимым элементом функционирования государства. Проанализировав научную литературу и судебную практику, автор делает вывод, что потребность в использовании информационных технологий в цивилистическом процессе связано с тем, что обеспечение права на справедливое и публичное разбирательство в разумные сроки детерминируется необходимостью поиска оптимизации механизмов судебной защиты. На примере института судебных извещений обосновывается внедрение информационных технологий в цивилистический процесс. Проанализированы законодательные изменения по вопросам электронного судебного извещения сторон и сделан вывод, что данные нововведения направлены на оперативное извещение сторон обеспечивая принцип открытости и доступности правосудия.

Ключевые слова: цивилистический процесс, институт судебного извещения, электронное правосудие, информационные технологии, цифровая трансформация.

DUBEN Andrey Kirillovich,
PhD in Law, Senior Researcher Institute
of State and Law of the Russian Academy of Sciences

ELECTRONIC JUSTICE IN THE CIVIL PROCESS ON THE EXAMPLE OF THE INSTITUTION OF JUDICIAL NOTIFICATION

Annotation. The author examines the development of electronic justice in the civil process, arguing that at the present stage of social development, the use of information technology is a necessary element of the functioning of the state. After analyzing the scientific literature and judicial practice, the author concludes that the need to use information technology in the civil process is due to the fact that ensuring the right to a fair and public trial in a reasonable time is determined by the need to optimize judicial protection mechanisms. Using the example of the institute of judicial notices, the introduction of information technologies into the civil process is justified. Legislative changes on electronic judicial notification of the parties have been analyzed and it has been concluded that these innovations are aimed at prompt notification of the parties, ensuring the principle of openness and accessibility of justice.

Key words: civil process, institute of judicial notification, electronic justice, information technology, digital transformation.

На современном этапе общественного развития использование информационных технологий являются необходимым элементом функционирования правового, социального государства. Информационные тех-

нологии используются государственными органами для повышения качества работы и внедрены во многие сферы деятельности и процессы, включая управление налогами и сборами, межведомственный электронный документооборот с приме-

нением электронной подписи, переход на единую платформу оказания государственных и муниципальных услуг в электронном виде и многое другое.

Во многих национальных правовых порядках в гражданском процессе определилось, что участники судопроизводства вправе не только пользоваться современными технологиями правосудия, но и требовать обеспечения от государства доступности таких сервисов. В.В. Ярков в своих научных работах отмечал, что судебный процесс на постоянной основе нуждается в технологической модернизации, которая позволит осуществлять его более эффективно с точки зрения достижения целей правосудия, что подтверждается и практикой использования электронных технологий в других государствах, следовательно, электронная система разрешения споров может включать в себя такие элементы, как: руководство процессом и судебным разбирательством; оборот судебных документов; доступ к судебной информации; судебные извещения; правовой поиск; внутренние судебные процедуры [1].

Вместе с тем, на современном этапе развития электронного правосудия, в Российской Федерации продолжается поиск решений по рационализации и оптимизации процессуальных форм разрешения дел, позволяющих достичь целей судопроизводства путем упрощения основных составляющих судебного процесса посредством использования информационных технологий [2, с.27]. Кроме того, потребность в использовании информационных технологий в гражданском процессе связано с тем, что обеспечение права на справедливое и публичное разбирательство в разумные сроки также обуславливает необходимость поиска оптимизации механизмов судебной защиты [3, с. 3].

В этой связи судопроизводство не является исключением. Развивающиеся ускоренными темпами информационные процессы и цифровая трансформация общественных отношений, включая сферу правосудия, способствуют совершенствованию деятельности судов, сокращению административной нагрузки и упрощают взаимодействие всех участников судопроизводства. Граждане Российской Федерации активно пользуются электронными государственными услугами, посещают интернет-порталы органов государственной власти и взаимодействуют с последними на постоянной основе. Причем количество пользователей таких порталов с каждым годом увеличивается. Вместе с тем информационные технологии существенно влияют на реализацию прав и законных интересов граждан, в том числе на гарантии безопасности персональных данных, для которых требуется усиленная защита и в условиях новых вызовов, угроз и рисков.

Участники судебного процесса, обладающие доступом к современным информационным технологиям, вправе положиться на устойчивость и безопасность информационных систем. Как считает К.Л. Брановицкий, нарушение таких ожиданий (например, сбой в доставке искового заявления в электронном виде в последний день истечения срока исковой давности) может равным образом нарушать как принцип равноправия сторон (в сравнении со стороной, воспользовавшейся традиционным способом подачи иска), так и право каждого на доступность правосудия и на судебную защиту [4].

Ученые-правоведы справедливо отмечают, что в текущее десятилетие в Российской Федерации реализуется масштабная программа внедрения цифровых технологий и сервисов в органах государственной власти [5]. Данная программа отвечает общим концептуальным представлениям о том, что в современном мире общественная жизнь подвергается сложным преобразованиям, к которым относится свойственная постиндустриальной эпохе «технологизация» большинства сфер деятельности человека, в том числе цифровизация сферы правовых отношений [6]. В этой связи следует обратить особое внимание на работу судебных органов, поскольку цифровое реформирование судопроизводства способствует реализации принципов открытости и доступности правосудия [7].

Одним из элементов проводимых процессуальных реформ является судебное извещение и уведомление через электронные ресурсы посредством информационных технологий.

Согласно ст. 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации лица, участвующие в деле, вправе получать судебные повестки и иные судебные извещения, а также судебные постановления и их копии на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Данная норма процессуального законодательства закрепляет права участников судебного производства на получение повесток посредством информационных технологий. Тем самым подчеркивается важность судебного извещения для судопроизводства и придается еще большее значение данному процессуальному действию. Также необходимо отметить, что указанная норма в свою очередь корреспондирует положению ст.165.1 ГК РФ о юридически значимых сообщениях.

Возможность извещения посредством электронной почты указывается в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности

судов общей юрисдикции и арбитражных судов», согласно которому лица, участвующие в деле, участники уголовного судопроизводства с их согласия могут извещаться судом о времени и месте судебного заседания путем направления им извещений или вызовов по электронной почте (часть 1 статьи 96 КАС РФ, часть 4 статьи 1 ГПК РФ, часть 5 статьи 3 АПК РФ). В Постановлении Пленума ВС РФ указывается, что особого согласия стороны на извещение посредством электронной почты не требуется: достаточно указать адрес электронной почты в иске, заявлении или при заполнении электронной формы на сайте суда.

Данные законодательные нововведения в гражданском процессе восприняты положительно в юридической науке. Так, по мнению ряда ученых электронный документооборот обеспечивает своевременность и разумный срок судопроизводства, так оптимальным вариантом извещения в электронной форме может быть электронная версия судебного определения или информационного письма (например, применительно к извещению о рассмотрении апелляционной жалобы, при принятии к производству которой в гражданском процессе не выносится определение, а информирование о заседании осуществляет суд первой инстанции как раз информационным письмом), данный механизм извещений является максимально прозрачным и доступным для участников судебного процесса [8].

Следует рассмотреть нововведение в процессуальном законодательстве. Так, согласно ч. 7 ст. 113 ГПК РФ, ч. 1 ст. 121 АПК РФ, ч. 7 ст. 96 КАС РФ в целях своевременного информирования участников процесса о движении дела предусмотрена возможность направления судебного извещения в электронном виде посредством единого портала государственных и муниципальных услуг либо системы электронного документооборота с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия, а также размещения в установленном порядке в сети Интернет информации о принятии обращения в суд к производству, о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия. В этой связи является весьма показательным значительное число пользователей портала «Госуслуги», которое на 15 декабря 2024 года составляло 112 миллионов верифицируемых пользователей [9]. Данная государственная цифровая платформа используется для выполнения множества функций и имеет большую популярность среди граждан Российской Федерации [10]. Причем происходит стремительный рост количества пользователей, в частности с 2019 по 2023 год количество пользователей портала «Госуслуги» выросло почти вдвое и составило 109 миллионов человек на указанный период [11].

Таким образом, данные нововведения направлены на оперативное извещение сторон о дате и времени судебного заседания, о результатах рассмотрения дела. На сегодняшний день, участники судебного производства в оперативном порядке извещаются о судебном заседании и иных процессуальных действиях, тем самым, данная мера позволяет эффективно реализовывать все необходимые процессуальные действия. В этой связи в науке гражданского процесса выдвинуты предложения о выделении электронной, или цифровой, гражданской процессуальной формы [12].

В результате анализа судебной практики, можно отметить тенденцию фиксирования судом факта надлежащего электронного извещения сторон посредством информационных технологий. К примеру, в решение Энгельсского районного суда Саратовской области от 31 октября 2022 года указано, что в силу пункта 2 части 6 статьи 99 КАС РФ адресат считается извещенным в случае, если у суда имеются доказательства доставки судебного извещения посредством единого портала государственных и муниципальных услуг участнику судебного процесса, давшему согласие на едином портале государственных и муниципальных услуг на уведомление посредством данного портала, и при этом такой участник не ходатайствовал о направлении ему судебных извещений на бумажном носителе. Подключение пользователя к данному виду услуг происходит автоматически при даче согласия на едином портале на возможность уведомления таким образом [13].

В науке гражданского процесса положительно оценивается внедрение системы судебных извещений в электронном виде. По мнению ученых, данный институт позволяет своевременно и в удобном формате уведомлять участников процесса об инициированном судебном разбирательстве [14]. Необходимо отметить, что электронный способ доставки судебного извещения вводится не по умолчанию, а в результате согласия пользователя, выраженного действием в личном кабинете через браузер или мобильное приложение (переключением переключателя в активное положение).

При этом, как справедливо отмечает С.В. Василькова, правовая природа извещений, направленных в электронном и в письменном виде идентична [15].

Считаем, что на сегодняшний день для всех элементов системы упрощенных видов гражданского и административного судопроизводства институт судебных извещений в электронном виде является важным компонентом. Своевременное извещение всех участников процесса о месте, дате и времени рассмотрения граждан-

ского либо административного дела в обеспечивающем оперативность электронном формате позволяет в кратчайшие сроки получить информацию об инициированном судебном разбирательстве и принять соответствующие меры к реализации права на судебную защиту. Кроме того, использование судебных извещений в электронном виде во многом сокращает уровень нагрузки для аппарата суда, тем самым минимизируются расходы по подготовке и направлению извещений на бумажном носителе. Вместе с тем информирование всех участников судебного производства в электронном виде позволяет обеспечить соблюдение процессуальных требований, к примеру, в упрощенном производстве установлены определенные требования по предоставлению возражений относительно предъявленных требований.

Таким образом, на сегодняшний день институт судебных извещений в гражданском процессе находится на стадии цифровой трансформации. Реализация концепции электронного правосудия качественно изменяет правоприменительную деятельность суда путем переноса в сферу электронного документооборота ряда типовых процессуальных действий и таким образом оказывает существенное положительное влияние на всех участников судопроизводства. Вместе с тем введение отечественным законодателем электронных извещений в правовой оборот как способствует реализации принципов открытости и доступности правосудия, так и требует разработки специальных правовых гарантий безопасности данных на соответствующих государственных порталах, для которых требуется усиленная защита и в условиях новых вызовов, угроз и рисков.

Список литературы:

- [1] Ярков В.В. Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41.
- [2] Ярков В.В. Развитие гражданского процесса в России: отдельные вопросы // Вестник гражданского процесса. 2011. № 1. С. 17-53.
- [3] Царегородцева Е.А. Способы оптимизации гражданского судопроизводства: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 236 с.
- [4] Брановицкий К.Л. Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. 2018. № 1. С. 59-70.
- [5] Пахомова О.А. Современные тенденции использования и роль информационных технологий в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 1. С. 3-6.
- [6] Судебная власть в системе защиты прав личности и государства: монография / под ред. Е.

В. Михайловой, А. А. Соловьева, И. И. Бутрима [Электронный ресурс]. Электрон. дан. (3 Мб). Москва: Институт государства и права РАН, 2024.

[7] Михайлова Е.В., Чуча С.Ю., Летова Н.В., Соловяненко Н.И. Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 66-74.

[8] Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / Д.Б. Абушенко, М.А. Алискеров, Т.К. Андреева и др.; отв. ред. В.В. Молчанов. Москва: Статут, 2023. 480 с.

[9] Число пользователей портала Госуслуг достигло 112 млн. // Официальный сайт «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/russia/997759> (дата обращения: 10.01.2025)

[10] Летова Н.В. Соловяненко Н.И. Государственная социальная помощь отдельным категориям граждан: цифровой разрыв и юридические способы его преодоления // Закон. 2024. № 12. С. 66-72.

[11] Число пользователей «Госуслуг» за пять лет удвоилось, заявил Чернышенко // Официальный сайт «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20240117/gosuslugi-1921820635.html> (дата обращения: 10.01.2025)

[12] Луконина Ю.А. Цифровая гражданско-процессуальная форма: теоретико-прикладные аспекты. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 239 с.

[13] Решение Энгельсского районного суда Саратовской области от 31.10.2022 по делу № 2а-1-5068/2022 // СПС «Консультант Плюс».

[14] Жукова Ю.А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: Монография. М.: Зерцало-М, 2022. 164 с.

[15] Василькова С.В. Электронное правосудие в гражданском процессе. Дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2018. 251 с.

Spisok literatury:

- [1] Yarkov V.V. Elektronnoe pravosudie // EZh-Yurist. 2006. № 41.
- [2] Yarkov V.V. Razvitie civilisticheskogo processa v Rossii: ot del'nye voprosy // Vestnik grazhdanskogo processa. 2011. № 1. S. 17-53.
- [3] Caregorodceva E.A. Sposoby optimizacii grazhdanskogo sudoproizvodstva: Dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2006. 236 s.
- [4] Branovickij K.L. Ispol'zovanie informacionnyh tekhnologij v kontekste optimizacii grazhdanskogo sudoproizvodstva // Zakon. 2018. № 1. S. 59-70.

[5] Pahomova O.A. Sovremennye tendencii ispol'zovaniya i rol' informacionnyh tekhnologij v grazhdanskom sudoproizvodstve // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2023. № 1. S. 3-6.

[6] Sudebnaya vlast' v sisteme zashchity prav lichnosti i gosudarstva: monografiya / pod red. E. V. Mihajlovoj, A. A. Solov'eva, I. I. Butrima [Elektronnyj resurs]. Elektron. dan. (3 Mb). Moskva: Institut gosudarstva i prava RAN, 2024.

[7] Mihajlova E.V., Chucha S.Yu., Letova N.V., Solovyanenko N.I. Sudebnaya i nesudebnaya zashchita grazhdanskih, semejnyh i trudovyh prav v usloviyah globalizacii i cifrovizacii gosudarstva i obshchestva // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 9. S. 66-74.

[8] Rossijskie processualisty o prave, zakone i sudebnoj praktike: k 20-letiyu Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: monografiya / D.B. Abushenko, M.A. Alieskerov, T.K. Andreeva i dr.; otv. red. V.V. Molchanov. Moskva: Statut, 2023. 480 s.

[9] Chislo pol'zovatelej portala Gosuslug dostiglo 112 mln. // Oficial'nyj sajt «Interfaks». URL:

<https://www.interfax.ru/russia/997759> (data obrashcheniya: 10.01.2025)

[10] Letova N.V. Solovyanenko N.I. Gosudarstvennaya social'naya pomoshch' ot del'nym kategoriyam grazhdan: cifrovoj razryv i yuridicheskie sposoby ego preodoleniya // Zakon. 2024. № 12. S. 66-72.

[11] Chislo pol'zovatelej "Gosuslug" za pyat' let udvoilos', zayavil Chernyshenko // Oficial'nyj sajt «RIA Novosti». URL: <https://ria.ru/20240117/gosuslugi-1921820635.html> (data obrashcheniya: 10.01.2025)

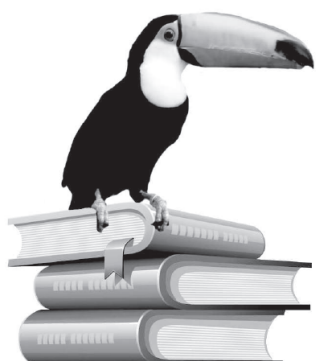
[12] Lukonina Yu.A. Cifrovaya civilisticheskaya processual'naya forma: teoretiko-prikladnye aspekty. Dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2023. 239 s.

[13] Reshenie Engel'sskogo rajonnogo suda Saratovskoj oblasti ot 31.10.2022 po delu № 2a-1-5068/2022 // SPS «Konsul'tant Plyus».

[14] Zhukova Yu.A. Uproshchennoe proizvodstvo v grazhdanskom i arbitrazhnom processe: Monografiya. M.: Zercalo-M, 2022. 164 s.

[15] Vasil'kova S.V. Elektronnoe pravosudie v civilisticheskom processe. Dis. ... kand. yurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2018. 251 s.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-396-402

ИСМАИЛОВ Магамед Исмаил оглы,
Аспирант,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОДСУДНОСТЬ В СИСТЕМЕ ГАРАНТИЙ ПРАВА НА ЗАКОННЫЙ СУД В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию подсудности в системе гарантий права на законный суд в уголовном судопроизводстве России. Рассматриваются теоретические основы подсудности, анализируются различные концепции и их влияние на правоприменительную практику. Особое внимание автором статьи уделяется практическому применению норм о подсудности, выявлению проблем и предложению путей их решения. Также исследуется влияние международных стандартов на национальное законодательство о подсудности. В заключении подчеркивается значимость полученных результатов для теории и практики, а также обсуждаются возможные направления для будущих исследований.

Ключевые слова: подсудность, право на законный суд, уголовное судопроизводство, международные стандарты, правоприменительная практика.

ISMAILOV Magamed Ismail oglu,
graduate student

JURISDICTION IN THE SYSTEM OF GUARANTEES OF THE RIGHT TO A LAWFUL TRIAL IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article is devoted to the study of jurisdiction within the system of guarantees of the right to a lawful trial in Russian criminal proceedings. It examines the theoretical foundations of jurisdiction, analyzes various concepts and their impact on law enforcement practice. Special attention is paid to the practical application of jurisdiction norms, identifying problems and proposing solutions. The influence of international standards on national jurisdiction legislation is also explored. The conclusion emphasizes the significance of the results for theory and practice, and discusses possible directions for future research.

Key words: jurisdiction, right to a lawful trial, criminal proceedings, international standards, law enforcement practice.

Тема подсудности в уголовном судопроизводстве России является актуальной и значимой, поскольку она непосредственно связана с обеспечением права на законный суд, что является фундаментальным правом человека. Проблема, которая будет решаться в научной работе, заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию законодательства о подсудности для обеспечения права на законный суд. Исследование данной темы требует учета как национальных, так и международных правовых стандартов, что особенно важно в условиях глобализации и интеграции правовых систем.

Подсудность – это совокупность юридических правил, определяющих, какой конкретно суд должен рассматривать уголовное дело. Она является важной гарантией права на законный суд (ст. 47 Конституции РФ, ст. 8 УПК РФ), обеспечивая: справедливость (рассмотрение дела независи-

мым и компетентным судом); законность (соблюдение процессуальных норм); защиту от произвола (исключение «выбора» удобного суда). Подсудность в уголовном судопроизводстве представляет собой ключевой элемент, обеспечивающий реализацию права на законный суд. В теоретическом плане подсудность определяется как совокупность правил, регулирующих распределение дел между судами различных уровней и юрисдикций. Эти правила включают в себя предметные, территориальные и персональные признаки, которые позволяют определить, какой суд должен рассматривать конкретное дело.

В российском уголовном судопроизводстве выделяют три основных вида подсудности:

1. *Предметная (родовая) подсудность*, которая определяется характером и тяжестью преступления:

- Мировые судьи (ч. 1 ст. 31 УПК РФ) – дела частного обвинения (побои, клевета и др.), наказание до 3 лет.

- Районные (городские) суды (ч. 2 ст. 31 УПК РФ) – большинство уголовных дел (кражи, грабежи, ДТП с жертвами и т. д.).

- Суды субъектов РФ (верховные, краевые, областные) (ч. 3 ст. 31 УПК РФ) – тяжкие и особо тяжкие преступления (убийства, терроризм, коррупция высокопоставленных лиц).

Верховный Суд РФ (ч. 4 ст. 31 УПК РФ) – особо резонансные дела (например, против судей, депутатов).

2. *Территориальная подсудность*, которая определяется местом совершения преступления (ст. 32 УПК РФ): дело рассматривает суд по месту совершения преступления (общее правило). Исключения:

- Если преступление началось в одном месте, а завершилось в другом – подсудность определяется по месту окончания деяния.

- При невозможности установить место преступления – по месту завершения расследования.

3. *Персональная подсудность* связана с особым статусом обвиняемого:

Военные суды – для военнослужащих (ст. 22 ФКЗ «О военных судах»).

Верховный Суд РФ – для высших должностных лиц (ст. 452 УПК РФ).

Исследование подсудности в системе гарантий права на законный суд в уголовном судопроизводстве России выявило значимость этого института для обеспечения справедливости и законности судебных решений. Авторы, такие как Т. В. Мусиенко и П. В. Кондрашин, внесли значительный вклад в изучение данной проблемы, акцентируя внимание на правилах определения подсудности как одной из основных гарантий компетентного суда. Их работы подчеркивают важность строгого соблюдения установленных законом процедур для защиты прав участников процесса.

Существуют несколько противоречий, связанных с подсудностью. Во-первых, различия в подходах к определению подсудности в разных юрисдикциях создают определенные сложности в унификации правоприменительной практики. Как отмечает Е. В. Марковичева, «в системе континентального права предметная подсудность закрепляется на законодательном уровне, в рамках общего права она во многом определяется спецификой прецедентной практики».¹ Во-вторых,

несоответствие между теоретическими положениями и практическим применением норм о подсудности может приводить к правовым коллизиям и неопределенности в судебных процессах. В-третьих, влияние политических факторов на определение подсудности может оказывать давление на независимость судебной системы. Важно отметить, что исследование подсудности в российском уголовном судопроизводстве должно учитывать как теоретические, так и практические аспекты, а также влияние международных стандартов. Такой подход позволит обеспечить более полное понимание и эффективное применение норм о подсудности в контексте гарантий права на законный суд. Как отмечает Т.В. Мусиенко, «одной из основных гарантий компетентного суда в уголовном судопроизводстве являются правила определения подсудности уголовного дела».² Существует группа исследователей (П.В. Кондрашин,³ Х.М. Лукожев, Р.З. Арсельгов⁴), изучающих влияние международных стандартов на национальное законодательство о подсудности. Эти исследования подчеркивают важность гармонизации национальных норм с международными стандартами для обеспечения справедливого судебного разбирательства. В частности, внимание уделяется тому, как международные нормы могут способствовать улучшению правовых гарантий в национальной системе.

Сравнительный анализ подсудности в различных правовых системах выявляет значительные различия в подходах к ее определению. В системе континентального права, например, предметная подсудность закрепляется на законодательном уровне, что обеспечивает более четкое распределение дел между судами. В то же время, в системе общего права подсудность часто определяется спецификой прецедентной практики, что может приводить к неопределенности в распределении дел.⁵

² Мусиенко Т.В. Правила определения территориальной подсудности уголовного дела как гарантия компетентного суда // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 236.

³ Кондрашин П.В. Право потерпевшего на «законный суд» и его реализация в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 111-117.

⁴ Лукожев Х.М., Арсельгов Р.З. Проблемы института подсудности в уголовном процессе // Теория и практика общественного развития. 2019. № 3 (133). С. 45-49.

⁵ Марковичева Е.В. Проблемы использования национальной типологии при проведении сравнительных исследований современных моделей ювенального уголовного судопроизводства // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 4. С. 21.

¹ Марковичева Е.В. Проблемы использования национальной типологии при проведении сравнительных исследований современных моделей ювенального уголовного судопроизводства // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 4. С. 20-26.

Международный опыт доктринального и правового (законодательного) подходов к цифровой подсудности:

Страна	Подход к цифровой подсудности
США	Доктрина "эффектов" - подсудность там, где ощутимы последствия
ЕС	Регламент eIDAS - место бизнеса ответчика
Китай	Жесткая привязка к месту нахождения серверов

В аспекте судебной практики по делам о нарушении права на подсудность и на справедливый суд отметим практику ЕСПЧ (в деле «Карелин против России» (2019) признал нарушение ст. 6 Конвенции (право на справедливый суд) из-за необоснованного изменения подсудности), а также практику Верховного Суда РФ, который в 2021 г. разъяснил, что изменение подсудности допустимо только в исключительных случаях (Постановление Пленума ВС РФ № 19).¹

В российском уголовном процессе подсудность играет важную роль в обеспечении прав участников судопроизводства. Как верно отмечает Т.В. Мусиенко, «одной из основных гарантий компетентного суда в уголовном судопроизводстве являются правила определения подсудности уголовного дела».² Эти правила способствуют защите прав и интересов участников процесса, обеспечивая объективное и беспристрастное рассмотрение дела. Таким образом, теоретические основы подсудности в уголовном судопроизводстве формируют важную часть правоприменительной практики, обеспечивая справедливость и законность судебных решений.

Практическое применение норм о подсудности в уголовном судопроизводстве России представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует тщательного анализа и постоянного совершенствования. Важность правильного определения подсудности обусловлена необходимостью обеспечения справедливого и беспристрастного рассмотрения уголовных дел. Как отмечает П.В. Кондрашин, «на процедурном уровне принцип законного суда реализуется через

институт подсудности ст. 30-35 УПК РФ. Его использование позволяет из общей совокупности судебных органов, уполномоченных рассматривать уголовные дела по первой инстанции, определять конкретный суд, а также его состав».³

Судебная практика показывает, что ошибки в определении подсудности могут привести к серьезным последствиям, включая отмену судебных решений. Это подчеркивает необходимость строгого соблюдения установленных законом правил и процедур. В частности, судьи обязаны проверять правильность подсудности на стадии подготовки дела к судебному заседанию, что закреплено в УПК РФ. Однако на практике возникают ситуации, когда определение подсудности становится предметом споров и требует дополнительного разъяснения. Например, в случаях, когда дело может быть отнесено к компетенции нескольких судов, возникает необходимость в четком определении критериев, по которым будет принято окончательное решение. Это требует не только знания законодательства, но и умения применять его в конкретных ситуациях. Для улучшения практики применения норм о подсудности необходимо продолжать исследование и анализировать ошибки, допущенные в судебной практике. Это позволит выявить слабые места в законодательстве и предложить пути их устранения, что в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности и справедливости уголовного судопроизводства.

Международные правовые стандарты оказывают значительное влияние на национальное законодательство о подсудности, что особенно актуально в условиях глобализации и интеграции правовых систем. Международные договоры и решения международных судов, такие как Европейский суд по правам человека, играют ключевую

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 31.05.2022) "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление".

² Мусиенко Т.В. Правила определения территориальной подсудности уголовного дела как гарантия компетентного суда // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 236.

³ Кондрашин П.В. Право потерпевшего на «законный суд» и его реализация в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 112.

вую роль в формировании и развитии национальных правовых норм. В частности, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод требует от государств-участников обеспечения права на справедливое судебное разбирательство, что включает в себя и вопросы подсудности.

Влияние международных стандартов на национальное законодательство проявляется в необходимости адаптации внутренних правовых норм к международным обязательствам. Это требует от государств пересмотра и корректировки своих законодательных актов, чтобы они соответствовали международным требованиям. Например, в России право на законный суд закреплено в Конституции РФ, что отражает международные стандарты защиты прав человека. Как отмечает Е.Е. Коновалова, «право на законный суд также призвано обеспечить право на установленное законом количество судебных инстанций и способов обжалования приговора».¹ Кроме того, международные стандарты способствуют унификации правоприменительной практики, что позволяет избежать правовых коллизий и обеспечивает более предсказуемое и справедливое правосудие. Это особенно важно в условиях, когда национальные суды сталкиваются с делами, имеющими международный характер или затрагивающими интересы иностранных граждан. Таким образом, международные правовые стандарты не только формируют основу для национального законодательства, но и способствуют его развитию и совершенствованию в контексте глобальных правовых тенденций.

Гарантиями права на законный суд через подсудность являются:

1) Недопустимость изменения подсудности (ст. 47 Конституции РФ) – никто не может быть лишён права на рассмотрение дела в том суде, которому оно подсудно.

2) Запрет произвольно передавать дело в другой суд для получения нужного решения.

3) Право на обжалование нарушения подсудности (ст. 389.15 УПК РФ) – приговор может быть отменён, если дело рассмотрено не тем судом.

Среди наиболее актуальных проблем и современных тенденций реализации подсудности как одной из гарантий права на законный суд в российском уголовном судопроизводстве можно выделить: во-первых, проблемы злоупотребления при определении подсудности (например, «дело Серебренникова» изначально рассматривалось в

Москве, хотя преступление якобы совершено в другом регионе), во-вторых, споры о подсудности дел о госизмене (достаточно часто передаются в Москву, даже если фигуранты проживают в других регионах), в-третьих, проблемы цифровизации (например, появление электронных исков и дистанционного судопроизводства требует обновления норм о территориальной подсудности).

Злоупотребления в сфере подсудности представляет умышленное нарушение правил подсудности с целью повлиять на исход дела. Основные формы:

- Искусственное изменение территориальной подсудности (передача дела в «удобный» суд).

- Расширительное толкование правил о персональной подсудности (например, произвольное отнесение дела к подсудности Верховного или военного суда).

- Формальное обоснование подсудности (например, указание на «место окончания преступления» без достаточных доказательств).

Основные способы манипуляций с подсудностью:

1. *Подмена места совершения преступления.* Примером может служить дело режиссёра Кирилла Серебренникова (2017–2020 гг.). Фактическим местом преступления стал «Гоголь-центр» (г. Москва), но часть расходов оформлялась через «Седьмую студию» в г. Санкт-Петербург. Дело было передано в Москву, хотя часть эпизодов формально могла относиться к Санкт-Петербургу. Последствием такого решения стала концентрация процесса в одном суде, ограничение доступа защиты к альтернативным инстанциям.

2. *Использование «сложной» подсудности.* Дела о госизмене (ст. 275 УК РФ) почти всегда рассматриваются Московским окружным военным судом, даже если обвиняемый проживает в другом регионе. Примером может служить дело учёного Виктора Кудрявцева (2023 г.): обвинение было основано на переписке из Новосибирска, но суд проходит в Москве.

3. *Злоупотребление «местом окончания преступления».* Следствие часто трактует место принятия решения (например, подписание документов) как «место окончания преступления», даже если основные действия совершены в другом регионе. Например, дела о коррупции губернаторов – обвинение может быть сфокусировано на моменте подписания документов в Москве, хотя вред причинён в регионе.

Рассмотрим правовые механизмы, допускающие злоупотребления подсудностью в системе гарантий права на законный суд в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

¹ Коновалова Е.Е. Уголовно-процессуальное значение права на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом // Право и управление. 2024. № 10. С. 136.

1. *Статья 35 УПК РФ («Изменение территориальной подсудности»)*. Позволяет вышестоящему суду передать дело в другой суд «в целях обеспечения объективности». На практике используется для концентрации резонансных дел в «удобных» судах.

2. *Ст. 452 УПК РФ («Особый порядок производства по отдельным категориям дел»)*. Дела в отношении судей, депутатов и других высокопоставленных лиц автоматически передаются в Верховный суд РФ или суды субъектов, что может использоваться для изоляции процесса.

3. *Отсутствие четких критериев «места совершения преступления»*. УПК РФ не дает точного определения, что позволяет следствию манипулировать подсудностью. Кроме того, последствиями злоупотребления подсудностью как одной из гарантий права на законный суд в российском уголовном судопроизводстве является нарушение принципа равенства перед судом (ст. 19 Конституции РФ). Ограничениями прав защиты могут быть, например, сложность доступа к доказательствам (если дело передано в другой регион)

и/или давление на свидетелей и адвокатов (из-за удаленности процесса).

Дела о государственной измене (ст. 275 УК РФ) в России почти автоматически передаются в Московский окружной военный суд (МОВС), даже если обвиняемый проживает и действовал в другом регионе. Это основано на: ст. 31 УПК РФ (подсудность военных судов), ст. 7 ФКЗ «О военных судах» (МОВС рассматривает дела особой важности). Важно отметить, что, согласно сложившейся судебной практике, ФСБ России и Следственный комитет России предпочитают централизованное рассмотрение в Москве, аргументация, как правило, следующая: «место окончания преступления» – следствие утверждает, что вред России «причиняется в Москве» (как центре госуправления), «особая сложность и важность» – ссылка на необходимость повышенной секретности и контроля. Кроме того, в рассмотрении подобного рода дел важна единая судебная практика, минимизация влияния региональных факторов, а также централизованное взаимодействие ФСБ, прокуратуры и суда.

Резонансные примеры:

Дело	Регион действий	Суд	Проблема
Учёный Виктор Кудрявцев	Новосибирск	МОВС (Москва)	Контакты с иностранными коллегами трактованы как госизмена
Сотрудник «Роскосмоса» Иван Сафронов	Москва	МОВС	Передача данных, якобы собранных в других регионах
Историк Дмитрий Колпаков	Хабаровск	МОВС	Консультации для иностранных исследователей

Возникающие правовые проблемы, связанные с критериями определения подсудности, могут быть в сфере, во-первых, нарушения принципа территориальности (ст. 32 УПК РФ), когда нет четких критериев, почему местом «окончания преступления» всегда является Москва, во-вторых, ограничения прав защиты (в частности, когда адвокаты из регионов вынуждены ездить в Москву, а свидетели и эксперты не всегда могут присутствовать на судебных заседаниях), в-третьих, единообразия вместо индивидуализации, когда, например, все дела рассматриваются одним судом, что снижает вариативность правоприменения. В этом смысле Верховный Суд РФ поддерживает практику МОВС, считая её «обоснованной спецификой дел о госизмене».¹ В то время как,

например, ЕСПЧ в деле «Лазудин против России» (2021) указал на нарушение ст. 6 ЕКПЧ (недостаточная доступность суда). Текущая система подсудности дел о госизмене создает определенные риски неравенства сторон и снижает доверие к правосудию. Реформа требует баланса между безопасностью и справедливостью.

С развитием электронного правосудия традиционные правила территориальной подсудности (ст. 32 УПК РФ) сталкиваются с новыми проблемами, такими как: *стирание географических границ* (преступления в интернете (кибермошенничество, экстремизм) часто совершаются через серверы в разных юрисдикциях), *дистанционное участие* (видеоконференцсвязь (ВКС) позволяет проводить заседания без физического присут-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами

уголовных дел о преступлениях против военной службы» // СПС «Консультант Плюс».

ствия участников), *электронные доказательства* (место хранения цифровых данных (IP-адреса, облачные серверы) может не совпадать с местом совершения преступления).

Важно понимать, что, например, критерий «места совершения преступления» в нормах действующего российского уголовного права и процесса устарел: для интернет-преступлений иногда трудно бывает определить конкретную территорию (пример: фишинговая атака с серверов за рубежом на россиян в разных регионах). Пробелами в процессуальном законодательстве являются, во-первых, отсутствие четких правил определения подсудности для распределенных цифровых преступлений, во-вторых, отсутствие четкого регулирования вопроса подсудности при использовании ВКС.

Необходимые изменения в российском уголовном праве и процессе, на наш взгляд, заключаются в введении в отечественное уголовное право и процесс новых критериев, в том числе: место нахождения потерпевшего; место заключения договора (для экономических преступлений) и место нахождения критической инфраструктуры (например, Верховный Суд РФ в Определении № 78-КГ20-5 признал возможной подсудность по месту нахождения сервера; Мосгорсуд в деле № 02-0325/2022 установил подсудность по месту обнаружения преступного контента). Кроме того, возможным считаем введение в российское законодательство специальных правил для некоторых категорий дел (например, для киберпреступлений - подсудность по месту жительства потерпевшего, для экономических преступлений - место государственной регистрации компании и т.д.).

На основании изложенного сделаем следующие выводы.

Во-первых, подсудность является ключевой гарантией права на законный суд, обеспечивающей предсказуемость и справедливость уголовного процесса. Однако на практике встречаются проблемы, связанные с злоупотреблениями и нечеткостью критериев, что требует дальнейшего совершенствования российского уголовного законодательства.

Во-вторых, злоупотребления при определении подсудности – серьезная проблема, подрывающая принципы справедливого правосудия. Для ее решения необходимо, по нашему мнению, закрепить в УПК РФ четкие критерии определения подсудности и ограничить произвольное изменение подсудности вышестоящими судами, а также усилить судебный контроль на стадии предварительного расследования. Без этих мер гарантия права на законный суд (ст. 47 Конституции РФ) останется формальной.

В-третьих, перспективами развития российского уголовного законодательства могут стать: создание специализированных т.н. «киберсудов» (по аналогии с арбитражными), разработка алгоритмов автоматического определения подсудности, а также расширение международного сотрудничества в вопросах юрисдикции. Кроме того, цифровизация требует пересмотра традиционных принципов подсудности и в этой связи, на наш взгляд, необходимо найти баланс между эффективностью правосудия и защитой прав участников процесса в новых цифровых реалиях.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // СПС «Консультант Плюс».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

[3] Кондрашин П.В. Право потерпевшего на «законный суд» и его реализация в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 111-117.

[4] Коновалова Е.Е. Уголовно-процессуальное значение права на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом // Право и управление. 2024. № 10. С. 136.

[5] Лукожев Х.М., Арсельгов Р.З. Проблемы института подсудности в уголовном процессе // Теория и практика общественного развития. 2019. № 3 (133). С. 45-49.

[6] Марковичева Е.В. Проблемы использования национальной типологии при проведении сравнительных исследований современных моделей ювенального уголовного судопроизводства // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 4. С. 20-26.

[7] Мусиенко Т.В. Правила определения территориальной подсудности уголовного дела как гарантия компетентного суда // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 236.

Spisok literatury:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 18, 2023 No. 11 "On the practice of consideration by the courts of criminal cases of crimes against military service" // SPS "Consultant Plus."

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 No. 19 (ed. 31.05.2022) "On the application by the courts of

legislation on the necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime.”

[3] Kondrashin P.V. The victim's right to a “legal court” and its implementation in criminal proceedings//Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1 (52). S. 111-117.

[4] Konovalova E.E. Criminal procedural significance of the right to consider the case by the court and the judge to whose jurisdiction it is assigned by law//Law and management. 2024. № 10. S. 136.

[5] Lukozhev H.M., Arselgov R.Z. Problems of the institution of jurisdiction in criminal proceedings// Theory and practice of social development. 2019. № 3 (133). S. 45-49.

[6] Markovicheva E.V. Problems of using national typology when conducting comparative studies of modern models of juvenile criminal proceedings//News of universities. Volga region. Social sciences. 2010. № 4. S. 20-26.

[7] Musienko T.V. Rules for determining the territorial jurisdiction of a criminal case as a guarantee of a competent court//Gaps in Russian legislation. 2015. № 2. S. 236.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-403-408

МИРОНОВ Игорь Андреевич,
Аспирант,
Российский государственный университет
правосудия (РГУП) имени В.М. Лебедева,
e-mail: dorosnik58@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ АРБИТРАЖНОГО СУДА В РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЕГО АППАРАТА

Аннотация. В статье рассмотрено функционирование арбитражных судов в СССР и постсоветской России, определена взаимосвязь изучения и анализа исторических аспектов становления системы арбитражного судопроизводства с целью улучшения осуществления его деятельности, определяющую роль в которой играет его аппарат. Отмечена недостаточность исследования его деятельности в научных исследованиях. Приведена периодизация процесса создания арбитражных судов, состоящая из следующих этапов: разграничительный; подготовительный; законодательно – обеспечительный, организационно – модернизационный и постсоветский и выявлены особенности каждого из них. Особое внимание уделено советскому периоду становления арбитражного правосудия, появлению государственных и ведомственных арбитражных комиссий, и их дальнейшей замене госарбитражом. На основе изучения региональных источников выявлена структура и численность аппарата суда и рассмотрены особенности его работы и его трансформация в послевоенные годы. Автором изложена современная структура арбитражных судов в Российской Федерации и их аппаратное обеспечение, определены особенности правового регулирования этого вида судопроизводства, предложена авторская трактовка термина «аппарат арбитражного суда», рассмотрены его составляющие и особенности функционирования. На основе нормативно-правового анализа определена взаимосвязь задач и направлений деятельности аппарата и его структурированность. В статье сделаны выводы о преемственности деятельности арбитражного суда и возможности укреплении конституционного статуса арбитражного суда. Обозначены проблемы в деятельности аппарата суда и определено, что совершенствование системы арбитражного судопроизводства связано с поиском наиболее оптимальной его структуры в связи с использованием в его работе информационных технологий.

Ключевые слова: арбитражное правосудие, хозяйственные споры, аппарат, комиссии, госарбитраж, конституционный статус.

MIRONOV Igor Andreevich,
postgraduate student Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

HISTORICAL ASPECTS OF THE CREATION OF THE ARBITRATION COURT IN RUSSIA AND THE FORMATION OF ITS STAFF

Annotation. The article examines the functioning of arbitration courts in the USSR and post-Soviet Russia, defines the relationship between the study and analysis of historical aspects of the formation of the arbitration court system in order to improve the implementation of its activities, in which its apparatus plays a decisive role. The lack of research on his activities in scientific research is noted. The periodization of the process of creating arbitration courts is given, consisting of the following stages: delimitative; preparatory; legislative and security, organizational and modernization, and post-Soviet, and the specifics of each of them are revealed. Special attention is paid to the Soviet period of the formation of arbitration justice, the emergence of state and departmental arbitration commissions, and their further replacement by state arbitration. Based on the study of regional sources, the structure and number of the court's staff are revealed, and the specifics of its work and its transformation in the post-war years are considered. The author describes the modern structure

of arbitration courts in the Russian Federation and their hardware, defines the features of the legal regulation of this type of legal proceedings, suggests the author's interpretation of the term "arbitration court apparatus", considers its components and features of functioning. On the basis of the regulatory analysis, the interrelation of the tasks and activities of the apparatus and its structure is determined. The article draws conclusions about the continuity of the arbitration court's activities and the possibility of strengthening the constitutional status of the arbitration court. The problems in the activities of the court staff are identified and it is determined that the improvement of the arbitration system is associated with the search for the most optimal structure in connection with the use of information technology in its work.

Key words: *arbitration justice, economic disputes, staff, commissions, state arbitration, constitutional status.*

Изучение и анализ исторических аспектов становления системы арбитражного судопроизводства необходимо для улучшения ее деятельности. Для того чтобы система работала слаженно, соответствовала запросам времени, многое зависит не только от ее нормативно-правовой базы, профессионализма судейского сообщества, но и грамотности и четкости работы аппарата.

Несмотря на огромное количество публикаций, посвященных работе арбитража в России, в них, остаются без внимания специалисты, в функционал которых входит обеспечение деятельности судов по экономическим спорам.

Трактовка термина «аппарат суда» еще недостаточно исследована в юридической науке, в этом словосочетании подразумевается не только «совокупность работников организации, учреждения» [9, с. 62], но и их особый статус принадлежности к судебному органу. Определение «аппарата суда» как органа, который «осуществляет обеспечение работы суда и подчиняется его председателю» [20] закреплено в ст. 32 № 1-ФКЗ от 31.12.1996 «О судебной системе РФ». Аппарат суда включает в себя определенную структуру, состоящую из отделов, подразделений и должностей.

Понятие «аппарат арбитражного суда» и основные направления его деятельности содержится в ст. 45 № 1-ФКЗ от 28.04.1995 «Об арбитражных судах в РФ». Общее руководство его деятельностью осуществляет председатель, а непосредственное — руководитель аппарата. Работники аппарата арбитражного суда являются федеральными государственными гражданскими служащими [21].

В процессе своей трудовой деятельности сотрудники аппарата, выполняя определенные должностные обязанности, тесно взаимодействуют друг с другом, так как у них общая цель: оказание содействия судейскому корпусу в «полном, всестороннем и обоснованном разрешении юридических дел и правовых вопросов» [12, с. 228].

Для понимания исторических аспектов возникновения и деятельности арбитража в СССР/РФ, а также его аппарата как одной из структурных составляющих, необходимо обратиться к периодизации, включающей в себя советский (1918-1991 гг.) и постсоветский (1991 г. - н/в) периоды.

В советском периоде можно определить несколько этапов:

- 1) Разграничительный (1918 - 1922) – выделение компетенции третейских судов для разрешения экономических споров;
- 2) Подготовительный (1922-1930) - создание специальных судов по хозяйственным спорам - арбитражных комиссий;
- 3) Законодательно-обеспечительный (1931 - 1959) - формирование нормативно-правовой базы в деятельности государственного и ведомственного арбитража и аппарата, обеспечивающего его работу.
- 4) Организационно-модернизационный (1960 - 1990), направленный на совершенствование организационных форм в деятельности государственного арбитража и повышения его роли «как органа, осуществляющего управленческо-правоохранительную работу» [11, с. 25] в народном хозяйстве.

В постсоветском периоде можно определить два этапа:

- 1) 1992 - 2014 гг. – становление современной системы арбитражных судов. Совершенствование правового регулирования нашло свое отражение в Арбитражном процессуальном кодексе (1992, 1995 г. и 2002 г.)
- 2) 2014 г. - н/в – осуществление реформы арбитража, упразднение ВАС, создание коллегии по экономическим спорам при ВС РФ.

Рассмотрим более подробно, как проводилась реформа судов по экономическим вопросам в Советской России. С началом нэпа хозяйственных споров становится больше, поэтому в апреле 1922 года было принято Постановление о создании судебных органов при ВСНХ в виде «арби-

тражных комиссий», а также аналогичных комиссий при местных органах – промбюро и губсовнархозах» [19, с. 463]. С этого момента началась «многолетняя история советской арбитражной системы» [18].

Вновь созданный орган руководствовался в своей деятельности специальным Положением [14]. Цель его создания была направлена на высвобождение «органов государственного управления от решения огромного количества имущественных споров» [10].

Аппарат Высшей арбитражной комиссии (ВАК) состоял из 6 человек: председатель, его заместитель, два члена от Совета Труда и Обороны, два зама. Ее статус был закреплён в Основах судопроизводства, принятых в октябре 1924 г.

На местах в комиссии было 3 человека, председатель и два члена. В 1924 году было принято решение о расширении ее состава до 5 человек. Члены назначались из числа работников государственных, хозяйственных органов, при которых эти комиссии были образованы. Свои функции они выполняли на общественных началах. Например, в состав Томской арбитражной комиссии входили: представитель губернского суда, финотдела и профсоюзов. В 1924 она пополнилась «еще двумя членами: представителем Рабоче-крестьянской инспекции и губернского земельного управления» [4, с. 79].

Одновременно с этими комиссиями, осуществляли деятельность ведомственные арбитражные комиссии по различным направлениям экономики. В их составе было два арбитра, один со знаниями юриспруденции, другой – с опытом хозяйственной деятельности.

Статус комиссий более подходил к судебным органам, чем к административным, но в целом они носили двойственный характер, соединяя в себе судебные и управленческие функции, поэтому их относят к «внесудебным, квазисудебным органам, призванным разгрузить народные суды» [19, с. 463].

Социалистическое строительство «диктовало потребность в централизации и укреплении органов арбитража» [4, с. 81]. Институт арбитражных комиссий был упразднен. Вместо него был создан Государственный арбитраж, который занимался рассмотрением «имущественных споров между субъектами хозяйственной деятельности» [3, с. 27].

С его созданием начинается формирование аппарата, но многие из сотрудников не имели необходимой квалификации, так как не прошли должного обучения.

В штатное расписание входили: главный арбитр, его заместители и государственные арбитры.

Например, в штатном расписании госарбитра при Кировском облисполкоме в 1937 году было 11 человек, а в 1938 году его сократили до 6. Кроме арбитров были еще и штатные единицы консультантов-референтов. В 1940 году в штате дополнительно появились 2 секретаря и машинистка.

Государственные арбитры не обладали независимостью, так как находились в «прямой подчиненности их тому или иному исполнительному органу» [18, с. 132].

Представляется заслуживающей внимания В.Н. Васильченко о том, что Госарбитраж являлся все-таки не судебным, а в большей степени «государственным органом, осуществляющим регулирование хозяйственной деятельности между учреждениями, предприятиями и организациями путем разрешения споров как судебно-административный орган» [3, с. 30], но он выполнял и другие функции не свойственные суду.

После завершения Великой Отечественной войны одной из насущных проблем стала нормализация работы Госарбитража. В 1946 году в стране осуществлял свою деятельность 151 госарбитраж, а в 1954 – 133 [1].

Роль Госарбитража в послевоенный период была значительно повышена, в 1952 году у его руководителя появился заместитель, усилилось влияние республиканских госарбитражей на местные.

Также расширилась их компетенция по рассмотрению споров по отдельным предприятиям, по категориям и по отраслям экономики. Но их деятельность продолжала «оставаться децентрализованной, так как не имела под собой общего правового основания» [8, с. 110].

Ряд исследователей отмечает, что с течением времени «арбитраж все более терял свои юрисдикционные функции и все более приобретал административно-хозяйственные» [6, с. 237]. Ведомственные арбитражи часто занимались не юридической работой, а несвойственной им подготовкой хозяйственных договоров.

В послевоенное время их деятельность постоянно подвергалась критике, к наиболее существенным недостаткам относили «волокиту, нарушение сроков, привлечение ненадлежащих ответчиков» [5, с. 48]. В вину вменялось, что более 5 % принятых решений ежегодно отменялось.

В 1951 году – штат арбитража при Кировском облисполкоме состоял из 6 человек, включая уборщицу, а количество дел рассматриваемых в год составляло около 4 тыс. В 1954 году в стране начались сокращения кадров и должность машинистки убрали, и арбитры сами печатали принятые ими решения.

В 1959 году вступило в силу Постановление Совмина, направленное на улучшение работы Госарбитража. Были определены четыре его главные функции:

- 1) защитная (справедливое рассмотрение дел с обеспечением законных интересов предприятий);
- 2) правоохранительная (применение санкций за срыв планов и договоров для нужд всего СССР);
- 3) аналитическо-контролирующая (обобщение судебных материалов и контроль за устранением выявленных недостатков);
- 4) нормотворческая (подготовка предложений по совершенствованию хозяйственного законодательства).

После этого постановления штат Госарбитража областного уровня был расширен: «главный государственный арбитр, 4 госарбитра, старший консультант и просто консультант, четыре референта, машинистка-стенографистка и уборщица» [2].

Такая численность сотрудников оставалась до 1991 г. с незначительным повышением до 16 человек, за счет включения двух госарбитров и еще одной машинистки.

В Конституциях 1923 и 1936 г. арбитражные органы отсутствовали, впервые их статус как органов по хозяйственным спорам был закреплен в Конституции 1977 г.

Точкой отсчета в формировании нового подхода к арбитражному судопроизводству стал 1991 год, когда начинает складываться система арбитража в современной России, принимается ФКЗ-1 от 28.04.1995 «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [21].

Современная система арбитражных судов включает в себя арбитражные суды первой инстанции (арбитражные суды субъектов Российской Федерации), арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды округов (сплошная кассация), Суд по интеллектуальным правам, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Обязательным условием обеспечения качественного функционирования судебной системы является «создание профессионального и стабильного аппарата» [22, с. 146], учитывая высокую нагрузку судов и тенденцию к её увеличению.

В настоящее время деятельность аппарата арбитражного суда регламентируется ст. 45 уже упомянутого выше ФКЗ, в п. 3 определены функции аппарата, которые конкретизированы в Положении об аппарате арбитражного суда, утвержденном Приказом Судебного департамента при Верховном Суде № 176 от 25.08.2023 [15].

Согласно тексту Приказа, Председатель Суда вправе определить структуру, численность и штатное расписание по согласованию с судебным департаментом ВС РФ. Отделы по усмотрению председателя могут быть объединены, он также утверждает Положения о структурных подразделениях и Должностной регламент работников суда.

В этом приказе определены основные задачи аппарата суда и основные направления деятельности структурных подразделений. Четкость выполнения ими своих функций неразрывно связана с подробной правовой регламентацией их деятельности. Особенность правового регулирования деятельности аппарата суда заключается в его регламентировании, как ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ», Федеральным законом «О государственной гражданской службе в РФ», так и Трудовым Кодексом РФ.

Совокупность нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность сотрудников суда отличается строгой иерархией и регулирует все типы правоотношений, в которые вступают сотрудники суда [16, с. 15]. Выполняя свои служебные функции, сотрудники действуют в рамках своего Должностного регламента и соответствующих инструкций.

В.В. Ершов выделяет в деятельности аппарата суда три направления: «организационное, кадровое и материально-техническое» [13, с. 47].

В свою очередь, В.А. Гречихина отмечает, что отдельные направления деятельности суда можно определить «исходя из организационной структуры аппарата конкретного суда» [7, с. 93].

На основе проведенного анализа представляется возможным выделить следующие направления обеспечительной деятельности сотрудников арбитражного суда: аналитическое, статистическое, информационное, кадровое, делопроизводственное, материально-техническое и финансовое.

Принимая во внимание отмеченные характерные особенности исследуемого института, аппарат арбитражного суда следует определить как структуру судебного органа, состоящего из государственных гражданских служащих и иных сотрудников, ответственных за выполнение определенных функций для осуществления правосудия.

В условиях повсеместной цифровизации, продолжение исследований в сфере структуры аппарата судов представляется актуальным, принимая во внимание внедрение в работу судов новых «инструментов», призванных оптимизировать процесс отправления правосудия.

Список литературы:

[1] Андреева Е.С. Становление и развитие арбитражных судов в России в период с 1922 г. по 1993 г.: Историко-правовой аспект. Автореф...дис. канд. юрид. наук. М., 2002

[2] Апелляция в экономическом правосудии. Киров, Второй арбитражный апелляционный суд, 2016. - 303 с.

[3] Васильченко В.Н. Становление и развитие органов советского арбитража в 1920-е–1930-е гг. // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 20–36.

[4] Воронин Д. В. Деятельность Томской губернской арбитражной комиссии в 1923-1925 гг. (по материалам Журнала распорядительных заседаний) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 79–82

[5] Воронин Д.В. Деятельность Новосибирского госарбитража в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3-1 (41). С. 47-51.

[6] Воронин Д.В. Советский Госарбитраж в послевоенные годы: трудности и проблемы // Философия хозяйства. 2013. № 6 (90). С. 236-243.

[7] Гречихина В.А. Роль и функции аппарата суда в гражданском процессе // Научно-практический журнал «Диалог». 2025. № 1. С. 92-94.

[8] Каллистратова Р.Ф. Органы арбитража в условиях новой системы планирования и руководства народным хозяйством // Ученые записки / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. М., 1966. Выпуск 9. С. 105–129.

[9] Кашанина Т.В., Кашанин А.В. Основы российского права. Учебник для вузов. М.: ИНФА-М-Норма, 1997. – 624 с.

[10] Крыленко Н.В. В последний раз об арбитражных комиссиях // Еженедельник Советской Юстиции. 1923. № 23. С. 529-531

[11] Машкова А.С. Этапы изменения компетенции Государственного арбитража в СССР // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. 1. С. 22-26.

[12] Машук В. Ю. Аппараты судов общей юрисдикции как субъекты административного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. N 24.

[13] Организация работы аппаратов судов общей юрисдикции по обеспечению судебной деятельности: научно-практическое пособие / под общ. ред. В. В. Ершова. 2-е изд., доп. и испр. М., 2011. 286 с.

[14] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1922 г. «Положение о порядке разре-

шения имущественных споров между государственными и учреждениями и организациями»// СУ РСФСР. 1922. № 60. Ст. 769.

[15] Приказ № 176 от 25 августа 2023 года Судебного департамента при ВС РФ // URL.: <https://docs.cntd.ru/document/1303529615> (дата обращения 06.04.2025)

[16] Псарев И.М. Особенности правовых основ деятельности аппарата судов общей юрисдикции // Научные тенденции: Юриспруденция. Сборник научных трудов по материалам XXI международной научной конференции. Международная Объединенная Академия наук. Санкт-Петербург, 2020 с. 14-17

[17] Степанов О.А., Печегин Д.А., Дьяконова М.А. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14. № 5. С. 4-22.

[18] Судолова Л.А. Судебная система и проблемы разрешения экономических споров в эволюции государства и права России с IX по XX в. (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. 212 с.

[19] Факурдинова А.Г. Правовая и организационная основа деятельности экономических совещаний и арбитражных комиссий в 1920 гг. (на материале Тамбовской губернии) // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3. № 12. С. 456-465.

[20] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения 06.04.2025)

[21] Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6510/ (дата обращения 06.04.2025)

[22] Штефан Д.И. Кадровый аспект в обеспечении организации судебной деятельности: проблемы и перспективы. Актуальные проблемы российского права. 2021. № 16(10). С. 144-152.

Spisok literatury:

[1] Andreeva E.S. Stanovlenie i razvitie arbitrazhny'x sudov v Rossii v period s 1922 g. po 1993 g.: Istoriko-pravovoj aspekt. Avtoref...dis. kand. yurid. nauk. M., 2002

[2] Apellyaciya v e'konomicheskom pravosudii. Kirov, Vtoroj arbitrazhny'j apellyacionny'j sud, 2016. - 303 s.

[3] Vasil'chenko V.N. Stanovlenie i razvitie organov sovetskogo arbitrazha v 1920-e–1930-e gg. // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2024. № 2. S. 20–36.

[4] Voronin D. V. Deyatel'nost' Tomskoj gubernskoj arbitrazhnoj komissii v 1923-1925 gg. (po materialam Zhurnala rasporyaditel'ny'x zasedanij) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 384. S. 79–82

[5] Voronin D.V. Deyatel'nost' Novosibirskogo gosarbitrazha v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 3-1 (41). S. 47-51.

[6] Voronin D.V. Sovetskij Gosarbitrazh v poslevoenny'e gody: trudnosti i problemy // Filosofiya xozyajstva. 2013. № 6 (90). S. 236-243.

[7] Grechixina V.A. Rol' i funkcii apparata suda v grazhdanskom processe // Nauchno-prakticheskij zhurnal «Dialog». 2025. № 1. S. 92-94.

[8] Kallistratova R.F. Organy arbitrazha v usloviyax novoj sistemy planirovaniya i rukovodstva narodny'm xozyajstvom // Ucheny'e zapiski / Vsesoyuzny'j nauchno-issledovatel'skij institut sovetskogo zakonodatel'stva. M., 1966. Vy'pusk 9. S. 105–129.

[9] Kashanina T.V., Kashanin A.V. Osnovy rossijskogo prava. Uchebnik dlya vuzov. M.: INFA-M-Norma, 1997. – 624 s.

[10] Krylenko N.V. V poslednij raz ob arbitrazhny'x komissiyax // Ezhenedel'nik Sovetskoj Yusticii. 1923. № 23. C. 529-531

[11] Mashkova A.S. E'tapy izmeneniya kompetencii Gosudarstvennogo arbitrazha v SSSR // Obrazovanie. Nauka. Nauchny'e kadry. 2022. 1. C. 22-26.

[12] Mashhuk V. Yu. Apparaty sudov obshhej yurisdikcii kak sub'ekty administrativnogo prava // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2013. N 24.

[13] Organizaciya raboty apparatov sudov obshhej yurisdikcii po obespecheniyu sudebnoj deyatel'nosti: nauchno-prakticheskoe posobie / pod obshh. red. V. V. Ershova. 2-e izd., dop. i ispr. M., 2011. 286 s.

[14] Postanovlenie VCIK i SNK RSFSR ot 21 sentyabrya 1922 g. «Polozhenie o poryadke razresh-

eniya imushhestvenny'x sporov mezhdru gosudarstvenny'mi i uchrezhdeniyami i organizაციyami»// SU RSFSR. 1922. № 60. St. 769.

[15] Prikaz № 176 ot 25 avgusta 2023 goda Sudebnogo departamenta pri VS RF // URL.: <https://docs.cntd.ru/document/1303529615> (data obrasheniya 06.04.2025)

[16] Psarev I.M. Osobennosti pravovy'x osnov deyatel'nosti apparata sudov obshhej yurisdikcii // Nauchny'e tendencii: Yurisprudenciya. Sbornik nauchny'x trudov po materialam XXI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Mezhdunarodnaya Ob`edinenennaya Akademiya nauk. Sankt-Peterburg, 2020 s. 14-17

[17] Stepanov O.A., Pechegin D.A., D'yakonova M.A. K voprosu o cifrovizacii sudebnoj deyatel'nosti // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly e'konomiki. 2021. T. 14. № 5. S. 4-22.

[18] Sudolova L.A. Sudebnaya sistema i problemy razresheniya e'konomicheskix sporov v e'volucii gosudarstva i prava Rossii s IX po XX v. (istoriko-pravovoj aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2008. 212 s.

[19] Fakurdinova A.G. Pravovaya i organizacionnaya osnova deyatel'nosti e'konomicheskix soveshhanij i arbitrazhny'x komissij v 1920 gg. (na materiale Tambovskoj gubernii) // Aktual'ny'e problemy gosudarstva i prava. 2019. T. 3. № 12. S. 456-465.

[20] Federal'ny'j konstitucionny'j zakon ot 31.12.1996 N 1-FKZ (red. ot 16.04.2022) "O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2023) // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (data obrasheniya 06.04.2025)

[21] Federal'ny'j konstitucionny'j zakon ot 28.04.1995 N 1-FKZ (red. ot 31.07.2023) "Ob arbitrazhny'x sudax v Rossijskoj Federacii" // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6510/ (data obrasheniya 06.04.2025)

[22] Shtefan D.I. Kadrovyy aspekt v obespechenii organizacii sudebnoj deyatel'nosti: problemy i perspektivy. Aktual'ny'e problemy rossijskogo prava. 2021. № 16(10). S. 144-152.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-409-414

КОЛЕСНИКОВА Марианна Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»,
e-mail: marianna0044@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРИНЯТИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности распределения бремени доказывания, возникающие в судопроизводстве по делам о защите прав потребителей, которые непосредственно влияют на принятие законных и обоснованных судебных решений по данной категории дел. Также анализируются особенности процессуально-правовых отношений, регулируемых как нормами гражданского процессуального законодательства, так и законодательством Российской Федерации «О защите прав потребителей».

Ключевые слова: судебное решение, защита прав потребителей, исковое производство, продавец, исполнитель, изготовитель, бремя доказывания.

KOLESNIKOVA Marianna Mikhailovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law
of the Northwestern Branch of the Lebedev
Russian State University of Justice

SOME FEATURES OF EVIDENCE IN MAKING COURT DECISIONS ON CONSUMER PROTECTION CASES

Annotation. The article discusses some features of the burden of proof distribution that arise in consumer protection proceedings, which directly affect the adoption of legitimate and reasonable judicial decisions in this category of cases. The article also analyzes the features of procedural and legal relations regulated by both the norms of civil procedure legislation and the legislation of the Russian Federation "On Consumer Rights Protection".

Key words: court decisions, consumer rights protection, lawsuit proceedings, seller, executor, manufacturer.

Защита прав потребителей представляет собой одну из наиболее распространенных категорий споров, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства.

Как показывает практика, количество споров, связанных с защитой прав потребителей с каждым годом продолжает увеличиваться. Анализируя статистику данных споров, наибольшее количество обращений, поступивших за 2024 год, как и в предыдущие годы, касалось нарушений прав потребителей – 55,8% (32452), что на 4,9% (1687) меньше, чем в 2023 году – 60,1% (34139).

Тем не менее количество дел, связанных с правами потребителей, растет: в 2023 году потребители подали в суды 1198 исковых заявлений, что на 27,7% больше, чем в 2022 году. Большая часть исков, как отмечают в ведомстве, подавалась в защиту прав конкретных потребителей. По итогам рассмотрения судами 1050 дел было удовлетворено 1004.

При этом дела, о защите прав потребителей можно разделить на несколько категорий, на основании которых определяют перечень фактов предмета доказывания.

Таким образом первую категорию представляют дела о защите прав потребителей, связанные с нарушением преддоговорных обязательств.

Права потребителя обеспечиваются защитой законодателем уже на стадии преддоговорных обязательств. Первым и основополагающим правом в рамках защиты потребительских прав составляет право на получение достоверной информации [1, с. 200].

Статья 8 Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [2] закрепляет общие требования к качеству информации и форме ее доведения до потребителя. Кроме того, учитываются те обстоятельства, что сам потребитель вполне может не обладать специальными знаниями, на основании чего Законом № 2300-1 закреплён принцип презумпции отсутствия специальных знаний.

Соответственно для изготовителя (исполнителя, продавца) установлена ответственность за нарушение такого права потребителя. Таким образом потребитель наделён правом обратиться с требованием о возмещении убытков, которые он понес в случаях, когда изготовитель (исполнитель, продавец) неправомерно и безосновательно уклонился от заключения договора с потребителем. При этом обязанность доказывать определённые факты возлагается непосредственно на самого потребителя.

Так на потребителя возлагается обязанность доказывать факт обращения к изготовителю (исполнителю, продавцу) с непосредственным намерением заключить соответствующий договор. Также, предстоит доказывать факт предоставления потребителю не соответствующей действительности информации [3, с. 69] или ее части при заключении договора. В-третьих, потребитель обязан доказать факт того, что он понес убытки в связи с нарушением его права, а также размер таких убытков. Таким образом, данным случае важное значение имеет доказывание именно причинной связи между нарушениями прав потребителей и теми убытками, которые стали последствием нарушения прав [4, с. 115].

Однако, данное правило обладает некоторыми исключениями, предусмотренными ч. 3 ст. 46 Закона «О защите прав потребителей». Так, решение суда, которое уже вступило в законную силу по факту признания противоправными действий как продавца, так и изготовителя (исполнителя) в отношении неопределённого круга потребителей является обязательным для того суда, который непосредственно рассматривает требования истца о защите его потребительских прав, нарушенных в результате правовых последствий действий соответствующего продавца или изготовителя (исполнителя).

Вторая категория предусматривает дела о защите нарушенных прав потребителей в результате продаже товаров.

Так потребитель предъявляет свои требования, основанные на договоре купли-продажи непосредственно к продавцу. Таким образом ключевую роль при доказывании будет иметь установление факта заключения этого договора купли-продажи, поскольку, только основываясь на данном договоре можно рассматривать нарушения, допущенные со стороны продавца. При этом недоказанность заявителем факта заключения спорного договора купли-продажи, как показывает судебная практика, приводит к отказу в удовлетворении заявленных требований.

Существует мнение, что факт покупки (приобретения) того или иного товара в определённой месте также подлежит доказыванию [5, с.93]. Однако в современной действительности данное мнение противоречиво, ввиду существования интернет-магазинов, которые не имеют физической торговой площади.

Действующее законодательство, регулирующее вопросы защиты прав потребителей за длительный период своего существования, не раз подвергалось изменениям, в том числе очередные изменения были внесены в связи с появлением и активным развитием дистанционной продажи товаров. Подобным образом появилась ст. 26.1 Закона «О защите прав потребителей», обозначившая договор дистанционной купли-продажи, под которым понимается разновидность договора розничной купли-продажи суть которого сводится к тому, что у потенциального покупателя отсутствует возможность непосредственного ознакомления с предлагаемым товаром, ознакомление возможно только с описанием товара представленного посредством каталогов, фотографий, буклетов и т.д.

В данном случае, в рамках дистанционной купли-продажи принципиальное значение имеет факт заключения договора.

Если речь идет о требованиях к изготовителю товара, то ключевое значение будет иметь факт изготовления товара данным изготовителем.

В соответствии с п.1 ст. 4 Закона «О защите прав потребителей», в непосредственные обязанности продавца или исполнителя (изготовителя) входит передача приобретенного товара, выполнение работ или оказание соответствующих услуг, качество которых должно быть надлежащим и соответствовать условиям договора. В качестве товаров надлежащего качества Закон № 2300-1 устанавливает следующие положения:

- товары, качество которых не соответствует условиям договора, если заранее продавцом заблаговременно не оговорены недо-

статки товара (уцененный товар). При этом продавец обязан эти недостатки перечислить списком в соответствии с положениями п.1 ст. 503 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [6]. Если продавцом были оговорены соответствующие недостатки, то он фактически не несет ответственность за товар, ненадлежащее качество которого он не скрыл.

- функционал товара противоречит или не соответствует заявленному в описании, в том числе в договоре отсутствуют условия о качестве соответствующего товара.
- товар не может быть использован в тех целях, которые были заявлены продавцу. Для признания товара некачественным в рамках данного критерия должен быть установлен факт указания потребителем.
- товар не соответствует образцу или описанию. В этом случае предметом доказывания является факт наличия или отсутствия качеств и свойств у образца товара, либо конкретные указания на требуемые свойства и качества в его описании согласно пункту 3 ст. 469 Гражданского кодекса Российской Федерации.
- товар не соответствует требованиям закона или порядку установленного законом процедуре. Данная ситуация подразумевает обязанность выявлять существенных дефектов в товаре, их неизбежность в устранении, в том числе несоразмерность времени или затрат на их устранение, периодическое проявление дефектов, а также их повторное проявление после устранения.

Если существуют требования, связанные с недостатками товара, которые были выявлены после его непосредственной передачи потребителю, помимо установления факта надлежащего качества, также возникает необходимость установить факт того, была ли предоставлена информация о товаре в полном объеме, и причинно-следственную связь между предоставленной информацией и соответствующими дефектами товара. [4, с. 115].

Категория товара также подлежит определению, в случае возникновения претензий, связанных с приобретением товара ненадлежащего качества, когда возникает необходимость отнести данный товар к категории технически сложных, в соответствии с перечнем, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации. Закон Российской Федерации от 10.11.2011 № 924 [7].

Таким образом, на технически сложные товары распространяются особые правила. При обнаружении недостатков в технически сложном

товаре потребитель имеет право отказаться от исполнения договора купли-продажи этого товара, а также он имеет право потребовать возврата стоимости данного товара, фактически за него уплаченной, в том числе потребитель вправе потребовать замены товара на аналогичный или другой с учетом его стоимости. При этом возможность реализовать указанные права можно в течении пятнадцати дней с момента передачи купленного товара потребителю, при этом не имеет значение насколько существенными являются недостатки, связанные качеством данного товара.

По истечении пятнадцатидневного срока с даты доставки товара удовлетворение заявленных требований возможно только в одном из следующих случаев.

1. В случае выявления производственного недостатка, если будет установлено, что он является существенным, т.е. неустранимым, когда речь идет о невозможности устранить данный недостаток без несения несоразмерных расходов, связанных с его устранением или затрат времени, в том числе, когда после устранения недостатков они вновь неоднократно проявляются [8].
2. В случае, когда речь идет о нарушении сроков, установленных в соответствии со ст. 20 Закона «О защите прав потребителей» на устранение выявленных недостатков товара.
3. В случае, если после повторного устранения выявленных недостатков его использование остается невозможным в течение каждого установленного гарантийного срока и в общей совокупности более 30 дней.

В силу Закона «О защите прав потребителей» предполагается ответственность продавца (исполнителя, изготовителя) за отказ от исполнения в добровольном порядке или просрочку в исполнении требований потребителя, которая предполагается в виде неустойки, в том числе взыскании штрафа, возмещении убытков и компенсации морального вреда. При этом не допускается отказ в компенсации морального вреда при установлении факта нарушения имущественных прав потребителя и доказанности нарушения его прав [9].

Также Законом «О защите прав потребителей» установлена специфика, связанная с доказыванием по делам о защите прав потребителей. Согласно которому, в случае возникновения спора относительно качества товара продавец (исполнитель, производитель) обязан за свой счет проверить качество товара, в том числе с помощью экспертизы. Исходя из этого, следует сделать вывод, что даже если истец (покупатель) ошибается или последнему не хватает убедительных доказательств, бремя доказывания отсутствия

дефектов ложится непосредственно на ответчика (продавца). Исключением из этого обстоятельства являются случаи, когда на товар (выполнение работ, оказание услуг) установлен гарантийный срок, согласно которому в зависимости от времени обнаружения дефектов в данном товаре (работе, услуге) распределяется бремя доказывания.

При этом, наличие установленного гарантийного срока также влияет на распределение бремени доказывания между истцом (потребителем) и ответчиком (продавцом, исполнителем, изготовителем). В свою очередь отсутствие гарантийного срока не снимает с продавца (изготовителя, исполнителя) обязанности доказывать обстоятельства того, что выявленные дефекты товара возникли в результате его использования (эксплуатации) покупателем, а не до передачи товара.

Если речь идет о выявлении существенных дефектов в товаре за пределами установленного гарантийного срока, однако в течение установленного срока службы товара потребитель не утрачивает своего права на защиту прав потребителей и может вернуть товар производителю (импортеру, уполномоченной организации или индивидуальному предпринимателю), если докажет, что дефект (недостаток) возник до покупки или по причинам, возникшим до ее приобретения. В этом случае потребитель вправе потребовать возврата денежной суммы, уплаченной за такой товар, если его претензия о безвозмездном устранении недостатков со стороны производителя (импортера, уполномоченной организации или индивидуального предпринимателя) не будет удовлетворена в течение двадцати дней [10].

В случае невозможности замены товара по причинам, за которые не может нести ответственность продавец, в том числе если им были приняты все необходимые меры для выполнения, установленных продавцом требований, обязанность доказывать данные обстоятельства ложится непосредственно на продавца.

Аналогичная ситуация по распределению бремени доказывания возникает, когда потребитель требует возмещение ему убытков, которые были причинены вследствие предоставления последнему недостоверной или недостаточно полной информации о товаре (работе, услуге). Таким образом, обязанность доказать тот факт, что потребителю была предоставлена вся необходимая, достоверная и полная информация о товаре (работе, услуге), а дефекты (недостатки) товара возникли в результате его неправильного использования потребителем, возлагается на продавца.

Третью категорию представляют дела о защите прав потребителей при выполнении работ и оказании услуг. Особенностью данной категории является ряд фактов, которые имеют аналогичное юридическое значение с предметом доказывания по делам, связанным с приобретением товаров. Первоочередной задачей данной категории дел является установление факта заключения договора на выполнение работ или оказание услуг.

Однако существует определенная специфика данной категории дел, обусловленная характером возникающих отношений, связанных с приобретением услуг или выполнением работ. В данном случае продолжительность выполнения работ или предоставления услуг играет важную роль. Закон «О защите прав потребителей» предусматривает ответственность исполнителя по следующим критериям:

- нарушение сроков выполнения работ или оказания услуг;
- выявление недостатков в выполненной работе или оказанных услугах [4, с.117].

Таким образом, ст. 28 Закона «О защите прав потребителей» предусматривает право потребителя в случае нарушения установленного срока либо назначить новый срок исполнителю, либо выполнить работу самостоятельно, а также поручить ее третьим лицам за разумную плату, в результате чего потребовать от исполнителя возмещения понесенных расходов. Кроме того, в силу указанной статьи потребитель также имеет право требовать от исполнителя в случае нарушения сроков выполнения работ соразмерного уменьшения стоимости работ, в том числе вправе требовать расторгнуть договор.

Статья 29 Закона «О защите прав потребителей» предусматривает право потребителя потребовать от исполнителя пропорционального снижения стоимости выполненной работы или предоставленной услуги, если в выполненной работе или предоставленной услуге будут выявлены недостатки. Также потребитель, в силу данной статьи, имеет право потребовать безвозмездного изготовления нового изделия или повторного выполнения работы. В такой ситуации потребитель обязан вернуть ранее переданную исполнителю вещь. Другое право по усмотрению потребителя, предусмотренное в вышеуказанной статье, подразумевает возможность требовать от исполнителя возмещения расходов, понесенных потребителем по устранению недостатков выполненной работы или предоставленной услуги, самостоятельно или с привлечением третьих лиц.

В случае обращения потребителя в суд за защитой своих прав и интересов бремя доказывания таких обстоятельств (фактов) как выполнение

соответствующих работ или оказание услуги, в том числе ненадлежащее качество этих работ или услуг, нарушение сроков их выполнения возлагаются непосредственно на потребителя. Кроме того, потребителю необходимо будет доказать факт обращения к исполнителю с предупреждением о возможности нарушения сроков выполнения работ или оказания услуг, в случае, если потребитель сомневается в своевременности соблюдения сроков. Потребитель также обязан доказать в судебном порядке факт обращения к исполнителю с требованием соблюдать последствия ст. 29 Закона «О защите прав потребителей» и отказ последнего от выполнения этих действий.

Кроме того, особое внимание в рамках судебного разбирательства по делам о защите прав потребителей следует уделить таким обстоятельствам, которые должны быть установлены, как гарантийный срок на выполнение работ, наличие определенных обстоятельств, при которых исполнитель нарушил сроки выполнения работ, а именно, были ли при нарушении сроков форс-мажорные обстоятельства или их нарушение произошло по вине потребителя. Также должны быть установлены причины выявленных недостатков в выполненных работах или услугах. В этом случае существенными будут следующие обстоятельства: тот факт, что недостатки были выявлены после принятия работы или услуги, которые связаны с нарушением правил использования результатов работы или услуги, или же недостатки возникли в результате действий третьих лиц или форс-мажорных обстоятельств. Немаловажное значение будут иметь детали, которые позволят подтвердить даты начала и окончания работ. Для потребителя существенное значение будут иметь даты в уведомлениях, направленных исполнителю о нарушении сроков выполнения работ, выявленных недостатках и понесенных убытках.

Таким образом, подводя итоги некоторым особенностям доказывания по делам о защите прав потребителей следует отметить, что Закон «О защите прав потребителей» действует чуть больше тридцати лет и на момент принятия был эффективным и соответствовал передовым стандартам защиты. Однако современные реальности правоотношений требуют совершенствования правовых норм, поскольку права потребителей нарушаются достаточно часто и не охраняются должным образом, несмотря на то, что данный Закон призван защищать интересы самых незащищенных участников гражданского оборота. В то же время, как следует из анализа распределения бремени доказывания по рассматриваемой категории гражданских дел, бремя доказывания определенных обстоятельств не всегда ложится непо-

средственно на производителя (продавца, исполнителя), такое же бремя доказывания ложится на потребителя, когда он обращается в суд с заявлением о защите своих нарушенных прав и интересов, именно потребитель должен доказывать те обстоятельства, на которые он ссылается. Так при правильном распределении бремени доказывания, ответственном отношении к обоснованию своей правовой позиции можно говорить о справедливом и правильном принятии решения судом.

Список литературы:

- [1] Глуховская И.А., Уткина А.С. Проблемы защиты прав потребителей в Российской Федерации // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 6 (23). С. 199-201.
- [2] Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. 04.08.2023) // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305 (дата обращения: 14.04.2025).
- [3] Четыркина Н.Ю. Защита прав потребителей: учебное пособие // Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург). 2014. 111 с.
- [4] Широкова А.В. Предмет доказывания в делах о защите прав потребителей // Наука через призму времени. 2018. № 10 (19). С. 114-121.
- [5] Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / Под ред. И.В. Решетниковой. 5-е изд., доп. и перераб. - М.: Норма, 2011. 125 с.
- [6] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. №14-ФЗ // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027 (дата обращения: 14.04.2025).
- [7] Постановление Правительства РФ от 10.11.2011 № 924 (ред. от 27.03.2019) «Об утверждении перечня технически сложных товаров» // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121597 (дата обращения: 14.04.2025).
- [8] Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885 (дата обращения: 14.04.2025).
- [9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485 (дата обращения: 14.04.2025).

[10] Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.10.2023) // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460140 (дата обращения: 14.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Gluhovskaya I.A., Utkina A.S. Problemy zashchity prav potrebitel'ev v Rossijskoj Federacii // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2018. № 6 (23). S. 199-201.

[2] Zakon Rossijskoj Federacii ot 7 fevralya 1992 g. № 2300-I «O zashchite prav potrebitel'ev» (red. 04.08.2023) // Konsul'tant plyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305 (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[3] Chetyrkina N.Yu. Zashchita prav potrebitel'ev: uchebnoe posobie // Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet (Sankt-Peterburg). 2014. 111 s.

[4] Shirobokova A.V. Predmet dokazyvaniya v delah o zashchite prav potrebitel'ev // Nauka cherez prizmu vremeni. 2018. № 10 (19). S. 114-121.

[5] Spravochnik po dokazyvaniyu v grazhdanskom sudoproizvodstve / Pod red. I.V. Reshetnikovoj. 5-e izd., dop. i pererab. - M.: Norma, 2011. 125 s.

[6] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast' vtoraya ot 26 yanvarya 1996 g. №14-FZ // Konsul'tant plyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027 (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[7] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 10.11.2011 № 924 (red. ot 27.03.2019) «Ob utverzhdenii perechnya tekhnicheskij slozhnyh tovarov» // Konsul'tant plyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121597 (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[8] Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28.06.2012 № 17 «O rassmotrenii sudami grazhdanskij del po sporam o zashchite prav potrebitel'ev» // Konsul'tant plyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885 (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[9] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15 noyabrya 2022 g. № 33 «O praktike primeneniya sudami norm o kompensacii moral'nogo vreda» // Konsul'tant plyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485 (data obrashcheniya: 14.04.2025).

[10] Obzor sudebnoj praktiki po delam o zashchite prav potrebitel'ev (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 18.10.2023) // Konsul'tant plyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460140 (data obrashcheniya: 14.04.2025).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.04.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-415-419

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

МИХАЙЛОВ Виктор Валентинович,
АНО ВО «РОСНОУ» – Российский новый университет,
Москва, Россия,
e-mail: viktor.mixajlov2017@yandex.ru

КОРНИЛОВ Алексей Радионович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
права и государства Гуманитарного института,
Российский новый университет, Москва;
доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин,
Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина, Рязань,
e-mail: magelan7@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу цифровизации судебной системы Российской Федерации, рассматривая ее как процесс внедрения информационных технологий для повышения эффективности, доступности и прозрачности правосудия. Особое внимание уделено государственной автоматизированной системе «Правосудие» и видеоконференцсвязи, их преимуществам и недостаткам. В работе также раскрываются плюсы и минусы цифровизации в целом, включая ее влияние на реализацию права. Подчеркивается, что цифровые технологии упрощают доступ к правосудию, но требуют устранения технических, правовых и социальных барьеров для сохранения принципов справедливости и гуманизма.

Ключевые слова: цифровизация, судебная система, ГАС «Правосудие», КИС СОЮ, видеоконференцсвязь, правосудие онлайн, доступность правосудия, электронный документооборот.

MIKHAYLOV V.V.,
Russian New University – RosNOU, Moscow, Russia

KORNILOV A.R.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Theory and History
of Law and State, Humanitarian Institute,
Russian New University, Moscow;
Associate Professor of the Department of Theory
of Law and Public Law Disciplines, Ryazan State
University named after S.A. Yesenin, Ryazan

DIGITALIZATION IN THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article analyzes the digitalization of the judicial system of the Russian Federation, considering it as a process of introducing information technologies to improve the efficiency, accessibility and transparency of justice. Special attention is paid to the state automated Justice system and videoconferencing, their advantages and disadvantages. The paper also reveals the pros and cons of digitalization in general, including its impact on the implementation of law. It is emphasized that digital technologies simplify access to justice, but require the removal of technical, legal and social barriers to preserve the principles of justice and humanism.

||| **Key words:** *digitalization, judicial system, GAS "Justice", KIS SOU, videoconferencing, justice online, accessibility of justice, electronic document management.*

Современный мир стремительно меняется под воздействием информационных технологий, которые проникают во все сферы общественной жизни, включая государственное управление, экономику и правосудие. Судебная система Российской Федерации не остается в стороне от этих процессов, активно внедряя цифровые технологии для повышения эффективности, доступности и прозрачности правосудия. Цифровизация судебной системы представляет собой комплекс мер, направленных на автоматизацию судебных процессов, внедрение электронного документооборота, использование видеоконференц-связи и других цифровых инструментов [1]. Этот процесс затрагивает не только техническую модернизацию, но и трансформацию правовых и организационных подходов, что позволяет говорить о формировании новой модели правосудия – электронной или цифровой. Однако, несмотря на очевидные преимущества, цифровизация сопряжена с рядом вызовов и рисков, которые требуют внимательного анализа. В настоящей статье рассматриваются ключевые аспекты цифровизации судебной системы РФ, включая использование государственной автоматизированной системы «Правосудие» и видеоконференц-связи, их преимущества и недостатки, а также влияние цифровизации на реализацию права.

Цифровизация судебной системы в России началась в начале XXI века и получила новый импульс в последние годы благодаря государственной политике, направленной на развитие цифровой экономики [2]. Одним из первых шагов стало создание государственной автоматизированной системы «Правосудие» (ГАС «Правосудие»), которая с 2012 года функционирует как единая информационная платформа для судов общей юрисдикции. Эта система объединяет базы данных судебных дел, обеспечивает электронный документооборот, предоставляет гражданам и организациям доступ к информации о судебных процессах. Помимо ГАС «Правосудие», активно развиваются такие направления, как проведение судебных заседаний в формате видеоконференц-связи, подача исков и иных процессуальных документов через интернет, а также внедрение суперсервиса «Правосудие онлайн», который призван минимизировать необходимость личного присутствия участников процесса в суде.

Цифровизация судебной системы направлена на достижение нескольких ключевых целей [3]. Во-первых, она стремится повысить доступность правосудия для граждан, особенно для тех,

кто проживает в удаленных регионах или имеет ограниченные возможности для личного участия в судебных заседаниях. Во-вторых, технологии позволяют сократить временные и финансовые затраты на судопроизводство, что делает правосудие более эффективным. В-третьих, цифровизация способствует повышению прозрачности судебных процессов, что укрепляет доверие общества к судебной власти. Однако эти цели достигаются не без трудностей, и для понимания их реализации необходимо рассмотреть конкретные инструменты цифровизации, их преимущества и недостатки.

Государственная автоматизированная система «Правосудие» является одним из главных достижений цифровизации судебной системы РФ. Эта платформа объединяет более 80 миллионов судебных дел, предоставляя судьям, адвокатам и гражданам доступ к информации о ходе процессов, текстам судебных актов и другим материалам. Одним из ключевых преимуществ ГАС «Правосудие» является возможность подачи документов в электронном виде, что существенно упрощает взаимодействие с судами. Граждане могут направлять иски, ходатайства и жалобы через личный кабинет на портале системы, не тратя время на посещение судебных учреждений. Кроме того, система позволяет отслеживать статус дела в режиме реального времени, что повышает информированность участников процесса.

Также хочется отметить систему КИС СОЮ (Комплексная информационная система судов общей юрисдикции), которая предоставляет судьям инструменты для автоматизации рутинных операций, таких как составление шаблонов постановлений или определений, рассылка повесток, что позволяет сосредоточиться на рассмотрении сути дела.

Еще одним преимуществом системы является ее вклад в унификацию судебной практики [4]. Благодаря централизованной базе данных судьи могут изучать решения по аналогичным делам и спорам, что способствует единообразию правоприменения. Важно отметить и экономическую эффективность ГАС «Правосудие». По данным Европейской комиссии по эффективности правосудия, российская судебная система признана одной из самых технологически развитых и наименее затратных среди 47 стран Европы [8]. Это достижение стало возможным благодаря оптимизации процессов, которые ранее требовали значительных ресурсов.

Однако у ГАС «Правосудие» есть и недостатки [5]. Один из них связан с техническими

ограничениями. Не все суды, особенно в регионах, оснащены современной компьютерной техникой, что затрудняет полноценное использование системы. Нередко возникают сбои в работе портала, что приводит к задержкам в обработке документов. Кроме того, система требует от пользователей определенного уровня цифровой грамотности. Для граждан, не владеющих навыками работы с компьютером, подача электронных документов может стать проблемой, что особенно актуально для пожилых людей или жителей сельской местности. Еще одним вызовом является обеспечение безопасности данных. Хранение миллионов судебных дел в электронном виде создает риск утечки конфиденциальной информации, что требует постоянного совершенствования систем защиты.

Видеоконференцсвязь (ВКС) стала еще одним важным инструментом цифровизации судебной системы, особенно в условиях пандемии COVID-19, когда личное присутствие в судах было ограничено. ВКС позволяет проводить судебные заседания дистанционно, обеспечивая участие сторон, свидетелей и экспертов, которые находятся в удаленных регионах от места проведения слушания. Среди преимуществ ВКС можно выделить значительную экономию времени и средств. Например, свидетели из других регионов могут давать показания, не приезжая в судебное заседание, что снижает транспортные расходы и ускоряет процесс рассмотрения дела. Кроме того, ВКС повышает доступность правосудия для людей с ограниченными возможностями, которым сложно посещать суды.

Дистанционные заседания также способствуют снижению нагрузки на суды, позволяя рассматривать больше дел за меньший промежуток времени [2]. В период пандемии российские суды продемонстрировали способность оперативно адаптироваться к новым условиям: количество дел, рассмотренных с использованием ВКС, значительно возросло, а в некоторых регионах даже превысило показатели предыдущих лет. Это свидетельствует о высокой гибкости судебной системы и ее готовности к вызовам современности.

Тем не менее, использование ВКС имеет свои недостатки. Во-первых, качество связи остается проблемой, особенно в удаленных регионах, где интернет-соединение может быть нестабильным. Перебои в трансляции могут нарушить ход заседания и повлиять на восприятие информации судьей и участников процесса. Во-вторых, стороны, которые участвуют в рассмотрении дела, свидетели, эксперты должны явиться в ближайший суд по месту их проживания, поскольку установление личности лица производит судья или

уполномоченный сотрудник суда, в связи с чем нагрузка на суд в который пришло лицо для участия в судебном заседании посредством видеоконференц-связи увеличивается. Некоторые юристы отмечают, что онлайн-заседания могут снижать ощущение значимости происходящего, что влияет на восприятие правосудия участниками процесса.

Обсуждая цифровизацию судебной системы в целом, нельзя обойти вниманием ее плюсы и минусы как комплексного явления [4]. Ключевым преимуществом цифровизации является повышение доступности правосудия. Благодаря электронным сервисам граждане могут обращаться в суд, не выходя из дома, что особенно важно для жителей отдаленных территорий. Цифровизация также способствует прозрачности судебных процессов. Публикация судебных актов в открытом доступе позволяет обществу контролировать деятельность судов, а СМИ и исследователям – анализировать правоприменительную практику. Еще одним плюсом является ускорение судопроизводства. Автоматизация рутинных процессов, таких как регистрация дел или рассылка уведомлений, позволяет судьям сосредоточиться на рассмотрении сути споров, что сокращает сроки рассмотрения дел.

Экономическая эффективность цифровизации также заслуживает внимания. Внедрение цифровых технологий позволяет оптимизировать бюджетные расходы на содержание судебной системы, что особенно важно в условиях ограниченных ресурсов. Наконец, цифровизация открывает перспективы для интеграции искусственного интеллекта в правосудие. Уже сегодня разрабатываются алгоритмы, способные анализировать судебную практику и предлагать судьям варианты решений, что может повысить качество правоприменения в будущем.

Однако цифровизация сопряжена с рядом рисков. Один из которых – цифровое неравенство. Не все граждане имеют доступ к современным технологиям или обладают навыками их использования, что создает барьеры для реализации их права на судебную защиту. Кроме того, цифровизация повышает риски киберугроз. Хакерские атаки или утечки данных могут подорвать доверие к судебной системе и нанести ущерб участникам процесса.

Важным аспектом цифровизации является ее влияние на реализацию права [6]. Цифровые технологии трансформируют способы осуществления правосудия, делая их более гибкими и адаптированными к современным реалиям. Например, подача исков через интернет упрощает доступ к правосудию, позволяя гражданам пользоваться своими правами и защищать их. Элек-

тронный документооборот минимизирует бюрократические барьеры, сокращая время на оформление и передачу документов. ВКС, в свою очередь, обеспечивает возможность участия в процессе даже в условиях ограниченной мобильности, что особенно актуально для людей с инвалидностью или тех, кто находится в местах лишения свободы.

Цифровизация также способствует реализации принципа гласности. Открытый доступ к судебным актам и трансляциям заседаний позволяет обществу контролировать деятельность судов, что укрепляет доверие к правосудию. Более того, цифровые технологии делают правосудие более инклюзивным. Например, сервис «Правосудие онлайн» позволяет не только подавать документы, но и оплачивать госпошлину, знакомиться с материалами дела и получать судебные акты в электронном виде, что минимизирует необходимость личного контакта с судом.

Однако реализация права через цифровизацию сталкивается с вызовами. Один из которых – не все суды общей юрисдикции обладают необходимыми техническими средствами для предоставления онлайн доступа к материалам дела, в связи с чем ознакомление с материалами дела проходит в традиционном способе.

Автоматизированные системы, такие как шаблоны исковых заявлений или алгоритмы расчета госпошлины, шаблоны определений или постановлений судов могут упростить процесс, но они не всегда учитывают индивидуальные обстоятельства дела.

Кроме того, цифровизация требует совершенствования законодательства. Действующие процессуальные кодексы не в полной мере адаптированы к цифровой среде, что создает правовую неопределенность. Например, вопросы аутентификации и идентификации участников онлайн-заседаний. К тому же не всем лицам удобно посещать ближайший суд для проведения ВКС, например лицам, которые ограничены в передвижении, им намного удобней подключиться по IP-адресу к суду, где проходит судебное заседание и участвовать в нем не выходя из дома, однако установление личности лица, происходит судьей или уполномоченным на то сотрудником суда, а отбирание расписки (подписки) за разъяснения прав лицу, которое участвует в судебном заседании, происходит только судьей, а в случае подсудимых, которые находятся в местах лишения свободы, данная обязанность возлагается на сотрудников ФСИН.

В подтверждение всего вышесказанного можно отметить, что цифровизация судебной системы РФ представляет собой сложный и мно-

гогранный процесс, который открывает новые возможности для правосудия, но одновременно ставит перед обществом и государством серьезные вызовы. ГАС «Правосудие» и видеоконференц-связь уже доказали свою эффективность, обеспечивая доступность, прозрачность и экономичность судебных процессов. Однако их дальнейшее развитие требует устранения технических, правовых и социальных барьеров. Цифровизация способствует реализации права, упрощая доступ к правосудию и делая его более доступным, но ее успех зависит от сохранения человеческого фактора и технического обеспечения. В будущем отечественная судебная система продолжит движение в сторону технологической модернизации, но важно, чтобы это движение сопровождалось поддержкой со стороны государства, которая должна выражаться в обеспечении судов всех инстанций необходимым комплексом современных технических средств.

Список литературы:

- [1] Приходько С.О., Калашникова Е.Б. Цифровизация судебной системы // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2020. №1.
- [2] Шереметьев И. И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex Russica. 2019. №5 (150).
- [3] Карасев А.Т., Савоськин А.В., Мещерягина В.А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. №2.
- [4] Свищенкова, К. А. Перспективы и проблемы цифровизации правосудия в Российской Федерации / К. А. Свищенкова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 15 (410). — С. 292-294.
- [5] Сунцова А. А. Проблемы применения цифровых технологий в деятельности судебной системы России // Актуальные исследования. 2024. №25 (207). Ч.II. С. 39-42.
- [6] Федина А.С. Влияние процессов информатизации и цифровизации сферы правосудия на реализацию отдельных принципов гражданского процесса. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025;(2):110-117.
- [7] Кукарцева А.Н. Влияние цифровизации на осуществление судебной власти в российской федерации // Вестник кемеровского государственного университета. Серия: гуманитарные и общественные науки Том 7 № 1, 2023.
- [8] Европейская комиссия эффективности правосудия // отчет об оценке европейских судебных систем, цикл оценки 2020 года, часть 1 – С. 100-105

Spisok literatury:

[1] Prihod'ko S.O., Kalashnikova E.B. Cifrovizatsiya sudebnoj sistemy // Mezhdisciplinarnye issledovaniya: opyt proshlogo, vozmozhnosti nastoyashchego, strategii budushchego. 2020. №1.

[2] SHeremet'ev I. I. Ispol'zovanie cifrovyyh tekhnologij pri rassmotrenii ugovnyh del v sude: real'nost' i perspektivy // Lex Russica. 2019. №5 (150).

[3] Karasev A.T., Savos'kin A.V., Meshcheryagina V.A. Cifrovizatsiya pravosudiya v Rossijskoj Federacii // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. №2.

[4] Svishchenkova, K. A. Perspektivy i problemy cifrovizatsii pravosudiya v Rossijskoj Federacii / K. A. Svishchenkova. — Tekst : neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. — 2022. — № 15 (410). — S. 292-294.

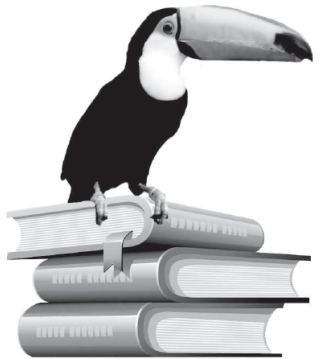
[5] Suncova A. A. Problemy primeneniya cifrovyyh tekhnologij v deyatel'nost' sudebnoj sistemy Rossii // Aktual'nye issledovaniya. 2024. №25 (207). CH.II. S. 39-42.

[6] Fedina A.S. Vliyanie processov informatsii i cifrovizatsii sfery pravosudiya na realizatsiyu otdel'nyh principov grazhdanskogo processa. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYU). 2025;(2):110-117.

[7] Kukarceva A.N. Vliyanie cifrovizatsii na osushchestvlenie sudebnoj vlasti v rossijskoj federacii // Vestnik kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki Tom 7 № 1, 2023.

[8] Evropejskaya komissiya effektivnosti pravosudiya // otchet ob ocenke evropejskih sudebnyh sistem, cikl ocenki 2020 goda, chast' 1 – S. 100-105.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-420-424

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

АРТЫШКО Кирилл Владимирович,

Студент 4-го курса бакалавриата Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: artyshko.kv@dvfu.ru

ОЗЕРОВ Олег Эдуардович,

Студент 4-го курса бакалавриата Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: ozerov.oe@dvfu.ru

Научный руководитель:

КОРЧАГИН Анатолий Георгиевич,

Доцент кафедры конкурентного и предпринимательского
права Юридической школы Дальневосточного
федерального университета, кандидат юридических наук,
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

О ПРИРОДЕ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассматривается сущность права на справедливое судебное разбирательство в цивилистическом процессе. Анализируется проблема понимания справедливости в контексте административного, гражданского и арбитражного судопроизводства в Российской Федерации. Исследуется, как принцип справедливости преломляется через особенности процессуальной формы. Обосновывается вывод о том, что цивилистическому процессу присущ именно принцип справедливости судебного разбирательства, а не принцип справедливости как таковой, который правильнее рассматривать в качестве идеального правового ориентира.

Ключевые слова: принцип справедливости, справедливое судопроизводство, цивилистический процесс, судебная защита, принципы судопроизводства.

ARTYSHKO Kirill Vladimirovich,

4th year undergraduate student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

OZEROV Oleg Eduardovich,

4th year Bachelor's student of the Far Eastern
Federal University Law School

Scientific supervisor:

KORCHAGIN Anatoly Georgievich,

Associate Professor of the Department of Competition
and Business Law of the Far Eastern Federal
University Law School, Candidate of Legal Sciences

ON THE ESSENCE OF THE RIGHT TO A FAIR TRIAL IN CIVILIZED PROCESS

Annotation. The article deals with the essence of the right to a fair trial in civilistic process. The problem of understanding of fairness in the context of administrative, civil and arbitration proceedings in the Russian Federation is analyzed. It is studied how the principle of fairness is refracted through

the peculiarities of the pro-procedural form. The conclusion is substantiated that the civilistic process is inherent in the principle of fairness of judicial proceedings, and not the principle of justice as such, which is more correctly considered as an ideal legal benchmark.

Key words: *Principle of justice, fair trial, civilistic process, judicial protection, principles of legal proceedings.*

Введение. Право на судебную защиту, гарантированное частью 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с положениями статьи 19, то есть принципом равенства и равноправия, бесспорно, имеет фундаментальное значение для всей отечественной правовой системы, поскольку предопределяет векторы её развития и устанавливает приоритеты, которые законодатель должен учитывать при реформировании законодательства. Одним из ключевых приоритетов, несомненно, должен быть критерий эффективности судебной защиты.

Отрасли «цивилистического процесса», представленные административным (КАС), гражданским (ГПК) и арбитражным (АПК) судопроизводством, вместе образуют основной массив дел, рассматриваемых судами в Российской Федерации, в связи с чем законодатель, преследуя цель повышения эффективности правосудия, наиболее активно подвергает данное процессуальное законодательство изменениям: за 2024 год в совокупности было принято 12 федеральных законов о внесении изменений в процессуальные кодексы. Несмотря на то, что Концепция единого Гражданского процессуального кодекса, предполагающая объединение трёх процессуальных кодексов в один – «единый», по всей видимости, утратила свою актуальность и реализована не будет в связи с тем, что прошло «удобное и нужное время для его принятия» [1], отрасли цивилистического процесса по-прежнему нуждаются в единообразных подходах к пониманию способа достижения реальной эффективности судебной защиты. И хотя на неё влияет множество объективных и субъективных факторов, по нашему мнению, чтобы дать ответ на вопрос была ли судебная защита в конкретном деле эффективной необходимо в первую очередь определить соблюдался ли в полной мере принцип справедливости в процессе отправления правосудия по данному делу.

Основная часть. Конституционный суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что государство обязано обеспечить полное осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной [2]. Из представленной правовой позиции следует, что обязанности государства корреспондирует право каждого на такую судебную защиту, которая бы отвечала указанным требованиям. Полагаем, что несоблюдение судом хотя бы одного из них автоматически нарушает и остальные: некомпетентное правосудие не может быть справедливым, а неэффективное правосудие – справедливым.

Право на справедливое судебное разбирательство прямо следует из существа правосудия как такового и права на судебную защиту. Так, согласно другой правовой позиции Конституционного Суда, правосудие по своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и гарантирует эффективное восстановление в правах [3]. Следовательно, право на справедливое судебное разбирательство имманентно присуще праву на правосудие и является его логичным продолжением. Ещё в Древнем Риме термин «justitia», от которого происходит само понятие права, рассматривался через призму двух равнозначных категорий: справедливости и правосудия.

На сегодняшний день в юридической литературе считается некорректным отождествлять правосудие и справедливость – первое является разновидностью деятельности государства, в ходе которой реализуется судебная власть, а второе – требованием, которой такая деятельность должна отвечать. Как справедливо отмечает Панкова О.В., восстановление справедливости является целью, внутренним свойством и социально-правовой ценностью правосудия [4, с. 434].

Вместе с тем место и роль принципа справедливости в цивилистическом процессе по-прежнему остается предметом многих дискуссий. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. полагают, что проблема процессуальной справедливости недостаточно разработана в литературе, несмотря на её важность для правоприменительной практики [5].

В учебной литературе отмечается существование в доктрине дискуссии о том, какой принцип всё же присущ цивилистическому процессу: справедливости или справедливого процесса [6, с. 62]. Если первый предполагает вынесение судом справедливого решения и восстановление справедливости, т.е. определяет какому качеству должен отвечать результат правосудия, то второй относится к процессуальной форме, выдвигает требования к справедливости не результата, а самой процедуры судопроизводства. Следует полагать, что справедливость решения суда достигается в таком случае опосредованно.

Фурсов Д.А. указал, что восстановление справедливости может не являться для участни-

ков процесса объективно принципиальной [7, с. 58]. Трудно не согласиться с данной позицией. Действительно, судебный процесс, основанный на принципах состязательности и, главным образом, диспозитивности, зависит прежде всего от действий, совершаемых участниками процесса, мотивации участия в процессе и преследуемых целей, и восстановление справедливости далеко не всегда находится в центре внимания. Кроме того, в отличие от уголовного процесса (ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса РФ), в гражданском процессе к решению суда закон требование о его справедливости не предъявляет, ограничиваясь законностью и обоснованностью.

И тем не менее было бы странно, если бы гражданские процессуальные кодексы обошли вниманием одну из основных идей юридической науки.

Так принцип справедливости вместе с принципом законности помещены в статью 9 КАС, причём таким образом, что отделить одно от другого возможным не представляется. В этом смысле административно-процессуальную справедливость приходится рассматривать как состояние точного соблюдения судом всех правовых принципов и предписаний.

Применительно к гражданскому процессу Черевиченко Т.С. указывает, что справедливость достигается путём соблюдения положений статьи 12 ГПК, а именно принципов состязательности и равноправия сторон, независимости, объективности и беспристрастности суда, а также путем создания условий для всестороннего и полного исследования доказательств [8]. Полагаем, что соблюдение принципов процесса также следует считать проявлением принципа законности, наибольший же самостоятельный интерес в этом отношении может представлять категория усмотрения судьи, широко применимого как при оценке доказательств, так и при руководстве всем судебным процессом.

Потому примечательной представляется формулировка статьи 2 АПК, которая в качестве одной из задач судопроизводства определяет «справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом». Исполнение этой задачи возложено на суд, а значит зависит от совершаемых им действий. Однако и здесь возникает вопрос: что понимать под справедливым разбирательством? Каковы его элементы и компоненты?

В юридической литературе они представлены целой системой принципов: доступности правосудия, правовой определенности, обеспечения единообразия правоприменительной практики, другими принципами [9, с. 24]. При этом

такое категориальное наполнение само по себе не позволяет отличить понятие правосудия от понятия справедливого судебного разбирательства.

Анализ судебной практики по вопросу права на справедливое судебное разбирательство показывает следующее.

Чаще всего данное право рассматривается в аспекте необходимости соблюдения судами разумных сроков судопроизводства. Так в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 N 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» сделан акцент, что в целях обеспечения права на судебную защиту и права на справедливое судебное разбирательство процедура рассмотрения дела должна отвечать требованиям процессуальной эффективности и экономии. Отсюда следует вывод, что справедливое судопроизводство должно быть рациональным и своевременным, не допускающим волокиты и затягивания сроков – в целях последнего участники процесса нередко могут злоупотреблять процессуальными правами, что следует считать грубым нарушением права добросовестной стороны процесса на справедливое судопроизводство, на которое в первую очередь должен реагировать сам суд. Систематическая волокита может явиться основанием для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности за нарушение прав участников процесса на справедливое судебное разбирательство в разумный срок – соответствующий случай отражен в пункте 46 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 за 2022 год. Наряду с этим в содержание права на справедливое судопроизводство включают возможность исправления судебных ошибок, т.е. право на обжалование решения суда в вышестоящую инстанцию – пункт 5 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 за 2015 год; право на обоснованное судебное решение – Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека N 7 за 2021 год; право суда уменьшить размер судебных издержек при их неразумности (чрезмерности).

Заключение. Напрашивается вывод, что содержание справедливости судебного разбирательства суды сводят к соблюдению формальных процессуальных требований, нежели к более широкому пониманию роли справедливости в обществе и правосудии. В связи с этим следует признать, что гражданскому процессу присущ именно принцип справедливости судебного разбирательства, а не принцип справедливости как

таковой, который правильнее считать правовым идеалом и конституционно-правовым ориентиром. Конституционный Суд отмечал, что судебная защита должна быть полной, что предполагает обязанность суда вынести справедливое и обоснованное решение [10]. По нашему мнению, в данной правовой позиции требование «законности» не случайно пропущено – в духе *jus naturale* оно подменено требованием «справедливости», предполагающей такое соблюдение принципа законности, которое бы отвечало высшему правовому идеалу.

Таким образом, постулат справедливости в цивилистическом процессе преломляется через особенности процессуальной формы гражданского, административного и арбитражного судопроизводства, неукоснительное соблюдение которой и призвано обеспечить справедливость и эффективность судопроизводства, то есть отправление правосудия на основе идеала справедливости, выраженного соблюдением принципов законности, равенства, равноправия, беспристрастности и независимости суда, разумных сроков судопроизводства и исполнения решения.

Список литературы:

- [1] Корчагин, М. А. «Единый» гражданский процессуальный кодекс: критический анализ идеи по состоянию законодательства на 2022 год // Уральский журнал правовых исследований. – 2022. – № 2 (19). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinyy-grazhdanskiy-protsessualnyy-kodeks-kriticheskiy-analiz-idei-po-sostoyaniyu-zakonodatelstva-na-2022-god> (дата обращения: 03.04.2025).
- [2] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 N 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Д. Егорова и Н.В. Чуева»
- [3] Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 N 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда»
- [4] Панкова О.В. Правосудие по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции: монография. Москва: Статут, 2023. 450 с.
- [5] Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник ПАГС. 2017. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-v-prave-aksiologicheskij-podhod> (дата обращения: 04.04.2025).
- [6] Гражданское процессуальное право : учебник : [в 2 т.] Том 1 : Общая часть./ под ред. П.В. Крашенинникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2022. https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/grazhdanskoe-processualnoe-pravo-uchebnik_v_2_t_tom_1_obshchaya_chast_pod_red_pv_krashennnikova/
- [7] Фурсов, Д. А. Справедливость как фундаментальная ценность арбитражного и гражданского процесса / Д. А. Фурсов // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2005. – № 4. – С. 50-59.
- [8] Черевиченко Т. С., Кавкаева Ю. А. КАТЕГОРИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ // Научные междисциплинарные исследования. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-spravedlivost-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 03.04.2025).
- [9] Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2023. 384 с.
- [10] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.2002 N 3-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с запросами зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемерово»

Spisok literatury:

- [1] Korchagin, M. A. "Edinyj" grazhdanskiy processual'nyj kodeks: kriticheskiy analiz idei po sostoyaniyu zakonodatel'stva na 2022 god // Ural'skiy zhurnal pravovykh issledovaniy. – 2022. – № 2 (19). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinyy-grazhdanskiy-protsessualnyy-kodeks-kriticheskiy-analiz-idei-po-sostoyaniyu-zakonodatelstva-na-2022-god> (data obrashcheniya: 03.04.2025).
- [2] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.07.2004 N 14-P \»Po delu o proverke konstitucionnosti otdel'nykh po-lozhenij chasti vtoroj stat'i 89 Nalogovogo kodeksa Rossij-skoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan A.D. Egorova i N.V. Chueva\»
- [3] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 02.07.2013 N 16-P \»Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chasti pervoj stat'i 237 Uголовно-processual'nogo kodeksa Rossij-skoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina Respubliki Uz-bekistan B.T. Gadaeva i zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda\»

[4] Pankova O.V. Pravosudie po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v sudah obshchej yurisdikcii: monografiya. Moskva: Statut, 2023. 450 s.

[5] Cybulevskaya O. I., Milusheva T. V. Spravedlivost' v pra-ve: aksiologicheskij podhod // Vestnik PAPS. 2017. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-v-prave-aksiologicheskij-podhod> (data obrashcheniya: 04.04.2025).

[6] Grazhdanskoe processual'noe pravo : uchebnik : [v 2 t.] Tom 1 : Obshchaya chast'./ pod red. P.V. Krashenninnikova. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Statut, 2022. https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/grazhdanskoe_processualnoe_pravo_uchebnik_v_2_t_tom_1_obshchaya_chast_pod_red_pv_krashenninnikova/

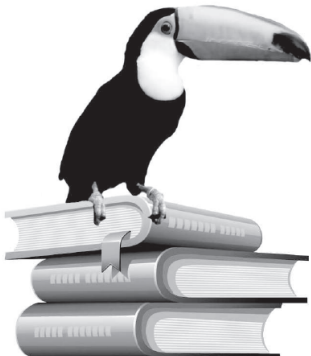
[7] Fursov, D. A. Spravedlivost' kak fundamental'naya cen-nost' arbitrazhnogo i grazhdanskogo processa / D. A. Fursov // Rossijskij ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo processa. – 2005. – № 4. – S. 50-59.

[8] Cherevichenko T. S., Kavkaeva Yu. A. KATEGORIYA «SPRA-VEDLIVOST'» V GRAZHDANSKOM SUDOPROIZVODSTVE // Nauchnye mezhdisciplinarnye issledovaniya. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-spravedlivost-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve> (data obrashcheniya: 03.04.2025).

[9] Habrieva T.Ya., Kovler A.I., Kurbanov R.A. Doktrinal'nye osnovy praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii: monografiya / otv. red. T.Ya. Habrieva. Moskva: NORMA, INFRA-M, 2023. 384 s.

[10] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24.01.2002 N 3-P\”Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij cha-sti vtoroj stat'i 170 i chasti vtoroj stat'i 235 Kodeksa zakonov o trude Rossijskoj Federacii i punkta 3 stat'i 25 Federal'nogo zakona \”O professional'nyh soyuzah, ih pravah i garantiyah deyatel'nosti\” v svyazi s zaprosami Zernogradskogo rajonnogo suda Rostovskoj oblasti i Central'nogo rajonnogo suda goroda Kemerovo\”

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-425-429

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

БОНДАРЕВА Ольга Юрьевна,
студент Юридической школы Дальневосточного
Федерального Университета,
e-mail: mail@law-book.ru

КРУПИНА Кристина Денисовна,
студент Юридической школы Дальневосточного
Федерального Университета,
e-mail: mail@law-book.ru

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ, НЕ ЗАЯВЛЯЮЩИХ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В рамках данного исследования рассматриваются следующие аспекты участия третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований: основания и порядок вступления данной категории лиц в процесс, их процессуальные права и обязанности, особенности доказывания по делам с участием таких лиц. Особое внимание уделено анализу судебной практики и доктринальных подходов касательно разрешения спорных вопросов, возникающих в связи с участием третьих лиц в гражданском процессе.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований, мировое соглашение, регрессный иск, судебный процесс, спорное материальное правоотношение.

BONDAREVA Olga Yuryevna,
student of the Law School of the Far Eastern
Federal University

KRUPINA Kristina Denisovna,
a student at the Far Eastern University Law School
Federal University

THE SPECIFICS OF THE PARTICIPATION OF THIRD PARTIES WHO DO NOT MAKE INDEPENDENT CLAIMS IN THE CIVIL PROCESS

Annotation. This study examines the following aspects of the participation of third parties who do not make independent claims: the grounds and procedure for the entry of this category of persons into the process, their procedural rights and obligations, and the specifics of evidence in cases involving such persons. Special attention is paid to the analysis of judicial practice and doctrinal approaches regarding the resolution of controversial issues arising from the participation of third parties in civil proceedings.

Key words: civil procedure law, third parties who do not make independent claims, settlement agreement, recourse claim, litigation, disputed substantive legal relationship.

Институт третьих лиц утвердился в гражданском процессуальном праве еще с давних времен как правовой механизм, способствующий выявлению реальных правоотношений в различных сферах общественной жизни. Рассматриваемый институт позволяет привлекать к участию в процессе лиц, не являющихся непосредственными участниками спорного материального правоотношения, однако чьи права и обязанности могут быть затронуты реше-

нием суда. Актуальность исследования особенностей участия таких лиц в гражданском процессе определяется рядом факторов, таких как: оказание содействия суду в установлении истины по делу, поскольку они могут предоставить важную информацию и доказательства, не представленные сторонами в материалы дела; предотвращение вынесения противоречивых судебных решений; укрепление законности и правопорядка в сфере гражданского судопроизводства.

Глава 4 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГПК РФ) фиксирует положение лиц, участвующих в деле и иных участников процесса. В силу статьи 43 ГПК РФ участие в деле третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора возможно на любой стороне в гражданском судопроизводстве. Участвуя в рассматриваемом деле, третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований, оказывает содействие истцу или ответчику, на стороне которого оно выступает, в принятии законного решения в его пользу, защищая свои законные интересы и предотвращая для себя возможность регрессной ответственности.

Законодатель предоставляет равную возможность пользования процессуальными правами и несения процессуальных обязанностей третьими лицами наравне со сторонами гражданского процесса. Исключение составляет определенный объем распорядительных прав, включающих изменение основания или предмета иска, увеличение или уменьшение размера исковых требований, отказ от иска, признание иска, предъявление встречного искового заявления, а также требование принудительного исполнения решения суда. Однако третьи лица правомочны выступать участниками мирового соглашения, о чем будет рассмотрено в настоящем исследовании.

Стоит отметить, что третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, не обладают возможностью выступать инициаторами возбуждения гражданского дела и, соответственно, участвовать в формировании первоначального материального требования. Однако это не исключает обстоятельств вступления в процесс данной категории третьих лиц путем подачи заявления о допущении в качестве третьего лица, благодаря инициативе суда, а также предъявления ходатайства лиц, участвующих в деле. Наука гражданского процессуального права именует таких лиц «пособниками» стороны, имеющие материальный интерес к исходу дела и оказывающие содействие в получении стороной благоприятного судебного решения.

Для демонстрации правоотношений и правовой связи между третьим лицом и стороной приведем следующий пример: машинист, управляющий грузоподъемным краном строительной компании причинил ущерб имуществу гражданина в результате падения прикрепленного груза. Поскольку в силу статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее — ГК РФ) обязанность возмещения вреда возлагается на юридическое лицо, владеющее источником повышенной опасности, надлежащим ответчиком

в данном деле будет строительная компания (собственник механизма). Вместе с тем, законодатель в статье 1081 ГК РФ предусмотрел право лица, возместившего вред, предъявить регрессное требование в рамках выплаченного возмещения. В приведенном случае машинист будет выступать третьим лицом, не заявляющим самостоятельного требования, поскольку вынесенное судом решение в результате рассмотрения дела в перспективе окажет влияние на его права и обязанности. Заинтересованность третьего лица без самостоятельных требований на предмет спора в чужом процессе в подобных ситуациях иная, в сравнении с характером заинтересованности третьего лица, вступающего в процесс в порядке ст. 42 ГПК РФ.

Существует множество вариаций определений категории третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора в научной литературе. Так, М. А. Вкут определяет данную категорию как «участвующих в деле на стороне истца или ответчика, вступающих или привлекаемых в процесс в случаях, когда решение может повлиять на их права и обязанности по отношению к одной из сторон» [10, с.85]. С. Моисеев под третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований, понимает «материально заинтересованных в исходе дела лиц, на права и обязанности которых по отношению к одной из сторон может повлиять решение суда» [7, с. 19]. Приведем собственную дефиницию данной категории третьих лиц — примыкающее к стороне процесса лицо, имеющее косвенную юридическую заинтересованность материально-правового характера в исходе дела, обладающее процессуальными правами и обязанностями в соответствии с действующим гражданским процессуальным законодательством. Косвенный характер проявляется в возможности предъявления стороной регрессного иска к третьему лицу в случае неблагоприятного разрешения дела.

Подход, который использовали в своих трудах М. А. Вкут и С. Моисеев отражает наличие материального интереса в исходе дела. Тем не менее, приведенные точки зрения не полностью охватывают вопрос об участии таких лиц с целью защиты публичных интересов, поскольку публичный интерес носит более широкий характер по сравнению с удовлетворением личного материального интереса участников процесса.

Как утверждает А.Ф. Клейнман, «в случаях, когда в исходе дела заинтересованы государственные, корпоративные и общественные организации, должны быть приняты меры к их оповещению с предоставлением возможности принять участие в таком деле» [4, с. 55].

Т. В. Сахнова в свою очередь указывает, что публичный интерес может выступать самостоятельным объектом защиты в судопроизводстве [9, с. 37].

Значимость участия третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования проявляется в следующих выделенных нами аспектах:

Во-первых, обеспечение объективности судебного процесса. Привлечение третьих лиц к участию в деле позволяет суду получить больше информации и доказательств по фактическим обстоятельствам дела, что впоследствии способствует вынесению законного решения.

Во-вторых, непосредственно защита прав и интересов привлекаемых третьих лиц, поскольку результат судебного процесса может повлиять на правовое положение третьих лиц. Именно поэтому их участие позволяет оградить их от нарушений и принятия незаконных решений.

В-третьих, участие третьих лиц позволяет избежать повторное рассмотрение дела по одному и тому же предмету спора, что в свою очередь снимает дополнительную нагрузку с судебной системы РФ.

Дискуссионным является выдвигаемое в науке мнение, согласно которому привлечение в дело третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований может привести к осложнению и длительности процесса. Так, И. А. Приходько указывает, что «участие данной категории лиц существенно осложняет процесс, затягивая его, и цель их участия в процессе — помощь стороне — может быть достигнута иными способами (предоставление необходимых доказательств, услуги судебного представителя), не требующими непосредственного участия в деле третьего лица» [8, с. 346].

Вместе с тем с приведенной позицией нельзя в должной мере согласиться. Как отмечалось ранее, решение суда может повлиять на правовое положение третьих лиц. Безусловно, имеет место затягивание процесса, поскольку согласно ст. 43 ГПК РФ при вступлении в дело третьих лиц рассмотрение гражданского дела начинается сначала. Грамотным выходом из данной ситуации послужит внимательное изучение всех обстоятельств дела судом еще на подготовительном этапе с целью выявления возможных третьих лиц и их привлечения к участию в процессе. Своевременное предъявление ходатайства о привлечении третьего лица со стороны лиц, участвующих в деле, будет соответствовать принципу процессуальной экономии времени, в частности, путем изложения указанного ходатайства в самом исковом заявлении.

Важно отметить отличие третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования (ст. 42

ГПК РФ) от третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования (ст. 43 ГПК РФ). Главным аспектом в данном вопросе является наличие возможности первой категории лиц выступать инициатором возбуждения гражданского дела путем самостоятельного предъявления иска в суд без необходимости вступления в уже начатый процесс.

Гражданский процессуальный кодекс допускает участие нескольких третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, в одном гражданском деле. При этом, если это лицо, участвующее в деле «вступает в процесс, в котором уже есть третье лицо с самостоятельными требованиями, то искивые требования представляют только к сторонам (или одной из них) и не могут предъявлять к третьему лицу, которое вступило в судебный процесс раньше» [3, с. 150].

Кроме того, необходимо ограничивать рассматриваемую категорию лиц от соистцов и соответчиков. Ключевое отличие заключается в том, что третьи лица имеют материальные отношения только с той стороной, которую они поддерживают в процессе, в то время как соучастники имеют материальные отношения с другой стороной.

Непривлечение в рамках гражданского дела третьего лица может привести к существенно негативным результатам. К примеру, в соответствии со статьей 462 Гражданского кодекса (далее — ГК РФ), если покупатель не вовлечет в судебное разбирательство продавца, это освободит последнего от ответственности перед покупателем по регрессному иску, если продавец докажет, что, приняв участие в деле, он мог бы предотвратить изъятие у покупателя проданного товара. В свою очередь, продавец, привлеченный покупателем в процесс по делу, но не принявший в нем участия, лишается права доказывать неправильность ведения дела покупателем [6, с. 47].

Важность присутствия в процессе третьих и иных заинтересованных лиц подчеркивается практикой Конституционного Суда РФ, который обращает внимание судов на то, что «суд первой инстанции, рассматривающий дело по существу на основе непосредственного исследования всех известных доказательств, обязан верно определить состав лиц, участвующих в деле, т.е. имеющих интерес в его исходе, с учетом конкретных обстоятельств данного дела, с тем чтобы - исходя из конституционных положений о равенстве граждан перед законом и судом, гарантиях судебной защиты прав и свобод и об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон - всем этим лицам были предоставлены в равном объеме процессуальные права. Отсутствие у таких лиц соответствующих

процессуальных возможностей существенно снижало бы уровень реализации ими конституционного права на судебную защиту, противоречило бы конституционным целям гражданского судопроизводства, а потому не позволило бы рассматривать судебную процедуру в качестве эффективного средства правовой защиты» [11,12].

Стоит акцентировать внимание на условия и особенности предъявления регрессного иска к третьему лицу как следствие его участия в гражданском процессе. Гражданский кодекс РФ не предусматривает одновременного рассмотрения основного и регрессного требования. Право регрессного требования возникает только при условии исполнения обязательства стороной по первоначальному делу, что подтверждается позицией законодателя в ст. ст. 325, 365 ГК РФ. Кроме того, не представляется возможным формулирование регрессного иска заранее, поскольку сторона не может предугадать, какое итоговое постановление вынесет суд, а значит решение вопроса о предмете, размере, цене иска возможно только на стадии разрешения первоначального требования.

В рассматриваемой категории третьих лиц законодатель в ст. 43 ГПК РФ закрепляет правомочие последних выступать участниками мирового соглашения, являющегося одной из форм разрешения спора. При этом предусмотрена законодательная оговорка: «если по результатам заключения такого соглашения на них будут возложены обязательства или же они приобретут определенные права» [4, с. 298]. Отмечается, что положения мирового соглашения могут и не предусматривать возложение обязанностей в отношении данной категории лиц. В результате заключения мирового соглашения без учета мнения этих лиц, участвующих в дела, истец или ответчик фактически могут распоряжаться их правами, что является прямым нарушением Конституции РФ [4, с. 298].

Таким образом, в результате изучения вопроса касательно особенностей участия третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, в гражданском процессе следует отдельно подчеркнуть его значимость в обеспечении справедливости гражданского судопроизводства. Так, участие в деле третьих лиц позволяет получить суду более полную и достоверную информацию по конкретным обстоятельствам дела, что впоследствии влечет за собой принятие допустимого судом решения.

Наличие и функционирование института третьих лиц в гражданском процессе обеспечивает более эффективное рассмотрение дел, реализует практически принцип процессуальной экономии времени, рассмотрения судебных дел в разумный срок, законности, справедливости судопроизводства, а также соблюдения прав и законных интересов участников гражданского процесса.

Список литературы:

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ. Российская газета от 20 ноября 2002 г. N 220.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года N 14-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации. Ст. 410.

[3] О. А. Дербишева. Отличия сторон от третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора. Гражданский процесс; арбитражный процесс. Стр.149-151 // URL: file:///C:/Users/Виталий/Downloads/otlichiya-storon-ot-tretih-lits-zayavlyayuschih-samostoyatelnye-trebovaniya-na-predmet-spora.pdf (Дата обращения: 11.04.2025г.)

[4] А. Ф. Клейнман. Гражданский процесс европейских стран народной демократии [Текст] : [Учеб. пособие для юрид. ин-тов и фак.]. - Москва : Госюриздат, 1960. - 228 с.

[5] Е. В. Киреева. Проблемные аспекты, связанные с защитой прав третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, при заключении мирового соглашения. Форум молодых ученых 6(46) 2020.

[6] Гражданский процесс. Учебник. Под ред.: А. Г. Коваленко, А. А. Мохова, П. М. Филиппова. «ИНФРА-М». Москва. 2008. С. 444.

[7] С. Моисеев. О праве истца привлекать третьих лиц // Арбитр. и гражд. процесс. 2007. № 8.

[8] И. А. Приходько. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе. — СПб.: Изд-во С. Петербургского гос. ун-та, 2005. — С. 345–347.

[9] Сахнова Т. В. О пределах проверки судебных постановлений в гражданском процессе России / Т. В. Сахнова // Арбитражный и гражданский процесс. — 2014.

[10] Гражданский процесс [Текст] : [Учебник для юрид. ин-тов и фак.] / Под общ. ред. проф. К. С. Юдельсона. - Москва : Юрид. лит., 1972. - 439 с.

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим»» // Российская газета. 2006.

[12] Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи

320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы»

Spisok literatury:

[1] Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14 noyabrya 2002 g. N 138-FZ. Rossijskaya gazeta ot 20 noyabrya 2002 g. N 220.

[2] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26 yanvary 1996 goda N 14-FZ. Sобрание zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. St. 410.

[3] O. A. Derbisheva. Otlichiya storon ot tret'ih lic, zayavlyayushchih samostoyatel'nye trebovaniya na predmet spora. Grazhdanskij process; arbitrazhnyj process. Str.149-151 // URL: file:///C:/Users/Vitalij/Downloads/otlichiya-storon-ot-tretih-lits-zayavlyayushchih-samostoyatelnye-trebovaniya-na-predmet-spora.pdf (Data obrashcheniya: 11.04.2025g.)

[4] A. F. Klejnman. Grazhdanskij process evropejskih stran narodnoj demokratii [Tekst] : [Ucheb. posobie dlya yurid. in-tov i fak.]. - Moskva : Gosyurizdat, 1960. - 228 s.

[5] E. V. Kireeva. Problemnye aspekty, svyazannye s zashchitoj prav tret'ih lic, ne zayavlyayushchih samostoyatel'nyh trebovanij, pri zaklyuchenii mirovogo soglasheniya. Forum molodyh uchenyh 6(46) 2020.

[6] Grazhdanskij process. Uchebnik. Pod red.: A. G. Kovalenko, A. A. Mohova, P. M. Filippova. «INFRA-M». Moskva. 2008. S. 444.

[7] S. Moiseev. O prave istca privlekat' tret'ih lic // Arbitr. i grazhd. process. 2007. № 8.

[8] I. A. Prihod'ko. Dostupnost' pravosudiya v arbitrazhnom i grazhdanskom processe. — SPb.: Izd-vo S. Peterburgskogo gos. un-ta, 2005. — S. 345–347.

[9] Sahnova T. V. O predelah proverki sudebnyh postanovlenij v grazhdanskom processe Rossii / T. V. Sahnova // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. — 2014.

[10] Grazhdanskij process [Tekst] : [Uchebnik dlya yurid. in-tov i fak.] / Pod obshch. red. prof. K. S. YUdel'sona. - Moskva : YUrid. lit., 1972. - 439 s.

[11] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20 fevralya 2006 g. № 1-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozheniya stat'i 336 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan K.A. Ineshina, N.S. Nikonova i otkrytogo akcionernogo obshchestva "Nizhnekamskneftekhim"» // Rossijskaya gazeta. 2006.

[12] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21 aprelya 2010 g. № 10-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti pervoj stat'i 320, chasti vtoroj stat'i 327 i stat'i 328 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdanki E.V. Alejnikovoj i obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Tri K» i zaprosami Noril'skogo gorodskogo suda Krasnoyarskogo kraja i Central'nogo rajonnogo suda goroda CHity»

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-430-433

ДОЛГОВ Данил Сергеевич,
Студент Юридической школы Дальневосточного
федерального университета,
e-mail: dolgov.ds@dvfu.ru

ГУДКОВА Диана Руслановна,
Студент Юридической школы Дальневосточного
федерального университета,
e-mail: gudkova.dr@dvfu

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ НА КРИПТОВАЛЮТУ В РФ

Аннотация. Настоящая научная статья посвящена комплексному анализу механизмов судебной защиты прав на криптовалюту в Российской Федерации. В работе исследуется современное состояние правового регулирования цифровых активов, рассматриваются актуальные проблемы и перспективы развития законодательства в данной сфере. В статье детально рассматриваются следующие ключевые вопросы: правовой статус криптовалюты в системе российского законодательства, включая анализ Федерального закона «О цифровых финансовых активах» и позиции регуляторов; особенности судебной практики по спорам, связанным с оборотом криптовалют; специфика доказывания в делах о защите прав на цифровые активы; а также противоречия и пробелы в современном правовом регулировании. Цель исследования представляет собой анализ правового регулирования в этой сфере и выявление проблем, а также предложения по усовершенствованию законодательства в данной области.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, правовое регулирование криптовалюты, судебная защита, судебная практика.

DOLGOV Danil Sergeyevich,
Student of the Law School of the Far
Eastern Federal University

GUDKOVA Diana Ruslanovna,
Student of the Law School of the Far
Eastern Federal University

JUDICIAL PROTECTION OF CRYPTOCURRENCY RIGHTS IN RUSSIA

Annotation. This scientific article is devoted to a comprehensive analysis of the mechanisms of judicial protection of cryptocurrency rights in the Russian Federation. The paper investigates the current state of legal regulation of digital assets, considers the current problems and prospects for the development of legislation in this area. The article examines in detail the following key issues: the legal status of cryptocurrency in the system of Russian legislation, including the analysis of the Federal Law 'On Digital Financial Assets' and the position of regulators; peculiarities of judicial practice in disputes related to the turnover of cryptocurrencies; specifics of proof in cases on the protection of rights to digital assets; as well as contradictions and gaps in modern legal regulation. The purpose of the study is to analyse the legal regulation in this area and identify problems, as well as proposals to improve the legislation in this area.

Key words: cryptocurrency, digital currency, legal regulation of cryptocurrency, judicial defence, judicial practice.

Технологический прогресс и развитие цифровой экономики обусловили появление и активное распространение

криптовалют, стремительно вовлекаемых в гражданско-правовой оборот. Значимость этого явления подчеркивается тем, что, по информации

Банка России, в конце декабря 2021 года общий объем рыночной капитализации криптовалют и торгуемых на криптовалютных биржах токенизированных активов составил около 2,3 трлн долларов США, что почти в два раза превышает объем глобального рынка «зеленых» облигаций и сопоставимо с объемом рыночной капитализации одной из крупнейших компаний – Microsoft. Однако, несмотря на столь значительный объем, существуют проблемы, связанные с регулированием этой сферы. Так, исследование компании Chainalysis, проведенное в сентябре 2020 года, показало, что Россия занимает 2-е место в рейтинге 154 стран по индексу глобального принятия криптовалют (Global Crypto Adoption Index), уступая лишь Украине, что свидетельствует о высоком уровне использования криптовалюты по всем компонентам индекса. Вместе с тем объем сделок с криптовалютой в России в 2019 – 2020 годах, также был очень высоким относительно численности населения и размера экономики, в абсолютных числах меньше только чем по аналогичным показателям в США и Китае. В этой связи особенно важным становится развитие законодательства в этой области. Отсутствие четкого правового регулирования криптовалют в Российской Федерации создает значительные сложности в сфере защиты прав на эти цифровые активы, особенно в судебном порядке. С появлением этих активов и их постепенным внедрением в обращение в России, Центральный Банк РФ неоднократно высказывал свою позицию на эту тему. Например, в Информации Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» говорится, что по виртуальной валюте отсутствует обеспечение и юридически обязанные субъекты, в связи с этим такие операции несут высокий риск потери стоимости. В Информации Банка России от 04.09.2017 «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)» Центральный банк подтвердил актуальность своей ранее высказанной позиции, но в этот раз отметил, что в связи с ростом популярности данных активов «совместно с заинтересованными федеральными органами государственной власти Банк России осуществляет мониторинг рынка криптовалют и вырабатывает подходы к определению и регулированию криптовалют в Российской Федерации». На сегодняшний день однозначное регулирование криптовалют государством не выработано, однако интерес к этой области со стороны регуляторов продолжает расти.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее

– Закон о ЦФА) стал первой попыткой законодательного регулирования цифровых валют в России. Однако, данный закон не содержит прямого определения криптовалюты как таковой. Он оперирует понятием «цифровая валюта», под которой понимается совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются или могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации или иностранного государства, а также международной денежной или расчетной единицей (ст. 1 Закона о ЦФА). Закон о ЦФА устанавливает запрет на использование цифровой валюты в качестве средства платежа на территории РФ (п. 5 ст. 14 Закона о ЦФА). При этом, в пункте 6 этой же статьи указано на то, что требования юридических и физических лиц, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в установленном налоговом законодательством порядке. Подобное положение вызывает серьезные вопросы с точки зрения его соответствия конституционным принципам равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) и гарантированного права каждого на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ). Более того, ст. 56 Конституции РФ устанавливает прямой запрет на ограничение прав на судебную защиту. На практике применение п.6 ст. 14 Закона о ЦФА приводит к тому, что лицо, не исполнившее обязанность по декларированию криптовалюты, будет лишено возможности защитить свои права в суде, даже если его требования основаны на законных основаниях. Это создает ситуацию, когда нарушение налогового законодательства влечет за собой утрату права на судебную защиту, что представляется несоразмерным последствием. В этой связи, на наш взгляд, данное положение закона является достаточно спорным. Установление различных прав на обращение в суд для резидентов и нерезидентов противоречит Конституции России, поскольку п.6 статьи 14 Закона о ЦФА относит данное ограничение только к резидентам. Более того, как считает Р.М. Янковский, представляется сомнительным подход, при котором отказ в защите имущественного права обосновывается неисполнением налоговых обязательств, связанных с этим имуществом. Налоговые обязательства возникают и исполняются независимо от гражданско-правовых, и совершение налогового правонарушения не должно влечь за собой лишение права на защиту, особенно когда вопрос уплаты налога не является предметом спора. Существуют слу-

чаи, когда определенные активы могут быть полностью или частично лишены судебной защиты, например, если они исключены или ограничены в обороте. Однако, ставить возможность гражданско-правовой защиты в зависимость от исполнения публично-правовых обязанностей, относящихся к активу, представляется некорректным. Справедливости ради, стоит сказать, что такое решение законодателя скорее временное и вынужденное, нежели окончательное и принципиальное в условиях современной действительности.

Обращаясь к анализу судебной практики по делам о защите прав на криптовалюту, следует отметить, что, несмотря на признание криптовалюты в качестве имущества в целях применения законодательства о несостоятельности (банкротстве), исполнительном производстве, противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также противодействию коррупции (статьи 17, 19, 21, 22 Закона о ЦФА), вопрос о ее правовой квалификации в рамках гражданско-правовых отношений остается дискуссионным. Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающая перечень объектов гражданских прав, не содержит прямого указания на криптовалюту, однако ее открытый характер потенциально позволяет относить криптовалюту к категории «иного имущества». Определенную позицию по данному вопросу выразил Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 2 февраля 2021 года № 44-КГ20-17-К7, который, хотя и косвенно, но признал криптовалюту имуществом, отметив, что передача криптовалюты взамен денежных средств преследовала определенную экономическую цель, а значит, представляла собой сделку по ее продаже. Тем не менее, в настоящее время не сформирован единообразный подход в судебной практике. Так, Ставропольский районный суд в решении от 16 февраля 2024 года по делу № 2-310/2024 указывает, что «В настоящее время являются не урегулированными отношения по поводу так называемых криптовалют - виртуальных электронных денег, создание и дальнейший оборот которых происходят при помощи компьютерной сети...Криптовалюта не предусмотрена статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации в качестве объекта гражданских прав, в том числе не отнесена к безналичным деньгам (статья 140 Гражданского кодекса Российской Федерации), так как не определена законодательством в качестве средства платежа.» В то же время, Арсеньевский городской суд в решении по делу № 2-491/2023 от 6 октября 2023 года мотивируя отказ в удовлетворении требований о взыскании денежных средств, указывает на

тот самый пункт 6 статьи 14 Закона о ЦФА: «Вместе с тем, в ходе судебного разбирательства представитель истца пояснила суду, что истец не информировал налоговые органы о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, а потому данные требования не подлежат судебной защите. При таких обстоятельствах суд приходит к выводу отказать Г. в удовлетворении его исковых требований к М. о взыскании денежных средств в полном объеме.» Приведенные примеры свидетельствуют о неоднозначном подходе судов к разрешению споров, связанных с криптовалютой. В одних случаях суды отказывают в признании правового статуса криптовалюты ввиду отсутствия четкого законодательного регулирования, в других – ссылаются на положения пункта 6 статьи 14 Закона о ЦФА, ставящего возможность судебной защиты в зависимость от исполнения налоговых обязательств. Встречаются также случаи отказа в защите со ссылкой на отсутствие в статье 12 ГК РФ такого способа защиты, как obligation вернуть криптовалюту, что было, например, сделано 9 ААС в Постановлении № 09АП-76537/2019. По нашему мнению, такое обоснование представляется не бесспорным, перечень способов защиты гражданских прав, установленный статьей 12 ГК РФ, не является исчерпывающим и не препятствует применению иных способов защиты, не запрещенными законом (статья 45 Конституции Российской Федерации).

В противоположность обозначенным выше тенденциям, в судебной практике встречаются прецеденты удовлетворения исковых требований о возврате криптовалюты. В частности, Киевским районным судом г. Симферополя в решении от 03.07.2023 по делу № 2-1021/2023 (2-5201/2022) было удовлетворено исковое заявление об обязанности ответчика возвратить 108 000 стейблкоинов (USDT) посредством перевода на криптовалютный кошелек, находящийся на электронном счете криптовалютной биржи Binance. Однако, возникает закономерный вопрос об обеспечении исполнимости подобных судебных решений. В апреле 2025 года в средствах массовой информации появились сообщения о разработке государственными органами Российской Федерации механизмов принудительного изъятия криптовалюты. Данная инициатива кажется вполне целесообразной, учитывая зарубежный опыт, например в США, где подобные механизмы уже применяются. Вместе с тем реализация указанных механизмов в настоящее время представляется затруднительной ввиду отсутствия в российской юрисдикции лицен-

зированных участников рынка, в частности: операторов обмена криптовалюты, операторов торгов криптовалютой, провайдеров услуг по хранению криптовалюты и эмитентов стейблкоинов. Например, В Республике Беларусь официальным оператором обмена криптовалюты является сервис по обмену криптовалют Whitebird в соответствии с разрешением, выданным Парком высоких технологий. Отсутствие указанных лицензированных субъектов, к которым относятся криптобиржи, криптообменники и криптокошельки, а также отсутствие соответствующих законодательных инициатив, направленных на их лицензирование, обуславливает невозможность эффективного применения механизмов изъятия криптовалюты. Даже в абсолютно безупречном судебном споре о правах на криптовалюту, изъятая криптовалюта не имеет возможности быть официально размещена на хранение и, соответственно, отсутствует субъект, уполномоченный осуществлять контроль за доступом к ней.

Обобщая сказанное можно сделать несколько выводов: 1) суды применяют диаметрально противоположные подходы - от признания криптовалюты имуществом (Определение ВС РФ №44-КГ20-17-К7) до полного отрицания ее правового статуса (решение Ставропольского районного суда №2-310/2024); 2) существующее правовое регулирование (в частности, п. 6 ст. 14 Закона о ЦФА) содержит ограничения, которые противоречат Конституции РФ; 3) особую проблему представляет отсутствие механизмов принудительного исполнения решений о возврате криптовалют, что ставит под сомнение эффективность даже положительных судебных актов.

В целях преодоления указанных проблем представляется необходимым выработать законодательную базу для создания легальной и лицензированной на территории РФ криптовалютной биржи в целях применения механизмов изъятия криптовалюты и её дальнейшего хранения, внести изменения в Закон о ЦФА, в частности, п.5 и 6 статьи 14, а также включить цифровую валюту в перечень объектов гражданских прав, установленный в статье 128 ГК РФ.

Список литературы:

[1] Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–77.

[2] Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2018. — 1040 с.

[3] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. / Под ред. А.П.Сергеева. М., 2016 – 2018.

[4] Определение Верховного суда от 2 февраля 2021 года № 44-КГ20-17-К7. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[5] Решение Ставропольского районного суда от 16 февраля 2024 года по делу № 2-310/2024. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[6] Решение Арсеньевского городского суда № 2-491/2023 от 6 октября 2023 года. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[7] Решение Киевского районного суда г. Симферополя от 03.07.2023 № 2-1021/2023 (2-5201/2022). Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[8] Постановление Девятого ААС от 04.02.2020 N 09АП-76537/2019. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Spisok literatury:

[1] YAnkovskij R. M. Kriptovalyuty v rossijskom prave: surrogaty, «inoe imushchestvo» i cifrovye den'gi // Pravo. ZHurnal Vysšej shkoly ekonomiki. 2020. № 4. S. 43–77.

[2] Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 3 t. Т. 1 / pod red. А. Р. Sergeeva. — 2-е изд., pererab. i dop. — Moskva : Prospekt, 2018. — 1040 s.

[3] Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. CHasti pervaya, vtoraya, tret'ya i chetvertaya. / Pod red. А.Р.Sergeeva. М., 2016 – 2018.

[4] Opredelenie Verhovnogo suda ot 2 fevralya 2021 goda № 44-KG20-17-K7. Dostup iz SPS «Konsul'tant Plyus».

[5] Reshenie Stavropol'skogo rajonnogo suda ot 16 fevralya 2024 goda po delu № 2-310/2024. Dostup iz SPS «Konsul'tant Plyus».

[6] Reshenie Arsen'evskogo gorodskogo suda № 2-491/2023 ot 6 oktyabrya 2023 goda. Dostup iz SPS «Konsul'tant Plyus».

[7] Reshenie Kievskogo rajonnogo suda g. Simferopolja ot 03.07.2023 № 2-1021/2023 (2-5201/2022). Dostup iz SPS «Konsul'tant Plyus».

[8] Postanovlenie Devyatogo AAS ot 04.02.2020 N 09AP-76537/2019. Dostup iz SPS «Konsul'tant Plyus».

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-434-440

ЗАТЕЕВА Дарья Александровна,
Аспирант кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
e-mail: pantseva1996@mail.ru

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Важнейшим условием вынесения судом справедливого и законного решения является установления обстоятельств для конкретной категории дела. Связано это с тем, что стороны отстаивают свою позицию в рамках представления доказательств в рамках судебного разбирательства. В гражданском судопроизводстве основополагающим элементом является доказывание. Доказывание, представляет собой процесс установления фактов или обстоятельств, имеющих значение для рассматриваемого дела. Этот процесс опирается на совокупность доказательств, представленных сторонами, и их исследовании и оценку судом. Через исследования вопросов применения и определения понятий «стандарт доказывания» и «предмет доказывания», а также с учетом отсутствия на законодательном и теоретическом уровне закреплений таковых понятий, автор делает попытку дать определение «Стандартизация предмета доказывания». Стандартизация предмета доказывания, предложенная автором, представляет собой процесс унификации и формализации перечня фактов, подлежащих установлению в определенной категории дел. Механизм стандартизации предмета доказывания может существенно упростить и ускорить процесс рассмотрения дел, снизить вероятность ошибок судом и злоупотреблений правом со стороны участников судебного разбирательства.

Ключевые слова: стандарт доказывания, предмет доказывания, бремя доказывания, стандартизация предмета доказывания, механизм, структура, гражданское судопроизводство.

ZATEEVA Darya Alexandrovna,
Postgraduate student of the Department of Civil Procedure
FGBOU HE "SGUA"

STANDARDIZATION OF THE SUBJECT OF PROOF IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. The most important condition for the court to make a fair and legal decision is to establish the circumstances for a specific category of case. This is due to the fact that the parties defend their position in the context of presenting evidence in court proceedings. In civil proceedings, the fundamental element is proof. Proof is the process of establishing facts or circumstances that are important for the case under consideration. This process is based on the totality of evidence presented by the parties and their study and assessment by the court. By studying the issues of application and definition of the concepts of "standard of proof" and "subject of proof", as well as taking into account the absence of legislative and theoretical consolidation of such concepts, the author makes an attempt to give a definition of "Standardization of the subject of proof". Standardization of the subject of proof, proposed by the author, is a process of unification and formalization of the list of facts to be established in a certain category of cases. The mechanism for standardizing the subject of proof can significantly simplify and speed up the process of considering cases, reduce the likelihood of errors by the court and abuse of rights by participants in the trial.

Key words: standard of proof, subject of proof, burden of proof, standardization of subject of proof, mechanism, structure, civil proceedings.

Правовая конструкция «стандарт доказывания» в современной отечественной правовой теории и практике встречается все чаще, однако в науке нет исследований относительно возможности применения в российском судебном процессе такой модели. Стандарт доказывания применим и характерен англосаксонской правовой системе, чем порождает множество дискуссионных споров в юридическом сообществе, ввиду отсутствия дефиниции в отечественном законодательстве, как и, явление в отечественной системе права.

Обсуждая использование этой правовой концепции в российском праве, стоит отметить широкий диапазон мнений по поводу целесообразности и возможности ее применения. Эти мнения колеблются от утверждений о том, что она не может быть применена в наших процессуальных условиях, до противоположных точек зрения, утверждающих, что ее использование не только возможно, но и необходимо.

Для дальнейшего анализа темы исследования необходимо определиться: 1) что есть «стандарт доказывания»?; 2) каким образом стандарт доказывания связан с предметом доказывания в гражданском судопроизводстве?; 3) какая роль данной конструкции при определении предмета доказывания? Полагаем необходимым рассмотреть и изучить определение двух ключевых понятий и их содержание по отдельности, а затем в совокупности, для нахождения ответов на поставленные вопросы.

Находясь у исторических истоков, применение стандарта доказывания было вызвано некими правилами судьи для присяжных заседателей, которые направляли таковых к правильному решению дела, путем применения такой правовой конструкции для оценки представленных доказательств. В современной англо-американской системе права принципы доказывания, применение права, использование прецедентов и принятие решений формализованы в виде стандартизированных инструкций. Однако, несмотря на это, эффективность и полнота этих стандартов в обеспечении справедливого и обоснованного правосудия вызывают сомнения.

В гражданском процессе англо-саксонской правовой системы стандарт доказывания представляет собой «balance of probabilities» («преобладания доказательств» или «баланс вероятностей»). В данном понимании стандарта факт является доказанным в том случае, если представленные доказательства стороной, на которую возложено бремя доказывания, позволяют судье прийти к выводу о наличии спорного факта, чем скорее о его отсутствии. В правовой системе США

аналогом стандарта «баланса вероятностей» является «preponderance of evidence» («превалирование доказательств») [5].

В цивилистической доктрине одно из широких определений понятия стандарта доказывания дает А.Г. Карапетов, утверждающий что стандарт доказывания – это пороговая степень субъективной уверенности, убежденности судьи (присяжных) в истинности спорного факта, при которой суд приходит или должен прийти к выводу о достаточности доказательств и признании бремени доказывания выполненным; при достижении такого уровня бремя опровержения переходит оппоненту, и если тот своими контрдоказательствами не снизит уверенность суда ниже уровня стандарта доказывания, суд будет исходить из признания факта установленным [5].

Не можем согласиться с данным утверждением, поскольку российская судебная практика и практика европейских стран не направлена на установление истины относительно наличия или отсутствия обстоятельства (факта). Законодательно отсутствует обязанность суда установить истину, поскольку таковую установить невозможно. Любая категория дел, рассматриваемая как арбитражным судом, судом общей юрисдикции, будет рассмотрена на основе вероятностей.

В научных работах авторов высказывается позиция об объективности и субъективности стандартов доказывания. Карапетов А.Г., Косарев А.С. [5], Будылин С.Л. [3], Смола А.А. [10], Соболева М.Ю. [12] полагают, что стандарт доказывания есть объективный критерий для оценки представленных доказательств, что способствует унификации и оптимизации рассмотрения споров одной категории, равной защите прав и законных интересов лиц, участвующих в деле.

Аргунов В.В., Долова М.О. [1], Смольников Д.И. [11], Боннер А.Т. [2] придерживаются другой точки зрения, ссылаясь на разный взгляд и убежденность каждого судьи на соблюдение стандартов доказывания, тем самым признавая факта остается на судейское усмотрение, что является больше субъективным критерием при разрешении спора. Будылин С.Л. отмечает, что современный процесс является более состязательным, но имеется инквизиционный характер постсоветского правосудия, что дает право на субъективный характер оценки доказательств. Основываясь на данной позиции, полагает, что усмотрение судьи есть российский «стандарт доказывания» [3].

Попытка конкретизировать стандарт доказывания предпринята в Рекомендациях научно-консультативного совета при Арбитражном суде Западно-Сибирского округа, в котором отражена специфика применения стандартов доказывания

к отдельным категориям дел¹. Указано, что разделение стандартов доказывания влияет на наличие или отсутствие публичного интереса (интерес государства, общества) при рассмотрении дела. В рекомендации чётко прослеживается мысль: «Если одна сторона спора объективно ущемлена в возможностях доказывания своих юридически значимых утверждениях, значит, противная сторона спора обладает такими возможностями в большей степени и в состоянии без особого труда их реализовать, добросовестно осуществляя процессуальные права».

Практика Верховного суда Российской Федерации выработала четыре вида доказывания в зависимости от строгости оценивания представленных доказательств: *обычный*² (баланс вероятностей или разумная степень достоверности), где сторона предоставляются равные права и возможности по представлению доказательств³; *пониженный* (минимально необходимая степень достоверности), подлежит применению в случае, если утверждающее лицо не может предоставить самостоятельно весь объем доказательств, так как большая часть находится под контролем процессуального оппонента⁴. К таким делам можно отнести трудовые споры, где более слабой стороной по делу является работник; *повышенный стандарт доказывания*⁵ (явные и убедительные доказательства) ущемление в представлении доказательств одной стороной, преобладание в большей степени представления доказательств другой стороной. При применении данного стандарта суд более детально осуществляет проверку обоснованности требований относительно с «обычными» исковыми требованиями; *высокий стандарт доказывания*⁶ (вне разумных сомне-

ний), данный стандарт в основном применяется по делам с элементами банкротстве.

В отечественной судебной практике при рассмотрении дел судами общей юрисдикции также используется иные стандарты доказывания, как «стандарт разумного и добросовестного поведения»⁷, «стандарт добросовестности»⁸, «стандарт добросовестности и осмотрительности»⁹, «строгий стандарт доказывания»¹⁰. Несмотря на установленную Верховным судом РФ регламентаций относительно стандарта доказывания, в судебный актах появляются все более современные стандарты, используемые судами, что позволяет сделать краткий вывод о том, что судебной практикой формируются и ею корректируются критерии концепции «стандарт доказывания», его систематичность использования, значение и смысл применения.

Проблема определения стандарта доказывания доктринально и законодательно стоит наравне с вопросом определения предмета доказывания в гражданском судопроизводстве, в связи с отсутствием четкой формулировки определения предмета доказывания и обоснования, какие именно обстоятельства и факты входят в предмет доказывания. При формулировании категории «Доказательство», законодатель указывает на необходимость установления судом наличия или отсутствия обстоятельств, обосновывающих имеющиеся у сторон требования (возражения). Вместе с тем, суд устанавливает иные обстоятельства, которые имеют непосредственно значение для правильного разрешения спора.

Цель самого доказывания есть установление фактов, которые следует доказать в рамках рассмотрения конкретного дела.

Между тем, в доктрине гражданского процессуального права есть различные позиции учёных относительно вопроса «какие именно факты и обстоятельства входят в предмет доказывания?».

Д.М. Чечот и Н.А. Чечина [15] полагали, что в предмет доказывания входят только материально-правовые обстоятельства. Данную точку зрения поддерживает М.К. Треушников [13], обосновывая свою позицию тем, что предмет доказыва-

край) . URL:.

⁷ Решение от 26 июля 2024 г. по делу № 2-3259/2024 Ленинский районный суд г.Тюмени (Тюменская область) URL:.

⁸ Решение от 8 июля 2024 г. по делу № 2-286/2024 Олонечкий районный суд (Республика Карелия). URL:.

⁹ Решение от 26 февраля 2024 г. по делу № 2-664/2024 Первомайский районный суд г. Кирова (Кировская область). URL:.

¹⁰ Решение от 7 августа 2023 г. по делу № 2-1088/2023 Орджоникидзевский районный суд г. Новокузнецка (Кемеровская область) URL:.

¹ Рекомендации N 1/2019 Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Западно-Сибирского округа по итогам заседания, состоявшегося 24 мая 2019 г. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/38301560/paragraph/1:0> (дата обращения 17.03.2025)

² Решение № 2-16978/2023 от 18 декабря 2023 г. по делу № 2-17062/2022. URL:.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2019 № 305-ЭС16-18600 (5-8) // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://arbitr.garant.ru> (дата обращения 17.03.2025).

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2019 № 305-ЭС16-18600 (5-8) // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://arbitr.garant.ru> (дата обращения 17.03.2025).

⁵ Решение от 18 июля 2024 г. по делу № 2-899/2024 Мегионский городской суд (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра). URL:.

⁶ Решение от 11 декабря 2019 г. по делу № 2-517/2019 Армавирский городской суд (Краснодарский

ния есть юридические факты, основания иска и возражений (факты материально-правового характера). Остальные факты, по мнению М.К. Треушникова, образуют предел доказывания (доказательственные факты, процессуальные факты, факты, установление которых суду необходимо для выполнения воспитательных и предупредительных задач правосудия) [14]. Данной точке зрения также и придерживается Т.В. Сахнова [9].

Процессуалисты другой точки зрения придерживаются позиции, что предмет доказывания есть как материально-правовые, так и иные факты. Так, М.А. Викин и И. М. Зайцев утверждают, что «предмет доказывания составляют не только материально-правовые факты, но и иные факты, имеющие юридическое значение, в том числе процессуальные обстоятельства» [4]. И.В. Решетникова полагает, что в предмет доказывания входят 4 категории фактов: материально-правовые факты; процессуальные факты; проверочные факты (подтверждающие или опровергающие достоверность доказательств); вспомогательные факты (доказательственные факты, установление которых необходимо для вынесения частного определения) [7].

Е. А. Нахова в своем исследовании предложила определить предмет доказывания как совокупность фактов материально-правового характера и процессуально-правового характера, ссылаясь на детальную классификацию фактов внутри каждой категории [6].

Невозможно на данном этапе согласиться с точкой зрения Е. А. Наховой, поскольку к отдельным категориям дел особого производства невозможно применение совокупности материально-правового характера и процессуально-правового характера. В данном случае установление обстоятельств материально-правового характера не применимо. А. В. Юдин отметил, что задача суда по делам особого производства – установить наличие не фактических, а юридических отношений, имеющих в момент своего существования процессуальную форму [16]. Данная конструкция подходит по делам искового производства. Тогда возникает вопрос, насколько понятие предмета доказывания является универсальным для всех категорий гражданских дел вне зависимости от видовой принадлежности?

На наш взгляд, с учетом совершенствования гражданского судопроизводства, предмет доказывания представляет собой как наличие материально-правовых фактов, так и иных фактов. Вместе с тем суд при наличии представленных доказательств определяет, с учетом норм права, что относится к предмету доказывания и на кого лежит

бремя доказывания такого или иного обстоятельства, на которое ссылается лицо, участвующее в деле, в своих требованиях (возражениях).

Бесспорно, предмет доказывания имеет высокую практическую значимость для установления объема и направления судебного разбирательства. Предмет доказывания, имея индивидуальные признаки, может изменяться в процессе рассмотрения дела и имеет первостепенное значение для правильного вынесения решения по делу. Верное установление предмета доказывания представляет возможным достигнуть цели доказывания в короткие сроки, пройдя все стадии судебного разбирательства. Между тем, предмет доказывания неразрывно связан с представлением и раскрытием доказательств в процессе судебного разбирательства. Здесь необходимо учитывать, что представление доказательств непосредственно связано с деятельностью участников процесса, и на какой стадии судебного разбирательства представлены и раскрыты такие доказательства. В полной ли мере бремя доказывания соответствует критериям меры должного поведения лиц, участвующих в деле, однако законодательно не обеспечена обязанность юридическими санкциями либо иными мерами государственного принуждения, наличие связи между уклонением от доказывания, либо от участия в судебном разбирательстве и неблагоприятными для стороны последствиями в материальных правоотношениях.

Однако также необходимо отметить, что в процессе подготовки дела к судебному разбирательству и на стадии самого судебного разбирательства лица, участвующие в деле, вправе расширить факты, входящие в предмет доказывания, так и сузить их круг, что находится в прямой зависимости от изменения характера и направленности интересов каждого из участников судебного разбирательства после возбуждения гражданского дела, ввиду наличия у каждой из сторон порядочительных прав.

В процессуальной науке складываются различные точки зрения в части взаимосвязи и в части различий предмета доказывания и стандарта доказывания.

Одна из точек зрения указывает на том, что стандарт доказывания является одной из существенных характеристик предмета доказывания, используемая Верховным судом РФ для указания признаков повышенной сложности в доказывании по ряду категорий дел. Если предмет доказывания нуждается в выявлении дополнительных обстоятельств, то стандарт доказывания повышается, тем самым и для участников судебного разбирательства бремя доказывания становится повышенным. Сторонники данной позиции придержи-

ваются мнения о том, что определение стандарта доказывания является полномочием правоприменителя. Действительно, законодательство зачастую не успевает адаптироваться к быстро меняющимся условиям жизни и правоприменительной практики. В таких ситуациях важную роль играют постановления Пленума и обзоры Президиума Верховного Суда Российской Федерации, которые позволяют оперативно реагировать на изменения, уточнять и корректировать правоприменение, а также обеспечивать единообразие в судебной практике.

Другая точка зрения основывается на различии понятий «предмет доказывания» и «стандарт доказывания», ссылаясь на подмену понятий [10]. В российской практике стандартом доказывания понималось признание акта установленным, то есть круг обстоятельств, которые подлежат доказыванию. Круг обстоятельств и есть юридический состав, группа юридических фактов, которые необходимо установить для разрешения спора.

Чтобы установить факт/обстоятельство, требуются доказательства, обладающие определенными качественно-количественными характеристиками, иначе этот факт нельзя будет считать установленным. Тем самым необходимо определить узкое и широкое толкование стандарта доказывания во взаимосвязи с предметом доказывания.

Широкое понимание, акцентируя внимание на предмете доказывания, рискует размыть границы между установлением фактических обстоятельств дела и юридической квалификацией. Иными словами, суд может увлечься определением того, что именно нужно доказать, пренебрегая при этом качественной оценкой представленных доказательств. Это, в свою очередь, может привести к необоснованным решениям, основанным на формальном соответствии доказательств заявленным требованиям, а не на их реальной убедительности.

Узкое понимание стандарта доказывания, напротив, требует от суда сосредоточиться на процессе оценки доказательств. Это предполагает критический анализ каждого доказательства, проверку его достоверности, допустимости и относимости к делу. При этом суд должен руководствоваться как общими принципами доказывания, так и специальными правилами, установленными для конкретных категорий дел.

К сожалению, доминирование широкого понимания стандарта доказывания в российской судебной практике создает определенные проблемы. Суды зачастую ограничиваются формальной проверкой соответствия представленных доказательств требованиям закона, не уделяя

должного внимания их содержательной оценке. Это приводит к тому, что решения принимаются на основе неполных или недостоверных фактов, неправильному распределению бремени доказывания, что в последующем приводит к неправильной оценке и исследовании представленных доказательств, что следствием является отмена акта вышестоящими судами.

Полагаем, что стандарт доказывания является особенностью предмета доказывания, на прямую зависящая от сложности и наполняемости по конкретной категории дел. По своей сути, предмет доказывания - это круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, т.е. то, что нужно установить. В свою очередь, в основу стандарта доказывания должны быть положены выполнение сторонами их бремени доказывания и на основании этого установленность фактов предмета доказывания [8].

Таким образом из исследования понятий «стандарт доказывания» и «предмет доказывания» в науке и практике не сформировалось единого мнения о их развитии структурировании.

Возвращаясь к теме исследования, хотелось приложить с учетом стандартов доказывания, определение стандартизации предмета доказывания.

Стандартизация предмета доказывания — это процесс определения четких и однозначных критериев, норм и правил, касающихся того, какие факты должны быть доказаны в рамках судебного разбирательства.

Необходимость стандартизации обусловлена рядом факторов. Во-первых, она способствует повышению эффективности процесса доказывания, позволяя сторонам и суду сосредоточиться на наиболее существенных обстоятельствах дела, правильно распределить бремя доказывания между участниками судебного разбирательства. Во-вторых, стандартизация обеспечивает предсказуемость и единообразие в применении норм права, поскольку позволяет избежать произвольного определения предмета доказывания в каждом конкретном случае. В-третьих, четкое определение предмета доказывания способствует защите прав и законных интересов сторон, поскольку позволяет им надлежащим образом подготовиться к судебному разбирательству и представить необходимые доказательства.

Механизм стандартизации предмета доказывания может быть различным. Однако хотелось бы предложить следующую структуру механизма стандартизации предмета доказывания:

1. *Определение фактов.* Выявление наличие или отсутствие фактов, которых необходимо установить для разрешения спора по существу.

2. *Критерии представленных доказательств.* Формирование категорий доказательств (письменные, устные, вещественные и др.), которые могут быть использованы для подтверждения тех или иных фактов.

3. *Распределение бремени доказывания.* На стадии подготовки дела к судебному разбирательству суду необходимо распределить бремя доказывания, определить, какая сторона должна доказывать те или иные обстоятельства дела.

4. *Унификация процедуры разбирательства.* Создание единых правил для сбора, представления и раскрытия доказательств лицами участвующими в деле, и исследовании и оценки доказательств судом.

5. *Применение судебной практики.* Использование аналогичных судебных решений для определения подходов к доказыванию в подобных случаях.

Внедрение стандартизированных подходов к определению предмета доказывания требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства и правоприменительной практики, что обеспечит эффективное рассмотрение дел, основанное на установлении юридических фактов, входящих в предмет доказывания по делу.

Список литературы:

[1] Аргунов В.В., Долова М.О. О так называемых стандартах доказывания применительно к отечественному производству // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 76-104.

[2] Боннер А.Т. Косвенные доказательства в гражданском и арбитражном процессе: проблемы теории и практики // Закон. 2018. № 4. С. 39-55.

[3] Бudyлин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3. С. 34-66.

[4] Вкут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс России: учебник. М.: Издательство Юрист, 2005. С. 480.

[5] Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитические и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 3-96.

[6] Нахова Е.А. К вопросу о механизме определения предмета доказывания в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 89-99

[7] Решетникова И.В. Курс доказательственного права в российском гражданском производстве. М.: Издательство Инфа-М, 2000. С. 288.

[8] Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: избранное. М., 2019. С. 54 - 55.

[9] Сахнова Т.В. О оказывании и доказательствах в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. Т. 11. С. 34-48.

[10] Смола А.А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 8. С. 129 - 165.

[11] Смольников Д.И. Мифы о стандартах доказывания // Закон. 2015. № 12. С. 199-205.

[12] Соболева М.Ю. Стандарты доказывания в гражданском и арбитражном процессах в России // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 1118-1129.

[13] Треушников М.К. Судебные доказательства: монография. М.: Издательство Городец, 2017. С. 304.

[14] Треушников М.К. Эволюция российского гражданского судопроизводства в начале XXI века // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: сборник докладов междуанодной конференции / под. ред. д.ю.н. Д.Я. Малешина. М.: Статут, 2012. С. 28-32.

[15] Чечот Д.М., Чечина Н.А. Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. Л.: Издательство ЛГУ, 1979. С. 128.

[16] Юдин, А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве / А.В. Юдин. - М.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, Издательство юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 2016. С 360.

Spisok literatury:

[1] Argunov V.V., Dolova M.O. O tak nazyvaemykh standartah dokazyvaniya primnitel'no k otechestvennomu proizvodstvu // Vestnik grazhdanskogo processa. 2019. № 2. S. 76-104.

[2] Bonner A.T. Kosvennye dokazatel'stva v grazhdanskom i arbitrazhnom processe: problemy teorii i praktiki // Zakon. 2018. № 4. S. 39-55.

[3] Budylin S.L. Vnutrennee ubezhdenie ili balans veroyatnostej? Standarty dokazyvaniya v Rossii i za rubezhom // Vestnik VAS RF. 2014. № 3. S. 34-66.

[4] Vikut M.A., Zajcev I.M. Grazhdanskij process Rossii: uchebnik. M: Izdatel'stvo YUrist, 2005. S. 480.

[5] Karapetov A.G., Kosarev A.S. Standarty dokazyvaniya: analiticheskie i empiricheskoe issledovanie // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. Prilozhenie k Ezhemesyachnomu zhurnalu. 2019. № 5. Special'nyj vypusk. S. 3-96.

[6] Nahova E.A. K voprosu o mekhanizme opredeleniya predmeta dokazyvaniya v grazhdanskom sudoproizvodstve // Vestnik grazhdanskogo processa. 2020. № 3. S. 89-99

[7] Reshetnikova I.V. Kurs dokazatel'stvennogo prava v rossijskom grazhdanskom proizvodstve. M: Izdatel'stvo Infa-M, 2000. S. 288.

[8] Reshetnikova I.V. Razmyshlyaya o sudoproizvodstve: izbrannoe. M., 2019. S. 54 - 55.

[9] Sahnova T.V. O okazyvanii i dokazatel'stvah v civilisticheskom processe // Vestnik grazhdanskogo processa. 2021. № 5. T. 11. S. 34-48.

[10] Smola A.A. Standarty, dokazyvanie i Verhovnyj Sud // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF. 2018. N 8. S. 129 - 165.

[11] Smol'nikov D.I. Mify o standartah dokazyvaniya // Zakon. 2015. № 12. S. 199-205.

[12] Soboleva M.YU. Standarty dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom processah v Rossii // Voprosy rossijskoj yusticii. 2019. № 3. S. 1118-1129.

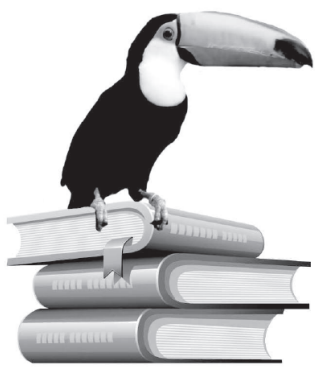
[13] Treushnikov M.K. Sudebnye dokazatel'stva: monografiya. M: Izdatel'stvo Gorodec, 2017. S. 304.

[14] Treushnikov M.K. Evolyuciya rossijskogo grazhdanskogo sudoproizvodstva v nachale XXI veka// Grazhdanskij process v mezhkul'turnom dialogue: evrazijskij kontekst: sbornik dokladov mezhdunarodnoj konferencii/ pod. red. d.yu.n. D.YA. Maleshina. M.: Statut, 2012. S. 28-32.

[15] Chehot D.M., Chechina N.A. Aktual'nye problemy teorii i praktiki grazhdanskogo processa. L.: Izdatel'stvo LGU, 1979. S. 128.

[16] YUdin, A. V. Zloupotreblenie processual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve / A.V. YUdin. - M.: Izdatel'skij dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. S. 360.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-441-445

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

АРТЫШКО Кирилл Владимирович,

Студент 4-го курса бакалавриата Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: artyshko.kv@dvfu.ru

ОЗЕРОВ Олег Эдуардович,

Студент 4-го курса бакалавриата
Юридической школы Дальневосточного
федерального университета,
e-mail: ozerov.oe@dvfu.ru

Научный руководитель:

КОРЧАГИН Анатолий Георгиевич,

Доцент кафедры конкурентного и предпринимательского права
Юридической школы Дальневосточного
федерального университета, кандидат юридических наук,
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы использования и оценки электронных доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, анализируются различные подходы к определению электронного доказательства в доктрине, обосновывается нецелесообразность нормативного закрепления дефиниции. Предлагаются пути совершенствования процессуального законодательства, направленные на повышение эффективности использования электронных доказательств и обеспечение законности судебных решений. Внимание уделяется проблеме распределения бремени доказывания при заявлении о фальсификации электронных доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства, гражданский процесс, арбитражный процесс, оценка доказательств, фальсификация доказательств, цифровизация, доказывание, процессуальное право.

ARTYSHKO Kirill Vladimirovich,

4th year undergraduate student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

OZEROV Oleg Eduardovich,

4th year Bachelor's student of the Far Eastern
Federal University Law School

Supervisor: **KORCHAGIN Anatoly Georgievich,**

Associate Professor of the Department of Competition
and Business Law of the Far Eastern Federal University Law School,
Candidate of Legal Sciences

SOME PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF ELECTRONIC EVIDENCE IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

Annotation. The article deals with the problems of using and evaluating electronic evidence in civil and arbitration proceedings, analyzes various approaches to the definition of electronic evidence

in the doctrine, substantiates the inexpediency of normative fixation of the definition. The ways of improving procedural legislation aimed at increasing the effectiveness of electronic evidence and ensuring the legality of court decisions are proposed. Attention is paid to the problem of distribution of the burden of proof when claiming falsification of electronic evidence.

Key words: *electronic evidence, civil proceedings, arbitration proceedings, evaluation of evidence, falsification of evidence, digitalization, proof, procedural law.*

Введение. Повсеместная цифровизация различных сфер жизнедеятельности общества, продолжающаяся уже тридцать лет, обуславливает постепенный переход от использования традиционных источников информации, имеющих материальную форму, например, в виде письменного документа, к принципиально иным средствам фиксации информации – электронным. Разумеется, возрастающая роль использования лицами в своей повседневной и хозяйственной деятельности электронных документов во всем их многообразии не может не сказываться и на правоприменительной деятельности, особенно в плоскости цивилистического процессуального доказывания.

По мере того, как цифровое пространство всё активнее поглощает гражданский оборот на уровне ведения переговоров, заключения договоров, обмена документами, осуществления предпринимательской и профессиональной деятельности, развития института так называемого «цифрового имущества», – возрастает и количество споров с использованием таких доказательств, а кроме того встречаются и всё новые их разновидности: лог-файлы, метаданные, данные с беспилотных воздушных летательных аппаратов и др. Поэтому по-прежнему острой и актуальной остаются проблемы собирания электронных доказательств, их надлежащего оформления, верификации, обоснования допустимости и достоверности с целью приобщения к материалам дела. Конечно, главной проблемой остается и вопрос о том, какими критериями суду следует руководствоваться при оценке тех или иных видов электронных доказательств – в свою очередь от этого будет зависеть и поведение субъектов права, степень их осмотрительности в гражданских правоотношениях при электронном документообороте или фиксации нарушений при помощи электронных средств, процессуальная правовая культура в принципе.

Цель настоящей работы – осуществить аналитический обзор некоторых проблем понимания электронных доказательств, закрепления института электронных доказательств в процессуальном праве, использования электронных доказательств в судебном процессе.

Основная часть. Легальное определение электронного доказательства отсутствует. Следует признать и отсутствие единого понимания

этого термина в юридической литературе, однако различные подходы к его определению, по существу, не являются взаимоисключающими.

Так Власова С.А. полагает, что под электронными доказательствами следует понимать сведения о наличии или отсутствии обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, имеющих значение для правильного разрешения дела, представленные в электронной форме [1].

В свою очередь Ярошенко Т.В., отмечая, что вышеприведенное определение не отражает всех признаков, формулирует собственное и под электронным доказательством понимает информацию об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, содержащую реквизиты, дающие возможность идентифицировать ее и носитель, на котором она зафиксирована, и которая получена с соблюдением процессуального порядка собирания доказательств [2]. Такое определение автор полагает целесообразным включить в статью 55 ГПК РФ.

Полагаем, что нормативное закрепление дефиниции электронного доказательства в процессуальных кодексах лишено практического смысла, является избыточным и повлечет дополнительные проблемы и пробелы. Вновь обращаясь к определению Ярошенко Т.В., возникает ряд вопросов: какие реквизиты должны и в какой степени идентифицировать электронное доказательство и его носитель, что в принципе считать под носителем электронного доказательства, к примеру, для скриншота носителем будет являться сайт в сети Интернет, на котором размещена информация, имеющая значение для дела, или компьютер, при помощи которого был выполнен скриншот и на котором, следовательно, такая информация также зафиксирована? Таким образом, формулированию дефиниции должен предшествовать процесс нормативного закрепления существенных признаков, видов и критериев оценки электронных доказательств.

Электронное доказательство – это прежде всего одна из возможных форм закрепления и внешнего выражения сведений об определенных обстоятельствах, имеющих значение для дела, с использованием технических средств (программного обеспечения) для её фиксации, записи, хранения, чтения и воспроизведения. Такое понимание электронного доказательства полностью

укладывается в содержание части 1 статьи 55 ГПК РФ, части 1 статьи 64 АПК РФ. При этом стоит отметить, что такой вид электронных доказательств, как электронный документ, обоими процессуальными кодексами относится к письменным доказательствам. Что касается аудио- и видеозаписей, записанных на электронных носителях, то их положение в кодексах отличается: статья 77 ГПК относит такие доказательства в самостоятельную группу, а статья 89 АПК – к «иным документам и материалам». Таким образом, в действующем нормативном регулировании самостоятельный институт электронных доказательств как таковой отсутствует.

В литературе, помимо позиции сохранения статус-кво, можно выделить два пути решения проблемы положения электронных доказательств в процессуальном праве. Сторонники первого предлагают выделить такие доказательства в отдельную категорию [3], в том числе ввести в действие отдельную статью, посвященную электронным доказательствам [4]. В свою очередь альтернативный путь решения проблемы может заключаться в том, чтобы сделать открытым перечень доказательств в ГПК по аналогии с АПК и тем самым обезопасить законодательство от последствий постоянно протекающего процесса появления, изменения и исчезновения источников информации в период современной информатизации и глобализации [5].

Учитывая, что оба решения не исключают друг друга, напротив, дополняют с целью внесения принципиальной ясности в законодательное регулирование, унификации процессуальных кодексов и приведение их в соответствие с динамикой общественных отношений, полагаем целесообразным и возможным последовательную реализацию обоих подходов – причем первым шагом действительно должен стать открытый перечень средств доказывания, а вторым – установление верификационных требований, которым должны отвечать электронные доказательства.

Консерватизм, скепсис и недоверие к электронным доказательствам во многом основываются на том, что их проще всего сфальсифицировать, что они не содержат необходимых реквизитов, которыми обычно обладают традиционные доказательства, кроме того, электронные доказательства могут не отражать всей сути фактических обстоятельств. Например, переписка нередко может быть отредактирована, некоторые сообщения могут быть удалены с целью выдать сторону в более благоприятном свете и скрыть какие-то обстоятельства, тоже самое может касаться и других доказательств, скриншотов, аудио- и видеозаписей.

На самом деле, любые доказательства независимо от формы, электронной или нет, подвержены риску фальсификации. Сама по себе проблема фальсификации доказательств лежит не столько в плоскости процессуального права, сколько в плоскости уголовного, призванного мерами уголовно-правового характера охранять нормальный порядок судопроизводства, реализовывать профилактические и воспитательные функции, препятствующие столь пагубному для судопроизводства явлению. Тем не менее, поскольку задачей процессуального права остается разрешение спора путём вынесения законного и обоснованного решения, процессуальное законодательство должно содержать механизмы первичной оценки электронного доказательства на относимость, допустимость и достоверность, осуществляемой судом с учётом мнения сторон при его приобщении к материалам дела.

Электронные доказательства отличаются именно легкостью фальсификации, отсутствием изначального материального носителя и, как следствие, невозможностью для ответчика зачастую доказать факт фальсификации предъявленного истцом электронного доказательства.

Представим, что в деле о взыскании по договору займа истец предъявляет расписку, заявляя, что та составлена ответчиком. Если расписка сфальсифицирована, то ответчик может заявить об этом и доказать свою правоту путём почерковедческой экспертизы, а истец вправе представить другие доказательства, доказывающие наличие договора займа. Другая ситуация – истец основывает иск по договору займа на переписке по электронной почте (e-mail) с ответчиком, договор заключен путем электронного обмена документами, бумажный экземпляр не составлялся, в суд истец представил нотариально заверенный протокол осмотра электронной переписки [6]. В таком случае ответчику доказать факт фальсификации (например, отсутствия) переписки представляется затруднительным, равно как и всегда при доказывании отрицательного факта. Вполне логично, что при наличии у суда сомнений и заявления ответчика о фальсификации бремя доказывания достоверности переписки и отсутствия признаков её фальсификации должно быть возложено на истца, как на активную сторону судебного процесса.

При этом наличие у суда сомнений в достоверности и допустимости электронного доказательства в отсутствие возражений со стороны ответчика и заявления о фальсификации не должно повлечь безусловное отклонение такого доказательства. В одном из дел Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда ука-

зала на то, что суды первой, апелляционной и кассационной инстанции неправомерно отклоняли предъявленные истцом скриншоты переписки как недостоверные и недопустимые доказательства в отсутствие заявления ответчика о фальсификации и указал на обязанность суда создавать условия для выяснения действительных обстоятельств дела и выносить на обсуждение вопросы устранения сомнений в достоверности электронного доказательства [7].

Учитывая, что суды по-разному подходят к критериям, которым должны соответствовать электронные доказательства [8], приведенная правовая позиция Верховного Суда представляется особенно важной, поскольку стороны должны знать и понимать «стандарт доказывания», применяемый судом по их делу, а сам суд – предлагать сторонам способы, при помощи которых они бы могли повлиять на убеждение суда и оценку им представленных электронных доказательств. Нередки в гражданском процессе случаи непосредственного изучения судом содержимого мобильных телефонов: переписок и аудиозаписей, и их заверение самим судом [9], [10].

Заключение. Отметим: становление и развитие института электронных доказательств, превращение его в стройную и понятную систему средств доказывания – неизбежно. Имеющиеся проблемы разрешимы при должном желании у законодателя, судебной практикой выработано достаточное количество разных подходов и требований по отношению к электронным доказательствам, в осмыслении этого опыта и выявлении общих взаимосвязей использования различных видов электронных доказательств и лежит ключ к повышению эффективности судебной защиты.

Список литературы:

- [1] Власова С.А. Электронные доказательства как часть информационных технологий в гражданском судопроизводстве // *Ius publicum et privatum*. 2019. N 3(5). С. 16.
- [2] Правовая природа электронных доказательств в гражданском процессе: некоторые проблемные вопросы (Ярошенко Т.В.) («Российский судья», 2022, N 9)
- [3] Дубровина А.А. Электронные средства доказывания в условиях цифровой реальности // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2022. N 6. С. 36 - 40.
- [4] Гангало Ю.И. Электронные документы как средства доказывания в гражданском судопроизводстве: проблемы и пути их преодоления // *Актуальные вопросы устойчивого развития России в контексте ключевых целей национальных*

проектов: Материалы Всерос. студ. науч.-практ. конф. 23 - 24 апреля 2020 г. / Отв. ред. С.В. Нечаева. М.: Челябинский филиал РАНХиГС, 2020. С. 190.

[5] Шкурова Полина Дмитриевна Необходимость закрепления открытого перечня средств доказывания в нормах цивилистического процесса // *E-Scio*. 2019. №10 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-zakrepleniya-otkrytogo-perechnya-sredstv-dokazyvaniya-v-normah-tsivilisticheskogo-protsessa> (дата обращения: 25.04.2025).

[6] Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 29.11.2022 по делу № А33-30057/2021

[7] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 по делу № 5-КГ22-144-К2 (УИД 77RS0011-02-2021-006027-07)

[8] Карева Т. Ю., Юртаев С.Н. Проблемы оценки электронных доказательств в ходе судебного доказывания в цивилистическом процессе / Т. Ю. Карева, С. Н. Юртаев // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. – 2024. – № 3.

[9] Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.09.2023 по делу № 88-33312/2023 (УИД 23RS0035-01-2023-000262-02)

[10] Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 16.03.2020 по делу №33-3265/2020

Spisok literatury:

- [1] Vlasova S.A. Elektronnye dokazatel'stva kak chast' informacionnyh tekhnologij v grazhdanskom sudoproizvodstve // *Ius publicum et privatum*. 2019. N 3(5). S. 16.
- [2] Pravovaya priroda elektronnyh dokazatel'stv v grazhdanskom processe: nekotorye problemnye voprosy (Yaroshenko T.V.) («Rossijskij sud'ya», 2022, N 9)
- [3] Dubrovina A.A. Elektronnye sredstva dokazyvaniya v usloviyah cifrovoj real'nosti // *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process*. 2022. N 6. S. 36 - 40.
- [4] Gangalo Yu.I. Elektronnye dokumenty kak sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom sudoproizvodstve: problemy i puti ih preodoleniya // *Aktual'nye voprosy ustojchivogo razvitiya Rossii v kontekste klyuchevyh celej nacional'nyh proektov: Materialy Vse-ros. stud. nauch.-prakt. konf. 23 - 24 aprelya 2020 g. / Otв. red. S.V. Nechaeva. M.: Chelyabinskij filial RANHiGS, 2020. S. 190.*
- [5] Shkurova Polina Dmitrievna Neobhodimost' zakrepleniya otkrytogo perechnya sredstv dokazyvaniya v normah civilisticheskogo processa // *E-Scio*.

2019. №10 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-zakrepleniya-otkrytogo-perechnya-sredstv-dokazyvaniya-v-normah-tsivilisticheskogo-protsessa> (data obrashcheniya: 25.04.2025).

[6] Postanovlenie Tret'ego arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 29.11.2022 po delu № A33-30057/2021

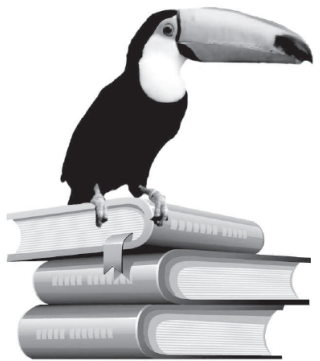
[7] Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 07.02.2023 po delu № 5-KG22-144-K2 (UID 77RS0011-02-2021-006027-07)

[8] Kareva T. Yu., Yurtaev S.N. Problemy ocenki elektronnyh dokazatel'stv v hode sudebnogo dokazyvaniya v civilisticheskom processe / T. Yu. Kareva, S. N. Yurtaev // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2024. – № 3.

[9] Kassacionnoe opredelenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 20.09.2023 po delu № 88-33312/2023 (UID 23RS0035-01-2023-000262-02)

[10] Apellyacionnoe opredelenie Krasnoyarskogo kraevogo suda ot 16.03.2020 po delu №33-3265/2020

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-446-450

ПРОВАТКИНА Валерия Евгеньевна,
Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: provatkina.ve@dvfu.ru

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна,
Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: voloshina.tv@dvfu.ru

Научный руководитель:
КОРЧАГИН Анатолий Георгиевич,
к.ю.н., И.о. заведующего кафедрой конкурентного
и предпринимательского права ЮШ ДВФУ,
e-mail: mail@law-books.ru

АНАЛИЗ ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫМ КОММЕРЧЕСКИМ АРБИТРАЖНЫМ СУДОМ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ процедуры приведения в исполнение решений, вынесенных Международным коммерческим арбитражным судом, с акцентом на практические аспекты реализации норм Нью-Йоркской конвенции 1958 года. Авторы исследуют ключевые проблемы, возникающие на стадии признания и принудительного исполнения арбитражных решений, включая основания для отказа в исполнении согласно статье V Конвенции, вопросы противоречия публичному порядку и роль национальных судебных систем в данном процессе.

Ключевые слова: МКАС, исполнение решений, государственный суверенитет, структура арбитража, правоприменение и отношения с отложенными судами, государственная политика.

PROVATKINA Valeria Evgenievna,
Student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

VOLOSHINA Tatiana Vladimirovna,
Student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

Scientific supervisor: **KORCHAGIN Anatoly G.,**
Candidate of Law, Acting Head of the Department of Competitive
and Business Law of the FEFU Law School

ANALYSIS OF THE ENFORCEMENT OF DECISIONS RENDERED BY THE INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION COURT

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of the procedure for the enforcement of judgments rendered by the International Commercial Arbitration Court, with an emphasis on the practical aspects of implementing the norms of the 1958 New York Convention. The authors explore the key issues that arise at the stage of recognition and enforcement of arbitral awards, including the grounds for refusal of enforcement under article V of the Convention, issues of contradiction to public policy and the role of national judicial systems in this process.

Key words: ICAC, enforcement of judgments, state sovereignty, arbitration structure, law enforcement and relations with adjourned courts, public policy.

Для того, чтобы выяснить, какой международно-правовой инструмент ICA использовать, необходимо изучить основные предпосылки, на основе которых ICA и национальные суды сосуществуют по всему миру.

Так, надлежащее понимание арбитражного разбирательства, как и большинства явлений в социальных науках, может быть исследовано только после полного понимания фундаментальных принципов, лежащих в основе нормативной структуры рассматриваемого правового механизма – в данном случае структуры арбитража. С этой целью важно отметить, что со временем, особенно с тех пор, как в 1958 году была принята Нью-Йоркская конвенция (the NYC) [1], многие практикующие юристы, ученые, и правительственные чиновники перешли к теме ICA и ее связи с государственными судами. На сегодняшний день этот вопрос остается горячо обсуждаемым, особенно в связи с развитием международной торговли и новых форм ведения бизнеса. По этой причине различные исследователи ICA вступили в дискуссию, в ходе которой предпринимаются попытки определить теорию сосуществования ICA и национальных правовых систем (включая национальные суды).

Поскольку ICA является результатом стороннего договора, не подлежит сомнению, что автономия сторон в арбитраже является ключевым аспектом. Вопрос, однако, вращается вокруг того, насколько автономным является и должен быть ICA, особенно учитывая тот факт, что без принудительной силы государства арбитражные решения не могут быть приведены в исполнение. В этой связи авторы ICA отстаивали два различных теоретических подхода к ICA.

Первый подход касается почти полной автономии арбитража, при которой он существует как отдельный правовой порядок. Эта теория поддерживается Эммануэлем Гайяром в его работе по правовой теории международного арбитража [2]. В данной работе, а также в своей статье [3], Гайяр рассуждает о транснациональной системе арбитража. Также автор отмечает, что арбитраж является, и в принципе должен рассматриваться как отдельный правовой порядок – так называемая транснациональная система правосудия.

Гайяр объясняет три разные теории, которые могут быть применены в ICA.

Первая теория называется моно-локальная теория. Основная предпосылка данной теории заключается в том, что арбитражное решение приобретает обязательную силу исключительно в месте проведения арбитража, т. е., если решение отменено в стране места проведения арбитража, оно больше не может быть приведено в исполнение ни в какой другой стране. Как правило, эта

теория тесно связана со статьей V 1 (е) Нью-Йоркской конвенции 1958 г., которая предусматривает, что арбитражному решению может быть отказано в признании в юрисдикции принудительного исполнения, если оно было отменено в стране места нахождения арбитража [4].

Вторая теория, которую выделяет Гайяр, называется Вестфальской теорией. Согласно этой теории, суды штатов вольны приводить или не приводить в исполнение арбитражное решение, которое было отменено в другой стране.

Третья теория именуется «транснациональное правосудие» в арбитраже. Смысл теории заключается в том, что большинство стран мира придерживаются Нью-Йоркской конвенции, и, таким образом, принимают нынешнюю структуру ICA. В результате национальные суды при рассмотрении вопроса о приведении в исполнение арбитражного решения, отмененного в другом месте, должны руководствоваться принципами транснационального правосудия, т. е. следовать наиболее подходящей международной практике, на основе которой должно быть вынесено решение о приведении/ не приведении в исполнение арбитражного решения.

В этой связи теория «транснационального правосудия» с Нью-Йоркской конвенцией, поскольку арбитражное решение, которое было отменено по явно неправовым основаниям, может быть приведено в исполнение в другой юрисдикции в соответствии со статьей V(1) (е) Конвенции. По смыслу данной статьи следует, что если арбитражное решение было отменено явно ошибочным образом, то это решение не было принято компетентным органом, как это предусмотрено статьей V 1 (е) Нью-Йоркского арбитражного суда.

Кроме того, Конвенция предусматривает так называемые более выгодные применения правил, закрепленных в ст. VII. Так, одним из правил является то, что «положения настоящей Конвенции не затрагивают действительности многосторонних или двусторонних соглашений в отношении признания и приведения в исполнение арбитражных решений, заключённых Договаривающимися Государствами, и не лишают никакую заинтересованную сторону права воспользоваться любым арбитражным решением, в том порядке и в тех пределах, которые допускаются законом или международными договорами страны, где испрашивается признание и приведение в исполнение такого арбитражного решения».

По смыслу данного положения следует, что если национальное законодательство предусматривает более «благоприятные» правовые акты в отношении приведения в исполнение международного арбитражного решения, то эти правила должны применяться независимо от оснований

для отказа, как указано в Конвенции. В этой связи важно то, что МКА взаимодействует со отменой решения и приведения его в исполнение в национальных судах не как отдельные существа, взаимосвязанные составляющие.

Вместе с этим теория Гейяра «транснациональное правосудие» подвергается критике.

Так, Рейсманн [5] критикует Вестфальскую теорию и теорию транснационального правосудия Гайяра, указывая на то, что ICA имеет свою собственную «архитектуру»¹, одновременно представляя свой взгляд на арбитражный правовой порядок. Текущая структура ICA, по мнению Рейсманна, основана на том, что две юрисдикции образуют столпы ICA: «первичная юрисдикция» (место проведения арбитража) и «вторичные юрисдикции» (все юрисдикции, в которых испрашивается приведение в исполнение арбитражного решения).

По логике Рейсманна, Нью-Йоркская конвенция построена таким образом, что арбитражное решение не может быть приведено в исполнение, если оно отменено в «первичной юрисдикции». Рейсманн утверждает, что если бы это было не так, то стороны могли бы попытаться привести в исполнение арбитражное решение во многих юрисдикциях, даже если оно было отменено в первичной юрисдикции.

Очевидно, что это может произойти, и в этом случае ничто не может помешать сторонам сделать это. Однако суды, когда они находятся на стадии приведения решения к исполнению, должны должным образом рассмотреть вопрос об отмене разбирательства, с целью обеспечить как можно большее единообразие арбитражного разбирательства, а также большую эффективность.

Такого рода архитектура является краеугольным камнем ICA, который построен для того, чтобы избежать ситуаций, когда проигравшая сторона в арбитраже добивается отмены или приведения в исполнение арбитражного решения во многих юрисдикциях и, как следствие, снижает эффективность арбитража.

В этой связи Рейсманн в принципе, отвергает идею арбитражной автономии в том виде, в каком она понимается Гайяром.

В ответ Гайяр, будучи несогласным с «архитектурой арбитража», отвергает идею первичной и вторичной юрисдикции в ICA. Так, Гайяр утверждает, что, согласно статье V Нью-Йоркской Конвенции, ничто не препятствует государствам применять более «мягкий» подход к приведению в исполнение арбитражных решений. То есть, государства могут приводить в исполнение арбитражное решение, даже если оно было отменено в

месте проведения арбитража. Кроме того, как показано на многочисленных французских примерах (дела Norsolor [6] и Hilmarton [7]), французский подход суда позволяет признавать и приводить в исполнение арбитражное решение, даже если оно было отменено. Это связано с тем, что французские суды, решая, приводить в исполнение арбитражное решение или нет, как правило, не принимают во внимание соображения суда, в котором решение было отменено: арбитражные законы других стран не являются частью французской правовой системы [8].

Однако позиция Гайяра, сомнительна. Во-первых, одной из краеугольных особенностей арбитража является его окончательность. Эта особенность ICA является одной из самых привлекательных. Проведение нескольких разбирательств или, другими словами, отношение к отмене и исполнительному производству как к едва связанным, может иметь неблагоприятные последствия для эффективности арбитража, поскольку стороны арбитража могут прибегнуть к процедуре отмены, которая становится бесполезной, если игнорируется судами в юрисдикциях принудительного исполнения.

Место арбитражного разбирательства – это прямой или косвенный выбор сторон. Если стороны выбрали страну, которая не является дружественной к арбитражу, судов по принудительному исполнению нет, чтобы поддержать такой выбор. Учитывая принцип автономии сторон, данное утверждение представляется более чем точным, даже несмотря на то, что по мнению Гайяра, место арбитражного разбирательства часто выбирается по причинам, отличным от тех, которые связаны с исходом потенциального разбирательства об отмене. Однако рассмотрение процедуры отмены просто как одного из этапов арбитражного разбирательства (в дополнение к этапам приведения в исполнение) привело бы к отсутствию единообразия и злоупотреблениям процессом. Не зря Нью-Йоркская конвенция выделила исключение в качестве одного из оснований для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений. Реальное единообразие и баланс между арбитражными и национальными судами на этапах отмены решения и приведения его в исполнение могут быть достигнуты только в том случае, если судебные органы стран-участниц Нью-Йоркской конвенции, доверяют решениям судов других юрисдикций.

Теория Гайяра «транснациональное правосудие» также подвергается критике Яном Паулсоном, который отмечает, что на практике теория транснационального правосудия – это не более чем Вестфальская теория [9]. Он отмечает, что даже сейчас суды, находясь на стадии принуди-

¹ определение, введенное Рейсманном

тельного исполнения, часто уже рассматривают международно-признанные принципы ICA. Кроме того, Паулссон утверждает, что ICA не может быть независимой от государственных судов в порядке, предусмотренном Гайяром, поскольку национальные суды черпают свою власть и лояльность в государстве, а не в транснациональных правовых нормах.

Таким образом, исключительно на усмотрение национальных судов остается либо принять эти нормы в рамках внутренней политики, либо отклонить их.

В добавок ко всему, такие авторы, как Джонатан Манс, в равной степени отвергают идею автономного арбитража, утверждая, что стороны выбирают конкретные страны в качестве места проведения арбитража в соответствии с законами, регулирующих арбитраж [10]. Аналогичную аргументацию можно найти в статье Альберта Янавана, в которой автор предполагает, что вмешательство суда потенциально может быть сокращено за счет полной отмены процедуры отмены арбитражных решений, поскольку во многих странах большинство оснований для неисполнения арбитражных решений и основания для отмены арбитражных решений практически одинаковы. И хотя это могло бы предотвратить двойной контроль арбитражных решений, Ван ден Берг отмечает, что «отмена отмены» будет иметь неблагоприятные последствия. Это связано с тем, что ICA будет препятствовать игнорированию судом, исполняющим решение, решения суда по месту нахождения арбитража.

Вместе с этим имеет смысл отвергнуть идею Гайяра о полностью автономном арбитраже, т. е. арбитраже, основанном на транснациональной правовой практике и обычае, при обсуждении вопроса о том, приводить в исполнение арбитражное решение или нет. Это связано с тем, что, хотя транснациональная доктрина ICA существует на уровне научных исследований и судебной практики, она, тем не менее, не перенесена ни в один законодательный акт, и, следовательно, страны могут решать, приводить в исполнение арбитражные решения или нет, основываясь на своей национальной судебной практике.

С другой стороны, Бачанд утверждает, что в настоящее время суды применяют международные стандарты при решении вопросов, связанных с ICA. Однако Баханд придерживается подхода, который находится где-то между подходом Райсмана и подходом Гайяра, подчеркивая, что международные стандарты должны применяться национальными судами при рассмотрении вопросов, связанных с ICA, только тогда, когда национальные нормы умалчивают о конкретном рассматриваемом вопросе, связанном с ICA [11].

В целом, несмотря на различные взгляды на сосуществование разбирательств ICA, судов по месту арбитража, и судов исполнительной юрисдикции, представляется, что должен быть достигнут надлежащий баланс для эффективного использования положений Нью-Йоркской конвенции.

В этой связи национальные суды в месте арбитражного разбирательства и исполнительные юрисдикции должны сосуществовать таким образом, чтобы исполняющий суд должным образом рассматривал решение суда об отмене разбирательства в месте арбитражного разбирательства. Это делается для того, чтобы обеспечить соблюдение структуры арбитражного разбирательства в том виде, в каком оно было задумано изначально. На данный момент разные национальные суды при приведении решения в исполнение придерживаются разных подходов относительно того, насколько уважительно относиться к решению национального суда по месту проведения арбитража. Такое отсутствие единообразия является сдерживающим фактором для сторон при выборе ICA, и, следовательно, его следует избегать.

Список литературы:

- [1] Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 год) (Нью-Йоркская конвенция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uncitral.org/uncitral/ru/uncitral_texts/arbitration/NYConvention.html
- [2] Gaillard, E. *Legal theory of international arbitration*. Brill, 2010
- [3] Gaillard, E. *International Arbitration System as a Transnational System of Justice in Arbitration - The Next Fifty Years*. ICCA Congress Series, 16, 2012
- [4] Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.)
- [5] Reisman, M. (2012). *Present – commercial arbitration as a transnational system of justice: Tribunals and courts: An interpretation of the architecture of international commercial arbitration*. ICCA Congress Series, 16
- [6] Pabalk Ticaret Limited Sirketi против Norsolor, дело ICC № 3131 от 1977 г.
- [7] Дело ICC № 5622 от 1975 г. Компания Hilmarton Ltd. против компании Omnium de Traitement et de Valorisation S.A.
- [8] Gaillard, E. *The enforcement of awards set aside in the country of origin*. ICSID Review - Foreign Investment Law Journal, 14(1), 16-45, 1999
- [9] Paulsson, J. *Arbitration in three dimensions*. LSE Legal Studies Working Paper, 60(2), 291-323, 2010

[10] Mance, J. Arbitration: A law unto itself? *Arbitration International*, 32(2). 223-241, 2016

[11] Bachand, F. Court intervention in international arbitration: The case for compulsory judicial internationalism symposium. *Journal of Dispute Resolution*, 2012(1), Article 6

Spisok literatury:

[1] Konvenciya o priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannykh arbitrazhnykh reshenij (N'yu-Jork, 1958 god) (N'yu-Jorkskaya konvenciya). – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.uncitral.org/uncitral/ru/uncitral_texts/arbitration/NYConvention.html

[2] Gaillard, E. *Legal theory of international arbitration*. Brill, 2010

[3] Gaillard, E. *International Arbitration System as a Transnational System of Justice in Arbitration - The Next Fifty Years*. ICCA Congress Series, 16, 2012

[4] Konvenciya OON o priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannykh arbitrazhnykh reshenij (N'yu-Jork, 10 iyunya 1958 g.)

[5] Reismann, M. (2012). Present – commercial arbitration as a transnational system of justice: Tribunals and courts: An interpretation of the architecture of international commercial arbitration. *ICCA Congress Series*, 16

[6] Pabalk Ticaret Limited Sirketi protiv Norsolor, delo ICC № 3131 ot 1977 g.

[7] Delo ICC № 5622 ot 1975 g. Kompaniya Hilmarion Ltd. protiv kompanii Omnium de Traitement et de Valorisation S.A.

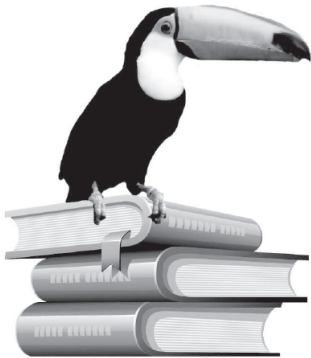
[8] Gaillard, E. The enforcement of awards set aside in the country of origin. *ICSID Review - Foreign Investment Law Journal*, 14(1), 16-45, 1999

[9] Paulsson, J. Arbitration in three dimensions. *LSE Legal Studies Working Paper*, 60(2), 291-323, 2010

[10] Mance, J. Arbitration: A law unto itself? *Arbitration International*, 32(2). 223-241, 2016

[11] Bachand, F. Court intervention in international arbitration: The case for compulsory judicial internationalism symposium. *Journal of Dispute Resolution*, 2012(1), Article 6

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-451-455

СЕМЕНОВ Даниил Михайлович,
Старший юрисконсульт ООО «Кронверк Сити»,
ООО «Кронверк Ризлт», ООО «Кронверк Шурова Гора»,
аспирант Российского университета кооперации,
e-mail: dans-911@mail.ru

КИРИЛЛОВА Анастасия Петровна,
Юрисконсульт ООО «ПоволжьеСтройИнвест»,
e-mail: kirillovaa2002@mail.ru

Научный руководитель:
ЕФИМОВА Ольга Владимировна,
Доцент, Кандидат юридических наук,
телефон кафедры юриспруденции Российского
университета кооперации,
e-mail: mail@law-books.ru

РЕТРОАКТИВНАЯ ОГОВОРКА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СДЕЛКАХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена ретроактивной оговорки, широко примененного в различных сферах предпринимательства. Этот институт представляет собой специфический юридический механизм, позволяющий распространять условия заключённого договора на предшествующие сделке факты и обстоятельства. Таким образом, стороны получают возможность наделить свою договорённость юридической силой с обратным действием во времени, обеспечивая применение положений договора к действиям и обстоятельствам, произошедшим ранее даты его подписания. Целью исследования является всесторонний анализ проблемы ретроактивности договорных отношений. Работа последовательно рассматривает теоретические аспекты природы данного института, устанавливает роль ретроактивных оговорок в регулировании договорных обязательств субъектов предпринимательской деятельности. Особое внимание уделено вопросам практической реализации ретроактивной оговорки в различных сегментах экономики, поскольку именно здесь этот механизм применяется наиболее активно. Автор подробно останавливается на особенностях российского законодательства, действующего в данной области, акцентируя внимание на сложившихся подходах судебной системы страны к интерпретации и применению норм права, касающихся ретроактивных условий договоров. Рассматриваются характерные случаи судебных споров, связанных с данным вопросом, а также систематизируются основные трудности и коллизии, возникающие в процессе урегулирования конфликтов вокруг ретроактивных соглашений. Результаты проведённого анализа свидетельствуют о значимости института ретроактивности для стабильности гражданского оборота, особенно в контексте предпринимательской деятельности. Делается вывод о высокой ценности данного инструмента для поддержания баланса интересов сторон договора и увеличения степени определённости деловых взаимоотношений. Итоговый раздел статьи включает предложения автора по совершенствованию законодательных актов, обеспечивающих регулирование вопросов ретроактивности в предпринимательстве, направленные на устранение существующих пробелов и повышение эффективности указанного правового института.

Ключевые слова: ретроактивность, юриспруденция, договор, рынок, предпринимательство, экономика, соглашение, работы, услуги.

SEMENOV Daniil Mikhailovich,
Senior Legal Adviser, Kronverk City LLC,
Kronverk Realty LLC, Kronverk Shurova Gora LLC,

KIRILLOVA Anastasia Petrovna,
Legal adviser, LLC "Volga Regioninvest"

Scientific supervisor:
EFIMOVA Olga Vladimirovna,
Associate Professor, Candidate of Law,
Telephone number of the Department
of Jurisprudence of the Russian
University of Cooperation

RETROACTIVE CLAUSE IN BUSINESS TRANSACTIONS

Annotation. *The article is devoted to the study of the phenomenon of retroactive reservation, which is widely used in various fields of entrepreneurship. This institution is a specific legal mechanism that allows you to extend the terms of the concluded contract to the facts and circumstances preceding the transaction. Thus, the parties have the opportunity to give their agreement legal force with retroactive effect in time, ensuring the application of the provisions of the agreement to actions and circumstances that occurred earlier than the date of its signing. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the problem of retroactivity of contractual relations. The work consistently examines the theoretical aspects of the nature of this institution, establishes the role of retroactive clauses in regulating contractual obligations of business entities. Special attention is paid to the practical implementation of the retroactive clause in various segments of the economy, since this is where this mechanism is most actively used. The author dwells in detail on the specifics of Russian legislation in force in this area, focusing on the established approaches of the country's judicial system to the interpretation and application of legal norms relating to retroactive terms of contracts. Typical cases of litigation related to this issue are considered, and the main difficulties and conflicts that arise in the process of conflict resolution around retroactive agreements are systematized. The results of the analysis indicate the importance of the institution of retroactivity for the stability of civil turnover, especially in the context of entrepreneurial activity. The conclusion is made about the high value of this tool for maintaining the balance of interests of the parties to the contract and increasing the degree of certainty of business relationships. The final section of the article includes the author's proposals for improving legislative acts that regulate retroactivity in entrepreneurship, aimed at eliminating existing gaps and increasing the effectiveness of this legal institution.*

Key words: *retroactivity, law, contract, market, entrepreneurship, economics, agreement, works, services.*

Определяя значение предпринимательских договоров в современных условиях, следует опираться на экономическую систему, сложившуюся в Российской Федерации на сегодняшний день. Рыночная экономика позволила выйти «из тени» коммерческому потенциалу современных предпринимателей, что отразилось на ряде спектров.

Конкретизировать в этой части стоит такие аспекты как уровень конкуренции и сфера ее влияния, как негативные, так и позитивные стороны данного межотраслевого явления; уровень дефицита и профицита некоторых видов товаров; уровень и формы государственного вмешательства в экономику, а также, самое нас интересующее - формы коммерческого взаимодействия между субъектами, обладающими определенными

ресурсами для повышения, например, уровня рентабельности собственного производства, извлечения прибыли и т.д.

Современные предпринимательские договоры являются ничем иначе как внутренним инструментом регулирования отношений между хозяйствующими субъектами. Источником их развития мы видим внутреннюю потребность коммерческих субъектов, в полной мере используя диспозитивность гражданских правоотношений, вступать в гражданские правоотношения и регулировать их.

Цель данной статьи — проанализировать правовую природу и практическое значение ретроактивной оговорки в предпринимательских сделках, выявить её влияние на стабильность договорных отношений и определить оптимальные

способы защиты сторон от негативных последствий использования такой оговорки. Авторы выделяют следующие задачи исследования: Определение понятия ретроактивной оговорки, рассмотрение теоретических подходов к пониманию ретроактивной оговорки, выявление признаков, отличающих её от иных условий договора, анализ судебных решений судов высших инстанций относительно споров, связанных с применением ретроактивных оговорок, выявление тенденций толкования закона судами.

Методологической основой исследования являются общенаучные методы познания: исторический метод: изучение развития института ретроактивных оговорок в российском праве и практиках зарубежных стран, логико-юридический метод: систематизация понятийного аппарата, выявление признаков, характеризующих ретроактивную оговорку, компаративный метод: сравнение подходов различных юрисдикций к применению ретроактивных оговорок, статистический метод: сбор и обработка данных судебной статистики по делам, связанным с использованием ретроактивных оговорок, документально-правовой метод: исследование нормативно-правовых документов, судебных решений и материалов делопроизводства.

Одним из довольно интересных и противоречивых с точки зрения функциональной направленности явлений авторы считают «ретроактивную оговорку» в сделках, иногда можно встретить иное название – «ретроспективная».

Косвенно ее нормативное закрепление прослеживается в единственной норме Гражданского кодекса РФ. Положения статьи 425 ГК РФ регламентируют, что «стороны вправе установить, что условия заключенного ими договора применяются к их отношениям, возникшим до заключения договора, если иное не установлено законом или не вытекает из существа соответствующих отношений».¹

Анализируя текст изложенной нормы, авторы отмечают, что стороны свободны в реализации своего коммерческого потенциала до фактического заключения договора: имеет место быть оказание услуг, осуществление поставки и т.д. Однако, авторы обращают внимание на то, что не стоит путать данный аспект с пресловутым подписанием договора «задним числом». Речь идет не о времени заключения договора, а о том, каким образом его условия действуют на ранее сложившиеся отношения, а именно: отвечают ли положения заключенного договора возможности урегулировать ранее совершенные юридически значимые контрагентами действия?

Авторы отмечают важным с точки зрения защиты права и структуризации отношений отказаться от идеи заключать договор более ранним числом, отдав предпочтение включению ретроактивной оговорки. Это позволит избежать рисков, например, таких как взыскание неустоек за просрочку исполнения обязательств, такой договор в принципе могут признать недействительным, а сопроводительные документы (счета-фактуры, универсальные передаточные акты и прочее) могут быть выставлены текущей датой, что будет являться «ошибкой» при осуществлении налогового учета.

Статья 425 ГК РФ прямо констатирует о «применимости» условий к возникшим ранее отношениям. Довольно размытое положение закона, вследствие чего встает масса вопросов относительно того, как «правомерно» было бы использовать эту диспозитивную оговорку. Например, каким образом прописываются сроки выполнения работ или оказания услуг, этапы поставки, или каким образом предметом договора может быть уже исполненное обязательство?

Однако, несмотря на эти противоречия, ретроактивная оговорка является сильным инструментом защиты слабой стороны, введения структурной последовательности в разрешении коллизий в отношениях между сторонами. Предоставляя во временное владение и пользование земельный участок собственник будет иметь право на арендную плату пользования участком за период до непосредственного заключения договора аренды. Или взыскивая штрафные санкции за просрочку оплаты поставленного до заключения договора товара, Поставщик будет опираться на конкретные положения об ответственности сторон.

Если снова вернуться к тексту статьи 425 ГК РФ, можно проследить, что законодатель довольно узко определяет пределы использования ретроактивной оговорки, то есть только в конструкции «договора». При этом, как показывает договорная практика, контрагенты не лишены права и возможности применять механизм ретроактивности в дополнительных соглашениях к имеющимся договорам. Пример такого применения можно привести на базе договоров строительного подряда. Контрагенты определили в договоре строительного подряда, в частности в сметном расчёте, объемы и виды работ, которые предстояло выполнить для получения готового объекта строительства. Однако, объект не был построен в срок в связи с тем, что установленный проектной документацией перечень объёмов и видов работ был «несовершенен» в части отсутствия определённых работ, необходимых для получения готового к эксплуатации объекта. Так как срок исполнения

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации// СПС КонсультантПлюс

обязательств по строительству уже истек, стороны приходят к необходимости заключения дополнительного соглашения с указанием в нем новых (скрытых) работ, делая при этом ретроактивную оговорку о том, что условия дополнительного соглашения о включении дополнительных работ распространяют своё действие на прекративший своё действие договор.

Между тем, в этой части стоит учитывать тот факт, что несмотря на преобладание договоров строительного подряда в сфере государственных и муниципальных контрактов, ретроактивная оговорка в них является недопустимой. Верховный суд указывал с одним из своих определений, что использование оговорки противоречит нормам 44 Федерального закона.¹

При этом в актах судов встречается противоположная позиция, что ретроактивную оговорку в договор по Ф3-44 включать можно. По их мнению, распространение действия контракта на предыдущие периоды не противоречит ч. 2 ст. 425 ГК РФ².

Авторы отмечают необходимым проанализировать то, какие риски преследуют деловые партнёры при применении оговорки, или, по-иному выражаясь, «обратной силы договора».

Основополагающим фактором риска является неосведомлённость сторон о том, что вместе с применением оговорки должен решаться вопрос об ответственности.

Авторы ознакомились со следующей судебной практикой, отражающей суть вышеизложенного тезиса: Стороны заключили дополнительное соглашение к договору поставки и изменили срок оплаты товара в порядке уменьшения со 120 до 30 дней. Соответствующее дополнительное соглашение имеет обратную силу - оно применимо к отношениям сторон с даты заключения договора.

Вследствие введения в договор новых сроков оплаты продавец потребовал более 500 тыс. руб. штрафных санкций.

Суды первых двух инстанций удовлетворили требования продавца.

Судебная коллегия кассационного суда не поддержала коллег, указав с своим определении, что недопустимо требовать неустойку по обязательствам, срок исполнения которых наступил до заключения дополнительного соглашения.

При новом рассмотрении дела суды пришли к иному выводу: вопрос об обратной силе необходимо было решать одновременно с вопросом об ответственности. Следовало зафиксировать в дополнительном соглашении, что сторонам

понятны негативные последствия для покупателя. Последний в свою очередь должен выразить согласие на то, что соглашение увеличивает период просроченного обязательства и сумму неустойки соответственно.

Поскольку такого волеизъявления не было, суды признали условие об обратной силе недействительным.

Авторы усматривают в вышеизложенном случае, помимо вопросов применения ретроактивной оговорки вкупе с иными положениями договора, также доктринальную проблему определения добросовестного поведения стороны и злоупотребления правом. Действительно, стороны свободны в проявлении своей воли, зафиксированной в положениях договоров и соглашений, как в случае с изменением срока оплаты товара. Однако, не является ли заведомое намерение продавца на взыскание неустойки при заключении дополнительного соглашения прямым нарушением принципа добросовестности? В соответствии с текстом статьи 10 ГК РФ «не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)»³.

Что характерно, согласно доктрине, добросовестности подразумевается, как, по всей видимости, и в отношениях сторон в рассмотренном случае.

Рассуждая об иных последствиях применения ретроактивной оговорки, стоит упомянуть институт исковой давности в гражданском праве.

Как известно из норм ГК РФ, исковая давность продолжается три года и представляет собой период, в течение которого возможна защита нарушенного права. Течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. По обязательствам с определенным сроком исполнения течение срока исковой давности начинается по окончании срока исполнения.

Проблематика определения начала срока течения исковой давности и его окончания осложняется применением ретроактивной оговорки. Её влияние суды в своей правоприменительной практике трактуют не однобоко. Особое внимание в данном вопросе стоит уделить разъяснениям Верховного суда РФ.

Обратимся к судебной практике.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации// СПС Консультант Плюс

² Решение АС Рязанской области от 29.01.2018 № А54-6838/2017//СПС КонсультантПлюс

³ Гражданский кодекс Российской Федерации// СПС КонсультантПлюс

В 2021 году Департамент заключил с Обществом договор, согласно пункту 3.2 которого арендная плата подлежала начислению начиная с 22 июня 2012 года ежеквартально равными долями. Пункт 3.3 договора предусматривал, что конкретный размер платежей определен в приложении.

Поскольку арендатор не исполнял обязанность по уплате арендной платы с 2012 по 2021 год включительно, арендодатель обратился в суд.

Суды первых двух инстанций удовлетворили исковые требования частично, обязав ответчика выплатить задолженность только за период с 2019 по 2021 год. Основанием послужило истечение срока исковой давности за предыдущие годы. По мнению судей, подписанный в 2021 году договор аренды и распространение его условий на предшествующие правоотношения не приводят к приостановке течения срока исковой давности и не свидетельствуют о начале его нового отсчета.¹

Верховный Суд рассмотрел данное дело и отметил, что нижестоящие суды неверно применяли положения гражданского законодательства, не приняв во внимание тот факт, что течение срока исковой давности прекращается действиями должника, подтверждающими признание долга, после чего срок снова начинает исчисляться сначала.

Основываясь на разъяснениях пункта 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 года № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», Верховный Суд уточнил, что среди таких подтверждающих действий можно считать признание претензий, внесение изменений в договор, указывающих на признание наличия задолженности, обращение с просьбой изменить договор, а также составление актов сверки взаиморасчетов.

Что касается конкретного спора, Верховный Суд подчеркнул, что пункты 3.2 и 3.3 заключенного договора указывают на то, что арендная плата подлежит начислению с 2012 года, что фактически подтверждает признание Обществом задолженности по аренде. Соответственно, срок исковой давности следовало начинать исчислять заново с момента возникновения нового установленного договором срока исполнения обязательства.

¹ Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2024 г. № 305-ЭС24-17284 по делу № А40-65308/2022// СПС КонсультантПлюс

Итогом рассмотрения стало решение отменить решения нижестоящих судов и направить дело на повторное рассмотрение.

Отсюда, основываясь на разъяснения ВС РФ, авторы отмечают, что ретроактивная оговорка прерывает течение срока исковой давности при условии, что в договор включены положения, свидетельствующие о признании одной из сторон задолженности по обязательствам, возникшим до заключения такого договора.

Ретроактивная оговорка представляет собой эффективный инструмент регулирования отношений сторон в предпринимательской деятельности, позволяющий распространять условия вновь заключаемого договора на предыдущие взаимоотношения сторон. Однако использование такой конструкции требует соблюдения ряда важных правовых аспектов, несоблюдение которых способно привести к негативным последствиям, таким как нарушение прав контрагентов или неопределенность в применении условий сделки.

Рассмотрев теоретические основы и судебную практику применения ретроактивных соглашений, можно сделать следующие ключевые выводы:

- Ретроактивные оговорки допустимы в российском праве, но требуют четкого юридического оформления и учета особенностей конкретных сделок.

- Стороны обязаны учитывать принцип добросовестности и разумности при заключении договоров с условием обратной силы, особенно при установлении новых обязанностей и ответственности сторон.

- Применение ретроактивных положений ограничено временными рамками, установленными гражданским законодательством, и требованиями о защите публичных интересов и стабильности гражданского оборота.

Для минимизации рисков рекомендуется заранее предусматривать такие условия в договоре либо дополнительно согласовывать изменения, касающиеся периода до заключения основного договора. Правильное оформление ретроактивных оговорок способствует повышению правовой определенности и снижению числа споров, возникающих вследствие неясности в толковании условий сделки.

Таким образом, грамотное использование ретроактивных оговорок позволяет сторонам достигать целей договора наиболее эффективным способом, сохраняя баланс интересов всех участников хозяйственного оборота.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-456-459

НОГТИКОВ Дмитрий Валериевич,
аспирант НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»,
e-mail: novirusov@yandex.ru

Научный руководитель:
РЯЗАНЦЕВА Екатерина Анатольевна,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты гражданско-правового регулирования деятельности индивидуальных предпринимателей в современной России, а также аспекты судебной практики, связанные с правовым положением индивидуального предпринимателя в Российской Федерации. Анализируются спорные вопросы гражданско-правовой ответственности, налоговых обязательств, банкротства и защиты прав индивидуального предпринимателя. Особое внимание уделяется противоречиям в судебных решениях и тенденциям правоприменения.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, судебная практика, гражданско-правовой статус, налогообложение, банкротство ИП.

NOGTIKOV Dmitry Valerievich,
post-graduate student of the NOCHU HE
“Moscow Financial and Industrial University” Synergy

Scientific supervisor:
RYAZANTSEVA Ekaterina Anatolyevna

LEGAL BASIS OF CIVIL STATUS OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article discusses key aspects of civil regulation of the activities of individual entrepreneurs in modern Russia, as well as aspects of judicial practice related to the legal status of an individual entrepreneur in the Russian Federation. The controversial issues of civil liability, tax obligations, bankruptcy and protection of the rights of an individual entrepreneur are analyzed. Particular attention is paid to contradictions in court decisions and enforcement trends.

Key words: individual entrepreneur, judicial practice, civil status, taxation, bankruptcy of individual entrepreneurs.

Индивидуальное предпринимательство является одной из наиболее распространенных форм ведения бизнеса в России. Индивидуальный предприниматель в Российской Федерации занимает особое положение, сочетая черты физического лица и субъекта предпринимательской деятельности. Несмотря на детальную законодательную регламентацию, правоприменительная практика сталкивается с множеством спорных ситуаций, связанных с ответственностью ИП, их налоговыми обязательствами,

признанием банкротами и защитой прав. В данной статье исследуются основные тенденции судебной практики по указанным вопросам. Однако правовой статус ИП порождает множество спорных вопросов, связанных с их гражданско-правовой ответственностью, налоговыми обязательствами, процедурой банкротства и защитой прав. Двойственная природа ИП (как физического лица и субъекта предпринимательской деятельности) создает правовые коллизии, требующие детального анализа [9].

Статья 34 Конституции Российской Федерации гарантирует право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности. В соответствии со ст. 23 Гражданского кодекса РФ гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица (далее - ИП) с момента государственной регистрации [10]. К предпринимательской деятельности граждан применяются правила ГК РФ, регулирующие деятельность юридических лиц (если иное не вытекает из закона). ИП отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом (кроме имущества, на которое нельзя обратить взыскание). Налоговый кодекс РФ определяет налоговые обязательства ИП: возможность применения специальных режимов (УСН, АУСН, ПСН, ЕСХН, НПД); обязанность платить НДФЛ (13% или 15%) вместо налога на прибыль; обязанность регистрации в налоговых органах [7].

Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» устанавливает порядок регистрации и прекращения деятельности ИП [8]. Согласно Трудовому кодексу РФ если ИП нанимает работников, он обязан соблюдать трудовое законодательство: оформлять трудовые договоры, платить страховые взносы за работников, соблюдать права работников [6]. Кодекс РФ об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РФ предусматривают ответственность за нарушения в предпринимательской деятельности (неуплата налогов, незаконная торговля и др.). Закон РФ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора)» регулирует проверки ИП со стороны государственных органов [5]. Особенности статуса ИП состоят в том, что ИП:

- не является юридическим лицом, но имеет схожие права и обязанности,
- может нанимать работников,
- отвечает по долгам всем личным имуществом,
- может быть признан банкротом (Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»).

Таким образом, правовое положение ИП в Российской Федерации сочетает элементы статуса физического лица и субъекта предпринимательской деятельности. В судебной практике часто возникает вопрос о разграничении личных и коммерческих долгов ИП. Например:

Постановление Пленума ВС РФ № 54 от 13.10.2015 г. разъясняет, что если сделка была заключена в рамках предпринимательской деятельности, кредитор вправе обратиться с иском на любое имущество ИП, даже если оно формально не использовалось в бизнесе.

Определение ВС РФ № 305-ЭС21-18336 от 15.11.2021 г.: Суд отказал в исключении квартиры ИП из конкурсной массы, поскольку она была приобретена за счет доходов от предпринимательской деятельности.

Споры возникают также при определении, действовал ли гражданин как ИП или как физическое лицо [4]. Приведем несколько примеров из судебной практики. *Решение АС Московского округа по делу № А40-123456/2022*: Если договор подписан без указания статуса ИП, суд может признать его гражданско-правовым, а не предпринимательским, что влияет на порядок взыскания. *Постановление АС Уральского округа по делу № А60-12345/2021*: Отказ в применении УСН из-за превышения лимита доходов признан правомерным, даже если ИП не успел подать уведомление о переходе на общий режим. *Определение КС РФ № 1234-О от 2020 г.*: Налоговая вправе взыскивать долги ИП за счет личного имущества (например, дело № А40-98765/2021 (Московский АС), дело № А56-54321/2022 (Санкт-Петербургский АС)): В банкротстве отказано из-за сокрытия имущества: Суд списал долги ИП, поскольку он доказал отсутствие злоупотреблений, включая единственное жилье, если оно приобретено на предпринимательские доходы. С 2015 г. ИП могут быть признаны банкротами в упрощенном порядке (Федеральный закон № 476-ФЗ).

Судебная практика демонстрирует как либеральный подход (например, при банкротстве), так и жесткую позицию по налоговым и имущественным спорам. Основные проблемы связаны с: нечетким разграничением личной и предпринимательской деятельности; противоречиями в применении налоговых режимов; рисками при банкротстве. Требуется дальнейшее совершенствование законодательства и унификация судебной практики для снижения правовой неопределенности [11].

Одним из наиболее дискуссионных аспектов в российском праве и законодательстве является вопрос об объеме ответственности ИП по обязательствам [3]. Согласно ст. 24 ГК РФ, предприниматель отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание (ст. 446 ГПК РФ). Однако на практике возникают сложности при разграничении личного и предпринимательского имущества, особенно если ИП использует одно и то же имущество в личных и коммерческих целях.

Спорным остается вопрос о применении норм о предпринимательском риске (ст. 401 ГК РФ) к обязательствам, не связанным напрямую с предпринимательской деятельностью. Судебная практика не всегда последовательна: в одних случаях суды освобождают ИП от ответственности за

невозможность исполнения обязательств при отсутствии вины, в других — применяют повышенные стандарты доказывания [2].

ИП облагаются налогами как физические лица, но при этом применяются специальные режимы налогообложения (УСН, ПСН, НПД). Возникают споры: о квалификации доходов (личные или предпринимательские); о правомерности применения налоговых вычетов; о последствиях неуплаты налогов при прекращении деятельности [1]. Сложности вызывает привлечение ИП к ответственности по ст. 122 НК РФ за неуплату налогов. В ряде случаев суды признают отсутствие вины ИП при технических ошибках, в других — применяют строгую ответственность. С 2015 года в России введена упрощенная процедура банкротства ИП (Закон № 476-ФЗ). Однако остаются спорные моменты, в их числе, на наш взгляд, следует выделить:

- возможность списания долгов, возникших до регистрации ИП;
- разграничение долгов предпринимателя и физического лица;
- сохранение статуса ИП после завершения процедуры.

Важно отметить, что на практике распространены случаи фиктивного банкротства с целью уклонения от обязательств. Суды не всегда эффективно выявляют такие схемы, что требует совершенствования механизмов контроля. Кроме того, ИП сталкиваются с проблемами при обжаловании действий налоговых органов, отказов в госрегистрации, незаконных проверок. Необходимо расширение процессуальных гарантий, включая специализированные суды по предпринимательским спорам. Важную роль играют досудебные механизмы урегулирования споров, однако их эффективность ограничена из-за отсутствия обязательного медиативного порядка для ИП [12].

Правовое регулирование деятельности ИП требует совершенствования, особенно в части: четкого разграничения личного и предпринимательского имущества; унификации судебной практики по налоговым спорам; ужесточения контроля за злоупотреблениями при банкротстве; расширения механизмов защиты прав предпринимателей.

Список литературы:

[1] Андриевский К.В. Классификация налоговых режимов в зависимости от консолидации налоговой обязанности по платежам, которые составляют налоговую систему // *Право и управление*. 2021. № 3. С. 30.

[2] Байтрукевич Е. С., Глыбина А. С., Фёдоров А. Г. Особенности банкротства индивидуаль-

ного предпринимателя // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, vol. 1-1 (76), 2023. С. 68-69.

[3] Диваева И.Р., Шайхуллин М.С. О некоторых аспектах уголовного правоприменения по делам о незаконной банковской деятельности // *Право и государственность*. 2024. № 3 (4). С. 80–85.

[4] Дикажев М.М. Общая характеристика мониторинга российского законодательства как элемента правовой политики // *Право и управление*. 2024. № 1. С. 28-32.

[5] Дьяченко О.М. Отдельные вопросы правового статуса индивидуального предпринимателя // *Евразийская адвокатура*. 2023. № 2 (61). С. 126-127.

[6] Иванова С.А. Роль частного и публичного права в формировании институтов гражданского общества // *Право и управление*. 2021. № 1. С. 49.

[7] Клочкова А.Л., Яковлев А.В., Рябко Н.В. Трансформация национального правосознания в России под влиянием актуальных политико-правовых триггеров // *Право и управление*. 2024. № 1. С. 33-37.

[8] Маликов Б.З. Онтология социальной опасности: ее значение в оценке преступного поведения и в реализации цели исправления осужденного // *Право и государственность*. 2024. № 1 (2). С. 88–94.

[9] Мецгер А.А. Права граждан в механизме осуществления правоприменительной деятельности // *Право и управление*. 2021. № 2. С. 57.

[10] Стахеева Л.М., Кот Е.М., Иовлев Г.А., Голдина И.И. Фатеева Н.Б. Предпринимательство и виды организационно-правовых форм // *Право и управление*. 2024. № 2. С. 274.

[11] Стахеева Л.М., Фетисова А.В., Лопаева Н.Л., Ражина Е.В., Смирнова Е.С. Перспективы развития малого и среднего предпринимательства в России // *Право и управление*. 2024. № 2. С. 291.

[12] Янишевская Я.А. Исторический анализ полномочий органов местного самоуправления в сфере местных налогов и сборов в России // *Право и управление*. 2021. № 3. С. 36.

Spisok literatury:

[1] K.V. Andrievsky. Classification of tax regimes depending on the consolidation of tax liability for payments that make up the tax system//*Law and management*. 2021. № 3. S. 30.

[2] Baitrukevich E. S., Glybina A. S., Fedorov A. G. Features of bankruptcy of an individual entrepreneur//*International Journal of Humanities and Natural Sciences*, vol. 1-1 (76), 2023. S. 68-69.

[3] Divaeva I.R., Shaikhullin M.S. On some aspects of criminal law enforcement in cases of illegal banking activities//Law and statehood. 2024. № 3 (4). S. 80-85.

[4] M.M. Dikazhev. General characteristics of monitoring of Russian legislation as an element of legal policy//Law and management. 2024. № 1. S. 28-32.

[5] O.M. Dyachenko. Separate issues of the legal status of an individual entrepreneur//Eurasian Bar. 2023. № 2 (61). S. 126-127.

[6] Ivanova S.A. The role of private and public law in the formation of civil society institutions//Law and governance. 2021. № 1. S. 49.

[7] Klochkova A.L., Yakovlev A.V., Ryabko N.V. Transformation of the national legal consciousness in Russia under the influence of current political and legal triggers//Law and government. 2024. № 1. S. 33-37.

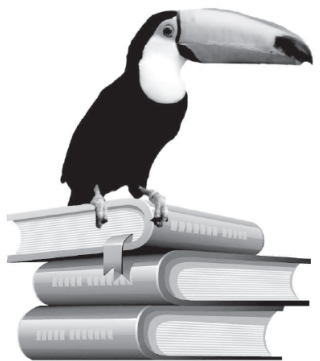
[8] Malikov B.Z. Ontology of social danger: its importance in assessing criminal behavior and in realizing the goal of correcting the convict//Law and statehood. 2024. № 1 (2). S. 88-94.

[9] Metzger A.A. Rights of Citizens in the Enforcement Mechanism//Law and Governance. 2021. № 2. S. 57.

[10] Stakheeva L.M., Kot E.M., Iovlev G.A., Goldina I.I. Fateeva N.B. Entrepreneurship and types of organizational and legal forms//Law and management. 2024. № 2. S. 274.

[11] Stakheeva L.M., Fetisova A.V., Lopaeva N.L., Razhina E.V., Smirnova E.S. Prospects for the development of small and medium-sized businesses in Russia//Law and management. 2024. № 2. S. 291.

[12] Yanishevskaya Ya.A. Historical analysis of the powers of local governments in the field of local taxes and fees in Russia//Law and management. 2021. № 3. S. 36.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-460-462

РАДИОНОВ Никита Сергеевич,
аспирант Юридического факультета
Финансового университета
при Правительстве РФ,
e-mail: nikradio@bk.ru

УЧАСТИЕ СУПРУГА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА, СОСТОЯЩЕГО В БРАКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты участия супруга должника-банкрота при заключении мирового соглашения в делах о банкротстве физических лиц. Анализируются проблемы правового регулирования, связанные с защитой имущественных прав супруга при распоряжении совместно нажитым имуществом. Обосновывается необходимость закрепления обязательного согласования мирового соглашения с супругом должника в случаях, затрагивающих общее имущество и обязательства супругов.

Ключевые слова: Банкротство физических лиц, мировое соглашение, супруг должника, совместное имущество супругов, защита имущественных прав, реабилитационные процедуры, конкурсная масса, правовое регулирование банкротства.

RADIONOV Nikita Sergeevich,
postgraduate student of the Faculty of Law
Financial University
under the Government of the Russian Federation

PARTICIPATION OF THE SPOUSE IN THE CONCLUSION OF A SETTLEMENT AGREEMENT IN THE FRAMEWORK OF THE BANKRUPTCY CASE OF AN INDIVIDUAL MARRIED

Annotation. The article considers the legal aspects of the participation of the spouse of the bankrupt debtor in concluding an amicable agreement in bankruptcy cases of individuals. The problems of legal regulation related to the protection of the property rights of the spouse when disposing of jointly acquired property are analyzed. The need to consolidate the mandatory approval of the settlement agreement with the spouse of the debtor in cases affecting the common property and obligations of the spouses is justified.

Key words: Bankruptcy of individuals, settlement agreement, spouse of the debtor, joint property of spouses, protection of property rights, rehabilitation procedures, bankruptcy estate, legal regulation of bankruptcy.

Банкротство физических лиц неизбежно затрагивает интересы членов семьи должника, и в первую очередь его супруга, поскольку особая правовая природа супружеских отношений характеризуется наличием общего имущества, совместных обязательств и тесной экономической взаимосвязью. Законодатель, признавая уникальную ситуацию, при которой супруг должника-банкрота фактически становится невольным участником процедуры банкротства, внес изменения в правовое регулирование: согласно Федеральному закону от

29.05.2024 № 107-ФЗ супруг (бывший супруг) гражданина, в отношении которого возбуждено дело о банкротстве, приобрел статус лица, участвующего в деле о банкротстве.

Негативные последствия банкротства одного из супругов проявляются в различных аспектах: от имущественных ограничений, связанных с реализацией общего имущества супругов, до психологического давления. При этом супруг должника часто оказывается в двойственном положении: с одной стороны, являясь самым близким человеком должника, он заинтересован в скорейшем

разрешении финансовых проблем, с другой - может сам пострадать от последствий банкротства, особенно в случаях, когда имущество или обязательства являются общими. Особую актуальность приобретает вопрос о балансе интересов супруга должника и кредиторов, поскольку близость отношений между супругами может создавать риски злоупотреблений при банкротстве, например, путем сокрытия имущества или совершения сделок в ущерб кредиторам. Одновременно с этим, супруг должника часто является важным источником информации о финансовом состоянии должника и может способствовать более эффективному проведению процедуры банкротства. Таким образом, правовое положение супруга должника-банкрота представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных прав и обязанностей, и признание за супругом статуса лица, участвующего в деле о банкротстве, стало важным шагом в развитии института несостоятельности физических лиц, способствующим более справедливому и эффективному проведению процедуры банкротства.

Вместе с тем, вопрос участия супруга должника-банкрота в мировом соглашении остается дискуссионным и недостаточно урегулированным, поскольку по действующему Федеральному закону от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) супруг должника формально не считается стороной такого соглашения, что представляется пробелом правового регулирования. Актуальность данной проблематики обусловлена тем, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества. Например, супруг-должник заключает мировое соглашение с кредиторами, предусматривающее рассрочку выплаты долга за счет реализации совместно нажитой недвижимости. При этом второй супруг, не участвующий в банкротстве, но имеющий право на 1/2 доли в данном имуществе, фактически лишается возможности влиять на условия его реализации. В другом случае мировое соглашение может предусматривать погашение задолженности за счет будущих доходов должника, например, за счет доходов от сдачи в аренду квартиры, находящейся в совместной собственности супругов, при этом без согласия супруга такое условие мирового соглашения может оказаться неисполнимым, поскольку он вправе претендовать на свою долю арендных платежей, а также предусматривая включение доходов от совместного семейного бизнеса, что напрямую затрагивает экономические интересы обоих супругов. Следовательно, включение такого имущества в конкурсную массу и последующие

договоренности о порядке погашения задолженности непосредственно затрагивают имущественные права супруга должника.

Отметим, что законодатель напрямую не называет мировое соглашение в качестве реабилитационной процедуры. На несправедливость такого подхода обращают внимание многие исследователи темы, поскольку при заключении мирового соглашения между должником и кредитором по сути происходит реабилитация имущественного положения должника-гражданина [1]. Также представляется интересным и мнение, согласно которому мировое соглашение в подобных ситуациях следует рассматривать не просто как одну из форм реабилитации гражданина при наступлении несостоятельности последнего, но как «альтернативную процедуру банкротства» [3]. Авторы подчеркивают сравнительно большую гибкость такого инструмента, как мировое соглашение, по сравнению с реструктуризацией долга, поскольку оно позволяет достичь компромисса между должником и кредиторами на взаимовыгодных условиях, подразумевая гораздо большую свободу выбора этих условий [2]. Можно заключить, что современные доктринальные взгляды подчеркивают, что мировое соглашение обладает особым статусом, в связи с чем, полагаем, его утверждение должно учитывать интересы не только должника и кредиторов, но и членов его семьи, прежде всего – супруга. Даже в случаях, когда раздел супружеского имущества еще не проводился, согласие супруга на условия мирового соглашения становится крайне важным, ведь его содержание может прямо или косвенно затрагивать имущественные права супруга и несовершеннолетних детей или усложнять исполнение уже существующих обязательств должника. Будучи заинтересованным лицом с соответствующим объемом знаний о семейных и финансовых обстоятельствах, супруг вправе не только одобрять предлагаемые условия мирового соглашения, но и при необходимости ставить под сомнение их выполнимость, высказывать возражения или требовать пересмотра отдельных пунктов. Именно активное участие супруга в процессе согласования мирового соглашения позволяет минимизировать риск злоупотреблений, способствует более тщательной защите интересов всех сторон, включая кредиторов и несовершеннолетних членов семьи должника. Закрепление подобного механизма на законодательном уровне поможет не только защитить имущественные права супруга, но и повысит надежность и легитимность самого соглашения, снизив вероятность его оспаривания впоследствии, а значит — исключит опасность возобновления банкротного процесса по причине признания соглашения недействительным.

Исходя из принципов справедливости, равноправия и комплексной защиты интересов всех участников процедуры банкротства, представляется обоснованным установить обязательное согласие супруга должника при утверждении мирового соглашения, особенно если речь идет о совместной собственности супругов или прямых интересах членов семьи. Несмотря на то, что статья 157 Закона о банкротстве не запрещает участие третьих лиц, для эффективной реализации данного подхода возможно дополнить статью 150 Закона о банкротстве пунктом о обязательном согласовании проекта мирового соглашения с супругом должника в случаях, когда соглашение затрагивает совместно нажитое имущество или общие обязательства супругов. Полагаем, что данные изменения позволят создать правовой механизм, обеспечивающий баланс интересов всех заинтересованных лиц при заключении мирового соглашения в делах о банкротстве граждан, состоящих в браке.

Список литературы:

[1] Немова А.В. Мировое соглашение как реабилитационная процедура по делам о несо-

стоятельности (банкротстве) граждан // Российский судья. – 2023. – № 4. – С. 16.

[2] Османова Д.О. Целесообразность стадии реструктуризации долгов в процедуре банкротства гражданина // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 7. – С. 181.

[3] Попондопуло В.Ф. Процедуры банкротства и обеспечение интересов кредиторов // Предпринимательское право. – 2006. – № 2. – С. 14.

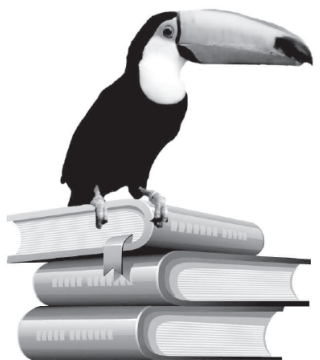
Spisok literatury:

[1] Nemova A.V. Mirovoe soglasenie kak rehabilitacionnaya procedura po delam o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) grazhdan // Rossijskij sud'ya. – 2023. – № 4. – S. 16.

[2] Osmanova D.O. Celesoobraznost' stadii restrukturalizacii dolgov v procedure bankrotstva grazhdanina // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. – 2024. – № 7. – S. 181.

[3] Popondopulo V.F. Procedury bankrotstva i obespechenie interesov kreditorov // Predprinimatel'skoe pravo. – 2006. – № 2. – S. 14.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-463-467

ФОМИНЫХ Александр Владимирович,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: Herogar13@yandex.ru

Научный руководитель:
КОСТЮК Николай Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: kostuk_nn@mail.ru

О ПРОБЛЕМЕ ОТКАЗА В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ И ЗАЙМОВ

Аннотация. Несмотря на непубличный характер договоров потребительского кредита и займа, право немотивированного отказа, предусмотренное Законом «О потребительском кредите (займе)», является фактором, который с правовой точки зрения ослабляет и без того экономически слабую сторону – потребителей финансовых услуг. Финансовые организациями зачастую пользуются данным правом для навязывания дополнительных услуг или невыгодных условий по договорам займа. В статье рассматривается вопрос об изменении подхода к регулированию порядка предоставления потребительских кредитов и займов, а именно введение для финансовых организаций обязанности мотивировать отказ в предоставлении услуги по итогам рассмотрения заявки. В статье также рассматривается практика защиты прав потребителей в условиях действия нормы о немотивированном отказе и ее влияние на потребителей.

Ключевые слова: потребительские кредиты, потребительские займы, заемщик, кредитор, отказ, некредитные финансовые организации, банки, права потребителей

FOMINYKH Alexander Vladimirovich,
Postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure
St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics, St. Petersburg.

Scientific supervisor:
KOSTYUK Nikolay Nikolaevich,
PhD in Law, Associate Professor

ABOUT THE PROBLEM OF REFUSAL TO PROVIDE CONSUMER LOANS AND LOANS

Annotation. Despite the non-public nature of consumer credit and loan agreements, the right of unmotivated refusal provided for by the Law "On Consumer Credit (Loan)" is a factor that, from a legal point of view, weakens the already economically weak side – consumers of financial services. Financial organizations often use this right to impose additional services or unfavorable conditions under loan agreements. The article discusses the issue of changing the approach to regulating the provision of consumer loans and loans, namely, the introduction of the obligation for financial institutions to motivate the refusal to provide services based on the results of consideration of the application. The article also examines the practice of consumer protection in the context of the rule on unmotivated refusal and its impact on consumers.

Key words: consumer loans, consumer loans, borrower, lender, refusal, non-credit financial organizations, banks, consumer rights

В сфере потребительского бизнеса распространены договоры продажи товаров, оказания услуг или выполнения работ, которые имеют публичный характер, что ученые связывают с необходимостью защиты интересов более слабой стороны [1, С.200]. Отказ от заключения публичных договоров является грубым нарушением требований Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – ЗоЗПП).

В связи с этим, публичный договор выступает в качестве одного из институтов, защищающих права потребителей [2]. Он ограничивает принцип свободы договора и является, в своем роде, гарантией прав потребителей на получение товаров, услуг и работ, которые им необходимы. Непубличный характер заключаемых договоров во многом повышает для потребителей риски получения отказов в предоставлении услуги со стороны организаций и предпринимателей.

Некоторые сферы потребительского бизнеса исключают публичный характер своих услуг. Такими являются услуги финансовых организаций. Например, непубличными признаются договоры потребительского займа или кредита [3].

В соответствии с ч.5 ст.7 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (далее – 353-ФЗ), по результатам рассмотрения заявления заемщика о предоставлении потребительского кредита (займа) кредитор может отказать заемщику в заключении договора потребительского кредита (займа) без объяснения причин, если федеральными законами не предусмотрена обязанность кредитора мотивировать отказ от заключения договора.

На первый взгляд, установленное законом право на немотивированный отказ идет в русле непубличного характера этого договора. Право отказа необходимо финансовым организациям в силу природы их деятельности – при выдаче займов кредиторам требуется осуществлять индивидуальный подход к каждому заемщику, учитывать их особенности, чтобы обеспечивать возможность выбора только тех, чья платежеспособность не будет вызывать рисков невозврата долга.

Однако на практике, право немотивированного отказа довольно часто используется кредиторами с недобросовестными целями. Например, для навязывания условий договора, не выгодных потребителю, в том числе, навязывания дополнительных платных услуг. Потенциальный отказ кредитора в предоставлении займа дисциплинирует поведение заемщика на этапе согласования условий договора, снижает желание защищать свои права и отказываться от тех условий, которые не соответствуют его ожиданиям. При этом, заем-

щики понимают, что такое право есть у каждого кредитора, в связи с чем давление на заемщика оказывается со стороны всего рынка.

Право на немотивированный отказ усиливает и без того сильную позицию финансовых организаций по отношению к потребителю. На уровне Генеральной ассамблеи ООН в рамках Резолюции №39/248 от 09.04.1985 «Руководящие принципы для защиты интересов потребителей» было признано наличие неравного положения потребителей в отношениях с лицами, участвующими в предоставлении товаров и услуг. Факторами, которые означают это, являются экономические условия, уровень образования и покупательная способность потребителей - в общем, все то, что касается экономических или культурных особенностей взаимоотношений потребителей и бизнеса. Однако, в отличие от большого количества иных факторов, свидетельствующих о таком положении финансовых организаций, право законного немотивированного отказа является правовым, а не экономическим.

Правовые средства должны уравнивать действие экономических и иных факторов, которые приводят к неравному положению потребителей. Однако, вышеуказанная норма 353-ФЗ, наоборот, работает в пользу более сильной стороны, защищая интересы финансовых организаций.

Следует понимать, что 353-ФЗ предоставляет излишние возможности для кредиторов, даже с учетом непубличного характера договоров потребительского кредита (займа). Публичность означает невозможность установления каких-либо условий для заключения договора со стороны предпринимателя, в том числе условий к самому потребителю для получения товара или услуги. А действие нормы 353-ФЗ позволяет отказывать заемщикам даже в тех случаях, когда они формально соответствуют требованиям кредитора, установленным внутренними документами.

Попробуем разобраться, каким образом кредиторы могут мотивировать свой отказ в выдаче потребительского кредита (займа), не используя свое право, предусмотренное 353-ФЗ.

Самый первый и логичный вариант - несоответствие заемщика требованиям, установленным внутренним нормативным документом, регулирующим предоставление займов. У каждого кредитора есть обязанность разрабатывать такой документ (например, у МФО это Правила предоставления займов, которые должны соответствовать ст.8 Федерального закона от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (далее – 151-ФЗ). При этом кредиторы вправе устанавливать абсолютно любые требования к заемщикам в данных доку-

ментах, даже дискриминационные. В связи с этим, никто не мешает кредиторам устанавливать даже специфические требования к потребителям, чтобы на моменте подачи заявки отсеивать тех, кто не является целевой аудиторией конкретной финансовой организации. И потребители в таком случае сразу понимают, могут ли они рассчитывать на получение услуги, или нет.

Второе - неудовлетворительные результаты скорринга. Каждый кредитор имеет свою систему скорринга, в которую включается оценка доходов, расходов и кредитной истории заемщика. Зачастую, кредиторы не раскрывают для заемщиков свои модели и методики скорринга. Связано это с тем, что такая информация может составлять коммерческую тайну, так как именно от качества скорринга зависит успешность кредитования.

Однако в последние годы Банк России идет по пути установления некоторых общих требований к моделям расчета долговой нагрузки, которая является составной частью скорринг-процедур. Речь идет о показателе долговой нагрузки, который банки и МФО обязаны рассчитывать по потребительским займам в соответствии с требованиями ст.5.1 353-ФЗ. Закон обязывает таких кредиторов принимать внутренний нормативный документ, который регулирует порядок расчета показателя долговой нагрузки и всех иных значений, которые используются при его расчете. Такой документ в настоящее время должен соответствовать требованиям Указания Банка России №6579-У. Если проанализировать его положения, то можно понять, что банкам и МФО ничто не мешает раскрывать для заемщиков свои Методики расчета ПДН, так как модели расчета доходов и платежей едины для всех этих кредиторов, и нормативное содержание Методик мало чем отличается в разных МФО и банках друг от друга.

Подобный подход к регулированию процедур скорринга играет на руку потребителям. В первую очередь, можно установить обязанность для кредиторов разработать локальный нормативный документ, который включал бы в себя не только процедуру расчета ПДН, но и осуществление всех иных действий по оценке платежеспособности заемщика. При этом, можно было бы предусмотреть различные способы раскрытия документа для заемщиков, чтобы были понятны критерии, которым платежеспособность заемщика должна соответствовать, для одобрения заявки на заем.

Третье основание для отказа в предоставлении займа - установленные законом ограничения для определенных категорий граждан. Например, это обязанность отказать лицам, уклоняющимся от прохождения воинской службы (353-ФЗ) или лицам, установившим самозапрет на получение

займа. В этих случаях отказ в предоставлении финансовой услуги не зависит от кредитора, определенные категории граждан поражаются в правах в связи с условиями, установленными законодателем.

Четвертое основание - отказ в случаях возникновения рисков мошеннических действий. Проблема мошенничества при получении займов стала актуальной в последние годы. В основном все случаи мошенничества можно разделить на 2 вида: попытка получения займа на третье лицо и телефонное мошенничество, когда злоумышленники убеждают жертву получить кредит или заем и передать деньги мошенникам. Возможность отказа в выдаче займа при наличии сомнений в чистоте сделки является основой для антифрод систем во многих финансовых организациях.

И пятое основание для отказа в выдаче займа - отказ по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – 115-ФЗ). Данное основание является самым спорным, так как в ст. 4 115-ФЗ устанавливается общий запрет на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Закон устанавливает ряд исключений из этого запрета: можно информировать клиента, в частности, о принятых мерах по замораживанию (блокированию) денежных средств или иного имущества, о приостановлении операции, об отказе в выполнении распоряжения клиента о совершении операций, о необходимости представления документов по основаниям, предусмотренным указанным Федеральным законом [4]. Банк России рекомендует при отказе ссылаться на сам 115-ФЗ, но при этом, не раскрывать подробности оснований для отказа, чтобы не нарушать требований этого закона.

Таким образом, иных законных оснований для мотивирования отказа не предусмотрено. Любые требования к заемщику могут быть установлены внутренними документами финансовой организации, которые подлежат раскрытию для заемщиков. А в тех случаях, когда нельзя в полной мере раскрывать основания для отказа в выдаче займа, кредиторы могут обобщенно указать на причину отказа в соответствии с рекомендованными формулировками от государственных органов.

Обратимся к практике судебной защиты прав в сфере отказа в выдаче кредитов и займов:

1) Заемщик не вправе требовать от банка выдачи кредита, даже если отказ банка в его пре-

доставлении не обоснован. (Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2025 № 88-3470/2025, Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2024 № 88-3200/2024). Если заемщик соответствует всем требованиям банка, указанным в размещенных документах, то норма 353-ФЗ позволяет отказывать в заключении с заемщиком договора даже в таких случаях. При этом, заемщик не имеет право в судебном порядке возложить на финансовую организацию обязанность заключить с ним договор и потребовать выдачи займа.

2) Если банк отказал в выдаче кредита без объяснения причин, то у заемщика также отсутствует возможность возложить на банк обязанность по предоставлению мотивированного основания для отказа (Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2024 № 88-14299/2024).

3) Так как потребительский кредитный договор в соответствии с ч.6 ст.7 353-ФЗ является консенсуальным, то подписание кредитного договора означает его заключение. Однако даже на этапе, когда между сторонами имеется подписанный кредитный договор, банк имеет право отказать в выдаче денежных средств без объяснения причин, а заемщик не может потребовать их выдачи, о чем речь идет в п. 11 информационного письма Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 и постановление ФАС Московского округа от 25.03.2011 № КГ-А40/1415-11). Понуждение к исполнению обязанности выдать кредит в натуре, исходя из существа кредитного договора, не допускается.

Но так как фактически банки таким образом нарушают условия договора, в целях защиты прав, заемщики имеют право заявлять требование о возмещении убытков, об уплате неустойки, если она предусмотрена кредитным договором, требовать компенсацию морального вреда, а также взыскать штраф по ЗоЗПП (Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13.07.2023 № 33-16332/2023).

Таким образом, видно, как норма 353-ФЗ уменьшает возможности потребителей, ставя заемщиков в бесправное положение.

Но среди финансовых организаций существует неравенство в вопросе применения права немотивированного отказа при выдаче займа. В норме закона 353-ФЗ существует оговорка, устанавливающая возможность иными законами отменить действие такого права. Из всех финансовых организаций обязанность мотивировать отказ при выдаче займа есть только у микрофинансовых организаций, что предусмотрено п.2 ч.1 ст.9 151-ФЗ. В норме 151-ФЗ установлено, что у МФО есть право мотивированно отказаться от заключения договора микрозайма.

На первый взгляд может показаться, что в законе 151-ФЗ установлено право, а не обязанность МФО, и это право не противоречит положениям 353-ФЗ. Однако суды исходят из того, что условие об отказе от заключения договора без указания причин противоречит части 5 статьи 7 353-ФЗ, статьи 9 151-ФЗ и ущемляет права потребителя, а доводы относительно права кредитора на немотивированный отказ не корректны, поскольку указанное право может быть реализовано только путем мотивированного отказа (Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.04.2016 по делу № А44-8380/2015).

Таким образом, право на немотивированный отказ есть у банков, ломбардов, кредитных потребительских кооперативов и сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов. Однако, в отличие от них, микрофинансовая организация обязана дать объяснение своему отказу. Объяснение, обычно должно быть выражено в письменной форме. Важным моментом данного положения является то, что отказ в предоставлении микрозайма заемщику должен быть мотивирован объективными причинами. По общим правилам, установленным гражданским законодательством Российской Федерации, лицо, подавшее заявку, в случае его несогласия с отказом в предоставлении микрозайма в таком случае вправе обратиться в суд с целью оспорить данное решение микрофинансовой организации [5].

В связи с этим не ясно, почему суды, в том числе Конституционный суд в Определении от 29 сентября 2020 г. № 2192-О, отказывая в удовлетворении требований заемщиков к кредитным организациям указывают на то, что «положение ч. 5 ст. 7 353-ФЗ, предусматривающее право кредитора по результатам рассмотрения заявления о предоставлении потребительского кредита (займа) отказать заемщику в заключении такого договора без объяснения причин, обеспечивает в том числе сохранение конфиденциальности методик, позволяющих кредитным организациям провести необходимую проверку обращающихся за предоставлением потребительского кредита (займа) лиц и тем самым снизить риск невозврата денежных средств». Ведь одновременно с этим, в сходных отношениях по предоставлению потребительских займов микрофинансовым организациям ничего не мешает мотивировать отказ в предоставлении займов, не раскрывая свои методики, позволяющие провести необходимую проверку заемщиков. Создается прямое противоречие и неравное регулирование, которое необходимо пересматривать в пользу потребителей.

В первую очередь, право абсолютного немотивированного отказа надлежит сократить до воз-

возможности отказать без объяснения причин в случаях, когда имеются основания для отказа в соответствии с 115-ФЗ, а также при выявлении в действии потенциального заемщика рисков мошеннических действий. При этом, кредиторы должны будут при отказе ссылаться на соответствующие положения закона. Такое изменение должно быть включено в ч.5 ст.7 353-ФЗ

Далее – необходимо расширять требования к финансовым организациям в части установления ими правил и требований к заемщикам для получения займов. Все требования должны быть оформлены во внутренних документах, с которыми заемщики должны иметь возможность ознакомиться. В части скорринга, можно предусмотреть, чтобы раскрывались только требования к платежеспособности заемщиков, а не сами методики расчета. Например, предусмотреть минимальные показатели ежемесячных доходов и иных показателей, которые заранее могут говорить заемщику о его шансах на одобрение заявки на получение кредита или займа.

Благодаря этому, при отказе без ссылки на соответствующие требования внутренних документов, у заемщиков появится возможность как потребовать от кредитора раскрыть эту информацию в судебном порядке, так и возможность через административные рычаги (например, путем обращения в Банк России), получить необходимые сведения.

И третье, в КоАП РФ необходимо предусмотреть ответственность за отказ в предоставлении потребительских кредитов и займов без объяснения причин, или за несоответствие причины отказа, объявленной заемщику, фактическим причинам такого отказа. Это позволит исключить недобросовестное поведение отдельных кредиторов, дисциплинирует рынок, и повысит гарантии прав потребителей.

Список литературы:

[1] Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2023. С.200

[2] Тололаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений

Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Вестник гражданского права. 2023. N 5. С. 153 - 199; N 6. С. 133 – 197

[3] Громов А.А. Публичный договор: сфера действия // Вестник гражданского права. 2023. № 4. С. 127 - 191; № 5. С. 102 - 152.

[4] Комментарий к Федеральному закону от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (постатейный) / Арзуманова Л.Л., Рождественская Т.Э., Казаченок О.П., [и др.]. Москва, 2018. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс

[5] Никифорова С.Т., Тарасенко О.А., Хоменко Е.Г. Комментарий к Федеральному закону от 2 июля 2010 года № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (постатейный). Москва, 2011. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс

Spisok literatury:

[1] Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 4 t. / otv. red. d-r yurid. nauk., prof. E.A. Suhanov. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Statut, 2023. S.200

[2] Tololaeva N.V., Cerkovnikov M.A. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Postanovleniyu Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24 marta 2016 g. № 7 «O primenenii sudami nekotoryh polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv» // Vestnik grazhdanskogo prava. 2023. N 5. S. 153 - 199; N 6. S. 133 – 197

[3] Gromov A.A. Publichnyj dogovor: sfera dejstviya // Vestnik grazhdanskogo prava. 2023. № 4. S. 127 - 191; № 5. S. 102 - 152.

[4] Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 2 iyulya 2010 g. № 151-FZ «O mikrofinansovoj deyatelnosti i mikrofinansovyh organizacijah» (postatejnyj) / Arzumanova L.L., Rozhdestvenskaya T.E., Kazachenok O.P., [i dr.]. Moskva, 2018. Dostup iz spravочно-pravovoj sistemy Konsul'tantPlyus

[5] Nikiforova S.T., Tarasenko O.A., Homenko E.G. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 2 iyulya 2010 goda № 151-FZ «O mikrofinansovoj deyatelnosti i mikrofinansovyh organizacijah» (postatejnyj). Moskva, 2011. Dostup iz spravочно-pravovoj sistemy Konsul'tantPlyus

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.04.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-468-473

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

БЛИНОВ Антон Евгеньевич,
студент 1-го курса магистратуры
Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации,
e-mail: anblinov@mail.ru

Научный руководитель:
ИСМАИЛОВ Исмаил Шапурович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
международного и публичного права
юридического факультета Финансового
университета при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИЗИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Цель исследования. В статье рассматриваются проблемы правового регулирования лизинговой деятельности в Российской Федерации. В процессе исследования необходимо было определить гражданско-правовую природу института финансовой аренды (лизинга) и провести дифференциацию со смежными правовыми институтами. Одновременно с этим следовало охарактеризовать степень вовлеченности государства в регулирование лизинговой деятельности и надзора за ней. Вывод. Финансовая аренда (лизинг) как способ привлечения капитала с точки зрения гражданского права отличается самобытностью, тем не менее можно констатировать, что в судебной практике сформировались подходы, позволяющие отождествлять лизинг с займом. Вместе с тем действующая вовлеченность публичной власти в регулирование и надзор за лизинговой деятельностью характеризуется отстраненностью, что связано с отсутствием на законодательном уровне ответственного за осуществление подобного регулирования и надзора субъекта, и как следствие, невозможностью эффективно и своевременно воздействовать на участников лизингового рынка. Автором акцентируется внимание на необходимость корректировки правового статуса Центрального банка Российской Федерации в части наделения его полномочиями на осуществление пруденциального регулирования в отношении участников рынка лизинговых услуг и надзора за их деятельностью.

Ключевые слова: финансовая аренда (лизинг), займ (кредит), правовое регулирование, надзор, полномочие, Центральный банк Российской Федерации (Банк России).

BLINOV Anton,
1st year graduate student
Faculty of Law of the Financial
University under the Government
of the Russian Federation.

Scientific supervisor:
ISMAILOV Ismail Gapurovich,
PhD in Law, Associate Professor of the Department
of International and Public Law
at the Faculty of Law of the Financial
University under the Government
of the Russian Federation

SPECIFICS OF THE LEGAL REGULATION
OF LEASING ACTIVITY

Annotation. Purpose of the study. The article deals with the problems of legal regulation of leasing activity in the Russian Federation. In the course of the research it was necessary to determine the civil-law nature of the institute of financial rent (leasing) and differentiate it from related legal institutions. At the same time it was necessary to characterise the degree of involvement of the state in the regulation and supervision of leasing activity. Conclusion. Financial lease (leasing) as a way of attracting capital from the point of view of civil law is characterised by originality, nevertheless it can be stated that in judicial practice approaches have been formed that allow identifying leasing with a loan. At the same time, the current involvement of public authorities in the regulation and supervision of leasing activities is characterised by detachment, which is associated with the absence at the legislative level of the entity responsible for the implementation of such regulation and supervision, and as a consequence, the inability to effectively and timely influence the participants of the leasing market. The author draws attention to the need to adjust the legal status of the Central Bank of the Russian Federation in terms of empowering it to carry out prudential regulation of the participants of the leasing services market and supervision of their activities.

Key words: financial lease, loan, legal regulation, supervision, authority, Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia).

ВВЕДЕНИЕ

Лизинг как инструмент получения актива играет важную роль в современной экономике и является достаточно удобной альтернативой кредитованию, позволяя более гибко распределять собственные денежные средства и, например, оптимизировать налоговые обязательства¹.

Рынок лизинговых услуг динамично развивается. По итогам 2024 года совокупный лизинговый портфель достиг 12,8 триллионов рублей, показав рост около 30% к предыдущему году [1]. На регулярной основе в средствах массовой информации появляются новости, касающиеся возможного реформирования данного рынка [2]. В частности, предлагается сформировать реестр лизинговых компаний, ведение которого будет осуществляться Центральным банком Российской Федерации (далее – Банк России), с возможностью вхождения в него на добровольной основе с одновременным признанием себя в качестве некредитной финансовой организации [3].

В настоящее время лизинговая деятельность регулируется положениями главы 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и Федеральным законом от 29 октября 1998 года № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (далее также – Закон о лизинге, Закон № 163-ФЗ). Согласно пункту 1 статьи 665 ГК РФ по договору лизинга арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временно владение и пользование.

¹ Согласно подпункту 10 пункта 1 статьи 264 НК РФ к прочим расходам, учитываемые при расчете налога на прибыль, относятся лизинговые платежи.

СООТНОШЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ АРЕНДЫ
(ЛИЗИНГА) СО СХОЖИМИ ПРАВОВЫМИ ИНСТИТУТАМИ

От «классической» аренды лизинг отличается наличием как минимум трех сторон в правоотношениях в лице лизингодателя, лизингополучателя и продавца, а также первоначальным отсутствием в собственности у лизингополучателя предмета договора. Законом в обоих случаях также может быть предусмотрено право арендатора (лизингополучателя) приобрести арендуемую вещь. Однако в случае выкупного лизинга имущественные интересы лизингополучателя в части приобретения предмета лизинга удовлетворяются в период действия договора посредством уплаты лизинговых платежей, тогда как при аренде с правом выкупа арендатор, помимо ранее уплаченной арендной платы, приобретает имущество по цене, не являющейся символической и, как правило, отвечающей рыночному уровню цен на имущество, сложившемуся к моменту выкупа [4]. Кроме того, в арендных правоотношениях ответственность за случайную гибель или порчу арендованного имущества, по общему правилу, возлагается на арендодателя, в то время как при договоре лизинга данные риски переходят на лизингополучателя с момента передачи ему имущества. Вместе с тем лизинг, согласно системному толкованию положений ГК РФ, является формой аренды².

От займа (кредита) финансовая аренда отличается, как и при аренде, минимальным субъектовым составом правоотношений, а также характеристикой предмета договора. В случае

² Параграф 6 «Финансовая аренда (лизинг)» содержится в главе 34 «Аренда» ГК РФ.

займа (кредита) предметом договора являются определенные родовыми признаками вещи, при лизинге – индивидуально определенная(-ые) вещь(-и). В научной литературе встречается мнение о схожести правовой природы лизинга и займа (кредита). По мнению Кабанова И.Е. финансовая аренда может определяться в качестве формы кредитования [5], а о лизинге как форме кредитования в рассрочку высказывались Абрамян С.К. и Голубкина К.В. [6].

Стоит обратить внимание на судебную практику в вопросе определения правовой природы договора выкупного лизинга. С учетом решений Конституционного суда Российской Федерации [7] и разъяснений Высшего арбитражного и Верховного судов Российской Федерации [8] в практике сформировалась «заемная» концепция в данном вопросе, согласно которой лизинг рассматривается как предоставление финансовой услуги с титульным обеспечением в виде права собственности лизингодателя на предмет лизинга до исполнения лизингополучателем всех денежных обязательств [9]. В соответствии с данной концепцией лизинговые платежи с экономической точки зрения рассматриваются в качестве возврата лизингодателю размещенных денежных средств с уплатой вознаграждения, что в свою очередь, сильно походит на заем. По мнению Бевзенко Р.С. применение «заемной» концепции в понимании лизинга приводит к более справедливому удовлетворению интересов лизингодателя и лизингополучателя, разрешая многочисленные казусы [10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вопрос соотношения договора лизинга с договорами аренды (в том числе с правом выкупа) и займа (кредита) является актуальным в науке, правоприменительной и судебной практике.

Отдельно востребованным инструментом в условиях высоких процентных ставок по кредитам становится лизинг с государственной поддержкой, так называемый «льготный лизинг», суть которого заключается в субсидировании государством части процентов по заключенному договору при соблюдении ряда дополнительных в сравнении с обычным лизингом условий. В качестве преимуществ субсидированного лизинга можно выделить ускоренную амортизацию предмета лизинга и небольшое удорожание приобретаемого оборудования. Компенсация части лизинговых платежей лизингодателям предусмотрена различными государственными программами¹, что подразумевает

¹ Например, государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации

под собой использование бюджетных средств и позволяет охарактеризовать складывающиеся вокруг этого правоотношения как частно-публичные.

ПУБЛИЧНЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИЗИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Возвращаясь к вопросу регулирования лизинговой деятельности, необходимо обратить внимание на отсутствие в Законе о лизинге указания на компетенцию государственных органов и Банка России по регулированию и надзору за лизинговыми организациями. В настоящее время подзаконное регулирование деятельности лизинговых компаний, осуществляемое в соответствии с прямой нормой закона, реализуется Министерством финансов Российской Федерации в части бухгалтерского учета².

В Федеральном законе от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее также – Закон о Банке России, Закон № 86-ФЗ) перечень некредитных финансовых организаций является закрытым³. К нему не относятся лизинговые организации, вследствие чего Банк России в текущей конфигурации закона не обладает регуляторными и надзорными полномочиями в сфере лизинговой деятельности. Однако на практике можно наблюдать косвенное регулирование лизинговых компаний Банком России. Так лизингодатель является источником формирования кредитной истории, а лизингополучатель – субъектом кредитной истории⁴. Банк России в соответствии с статьями 76.9-5 Закона № 86-ФЗ и 14 Закона № 218-ФЗ осуществляет регулирование, контроль и надзор за деятельностью бюро кредитных историй. Начиная с 1 января 2022 года и до 30 сентября 2024 года Банк России не применял меры принуждения, предусмотренные законодательством, в отношении источников формирования кредитных историй – лизинговых компаний [11]. Признаваемые

«Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

² Например, приказ Минфина России от 16 октября 2018 года № 208н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды».

³ Статья 76.1 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 30 (часть I). статья 4084 (в редакции Федерального закона от 28 февраля 2025 года № 18-ФЗ).

⁴ Пункт 4 и 5 части 1 статьи 3 Федерального закона от 30 декабря 2004 года № 218-ФЗ «О кредитных историях» (далее – Закон № 218-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1, статья 44 (в редакции Федерального закона от 8 августа 2024 года № 275-ФЗ).

Законом № 218-ФЗ в качестве источников формирования кредитных историй лизинговые компании обязаны соблюдать требования Положения Банка России от 11 мая 2021 года № 758-П «О порядке формирования кредитной истории» (далее – Положение № 758-П) по формированию кредитной информации о субъектах кредитной истории. При этом в пункте 1.6. Положения № 758-П указывается на обязанность источников формирования кредитной истории соблюдать указанные в статьях 76.6 и 76.9-8 Закона №-86 технические требования к формированию показателей кредитной информации. В данном случае ссылка на Закон о Банке России дает основание полагать о наличии косвенного регулирования лизинговых организаций. Тем не менее, в сравнении с весьма строгим и детализированным уровнем регулирования кредитного рынка, к участникам которого предъявляются различные требования, например, соблюдение обязательных нормативов¹, рынок лизинговых услуг характеризуется либеральностью. В частности, ни в Законе № 163-ФЗ, ни в других законодательных актах² для лизинговых организаций не определяется обязанность состоять в саморегулируемых организациях.

Одновременно с этим Банк России на собственном официальном сайте в рамках разъяснений по вопросам исполнения Положения Банка России от 28 июня 2017 года № 590-П «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности» для участников финансового рынка в части формирования повышенного резерва по ссудам, предоставляемые лизинговым компаниям в целях реализации договора возвратного лизинга, определил относить их к III категории качества (сомнительные), указав при этом, что лизинг является одной из форм кредитования. В зависимости от классификации ссуды в одну из пяти категорий качества кредитные организации должны формировать резерв, размер которого определяется исходя из суммы долга и установленной для каждой категории качества процентной величины. Чем ниже категория качества, тем большую сумму кредитная организация должна использовать для формирования резерва. С экономической точки зре-

ния каждое снижение категории качества ссуды (актива) снижает ликвидность собственных средств кредитной организации. Вследствие этого кредитным организациям становится менее выгодно выдавать ссуды данным заемщикам. Таким образом, можно наблюдать косвенное воздействие на деятельность лизинговых организаций со стороны мегарегулятора. Также о наличии внимания Банка России к лизинговой деятельности может сигнализировать анализ судебной практики в его информационных материалах³.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в настоящее время лизинговая деятельность формально не регулируется (контролируется) каким-либо уполномоченным органом, целью которого является сохранение финансовой стабильности государства. Банк России, обладая полномочиями мегарегулятора финансового рынка, на текущем этапе своего развития не имеет установленной законом компетенции на регулирование и осуществление надзора за деятельностью лизинговых компаний. Такого мнения придерживается Гузнов А.Г. – «кроме лизинговых организаций иные не поднадзорные Банку России финансовые организации в законодательстве на данный момент отсутствуют» [12]. В то же время можно констатировать, что на подзаконном уровне регулирование лизинговой деятельности осуществляется в косвенной форме посредством установления ограничительных мер для поднадзорных государственным органам власти и Банку России субъектам. В этой связи представляется возможным и необходимым на законодательном уровне уточнить статус Банка России, определив его в качестве органа, уполномоченного осуществлять регулирование и надзор за лизинговыми организациями, а их в свою очередь отнести к финансовым организациям, например, в целях Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» вследствие того, что в некоторых актах Банка России понятие «финансовая организация» раскрывается посредством ссылки на пункт 6 статьи 4 данного закона⁴.

Обоснованно можно предположить, что лизинговые организации негативно воспринимают складывающиеся ограничения по привлечению кредитных средств. Однако обеспокоенность

¹ В том числе учет особенностей их расчетов в случае осуществления операций с лизинговыми компаниями.

² Такие как Федеральный закон от 1 декабря 2007 года № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (в редакции Федерального закона от 2 июля 2021 года № 359-ФЗ) и Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» (в редакции Федерального закона от 10 июля 2023 года № 10 июля 2023 года № 298-ФЗ).

³ Например, страница 21 Дайджеста новостей правового регулирования финансовых рынков за IV квартал 2024 года // Центральный банк Российской Федерации.

⁴ К примеру, подпункт 2.2.9 пункта 2.2 Положения Банка России от 4 июля 2018 года № 646-П «О методике определения собственных средств (капитала) кредитных организаций («Базель III»)» // Вестник Банка России. 2018. № 75 (в редакции Указания Банка России от 10 апреля 2023 года № 6408-У).

Банка России отсутствием регуляторных и надзорных полномочий в лизинговой сфере также оправдана. После закрепления за Банком России статуса мегарегулятора данный вопрос актуализировался. Отсутствие регуляторных и надзорных полномочий в отношении лизинговых организаций у Банка России снижает эффективность его деятельность в целом. Вполне возможно сложившаяся ситуация, в которой, с одной стороны, отсутствует законодательно закрепленные полномочия Банка России в лизинговой сфере и, с другой стороны, существует косвенное воздействие на участников лизингового рынка, охарактеризовать как правовую коллизию. Решить данную проблему можно как путем изменения законодательства, так и оспариванием актов Банка России лизинговыми компаниями и другими заинтересованными лицами. Возможный вариант изменения законодательства был предложен ранее. Что же касается второго пути, то стоит обратить внимание на письмо Банка России от 4 марта 2025 года № 23-14/652, в котором Департамент банковского регулирования и аналитики высказал позицию о порядке оценки ссуд кредитными организациями, предоставленных лизинговыми компаниями. В этой связи можно предположить, что участники лизингового рынка обращаются в Банк России по затрагивающим их интересы вопросам, что, конечно, не позволяет охарактеризовать данную ситуацию в качестве примера оспаривания нормативных актов. Тем не менее подобное обстоятельство может сигнализировать о заинтересованности лизинговых организаций в разрешении сложившейся коллизии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя результаты исследования, представляется, что финансовая аренда (лизинг) как правовой институт не так явно соотносится со своей экономической сущностью нежели иные институты права, такие как аренда или займ. В свою очередь рынок лизинговых услуг в настоящее время дерегулирован по сравнению с рынками поднадзорных Банку России субъектов. С позиции «здесь и сейчас» такое положение открывает широкие возможности для развития и экономического роста. При этом оно же создает предпосылки для возникновения и аккумуляции рисков в деятельности лизинговых компаний в будущем. Если принять факт, что по экономической сущности финансовая аренда действительно тождественна кредитованию, то можно говорить о присущих лизинговым компаниям банковских рисках¹ и необходимости установления пруденциального регулирования и надзора.

¹ Например, риск возникновения у кредитной организации убытков вследствие неисполнения, несвое-

Список литературы:

- [1] Ефремова Ю. Лизинговый портфель компаний предварительно достиг 12,8 трлн рублей в 2024 году // Frank Media.
- [2] Усов И. Администрация президента предложила свернуть реформу лизинга // Frank Media; Усов И. Минфин: вопрос о реформе лизинга отложен, но не закрыт // Frank Media.
- [3] Усов И. Владимир Путин одобрил новый проект концепции регулирования лизинговой отрасли // Frank Media.
- [4] Обзор судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга) (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 октября 2021 года).
- [5] Кабанова И.Е. Правовое регулирование лизинга недвижимости в Российской Федерации: монография / под общей редакцией Егоровой М.А. – Москва: Юстицинформ. 2013 – 228 с.
- [6] Абрамян С.К., Голубкина К.В. Проблемы законодательного регулирования финансовой аренды (лизинга) в России // Право и экономика. 2024. № 6. С. 26-31.
- [7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 года № 20-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2014 года № 222-О.
- [8] Пункт 2, 3.4 и 3.5 Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 года № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга»; Обзор судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга) (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 октября 2021 года).
- [9] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 января 2023 года № Ф05-32125/2022 по делу № А40-20242/2022.
- [10] Бевзенко Р.С. Очерк титульного обеспечения // Вестник гражданского права. 2021. № 2. С. 9-87.
- [11] Информационное письмо Банка России от 29 декабря 2021 года № ИН-03-46/106, Информационное письмо Банка России от 6 мая 2022 года № ИН-03-46/63, Информационное письмо Банка России от 6 декабря 2023 года № ИН-014-46/62.
- [12] Гузнов А.Г. Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации: диссертация д-ра юрид. наук. Москва. 2016 – 494 с.

временного либо неполного исполнения должником финансовых обязательств перед кредитной организацией в соответствии с условиями договора.

Spisok literatury:

[1] Efremova YU. Lizingovyj portfel' kompanij predvaritel'no dostig 12,8 trln rublej v 2024 godu // Frank Media.

[2] Usov I. Administraciya prezidenta predlozila svernut' reformu lizinga // Frank Media; Usov I. Minfin: vopros o reforme lizinga otlozhen, no ne zakryt // Frank Media.

[3] Usov I. Vladimir Putin odobril novyj proekt koncepcii regulirovaniya lizingovoj otrasli // Frank Media.

[4] Obzor sudebnoj praktiki po sporam, svyazannym s dogovorom finansovoj arendy (lizinga) (Utverzhden Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 27 oktyabrya 2021 goda).

[5] Kabanova I.E. Pravovoe regulirovanie lizinga nedvizhimosti v Rossijskoj Federacii: monografiya / pod obshchej redakciej Egorovoj M.A. – Moskva: YUsticinform. 2013 – 228 s.

[6] Abramyan S.K., Golubkina K.V. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya finansovoj arendy (lizinga) v Rossii // Pravo i ekonomika. 2024. № 6. S. 26-31.

[7] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 20 iyulya 2011 goda № 20-P;

Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 4 fevralya 2014 goda № 222-O.

[8] Punkt 2, 3.4 i 3.5 Postanovleniya Plenuma VAS RF ot 14 marta 2014 goda № 17 «Ob otdel'nyh voprosah, svyazannyh s dogovorom vykupnogo lizinga»; Obzor sudebnoj praktiki po sporam, svyazannym s dogovorom finansovoj arendy (lizinga) (Utverzhden Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 27 oktyabrya 2021 goda).

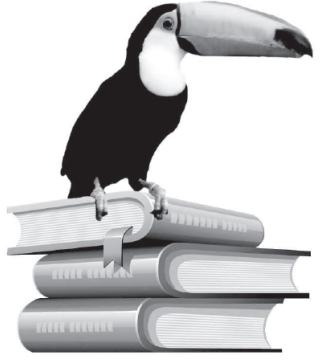
[9] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 23 yanvarya 2023 goda № F05-32125/2022 po delu № A40-20242/2022.

[10] Bevzenko R.S. Ocherk titul'nogo obespecheniya // Vestnik grazhdanskogo prava. 2021. № 2. S. 9-87.

[11] Informacionnoe pis'mo Banka Rossii ot 29 dekabrya 2021 goda № IN-03-46/106, Informacionnoe pis'mo Banka Rossii ot 6 maya 2022 goda № IN-03-46/63, Informacionnoe pis'mo Banka Rossii ot 6 dekabrya 2023 goda № IN-014-46/62.

[12] Guznov A.G. Finansovo-pravovoe regulirovanie finansovogo rynka v Rossijskoj Federacii: dissertaciya d-ra yurid. nauk. Moskva. 2016 – 494 s.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-474-477

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»
филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»,
e-mail: ur-fin@mail.ru

ПРАВООТНОШЕНИЕ ПАЦИЕНТА С КЛИНИКОЙ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ КАК ПОТРЕБИТЕЛЯ ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Аннотация. В статье дается характеристика прав клиники по договору об оказании услуг по проведению пластической операции. Отмечено, что основными правами клиники пластической хирургии по рассматриваемому договору является право на получение вознаграждения за свои услуги, оказанные надлежащим образом, и право требовать его уплаты клиентом. **Исследованы способы осуществления гражданских прав пациента.** Так, клиника вправе обратиться в суд с иском о расторжении договора в связи с его существенным нарушением со стороны пациента, а также о возмещении причиненного ущерба. Кроме того, клиника после возмещения вреда, причиненного пациенту ее работником, имеет право обратного требования (регресса) к нему, в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом. Ключевым способом обеспечения соблюдения прав клиники является возмещение причиненного ущерба. Правом исполнителя является возможность самостоятельно определять характер и объем лечения, а также необходимых манипуляций. Выявлено, что клиника вправе требовать от клиента надлежащего исполнения обязательств по договору. Приведены возможные основания для отказа клиникой клиенту в проведении операции. Рассмотрены законодательные ограничения, налагаемые на медицинских работников клиники пластической хирургии при осуществлении ими профессиональной деятельности. Выявлено, что имеется запрет заключения договоров с компаниями, производящими лекарственные препараты, медицинские изделия, с целью рекомендации и назначения именно этих лекарственных препаратов пациентам.

Ключевые слова: права, ограничения, клиника пластической хирургии, врач - пластический хирург, пациент, договор, услуги, отказ, конфликт интересов, информация, лекарственные препараты, медицинские изделия.

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO "Leningrad Regional Bar Association"
branch "Pelevin and Partners Law Firm"

LEGAL RELATIONSHIP OF A PATIENT WITH A PLASTIC SURGERY CLINIC AS A CONSUMER OF PAID MEDICAL SERVICES

Annotation. The article provides a description of the rights of a clinic under a contract for the provision of services for performing plastic surgery. It is noted that the main rights of a plastic surgery clinic under the contract in question are the right to receive remuneration for its services rendered properly and the right to demand payment by the client. The methods of exercising the patient's civil rights are examined. Thus, the clinic has the right to go to court with a claim for termination of the contract due to its material breach by the patient, as well as for compensation for damage caused. In addition, after compensation for damage caused to the patient by its employee, the clinic has the right to a reverse claim (regression) to him, in the amount of compensation paid, unless another amount is established by law. The key way to ensure compliance with the rights of clinics is compensation for damage caused. The right of the performer is the ability to independently determine the nature and scope of treatment, as well as the necessary manipulations. It was revealed that the clinic has the right to demand proper fulfillment of obligations under the contract from the client. Possible grounds for the clinic to refuse the client an operation are given. The article examines the leg-

isulative restrictions imposed on medical workers of the plastic surgery clinic when they carry out their professional activities. It was found that there is a ban on concluding contracts with companies producing medicines and medical products for the purpose of recommending and prescribing these particular medicines to patients.

Key words: *rights, restrictions, plastic surgery clinic, plastic surgeon, patient, contract, services, refusal, conflict of interest, information, medicines, medical devices.*

В настоящее время вопрос о правах медицинских организаций и условиях их осуществления нормативно должным образом не урегулирован. Научные труды, непосредственно посвященные данной теме, фактически отсутствуют. Между тем, несоблюдение прав медицинских организаций может повлечь за собой оказание ненадлежащей медицинской помощи, либо нарушение сроков ее оказания. Это обуславливает актуальность комплексного исследования данной темы.

Целью работы является анализ некоторых аспектов осуществления и ограничения гражданских прав клиники пластической хирургии (далее – клиника).

Основным документом, регулирующим правоотношения между клиникой пластической хирургии (далее – клиника) и ее пациентом, является договор оказания медицинских услуг. При этом ГК РФ не содержит всю совокупность прав и обязанностей сторон по договору [6, с. 71].

Основными правами клиники является право на получение вознаграждения за свои услуги, оказанные надлежащим образом. Также она вправе отказать в проведении операции при наличии у пациента на это медицинских противопоказаний.

Ранее действовавшие Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан 1993 года четко регулировали основания отказа врача от пациента. Поэтому автор считает, что прежнее регулирование было более конкретно, чем существующее [5, с. 47].

Действующее же законодательство не устанавливает такие основания. По мнению автора, должно быть нормативно закреплено, что клиника вправе отказать пациенту в лечении (операции), в случае: нереалистичности ожиданий пациента, несоблюдения им предписаний врача, непредоставления пациентом согласия на лечение и сведений о своем здоровье.

Клиника вправе требовать от пациента передачи исчерпывающей информации о его здоровье, имеющихся и перенесенных заболеваниях, аллергии, и пр. При этом клиника не обязана проверять достоверность переданных ей сведений. Также исполнитель вправе требовать от пациента соблюдать действующие в клинике правила внутреннего распорядка, правила поведения в стационаре, выполнять назначения врачей, бережно относиться к имуществу клиники и пр.

На деятельность клиник распространяет свое действие Закона «О защите прав потребителей», который закрепляет право на односторонний отказ от договора только у пациента.

Для осуществления и защиты своих прав клиника вправе определить в договоре в качестве существенного нарушения его условий несоблюдение пациентом правил внутреннего распорядка клиники, повреждение, либо уничтожение ее имущества, создание препятствий для оказания услуг, и пр. При нарушении пациентом данных условий, клиника может на основании ч. 2 ст. 450 ГК РФ, обратиться в суд с иском о расторжении договора и возмещении причиненного ущерба, а также в иные органы для привлечения пациента к установленной законом ответственности.

В случае досрочного (до полного оказания услуг) отказа пациента от услуг он должен возместить клинике фактически понесенные ею для их оказания расходы, в том числе на приобретение расходных материалов. При этом клиника вправе удержать сумму осуществленных затрат из суммы внесенного аванса.

Ключевым способом обеспечения соблюдения прав клиник является возмещение причиненного ущерба, которое включает инструменты урегулирования споров, связанных с причинением вреда, нарушением прав т.п.

Нанесение вреда здоровью пациента в результате некачественно оказанных медицинских работником медицинских услуг является основанием возмещения в полном объеме убытков, понесенных пациентом, при доказанности противоправности действия (бездействия) клиники (ее персонала), вреда (ущерба) пациенту, причинно-следственной связи между ними, что подтверждается заключением экспертизы. При этом клиника после возмещения вреда, нанесенного пациенту ее работником, имеет право обратного требования (регресса) к нему, как правило, в размере выплаченной пациенту суммы.

Медицинский работник отвечает, прежде всего, за дефекты медицинской помощи, вследствие которых пациенту причиняется вред, боль, травма или дальнейшие осложнения. Другими словами, это включает в себя все формы некачественной медицинской помощи и небрежного обращения, которые не соответствуют приемлемым стандартам медицинской практики и приводят к незначительному, умеренному или серьезному ущербу пациенту.

Лечащий врач выступает фактическим причинителем вреда здоровью пациента при оказании ненадлежащей медицинской помощи [2, с. 131].

Право клиники привлечь медицинского работника к материальной ответственности коррелирует с правом работодателя требовать возмещения причиненного ему ущерба [3, с. 225].

Медицинский работник отвечает за допущенные дефекты медицинской помощи непосредственно перед своим работодателем (клиникой), а не перед пациентом.

Для обеспечения соблюдения правовых норм, принципов беспристрастности и независимости врачей при оказании медицинских услуг и назначении лекарств и медицинских изделий, законом для работников клиник предусмотрены определенные ограничения. На основании п. 1 ст. 74 Федерального закона № 323-ФЗ [1], они не вправе:

- принимать подарки, денежные средства от разработчиков, производителей и (или) поставщиков лекарств, правообладателей их наименований, аптек (далее – компании);
- предоставлять пациенту не соответствующие действительности и (или) неполные сведения о назначаемых лекарствах;
- заключать с компанией договоры о назначении или рекомендации пациентам лекарств, и пр.

Для некоторых видов лечения врачи не вправе утаивать от пациентов информацию о возможных рисках назначаемых лекарственных препаратов. Это касается, например, методов лечения, используемых в пластической хирургии.

Выявление и урегулирование конфликтов интересов основывается на надлежащей медицинской практике. Конфликт интересов возникает, когда интересы медицинского работника (финансовые или иные) вступают в противоречие с его профессиональными обязанностями, и существует риск (реальный или предполагаемый), что медицинский работник будет отдавать приоритет этим интересам над уходом за пациентами.

Медицинский работник не вправе просить или принимать какие-либо гонорары, подарки, знаки гостеприимства или любые другие стимулы, которые могут повлиять (или могут быть замечены как влияющие) на то, как медицинский работник назначает, консультирует, лечит пациентов. Не допускается предлагать такие поощрения коллегам.

Медицинский работник не вправе поощрять пациентов дарить, одалживать деньги или подарки, которые прямо или косвенно принесут пользу медицинскому работнику (или близким ему людям). В целях соблюдения указанных ограниче-

ний медицинские организации должны разработать продуманную и эффективную политику. То есть, следует поощрять сотрудников раскрывать свои потенциальные конфликты интересов, и внедрить систему для оценки этих конфликтов и принятия решения о надлежащем реагировании.

Сегодня участились случаи злоупотребления медицинскими работниками, имеющими договоренности с фармацевтическими компаниями, своим положением, которое проявляется в предложении врачами пациентам дорогих лекарств, с целью своего обогащения. При наличии договоров с компаниями-производителями лекарств, врач может рекомендовать и назначать пациентам именно эти лекарства, отдавая им предпочтение относительно других, которые могут более эффективными.

Маркетинг лекарств непосредственно потребителям, повышает цены на лекарства, увеличивает расходы на здравоохранение и количество неблагоприятных исходов у пациентов. Эта практика также позволяет брендовым компаниям ставить в невыгодное положение конкурентов-дженериков, препятствуя их приобретению за счет снижения цен. Особенно опасна реклама, содержащая ложные сведения об эффективности и безопасности предлагаемого лекарства, так как это может иметь негативные последствия для здоровья пациента.

Для исключения злоупотреблений своим положением с целью распространения и реализации лекарственных препаратов медицинским работникам запрещается принимать участие в развлекательных мероприятиях, проводимых за счет средств компаний [4].

Соответственно, руководители клиник должны принимать меры, обеспечивающие соблюдение данных ограничений и предотвращение конфликта интересов. Для этого необходимо разработать и принять в клинике положение об организации работы по соблюдению законодательных ограничений в сфере оказания медицинских услуг по профилю пластическая хирургия.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 28.11.2011, N 48, ст. 6724.
- [2] Косарев К.В. Субъекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда здоровью пациентов // Вестник Томского государственного университета. 2012. N 363. С. 131.
- [3] Пашко Я.С. Отграничение материальной ответственности в трудовом праве от гражданско-правовой ответственности // Бизнес в законе. 2008. N 2. С. 225.

[4] Пучкова В.В. Ограничения в деятельности медицинских работников при осуществлении ими профессиональных обязанностей в сфере реализации конституционного права граждан на охрану здоровья // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2-3.

[5] Салыгина Е.С. Отказ пациенту в лечении и односторонний отказ исполнителя от выполнения договора на оказание медицинских услуг: опыт России и США // Медицинское право. 2013. № 2. С. 47.

[6] Старцев А.М. Договор возмездного оказания медицинских услуг: права пациента и корреспондирующие им обязанности исполнителя // Вестник Московского университета МВД России. 2017. 2017. № 6. С. 71.

Spisok literaturey:

[1] Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 N 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 28.11.2011, N 48, st. 6724.

[2] Kosarev K.V. Sub»ekty grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za prichinenie vreda zdorov'yu pacientov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. N 363. S. 131.

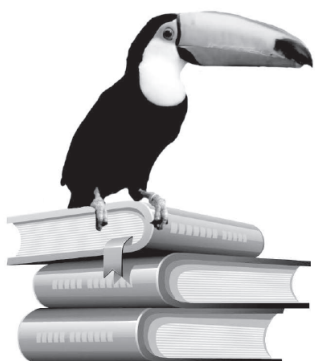
[3] Pashko YA.S. Otgranichenie material'noj otvetstvennosti v trudovom prave ot grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti // Biznes v zakone. 2008. N 2. S. 225.

[4] Puchkova V.V. Ogranicheniya v deyatel'nosti medicinskih rabotnikov pri osushchestvlenii imi professional'nyh obyazannostej v sfere realizacii konstitucionnogo prava grazhdan na ohranu zdorov'ya // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. № 2-3.

[5] Salygina E.S. Otkaz pacientu v lechenii i odnostoronnij otkaz ispolnitelya ot vypolneniya dogovora na okazanie medicinskih uslug: opyt Rossii i SSHA // Medicinskoe pravo. 2013. № 2. S. 47.

[6] Starcev A.M. Dogovor vozmeznogo okazaniya medicinskih uslug: prava pacienta i korrespondiruyushchie im obyazannosti ispolnitelya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. 2017. № 6. S. 71.

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-478-483

КЕРИМОВА Амина Исмаиловна,
студентка Дагестанского Государственного
медицинского университета
города Махачкала 1 курса , 121 группы,
e-mail: kerimovaami09@mail.ru

ГАДЖИМАГОМЕДОВА Шумайсат Солеймановна,
Научный руководитель
Дагестанский государственный
медицинский университет
РФ г. Махачкала,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ХАЛИКОВ Абдулхалик Султансаидович,
Кандидат философских наук, доцент,
e-mail: Abdulhalik1966@mail.ru

ХАДЖИЕВА Патимат Магомедхановна,
e-mail: patimat.khadziyeva.91@mail.ru

НОРМАТИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧЕЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема нормативного обеспечения деятельности врачей функциональной диагностики в современных условиях развития здравоохранения. Функциональная диагностика представляет собой динамично развивающуюся область медицины, требующую постоянного совершенствования нормативно-правовой базы. Исследование освещает ключевые аспекты регулирования профессиональной деятельности специалистов данного профиля, включая вопросы лицензирования, сертификации, аккредитации и стандартизации диагностических процедур. Особое внимание уделяется анализу существующих пробелов в законодательстве, создающих барьеры для эффективной работы врачей функциональной диагностики и внедрения инновационных методов исследования.

В работе рассматриваются проблемы несоответствия действующих нормативных актов современным технологическим возможностям диагностического оборудования, а также вопросы правового регулирования телемедицинских технологий в функциональной диагностике. На основе анализа литературных источников за последние 10 лет (2014-2024 гг.) выявлены основные тенденции развития нормативного обеспечения в данной области, включая международный опыт и перспективы гармонизации отечественных стандартов с международными требованиями.

Предложены пути совершенствования нормативно-правовой базы с учетом цифровизации здравоохранения, внедрения искусственного интеллекта в диагностические процессы и необходимости защиты персональных данных пациентов. Результаты исследования могут быть использованы при разработке новых нормативных документов, регламентирующих деятельность врачей функциональной диагностики, а также при совершенствовании образовательных программ для специалистов данного профиля.

Ключевые слова: функциональная диагностика, нормативно-правовое регулирование, профессиональные стандарты, аккредитация специалистов, цифровизация здравоохранения, телемедицинские технологии, защита персональных данных, медицинское право.

KERIMOVA Amina Ismailovna,
student of Dagestan State Medical University
The Faculty of Medicine
1st year, 121 group, the city of Makhachkala

GAZHDIMAGOMEDOVA Shumaysat Soleymanovna,
Scientific supervisor
Dagestan State Medical University
Russia Federation, Makhachkala

Scientific supervisor:
KHALIKOV Abdulkhalik Sultansaidovich,
Candidate of Philosophical Sciences, Docent

KHADZHIEVA Patimat Magomedkhanovna

REGULATORY FRAMEWORK FOR FUNCTIONAL DIAGNOSTICS PHYSICIANS

Annotation. *The article examines the current issue of regulatory support for functional diagnostics physicians in modern healthcare development conditions. Functional diagnostics is a dynamically developing field of medicine that requires constant improvement of the regulatory and legal framework. The study highlights key aspects of regulating the professional activities of specialists in this field, including licensing, certification, accreditation, and standardization of diagnostic procedures. Special attention is paid to analyzing existing gaps in legislation that create barriers to the effective work of functional diagnostics physicians and the implementation of innovative research methods.*

The paper addresses the problems of inconsistency between current regulations and modern technological capabilities of diagnostic equipment, as well as issues of legal regulation of telemedicine technologies in functional diagnostics. Based on the analysis of literature sources over the past 10 years (2014-2024), the main trends in the development of regulatory support in this field have been identified, including international experience and prospects for harmonizing domestic standards with international requirements.

The study proposes ways to improve the regulatory framework, taking into account healthcare digitization, the implementation of artificial intelligence in diagnostic processes, and the need to protect patients' personal data. The research results can be used in developing new regulatory documents governing the activities of functional diagnostics physicians, as well as in improving educational programs for specialists in this field.

Key words: *functional diagnostics, legal regulation, professional standards, specialist accreditation, healthcare digitalization, telemedicine technologies, personal data protection, medical law.*

Введение. Функциональная диагностика представляет собой одну из ключевых областей современной медицины, обеспечивающую объективную оценку функционального состояния органов и систем организма человека. В условиях стремительного технологического прогресса и цифровизации здравоохранения нормативно-правовое регулирование деятельности врачей функциональной диагностики приобретает особую значимость и требует постоянного совершенствования [1].

За последнее десятилетие нормативное регулирование деятельности врачей функциональной диагностики претерпело значительные изменения. 11 марта 2019 был утвержден профес-

сиональный стандарт “Врач функциональной диагностики”, который определил трудовые функции, необходимые знания и умения специалистов данного профиля. Это стало важным шагом в стандартизации требований к квалификации врачей и качеству оказываемых ими услуг [1].

Также в 2018-2019 годах произошло существенное обновление порядков оказания медицинской помощи с включением расширенных требований к оснащению кабинетов и отделений функциональной диагностики. Была внедрена система непрерывного медицинского образования (НМО) и периодической аккредитации специалистов, что повысило требования к постоянному профессиональному развитию врачей [2].

Пандемия COVID-19 ускорила внедрение телемедицинских технологий, что нашло отражение в нормативных актах 2020-2022 годов, регламентирующих дистанционную интерпретацию результатов функциональных исследований. Были разработаны новые клинические рекомендации по функциональной диагностике различных патологических состояний, имеющие статус нормативных документов [3].

Несмотря на положительную динамику, в нормативном регулировании сохраняется ряд проблем. Существует несоответствие между быстрым развитием диагностических технологий и скоростью обновления нормативной базы. Недостаточно проработаны вопросы применения искусственного интеллекта в функциональной диагностике и юридической ответственности при его использовании. Сохраняются сложности в правовом регулировании междисциплинарного взаимодействия специалистов и преемственности диагностической информации [4].

Значимость функциональной диагностики в обеспечении здоровья населения трудно переоценить, так как в текущих реалиях демографическая стратегия России ориентирована на стимулирование рождаемости и достижение средней продолжительности жизни граждан до 75 лет к 2025 году (согласно Государственному докладу от 2019 года). В этом контексте вопросы доступности и качественного медицинского обслуживания становятся особенно значимыми и привлекают научное внимание.

Параллельно трансформируются стандарты организации работы диагностических отделений медучреждений, что обуславливает необходимость систематического контроля и модернизации регулирующих документов. В данный момент ключевым нормативным актом в сфере функциональной диагностики выступает Приказ Министерства здравоохранения РФ №283 от 30.10.1993 "О совершенствовании службы функциональной диагностики в учреждениях здравоохранения Российской Федерации" [5].

Тем не менее, за прошедшие годы существенно изменились методики проведения функциональных исследований и требования к ним, расширились технические возможности, улучшилось оснащение медицинских центров современным оборудованием. Одним из наиболее действенных подходов к решению этой проблемы является разработка оптимальных временных нормативов, показателей нагрузки и штатного расписания для профильных специалистов.

В статье проанализирована нормативная база, регулирующая деятельность врачей функ-

циональной диагностики, и были выявлены системные проблемы, требующие последовательного решения [7].

Нормативное обеспечение деятельности врачей функциональной диагностики в России сталкивается с рядом существенных проблем, которые негативно влияют на качество медицинской помощи и эффективность работы специалистов данного профиля.

Ключевой проблемой является устаревшая нормативная база. основополагающий документ - Приказ Министерства здравоохранения РФ №283 от 30.10.1993 "О совершенствовании службы функциональной диагностики в учреждениях здравоохранения Российской Федерации" - был принят почти три десятилетия назад. За это время произошли кардинальные изменения в технологическом оснащении, методиках исследований и организационных подходах к диагностическому процессу. Временные нормативы, разработанные в прошлом веке, не учитывают возможности современного оборудования и новые методики исследований, что приводит к неадекватной оценке трудозатрат специалистов.

Другой серьезной проблемой является несоответствие штатных нормативов реальным потребностям медицинских учреждений. Существующие нормативы часто не учитывают региональную специфику, особенности демографической ситуации и эпидемиологические характеристики различных территорий России. В результате в одних регионах наблюдается избыток специалистов функциональной диагностики, а в других - критический дефицит [6].

Отсутствие четких стандартов оснащения кабинетов функциональной диагностики современным оборудованием также создает значительные трудности. Нормативные документы не содержат актуальных требований к техническому оснащению, что приводит к существенному разрыву в диагностических возможностях между различными медицинскими учреждениями и регионами [7].

Проблема квалификационных требований к специалистам функциональной диагностики также требует внимания. Действующие нормативы недостаточно четко определяют необходимый уровень компетенций для работы с современным диагностическим оборудованием и интерпретации результатов новых методик исследований. Это затрудняет профессиональное развитие врачей и снижает качество диагностики [4].

Отдельного внимания заслуживает проблема интеграции службы функциональной диагностики в цифровое здравоохранение. Суще-

ствующая нормативная база практически не регламентирует вопросы телемедицины, дистанционной интерпретации результатов исследований, хранения и передачи цифровых данных, что существенно ограничивает возможности развития этого направления [8].

Финансовое обеспечение службы функциональной диагностики также сталкивается с нормативными проблемами. Тарифы на диагностические услуги в системе ОМС зачастую не соответствуют реальным затратам на их проведение, особенно при использовании современных технологий и методик. Это создает экономические барьеры для внедрения инноваций и повышения качества диагностики [9]. Анализируя современное состояние нормативного обеспечения, можно отметить, что назрела острая необходимость в комплексном пересмотре регулирующих документов с учетом технологического прогресса, изменившихся потребностей здравоохранения и международных стандартов. Требуется разработка гибких нормативов, учитывающих региональную специфику и особенности различных типов медицинских учреждений, а также создание механизмов оперативного обновления нормативной базы в соответствии с развитием медицинской науки и технологий [10].

Решение этих проблем позволит существенно повысить эффективность службы функциональной диагностики, что, в свою очередь, положительно скажется на качестве медицинской помощи населению и будет способствовать достижению стратегических целей российского здравоохранения.

Решение проблем нормативного регулирования деятельности врачей функциональной диагностики требует комплексного подхода, учитывающего современные реалии здравоохранения. Прежде всего необходима полная актуализация нормативной базы с разработкой нового основополагающего приказа взамен устаревшего №283 от 1993 года. Документ должен отражать современные технологические возможности, методики исследований и организационные подходы к диагностическому процессу [5].

Целесообразно внедрить систему динамического нормирования труда специалистов функциональной диагностики, основанную на хронометраже реальных трудовых затрат при работе с современным оборудованием. Такой подход позволит более справедливо оценивать нагрузку врачей и планировать штатное расписание медицинских учреждений. При этом важно предусмотреть механизм регулярного пересмотра временных нормативов с учетом внедрения новых технологий и методик [11].

Для решения проблемы региональных диспропорций в обеспеченности специалистами следует разработать дифференцированные штатные нормативы, учитывающие демографические, эпидемиологические и географические особенности территорий. Перспективным представляется внедрение гибкой системы коэффициентов, корректирующих базовые нормативы в зависимости от региональной специфики.

В области технического оснащения необходимо разработать многоуровневые стандарты, определяющие минимально необходимый набор оборудования для различных типов медицинских учреждений – от первичного звена до специализированных центров. Важно предусмотреть механизм регулярного обновления этих стандартов с учетом появления новых диагностических технологий.

Совершенствование квалификационных требований должно идти по пути создания более детализированной системы компетенций, необходимых для работы с конкретными видами диагностического оборудования и методиками исследований. Целесообразно нормативно закрепить модульный принцип непрерывного профессионального образования, позволяющий оперативно осваивать новые методики [3].

Для интеграции службы функциональной диагностики в цифровое здравоохранение требуется разработка нормативных документов, регламентирующих телемедицинские консультации, дистанционную интерпретацию результатов, хранение и передачу цифровых диагностических данных. Особое внимание следует уделить вопросам защиты персональных данных пациентов и юридической значимости дистанционных заключений [12].

Финансовое обеспечение службы функциональной диагностики нуждается в пересмотре методики формирования тарифов на диагностические услуги в системе ОМС. Необходимо внедрить механизм учета реальных затрат на проведение исследований с использованием современных технологий, включая расходы на амортизацию оборудования, расходные материалы и адекватную оплату труда специалистов [1].

Заключение. Проведенный анализ выявил необходимость комплексной модернизации нормативного обеспечения деятельности врачей функциональной диагностики. Ключевыми направлениями совершенствования являются актуализация устаревшей нормативной базы, разработка дифференцированных стандартов оснащения, внедрение гибкой системы квалификационных требований и создание механизмов оперативного обновления регулирующих документов.

Решение выявленных проблем позволит повысить качество диагностической помощи, эффективность работы специалистов и обеспечить соответствие современным технологическим возможностям здравоохранения.

Список литературы:

[1] Толмачев Денис Анатольевич. «Обеспеченность врачами функциональной диагностики в Российской Федерации, в 2009-2018 гг. «Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики», no. 4, 2019, pp. 358-368. doi:10.24411/2312-2935-2019-00101

[2] Копылова Наталья Владимировна, Галин Павел Юрьевич. «Непрерывное медицинское образование: актуальные вопросы и пути реализации программы» Оренбургский медицинский вестник, vol. VI, no. S4 (24), 2018, pp. 37-44.

[3] Гурцкой Лев Дмитриевич. «ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РАЗВИТИЕ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ В ПЕРИОД И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19» Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко, no. 3, 2022, pp. 44-47.

[4] Атабеков Атабек Рустамович. «АНАЛИЗ ПОДХОДОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЙСТВИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЕ: ОПЫТ США И РОССИИ.» Юридические исследования, no. 6, 2023, pp. 1-9.

[5] Приказ Министерства здравоохранения России от 30.11.1993 г. № 283 «О совершенствовании службы функциональной диагностики в учреждениях здравоохранения Российской Федерации»: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://zakonbase.ru/content/base/70529>

[6] Анализ развития и функционирования диагностических подразделений в Российской Федерации / Ф.С. Билалов, А.Ж. Гильманов, М.А. Шарафутдинов [и др.] // Медицинский алфавит. - 2018. - Т. 1. - № 5 (342). - С. 12-16.

[7] Толмачев Денис Анатольевич. «Нормативные документы по деятельности врачей ультразвуковой диагностики» Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики, no. 2, 2016, pp. 41-51.

[8] Билалов, Ф.С. Научное обоснование модернизации диагностической помощи населению и формирования трехуровневой системы её организации на региональном уровне: автореф. дис. ... д-ра мед. наук: 14.02.03 / Билалов Фаниль Салимович. - М., 2018. - 47 с.

[9] Найговзина Нелли Борисовна, Сон Ирина Михайловна, Корчуганова Елена Александровна, Титкова Юлия Сергеевна, Цветкова Елена Александровна, Макарова Наталия Константиновна,

Гончаревская Зоя Леонидовна, Федорова Юлия Владимировна. «ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОРЯДКОВ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ» Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики, no. 5, 2022, pp. 702-724. doi:10.24412/2312-2935-2022-5-702-724

[10] Рыголь Л.В., Сон И.М., Кириллов В.И., Гусева С.Л. Организационные технологии, повышающие доступность медицинской помощи для населения. Профилактическая медицина. 2020;23(2):26-34.

[11] Ивашикина Т.М., Кадыров Ф.Н., Пашкова В.П., Клименкова О.А.. «НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К НОРМИРОВАНИЮ ТРУДА В ЛАБОРАТОРНОЙ ДИАГНОСТИКЕ» Менеджер здравоохранения, no. 7, 2019, pp. 71-77.

[12] Железнякова И.А., Хелисупали Т.А., Омеляновский В.В., Тишкина С.Н. Анализ возможности применения зарубежного опыта оказания телемедицинских услуг в Российской Федерации. Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2020;(2):26-34.

Spisok literatury:

[1] Tolmachev Denis Anatol'evich. "Obespechennost' vrachami funkcional'noj diagnostiki v Rossijskoj Federacii, v 2009-2018 gg. " Sovremennye problemy zdavoohraneniya i medicinskoj statistiki, no. 4, 2019, pp. 358-368. doi:10.24411/2312-2935-2019-00101

[2] Kopylova Natal'ya Vladimirovna, Galin Pavel YUr'evich. "Nepriyryvnoe medicinskoie obrazovanie: aktual'nye voprosy i puti realizacii programmy" Orenburgskij medicinskij vestnik, vol. VI, no. S4 (24), 2018, pp. 37-44.

[3] Gurckoj Lev Dmitrievich. "CIFROVYE TEKHNOLOGII I RAZVITIE TELEMEDICINY V PERIOD I POSLE PANDEMII COVID-19" Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko, no. 3, 2022, pp. 44-47.

[4] Atabekov Atabek Rustamovich. "ANALIZ PODHODOV OPREDELENIYA YURIDICHESKOJ OTVETSTVENNOSTI ZA DEJSTVIYA ISKUSSTVENNOGO INTELEKTA V MEDICINSKOJ SFERE: OPYT SSHA I ROSSII." YUridicheskie issledovaniya, no. 6, 2023, pp. 1-9.

[5] Prikaz Ministerstva zdavoohraneniya Rossii ot 30.11.1993 g. № 283 «O sovershenstvovaniu sluzhby funkcional'noj diagnostiki v uchrezhdeniyah zdavoohraneniya Rossijskoj Federacii»: [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://zakonbase.ru/content/base/70529>

[6] Analiz razvitiya i funkcionirovaniya diagnosticheskikh podrazdelenij v Rossijskoj federacii / F.S.

Bilalov, A.ZH. Gil'manov, M.A. SHarafutdinov [i dr.] // *Medicinskij alfavit*. - 2018. - T. 1. - № 5 (342). -S. 12-16.

[7] Tolmachev Denis Anatol'evich. "Normativnye dokumenty po deyatel'nosti vrachej ul'trazvukovoj diagnostiki" *Sovremennye problemy zdavoohraneniya i medicinskoj statistiki*, no. 2, 2016, pp. 41-51.

[8] Bilalov, F.S. Nauchnoe obosnovanie modernizacii diagnosticheskoy pomoshchi naseleniyu i formirovaniya trekhurovnevoj sistemy eyo organizacii na regional'nom urovne: avtoref. dis. ... d-ra med. nauk: 14.02.03 / Bilalov Fanil' Salimovich . - M., 2018. - 47 s.

[9] Najgovzina Nelli Borisovna, Son Irina Mihajlovna, Korchuganova Elena Aleksandrovna, Titkova YUliya Sergeevna, Cvetkova Elena Aleksandrovna, Makarova Nataliya Konstantinovna, Goncharevskaya Zoya Leonidovna, Fedorova YUliya Vladimirovna.

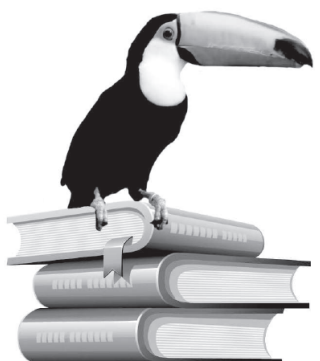
"PROBLEMY PRIMENENIYA PORYADKOV OKAZANIYA MEDICINSKOJ POMOSHCHI. OBZOR LITERATURY" *Sovremennye problemy zdavoohraneniya i medicinskoj statistiki*, no. 5, 2022, pp. 702-724. doi:10.24412/2312-2935-2022-5-702-724

[10] Rugol' L.V., Son I.M., Kirillov V.I., Guseva S.L. Organizacionnye tekhnologii, povyshayushchie dostupnost' medicinskoj pomoshchi dlya naseleniya. *Profilakticheskaya medicina*. 2020;23(2):26-34.

[11] Ivashikina T.M., Kadyrov F.N., Pashkova V.P., Klimenkova O.A.. "NEKOTORYE PODHODY K NORMIROVANIYU TRUDA V LABORATORNOJ DIAGNOSTIKE" *Menedzher zdavoohraneniya*, no. 7, 2019, pp. 71-77.

[12] ZHeleznyakova I.A., Helisupali T.A., Omel'yanovskij V.V., Tishkina S.N. Analiz vozmozhnosti primeneniya zarubezhnogo opyta okazaniya telemedicinskih uslug v Rossijskoj Federacii. *Medicinskie tekhnologii. Ocenka i vybor*. 2020;(2):26-34.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-484-487

ПЕТРУХИН М.В.,
судья Арбитражного суда Владимирской области,
кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Аннотация. В статье анализируются подходы к вопросу о субъекте, обязанном возместить причиненный в ходе строительных работ вред третьим лицам. Предлагается авторский концепт возмещения вреда третьим лицам при выполнении строительных работ.

Ключевые слова: договор строительного подряда, строительство, заказчик, подрядчик, возмещение вреда третьим лицам.

PETRUKHIN M.V.,
Judge of the Arbitration Court
of the Vladimir Region, Candidate of Law

ON THE ISSUE OF COMPENSATION FOR HARM TO THIRD PARTIES WHEN PERFORMING CONSTRUCTION WORK

Annotation. The article analyzes approaches to the issue of a subject who is obliged to compensate third parties for damage caused during construction work. The author's concept of compensation for harm to third parties during construction work is proposed.

Key words: construction contract, construction, customer, contractor, compensation for damage to third parties.

Известно, что строительная и иная, связанная с нею деятельность, является деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, в связи с чем вред возмещается независимо от вины причинителя вреда (статья 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)) [5].

При этом нередко в ходе выполнения строительных работ вред причиняется третьим лицам. Причины тому могут быть разными: нарушение требований специальных норм подрядчиком, ошибки проектировщика, неверные указания заказчика и т.п. В этой связи возникает вопрос о том, кто является лицом, обязанным возместить вред, причиненный третьему лицу.

Анализ судебной практики показывает, что суды по-разному подходят к решению данного вопроса. На практике сформировалось три подхода: 1) заказчик не отвечает за вред, причиненный третьим лицам, в результате нарушения подрядчиком правил ведения работ; 2) ответственность за вред, причиненный третьим лицам, несет заказчик работ; 3) ответственность за вред, причиненный третьим лицам, заказчик и подрядчик несут солидарно.

Цель данной статьи – осветить названные подходы и предложить пути их решения.

Как известно, договор строительного подряда урегулирован нормами § 3 главы 37 ГК РФ. При этом вопросам безопасности строительных работ посвящены нормы ст. 751 ГК РФ («Обязанности подрядчика по охране окружающей среды и обеспечению безопасности строительных работ»), согласно которой подрядчик обязан при осуществлении строительства и связанных с ним работ соблюдать требования закона и иных правовых актов об охране окружающей среды и о безопасности строительных работ. Подрядчик несет ответственность за нарушение указанных требований.

Как уже было отмечено ранее, в судебной практике сформировалось три подхода к решению данной проблемы, анализ которых приведен ниже.

Заказчик не отвечает за вред, причиненный третьим лицам, в результате нарушения подрядчиком правил ведения работ [6].

Данный подход основан на пункте 1 ст. 1064 ГК РФ, устанавливающем общее правило возмещения вреда, согласно которому вред, причинен-

ный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, а также пункте 2 ст. 721 ГК РФ, обязывающем подрядчика соблюдать обязательные требования к работе, установленные законом, иными правовыми актами или в установленном ими порядке.

Ответственность за вред, причиненный третьим лицам, несет заказчик работ [7].

У данного подхода есть два обоснования.

Первое основано на расширительном толковании пункта 1 ст. 1068 ГК РФ, в силу которого под работниками признаются граждане, выполняющие работу не только на основании трудового договора (контракта), но и граждане, выполняющие работу по гражданско-правовому договору, если при этом они действовали или должны были действовать по заданию соответствующего юридического лица или гражданина и под его контролем за безопасным ведением работ.

Второе на наличии у заказчика права собственности или иного ограниченного вещного права, в силу которого именно заказчик отвечает за вред причиненный вещью, вне зависимости от наличия договора с подрядчиком.

Следовательно, любое причинение вреда вещью собственника, вне зависимости от того, кем причинен вред (заказчиком или подрядчиком), возлагает на собственника обязанность возмещения вреда.

Указанная практика распространена по делам о дорожно-транспортных происшествиях в результате ненадлежащего содержания дорог.

Как правило, суды указывают, что наличие заключенного с подрядчиком договора не освобождает заказчика (владельца автомобильных дорог на праве оперативного управления), исполнять обязанность за надлежащим состоянием автомобильных дорог и устранению повреждений, возникающих на автомобильных дорогах.

Ответственность титульного владельца автомобильных дорог за состояние указанных дорог по отношению к потерпевшему является первичной относительно ответственности подрядчика по договору (пункт 3 ст. 308 ГК РФ).

Неисполнение подрядчиками обязанностей по исполнению договоров по содержанию дороги не может служить основанием для освобождения ее собственника от ответственности за ненадлежащее исполнение возложенных на него законом обязанностей по организации безопасности дорожного движения [8].

Ответственность за причинение подрядчиком вреда третьим лицам несут заказчик и подрядчик солидарно [9].

Указанный подход основан на положениях ст. 1080 ГК РФ о солидарной ответственности лиц, совместно причинивших вред, и применяется к тем случаям, когда степень вины каждого из которых в объеме возникших негативных последствий определить в отдельности не представляется возможным.

Названный подход поддерживается отечественными учеными [1].

Переходя к анализу приведенных подходов, следует отметить, что в доктрине отмечается, что характерной особенностью договорного права в целом является то, что возникающие из договоров обязательственные правоотношения носят относительный характер, то есть опосредуют правовую связь только между сторонами соответствующих договоров и не затрагивают права и интересы третьих лиц, не участвующих в договоре, равно как и третьи лица не могут влиять на права и обязанности сторон договора. В римском (а затем - в континентальном европейском) праве это правило выражалось формулой *alteri stipulari nemo potest* (никто не может заключать договоров (получить стипуляционное обещание) для другого, в странах общего права выводилось из доктрины *privity of contract* (частный характер договора) [2].

По нашему мнению, первый из приведенных подходов представляется спорным, поскольку кроме обязанности подрядчика соблюдать обязательные требования к работе, установленные законом, иными правовыми актами или в установленном ими порядке, также существует и обязанность заказчика осуществлять контроль и надзор за ходом и качеством выполняемых работ, соблюдением сроков их выполнения (графика), качеством предоставленных подрядчиком материалов, а также правильностью использования подрядчиком материалов заказчика, не вмешиваясь при этом в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика, установленная п. 1 ст. 748 ГК РФ.

Проведенный анализ судебной практики показывает, что суды значительное внимание уделяют исследованию условий договора строительного подряда на предмет возложения обязанности обеспечения безопасного ведения работ, а также условию возмещения вреда, причиненного третьим лицам.

Однако в случае причинения вреда третьим лицам не возможно однозначно утверждать, что вред причинен исключительно в результате неисполнения подрядчиком своих обязательств по договору подряда.

Кроме того, отношения между причинителем вреда и потерпевшим являются внедоговорными, следовательно, наличие между заказчиком и под-

рядчиком договорных обязательств не может изменить состав лиц, участвующих в деликтном правоотношении, поскольку потерпевший не является стороной указанного договора (пункт 3 ст. 308 ГК РФ, пункт 2 Постановления Пленума ВС РФ от 22 ноября 2016 г. N 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»). Более того, между заказчиком и подрядчиком вообще может не быть письменного договора, что на практике довольно часто распространено в отношениях между физическими лицами.

Второй подход также представляется спорным, поскольку привлекая подрядчика к выполнению работ, вещь на время выбывает из владения собственника.

Безусловно, в большинстве случаев потерпевшему было бы проще требовать возмещения вреда с заказчика работ, т.к. потерпевший, как правило, не знает, кто же является непосредственным причинителем вреда: подрядчик может привлечь к выполнению работ субподрядчика/ов.

Однако привлекая подрядчика, заказчик полагается на него как на профессионала в сфере строительства. При этом заказчик может не обладать познаниями в области строительства.

Как отмечает Ю.А. Накул, идея заключения договора строительного подряда состоит в том, что заказчик отстраняется от выполнения работ и привлекает генерального подрядчика, который ответственен за строительство [3].

Кроме того, зачастую заказчик объективно не может контролировать «каждый шаг подрядчика».

Обоснование со ссылками на бремя содержания принадлежащего заказчику имущества (ст. 210 ГК РФ) также представляется спорным, поскольку привлечение подрядчика к ремонту принадлежащей ему вещи, очевидно, не может рассматриваться как противоправное.

Относительно третьего подхода следует отметить, что он безусловно облегчает положение потерпевшего, которому нет необходимости обосновывать чьими конкретно действиями был причинен вред. Кроме того, привлечение заказчика и подрядчиков к солидарной ответственности увеличивает шансы потерпевшего на реальное возмещение вреда.

Однако по смыслу ст. 1080 ГК РФ для солидарной ответственности соделинквентов требуется именно их согласованные действия, направленные на причинение вреда.

Как отмечается в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 30.11.2017 N 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возме-

щении вреда, причиненного окружающей среде» о совместном характере действий соделинквентов могут свидетельствовать их согласованность, скоординированность и направленность на реализацию общего для всех действующих лиц намерения.

Однако в большинстве случаев при заключении договора строительного подряда его стороны не преследуют противоправной цели. Наоборот, их действия направлены на достижение правомерной цели: ремонт/реконструкция объекта недвижимости либо создание нового объекта недвижимости.

Причинение вреда третьим лицам является следствием нарушения подрядчиком требований строительных норм и правил, как правило, в результате его халатности.

По нашему мнению, основанием возмещения вреда будет являться не наличие договора между заказчиком и подрядчиком, в котором предусмотрена ответственность за вред, причиняемый третьим лицам, а действия или бездействия лица, в результате которых указанный вред был причинен.

При этом, как верно отмечал В.Ф. Яковлев, «в гражданско-правовом порядке нельзя применять санкции против любого противоправного поведения или против любого правонарушения. Их можно применять лишь против лица, которое своим действием или бездействием нарушает субъективное право» [4].

Таким лицом в договоре строительного подряда в большинстве случаев является подрядчик.

Исключением из данного правила, по нашему мнению, могут быть случаи, когда результат работы принят заказчиком и им используется. Представляется, что в этом случае при принятии результата выполненной работы как владение, так и риск причинения вреда третьим лицам приходит от подрядчика к заказчику, что не лишает заказчика права предъявления регрессного требования к подрядчику.

Список литературы:

[1] Артеменков С.В., Кравец В.Д. Ответственность заказчика за вред, причиненный третьим лицам при выполнении строительных работ // Хозяйство и право. 2025. № 2. С. 3 - 15.

[2] Гутников О.В. Договоры, затрагивающие права и интересы третьих лиц: границы допустимых условий // Вестник арбитражной практики. 2024. № 4. С. 3 - 16.

[3] Накул Ю.А. Принцип относительности правоотношений, возникающих из договора строительного подряда / Ю.А. Накул // Проблемы стро-

ительного права: сборник статей. Вып. 1 / составитель и ответственный редактор Н.Б. Щербаков. Москва: Статут, 2022. 328 с.

[4] Яковлев В.Ф. Принуждение в гражданском прав / Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: История и современность. Кн. 1. М.: Статут, 976 с.

[5] Соответствующие разъяснения даны в пункте 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

[6] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.05.2024 № Ф01-1600/2024 по делу № А43-15771/2023; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.04.2025 № Ф01-731/2025 по делу № А43-1670/2024.

[7] Определении Верховного Суда РФ № 4-КГ20-72-К1 от 09.03.2021; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.08.2023 № 19АП-4350/2023 по делу № А35-6191/2022; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2023 № 09АП-26343/2023 по делу № А40-246011/2022; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 18.01.2023 № 10АП-22570/2022 по делу N А41-31031/2022.

[8] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.03.2025 N Ф01-433/2025 по делу № А11-14118/2020.

[9] Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022.

Spisok literatury:

[1] Artemenkov S.V., Kravec V.D. Otvetstvennost' zakazchika za vred, prichinennyj tret'im licam pri vypolnenii stroitel'nyh rabot // Hozyajstvo i pravo. 2025. № 2. S. 3 - 15.

[2] Gutnikov O.V. Dogovory, zatragivayushchie prava i interesy tret'ih lic: granicy dopustimyh uslovij // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2024. № 4. S. 3 - 16.

[3] Nakul Yu.A. Princip otnositel'nosti pravootnoshenij, vznikayushchih iz dogovora stroitel'nogo podryada / Yu.A. Nakul // Problemy stroitel'nogo prava: sbornik statej. Vyp. 1 / sostavitel' i otvetstvennyj redaktor N.B. Shcherbakov. Moskva: Statut, 2022. 328 s.

[4] Yakovlev V.F. Prinuzhdenie v grazhdanskom prav / Izbrannye trudy. T. 2: Grazhdanskoe pravo: Istoriya i sovremennost'. Kn. 1. M.: Statut, 976 s.

[5] Sootvetstvuyushchie raz'yasneniya dany v punkte 18 postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 26 yanvarya 2010 g. № 1 «O primeneni sudami grazhdanskogo zakonodatel'stva, reguliruyushchego otnosheniya po obyazatel'stvam vsledstvie prichineniya vreda zhizni ili zdorov'yu grazhdanina».

[6] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 27.05.2024 № F01-1600/2024 po delu № А43-15771/2023; Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 18.04.2025 № F01-731/2025 po delu № А43-1670/2024.

[7] Opredelenii Verhovnogo Suda RF № 4-KG20-72-K1 ot 09.03.2021; Postanovlenie Devyadnadcetogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 25.08.2023 № 19AP-4350/2023 po delu № А35-6191/2022; Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 20.06.2023 № 09AP-26343/2023 po delu № А40-246011/2022; Postanovlenie Desyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 18.01.2023 № 10AP-22570/2022 po delu N А41-31031/2022.

[8] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 27.03.2025 N F01-433/2025 po delu № А11-14118/2020.

[9] Obzor sudebnoj praktiki po voprosam primeniya zakonodatel'stva ob ohrane okruzhayushchej sredy, utverzhdenyj Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 24.06.2022.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-488-493

АСТАФЬЕВ Максим Витальевич,
Заместитель генерального директора
по правовому обеспечению ЗАО «Группа компаний С 7»
Аспирант 3-го курса очной формы обучения,
кафедра гражданского права и процесса, АТусО,
e-mail: m.astafiev.72@gmail.com

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ВОЗДУШНЫЕ СУДА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ – ТЕНДЕНЦИИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрена проблема необходимости оптимизации системы государственной регистрации гражданских воздушных судов (далее, «воздушных судов») и прав на них в Российской Федерации и устранения системных недостатков российской системы регистрации в современных реалиях – с одной стороны, прекращение в марте 2022 года Российской Федерацией действия 83-bis Соглашения, ранее заключенного с Бермудами и позволявшего российским авиакомпаниям эксплуатировать воздушные суда, зарегистрированные в национальном реестре воздушных судов этой страны, относящейся к Западным территориям Великобритании, а, с другой стороны, появление сегодня определенной перспективы ослабления санкционного давления в области гражданской авиации со стороны отдельных западных стран и, как следствие, восстановления нормального функционирования частно-правовых сделок по приобретению воздушных судов с участием российских авиакомпаний.

На основании детального анализа вышеуказанных и иных связанных с ними юридических аспектов, автор предлагает вариант пути разрешения существующей сегодня в российском праве коллизии международного и национального правовых режимов защиты интересов и прав собственников воздушных судов.

Ключевые слова: воздушные суда, вещное право, обременение, регистрация воздушного судна, регистрация права, защита права, экономические рестрикции (санкции).

ASTAFYEV Maxim Vitalyevich,
Chief Legal Officer S7 Group,
CJSC postgraduate student of the 3rd year of full-time education,
department of civil law and process, ATISO

THE CHANGE OF LEGAL MECHANISM OF THE CONFIRMATION OF THE RIGHTS IN REM ON AIRCRAFT AT THE PRESENT TIME – TENDENCIES AND SUGGESTIONS

Annotation. The article considers the problem of necessity to optimize the system of civil aircraft state registration (the “aircraft”) and the rights on them in the Russian Federation systemic defect correction in the Russian registration system in the present time – at one hand, the termination by the Russian Federation in March, 2022, of the 83-bis Agreement made entirely with Bermuda and allowed to the Russian airlines to operate the aircraft registered in national aircraft registry of that state being Overseas territory of the United Kingdom, and, at other hand, an appearance today of certain prospects of the dilution of sanctions in civil aviation sector by certain western states and, as a consequence, a backup of normal functioning of private law aircraft acquisition deals with the participation of Russian airlines.

On the basis of detailed analysis of aforesaid and other related thereto legal aspects, the author suggests the variant of the way to resolve the collision of international and national legal regimes of the defense of aircraft owners' rights and interest existing in the Russian law currently.

Key words: aircraft, rights in rem, encumbrance, aircraft registration, registration of right, right defense, economic restrictions (sanctions).

Дискуссия о степени обоснованности отнесения воздушных судов к объектам «недвижимости в силу закона» развивается в рамках российской правовой доктрины уже более тридцати лет. Стоит отметить, что ряд авторов совершенно обоснованно указывал на то, что сам прием, использованный законодателем для конструирования понятия недвижимости в статье 130 ГК РФ некорректен, поскольку при определении признаков недвижимости не выдержаны критерии единства отбора – понятие недвижимости определено не путем установления признаков данного явления, а путем установления их перечня, приведения примеров недвижимых вещей [1].

Сторонники отнесения воздушных судов к объектам недвижимости с силу закона утверждают, что это позволяет укрепить права собственников на воздушные суда, усилить стабильность гражданского оборота, упорядочить отношения по сбору налогов и создать механизмы государственного управления рынком воздушных судов, а в качестве достоинства принятого федерального закона указывали на то, что по своей структуре и содержанию он повторяет исходный федеральный закон о регистрации прав на классические недвижимые вещи [2]. При этом сторонники данного подхода полностью игнорируют тот факт, что юридические принципы гражданского оборота классических недвижимых вещей и воздушных судов принципиально различны – вместо этого ими формулируется крайне спорный, по мнению автора настоящей статьи, довод: «... все транспортные и космические объекты обладают их особой ценностью в строго определенных условиях, а ущерб, несоразмерный их назначению, может возникнуть не при передвижении их, а при отрыве от привычной среды использования ...» [3].

Системный юридический анализ причин возникновения данной юридической дискуссии, ее отражения в работах различных авторов уже был ранее проведен автором настоящей работы [4]. Важно отметить, что основным результатом последнего стало предложение исключить воздушные суда из перечня недвижимых вещей, установленного статьей 130 ГК РФ, и прекратить действие федерального закона №31-ФЗ от 13.03.2009 г. «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» в полном объеме, и, одновременно с этим, дополнить нормы законодательства Российской Федерации рядом новелл, направленных на придание государственному реестру воздушных судов РФ функции инструмента защиты вещных прав на воздушное судно на основе принципа государственной

регистрации (учета) факта существования того или иного вещного права и/или его обременения без придания акту такой регистрации правоустанавливающего характера.

В настоящей работе предлагается подойти к поиску ответа на тот же вопрос – существуют ли достаточные юридические основания в рамках российской правовой доктрины признать за воздушными судами юридический статус объектов движимого имущества, и возможно ли предложить такой механизм правового регулирования, который обеспечит необходимый уровень защиты вещных прав на воздушные суда и законных интересов держателей обременений таковых, в целях восстановления нормального функционирования системы частноправовых сделок по приобретению и эксплуатации воздушных судов российскими авиакомпаниями.

Элемент «международности» заложен в самой природе гражданской авиации [5], поскольку скорость перемещения воздушного судна в пространстве позволяет говорить о том, что любые правоотношения «несуверенных» субъектов права могут иметь в своей структуре даже не один, а сразу несколько иностранных элементов, что, как правило, требует применения смешанного метода регулирования таких правоотношений. По этой причине структура будущей сделки по приобретению воздушного судна российской авиакомпанией (далее, «Сделка по приобретению ВС»), которая по своей структуре может представлять собой даже не одно многостороннее правоотношение, а совокупность двухсторонних и многосторонних правоотношений, подлежит определению на основе ответов на, как минимум следующие, вопросы: в какой стране будет произведено воздушное судно, в каких странах будут находиться первый приобретатель (будущий собственник) воздушного судна и будущий эксплуатант воздушного судна, будет ли покупатель воздушного судна привлекать стороннее финансирование на покупку воздушного судна и, если – да, то в каких странах будут находиться финансирующие сделку банки либо синдикат банков, будут ли в структуре сделки задействованы дополнительные участники в целях оптимизации налоговых расходов или выбора удобного национального реестра воздушных судов, будут ли финансирующие банки требовать обеспечительные меры в отношении возвратности кредитных средств посредством обременения приобретаемого воздушного судна залогом либо предоставления покупателем воздушного судна и российской авиакомпанией соглашений об уступке прав по сделке в пользу банка в случае наступления события неплатежа или иного существенного нарушения кредитной документации заемщиком и т.д..

В результате ответов на все эти вопросы, в зависимости от сложности структуры сделки, договорная документация может доходить до десятков и даже сотен отдельных документов, причем регулироваться данные документы могут различным правом, равно как и юрисдикции рассмотрения споров сторон сделки могут быть различны для разных элементов структуры сделки. Нельзя также забывать о возможно применимых к взаимоотношениям сторон по данной сделке международных договорах, участниками которых могут быть страны местонахождения участников сделки, а также об императивных нормах коллизионного права отдельных стран, чьи резиденты вовлечены в сделку, и сверхимперативных нормах коллизионного права, например, в юрисдикции выбранного сторонами применимого права либо юрисдикции рассмотрения потенциальных судебных либо арбитражных споров.

В Сделке по приобретению ВС ключевой интерес каждого из участников сделки, состоит в получении прозрачного механизма определения прав собственности, иных вещных прав и установленных в обеспечение расчетов по заключенной сделке обременений в отношении воздушного судна, их приоритета во времени и юридической силе.

Высокая степень подвижности воздушного судна существенно повышает риск неконтролируемого физического перемещения воздушного судна из одной юрисдикции в другую, особенно если эти юрисдикции исповедуют различные подходы в части определения права, применимого к вопросам установления права собственности на таковое.

С другой стороны, фактическое выполнение авиакомпанией международных полетов в большое количество юрисдикций, в которых могут быть выполнены эти полеты, делает для авиакомпании существенным принадлежащее ей право спокойного владения и эксплуатации воздушного судна при условии выполнения условий сделки, с одной стороны, и необходимость минимизировать риски заявления потенциальными кредиторами по данной сделке конфликтных заявлений в отношении реализации их прав либо применения обременений, установленных в их пользу, с другой.

В качестве основополагающего коллизионного правила российская правовая доктрина в данном случае называет соглашение о применимом праве [9]. Роль и значение этого коллизионного правила трудно переоценить именно для сложно структурированных сделок, к которым относится Сделка по приобретению ВС. Статья 1210 ГК РФ дает право сторонам по сделке как при заключении сделки, так и в процессе ее испол-

нения, выбрать своим соглашением право, которым будут регулироваться взаимоотношения сторон по сделке.

Традиционно сделки в сфере приобретения воздушных судов в силу устоявшегося международного обычая делового оборота заключались в английском праве, при этом стороны одновременно заключают так называемое «арбитражное соглашение» и/или «пророгационное соглашение», которым устанавливаются согласованные юрисдикция или юрисдикции споров по данной сделке, как на исключительной, так и неисключительной основе, а также – возможность сторон обратиться со своим спором в международный коммерческий арбитраж.

Современные реалии для участников подобных сделок принципиально изменились в марте 2022 года. Причиной этого стало решение Российской Федерации прекратить многолетнее действие Соглашения между правительством Бермуд [10] и Правительством РФ по поводу передачи функций и обязанностей по надзору (так называемое, «Соглашение 83-bis»), согласно которому воздушное судно, имеющее свидетельство о регистрации и удостоверение о годности полетам, выданные властями Бермуд, и включенное в соответствующее приложение к Соглашению 83-bis между Российской Федерацией и Бермудами, юридически обрело статус воздушного судна с российской регистрацией и могло быть использовано российской авиакомпанией, при осуществлении коммерческих пассажирских и грузовых перевозок.

Применение юридической конструкции, предусмотренной статьей 83-bis Конвенции о международной гражданской авиации [11], заключенной в г. Чикаго, США, 07 декабря 1944 г. (далее – «Чикагская конвенция»), позволяло российским авиакомпаниям структурировать сложные сделки на основе лучших мировых практик и общих норм российского коллизионного права, обходя таким образом применение к правам и обязанностям сторон таких императивных норм российского права как статья 1207 ГК РФ, согласно которой право собственности и иные вещные права на воздушные суда, подлежащие государственной регистрации, определяются по праву страны, где эти суда зарегистрированы, и статья 38 АПК РФ, которая устанавливает исключительную подсудность споров о правах на воздушные суда арбитражным (государственным) судам стран, где эти суда зарегистрированы, чем ставит под вопрос правомочие сторон в Сделке по приобретению воздушного судна применить, соответственно, соглашение о применимом праве, пророгационное соглашение и/или арбитражное соглашение.

Со стороны кредиторов в подобных сделках, как правило, также устанавливалось требование о регистрации воздушного судна на срок предоставления финансирования по таковой в национальном реестре воздушных судов Бермуд на основании Соглашения 83-bis, т.к. права собственности и вещные права на воздушное судно и сделки с ними не подлежат государственной регистрации в Российской Федерации, если указанное воздушное судно зарегистрировано вне пределов Российской Федерации.

Дополнительную защиту прав кредиторов в таком случае придавало применение Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования [12], г. Кейптаун, 16 января 2001 года, в редакции Протокола по авиационному оборудованию к указанной конвенции от того же числа, ратифицированной Российской Федерацией в 2012 году, (далее, «Кейптаунская конвенция»).

Выход Российской Федерации в марте 2022 года из Соглашения 83-bis привел к тому, что сегодня воздушные суда, используемые российскими авиакомпаниями в целях осуществления коммерческой воздушной перевозки, должны быть зарегистрированы в Российском государственном реестре воздушных судов. Заявителями на государственную регистрацию воздушных судов в государственном реестре гражданских воздушных судов Российской Федерации могут быть только владельцы и собственники воздушных судов – российские резиденты, российские авиакомпании, заключая сегодня Сделки по приобретению воздушных судов, лишены возможности в полной мере использовать свободу выбора применимого к договору права и преимущества выбора юрисдикции спора в силу последовательного применения к взаимоотношениям сторон, как минимум, в части разрешения вопросов, связанных с правом собственности и иными вещными правами на воздушное судно, императивных положений статей 1207 ГК РФ и 38 АПК РФ, что не зависит от выбранного сторонами применимого к сделке права, но обусловлено статусом Российской Федерации как места государственной регистрации воздушного судна как объекта частного воздушного права, так и места нахождения конечного пользователя и эксплуатанта воздушного судна.

В данном контексте стоит согласиться с С.А. Синициным [6] в том, что концептуальных подходов к определению недвижимости практически не затронула реформа части первой ГК РФ, более того, единообразных решений и взглядов на этот вопрос не сложилось до настоящего времени. Будучи заявлен автором в 2021 году, данный вывод актуален и сегодня, как актуально мнение

автора и о том, что сегодня назрела потребность кардинального пересмотра устаревшего доктринального подхода к воздушным судам как к «недвижимости в силу закона».

Как известно, Чикагская конвенция не регулирует вопросы определения собственности на воздушные суда, поскольку институт вещного права – это более сфера частного права, в том числе, внутреннего коллизионного права, но, как верно отметил Вартанян Н.В. еще в 2009 году, российский государственный реестр воздушных судов содержит данные о собственнике воздушного судна, следовательно, любое заинтересованное лицо может получить такую информацию непосредственно из реестра, которую должно считать достоверной, поскольку она исходит из официального источника [7]. Таким образом,

1. отмена применения правового режима «недвижимости в силу закона» к воздушным судам;
2. прекращение действия системы регистрации прав на воздушные суда сделок с ними (с одновременным приданием государственному реестру воздушных судов полноценной регистрирующей (учетной) функции в отношении круга обладателей вещных прав и держателей обременений таковых в отношении определенного воздушного судна);
3. исключения из статьи 38 АПК нормы об исключительной юрисдикции арбитражных (государственных) судов стран, где эти суда зарегистрированы, в отношении споров о правах на воздушные суда; и
4. установление требования о нотариальной форме залога воздушного судна (что позволит обеспечить доступность более «дешевых кредитных денег» для российских авиакомпаний),

представляется единственным сценарием, который способен вновь обеспечить доступ для участников гражданско-правового оборота к нормальному применению соглашений о применимом праве, пророгационных и арбитражных соглашений как ключевых инструментов российского коллизионного права для структурирования сложных Сделок по приобретению воздушных судов, утраченный в свете событий марта 2022 года.

В заключение настоящей работы будет справедливо отметить, что формально юридически Кейптаунская конвенция не регулирует вопросы определения собственника воздушного судна, обладателя вещного права на таковое либо держателя обременения на таковое, а терминологически «международная гарантия» и «титул» имеют принципиально разное смысловое наполнение. Корректное оформление «международной гаран-

тии» и придание ей юридической силы предоставляет кредитору по сделке о приобретении воздушного судна специальную международную защиту от невыполнения должником своих обязательств по сделке. В договорной документации по сделке кредитор и должник вправе согласовать и четко определить, какие действия или бездействия стороны по сделке образуют событие неисполнения обязательства (дефолта), но даже если эти формулировки не нашли отражения в договорной документации, под событием неисполнения обязательства (дефолтом) в интересах применения положений настоящего международного договора будет пониматься такое неисполнение обязательства, которое в значительной степени лишает кредитора того, на что он вправе рассчитывать по условиям заключенной сторонами сделки [13]. К способам такой защиты следует отнести право кредитора в случае наступления события дефолта принять во владение воздушное судно, если такое представлено ему в порядке обеспечения обязательств должника, либо установить фактический контроль над таковым, либо вступить в иную сделку, предусматривающую продажу или передачу данного воздушного судна третьему лицу либо получение иного дохода от управления таковым [14].

По этой причине в качестве дополнительного элемента обновленного правового механизма подтверждения признания и юридической защиты права собственности и иных вещных прав на воздушные суда в Российской Федерации следует рассмотреть ратификацию принятой 19 июня 1948 г. Ассамблеей ИКАО в Женеве Конвенции о международном признании прав на воздушные суда. Данная конвенция вступила в силу в 1953 году, на данный момент состав ее участников насчитывает 89 стран, Российская Федерация не является сегодня участницей конвенции.

Данная конвенция в полной мере отвечает предлагаемому выше подходу [8]:

1. воспринимает правовую природу воздушного судна как движимого объекта;
2. устанавливает правила признания существующих вещных прав на воздушное судно и обременений таковых, возникших по правилам национального права страны регистрации воздушного судна;
3. устанавливает условием предоставления конвенционного защиты такому праву либо обременению наличие официальной записи о существовании такового в едином национальном реестре (воздушных судов) страны регистрации воздушного судна;
4. гарантирует признание права кредитора с учетом правила определения очередности и

старшинства такового в случае продажи или ареста воздушного судна на территории страны – участницы конвенции, и

5. запрещает передачу воздушного судна из национального реестра воздушных судов одной страны – участницы в национальный реестр другой страны – участницы до тех пор, пока держатели зарегистрированных прав и обременений не дали согласия на такую передачу либо не получили должного удовлетворения.

Реализация предлагаемого комплексного подхода позволит системно урегулировать все существующие противоречия отдельных норм и правил различных нормативно-правовых актов, составляющих правовую систему Российской Федерации, и сформировать обновленный механизм правового регулирования подтверждения права собственности и иных вещных прав на воздушные суда в Российской Федерации, унифицированный и гармонизированный с аналогичным механизмом, принятым сегодня на международном авиационном рынке.

Список литературы:

- [1] Аликумова Г.Ю. Некоторые проблемы квалификации объектов гражданских прав // Общество и право. №5. 2009 // Правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения – 12.11.2023 г.).
- [2] Синенко А.Ю. Воздушные суда: регистрация и сделки с ними // Транспорт Российской Федерации. №7, 2006. С. 12-14.
- [3] Кулаков В.В. К вопросу о признаках недвижимости как критериев ее государственной регистрации / Современный юрист. №5. 2020 // Правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения – 12.11.2023 г.).
- [4] Астафьев М.В. В. Реестр воздушных судов и Реестр прав на воздушные суда в Российской Федерации – причины возникновения данной юридической коллизии и пути ее устранения / Ученые труды РААН. №4 (71). 2023 С.49-56.
- [5] Мильде М. Международное воздушное право и ИКАО // Под. Ред. О.И. Аксаментова; С предисл. А.А. Баталова; Пер. с англ. А.М. Бобкова и др. – СПб.: Институт AERONELP. 2017 г. С.317
- [6] Синицин С.А. Суда как объекты недвижимости: особенности и просчеты российского законодательства / Гражданское право. №5. 2021 // Правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения – 12.11.2023 г.).
- [7] Вартанян Н.В. О порядке государственной регистрации гражданских воздушных судов / Транспортное право. №3. 2009 // Правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения – 12.11.2023 г.).

[8] Мильде М. Международное воздушное право и ИКАО // Под. Ред. О.И. Аксентова; С предисл. А.А. Баталова; Пер. с англ. А.М. Бобкова и др. – СПб.: Институт AEROHELP. 2017 г. С.319-324.

[9] Статья 1210 Гражданского Кодекса РФ Правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения – 28.10.2024 г.).

[10] От имени Бермуд настоящее соглашение было подписано Великобританией, поскольку Бермудские острова являются заморской территорией Соединенного королевства.

[11] «Конвенция о международной гражданской авиации. г. Чикаго 07.12.1944. Собрание законодательства РФ», 30.10.2006, N 44

[12] Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования, подписанная в Кейптауне 16 ноября 2001 г., в редакции Протокола по авиационному оборудованию к указанной конвенции от того же числа. Собрание законодательства РФ, 05.09.2011 г., №36

[13] Статья 11 Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования, подписанная в Кейптауне 16 ноября 2001 г., в редакции Протокола по авиационному оборудованию к указанной конвенции от того же числа. Собрание законодательства РФ, 05.09.2011 г., №36

[14] Важно отметить, что такой кредитор вправе реализовать предоставленные ему меры защиты исключительно при условии получения предварительного письменного согласия обладателя любой «международной гарантии», числящейся первоочередной по сравнению «международной гарантией», принадлежащей данному кредитору // см. Статья 8 Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования, подписанная в Кейптауне 16 ноября 2001 г., в редакции статьи IX Протокола по авиационному оборудованию к указанной конвенции от того же числа. Собрание законодательства РФ, 05.09.2011 г., №36

Spisok literatury:

[1] Alikumova G.Yu. Nekotorye problemy kvalifikatsii ob`ektov grazhdanskix prav // Obshchestvo i pravo. №5. 2009 // Pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» (data obrashheniya – 12.11.2023 g.).

[2] Sinenko A.Yu. Vozdushny'e suda: registratsiya i sdelki s nimi // Transport Rossijskoj Federacii. №7, 2006. S. 12-14.

[3] Kulakov V.V. K voprosu o priznakax nedvizhimosti kak kriteriev ee gosudarstvennoj registratsii / Sovremennyj yurist. №5. 2020 // Pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» (data obrashheniya – 12.11.2023 g.).

[4] Astaf'ev M.V. V. Reestr vozdushny'x sudov i Reestr prav na vozdushny'e suda v Rossijskoj Federacii – prichiny` vzniknoveniya dannoj yuridicheskoy kollizii i puti ee ustraneniya / Ucheny'e trudy` RAAN. №4 (71). 2023 S.49-56.

[5] Mil'de M. Mezhdunarodnoe vozdushnoe pravo i IKAO // Pod. Red. O.I. Aksamentova; S predisl. A.A. Batalova; Per. s angl. A.M. Bobkova i dr. – SPb.: Institut AEROHELP. 2017 g. S.317

[6] Sinicin S.A. Suda kak ob`ekty` nedvizhnosti: osobennosti i proshchety` rossijskogo zakonodatel'stva / Grazhdanskoe pravo. №5. 2021 // Pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» (data obrashheniya – 12.11.2023 g.).

[7] Vartanyan N.V. O poryadke gosudarstvennoj registratsii grazhdanskix vozdushny'x sudov / Transportnoe pravo. №3. 2009 // Pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» (data obrashheniya – 12.11.2023 g.).

[8] Mil'de M. Mezhdunarodnoe vozdushnoe pravo i IKAO // Pod. Red. O.I. Aksamentova; S predisl. A.A. Batalova; Per. s angl. A.M. Bobkova i dr. – SPb.: Institut AEROHELP. 2017 g. S.319-324.

[9] Stat'ya 1210 Grazhdanskogo Kodeksa RF Pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (data obrashheniya – 28.10.2024 g.).

[10] Ot imeni Bermud nastoyashhee soglasenie by`lo podpisano Velikobritaniej, poskol'ku Bermudskie ostrova yavlyayutsya zamorskoj territoriej Soedinennogo korolevstva.

[11] "Konvenciya o mezhdunarodnoj grazhdanskoy aviacii. g. Chikago 07.12.1944. Sobraenie zakonodatel'stva RF", 30.10.2006, N 44

[12] Konvenciya o mezhdunarodny'x garantiyax v otnoshenii podvizhnogo oborudovaniya, podpisannaya v Kejptaune 16 noyabrya 2001 g., v redakcii Protokola po aviacionnomu oborudovaniyu k ukazannoj konvencii ot togo zhe chisla. Sobraenie zakonodatel'stva RF, 05.09.2011 g., №36

[13] Stat'ya 11 Konvencii o mezhdunarodny'x garantiyax v otnoshenii podvizhnogo oborudovaniya, podpisannaya v Kejptaune 16 noyabrya 2001 g., v redakcii Protokola po aviacionnomu oborudovaniyu k ukazannoj konvencii ot togo zhe chisla. Sobraenie zakonodatel'stva RF, 05.09.2011 g., №36

[14] Vazhno otmetit', chto takoj kreditor vprave realizovat` predostavlennyye emu mery` zashhity` isklyuchitel'no pri uslovii polucheniya predvaritel'nogo pis'mennogo soglasiya obladatalya lyuboj «mezhdunarodnoj garantii», chislyashhejsya pervoocherednoj po sravneniyu «mezhdunarodnoj garantiej», pri nadlezhashhej dannomu kreditoru // sm. Stat'ya 8 Konvencii o mezhdunarodny'x garantiyax v otnoshenii podvizhnogo oborudovaniya, podpisannaya v Kejptaune 16 noyabrya 2001 g., v redakcii stat'i IX Protokola po aviacionnomu oborudovaniyu k ukazannoj konvencii ot togo zhe chisla. Sobraenie zakonodatel'stva RF, 05.09.2011 g., №36

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-494-496

РЕДИ Елена Владимировна,

Доцент кафедры физического воспитания и спорта
Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск,
e-mail: Russlen90@mail.ru

ПОПОВА Екатерина Дмитриевна,

Преподаватель кафедры физического воспитания и спорта
Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск,
e-mail: Krotova4katya@mail.ru

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается роль физических упражнений в профилактике профессиональных заболеваний, характерных для студентов технических специальностей. В статье определены ключевые факторы риска, проанализированы основные виды физических упражнений, способствующих укреплению здоровья, а также предложены рекомендации для образовательных учреждений по улучшению физической активности студентов.

Ключевые слова: физическая активность, профилактика заболеваний, студенты технических специальностей, здоровье, образовательный процесс, зрительная нагрузка, стресс, осанка, профессиональные заболевания.

REDI Elena Vladimirovna,

Associate Professor of the Department
of Physical Education and Sports
Siberian State University of Science and Technology
named after Academician M.F. Reshetnev,
Krasnoyarsk

POPOVA Ekaterina Dmitrievna,

Teacher of the Department of Physical Education and Sports
Siberian State University of Science
and Technology named after Academician M.F. Reshetnev,
Krasnoyarsk

THE ROLE OF PHYSICAL EXERCISE IN THE PREVENTION OF OCCUPATIONAL DISEASES OF TECHNICAL STUDENTS

Annotation. This article is devoted to the study of the role of physical exercise in the prevention of occupational diseases characteristic of students of technical specialties. It identifies key risk factors, analyzes the main types of physical exercises that promote health, and offers recommendations for educational institutions to improve students' physical activity.

Key words: physical activity, disease prevention, students of technical specialties, health, educational process, visual load, stress, posture, occupational diseases.

Актуальность. В современных условиях обучения на технических специальностях студенты сталкиваются с высокими физическими и эмоциональными нагрузками, которые могут стать причиной профессиональных заболеваний. Отсутствие физической активности усугубляет эти риски, снижая адаптивные возможности организма. Настоящая статья посвящена изучению влияния физических упражнений на профилактику профессиональных заболеваний, наиболее характерных для студентов технических специальностей.

Цель исследования — определить, какие виды физической активности наиболее эффективны для снижения влияния негативных факторов, связанных с образовательным процессом.

Основная часть. Образовательный процесс студентов технических специальностей связан с длительным пребыванием за компьютером, выполнением лабораторных работ и изучением сложных теоретических дисциплин. Эти особенности формируют ряд основных факторов риска для здоровья:

- Сидячий образ жизни: длительное пребывание в одном положении приводит к нарушению осанки, болям в спине и шейном отделе позвоночника. Нехватка движений ухудшает общее состояние организма, снижает выносливость и повышает риск ожирения.

- Высокая зрительная нагрузка: постоянная работа с экранами компьютеров и мелкими деталями создает риск для здоровья глаз.

- Психоземotionalное напряжение: интенсивная учебная нагрузка и стрессовые ситуации усиливают вероятность развития неврозов и других психосоматических заболеваний.

Физические упражнения способны компенсировать негативное воздействие этих факторов и способствовать профилактике профессиональных заболеваний.

Материалы и методы исследования. Исследование включало анкетирование 200 студентов технических специальностей в возрасте от 18 до 25 лет. Участники были разделены на три группы:

- Первая группа занималась аэробными упражнениями (бег, плавание, велоспорт) 3 раза в неделю.

- Вторая группа выполняла силовые тренировки, направленные на укрепление мышц спины и шеи.

- Третья группа не занималась физической активностью.

Результаты исследования.

- У студентов первой и второй групп наблюдалось значительное снижение частоты жалоб на боли в спине и напряжение в шейной области.

- Зрительная усталость уменьшилась у студентов, совмещавших физические упражнения с зрительной гимнастикой.

- В первой группе отмечено улучшение общего эмоционального фона и снижение уровня стресса.

Результаты исследования подтверждают, что физическая активность играет ключевую роль в профилактике профессиональных заболеваний студентов технических специальностей.

Физические упражнения помогают повысить выносливость организма и адаптивные способности к высоким учебным нагрузкам. Укрепление мышечного корсета спины и шеи уменьшает влияние длительного сидения за компьютером, что особенно важно для студентов, работающих с инженерными программами и техническими проектами. Также физическая активность стимулирует улучшение кровообращения в мышцах, предотвращая развитие застойных процессов, что снижает вероятность возникновения хронических болей в поясничной и шейной областях.

Специальные упражнения для глаз, включенные в ежедневный распорядок дня, снижают риск развития миопии и других зрительных нарушений. Важно отметить, что сочетание физической активности и зрительной гимнастики значительно улучшает результаты. Кроме того, физические нагрузки, связанные с общим улучшением кровоснабжения, способствуют восстановлению зрительных функций после напряженных учебных периодов.

Физические упражнения способствуют снижению уровня стресса, что критически важно для студентов, находящихся под постоянным давлением дедлайнов и экзаменов. Групповые спортивные мероприятия также создают благоприятную атмосферу для социализации, что положительно влияет на эмоциональное состояние. Дополнительно кардионагрузки и регулярные тренировки стимулируют выработку дофамина и серотонина, что способствует формированию устойчивости к стрессовым ситуациям.

Заключение. Физическая активность является важным инструментом для профилактики профессиональных заболеваний студентов технических специальностей. Наиболее эффективными являются аэробные и силовые упражнения, которые помогают укрепить опорно-двигательную систему, улучшить зрительное здоровье и снизить уровень стресса. Для максимальной пользы физическая активность должна быть интегрирована в повседневный распорядок дня студентов и поддерживаться на уровне образовательных учреждений.

Список литературы:

[1] Казначеев В.А. Физическая культура как способ формирования здорового образа жизни студентов в высших учебных заведениях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-kak-sposob-formirovaniya-zdorovogo-obraza-zhizni-studentov-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah/viewer>

[2] Волкова А.Е., Шамсутдинов Ш.А. Роль физической культуры в жизни студентов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-fizicheskoy-kultury-v-zhizni-studentov-4/viewer>

[3] Образовательные стандарты и требования СибГУ. URL: <https://sibsau.ru/sveden/eduStandarts>

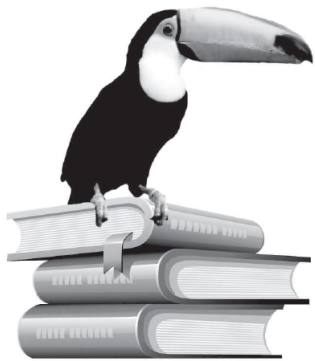
Spisok literatury:

[1] Kaznacheev V.A. Fizicheskaya kul'tura kak sposob formirovaniya zdorovogo obraza zhizni studentov v vysshih uchebnyh zavedeniyah. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-kak-sposob-formirovaniya-zdorovogo-obraza-zhizni-studentov-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah/viewer>

[2] Volkova A.E., SHamsutdinov SH.A. Rol' fizicheskoy kul'tury v zhizni studentov. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-fizicheskoy-kultury-v-zhizni-studentov-4/viewer>

[3] Obrazovatel'nye standarty i trebovaniya SibGU. URL: <https://sibsau.ru/sveden/eduStandarts>

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-497-501

ЛОЗОВОЙ Александр Александрович,
Старший преподаватель кафедры
физического воспитания и спорта,
Сибирский Государственный университет
науки и технологий им. М.Ф. Решетнева
Красноярск, Россия,
e-mail: 89235731323@mail.ru

ЛОЗОВАЯ Марина Александровна,
Доцент кафедры физической культуры и здоровья,
Сибирский Государственный университет
науки и технологий им. М.Ф. Решетнева
Красноярск, Россия,
e-mail: lozmarin@inbox.ru

ШЕВЧУК Юлия Валентиновна,
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры методики преподавания спортивных
дисциплин и национальных видов спорта,
Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева
Красноярск, Россия,
e-mail: shevjudia@mail.ru

МОТИВАЦИЯ МОЛОДЕЖИ К ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты формирования мотивации к физической активности у студентов. Выделены типы мотивации (оздоровительная, спортивная, эстетическая, социальная, познавательная и семейно-творческая), а также проанализированы барьеры, препятствующие регулярным занятиям физической культурой. Подчеркивается значение индивидуального подхода, внеурочной активности и разнообразия форм физкультурно-оздоровительной работы в образовательных учреждениях. Представлены рекомендации по повышению вовлеченности студенческой молодежи в физическую культуру

Ключевые слова: молодежь, мотивация, физическая культура, здоровье, студенты, физическая активность, спорт, мотивационные барьеры.

LOZOVY Alexander Alexandrovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education and Sports,
Siberian State University of Science and Technology
named after M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russia

LOZOVAYA Marina Alexandrovna,
Associate Professor of the Department of Physical Culture and Health,
M.F. Reshetnev Siberian State University of
Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia

SHEVCHUK Yulia Valentinovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Methods of Teaching Sports
disciplines and National Sports, Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia

YOUNG PEOPLE'S MOTIVATION FOR PHYSICAL ACTIVITY: CHALLENGES AND DEVELOPMENT PATHWAYS

Annotation. *This article explores key aspects of motivation for physical activity among university students. Various types of motivation are discussed, including health, athletic, aesthetic, social, cognitive, and family-creative motivations. The paper also analyzes common barriers that hinder students from engaging in regular physical exercise. Emphasis is placed on the importance of an individualized approach, extracurricular activities, and the diversity of physical education formats. Recommendations are provided to increase student engagement and promote a healthy lifestyle.*

Key words: *youth, motivation, physical education, health, students, physical activity, sport, motivational barriers.*

Молодежь — это возрастной этап, характеризующийся активным поиском жизненных ориентиров, формированием мировоззрения и выбором жизненного пути. Особенно актуально это для студентов, которые только вступают в самостоятельную жизнь. Студенчество, особенно в начальные годы обучения, сталкивается с резким увеличением учебной нагрузки, сменой привычной социальной среды, недостаточной двигательной активностью и необходимостью самостоятельно выстраивать режим дня и приоритеты. В таких условиях важным фактором адаптации и саморазвития становится мотивация — внутренняя сила, побуждающая к действию, помогающая преодолевать трудности и добиваться поставленных целей. Понимание природы мотивации и умение управлять ею становится основой для формирования устойчивого интереса к разным видам деятельности, в том числе и к физической культуре как важному компоненту здорового образа жизни. Современная молодежь находится в активной фазе становления личности, поиска себя, определения жизненных целей и приоритетов. В этот период особенно важным становится формирование установки на осознанное отношение к здоровью и физической активности. Вместе с тем, именно студенческий возраст сопровождается множеством вызовов: психологическими, учебными, социальными. Повышенные интеллектуальные нагрузки, низкий уровень двигательной активности и недостаточная социализация способствуют возникновению апатии, стрессов и ухудшению общего самочувствия. Поэтому вопрос мотивации к физической активности приобретает особую актуальность как средство сохранения и укрепления здоровья, повышения работоспособности и устойчивости к стрессам.

В психологической науке мотивация рассматривается как сложная, многоуровневая система, включающая в себя потребности, желания, стремления, установки и цели человека. В отличие от

отдельного мотива, мотивация охватывает целый комплекс факторов, которые побуждают индивида к действию, направляют его поведение и определяют уровень активности. В контексте физической культуры мотивация играет ключевую роль, поскольку именно она определяет, будет ли человек заниматься физическими упражнениями на регулярной основе, с каким настроем он будет подходить к занятиям и как долго сможет поддерживать свою физическую форму. Развитая мотивация способствует устойчивому интересу, формированию привычки и осознанию пользы физической активности для здоровья и общего самочувствия. Мотивация в физической культуре — это внутреннее побуждение к действию, которое определяет стремление человека к систематическим занятиям физическими упражнениями. В отличие от единичных мотивов, мотивация охватывает весь спектр факторов, детерминирующих поведение: потребности, интересы, установки, цели и волевые усилия. Она выполняет направляющую и поддерживающую функции в процессе двигательной активности, влияя как на регулярность, так и на качество занятий.

Внутренняя мотивация (инициируемая интересом, удовольствием, стремлением к развитию) является наиболее устойчивой и продуктивной. Внешняя же (подкреплённая, например, оценками, требованиями или модой) может быть эффективной на начальных этапах, но требует поддержки для сохранения результата. Важно понимать, что мотивация не является врождённым качеством, а формируется в течение жизни под воздействием образовательной, культурной и социальной среды.

Физическая культура, благодаря своей универсальности, выступает мощным инструментом формирования базовых жизненных ценностей. Она развивает не только физические качества, но и оказывает влияние на формирование личности: укрепляет волю, дисциплину, уверенность в себе, способствует социализации. Среди ценностей,

транслируемых через физическую культуру, можно выделить здоровье, активное долголетие, красоту тела, успешность, гармонию в семье, эмоциональную стабильность. Для молодежи, находящейся в поиске самоидентификации и жизненных ориентиров, физическая культура может стать не просто формой активности, а частью образа жизни, способом самовыражения и средством достижения жизненных целей. Физическая культура — это не только тренировка тела, но и формирование устойчивой системы жизненных ориентиров. Регулярные занятия спортом способствуют развитию таких качеств, как самоуважение, дисциплина, настойчивость, чувство ответственности и стремление к саморазвитию. Через физическую культуру реализуются фундаментальные человеческие ценности: здоровье, счастье, семейное благополучие, долголетие. Кроме того, физическая активность оказывает положительное влияние на психоэмоциональное состояние, снижает уровень тревожности, способствует выработке позитивного мышления. Таким образом, физическая культура становится важным элементом воспитательного процесса и неотъемлемой частью формирования гармоничной личности. Интерес к физической культуре не возникает спонтанно — он формируется постепенно, начиная с раннего детства. Первоначально это могут быть простые гигиенические знания и навыки: умение правильно дышать, следить за осанкой, выполнять зарядку. По мере взросления формируются более сложные психофизиологические установки и понимание пользы физических нагрузок. В студенческом возрасте интерес может трансформироваться в устойчивую потребность — при условии, что занятия будут вызывать положительные эмоции, ощущение прогресса и личностной значимости. Поэтому важно организовать образовательную и внеучебную физическую активность таким образом, чтобы она соответствовала индивидуальным интересам, возможностям и мотивационным ориентирам студентов.

Виды мотивации к занятиям физической культурой:

1. Оздоровительная мотивация

Для большинства студентов основной целью физической активности является укрепление здоровья. В условиях высокого уровня учебного и информационного стресса занятия спортом становятся необходимым средством восстановления сил, повышения иммунитета, профилактики хронических заболеваний. Оздоровительная мотивация отличается устойчивостью и длительным действием, особенно если поддерживается положи-

тельными результатами: улучшением самочувствия, повышением выносливости и жизненного тонуса;

2. Спортивная мотивация

Данный вид мотивации основывается на стремлении к достижению высоких результатов, развитию спортивных качеств, участию в соревнованиях. Для молодежи с выраженным соревновательным духом и амбициями спортивная мотивация становится источником энергии и драйва. Даже непрофессиональные достижения, такие как личные рекорды или победы в студенческих соревнованиях, оказывают сильное воздействие на самооценку и уверенность в своих силах;

3. Эстетическая мотивация

Стремление к привлекательной внешности, стройной фигуре, хорошей осанке и общей эстетике тела — мощный стимул для молодежи. Эта мотивация особенно проявляется у студентов, вовлечённых в занятия фитнесом, йогой, аэробикой, танцами. Однако её устойчивость напрямую зависит от внутреннего отношения к телесному и психическому здоровью. Когда забота о внешнем виде становится частью осознанного стиля жизни, эстетическая мотивация может перерасти в глубокий интерес к физической культуре;

4. Социальная мотивация

Человеческое стремление к взаимодействию, принадлежности к группе и социальной поддержке также лежит в основе интереса к спортивной активности. Совместные занятия, участие в спортивных клубах, групповых тренировках или походах способствуют установлению межличностных связей, развитию навыков командной работы, взаимопомощи. Особенно значимой эта мотивация становится в студенческой среде, где общение играет важную роль в адаптации и социализации личности;

5. Познавательная мотивация

Интерес к собственному телу, понимание физиологических процессов, желание испытать пределы своих возможностей — всё это составляет познавательную мотивацию. Она характерна для студентов, стремящихся к самоанализу и самосовершенствованию. Такой тип мотивации способствует формированию более глубокого понимания пользы физических нагрузок и их влияния на организм;

6. Семейно-творческая мотивация

Физическая культура может служить эффективным инструментом укрепления семейных связей. Совместные тренировки родителей и детей, участие в спортивных праздниках, активный отдых на природе создают пространство для общения,

воспитания и формирования здоровых привычек у всех членов семьи. Эта мотивация особенно актуальна в формировании ценностей будущего — заботы о поколениях и ответственного отношения к своему здоровью.

Несмотря на наличие множества положительных факторов, существует ряд причин, ограничивающих физическую активность студентов. К основным из них относятся: загруженность учебной, отсутствие мотивации, недостаток инфраструктуры (спортзалов, секций), дефицит времени или физических ресурсов, психологические барьеры (неуверенность, стеснение), отсутствие компании или поддержки.

Эти факторы могут быть как объективными, так и субъективными, однако большинство из них поддаются коррекции при наличии адекватных условий и правильно организованного физкультурно-оздоровительного процесса.

Мотивационно-ценностный компонент объединяет в себе эмоциональное отношение к физической культуре, осознанную потребность в ней, а также систему установок, убеждений, интересов и знаний. Он отражает глубинную вовлеченность личности в процесс физической активности. Важнейшим элементом этого компонента является внутренняя мотивация — когда человек занимается ради удовольствия, самореализации, чувства вдохновения и достижения личных целей. Наряду с ней существует и внешняя мотивация, связанная с оценками, внешним поощрением или социальной модой. Важно, чтобы в процессе формирования устойчивого интереса к физической культуре внешняя мотивация постепенно перерастала во внутреннюю, так как именно она обеспечивает долговременное сохранение активности и высокую вовлеченность.

Эффективность физкультурной работы в вузе напрямую зависит от её индивидуализации и гибкости. Программы должны учитывать интересы, уровень подготовки и половые особенности студентов. Девушкам полезны упражнения для укрепления мышечного корсета, коррекции фигуры, профилактики нарушений осанки. Юношам интересны динамичные виды спорта: игровые дисциплины, боевые искусства, тренировки с отягощениями. Важно расширить формы занятий: проводить открытые уроки, мастер-классы, фитнес-дни, внедрять элементы геймификации. Дополнительное внимание следует уделять созданию мотивационной среды: наглядной агитации, индивидуальным консультациям, возможностям самоконтроля и самооценки.

Наряду с положительными, существуют и отрицательные мотивации — факторы, снижаю-

щие желание заниматься физическими упражнениями. К ним относятся: нехватка времени из-за учебной или домашней занятости, отсутствие компании для совместных занятий, низкая самооценка, страх быть осмеянным, отсутствие доступных мест для тренировок, а также негативный опыт из школьного периода. Часто негативное отношение к физической культуре формируется из-за формального подхода в образовательных учреждениях, недостатка индивидуального внимания или отсутствия мотивационных программ.

Организация внеклассных форм физической активности — мощный инструмент привлечения молодежи. Туристические походы, байдарочные сплавы, пробежки в парках, велосипедные марафоны и спортивные квесты позволяют совместить физическую активность с развлечением, эмоциями, командной работой. Такие мероприятия формируют устойчивый интерес, способствуют развитию лидерских и коммуникативных навыков, а главное — делают физическую культуру частью полноценной жизни. Развитие устойчивой мотивации к занятиям физической культурой у студентов требует комплексного подхода: сочетания педагогических, организационных и социально-психологических методов. Необходимо создавать условия для осознанного выбора форм активности, предлагать разнообразные пути реализации физических способностей и обеспечивать поддержку со стороны преподавателей и администрации вуза. Только в этом случае физическая культура перестанет восприниматься как обязанность и станет естественной частью здорового, активного и гармоничного образа жизни молодежи.

Для эффективного повышения мотивации студентов необходимо применять дифференцированный и индивидуализированный подход. Важно учитывать интересы, уровень физической подготовленности, личностные особенности. Например, девушкам может быть интересно заниматься фитнесом, йогой, танцами, пилатесом, а юношам — командными играми, тренажерами, единоборствами. Также рекомендуется включение внеурочной активности: туристические походы, сплавы, велопогулки, посещение бассейна и ледового дворца. Это расширяет спектр форм физической активности, формирует у студентов положительное отношение к спорту и укрепляет психологическое здоровье. Введение выборных дисциплин, тематических клубов, а также тренингов по управлению мотивацией и формированию привычек может существенно повысить вовлеченность студентов.

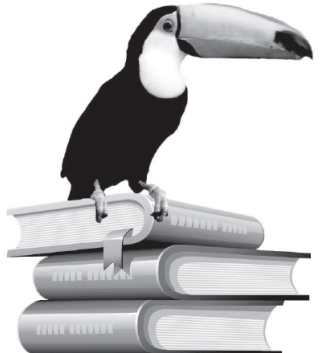
Список литературы:

- [1] Леонтьев Д.А. Психология смысла. — М.: Смысл, 2003.
- [2] Маркова А.К. Мотивация учения: учебное пособие. — М.: Просвещение, 1990.
- [3] Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2022.
- [4] Щербатых Ю.В. Психология мотивации: как управлять собой и другими. — М.: Эксмо, 2018.
- [5] Байкова И.А., Степанова И.М. Формирование интереса студентов к занятиям физической культурой. // Теория и практика физической культуры. — 2021. — №3.
- [6] Салмина Н.Г. Физическая культура как фактор формирования ценностных ориентаций молодежи. // Вестник СПбГУ. — 2019. — №4.

Spisok literatury:

- [1] Leont'ev D.A. Psihologiya smysla. — M.: Smysl, 2003.
- [2] Markova A.K. Motivaciya ucheniya: uchebnoe posobie. — M.: Prosveshchenie, 1990.
- [3] Il'in E.P. Motivaciya i motivy. — SPb.: Piter, 2022.
- [4] SHCHerbatyh YU.V. Psihologiya motivacii: kak upravlyat' soboj i drugimi. — M.: Eksmo, 2018.
- [5] Bajkova I.A., Stepanova I.M. Formirovanie interesa studentov k zanyatiyam fizicheskoy kul'turoj. // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. — 2021. — №3.
- [6] Salmina N.G. Fizicheskaya kul'tura kak faktor formirovaniya cennostnyh orientacij molodezhi. // Vestnik SPbGU. — 2019. — №4.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-502-506

ХАДИЕВА Алсу Рафисовна,
студентка 3 курса кафедры
«Инженерная экология и безопасность труда»,
Казанский государственный энергетический университет,
e-mail: hadieva2203@gmail.com

БАРИЕВА Энза Рафаиловна,
кандидат биологических наук, доцент,
доцент кафедры «Инженерная экология и безопасность труда»,
Казанский государственный энергетический университет,
e-mail: enzab143@mail.ru

КОРОЛЁВ Альберт Эдуардович,
аспирант кафедры «Экономика и организация производства»,
Казанский государственный энергетический университет,
e-mail: AEKorolev@kpfu.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И КОМАНДНЫХ ВИДАХ СПОРТА

Аннотация. В статье рассматривается специфика психологической подготовки в индивидуальных и командных видах спорта на основе сравнительной таблицы, основанной на научных работах авторов в области спортивной психологии, а также видеоматериалов с соревнований.

Командные виды спорта — это спортивные дисциплины, где участники соревнуются в составе группы или команды. Первостепенное значение имеет создание благоприятной атмосферы, в которой спортсмены ощущают взаимную поддержку и имеют возможность открыто выражать свои эмоции и обсуждать возникающие трудности. Индивидуальные виды спорта предполагают соревнования отдельных спортсменов. Здесь акцент делается на личные достижения, физическую подготовку и психологическую устойчивость. Психологическая подготовка становится особенно важной и в индивидуальных видах спорта, где успех зависит исключительно от личных усилий спортсмена, и в командных видах спорта, где результат определяется взаимодействием всех членов команды.

Исследование включает анализ факторов, таких как мотивация, стрессоустойчивость, эмоциональность и другие, которые играют критическую роль в процессе подготовки. Рассматриваются общие черты для индивидуальных и командных видов спорта, а также различия в подходах к формированию организованности, стрессоустойчивости, самоконтроля и способности справляться с соревновательным стрессом. Подчеркивается необходимость дифференцированного подхода к организации психологической подготовки, учитывающего специфику вида спорта и индивидуальные особенности спортсменов.

В статье предложены рекомендации по оптимизации психологической подготовки, включая методы управления эмоциями и формирования командной сплоченности.

Результаты исследования подчеркивают, что эффективная психологическая подготовка является неотъемлемым компонентом успешной спортивной деятельности, а её оптимизация с учетом специфики вида спорта и индивидуальных особенностей спортсменов способствует раскрытию их потенциала и достижению высоких результатов.

Ключевые слова: спорт, психологическая подготовка, командные виды спорта, индивидуальные виды спорта, спортивная психология, организованность, стрессоустойчивость, самооценка.

HADIEVA Alsu Rafisovna,
3th year student of the Department
of Engineering Ecology and Occupational Safety,
Kazan State Power Engineering University

BARIEVA Enza Rafailovna,
 Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
 Associate Professor of the Department
 of Engineering Ecology and Occupational Safety,
 Kazan State Power Engineering University

KOROLEV Albert Eduardovich,
 Postgraduate student of the Department
 of Economics and Production Management,
 Kazan State Power Engineering University

THE STUDY OF THE SPECIFICS OF PSYCHOLOGICAL TRAINING IN INDIVIDUAL AND TEAM SPORTS

Annotation. The article examines the specifics of psychological training in individual and team sports based on a comparative table based on the authors' scientific works in the field of sports psychology, as well as video materials from competitions.

Team sports are sports disciplines where participants compete as part of a group or team. It is of paramount importance to create a favorable atmosphere in which athletes feel mutual support and have the opportunity to openly express their emotions and discuss emerging difficulties. Individual sports involve individual athletes competing. Here the emphasis is on personal achievements, physical fitness and psychological stability. Psychological preparation becomes especially important in individual sports, where success depends solely on the personal efforts of the athlete, and in team sports, where the result is determined by the interaction of all team members.

The study includes an analysis of factors such as motivation, stress tolerance, emotionality, and others that play a critical role in the preparation process. The article considers common features for individual and team sports, as well as differences in approaches to the formation of organization, stress tolerance, self-control and the ability to cope with competitive stress. The need for a differentiated approach to the organization of psychological training is emphasized, taking into account the specifics of the sport and the individual characteristics of athletes.

The article offers recommendations for optimizing psychological training, including methods for managing emotions and building team cohesion.

The results of the study emphasize that effective psychological training is an integral component of successful sports activities, and its optimization, taking into account the specifics of the sport and the individual characteristics of athletes, helps to unlock their potential and achieve

Key words: sport, psychological training, team sports, individual sports, sports psychology, organization, stress tolerance, self-esteem.

Введение

В настоящее время исследование специфики психологической подготовки в индивидуальных и командных видах спорта представляет собой важное направление в области спортивной психологии. Спортивные дисциплины требуют разного уровня физической подготовки, однако психологические аспекты также оказывают значительное влияние на успех выступления.

Психологическая подготовка представляет собой систему мероприятий, объединяющих педагогические и психологические воздействия, целью которых является развитие и улучшение у спортсменов необходимых психических качеств и черт характера [1].

Особую актуальность приобретает изучение специфики психологической подготовки в зависимости от вида спорта, поскольку командные и

индивидуальные дисциплины предъявляют различные требования к психическому состоянию спортсменов.

Цели и задачи исследования

Целью данного исследования является сравнение психологических особенностей подготовки спортсменов командных и индивидуальных видов спорта, а также выявление факторов, оказывающих существенное влияние на результативность их соревновательной деятельности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Рассмотреть психологические характеристики спортсменов командных и индивидуальных видов, проведя сравнительный анализ;
2. Выявить общие и отличительные черты для индивидуальных и командных видов спорта;

3. Разработать рекомендации, направленные на совершенствование психологических аспектов спортсменов, принимая во внимание особенности конкретного вида спорта.

Методика исследования

За основу исследования были взяты научные работы авторов, специализирующиеся в

области спортивной психологии, теории и методики подготовки спортсменов. Также были просмотрены интервью с участниками команд, интервью с тренерами, был проведен анализ видеоматериалов соревнований. Сравнительный анализ психологических характеристик спортсменов командных и индивидуальных видов представлен в таблице 1.

Таблица 1 - Анализ психологических характеристик спортсменов командных и индивидуальных видов

Аспекты психологической подготовки	Командные виды спорта	Индивидуальные виды спорта
Организованность	Помощь другим участникам и доведением дел до конца	Стремление к личностному росту и независимости
Стрессоустойчивость	Зависит от психологического настроя каждого игрока команды	Зависит только от работы над самим собой
Мотивация	Командная мотивация, общая цель команды	Самотивация, личные цели и достижения
Спокойствие	Позитивно сказывается поддержка команды, из-за чего снижается тревога	Присутствует повышенное психоэмоциональное напряжение
Тревожность	Преодолевается различными командными кричалками и девизами, которые способны поддержать позитивный настрой	Минимизация внешних отвлекающих факторов, контроль над своим физическим состоянием
Уверенность в себе	Уверенность в себе как в части команды, вера в силу команды	Вера только в себя, свои способности и подготовку
Эмоциональность	Управление эмоциями, контроль над агрессией и импульсивностью через разговоры с членами команды	Самостоятельное управление эмоциями, например, через дыхательные упражнения, разговор с тренером
Целеустремленность	Общие цели команды, согласование индивидуальных целей с командными	Постановка личных целей, опирающиеся на твои задачи и планы

*Таблица составлена авторами на основании обобщенных данных, взятых из открытых источников. Индивидуальные различия между спортсменами в рамках одного вида спорта могут быть значительными.

Результаты исследования

В ходе исследования были проанализированы ключевые аспекты психологической подготовки спортсменов в командных и индивидуальных видах спорта.

Исследование показало, что аспекты психологической подготовки имеют свои уникальные характеристики в зависимости от вида спорта. Командные виды спорта акцентируют внимание на взаимодействии и поддержке, тогда как индивидуальные виды требуют большей самостоятельности и внутренней мотивации.

Обсуждение

Рассмотренные аспекты оказывают значительное воздействие на продуктивность спортсменов, их возможность демонстрировать высокие достижения и преодолевать трудности, возникающие в ходе подготовительных занятий и соревнований.

Несмотря на очевидные различия между индивидуальными и командными видами спорта, можно обнаружить ряд общих черт. Прежде всего, как в личных, так и в коллективных состязаниях ключевую роль играют целеустремленность и мотивация. Спортсмены, независимо от того, выступают они в одиночку или в составе команды, должны обладать внутренней силой, чтобы преодолевать трудности, тренироваться и стремиться к победе. Более того, для обоих видов спорта необходим высокий уровень физической готовности и отточенное владение техническими приемами. Спортсмены также обязаны придерживаться строгого графика тренировок, сбалансированного питания и жертвовать многими личными интересами ради достижения поставленных спортивных задач.

Спортсмены в индивидуальных видах спорта часто полагают, что организованность является следствием личных усилий и самосовершенствования [2]. Они демонстрируют более высокую степень эмоциональной стабильности в сравнении с участниками командных игр. В индивидуальных видах спорта спортсмены лишены командной поддержки и должны самостоятельно преодолевать психологическое давление, что способствует развитию самоконтроля и уверенности [3]. Также следует отметить, что, обладая адекватной самооценкой, анализируя достоинства и недостатки, спортсмены данного вида спорта могут самостоятельно разрабатывать стратегию для достижения успеха.

Участникам командных спортивных дисциплин, как правило, присуща организованность [2]. Среди таких спортсменов наблюдается пониженный уровень стрессоустойчивости. Это обуслов-

лено двойной ответственностью, когда спортсмен отвечает не только за личный результат, но и за итоговый успех всей команды [3]. В командных видах спорта важно учитывать, что коллектив – это группа людей, которые поддерживают и подменяют друг друга в сложных ситуациях, работают над достижением общих целей.

И в индивидуальных, и в командных спортивных дисциплинах требуется разработка индивидуализированных планов психологической подготовки, учитывающих специфические черты характера атлетов и особенности их тренировочного графика.

Для индивидуальных видов спорта акцент делается на упражнениях, улучшающих контроль эмоционального состояния, такие как глубокое дыхание, методы визуализации и медитативные практики. Приоритетное значение имеет формирование действенных подходов, позволяющих спортсменам быстро преодолевать неудачи и сохранять концентрацию на достижении целей.

В командных видах спорта ключевым аспектом является развитие навыков общения, включая активное слушание, четкое выражение мыслей и умение продуктивно взаимодействовать с товарищами по команде. Эти умения способствуют созданию благоприятной среды, основанной на доверии и взаимопонимании, что, в конечном итоге, повышает эффективность командной работы на игровом поле.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ разных источников подтверждает, что психологическая подготовка играет ключевую роль в достижении высоких спортивных результатов как в индивидуальных, так и в командных видах спорта. Однако аспекты психологической подготовки существенно различаются, учитывая специфику соревновательной деятельности и разные требования к психике спортсменов в зависимости от их специализации.

Список литературы:

- [1] Иванова М. М. Психологическая подготовка игроков командных видов спорта к студенческим соревнованиям / М. М. Иванова, О. А. Попова, И. М. Смокотнина, М. Д. Бугунов // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. – 2022. – № 4. – С. 73-79.
- [2] Анисимова Ю. Н. Психологические особенности волевых качеств у спортсменов командных и индивидуальных видов спорта / Ю. Н. Анисимова, Г. Н. Каменева, Г. С. Прыгин // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». – 2018. – № 4 (40). – С. 44-54.

[3] Кашапов М. М. Доминирующие психические состояния и тревожность у спортсменов командных и индивидуальных видов спорта / М. М. Кашапов, Т. В. Огородова, Х. Н. Филиппович // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2016. – № 2. – С. 73-79.

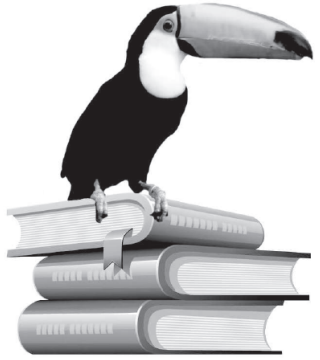
Spisok literatury:

[1] Ivanova M. M. Psikhologicheskaya podgotovka igrokov komandnykh vidov sporta k studentcheskim sorevnovaniyam / M. M. Ivanova, O. A. Popova, I. M. Smokotnina, M. D. Bugunov // Izvestiya TulGU. Fizicheskaya kul'tura. Sport. – 2022. – № 4. – С. 73-79.

[2] Anisimova Iu. N. Psikhologicheskie osobennosti volevykh kachestv u sportsmenov komandnykh i individual'nykh vidov sporta / Iu. N. Anisimova, G. N. Kameneva, G. S. Prygin // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya «Psikhologo-pedagogicheskie nauki». – 2018. – № 4 (40). – С. 44-54.

[3] Kashapov M. M. Dominiruiushchie psikhicheskie sostoianiia i trevozhnost' u sportsmenov komandnykh i individual'nykh vidov sporta / M. M. Kashapov, T. V. Ogorodova, Kh. N. Filippovich // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiia. Psikhologiya. Pedagogika». – 2016. – № 2. – С. 73-79.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-507-510

ИШУТИН Александр Васильевич,
Начальник кафедры огневой и тактико-специальной подготовки
Брянского филиала Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова,
e-mail: mail@law-books.ru

ШКАПОВ Павел Юрьевич,
Доцент кафедры физической подготовки
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

КОШЕЛЕВ Павел Сергеевич,
Старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ШАБАЛИНА Дарья Александровна,
Преподаватель кафедры физической подготовки
Казанского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАКТИЧЕСКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ ВЫСОКОИНТЕНСИВНЫМИ ИНТЕРВАЛЬНЫМИ НАГРУЗКАМИ СПОРТСМЕНОВ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИХСЯ НА ИГРОВЫХ ВИДАХ СПОРТА

Аннотация. В статье рассматривается направленное использование методов физического воздействия с высокоинтенсивной интервальной нагрузкой. Проведен анализ, из предложенных к применению ранее протестированных методов воздействия на профессиональных спортсменов, специализирующихся на игровых видах спорта. В метаанализе использовалась модель случайных эффектов. Определена роль каждого блока развития в системе тренировочного процесса.

Сформирована система методических подходов, а также принципов дифференцированного усложненного роста, для всех из участников эксперимента.

Установлены критерии возможного достижения результативности по всем формам оценивания, благодаря этому определена цель, и условия выполнения работы.

Ключевые слова: высокоинтенсивные интервальные тренировки, спринтерские интервальные тренировки, физическая подготовка, сердечнососудистая система, двигательная активность, умения, навыки, работоспособность.

ISHUTYN Aleksandr Vasilyevich,
Head of the Department of Fire and Tactical-Special Training
of the Bryansk branch of the Oryol Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.V. Lukyanov

SHKAPOV Pavel Yuryevich,
Associate Professor of the Department of Physical Training
of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

KOSHELEV Pavel Sergeevich,
Senior Lecturer of the Department of Tactical-Special Training
of the Stavropol branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SHABALINA Darya Aleksandrovna,
Lecturer of the Department of Physical Training
of the Kazan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

PRACTICAL SUPPLEMENTATION OF HIGH-INTENSITY INTERVAL LOADS FOR ATHLETES SPECIALIZING IN GAME SPORTS

Annotation. *The article discusses the targeted use of methods of physical impact with high-intensity interval loads. An analysis was conducted of the previously tested methods of influencing professional athletes specializing in game sports proposed for use. A random effects model was used in the meta-analysis. The role of each development block in the training process system was determined. A system of methodological approaches was formed, as well as principles of differentiated complex growth, for all participants in the experiment. Criteria for the possible achievement of results for all forms of assessment were established, due to this, the goal and conditions for performing the work were determined.*

Key words: *high-intensity interval training, sprint interval training, physical training, cardiovascular system, motor activity, skills, abilities, performance.*

Высокоинтенсивные, прерывистые командные виды спорта, требующие от участников максимальных, а порой почти запредельных усилий во время соревнований, всегда считались энергозатратными и травмоопасными видами спорта. Такой вид двигательной активности характеризуется высокими требованиями к аэробному и анаэробному метаболизму.

Охватывая различные специфические игровые действия, такие как ускорение, замедление, бег, прыжки и способность менять направление приводит к значительным требованиям ресурсного потенциала организма. Основными источниками энергии, обеспечивающими эти действия во время игровых встреч, являются аденозинтрифосфат (АТФ), креатинфосфат (КФ) и реакции гликолиза. Указанные источники энергии работают последовательно и перекрывают друг друга, позволяя спортсменам многократно выполнять высокоинтенсивные действия на протяжении всей игры, обеспечивая возможность сохранять работоспособность на протяжении длительного времени. В периоды низкой интенсивности или в моменты отдыха, например при выполнении замен, аэробная система берёт на себя управление, восполняя запасы АТФ и креатинфосфата способствуя тем самым выведению лактата. Способность эффективно переключаться между этими системами и быстро восстанавливаться с помощью аэробной системы для выведения молочной кислоты и восполнения запасов энергии имеет решающее значение для высоких результатов в игровых видах спорта. Выполнение высокоинтенсивных игровых тренировок (ВИИТ) требует особых методических подходов, в тренировочном процессе, при котором короткие интенсивные

упражнения чередуются с периодами восстановления, что эффективно улучшает физическую подготовку, развивает анаэробную выносливость и функционал всех систем организма[1].

Включая в тренировочный процесс, спринтерские забеги с непродолжительными периодами на отдых, способствуют развитию взрывной силы, повышая скорость и ловкость, что является важнейшими качествами в игровых видах спорта. Многочисленные исследования доказывают эффективность, применения физической нагрузки высокоинтенсивного характера.

Углубившись в исследования известных научных деятелей, наглядно прослеживаются схожие результаты касающиеся биохимических процессов, активное сокращение мышечных волокон стимулирует высвобождение анаболических гормонов, таких как тестостерон и гормон роста, способствуя синтезу мышечного белка, что приводит к значительному росту силовых показателей. Многие тренеры придерживаются мысли, что такая нагрузка является эффективным методом кондиционирования для спортсменов в различных видах спорта, помогая им повысить физическую работоспособность. В 2020 было обнаружено, что у спортсменов, занимающихся боевыми видами спорта, высокоинтенсивные интервальные тренировки значительно повышают максимальное потребление кислорода и анаэробную выносливость. Однако, несмотря на признанные преимущества данного метода тренировочного воздействия, существуют некоторые противоречия связанные с дефицитом кислорода у спортсменов специализирующихся на игровых видах спорта[2].

Проявление гипоксии создает препятствие в реализации игровых ситуаций и полноценной

отработки поставленных перед ними задач. Поэтому одним из не маловажных факторов влияющих на адаптацию к высокоинтенсивным нагрузкам является, функционально развитая сердечно-сосудистая система, способствующая быстрому восстановлению между спринтами, прыжками и интенсивными нагрузками. Такое быстрое восстановление крайне важно для поддержания высокой результативности во время игры[3].

Высокоинтенсивные интервальные тренировки должны включать в себя повторяющиеся интенсивные упражнения, которые доводят организм до предела аэробных возможностей, стимулируя адаптацию, которая повышает способность потреблять и использовать кислород. Этот процесс также приводит к увеличению сердечного выброса, улучшению ударного объема и повышению плотности капилляров в мышечных тканях, что способствует более эффективной доставке и использованию кислорода. Кроме того, интенсивные упражнения повышают лактатный порог, во время ее накопления в крови. Такая адаптация обусловлена повышенной активностью ферментов, участвующих в метаболизме лактата, улучшенной буферной способностью и усиленным кровотоком, что позволяет спортсменам поддерживать более высокую интенсивность в течение длительного времени до наступления утомления. Высокая интенсивность тренировок адаптирует нервно-мышечную систему заставляя ее работать более эффективно, улучшая координацию мышц и характер движений, характерных для спринта[4].

Анализируя научно-спортивную среду, мы пришли к выводу о необходимости проведения сравнительного анализа. Интерес к данному вопросу призывал нас более детально отследить реакцию организма на высокоинтенсивные нагрузки. Для осуществления процесса исследования нам пришлось обратиться в спортивную школу г. Ставрополя. В предстоящем межсезонье среди игровых коллективов планировалось проведение товарищеских матчей. Получив одобрение, спорт школы о применении разработанных нами методик развития на основе высокоинтенсивных интервальных тренировок, наша группа исследователей преступила к запланированной работе[5].

Итак, в первую очередь нам предстояло определить общую физическую подготовку в процентном соотношении среди отобранных нами команд. Для тестового исследования применялся норматив, используемый в военизированных специальных подразделениях, с незначительными корректировками на упрощение.

Каждому из участников команды, в течение 25 мин. в установленной последовательности нужно было преодолеть беговую дистанцию 2000м. с элементами полосы препятствий. Время

для прохождения дистанции составляло 8 мин. 30 сек. далее без времени на отдых испытуемый переходил к сгибанию разгибанию рук в упоре лежа под счет, требовалось выполнить сгибание в количестве 25 – ти повторений. После отжиманий испытуемый переходил к разножке (25 повторов). Заканчивалось испытание упражнением на пресс, испытуемый, находясь в положении лежа на спине, выполнял наклон вперед до касания локтями коленей, ноги при этом не фиксируются, допускалось незначительное сгибание коленей, отрывать пятки от поверхности ковра запрещалось.

В процессе тестирования велся протокол показателей по каждому из участников команды. После каждого упражнения, у испытуемого измерялась частота сердечных сокращений, замерялась сатурация и объем выдыхаемого воздуха. Полученные результаты обобщались и в процентном соотношении заносились в протокол. Из шести команд нами были определены две команды со средним уровнем физической подготовленности. Отобрав две группы, мы преступили к исследованию, продолжительность которого по плану тренировочного цикла составляла пять месяцев. Тренировки проходили в привычное время для участников испытания. Один раз в неделю испытуемые выполняли высокоинтенсивную аэробную нагрузку с незначительными интервалами на отдых. Применялись упражнения из кросфита, а также бег отрезками с многократным повторением.

Во второй день тренировка включала в себя анаэробную нагрузку с элементами изометрического и статического характера.

Во второй группе, помимо анаэробной нагрузки, делался акцент на развитие силовой выносливости. В частности, применялись упражнения с собственным весом, направленные на укрепление основных мышечных групп. Использовались подтягивания, отжимания с различной постановкой рук, приседания с выпрыгиванием и упражнения на пресс с утяжелением.

Контроль за техникой выполнения упражнений осуществлялся нашей группой, во избежание травм и для достижения максимальной эффективности тренировочного процесса. На протяжении всего периода исследования, особое внимание уделялось мониторингу физиологических показателей испытуемых. Регулярно проводились измерения частоты сердечных сокращений в состоянии покоя и после нагрузки, фиксировались изменения сатурации и объема выдыхаемого воздуха. Данные показатели позволяли оценить адаптацию организма к тренировочным нагрузкам и своевременно корректировать интенсивность и

объем упражнений. Для более глубокого анализа физического состояния участников, проводилось тестирование на определение максимального потребления кислорода (МПК). Этот показатель является одним из ключевых индикаторов аэробной работоспособности и позволяет оценить эффективность работы сердечнососудистой и дыхательной систем. Полученные данные использовались для индивидуализации тренировочных программ и оптимизации нагрузок.

По окончании пятимесячного тренировочного цикла было проведено контрольное тестирование, аналогичное начальному. Сравнение результатов до и после тренировок позволило оценить эффективность применяемых методик и выявить различия в адаптации к нагрузкам у обеих групп испытуемых. Полученные данные были подвергнуты статистической обработке для выявления значимых различий и закономерностей с командами, которые все это время занимались параллельно нашим испытуемым.

На сегодняшний день мы с уверенностью можем сказать о значительном превосходстве экспериментальных групп, их показатели оказались выше на 40%. Что подтверждается сравнительным анализом.

Проведенные исследования доказывают, что высокоинтенсивные интервальные тренировки значительно улучшают выносливость сердечнососудистой системы, повышая уровень адаптации и способности организма к быстрому восстановлению.

Тренерскому составу следует рассмотреть возможность дополнения к применению целенаправленных тренировок, нагрузками интенсивного характера и тщательно спланировать их время, в предсезонный или межсезонный периоды для достижения оптимальной эффективности.

Список литературы:

[1] Гайдаш, А.И. Положительно образовательная особенность установленного режима в физическом воспитании // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург 2020. № 11-3 (101). С. 104-106.

[2] Гайдаш, А.И. Сочетание аэробной и анаэробной нагрузки во время занятий по физической культуре в образовательных организациях МВД России / Гайдаш, А.И. Кувалдина Е.В // Здоровый образ жизни человека – национальная проблема современного общества: материалы VII национальной научно-практической конференции студентов и преподавателей. Невинномысск, – 2018. – С. 189-194.

[3] Гайдаш, А.И. Предупреждение травматизма: рациональный подход в занятиях физиче-

ской культурой / Хворостова Е.Е. В сборнике: гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции курсантов, студентов и слушателей. Ставрополь, 2021. с. 53-55

[4] Гайдаш, А.И. Человек спортивный в современном обществе // Культура физическая и здоровье современной молодежи. Материалы II Международной научно-практической конференции. Редколлегия: Е.В. Богачева [и др.]. Под редакцией А.И. Бугакова, С.А. Бортниковой. 2019. С. 3-6.

[5] Озеров В.П., Ребус Б.М. Восприятие спортсменами временных интервалов в процессе активной мышечной деятельности. // Психологические проблемы трудовой деятельности и трудового обучения. – Ставрополь, 1991.- С. 80-96.

[6] Телесность человека: междисциплинарные исследования.- М.,1991.-159 с.

Spisok literatury:

[1] Gajdash, A.I. Polozhitel'no obrazovatel'naja osobennost' ustanovlennogo rezhima v fizicheskom vospitanii // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. Ekaterinburg 2020. № 11-3 (101). S. 104-106.

[2] Gajdash, A.I. Sochetanie ajerobnoj i anajerobnoj nagruzki vo vremja zanjatij po fizicheskoj kul'ture v obrazovatel'nyh organizacijah MVD Rossii / Gajdash, A.I. Kuvaldina E.V // Zdorovyj obraz zhizni cheloveka – nacional'naja problema sovremennogo obshhestva: materialy VII nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov i prepodavatelej. Nevinnomyssk, – 2018. – S. 189-194.

[3] Gajdash, A.I. Preduprezhdenie travmatizma: racional'nyj podhod v zanjatijah fizicheskoj kul'turoj / Hvorostova E.E. V sbornike: gumanitarno-pravovye aspekty razvitija rossijskogo obshhestva. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii kursantov, studentov i slushatelej. Stavropol', 2021. s. 53-55

[4] Gajdash, A.I. Chelovek sportivnyj v sovremennom obshhestve // Kul'tura fizicheskaja i zdorov'e sovremennoj molodezhi. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Redkollegija: E.V. Bogacheva [i dr.]. Pod redakciej A.I. Bugakova, S.A. Bortnikovoj. 2019. S. 3-6.

[5] Ozerov V.P., Rebus B.M. Vosprijatie sportsmenami vremennyh intervalov v processe aktivnoj myshechnoj dejatel'nosti. // Psihologicheskie problemy trudovoj dejatel'nosti i trudovogo obuchenija. – Stavropol', 1991.- S. 80-96.

[6] Telesnost' cheloveka: mezhdisciplinarnye issledovanija.- M.,1991.-159 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-511-514

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

ЛОЗОВОЙ Александр Александрович,
Старший преподаватель кафедры физического
воспитания и спорта, Сибирский Государственный
университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева.
Красноярск, Россия,
e-mail: 89235731323@mail.ru

ЛИСОВИК Алла Николаевна,
Доцент кафедры физической культуры и здоровья,
Сибирский Государственный университет науки
и технологий им. М.Ф. Решетнева. Красноярск, Россия,
e-mail: lissa0407@mail.ru

ЛЮЛИНА Наталья Владимировна,
Доцент кафедры методики преподавания
спортивных дисциплин и национальных
видов спорта, Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Доцент кафедры физической культуры, Сибирский
федеральный университет. Красноярск, Россия,
e-mail: natali6503@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ГЛОБАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматривается значение физической культуры и спорта как составной части социально-экономической системы. Раскрываются особенности экономических отношений в отрасли, а также влияние физической культуры и спорта на различные сферы жизни общества. Особое внимание уделено современным тенденциям формирования спортивной индустрии в России, а также нормативно-правовому регулированию и финансовому обеспечению отрасли на государственном уровне.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, экономика спорта, спортивная индустрия, государственное регулирование, инвестиции, рынок спортивных услуг.

LOZOVY Alexander Alexandrovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical
Education and Sports,
M.F. Reshetnev Siberian State University of Science and Technology.
Krasnoyarsk, Russia

LISOVIK Alla Nikolaevna,
Associate Professor of the Department of Physical Culture and Health,
M.F. Reshetnev Siberian State University of Science
and Technology. Krasnoyarsk, Russia

LYULINA Natalia Vladimirovna,
Associate Professor of the Department of Teaching Methods
sports disciplines and national
sports, Krasnoyarsk State University
V.P. Astafiev Pedagogical University,
Associate Professor of the Department of Physical Culture, Siberian
Federal University. Krasnoyarsk, Russia

THE CURRENT IMPORTANCE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE GLOBAL AND NATIONAL CONTEXT

Annotation. *This article explores the role of physical culture and sports as an integral component of the socio-economic system. It outlines the specific characteristics of economic relations within the industry and the impact of physical activity and sports on various aspects of public life. Special attention is given to current trends in the development of the sports industry in Russia, along with the legal framework and public funding at the state level.*

Key words: *physical culture, sports, sports economy, sports industry, government regulation, investment, sports services market.*

В условиях глобализации, урбанизации и стремительного технологического прогресса физическая культура и спорт приобретают особую значимость как в контексте личного благополучия граждан, так и в рамках социально-экономического развития общества. Физическая активность в современных условиях выполняет не только гигиеническую и рекреационную функции, но также становится инструментом социальной интеграции, культурной идентичности и политической репрезентации. По данным Всемирной организации здравоохранения, регулярная двигательная активность способствует снижению заболеваемости сердечно-сосудистыми и метаболическими заболеваниями, повышает когнитивные способности и уровень удовлетворенности жизнью. Современное общество все более осознает важность физической культуры и спорта как неотъемлемых компонентов социально-экономического развития. Здоровый образ жизни, физическая активность, занятия спортом становятся частью повседневной жизни миллионов людей. В условиях глобализации и цифровизации спорт приобретает не только социальную, но и значимую экономическую роль. Возникает потребность в системном подходе к изучению экономических аспектов физической культуры, что обусловило формирование специализированной научной дисциплины — экономики физической культуры и спорта.

Физическая культура и спорт прочно интегрированы в различные сферы жизнедеятельности общества. На индивидуальном уровне они способствуют укреплению здоровья, развитию личностных качеств и улучшению психоэмоционального состояния. На уровне общества в целом они влияют на показатели демографической устойчивости, снижают расходы на здравоохранение, формируют благоприятный социальный климат. С экономической точки зрения, спорт становится значимой отраслью нематериального производства, где основными продуктами выступают здоровье, долголетие, досуг и развлечение. Подобно другим отраслям, инвестиции в спорт имеют мультипликативный эффект, принося зна-

чительные дивиденды в виде повышения производительности труда, снижения заболеваемости и увеличения продолжительности жизни населения.

Экономика физической культуры и спорта включает в себя систему взаимодействующих институтов, субъектов и рынков, обеспечивающих воспроизводство и развитие спортивной деятельности. Эта система характеризуется наличием устойчивых связей между государственным сектором, частными инвесторами, некоммерческими организациями и конечными потребителями. Каждый из этих субъектов вносит вклад в создание добавленной стоимости и формирование валового внутреннего продукта. К ключевым функциям экономики спорта относятся: обеспечение доступности спортивных и физкультурных услуг, стимулирование внутреннего спроса на здоровый образ жизни, поддержание конкурентоспособности национальных сборных команд, развитие спортивного предпринимательства. Таким образом, спорт выполняет не только социальные, но и макроэкономические функции, способствуя развитию инфраструктуры, снижению безработицы и увеличению налоговых поступлений.

Экономика физической культуры и спорта представляет собой самостоятельное направление научного знания, изучающее хозяйственные отношения, возникающие в процессе функционирования и развития спортивной отрасли. Она охватывает два уровня анализа: макроэкономический — в рамках государственной и международной политики, и микроэкономический — в пределах отдельных спортивных организаций, клубов и федераций.

К основным задачам данной дисциплины относятся:

- систематизация и обобщение существующих экономических знаний в спортивной сфере;
- выявление и решение экономических проблем, связанных с развитием физкультуры и спорта;
- анализ тенденций и прогнозирование экономических процессов в отрасли;
- формирование эффективных управленческих решений и практических рекомендаций.

Экономические отношения в российской сфере физической культуры и спорта только начинают развиваться по рыночным принципам. Формируется спортивная индустрия, развивается спортивное предпринимательство, расширяется рынок спортивных услуг и инфраструктура, включая объекты для массового и профессионального спорта. Заметные подвижки наблюдаются в области нормативно-правового регулирования, финансовой поддержки отрасли и институционального оформления субъектов спортивной деятельности. Появляются профессиональные союзы, ветеранские организации, системы страхования спортсменов, юридического и сервисного обслуживания. Современные теоретические и прикладные подходы в экономике спорта рассматривают физическую культуру как значимый ресурс развития человеческого капитала. Регулярные занятия физическими упражнениями способствуют формированию устойчивых поведенческих моделей, улучшают ментальное здоровье и продлевают активную трудоспособность, тем самым снижая общие социальные издержки и увеличивая совокупную производительность труда.

С экономической точки зрения, спорт представляет собой мультииндустриальный кластер, включающий в себя как отрасли нематериального производства (физкультурно-оздоровительные услуги, образовательные программы, культурные мероприятия), так и высокоорганизованные формы товарно-денежных отношений (маркетинг, трансферы, спонсорство, лицензионная продукция). Глобальный рынок спортивных товаров и услуг оценивается в сотни миллиардов долларов, и темпы его роста стабильно превышают средние показатели экономического роста по другим отраслям. Экономика физической культуры и спорта как научная дисциплина формируется на стыке экономической теории, социологии, менеджмента и права. Её предметом являются хозяйственные отношения, возникающие в процессе производства, распределения, обмена и потребления спортивных и физкультурно-оздоровительных услуг.

На макроуровне исследования сосредоточены на анализе государственной политики, моделировании экономических эффектов спортивных мероприятий, изучении внешнеэкономических связей и инвестиций в спортивную инфраструктуру. На микроуровне — анализируются механизмы управления отдельными спортивными организациями, федерациями, клубами, фитнес-центрами и предприятиями, специализирующимися на выпуске спортивных товаров.

В постсоветский период спортивная отрасль Российской Федерации пережила переход от централизованной модели управления к рыночной.

Этот процесс сопровождается значительными институциональными преобразованиями: формированием правовых основ, развитием системы частно-государственного партнёрства, появлением новых форм собственности и организационно-правовых структур в спорте. Возникновение профессиональных спортивных союзов, страховых и юридических сервисов для спортсменов, внедрение механизмов пенсионного и посткарьерного обеспечения свидетельствуют о постепенной институционализации спортивной экономики. Наряду с этим, наблюдается активное развитие спортивного туризма, событийного менеджмента, маркетинга и медийного сопровождения спортивных проектов. Это открывает новые перспективы для предпринимательской инициативы и привлечения инвестиций в отрасль.

Ключевым документом, регламентирующим функционирование отрасли, является Федеральный закон №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». В нем определены полномочия государства в данной сфере, а также принципы взаимодействия с субъектами спортивной деятельности. Ведущим федеральным органом исполнительной власти выступает Министерство спорта РФ, осуществляющее разработку государственной политики, реализацию программных мероприятий, управление бюджетными средствами и взаимодействие с другими органами власти, общественными объединениями и частным сектором.

Государственное финансирование является важнейшим элементом поддержки спортивной сферы. Расходы федерального бюджета на физическую культуру и спорт ежегодно растут. Значительная часть средств направляется на развитие инфраструктуры — строительство и модернизацию спортивных сооружений, подготовку кадров, проведение массовых и профессиональных мероприятий, участие сборных команд в международных соревнованиях. Координацию деятельности в данной сфере осуществляет Министерство спорта Российской Федерации, реализующее функции по разработке и внедрению государственной политики, нормативно-правовому регулированию, управлению имуществом и предоставлению государственных услуг. Министерству подведомственны десятки учреждений, включая образовательные, научные, спортивно-подготовительные и культурные организации.

Финансирование физической культуры и спорта осуществляется преимущественно за счёт бюджетных ассигнований, предусмотренных федеральным и региональными бюджетами. Средства распределяются по следующим основным направлениям:

- развитие спортивной инфраструктуры (строительство, реконструкция, модернизация объектов);

-поддержка национальных сборных и проведение массовых мероприятий;

- содержание ведомств, реализация международных программ, научно-исследовательские и образовательные инициативы.

Инвестиции в спорт рассматриваются не только как текущие расходы, но и как вклад в долгосрочное развитие человеческого капитала. В условиях трансформации государственной политики акценты смещаются в сторону стимулирования частных инвестиций и развития механизмов государственно-частного партнёрства.

Параллельно с государственными инициативами развивается частный сектор спортивной индустрии. Формируется рынок профессиональных услуг: маркетинга, менеджмента, права, страхования, медицинского сопровождения, PR-сопровождения, подготовки спортсменов и тренеров. Спортивные клубы и федерации всё чаще переходят на самофинансирование, развивают собственные бизнес-модели и активизируют работу со спонсорами. Становится очевидным, что устойчивое развитие сферы физической культуры и спорта невозможно без эффективного взаимодействия государства, частного бизнеса и общественных институтов. Современная спортивная индустрия представляет собой динамично развивающийся сегмент, включающий в себя широкий спектр услуг и специализированных предприятий. Компании, предоставляющие услуги по поиску спонсоров, организации зарубежных тренировочных сборов, страхованию жизни и здоровья спортсменов, правовому сопровождению, а также трудоустройству тренеров и атлетов, образуют комплексную экосистему, ориентированную на поддержку и развитие спортивной карьеры. Данный кластер характеризуется высокой степенью интеграции с международными рынками, применением цифровых технологий и инновационных бизнес-моделей. Электронная коммерция, платформенные решения, аналитика больших данных и спортивная медицина становятся важнейшими элементами современного спортивного бизнеса.

Таким образом, физическая культура и спорт в современном обществе выполняют многогранную роль, оказывая значительное влияние на социальную, экономическую и культурную жизнь. Экономика спорта как наука и как практическая дисциплина приобретает всё большее значение в

условиях модернизации государственной политики и расширения рыночных механизмов в данной сфере. Сбалансированное сочетание государственного управления и частной инициативы, развитие научных подходов и институциональная поддержка становятся основой устойчивого роста отрасли. Спорт высших достижений, в свою очередь, трансформируется в значимый элемент глобальной экономики, вовлекающий миллионы зрителей и потребителей. Международные спортивные мероприятия, такие как Олимпийские игры, чемпионаты мира и континентальные турниры, стали ареной проявления не только физических и волевых качеств, но и экономической мощи государств, их способности к организации массовых событий и генерации положительного имиджа на международной арене. Экономика физической культуры и спорта в современных условиях представляет собой сложную, многокомпонентную систему, требующую комплексного научного осмысления и практического подхода к управлению.

Список литературы:

- [1] Галкин В.В., Сысоев В.И. Экономика физической культуры и спорта. Уч. пособие для высших и средних профессиональных учебных заведений физической культуры. - Воронеж, 2003. - 252 с.
- [2] Галкин Ю.П. Коэффициент активности. - Смоленск: «Товарищ», 1990. - 158 с.
- [3] Гуськов С.И. Спорт и маркетинг. - М.: Вагриус, 1995. - 303 с.
- [4] Костенко С.А. Экономические аспекты системы медицинского обеспечения спортсменов и лиц, занимающихся физической культурой и спортом //Теория и практика физической культуры. - 1999. - № 4. - С.8-10.

Spisok literatury:

- [1] Galkin V.V., Sysoev V.I. Ekonomika fizicheskoy kul'tury i sporta. Uch. posobie dlya vysshih i srednih professional'nyh uchebnyh zavedenij fizicheskoy kul'tury. - Voronezh, 2003. - 252 s.
- [2] Galkin YU.P. Koefficient aktivnosti. - Smolensk: «Tovarishch», 1990. - 158 s.
- [3] Gus'kov S.I. Sport i marketing. - M.: Vagrius, 1995. - 303 s.
- [4] Kostenko S.A. Ekonomicheskie aspekty sistemy medicinskogo obespecheniya sportsmenov i lic, zanimayushchihsya fizicheskoy kul'turoj i sportom // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. - 1999. - № 4. - S.8-10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-515-520

МИХАЙЛОВ Александр Викторович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правового таможенного
регулирующего на транспорте
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического
университета (МАДИ)
e-mail: stroilizing@mail.ru

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ВУЗОВ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО АВТОМОБИЛЬНО-ДОРОЖНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (МАДИ))

Аннотация. Статья посвящена особенностям правового регулирования труда преподавателей высшей школы. Заключение срочного трудового договора с профессорско-преподавательским составом происходит после конкурса для преподавателей, доцентов и профессоров, а так же после выборов для заведующих кафедрами и деканов факультетов. Несмотря на общий демократический характер процедур конкурсов и выборов, практика показывает, что правовое регулирование в данной сфере недостаточно эффективно защищает профессорско-преподавательский состав от возможных действий дискриминационного характера со стороны руководства вуза. Рассматриваемые правоотношения, связанные с выборами заведующих кафедрами, проанализированы по итогам выборов такой категории научно-преподавательского состава в Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете (МАДИ).

Ключевые слова: учреждения высшего образования, профессорско-преподавательский состав, локальное нормативное регулирование, оценка уровня квалификации, ученый совет вуза.

MIKHAILOV Alexander Victorievich,
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of
Law and Customs regulation of transport in Moscow Automobile
and Road Construction State Technical University (MADI)

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE WORK OF UNIVERSITY PROFESSORS (USING THE EXAMPLE OF MOSCOW AUTOMOBILE AND ROAD CONSTRUCTION STATE TECHNICAL UNIVERSITY (MADI))

Annotation. The article is devoted to the peculiarities of the legal regulation of the work of higher school teachers. The conclusion of a fixed-term employment contract with the teaching staff takes place after a competition for teachers, associate professors and professors, as well as after elections for department heads and faculty deans. Despite the generally democratic nature of the competition and election procedures, practice shows that legal regulation in this area does not effectively protect the teaching staff from possible discriminatory actions by the university administration. The legal relations under consideration related to the election of department heads are analyzed based on the results of the election of such a category of scientific and teaching staff at the Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI).

Key words: institutions of higher education, teaching staff, local regulatory regulation, assessment of the qualification level.

1. Пробелы в правовом регулировании процедуры конкурса и выборов в вузах

Труд педагогических работников регулируется главой 52 Трудового кодекса РФ [1; 11]. В данной главе правовое регулирование труда педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, содержится только в одной 332 статье ТК РФ, которая определяет особенности как заключения трудового договора, так и прекращения трудового договора с работниками педагогической сферы, которых относят к профессорско-преподавательскому составу вузов.

Данная статья определяет, что заключению трудового договора на замещение должности педагогического работника, который относится к профессорско-преподавательскому составу в образовательном учреждении высшего образования, а также переводу на такую должность в таком учреждении, предшествует прохождение данным работником конкурс на замещение соответствующей должности [11]. Срок трудового договора после конкурса на замещение соответствующей должности определяется коллегиальным органом управления организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, в соответствии с локальными нормативными актами данной организации и может быть неопределенным или определенным в пределах не менее трех лет и не более пяти лет. В случае, если трудовой договор между педагогическим работником, относящимся к профессорско-преподавательскому составу, и данной организацией заключается для выполнения определенной работы, носящей заведомо срочный (временный) характер, допускается избрание по конкурсу на замещение соответствующей должности на срок менее трех лет, но не менее чем на один год. Эти изменения были внесены в ТК федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 471-ФЗ «О внесении изменений в статьи 332 и 351.7 Трудового кодекса Российской Федерации».

При переводе на должность педагогического работника, относящегося к профессорско-преподавательскому составу, в результате избрания по конкурсу на соответствующую должность срок действия трудового договора с работником может быть изменен по соглашению сторон, заключаемому в письменной форме, на определенный срок не более пяти лет или на неопределенный срок.

Постановление Конституционного Суда РФ от 24 октября 2023 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности частей третьей и четвертой статьи 58, части второй статьи 67 и частей первой, второй и девятой статьи 332 Трудового кодекса

Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.А. Алебастровой» (вступает в силу с 26 октября 2023 г.) [2; 10] определяет:

«- признать часть девятую статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации (в редакции, действовавшей до внесения в нее изменений Федеральным законом от 4 августа 2023 года № 471-ФЗ) не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 7 (часть 1), 37 (часть 1), 44 (часть 1), 55 (часть 3), 75 (часть 5) и 75.1, в той мере, в какой она допускает произвольное определение работодателем срока, на который по соглашению сторон продлевается действие срочного трудового договора с педагогическим работником, относящимся к профессорско-преподавательскому составу, в организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, при избрании этого работника по конкурсу на иную должность и переводе на эту должность, притом, что выполняемая по данному договору работа является для работника основной».

Сегодня также действует приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 4 декабря 2023 г. № 1138 «Об утверждении Положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу» (далее – Приказ) [3]. Нормы данного нормативного правового акта дублируют положения статьи 332 ТК РФ [11]. Например, п. 2 Приказа определяет: «Заключению трудового договора на замещение должности педагогического работника в организации, а также переводу на такую должность предшествует избрание по конкурсу на замещение соответствующей должности (далее - конкурс) с указанием срока избрания. Срок избрания по конкурсу определяется коллегиальным органом управления организации, в полномочия которого входит проведение конкурса, в соответствии с локальными нормативными актами организации и может быть неопределенным или определенным в пределах не менее трех лет и не более пяти лет. В случае если трудовой договор между педагогическим работником и организацией заключается для выполнения определенной работы, носящей заведомо срочный (временный) характер, допускается избрание по конкурсу на срок менее трех лет, но не менее чем на один год».

Пункт 4 Приказа определяет: «Руководитель организации (уполномоченное им лицо) не позднее 1 июля формирует и размещает на официальном сайте организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее - сайт организации) список педагогических работников (фамилия, имя, отчество (при наличии) и долж-

ность), у которых в следующем учебном году истекает срок трудового договора. Пункт 5 Приказа устанавливает: Руководителем организации (уполномоченным им лицом) при наличии вакантной должности педагогического работника на сайте организации размещается объявление о проведении конкурса. Объявление размещается в период учебного года, но не менее чем за два месяца до даты проведения конкурса». Возникает здесь закономерный вопрос: а если нет вакантной должности педагогического работника, может в этом случае объявляться конкурс? По логике приказа, руководитель образовательной организации в данном случае может объявить конкурс.

Заслуживает интереса определение Конституционного Суда РФ от 20 июля 2023 г. № 1857-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Володиной Юлии Анатольевны на нарушение ее конституционных прав частями второй и шестой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации»[4; 10]. КС РФ указывает:

« - оспариваемые нормы, примененные в ее деле судами общей юрисдикции, противоречат Конституции Российской Федерации, в частности ее статье 37 (часть 1), поскольку допускают возможность объявления конкурса на замещение должности педагогического работника, не являющейся вакантной, чем способствуют созданию для претендентов, замещающих данную должность, более благоприятных условий участия в конкурсе, в частности посредством учета достигнутых показателей профессиональной деятельности, а также препятствуют эффективной судебной защите прав тех претендентов, которые не были избраны по конкурсу вследствие необъективной оценки уровня их квалификации коллегиальным органом образовательной организации высшего образования в отсутствие четких критериев конкурсного отбора». При этом не исключена ситуация, когда срок трудового договора отдельных преподавателей заканчивается, но при этом конкурс на замещение должности не объявляется [11]. При этом с преподавателем трудовой договор прекращается на основании ч. 2 ст. 77 ТК РФ. Уволенный преподаватель не знает, когда будет проведен конкурс, ждать или не ждать проведения конкурса. В случае неопределенности он вынужден искать другую работу. Не проводится конкурс на замещение должностей декана факультета и заведующего кафедрой. Должности декана факультета и заведующего кафедрой являются выборными. Порядок проведения выборов на указанные должности устанавливается уставами образовательных организаций высшего образования.

Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 4 декабря 2023 г. № 1138 «Об утверждении Положения о порядке замещения

должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу» в п. 1 устанавливает:

«- Должности педагогических работников, отнесенных к профессорско-преподавательскому составу, за исключением должностей декана факультета и заведующего кафедрой, замещаются в организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ (далее соответственно - педагогические работники, организация), в соответствии с должностями, указанными в подразделе 1 раздела I номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 225».

Например, в МАДИ 20 января 2025 года решением ученого совета МАДИ принято положение о выборах. Данное Положение (как указано в самом документе) разработано в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ), Федеральным Законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[5], Трудовым кодексом Российской Федерации, Положением о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, утвержденным приказом Минобрнауки России от 4 декабря 2023 г. № 1138 «Об утверждении Положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу», приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 11 января 2011 г. № 1н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих»[6], иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, Уставом МАДИ и иными локальными нормативными актами МАДИ.

Далее в Положении говорится о том, что ежегодно, не позднее 01 июля текущего учебного года, Отдел кадров размещает на официальном сайте МАДИ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сайт МАДИ) фамилии заведующих кафедрами с наименованием кафедр, у которых в следующем учебном году истекает срок трудового договора. Выборы на должность заведующего кафедрой объявляются приказом ректора (уполномоченного им лица) не позднее, чем за два месяца до даты их проведения. Таким образом, в положении нет ни слова о том, что выборы заведующего кафедрой

должны быть проведены до истечения срока трудового договора действующего заведующего кафедрой.

До 20 января 2025 года действовал приказ ректора от 2018 года «Об утверждении порядка выборов на должность заведующего кафедрой МАДИ» [7]. В данном порядке также отсутствует норма о том, что выборы заведующего кафедрой должны быть проведены до истечения срока трудового договора действующего заведующего кафедрой.

На практике это привело к злоупотреблениям со стороны руководства МАДИ по отношению к отдельным заведующим кафедрами.

В 2024 году у нескольких заведующих кафедрами МАДИ 28 августа заканчивался срок трудового договора. Но при этом ни по одной кафедре, где у заведующего заканчивался срок трудового договора, в 2024 году выборы не провели. Все заведующие написали заявления о продлении трудового договора до проведения выборов. Большинство заведующих получили продление трудового договора. Двоих заведующих, которые высказывали свое мнение, отличное от ректора, на заседаниях ученого совета, уволили по ст. 77 ч. 2 ТК. При этом оба писали заявления на продление срока трудового договора до выборов. С одним из уволенных было даже подписано дополнительное соглашение к трудовому договору, что срок действия срочного трудового договора определить следующим образом:

- начало 29.08.2020 года. Окончание 28.08.2024 года до прохождения выборов в установленном порядке. Несмотря на это, заведующий кафедрой был уволен, так как на ученом совете выступил против преобразования факультетов в институты.

Восстановить по суду заведующего кафедрой, уволенного в связи с истечением срока трудового договора, практически невозможно.

Далее, в положении о выборах заведующего кафедрой МАДИ есть норма о том, что к заявлению должны быть приложены следующие документы..., в том числе стратегия развития кафедры и ключевые показатели развития по всем направлениям деятельности кафедры, согласованные с проректорами, координирующими соответствующие направления деятельности кафедры.

31 марта 2025 года ректором МАДИ подписан приказ «Об утверждении Рекомендаций по подготовке Стратегии развития кафедры/института/факультета». П. 4 Данного приказа оформлен в следующей редакции:

«- установить, что стратегия развития кафедры/института/факультета подлежит рассмотрению первым проректором- проректором по образовательной деятельности, проректором по науч-

ной работе, проректором по молодежной политике и социально-воспитательной работе. По итогам рассмотрение выносится заключение о соответствии (или несоответствии) Стратегии требованиям, изложенным в Рекомендациях по подготовке Стратегии развития кафедры/института/факультета».

Далее проректоры по тем кандидатам, которых ректор не желает допустить к участию в выборах, выносят заключение о несоответствии Стратегии требованиям, изложенным в Рекомендациях по подготовке Стратегии развития кафедры/института/факультета.

После этого комиссия по рассмотрению документов конкурсного отбора выбора заведующего кафедрой отказывает кандидату в допуске к участию в выборах в связи с выявлением несоответствия представленных кандидатом документов требованиям, установленным Положением. По мнению авторов статьи, пункт 4 Приказа «Об утверждении Рекомендаций по подготовке Стратегии развития кафедры/института/факультета» противоречит здравому смыслу, устанавливая требования в Рекомендациях. Таким образом, руководство вуза имеет все правовые возможности для подавления демократических проявлений среди профессорско-преподавательского состава вуза, искусственно ограничивая их в праве участвовать в выборах заведующего кафедрой, директора института или декана факультета.

2. Нарушение трудового законодательства по выплате справедливой заработной платы

Руководство МАДИ также незаконно экономит на заработной плате преподавателей, которая и так заметно ниже региональной заработной платы [9]. Преподавателям предлагается подписать Соглашение к трудовому договору о выполнении педагогической работы на условиях почасовой оплаты. Данное предложение обосновывается тем, что отдельные группы студентов малочисленны, и ставку преподавателя из-за этого увеличить нет возможности. Заработная плата за выполнение педагогической работы на условиях почасовой оплаты составляла в 2024-2025 годах 680 рублей час, что заметно ниже заработной платы в соответствии с окладом по трудовому договору. Преподаватели подписывали Соглашение о выполнении педагогической работы на условиях почасовой оплаты для того, чтобы не срывать учебный процесс. В нарушение требования статьи 136 ТК РФ [9] заработная плата за выполнение педагогической работы на условиях почасовой оплаты два раза в месяц не выплачивается.

В 2024 году первую выплату за выполнение педагогической работы на условиях почасовой оплаты преподаватели получили только 05 дека-

бря 2024 года. Таким образом, задержка заработной платы за выполнение педагогической работы на условиях почасовой оплаты за сентябрь 2024 года была более двух месяцев. Вторая выплата была получена преподавателями 28 декабря 2024 года, при этом в данную выплату почасовая оплата труда преподавателей за декабрь 2024 года не включалась.

Заработная плата за выполнение педагогической работы на условиях почасовой оплаты за декабрь 2024 года была выплачена 06 февраля 2024 г.

Как отмечают Г. С. Аноприева, С. Е. Мельников, Д. И. Паршина, работникам гарантируются: государственное содействие в организации системы нормирования; учет мнения представительного органа работников в установлении тех или иных норм труда конкретным работодателем; соответствие норм труда технико-технологическому и организационному уровням производства; некоторая стабильность в нормировании, когда рост производительности труда отдельного работника (работников) не будет использован как повод, причина пересмотра норм выработки в сторону интенсификации производства: «достижение высокого уровня выработки ... отдельными работниками ... не является основанием для пересмотра ранее установленных норм труда»[8].

В противоречие вышеуказанным гарантиям, руководство МАДИ введением выполнения педагогической работы на условиях почасовой оплаты нарушает требования трудового законодательства, и эти нарушения проявляются в следующем:

1. Преподавателей вынуждают выполнять работу, предусмотренную трудовым договором, оплата которой производится не по ставке в соответствии с должностью по трудовому договору, а по расценке ниже почти на 40 процентов.

2. Заработная плата Соглашением о выполнении педагогической работы на условиях почасовой оплаты оплачивается не 2 раза в месяц, а один или два раза за учебный семестр.

3. Оплата работы, выполненной Соглашением о выполнении педагогической работы на условиях почасовой оплаты, не учитывает труд преподавателя по подготовке к лекциям и практическим занятиям, а также проверку контрольных и курсовых работ.

4. При расчете оплаты ежегодного оплачиваемого отпуска заработная плата преподавателей в соответствии с Соглашением о выполнении педагогической работы на условиях почасовой оплаты не учитывается, отпуск преподавателям оплачивается только в соответствии с окладом по трудовому договору.

Также в МАДИ не оплачивается работа преподавателей по приему зачетов и экзаменов у студентов-должников после окончания основной зачётно-экзаменационной сессии [11].

3. Выводы

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в качестве одного из важнейших принципов государственной политики в сфере образования определяет недопустимость дискриминации в сфере образования. Но, как показывает практика, правовое регулирование конкурса в вузах позволяет руководству вуза вполне правовыми методами проводить дискриминацию в отношении конкретных преподавателей, которые их не устраивают.

Что касается правового регулирования выборов заведующего кафедрой и деканов факультетов, то в основном данные отношения регулируются локальными нормативными правовыми актами вузов. Хотя закон об образовании и определяет важным принципом государственной политики в сфере образования демократический характер управления образованием, обеспечение прав педагогических работников, но в реальной жизни руководители образовательных учреждений нередко попирают данные принципы вполне правовыми методами. Заработная плата преподавателей вузов в Москве остается заметно ниже уровня региональной заработной платы, несмотря на требование Президента РФ о недопустимости «ниже уровня средней по региону» заработной платы педагогов.

Список литературы:

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ// СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 октября 2023 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности частей третьей и четвертой статьи 58, части второй статьи 67 и частей первой, второй и девятой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.А. Алебастровой» // СЗ РФ. 2023. № 45. Ст. 813.

[3] Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 4 декабря 2023 г. № 1138 «Об утверждении Положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу»// Официальный интернет-портал правовой информации - <http://pravo.gov.ru> , 20.12.2023

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 20 июля 2023 г. № 1857-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Володиной Юлии Анатольевны на нарушение ее конституционных прав частями второй и шестой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации»// Документ опубликован не был (СПС «Консультант Плюс»).

[5] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»// СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

[6] Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 11 января 2011 г. № 1н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования» // РГ. 2011. № 101.

[7] Приказ 221 од от 17 апреля 2018 г. «Об утверждении Порядка выборов на должность заведующего кафедрой МАДИ» // https://madi.ru/uploads/files/2023/04/04/1680607294_1524043280_221od-ot-17.04.2018-ob-utverzhenii-poryadka-vyborov-na-dolzhnost-zaveduyuschego-kafedroy-madi.pdf

[8] Аноприева, Г. С. Современные методы формирования и применения доплат и надбавок к заработной плате работника / Г. С. Аноприева, С. Е. Мельников, Д. И. Паршина // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2017. – № 1. – С. 4-6. – EDN ZHDLXP.

[9] Оплата и нормирование труда: Научно-практический комментарий к разделу VI Трудового кодекса Российской Федерации (главы 20-22) / С. В. Алексеев, Н. В. Антонова, С. В. Каменская, Т. Ю. Коршунова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. – 144 с.

[10] Судебная практика и развитие законодательства о труде и социальном обеспечении: научно-практическое пособие / Н. В. Антонова, С. В. Каменская, Т. Ю. Коршунова [и др.]. – Общество с ограниченной ответственностью «Юридическая фирма Контракт». – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2024. – 248 с.

[11] Эффективность научной деятельности: критерии правовой оценки / Н. В. Антонова, Н. С. Волкова, О. В. Гутников [и др.]. – Москва: Юридическое издательство «Норма», 2023. – 208 с. – ISBN 978-5-00156-290-0. – DOI 10.12737/1949067.

Spisok literatury:

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ// СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.

[2] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24 oktyabrya 2023 g. № 49-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chastej tret'ej i chetvertoj stat'i 58, chasti vtoroj stat'i 67 i chastej pervoj, vtoroj i devyatoj stat'i 332 Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanki I.A. Alebastrovoj» // SZ RF. 2023. № 45. Ст. 813.

[3] Prikaz Ministerstva nauki i vy'sshego obrazovaniya RF ot 4 dekabrya 2023 g. № 1138 «Ob utverzhenii Polozheniya o poryadke zameshheniya dolzhnostej pedagogicheskix rabotnikov, otnosyashixsya k professorsko-prepodavatel'skomu sostavu»// Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii - <http://pravo.gov.ru> , 20.12.2023

[4] Opreделение Konstitucionnogo Suda RF ot 20 iyulya 2023 g. № 1857-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanki Volodinoj Yulii Anatol'evny` na narushenie ee konstitucionny`x prav chastyami vtoroj i shestoj stat'i 332 Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii»// Dokument opublikovan ne by`l (SPS «Konsul'tant Plyus»).

[5] Federal'ny'j zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii»// SZ RF. 2012. № 53 (chast' I). Ст. 7598.

[6] Prikaz Ministerstva zdravooxraneniya i social'nogo razvitiya RF ot 11 yanvarya 2011 g. № 1n «Ob utverzhenii Edinogo kvalifikacionnogo spravochnika dolzhnostej rukovoditelej, specialistov i sluzhashhix, razdel "Kvalifikacionny'e charakteristiki dolzhnostej rukovoditelej i specialistov vy'sshego professional'nogo i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya» // RG. 2011. № 101.

[7] Prikaz 221 od ot 17 aprelya 2018 g. «Ob utverzhenii Poryadka vy`borov na dolzhnost` zaveduyushhego kafedroy MADI» // https://madi.ru/uploads/files/2023/04/04/1680607294_1-524043280_221od-ot-17.04.2018-ob-utverzhenii-poryadka-vyborov-na-dolzhnost-zaveduyushhego-kafedroy-madi.pdf

[8] Anoprieva, G. S. Sovremennyy'e metody` formirovaniya i primeneniya doplat i nadbavok k zarabotnoj plate rabotnika / G. S. Anoprieva, S. E. Mel'nikov, D. I. Parshina // Vestnik Moskovskogo humanitarno-e`konomicheskogo instituta. – 2017. – № 1. – С. 4-6. – EDN ZHDLXP.

[9] Oplata i normirovanie truda: Nauchno-prakticheskij kommentarij k razdelu VI Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii (glavy` 20-22) / S. V. Alekseev, N. V. Antonova, S. V. Kamenskaya, T. Yu. Korshunova. – Moskva: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu "YuRIDICHESKAYa FIRMA KONTRAKT", 2020. – 144 s.

[10] Sudebnaya praktika i razvitie zakonodatel'stva o trude i social'nom obespechenii: nauchno-prakticheskoe posobie / N. V. Antonova, S. V. Kamenskaya, T. Yu. Korshunova [i dr.]. – Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu "Yuridicheskaya firma Kontrakt". – Moskva : Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 2024. – 248 s.

[11] E`ffektivnost` nauchnoj deyatel'nosti: kriterii pravovoj ocenki / N. V. Antonova, N. S. Volkova, O. V. Gutnikov [i dr.]. – Moskva: Yuridicheskoe izdatel'stvo "Norma", 2023. – 208 s. – ISBN 978-5-00156-290-0. – DOI 10.12737/1949067.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-521-525

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

МАКАРОВА Татьяна Николаевна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: makarova_tn@urgau.ru

СОРОКИНА Наталья Ивановна,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: sorokina_na@urgau.ru

СТЕПАНОВ Роман Иванович,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: stepanov_ri@urgau.ru

ВОЛКОВА Светлана Александровна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: volkova_sa@urgau.ru

ШАКИРОВА Елизавета Романовна,

преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: shakirova_er@urgau.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ В СИСТЕМУ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ СТУДЕНТОВ ВЕТЕРИНАРНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам эффективности использования зарубежной художественной прозы в подготовке студентов ветеринарной специальности к профессиональному общению на английском языке. Авторы рассматривают возможности интеграции англоязычных литературных произведений в учебные программы вузов, направленные на формирование коммуникативной компетенции обучающихся. Особое внимание уделяется применению художественных текстов как средства для расширения словарного запаса, повышения мотивации к изучению языка и лучшего понимания особенностей профессионального общения в области ветеринарии. Основной целью исследования является выявление оптимальных путей интеграции англоязычной художественной литературы в образовательный процесс с целью качественного формирования профессиональных коммуникативных компетенций студентов ветеринарных специальностей. Данная работа основывается на результатах анализа научно-исследовательской литературы и наблюдений авторов статьи. Рассматривается методика поэтапного введения художественной прозы в учебный процесс: предварительный ввод ключевой терминологии, последующее выполнение упражнений на закрепление и совместный анализ фрагментов текста, содержащих специальную лексику. Рассматриваются способы организации групповых обсуждений, которые формируют у студентов навыки участия в дискуссиях на профессиональные темы. Отдельно рассматривается необходимость написания докладов и публичных выступлений на английском языке на основе прочитанных произведений. Также предлагается организация проектной и творческой деятельности студентов, включающей написание эссе, художественных текстов и постановку сцен из произведений, что повышает мотивацию к изучению языка и закрепляет приобретенные знания. Авторы делают вывод,

что правильный подбор художественных текстов способствует не только освоению языка, но и повышает мотивацию студентов к дальнейшему развитию в профессиональной сфере.

Ключевые слова: зарубежная художественная проза, изучение иностранного языка, английский язык, ветеринария, ветеринарная терминология, профессиональное общение.

MAKAROVA Tatyana Nikolaevna,

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

SOROKINA Natalia Ivanovna,

Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

STEPANOV Roman Ivanovich,

Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

VOLKOVA Svetlana Aleksandrovna,

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

SHAKIROVA Elizaveta Romanovna,

Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

INTEGRATION OF FOREIGN FICTION INTO THE SYSTEM OF TEACHING PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION TO VETERINARY STUDENTS

Annotation. This article is devoted to the issues of the effectiveness of using foreign fiction in preparing veterinary students for professional communication in English. The authors consider the possibilities of integrating English literary works into the curricula of universities aimed at developing the communicative competence of students. Particular attention is paid to the use of fiction as a means of expanding vocabulary, increasing motivation for language learning and better understanding the features of professional communication in the field of veterinary medicine. The main goal of the study is to identify the optimal ways of integrating English fiction into the educational process in order to qualitatively develop the professional communicative competencies of veterinary students. This work is based on the results of the analysis of scientific research literature and the observations of the authors of the article. The article discusses the methodology of the step-by-step introduction of fiction into the educational process: preliminary introduction of key terminology, subsequent exercises to consolidate and collaborative analysis of text fragments containing specialized vocabulary. The article considers ways of organizing group discussions that develop students' skills in participating in discussions on professional topics. The need to write reports and public speeches in English based on the works read is considered separately. It also suggests organizing students' project and creative activities, including writing essays, fiction texts and staging scenes from works, which increases motivation to study the language and consolidates the acquired knowledge. The authors conclude that the correct selection of fiction texts not only contributes to language acquisition, but also increases students' motivation for further development in the professional sphere.

Key words: foreign fiction, foreign language learning, English language, veterinary science, veterinary terminology, professional communication.

Введение

Обучение английскому языку студентов ветеринарных специальностей предполагает решение двух ключевых задач: овладение специ-

ализированной терминологией и приобретение навыков профессионального общения в международном сообществе [2; 5]. Эффективность освоения этих навыков значительно повышается при

включении в учебную программу аутентичных источников, включая литературу на английском языке. Читая и анализируя художественную прозу, студенты приобретают дополнительные инструменты для построения своей профессиональной коммуникации: обогащается активный словарь, развивается чувство контекста, формируется способность выражать собственные мысли ясно и убедительно [7].

Цель исследования

Цель данной работы состоит в выявлении педагогических условий и механизмов, обеспечивающих успешную интеграцию зарубежной художественной прозы в образовательный процесс с целью формирования и развития профессиональных коммуникативных компетенций студентов ветеринарной специальности, необходимых для осуществления квалифицированного профессионального общения на английском языке.

Материалы и методы исследования

Для достижения цели данного исследования был проведен анализ научно-исследовательских работ и методической литературы, посвященной вопросам использования англоязычной художественной прозы в качестве инструмента формирования коммуникативной компетенции будущих ветеринарных специалистов.

Результаты исследования

Зарубежная художественная проза предоставляет возможности для повышения качества обучения студентов ветеринарной специальности. Рассмотрим подробнее преимущества ее использования.

Английская художественная литература позволяет студентам глубже освоить специальную терминологию, необходимую в будущей профессиональной деятельности [4]. Многие авторы затрагивают важные аспекты ветеринарии, такие как диагностика заболеваний, методы лечения, отношения людей к животным. Такие произведения стимулируют размышления над особенностями медицинской практики и способствуют лучшему пониманию реальных жизненных ситуаций.

Например, роман Джеймса Хэрриота "All Creatures Great and Small" («О всех созданиях – больших и малых») детально описывает повседневную работу ветеринара, показывая трудности диагностики и моральный выбор, возникающий перед врачом при лечении домашних животных. Подобные материалы создают подходящую основу для изучения особенностей профессионального общения, предоставления консультаций клиентам и выработки эмпатии к пациентам.

Читая иностранные художественные произведения, студенты приобретают опыт понимания разнообразия форматов письменного и устного общения [1]. Они учатся воспринимать структуру повествования, осознавать роль деталей в передаче эмоций и идей, усваивать разнообразные стилистические приемы. Это формирует умение создавать грамотные и выразительные высказывания, необходимые при взаимодействии с международными партнерами и коллегами.

Помимо общего совершенствования языковых навыков, работа с художественными текстами способствует формированию навыков академического письма, необходимого для написания научных статей, докладов и тезисов.

Интересные сюжетные линии, яркие персонажи и необычные жизненные истории привлекают внимание студентов, повышают интерес к чтению и делают сам процесс обучения приятным и увлекательным занятием. Когда обучающиеся чувствуют удовольствие от процесса чтения, эффективность обучения существенно возрастает [3].

Таким образом, включение художественной прозы в программу изучения английского языка создает дополнительную мотивацию к овладению новым материалом и стимулирует активное участие студентов в учебном процессе.

Для достижения лучших результатов необходимо грамотно организовать процесс работы с зарубежной художественной прозой. Важно подбирать подходящие тексты исходя из нескольких критериев: соответствие языковому уровню студентов, актуальность и значимость затронутых тем для ветеринарной сферы, а также наличие интересного сюжета и ярких образов, привлекающих для обучающихся [6; 8].

Кроме того, рекомендуется интегрировать художественный текст в другие формы обучения, например, проводить дискуссии и дебаты, организовывать театральные постановки сцен из романов или рассказов, писать рецензии и творческие сочинения.

Рассмотрим конкретные способы и этапы применения зарубежной художественной прозы в процессе обучения иностранному языку.

Первый этап работы – это семантический разбор профессиональной лексики. Выбор подходящего произведения, насыщенного специальной ветеринарной терминологией, становится первым этапом в работе с художественным произведением. Преподаватель предварительно знакомит студентов с основными терминами и понятиями, после чего проводится ряд упражнений, направленных на закрепление новых слов и выражений. Завершающим этапом служит совместное обсуж-

дение фрагментов текста, наглядно иллюстрирующих употребление вновь введенной лексики. Такой подход гарантирует усвоение материала и его применение в дальнейшем.

Следующий этап — организация обсуждений на основе фрагментов текста. Подобранные соответствующие литературные источники, преподаватель вовлекает студентов в обсуждение актуальных проблем ветеринарии, касающихся состояния окружающей среды, мер профилактики инфекций, этических норм и принципов гуманной заботы о животных. Подобная работа позволяет выработать осознанное отношение к ключевым профессиональным вопросам, а также предоставляют возможность практиковаться в ведении аргументированной беседы на английском языке.

Третий этап работы — написание докладов и проведение презентаций. Используя оригинальные литературные произведения как опорный материал, студенты готовят научные работы и доклады на определенные темы, такие как история ветеринарии или этические аспекты лечения животных. Такая форма работы позволяет сочетать творческий подход с детальным изучением предмета исследования, вырабатывая у студентов способность самостоятельно искать и систематизировать информацию.

Наконец, творческие способности студентов должны находить свое отражение в написании эссе на основе прочитанного, создании собственных художественных текстов, а также участии в инсценировках выбранных отрывков из произведений. Такие виды работы развивают креативность, улучшают языковые навыки и повышают общую заинтересованность студентов в изучении языка.

Таким образом, применение зарубежной художественной прозы в процессе обучения профессиональному общению на английском языке студентов ветеринарной специальности способствует развитию их коммуникативных навыков и готовит к эффективной профессиональной деятельности в будущем. Главное преимущество такой методики заключается в сочетании образовательной цели с повышением интереса и вовлеченности студентов в образовательный процесс.

Заключение

В результате проведенного исследования были выявлены эффективные пути интеграции зарубежной художественной прозы в учебный процесс, нацеленный на развитие профессиональных коммуникативных компетенций студентов ветеринарных специальностей. Чтение и анализ англоязычных литературных произведений положительно влияют на глубину освоения специальной терминологии, расширение активного сло-

варного запаса и улучшение навыков письменной и устной коммуникации на английском языке. Правильно подобранные художественные тексты оказывают положительное воздействие на мотивацию студентов, повышают интерес к изучению языка и позволяют студентам ознакомиться с различными ситуациями и трудностями, встречающимися в профессиональной деятельности ветеринара, что способствует росту их профессионализма и этичности.

Список литературы:

- [1] Белкина, Е. П. Использование художественного текста при обучении студентов неязыкового вуза иностранному языку / Е. П. Белкина, Е. О. Стеценко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 3-2(45). — С. 30-32.
- [2] Войнатовская, С. К. Иноязычная профессионально ориентированная подготовка студентов сельскохозяйственных вузов / С. К. Войнатовская // Казанский педагогический журнал. — 2012. — № 3(93). — С. 11-17.
- [3] Комаров, А. С. Организация процесса чтения художественной прозы в вузе / А. С. Комаров // Международный научно-исследовательский журнал. — 2015. — № 3-4(34). — С. 21-23.
- [4] Комарова, М. А. Лингводидактические параметры художественных текстов и их использование при обучении иностранному языку в вузе / М. А. Комарова // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. — 2018. — Т. 1, № 3(11). — С. 250-255.
- [5] Мисходжева, Ф. А. Английский язык для специальных целей: обучающие стратегии и принципы разработки эффективных учебных программ / Ф. А. Мисходжева, С. М. Тлисова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2016. — № 3. — С. 186-191.
- [6] Насонова, С. Л. Художественный текст как средство формирования коммуникативных компетенций на начальном этапе обучения иностранному языку в вузе / С. Л. Насонова, Л. М. Страждина // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. — 2018. — № 41. — С. 50-55.
- [7] Прохорец, Е. К. Иноязычный художественный текст как средство развития социокультурной компетенции у студентов неязыковых вузов / Е. К. Прохорец // Гуманитарные науки и образование. — 2012. — № 3(11). — С. 37-41.
- [8] Сатиева, Л. Ф. Формирование навыков чтения при обучении иностранному языку студентов в ветеринарном вузе / Л. Ф. Сатиева // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. — 2011. — Т. 208. — С. 157-163.

Spisok literatury:

[1] Belkina, E. P. Ispol'zovanie hudozhestvennogo teksta pri obuchenii studentov neyazykovogo vuza inostrannomu yazyku / E. P. Belkina, E. O. Stecenko // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 3-2(45). – S. 30-32.

[2] Vojnatovskaya, S. K. Inoyazychnaya professional'no orientirovannaya podgotovka studentov sel'skohozyajstvennyh vuzov / S. K. Vojnatovskaya // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. – 2012. – № 3(93). – S. 11-17.

[3] Komarov, A. S. Organizaciya processa chteniya hudozhestvennoj prozy v vuze / A. S. Komarov // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. – 2015. – № 3-4(34). – S. 21-23.

[4] Komarova, M. A. Lingvodidakticheskie parametry hudozhestvennyh tekstov i ih ispol'zovanie pri obuchenii inostrannomu yazyku v vuze / M. A. Komarova // Lingvokul'turnoe obrazovanie v sisteme vuzovskoj podgotovki specialista. – 2018. – T. 1, № 3(11). – S. 250-255.

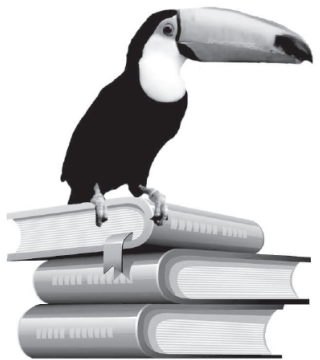
[5] Miskhodzheva, F. A. Anglijskij yazyk dlya special'nyh celej: obuchayushchie strategii i principy razrabotki effektivnyh uchebnyh programm / F. A. Miskhodzheva, S. M. Tisova // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2016. – № 3. – S. 186-191.

[6] Nasonova, S. L. Hudozhestvennyj tekst kak sredstvo formirovaniya kommunikativnyh kompetencij na nachal'nom etape obucheniya inostrannomu yazyku v vuze / S. L. Nasonova, L. M. Strazhdina // Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty. – 2018. – № 41. – S. 50-55.

[7] Prohorec, E. K. Inoyazychnyj hudozhestvennyj tekst kak sredstvo razvitiya sociokul'turnoj kompetencii u studentov neyazykovykh vuzov / E. K. Prohorec // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. – 2012. – № 3(11). – S. 37-41.

[8] Satieva, L. F. Formirovanie navykov chteniya pri obuchenii inostrannomu yazyku studentov v veterinarnom vuze / L. F. Satieva // Uchenye zapiski Kazanskoj gosudarstvennoj akademii veterinarnoj mediciny im. N.E. Baumana. – 2011. – T. 208. – S. 157-163.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-526-529

СЕДОВА Татьяна Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва,
e-mail: paratania@mail.ru

СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД К СЛОВУ «СКВОТТЕР» (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В статье в рамках когнитивной лингвистики рассматривается этимология и концептуальный контент лексемы «сквоттер» и в рамках сопоставительной лингвистики анализируется процесс формирования синонимического ряда к существительному «сквоттер» в русском и испанском языках. В работе обосновывается неизбежность фиксации заимствованных из испанского языка лексем в лексикографических изданиях русского языка. В исследовании делается вывод об открытости синонимического ряда ввиду общности мировых социально-политических явлений, а также намечается возможность исследования синонимических рядов к слову «сквоттер» в других языках, особенно для стран, где незаконный захват имущества наблюдается в настоящее время.

Ключевые слова: этимология, синонимический ряд, доминанта, словообразование.

SEDOVA Tatyana Viktorovna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages № 2,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

SYNONYMIC ROWS FOR THE WORD “SQUATTER” (BASED ON SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

Annotation. The article examines the etymology and conceptual content of the lexeme “squatter” within. Annotation the framework of cognitive linguistics and analyzes the process of forming a synonymic rows for the noun “squatter” in Russian and Spanish within the framework of comparative linguistics. The work substantiates the inevitability of fixing lexemes borrowed from the Spanish language in lexicographic issues of the Russian language. The study concludes that the synonymic chain series is open due to the identity of global social and political phenomena, and also outlines the possibility of studying synonymic chains for the word “squatter” in other languages, especially for countries where capture of property is currently observed.

Key words: etymology, synonymous rows, dominant, derivation.

Студенты-юристы второго курса, приступившие к изучению испанского языка, прочитав статью в интернете об испанцах, незаконно занимающих дома и другие городские постройки на Пиринейском полуострове, попросили помочь перевести слово окура. Без смущения, не ведая ничего о «ложных друзьях» переводчика, по схожести звучания с русским языком они перевели его словом оккупант. Рассмотрение правомерности и корректности такой параллели и побудило к написанию данной статьи. Для прояснения проблемы возможности подобного лексического параллелизма были выполнены анализ синонимического ряда к лек-

семе окура в испанском языке и лексеме оккупант - в русском.

Одновременно были затронуты следующие вопросы: вопрос этимологии некоторых членов синонимического ряда; вопрос истории возникновения сквоттеринга и борьбы с ним; проблемы законодательного регулирования сквоттеринга в Российской Федерации и Испании; формирование синонимического ряда к слову окура в испанском и русском языках.

Как следует из конечной цели исследования, для ее успешного выполнения стали необходимыми этимологический, лексический, семантический и концептуальный методы исследования.

Для того, чтобы вникнуть и понять суть явления, породившего *окурас*, следует обратиться к истории Англии. Эта страна и подарила современному миру лексему «сквоттер» или «скваттер». Лексемы, подобно русским словам «шкаф» и «шкап», считаются синонимичными. Безусловно, со временем одна из форм вытеснит другую, и скорее всего, этой доминирующей лексемой будет вариант на «о», поскольку он в большей степени отражает его произношение в языке оригинала. В «Иностранном словаре Крысина» «сквоттер» - это тот, кто самовольно захватывает чужую землю или самовольно вселяется в пустующую квартиру [1]. В «Словаре иностранных слов» «скваттер, сквоттер - вселившийся незаконно в незанятый дом; поселившийся неправомочно на незанятой земле. Комлев дает и этимологию слова. Существительное происходит в английском языке от глагола *squat* - селиться самостоятельно на чужой земле [2]. И такое объяснение корректно, хотя в английском языке (его австралийском варианте) «сквоттер» - богатый респектабельный человек; делец, а не какой-то пройдоха, занявший чужую землю или другую не принадлежащую ему собственность. По мнению некоторых историков, сквоттеры заявили о себе в XIV веке в Англии. Это были крестьяне, оставшиеся после погромов без жилья и которые захватили чужую недвижимость и остались в ней жить. Уже в XVII веке на сцену во время Английской буржуазной революции выходят диггеры. Но они привносят идейный смысл своим начинаниям, полагая, что земля - не предмет частной собственности, она должна возделываться крестьянами, объединенными в коммуны.

Как видим из небольшого исторического экскурса русский синонимический ряд начинает постепенно выстраиваться. В данной статье за основу возьмем определение синонимов, данное Л.Л. Нелюбиным. Синонимами он считает «слова, разные по звучанию, относящиеся к одной части речи, имеющие одно или несколько сходных значений, которые, выражая одно понятие, могут отличаться дополнительными оттенками значения, эмоциональной и стилистической окраской, употреблением и сочетаемостью с другими словами в свободных и устойчивых словосочетаниях» [3, с. 36-37]. Пока этот ряд таков: скваттер, сквоттер; диггер; поселенец; фермер.

В испанском контексте *okupa* - это *la persona que vive ilegalmente en una vivienda deshabitada* / человек, незаконно живущий в нежилом помещении. А также можно встретить более расширенную дефиницию *okupa*: *persona que pertenece a un grupo social marginal, activista y de ideología anarquista, que se instala en una vivienda desocupada sin consentimiento del propietario* / человек, принадлежащий к маргинальной социальной группе,

активист анархистской идеологии, вселяющийся в незанятое жилище без согласия владельца. Причем словарная статья имеет помету: *También se escribe: osupa, squatter* / Также пишется: *осупа, squatter* [4]. *Окура* и *осупа*, как в случае с лексемами «скваттер» и «сквоттер», - синонимы. Но методом сплошной выборки испанских газетных текстов был сделан вывод о том, что несмотря на этимологию, т.е. происхождения лексемы от глагола *осупаг*, преимущественное использование остается за вариантом с буквой «к». В Латинской Америке незаконное поселение на незанятой земле или в доме в настоящее время тоже весьма распространено. Но таких людей, например, в Мексике называют «парашютистами» или «десантниками» - *paracaidistas*.

Исторически сложилось так, что в двадцатые годы прошлого века коммунистически настроенные арендаторы Херона Проаля (*Herón Proal*) подняли забастовку. В сороковые годы десантники 201-й эскадрильи спустились на парашюте и заняли дома в Истапалапе. В дальнейшем они и их родственники в этом районе Мехико основали колонию. Такой шаг был предпринят военными с целью заставить правительство президента Авила Камачо выполнить свое обязательство по предоставлению им обещанного жилья. С тех пор в Мексике людей, занимающих и поселяющихся в пустующих домах, стали называть «парашютистами» [5].

А теперь рассмотрим русскую лексему «оккупант». В интернет-издании КАРТАСЛОВ.РУ [6] дается краткая дефиниция слову: тот, кто участвует в оккупации. Возникает вопрос: а что такое оккупация? В этом же издании читаем дефиницию слова «оккупация»: Насильственное занятие вооруженными силами какого-либо государства, чужой территории. И в качестве примера приводится словосочетание оккупация страны [7]. Как следует из дефиниции лексемы «оккупация», помимо доминанты «занятие» выделяются еще две семы: «насилие» как способ действия и «оружие», концептуально выраженное словосочетанием «вооруженные силы». Но, как ни странно, и среди животных существуют оккупанты. Это животные, занимающее жилье другого животного, и как мы понимаем, без вмешательства вооруженных сил. Отсюда важно обратить внимание, что в значении «тот, кто производит оккупацию, участвует в оккупации» лексема употребляется в политическом и военном дискурсах.

А теперь настала очередь обратить внимание на испанскую лексему «*osupante*». «Словарь испанского языка (2001)» в его электронном издании тоже дает незамысловатую дефиницию слову «*osupante*»: *que osupa* / кто занимает [8]. Издание МУЛЬТИТРАН констатирует следующие значения

глагола «осирав»: занимать (место, должность), давать работу; мешать; привлекать внимание, заставить занять (пространство); оккупировать; оседлать; использовать; занимать; владеть; завладеть; изымать; конфисковать; реквизи́ровать; обращаться взыскание на имущество; заниматься чем-либо; работать; позаботиться; промышлять; позаняться; нянечка; самовольно занявший; самовольно поселившийся [9]. Поэтому и синонимический ряд будет выстраиваться: оккупант; захватчик; постоялец в гостинице; владелец; наниматель; завладевший [10]. Как следует из синонимического ряда, владелец, наниматель и постоялец гостиницы очень удалены по своему концептуально-семантическому наполнению от оккупанта.

Но в современном мире еще распространена разновидность сквоттинга, получившая название киберсквоттинг. Опять-таки от английской лексемы *cybersquatting*. В Испании киберсквоттеров называют *ciberokupas*. Но помимо киберсквоттеров Испания дала нам еще одно наименование для обозначения еще одной разновидности сквоттинга. Речь идет об *inquiokupas*, т.е. недобросовестных арендаторах, которые вносят залог за аренду, платят за первый месяц проживания, а потом прекращают выплаты арендодателю и живут бесплатно.

Как видно из морфемного состава слов: киберсквоттер, *ciberokupa* и *inquiokupa*, - все три слова имеют или приставку *ciber-*, или корень *-inqui-* от существительного *inquilino*, что значит съемщик; квартирант; арендатор. Поэтому *ciberokupas* и *inquiokupas* можно назвать производными от *okupas* и концептуальными подвидами, что позволяет поместить их не только в семантико-синтаксическое поле, но и в синонимический ряд к лексеме *окупа*. В русском языке в текстах Интернета часто встречается существительное «окупас», причем его склоняют, изменяют по числам, как и любое исконно русское слово. В «Словаре иностранных слов русского языка» под редакцией Т. В. Егорова, «Словаре иностранных слов» Комлева, «Иностранном словаре» Крысина лексема не значится. Но при такой стихийной ассимиляции можно прогнозировать его скорое включение в лексикографические источники.

Таким образом, в русском языке синонимический ряд к слову сквоттер будет иметь следующий контент: скваттер; киберсквоттер; недобросовестный съемщик; квартирант или арендатор; поселенец или фермер (на незанятой или государственной земле); издольщик; крестьянин; самовольный пользователь; захватчик; замозахватчик; оккупант; незаконный жилец; жилец без права; флибустьер; бездомный; неплательщик аренды; заселенец; нелегальный обитатель; втор-

женец; траппер. Интернет-издание *sinonim.org* сводит синонимический ряд лексемы сквоттер к 14 синонимам в русском языке, причем некоторые синонимы представлены словосочетаниями [10].

Для испанского языка сквоттер это: *okupa*; *inquiokupa*; *inquilino*; *arrendatario*; *habitante*; *huésped*; *cubierto*; *habilitante*; *ciberokupa*; *paracaidista*; *ocupante*.

Отсюда делается вывод, что в современном мире одинаковые явления, происходящие в разных странах, могут называться совершенно по-разному: *okupas* в Испании и *paracaidistas* в Мексике, тем не менее благодаря скорости и доступности Интернета иностранные слова, подобные сквоттерам и окупасам, входят в русский язык, формируя семантико-синтаксические поля наряду с исконно русскими словами, типа захватчик. А некоторые лексемы, подобно *paracaidistas* полностью претерпевают концептуальное переосмысление под воздействием конкретных социально-экономических и политических условий.

Научно-технический прогресс не стоит на месте, и вместе с ним изощреннее становятся способы захвата чужой собственности: движимой, недвижимой, интеллектуальной. Для обозначения таких негативных практик будут переосмысливаться старые слова или происходит заимствования. Думается, процесс будет идти параллельно, и в этой связи будут интересны сравнительно-сопоставительные работы, рассматривающие другие языки, например, голландский, как язык страны, в которой в настоящее время также наблюдается сквоттеринг.

Список литературы:

- [1] Словарь Крысина на С [Электронный ресурс] // Иностранный словарь Крысина. - URL: <https://www.slovorod.ru/dic-krysin/krys-s.htm> (дата обращения: 02.03.25).
- [2] Скваттер, сквоттер [Электронный ресурс] // Словарь иностранных слов (Комлев Н.Г., 2006). - URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-209-1.htm#zag-2072> (дата обращения: 02.03.25).
- [3] Нелюбин Л.Л. Очерки по введению в языкознание: учебник / Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Издательство МГОУ, 2005. - 215 с.
- [4] Okupa // The Free Dictionary by Farlex. - URL: <https://es.thefreedictionary.com/okupa> (дата обращения: 02.12.24).
- [5] Diego de Santiago Delfín. Ciudad y la okupación [Электронный ресурс] // Portal Diecisiete. - URL: <https://diecisiete.org/creacion/ciudad-y-la-okupacion> (дата обращения: 02.03.25).
- [6] Значение слова «оккупант» [Электронный ресурс] // КартаСлов.ру - Карта слов и выражений

русского языка. - URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BE%D0%BA%D0%BA%D1%83%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D1%82> (дата обращения: 02.03.25).

[7] Значение слова «оккупация» [Электронный ресурс] // КартаСлов.ру - Карта слов и выражений русского языка. - URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BE%D0%BA%D0%BA%D1%83%D0%BF%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 02.03.25).

[8] Ocupante [Электронный ресурс]. Diccionario de la lengua Española. - URL: <https://www.rae.es/drae2001/ocupante> (дата обращения: 02.03.25).

[9] Ocupar [Электронный ресурс] // Мульти-тран. - URL: <https://ru.multitran.com/m.exe?l1=5&l2=2&s=ocupar> (дата обращения: 04.12.24).

[10] Синонимы к слову «скваттер» (14 всего) // Sinonim.org. - URL: <https://sinonim.org/s/%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%82%D0%B5%D1%80> (дата обращения: 02.03.25).

Spisok literatury:

[1] Slovar' Krysina na S [Elektronnyj resurs] // Inostrannyj slovar' Krysina. - URL: <https://www.slovo-rod.ru/dic-krysin/krys-s.htm> (дата обращения: 02.03.25).

[2] Skvatter, skvotter [Elektronnyj resurs] // Slovar' inostrannyh slov (Komlev N.G., 2006). - URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-209-1.htm#zag-2072> (дата обращения: 02.03.25).

[3] Nelyubin L.L. Ocherki po vvedeniyu v yazykoznanie: uchebnik / Izd. 2-e, pererab. i dop. - M.: Izdatel'stvo MGOU, 2005. - 215 s.

[4] Okupa. The Free Dictionary by Farlex. - URL: <https://es.thefreedictionary.com/okupa> (дата обращения: 02.12.24).

[5] Diego de Santiago Delfin. Ciudad y la okupación [Elektronnyj resurs]. - Portal Diecisiete. - URL: <https://diecisiete.org/creacion/ciudad-y-la-okupacion> (дата обращения: 02.03.25).

[6] Znachenie slova «okkupant» [Elektronnyj resurs] // KartaSlov.ru - Karta slov i vyrazhenij russkogo yazyka. - URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%B-B%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BE%D0%BA%D0%BA%D1%83%D0%BF%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 02.03.25).

[7] Znachenie slova «okkupaciya» [Elektronnyj resurs] // KartaSlov.ru - Karta slov i vyrazhenij russkogo yazyka. - URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%B-B%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BE%D0%BA%D0%BA%D1%83%D0%BF%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 02.03.25).

[8] Ocupante Diccionario de la lengua Española. - URL: <https://www.rae.es/drae2001/ocupante> (дата обращения: 02.03.25).

[9] Ocupar [Elektronnyj resurs] // Mul'titran. - URL: <https://ru.multitran.com/m.exe?l1=5&l2=2&s=ocupar> (дата обращения: 04.12.24).

[10] Sinonimy k slovu «skvatter» (14 vsego) // Sinonim.org. - URL: <https://sinonim.org/s/%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%82%D0%B5%D1%80> (дата обращения: 02.03.25).

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-530-534

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

ВОЛКОВА Светлана Александровна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: volkova_sa@urgau.ru

ШАКИРОВА Елизавета Романовна,
преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: shakirova_er@urgau.ru

СОРОКИНА Наталья Ивановна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: sorokina_ni@urgau.ru

СТЕПАНОВ Роман Иванович,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: stepanov_ri@urgau.ru

МАКАРОВА Татьяна Николаевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: makarova_tn@urgau.ru

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО ПОДХОДА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению особенностей использования ценностно-смыслового подхода при формировании у обучающихся естественно-научной картины мира.

Данная проблема остается актуальной для современной системы образования. Авторы рассматривают использование ценностно-смыслового подхода при воспитании разносторонне развитой личности и поиске подходящих инструментов для систематизации естественно-научных знаний через междисциплинарные связи.

Обсуждаются основные аспекты ценностно-смыслового подхода, его значение в развитии личностных качеств обучающихся и ценностного отношения к окружающему миру. Затрагиваются этапы развития обучающихся и соответствующие им стадии ценностного становления.

Научная картина мира является особым видом знания. От современного человека требуется системное видение мира и понимание будущности его развития, рациональное и ответственное отношение к различным вмешательствам в природное экологическое равновесие.

Резко обострилось противоречие между высокой степенью ответственности каждого перед окружающим миром, человечеством, будущими поколениями за результат трудовой, профессиональной деятельности и отсутствием у выпускников общеобразовательной школы сформированной целостной научной картины мира, которая призвана обеспечить понимание имеющихся проблем и желание созидательных действий.

Важно давать обучающимся не только знаниевую базу, но и прививать рациональное

и обдуманное применение этих знаний на практике, развивать критическое осмысление имеющегося у человечества опыта.

Необходимо выстраивать такие междисциплинарные связи, которые превратят обучающегося в хранителя накопленных человечеством знаний и бережного пользователя ими.

В результате процесса обучения должна выстроиться единая, логичная, многокомпонентная картина мира и понимание себя в этом мире.

Ключевые слова: естественно-научная картина мира, окружающий мир, междисциплинарные связи, ценностно-смысловой подход, системное представление о физическом мире.

VOLKOVA Svetlana Aleksandrovna,

senior teacher, department of foreign languages,
Ural state agrarian university

SHAKIROVA Elizaveta Romanovna,

senior teacher, department of foreign languages,
Ural state agrarian university

SOROKINA Natalia Ivanovna,

candidate of pedagogical sciences, associate professor,
department of foreign languages,
Ural state agrarian university

STEPANOV Roman Ivanovich,

candidate of pedagogical sciences, associate professor,
department of foreign languages,
Ural state agrarian university

MAKAROVA Tatyana Nikolayevna,

senior teacher, department of foreign languages,
Ural state agrarian university

FEATURES OF THE VALUE-SENSE APPROACH TO FORMING STUDENTS' NATURAL-SCIENTIFIC WORLDVIEW

Annotation. The article deals with theoretical understanding of the features of the value-sense approach to forming a natural-scientific worldview in students.

This problem is still relevant in the context of modern education. The authors consider the value-sense approach as a tool for training a well-educated personality and developing an educational strategy for systematizing natural-scientific knowledge through interdisciplinary connections.

The key aspects of the value-sense approach, its role in developing students' personal qualities and value-based attitudes toward the world around them are considered. The stages of students' development and the associated stages of value formation are also touched upon.

The scientific worldview is a special kind of knowledge. A modern person is required to have a systemic vision of the world and understanding of the prospects for its development in the future, a rational and responsible attitude toward various interventions in the natural ecological balance. One can notice nowadays the contradiction between the high degree of responsibility of each person to the surrounding world, humanity, future generations for the results of labor, professional activity and the lack of a formed scientific worldview among graduates of secondary schools, which is designed to provide an understanding of existing problems and a desire for creative actions.

It is important to give students not only a knowledge base, but also a rational and thoughtful application of this knowledge in practice, to develop a critical understanding of the experience of humanity.

It is necessary to build such interdisciplinary connections that will turn the student into a keeper of the knowledge accumulated by humanity and a careful user of it.

The learning process should result in making a unified, logical, multi-component scientific worldview and an understanding of oneself in this world.

Key words: *natural-scientific worldview, the surrounding world, interdisciplinary connections, value-sense approach, a systematic view of the physical world.*

На протяжении своего многовекового развития человечество накопило огромный объем знаний об окружающем мире.

Сегодня крайне важно иметь системное представление о физической реальности вокруг нас, обладать общими знаниями во многих отраслях науки, что позволяет ориентироваться в логических взаимосвязях между происходящими событиями.

Необходимо не только понимать принципы адаптации к современным экономическим, политическим и социальным реалиям в условиях глобальной цифровизации, но и осознавать себя неотъемлемой частью природного мира, который является естественной средой проживания человека.

Новейшая философская энциклопедия определяет «научную картину мира» как целостный образ предмета научного исследования в его главных системно-структурных характеристиках, создаваемый посредством фундаментальных понятий, представлений и принципов науки на каждом этапе ее исторического развития [1].

Понятие «научная картина мира» отражает совокупность многокомпонентной системы знаний, накопленных человечеством, в сознании отдельного человека, его мировосприятии и мировоззрении. Она представляет собой своеобразное обобщение научных знаний из разных областей в историческом разрезе в процессе их накопления.

Формирование научной картины мира не ограничивается изучением одной учебной дисциплины, это результат обобщения данных из разных наук, но имеющих единый инструментарий получения данных, их анализа, схожие теоретические положения.

Научная картина мира интегрирует теоретические положения и практические данные разных

отраслей науки, что позволяет ее рассматривать как идеальное средство систематизации знаний [2].

Формирование научной картины мира способствует разностороннему развитию личности обучающихся. Современный человек, а в дальнейшем и специалист любой сферы деятельности не может существовать отдельно от объективно существующих и доказанных знаний об окружающем мире. Наука сегодня рассматривается наиглавнейшим двигателем прогресса, поэтому многое в нашей жизни реализуется в соответствии с научной методологией [3].

Развитие науки всегда определялось неприемлемым желанием человека обуздать природу, подчинить ее своим нуждам, получать выгоду, не заботясь о негативных последствиях безразличного потребительского отношения к природе.

Этим объясняется и стремление человека проникнуть в тайны мироустройства, выявить глобальные объективно существующие законы природы, чтобы в последствии управлять ими.

Человек искал ответы на волнующие его вопросы через собственные наблюдения, имеющийся общественный опыт, анализировал и систематизировал знания в естественно-научные направления.

Таким образом и создавалась научная картина мира, поэтому науку следует воспринимать как логичную основу для ее развития. Научная картина мира постоянно актуализируется, она эволюционирует с новыми научными достижениями, результатами технологического прогресса, она отражает новые способы познания явлений природы и накопления полученных знаний.

Выделяют две составляющие современной науки — естественно-научную и гуманитарную, которые дополняют друг друга новыми идеями и подходами в изучении своих объектов (рис. 1)

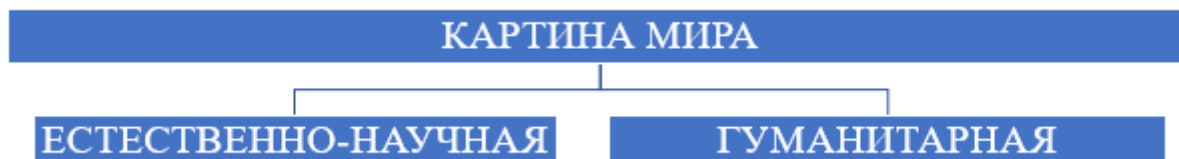

Рис. 1 Составляющие современной науки

В нашем исследовании мы планируем сосредоточиться на формировании естественно-научной картины мира.

Естественно-научная картина мира – цельный образ природы, полученный через обобщение естественнонаучных знаний на основе системы фундаментальных закономерностей природы и включающий представления о движении, взаимодействиях, пространстве и времени [4].

В процессе развития естествознание шло от простого созерцания природы к синтезу наук, претерпевая разделение знаний на отдельные дисциплины.

Естественные науки и сегодня исследуют явления природы, изучают природные объекты и процессы, как правило, не связанные с человеком, хотя естественные науки рассматривают и такие объекты, которые появились в результате его деятельности. Современное естествознание рассматривается как единство наук о природе и как основа формирования научной картины мира.

Современная наука понимает естествознание как систему естественных наук: физики, химии, биологии, астрономии, геологии и других, каждая из которых имеет свою предметную область, содержание, структуру, методы исследования [5].

Начинать заниматься формированием научно-естественной картины мира следует в рамках школьного образования, создавая основу представлений об окружающем мире. Крайне важно выстраивать такие междисциплинарные связи, которые превратят обучающегося в хранителя накопленных человечеством знаний и бережного пользователя ими.

Человек является потребителем природных ресурсов, пользователем результатов научно-технической мысли и достижений предков, поэтому крайне важно давать обучающимся не только знаниевую базу, но и прививать рациональное и обдуманное применение этих знаний на практике, развивать критическое осмысление имеющегося у человека опыта.

Каждый человек должен чувствовать личную ответственность за последствия техногенных процессов вмешательства в хрупкий природный баланс.

С обучающимися необходимо начинать проводить подобную работу со средней школы. Выстраивать разговоры по экологической проблематике, рациональному природопользованию рекомендуется на междисциплинарной основе. С юных лет у обучающихся надо воспитывать заинтересованность в сохранении планеты для последующих поколений через личный созидательный опыт, экологическое сознание. К моменту получе-

ния среднего общего образования у обучающихся должна быть сформирована целостная научная картина мира, обеспечивающая понимание мироустройства, а также личностное осмысленное отношение к получаемым и применяемым знаниям про мир вокруг.

Проблему ценностного осмысления получаемых знаний нельзя назвать принципиально новой для педагогической науки. Понимание необходимости обучения и воспитания обучающегося в единстве духовно-нравственных, познавательных, деятельностных проявлений встречается, на пример, еще в трудах классиков отечественной педагогики К.Д. Ушинского, Н.И. Пирогова.

Многие исследователи выстраивают свое видение этапов освоения обучающимися нравственных устоев и ценностных ориентиров, ссылаясь на работы Н.Е. Щурковой. Выделяют в этом процессе несколько ступеней в зависимости от уровня развития и взросления детей [6]:

1. Первая ступень (начальная школа):

- аксиологический этап – как обращение личности к общечеловеческим духовным ценностям;
- гносеологический этап – как включение личности в процесс познания общечеловеческих ценностей;

2. Вторая ступень (основная школа):

- гносеологический этап – продолжается;
- когнитивный этап – как познание личностных возможностей через призму освоенных общечеловеческих ценностей;
- ориентационный этап – как выявление ядра нравственной ориентации человека, его отношения к окружающему миру, людям, самому себе;

3. Третья ступень (средняя школа):

- ориентационный этап – продолжается;
- результативный этап – как механизм становления человеческого Я.

В процессе обучения и сегодня не теряет своей актуальности привитие обучающимся современных представлений о ценностной природе научного знания, что отражает ценностное отношение человека к миру в целом, и еще раз доказывает важность сохранения и передачи последующим поколениям накопленных знаний через формирование научной картины мира.

Таким образом, можно говорить о необходимости трансформации понимания сущности знания и способах его освоения. Знание можно считать личностной ценностью, обладая которой обучающийся выстраивает личностную модель физической реальности, создает свое восприятие научной картины мира с опорой на свои жизненные и профессиональные приоритеты, на личное миропонимание и опыт.

И это еще раз доказывает, что ценностно-смысловой подход при формировании естественно-научной картины мира у обучающихся школьного возраста может способствовать переходу к качественно новому образованию на основе осмысленного знания. И оно может выступать для современного человека ориентиром при взаимодействии с окружающим миром, средством для разностороннего развития личности и инструментом для решения практических задач в обычной и профессиональной жизни.

Список литературы:

- [1] Новая философская энциклопедия: в 4 т. Интернет-версия издания / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд / Под ред. В.С. Степина. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about>
- [2] Засобина Г.А., Майорова Н.С. Формирование естественнонаучной картины мира учащихся как предмет исследования // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2011. – №1. – С. 14-17
- [3] Естественно-научная картина мира: учебник для студ. учреждений высш. пед. проф. образования / Э.В. Дюльдина, С.П. Клочковский, Б.Р. Гельчинский и др. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 224с.
- [4] Шкилева О.А. Становление личностной картины мира специалиста в области естественно-научного образования // Современные проблемы науки и образования. – 2006. – №3. – С. 92-93
- [5] Мамкина К.С. Изучение естественно-научных дисциплин: актуальна ли научная картина мира сегодня // Гуманитарные науки в современ-

ном вузе: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Сборник трудов конференции. – С. 79-84

- [6] Гам В.И. Ценностно-смысловой подход как инструмент формирования личности школьника // Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. – 2024. – Т. 5. – № 4. – С. 107-112

Spisok literatury:

- [1] Novaia filosofskaia entsiklopediia: v 4 t. Internet-versiia izdaniia / Institut filosofii RAN; Nacional'nyi obshchestvenno-nauchnyi fond / Pod red. V.S. Stepina. – 2-e izd., ispr. i dopol. – M.: Mysl', 2010. – Rezhim dostupa: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about>
- [2] Zasobina G.A., Maiorova N.S. Formirovanie estestvennonauchnoi kartiny mira uchashchikhsia kak predmet issledovaniia // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. – 2011. – №1. – S. 14-17
- [3] Estestvenno-nauchnaia kartina mira: ucheb- nik dlia stud. uchrezhdenii vyssh. ped. prof. obra- zovaniia / E.V. Diul'dina, S.P. Klochkovskii, B.R. Gel'chinskii i dr. – M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiia», 2012. – 224s.
- [4] Shkileva O.A. Stanovlenie lichnostnoi kartiny mira spetsialista v oblasti estestvenno-nauchnogo obrazovaniia // Sovremennye problemy nauki i obra- zovaniia. – 2006. – №3. – S. 92-93
- [5] Mamkina K.S. Izuchenie estestvenno-nauch- nykh distsiplin: aktual'na li nauchnaia kartina mira segodnia // Gumanitarnye nauki v sovremennom vuze: vchera, segodnia, zavtra. – 2022. – Sbornik tru- dov konferentsii. – S. 79-84
- [6] Gam V.I. Tsennostno-smyslovoi podkhod kak instrument formirovaniia lichnosti shkol'nika // Nauka i praktika v obrazovanii: elektronnyi nauchnyi zhurnal. – 2024. – Т. 5. – № 4. – С. 107-112

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-535-540

ОКРИАШВИЛИ Тимур Гиоргиевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент Кафедры теории и истории государства и права
Юридического факультета,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: okriashvili@yandex.ru

КСЕНОФОНТОВ Егор Артемович,
аспирант Кафедры теории и истории государства и права
Юридического факультета,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: ks.egor.a@rambler.ru

ЭЛЕМЕНТЫ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Работа посвящена становлению научной школы естественного права в Казанском императорском университете в первой четверти XIX в. Методологическую основу изучения составили методы юридического и исторического анализа: описательный метод, проблемно-хронологический метод, сравнительно-правоведческий метод. В статье структурированы элементы понятия «научная школа» на основе трудов специалистов из разных предметных областей: права, экономики, педагогики, истории, математики. При изучении периода становления отделения нравственно-политических наук Казанского императорского университета в первой четверти XIX в. выделены и последовательно рассмотрены элементы научной школы естественного права: научный лидер, учебник, ученики, система научных взглядов. При изучении элемента «научный лидер» казанской школы естественного права проанализированы основные положения И.-Х. Финке в этой предметной области на основе его ключевого научного труда, опубликованного после смерти, «Естественное частное, публичное и народное право». В работе впервые введены в научный оборот материалы, отложившиеся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Исследованы рукопись Г.И. Солнцева, посвященная естественному праву, и рукописные лекции студентов Казанского императорского университета Влада Булыгина и Сергея Ивановича Васильева, подготовленные на основе занятий с Г.И. Солнцевым. Анализ рукописей позволил рассмотреть развитие казанской школы естественного на материалах учеников И.-Х. Финке. Для выделения системы научных взглядов казанской школы естественного права проведен анализ основных положений теории естественного права И.-Х. Финке и подходов Г.И. Солнцева.

Ключевые слова: научная школа, Казанский университет, Финке, Солнцев, естественное право.

OKRIASHVILI Timur Giorgievich,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law
Faculty of Law,
Kazan (Volga Region) Federal University

KSENOFONTOV Egor Artemovich,
PhD student at the Department
of Theory and History of State and Law
Faculty of Law,
Kazan (Volga Region) Federal University

ELEMENTS OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF NATURAL LAW AT KAZAN UNIVERSITY IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY: HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

Annotation. *The work is devoted to the formation of the scientific school of natural law at Kazan Imperial University in the first quarter of the 19th century. The methodological basis of the study was formed by the methods of legal and historical analysis: descriptive method, problem-chronological method, comparative-legal method. The article structures the elements of the concept of "scientific school" based on the works of specialists from different subject areas: law, economics, pedagogy, history, mathematics. When studying the period of formation of the Department of Moral and Political Sciences of Kazan Imperial University in the first quarter of the 19th century, the elements of the scientific school of natural law were identified and consistently considered: a scientific leader, a textbook, students, and a system of scientific views. When studying the "scientific leader" element of the Kazan School of Natural Law, the main positions of J.-H. Finke in this subject area were analyzed on the basis of his key scientific work published after his death, "Private Natural, Public and Popular Law." For the first time, the materials deposited in the Department of Manuscripts and Rare Books of the N.I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan (Volga Region) Federal University were introduced into scientific circulation. The article examines G.I. Solntsev's manuscript on natural law and handwritten lectures by students of Kazan Imperial University Vlad Bulygin and Sergey Ivanovich Vasiliev, prepared on the basis of lessons with G.I. Solntsev. The analysis of the manuscripts allowed us to consider the development of the Kazan school of natural sciences based on the materials of I.-H. Finke's students. To identify the system of scientific views of the Kazan school of natural law, an analysis of the main provisions of the theory of natural law by J.H. Finke and the approaches of G.I. Solntsev was carried out.*

Key words: *scientific school, Kazan University, Finke, Solntsev, natural law*

В современной специальной литературе подчеркивается поэтапное развитие казанских правовых школ. В коллективной монографии представителей Юридического факультета Казанского федерального университета под редакцией И.А. Тарханова, Д.Х. Валеева, З.А. Ахметьяновой «Казанские юридические школы: эволюция образовательных и научных традиций в современной юриспруденции» [1, с. 1-512] отражены методологические основы, этапы становления и развития, проблематика государствоведения, международного публичного и частного права, гражданского права, гражданского процессуального права, экологического права, уголовного права, уголовного процесса, правового педагогического образования. В труде нашли отражение и общетеоретические научные воззрения в области изучения проблем государства и права в Казанском императорском университете.

Для целей комплексного изучения предпосылок и основных элементов становления научной школы естественного права в Казанском императорском университете в начале XIX века требуется обращение к определению понятия «научная школа».

Использование категории «научная школа» в современном отечественном законодательстве обуславливается целями конкретных программ поддержки науки. В соответствии с Постановле-

нием Правительства РФ от 27.04.2005 № 260 (ред. от 26.02.2021) «О мерах по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации» [2] «научной школой считается сложившийся коллектив исследователей численностью не менее 10 человек, связанных с проведением научных исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью». Приведенное определение носит обобщенный характер, является неполным.

Значимость выработки понятия «научная школа» обусловлена наличием корпуса исследований представителей разных научных направлений. Историк В.К. Криворученко отмечал многозначность термина «научная школа» и рассматривал его с точки зрения формального объединения коллектива, исследовательского объединения коллектива и коллектива ученых, объединенных одним научным направлением. [3, с. 1]. Экономисты Е.В. Устюжанина, С.Г. Евсюков, математик А.Г. Петров, педагог М.Б. Дмитриева, ученый Р.В. Казанкин в совместной работе «Научная школа как структурная единица» [4, с. 3] выделяют элементы научной школы: общность объекта исследования, способность к продуцированию (созданию) нового знания, собственные технологии применения и передачи знания, признание среди других научных направлений, обмен результатами

между учителями и учениками. Педагог О.Ю. Грязнева подчеркивает исторический характер организации научной деятельности. [5, с. 7-8].

Выводы ученых-правоведов, обращавшихся к проблемам выработки понятия «научная школа», являются разнообразными. Специалист в области экологического права Н.В. Кичигин определяет характерными элементами научной школы наличие системы научных идей и институциональной структуры. [6, с. 105]. Правоведы в области международного публичного права О.И. Тиунов, А.Я. Капустин, С.Б. Бальхаева выделяют систему, преемственность и признание научных взглядов. [7, с. 56]. Убедительным доказательством наличия сформировавшейся научной школы является создание специальных кафедр, центров и отделов, по мнению представителя публичного права Ю.А. Тихомирова. [8, с. 23]. Вклад в определение «научной школы» внесли исследователи Ярославской юридической школы С.А. Егоров, А.М. Лушников, Н.Н. Тарусина. По мнению правоведов, элементами научной школы являются личностные компоненты (учителя и ученики, администрация), материальная компонента (материальная база образовательного процесса) и социокультурная компонента (культурная среда в городе). [9, с. 5]. Исследователь предпринимательского права Московской государственной юридической академии И.В. Ершова в обзорной статье «Научные школы: закон, доктрина, практика» резюмирует выработку категории «научная школа» через рассмотрение набора содержательных элементов. [10, с. 8].

Таким образом, формирование научной школы является сложным процессом, включающим в себя последовательное проявления набора компонентов. При образовании Казанского императорского университета в 1804 г. одним из его подразделений было нравственно-политическое отделение, состоящее из семи кафедр, три из которых являлись юридическими: права естественного, политического и народного; права гражданского и уголовное, судопроизводство Российской империи; права знатнейших как древних, так и нынешних народов. К моменту создания Казанского университета в той или иной степени подготовку правоведов осуществляли: Цифирная или батальонная школа, учрежденная в 1714 г.; Духовная семинария, основанная в 1732 г. Казанским архиепископом Иларионом Рогалевским; Славяно-латинская школа учрежденная примерно в 1732 г.; новокрещенские школы, учрежденные при монастырях первым Казанским архиепископом св. Гурием «для обучения закону божию обращенных в христианство из инородцев»; татарские мектебе и медресе. [11, с. 34]. Хотя к началу XIX существовали предпосылки становления казанских

правовых школ их оформление произошло только после начала работы Казанского императорского университета.

Формирование научной школы естественного права в Казанском императорском университете в первой четверти XIX в. обусловлено наличием научного лидера этой предметной области, учебника, учеников, системы научных взглядов.

Научный лидер и его учебник

Одним из ведущих ученых-правоведов первых лет существования Казанского императорского университета был Иоганн-Христофор Финке (1773–1814). Уроженец германского города Геттинген Иван Арнольдович (так к нему обращались в России) являлся специалистом в области римского права, уголовного судопроизводства и учения об естественном праве. Основным трудом его жизни была книга «Естественное частное, публичное и народное право», переведенная и напечатанная после смерти юриста в 1816 г. в университетской типографии [12]. В предисловии к изданию И.-Х. Финке подтверждает ведущие позиции собственной концепции естественного права своей уверенностью «в великой для наставников и слушателей пользе учебной книги». [12, с. 1] В предисловии автор указывает на полезность книги для учеников, государственных служащих, которые в силу Высочайшего указа от 6 августа 1809 г. должны подвергаться испытанию в Императорских университетах для получения аттестатов. Воззрения немецкого специалиста основаны на началах философии И. Канта, хотя по признанию самого правоведа «во многих местах от него и отступал» [12, с. 2]. Иоганн Христофорович делает упор на единство природы вещей и отмечает, что старался об основательном, единообразном, кратком и удобопонятном представлении материала. Такой подход он называет способом, «который один для меня показался для учебной книги приличествующим» [12, с. 3]. И.-Х. Финке писал книгу на немецком языке, но как отмечает сам, писал для простонародья, «чтобы все могли прочитать и возбудить к обучению прав большую охоту» [12, с. 4]. Книга, по настоянию Финке является первой книгой в историографии, которая касается всех частей естественного права, так как что Россия имеет достаточно мудрых законов, но не имеет достаточно ученых произведений касательно правоведения.

Обзор взглядов И.-Х. Финке превосходно изложены в совместной работе ученых Юридического факультета Казанского федерального университета А.Р. Губайдуллина и А.Л. Шигабутдиновой «Теория естественного права И.-Х. Финке и ее влияние на государственное устройство и систему права России». [1, с. 51–69] Немецкий правовед

постулировал наличие внутренней свободы или свободы воли, как способность поступать только по представлениям разума, ограничивать волю свою против склонности. Подчиненность нравственным законам, по мнению, И.-Х. Финке требовала от человека, как существа разумного, иметь и внешнюю свободу, выраженную в «возможности по свободному произволению располагать своими внешними действиями». [1, с. 53] Германский профессор последовательно вводил понятия «лица», «вещи», «физического лица», «нравственного (мистического) лица», «принуждения», «политики», «естественного частного права», «естественного (всеобщего) государственного права». Помимо всеобщих понятий об естественности права и его пользы (введение) И.-Х. Финке раскрыл в последующих разделах книги сущности естественного частного права (часть 1), естественного государственного права (часть 2), естественного гражданского права (часть 3), естественного народного права (часть 4). Дополнительным аргументом в пользу авторитетности являются заключительные слова профессора в предисловии к учебнику: «легче последовать, чем быть первым».

Помимо научных исследований И.-Х. Финке и Г.И. Солнцева изысканиями в области естественно-правовой теории занимался другой правовед.

Возможность «оспорить» научное лидерство И.-Х. Финке в теории естественного права была предоставлена другим немецким ученым, назначенным в Казанский университет в первое десятилетие XIX в. Уроженец Ганновера Генрих Людвиг Бюнеман (1752–1808) читал право естественное, политическое и народное на французском языке. По воспоминаниям известного русского писателя и студента Казанского университета С.Т. Аксакова: «лекций Бюнемана я решительно не помню, хотя и слушал его». [13, с. 133]. В 1809 г. в Казанский университет был приглашен к чтению уголовных законов немец, член комиссии по составлению законом М.М. Сперанского Иван Егорович Нейман (1780–1855). Один из его учеников Эльпидифор Манасеин помогал специалисту в преподавании права естественного и готовился к занятию одной из кафедр молодого университета. В апреле 1818 г. воспитанник был направлен в присоединенные области Кавказа, где стал директором училища и был потерян для научной школы естественного права Казанского университета. [14, с. 211]

Ученики

Ученики И.-Х. Финке оказали серьезное влияние на становление научной школы естествен-

ного права в Казанском университете. Перевод книги «Естественное частное, публичное и народное право» с немецкого языка осуществлялся последователями германского ученого под руководством первого отечественного профессора правоведения университета Гавриила Ильича Солнцева (1786–1866).

В период становления Казанского императорского университета теории естественного права было уделено особое внимание ученых-правоведов. В дополнение к учебнику И.-Х. Финке «Естественное частное, публичное и народное право» и в развитии естественно-правовой теории рукописные труды были оставлены Г.И. Солнцевым. В отложившихся документах Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета сохранилась рукопись, посвященная естественному праву с неразборчивой подписью «Солнцев» [15].

Так, русский юрист был автором собственного произведения, посвященного начальным основаниям естественного, частного, публичного и народного права. Его труд был представлен широкому кругу только в 2023 г. в книге «Труды по праву». [16] Значительное влияние воззрений Г.И. Солнцева на образование студентов-правоведов Казанского университета подтверждается материалами, отложившимися в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. В рукописных лекциях начала XIX в. студента Казанского университета Влада Булыгина воспроизводятся основные положения из труда Г.И. Солнцева [17]. В первом параграфе лекций воспитанник отмечает, «право – это нравственная возможность или власть делать все то, что с состоянием свободно... В смысле предлежательном право называет собрание законов одного какого-нибудь рода». В первом параграфе своей работы Г.И. Солнцев пишет, что «в подлежательном смысле право есть нравственная возможность или власть делать все то, что с общежительным состоянием свободно действующих существ совместно быть может...».

В одном из последующих параграфов студент замечает, что «наука о правах естественных, коим основанием есть законы человеческой природы и здравого разума называется естественным правом. Наука о правах гражданских происходящих словом законодательной власти, соотносящееся с состоянием человека и гражданина, и с общественной пользою какого-либо общества, называется правом гражданским, положительным». Аналогичные положения закреплены в пятом параграфе труда Г.И. Солнцева.

Аналогичным содержанием наполнены записи лекций Г.И. Солнцева, сделанные студентом Казанского императорского университет Сергеем Ивановичем Васильевым. [18]

Система научных взглядов

Благодаря деятельному участию в работе Казанского университета И.-Х. Финке и его последователей сформировалась система научных взглядов в области естественного права.

Так, И.-Х. Финке рассматривает закон как определение прав и обязанностей и понимает под правом в предлежательном, предметном, объективном смысле то же самое, что и закон, а в подлежательном смысле, субъектном, – нравственную возможность что-либо делать или не делать. Обязанность, по его мнению, это нравственная необходимость. Г.И. Солнцев же развивает воззрения своего учителя и полагает, что правом в предлежательном смысле является совокупность законов, которые ограничивают свободные деяния. В подлежательном смысле право есть нравственная возможность или власть делать все то, что с общежительным состоянием свободно действующих существ совместно быть может, или есть нравственная возможность располагать внешними действиями сообразно с общим законом свободы так, чтобы при этом не стесняема была свобода других в рассуждении таковых же действий. Русский правовед, конечно, идет дальше и выводит понятия права следующим образом: в предлежательном смысле право есть нравственная возможность свободно располагать своими действиями так, однако же, чтобы сообразны были с повелением нравственного закона (что себе не желаешь, что и другому не делай).

Таким образом, казанская научная школа естественного права содержала в себе ключевые элементы, необходимые для выделения отдельного научного направления в ранг научной школы. В первой четверти XIX вв. в Казанском императорском университете проявился лидер этой научной области – И.-Х. Финке, который написал специальный учебник «Естественное частное, публичное и народное право». Ярчайшим учеником немецкого ученого стал русский правовед Г.И. Солнцев, развивший систему научных взглядов И.-Х. Финке. На трудах И.-Х. Финке и Г.И. Солнцева было воспитано не одно поколение студентов-юристов Казанского университета. Дальнейшее изучение становления казанской научной школы естественного права должно быть связано с углублением подходов к его пониманию И.-Х. Финке и Г.И. Солнцевым.

Список литературы:

- [1] Казанская юридические школы: эволюция образовательных и научных традиций в современной юриспруденции / Под ред. И.А. Тарханова, Д.Х. Валеева, З.А. Ахметьяновой. М.: Статут, 2016. – 512 с.
- [2] Постановление Правительства РФ от 27 апр. 2005 № 260 (ред. от 26.02.2021) «О мерах по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 18. ст. 1686.
- [3] Криворученко В.К. Научные школы // Информационный гуманитарный портал знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 2. – С. 1.
- [4] Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г., Казанкин Р.В., Дмитриева М.В. Научная школа как структурная единица научной деятельности. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. 77 с.
- [5] Грезнева О.Ю. Научные школы (педагогический аспект). М., 2003. 69 с.
- [6] Кичигин Н.В. Научная школа экологического права // Журнал российского права. – 2015. – № 9. – С. 103–111.
- [7] Тиунов О.И., Капустин А.Я., Бальхаева С.Б. Традиции и перспективы научной школы международного публичного права // Журнал российского права. – 2015. – № 9. – С. 48–56.
- [8] Тихомиров Ю.А. Научная школа публичного права // Журнал российского права. – 2015. – № 9. – С. 16–24.
- [9] Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. С.А. Егорова, А.М. Лушниковой, Н.Н. Тарусиной. Ярославль: ЯрГУ, 2009. – 835 с.
- [10] Ершова И.В. Научные школы: закон, доктрина, практика // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2016. – №11. – С. 6–19.
- [11] Усманов Т.Р. Становление и развитие системы юридического образования в Казанской губернии пореформенного периода (XIX – нач. XX вв.): дис. канд. пед. наук: 13.00.01. – Казань, 2006. – 212 с.
- [12] Финке И.Х. Естественное частное, публичное и народное право. - Казань: Университетская типография, 1816. – 312 с.
- [13] Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. – Казань: Типо-литогр. Имп. Казанского ун-та, 1904. – 520 с.
- [14] Талан М.В. Первые юристы Казанского университета // Lex Russica. – 2017. – №3. – С. 206–213.
- [15] Солнцев Г.И. Естественное право. Первая половина XIX века. 120 с. Казанский феде-

ральный университет, Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского, отдел рукописей и редких книг, ф. единичных поступлений, ед. хр. 6076.

[16] Солнцев Г.И. Труды по праву. – М.: Статут, 2023. – 373 с.

[17] Лекции по праву. 1822 г. Скрепка экстраординарного профессора В.Булыгина. 58 с. Казанский федеральный университет, Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского, отдел рукописей и редких книг, ф. единичных поступлений, ед. хр. 3959.

[18] Солнцев Г.И. Право естественное. Лекции, записанные студентом С.И. Васильевым. 1821/1822 г. 45 л. Казанский федеральный университет, Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского, отдел рукописей и редких книг, ф. единичных поступлений, ед. хр. 7717.

Spisok literatury:

[1] Kazanskaya yuridicheskie shkoly: evolyuciya obrazovatel'nyh i nauchnyh tradicij v sovremennoj yurisprudencii / Pod red. I.A. Tarhanova, D.H. Valeeva, Z.A. Ahmet'yanovoj. M.: Statut, 2016. – 512 s.

[2] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27 apr. 2005 № 260 (red. ot 26.02.2021) «O merah po gosudarstvennoj podderzhki molodyh rossijskih uchenyh – kandidatov nauk i doktorov nauk i vedushchih nauchnyh shkol Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2005. № 18. st. 1686.

[3] Krivoruchenko V.K. Nauchnye shkoly // Informacionnyj gumanitarnyj portal znanie. Ponimanie. Umenie. – 2011. – № 2. – S. 1.

[4] Ustyuzhanina E.V., Evsyukov S.G., Petrov A.G., Kazankin R.V., Dmitrieva M.V. Nauchnaya shkola kak strukturnaya edinica nauchnoj deyatel'nosti. M.: CEMI RAN, 2012. 77 s.

[5] Grezneva O.YU. Nauchnye shkoly (pedagogicheskij aspekt). M., 2003. 69 s.

[6] Kichigin N.V. Nauchnaya shkola ekologicheskogo prava // ZHurnal rossijskogo prava. – 2015. – № 9. – S. 103–111.

[7] Tiunov O.I., Kapustin A.YA., Bal'haeva S.B. Tradicii i perspektivy nauchnoj shkoly mezhdunarodnogo publichnogo prava // ZHurnal rossijskogo prava. – 2015. – № 9. – S. 48–56.

[8] Tihomirov YU.A. Nauchnaya shkola publichnogo prava // ZHurnal rossijskogo prava. – 2015. – № 9. – S. 16–24.

[9] YAroslavskaya yuridicheskaya shkola: proshloe, nastoyashchee, budushchee / Pod red. S.A. Egorova, A.M. Lushnikova, N.N. Tarusinoj. YAroslavl': YArGU, 2009. – 835 s.

[10] Ershova I.V. Nauchnye shkoly: zakon, doktrina, praktika // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. – 2016. – №11. – S. 6–19.

[11] Usmanov T.R. Stanovlenie i razvitie sistemy yuridicheskogo obrazovaniya v Kazanskoj gubernii poreformennogo perioda (XIX – nach. XX vv.): dis. kand. ped. nauk: 13.00.01. – Kazan', 2006. – 212 s.

[12] Finke I.H. Estestvennoe chastnoe, publicnoe i narodnoe pravo. – Kazan': Universitetskaya tipografiya, 1816. – 312 s.

[13] Zagoskin N.P. Istoriya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya. – Kazan': Tipo-litogr. Imp. Kazanskogo un-ta, 1904. – 520 s.

[14] Talan M.V. Pervye yuristy Kazanskogo universiteta // Lex Russica. – 2017. – №3. – S. 206–213.

[15] Solncev G.I. Estestvennoe pravo. Pervaya polovina XIX veka. 120 s. Kazanskij federal'nyj universitet, Nauchnaya biblioteka im. N.I. Lobachevskogo, otdel rukopisej i redkih knig, f. edinichnyh postuplenij, ed. hr. 6076.

[16] Solncev G.I. Trudy po pravu. – M.: Statut, 2023. – 373 s.

[17] Lekcii po pravu. 1822 g. Skrepa ekstraordinarnogo professora V.Bulygina. 58 s. Kazanskij federal'nyj universitet, Nauchnaya biblioteka im. N.I. Lobachevskogo, otdel rukopisej i redkih knig, f. edinichnyh postuplenij, ed. hr. 3959.

[18] Solncev G.I. Pravo estestvennoe. Lekcii, zapisannye studentom S.I. Vasil'evym. 1821/1822 g. 45 l. Kazanskij federal'nyj universitet, Nauchnaya biblioteka im. N.I. Lobachevskogo, otdel rukopisej i redkih knig, f. edinichnyh postuplenij, ed. hr. 7717.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-541-545

ПЫРЧЕНКОВА Галина Степановна,
доцент кафедры иностранных языков
Академии управления МВД России,
кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: galapyrchenkova@mail.ru

ФИРСОВА Ирина Алексеевна,
начальник отдела НИЦ-1
Научно-исследовательского института ФСИН России,
e-mail: irinkatar85@mail.ru

КИБЕРБУЛЛИНГ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ, МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается деструктивное поведение подростков в цифровом пространстве, способствующее распространению кибербуллинга и усугубляющее его отрицательные последствия. Приводится обзор зарубежных исследований по проблеме кибербуллинга в подростковой среде. Описываются различные типы кибербуллинга, предлагаются возможные решения, позволяющие несовершеннолетним пользователям интернета избежать угроз виктимизации. Акцентируется внимание на необходимости ответственного использования подростками интернет-ресурсов и важности организации конструктивного сотрудничества между родителями, школами, правоохранительными органами и администраторами социальных сетей по организации противодействия подростковому кибербуллингу.

Ключевые слова: киберагрессия, кибербуллинг, негативные последствия, виктимизация, ответственное использование интернет-ресурсов.

PYRCHENKOVA Galina Stepanovna,
Associate Professor of the Foreign Languages Department
of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

FIRSOVA Irina Alekseevna,
Head of the scientific research center-1
of the Scientific Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

CYBERBULLYING AMONG ADOLESCENTS: CAUSES, CONSEQUENCES, PREVENTIVE MEASURES

Annotation. The article examines the destructive behavior of adolescents in the digital space, which contributes to the spread of cyberbullying and aggravates its negative consequences. An overview of foreign studies on the problem of cyberbullying among adolescents is provided. Various types of cyberbullying are described; possible solutions are offered that allow underage Internet users to avoid the threat of victimization. Attention is focused on the need for responsible use of Internet resources by adolescents and the importance of organizing constructive cooperation between parents, schools, law enforcement agencies and social network administrators to organize counteraction to teenage cyberbullying.

Key words: cyber aggression, cyberbullying, negative consequences, victimization, responsible use of Internet resources.

Кибербуллинг¹ – это любая форма издевательств, осуществляемая с помощью использования электронных медиаустройств, таких как компьютеры, ноутбуки, смартфоны, планшеты или игровые приставки. Эти устройства предлагают многочисленные способы общения, начиная от прямых аудио- или видеозвонков, сервисов обмена сообщениями, социальных сетей и приложения для обмена медиа-файлами, которые позволяют пользователям делиться своими мыслями, фотографиями и видеороликами со своими друзьями и близкими в режиме онлайн.

В научной литературе кибербуллинг определяется как «агрессивное, преднамеренное действие, совершаемое группой лиц или отдельным лицом с использованием мобильных телефонов или Интернета, неоднократно и в течение длительного времени в отношении жертвы, которая не может легко защитить себя» [1]

Сравнительно недавно исследователи начали проводить систематические обзоры и метааналитические исследования, чтобы дать более четкое представление об общих показателях распространенности кибербуллинга. По результатам обзора 35 международных исследований по кибербуллингу можно сделать вывод, что около 24% детей и молодых людей будут подвергаться той или иной форме кибербуллинга, а 17% будут принимать участие в кибербуллинге по отношению к другим [2]. Аналогичным образом, недавний обзор подводит итог, что «о случайных или разовых инцидентах могут сообщать более 20% молодых людей, но о серьезных, недавних или повторяющихся инцидентах обычно сообщают только около 5%» [3]. Это, по-видимому, согласуется с результатами метаанализа 80 исследований и приводит к выводу, что во всех исследованиях, проведенных на сегодняшний день, около 15% детей и молодых людей сообщают, что стали жертвами кибербуллинга [4]. Хотя это существенное число, оно все еще значительно ниже, чем число тех, кто подвергается издевательствам другими способами (35%), что позволяет предположить, что кибербуллинг является лишь частью гораздо более широкой проблемы.

Хотя кибербуллинг имеет много общих черт с традиционными формами травли, которые включают физическую, вербальную и родственную виктимизацию, он часто рассматривается как отдельный тип поведения по ряду причин. Во-первых, кибербуллинг требует использования электронных средств, поэтому те, кто в него вовлечен, должны иметь доступ и хотя бы некоторое пред-

ставление о технологической коммуникации. Во-вторых, кибербуллинг не ограничивается конкретным местом, например школой или клубом, поэтому жертвы могут быть выбраны в любом месте и в любое время. В-третьих, многие формы электронной коммуникации обеспечивают определенную степень анонимности, что может скрыть личность злоумышленников и затрудняет реагирование на инциденты. В то время как лица, совершающие традиционные издевательства могут видеть реакцию жертвы, те, кто занимается кибербуллингом, этого не могут сделать и, возможно, в меньшей степени испытывают сочувствие или чувство вины за свои действия. Наконец, кибербуллинг способен охватить гораздо более широкую аудиторию, чем более традиционные формы травли.

За последнее десятилетие популярность и доступность интерактивных форм общения резко возросла. Так, например, в настоящее время в британских домохозяйствах имеется в среднем 7 устройств с выходом в Интернет, и как дети, так и взрослые проводят в Интернете значительную часть своего свободного времени [5]. Несмотря на преимущества, которые дают электронные формы общения, растет беспокойство тем, что дети могут стать более подверженными кибербуллингу и другим формам жестокого поведения в сети.

Например, ежегодный опрос о поведении при запугивании, проводимый с 2013 года организацией по борьбе с кибербуллингом Ditch the Label, неизменно показывает, что почти 70 % участников, которые ежегодно заполняют анкету, сталкивались с кибербуллингом 3-5 раз в год [6]. Результаты последующего отчета, в котором было опрошено более 3 000 молодых людей в возрасте 13-20 лет, показали, что 62 % из них были жертвами кибербуллинга за последний год, причем почти треть из них подвергались кибербуллингу часто, а 13 % – очень часто [7].

Аналогичным образом, опрос около 3500 детей в возрасте 9-16 лет в семи европейских странах (516 детей из Великобритании) показал, что 12% участников из Великобритании подвергались любой форме кибербуллинга в течение последнего года. Это, по-видимому, согласуется с результатами метаанализа 80 исследований, которые приходят к выводу, что во всех исследованиях, проведенных на сегодняшний день, около 15% детей и молодых людей сообщают, что стали жертвами кибербуллинга [8].

Есть некоторые признаки того, что определенные формы общения используются для кибербуллинга чаще, чем другие. Одно из первых исследований в этой области сравнило показатели по семи различным типам электронных медиа, выявив, что наиболее распространенными

¹ Кибербуллинг – от англ. «bullying» – травля, издевательство, запугивание.

способами кибербуллинга были телефонные звонки, текстовые сообщения и мгновенные сообщения [1]. Подобный опрос, проведенный несколько лет спустя, показал, что более 40% участников подвергались травле через мгновенные сообщения, в то время как примерно 1 из 4 подвергался травле через электронную почту, а 1 из 10 – через онлайн-игры или сайты социальных сетей [9].

Однако по мере изменения технологий типы медиа, используемые для кибербуллинга, также могут адаптироваться. Многонациональное европейское исследование, в котором приняли участие 3500 детей и молодых людей в возрасте от 9 до 16 лет, показало, что к 2013 году только меньшинство жертв сообщили о травле через мгновенные сообщения, телефонные звонки или текстовые сообщения (около 2-3% каждое). Вместо этого сайты социальных сетей были наиболее распространенным источником кибербуллинга, причем более половины жертв подвергались таким нападениям [8]. Высокий уровень кибербуллинга, происходящего на сайтах социальных сетей, был подтвержден в специальном отчете о кибербуллинге Ditch the Label, в котором опрашивались пользователи социальных сетей по поводу того, подвергались ли они кибербуллингу в различных социальных сетях [6]. Результаты показали, что травля была распространена на всех сайтах, более 50% пользователей Facebook подвергались кибербуллингу, и около 20-25% тех, кто пользовался Twitter, Instagram и YouTube, испытывали тоже самое.

Помимо типа используемых медиа, также важно понимать, какое поведение может включать кибербуллинг. Благодаря объединенным результатам исследований был выявлен ряд различных моделей поведения, характеризующих типы инцидентов, с которыми, скорее всего, столкнутся жертвы кибербуллинга. К ним относятся: письменные или устные нападения, угрозы физического насилия, обзывания, клевета (унижение кого-либо перед другими), киберпреследование (преследование кого-либо без его ведома), маскировка (выдача себя за другого человека или создание поддельных профилей), розыгрыши или молчаливые телефонные звонки, публикация личной информации без согласия, распространение слухов и т.д.

Участие в кибербуллинге тесно связано с возрастом; по мере взросления детей снижается вероятность того, что они будут подвергаться травле или сами будут травить других. Метаанализ, объединивший результаты 25 исследований кибербуллинга, показал, что уровень виктимизации достигает пика в возрасте 12–14 лет, и затем

снижается [10]. Аналогичные результаты были получены в исследовании, проведенном в США среди детей в возрасте 10–14 лет, в котором было обнаружено, что дети в возрасте 12–14 лет в два раза чаще подвергают других кибербуллингу, чем дети в возрасте 10 или 11 лет [11].

Систематические обзоры показывают, что, в отличие от виктимизации, кибербуллинг увеличивается с возрастом, достигая пика примерно в 15 лет [3]. Дети в этом возрасте, вероятно, более опытны в использовании технологий и могут использовать это преимущество, чтобы приставать к другим, которые моложе и менее технологически продвинуты, чем они сами.

Что касается гендерных различий, то исследования показали, что мальчики, как правило, больше занимаются физической травлей, в то время как девочки используют более косвенные методы, такие как сплетни или социальная изоляция. Это различие предполагает, что кибербуллинг может быть более подходящим для травли среди девочек, поскольку он дает возможность распространять сплетни или слухи без необходимости какого-либо физического поведения.

Имеются существенные доказательства, показывающие значительное и долгосрочное влияние, которое кибербуллинг может оказывать на физическое и психическое здоровье несовершеннолетнего человека. Метаанализ, объединивший результаты нескольких исследований, показал, что кибербуллинг может привести к ряду значительных проблем с физическим и психическим здоровьем, как у жертв, так и у преступников [11]. Изучая связь между кибербуллингом и психосоциальными проблемами, исследователи установили, что жертвы кибербуллинга демонстрируют ряд эмоциональных проблем и проблем со сверстниками и подвергаются высокому риску психосоматических проблем, включая депрессию, головные боли, недержание мочи и боли в животе [12]. Как и в случае с традиционными издевательствами, кибербуллинг, по-видимому, увеличивает вероятность совершения или размышления о самоубийстве детьми. Анализируя связь между кибербуллингом и суицидальными мыслями среди 1963 учащихся средних школ США, одно исследование показало, что киберформы травли почти удвоили риск попыток самоубийства у детей [13].

Совершенно очевидно, что борьба с кибербуллингом является проблемой общества и требует участия родителей, школ, правоохранительных органов, администраторов социальных сетей, а также самих детей и молодежи. Многим детям и подросткам, подвергшихся кибербуллингу, необходимо в первую очередь сообщить кому-нибудь дома, однако родители и опекуны могут чувство-

вать себя неподготовленными к оказанию помощи, особенно если они не знают, в какие виды деятельности в Интернете вовлечены их дети.

В Великобритании существует ряд ресурсов, которые предоставляют практические советы и рекомендации о том, как все члены сообщества, включая работников школы, могут предпринять действия для реагирования на инциденты кибербуллинга, и помочь предотвратить его возникновение. Например, Anti-Bullying Alliance (ABA) – Альянс по борьбе с кибербуллингом, организованный Национальным детским бюро (NCB), который объединяет организации и отдельных лиц с общим видением прекращения травли между детьми и молодежью. Рекомендации этого альянса включают: осведомленность о том, что такое кибербуллинг и его влияние на участников; знание о признаках поведения жертв кибербуллинга; необходимость обращения за профессиональной консультацией; интеграция знаний о безопасном использовании интернет технологий в политику школы и школьную программу; пропаганда ответственного использования интернет-технологий; принятие дисциплинарных мер в отношении участников кибербуллинга и др. [14].

В настоящее время в Великобритании нет конкретных рекомендаций для поставщиков услуг относительно кибербуллинга, однако Совет Великобритании по безопасности детей в Интернете (UKCCIS) объединил профессионалов из более чем 200 правительственных, промышленных, юридических, академических и благотворительных организаций для разработки серии рекомендаций относительно того, как поставщики услуг могут улучшить безопасность детей и молодежи в Интернете. Согласно общим принципам этих рекомендаций поставщики услуг должны:

- быть осторожны при размещении контента, предоставленного детьми и молодыми людьми, и гарантировать, что любая показанная реклама соответствует аудитории и требованиям законодательства;

- предоставлять информацию о безопасном использовании интерактивных услуг и доступные инструкции по использованию процедур конфиденциальности, а также о надежной системе для обработки жалоб;

- объяснить приемлемое поведение, а также то, что произойдет с пользователями, которые нарушат эти условия;

- гарантировать, чтобы пользователи младше 18 лет не могли быть найдены ни через службу, ни через внешние поисковые системы, а конфиденциальная персональная информация, такая как возраст, пол, школа или местоположение, оставалась конфиденциальной;

- внедрять инструменты для минимизации риска доступа несовершеннолетних пользователей к неприемлемому контенту, а также системы проверки возраста, используемые для тех, кто хочет получить доступ к контенту для взрослых;

- предлагать четкие рекомендации о том, как вести себя ответственно и уважать права других;

- установить четкие процедуры сообщения о насилии и предоставить ссылки на соответствующие внешние организации, которые могут оказать помощь;

- разработать соглашения с правоохранительными органами для сообщения о подозрительном или противоправном поведении, включая то, которое направлено на детей и молодежь и др. [15].

Проведенный в данной статье анализ призван привлечь внимание к необходимости обеспечить этическое использование информационных и коммуникационных технологий и создать безопасное киберпространство для несовершеннолетних пользователей, которые должны нести ответственность за свое поведение и учитывать последствия своих действий. Результаты проведенных исследований также свидетельствуют о важности разработки программ, направленных на выявление, исследование и противодействие любым формам кибербуллинга, представляющим угрозу для российских несовершеннолетних пользователей интерактивных интернет-ресурсов.

Список литературы:

[1] Smith, P.K., et al. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2008. 49(4). P. 376-385.

[2] Hinduja, S. and J.W. Patchin. Cyberbullying: Neither an epidemic nor a rarity // *European Journal of Developmental Psychology*. 2012. 9 (5). P. 539-543.

[3] Smith, P.K. The nature of cyberbullying and what we can do about it // *Journal of Research in Special Educational Needs*. 2015. 15 (3). P. 176-184.

[4] Kowalski, R.M., et al. Bullying in the Digital Age: A Critical Review and Meta-Analysis of Cyberbullying Research Among Youth // *Psychological Bulletin*. 2014. 140(4). P. 1073-1137.

[5] Ofcom. Children and parents: Media use and attitudes report. (2015) / http://stakeholders.ofcom.org.uk/binaries/research/media-literacy/children-parentsnov-15/childrens_parents_nov2015.pdf.

[6] Ditch the Label. The annual bullying survey 2013. (2013) / <http://www.ditchthelabel.org/annual-bullying-survey-2013/>.

[7] Ditch the Label. The annual bullying survey 2015. (2015) / <http://www.ditchthelabel.org/1/wp-content/uploads/2015/04/Annual-bullying-Survey-2015.pdf>.

[8] Mascheroni, G. and K. Olafsson. Net Children Go Mobile: Risks and opportunities. Second Edition. 2014, Educatt: Milano.

[9] Mishna, F., et al. Cyber bullying behaviors among middle and high school students // American Journal of Orthopsychiatry. 2010. 80 (3). P. 362-374.

[10] Tokunaga, R.S. Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization. Computers in Human Behavior. 2010. 26 (3). P. 277-287.

[11] Kowalski, R.M. and S.P. Limber. Electronic bullying among middle school students // Journal of Adolescent Health. 2007. 41(6). P. S22-S30.

[12] Gámez-Guadix, M., et al. Longitudinal and reciprocal relations of cyberbullying with depression, substance use, and problematic internet use among adolescents // Journal of Adolescent Health. 2013. 53(4). P. 446-452.

[13] Hinduja, S. and J.W. Patchin. Bullying, cyberbullying and suicide. Archives of suicide research, 2010. 14 (3). P. 206-221.

[14] ABA. Cyberbullying and children and young people with SEN and disabilities: guidance for teachers and other professionals. (2015) / <http://www.antibullyingalliance.org.uk>.

[15] UKCCIS. Good practice guidance for the providers of social networking and other user-interactive services. (2010) / https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/251456/industry_guidance_social_networking.pdf.

Spisok literatury:

[1] Smith, P.K., et al. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2008. 49(4). P. 376-385.

[2] Hinduja, S. and J.W. Patchin. Cyberbullying: Neither an epidemic nor a rarity // European Journal of Developmental Psychology. 2012. 9 (5). P. 539-543.

[3] Smith, P.K. The nature of cyberbullying and what we can do about it // Journal of Research in Special Educational Needs. 2015. 15 (3). P. 176-184.

[4] Kowalski, R.M., et al. Bullying in the Digital Age: A Critical Review and Meta-Analysis of Cyberbullying Research Among Youth // Psychological Bulletin. 2014. 140(4). P. 1073-1137.

[5] Ofcom. Children and parents: Media use and attitudes report. (2015) / http://stakeholders.ofcom.org.uk/binaries/research/media-literacy/children-parents-nov-15/childrens_parents_nov2015.pdf.

[6] Ditch the Label. The annual bullying survey 2013. (2013) / <http://www.ditchthelabel.org/annual-bullying-survey-2013/>.

[7] Ditch the Label. The annual bullying survey 2015. (2015) / <http://www.ditchthelabel.org/1/wp-content/uploads/2015/04/Annual-bullying-Survey-2015.pdf>.

[8] Mascheroni, G. and K. Olafsson. Net Children Go Mobile: Risks and opportunities. Second Edition. 2014, Educatt: Milano.

[9] Mishna, F., et al. Cyber bullying behaviors among middle and high school students // American Journal of Orthopsychiatry. 2010. 80 (3). P. 362-374.

[10] Tokunaga, R.S. Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization. Computers in Human Behavior. 2010. 26 (3). P. 277-287.

[11] Kowalski, R.M. and S.P. Limber. Electronic bullying among middle school students // Journal of Adolescent Health. 2007. 41(6). P. S22-S30.

[12] Gámez-Guadix, M., et al. Longitudinal and reciprocal relations of cyberbullying with depression, substance use, and problematic internet use among adolescents // Journal of Adolescent Health. 2013. 53(4). P. 446-452.

[13] Hinduja, S. and J.W. Patchin. Bullying, cyberbullying and suicide. Archives of suicide research, 2010. 14 (3). P. 206-221.

[14] ABA. Cyberbullying and children and young people with SEN and disabilities: guidance for teachers and other professionals. (2015) / <http://www.antibullyingalliance.org.uk>.

[15] UKCCIS. Good practice guidance for the providers of social networking and other user-interactive services. (2010) / https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/251456/industry_guidance_social_networking.pdf.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-546-551

КАДИМОВА Наргиз Ахвердиевна,
ассистент кафедры юриспруденции
Волжского филиала ФГАОУ ВО
«Волгоградский государственный университет»,
e-mail: nargiz.kadimova@mail.ru

Научный руководитель:
СТЕПАНЕНКО Равия Фаритовна,
профессор, д.н.
КФУ / Юридический факультет /
Кафедра теории и истории государства и права,
e-mail: mail@law-books.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ: ПУТЬ К УСПЕШНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ПРАКТИЧЕСКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ ЗНАНИЙ

Аннотация. В статье исследуется проблема формирования правовой функциональной грамотности учащихся как ключевого фактора их успешной социализации и профессиональной адаптации. Автор анализирует современные подходы к развитию правовых компетенций, позволяющих эффективно применять юридические знания в реальных жизненных ситуациях. Особое внимание уделяется интеграции теоретической подготовки и практико-ориентированных методик, включая кейс-стади, проектное обучение и юридические клиники. Рассматриваются вызовы цифровой эпохи, требующие развития цифровой правовой культуры и критического правового мышления. Обосновывается необходимость перехода от традиционных репродуктивных методов обучения к компетентностной модели, сочетающей освоение правовых норм с формированием навыков их практического применения. Предлагаются пути совершенствования образовательных технологий, включая междисциплинарный синтез и разработку инновационных педагогических инструментов. Статья представляет интерес для исследователей в области юридической педагогики, разработчиков образовательных программ и практикующих юристов, участвующих в подготовке будущих специалистов.

Ключевые слова: правовая функциональная грамотность, юридическое образование, правовая социализация, компетентностный подход, практико-ориентированное обучение, цифровая правовая культура.

KADIMOVA Nargiz Akhverdiyeva,
Assistant Professor of the Department of Jurisprudence
Volga branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education "Volgograd State University"

Scientific supervisor:
STEPANENKO Raviya,
Professor, PhD
KFU / Faculty of Law /
Department of Theory and History of State and Law

FORMATION OF LEGAL FUNCTIONAL LITERACY OF STUDENTS: THE PATH TO SUCCESSFUL SOCIALIZATION AND PRACTICAL APPLICATION OF KNOWLEDGE

Annotation. *The article examines the problem of the formation of students' legal functional literacy as a key factor in their successful socialization and professional adaptation. The author analyzes modern approaches to the development of legal competencies that make it possible to effectively apply legal knowledge in real-life situations. Special attention is paid to the integration of theoretical training and practice-oriented techniques, including case studies, project training and legal clinics. The challenges of the digital age are considered, requiring the development of a digital legal culture and critical legal thinking. The necessity of transition from traditional reproductive teaching methods to a competence-based model combining the development of legal norms with the formation of skills in their practical application is substantiated. Ways to improve educational technologies are proposed, including interdisciplinary synthesis and the development of innovative pedagogical tools. The article is of interest to researchers in the field of legal pedagogy, developers of educational programs and practicing lawyers involved in the training of future specialists.*

Key words: *functional literacy, education, competencies, academic knowledge, socialization, research, basic skills, abilities, efficiency.*

Формирование правовой функциональной грамотности обучающихся представляет собой сложный, многогранный процесс, требующий комплексного научного осмысления в контексте современных образовательных парадигм. В условиях цифровой трансформации общества и глобализации правового пространства традиционные подходы к правовому образованию демонстрируют свою недостаточную эффективность, что актуализирует поиск новых методологических решений.

Современные исследования в области юридической педагогики свидетельствуют о необходимости перехода от традиционной модели обучения к компетентностной, где акцент смещается на формирование способности применять правовые знания в реальных жизненных ситуациях. Особую значимость приобретает развитие критического правового мышления, позволяющего обучающимся не только воспроизводить нормативные положения, но и анализировать их, выявлять правовые коллизии, находить оптимальные пути решения юридических проблем.

Современная система отечественного образования способствует ускоренной интеграции общества и оказывает поддержку его стабилизации. Однако, стоит отметить, в то же время и сталкивается с вызовами, тесно связанными с необходимостью успешной подготовки выпускников школ, средне-профессиональных и высших учебных заведений. Традиционное российское образование направлено на передачу молодому поколению накопленных научных знаний и умений, делая опору на исторические российские духовно-нравственные ценности. Система образования как самостоятельный социальный институт действует на основе комплекса формально-определенных норм, правил и принципов, направленных на урегулирование большого количества сфер общественной жизни.

Несмотря на существующие тенденции развития общества, происходящие в глобальном

масштабе события, оказывают на индивиду трансформационное влияние. В первую очередь, данное обстоятельство порождает необходимость определения новых ориентиров, эффективно способствующих интеграции личности в общество с целью разрешения проблемных ситуаций на основе предметных или универсальных способов деятельности. Таким образом формирование функциональной грамотности – одна из приоритетных задач современной отечественной системы образования.

В 1957 году ЮНЕСКО вводит понятие «функциональная грамотность», под которой понималась совокупность умений читать и писать для использования в повседневной жизни и удовлетворения житейских проблем. В качестве цели определялась направленность на ликвидацию безграмотности среди населения. Данное положение заложило основу для систематического повышения уровня и качества знаний, умений и навыков обучающихся, которые будут применены им в практической деятельности. Глобально на развитие функциональной грамотности оказала влияние цифровизация [4].

В широком смысле под функциональной грамотностью понимается способность человека использовать навыки чтения и письма в условиях его взаимодействия с социумом. Так, например, предоставляется возможность самостоятельно оформить счет в банке, прочитать инструкцию или заполнить анкету. Таким образом, данный уровень предоставляет человеку возможность вступать в отношения с внешней средой и максимально быстро адаптироваться. В частности, к функциональной грамотности относятся и способность свободно использовать навыки чтения и письма в целях получения информации из текста и передачи такой информации в реальном общении [3].

Л. Н. Стрельниковой, В. В. Журавлевой и Н.В. Астрецовой под сущностью функциональной грамотности понимают реализацию жизненных задач через применение математических знаний в

повседневной жизни, проведение исследований для осуществления поиска смыслов и альтернативных решений [7]. Сущность функциональной грамотности выходит за рамки традиционного понимания академических знаний, включая такие аспекты как читательская, математическая, научная, финансовая и цифровая грамотности. Данные разновидности взаимодополняющие, при помощи которых формируется единый комплекс навыков, необходимый для успешной социализации.

Правовая функциональная грамотность как интегративная характеристика личности включает в себя несколько взаимосвязанных компонентов: когнитивный (знание правовых норм и принципов), операциональный (умение применять правовые знания на практике), аксиологический (сформированность правовых ценностей и установок) и рефлексивный (способность к самооценке и коррекции собственного правового поведения). Формирование этих компонентов требует системного подхода, объединяющего усилия образовательных организаций, правоохранительных органов, институтов гражданского общества.

Не можем не отметить функциональную юридическую грамотность, которая является необходимым условием для формирования правосознания и правовой культуры в правовом государстве. В условиях глобализации и интеграции правовых систем, особое внимание уделяется изучению влияния правосознания на правовую культуру, что требует дальнейшего исследования и разработки эффективных мер.

Развитие правовой культуры является ключевым аспектом образовательного процесса, цель которого – воспитание правового сознания учащихся. Неудивительно, что методы и принципы правового воспитания активно используют достижения в области педагогики и основываются на её научных открытиях.

В рамках теории правовой культуры актуальны вопросы, связанные с организацией, планированием, координацией и управлением процессом правового воспитания. Это связано с тем, что воспитательная деятельность является неотъемлемой частью педагогических исследований, которые тесно связаны с методологией и практикой воспитательной работы.

Теория правовой культуры обладает уникальными проблемами, такими как воспитательная функция права само по себе и воздействие на формирование правового сознания деятельности правоохранительных и правоприменительных органов, включая государственные службы и общественные структуры. С.А. Морозова подчеркивает, что это научно обоснованная методология

и методика целенаправленного воздействия на правосознание с целью формирования правомерного поведения. Несколько исследователей отмечают значимость разработки методологических и практических аспектов правовой культуры, обучения и пропаганды. [10]

Международные исследования в области образования показывают, что сильной стороной российских обучающихся является овладение предметными знаниями на уровне их воспроизведения или применения в знакомой учебной ситуации, но у них возникают трудности в применении этих знаний в ситуациях незнакомых, приближенных к жизненным [1].

Для улучшения подходов к организации и реализации функциональной грамотности необходимо также модернизировать учебно-методические материалы. Для этого необходимо ориентировать образовательный процесс на решение практических задач, близких к реальной жизни. Это будет достигаться через включение в учебную деятельность кейсов, отражающих актуальные социальные, экономические и экологические проблемы. Значительную роль играет проектная деятельность, которая позволяет учащимся самостоятельно искать информацию, разрабатывать стратегии для решения проблем. Все эти способы позволят представлять результаты своей работы в различных форматах.

Особого внимания заслуживает проблема цифровизации правового образования. Виртуальная среда создает новые возможности для формирования правовой грамотности, к примеру, онлайн-курсы, симуляторы правовых ситуаций, интерактивные образовательные платформы, но одновременно порождает и новые вызовы, связанные с необходимостью развития цифровой правовой культуры, защиты от дезинформации, формирования навыков работы с электронными правовыми ресурсами.

Важным направлением совершенствования системы формирования правовой грамотности является разработка и внедрение инновационных педагогических технологий, таких как case-study, проблемное обучение, проектная деятельность, юридические клиники. Эти методы позволяют преодолеть разрыв между теоретической подготовкой и практической деятельностью, создать условия для активного усвоения правовых знаний и формирования профессиональных компетенций.

Особую роль в процессе формирования правовой грамотности играет личность преподавателя, который должен не только обладать глубокими предметными знаниями, но и владеть современными методиками обучения, быть носителем правовой культуры, способным вдохновлять сту-

дентов на профессиональное саморазвитие. Это требует совершенствования системы подготовки и повышения квалификации педагогических кадров в сфере правового образования.

В данной связи, стоит подчеркнуть, что на сегодняшний день методики повышения правовой осведомленности среди различных социальных групп населения, в частности среди молодежи, включая учащихся, студентов и трудоустроенных, все еще находятся на начальной стадии разработки. Чтобы ускорить прогресс в области теории правовой грамотности, необходимо сконцентрироваться на разработке методик и методологии, которые будут направлены на воспитание правосознания. Это требует глубокого понимания сути правовой грамотности и ясности в определении ее ключевых терминов.

Процесс становления правовой грамотности как самостоятельной научной дисциплины требует более чем простого объединения знаний из педагогики и юриспруденции. Развитие теории правовой грамотности предполагает креативный подход, который включает в себя применение педагогических идей, принципов и методик для повышения эффективности усвоения юридических знаний, формирования правовых убеждений и культивирования правовой культуры. Это приводит к необходимости создания правовой педагогики как новой науки, занимающейся изучением методологии, принципов, стратегий и техник воспитания правосознания как у индивидов, так и в группах. Первое обоснование такой необходимости было сделано И.Ф. Рябко в его книге «Основы правовой педагогики», вышедшей в 1973 году. [11]

Важным моментом на пути исследования правовой функциональной грамотности является также повышение уровня образования в преподавании. Умение применять свои знания на практике является важным аспектом, как и повышение профессиональной компетенции в постоянном обновлении своих знаний. Когда в обстановке присутствуют противоречивые мотивы, участники неизбежно выбирают, вынуждены принимать или тяготеют к одному набору целей, а не к другому, наряду с инструментами, наиболее способствующими достижению этих целей [9].

Например, информационные технологии позволяют расширить и формы подготовки специалистов в области юриспруденции.

Так, в работе «ИСУ ВУЗ: учебный процесс от А до Я» Н.М. Прусс и Д.В. Поляков подчеркивают возможность использования инновационных управленческих технологий в деятельности высшей школы, позволяющих: а) реализовать в контенте единой системы четыре этапа сбора, анализа и принятия решений в сфере управления

вузом и осуществлять контроль за их исполнением; б) оптимизировать процессы управления образовательными услугами; в) повысить качество и снизить трудоемкость работы персонала; г) предоставить возможность подготовки высокопрофессиональных кадров для работодателей; д) обеспечить руководящие структуры вуза объективной и оперативной информацией о процессе образовательной деятельности, вкпе дающие возможность повысить качество образовательных услуг посредством открытости информации при помощи соответствующих технологий [2].

Недостаточная подготовка педагогов к внедрению инновационных подходов является основной проблемой развития функциональной грамотности. На сегодняшний день современное образование требует от учителей не только владение предметными знаниями, но и умение организовать учебный процесс так, чтоб учащиеся могли развивать творческий подход, критическое мышление, могли решать нестандартные задачи.

Здесь хочется отметить, что важным критерием будет являться повышение профессиональной компетенции преподавателя, а именно участие в различных тренингах, онлайн семинарах. Такие мероприятия помогают обновить свои знания, внести новизну в обучение. Например, семинары по использованию новейших цифровых ресурсов позволяют интегрировать современные технологии в образовательный процесс, так будет повышаться эффективность в преподавательской деятельности.

Действительно, стремительные тенденции развития четвертой промышленной революции, открывающей новые возможности доступа для обучающихся в открытую информационную сверхтехнологичную среду, нисколько не умаляют роли образования, а наоборот, увеличивают ее. В этой связи актуализируется деятельность высших учебных заведений по созданию единой цифровой образовательной среды, которая позволит нивелировать негативные последствия воздействия неконтролируемого потока информации, которую получают обучающиеся из открытых источников.

Немаловажным фактором является личный пример в современных сложных условиях. Решение данных вопросов, в свою очередь, не представляется возможным без саморазвития педагога, процесс которого на современном этапе сопряжен с преодолением множества препятствий (увеличением базовой нагрузки, бюрократическими обременениями работы преподавателя и др.).

В то же самое время, фигура преподавателя высшей школы в условиях виртуализации комму-

никативных процессов, обретает сакральные духовно-нравственные смыслы, социокультурные паттерны как с позиций развития правового сознания и правовой культуры, так и формирования ценностно мировоззренческих основ права для будущих специалистов. Именно профессионализм, интеллект и духовная зрелость преподавателя могут и должны воспитывать толерантное отношение к праву субъективному и праву положительному, философским началам понимания этого исторически складывающегося социокультурного феномена [5].

Воплощение идеи функциональной правовой грамотности обучающихся сталкивается с немалым количеством проблем.

Чтобы повысить уровень правовой культуры среди студенческой молодежи, необходимо активное участие различных социальных структур: школы, родители и правоохранительные органы. В то время как последние занимаются пресечением и наказанием за нарушения закона, родители и учебные заведения направлены на предотвращение правонарушений, наставничество в области законодательства и моральных ценностей, а также на формирование приемлемого поведения в обществе.

В наше время установки общества по поводу моральных принципов претерпели значительные изменения. В прошлом весомым авторитетом обладали родители, образовательные учреждения и государственные структуры. Однако, в наши дни влияние массмедиа и случайных обстоятельств растет. Множество людей испытывают недостаток социальной поддержки, живут в невыгодных условиях и сталкиваются с финансовыми трудностями, что заставляет молодых людей искать выход из социальных проблем через асоциальные действия. Нестабильность в обществе и недостатки в законодательстве усложняют процесс развития правовой культуры.

Достижение поставленных целей обеспечения устойчивого саморазвития студентов ставит перед преподавательской кооперацией ряд задач: на высокопрофессиональном и интеллектуальном уровне донести до обучающихся важность и ценность приобретаемых знаний, умений, навыков и компетенций для успешной их реализации на практике в дальнейшем; инициировать позитивную мотивацию их поведенческих моделей в правоприменительной деятельности; привить уважительное отношение к выполняемым должностным обязанностям и ответственность за добросовестное исполнение полномочий и т.д. [6]

В современном мире необходимость освоения базовых навыков грамотности дополняется потребностью в более сложных и универсальных умениях, позволяющих эффективно действовать

в новых рабочих, учебных и бытовых ситуациях. Возросла значимость интеграции и социализации личности в обществе, что обеспечивает культурную преемственность и готовность человека к выполнению социальных и профессиональных ролей.

Перспективным направлением научных исследований представляется разработка концепции правовой педагогики как самостоятельной междисциплинарной области знания, интегрирующей достижения юридической науки, педагогики, психологии, цифровых технологий. Такая концепция могла бы стать теоретической основой для создания эффективных моделей формирования правовой функциональной грамотности на разных уровнях образования.

Таким образом, формирование правовой функциональной грамотности обучающихся требует системного, междисциплинарного подхода, учитывающего как традиционные ценности правового образования, так и новые вызовы цифровой эпохи. Решение этой задачи будет способствовать не только повышению качества юридического образования, но и укреплению правовой культуры общества в целом.

Список литературы:

- [1] Басюк В.С., Ковалева Г.С. Инновационный проект Министерства просвещения «Мониторинг формирования функциональной грамотности»: основные направления и первые результаты // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. №4 (61);
- [2] Прусс Н.М., Поляков Д.В. ИСУ ВУЗ: учебный процесс от А до Я. Аккредитация в образовании. 2007. № 14. С. 40–41.
- [3] Рождественская Л., Логвина И. Формирование навыков функционального чтения : пособие для учителя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://umr.rcokoit.ru>
- [4] Сметанникова Н.Н. Грамотность. Единственное или множественное число? – Library. Ruwww.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid... 2012.
- [5] Степаненко, Р. Ф. Толерантность правового понимания и юридическое образование / Р. Ф. Степаненко, Г. Н. Степаненко // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития : Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 15 апреля 2021 года / Под общей редакцией В.В. Строева, Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. – Москва: Издательство «Саратовский источник», 2021. – С. 403-407. – EDN ZETTIU.
- [6] Степаненко, Р. Ф. Правокультурные процессы в юридическом образовании: проблемы и

перспективы / Р. Ф. Степаненко, А. В. Солдатова // Вестник ТИСБИ. – 2021. – № 2. – С. 5-12. – EDN UCHMOM.

[7] Стрельникова Л.Н., Журавлева В.В., Астрецова Н.В. Функциональная грамотность младших школьников: особенности формирования и оценивания // Педагогическое обозрение. – 2021. – № 1(45). – С. 64-69.

[8] Строева, Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. – Москва: Издательство «Саратовский источник», 2021. – С. 403-407. – EDN ZETTIU.

[9] Шлякова, О. В. Приоритетное направление в работе - развитие функциональной грамотности школьников / О. В. Шлякова // Вестник «Орлеу» - kst. – 2017. – № 4(18). – С. 109-110. – EDN YNHCKH.

[10] Морозова С.А. Методика преподавания права в школе - М.: Новый учебник, 2004. - 224 с.

[11] Рябко И.Ф. Основы правовой педагогики - М.: НОРМА-ИНФРА 2001. - 157 с.

Spisok literatury:

[1] Basyuk V.S., Kovaleva G.S. Innovative project of the Ministry of Education "Monitoring the formation of functional literacy": main directions and first results // Domestic and foreign pedagogy. 2019. No. 4 (61);

[2] Pruss N.M., Polyakov D.V. ISU VUZ: educational process from A to Z. Accreditation in education. 2007. No. 14. Pp. 40–41.

[3] Rozhdestvenskaya L., Logvina I. Formation of functional reading skills: a teacher's manual [Electronic resource]. – Access mode: <http://umr.rcokoit.ru>

[4] Smetannikova N.N. Literacy. Singular or plural? – Library.Ru www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid... 2012.

[5] Stepanenko, R. F. Tolerance of legal understanding and legal education / R. F. Stepanenko, G. N. Stepanenko // Law and human rights in the modern world: trends, risks, development prospects : Proceedings of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the Memory of Professor F.M. Rudinsky, Moscow, April 15, 2021 / Edited by V.V. Stroeve, D.A. Pashentsev, and N.M. Ladnushkina. – Moscow: Publishing house "Saratov Source", 2021. – pp. 403-407. – EDN ZETTIU.

[6] Stepanenko, R.F. Legal and cultural processes in legal education: problems and prospects / R.F. Stepanenko, A.V. Soldatova // TISBI Bulletin. - 2021. - No. 2. - Pp. 5-12. - EDN UCHMOM.

[7] Strelnikova L.N., Zhuravleva V.V., Astretsova N.V. Functional literacy of primary school students: features of formation and assessment // Pedagogical Review. - 2021. - No. 1 (45). - Pp. 64-69.

[8] Stroeve, D.A. Pashentseva, N.M. Ladnushkina. – Moscow: Saratovsky Istochnik Publishing House, 2021. – P. 403-407. – EDN ZETTIU.

[9] Shlyakova, O. V. Priority area in work - development of functional literacy of schoolchildren / O. V. Shlyakova // Bulletin "Orleu" - kst. – 2017. – No. 4 (18). – P. 109-110. – EDN YNHCKH.

[10] Morozova S.A. Methods of teaching law at school, Moscow: Novy учебник, 2004, 224 p.

[11] Ryabko I.F. Fundamentals of legal pedagogy, Moscow: NORM-INFRA 2001, 157 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-552-556

ЖМУРОВ Дмитрий Витальевич,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права
и криминологии Байкальского государственного
университета (г. Иркутск),
e-mail: zdevraz@ya.ru

КРИМИНАЛЬНАЯ АФФИЛИАЦИЯ

Аннотация. В статье рассматривается комплексный подход к анализу преступного поведения через призму аффилиативных потребностей человека. Автор исследует двойственную природу криминальных деяний: с юридической точки зрения как акт деструктивного воздействия и с психолого-криминологической - как сложную систему социальных взаимодействий. Особое внимание уделяется роли аффилиативных связей в формировании преступного поведения, включая потребности в родственных, романтических и дружеских отношениях, групповой идентичности и взаимной поддержке. В работе вводится понятие криминальной аффилиации как устойчивой связи индивида с антисоциальными группами. Автор приходит к выводу, что преступное поведение нередко является способом удовлетворения базовых социально-психологических потребностей личности, что объясняет его устойчивость и высокую рецидивность.

Ключевые слова: преступное поведение, аффилиация, криминальная активность, социальные потребности, групповая идентичность, социальные взаимодействия, криминальная аффилиация.

ZHMUROV Dmitry Vitalievich,
PhD in Law, Associate Professor, Department
of Criminal Law and Criminology,
Baikal State University (Irkutsk)

CRIMINAL AFFILIATION

Annotation. The article employs a comprehensive approach to the analysis of criminal behaviour, considering it through the prism of human affiliative needs. The author conducts an investigation into the dual nature of criminal behaviour, analysing it from two distinct perspectives: firstly, from the legal standpoint as an act of destructive influence, and secondly, from the psychological and criminological viewpoints as a system of social interactions. The investigation further explores the role of affiliative ties in shaping criminal behaviour, encompassing kinship ties, romantic relationships, friendships, group identity, and mutual support. The paper introduces the concept of criminal affiliation as a stable connection of an individual with criminal groups. The author concludes that criminal behaviour is often a means of satisfying the basic socio-psychological needs of the individual, which explains the stability and recidivism of criminal behaviour.

Key words: criminal behaviour, affiliation, criminal activity, social needs, group identity, social interactions, criminal affiliation.

Преступное поведение, как и любое другое, представляет весьма сложный объект научного исследования и интерпретации [1, 2, 3]. Порой юридическая наука страдает от упрощенного понимания сторон криминального акта, воспринимая их сугубо дихотомично и излишне схематизировано. Если на пове-

денческом уровне криминальная активность обнаруживает себя в антагонистическом противостоянии сторон уголовно-наказуемого акта, то на социально-психологическом - воплощает сложный механизм реализации потребностей участников таких событий. Преступление, таким образом, оказывается не только хорошо изученной формой

причинения вреда (отношения между жертвой и преступником), но выступает проявлением *аффилиации* (в случаях коллективного криминального поведения).

Очевидно, что подобная многозначность - результат двойственного подхода к трактовке преступного поведения, включающего поверхностный (юридический) и углубленный (психолого-криминалогический) уровни анализа.

В поверхностном плане преступление видится преимущественно через призму механистического детерминизма в качестве акта деструктивного воздействия субъекта на объект посягательства. Данное воздействие может носить кинетический характер (например, применение насилия при разбое), психологический (угрозы при вымогательстве), экономический (мошеннические действия) или какой-либо другой.

Глубинный анализ позволяет рассматривать преступление в качестве системы социальных интеракций, выходящей за рамки дихотомии «преступник-жертва». В данном контексте противоправное деяние представляет собой манифестацию комплексных социальных связей, формирующихся на микро-, мезо- и макроуровнях. Так, на микроуровне могут исследоваться сложные межличностные взаимодействия в криминальных группах или уголовных парах (преступник-жертва); на мезоуровне - связи между различными преступными сообществами и субкультурами, а на макроуровне - взаимоотношения криминального мира с легальными социальными институтами. При таком подходе преступность трактуется не только как совокупность формально-запрещенных деяний, совершенных на определенной территории за определенное время, но выступает специфической формой *социальной коммуникации, инструментом установления аффилиативных связей*.

Очевидно, что относительной новизной в познании преступного поведения будет попытка изучить его через призму аффилиации. Последняя понимается как *стремление человека к взаимодействию с другими людьми и приобщению к какой-либо социальной группе* [4, 5]. Если оставить позитивный контекст этого термина, разделяемый некоторыми авторами, то желание устанавливать и поддерживать социальные отношения, является общечеловеческим. Криминальный акт, рассмотренный под таким углом зрения, может предстать не только как вредоносный поступок, но также как способ взаимодействия личности с социальной средой.

Тогда преступная деятельность перестает быть просто нарушением закона, а трансформируется в форму социального бытия, выступая способом поддержания отношений, удовлетворяю-

щих базовые потребности принадлежности и социального принятия. Аффилиация здесь выступает одним из ключевых психологических механизмов формирования и поддержания криминального поведения. Благодаря ей некоторые люди решают социально-психологические дилеммы и задачи личностного роста.

Преступная деятельность, следовательно, может порождаться различными формами аффилиативных связей. Постараемся обозначить некоторые:

- потребность в родственных отношениях. Для людей с дефицитарной потребностью в родственных связях (например, воспитывавшихся в дисфункциональных семьях или сиротских учреждениях) преступные группировки могут выполнять функцию «суррогатной семьи».

Банды, криминальные структуры и прочие антисоциальные объединения часто воспроизводят семейную иерархию и дают своим членам чувство принадлежности, защиты и лояльности, которых им не хватало в реальной семье.

Несмотря на культуральные и иные различия преступных практик, подобные отношения распространены весьма широко. Так, иерархическая структура расистской группы «Арийское братство» (Aryan Brotherhood) в США маркирует членов организации как «родную», которая объединяется в «семьи» [6]. В российской тюремной субкультуре существуют неформальные объединения взаимопомощи и поддержки заключенных, которые также именуются «семьями». Различные вариации идей семейственности прослеживаются в многообразных криминальных традициях: от объединений кровных родственников (кланы «ндрина» у Калабрийской ндрангеты) до квазисемейных структур имитирующих распределение ролей по типу «отец-дети» или «старшие-младшие братья» (японская Якудза) [7]. Китайские преступные группы, известные как триады, также эксплуатируют идею родственных отношений, где глава клана становится ритуальным родителем («Горный мастер» или «Дракон»), а его последователи – символическими детьми («братьями» или «монахами») [8];

- потребность в романтических отношениях, опосредованная желанием иметь рядом близкого и любимого человека, способна детерминировать совершение преступлений.

С одной стороны, стремление привлечь и удержать партнера провоцирует людей на противоправные действия (для обеспечения материальных ресурсов, необходимых развитию отношений; ради укрепления обоюдных интимных связей и повышения созавимости или с целью произвести впечатление на противоположный пол).

С другой стороны, патологическая ревность, страх потери партнера и нездоровые способы контроля нередко приводят к криминальному насилию. Нежелание принять отказ или прекращение отношений не раз побуждало людей к различным формам преследования и кибершантажа.

Иногда совместное участие в криминальной деятельности может расцениваться как форма интимной близости. *Романтический соучастник* (romantic co-offending) - это специальный криминологический термин, который описывает ситуации, когда сексуальные партнеры вместе реализуют преступные намерения [9]. В своем патологизованном виде данная потребность выражается в *гибристофилии*, т.е. влечении к лицам, нарушающим социальные нормы. При этом человек испытывает сексуальное влечение к тем, кто совершил тяжкие или резонансные преступления. Некоторые психологи и биологи заявляют, что главная причина гибристофилии – присущая женщинам биологическая тяга к доминантным мужчинам [10]. Серийные убийцы Рамирез, Банди и Дамер буквально купались в женской любви и обожании. «Я получила твое письмо и перечитывала его раз за разом. Целовала и прижимала к груди. Плакала. Я просто не могу больше это переносить — так сильно я люблю тебя». «Мне так жаль твои кудряшки! Они такие милые. Мне так нравится твоя внешность! Ты красавец. У тебя такие руки, такие глаза». «Я люблю тебя... и никогда не забуду душевную щедрость, с которой ты ответил на мое письмо. Я буду любить тебя вечно». Это цитаты из писем, отправленных Теду Банди (более 30 убитых и изнасилованных женщин) [10];

- **потребность в дружеской и эмоциональной привязанности**, а также дефектные способы ее удовлетворения способны оказывать стимулирующее воздействие на индивидуальную криминальную активность.

Человек, испытывающий острую необходимость в принятии и принадлежности, становится особенно уязвимым перед групповым давлением. В стремлении обрести эмоциональную связь он может соглашаться на совершение противоправных действий ради одобрения со стороны группы или доказательства собственной лояльности.

Нарушение закона иногда может расцениваться как специфический способ укрепления групповой сплоченности, например, ритуал, фиксирующий групповую идентичность или опыт, создающий особую эмоциональную связь между участниками («кровь на руках»).

Проявления конформизма в криминальном поведении (совершение уголовно-наказуемых деяний «за компанию», «по примеру других») часто строятся на принципах удовлетворения вышеуказанной потребности. Общеизвестным

считается факт, что в малых преступных группах (численностью до 4 человек), как правило, доминируют межличностные отношения. В таких образованиях отмечается высокий уровень эмоциональных контактов, при которых более откровенно осуществляется обмен мнениями, предложениями, сомнениями, чувствами и сокровенными мыслями [11];

- **потребность в групповой идентичности и принадлежности к культурной общности** с совместным происхождением, традициями и ценностями (этнические, идеологические или террористические преступные группы). Необходимость принадлежать к большим группам или культурной общности - фундаментальная характеристика человека, которая при определенных условиях может являться катализатором преступного поведения. Стремление быть принятым такой группой вынуждает индивида подчиняться групповым нормам, даже если они противоречат закону. Классические эксперименты С. Аша и С. Милгрэма убедительно продемонстрировали, что люди часто действуют вопреки собственным ценностям, если того требует группа.

Этническая идентичность, отраженная в тождественности культурных особенностей индивидов, может быть фактором объединения людей, в том числе реализующих противоправное поведение. Это обусловлено общими ценностями, приоритетами, взглядами и жизненными позициями [12]. Потребность в идейной идентичности нередко способствует совершению преступлений, например, через формирование т.н. *идеологического мотива*. В этом случае преступление становится не просто средством реализации идеи, а своего рода «миссией», осуществляемой от имени определенной общности [13]. Вспоминая геноцид в Руанде (1994), ставший причиной смерти более чем 80 тысяч человек, можно отметить, что в этом ужасающем событии представители народности хуту, составлявшие большинство населения, систематически истребляли представителей народности тутси. Пропаганда, разжигавшая межэтническую ненависть, представляла тутси как угрозу для хуту, призывая к их уничтожению. Многие хуту, движимые страхом, чувством коллективной ответственности и желанием защитить свою группу, участвовали в убийствах, даже если до этого не испытывали к тутси никакой вражды. Принадлежность к группе хуту и давление со стороны других членов общины стали решающими факторами, заставившими людей преступить моральные границы [14].

- **потребность во взаимной поддержке** не раз становилось элементом криминальной мотивации. Отмечается, что участники преступных групп оказывают психологическую помощь

друг другу, благодаря чему они чувствуют себя более уверенно и комфортно [15,16,17]. Следовательно, соучастие помимо взаимной выгоды и прагматизма (получение прибыли, контроль территории или доступ к ресурсам) решает вопросы взаимной терапевтической поддержки, основанной на коллективной преступной деятельности.

Желательно понимать, что вышеперечисленные типы аффилиативных отношений не являются взаимоисключающими. В реальной жизни они часто переплетаются и дополняют друг друга, создавая сложную и динамичную систему связей в таких группах.

Итак, важно отметить, что как это ни парадоксально, но именно благородные человеческие стремления - быть принятым, найти себя, принадлежать к культурной традиции - могут в определенных обстоятельствах становиться мотивационной основой для преступной активности, особенно когда групповая идентичность формируется вокруг девиантных или антисоциальных ценностей. Это еще раз подчеркивает мысль о том, что преступное поведение решает для личности ряд куда более сложных задач, помимо поверхностного обогащения или удовлетворения физиологических желаний. Криминальность как феномен оказывается включенной в круг реализации социально-психологических потребностей личности. В этом смысле устойчивость, рецидивность и неисправимость многих преступников демонстрирует более глубокие психологические предпосылки, не объясняясь рациональными категориями или идеями прагматизма.

В контексте настоящей статьи, целесообразно указать на существование специфического явления *криминальной аффилиации*. Это устойчивая связь индивида с одной или несколькими криминальными группами или организациями, независимо от его непосредственного участия в конкретных преступных деяниях. Она проявляется в наличии общих целей, интересов, взаимодействии, поддержке или содействии деятельности таких групп. Эта связь может быть формальной (членство в организации) или неформальной (регулярные контакты, финансовая поддержка), но всегда должна выходить за рамки случайных или поверхностных взаимоотношений. Происходит это неспроста. Реализация аффилиативных потребностей решает для личности несколько важных задач: помогает преодолеть чувство одиночества и социальной изоляции; снижает тревожность, поскольку позволяет разделять свои переживания с другими; способствует формированию позитивной самооценки и уверенности в себе через принятие и одобрение со стороны значимых других.

Список литературы:

- [1] Фадеев В.Н. Замыслы и намерения как новый предмет внимания в криминологии и юриспруденции // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 3(15). С. 306-320
- [2] Московцев А.Ф., Суходолов А.П. Методологические тупики современной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 2 (14). С. 177-192
- [3] Номоконов В.А. Парадигмы современной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 3 (17). С. 213-224
- [4] Карпов А. Психология менеджмента. М. Гардарики. 2005.
- [5] Психология общения: энциклопедический словарь / Учреждение Российской акад. образования Психологический ин-т; под общ. ред. А. А. Бодалева. - М.: Когито-Центр, 2011. 598 С.
- [6] Aryan Brotherhood. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Aryan_Brotherhood (дата обращения 03.04.2025).
- [7] Якудза - кто они? URL: Источник: <https://viewout.ru/news/yakuza/2012-02-18-44> (дата обращения 03.04.2025).
- [8] Константинов А. Триады: миф или реальность? // Гудок. URL: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=752397> (дата обращения 03.04.2025).
- [9] Barlow C., Weare S. Women as co-offenders: Pathways into crime and offending motivations. The Howard journal of criminal justice. 2019 No, 58 (1). pp. 86-103
- [10] Гранатштейн М. Мама, я жулика люблю: эволюционные корни тяги к рисковому парням, преступникам, социопатам и донжуанам // Журнал «Нож». URL: <https://knife.media/hybristophilia/> (дата обращения 03.04.2025).
- [11] Пастушеня А.Н. Криминальная психология. Учебно-методическое пособие. Мн., 2007.
- [12] Арутюнов А. С., Касьяненко М. А. Особенности возникновения преступности по признаку этнической идентичности / // Современное право. 2008. № 5. С. 80-81
- [13] Специфика мотивации личности экстремиста, террориста. URL: <https://alldetectives.ru/ort/transformatiya-lichnosti-ot-radikala-do-terrorista/spetsifika-motivatsii-lichnosti-ekstremista-terrorista.html> (дата обращения 03.04.2025).
- [14] Элез А.Й. К вопросу об оценке геноцида 1994 г. в Руанде // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2021. № 1 (30). С. 35-43
- [15] Юшкова Т.А., Терехова К.А. Психологические особенности современной групповой преступности // Экономика и социум. 2016. № 12-3 (31). С. 1095-1099.

[16] Кен С.К. Экспертиза социально-психологических особенностей членов преступной группы и их роли в преступлении // «Организация работы с молодежью». 2019. № 1. С. 6.

[17] Психология групповой и организованной преступности. URL: https://psyera.ru/psihologiya-gruppovoy-i-organizovannoy-prestupnosti_12137.htm (дата обращения 03.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Fadeev V.N. Zamysly i namereniya kak novyy predmet vnimaniya v kriminologii i yurisprudencii // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. 2021. № 3(15). S. 306-320

[2] Moskovcev A.F., Suhodolov A.P. Metodologicheskie tupiki sovremennoj kriminologii // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. 2020. № 2 (14). S. 177-192

[3] Nomokonov V.A. Paradigmy sovremennoj kriminologii // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. 2023. № 3 (17). S. 213-224

[4] Karpov A. Psihologiya menedzhmenta. M. Gardariki. 2005.

[5] Psihologiya obshcheniya: enciklopedicheskij slovar' / Uchrezhdenie Rossiyskoj akad. obrazovaniya Psihologicheskij in-t; pod obshch. red. A. A. Bodaleva. - M.: Kogito-Centr, 2011. 598 С.

[6] Aryan Brotherhood. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Aryan_Brotherhood (дата обращения 03.04.2025).

[7] YAkudza - kto oni? URL: Istochnik: <https://viewout.ru/news/yakuza/2012-02-18-44> (дата обращения 03.04.2025).

[8] Konstantinov A. Triady: mif ili real'nost'? // Gudok. URL: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=752397> (дата обращения 03.04.2025).

[9] Barlow C., Weare S. Women as co-offenders: Pathways into crime and offending motivations. The Howard journal of criminal justice. 2019 No, 58 (1). pp. 86-103

[10] Granatshtejn M. Mama, ya zhulika lyublyu: evolyucionnye korni tyagi k risiko-vym parnyam, prestupnikam, sociopatam i donzhuanam // ZHurnal «Nozh». URL: <https://knife.media/hybristophilia/> (дата обращения 03.04.2025).

[11] Pastushenya A.N. Kriminal'naya psihologiya. Uchebno-metodicheskoe posobie. Mn., 2007.

[12] Arutyunov A. S., Kas'yanenko M. A. Osobennosti vozniknoveniya prestupnosti po priznaku etnicheskoy identichnosti / // Sovremennoe pravo. 2008. № 5. S. 80-81

[13] Specifika motivacii lichnosti ekstremista, terrorista. URL: <https://alldetectives.ru/ort/transformatiya-lichnosti-ot-radikala-do-terrorista/spetsifika-motivatsii-lichnosti-ekstremista-terrorista.html> (дата обращения 03.04.2025).

[14] Elez A.J. K voprosu ob ocenke genocida 1994 g. v Ruande // Vestnik Universiteta mirovyh civilizacij. 2021. № 1 (30). S. 35-43

[15] YUshkova T.A., Terekhova K.A. Psihologicheskie osobennosti sovremennoj gruppovoy prestupnosti // Ekonomika i socium. 2016. № 12-3 (31). S. 1095-1099.

[16] Ken S.K. Ekspertiza social'no-psihologicheskikh osobennostej chlenov prestupnoj gruppy i ih roli v prestuplenii // «Organizaciya raboty s molodezh'yu». 2019. № 1. S. 6.

[17] Psihologiya gruppovoy i organizovannoy prestupnosti. URL: https://psyera.ru/psihologiya-gruppovoy-i-organizovannoy-prestupnosti_12137.htm (дата обращения 03.04.2025).

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-557-561

ОСМАНОВ Мухамед Мартинович,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения
квалификации сотрудников МВД (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук,
подполковник полиции,
e-mail: muhamedosmanov8@gmail.com

ВСЕМИРНАЯ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ ПРОПАГАНДЫ ЭКСТРЕМИСТКОЙ ИДЕОЛОГИИ: МАСШТАБЫ И КАНАЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Автор в своем исследовании уделяется особое внимание каналам, источникам и масштабам распространения преступными сообществами радикальной идеологии и пропаганды информации экстремистского характера с применением информационных технологии в глобальной сети Интернет и применяемым правоохранительными органами мерам противодействия ее проявления интернет пространстве.

Ключевые слова: виртуализация, агитация, анонимность, глобальная площадка, экстремизм, интернет-каналы, интернет технологии, дезинформация, преступление, социальная сеть, единый центр, противодействие, ресурс.

OSMANOV Mukhamed Martinovich,
Senior Lecturer at the Department of Organization of Law
Enforcement Activities of the North Caucasus Institute
for Advanced Training of Ministry of Internal Affairs Officers (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Police Lieutenant Colonel.

THE WORLD WIDE WEB AS A PLATFORM FOR PROPAGANDA OF EXTREMIST IDEOLOGY: SCALE AND CHANNELS OF IMPLEMENTATION

Annotation. The author in his study pays special attention to the channels, sources and scale of distribution of radical ideology and propaganda of extremist information by criminal communities using information technology in the global Internet and the measures taken by law enforcement agencies to counteract its manifestation in the Internet space.

Key words: virtualization, agitation, anonymity, global platform, extremism, Internet channels, Internet technologies, disinformation, crime, social network, single center, counteraction, resource.

Динамично развивающееся информационное общество на базе информационно-телекоммуникационных технологий относится к общемировым тенденциям современности. Информационное пространство предоставляет широкие возможности, такие как общедоступность, высокая скорость передачи информации, независимость от местонахождения, анонимность и многие другие.

Данные преимущества, в том числе – трудность в осуществлении контроля со стороны органов правопорядка, привлекают внимание и криминальных структур, и они активно используют это в своей преступной деятельности, что позволяет им стать менее уязвимыми для правоохранительных органов.

Построение современных экстремистских групп организовано по принципу сетевой струк-

туры, которая обеспечивает функционирование единых центров и информационно-коммуникационных каналов.

Экстремистскими идеологами широко используются средства психологической войны, включающие такие, как дезинформация, подмена понятий и фактов, манипуляция общественным сознанием.

Современные информационно-коммуникационные возможности глобальной сети позволяют виртуализированным экстремистским решениям беспрепятственно и бесконтрольно проникать в наиболее подверженную деструктивному влиянию молодежную среду.

Сегодня проявления экстремизма и терроризма в глобальном информационном пространстве представляют угрозу безопасности многих стран и их граждан, затрагивают всё человечество и деструктивно влияют на всё мировое сообщество.

Важно отметить, что ряды экстремистских группировок обычно пополняют люди, являющиеся социальными аутсайдерами, которые в силу различных причин не смогли реализоваться в современных условиях. К отмеченной категории относятся, как правило, лица, не имеющие работы; молодые люди, не имеющие образования и достойного уровня жизни.

Преступные идеологи для ведения пропаганды, вербовки новых сторонников и увеличения количества «сочувствующих» используют широко-масштабную аудиторию глобальной сети, большую часть пользователей которой составляют молодые люди в возрасте от 12 до 30 лет.

В частности по отношению к несовершеннолетним, в качестве методов, террористами могут применяться различные игры в реальном времени, условием которого является выполнение каких-либо конкретных действий или выполнение отдельных заданий, представляют и сравнивают их с положительными персонажами различных предоставляемых на обозрение жанров, что способствует тому, что несовершеннолетние вдохновляются различными идеями, повышается их самооценка, стараются заслужить уважение, повысить свой статус в обществе, начинают подражать преступному элементу, целью которых является добиться именно этого эффекта.

Специальные средства и активное использование возможностей посредством таких социальных сетей и мессенджеров, как «Telegramm», «WhatsApp», «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook» и «Instagram»), способствует распространению экстремистской идеологии.

По итогам мониторинга российских и иностранных социальных платформ, осуществленного правоохранительными органами в сети

Интернет, были обнаружены текстовые, фото и видеоматериалы экстремистского характера. зачастую помогают им создать защищенные каналы связи, незаметные для органов правопорядка.

Преступные сообщества умеют разрабатывать разные страницы и сайты в Интернете, для распространения своих идей с максимальной скоростью и большим охватом аудитории, к ним можно отнести такие как: бесплатные хостинги, страницы в социальных сетях, профессиональные сайты на платных хостингах.

Стремительно возрастающее год от года количество активных пользователей сети Интернет, детерминирует необходимость выработки соответствующих мер обеспечения информационной безопасности глобального информационного пространства, в частности, противодействия активизировавшемуся распространению идей экстремизма и терроризма в глобальной сети.

Основной и важной задачей вышеуказанных ресурсов, является преподнесение определенной информации для их сторонников в ускоренной форме, постоянно меняя демонстрируют реакцию на различные мировые события и новости.

Сайты могут быть акцентированы на различную публику и подразделяться на разные категории, такие как: по возрастным категориям, по интересам определенных граждан, на социальные группы, по национальным признакам, по различным пользователям определенной информации.

За частую преступники хорошо прорабатывают и техническую составляющую, для эффективного распространения информации.

Для реализации вышеуказанных целей, осуществляют регистрацию сайтов на зарубежных серверах, применяют для этого услуги подставных лиц, имеют возможности, предоставляющие возможность сохранить доступ к информации, как страхового варианта обеспечения функционирования и доступа, при непредвиденных ситуациях связанных с блокировкой сайта или иной ситуации, тем самым обеспечивают бесперебойный доступ пользователя к информации.

Зачастую сеть Интернет и специальные различные программы позволяют обеспечить анонимность информации, посредства его шифрования, что является очень важным для злоумышленников в процессе пропаганды различной негативной информации.

Преступники в большинстве случаев в ускоренной форме осуществляют процессы передачи информации, осуществляют обмен информацией, поддерживают диалог с большой аудиторией и пользователями в удаленном пространстве, в том числе и вне зависимости от их месторасположе-

ния и в такого рода случаях Интернет, становится удобной площадкой и каналам распространения преступной идеологии и развития преступности на международном уровне.

Глобальное информационное пространство, благодаря широкой распространенности и всеобщей доступности, безусловно, является очень удобным и эффективным источником информации.

Вследствие этого использование безграничных возможностей обмена общедоступной информацией во всемирной сети не вызывает никаких споров и сомнений. Однако, в киберпространстве также осуществляется размещение информации, доступ к которой запрещен в целях обеспечения общественной и государственной безопасности.

Вместе с тем, наравне с откровенными сайтами содержащими террористическую и иную экстремистскую идеологию, в сети функционирует множество новостных порталов и сайтов информационного характера так или иначе не связанных с террористическими и преступными сообществами и группировками, однако в тот же момент и разделяющие их идеи и взгляды, тем самым оказывающие преступникам поддержку в различных сферах.

Современный информационный экстремизм ставит под угрозу безопасность общества, нарушая законные права человека, чиня препятствия достижению гражданского согласия, подрывая устои демократического и правового государства.

Исходя из чего, противодействие проявлению экстремистской идеологии в информационном пространстве становится приоритетной и первоочередной задачей стоящей перед органами государственной власти.

Профилактические и действенные меры по противодействию распространения преступной идеологии в сети Интернет, наряду с проявляющимися различного рода явлениями, носящими угрожающий характер национальной безопасности, обществу и государству носят невоенный характер призванные обеспечить эффективный способ достижения политических и стратегических целей и по своей результативности в большинстве случаев являются наиболее эффективными, нежели военные террористические средства и методы.

Основная проблема противодействия экстремизму в сети Интернет во многом объясняется наличием у преступных сообществ значительного научно-технического потенциала, поскольку они привлекают в свои ряды целые группы квалифицированных специалистов в области высоких технологий.

В настоящее время, подразделениями по противодействию экстремизму ведется монито-

ринг сети Интернет, а также различных социальных сетей с целью обнаружения экстремистских материалов и различного рода запрещенной информации.

В целях обеспечения информационной пропаганды и не допущения блокирования сайтов содержащих информацию преступного характера, разработчиками применяются различные усилия направленные на защиту непосредственно сайтов от воздействия со стороны правоохранительных органов, вследствие чего применяют различные закодированные и зашифрованные программы, маршруты и сервисы как площадки в сети.

В целях доступа к сети применяются программы, позволяющие изменить электронные адрес или исключают применение персонального компьютера в домашних условиях и используют услуги интернет-кафе, различных заведений, предоставляющие пароль от своего Wi-Fi, обезличенные или оформленные на третьих лиц сим-карты с выходом в Интернет.

В целях реализации вышеуказанных методов применяются специальные серверы различных стран, законодательство которых позволяет использовать подобные методы шифрования.

Одним из первых правовых актов, регламентирующих противодействие экстремизму и терроризму, был Указ Президента РФ 23.03.1995 № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации».

Современная нормативно-правовая база РФ в области противодействия терроризму и экстремизму в глобальной сети базируется на следующих положениях Конституции РФ:

- п.5, ст.13 (запрет на создание и функционирование объединений, деятельность которых направлена на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни);
- п.2 ст.29 (запрет на пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду).

В сфере противодействия экстремизму и терроризму в РФ, правоохранительными органами применяются:

- Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»;
- Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;
- «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» от 28 ноября 2014 г. № Пр-2753 (ред. от 29.05.2020);

- «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» от 5 октября 2009 года.

Вместе с тем стоит отметить, что органы государственной власти уделяют большое внимание проблемам обеспечения технического противодействия экстремизму в глобальном информационном пространстве.

Этому свидетельствуют вносимые поправки в законодательные акты Российской Федерации.

Правоохранительные органы, также используют возможности сети Интернет с целью своевременного выявления и мониторинга деятельности террористических групп и организаций, проводят профилактические мероприятия по борьбе с преступлениями, проводят информирование населения, осуществляют периодический сбор доказательств о готовящихся или уже совершенных преступлениях, в том числе и совершенных в сети Интернет или с использованием современных электронных технологий.

В настоящее время, одной из приоритетных задач органов государственной власти является разработка и внедрение эффективных технологий, направленных на противодействие проявлениям экстремизма в сети Интернет.

Однако не смотря на применяемые меры продолжающаяся мировая информационно-технологическая революция создает новые потенциальные угрозы жизнедеятельности как государств, так и мирового сообщества в целом.

В наибольшей степени это относится к экстремизму и терроризму, мутация которых, по мнению экспертов, происходит именно в информационной сфере.

Поэтому эффективное решение данной проблемы требует координации усилий по дальнейшему совершенствованию технических средств и разработке новых методов информационного противодействия деятельности экстремистских организаций в информационно-телекоммуникационной сети.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
- [2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024).
- [3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024).
- [4] Об информации, информационных технологиях и о защите информации (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.06.2018): федер. закон от 27

июля 2006г. № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Рос. газ. – 2006. – № 165.

[5] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 06 июля 2016г.

№ 375-ФЗ // Рос.газ. – 2016. – № 150.

[6] Экстремизм представлен в основном возрастной группой. Молодежный экстремизм как одна из наиболее актуальных социально – политических проблем в России.

[7] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ от 28 нояб. 2014г. № Пр-2753) / Правовая база <http://www.scrf.gov.ru> (дата обращения: 12.05.2024).

[8] Жукова О.С. Информационный экстремизм в современном государственно – правовом государстве [Текст] / О. С. Жукова,

Р. Б. Иванченко, В. В. Трухачёв. – Философия права. – Изд-во: Ростовский юридический институт МВД, 2010. – С. 105 -108.

[9] Организация деятельности правоохранительных органов по противодействию экстремизму и терроризму: учебное пособие /

Е.Н. Быстрыков, Е.В. Ионова, Н.Л. Потапова, А.Б. Смушкин. - 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург: Лань, 2022. - 176 с.

[10] Рапог А.И. Уголовно-правовое противодействие терроризму и экстремизму: учебное пособие/ А.И. Рапог, В.В. Палий. - Москва: Проспект, 2021. - 96 с.

[11] Сахнов И.П. Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма и профилактика аддиктивного поведения в молодежной среде: учебно-методическое пособие / И.П. Сахнов. - Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2021. - 147 с.

Spisok literatury:

- [1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020).
- [2] Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 06.04.2024).
- [3] Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 22.04.2024).
- [4] Ob informacii, informacionny`x texnologiyax i o zashhite informacii (s izm. i dop., vstup. v silu s 30.06.2018): feder. zakon ot 27 iyulya 2006g. № 149-FZ (red. ot 14.07.2022) // Ros.gaz. – 2006. – № 165.

[5] O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processualnyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nyx mer protivodejstviya terrorizmu i obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti: feder. zakon ot 06 iyulya 2016g.

№ 375-FZ // Ros.gaz. – 2016. – № 150.

[6] E'kstremizm predstavljen v osnovnom vozrastnoj gruppoj. Molodezhnyj e'kstremizm kak odna iz naibolee aktual'nyx social'no – politicheskix problem v Rossii.

[7] Strategiya protivodejstviya e'kstremizmu v Rossijskoj Federacii do 2025 goda (utv. Prezidentom RF ot 28 noyab. 2014g. № Pr-2753) / Pravovaya baza <http://www.scrf.gov.ru> (data obrashheniya: 12.05.2024).

[8] Zhukova O.S. Informacionnyj e'kstremizm v sovremennom gosudarstvenno – pravovom gosudarstve [Tekst] / O. S. Zhukova,

R. B. Ivanchenko, V. V. Truxachyov. – Filosofiya prava. – Izd-vo: Rostovskij juridicheskij institut MVD, 2010. – S. 105 -108.

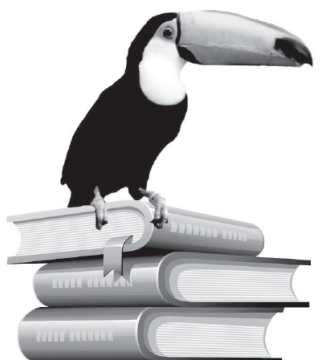
[9] Organizaciya deyatel'nosti pravooxranitel'nyx organov po protivodejstviyu e'kstremizmu i terrorizmu: uchebnoe posobie /

E.N. By'stryakov, E.V. Ionova, N.L. Potapova, A.B. Smushkin. - 2-e izd., ster. — Sankt-Peterburg: Lan', 2022. - 176 s.

[10] Rarog A.I. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie terrorizmu i e'kstremizmu: uchebnoe posobie/ A.I. Rarog, V.V. Palij. - Moskva: Prospekt, 2021. - 96 s.

[11] Saxnov I.P. Protivodejstvie rasprostraneniyu ideologii e'kstremizma i terrorizma i profilaktika addiktivnogo povedeniya v molodezhnoj srede: uchebno-metodicheskoe posobie / I.P. Saxnov. - Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2021. - 147 s.

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-562-568

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ХУРТИН Тимофей Игоревич,
бакалавр права, соискатель магистерской степени,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: tim.khurt@gmail.com

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ РАЗВЕДКИ ПО ОТКРЫТЫМ ИСТОЧНИКАМ (OSINT) В УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. Исследование посвящено раскрытию сущности разведки по открытым источникам (OSINT) как метода криминалистики, определению ее цели и задач в роли инструмента в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. Целью исследования является подтверждение необходимости нормативного урегулирования разведки по открытым источникам как процессуального действия. Авторы приходят к выводу, что OSINT является необходимым инструментом в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений, поскольку данный метод предполагает возможность получения криминалистически значимой информации ориентирующего и доказательственного характера, которая может быть использована для выдвижения версий, планирования конкретного следственного действия и процесса расследования уголовного дела, прогнозирования возможного противодействия участников уголовного судопроизводства. Анализируя действующее законодательство, авторы приходят к выводу, что использование OSINT не противоречит действующему российскому законодательству и выдвигают предложения о возможности ее правовой регламентации для обеспечения использования уполномоченными лицами в ходе досудебного производства по уголовному делу в современных условиях.

Ключевые слова: OSINT, разведка по открытым источникам, цифровая криминалистика, предварительное расследование, доказательства, информационные технологии, публичная информация.

SHESTAK V.A.,
Professor of the 25th Department
(Military Administration, administrative and financial law)
of the Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Science,
Moscow

KHURTIN T.I.,
Bachelor of Law, Master's Degree candidate,
A. Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation

ON THE EXPEDIENCY OF LEGAL REGULATION OF OPEN SOURCE INTELLIGENCE (OSINT) IN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

Annotation. *The study is dedicated to uncovering the essence of open source intelligence (OSINT) as a method of criminology, determining its goals and objectives as a tool in the detection, investigation and prevention of crimes. The purpose of the study is to confirm the need for a regulatory regulation of open source intelligence as a procedural action. The authors conclude that OSINT is a necessary tool in the detection, investigation and prevention of crimes, since this method assumes the possibility of obtaining criminalistically significant information of an orientation and evidentiary nature, which can be used to advance theories, plan a specific investigative action and the process of investigating a criminal case, and predict possible opposition from participants in criminal proceedings. Analyzing the current legislation, the authors conclude that the use of OSINT does not contradict the current Russian legislation and put forward proposals on the possibility of its legal regulation to ensure the use by authorized persons during pre-trial criminal proceedings in modern conditions.*

Key words: OSINT, open source intelligence, digital forensics, preliminary investigation, evidence, information technology, public information.

Преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, носят преимущественно латентный характер. Такие уголовно наказуемые деяния, как правило, не оставляют видимых следов и сложны с точки зрения раскрытия и собирания доказательственной информации в связи с особенностью объектов – носителей этой информации, широким применением средств удаленного доступа и рядом других причин [1]. Так, согласно сведениям Министерства внутренних дел Российской Федерации в период с 2019 по 2024 года, удельный вес преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, непрерывно прогрессивно возрастал, и по итогам 2024 года на них приходилось уже почти каждое третье преступление. В связи с ростом числа таких преступлений, многие отечественные исследователи предлагали ввести такое понятие как «киберпреступление», самую широкую дефиницию которому, по нашему мнению, сформулировала С. И. Буз, определив его как любое преступление, совершенное с помощью информационных технологий (технические средства, так и сама информация и ее носители), либо в информационном пространстве (информационно-телекоммуникационные сети (например, Интернет), компьютерные локальные сети и т.д.) [2].

Распространенность киберпреступлений в преступной среде обусловила необходимость внедрения инновационных инструментов, обеспечивающих эффективность и оперативность их раскрытия, расследования и предупреждения. Таким инструментом может стать и разведка по открытым источникам, или же «OSINT» (от англ. «open source intelligence») – деятельность, приемы которой заключаются в поиске, сборе и анализе информации, добытой в открытых общедоступных источниках. Рассматривая разведку по

открытым источникам в сфере деятельности правоохранительных органов, полагаем, целесообразно её определить не только как один из важных и эффективных инструментов поиска и сбора информации, но и как специальный метод криминалистики, представляющий собой способ обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации, находящейся в источниках открытого доступа, в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Опираясь на функции правоохранительных органов, в современных условиях полагаем возможным выделить пять основных задач, определяющих сущность информационной разведки по открытым источникам в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений: идентификация личности; оценка цифрового окружения личности; анализ сферы интересов личности; исследование «цифрового» социального поведения личности; формирование криминалистического портрета личности. Так, к процессу идентификации личности целесообразно отнести сбор и анализ той информации, которая будет представлять личные персональные данные субъекта преступления, а именно: фамилию, имя и отчество, дату рождения, место жительства, сведения об образовании и проч. Не менее важное значение имеют и фотографии, альбомы и изображения, в которых может быть отражена информация ориентирующего, а в отдельных случаях и доказательственного характера. Следовательно, в них может содержаться как образ самого субъекта преступления, так и изображение домов, дворов, построек, общественных мест, которые могут принадлежать тому городу (населенному пункту, поселку и т.д.), в котором непосредственно может дислоцироваться субъект преступления.

Окружение субъекта преступления, которые преимущественно входят в круг его общения, могут находиться во вкладке «друзья» или «подписки». Проанализировав данные этих пользователей, имеется возможность с помощью них выйти

непосредственно на самого субъекта преступления путем обнаружения его окружения в ходе оперативно-разыскной деятельности и, в дальнейшем, проведением допроса, других следственных и иных процессуальных действия для выяснения обстоятельств по делу. Также профили этих пользователей могут служить связующим звеном для определения факта реального пребывания субъекта преступления [3].

Подписки субъекта на группы и сообщества могут характеризовать его сферу интересов, в которых можно найти публикации пользователя-правонарушителя, его участие в обсуждениях, форумах и т.д. Имеющаяся информация может носить ориентирующий характер, с помощью которой есть необходимость проводить оперативно-разыскные мероприятия.

Социальное поведение в сети может включать в себя различные виды коммуникации, которые включают в себя разные речевые продукты, с помощью специальных знаний могут быть использованы для диагностики определенных демографических характеристик автора, которые могут составлять пол, возрастную группу, этническую принадлежность, территориальную принадлежность, уровень речевой культуры и образования; род занятий, профессиональную принадлежность, социальный статус и проч [4]. В частности, речевые продукты также могут носить доказательственный характер, и входить в элемент состава определенного преступления как экстремистско-террористического, так и религиозного характера, следовательно, в случае расследования данных видов преступлений, использование специальных знаний будет необходимо в целях установления всех обстоятельств по уголовному делу, подлежащих доказыванию [5].

Содержание криминалистического портрета личности, полагаем могут составлять сведения о биологических, психологических и социальных свойствах лица, которые могут сыграть роль в проведении определенных следственных действиях или оперативно-разыскных мероприятиях.

Исходя из рассмотренных преимуществ разведки по открытым источникам в деятельности правоохранительных органов и целесообразности ее использования в раскрытии, расследовании и предупреждении не только киберпреступлений, но и преступлений общеуголовной направленности, полагаем, возникает общественная потребность ее внедрения в уголовно-процессуальное законодательство с целью правовой регламентации по следующим причинам.

Во-первых, криминалистически значимая информация, полученная в ходе разведки по открытым источникам, будет выступать связующим логическим звеном для:

- выдвижения криминалистических версий, где из большого массива собранной информации будет выделяться лишь та информация, которая будет иметь значение для расследуемого дела, образуя при этом причинно-следственную связь не только с событием преступления, но и между собой [6];
- прогнозирования возможных действий со стороны преступника или лиц, заинтересованных в исходе дела и активно противодействующих установлению истины по нему [7];
- планирования конкретного следственного действия или всего процесса предварительного расследования в целом, в рамках которого будет определяться необходимость привлечения к их осуществлению сотрудников правоохранительных органов, специалистов и иных лиц, а также ставиться задачи, которые должны быть решены с использованием полномочий в сфере оперативно-разыскной и административной деятельности [8];
- проведения судебных экспертиз, предметом которых будет выступать полученная информация;
- создание криминалистического портрета (профиля) лица, совершившего преступление, который может служить опорой при оперативно-разыскных мероприятиях или следственных действиях [9].

Во-вторых, ряд ученых-криминалистов относит разведку по открытым источникам к функциям оперативно-разыскной деятельности. Так, А.А. Бессонов справедливо полагая, что оперативно-разыскная информация выступает основой получения сведений обо всех обстоятельствах подготавливаемого, совершаемого и совершённого преступления, о причастном к нему лице, подтверждает необходимость использования этого метода оперативными подразделениями [10].

Вместе с тем полагаем, что полномочиями по проведению разведки по открытым источникам должны быть наделены не только уполномоченные должностные лица оперативных подразделений, но и лица, осуществляющие уголовное преследование в ходе досудебного производства по уголовному делу. Как верно отметила Д.Р. Бельдебубаева, при раскрытии и расследовании преступлений необходимо оперативно получать данные для их своевременного анализа и использования в служебной деятельности [11].

Подобный подход уже внедрен в следственную практику органов предварительного расследования в Республике Беларусь, где законодатель проявил инициативу в целях адаптации борьбы с киберпреступлениями и наделил органы предва-

рительного расследования возможностью проведения нового следственного действия – осмотра компьютерной информации. Так, согласно статье 204.1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [18] осмотр компьютерной информации проводится на месте производства любого следственного действия. Белорусский законодатель, гарантируя обеспечение защиты конституционных прав граждан на тайну частной жизни, а также сведений, составляющих охраняемую законом тайну, или иную информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, установил, что осмотр компьютерной информации, доступ к которой осуществляется посредством аутентификации пользователя может проводиться только с согласия обладателя информации и в его присутствии. Однако законодатель имплементировал в норму и исключения из этого правила (то есть установил случаи, когда согласие обладателя информации и его присутствие не требуется):

- во-первых, по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя;
- во-вторых, в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр компьютерной информации может быть проведен по постановлению следователя, органа дознания без санкции прокурора с последующим направлением ему в течение 24 часов сообщения о проведенном осмотре;
- в-третьих, осмотр компьютерной информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, изъятых при производстве процессуальных действий, санкционированных прокурором, проводится без санкции прокурора.

Кроме того, в ходе осмотра компьютерной информации следователем, органом дознания могут производиться действия, предусмотренные функционалом информационных систем, информационных ресурсов, а также использоваться научно-технические средства, оборудование, аппаратура, приборы, компьютерные программы.

При этом законность действий обеспечивается обязательным составлением протокола о проведении осмотра компьютерной информации, в котором должны быть указаны использованные научно-технические средства, оборудование, аппаратура, приборы, компьютерные программы и описаны порядок осуществления доступа к компьютерной информации, произведенные в ходе осмотра действия и полученные результаты.

Рассматривая вопрос о целесообразности внедрения возможности проведения разведки по открытым источникам в процессуальные полномочия лица в ходе досудебного производства по

уголовному делу, нельзя не упомянуть тот факт, что не является проблемой перекалфикация и переобучение таких лиц методу разведки по открытым источникам, так как необходимые специальные знания в области данной деятельности почти не требуются – следователям (дознателям), осуществляющим предварительное расследование, понадобится небольшой промежуток времени для изучения основных приемов, которые будут включать в себя технические аспекты работы с основными базами данных и целенаправленными инструментами. В свою очередь, А.Г. Качалов пришел к выводу, что такая образовательная программа должна включать в себя изучение лишь тех вопросов, которые связаны с обучением принципам оптимизации и поискового продвижения веб-ресурсов, в том числе использование открытых поисковых технологий в сети «Интернет», и изучение различных инструментов для управления индексацией сайтов [12]. В целях обеспечения реализации данных знаний достижение полной эффективности использования OSINT останется за профессиональными качествами сотрудников, поскольку метод интернет-разведки построен на умении анализа и синтеза, логическом мышлении и знании психологии, которыми должен обладать обычный рядовой сотрудник следственных органов [13].

Отметим, что ключевое отличие OSINT от других форм разведки, заключается в том, что результатом её функционирования является информация, добытая непосредственно только из открытых источников без нарушения законодательства [14]. Вместе с тем отечественная правовая система не будет противоречить внедрению в российский уголовный процесс соответствующего следственного действия, поскольку собирание публичной информации не нарушает конституционные права и свободы граждан. К такому выводу пришла Л.Г. Шобей, анализируя положения действующего национального законодательства России: Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», регулирующие вопросы, связанные с получением, обработкой, передачей и хранением информации, относящейся к физическим лицам; Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», регулирующие случаи признания интернет-сайта средством массовой информации; Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», которые применимы к интернет-отношениям [15].

Вместе с тем еще в 2017 году Арбитражный суд города Москвы определил, что обработка персональных данных допускается в случаях, когда

они доступны неопределенному кругу лиц, имеется согласие владельца данных и сведения предоставлены непосредственно самим субъектом. Суд пришел к выводу о том, что персональные данные являются общедоступными при выполнении двух условий: они предоставлены владельцем и доступны неопределенному кругу лиц. Следовательно, из-за отсутствия согласия владельца персональных данных на размещение сведений о нем в социальных сетях, нельзя их отнести к общедоступным источникам. При этом оператор вправе продолжить обработку персональных данных без согласия субъекта персональных данных, в случае его отзыва, только при наличии соответствующих оснований, в частности, для противодействия терроризму или коррупции [19].

Однако в 2020 году Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» был дополнен статьей 10.1, устанавливающей специальные требования и форму получения согласия субъекта на обработку персональных данных, разрешенных для распространения в открытом доступе [20]. Поскольку общедоступные источники персональных данных могут создаваться в целях информационного обеспечения, то все эти данные должны быть в любое время исключены из общедоступных источников по требованию субъекта или по решению суда. Как следствие, использование третьими лицами публичной информации, размещенной в сети «Интернет», исключает неправомерность, так как субъект заранее не заявил требования об исключении своей персональной информации из открытых источников.

И хотя статья 137 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за незаконное собирание или распространение информации о частной жизни лица без его согласия либо распространение ее в публичном пространстве [21], но высшая судебная инстанция страны в пункте 2 Постановления своего Пленума № 46 от 25.12.2018 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина» определила, что собирание такой информации не влечет за собой уголовную ответственность, если сведения о частной жизни гражданина ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле [22].

В этой связи, полагаем, что в современных условиях поиск и сбор данных о субъекте в открытых источниках, проводимый уполномоченными лицами в ходе досудебного производства по уголовному делу, не противоречит закону. Да, действительно, следует отличать процесс поиска и

сбора информации от ее распространения. Закон не запрещает собирать данные о физическом лице с помощью методов OSINT, однако собранные и аналитически обработанные данные уже представляют собой качественно новую информацию, распространение которой без согласия субъекта может повлечь наступление уголовной ответственности [16]. И здесь, полагаем, нельзя не согласиться с позицией О.В. Химичевой в части того, что при всей очевидной полезности новых технологий для уголовного судопроизводства нельзя забывать про специфичность этого вида государственной деятельности, предполагающей в связи с совершенным преступлением серьезное вмешательство в повседневную жизнь попадающих в его орбиту участников. Именно поэтому все нововведения, какими привлекательными с позиций упрощения и ускорения процессуальных процедур они не были, требуют тщательной проработки с целью недопущения необоснованного, чрезмерного ограничения прав и законных интересов граждан и юридических лиц [17].

Таким образом, полагаем возможным выдвинуть предложения о целесообразности разработки и нормативного закрепления возможности осуществления в ходе досудебного производства по уголовному делу уполномоченными уголовно-процессуальным законом лицами разведки по открытым источникам в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Список литературы:

- [1] Лантух, Э. В. Использование специальных знаний при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации / Э. В. Лантух, В. С. Ишигеев, О. П. Грибунов // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 6. – С. 882-890.
- [2] Буз, С. И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика / С. И. Буз // Юрист-Правовед. – 2019. – № 4(91). – С. 78-82.
- [3] Сааков, Т. А. Судебная автороведческая экспертиза объектов из цифровой среды при установлении демографических характеристик автора / Т. А. Сааков // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 4. — С. 97-103.
- [4] Янгаева, М. О. Использование методов OSINT для криминалистического изучения личности преступника / М. О. Янгаева // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : Сборник докладов XXIV Международной научно-практической конференции и XXIV Международной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках XIII Московской юридической недели. В 4-х частях, Москва, 21–24 ноября 2023

года. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – С. 339-342.

[5] Никишин, В. Д. Место судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности в классификации судебных экспертиз / В. Д. Никишин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 7(47). – С. 187-198.

[6] Трухачев, В. В. К вопросу о криминалистической версии / В. В. Трухачев // Общество и право. – 2013. – № 4(46). – С. 179-181.

[7] Замылин, Е. И. Криминалистическое прогнозирование в правоприменительной деятельности / Е. И. Замылин // Общество и право. – 2019. – № 3(69). – С. 85-90.

[8] Козловский П.В. Планирование расследования преступлений / П.В. Козловский // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. №3. – С. 90-95.

[9] Янгаева, М. О. Получение криминалистически значимой информации о личности преступника путем поиска по открытым источникам (OSINT) / М. О. Янгаева // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 4(44). – С. 181-190.

[10] Бессонов, А. А. Использование в раскрытии преступлений информации из открытых источников информации (OSINT) / А. А. Бессонов // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-разыскной деятельности: Сборник научных трудов Межведомственной научно-практической конференции, Москва, 16 сентября 2022 года. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2022. – С. 40-45.

[11] Бельдеубаева, Д. Р. Применение OSINT-технологий в качестве повышения эффективности деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы эксплуатации систем охраны и защищенных телекоммуникационных систем: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2020. С. 160-161.

[12] Качалов, А. Г. Подготовка специалистов по работе с открытыми данными в сети интернет (OSINT) в гражданских и ведомственных вузах / А. Г. Качалов, М. М. Лантаев // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 9. – С. 98-106.

[13] Писарев, Е. В. Оценка значимости криминалистической информации / Е. В. Писарев, М. А. Золотов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2018. – Т. 1, № 2. – С. 181-189.

[14] Иванов, В. Ю. Использование OSINT в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1. С. 62–66. С. 63.

[15] Шобей, Л. Г. К вопросу об особенностях правового регулирования общественных отноше-

ний, складывающихся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» / Л. Г. Шобей, К. Е. Григорьев, П. А. Чернова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 2(27). – С.190-193.

[16] Ельчанинова, Н. Б. Технологии OSINT в оперативно-разыскной деятельности и их законность / Н. Б. Ельчанинова, Н. С. Велигурина // Проблемы информационной безопасности социально-экономических систем : Труды X Международной Юбилейной научно-практической конференции, Симферополь ¾ Гурзуф, 15–17 февраля 2024 года. – Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2024. – С. 117-119.

[17] Химичева, О. В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства / О. В. Химичева // Криминологический журнал. – 2023. – № 2. – С. 170-174.

[18] Кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 «Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь». – Электронный ресурс. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295> (дата обращения 30.03.2025).

[19] Решение Арбитражного суда города Москвы от 5 мая 2017 года по делу № А40-5250/17-144-51

[20] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 (дата обращения : 30.03.2025).

[21] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025). – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 30.03.2025).

[22] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)». – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616 (дата обращения: 30.03.2025).

Spisok literatury:

[1] Lantux, E`. V. Ispol`zovanie special`ny`x znaniy pri rassledovanii prestuplenij v sfere komp`yuternoj informacii / E`. V. Lantux, V. S. Ishigeev, O. P. Gribunov // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2020. – Т. 14, № 6. – С. 882-890.

[2] Buz, S. I. Kiberprestupleniya: ponyatie, sushhnost` i obshhaya charakteristika / S. I. Buz // Yurist`-Pravoved`. – 2019. – № 4(91). – С. 78-82.

- [3] Saakov, T. A. Sudebnaya avtorovedcheskaya e`kspertiza ob`ektov iz cifrovoj sredy` pri ustanovlenii demograficheskix xarakteristik avtora / T. A. Saakov // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. — 2020. — № 4. — S. 97-103.
- [4] Yangaeva, M. O. Ispol`zovanie metodov OSINT dlya kriminalisticheskogo izucheniya lichnosti prestupnika / M. O. Yangaeva // Pravovoe obespechenie suvereniteta Rossii: problemy` i perspektivy` : Sbornik dokladov XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii i XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Yuridicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova v ramkax XIII Moskovskoj yuridicheskoy nedeli. V 4-x chastyax, Moskva, 21–24 noyabrya 2023 goda. — Moskva: Izdatel'skij centr Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2024. — S. 339-342.
- [5] Nikishin, V. D. Mesto sudebnoj e`kspertizy` materialov religioznogo xaraktera e`kstremistsko-terroristicheskoy napravlenosti v klassifikacii sudebny`x e`kspertiz / V. D. Nikishin // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2018. — № 7(47). — S. 187-198.
- [6] Truxachev, V. V. K voprosu o kriminalisticheskoy versii / V. V. Truxachev // Obshhestvo i pravo. — 2013. — № 4(46). — S. 179-181.
- [7] Zamy`lin, E. I. Kriminalisticheskoe prognozirovaniye v pravoprimeritel'noj deyatel'nosti / E. I. Zamy`lin // Obshhestvo i pravo. — 2019. — № 3(69). — S. 85-90.
- [8] Kozlovskij P.V. Planirovaniye rassledovaniya prestuplenij / P.V. Kozlovskij // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. — 2019. №3. — S. 90-95.
- [9] Yangaeva, M. O. Poluchenie kriminalisticheskix znachimoy informacii o lichnosti prestupnika putem poiska po otkry`ty`m istochnikam (OSINT) / M. O. Yangaeva // Altaiskij yuridicheskij vestnik. — 2023. — № 4(44). — S. 181-190.
- [10] Bessonov, A. A. Ispol`zovanie v raskry`tii prestuplenij informacii iz otkry`ty`x istochnikov informacii (OSINT) / A. A. Bessonov // Aktual'ny`e voprosy` teorii i praktiki operativno-razysknoj deyatel'nosti: Sbornik nauchny`x trudov Mezhdovedomstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 16 sentyabrya 2022 goda. — Moskva: Moskovskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii im. V.Ya. Kikotya, 2022. — S. 40-45.
- [11] Bel`deubaeva, D. R. Primeneniye OSI-NT-texnologij v kachestve povы`sheniya e`ffektivnosti deyatel'nosti organov vnutrennix del // Aktual'ny`e voprosy` e`ksplyuatacii sistem ohrany` i zashchishheniy`x telekommunikacionny`x sistem: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 2020. S. 160-161.
- [12] Kachalov, A. G. Podgotovka specialistov po rabote s otkry`ty`mi dannymi v seti internet (OSINT) v grazhdanskix i vedomstvenny`x vuzax / A. G. Kachalov, M. M. Lantaev // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost`. — 2021. — № 9. — S. 98-106.
- [13] Pisarev, E. V. Ocenka znachimosti kriminalisticheskoy informacii / E. V. Pisarev, M. A. Zolotov // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. — 2018. — T. 1, № 2. — S. 181-189.
- [14] Ivanov, V. Yu. Ispol`zovanie OSINT v raskry`tii i rassledovanii prestuplenij // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 1. S. 62–66. S. 63.
- [15] Shobej, L. G. K voprosu ob osobennostyax pravovogo regulirovaniya obshhestvenny`x otnoshenij, sklady`vayushhixsya v informacionno-telekommunikacionnoj seti "Internet" / L. G. Shobej, K. E. Grigor'ev, P. A. Chernova // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. — 2019. — T. 8, № 2(27). — S.190-193.
- [16] El'chaninova, N. B. Texnologii OSINT v operativno-razysknoj deyatel'nosti i ix zakonnost` / N. B. El'chaninova, N. S. Veligurina // Problemy` informacionnoj bezopasnosti social'no-e`konomicheskix sistem : Trudy` X Mezhdunarodnoj Yubilejnoy nauchno-prakticheskoy konferencii, Simferopol` 3/4 Gurzuf, 15–17 fevralya 2024 goda. — Simferopol` : IP Zueva T.V., 2024. — S. 117-119.
- [17] Ximicheva, O. V. Sledstvenny`e dejstviya: o cifrovoj transformacii ix proizvodstva / O. V. Ximicheva // Kriminologicheskij zhurnal. — 2023. — № 2. — S. 170-174.
- [18] Kodeks Respubliki Belarus` ot 16.07.1999 № 295-Z «Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Belarus'». — E`lektronnyj resurs. — URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295> (data obrashheniya 30.03.2025).
- [19] Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy` ot 5 maya 2017 goda po delu № A40-5250/17-144-51
- [20] Federal'nyj zakon «O personal'ny`x danny`x» ot 27.07.2006 № 152-FZ. — E`lektronnyj resurs. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 (data obrashheniya : 30.03.2025).
- [21] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 28.02.2025). — E`lektronnyj resurs. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (data obrashheniya : 30.03.2025).
- [22] Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 25.12.2018 № 46 «O nekotory`x voprosax sudebnoj praktiki po delam o prestupleniyax protiv konstitucionny`x prav i svobod cheloveka i grazhdanina (stat'i 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii)». — E`lektronnyj resurs. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616 (data obrashheniya: 30.03.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-569-574

АБАЕВ Наурыз Борисович,
подполковник полиции,
преподаватель кафедры специально-технической подготовки
Северо-Кавказский Институт повышения квалификации филиал
Краснодарского университета МВД России (СКИ(ф) КрУ МВД России),
e-mail: mail@law-books.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ СФЕРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье представлен всесторонний анализ криминальной сферы российского общества, охватывающий её эволюцию с момента формирования современной Российской Федерации. Рассматриваются ключевые идеологические и социально-экономические факторы, которые способствовали изменениям в структуре и динамике преступности, а также в подходах государства к её контролю и профилактике. Особое внимание уделяется переломным моментам в истории российской криминалистики, начиная с 1990-х годов и до настоящего времени, а также анализируются текущие тенденции и вызовы.

Ключевые слова: криминальная сфера общества, системно-криминологический анализ, системные признаки, сущность криминального поведения, идейные основы, государственное противодействие.

ABAEV Nauryz Borisovich,
police lieutenant colonel,
teacher of the department of special technical training
North-Caucasian Institute for Advanced Studies,
a branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
(SKI (f) CRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

TRANSFORMATION OF THE CRIMINAL SPHERE OF RUSSIAN SOCIETY: CONCEPTUAL FOUNDATIONS AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF STATE COUNTERACTION

Annotation. The article presents a comprehensive analysis of the criminal sphere of Russian society, covering its evolution since the formation of the modern Russian Federation. Key ideological and socio-economic factors are considered that contributed to changes in the structure and dynamics of crime, as well as in the approaches of the state to its control and prevention. Particular attention is paid to turning points in the history of Russian forensics, from the 1990s to the present, as well as analyzing current trends and challenges.

Key words: the criminal sphere of society, systemic criminological analysis, systemic signs, the essence of criminal behavior, ideological foundations, state opposition.

Криминальная сфера общества представляет собой комплекс социальных взаимосвязей и действий, центрированных вокруг деятельности, признанной противоправной и наносящей вред как отдельным индивидам, так и обществу в целом. По мнению Н.В. Акимовой она включает в себя не только совершенные преступления, но и организованные

группы, занимающиеся преступной деятельностью, а также инфраструктуру, которая поддерживает это противоправное взаимодействие [1, с.75].

Эволюция криминальной сферы в России тесно связана с историческими, политическими и экономическими переломами в жизни страны – от преступных сообществ царской России до организованных преступных группировок, зарождав-

шихся в период перестройки, и современных мафиозных структур – все эти этапы характеризуются собственными идеологиями, взаимодействиями с обществом и методами противодействия со стороны государства.

Идеологические основы государственного противодействия криминальной сфере также претерпевали значительные трансформации. Стоит согласиться с мнением М.А. Грачева, который считает, что если в прошлом акцент делался на репрессивных мерах и строгом наказании, то современный подход включает в себя не только пресечение преступлений, но и профилактику, а также социальную адаптацию бывших преступников [2, с.435]. Отметим, что такое разностороннее внимание к проблеме позволяет не только бороться с проявлениями, но и устранять причины криминальной активности в обществе, а сама криминальная сфера общества является сложной и многогранной, требующей глубокого понимания механизмов её функционирования и эффективных стратегий государственного противодействия, способных адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям и вызовам.

Основой для понимания динамики и структуры криминальной сферы российского общества стали системно-криминологические исследования, охватывающие исторические периоды со времен Российской империи до современной Российской Федерации [3,4,5]. Изучение криминальной среды включает анализ изменений в структуре и динамике преступности, идентификацию её основных причин и условий, а также выработку рекомендаций по эффективному государственному регулированию и предотвращению преступных проявлений [6, с.138].

Важность системно-криминологического подхода нельзя недооценить, ведь он позволяет оценить эффективность законодательных и правоохранительных мер, предпринимаемых государством на разных этапах его развития и принимая во внимание идеологические изменения, произошедшие в Российском обществе за последние десятилетия, данный анализ демонстрирует, как понимание и методы борьбы с преступностью эволюционировали от сугубо репрессивных до комплексных и многоаспектных, включая социально-экономические и психологические меры профилактики.

Исследование криминальной сферы с системно-криминологической точки зрения выявило, что к значительным сдвигам в криминальной деятельности приводили не только изменения в законодательстве, но и социально-экономические колебания, трансформации в образе жизни

людей, а также мировоззренческие и идеологические сдвиги в обществе, что подтверждает необходимость глубокого изучения всех аспектов социального контекста для формирования эффективной антикриминальной политики.

Проанализировав историческое развитие криминальной сферы, можно сделать вывод, что для снижения уровня преступности необходим комплексный подход, охватывающий не только ужесточение наказаний, но и разработку социальных программ, направленных на улучшение условий жизни, образования и повышения благосостояния населения, а успех государственной политики в области предотвращения преступности неразрывно связан с уровнем социальной защищенности общества и качеством жизни граждан [7, с.230].

Особенности системных признаков криминальной сферы Российской Федерации отражают уникальные исторические, социально-экономические и политические условия развития страны и криминальная сфера, как неотъемлемая часть социальной системы, воспроизводит все многообразие форм и методов социального противоборства, адаптируя их под изменяющиеся реалии внутренней и международной жизни.

Во-первых, специфическим проявлением криминальной сферы в России является её глубокая исторически закреплённая коррупционная составляющая: государственные институты, подверженные системной коррупции, становятся как бы «неразделимой тканью», соединяющей законные и незаконные формы управления общественными ресурсами, что видоизменяет изначальное представление о криминальной сфере, превращая её в среду переплетения законных и незаконных интересов, что существенно усложняет государственное противодействие.

Во-вторых, развитие технологий информационного общества привело к формированию новых каналов криминального воздействия на социальные процессы: киберпреступность, не имеющая географических и физических ограничений, представляет собой серьёзную угрозу для экономической безопасности страны; методы цифрового вмешательства в реальные экономические процессы требуют от правоохранительных органов новых подходов и методов расследования.

В-третьих, устойчивость криминальных сообществ, сохраняющих свои позиции несмотря на перемену эпох и общественных систем, обладающих хорошо налаженной структурой власти и контроля, что делает их сложными объектами для правоохранительной системы, деятельность кото-

рых охватывает не только традиционные для криминала сферы, но и проникает в экономику, политику, имея значительное влияние на общественные процессы.

Эволюция криминальной сферы и особенно её системных признаков определяют необходимость адаптации государственных механизмов противодействия и такого рода адаптация должна учитывать глубинный анализ текущего состояния преступности, а также прогнозирование её тенденций на основе сбора и обработки соответствующих данных, что, в свою очередь, накладывает определенные требования к совершенствованию законодательства, методов расследования преступлений и стратегии профилактики отдельных видов криминальной деятельности.

Сущность криминального поведения погружает нас в глубины тех социальных механизмов и процессов, которые формируют криминальную сферу общества, представляющее собой, по мнению Н.В. Акимовой, сложноструктурированное явление, уходящее корнями в экономические, социальные и психологические основания общественной жизни, представляется как важнейший компонент в анализе и понимании криминогенных процессов в России [8, с.47]. Криминальное поведение не только отражает дисфункциональные аспекты в системе социальных отношений, но и активно воздействует на формирование общественного порядка, зачастую выступая в роли катализатора социальных изменений.

Основываясь на идее, что криминальная сфера является результатом взаимодействия множества факторов — начиная от индивидуальной предрасположенности и заканчивая общественными нормами, которые либо способствуют, либо препятствуют проявлениям криминального поведения, государственное противодействие требует комплексного подхода [5, с.136]. Идеи и методы государственного регулирования и противодействия криминальной деятельности эволюционируют вместе с самой криминальной сферой, адаптируясь к изменениям в экономической, социальной и политической жизни страны [3, с.41].

Важно понимать, что противодействие криминальной сфере не ограничивается исключительно репрессивными мерами. В центре внимания находятся не только наказание и изоляция правонарушителей, но и предупреждение преступлений через социальное партнерство, развитие институтов гражданского общества, повышение правовой и социальной культуры населения [9, с.220]. В рамках этого подхода важное место занимает анализ и понимание сущности криминаль-

ного поведения, поскольку именно это дает ключ к разработке эффективных методов предупреждения и контроля за криминогенными процессами в обществе.

Таким образом, подход к противодействию криминальной сфере в современной России требует учета многоаспектности и сложности криминального поведения и осознание этих аспектов и глубокое изучение криминального поведения и его оснований позволяет формулировать более целенаправленные и эффективные стратегии государственного реагирования на вызовы и угрозы, исходящие из данной сферы.

Проблематика взаимодействия государства с криминальной сферой общества, несмотря на кажущуюся линейность и понятность, оказывается чрезвычайно многогранной и далеко не однозначной при более детальном рассмотрении. Роль политико-правовых учений в формировании понимания криминальной сферы и её пределов заключается в том, что они предлагают различные концепции и идеи для изучения и борьбы с преступностью, например, Т. Мор в своём учении доказывал социальную обусловленность преступности, считая, что она порождается эксплуатацией людей и их нищетой [10, с.52]. Он предлагал решать проблему преступности через устранение социальных контрастов, заботу о тружениках, охрану их земельных наделов и обеспечение работой безземельных, а Вольтер считал уголовным судопроизводством важнейшим элементом свободы, при котором гражданское общество обрело бы «наибольшую безопасность, возможную для свободы и гуманности» [10, с.54].

Исторически сложившееся формирование подходов к противодействию преступности в России невозможно анализировать в отрыве от политико-правовых учений, оказавших значительное влияние на понимание криминальной сферы и её пределов. Изучение политико-правовых трактатов, концепций и идеологий, присущих разным историческим периодам Российского государства, позволяет выделить ключевые моменты в развитии криминального права и методов противодействия преступности. По мнению Э.Ю. Енгояна, реформы правоохранительной системы, изменения в законодательстве и подходах к наказанию за преступления отражают глубинные изменения в политико-правовых воззрениях и идеалах власти: с одной стороны, это позволяет говорить о прямой связи между эволюцией общественно-политических учений и изменениями в структуре криминальной сферы, её основаниях и пределах, с другой стороны, в этих процессах можно увидеть отражение и общественных настроений, проблем

и вызовов времени, требующих государственного вмешательства в интересах обеспечения правопорядка и безопасности граждан [11, с.879]. Отметим то, что политико-правовые учения выступают не только в качестве теоретической основы для формирования государственной политики в области противодействия преступности, но и как важный фактор социокультурного контекста, влияющего на практическое воплощение этих идей в жизнь. От принятых в определенный исторический период идеологических построений зависит, какие аспекты криминальной деятельности будут признаны государством приоритетными в контексте борьбы с преступностью, каковы будут методы и средства этой борьбы, а также как формироваться система наказаний и их практическая реализация. В данном вопросе мы солидарны с Н. В. Акимовой в том, что сложная взаимосвязь идей, законодательных норм и практики противодействия криминалу в России составляет суть развития понимания криминальной сферы и ее пределов на протяжении всей истории страны [12, с. 319]. Она же отмечает, что одним из ключевых аспектов в развитии стратегий государственного противодействия криминальной сфере в Российском обществе является изучение и учет влияния основных источников мировых религий на формирование идейных основ такого противодействия: идеи, заложенные в основаниях христианства, ислама, иудаизма и других религий, тесно переплетаются с концепциями справедливости, ответственности и покаяния, что находит отражение в законодательных и социо-культурных практиках России [13, с. 193]. От себя добавим – фундаментальные религиозные принципы, такие как заповедь о непричинении вреда другому человеку, уважение к собственности и жизни, являются основой для формирования норм морали и права, направленных на борьбу с преступностью, а религиозные учения, в свою очередь, пропагандируют идею общего блага и необходимости борьбы с соблазнами, ведущими к криминальным поступкам, подчеркивая значение личной ответственности каждого перед обществом.

В России, где православное христианство выступает в роли одной из основных религиозных традиций, церковь активно участвует в социальной работе среди заключенных и лиц, склонных к антисоциальному поведению, руководствуясь идеями исцеления, покаяния, перерождения [13, с. 196]. Совместные программы с государственными институтами направлены на моральное и духовное воспитание, что способствует снижению рецидива и социализации бывших преступников. Стоит сказать и том, что ислам, также имея значи-

тельное влияние на культурное пространство ряда регионов России, акцентирует важность справедливости, стремления к общественному порядку и поддержанию моральной чистоты среди своих адептов: религиозные общины разрабатывают образовательные программы, тем самым формируя у граждан иммунитет к криминальным искушениям [14, с.301]

Резюмирую все выше сказанное, отметим – основные мировые религии играют важную роль в формировании идеологической основы государственной политики противодействия криминалу в российском обществе, предлагая ценностные ориентиры и моральные нормы, которые находят отражение в законодательстве и социальных практиках и этот вклад является весомым фактором в формировании эффективной системы предупреждения преступности и рецидива, способствуя созданию более безопасного и справедливого общества.

Эволюция концептуальных основ политики государства в сфере борьбы с преступностью тесно связана с развитием российской государственности и общества в целом: исторически Россия прошла долгий путь развития от княжеских уделов до современного федерального устройства, и каждый этап вносил свои коррективы в подходы к обеспечению правопорядка и справедливости.

В царский период, особенно в эпоху Ивана Грозного, были заложены основы авторитарного контроля за социальным порядком, когда любое проявление преступности подавлялось жестко и безапелляционно, позднее, в период Петра Великого, начинается формирование системы правоохранительных органов, более близких к современным представлениям, что способствовало не только более эффективному противодействию преступности, но и закладывало основы для развития правового государства [1, с.77].

С переходом к советской власти концепции государственной борьбы с преступностью испытывали значительные изменения, обусловленные идеологическими доктринами: правоохранительная система была мобилизована для защиты основ социалистического строя, а преступность рассматривалась прежде всего как проявление идеологической диверсии, но, именно в этот период были созданы мощные структуры государственной безопасности, функционирование которых было направлено на поддержание строгого контроля за общественной и политической жизнью [3, с.107].

Постсоветский этап развития России характеризуется переосмыслением роли и места правоохранительной системы в обществе: формирование правового государства потребовало перехода к системе сдержек и противовесов, гарантирующей защиту прав и свобод граждан [5, с.139]. В эти годы акцент смещается на важность профилактики преступлений, на укрепление правовой культуры населения и на развитие партнерских отношений между обществом и органами правопорядка.

Таким образом, эволюция концептуальных основ государственной политики в сфере борьбы с преступностью отражает глубокие социокультурные, политические и идеологические изменения, происходящие в российском обществе на протяжении веков и отражение этих изменений в правоохранительной практике позволило формировать гибкий и многоаспектный подход к обеспечению законности и правопорядка, способный адаптироваться к вызовам времени.

Список литературы:

- [1] Акимов Н. В. К вопросу о криминальной сфере современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №1. С. 74-78.
- [2] Грачев М.А. Изменение законодательной основы противодействия государства и гражданского общества криминальной субкультуре // Юридическая техника. 2023. №17. С. 432-440.
- [3] Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Российская криминология: история и современность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. №2 (8). С. 101-108.
- [4] Исаев Н.А. Классическая криминология в системе российского права // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2014. №1. С. 40-41.
- [5] Клеймёнов И.М. Криминологические школы: от прошлого к будущему // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. №4 (53). С. 134-143.
- [6] Шалагин А. Е. Криминальная среда и ее общественная опасность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. №2 (2). С. 136-141.
- [7] Идиятуллово А.Д. Трансформация преступности в XXI веке: особенности предупреждения и противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. №2 (44). С. 227-235.
- [8] Акимов Н. В. Криминальное поведение как источник формирования криминальной сферы российского общества // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2018. №17-5. С. 45-48.
- [9] Зарубина К.А. Трансформация криминальных профессий в России в постсоветский период // Человек: преступление и наказание. 2021. №2. С. 218-225.
- [10] Кононкова Н.В. История политических и правовых учений: Учебно-методическое пособие. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2013. 72 с.
- [11] Енгоян Э. Ю. Историко-правовой анализ эволюции идей о предупреждении преступности (на примере российского государства) // Гуманитарные и социальные науки. 2014. №2. С. 877-880.
- [12] Акимов Н. В. К вопросу о понятии правовой политики в отношении криминальной сферы // Сб. науч. тр. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. «Уголовная политика и правоприменительная практика» (Санкт-Петербург, 1–2 ноября 2019 г.). СПб. : Астерион, 2019. С. 316–319.
- [13] Акимов Н. В. Криминальная сфера российского общества: эволюция и идейные основы государственного противодействия: монография. М: Проспект, 2021. 280 с.
- [14] Фарапонова М.А. Фундаментальные основания православно-исламского диалога в России: мессианство и традиционализм // Вестник ПГЛУ. 2015. №3. С. 300-312.
- [15] Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Этапы развития современной уголовной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. №3 (99). С. 117-123.

Spisok literatury:

- [1] Akimov N. V. K voprosu o kriminal'noj sfere sovremennoj Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. №1. S. 74-78.
- [2] Grachev M.A. Izmenenie zakonodatel'noj osnovy protivodejstviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva kriminal'noj subkul'ture // Yuridicheskaya tekhnika. 2023. №17. S. 432-440.
- [3] Shalagin A.E., Grebenkin M.Yu. Rossijskaya kriminologiya: istoriya i sovremennost' // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. №2 (8). S. 101-108.
- [4] Isaev N.A. Klassicheskaya kriminologiya v sisteme rossijskogo prava // Izvestiya vuzov. Sociologiya. Ekonomika. Politika. 2014. №1. S. 40-41.
- [5] Klejmyonov I.M. Kriminologicheskie shkoly: ot proshlogo k budushchemu // Vestnik OmGU. Seriya. Pravo. 2017. №4 (53). S. 134-143.
- [6] Shalagin A. E. Kriminal'naya sreda i ee obshchestvennaya opasnost' // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. №2 (2). S. 136-141.
- [7] Idiyatullovo A.D. Transformatsiya prestupnosti v XXI veke: osobennosti preduprezhdeniya i pro-

tivodejstviya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. №2 (44). S. 227-235.

[8] Akimova N. V. Kriminal'noe povedenie kak istochnik formirovaniya kriminal'noj sfery rossijskogo obshchestva // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2018. №17-5. S. 45-48.

[9] Zarubina K.A. Transformaciya kriminal'nyh professij v Rossii v postsovetiskij period // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2021. №2. S. 218-225.

[10] Kononkova N.V. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij: Uchebno-metodicheskoe posobie. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t, 2013. 72 s.

[11] Engoyan E. Yu. Istoriko-pravovoj analiz evolyucii idej o preduprezhdenii prestupnosti (na primere rossijskogo gosudarstva) // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2014. №2. S. 877-880.

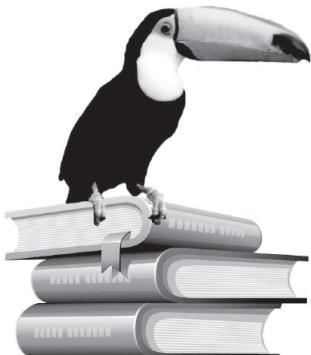
[12] Akimova N. V. K voprosu o ponyatii pravovoj politiki v otnoshenii kriminal'noj sfery // Sb. nauch. tr. po materialam VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika» (Sankt-Peterburg, 1–2 noyabrya 2019 g.). SPb. : Asterion, 2019. S. 316–319.

[13] Akimova N. V. Kriminal'naya sfera rossijskogo obshchestva: evolyuciya i idejnye osnovy gosudarstvennogo protivodejstviya: monografiya. M: Prospekt, 2021. 280 s.

[14] Faraponova M.A. Fundamental'nye osnovaniya pravoslavno-islamskogo dialoga v Rossii: messianstvo i tradicionalizm // Vestnik PGLU. 2015. №3. S. 300-312.

[15] Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Etapy razvitiya sovremennoj ugolovnoj politiki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. №3 (99). S. 117-123.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-575-580

ДЕМИДОВ Олег Геннадьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества
Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: demidov-Oleg-Gen@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВИДАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье представлена общая характеристика видов, оснований и условий юридической ответственности (дисциплинарной, материальной, гражданско-правовой и уголовной) сотрудников уголовно-исполнительной системы за нарушение законодательства о службе.

Ключевые слова: сотрудник УИС, проступок, правонарушение, преступление, противоправность, вина, ущерб, ответственность.

DEMIDOV Oleg Gennadievich,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal Law Disciplines and Organization
of Execution of Punishments not related to the isolation of convicts
from society Pskov Branch of the Federal Penitentiary Service
of Russia University

ON THE ISSUE OF THE TYPES OF LEGAL LIABILITY OF EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

Annotation. The article presents a general description of the types, grounds and conditions of legal liability (disciplinary, material, civil and criminal) employees of the penal enforcement system for violating the legislation on service.

Key words: UIS employee, misconduct, offense, crime, wrongfulness, guilt, damage, responsibility.

Проблема правового регулирования любых видов юридической ответственности по своей теоретической и практической значимости всегда являлась достаточно актуальной. Особенно, когда в качестве субъекта ответственности выступает лицо со специальным правовым статусом. В данной статье в качестве таких субъектов рассмотрим сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее УИС), условия службы которых регулируются, главным образом, нормами Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» (далее закон о службе в УИС) [1].

Сотрудники УИС, как и любые другие граждане РФ за совершение тех или иных правонару-

шений несут различные виды юридической ответственности. Вместе с тем, учитывая, что служба в УИС является одним из видов федеральной государственной службы, представляющим собой профессиональную служебную деятельность граждан РФ по контракту, сотрудники УИС в рамках своей профессиональной деятельности становятся участниками специфических комплексных, сложных по своему характеру и структуре правоотношений, которые в науке именуются служебными [2], а иногда служебно-трудовыми [3]. Данный статус сотрудника УИС предполагает и некоторые особенности отдельных видов юридической ответственности, предусмотренные, прежде всего, законодательством о службе в УИС, а также и другими законодательными актами Российской Федерации.

Так, в соответствии со ст. 15 закона о службе в УИС за совершение преступления сотрудник

несет уголовную ответственность в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации. За совершение административного правонарушения сотрудник несет дисциплинарную ответственность в соответствии с законом о службе в УИС, за исключением административного правонарушения, за совершение которого сотрудник подлежит административной ответственности на общих основаниях в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. За нарушение служебной дисциплины на сотрудника в соответствии со статьями 47, 49 – 53 закона о службе в УИС налагаются дисциплинарные взыскания. Вред, причиненный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника при исполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. В случае возмещения Российской Федерацией вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудника, федеральный орган уголовно-исполнительной системы имеет право обратного требования (регресса) к сотруднику в размере выплаченного возмещения, для чего федеральный орган уголовно-исполнительной системы может обратиться в суд от имени Российской Федерации с соответствующим иском заявлением. За ущерб, причиненный учреждению и (или) органу уголовно-исполнительной системы, сотрудник несет материальную ответственность в порядке и случаях, которые установлены трудовым законодательством Российской Федерации.

Исходя из изложенного, из всех предусмотренных нормами российского законодательства видов юридической ответственности нормами права о службе в УИС детально регламентируется лишь дисциплинарная ответственность сотрудников УИС, все другие виды юридической ответственности сотрудников регламентируются нормами других отраслей права (уголовным, административным, гражданским, трудовым).

Основанием для привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности является совершение им нарушения служебной дисциплины (дисциплинарного проступка), законодательное определение которого ныне содержится в части 1 статьи 49 Закона о службе в УИС. В части 2 указанной статьи перечислены те виды проступков, которые признаются грубым нарушением служебной дисциплины. Как и любое другое правонарушение, дисциплинарный проступок обладает совокупностью объективных и субъективных признаков, характеризующих его объект, объективную сторону, субъекта и субъективную сторону. Анализ признаков состава дисциплинарного проступка позволяет делать вывод о том, что одним

из ключевых его объективных признаков является противоправность поведения (действия или бездействия) сотрудника, а субъективным – наличие вины. При этом между самим проступком и виной сотрудника должна прослеживаться причинная связь. Наличие этих признаков для применения дисциплинарного взыскания во всех случаях является обязательным. Обстоятельством, имеющим значение для правильного рассмотрения дел об оспаривании дисциплинарного взыскания и подлежащим доказыванию, является соблюдение при применении к сотруднику дисциплинарного взыскания вытекающих из ст. 1, 2, 15, 17, 18, 19, 54 и 55 Конституции РФ и признаваемых Российской Федерацией как правовым государством общих принципов юридической, а следовательно, и дисциплинарной ответственности, таких как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм.

Даже при формальном наличии всех обязательных признаков состава дисциплинарного проступка, исходя из общих принципов и положений конституционного, административного, уголовного, трудового и служебного права России, дисциплинарная ответственность сотрудников УИС, не должна наступать в случаях наличия всех необходимых условий совершения проступка вследствие: непреодолимой силы; нормального хозяйственного или обоснованного риска; крайней необходимости; необходимой обороны; неисполнения руководителем обязанности по обеспечению надлежащих условий для выполнения сотрудником своих служебных обязанностей; исполнения обязательного приказа или распоряжения; в результате физического или психического принуждения; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений.

Порядок наложения на сотрудников УИС дисциплинарных взысканий сегодня достаточно детально определен: законом о службе в УИС, Приказом Минюста России от 31.12.2020 № 341 «Об утверждении Порядка проведения служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», дисциплинарным уставом УИС РФ[4].

В соответствии с частью 4 статьи 15 закона о службе в УИС устанавливается фактически гражданско-правовая ответственность сотрудника УИС, в соответствии с которой вред, причиненный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника при исполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством РФ[5]. В статье 16 части первой Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) [6] закре-

плено, что убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием. В статье 1069 главы 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» части второй ГК РФ установлено, что вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

В случае возмещения Российской Федерацией вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудника УИС, ФСИН России имеет право обратного требования (регресса) к сотруднику в размере выплаченного возмещения. С этой целью ФСИН России может обратиться в суд от имени Российской Федерации с соответствующим иском заявлением. Изложенное основано на норме пункта 1 статьи 1081 ГК РФ, согласно которой лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником или сотрудником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т.п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

В части 5 статьи 15 закона о службе в УИС устанавливается бланкетная норма, в соответствии с которой к государственно-служебным отношениям будет применяться трудовое законодательство РФ. Так, за ущерб, причиненный учреждению и (или) органу уголовно-исполнительной системы, сотрудник несет материальную ответственность в порядке и случаях, которые установлены главой 39 Трудового кодекса РФ (далее ТК РФ) [7].

Под материальной ответственностью сотрудника УИС понимается его обязанность возместить ущерб, причиненный работодателю (государству в лице соответствующего учреждения или органа УИС) в результате виновного противоправного неисполнения или не надлежащего исполне-

ния им своих служебных обязанностей. Общие правила привлечения сотрудника УИС к материальной ответственности в настоящее время установлены в ТК РФ. Возмещение сотрудником УИС ущерба, причиненного в процессе служебной деятельности, может регламентироваться и другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, которые не должны вступать в противоречие с ТК РФ. В связи с чем, другие нормативные правовые акты могут устанавливать правила материальной ответственности, улучшающие положение сотрудников в данной сфере по сравнению с общим трудовым законодательством. Основанием привлечения сотрудника УИС к материальной ответственности является совершенное им действия (бездействия), характеризующегося следующими общими условиями наступления материальной ответственности: наличие в результате у работодателя реального ущерба; совершение сотрудником виновных действий (бездействия); противоправность поведения (действий или бездействия) виновного сотрудника; причинно-следственная связь между противоправным поведением сотрудника и причиненным ущербом. Сотрудник УИС несет материальную ответственность как за прямой действительный ущерб, причиненный непосредственно работодателю, так и за прямой действительный ущерб, возникший у работодателя в результате возмещения им ущерба другим лицам, если он возник по вине сотрудника.

Сотрудник обязан возместить государству в лице ФСИН России прямой действительный ущерб, упущенная выгода взысканию не подлежит. Законодательство в зависимости от пределов материальной ответственности выделяет два его вида. Основным видом является ограниченная материальная ответственность. Она заключается в обязанности сотрудника возместить причиненный ущерб в пределах своего среднего месячного денежного довольствия, если иное не предусмотрено ТК РФ или иными федеральными законами. Полная материальная ответственность сотрудника наступает только в случаях, предусмотренных ст. 243 ТК РФ.

Сотрудник УИС может быть привлечен к материальной ответственности только в случаях, когда отсутствуют обстоятельства, исключающие его материальную ответственность. Такими обстоятельствами, согласно ст. 239 ТК РФ являются непреодолимая сила, нормальный хозяйственный риск, крайняя необходимость, необходимая оборона, а также не обеспечение работодателем условий для хранения имущества, вверенного сотруднику. Доказанность каждого из рассмотренных обстоятельств служит основанием для освобождения сотрудника, как от полной, так и от огра-

нической материальной ответственности. Представляется, что перечень указанных обстоятельств следует еще дополнить такими, как: физическое или психическое принуждение; исполнение приказа или распоряжения путем внесения дополнений в ст. 239 ТК РФ или путем принятия отдельного федерального закона о материальной ответственности сотрудников УИС аналогично тому как в отношении военнослужащих принят и действует Федеральный закон от 12.07.1999 № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» [8].

При осуществлении, а, равно как и не при осуществлении, своей служебной деятельности, сотрудник УИС своими действиями (бездействием) может совершить правонарушение, предусмотренное не только служебным, трудовым или гражданским законодательством, но и предусмотренное административным или даже уголовным законодательством РФ.

Как известно, основанием административной ответственности является административное правонарушение. В соответствии со статьей 2.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) [9] административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Данное понятие позволяет усмотреть конститутивные признаки административного правонарушения: антиобщественность, противоправность, виновность. Кроме того, следует иметь в виду, что любое административное правонарушение, как основание административной ответственности должно содержать все обязательные объективные и субъективные признаки состава конкретного правонарушения, предусмотренного КоАП РФ или конкретным законом субъекта РФ.

Не углубляясь в аспекты основания административной ответственности, отметим, что действующее законодательство о службе в УИС предусматривает некоторые особенности административной ответственности сотрудников. Так, в части 2 статьи 15 Закона о службе в УИС содержится бланкетная норма, в соответствии с которой за совершение административного правонарушения сотрудник УИС несет дисциплинарную ответственность в соответствии с законом о службе в УИС. Исключение составляют административные правонарушения, за совершение которых сотрудник подлежит административной ответственности на общих основаниях в соответствии с КоАП РФ. Данное правило предусмотрено и частью 1 статьи

2.5 КоАП РФ, в соответствии с которой за административные правонарушения сотрудники, в том числе органов и учреждений УИС, имеющие специальные звания, несут дисциплинарную ответственность. Таким образом, за совершение большей части административных правонарушений сотрудниками УИС для них предусмотрена фактическая замена административной ответственности на дисциплинарную. В теории административного права указанная ответственность именуется специальной. В данном случае можно говорить о своеобразной конвертации (от лат. *converto* – изменяю, превращаю) административной ответственности в дисциплинарную [10]. Следует также отметить, что действующее законодательство предусматривает только одностороннюю конвертацию административной ответственности в дисциплинарную, но не наоборот.

Вместе с тем, в соответствии с ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ за административные правонарушения, предусмотренные статьями 5.1 – 5.26, 5.45 – 5.52, 5.56, 6.3, 7.29 – 7.32, 7.32.1, главой 8, статьей 11.16 (в части нарушения требований пожарной безопасности вне места военной службы (службы) или прохождения военных сборов), главой 12, статьей 14.9, частью 7 статьи 14.32, главами 15 и 16, статьями 17.3, 17.7 – 17.9, частями 1 и 3 статьи 17.14, статьями 17.15, 18.1 – 18.4, частями 2.1, 2.6 статьи 19.5, статьями 19.5.7, 19.7.2, частью 5 статьи 19.8, статьей 20.4 (в части нарушения требований пожарной безопасности вне места военной службы (службы) или прохождения военных сборов) и частью 1 статьи 20.25 КоАП РФ, сотрудники УИС, несут административную ответственность на общих основаниях.

В части 1 статьи 15 закона о службе в УИС закрепляется бланкетная норма, в соответствии с которой за совершение преступления сотрудник УИС несет уголовную ответственность в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации. В соответствии с частью 1 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [11] преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания. Из данного понятия можно выделить основные признаки преступления, отличающие его от других видов правонарушений. Среди них: общественная опасность деяния, его противоправность, угроза применения судом в отношении виновного лица именно уголовного наказания. Также следует иметь в виду, что в соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Таким образом, в нормах УК РФ

устанавливаются обязательные объективные и субъективные признаки составов преступлений, за совершение которых любые граждане, в том числе и сотрудники УИС, могут быть привлечены к уголовной ответственности. Следовательно, в каждом конкретном случае совершения лицом преступления необходимо установить тождество признаков совершенного деяния с обязательными объективными и субъективными признаками деяния, предусмотренного в соответствующей норме Особенной части УК РФ. При установлении такого тождества можно утверждать о наличии основания уголовной ответственности.

Сотрудники УИС, как и любые другие граждане могут совершать различные преступления, предусмотренные в Особенной части УК РФ. Что касается тех преступлений, которые сотрудник УИС может совершить непосредственно при исполнении своих служебных обязанностей, то это преступления, в основном, предусмотренные в главе 30 УК РФ, именуемой как «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». В первую очередь речь идет о таких преступлениях как, например, «Злоупотребление должностными полномочиями» – ст. 285 УК РФ, «Превышение должностных полномочий» – ст. 286 УК РФ, «Получение взятки» – ст. 290 УК РФ, «Служебный подлог» – ст. 292 УК РФ, ст. 293 УК РФ – «Халатность» и многие другие, в числе которых могут быть преступления, содержащиеся и в других главах Особенной части УК РФ.

УК РФ в отличие от КоАП РФ не предусматривает каких-либо особенностей уголовной ответственности сотрудников УИС. Вместе с тем следует иметь в виду, что при привлечении сотрудника УИС к уголовной ответственности, в соответствии с признаками некоторых квалифицированных составов он может рассматриваться как специальный субъект. Кроме того, в соответствии с пунктом «н» части 1 статьи 63 УК РФ судом может быть принято во внимание как обстоятельство, отягчающее наказание – совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти, если преступление совершалось таким образом.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 23 июля 2018 г. № 30 ст. 4532.

[2, с. 25] Чаянов С.Е. Служебное правоотношение: понятие, структура, обеспечение / под ред. В.В. Володина. М.: Ось-89, 2009.

[3, с. 48] Демидов О.Г. Контракт о службе в уголовно-исполнительной системе как способ реализации прав граждан на труд // Закон и право. № 7. 2024.

[4] Приказ Министерства юстиции РФ от 12 сентября 2019 г. № 202 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении дисциплинарного устава уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // Зарегистрирован в Минюсте РФ 17 сентября 2019 г. Регистрационный № 55944.

[5, с. 162] Бобров А.М. Комментарий к Федеральному закону от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (постатейный). Пермь: ПГНИУ, 2019.

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

[7] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 3.

[8] Федеральный закон от 12.07.1999 № 161-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «О материальной ответственности военнослужащих» // Собрание законодательства РФ, 19.07.1999, № 29, ст. 3682.

[9] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

[10, с. 175] Гришковец А.А. Дисциплинарная ответственность за административные правонарушения // Административная ответственность: вопросы теории и практики. Сборник статей по материалам восьмых Лазаревских чтений, посвященных 80-летию юбилею Института государства и права РАН и 80-летию Н.Г. Салищевой. М. 2004.

[11] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 19 iyulya 2018 g. № 197-FZ (red. ot 30.11.2024) «O sluzhbe v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii «Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugolovnye

nakazaniya v vide lisheniya svobody» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 23 iyulya 2018 g. № 30 st. 4532.

[2, s. 25] Chayanov S.E. Sluzhebnoe pravootnoshenie: ponyatie, struktura, obespechenie / pod red. V.V. Volodina. M.: Os'-89, 2009.

[3, s. 48] Demidov O.G. Kontrakt o sluzhbe v ugovorno-ispolnitel'noj si-steme kak sposob realizacii prav grazhdan na trud // Zakon i pravo. № 7. 2024.

[4] Prikaz Ministerstva yusticii RF ot 12 sentyabrya 2019 g. № 202 (red. ot 09.08.2023) «Ob utverzhdenii disciplinarnogo ustava ugovorno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii» // Zaregistririvan v Minyuste RF 17 sentyabrya 2019 g. Registracionnyj № 55944.

[5, s. 162] Bobrov A.M. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 19 iyulya 2018 g. № 197-FZ «O sluzhbe v ugovorno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii «Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugovolnye nakazaniya v vide lisheniya svobody» (postatejnyj). Perm': PGNIU, 2019.

[6] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot

08.08.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 05.12.1994, № 32, st. 3301.

[7] Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 07.04.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 07.01.2002, № 1 (ch. 1), st. 3.

[8] Federal'nyj zakon ot 12.07.1999 № 161-FZ (red. ot 23.11.2024) «O material'noj otvetstvennosti voennosluzhashchih» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 19.07.1999, № 29, st. 3682.

[9] Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 07.04.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 07.01.2002, № 1 (ch. 1), st. 1.

[10, s. 175] Grishkovec A.A. Disciplinarnaya otvetstvennost' za administrativnye pravonarusheniya // Administrativnaya otvetstvennost': voprosy teorii i praktiki. Sbornik statej po materialam vos'myh Lazarevskih chtenij, posvyashchennyh 80-letiyu yubileyu Instituta gosudarstva i prava RAN i 80-letiyu N.G. Salishchevoj. M. 2004.

[11] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 17.06.1996, № 25, st. 2954.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-581-585

РЯБКО Наталья Владимировна,
преподаватель кафедры административного права
Ростовского юридического института МВД РФ,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: ttriabko@mail.ru

ОСМАНОВ Мухамед Мартинович,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения
квалификации сотрудников МВД (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук,
подполковник полиции,
e-mail: muhamedosmanov8@gmail.com

МЕДВЕДЕВ Владислав Викторович,
преподаватель кафедры тактико-специальной
Краснодарского университета МВД России,
старший лейтенант полиции,
e-mail: Vladislav-medvedev@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФИНАНСИРОВАНИЮ ЦИФРОВОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Автором в своей работе исследуются основные направления противодействия финансированию цифрового терроризма, проблемы обеспечения эффективной профилактики преступлений в данной сфере, пути их разрешения и причины проявления, источники, каналы и способы их снабжения, применяемые правоохранительными органами меры противодействия с применением международно-правовых основ и процессуальных механизмов борьбы с финансированием терроризма.

Ключевые слова: финансирование, терроризм, правоохранительные органы, правовые нормы, международный акт, противодействие, преступности, интернет, федеральное устройство, закон, профилактика.

RYABKO Natalia Vladimirovna,
Lecturer of the Department of Administrative Law
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

OSMANOV Mukhamed Martinovich,
Senior Lecturer at the Department of Organization
of Law Enforcement Activities of the North Caucasus Institute
for Advanced Training of Ministry of Internal Affairs Officers (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences, Police Lieutenant Colonel.

MEDVEDEV Vladislav Viktorovich,
Lecturer of the Department of Tactical-Special
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia Senior Police Lieutenant

COUNTERACTION TO THE FINANCING OF DIGITAL TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL PROBLEMS AND MECHANISMS OF INTERACTION

Annotation. *The author in his work examines the main directions of counteraction to the financing of digital terrorism, the problems of ensuring effective prevention of crimes in this area, ways of their resolution and causes of manifestation, sources, channels and methods of their supply, measures of counteraction applied by law enforcement agencies with the use of international legal frameworks and procedural mechanisms for combating the financing of terrorism.*

Key words: *financing, terrorism, law enforcement agencies, legal norms, international act, counteraction, crime, Internet, federal structure, law, prevention.*

Для организации и осуществления эффективной борьбы с террористической деятельностью принципиальное значение имеет наличие развитой правовой базы.

Регламентация в рамках правового поля существует не только в отношении контртеррористических механизмов, но и на их результативное функционирование оказывает влияние состояние правовой системы конкретного государства в целом.

Важнейшей основой противодействия террористической деятельности в Российской Федерации выступает Конституция, которая с одной стороны закрепляет базовые положения, недопустимые для нарушения, на которые, как правило, и ориентированы террористические проявления, с другой стороны – конституционные положения имеют организационно-процессуальную направленность в контексте закрепления федеративного устройства и системы органов государственной власти, а также их основных полномочий.

Отметим, что Конституция РФ также признает верховенство норм международного права, что делает актуальным рассмотрение в рамках правовых основ антиэкстремистской деятельности не только внутригосударственных актов, но и международных договоров.

В данном контексте следует отметить, что в рамках заявленной проблематики практическое значение имеют как общеправовые международные документы, так и международные акты специальной направленности.

Следует отметить, что проблемы борьбы непосредственно с финансированием терроризма достаточно давно актуализировались и на международном уровне.

Международный документ также закрепляет необходимость для государств, принявших данную конвенцию, регламентировать в своей национальной правовой системе не только меры ответственности за финансирование терроризма, но и механизмы борьбы с анализируемым противоправным явлением.

В данном контексте непосредственно речь идет о комплексном государственном воздействии, как в части преследования виновных лиц и назначении им справедливого наказания, так и предупреждения развития подобной противоправной практики на территории различных государств.

В тексте международного акта содержатся алгоритмы взаимодействия государств в подобных ситуациях, что позволяет вырабатывать единые подходы межведомственного взаимодействия.

Еще одним международным актом, представляющим интерес в рамках заявленной проблематики, является Модельный закон «О противодействии финансированию терроризма», принятый на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 16 ноября 2006 года.

В указанном документе финансирование терроризма определяется как «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из деяний, определяемых нормами национального законодательства как преступления террористического характера, либо для обеспечения террористической организации» [1].

Указанный международный акт в большей степени уделяет внимание компетенциям разных органов государственной власти, в рамках которых подчеркивается актуальность направлений борьбы с финансированием терроризма. Особое практическое значение имеют подходы, связанные с регламентацией обязательного контроля в отношении операций с денежными средствами или иным имуществом.

Однако несмотря на достаточно прикладные подходы важно отметить, что указанный международный акт носит рекомендательный характер и используется государствами-участниками СНГ по собственному усмотрению с учетом специфики национальных правовых систем.

В настоящее время созданы отдельные международно-правовые основы и процессуальные механизмы борьбы с финансированием терроризма.

С одной стороны, указанные механизмы позволяют государствам-членам соответствующих международных организаций объединять свои силы по борьбе с анализируемым противоправным явлением, с другой стороны – данные механизмы весьма фрагментарны, поскольку по-прежнему сохраняются различные национальные подходы к противодействию финансированию терроризма в различных государствах.

Проводя анализ российского законодательства контртеррористической направленности следует отметить, что борьба с указанным противоправным явлением регламентируется целым рядом нормативно-правовых актов.

В первую очередь необходимо отметить наличие в российской правовой системе специализированных актов, а именно Федерального закона «О противодействии терроризму».

Данный федеральный закон имеет принципиальное значение для теоретико-правового осмысления заявленной проблематики, поскольку закрепляет целый ряд базовых понятий, используемых в рамках контртеррористической деятельности.

Так, например, из определения понятия «террористическая деятельность» наглядно видно не только содержательное многообразие рассматриваемого явления, но и тот факт, что финансирование является неотъемлемым элементом современного терроризма, что еще больше актуализирует теоретико-правовое осмысление заявленной проблематики.

Кроме того, указанный федеральный закон детально определяет механизмы борьбы с указанным противоправным явлением. В действующем законодательстве противодействие терроризму определяется как деятельность органов государственной власти, органов публичной власти федеральных территорий и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по:

- предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);
- выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);
- минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Определение вышеназванных направлений в качестве основных видится справедливым,

поскольку для эффективной борьбы с анализируемым преступным поведением необходимо не только результативно выявлять и расследовать совершенные деяния, но и постоянно осуществлять профилактико-предупредительную деятельность в отношении факторов, способствующих распространению террористических взглядов и идей в обществе.

Российский законодатель сознательно акцентирует внимание на субъектном составе указанной деятельности, который характеризуется качественным многообразием.

В контртеррористическую деятельность в настоящее время вовлечены далеко не только органы власти, но и представители гражданского общества, поскольку без участия последних крайне тяжело достичь целей осуществляемого воздействия.

Определение вышеназванных направлений также весьма справедливо, что позволяет конкретизировать цели и задачи отдельных направлений, а также специфику субъектного состава.

Помимо указанного федерального закона в качестве специализированного акта в рамках заявленной проблематики следует отметить Концепцию противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденную Президентом РФ в 2009 году.

Данный акт закрепляет основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в Российской Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации.

В рамках заявленной проблематики следует отметить, что в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации среди основных тенденций современного терроризма определяется повышение уровня финансирования террористической деятельности и материально-технической оснащенности террористических организаций.

Также подчеркивается, что для повышения результативности борьбы с терроризмом необходимо получение упреждающей информации о планах террористических организаций по совершению террористических актов, деятельности по распространению идеологии терроризма, источниках и каналах финансирования, снабжения оружием, боеприпасами, иными средствами для осуществления террористической деятельности [2].

Таким образом, борьба с финансированием терроризма способствует опережающему контртеррористическому воздействию.

Особое внимание в рамках заявленной проблематики следует уделить тому, что финансирование терроризма фигурирует в Кодексе Российс-

кой Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), что объективно обусловлено спецификой лиц, привлекаемых к соответствующим разновидностям юридической ответственности.

Важно отметить, что диспозиция административных и уголовной норм в данном случае весьма схожи в части определения содержательных характеристик финансирования терроризма.

Однако ст. 15.27.1 КоАП РФ предусматривает ответственность юридических лиц за оказание финансовой поддержки терроризму, в то время как ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ предусматривает ответственность физических лиц. Важно отметить, что административная ответственность появилась сравнительно недавно (с марта 2022 года), что объективно обусловлено активизацией вовлечения юридических лиц в процесс финансирования террористической деятельности в последние годы.

Действующая административно-правовая норма предусматривает санкцию в виде штрафа в размере от 10 до 16 млн. руб. [3].

Согласно примечанию к ст. 205.1 УК РФ под финансированием терроризма следует понимать предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений [4]. Кроме того, совершенно справедливо в судебной практике подчёркивается тот факт, что финансирование терроризма может производиться не только в денежной форме, но и любыми материальными средствами (например, предметы обмундирования, экипировки, средства связи, лекарственные препараты, жилые либо нежилые помещения, транспорт и др.).

Систематическое отчисление или разовые взносы в общую кассу используются для приобретения недвижимости или оплаты стоимости ее аренды, а также предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц [5].

Важно отметить, что ранее проанализированное определение финансирования терро-

ризма используется и в Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», который регулирует отношения граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом и т.д.

В данном контексте особое значение приобретает эффективное взаимодействие правоохранительных органов с представителями банковского сектора, которое в настоящее время процессуально регламентируется законодательством, в том числе в части возможности предоставления информации об операциях, перемещениях денежных средств по счетам по соответствующим запросам.

В основном правоохранительные органы выявляют лишь те способы финансирования терроризма, которые можно совершить одноэтапно, не обладая при этом специальными знаниями или навыками.

В сложно-структурированной деятельности по преступлениям о финансировании терроризма не редко следователю не удается выявить какой-то сложный способ совершения преступления.

Современная следственная и судебная практика наглядно демонстрирует заинтересованность террористических организаций в получении именно денежных средств, поскольку их дальнейшее использование осуществляется уже непосредственно из нужд решения конкретных задач, возникающих в рамках функционирования соответствующего преступного сообщества.

Однако несмотря на то, что речь в данном случае идет все о тех же переводах, чаще всего именно в безналичной форме, сложность выявления подобных операций также высока.

Следует сделать вывод о том, что органы внутренних дел в настоящее время активно вовлечены в осуществление борьбы с финансированием цифрового терроризма, однако сама специфика преступной деятельности обуславливает наличие ряда сложностей, в том числе в рамках выявления фактов совершения вышеуказанных деяний.

Несмотря на то, что в настоящее время в региональной практике имеются весьма успешные примеры выявления и расследования такого рода уголовных дел, противоправная деятельность гораздо масштабнее, нежели та, что попадает в поле зрения правоохранительных органов.

Следовательно, финансирование данной преступной деятельности достаточно активно, но осуществляется в серьезно завуалированном

формате, что не позволяет сотрудникам компетентных органов оперативно выявлять и пресекать подобное противоправное функционирование.

С учетом специфики существующей практики финансирования цифрового терроризма требуется совершенствование навыков сотрудников органов внутренних дел, а также техническое оснащение указанных органов новейшим информационным и цифровым оборудованием.

Важно отметить, что органы внутренних дел в рамках заявленной проблематики имеют существенный потенциал в части осуществления профилактико-предупредительной работы.

В первую очередь в настоящее время значительно актуализируется проведение комплексной аналитической работы по вопросам развития финансирования цифрового терроризма на территории российского государства, что предполагает и ставит необходимым активное вовлечение сотрудников органов внутренних дел в информационно-пропагандистскую деятельность и в настоящий момент в российском государстве имеется весьма обширная правовая база для организации и осуществления контртеррористической деятельности.

Список литературы:

[1] Модельный закон о противодействии финансированию терроризма (Принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27-6 на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. N 39 (часть 1). С. 254 - 281.

[2] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Российская газета. 2009. № 198.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.07.2024, с изм. от 18.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

Spisok literatury:

[1] Model'nyj zakon o protivodejstvii finansirovaniyu terrorizma (Prinyat v g. Sankt-Peterburge 16.11.2006 Postanovleniem 27-6 na 27-om plenarnom zasedanii Mezhpapamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG) // Informacionnyj byulleten'. Mezhpapamentskaya Assambleya gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimy'x Gosudarstv. 2007. N 39 (chast' 1). S. 254 - 281.

[2] Konceptiya protivodejstviya terrorizmu v Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 05.10.2009) // Rossijskaya gazeta. 2009. № 198.

[3] Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny'x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 08.07.2024, s izm. ot 18.07.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 1 (ch. 1). St. 1.

[4] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 12.06.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.

[5] Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 09.02.2012 № 1 «O nekotory'x voprosax sudebnoj praktiki po ugolovny'm delam o prestupleniyax terroristicheskoj napravlenosti» (red. ot 03.11.2016) // Byulleten' Verxovnogo Suda RF. 2012. № 4.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-586-591

ГАБИБУЛЛАЕВ Камил Магамедшафиевич,
аспирант 3-го курса образовательной программы
«Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве»
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»,
e-mail: Kamgabibullaev@gmail.com

ЗНАЧИМОСТЬ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются историко-правовые аспекты формирования антикоррупционных норм, их эволюция и современное состояние. Исследуется роль норм о предупреждении коррупции в формировании правопорядка и безопасности российского общества через призму их генезиса и эволюции. На основе историко-правового анализа выделены этапы становления антикоррупционного законодательства, определены факторы, влияющие на его развитие, и обоснована взаимосвязь между эффективностью превентивных мер и устойчивостью общественных институтов. Актуальность исследования вопросов предупреждения коррупционных правонарушений позволяет выявить эффективные механизмы противодействия коррупции, разработать комплекс мер, направленных на минимизацию рисков её возникновения и распространения, повысить уровень правовой культуры населения и укрепить основы гражданского общества. Коррупционные преступления представляют собой угрозу национальной безопасности, препятствуют эффективному функционированию органов государственной власти и местного самоуправления. Их предупреждение является важным условием формирования правового государства, обеспечивающего защиту прав и свобод граждан, соблюдение законности и справедливости в общественных отношениях.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, коррупция, предупреждение правонарушений, правопорядок, российское право, историко-правовой анализ.

GABIBULLAEV Kamil Magamedshafievich,
3rd-year postgraduate student of the educational program
“Theory and History of law and the state;
history of the teachings of law and the State”
“Moscow Pedagogical State University”

IMPORTANCE OF PREVENTING CORRUPTION OFFENCES FOR LAW ENFORCEMENT AND PUBLIC SAFETY IN RUSSIA

Annotation. The article analyzes the historical and legal aspects of the formation of anti-corruption norms, their evolution and current state. The role of norms on the prevention of corruption in the formation of law and order and the security of Russian society through the prism of their genesis and evolution is being investigated. Based on the historical and legal analysis, the stages of the formation of anti-corruption legislation were identified, factors affecting its development were identified, and the relationship between the effectiveness of preventive measures and the stability of public institutions was substantiated. The relevance of the study of the prevention of corruption offenses allows us to identify effective mechanisms for combating corruption, develop a set of measures aimed at minimizing the risks of its occurrence and spread, improve the level of legal culture of the population and strengthen the foundations of civil society. Corruption crimes pose a threat to national secu-

... rity, impede the effective functioning of state authorities and local self-government. Their prevention is an important condition for the formation of a rule of law that ensures the protection of the rights and freedoms of citizens, respect for the rule of law and justice in public relations.

Key words: *anti-corruption legislation, corruption, crime prevention, law and order, Russian law, historical and legal analysis.*

Коррупция остается одной из наиболее острых проблем современного общества, оказывая деструктивное влияние на государственное управление, социальную сферу и экономику. При этом коррупция как системное явление представляет угрозу национальной безопасности, подрывая доверие к государству, деформируя правовые механизмы и способствуя социальной нестабильности. В России борьба с коррупцией имеет глубокие исторические корни и в контексте российской правовой системы она трансформировалась от фрагментарных запретов к комплексной стратегии, основанной на превенции.

Первые антикоррупционные нормы в России формировались в целях защиты княжеской власти и казны. В Русской правде (XI в.) содержались положения, направленные против злоупотребления должностными лицами своих полномочий. Например, статья 9 Краткой редакции предусматривала наказание за присвоение средств сборщиком штрафов (вирником): «Аще вирник возьмет лишнее, то казнить его без гривны» [1, с. 48]. Однако эти положения носили фрагментарный характер и не формировали системного подхода.

В Псковской судной грамоте (XV в.) появились более четкие запреты на подкуп судей: «А который судья посул возьмет..., то казнить его смертною казнью» [2, с. 4]. Тем не менее, отсутствие централизованного контроля и зависимость судей от местной элиты ограничивали эффективность таких мер.

С централизацией власти в Московском царстве (XVI-XVII вв.) начала формироваться политика ужесточения репрессий в отношении зятчиков, а сама коррупция стала восприниматься как угроза государственному аппарату. Судебник Ивана IV (1550 г.) ужесточил санкции за «посулы» (взятки): «А кто посул возьмет..., бити кнутом да вкинути в тюрьму» [3, с. 3]. При Иване Васильевиче впервые была введена смертная казнь за особо крупные злоупотребления, что подчеркивало их опасность для власти [4, с. 3]. В Соборном уложении 1649 г. появились нормы, регулирующие ответственность чиновников за хищение. К примеру, глава X («О суде») запрещала подьячим брать «посулы» под угрозой телесных наказаний и конфискации имущества [5, с. 5]. Однако низкие оклады служивых людей и отсутствие системы контроля фактически поощряли взяточничество как способ выживания.

Петр I, в попытках бюрократической реформы, осознавая масштаб коррупции в государстве, предпринял более радикальные меры. В 1715 г. издан указ, запрещающий чиновникам принимать «подношения» под страхом конфискации имущества и каторги [6]. Для каторги была создана фискальная служба, а в 1722 г. – институт прокуроров. Опять-таки репрессии, например казнь сибирского губернатора Гагарина за хищения, не смогли искоренить систему, где низкие зарплаты и патримониальная культура порождали злоупотребления [7, с. 134].

При Николае I под руководством М.М. Сперанского была проведена кодификация права; в Своде законов Российской империи (1832 г.) и Уложении о наказаниях (1845 г.) впервые проведена четкая грань между формами коррупции. Так, произошло разграничение мздоимства и лихоимства: мздоимство – принятие взятки за законные действия (наказывалось штрафом и отставкой); лихоимство – взятка за незаконные действия (влечет лишение чинов, ссылку или каторгу) [8, с. 401-403].

Реформы Александра II, особенно Судебная реформа 1865 г., ввели гласность судопроизводства и независимость судей, что снизило коррупцию в судах [9, с. 401-403]. Тем не менее система оставалась уязвимой: по данным историка М.М. Богословского, к 1917 г. до 80% чиновников низшего звена регулярно брали взятки [10, с. 212].

Из вышеизложенного можно выделить несколько факторов, которые ограничивают эффективность норм о предупреждении коррупционных правонарушений: социально-экономические – низкие оклады чиновников провоцировали «кормление от должности»; политические – отсутствие независимого контроля и общественного надзора; культурные – патриархальные отношения, где взятка воспринималась как «благодарение».

Таким образом, дореволюционный период поэтапно заложил основы антикоррупционного законодательства, перейдя от единичных запретов к систематизации норм. Однако преобладание репрессивных мер над профилактическими, а также зависимость правоприменения от политической конъюнктуры не позволили искоренить коррупцию. Этот опыт демонстрирует необходимость сочетания юридических запретов с институционными реформами, что актуально и для современной антикоррупционной политики.

Советский период борьбы с коррупцией представляет собой парадокс: формально провозглашая искоренение «буржуазных пороков», система столкнулась с глубокой институционализацией злоупотреблений, обусловленной отсутствием независимого контроля и сращиванием партийно-государственного аппарата. Этот этап можно разделить на четыре ключевых подпериода, отражающих эволюцию подходов к коррупции:

- 1) Раннесоветский период (1917–1930-е гг.). После Октябрьской революции коррупция была объявлена «пережитком царизма». Первым антикоррупционным актом стал Декрет СНК РСФСР «О взяточничестве» от 8 мая 1918 г., устанавливавший тюремное заключение до 5 лет и конфискацию имущества за получение или дачу взятки [11, ст. 467]. Однако уже в 1920-х гг. рост бюрократического аппарата («номенклатуры») и низкие зарплаты чиновников спровоцировали новые формы злоупотреблений. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. криминализировал взяточничество, хищения и злоупотребление властью, но наказания были мягкими (до 2 лет лишения свободы) [12, ст. 117–118]. Репрессии применялись избирательно: например, в ходе кампании против «спецов» (бывших царских чиновников) обвинения в коррупции часто использовались для устранения неугодных.
- 2) Сталинский период (1930-е – 1953). Централизация власти и формирование командно-административной системы создали условия для политноменклатурности. Постановление ЦИК и СНК СССР 1932 г. «О борьбе со спекуляцией» ввело расстрел за хищения социалистической собственности, но эти меры были направлены против «врагов народа», а не системной коррупции [13, ст. 360]. В Указе Президиума ВС СССР от 4 июня 1947 г. ужесточались наказания за хищения (до 25 лет лагерей), т.к. в послевоенные годы коррупция процветала, однако партийная элита оставалась неприкосновенной.
- 3) Хрущёвская «оттепель» и брежневский «застой» (1953–1985 гг.). При Н.С. Хрущёве началась борьба с «волюнтаризмом» и злоупотреблениями в регионах. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. предусматривал до 15 лет лишения свободы за взятки, но отсутствие независимого суда и гласности сводило эффективность к нулю [14, ст. 173].

В брежневскую эпоху коррупция стала элементом «теневой экономики». Партноменклатура монополизировала доступ к дефицитным ресур-

сам: дело «Сочинско-краснодарской мафии» (1970-е): высокопоставленные чиновники создали сеть по незаконной продаже жилья и курортных путёвок; дело директора Елисеевского магазина (1983 г.): хищения на сумму 1,5 млн. руб. при участии сотрудников МВД [15].

Принятие Постановления ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы с хищениями» (1981 г.) не изменило ситуацию: коррупция поддерживалась на уровне министерств (например, Минрыбхоза, МВД) [16].

- 4) Перестройка (1985 – 1991 гг.). М.С. Горбачёв объявил коррупцию «тормозом перестройки». Указ Президиума ВС СССР «Об усилении борьбы с нетрудовыми доходами» (1986 г.) запрещал частное предпринимательство, но на практике преследовал «цеховиков» – мелких производителей, а не партийную элиту [17].

Распад СССР сопровождался разоблачениями, например, дело «хлопковой мафии» в Узбекистане (1988 г.) вскрыло многомиллионные хищения при участии первого секретаря ЦК КП УзССР Ш. Рашидова [18, с. 67]. Закон СССР «О борьбе с коррупцией» (1990 г.) впервые ввёл понятие «коррупция», обязывал чиновников декларировать доходы, но его реализация была невозможна в условиях кризиса власти [19, ст. 995].

Учитывая изложенное, выделим следующие факторы неэффективности антикоррупционных мер в СССР: идеологический диктат – отрицание системного характера коррупции как «пережитка капитализма» мешало объективному анализу; сращивание партии и государства – номенклатура контролировала суды, прокуратуру и СМИ, блокируя расследования; дефицит и теневая экономика – распределительная система порождала рынок взяток за доступ к благам; акцент на репрессии и отсутствие превенции не устранял причин коррупции.

Советский этап продемонстрировал, что борьба с коррупцией в условиях отсутствия гражданского контроля обречена. Нормы использовались для политических чисток, а не защиты правопорядка. Этот опыт подчеркивает необходимость независимых институтов, прозрачности и профилактики – принципов, актуальных для современной России. Иными словами, советский этап (1917–1991 гг.) характеризует формальный запрет коррупции при отсутствии независимого контроля. Уголовные кодексы РСФСР декларировали борьбу с хищениями, но не создавали механизмов для профилактики.

С распадом СССР в России начался современный этап борьбы с коррупцией, начала формироваться новая правовая система. Современный этап характеризуется переходом от деклара-

тивных мер к созданию комплексной антикоррупционной инфраструктуры, включая Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Национальный план противодействия коррупции, направленный как на борьбу с коррупцией, так и на ее предупреждение: декларирование доходов, конфликт интересов, антикоррупционное просвещение. Современный этап борьбы с коррупцией в России отражает курс на укрепление суверенитета, правопорядка и социальной стабильности.

В 1990-е годы коррупция стала следствием «дикого капитализма», так как приватизация, отсутствие регуляторных механизмов и слабость судебной системы привели к расцвету теневой экономики. Первым антикоррупционным актом стал Указ Президента РФ № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» (1992 г.), запретивший чиновникам заниматься предпринимательством [20], но отсутствие реальных инструментов контроля свело его эффективность к минимуму.

С начала 2000-х годов формируется положительная динамика и со временем принимаются ключевые законы. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [21], как системный документ, закрепил:

- Понятие коррупции как злоупотребления служебным положением для извлечения выгод.
- Меры профилактики: декларирование доходов чиновников, запрет на подарки, урегулирование конфликта интересов.
- Национальные планы противодействия коррупции (с 2008 г. по н.в.), включающие меры по цифровизации государственных услуг, антикоррупционному просвещению и усилению ответственности.

Кроме того усилена роль институционных механизмов, созданы специализированные органы, такие как Управление Президента РФ по вопросам противодействия коррупции, созданное в 2004 г., – координирует антикоррупционную политику и Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению – действуют во всех госорганах, рассматривают нарушения, включая конфликты интересов.

Тем не менее, в качестве одних из ключевых мер и инструментов профилактики коррупции можно выделить следующее:

- Декларирование доходов (с 2009 г.) – механизм, обеспечивающий доверие общества к чиновникам, т.к. чиновники и их семьи обязаны ежегодно отчитываться о доходах, имуществе и расходах. Например, с 2020 года проверено более 2-х млн. деклараций, выяв-

лено и устранено 98% нарушений [22], а по данным Счетной палаты в 2021 г. в декларациях выявлено 532 нарушения [23, с. 45].

- Электронные государственные услуги – снижение коррупционных рисков через минимизацию контактов граждан с чиновниками, в качестве примера можно привести портал «Госуслуги».
- Единая информационная система «Электронный бюджет» – минимизирует коррупционные риски через прозрачность расходования средств и цифровой контроль.
- Антикоррупционное просвещение – интеграция в образовательные программы школ и вузов, формирование нетерпимости к нарушениям закона.

В качестве мер профилактики также можно выделить и реформу государственных закупок – аукционы в электронной форме сократили число коррупционных схем при реализации государственных и муниципальных закупок. Способствовало этому принятие Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [24] и Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [25].

Не менее важным фактором, положительно влияющим на предупреждение коррупционных правонарушений, является и международное сотрудничество. Например, ратификация Конвенции ООН против коррупции (2006 г.) подтвердила приверженность России глобальной борьбе с угрозами при сохранении независимости внутренней политики. Отдельно можно выделить создание ЕАЭС, что способствует гармонизации антикоррупционных стандартов в рамках евразийской интеграции.

Также следует отметить ужесточение уголовной ответственности против лиц, совершивших коррупционные правонарушения, в частности – введение норм о конфискации имущества коррупционеров – с 2022 г. изъято активов на сумму свыше 20 млрд. рублей [26], при этом за получение взятки предусмотрено наказание до 15 лет лишения свободы.

Современная антикоррупционная политика России – это стратегия защиты национального суверенитета, основанная на исторической преемственности, технологическом развитии и духовно-нравственных ценностях. При этом, учитывая исторический опыт России, направленный на противодействие коррупции, следует иметь в виду, что нормы о предупреждении коррупции базируются на принципах: легитимности, системности и

превентивности, т.е. меры, принимаемые государством должны соответствовать общественным ожиданиям, иметь комплексный подход к регулированию и с акцентом на предотвращение, а не только на наказание.

В заключение можно отметить, что развитие системы предупреждения коррупционных правонарушений в российском праве представляет собой динамичный процесс, обусловленный взаимодействием множества факторов. Историко-правовой анализ показывает, что развитие антикоррупционных мер прошло сложный путь от фрагментарных запретов к системной политике. При этом наибольшая эффективность достигается при синтезе превентивных мер, жесткого правоприменения и повышения прозрачности институтов. Однако для повышения эффективности противодействия коррупции необходимо дальнейшее совершенствование правовых механизмов, усиление профилактики и повышение правовой культуры общества, избавив общество и систему от избирательности наказаний, параллельно повышая уровень доверия граждан к правоохранительным органам для дальнейшей адаптации антикоррупционной стратегии и вызовам XXI века.

Значимость предупреждения коррупционных правонарушений для обеспечения правопорядка и безопасности общества в России заключается в том, что предупреждение коррупционных правонарушений – не просто борьба с отдельными злоупотреблениями, а стратегическая задача по укреплению правопорядка и только комплексный подход, включающий правовые, социальные и технологические меры, способен минимизировать коррупционные риски и обеспечить устойчивое развитие России, и успех в этой сфере напрямую зависит от слаженных действий государства, бизнеса и гражданского общества.

Список литературы:

- [1] Российское законодательство X-XX веков. Т. 1. – М., 1984
- [2] Псковская судебная грамота. – М.: Юрлитинформ, 2002
- [3] Судебник Ивана VI 1550 г. – М.: Наука, 1960.
- [4] Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М.: Наука, 1960
- [5] Соборное уложение 1649 г., Гл. X. – Л.: Наука, 1987
- [6] Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 2873 – СПб., 1830.
- [7] Анисимов Е.В. Государственные реформы Петра I. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
- [8] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. 1845г. – СПб., 1845

[9] Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 г. в России. – Воронеж: ВГУ, 1994.

[10] Богословский М.М. Быт и нравы русского дворянства в XVIII веке. – М.: Наука, 2004.

[11] Декрет СНК РСФСР «О взяточничестве» от 08.05.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 35.

[12] Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. – М.: Юридическое издательство, 1926.

[13] Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий» // СЗ СССР. 1932. № 62.

[14] Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. л – М.: Юридическая литература, 1961.

[15] ГАРФ. Ф. Р-8131 (Прокуратура СССР). ОП. 36 Д. 45. – Дело о хищениях в системе Министерства торговли РСФСР (1983 г.).

[16] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. .123. – Стенограммы заседаний Политбюро ЦК КПСС по вопросам борьбы с коррупцией (1981-1985 гг.).

[17] Указ Президиума ВС СССР от 23.05.1986 № 4415-XI «Об усилении борьбы с нетрудовыми доходами»/

[18] Гдлян Т., Иванов Н. Кремлёвское дело. – М.: ПИК, 1991.

[19] Закон СССР от 23.10.1990 № 1705-1 «О борьбе с коррупцией» // Ведомости СНД СССР. 1990. № 45.

[20] Указ Президента РФ от 04.04.1992 № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» // СПС «КонсультантПлюс».

[21] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».

[22] Отчёт Управления Президента РФ по противодействию коррупции за 2023 г. – М., 2023.

[23] Отчёт Счётной палаты РФ за 2021 г. – М., 2022.

[24] Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

[25] Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

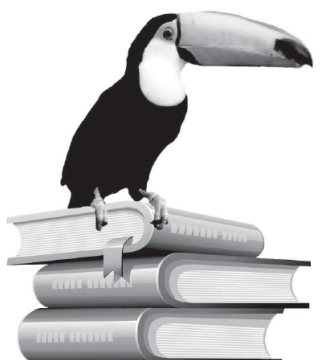
[26] Статистика Генеральной прокуратуры РФ за 2023 г. – URL: <https://genproc.gov.ru>.

Spisok literatury:

- [1] Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. Т. 1. – М., 1984
- [2] Pskovskaya sudebnaya gramota. – М.: Yur-litinform, 2002
- [3] Sudebnik Ivana VI 1550 g. – М.: Nauka, 1960.

- [4] Zimin A.A. Reformy` Ivana Groznogo. M.: Nauka, 1960
- [5] Sobornoe ulozhenie 1649 g., Gl. X. – L.: Nauka, 1987
- [6] Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. T. V. № 2873 – SPb., 1830.
- [7] Anisimov E.V. Gosudarstvenny`e reformy` Petra I. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 1997.
- [8] Ulozhenie o nakazaniyax ugovolny`x i ispravitel`ny`x 1845 g. 1845g. – SPb., 1845
- [9] Korotkix M.G. Sudebnaya reforma 1864 g. v Rossii. – Voronezh: VGU, 1994.
- [10] Bogoslovskij M.M. By`t i nray` russkogo dvoryanstva v XVIII veke. – M.: Nauka, 2004.
- [11] Dekret SNK RSFSR «O vzyatochnichestve» ot 08.05.1918 // SU RSFSR. 1918. № 35.
- [12] Ugolovny`j kodeks RSFSR 1926 g. – M.: Yuridicheskoe izdatel`stvo, 1926.
- [13] Postanovlenie CIK i SNK SSSR ot 07.08.1932 «Ob oxrane imushhestva gosudarstvenny`x predpriyatij» // SZ SSSR. 1932. № 62.
- [14] Ugolovny`j kodeks RSFSR 1960 g. I – M.: Yuridicheskaya literatura, 1961.
- [15] GARF. F. R-8131 (Prokuratura SSSR). OP. 36 D. 45. – Delo o xishheniyax v sisteme Ministerstva trgovli RSFSR (1983 g.).
- [16] RGANI. F. 3. Op. 72. .123. – Stenogrammy` zasedanij Politbyuro CzK KPSS po voprosam bor`by` s korruptiej (1981-1985 gg.).
- [17] Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 23.05.1986 № 4415-XI «Ob usilenii bor`by` s netrudovy`mi dohodami»/
- [18] Gdlyan T., Ivanov N. Kremlyovskoe delo. – M.: PIK, 1991.
- [19] Zakon SSSR ot 23.10.1990 № 1705-1 «O bor`be s korruptiej» // Vedomosti SND SSSR. 1990. № 45.
- [20] Ukaz Prezidenta RF ot 04.04.1992 № 361 «O bor`be s korruptiej v sisteme gosudarstvennoj sluzhby`» // SPS «Konsul`tantPlyus».
- [21] Federal`ny`j zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ «O protivodejstvii korruptcii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
- [22] Otchyot Upravleniya Prezidenta RF po protivodejstviyu korruptcii za 2023 g. – M., 2023.
- [23] Otchyot Schyotnoj palaty` RF za 2021 g. – M., 2022.
- [24] Federal`ny`j zakon ot 5 aprelya 2013 g. № 44-FZ «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvenny`x i municipal`ny`x nuzhd» // SPS «Konsul`tantPlyus».
- [25] Federal`ny`j zakon ot 18 iyulya 2011 g. № 223-FZ «O zakupkax tovarov, rabot, uslug otdel`ny`mi vidami yuridicheskix licz» // SPS «Konsul`tantPlyus».
- [26] Statistika General`noj prokuratury` RF za 2023 g. – URL: <https://genproc.gov.ru>.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-592-595

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЖДЕННЫХ: ПРИНЦИПЫ, МЕТОДЫ, ФОРМЫ

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть составляющие воспитательной работы с осужденными, проводимой в пенитенциарных учреждениях уголовно-исполнительной системы как основного средства исправительного воздействия.

Гипотеза исследования состоит в том, что определение основных составляющих системы воспитательной работы, как основного средства исправления осужденного, позволит повысить эффективность исправительного воздействия.

Цель статьи: на основе проведенного изучения теоретических основ исправления и воспитания, нормативных правовых организационных документов в области пенитенциарной практики представить составляющие системы воспитательной работы с осужденными в пенитенциарном учреждении.

Задачи статьи состоят в том, чтобы на основе: исследования нормативных правовых и научных источников в области исправительного воздействия и практики осуществления пенитенциарной деятельности; результатов экспертного опроса сотрудников, непосредственно занимающихся воспитанием осужденных на предмет организации данной деятельности; новаций в области коррекционно-личностных воспитательных методов и методик определить основные направления и представить воспитательной работы с осужденными в пенитенциарном учреждении как систему направлений, методов и форм воздействия.

Методами и методиками работы выступили: анализ практики реализации и функционирования системы воспитательной работы с осужденными; нормативное правовое регулирование данной деятельности, в том числе в аспекте подготовки персонала к ее реализации; отчетная документация; анализ передового отечественного и зарубежного опыта по исследуемому вопросу; синтез новаций в области воспитания и коррекции личности; а также экспертный опрос по проблемным аспектам и путям совершенствования системы воспитания осужденных.

По результатам проведенного исследования определено, что основными принципами воспитательной работы с осужденными остаются: системность, комплексность, поступательность, непрерывность, многоаспектность и т.д.; основами организации воспитательной работы являются нормативно-правовая и организационно-методическая база, регулирующая организацию и реализацию данного направления работы; различные формы, направления и методы коррекционно-воспитательного воздействия на личность и группы осужденных, а также неотъемлемой частью данной деятельности остается профессиональная подготовка и повышение квалификации персонала по вопросам воспитания.

Ключевые слова: средства исправления, воспитательная работа; осужденные; сотрудники; пенитенциарное учреждение.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher
FKU Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia

EDUCATIONAL WORK AS THE MAIN MEANS OF CORRECTIONAL INFLUENCE ON CONVICTS: PRINCIPLES, METHODS, FORMS

Annotation. *The article proposes to consider the components of educational work with convicts, carried out in penitentiary institutions of the penal system as the main means of correctional influence. The hypothesis of the study is that the definition of the main components of the educational work system as a basic means of correcting a convict will increase the effectiveness of the correctional impact.*

The purpose of the article: based on the conducted study of the theoretical foundations of correction and education, regulatory legal organizational documents in the field of penitentiary practice, to present the components of the system of educational work with convicts in a penitentiary institution.

The objectives of the article are to: on the basis of: a study of regulatory legal and scientific sources in the field of correctional impact and the practice of implementing penitentiary activities; the results of an expert survey of employees directly involved in the education of convicts on the subject of organizing this activity; innovations in the field of correctional and personal educational methods and techniques to determine the main directions and present educational work with convicts in a penitentiary institution as a system of directions, methods and forms of influence.

The methods and techniques of the work were: analysis of the practice of implementation and functioning of the system of educational work with convicts; normative legal regulation of this activity, including in the aspect of training personnel for its implementation; reporting documentation; analysis of advanced domestic and foreign experience on the issue under study; synthesis of innovations in the field of education and personality correction; as well as an expert survey on problematic aspects and ways of improving the system of education of convicts. Based on the results of the study, it was determined that the main principles of educational work with convicts remain: systematicity, complexity, progressiveness, continuity, multi-aspect, etc.; the foundations of organizing educational work are the regulatory and legal and organizational and methodological framework governing the organization and the implementation of this area of work; various forms, directions and methods of correctional and educational influence on the individual and groups of convicts, as well as an integral part of this activity remains the professional training and advanced training of personnel in matters of education.

Key words: *correctional facilities, educational work; convicts; employees; penitentiary institution.*

Введение. Государство и общество ставит перед пенитенциарной системой задачу исправления лиц, преступивших закон, ведь наказание, определенное приговором суда, является не только карой за совершенное преступление, но и имеет своей целью исправление и перевоспитание осужденных в духе их духовно-нравственного, мотивационно-ценностного, трудового и т.д. воспитания, а также недопущения ими в дальнейшем противоправных деяний.

В связи с этим руководством уголовно-исполнительной системы уделяется значительное внимание не только созданию условий для реализации воспитательной работы с осужденными, но и подготовке сотрудников к комплексной работе по их воспитанию и исправлению.

Целью статьи определяется представление составляющих системы воспитательной работы с осужденными в пенитенциарном учреждении на основе проведенного изучения нормативных правовых организационных документов в области пенитенциарной практики, а также теоретических основ теорий исправления и воспитания.

Задачами статьи, соответственно, нами определены:

изучение и обобщение требований нормативных правовых и научных источников в области исправительного воздействия, передового опыта и новаций в данной области;

анализ практики осуществления пенитенциарной деятельности в аспекте основных средств исправления осужденных;

анализ результатов экспертного опроса сотрудников, непосредственно занимающихся воспитанием осужденных на предмет организации данной деятельности;

определение основных направлений и представление воспитательной работы с осужденными в пенитенциарном учреждении как системы направлений, методов и форм.

Методами и методиками работы выступили: анализ практики реализации и функционирования воспитательной работы с осужденными; нормативное правовое регулирование данной деятельности, в том числе в аспекте подготовки персонала к ее реализации; отчетная документация; анализ передового отечественного и зарубежного опыта по исследуемому вопросу; синтез новаций в области воспитания и исправления; а также экспертный опрос по проблемным аспектам и путям совершенствования системы воспитания осужденных.

Результаты исследования.

Законодателем, цель исправления осужденного установлена в ч. 2 ст. 43, Уголовного кодекса Российской Федерации, однако понятие «исправление осужденного» дается в ст. 110 Уголовно исполнительного кодекса Российской Федерации, где: «Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование их правопослушного поведения». Здесь важно, что данное понятие отражает средства, формирующие исправление.

Согласно ч. 2 ст. 110 Уголовно исполнительного кодекса Российской Федерации основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие [1, 2].

Следовательно, для достижения цели исправления осужденного необходимо комплексно и системно использовать указанные средства в течение всего срока отбывания наказания. То есть, результат цели исправления определяется не сроком (временем) наказания, а характером и интенсивностью применения основных средств исправления осужденных.

Изучение теоретико-методологических основ организации исправительного воздействия показывает, что основными принципами воспитательной работы с осужденными остаются: системность, комплексность, поступательность, непрерывность, многоаспектность и т.д. [3-7].

Основами организации воспитательной работы являются нормативно-правовая и организационно-методическая база, регулирующая организацию и реализацию данного направления работы; различные формы, направления и методы коррекционно-воспитательного воздействия на личность и группы осужденных, а также неотъемлемой частью данной деятельности остается профессиональная подготовка и повышение квалификации персонала по вопросам воспитания;

Воспитательная работа, как одно из основных средств исправления, имеет сложную структуру, и осуществляется в процессе применения всех основных исправительных средств (например, в процессе получения образования, общественно полезного труда, профессиональной подготовки и т.д.), а также содержит в себе элементы средств исправления (например, контроля, развития, получения навыков и т.д.). Следовательно, основные ее составляющие содержатся в иных средствах исправления, а также могут быть

условно разделены на отдельные направления, формы, средства, методы и т.д. имеющие свои связи и компоненты.

Основными составляющими воспитательной работы с осужденными остаются: нормативно-правовая и организационно-методическая база, регулирующая организацию и реализацию данного направления работы; различные формы, направления средства и методы коррекционно-воспитательного воздействия на личность и группы осужденных, реализуемые в пенитенциарных учреждениях, а также профессиональная подготовка и повышение квалификации персонала по вопросам воспитания.

Нормативную правовую и организационно-методическую базу составляют труды ученых по юриспруденции, педагогике, психологии, социологии, криминологии, медицине и иным направлениям как в области законотворчества, так и в области реализации воспитательного воздействия на личность [1, 2, 4, 6].

Формами коррекционно-воспитательного воздействия определены индивидуальная, групповая (целенаправленное воздействие на отдельные группы, например, группы профилактического учета, группы подготовки к освобождению, пенитенциарной пробации и т.д.), и коллективная (обще колонистские мероприятия, отрядные мероприятия и т.д.) [3].

На основе анализа исследований проблем осуществления воспитательной работы в учреждениях УИС установлено, что можно выделить четыре самых общих направлений взаимодействия в процессе воспитания: традиционное (собрания, праздники, спортивные мероприятия, концерты и т.д.); образовательно-общественное (лекции, акции, флеш-мобы, конкурсы, добровольческие акции и т.д.); интерактивное (средства наглядной агитации, интерактивные методы воздействия, диагностика, мониторинг изменений, анкетирование и т.д.).

Выводы, заключение.

Проведенное исследование показывает, что системность воспитательной работы с осужденным подразумевает участие в данной работе всего персонала пенитенциарного учреждения не только как, например, членов воспитателей отряда, или какой-либо постоянно действующей (дисциплинарной, профучета и т.д.) или временной комиссии но и организацию постоянного контроля за поведением и состоянием осужденных воспитывающей атмосферы в пенитенциарном учреждении, поддержании удовлетворительной социально-психологической обстановки в среде осужденных, профилактики и предотвращению конфликтных ситуаций.

Кроме этого необходима согласованность воздействий сотрудников, а также их включенность в каждое воспитательное мероприятие многообразных по воспитательному характеру и направленности форм и методик воздействия – например, спортивный праздник может быть посвящен знаменательному событию, культурно-массовое мероприятие направлено на патриотическое, нравственное и др. формы воспитательного воздействия.

Как установлено нашим исследованием, воспитательная работа, как одно из основных средств исправления, имеет сложную структуру, и осуществляется в процессе применения всех основных исправительных средств, а также содержит в себе элементы средств исправления, следовательно, основные ее составляющие содержатся в иных средствах исправления, а также могут быть условно разделены на отдельные направления, формы, средства, методы и т.д. имеющие свои связи и компоненты.

Основными составляющими воспитательной работы с осужденными остаются: нормативно-правовая и организационно-методическая база; различные формы, направления средства и методы коррекционно-воспитательного воздействия на личность и группы осужденных, а также профессиональная подготовка и повышение квалификации персонала по вопросам воспитания и исправления.

Таким образом, улучшение деятельности по исправительному воздействию на лиц, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы невозможно без осуществления комплекса мер, в основе которых должны стоять принципы воспитательного воздействия на личность, а также постоянного совершенствования стиля и методов деятельности сотрудников, обучения и подготовки персонала.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022) Статья 110. Основные формы и методы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 15.04.2025).

[2] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 21 июня 2005 г. № 91 «Об утверждении Инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123461/ (дата обращения: 15.04.2025).

[3] Кириллова Т.В. Принцип приоритета цели исправления в организации исправительного воздействия на осужденных // Перспективы науки. – 2021. – № 2 (137). – С. 20-22.

[4] Савинова Е.А. Воспитательная работа как средство исправления осужденных // Правовые, организационные и психологические направления государственной политики в правоохранительной сфере. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – 2018. – С. 183-187.

[5] Давыдова Н.В. Значение религиозно-нравственного воспитания как противодействия криминальной и экстремистской оппозиции в местах лишения свободы // Право и образование. – 2019. – № 2. – С. 111-116.

[6] Виноградов В.В. Педагогические основы ресоциализации осужденных в пенитенциарной социальной работе. Москва: Центр современных образовательных технологий, 2011. 234 с.

[7] Майстренко Г.А. Воспитательный процесс с осужденными в уголовно-исполнительной системе с учетом общественного фактора // Право и управление. 2023. – № 12. – С. 277-280.

Spisok literatury:

[1] Uголовно-исполнител'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 11.06.2022) Stat'ya 110. Osnovnye formy i metody vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi k lisheniyu svobody http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (data obrashcheniya: 15.04.2025).

[2] Prikaz Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii ot 21 iyunya 2005 g. № 91 «Ob utverzhdenii Instrukcii ob organizacii vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v vospitatel'nyh koloniyah Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123461/ (data obrashcheniya: 15.04.2025).

[3] Kirillova T.V. Princip prioriteta celi ispravleniya v organizacii ispravitel'nogo vozdejstviya na osuzhdennyh // Perspektivy nauki. – 2021. – № 2 (137). – S. 20-22.

[4] Savinova E.A. Vospitatel'naya rabota kak sredstvo ispravleniya osuzhdennyh // Pravovye, organizacionnye i psihologicheskie napravleniya gosudarstvennoj politiki v pravoohranitel'noj sfere. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – 2018. – S. 183-187.

[5] Davydova N.V. Znachenie religiozno-nravstvennogo vospitaniya kak protivodejstviya kriminal'noj i ekstremistskoj oppozicii v mestah lisheniya svobody // Pravo i obrazovanie. – 2019. – № 2. – S. 111-116.

[6] Vinogradov V.V. Pedagogicheskie osnovy resocializacii osuzhdennyh v penitenciarnej social'noj rabote. Moskva: Centr sovremennyh obrazovatel'nyh tekhnologij, 2011. 234 s.

[7] Majstrenko G.A. Vospitatel'nyj process s osuzhdennymi v ugovorno-ispolnitel'noj sisteme s uchetom obshchestvennogo faktora // Pravo i upravlenie. 2023. – № 12. – S. 277-280.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-596-599

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

РОЛЬ СЕМЬИ В ПРОЦЕССЕ РЕАБИЛИТАЦИИ НАРКОЗАВИСИМЫХ ОСУЖДЕННЫХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СЕМЕЙНОЙ ТЕРАПИИ

Аннотация. В статье исследуется влияние семьи на реабилитацию наркозависимых осужденных с акцентом на управление конфликтами и восстановление социальных связей. Рассматриваются теоретические подходы к семейной терапии, адаптированные к условиям ограниченного взаимодействия в исправительных учреждениях. Особое внимание уделено возможностям и трудностям внедрения видеосессий в реабилитационные программы. Подчеркивается важность семьи как основного элемента успешной реинтеграции в общество, а также предлагаются практические рекомендации по включению семейной терапии в систему уголовного правосудия.

Ключевые слова: наркозависимость; реабилитация осужденных; семейная терапия; реинтеграция в общество; пенитенциарная система.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

THE ROLE OF THE FAMILY IN THE REHABILITATION PROCESS OF DRUG ADDICTED CONVICTS: THEORETICAL ANALYSIS AND PROSPECTS FOR THE USE OF FAMILY THERAPY

Annotation. The article examines the influence of the family on the rehabilitation of drug-addicted convicts with an emphasis on conflict management and the restoration of social ties. Theoretical approaches to family therapy adapted to the conditions of limited interaction in correctional institutions are considered. Particular attention is paid to the possibilities and difficulties of introducing video sessions into rehabilitation programs. The importance of the family as a key element of successful reintegration into society is emphasized, and practical recommendations for the inclusion of family therapy in the criminal justice system are offered.

Key words: drug addiction; rehabilitation of convicts; family therapy; reintegration into society; penitentiary system.

Введение. Проблема наркозависимости среди лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, представляет собой одну из наиболее значимых и сложных задач современной системы уголовного правосудия [1]. Наркозависимость не только отражает кризис общественного здоровья, но и выступает фактором, существенно осложняющим процесс реинтеграции осужденных в общество после освобождения. В

этом контексте семья рассматривается как ключевой элемент, способный оказывать влияние на успешность реабилитации, обеспечивая эмоциональную и инструментальную поддержку, а также способствуя восстановлению социальных связей [2]. Настоящая статья посвящена анализу роли семьи в процессе реабилитации наркозависимых осужденных, с особым вниманием к теоретическим основам семейной терапии, методам ее при-

менения в условиях ограниченного контакта и перспективам интеграции подобных подходов в программы восстановления.

Теоретические основы роли семьи в реабилитации. Теоретический фундамент исследования роли семьи в реабилитации наркозависимых опирается на ряд концепций, среди которых особое место занимают системная теория и теория привязанности. Системная теория рассматривает семью как динамическую систему, где изменения в одной из ее частей неизбежно влияют на функционирование целого. В контексте реабилитации это означает, что улучшение внутрисемейных отношений и устранение дисфункциональных паттернов взаимодействия могут способствовать позитивным изменениям в поведении и эмоциональном состоянии осужденного. Теория привязанности, в свою очередь, подчеркивает значение эмоциональной безопасности и стабильных межличностных связей для психологического благополучия индивида. Для наркозависимых осужденных, часто испытывающих изоляцию и утрату социальных контактов, восстановление безопасных привязанностей через семейную поддержку может стать важным фактором успешной реабилитации.

Эмпирические данные подтверждают значимость семьи в этом процессе. Исследования демонстрируют, что наличие семейной поддержки коррелирует со снижением уровня рецидивизма и улучшением показателей реинтеграции. Например, работа М. Comfort указывает на то, что эмоциональная и практическая поддержка со стороны семьи существенно уменьшает вероятность повторного ареста после освобождения [3]. Аналогичные выводы делает Т. Mowen, подчеркивая, что семейная сплоченность и улучшение навыков коммуникации в семье положительно сказываются на долгосрочных результатах реабилитации [4]. Таким образом, семья выступает не просто как внешний ресурс, но как активный участник процесса восстановления, влияющий на мотивацию осужденного к изменению образа жизни и отказу от употребления психоактивных веществ.

Функции семьи и вызовы в процессе реабилитации. Семья выполняет несколько ключевых функций в процессе реабилитации наркозависимых осужденных [5]. Эмоциональная поддержка, обеспечиваемая близкими, помогает снизить чувство изоляции и депрессии, которые нередко сопровождают пребывание в местах лишения свободы. Инструментальная поддержка, включающая помощь в решении практических вопросов, таких как поиск жилья, обеспечение транспортом или содействие в трудоустройстве, также играет существенную роль в облегчении перехода к жизни на свободе. Однако реализация этих функ-

ций часто осложняется наличием внутрисемейных конфликтов, которые могут быть обусловлены прошлым поведением наркозависимого, включая утрату доверия, финансовые потери или эмоциональные травмы, нанесенные членам семьи.

Конфликты в семье, возникающие на фоне наркозависимости, представляют собой серьезное препятствие на пути к успешной реабилитации. Они могут проявляться в форме недоверия, разногласий по вопросам воспитания детей или финансовых споров, что усиливает стресс и снижает эффективность поддержки. В этом контексте семейная терапия выступает как инструмент, позволяющий структурированно подойти к разрешению подобных конфликтов. Через развитие навыков коммуникации, укрепление эмпатии и восстановление доверия семейная терапия способствует созданию поддерживающей среды, необходимой для устойчивого восстановления осужденного. Такой подход позволяет не только устранить существующие проблемы, но и заложить основу для предотвращения рецидивов в будущем.

Семейная терапия в условиях ограниченного контакта. Особенностью исправительных учреждений является ограничение физического контакта между осужденными и их семьями, что обусловлено как мерами безопасности, так и географической удаленностью. Эти ограничения создают значительные трудности для проведения традиционных форм семейной терапии, требующих непосредственного взаимодействия участников. Однако развитие цифровых технологий, включая видеосессии, открывает новые возможности для преодоления подобных барьеров. Исследования А. Batasini и R. Morgan подтверждают, что видеосессии могут быть эффективно использованы для предоставления терапевтических услуг в условиях ограниченного доступа, сохраняя при этом качество вмешательств [6; 7].

Среди подходов, адаптированных для применения в условиях исправительных учреждений, можно выделить несколько ключевых моделей семейной терапии. Системная семейная терапия фокусируется на анализе и изменении дисфункциональных взаимодействий внутри семьи, используя такие техники, как построение генограмм или задавание круговых вопросов. Поведенческая семейная терапия направлена на коррекцию конкретных поведенческих паттернов через подкрепление и моделирование, что делает ее особенно подходящей для работы с четко определенными целями. Нарративная терапия предлагает семьям переосмыслить их опыт, создавая новые истории, способствующие эмоциональному исцелению, в то время как краткосрочная терапия, ориентированная на решения, акценти-

рует внимание на поиске практических решений и выявлении позитивных исключений из проблемной ситуации. Эти методы, несмотря на различия в подходах, объединены общей целью – укреплением семейных связей и созданием условий для успешной реабилитации.

Применение видеосессий требует от специалистов не только владения специфическими техниками, но и способности адаптироваться к техническим и организационным особенностям работы в условиях ограниченного контакта. Обеспечение доступа к технологиям для всех участников процесса, создание комфортной атмосферы для участия и учет временных ограничений становятся важными аспектами успешной реализации таких программ. Исправительные учреждения, в свою очередь, могут способствовать этому процессу, предоставляя необходимое оборудование и координируя проведение сессий в рамках установленного режима.

Перспективы и вызовы интеграции семейной терапии в программы реабилитации. Интеграция семейной терапии в программы реабилитации наркозависимых осужденных сталкивается с рядом вызовов, которые требуют системного подхода к их преодолению. Среди них можно выделить недостаток финансирования, необходимость подготовки квалифицированного персонала, обеспечение конфиденциальности сессий и согласование терапевтических мероприятий с существующими правилами учреждений. Успешная реализация таких программ предполагает проведение предварительной оценки потребностей осужденных и их семей, выделение ресурсов для закупки оборудования и обучения специалистов, а также разработку протоколов, регулирующих проведение видеосессий. Особое внимание следует уделить вопросам конфиденциальности, что требует организации приватных условий для проведения терапии и защиты персональных данных участников.

Потенциальные препятствия, такие как сопротивление со стороны осужденных или их семей, технические сбои или отсутствие поддержки со стороны администрации, могут быть преодолены через проведение информационных кампаний о преимуществах семейной терапии и введение стимулов для участия, таких как улучшение условий содержания или дополнительные привилегии. Регулярная оценка эффективности программ, основанная на обратной связи участников и анализе показателей рецидивизма, позволит корректировать подходы и повышать их результативность.

Примером успешного применения семейной терапии может служить случай осужденного с историей наркозависимости, чьи отношения с

семьей осложнены прошлыми конфликтами. Через видеосессии участники работают над восстановлением коммуникации, разрешением накопившихся обид и разработкой плана поддержки после освобождения. Такой подход не только укрепляет мотивацию осужденного к трезвости, но и повышает готовность семьи к его реинтеграции, создавая прочную основу для долгосрочного восстановления.

Заключение. Роль семьи в процессе реабилитации наркозависимых осужденных трудно переоценить. Через управление конфликтами, восстановление социальных связей и предоставление эмоциональной и инструментальной поддержки семья становится неотъемлемой частью успешного восстановления. В условиях ограниченного контакта, характерного для исправительных учреждений, видеосессии открывают новые горизонты для реализации семейной терапии, позволяя преодолевать физические и организационные барьеры. Интеграция подобных подходов в программы реабилитации требует совместных усилий со стороны администрации учреждений, специалистов и общества в целом, однако потенциальные выгоды – снижение уровня рецидивизма, улучшение общественной безопасности и поддержка индивидуального восстановления – оправдывают такие инвестиции. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на изучение долгосрочных эффектов семейной терапии и разработку адаптированных моделей, учитывающих специфику различных групп осужденных.

Список литературы:

- [1] NIDA. Criminal Justice DrugFacts. — 2020. — URL: <https://nida.nih.gov/publications/drugfacts/criminal-justice> (дата обращения: 11.04.2025).
- [2] Искандаров Р.Р. Зависимость от психоактивных веществ в структуре дисфункциональных и психопатологических личностных характеристик осужденных (на примере «темной триады личности») // Наркология. — 2025. — Т. 24, № 1. — С. 36–40. — DOI 10.25557/1682-8313.2025.01.36-40. — EDN DXOLIV.
- [3] Comfort M. Doing Time Together: Love and Family in the Shadow of the Prison. — University of Chicago Press, 2009. — doi:10.7208/chicago/9780226114682.001.0001.
- [4] Mowen T.J., Stansfield R., Boman J.H. Family Matters: Moving Beyond “If” Family Support Matters to “Why” Family Support Matters during Reentry from Prison // Journal of Research in Crime and Delinquency. — 2019. — Vol. 56, № 4. — P. 483–523. — doi:10.1177/0022427818820902.
- [5] Roberts A., Onwumere J., Forrester A. [и др.] Family intervention in a prison environment: A

systematic literature review // *Criminal Behaviour and Mental Health*. — 2017. — Vol. 27, № 4. — P. 326–340. — doi:10.1002/cbm.2001.

[6] Batastini A.B., King C.M., Morgan R.D., McDaniel B. Telepsychological services with criminal justice and substance abuse clients: A systematic review and meta-analysis // *Psychological Services*. — 2016. — Vol. 13, № 1. — P. 20–30. — doi:10.1037/ser0000042.

[7] Morgan R.D., Patrick A.R., Magaletta P.R. Does the use of telemental health alter the treatment experience? Inmates' perceptions of telemental health versus face-to-face treatment modalities // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. — 2008. — Vol. 76, № 1. — P. 158–162. — doi:10.1037/0022-006X.76.1.158.

Spisok literaturey:

[1] NIDA. Criminal Justice DrugFacts. — 2020. — URL: <https://nida.nih.gov/publications/drugfacts/criminal-justice> (data obrashcheniya: 11.04.2025).

[2] Iskandarov R.R. Zavisimost' ot psihoaktivnykh veshchestv v strukture disfunktsional'nykh i psihopatologicheskikh lichnostnykh harakteristik osuzhdennykh (na primere «temnoy triady lichnosti») // *Narkologiya*. — 2025. — T. 24, № 1. — S. 36–40. — DOI 10.25557/1682-8313.2025.01.36-40. — EDN DXOLIV.

[3] Comfort M. Doing Time Together: Love and Family in the Shadow of the Prison. — University of Chicago Press, 2009. — doi:10.7208/chicago/9780226114682.001.0001.

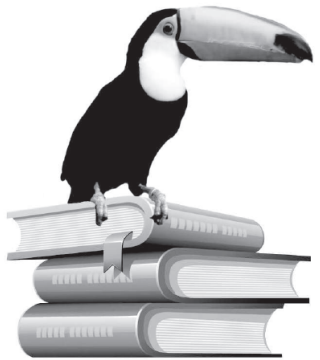
[4] Mowen T.J., Stansfield R., Boman J.H. Family Matters: Moving Beyond "If" Family Support Matters to "Why" Family Support Matters during Reentry from Prison // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. — 2019. — Vol. 56, № 4. — P. 483–523. — doi:10.1177/0022427818820902.

[5] Roberts A., Onwumere J., Forrester A. [i dr.] Family intervention in a prison environment: A systematic literature review // *Criminal Behaviour and Mental Health*. — 2017. — Vol. 27, № 4. — P. 326–340. — doi:10.1002/cbm.2001.

[6] Batastini A.B., King C.M., Morgan R.D., McDaniel B. Telepsychological services with criminal justice and substance abuse clients: A systematic review and meta-analysis // *Psychological Services*. — 2016. — Vol. 13, № 1. — P. 20–30. — doi:10.1037/ser0000042.

[7] Morgan R.D., Patrick A.R., Magaletta P.R. Does the use of telemental health alter the treatment experience? Inmates' perceptions of telemental health versus face-to-face treatment modalities // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. — 2008. — Vol. 76, № 1. — P. 158–162. — doi:10.1037/0022-006X.76.1.158.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-600-603

МАХНЕВА Полина Андреевна,
магистрант, кафедра уголовного права
и уголовного процесса Института философии и права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
e-mail: polinamakhneva15@gmail.com

ПОПОВА Дарья Константиновна,
магистрант, кафедра гражданского права
Института философии и права, Новосибирский
национальный исследовательский государственный университет,
e-mail: dasha-popova-2012@bk.ru

ПРЕСТУПНЫЕ ГРУППЫ В ОСНОВАНИЯХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО НОРМАМ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу порядка регламентации преступных групп, вводимых ст. 35 УК РФ, в структуре статей Особенной части УК РФ. Авторами раскрываются основные способы закрепления форм соучастия в основаниях уголовной ответственности: установление ответственности за совершение преступления преступной группой в основном составе, установление ответственности за совершение преступления преступной группой в квалифицированном составе и ответственность за создание указанных групп. Исследуются особенности упоминания форм в основных и квалифицированных составах преступлений, проблемы закрепления в статьях Особенной части отдельных форм соучастия, нарушения логики их расположения, отсутствие некоторых форм в качестве квалифицирующих признаков в Особенной части. Отдельно рассматривается проблема упоминания в Особенной части непоименованных в рамках Общей части УК РФ преступных групп, раскрывается научная дискуссия, касающаяся их природы, проводится анализ позиций авторов, поддерживающих подход, согласно которому данные группы не являются формами соучастия, и позиция противников такой точки зрения, заявляющих, что указанные преступные группы – разновидности организованной группы. Отмечаются не только логические нарушения, но и проблемы трактования терминологии, один из ключевых примеров – употребление термина «сообщество». В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о необходимости обеспечения единого правила расположения форм соучастия в Особенной части УК РФ, при этом закрепление прямо не указанных в Общей части преступных групп – не исключение из такого правила, а, напротив, его составная часть.

Ключевые слова: формы соучастия, группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, преступное сообщество

MAKHNEVA Polina Andreevna,
Master's Student, Department of Criminal Law
and Criminal Procedure, Institute of Philosophy and Law,
Novosibirsk National Research State University

POPOVA Darya Konstantinovna,
Master's Student, Department of Civil Law,
Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk
National Research State University

CRIMINAL GROUPS IN THE GROUNDS OF RESPONSIBILITY ACCORDING TO THE NORMS OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article is devoted to the analysis of the regulation of criminal groups imposed by Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation in the structure of articles of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors reveal the main ways to consolidate the forms of complicity in the grounds of criminal responsibility: the establishment of responsibility for the commission of a crime by a criminal group in the main composition, the establishment of responsibility for the commission of a crime by a criminal group in a qualified composition and responsibility for the creation of these groups. The article examines the peculiarities of mentioning forms in the main and qualified elements of crimes, the problems of fixing in articles the Special part of certain forms of complicity, violations of the logic of their arrangement, the absence of certain forms as qualifying features in the Special part. The problem of mentioning criminal groups that are not named in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation is considered separately, a scientific discussion concerning their nature is revealed, the article analyzes the positions of the authors who support the approach that these groups are not forms of complicity, and the position of opponents of this point of view, who claim that these criminal groups are varieties of an organized group. There are not only logical violations, but also problems of interpretation of terminology, one of the key examples is the use of the term "community". As a result of the conducted research, the authors come to the conclusion that it is necessary to ensure a single rule for the arrangement of forms of complicity in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, while fixing criminal groups that are not explicitly mentioned in the General Part is not an exception to this rule, but, on the contrary, its component part.*

Key words: *forms of complicity, group of persons, group of persons by prior agreement, criminal association.*

Особенная часть УК РФ опирается на категории, введенные Общей частью – это правило распространяется на все уголовно-правовые институты, в том числе и на институт соучастия.

Можно выделить три способа закрепления форм соучастия в Особенной части УК РФ:

- 1) установление ответственности за совершение деяний преступными группами, предусмотренной в основных составах преступлений;
- 2) установление ответственности за совершение деяний преступными группами, предусмотренной в квалифицированных составах преступлений;
- 3) установление ответственности за создание преступных групп и участие в них.

Первый случай – редкое явление в уголовном законе. Так, Е.В. Благов отмечает, что подобная реализация форм соучастия предусмотрена лишь в ч. 2 ст. 142 и п. «а» ч. 2 ст. 260 Особенной части УК РФ. Если статья 142 содержит два основных состава преступления, предусмотренных частями 1 и 2, в связи с тем, что речь в них идет о разных деяниях («фальсификация избирательных документов <...>» и «подделка подписей избирателей <...>»), то статья 260 – поскольку в части 2 отсутствует признак значительного размера [1, с. 236]. Стоит отметить ещё один аргумент в пользу признания основным составом ч. 2 ст. 142 УК РФ – в ч. 1 речь идет о специальном субъекте, так или иначе связанном с выборами или проведением референдума.

Такое исключение из общих правил расположения форм соучастия в Особенной части

справедливо считается излишним, подлежащим приведению к единому порядку и выделению в качестве квалифицирующего признака [2, с. 22].

Второй способ, будучи наиболее распространенным, порождает ряд теоретических дискуссий и правоприменительных проблем; одна из них – отсутствие преступной организации в качестве квалифицирующего признака в статьях Особенной части.

Во-первых, исследователями отмечается непоследовательность законодателя при выделении одной формы соучастия в рамках квалифицированного состава преступления. Так, в литературе соглашались лишь с одним случаем указания в статье единственной формы соучастия – группы лиц – при характеристике вандализма (хотя он может быть совершен, например, и группой лиц по предварительному сговору) [1, с. 238], в то время, как группа лиц представлена в качестве единственного квалифицирующего признака ещё в п. «б» ч. 2 ст. 200.1 и п. «а» ч. 2 ст. 283.1 УК РФ. Скептически относятся и к указанию в квалифицированном составе только на организованную группу в связи с подобным использованием её в ряде статей, предусматривающих ответственность за совершение особо тяжких преступлений (где общественную опасность повышает, пожалуй, любое преступное формирование), и близостью с группой лиц по предварительному сговору, что не учитывается законодателем, безосновательно умаляющим её опасность [1, с. 238].

Во-вторых, в некоторых случаях уголовным законом необоснованно «игнорируется» возможность совершения преступления группой лиц. Р.Р.

Галиакбаров соглашается с необходимостью включения признака группы лиц в составы насильственного грабежа, разбоя, вымогательства, отмечая, что законодатель учел эту форму соучастия в иных насильственных преступлениях [3, с. 289].

В-третьих, наблюдаются нарушения логики расположения форм соучастия в качестве квалифицирующих признаков в статьях Особенной части. По общему правилу, законодатель располагает три формы соучастия в пределах одной части или одного пункта квалифицированного состава, в связи с этим к «отступлениям» от выявленной закономерности можно отнести:

- перестановку мест при перечислении форм соучастия (например, ч. 3 и 5 ст. 191 УК РФ);
- выделение организованной группы в качестве самостоятельного квалифицирующего признака (например, п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ).

Несмотря на существование в научных кругах критики общей тенденции, позволим себе согласиться с авторами, считающими такое расположение приемлемым благодаря широким пределам санкций [4, с. 269]. Хотя первое отклонение от правила и «безобидно», Е.В. Благов справедливо отмечает, что подобное перечисление «выпадает из контекста закона» [1, с. 242].

Третий способ закрепления форм соучастия в рамках Особенной части – ещё один повод для научных дискуссий. Дело в том, что Особенная часть УК РФ содержит ряд статей, предусматривающих не указанные в статье 35 УК РФ формирования, а именно: ст. 208 (незаконное вооруженное формирование), ст. 209 (банда), ст. 205.4 (террористическое сообщество), ст. 205.5 (террористическая организация), ст. 239 (объединение, посягающее на личность и права граждан), ст. 282.1 (экстремистское сообщество), ст. 282.2 (экстремистская организация) УК РФ. И.С. Копнин относит их к преступным группам, не являющимся формами соучастия [5, с. 15]. А.Н. Петрушенков же отмечает, что категории, установленные Особенной частью и затрагивающие основополагающие институты Общей части, не могут противоречить последним [6, с. 130], а поскольку статьей 35 УК РФ предусмотрен закрытый перечень форм соучастия, «особые» преступные группы следует относить к одной из четырех основных форм. О природе данных групп сложились разные мнения. Интерес вызывает террористическое сообщество, трактуемое Пленумом Верховного Суда в качестве организованной группы [7], в то время как в Общей части «сообщество» употребляется применительно к иной форме – преступному сообществу (преступной организации), в связи с чем не соглашается с позицией Верховного Суда С.В. Нестеров [8, с.19]. О том, что незаконное воору-

женное формирование усматривается не только в организованных группах, пишет А.В. Кисин. Буквальное толкование ч.6 ст. 35 УК РФ всё же позволяет прийти к выводу о том, что все формирования, поименованные в Особенной части, являются организованными группами.

Таким образом, единое расположение форм соучастия в рамках одной части или одного пункта статьи Особенной части УК РФ, в целях повышения эффективности применения уголовно-правовых норм за счет достижения их единообразного толкования, должно пронизывать весь кодекс. Любая из крайностей – безальтернативное указание на «группу лиц» или необоснованное пренебрежение ею в качестве квалифицирующего признака – приводит к практическим проблемам, в частности, к «смягчению» ответственности. В качестве особоквалифицирующего признака, полагаем, следует выделить совершение деяния преступной организацией.

Упоминание специфических преступных групп при этом не является отклонением от общего правила, поскольку такие группы являются разновидностями организованной группы, названной в ч.3 ст. 35 УК РФ, и рассматриваются не в качестве квалифицирующих признаков, а в контексте установления ответственности за их создание или участие в таких формированиях.

Список литературы:

- [1] Благов Е.В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 320 с.
- [2] Копнин И.С. Ответственность участников преступной группы: автореф. дис. ... канд.юрид. наук. Рязань, 2010. 24 с.
- [3] Энциклопедия уголовного права: Соучастие в преступлении. Т.6. / Аветисян С.С., Галактионов Е.А., Галиакбаров Р.Р., Ермакова Л.Д., и др. СПб.: Издание профессора Малинина, 2007. 567 с.
- [4] Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении: монография. М.: Статут, 2013. 408 с.
- [5] Копнин И.С. Ответственность участников преступной группы: автореф. дис. ... канд.юрид. наук. Рязань, 2010. 24 с.
- [6] Петрушенков А.Н. Парадоксы применения форм (видов) соучастия в преступлении в статьях Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. №3 (31). С. 129-139.
- [7] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

09.02.2012 N 1 (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. №4.

[8] Нестеров С.В. Формы соучастия в преступлениях против общественной безопасности: автореф. дис. ... канд.юрид.наук. М., 2016. 24 с.

Spisok literatury:

[1] Blagov E.V. Souchastie v prestuplenii i ugodovnaia otvetstvennost': monogra-fiia. M.: Iurlitin-form, 2021. 320 s.

[2] Kopnin I.S. Otvetstvennost' uchastnikov prestupnoi gruppy: avtoref. dis. ... kand.iurid.nauk. Riazan', 2010. 24 s.

[3] Entsiklopediia ugodovnogo prava: Souchastie v prestuplenii. T.6. / Avetisian S.S., Galaktionov E.A., Galiakbarov R.R., Ermakova L.D., i dr. SPB.: Izdanie professora Malinina, 2007. 567 s.

[4] Arutiunov A.A. Souchastie v prestuplenii: monografii. M.: Statut, 2013. 408 s.

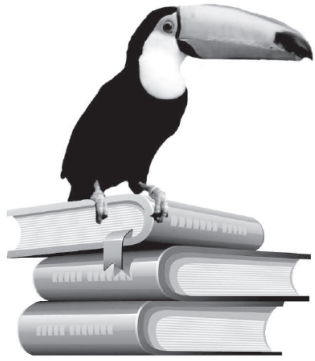
[5] Kopnin I.S. Otvetstvennost' uchastnikov prestupnoi gruppy: avtoref. dis. ... kand.iurid.nauk. Riazan', 2010. 24 s.

[6] Petrushenkov A.N. Paradoкsy primeneniia form (vidov) souchastiia v prestuplenii v stat'iakh Osobennoi chasti ugodovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii // Iuridi-cheskaia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. 2015. №3 (31). S. 129-139.

[7] O nekotorykh voprosakh sudebnoi praktiki po ugodovnym delam o prestupleniiakh terroristicheskoi napravlenosti: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossii-skoii Federatsii ot 09.02.2012 N 1 (red. ot 03.11.2016) // Biulleten' Verkhovnogo Suda Ros-siiskoi Federatsii. 2012. №4.

[8] Nesterov S.V. Formy souchastiia v prestupleniiakh protiv obshchestvennoi bez-opasnosti: avtoref. dis. ... kand.iurid.nauk. M., 2016. 24 s.

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-604-608

АХМАДУЛЛИН Азат Саяфович,
кандидат юридических наук, следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Донецкой Народной Республике, старший инспектор,
e-mail: ahelza@yandex.ru

УГОЛОВНАЯ СТАТИСТИКА, КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ

Аннотация. В данной публикации продолжена тема взаимосвязи уголовной статистики и уголовного процесса, влияния уголовной статистики на процессуальную деятельность. Предложено, как посредством мониторинга и анализа данных, содержащихся в документах первичного учета (статистических карточках, составляемых по уголовным делам и преступлениям), выявлять нарушения, допущенные в ходе уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: уголовная статистика, учет преступлений, документы первичного учета, уголовный процесс.

AKHMADULLIN Azat Sayafovich,
PhD in Law, Investigative Department
The Investigative Committee of the Russian Federation
for the Donetsk People's Republic, Senior Inspector

CRIMINAL STATISTICS AS A TOOL FOR DETECTING PROCEDURAL VIOLATIONS

Annotation. This publication continues the topic of the relationship between criminal statistics and the criminal process, the impact of criminal statistics on procedural activity. It is proposed how to identify violations committed in the course of criminal procedural activities through monitoring and analysis of data contained in primary accounting documents (statistical cards compiled on criminal cases and crimes).

Key words: criminal statistics, accounting of crimes, primary accounting documents, criminal procedure.

Статистика представляет собой инструмент, способный вывести ту или иную деятельность на качественно новый уровень. Повысить полноту такой деятельности, ее достоверность [1].

О взаимосвязи уголовной статистики и уголовного процесса, влиянии уголовной статистики на процессуальную деятельность автором ранее уже писалось неоднократно [2].

В данной публикации предложено, как посредством мониторинга и анализа данных, содержащихся в документах первичного учета (статистических карточках, составляемых по уголовным делам и преступлениям), выявлять нарушения, допущенные в ходе уголовно-процессуальной деятельности.

Напомним, что в соответствии с п. 2.7 Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, утвержденного прика-

зом Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29.12.2005 №39/1070/1021/253/780/353/399 учётными документами являются: журналы учета, статистические карточки, талоны-уведомления о передаче уголовного дела по подследственности, иные материальные носители, отражающие количественное значение сведений об объектах учета.

Согласно данному приказу объектами учёта являются: преступление (отражается в статистических карточках форм №№ 1 и 1.1); лицо, совершившее преступление (сведения о нем отражаются в статистической карточке формы № 2); уголовное дело и принятые по нему решения (статистическая карточка формы № 3); материальный ущерб, причинённый преступлениями, и обеспечение его возмещения (статистическая карточка формы №4); потерпевший (информация о нем

подлежит отражению в статистической карточке формы № 5); судебное решение по уголовному делу (статистическая карточка формы № 6).

В соответствии с п. 4.1 указанного Положения орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор обязаны фиксировать в учетных документах сведения об объектах учета.

На данный момент сбором, анализом и систематизацией сведений об объектах учета занимаются информационные центры органов внутренних дел по субъектам Российской Федерации и Главный информационно-аналитический центр МВД России.

Так, сведения, полученные из информационного центра органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, об отсутствии заполнения реквизита 25 «Решение по преступлению» статистической карточки формы № 1.1 «О результатах расследования преступления» по уголовным делам, сроки расследования которых истекли, могут свидетельствовать об отсутствии в установленный срок принятых процессуальных решений по уголовным делам и нарушении ст. 162 УПК РФ.

Потребуется безусловной проверки на предмет нарушения требований ст. 6.1 УПК РФ при производстве расследования, а также на предмет законности самого решения о прекращении уголовного дела за истечением срока давности (код 02 в реквизите 25 статистической карточки формы № 1.1), производство по которому ранее приостанавливалось на основании п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (код 23 в реквизите 25 статистической карточки формы № 1.1 и код 2 в реквизите 12 статистической карточке о движении уголовного дела формы № 3).

Ориентиром для проверки выполнения органами расследования требования ч. 6.3 ст. 162 УПК РФ о незамедлительном принятии следователем к производству уголовного дела, поступившего с отменой постановления о приостановлении или прекращении расследования, или с постановлением о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования будет служить отсутствие в агрегированной базе данных информационного центра статистической карточки формы № 3 с заполненными соответствующими кодами реквизитами 17 (Возобновлено производство по ранее приостановленному или прекращенному уголовному делу) или 16 (Принято к производству после возвращения дела на дополнительное расследование) соответственно.

Сведения о направленных в суды уголовных делах в порядке ст. 446.2 УПК РФ (отражение кода 62 в реквизите 25 статистической карточки формы № 1.1) и отсутствии информации об их рассмотрении судом (не поступили из судов статистические

карточки о результатах рассмотрения уголовного дела судом формы № 6), могут свидетельствовать, как об отсутствии решений по уголовным делам, несмотря на истечение срока следствия, в порядке ст. 446.2 УПК РФ, так и о нарушениях судами их рассмотрения в установленный законом срок, поскольку он составляет всего 10 суток.

Основанием заполнения и направления для учета статистической карточки формы № 5 «О потерпевшем» является, в частности, постановление о признании потерпевшим, а также постановление о возбуждении уголовного дела по факту смерти лица, в случае, когда постановление о признании потерпевшим не выносилось. Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и появления сведения о лице, которому преступлением причинен вред. Выявления факта отсутствия в автоматизированной базе данных информационного центра преступлений, предусмотренных ст. ст. 158, 159, 119, 105, 111, 272, 318, 319, 325 УК РФ и прочим, по которым отсутствуют статистические карточки формы № 5 (о потерпевшем), могут свидетельствовать о непризнании лица потерпевшим в нарушение ст. 42 УПК РФ.

С целью выявления фактов занижения квалификации преступных деяний, предусмотренных ч. 1 ст.ст. 111, 112, 115, 213 УК РФ, т.е. нарушения ст.ст. 73, 171, 172 УК РФ, следует подвергнуть анализу изложенные в статистических карточках формы № 1 на выявленное преступление обстоятельства (краткие фабулы) совершения преступлений, содержащиеся в реквизите 12 (Описание (краткая фабула) преступления) на предмет использования (применения) оружия.

Распространены случаи занижения квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств по месту, способу совершения преступления, по весу наркотического средства. В связи с этим, по деяниям, отнесенным к ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, следует проверять в статистических карточках формы № 1 по реквизиту 12 такие обстоятельства, как совершение преступления в образовательной организации, помещениях, предназначенных для развлечения и досуга, следственном изоляторе или исправительном учреждении.

Следует оценивать размер изъятого наркотического средства в соответствии с постановлением Правительства РФ от 01.10.2012 №1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержа-

щих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». Отражение в реквизите 17 статистической карточки формы № 1 сведения о совершении преступления в крупном размере (код 1), в значительном размере (код 6) может свидетельствовать о занижении квалификации деяния, в случае его учета по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ (квалификация должна быть по ч. 3 или ч. 4 ст. 228.1 УК РФ).

Кроме того, по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, отражение в реквизите 26 статистических карточек формы № 1 кодов 048, 049, 056, 087 (способ совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий) может свидетельствовать о занижении квалификации и указывает на признаки состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ.

К примеру, при наличии неопровержимого факта сбыта неустановленным лицом наркотических средств гр-ну С. через мессенджер «Telegram» органом предварительного следствия отдела полиции № ... Управления МВД России по г. Уфе возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. Такие факты имели место в нескольких районах г. Уфы, Б-ом, Д-ом, У-ом районах Республики Башкортостан [3].

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч.ч. 1, 2 ст. 158 УК РФ, отражение кодов 00105, 00112 (Место совершения преступления- частный дом, садовый дом) в реквизите 19 (Место совершения преступления) статистической карточки формы № 1 или кода 014 (Совершено с проникновением) в реквизите 26 (Способ совершения преступления) статистической карточки формы № 1 могут свидетельствовать о фактах занижения квалификации и необходимости учета преступлений по ч. 3 ст. 158 УК РФ. В особенности это касается нераскрытых преступлений.

Руководители органов расследования не всегда обращают внимание на совершение хищений чужого имущества с незаконным проникновением в жилище, особенно в садовые дома, порой соглашаясь с заниженной квалификацией деяния.

Исходя из примечания к ст. 139 УК РФ, под жилищем понимаются индивидуальный жилой дом со входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания.

Следственным отделом Отдела МВД России по г. К. Республики Башкортостан возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, по факту хищения имущества гр-на Б. из садового домика. На момент возбуждения уголовного дела было известно, что садовый домик фактически возможно использовать для временного или постоянного проживания в теплое время года, так как в нем имеется вода, стол для приема пищи, определенная мебель, в том числе кровать, раскладушка и минимальные постельные принадлежности. Аналогичное нарушение допущено и в С-ом районе республики. [4].

Таким образом, действия неустановленных лиц охватывались признаками составов преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Отражение в реквизите 28 (Установленная сумма материального ущерба) статистических карточках формы № 1.1 сведений о причиненном преступлениями ущербе на сумму 30 тыс. рублей и более, по которым потерпевшими числятся физические лица (реквизит 31 статистической карточки формы № 1 «число юридических лиц, получивших ущерб» равен нулю), по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 160 УК РФ, может свидетельствовать о значительном ущербе для гражданина, что влечет квалификацию преступного деяния по ч. 2 соответствующей статьи.

Ущерб более 250 тыс. рублей, отраженный по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч.ч. 1, 2 ст. 158, ч.ч. 1, 2 ст. 159, ч.ч. 1, 2 ст. 160 УК РФ, в статистических карточках формы № 4 в реквизите 10, влечет квалификацию преступного деяния по ч. 3 соответствующей статьи.

Так, следователем одного из следственных отделов МВД по Республике Башкортостан возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, по факту хищения неустановленным лицом с вольного выпаса коров, причинив гражданину К. материальный ущерб на общую сумму 312500 руб. В соответствии с п. 4 примечания к ст. 158 УК РФ потерпевшему причинен крупный ущерб, и действия неустановленного лица подлежали квалификации по ч. 3 ст. 158 УК РФ [4].

Возможны ситуации, когда уголовное дело обоснованно возбуждено, например по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в процессе расследования установлено, что ущерб потерпевшему причинен в крупном размере, и само преступление осталось нераскрытым. В таком случае, при вынесении постановления о приостановлении следствия на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ должна быть

изменена квалификация содеянного, как в самом этом постановлении, так и в статистических карточках форм №№ 1.1 и 4. В противном случае, необходимо принять меры к отмене постановления о приостановлении расследования, даче обоснованной правовой оценки действиям неустановленного лица и внесению изменений в документы первичного учета.

Также сигналом к вероятному занижению квалификации, в особенности по нераскрытым преступлениям, являются случаи отражения ущерба более 1 млн. рублей по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч.ч. 1, 2, 3 ст. 158, ч.ч. 1, 2, 3 ст. 159, ч.ч. 1, 2, 3 ст. 160 УК РФ, в реквизите 10 статистических карточек формы № 4. Данный ущерб свидетельствует о необходимости квалификации преступного деяния по ч. 4 соответствующей статьи.

Принятие решений о приостановлении расследования на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях с заниженной квалификацией деяний, влечет за собой соответственно формирование в государственной статистической отчетности завышенных сведений о раскрываемости преступлений данных категорий.

Искусственно уменьшить число нераскрытых преступлений в отчетном периоде возможно и путем принятия решения о приостановлении в одном месяце (годе), а направлении статистической карточки формы № 1.1 на принятое решение в следующем.

О возможных нарушениях закона при принятии процессуальных решений о приостановлении или прекращении производств по уголовным делам могут свидетельствовать статистические сведения о принятых решениях по п.п. 3 или 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, п.п. 3 или 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (обоснованность принятого решения и, в необходимых случаях (в случае смерти предполагаемого виновного лица), наличие достаточной совокупности доказательств вины); регистрация множества эпизодов однородной преступной деятельности (не исключено искусственное дробление единых продолжаемых преступлений на самостоятельные отдельные составы преступлений, в особенности, по раскрытым преступлениям).

Если в статистических карточках формы № 1.1 или № 4 отражены сведения о причиненном ущербе на сумму не более 2500 руб. по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч.1 ст. 158, ч.1 ст. 159 УК РФ, возможно необоснованное возбуждение и расследование уголовных дел, поскольку данный ущерб исключает уголовную ответственность по названным составам и влечет административную ответственность.

Безусловно, необходимо, чтобы при отражении статистических характеристик преступности в документах первичного учета соблюдались требования надежности, объективности, своевременности и адекватности этих статистических показателей [4].

Поэтому в любом из приведенных случаев, следует сверить материалы уголовных дел со статистическими сведениями, отраженными в документах первичного учета. После чего принять меры к устранению нарушений уголовно-процессуального закона или внесению корректировок в статистические карточки. Это особенно важно, поскольку принятие незаконных процессуальных решений влечет за собой искажение государственной отчетности и может приобрести неустраняемый характер, так как их несвоевременная отмена не является основанием для корректировки статистических сведений за прошедший отчетный период [5].

Тем не менее, является очевидным, возможность использования статистических показателей в качестве инструмента для проверки соблюдения требований уголовно-процессуального закона.

Список литературы:

- [1] Селезнев С.Д. Статистика как инструмент совершенствования уголовного законодательства//Молодой учёный, № 45 (387), ноябрь 2021 г., с. 94.
- [2] Ахмадуллин А.С. О причинах искажения официального статистического учета преступлений//Правовое государство: теория и практики, №4(38), 2014; Ахмадуллин А.С. Уголовная статистика как непроцессуальный фактор, влияющий на реализацию уголовной политики// Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса. Сборник материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. ответственный редактор А.А. Тарасов. 2015.
- [3] Информационное письмо прокуратуры Республики Башкортостан «О нарушениях, связанных с квалификацией преступных деяний, отражением сумм причиненного материального ущерба» от 15.04.2024 №11-09-2024. С.2. Документ опубликован не был.
- [4] Вакуленко Н.А., Брюхнов А.А. Особенности отражения статистических характеристик преступности в уголовно-правовой статистике//Юристы-Правовед, 2019, № 1 (88). С. 79.
- [5] Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 04.04.2017 №11-07-2017/Ип3123 «О состоянии законности в сфере уголовно-правовой статистики». С.3. Документ опубликован не был.

Spisok literatury:

[1] Seleznev S.D. Statistika kak instrument sovershenstvovaniya ugovnogo zakonodatel'stva// Molodoj uchyonyj, № 45 (387), noyabr' 2021 g., s. 94.

[2] Ahmadullin A.S. O prichinah iskazheniya oficial'nogo statisticheskogo ucheta prestuplenij//Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktiki, №4(38), 2014; Ahmadullin A.S. Ugolovnaya statistika kak neprocesual'nyj faktor, vliyayushchij na realizaciyu ugovnoy politiki// Aktual'nye problemy vzaimosvyazi ugovnogo prava i processa. Sbornik materialov Vserossijskoj zaочноj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. otvetstvennyj redaktor A.A. Tarasov. 2015.

[3] Informacionnoe pis'mo prokuratury Respubliki Bashkortostan «O narusheniyah, svyazannyh s kvalifikaciej prestupnyh deyanij, otrazheniem summ prichinnogo material'nogo ushcherba» ot 15.04.2024 №11-09-2024. S.2. Dokument opublikovan ne byl.

[4] Vakulenko N.A., Bryuhnov A.A. Osobennosti otrazheniya statisticheskikh harakteristik prestupnosti v ugovno-pravovoj statistike//YUrist»-Pravoved», 2019, № 1 (88). S. 79.

[5] Informacionnoe pis'mo General'noj prokuratury RF ot 04.04.2017 №11-07-2017/lp3123 «O sostoyanii zakonnosti v sfere ugovno-pravovoj statistiki». S.3. Dokument opublikovan ne byl.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-609-612

ВОЛКОВА Анна Юрьевна,
Преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества
Псковский филиал Университета
ФСИН России,
e-mail: 3694710@mail.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ И УСТРАНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КАДРОВОГО СОСТАВА УИС

Аннотация. Некомплектность личного состава ФСИН России является одной из наиболее острых и системных проблем, стоящих перед кадровыми подразделениями УИС во всех территориальных органах. В Российской Федерации неоднократно поднимались вопросы об улучшении условий работы сотрудников ведомств. Текучка кадров и их недостаток оказывает негативное влияние на все аспекты деятельности ведомства, от обеспечения безопасности и правопорядка в учреждениях до негативного восприятия сотрудниками работы и создание отрицательного опыта в обществе. В целом дефицит кадров приводит к увеличению нагрузки на действующих сотрудников, снижению уровня безопасности в исправительных учреждениях и, как следствие, росту социальной напряженности, а далее к ухудшению криминогенной ситуации на территории исправительного учреждения, и за его пределами.

Для решения существующих проблем необходимо принятие комплексных мер, направленных на повышение престижа службы во ФСИН, улучшение условий труда и повышение уровня заработной платы сотрудников. Отдельно возможно проработать меры по получению льготных ипотек на примере сотрудников IT сферы. Необходимо своевременно отслеживать и выявлять сотрудников, которым необходимо пройти курсы подготовки и переподготовки кадров. От кадровых подразделений требуются запросы на увеличение количества абитуриентов в ВУЗы ФСИН, а также введение в среднее-специальное образование квалификаций, связанных с деятельностью младшего начальствующего состава ФСИН и обучение граждан по целевым направлениям с распределением их далее в подразделения, где эти сотрудники необходимы. Эффективное решение проблемы некомплектности является ключевым фактором обеспечения безопасности в исправительных учреждениях и повышения эффективности работы всей пенитенциарной системы России.

Ключевые слова: кадры, дефицит сотрудников, некомплект, сотрудники, государственные служащие, комплектование, вакансии, безопасность, УИС.

VOLKOVA Anna Yuryevna,
Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines
and Organization of Execution of Punishments
Not Related to the Isolation of Convicts from Society
Pskov Branch of the University
of the Federal Penitentiary Service of Russia

IDENTIFICATION AND ELIMINATION OF SOME PROBLEMS IN THE STAFFING OF THE PENALTIES INSTITUTE

Annotation. The shortage of personnel in the Federal Penitentiary Service of Russia is one of the most acute and systemic problems facing the personnel departments of the Federal Penitentiary Service in all territorial bodies. In the Russian Federation, issues of improving the working conditions of the employees of the departments have been repeatedly raised. Staff turnover and their shortage

have a negative impact on all aspects of the department's activities, from ensuring security and law and order in institutions to the negative perception of employees of work and the creation of negative experience in society. In general, the shortage of personnel leads to an increase in the workload of current employees, a decrease in the level of security in correctional institutions and, as a result, to an increase in social tension, and then to a deterioration in the crime situation on the territory of the correctional institution and beyond. To solve existing problems, it is necessary to take comprehensive measures aimed at increasing the prestige of service in the Federal Penitentiary Service, improving working conditions and increasing the level of salaries of employees. Separately, it is possible to work out measures to obtain preferential mortgages using the example of IT employees. It is necessary to promptly track and identify employees who need to undergo training and retraining courses. The personnel departments are required to submit requests to increase the number of applicants to the FSIN universities, as well as to introduce into secondary special education qualifications related to the activities of the junior command staff of the FSIN and training citizens in targeted areas with their further distribution to departments where these employees are needed. An effective solution to the problem of understaffing is a key factor in ensuring security in correctional institutions and increasing the efficiency of the entire penitentiary system of Russia.

Key words: personnel, staff shortage, understaffing, employees, civil servants, staffing, vacancies, security, UIS.

Проблема комплектации федерального органа исполнительной власти на данный момент стоит очень остро, ведь она может повлечь серьезные проблемы безопасности государства. В 2024 году глава ФСИН Аркадий Гостев доложил о нехватке 19% служащих, что составляет 54 тысячи человек. В условиях современности более 3,5 тыс. бывших и действующих сотрудников ФСИН решили принять участие в СВО на Украине. В связи с этим рост некомплекта возрастает.

Отмечается общее снижение количества опытных сотрудников, что снижает уровень наставничества и поддержки опытных коллег. Практически полностью обновился штат сотрудников, а внедрение новых технологий требует непрерывного обучения и адаптации, а молодым сотрудники только пришедшим на службу сложнее влиться в рабочую структуру.

Такой некомплект во всех структурах ведомства ведет к ухудшению условий содержания осужденных. Недостаток персонала затрудняет обеспечение надлежащих условий содержания заключенных, включая медицинское обслуживание, питание и соблюдение санитарных норм. Нехватка сотрудников, занимающихся воспитательной работой и социальной адаптацией заключенных, снижает эффективность процесса ресоциализации и увеличивает риск рецидива.

В условиях нехватки кадров и повышенной нагрузки возрастает риск коррупционных проявлений, так как сотрудники могут быть более подвержены соблазну злоупотребления служебным положением [1].

Если говорить про конкретных сотрудников, то некомплект ведет к повышению уровня стресса и профессионального выгорания сотрудников, что, в свою очередь, может привести к ухудшению их здоровья и снижению эффективности работы. А в дальнейшем и к увольнению из УИС.

Одним из главных аспектов этой проблемы – это снижение уровня безопасности учреждений в целом и конкретных сотрудников в частности. Нехватка сотрудников приводит к увеличению нагрузки на оставшихся, что повышает риск ошибок и нарушений, а также снижает эффективность контроля за заключенными.

Уменьшение численности кадрового состава УИС уже начало приводить к происшествиям в учреждениях ФСИН. Так 16 июня 2024 в СИЗО №1 в Ростове-на-Дону произошел захват заложников. На тот момент в учреждении не хватало почти 30% от необходимого количества сотрудников.

Следующее ЧП произошло 23 августа 2024 года в ИК-19 в Волгоградской области. Там четверо осужденных захватили в заложники восемь сотрудников колонии и четверых осужденных. Некомплект сотрудников колонии составлял 22%.

2 ноября 2024 года в Липецке был совершен побег 6 осужденными, которые прорыли тоннель за пределы исправительного учреждения. На тот момент некомплект сотрудников УФСИН по Липецкой области составил около 25%.

По аналитике установлено, что основные причины увольнения сотрудников это:

- высокий уровень некомплекта подразделений УИС;

- нарушение графика несения службы, в том числе вызов из отпусков и выходных;
- неравномерное распределению служебных обязанностей;
- низкий уровень денежного довольствия сотрудников;
- плохое обеспечение служебным жильем;
- отсутствие объектов социально-культурного и бытового назначения в инфраструктуре проживания сотрудников;
- неудовлетворенность сотрудниками уровнем социальной защищенности, льготами, гарантиями и преференциями, предусмотренными действующим законодательством.

Для решения проблемы некомплектности ФСИН необходимо комплексное и системное решение, включающее в себя следующие направления:

- **Повышение заработной платы:** Необходимо существенно повысить уровень заработной платы сотрудников ФСИН, особенно на начальных этапах службы, чтобы он соответствовал уровню ответственности и рискам, связанным с работой. Это же приведет к уменьшению коррупционных правонарушений сотрудниками ФСИН, а значит, уменьшит криминогенность этой категории преступлений.

- **Улучшение условий труда:** Необходимо улучшить условия труда сотрудников ФСИН, в том числе путем обеспечения современным оборудованием и техническими средствами, а также оптимизации графиков работы. Отдельно стоит рассмотреть доплаты за совмещение вакантных должностей сотрудников, так как по факту они выполняют работу за нескольких человек.

- **Улучшение социального обеспечения:** Необходимо обеспечить сотрудников ФСИН достойным жильем, медицинским обслуживанием и другими социальными гарантиями. К примеру, возможно было бы рассмотреть возможность предоставления льготных ипотечных программ (за основу можно взять ипотеку для IT-специалистов или семейную). Потому как некоторым сотрудникам приходится ожидать выделения служебных квартир по несколько лет.

- **Формирование позитивного имиджа службы:** Необходимо проводить активную информационную кампанию, направленную на формирование позитивного имиджа службы в ФСИН. Данную деятельность так же необходимо проводить в школах в числе будущих абитуриентов. Возможно рассмотрение вопроса о создании при школах кадетских классов, которые воспитывают и готовят школьников к будущей службе в правоохранительных структурах.

Как указывалось ранее, проблему нехватки квалифицированных кадров может решить увеличение численности абитуриентов поступающих в ведомственные вузы ФСИН России по программам подготовки связанных с непосредственной деятельностью УИС. [2]

Однако на уровне среднего-специального образования так же возможно начать подготовку кадров **младшего начальствующего состава ФСИН России выпускающей сотрудников, подходящих для службы в подразделениях УИС, где в квалификационных требованиях, предусматривается данное образование. А целевое обучение поможет снизить некомплект конкретных подразделений и свести его к минимуму.**

Подводя итог стоит отметить, что подготовка квалифицированных кадров для УИС является приоритетной задачей, для ФСИН России, решением которой выступает ведомственные образовательные учреждения [3, 4].

Проведенный анализ выявил, что эта проблема оказывает негативное влияние на все разделы функционирования УИС. От снижения эффективности надзора и обеспечения безопасности до ухудшения условий содержания осужденных и роста профессионального выгорания сотрудников – последствия некомплекта ощущаются повсеместно.

Реакцией территориальных органов ФСИН на сокращение или увольнение сотрудника может представлять собой комплекс мер по предложению сотрудникам, возможностей для переквалификации и дальнейшего трудоустройства, предложить смену деятельности в условиях конкретного подразделения, предложить вышестоящую должность (если это допускает компетенция сотрудника), предложение по улучшению социально-бытовых условий в условиях реальности.

В целом, реакция на сокращение штатной численности в территориальном органе ФСИН зависит от конкретных обстоятельств, но всегда требует взвешенного и ответственного подхода со стороны руководства.

Очевидно, что проблема не имеет простого решения. Она является следствием целого комплекса факторов и только комплексный и системный подход, позволит преодолеть кризис, привлечь сотрудников на работу и создать эффективную и современную систему исполнения наказаний. В противном случае, некомплект продолжит увеличиваться, приводя к дальнейшему ухудшению ситуации в пенитенциарной системе и создавая угрозу для безопасности общества.

Список литературы:

[1] Красникова Е. В. Криминологическая характеристика и предупреждение коррупции в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11. М., 2016. С 249.

[2] Ковалев О. Г., Семенова Н.В. Современные проблемы комплектования и профессиональной подготовки сотрудников подразделений безопасности учреждений УИС. Столыпинский вестник. 2022. № 4 (1). С. 291-298.

[3] Кочкина О.В. Комплектование кадров как одно из стратегических и тактических направлений в уголовно-исполнительной системе // Прикладная юридическая психология. 2017. №3. С. 118-124.

[4] Шахов О. А. Проблемы и перспективы кадрового обеспечения производственного сектора уголовно-исполнительной системы российской федерации // Фундаментальные исследования. 2021. № 12. С. 223-227.

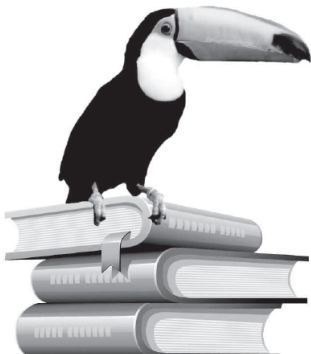
Spisok literatury:

[1] Krasnikova E. V. Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie korrupcii v sfere ispolneniya ugovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.11. M., 2016. S 249.

[2] Kovalev O. G., Semenova N.V. Sovremennye problemy komplektovaniya i professional'noj podgotovki sotrudnikov podrazdelenij bezopasnosti uchrezhdenij UIS. Stolypinskij vestnik. 2022. № 4 (1). S. 291-298.

[3] Kochkina O.V. Komplektovanie kadrov kak jedno iz strategicheskikh i takticheskikh napravlenij v ugovno-ispolnitel'noj sisteme // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2017. №3. S. 118-124.

[4] SHahov O. A. Problemy i perspektivy kadrovogo obespecheniya proizvodstvennogo sektora ugovno-ispolnitel'noj sistemy rossijskoj federacii // Fundamental'nye issledovaniya. 2021. № 12. S. 223-227.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-613-619

СОСНИН Андрей Анатольевич,
аспирант кафедры
“Гражданско-правовые дисциплины”
Московский финансово-юридический университет,
e-mail: andreuanatolievic@yandex.ru

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ ГРАЖДАНИНА-ДОЛЖНИКА В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Для защиты интересов как кредиторов, которые хотят получить от должника исполнения своих требований, так и должников, которые хотят выбраться из «долговой ямы», законодателем был разработан правовой механизм признания гражданина банкротом.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что с момента разработки механизма признания гражданина банкротом граждане все чаще прибегают к данной процедуре для списания своих задолженностей перед кредиторами, при этом в указанном механизме остаются пробелы и недоработки в правовом регулировании признания гражданина банкротом как в судебном, так и во внесудебном порядке.

В результате чего разработка законодательной базы в области несостоятельности (банкротства) физических лиц и непосредственно связанное с теоретическим обоснованием и практическое применение данных норм, является важным этапом совершенствования регулирования правоотношений, которые возникают в результате как экономической деятельности хозяйствующих субъектов, так и действий простых гражданам-должников в результате неисполнения последними денежных обязательств.

Ключевые слова: банкротство, физические лица, имущественные ограничения, имущественные преференции, имущественный иммунитет, ограничения правового статуса.

SOSNIN Andrey Anatolyevich,
postgraduate student of the Department
“Civil law disciplines”
Moscow University of Finance and Law

PROPERTY PREFERENCES OF A DEBTOR CITIZEN DURING THE INSOLVENCY PROCEDURE

Annotation. To protect the interests of both creditors who want to receive fulfillment of their claims from the debtor and debtors who want to get out of the “debt pit”, the legislator has developed a legal mechanism for declaring a citizen bankrupt.

The relevance of the chosen topic is due to the fact that since the development of the mechanism for declaring a citizen bankrupt, citizens have increasingly resorted to this procedure to write off their debts to creditors, while gaps and flaws remain in the legal regulation of declaring a citizen bankrupt both in court and out of court.

As a result, the development of a legislative framework in the field of insolvency (bankruptcy) of individuals and directly related to the theoretical justification and practical application of these norms is an important stage in improving the regulation of legal relations that arise as a result of both the economic activities of business entities and the actions of ordinary citizens-debtors as a result of the failure of the latter to fulfill monetary obligations.

Key word: bankruptcy, individuals, property restrictions, property preferences, property immunity, restrictions on legal status.

В ходе анализа отечественного законодательства в области несостоятельности граждан можно заметить, что к

физическим лицам-должникам, в отношении которых осуществляется процедура несостоятельности, или в отношении тех, кто уже признан банкро-

тами – применяется не только система ограничений и запретов, анализ, которых представлен в прошлом параграфе настоящей работы, но и система правовых преференций, применяемых к гражданину-должнику.

Можно выделить следующие функции правовых механизмов преференции должника:

- соблюдение баланса интересов между гражданином-должником и его кредиторами¹;
- реализация права гражданина-должника на достойную жизнедеятельность, вне зависимости от осуществления в отношении должника процедуры несостоятельности.

Субинститут иммунитета имущества гражданина-должника от включения в конкурсную массу.

Анализ отечественного законодательства в области несостоятельности граждан позволяет сделать вывод о том, что система имущественных иммунитетов в области несостоятельности граждан-должников имеет свои отличительные черты, относительно, в частности, имущественного иммунитета, применяемого в ходе осуществления исполнительного производства.

В ныне действующую систему имущественных иммунитетов можно отнести:

- имущество, на которое не может быть распространено взыскание в соответствии с гражданским законодательством, а именно – статьей 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации;
- денежные средства в размере установленного минимального размера прожиточного минимума на гражданина-должника².

В связи с реализацией института несостоятельности реабилитационной функции и особого статуса в отечественном обществе такой группы населения, как пенсионера, необходимо подробнее разобрать различные подходы в решении вопросы возможности или невозможности отнесения доходов пенсионеров, выплачиваемых им государством в качестве пенсий, к конкурсной массе должников-пенсионеров, в отношении которых осуществляется процедура несостоятельности.

Первоначально необходимо обратить внимание на позицию Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу, изложенную в

соответствующем определении³, в соответствии с которым можно прийти к выводу о том, что страховая пенсия, выплачиваемая государством пенсионеру-должнику, остается в собственности и полном распоряжении указанного должника-пенсионера, без каких-либо ограничений по удержанию ее полностью или частично в рамках как исполнительного производства, например, так и процедуры банкротства.

Указанная позиция высшей судебной инстанции Российской Федерации поспособствовала тому, что суды нижестоящих инстанций⁴ в своей практике стали исключать пенсионные выплаты, получаемые от государства должником-пенсионером, в отношении которого осуществляется процедура несостоятельности, из конкурсной массы вообще.

По мнению автора настоящей работы, позиция о полном исключении пенсионных выплат из конкурсной массы не отвечает способствовать соблюдению баланса интересов должника и кредитора, так как, у пенсионеров по старости, получающих страховые пенсии – указанные пенсии, зачастую, являются единственным имуществом, с помощью которого требования кредиторов могут быть удовлетворены, при этом указанные пенсии являются и единственным источником к существованию указанных лиц – в результате чего судам, в производстве которых находятся дела о признании несостоятельным должника-пенсионера, необходимо при принятии решения об исключении / не исключении пенсионных выплаты из конкурсной массы исходить обстоятельств конкретного дела.

Данная позиция также была озвучена Верховным Судом Российской Федерации в соответствующем определении⁵ судебной коллегии по экономическим спорам.

³ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2020 года по делу № АПЛ20-162 «Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 23 марта 2020 года № АКПИ20-65» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс»

⁴ Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 января 2021 года № 20АП-4150/2020 по делу № А09-9717/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/de375a31-7982-48fc-98c7-1e9d540f724c/1f5a8bef-4b2b-439a-83f9-350dd9f5080b/A09-9717-2019_20210114_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 07 сентября 2021 года № 11АП-12046/2021 по делу № А72-19912/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/66a99a60-265a-4c8f-ba69-b91478893537/70dc214d-c161-463c-b986-a8e9b2c75336/A72-19912-2019_20210907_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05 июня 2020

¹ п. 39 Постановления Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 года № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан // Бюллетень Верховного Суд РФ. 2015. № 12

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2

Одним из основных вопросов, затрагиваемых субинститутом имущественных иммунитетов гражданина-должника в процедуре несостоятельности, является иммунитет единственного пригодного для жилья жилого помещения.

Ранее в правовой отечественной действительности имущественный иммунитет единственного жилого помещения гражданина-должника рассматривался как абсолютный иммунитет, что обеспечивало правовую защиту любого (вне зависимости от характеристик) жилого помещения гражданина-банкрота от включения в конкурсную массу в ходе осуществления процедуры несостоятельности должника и дальнейшей его реализации с целью удовлетворения требований кредиторов, что несомненно сказывалось на распределении баланса интересов должника и его кредиторов, носило деструктивный характер.

Необходимость внесения изменений в указанную модель имущественного иммунитета обозначалась многими видными специалистами, в том числе Н.С. Бондарь¹.

Однако модель абсолютного имущественного иммунитета единственного пригодного для жилья жилого помещения гражданина-должника и ее реализация правоприменителями вызывает у специалистов² в области права определенные вопросы.

В частности, необходимо отметить позицию Верховного суда Российской Федерации, изложенную в одном из определений³, в соответствии с которым высший судебный орган нашей страны делает ссылку на постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14 мая 2012 года № 11-П, в котором была подчеркнута необходимость внесения в отечественное законодательство соответствующих изменений с целью соблюдения баланса интересов кредиторов и должника, чтобы не допускать ситуации, при которых должник, обладающий единственным жилым помеще-

нием, стоимость которого значительно превышает уровень, достаточный для удовлетворения потребностей самого должника и его иждивенцев, но при этом делающей невозможным удовлетворение требований кредиторов указанного должника.

Таким образом можно выделить следующие причины, по которым модель абсолютного имущественного иммунитета единственного жилого помещения должника-гражданина является неэффективной:

- модель абсолютного иммунитета единственного жилого помещения гражданина-должника вытекает из модели исполнительного производства, а в связи с особенностями и функциями процесса несостоятельности граждан не является не пригодной для применения;

- реализация конструкции абсолютного иммунитета, как указывалось ранее в настоящей работе и в текстах судебных актов высших инстанций судебной власти нашей страны, не обеспечивает соблюдение баланса интересов кредиторов и должников, достижение и реализация которой является одним из принципов осуществления процедуры несостоятельности граждан-должников.

- реализация конструкции абсолютного иммунитета создавала ситуации невозможности ухудшения жилищного положения гражданина-должника исключительно по причинам того, что жилое помещение гражданина-должника является единственным пригодным для проживания помещением⁴.

Указанные проблемы, дефекты реализации конструкции абсолютного имущественного иммунитета единственного пригодного для проживания жилого помещения гражданина-должника подчеркнуты были, в том числе, в вышеуказанном постановлении⁵ Конституционного суда Российской Федерации.

года № 306-ЭС20-1997 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/eaafd0e7c-8d14-4b94-88c8-0ed8f0542c67/c752a91c-a1c8-4581-b7fc-2e6b671d51ac/A57-11460-2018_20200605_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

¹ Обращение взыскания на единственное жилье: в поисках баланса интересов / Н. Бондарь, А. Клишас, Р. Мифтахутдинов, М. Гальперин, Е. Чефранова, И. Кондрашев, Л. Наумова, Е. Сычкова, М. Ерохова, Ю. Литовцева, А. Улезко // Закон. 2018. № 12. С. 27–28

² Харитонов Ю.С. Исполнительный иммунитет единственного жилья гражданина и доктрина добросовестности участников оборота // Закона России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 26–31

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2020 года № 309-ЭС20-10004 по делу № А71-16753/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fd6509b2-3770-4af7-ab4d-2a2d8d0527c9/aabbf0ab-fd50-4d63-b4e6-89b3ff78837b/A71-16753-2017_20201029_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

⁴ Обращение взыскания на единственное жилье: в поисках баланса интересов / Н. Бондарь, А. Клишас, Р. Мифтахутдинов, М. Гальперин, Е. Чефранова, И. Кондрашев, Л. Наумова, Е. Сычкова, М. Ерохова, Ю. Литовцева, А. Улезко // Закон. 2018. № 12. С. 28

⁵ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14 мая 2012 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикинова // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697; Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 25 апреля 2021 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова // СЗ РФ. 2021. № 19. Ст.3290

В связи с тем, что указанные изменения в отечественное федеральное законодательство так и не были внесены с целью ограничения реализации конструкции абсолютного имущественного иммунитета, а необходимость таких изменений с каждым годом (с даты вынесения Конституционным судом Российской Федерации постановления № 11-П) все возрастала в связи с всеобширным применением и развитием института несостоятельности граждан – Конституционный суд Российской Федерации самостоятельно создал условия для ограничения данной неэффективной правовой конструкции, издав постановление Конституционного суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 года № 15-П.

В результате чего конструкция абсолютного имущественного иммунитета была признана неэффективной – вместо ее была сформулирована конструкция исполнительного иммунитета, а в делах по банкротству граждан-должников – конструкция конкурсного иммунитета.

Характерной особенностью правовой конструкции конкурсного иммунитета жилого помещения гражданина-должника, в отношении которого осуществляется процедура несостоятельности, является то, что суду, в производстве которого находится банкротное дело, была предоставлена возможность оценивать фактические действия гражданина-должника как до осуществления в отношении его процедуры несостоятельности, так и в ходе ее осуществления, в отношении принадлежащего ему имущества (в том числе единственного жилого помещения) по критериям добросовестности/недобросовестности с применением к недобросовестному должнику последствий злоупотреблений им правами.

К обстоятельствам, подлежащим оценке арбитражным судом, можно отнести, с одной стороны, время утверждения суммы задолженности должником вступившим в законную силу решением суда, момент возбуждения процедуры исполнительного производства и уведомления должника о возбуждении указанной процедуры для принудительного исполнения вступившего в законную силу решения суда, с другой стороны, действия самого должника с целью приобретения имущества, в отношении которого действует иммунитет.

В случае признания арбитражным судом, в производстве которого находится процедура несостоятельности гражданина-должника, обоснованности включения в конкурсную массу единственного пригодного для проживания должником и

членами его семьи жилого помещения, необходимо соблюдение следующих условий в ходе реализации указанного недвижимого имущества должника:

- не допускается допущение ситуаций, при которых гражданин-должник остается без пригодного для проживания жилого помещения, площадь которого составляет меньше минимальной площади, предусмотренной для проживания человека в регионе проживания должника;
- реализация единственного жилого помещения возможна в случае соотношения стоимости реализуемого жилого помещения и размера задолженности должника перед кредитором;
- предоставление иного пригодного для проживания жилого помещения должнику в другом регионе возможно только по согласию самого должника.

Таким образом можно отметить, что именно активная позиция Конституционного суда Российской Федерации способствовала началу решения проблемы соблюдения баланса интересов кредиторов и должников.

Вышеуказанный механизм реализации конструкции конкурсного иммунитета единственного жилого помещения должника нашел свое отражение и в практике арбитражных судов. В частности, можно отметить позицию Арбитражных судов Свердловской области¹, в соответствии с которой в рамках банкротного дела гражданина-должника было реализовано его единственное пригодное для проживания жилое помещение – пятикомнатная квартира, с предоставлением взамен однокомнатной квартиры по причине того, что судом было установлено, что действия самого должника по приобретению дорогостоящей недвижимости послужили причиной невозможности удовлетворения указанным должником требований своих кредиторов с целью полного погашения сумм задолженности.

В связи с озвученной позицией Конституционного суда Российской Федерации в отношении вопроса изменения имущественного иммунитета единственного жилого помещения – позиция Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу также претерпела существенные изменения.

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 июня 2021 года № Ф-09-8742/18 по делу № А60-56649/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/13da1e8c-8954-40fe-9f52-214a6d164b14/a6852ac1-5759-4bb9-99d9-a1aa423890f4/A60-56649-2017_20210618_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

Например, Верховным судом Российской Федерации¹ был разработан порядок действий для реализации единственного жилого помещения должника:

- арбитражный суд, в производстве которого находится дело о признании гражданина-должника несостоятельным, обязан определить ликвидационную стоимость подлежащего реализации единственного пригодного для проживания жилого помещения;

- суд должен определить критерии и признаки, которые будут использованы для поиска и определения жилого помещения, предоставляемого должнику взамен реализуемого единственного жилого помещения, в частности, критерии площади и местонахождения замещающего помещения, удаленность замещающего помещения от организаций и государственных учреждений (больница, к которой закреплен должник и совместно проживающие с ним члены его семьи, места трудоустройства должника) с целью недопущения существенного ухудшения положения должника;

- необходимо определить максимально возможную цену приобретения замещающего жилого помещения и возможное сальдо, то есть разницу между стоимостью реализации жилого помещения должника и приобретаемого ему взамен помещения;

- определить является ли механизм реализации единственного пригодного для проживания должника жилого помещения эффективным, достаточным для частичного или полного удовлетворения требований его кредиторов.

Кроме того, Верховный суд Российской Федерации указал на то, что:

- решение о реализации единственного пригодного для проживания жилого помещения должника и членов его семьи должно принимать на собрании кредиторов с участием кредиторов, самого должника, финансового управляющего и иных лиц, чьи жилищные права могут быть затронуты в связи с принятием решения о реализации имущества должника (члены семьи должника, иждивенцы, проживающие совместно с должником в указанном жилом помещении);

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 26 июля 2021 года № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/68a6165c-b3bc-4752-8b86-f82e632070b7/f59a1ec9-7988-4c8b-95aa-3ca3c936553c/A73-12816-2019_20210726_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

- прекращение права собственности на реализуемое единственное жилое помещение должника должно осуществляться только после возникновения права собственности на замещающее жилое помещение взамен реализуемого.

В связи с вышеуказанной позицией высших судебных органов страны, арбитражными судами нижестоящих инстанции в ходе осуществления своей деятельности были сформулированы подходы к определению недобросовестных действий самих должников, осуществляемые с целью сокрытия, сохранения и недопущения реализации единственного жилого помещения:

- оформление права собственности на жилое помещение на близкого родственника, в результате заключения договора дарения – указанный договор дарения был признан недействительным в результате его оспаривания, имущество возвращено в конкурсную массу для дальнейшей реализации²;

- реализация должником, принадлежащих ему на праве собственности двух жилых помещений (квартир), оформление регистрационного учета в жилом загородном доме и передача права собственности на указанный жилой дом третьему лицу до момента возбуждения в отношении должника процедуры несостоятельности – жилой дом был внесен в конкурсную массу гражданина-банкрота³.

Список литературы:

[1] О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. - № 43. – ст. 4190.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. - № 46. – ст. 4532.

² Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 марта 2020 года № 17АП-17359/2018(4)-АК по делу № А60-13377/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4a87baea-bd04-4682-9946-375f4d7b102e/af7d684c-dd01-4867-885c-160695af670b/A60-13377-2017_20200316_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04 июля 2018 года № Ф09-3501/18 по делу № А76-11986/2016 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b1eb59af-ceef-4ef0-ad5f-9fa3e0706768/3f2beaf7-44e0-4f94-bc56-7eb885971c6a/A76-11986-2016_20180704_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

³ Постановление Десятого Арбитражного апелляционного суда от 06 августа 2019 года по делу № А41-58139/16 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/392979bd-774a-4661-8eed-fa2c3fc5ba72/0e4b40d6-fd8d-4a50-bb32-0554bfd1c359/A41-58139-2016_20190806_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

[3] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 года № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан // Бюллетень Верховного Суд РФ. 2015. № 12.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

[5] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2020 года по делу № АПЛ20-162 «Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 23 марта 2020 года № АКПИ20-65» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

[6] Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 января 2021 года № 20АП-4150/2020 по делу № А09-9717/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/de375a31-7982-48fc-98c7-1e9d540f724c/1f5a8bef-4b2b-439a-83f9-350dd9f5080b/A09-9717-2019_20210114_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

[7] Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 07 сентября 2021 года № 11АП-12046/2021 по делу № А72-19912/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/66a99a60-265a-4c8f-ba69-b91478893537/70d-c214d-c161-463c-b986-a8e9b2c75336/A72-19912-2019_20210907_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

[8] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05 июня 2020 года № 306-ЭС20-1997 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/eafd0e7c-8d14-4b94-88c8-0ed8f0542c67/c752a91c-a1c8-4581-b7fc-2e6b671d51ac/A57-11460-2018_20200605_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

[9] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2020 года № 309-ЭС20-10004 по делу № А71-16753/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fd6509b2-3770-4af7-ab4d-2a2d8d0527c9/aabbf0ab-fd50-4d63-b4e6-89b3ff78837b/A71-16753-2017_20201029_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

[10] Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14 мая 2012 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикинова // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

[11] Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 25 апреля 2021 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова // СЗ РФ. 2021. № 19. Ст.3290.

[12] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 июня 2021 года № Ф-09-8742/18 по делу № А60-56649/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/13da1e8c-8954-40fe-9f52-214a6d164b14/a6852ac1-5759-4bb9-99d9-a1aa423890f4/A60-56649-2017_20210618_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

[13] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 26 июля 2021 года № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/68a6165c-b3bc-4752-8b86-f82e632070b7/f59a1ec9-7988-4c8b-95aa-3ca3c936553c/A73-12816-2019_20210726_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

[14] Адрианова Д. Е. Банкротство предприятий // Вестник ВУиТ. – 2011. – №23. – с.28-31.

[15] Н. Бондарь, А. Клишас, Р. Мифтахутдинов, М. Гальперин, Е. Чефранова, И. Кондрашев, Л. Наумова, Е. Сычкова, М. Ерохова, Ю. Литовцева, А. Улезко Обращение взыскания на единственное жилье: в поисках баланса интересов / Н. Бондарь, А. Клишас, Р. Мифтахутдинов, М. Гальперин, Е. Чефранова, И. Кондрашев, Л. Наумова, Е. Сычкова, М. Ерохова, Ю. Литовцева, А. Улезко // Закон. - 2018. - № 12. - С. 27-45.

[16] Харитонов Ю.С. Исполнительный иммунитет единственного жилья гражданина и доктрина добросовестности участников оборота // Закона России: опыт, анализ, практика. - 2019. - № 5. - С. 26–31.

Spisok literatury:

[1] O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ // SZ RF. - 2002. - № 43. – st. 4190.

[2] Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 14.11.2002 № 138-FZ // SZ RF. - 2002. - № 46. – st. 4532.

[3] Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13 oktyabrya 2015 goda № 45 «O nekotoryh voprosah, svyazannyh s vvedeniem v dejstvie procedur, primenyaemyh v delah o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) grazhdan // Byulleten' Verhovnogo Sud RF. 2015. № 12.

[4] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25 dekabrya 2018 goda № 48

«O nekotoryh voprosah, svyazannyh s osobennostyami formirovaniya i raspredeleniya konkursnoj massy v delah o bankrotstve grazhdan // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2019. № 2.

[5] Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 16 iyulya 2020 goda po delu № APL20-162 «Ob ostavlenii bez izmeneniya Resheniya Verhovnogo Suda RF ot 23 marta 2020 goda № AKPI20-65» // Dokument opublikovan ne byl. Istochnik – SPS «Konsul'tantPlyus».

[6] Postanovlenie Dvadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 14 yanvarya 2021 goda № 20AP-4150/2020 po delu № A09-9717/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/de375a31-7982-48fc-98c7-1e9d540f724c/1f5a8bef-4b2b-439a-83f9-350dd9f5080b/A09-9717-2019_20210114_Postanovlenie_apellyacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

[7] Postanovlenie Odinnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 07 sentyabrya 2021 goda № 11AP-12046/2021 po delu № A72-19912/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/66a99a60-265a-4c8f-ba69-b91478893537/70d-c214d-c161-463c-b986-a8e9b2c75336/A72-19912-2019_20210907_Postanovlenie_apellyacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

[8] Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF ot 05 iyunya 2020 goda № 306-ES20-1997 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/eafd0e7c-8d14-4b94-88c8-0ed8f0542c67/c752a91c-a1c8-4581-b7fc-2e6b-671d51ac/A57-11460-2018_20200605_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

[9] Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 29 oktyabrya 2020 goda № 309-ES20-10004 po delu № A71-16753/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fd6509b2-3770-4af7-ab4d-2a2d8d0527c9/aabbf0ab-fd50-4d63-b4e6-89b3ff78837b/A71-16753-2017_20201029_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

[10] Postanovlenie Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii ot 14 maya 2012 goda № 11-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozheniya abzaca vtorogo chasti pervoj stat'i 446 Grazh-

danskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan F.H. Gumerovoj i YU.A. SHikunova // SZ RF. 2012. № 21. St. 2697.

[11] Postanovlenie Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii ot 25 aprelya 2021 goda № 15-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij abzaca vtorogo chasti pervoj stat'i 446 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii i punkta 3 stat'i 213.25 Federal'nogo zakona «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» v svyazi s zhaloboj grazhdanina I.I. Revkova //SZ RF. 2021. № 19. St.3290.

[12] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 18 iyunya 2021 goda № F-09-8742/18 po delu № A60-56649/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/13da1e8c-8954-40fe-9f52-214a6d164b14/a6852ac1-5759-4bb9-99d9-a1aa423890f4/A60-56649-2017_20210618_Resheniya_i_postanovleniya.pdf?isAddStamp=True.

[13] Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii ot 26 iyulya 2021 goda № 303-ES20-18761 po delu № A73-12816/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/68a6165c-b3bc-4752-8b86-f82e632070b7/f59a1ec9-7988-4c8b-95aa-3ca3c936553c/A73-12816-2019_20210726_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

[14] Adrianova D. E. Bankrotstvo predpriyatij // Vestnik VUiT. – 2011. – №23. – s.28-31.

[15] N. Bondar', A. Klishas, R. Miftahutdinov, M. Gal'perin, E. CHEfranova, I. Kondrashev, L. Naumova, E. Sychkova, M. Erohova, YU. Litovceva, A. Ulezko Obrashchenie vzyaskaniya na edinstvennoe zhil'e: v poiskah balansa interesov / N. Bondar', A. Klishas, R. Miftahutdinov, M. Gal'perin, E. CHEfranova, I. Kondrashev, L. Naumova, E. Sychkova, M. Erohova, YU. Litovceva, A. Ulezko // Zakon. - 2018. - № 12. - S. 27-45.

[16] Haritonova YU.S. Ispolnitel'nyj immunitet edinstvennogo zhil'ya grazhdanina i doktrina dobrosovestnosti uchastnikov oborota // Zakona Rossii: opyt, analiz, praktika. - 2019. - № 5. - S. 26–31.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-620-623

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОРРЕКЦИИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ТРЕВОЖНЫХ РАССТРОЙСТВ У ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу применения технологий виртуальной реальности в пенитенциарной системе для коррекции агрессивного поведения и тревожных расстройств у осужденных. На основе современных научных данных раскрываются механизмы воздействия виртуальных сред на эмоциональную регуляцию, включая нейробиологические аспекты нейропластичности и роль зеркальных нейронов в формировании эмпатии. Подробно рассматриваются экспериментальные программы, такие как симуляции конфликтов, цифровое перевоплощение и релаксационные среды, доказавшие свою эффективность в снижении агрессии и тревоги. Особое внимание уделено этическим дилеммам, включая риски ретравматизации и вопросы конфиденциальности данных, а также техническим ограничениям, связанным с внедрением технологий виртуальной реальности в тюремные учреждения. Приводятся результаты метаанализов и долгосрочных исследований, подтверждающих безопасность и устойчивость терапевтических эффектов. Статья подчеркивает необходимость интеграции таких технологий с традиционными методами реабилитации и перспективы использования искусственного интеллекта для персонализации терапии.

Ключевые слова: виртуальная реальность, агрессивное поведение, тревожные расстройства, осужденные, психологическая коррекция, нейропластичность, экспозиционная терапия, этика цифровых технологий.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

USING VIRTUAL REALITY TECHNOLOGIES TO CORRECT AGGRESSIVE BEHAVIOR AND ANXIETY DISORDERS IN CONVICTS

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of the use of virtual reality technologies in the penitentiary system for the correction of aggressive behavior and anxiety disorders in convicts. Based on modern scientific data, the mechanisms of the impact of virtual environments on emotional regulation are revealed, including the neurobiological aspects of neuroplasticity and the role of mirror neurons in the formation of empathy. Experimental programs such as conflict simulations, digital reincarnation and relaxation environments that have proven effective in reducing aggression and anxiety are considered in detail. Particular attention is paid to ethical dilemmas, including the risks of re-traumatization and data privacy issues, as well as technical limitations associated with the introduction of virtual reality technologies in prisons. The results of meta-analyses and long-term studies confirming the safety and sustainability of therapeutic effects are presented. The article emphasizes the need to integrate such technologies with traditional rehabilitation methods and the prospects for using artificial intelligence to personalize therapy.

Key words: virtual reality, aggressive behavior, anxiety disorders, convicts, psychological correction, neuroplasticity, exposure therapy, ethics of digital technologies.

Введение. Современная пенитенциарная система сталкивается с комплексом проблем, связанных с ресоциализацией осужденных. Традиционные методы психологической коррекции, такие как групповые тренинги или когнитивно-поведенческая терапия, зачастую оказываются малоэффективными в условиях тюремной среды из-за ограниченного доступа к квалифицированным специалистам, стигматизации психической помощи и низкой мотивации самих осужденных. Кроме того, стандартные протоколы редко учитывают специфику травматического опыта, который часто лежит в основе деструктивного поведения [1, 2].

На этом фоне технологии виртуальной реальности (VR) становятся инновационным решением, способным преодолеть системные ограничения. VR, изначально разработанная для развлечений и военных симуляций, за последнее десятилетие трансформировалась в мощный инструмент психотерапии [3]. Ее успешное применение в лечении фобий, ПТСР у ветеранов и социальной тревожности подтверждено рядом влиятельных исследований, что создает предпосылки для адаптации метода в пенитенциарных учреждениях [4-7]. Уникальность VR заключается в ее способности создавать «безопасную опасность» — иммерсивные сценарии, которые провоцируют эмоциональные реакции, но при этом полностью контролируются терапевтом. Это позволяет работать с глубинными триггерами агрессии и тревоги, не подвергая участников реальному риску.

Однако интеграция VR в систему исполнения наказаний требует не только технической, но и этической перестройки. Возникают вопросы: как обеспечить конфиденциальность данных в условиях тюремного контроля? Можно ли избежать ретравматизации при работе с чувствительным контентом? Насколько устойчивы позитивные изменения после завершения курса? Данная статья предлагает анализ возможностей и рисков VR-технологий, опираясь на последние исследования в области нейробиологии, психотерапии и цифровой этики.

Результаты исследования. Основой терапевтического эффекта VR выступает ее способность активировать нейропластичность — свойство мозга изменять структуру нейронных связей под воздействием опыта. Исследования с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии показывают, что регулярные сессии в VR-средах, моделирующих стрессовые ситуации, усиливают активность префронтальной коры, ответственной за эмоциональный контроль, и снижают реактивность миндалевидного тела, связанного со страхом и агрессией. Например, в программе «**Prison Mindfulness Institute**» осужден-

ные учатся управлять гневом через виртуальные сценарии, где необходимо успокоить «аватара», отражающего их собственные эмоции. После прохождения программы у участников зафиксировано снижение уровня враждебности по шкале Басса-Перри.

Для коррекции агрессии особенно эффективны симуляции, требующие разрешения конфликтов. В проекте «VRTAP» (США) пользователи взаимодействуют с виртуальными персонажами, провоцирующими гнев через вербальные атаки или нарушение личных границ. Датчики отслеживают физиологические показатели (пульс, кожно-гальваническую реакцию), а система в реальном времени предлагает стратегии деэскалации: глубокое дыхание, визуализацию «стоп-сигнала» или переформулирование негативных мыслей. Такой подход сокращает эпизоды агрессивного поведения, а его эффект сохраняется до 6 месяцев после терапии. Дополнительный потенциал раскрывает технология «цифрового перевоплощения», где осужденный временно занимает позицию жертвы или сотрудника тюрьмы.

Тревожные расстройства, включая посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и социальную тревожность, также успешно корректируются с помощью VR [8]. Ключевой механизм здесь — контролируемая экспозиция. В отличие от классической экспозиционной терапии, где пациент сталкивается с триггерами в реальном мире, VR позволяет постепенно увеличивать интенсивность стрессовых стимулов, минимизируя риск гиперстимуляции. Например, программа «Bravemind», разработанная для ветеранов с ПТСР, адаптирована для осужденных, переживших насилие. Она воссоздает травматические ситуации (например, драки или нападения), но в безопасной обстановке, где пользователь может «переписать» эмоциональный ответ с помощью терапевта.

Еще одно направление — релаксационные VR-среды, сочетающие визуальную иммерсивность с биологической обратной связью. Осужденные погружаются в виртуальные пейзажи (горные озера, леса), одновременно обучаясь техникам диафрагмального дыхания и прогрессивной мышечной релаксации. Датчики фиксируют частоту сердечных сокращений и, если уровень стресса превышает пороговое значение, сценарий автоматически упрощается — например, исчезают шумовые эффекты или замедляется движение воды. Двадцатиминутные сессии дважды в неделю значительно снижают уровень кортизола в слюне уже через месяц.

Однако внедрение VR в пенитенциарных учреждениях сопряжено с этическими и техниче-

скими вызовами. Главный риск — ретравматизация, особенно у лиц с тяжелыми формами ПТСР. Чтобы минимизировать его, необходимо тщательное предварительное тестирование триггеров и адаптация сценариев под индивидуальный анамнез. Например, в канадской программе используется алгоритм ИИ, анализирующий историю пациента и автоматически исключающий элементы, потенциально связанные с травмой. Второй этический аспект — конфиденциальность. Данные о физиологических реакциях и поведении в VR могут быть использованы для манипуляций, если попадут в руки третьих лиц. Решение этой проблемы требует разработки защищенных локальных серверов и строгого регулирования доступа, как это реализовано в норвежских тюрьмах.

Технические барьеры включают высокую стоимость оборудования (например, гарнитуры VR с отслеживанием движений глаз) и необходимость обучения персонала. Тем не менее, пилотные проекты в Финляндии и Нидерландах доказывают, что массовое производство специализированных VR-платформ может существенно снизить расходы. Кроме того, современные системы, такие как «Psious» или «Virtulear», предлагают готовые терапевтические модули с инструкциями для психологов, что сокращает время на подготовку.

Перспективы VR-терапии связаны с интеграцией с нейроинтерфейсами и искусственным интеллектом. Эксперименты с гарнитурами, считывающими электрическую активность головного мозга, показывают, что реальное время реакции мозга на виртуальные стимулы позволяет динамически менять сценарии, усиливая терапевтический эффект. Например, если система фиксирует всплеск активности в зонах, связанных со страхом, она автоматически добавляет в среду «успокаивающие» элементы — например, замедляет время или вводит голосовые подсказки. В долгосрочной перспективе это может привести к созданию полностью автономных систем реабилитации, адаптирующихся к уникальным потребностям каждого пользователя.

Заключение. Использование VR-технологий для коррекции агрессии и тревоги у осужденных представляет собой не просто инновацию, но и шаг к гуманизации пенитенциарной системы. Как показали исследования, иммерсивные симуляции конфликтов, программы цифрового перевоплощения и релаксационные среды способны снижать уровень враждебности на 30-50%, а симптомы тревоги — на 40-60%, что сопоставимо с эффективностью медикаментозной терапии, но без ее побочных эффектов. Ключевое преимущество VR — персонализация: алгоритмы на основе

ИИ позволяют адаптировать сценарии под индивидуальные триггеры и эмоциональные профили, что особенно важно для лиц с политравмами.

Однако успех внедрения VR зависит от решения системных проблем. Во-первых, необходимо разработать этические стандарты, регулирующие использование персональных данных и предотвращающие манипуляции. Опыт норвежских тюрем, где VR-программы работают на локальных серверах с двойным шифрованием, может стать моделью для других стран. Во-вторых, требуется подготовка междисциплинарных команд, объединяющих психологов, IT-специалистов и юристов, чтобы гарантировать как терапевтическую эффективность, так и соблюдение прав осужденных. Наконец, критически важно обеспечить преемственность между VR-терапией и постпенитенциарной поддержкой, иначе достигнутые улучшения могут нивелироваться после возвращения в стрессовую среду.

Перспективы направления связаны с конвергенцией VR с нейротехнологиями. Эксперименты с интерфейсами «мозг-компьютер» демонстрируют, что реальное отслеживание нейронной активности позволяет динамически менять параметры виртуальной среды, усиливая ее терапевтическое воздействие. Например, при обнаружении паттернов, связанных с агрессией, система может автоматически активировать сценарии тренировки эмпатии. Это открывает путь к созданию «цифровых двойников» психики, способных прогнозировать и предотвращать рецидивы.

В долгосрочной перспективе VR может стать не только инструментом коррекции, но и платформой для образования осужденных, развития их эмоционального интеллекта и профессиональных навыков. Уже сегодня проекты вроде «Virtual Rehab» совмещают психологическую терапию с курсами программирования и дизайна в VR-среде, что повышает шансы на трудоустройство после освобождения. Таким образом, виртуальная реальность способна трансформировать тюрьмы из мест изоляции в центры ресоциализации, где технологии служат не контролю, а восстановлению человеческого потенциала.

Список литературы:

- [1] Pineles S.L., Orr S.P. The psychophysiology of PTSD. In: Post-traumatic stress disorder. Nemeroff C.B., Marmar C. (editors). Oxford University Press; 2018. — doi:10.1093/med/9780190259440.003.0022.
- [2] Фастовцов Г.А., Искандаров Р.Р., Бурцев А.А. Принципы лечебно-реабилитационных мероприятий в отношении осужденных лиц, страдающих посттравматическим стрессовым расстройством // Психическое здоровье. — 2019. — № 6. — С. 63–69. — EDN ZYFXZJ.

[3] Искандаров Р.Р., Кряжева С.Г. Нейротехнологии в пенитенциарной системе: перспективы и этико-правовые вызовы // *Образование и право*. — 2025. — № 2. — С. 555–558. — EDN BAZKLT.

[4] Wood D.P., Roy M.J., Wiederhold B.K., Wiederhold M.D. Combat-related post-traumatic stress disorder: a case report of virtual reality graded exposure therapy with physiological monitoring in a U.S. navy officer and a U.S. army officer // *Cureus*. — 2021. — Vol. 13, № 11. — P. e19604. — doi:10.7759/cureus.19604.

[5] Katz A.C., Norr A.M., Buck B., Fantelli E., Edwards-Stewart A., Koenen-Woods P., Zetocha K., Smolenski D.J., Holloway K., Rothbaum B.O., Difede J., Rizzo A., Skopp N., Mishkind M., Gahm G., Reger G.M., Andrasik F. Changes in physiological reactivity in response to the trauma memory during prolonged exposure and virtual reality exposure therapy for posttraumatic stress disorder // *Psychological Trauma*. — 2020. — Vol. 12, № 7. — P. 756–764. — doi:10.1037/tra0000565.

[6] Beidel D.C., Frueh B.C., Neer S.M., Bowers C.A., Trachik B., Uhde T.W., Grubaugh A. Trauma management therapy with virtual-reality augmented exposure therapy for combat-related PTSD: a randomized controlled trial // *Journal of Anxiety Disorders*. — 2019. — Vol. 61. — P. 64–74. — doi:10.1016/j.janxdis.2017.08.005.

[7] Reger G.M., Smolenski D., Norr A., Katz A., Buck B., Rothbaum B.O. Does virtual reality increase emotional engagement during exposure for PTSD? Subjective distress during prolonged and virtual reality exposure therapy // *Journal of Anxiety Disorders*. — 2019. — Vol. 61. — P. 75–81. — doi:10.1016/j.janxdis.2018.06.001.

[8] Gramlich M.A., Smolenski D.J., Norr A.M., Rothbaum B.O., Rizzo A.A., Andrasik F., Fantelli E., Reger G.M. Psychophysiology during exposure to trauma memories: Comparative effects of virtual reality and imaginal exposure for posttraumatic stress disorder // *Depression and Anxiety*. — 2021. — Vol. 38, № 6. — P. 626–638. — doi:10.1002/da.23141.

Spisok literaturey:

[1] Pineles S.L., Orr S.P. The psychophysiology of PTSD. In: *Post-traumatic stress disorder*. Nemeroff C.B., Marmar C. (editors). Oxford University Press; 2018. — doi:10.1093/med/9780190259440.003.0022.

[2] Fastovcov G.A., Iskandarov R.R., Burcev A.A. Principy lechebno-reabilitacionnyh meropriyatij v otnoshenii osuzhdennyh lic, stradayushchih post-travmaticheskim stressovym rasstrojstvom // *Psihicheskoe zdorov'e*. — 2019. — № 6. — S. 63–69. — EDN ZYFXZJ.

[3] Iskandarov R.R., Kryazheva S.G. Nejrotekhnologii v penitenciarnoj sisteme: perspektivy i etiko-pravovye vyzovy // *Obrazovanie i pravo*. — 2025. — № 2. — S. 555–558. — EDN BAZKLT.

[4] Wood D.P., Roy M.J., Wiederhold B.K., Wiederhold M.D. Combat-related post-traumatic stress disorder: a case report of virtual reality graded exposure therapy with physiological monitoring in a U.S. navy officer and a U.S. army officer // *Cureus*. — 2021. — Vol. 13, № 11. — P. e19604. — doi:10.7759/cureus.19604.

[5] Katz A.C., Norr A.M., Buck B., Fantelli E., Edwards-Stewart A., Koenen-Woods P., Zetocha K., Smolenski D.J., Holloway K., Rothbaum B.O., Difede J., Rizzo A., Skopp N., Mishkind M., Gahm G., Reger G.M., Andrasik F. Changes in physiological reactivity in response to the trauma memory during prolonged exposure and virtual reality exposure therapy for posttraumatic stress disorder // *Psychological Trauma*. — 2020. — Vol. 12, № 7. — P. 756–764. — doi:10.1037/tra0000565.

[6] Beidel D.C., Frueh B.C., Neer S.M., Bowers C.A., Trachik B., Uhde T.W., Grubaugh A. Trauma management therapy with virtual-reality augmented exposure therapy for combat-related PTSD: a randomized controlled trial // *Journal of Anxiety Disorders*. — 2019. — Vol. 61. — P. 64–74. — doi:10.1016/j.janxdis.2017.08.005.

[7] Reger G.M., Smolenski D., Norr A., Katz A., Buck B., Rothbaum B.O. Does virtual reality increase emotional engagement during exposure for PTSD? Subjective distress during prolonged and virtual reality exposure therapy // *Journal of Anxiety Disorders*. — 2019. — Vol. 61. — P. 75–81. — doi:10.1016/j.janxdis.2018.06.001.

[8] Gramlich M.A., Smolenski D.J., Norr A.M., Rothbaum B.O., Rizzo A.A., Andrasik F., Fantelli E., Reger G.M. Psychophysiology during exposure to trauma memories: Comparative effects of virtual reality and imaginal exposure for posttraumatic stress disorder // *Depression and Anxiety*. — 2021. — Vol. 38, № 6. — P. 626–638. — doi:10.1002/da.23141.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-624-629

ШУВАЛОВА Полина Александровна,
*ст. преподаватель кафедры психологии и гуманитарных дисциплин
Невинномысского института экономики, управления и права,
e-mail: mail@law-books.ru*

СОШЕНКО Марина Владимировна,
*доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru*

ШМЫРЕВ Виктор Иванович,
*доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru*

КЛИМОВА Елена Владимировна,
*доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru*

ЛУТОВИНОВА Наталья Викторовна,
*Преподаватель Колледжа РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru*

ОЦЕНКА И УПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ РИСКАМИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНОЙ ТРУДА НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ООО «АЛЬСИН»

Аннотация. В статье дается описание опыта управления профессиональными рисками на предприятии ООО «Альсин». На основе полученных результатов экспертной оценки, определен наиболее вероятный фактор риска – падение человека с высоты. Для моделирования сценария развития наиболее вероятного несчастного случая на производстве разработано «дерево событий».

Ключевые слова: профессиональные риски, управление охраной труда, опасные и вредные производственные факторы.

SHUVALOVA Polina Aleksandrovna,
*Art. Lecturer, Department of Psychology and Humanities,
Nevinnomyssk Institute of Economics, Management and Law*

SOSHENKO Marina Vladimirovna,
*Associate Professor,
Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU*

SHMYREV Viktor Ivanovich,
*Associate Professor,
Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU*

KLIMOVA Elena Vladimirovna,
*Associate Professor,
Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU*

LUTOVINOVA Natalia Viktorovna,
Lecturer at RSSU College

ASSESSMENT AND MANAGEMENT OF OCCUPATIONAL RISKS IN THE OCCUPATIONAL HEALTH AND SAFETY MANAGEMENT SYSTEM USING ALSIN LLC AS AN EXAMPLE

Annotation. The article describes the professional risk management experience at Alsin LLC. Based on the results of the expert assessment, the most likely risk factor was determined - a person falling from a height. An event tree has been developed to simulate the scenario of the most likely industrial accident.

Key words: occupational risks, occupational health and safety management, hazardous and harmful production factors.

Передовой международный и отечественный опыт свидетельствует, что разработка и внедрение в организации современных систем управления профессиональными рисками в системе управления охраной труда (СУОТ) не только способствует устранению производственных опасностей, но и повышает производительность труда и конкурентоспособность организации, что в настоящее время признано правительствами, работодателями и работниками.

Создание эффективной системы управления профессиональными рисками было и остается, чрезвычайно актуальной задачей при организации деятельности любого предприятия. Организация работ заключается в выборе и формиро-

вании структуры управления охраной труда на предприятии, которая соответствовала бы выполнению главной задачи — созданию безопасных и здоровых условий труда для работников.

Рассмотрим опыт создания системы управления профессиональными рисками на предприятии ООО «Альсин».

Оценка и управление профессиональными рисками на ООО «Альсин» направлена на формирование и поддержание профилактических мероприятий по оптимизации опасностей и рисков, в том числе по предупреждению аварий, травматизма и профессиональных заболеваний. На рисунке 1 показана схема оценки профессиональных рисков на рассматриваемом предприятии (рис. 1).

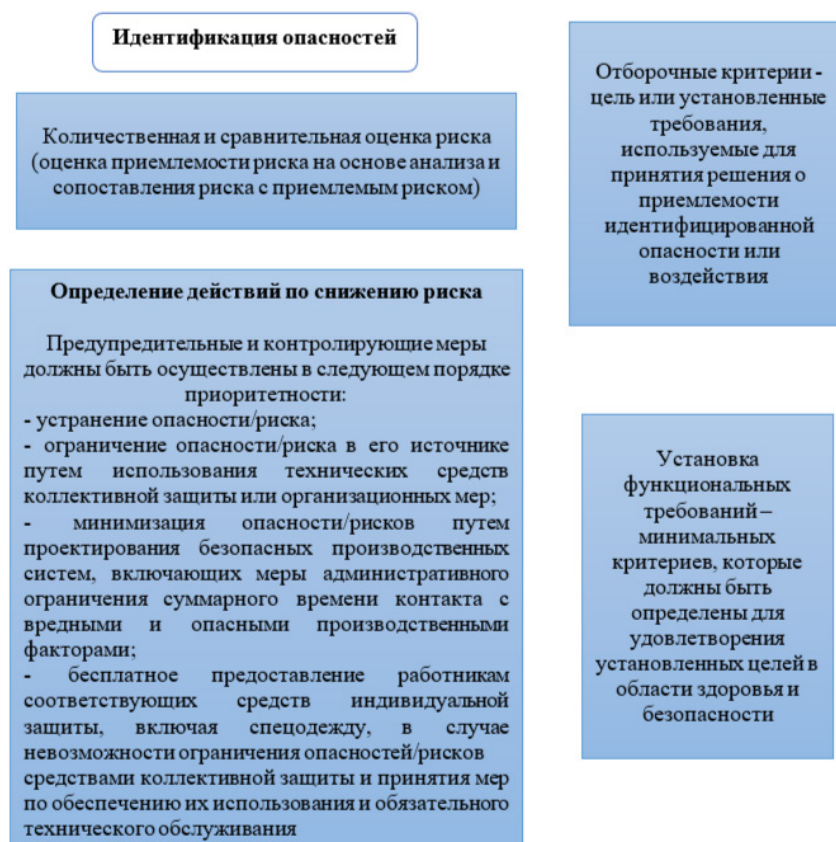

Рисунок 1. Схема оценки профессиональных рисков

Оценка риска позволяет ответить на следующие основные вопросы: какие события могут произойти и их причина (идентификация опасных событий); каковы последствия этих событий; какова вероятность их возникновения; какие факторы могут сократить неблагоприятные последствия или уменьшить вероятность возникновения опасных ситуаций.

Кроме того, оценка риска помогает ответить на вопрос: является уровень риска приемлемым, или требуется его дальнейшая обработка [3].

В российской практике применения методов оценки риска, исходя из традиционного подхода, основным недостатком является то, что главным источником возникновения рисков являются преимущественно технологические системы производства, а такое понятие как человеческий фактор практически не учитывается.

Основными показателями при оценке состояния безопасности и охраны труда на предприятии является уровень травматизма и профессиональной заболеваемости, действующие результаты специальной оценки условий труда, состояние условий труда, затраты на мероприятия по охране труда и другие.

Основными опасными и вредными производственными факторами на предприятии ООО «Альсин» являются: нагревающиеся части оборудования; электрический ток; высокое давление; повышенная температура оборудования и продуктов; обращение в технологическом процессе кислот и щелочей; взвешенные частицы пыли в воздухе; перемещаемые и складированные грузы и другие (табл. 1).

Таблица 1.

Характеристика вредных и опасных производственных факторов (ФиОПФ) на предприятии ООО «Альсин»

Вредные и опасные факторы	Характеристика воздействия от ВиОПФ	Причина возникновения профзаболевания или несчастного случая	Мероприятия по устранению ВиОПФ
1. Движущиеся, вращающиеся механизмы	Сопротивление обслуживающего персонала с движущимися частями машин или захвата одежды и рук, что может привести к травме	Работа без ограждения вращающихся или движущихся частей машин	Ограждения должны устанавливаться на границе опасных зон, куда могут отлетать части сломавшейся детали, инструмента и т.д.
2. Работа на высоте при сборке оборудования, части которого расположены на высоте 1,3 м и более	Падение обслуживающего персонала с высоты	Поломка стремянки, неправильная установка, неправильные приемы работы	Оборудование, расположенное на высоте 1,3 (1,8) м и более, должны иметь специальные СИЗ
3. Падающие предметы	Падение инструмента, монтируемых частей и крепежных деталей.	Механические травмы. Нерасчетливые и неаккуратные перемещения, непродуманные действия, неправильные приемы проведения работ, ненадежное крепление, не организованно рабочее место	

3. Работа с ручным инструментом и электроинструментом	1. Напряжение электрического тока 2. Травмирование рабочего подвижными частями электроинструмента	1. Поражение работающего персонала электрическим током 2. Нерасчетливые и неаккуратные перемещения, непродуманные действия, неправильные приемы проведения работ, не организованно рабочее место	1. Применение тока безопасного напряжения; Защитное заземление, зануление, защитное отключение и применение плавких предохранителей; постоянный контроль за состоянием электрооборудования и своевременный его ремонт; применение СИЗ от поражения электрическим током
4. Шум	Механический, постоянный. Воздействует на центральную нервную систему, что приводит к снижению работоспособности и работников	Отсутствие механических кожухов; отсутствие звукопоглощающих устройств	Своевременные профилактические и ремонтные работы по ликвидации и замене изношенного оборудования; в качестве индивидуальных защитных средств использовать беруши
5. Неравномерное рабочее освещение	Постоянный перевод взгляда с хорошо освещенного места на полутемное может привести к профессиональному заболеванию - нистагму	Недостаточное или нерациональное освещение	Необходимо проводить регулярную чистку светильников и ламп; осмотр и ремонт осветительной арматуры
6. Микроклимат	Переохлаждение и наличие сквозняков predisposes к инфекционным заболеваниям верхних дыхательных путей и легких, также к травматизму	Высокая относительная влажность воздуха (70-75%) при высоких и низких температурах окружающего воздуха	Двойное остекление, отопление

В связи с недостатком статистических данных, для определения наиболее вероятных факторов риска на предприятии был применен метод экспертных оценок, которые проводились с целью

проверки истинности логических исследований и моделирования.

Результаты исследования представлены на диаграмме (рис. 2).

Рисунок 2. Вероятность несчастных случаев на предприятии, оцененная экспертным методом

Исходя из полученных результатов исследования, можно сделать вывод о том, что основной причиной реализации несчастных случаев и травматизма на предприятии ООО «Альсин» в большинстве случаев являлся не отказ или неисправность технологического оборудования, а неправильная организация проведения работ, неосторожность, пренебрежение использованием СИЗ и др., то есть человеческий фактор.

Практика показывает, что большая часть несчастных случаев на производстве связаны именно с падением работников при выполнении работ на высоте (в нашем случае работы выполняются с использованием стремянки). Самыми

распространенными причинами несчастных случаев являются поломка стремянки, неправильная установка, неправильные приемы работы.

Для выявления основных причин и факторов реализации ранее выявленного наиболее вероятного происшествия целесообразно будет использовать вероятностный метод с использованием метода «дерева событий». Алгоритм построения «дерева событий» состоит в последовательном определении событий, исходящих из основного события.

Таким образом, для моделирования сценария развития наиболее вероятного несчастного случая на производстве было разработано «дерево событий» (рис. 3).

Рисунок 3. «Дерево событий», приводящее к получению травмы на предприятии ООО «Альсин»

Исходя из данного «дерева событий», можно сделать вывод, что событиями, приводящими к реализации несчастного случая, являются причины технического, организационного характера, а также не маловажно учесть и человеческий фактор.

Можно сформулировать следующие предложения по повышению эффективности деятельности по охране труда на предприятии ООО «Альсин» (табл. 2).

Таблица 1.

Пути повышения эффективности деятельности по охране труда на предприятии ООО «Альсин» [2]

Мероприятия для повышения эффективности деятельности по охране труда	Снижение уровня производственного травматизма и улучшения состояния охраны труда
	Переход от разрозненных мероприятий к системе планомерного целенаправленного управления
	Создание фондов охраны труда
	Оплата штрафных санкций
	Осуществление экспертиз и лицензирования проектно-конструкторской и технологической документации на соответствие нормативным актам
	Осуществлять систематическое инженерное обеспечение системы управления охраной труда
	Применение современных методов активного обучения работников
	Совершенствование производственного процесса и бизнес-планов с применением системного подхода

Список литературы:

- [1] МОТ-СУОТ 2001 / ILO-OSH 2001 «Руководство по системам управления охраной труда».
- [2] ГОСТ 12.0.230-2007 «ССБТ. Системы управления охраной труда. Общие требования».
- [3] ГОСТ Р ИСО/МЭК 31010-2011 «Менеджмент риска. Методы оценки риска».
- [4] ГОСТ Р 51901-2002 «Управление надежностью. Анализ риска технологических систем» (принят постановлением Госстандарта России от 07.06.2002 № 236-ст).

Spisok literatury:

- [1] МОТ-SUOT 2001 / ILO-OSH 2001 «Rukovodstvo po sistemam upravleniya oxranoy truda».
- [2] GOST 12.0.230-2007 «SSBT. Sistemy` upravleniya oxranoy truda. Obshhie trebovaniya».
- [3] GOST R ISO/ME`K 31010-2011 «Menedzhment riska. Metody` ocenki riska».
- [4] GOST R 51901-2002 «Upravlenie nadezhnost`yu. Analiz riska technologicheskix sistem» (prin-yat postanovleniem Gosstandarta Rossii ot 07.06.2002 № 236-st).

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-630-635

АСКЕРОВ Ниджат Натиг оглы,
Студент 2 курса магистратуры
международно-правового факультета МГИМО,
e-mail: askerov.n@my.mgimo.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В ИРАНЕ

Аннотация. В настоящей научной статье автор рассматривает особенности правового регулирования использования криптовалюты в современном Иране. В частности, автор исследования кратко отмечает 3 отдельных этапа в формировании соответствующей правовой базы, отдельно останавливаясь на современном этапе, который отличается качественно новым подходом законодателя к правовому регулированию. Автор также анализирует и некоторые актуальные нормы законодательства, ведомственных актов Центрального банка Ирана, также обращает внимание на несовершенство действующей нормативно-правовой базы. В заключении данной научной статьи автор представляет свои предложения по реформированию профильного законодательства Ирана, обращает внимание на необходимость его поступательного развития. **Объектом исследования являются** особенности правового регулирования использования криптовалюты в современном Иране. **Целью исследования является** комплексный, последовательный анализ особенностей правового регулирования использования криптовалюты в современном Иране. **Методы исследования:** это формально-юридический, компаративистский, сравнительный анализ, диалектический, статистический, математический, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. **Научная новизна исследования** заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей правового регулирования использования криптовалюты в современном Иране. Данная научная статья, таким образом, будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу гуманитарных и иных направлений подготовки, а также более широкому кругу читателей, интересующихся особенностями правового регулирования использования криптовалюты в современном Иране в контексте изучения проблем правоприменения в целом.

Ключевые слова: правовое регулирование, цифровая валюта, криптовалюта, национальная валюта, современные технологии, инновационная экономика, Иран, Иранская республика.

ASKEROV Nijat Natig oglu,
2nd year Master's degree student
at MGIMO Faculty of International Law

LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCY IN IRAN

Annotation. In this scientific article, the author examines the features of legal regulation of the use of cryptocurrency in modern Iran. In particular, the author of the study briefly notes 3 separate stages in the formation of the relevant legal framework, separately focusing on the current stage, which is distinguished by a qualitatively new approach of the legislator to legal regulation. The author also analyzes some current legislative norms, departmental acts of the Central Bank of Iran, and also draws attention to the imperfection of the current regulatory framework. In the conclusion of this scientific article, the author presents his proposals for reforming the specialized legislation of Iran, draws attention to the need for its progressive development. The object of the study is the features of legal regulation of the use of cryptocurrency in modern Iran. The purpose of the study is a compre-

hensive, consistent analysis of the features of legal regulation of the use of cryptocurrency in modern Iran. Research methods: formal-legal, comparative, comparative analysis, dialectical, statistical, mathematical, generalization, specification, systematization, deduction, and other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of the study lies in the preparation of a comprehensive study, the formation of the author's conclusions regarding the features of legal regulation of the use of cryptocurrency in modern Iran. This scientific article, therefore, will be useful to theorists, practitioners, students and faculty of humanitarian and other areas of training, as well as a wider range of readers interested in the features of legal regulation of the use of cryptocurrency in modern Iran in the context of studying the problems of law enforcement in general.

Key words: legal regulation, digital currency, cryptocurrency, national currency, modern technologies, innovative economy, Iran, Iranian Republic.

Вопрос об отношении законодателя к регулированию криптовалюты актуален для любого современного государства. С одной стороны, криптовалюта активно используется как средство обхода закона в совершении разного рода денежных операций, через нее довольно часто производят отмывание финансирования, полученного преступным путем или финансирования терроризма, причем криптовалютная преступность в своем большинстве носит транснациональный характер, а потому крайне сложно поддается расследованию и привлечению к ответственности виновных лиц. С другой стороны, широкое распространение криптовалюты может сделать это направление высоко доходной статьей бюджета государства, если грамотно организовать систему налогообложения. Поэтому государство с разных сторон, но все же заинтересовано в формулировании соответствующего правового регулирования вопроса [3].

В зарубежных государствах на данный момент не выработалось единой позиции относительно правового статуса криптовалюты – соответственно, нет единого мнения, каким образом строить правовое регулирование. Какие-то государства идут по радикальному пути и категорически отказываются признавать криптовалюту в качестве законного средства платежа (среди таких государств в т.ч. и Россия), другие же стараются решить этот вопрос компромиссно. Тем не менее, на данный момент строгого единообразного понимания правового статуса криптовалюты в зарубежном праве не выработалось.

В Иранской республике отношение законодателя к криптовалюте также сдержанное. С одной стороны, сложно игнорировать ее широкое практическое распространение, не учитывать использование на практике. С другой же, в настоящее время иранский законодатель по-прежнему плохо понимает, как наиболее эффективно построить правовое регулирование подобных правоотношений [3; 5].

Исторически позицию Ирана в отношении использования криптовалюты можно обозначить

как переменчивую, нестабильную. Сегодня общая численность криптоактивов, находящихся в распоряжении иранских предпринимателей, превышает 50 млрд долларов США, и в среднем это составляет примерно 1/3 от всего рынка золота в государстве.

Собственно, именно многочисленные западные санкции, под которыми Иран находится аж с 1979 г., и разного рода трудности с трансграничными платежами стали причиной того, что в 2018 г. власти Ирана официально признали майнинг криптовалют легальной отраслью, и добыча криптовалюты подлежала немедленной передаче центральному банку страны [7].

В 2019 г. Иран стал более строго подходить к законодательной составляющей, полностью исключив на территории страны использование криптовалюты. Иными словами, криптовалюта не признавалась в качестве законного платежного средства, местный центральный банк не гарантировал их стоимость. Впрочем, майнинг криптовалюты оказался все же разрешен, но на определенных условиях, в качестве промышленной деятельности на основании получения лицензии. Официально утверждалось, что транзакции с использованием криптовалют и иных цифровых денег не имеют правового статуса [7].

Подобную практику можно было наблюдать еще в 2022 г., когда Иран, таким образом, пошел по самой жесткой модели правового регулирования правового статуса криптовалюты. Т.е., это был полный запрет на любое их использование, отсутствие установления их в качестве объекта налогообложения и т.д. Между тем, далее можно наблюдать незначительное послабление в рассматриваемом вопросе, что заключалось, в частности, в использовании криптовалют как способа оплаты товаров из-за рубежа по соглашению, заключенному между Министерством промышленности, горнодобывающей отрасли и торговли и национальным центральным банком. К примеру, подобная практика была широко распространена при купле-продаже автомобилей [3; 10].

Однако последние несколько лет правовая политика Ирана характеризуется некоторой либерализацией сразу по ряду направлений. Так, независимый аналитический исследовательский центр «Религия, Право и Политика» отмечает, что современное отношение иранского законодателя к национальной правовой системе можно охарактеризовать тезисом «от революционных принципов к прагматичной адаптации».

Заметную либерализацию эксперты связывают, главным образом, с личностью нового президента Ирана, который пришел к власти в стране в 2024 г. Напомним, что выборы были проведены досрочно, а их победителем стал кандидат-реформист М. Пезешкиан, который отличается позитивным отношением к либеральным реформам и многовекторной внешней политике. Так, основными постулатами его предвыборной кампании стали предоставление больших прав женщинам, национальным меньшинствам, развитие диалога между Ираном и США, а также направленностью на постепенное снятие санкций. По оценкам экспертов, в настоящее время Иран действительно находится на пути существенных либеральных реформ, в первую очередь, это касается именно внутривнутриполитической жизни, ее социально-экономического блока.

Собственно, смягчение позиции законодателя в отношении правового регулирования криптовалюты и произошло уже во второй половине 2024 г. Об этом, в частности, заявил министр экономики Ирана А. Хеммати, который отметил, что государство нацелено на активное использование криптовалюты в национальной экономике – прежде всего, в целях обхода установленных санкций, а также для более эффективной интеграции в мировую экономику. Это сообщение в начале декабря 2024 г. процитировали все государственные информационные агентства Ирана. Таким образом, вместо абсолютного запрета теперь в Иране вводится государственное регулирование криптовалюты под контролем центрального банка страны [4].

Эксперты отнеслись к подобной либерализации позитивно, отмечая вероятность повышения общего объема торгов на местных площадках уже на 15-20 % в первые месяцы после принятия указанных мер. Кроме того, экономисты прогнозировали качественное снижение теневого оборота, ведь, согласно статистическим данным, порядка 30 % местных денежно-кредитных операций с использованием криптовалюты были ранее реализованы вне действующего правового поля. Иными словами, смягчение правового регулирования в отношении правового статуса криптовалюты, по мнению законодателя, должно системно способствовать:

- созданию внешних и внутренних условий для стимулирования инвестиций;
- повышение прозрачности, открытости национальной экономики в целом;
- обеспечение поступательного, стабильного роста сектора;
- иное.

Таким образом, законодатель обращает внимание на возможность позитивного влияния как непосредственно на национальную экономику, так и на международное экономическое взаимодействие Ирана, тем самым, совокупно способствуя повышению эффективности защиты экономических интересов, развитию наиболее перспективных отраслей экономики, в т.ч. в условиях санкционного давления.

В тот же день, когда министр экономики выступил с соответствующим заявлением, Центральный банк Ирана опубликован комплексный документ, в котором изложены основные положения о новом правовом регулировании использования криптовалюты в стране. Это директива «Рамки политики регулирования Центрального банка в области криптовалют». В настоящее время данный документ по-прежнему остается единственным профильным источником регулирования, создающим необходимую правовую базу для использования криптовалют. В частности, документом установлены следующие положения:

- установлена обязанность брокеров цифровых валют получения лицензии Центрального банка Ирана, а также право функционирования исключительно лицензированных трастовых учреждений;
- использование цифровых валют в качестве законного средства платежа внутри государства по-прежнему запрещено;
- введение подразделения токенов на отдельные разновидности: для транзакций, обеспеченные ценными бумагами или утилитарные;
- установление особого правового статуса цифровой валюты Центрального банка Ирана;
- иное [2; 5].

При этом, нельзя говорить о том, что либерализация в отношении использования криптовалют полная и необдуманная. Мы видим из положений документа, что криптовалюта по-прежнему не рассматривается как законное средство платежа. Кроме того, в начале 2025 г. был введен запрет на рекламу криптовалют, криптовалютных бирж и т.д., в т.ч. с использованием Интернет-ресурсов. Все это свидетельствует о достаточно сдержанной политике иранского законодателя в отношении криптовалюты, о его продуманном реагировании на ее появление в правовом поле.

Сегодня на территории Ирана действует крупнейшая в государстве криптобиржа «Nobitex»,

которая фактически занимает более 90 % от всего рынка в государстве. Формально криптовалюта действительно не реализуется как законное средство платежа, однако на практике применяется населением довольно активно, особенно в качестве инструмента для сохранения сбережений. Интересно, что все более активно криптовалюту начинает использовать и само государство, хотя в целом можно уверенно сказать о том, что применение криптовалюты в Иране достаточно ограничено. Майнинг и функционирование криптовалютных бирж с каждым годом становится все более значительной частью экономики страны, и законодатель постепенно примиряется с данной позицией [6].

Еще одна проблема экономики Ирана, которая буквально подталкивает государство к легализации криптовалюты как законного средства платежа, выступает кризис национальной валюты – иранского риала. Серьезное ослабление риала наблюдается на фоне разного рода экономических сложностей, политических санкций. По-прежнему действует запрет использования риаловых транзакций на криптовалютных биржах, и это актуализирует вопрос о проблеме правового статуса криптовалюты.

Экономисты отмечают, что иранский риал теряет свою экономическую значимость довольно продолжительный период – на протяжении нескольких десятилетий. Политическая и экономическая изоляция, некачественное управление национальной экономикой, крайне сложные отношения Ирана и США способствовали этому процессу, который продолжается и в настоящее время.

Тем не менее, специалисты называют криптовалюту не ключевым фактором в наступившем кризисе. Так, если рассматривать статистические показатели по оттоку финансов в экономике страны, то можно наблюдать рост данных лишь в менее 1 % от всей экономики Ирана. Кроме того, именно использование криптовалюты в некоторой степени позволяет сохранить стабильность экономики.

Так, при грамотно проработанном правовом поле, криптовалюты действительно могут стать надежным, причем надежным в долгосрочной перспективе источником сбалансирования регуляторной политики государства. Кроме того, именно качественная правовая база, как уже отмечалось ранее, может стать источником для привлечения инвестиций, стабилизации финансовой системы в долгосрочной перспективе, т.е., не столько проблемой, сколько возможностью и для государства, и для всего населения страны в целом [4].

Таким образом, можно отметить следующие отличительные характеристики современного состояния правового регулирования криптовалюты в Иране:

- отсутствие качественной правовой базы, которая находится только в стадии своего формирования;
- относительно позитивное отношение законодателя к криптовалюте в целом, поскольку соблюдается императивно-диспозитивный характер регулирования;
- направленность на более активное внедрение криптовалюты в национальную экономику;
- использование криптовалюты как ключевого инструмента для обхода внешнеэкономических санкций;
- иное [7].

Таким образом, сегодня иранский законодатель действительно существенно смягчил собственную позицию в отношении правового регулирования криптовалюты, поскольку стал больше обращать внимание на ее позитивные, нежели негативные стороны. Для Ирана криптовалюта действительно может стать наиболее эффективным инструментом в части обхода санкций, стабилизации национальной экономики и ее поступательного развития. Собственно, поэтому власти Ирана сегодня уделяют значительное внимание формированию соответствующей правовой базы, стараясь одновременно сохранять определенные правовые рамки, чтобы держать жесткий контроль за функционированием криптобирж.

В заключении исследования отметим наиболее перспективные направления для совершенствования действующего правового регулирования использования криптовалют в Иране. Во-первых, это проработка установленных процедур лицензирования, чтобы каждый участник криптовалютных правоотношений находился под контролем государства и осуществлял законную предпринимательскую деятельность. Сегодня процедура лицензирования действует, но в ограниченном варианте, распространяясь на брокеров и трастовые компании.

Во-вторых, необходимо разработать и принять единый нормативно-правовой акт, регламентирующий особенности правового статуса криптовалюты. Сегодня, как уже отмечалось выше, единственным правовым источником выступает профильная директива Центрального банка Ирана, которая в контексте иерархии источников права обладает статусом ведомственного документа. Кроме того, очевидно, что при активном практическом использовании криптовалюты и ее более существенном внедрении в правовое поле, что наблюдается в настоящее время, требуется более

детальное оформление самого по себе правового статуса криптовалюты. Так, сегодня криптовалюта в Иране не имеет законодательно установленных:

- понятий, это касается всего терминологического аппарата в целом;
- отличительных характеристик;
- соотношения криптовалюты и национальной валюты государства;
- особенности совершения разного рода операций с криптовалютой, ее использование в гражданском обороте;
- иное [2; 4].

Это поможет, например, решить вопрос о налогообложении криптовалютных доходов, что для государства, функционирующего в сложных экономических условиях, не станет лишним. Кроме того, требует доработки и вопрос установления юридической ответственности за совершение разного рода преступлений, объектом или предметом которых выступает непосредственно криптовалюта. В первую очередь, это уголовная ответственность – полагаем, заслуживает внимания тезис о важности введения отдельной статьи УК Ирана, закрепляющей преступления данного вида.

Также полагаем, внимания законодателя заслуживают и другие проблемные вопросы правового регулирования, встречающиеся в т.ч. в судебной практике.

Кратко обозначим ключевые выводы по результатам представленного выше научного исследования.

Предметом изучения в данной научной статье выступают особенности правового регулирования криптовалюты в Иране.

Так, автор отмечает, что на практике криптовалютные правоотношения в Иранской республике довольно распространены, причем это касается не только частного, но и государственного сектора. Исторически автор отмечает следующие этапы развития особого отношения законодателя к урегулированию правового статуса криптовалюты:

- до 2018 г.: относительное послабление в государственной политике, разрешение использования криптовалюты по некоторым отдельным направлениям;
- 2019-2024 гг.: установление полного запрета на использование криптовалюты в национальной экономике, отказ ее гарантирования со стороны Центрального банка Ирана, от ее признания в качестве законного средств платежа;
- 2024 гг.: существенное изменение позиции законодателя, смягчение отношения к правовому статусу криптовалюты для ее более активного внедрения в функционирование государственного

и частного сектора. Полагаем, в дальнейшем подобная тенденция сохранится на данном уровне [8].

Таким образом, сегодня Иран идет по пути тех немногих государств мира, которые ушли от абсолютного отказа от использования криптовалюты, от ее полного запрета, и старается постепенно формировать соответствующее правовое поле. Некоторые действия со стороны Центрального банка Ирана в т.ч. в части разработки правового регулирования уже были произведены, однако пока, на наш взгляд, этого явно недостаточно, особенно если иранские власти действительно планируют в дальнейшем более активно внедрять криптовалюту в экономику. Ряд предложений по совершенствованию профильного правового регулирования в т.ч. были сформулированы и в настоящем научном исследовании.

Список литературы:

- [1] Андрианова Н.Г. Зарубежный опыт правового регулирования налогообложения криптовалют // *Налоги и налогообложение*. – 2023. – № 13. – С. 108-115.
- [2] Безенков И.А. Международный опыт противодействия коррупционным правонарушениям, совершаемым с использованием цифровой валюты // *Законность*. 2024. N 4. – С. 44 - 48.
- [3] Егорова М.А., Белицкая А.В. Правовое регулирование хранения и оборота криптовалют: российский и зарубежный опыт // *Право и цифровая экономика*. 2020. N 4. – С. 32 - 38.
- [4] Ивардава Л.И. Изменение сферы и пределов правового регулирования в условиях цифровой экономики // *Безопасность бизнеса*. 2019. N 1. – С. 39 - 47.
- [5] Иран введет регулирование криптовалют вместо запрета для обхода санкций [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: https://ru.tradingview.com/news/rbc_crypto%3Aa9303d85c67b8%3A0/
- [6] Максуров, А. А. Блокчейн, криптовалюта, майнинг: понятие и правовое регулирование: монография / А. А. Максуров. - 4-е изд. - Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2023. - 211 с.
- [7] Степанов А.О. Ориентиры правового обеспечения безопасного развития сферы блокчейн-технологий, связанные с анализом функционирования зарубежных юрисдикций // *Современное право*. 2024. N 4. – С. 69 - 72.
- [8] Трунцевский Ю.В. Мировой и зарубежный опыт ПОД/ФТ в сфере финансовых технологий // *Международное публичное и частное право*. 2018. N 4. – С. 27 - 30.

[9] Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография / Н.Е. Абрамова, С.Я. Боженко, О.В. Веремеева и др.; под ред. И.И. Кучерова, Н.А. Поветкиной. Москва: ИЗиСП, Юриспруденция, 2022. – 272 с.

[10] Шашкова А.В., Соловцов А.О. Альтернативные валюты: быть или не быть? // Банковское право. 2023. N 1. – С. 57 - 67.

Spisok literatury:

[1] Andrianova N.G. Zarubezhnyj opyt pravovogo regulirovaniya nalogooblozheniya kriptovalyut // Nalogi i nalogooblozhenie. – 2023. – № 13. – С. 108-115.

[2] Bezenkov I.A. Mezhdunarodnyj opyt protivodejstviya korrupcionnym pravonarusheniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem cifrovoj valyuty // Zakonnost'. 2024. N 4. – С. 44 - 48.

[3] Egorova M.A., Belickaya A.V. Pravovoe regulirovanie hraneniya i oborota kriptovalyuty: rossijskij i zarubezhnyj opyt // Pravo i cifrovaya ekonomika. 2020. N 4. – С. 32 - 38.

[4] Ivardava L.I. Izmenenie sfery i predelov pravovogo regulirovaniya v usloviyah cifrovoj ekonomiki // Bezopasnost' biznesa. 2019. N 1. – С. 39 - 47.

[5] Iran vvedet regulirovanie kriptovalyut vmesto zapreta dlya obhoda sankcij [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: – URL: https://ru.tradingview.com/news/rbc_crypto%3Aa9303d85c67b8%3A0/

[6] Maksurov, A. A. Blokchejn, kriptovalyuta, majning: ponyatie i pravovoe regulirovanie: monografiya / A. A. Maksurov. - 4-e izd. - Moskva: Izdatel'sko-torgovaya korporaciya «Dashkov i K°», 2023. - 211 s.

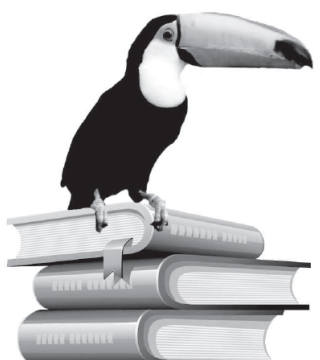
[7] Stepanov A.O. Orientiry pravovogo obespecheniya bezopasnogo razvitiya sfery blokchejn-tehnologij, svyazannye s analizom funkcionirovaniya zarubezhnyh yurisdikcij // Sovremennoe pravo. 2024. N 4. – С. 69 - 72.

[8] Truncevskij YU.V. Mirovoj i zarubezhnyj opyt POD/FT v sfere finansovyh tekhnologij // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2018. N 4. – С. 27 - 30.

[9] Cifrovaya sushchnost' finansovogo prava: proshloe, nastoyashchee, budushchee: monografiya / N.E. Abramova, S.YA. Bozhenok, O.V. Veremeeva i dr.; pod red. I.I. Kucheroва, N.A. Povetkinoy. Moskva: IZISP, YUrisprudenciya, 2022. – 272 s.

[10] SHashkova A.V., Solovcov A.O. Al'ternativnye valyuty: byt' ili ne byt'? // Bankovskoe pravo. 2023. N 1. – С. 57 - 67.

Юридическое издательство
«ЮРКОПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-636-638

ДОЛГОВ Данил Сергеевич,
Студент Юридической школы Дальневосточного
федерального университета,
e-mail: dolgov.ds@dvfu.ru

ГУДКОВА Диана Руслановна,
Студент Юридической школы Дальневосточного
федерального университета,
e-mail: gudkova.dr@dvfu

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МАЙНИНГА КРИПТОВАЛЮТ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье исследуется правовое регулирование майнинга криптовалют в Российской Федерации после принятия Федерального закона от 08.08.2024 № 221-ФЗ, легализовавшего эту деятельность. Авторы анализируют введенные законодательные понятия, а также требования и ограничения данной деятельности. Особое внимание уделяется вопросам налогообложения, включая определение налоговой базы, ставки НДФЛ и налога на прибыль для физических и юридических лиц. Подчеркиваются некоторые проблемы налогового администрирования данной области. Рассматриваются возможные формы сокрытия доходов от майнинга, а также существующие методы выявления незаконного майнинга. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и разработки эффективных механизмов контроля для минимизации теневого майнинга и обеспечения налоговой прозрачности.

Ключевые слова: майнинг, криптовалюты, правовое регулирование, налогообложение, цифровые активы, блокчейн, налоговые риски.

DOLGOV Danil Sergeevich,
Student of the Law School of the Far Eastern
Federal University

GUDKOVA Diana Ruslanovna,
Student of the Law School of the Far Eastern
Federal University

LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCY MINING IN RUSSIA IN THE CONDITIONS OF MODERN LEGISLATION

Annotation. The article examines the legal regulation of cryptocurrency mining in the Russian Federation after the adoption of the Federal Law of 08.08.2024 № 221-FZ, which legalised this activity. The authors analyse the introduced legislative concepts, as well as the requirements and restrictions of this activity. Special attention is paid to taxation issues, including the definition of the tax base, personal income tax and profit tax rates for individuals and legal entities. Some problems of tax administration in this area are emphasised. Possible forms of concealment of income from mining are considered, as well as existing methods of detecting illegal mining. It is concluded that it is necessary to further improve legislation and develop effective control mechanisms to minimise shadow mining and ensure tax transparency.

Key words: mining, cryptocurrencies, legal regulation, taxation, digital assets, blockchain, tax risks.

Бурное развитие технологий распределенного реестра и криптовалют в последние годы, сопровождаемое зна-

чительным ростом популярности и капитализации цифровых активов, выдвинуло на передний план необходимость правового осмысления и регули-

рования связанных с ними видов деятельности. Одним из ключевых элементов экосистемы криптовалют является майнинг – процесс, обеспечивающий функционирование и безопасность блокчейн-сетей посредством вычислительных мощностей. В Российской Федерации, обладающей значительным потенциалом в сфере информационных технологий и располагающей богатыми энергетическими ресурсами, деятельность по майнингу цифровых валют привлекает повышенное внимание со стороны как частных лиц и предпринимательского сообщества, так и государственных органов. До 2024 года специализированное правовое регулирование майнинга в РФ отсутствовало. Однако принятие Федерального закона от 08.08.2024 N 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ознаменовало собой легализацию данной деятельности посредством введения соответствующих дефиниций и нормативных положений. Так, в соответствии со статьей 1 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ (далее - Закон о ЦФА) майнингом цифровой валюты признается деятельность по проведению математических вычислений путем эксплуатации технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую технологию, в том числе технологию распределенного реестра, имеющих целью выпуск цифровой валюты и (или) получение лицом, осуществляющим такую деятельность, вознаграждения в цифровой валюте за подтверждение записей в информационной системе. Кроме того, были даны такие понятия как: 1) майнинг-пул; 2) лицо, организующее деятельность майнинг пула; 3) майнинговая инфраструктура; 4) оператор майнинговой инфраструктуры; 5) адрес-идентификатор. Введение четкого понятийного аппарата является важным шагом в правовом регулировании, учитывая сложность и многоаспектность регулируемой области.

Статьей 14.2 Закона о ЦФА установлено, что осуществлять майнинг цифровой валюты вправе физические и юридические лица, зарегистрированные в соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2001 года N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», с момента включения в «майнинг реестр». Постановлением Правительства РФ от 01.11.2024 N 1469 было дополнено, что физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей вправе осуществлять майнинг, если потребляемая энергия при осуществлении такой деятельности не

превышает 6000 киловатт-часов в месяц. Закон о ЦФА предусматривает и ограничения, связанные с майнингом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для законного майнинга в РФ необходимо: 1) внести сведения в «реестр майнеров» на сайте ФНС; 2) предоставить информацию о получении цифровой валюты и об адресе-идентификаторе в ФНС; 3) Предоставлять налоговую отчетность и уплачивать налоги.

Что касается налогообложения, то если обратиться к официальному сайту ФНС, то физические лица платят НДФЛ в размере от 13% до 15%. Однако, если проанализировать пункт 2.1 статьи 210 и п.1 статьи 224 НК РФ, то получается, что ставка НДФЛ по доходам в виде цифровой валюты, полученной в результате осуществления майнинга цифровой валюты для физических лиц - резидентов РФ, составляет 13%-22% по прогрессивной шкале. Представляется вероятным, что лица, не обладающие достаточной квалификацией в области налогового законодательства, могут столкнуться с трудностями при самостоятельном расчете суммы налога, подлежащей уплате. Представленная на сайте ФНС информация требует уточнения, поскольку, согласно подпункту 13 пункта 6 статьи 210 и пункту 1.1 статьи 224 НК РФ, ставка 13%-15% применяется в отношении доходов от приобретения, продажи и (или) иного выбытия цифровой валюты, а не в отношении доходов, полученных в результате её майнинга. Доход в виде цифровой валюты, полученной в результате осуществления майнинга цифровой валюты юридическим лицом, облагается налогом на прибыль организаций - 25%. Следует отметить, что применение специальных налоговых режимов при майнинге не допускается.

Одним из наиболее актуальных вопросов является определение размера налоговой базы применительно к доходам, полученным в виде цифровых валют. Общеизвестно, что цифровые валюты не обеспечены традиционными активами и характеризуются высокой волатильностью, что неоднократно отмечалось Центральным банком Российской Федерации. В соответствии с пунктом 2 статьи 282.3 НК РФ, доходы в виде цифровой валюты, полученной в результате майнинга, определяются исходя из рыночной котировки данной цифровой валюты на дату признания дохода. Цена закрытия цифровой валюты, выраженная в иностранных цифровых правах, курс которых привязан к курсу иностранной валюты, подлежит пересчету в рубли по официальному курсу Центрального банка Российской Федерации, действовавшему на дату признания дохода. Таким образом, законодатель фактически вводит понятие «стейблкоинов», подразумевая под ними ино-

странные цифровые права, курс которых привязан к курсу иностранной валюты. В апреле 2025 года, уже после вступления в силу нормативных положений, касающихся майнинга, на сайте ФНС был опубликован перечень крупнейших криптовалютных бирж, используемых для определения доходов в виде криптовалюты, что позволило придать статье 282.3 НК РФ практическую применимость. Указанные биржи, согласно законодательству, должны соответствовать определенным критериям, включая: 1) объем торгов по сделкам с цифровой валютой, превышающий 100 миллиардов рублей в день; 2) размещение информации о рыночных котировках цифровой валюты на официальном сайте биржи в течение трех лет, предшествующих дате совершения операций с цифровой валютой. В результате, ФНС отнесла к указанной категории биржи ByBit, Binance, OKX и другие.

Данная сфера характеризуется значительным уровнем анонимности, а также наличием технологических средств, затрудняющих идентификацию владельцев криптовалютных кошельков. В правоприменительной практике неоднократно отмечались сложности установления принадлежности цифровых кошельков конкретным физическим или юридическим лицам. В связи с этим, возникает риск уклонения от налогообложения доходов, полученных от майнинга, который может проявляться в следующих формах: 1) полное сокрытие деятельности, включающее отсутствие регистрации в реестре субъектов, осуществляющих деятельность по майнингу, непредоставление сведений о ведении такой деятельности и, как следствие, неуплату налоговых обязательств; 2) частичное сокрытие доходов, выражающееся в создании множества криптокошельков с последующим декларированием прибыли только с одного из них, что приводит к неполному исполнению налоговых обязательств. Несмотря на то, что в правоприменительной практике сформировались отдельные методы выявления незаконного майнинга, основанные, в частности, на анализе потребления электроэнергии и выявлении так называемого «безучетного энергопотребления» (например, Решение Арбитражного суда города Иркутска от 07.02.2025 года № А19-7075/2023), установление факта наличия нескольких криптовалютных кошельков у налогоплательщика представляется практически невозможным. В связи с этим сохраняется риск уклонения от налогообложения, обусловленный возможностью сокрытия цифровых кошельков и значительных объемов цифровых активов. Данная ситуация потенциально может стимулировать развитие латентного майнинга, особенно в случаях, когда майнеры не осуществляют конвертацию цифровой валюты в фиатные средства и не проводят операций по переводу

электронных денежных средств. В условиях отсутствия эффективных механизмов контроля за состоянием цифровых кошельков и надежных методов их идентификации с конкретными физическими или юридическими лицами, существует высокая вероятность неполной уплаты налогов майнерами, что негативно скажется на формировании бюджета и соблюдении принципов налоговой справедливости.

Принятие законодательных норм, регулирующих майнинг в России, создало правовые основы для легализации этой деятельности, однако остаются значительные пробелы в налоговом администрировании и механизмах контроля. Высокая волатильность криптовалют, сложность идентификации операций и риски уклонения от налогов требуют дальнейшего совершенствования законодательства и разработки более эффективных инструментов надзора. Без этого сохранится дисбаланс между легальным и теневым майнингом, что может негативно сказаться на бюджетных поступлениях и экономической безопасности страны.

Список литературы:

- [1] Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют. Дата публикации на сайте: 09.02.2022. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
- [2] Решение Арбитражного суда города Иркутска от 07.02.2025 года № А19-7075/2023. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
- [3] Информация Федеральной налоговой службы от 1 ноября 2024 г. «На сайте ФНС России размещен сервис «МайнингРеестр» // ЭПС «Система ГАРАНТ»
- [4] Васильева Е.Г., Толстов Р.Э. Налогообложение и майнинг цифровых валют [cyberleninka] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2025.

Spisok literatury:

- [1] Konceptsiya zakonodatel'nogo reglamentirovaniya mekhanizmov organizacii oborota cifrovyyh valyut. Data publikacii na sajte: 09.02.2022. Dostup iz SPS «Konsul'tant Plyus».
- [2] Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Irkutsk-a ot 07.02.2025 goda № А19-7075/2023. Dostup iz SPS «Konsul'tant Plyus».
- [3] Informaciya Federal'noj nalogovoj sluzhby ot 1 noyabrya 2024 g. «Na sajte FNS Rossii razmeshchen servis «MajningReestr» // EPS «Sistema GARANT»
- [4] Vasil'eva E.G., Tolstov R.E. Nalogooblozhenie i majning cifrovyyh valyut [cyberleninka] // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. - 2025.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-639-644

ФИЛИНА Нина Владимировна,
кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры «Таможенное дело и право»
Омского государственного университета путей сообщения,
г. Омск, Россия,
e-mail: nina.filina.01@mail.ru

ГУДКОВ Юрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Таможенное дело и право»
Омского государственного университета путей сообщения,
г. Омск, Россия,
e-mail: uelrjd1957@mail.ru

СЕНИН Игорь Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Таможенное дело и право»
Омского государственного университета путей сообщения,
г. Омск, Россия,
e-mail: senin.ru@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: КОНЦЕПЦИЯ, СОДЕРЖАНИЕ И МЕХАНИЗМЫ

Аннотация. В статье исследуются концепция, содержание и механизмы реализации цифровых прав человека в условиях стремительной цифровизации общества. Анализируются ключевые подходы к пониманию цифровых прав: адаптационный, инновационный и комплексный. Рассматриваются практические примеры регулирования цифровых прав в России и за рубежом (2023–2025 гг.), включая вопросы доступа к госуслугам, цифрового голосования, защиты персональных данных и этики искусственного интеллекта. Особое внимание уделено правовым вызовам, таким как конфликт между приватностью и общественными интересами, цифровое неравенство и кибербезопасность. Предлагаются меры по гармонизации законодательства, развитию цифровой грамотности и международному сотрудничеству для обеспечения баланса между технологическим прогрессом и защитой прав человека.

Ключевые слова: цифровые права, цифровизация, защита данных, электронная демократия, искусственный интеллект, кибербезопасность, цифровая грамотность, правовое регулирование.

FILINA Nina Vladimirovna,
kandidat politicheskikh nauk, dotsent,
dotsent kafedry «Tamozhennoe delo i pravo»
Omskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniia,
g. Omsk, Rossiia

GUDKOV Iurii Aleksandrovich,
kandidat iuridicheskikh nauk, dotsent,
dotsent kafedry «Tamozhennoe delo i pravo»
Omskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniia,
g. Omsk, Rossiia

SENIN Igor' Nikolaevich,
kandidat iuridicheskikh nauk, dotsent,
dotsent kafedry «Tamozhennoe delo i pravo»
Omskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniia,
g. Omsk, Rossiia

DIGITAL HUMAN RIGHTS: CONCEPT, CONTENT AND MECHANISMS

Annotation. *The article explores the concept, content and mechanisms of the implementation of digital human rights in the context of the rapid digitalization of society. Key approaches to understanding digital rights are analyzed: adaptive, innovative and comprehensive. Practical examples of digital rights regulation in Russia and abroad (2023-2025) are considered, including issues of access to public services, digital voting, personal data protection and artificial intelligence ethics. Particular attention is paid to legal challenges, such as the conflict between privacy and the public interest, digital inequality and cybersecurity. Measures are proposed to harmonize legislation, develop digital literacy and international cooperation to ensure a balance between technological progress and the protection of human rights.*

Key words: *digital rights, digitalization, data protection, e-democracy, artificial intelligence, cybersecurity, digital literacy, legal regulation.*

Цифровая трансформация общества привела к возникновению новых форм реализации прав человека, что потребовало переосмысления традиционных правовых механизмов. Цифровые права, рассматриваемые как «права четвёртого поколения», стали ответом на вызовы, связанные с развитием интернета, больших данных и искусственного интеллекта. Однако их законодательное закрепление и защита остаются предметом дискуссий, особенно в условиях фрагментарного регулирования и быстро меняющихся технологий. Целью данной статьи является анализ концепции цифровых прав, их содержания и механизмов реализации, а также выявление ключевых проблем и перспектив их решения. В работе рассматриваются примеры из российской и международной практики, обсуждаются этические и правовые аспекты цифровизации, а также предлагаются пути совершенствования регулирования.

Цифровые права всё чаще называют правами «четвёртого поколения», возникающими в ответ на вызовы цифровой эпохи. Однако в науке конституционного права до сих пор нет единого подхода к их определению. Дискуссия ведётся вокруг двух ключевых вопросов: являются ли цифровые права абсолютно новыми или это адаптация классических прав (например, свободы слова) к цифровой среде? Как их законодательно закрепить, чтобы обеспечить защиту в условиях быстро меняющихся технологий?

В России цифровые права часто сводятся к гражданско-правовым аспектам, таким как оборот цифровых активов (например, закон о ЦФА, 2023). Однако такой подход критикуют за узость, поскольку цифровые права должны охватывать и

другие сферы: внедрение цифровых платформ (например, «Госуслуги») упростило взаимодействие с государством, но одновременно породило вопросы защиты персональных данных. В 2024 г. участились случаи утечек, что подчеркнуло необходимость усиления кибербезопасности. Пилотные проекты онлайн-выборов (Москва, 2023) показали, как преимущества (увеличение явки), так и риски (возможные кибератаки). Использование ИИ для анализа общественного мнения (как в Бразилии на выборах 2024 г.) требует правовых рамок, чтобы избежать манипуляций [1, С. 149-151].

Понятие цифровых прав тесно связано с цифровой демократией и цифровым правительством. Оно также включает идею цифрового гражданства, которое не заменяет традиционное, а дополняет его, расширяя возможности людей в цифровой среде. Важным направлением цифрового гражданства является политическое участие, включающее инструменты электронной демократии и взаимодействие с цифровыми госструктурами.

Исследователи выделяют ряд прав, которые либо возникли в цифровую эпоху, либо трансформировались под её влиянием. Среди них: право на доступ в интернет – как условие цифровой включённости; право на цифровую идентичность – включая системы аутентификации и защиту цифрового профиля; право на защиту персональных данных – особенно биометрических и других чувствительных сведений, что рассматривается как элемент общественного блага; право на психическую неприкосновенность – защита от манипуляций и цифрового вмешательства в сознание; право на приватность в сети – конфиденциаль-

ность личной информации; право на защиту от автоматизированного анализа данных – ограничение неконтролируемого использования алгоритмов; право на цифровое забвение – возможность удаления устаревшей или вредной информации; право на цифровую автономию – свобода выбора использования или отказа от цифровых технологий; право на свободный доступ к информации – поиск, получение и распространение данных в цифровом пространстве; цифровые политические права – участие в госуправлении через онлайн-голосование, электронные петиции, цифровые избирательные кампании; реализация традиционных прав через цифровые технологии – например, право на образование, медицину или предпринимательскую деятельность в цифровой форме [2, С. 79-82].

При этом исследователи отмечают, что создание исчерпывающего списка цифровых прав – сложная задача, так как цифровая сфера продолжает развиваться. Помимо прав, обсуждаются и цифровые обязанности, например, распространение достоверной информации и ответственное поведение в сети.

В условиях цифровой трансформации традиционные политические права дополняются новыми цифровыми инструментами. Однако правовое регулирование не успевает за технологическим прогрессом, что создает правовые коллизии.

Современное законодательство фрагментарно регулирует цифровое пространство. Например, в 2023–2024 гг. в России обсуждался вопрос о легитимности онлайн-голосования в контексте принципа тайны волеизъявления. В ряде регионов (Москва, Татарстан) тестировались блокчейн-системы для повышения прозрачности выборов, но правовая база для их массового внедрения пока отсутствует [3, С. 121-123].

Для устранения пробелов предлагается: разработка Цифрового кодекса или федерального закона об интернет-регулировании; закрепление цифровых прав на конституционном уровне (как это было сделано с нормами о защите персональных данных в поправках 2020 г.). Конституционный Суд РФ может сыграть значимую роль в формировании правовых стандартов, интерпретируя нормы Основного закона применительно к цифровым реалиям.

Защита цифровых прав требует не только правовых, но и технических решений. Киберугрозы (например, атаки на избирательные системы в 2023 г.) показывают, что информационная безопасность – критически важное направление.

К мерам безопасности можно отнести: развитие цифровой грамотности (например, образовательные проекты Роскомнадзора и «Цифровой диктант» 2024 г.); внедрение систем мониторинга

угроз в реальном времени; регулирование баланса между открытостью информации и защитой приватности (как в случае с законом о VPN и анонимайзерах, ужесточенным в 2023 г.) [4, С. 26-28].

Современное развитие цифровых технологий требует формирования новых подходов к защите прав человека в виртуальной среде. Среди важнейших направлений можно выделить: доктрину цифрового суверенитета – необходимость правового контроля над деятельностью транснациональных корпораций, особенно в условиях роста влияния глобальных цифровых платформ. Например, в 2023 году ЕС ужесточил регулирование Big Tech (Digital Markets Act), а в России был принят закон о запрете иностранных IT-сервисов, угрожающих национальной безопасности. Международные стандарты кибербезопасности – сотрудничество между странами в области защиты данных и противодействия киберугрозам. В 2024 году Китай и страны БРИКС предложили единые принципы управления интернетом, что может стать альтернативой западной модели. Этика цифровых технологий и ИИ – важно не только разрабатывать технические стандарты, но и учитывать социальные последствия. В 2025 году ЮНЕСКО представила глобальную базу этических инцидентов, связанных с ИИ, включая случаи дискриминации алгоритмов при найме на работу. Государственно-частное партнерство – совместные инициативы власти, бизнеса и общества помогают вырабатывать баланс между инновациями и защитой прав. Например, в 2023–2024 гг. в ЕС прошли публичные консультации по регулированию ChatGPT и других генеративных ИИ.

Цифровизация меняет традиционные права человека, адаптируя их к новым реалиям (например, онлайн-образование) и создавая принципиально новые – такие как право на цифровую идентичность или защиту от необоснованного сбора данных.

Для их эффективной реализации требуется: гармонизация законодательства (национального и международного); технические средства защиты (криптография, блокчейн для подтверждения авторства). Главный вызов современности – найти баланс между технологическим прогрессом и защитой приватности, безопасности и свободы личности в цифровом мире. Это требует не только правовых решений, но и постоянного диалога между всеми участниками цифровой экосистемы.

Цифровые технологии трансформируют понимание, реализацию и защиту прав человека. Они проникают во все сферы жизни – от личных до политических и экономических отношений, – что требует переосмысления традиционных правовых механизмов. В условиях стремительного

развития искусственного интеллекта (ИИ) и автоматизированных систем конституционные гарантии прав могут устаревать, создавая необходимость в их адаптации к новым реалиям.

Цифровые технологии значительно упрощают реализацию различных прав граждан [5, С. 311-312].

В сфере гражданских прав это проявляется в таких инструментах, как онлайн-голосование, которое успешно применяется в Эстонии, или цифровые петиции на платформах вроде Change.org. Кроме того, существуют специализированные сервисы для взаимодействия с властью, например, «Российская общественная инициатива».

Что касается социальных прав, цифровизация открывает новые возможности в образовании – дистанционное обучение через такие платформы, как Coursera и Skillbox. В медицине развивается телемедицина, включая сервисы типа «СберЗдоровье». Также активно развиваются цифровые культурные проекты, такие как виртуальные музеи, делая искусство более доступным.

В то же время появляются новые риски, связанные с использованием ИИ [6, С. 5-15].

Одна из проблем – нарушение конфиденциальности. Например, в 2023 году уязвимость в ChatGPT привела к утечке личных переписок пользователей.

Ещё одна угроза – манипуляция поведением. Так, в 2024 году Meta получила штраф в ЕС за сбор данных без согласия людей для таргетированной рекламы.

Кроме того, автоматизация решений на основе ИИ может усиливать дискриминацию. В 2023 году в США банковская система отказывала в кредитах из-за предвзятых алгоритмов, обученных на необъективных данных.

В 2024–2025 годах ключевыми вызовами оказались вопросы, связанные с этикой данных, ответственностью искусственного интеллекта и цифровым неравенством.

Проблема этики данных заключается в необходимости регулирования сбора и обработки персональной информации. Например, в Евросоюзе ужесточили правила GDPR, а в России внесли поправки в закон «О персональных данных».

Другой важный аспект – ответственность ИИ, особенно в случаях, когда алгоритмы допускают ошибки. Ярким примером стала авария беспилотного автомобиля Tesla в 2023 году, которая вызвала дискуссии о том, кто должен нести юридическую ответственность.

Кроме того, сохраняется проблема цифрового неравенства – разрыва в доступе к технологиям между разными регионами. Так, в Африке лишь 40% населения имеют стабильное интернет-соединение [7, С. 461-463].

Цифровизация требует баланса между инновациями и защитой прав. В ближайшие годы критически важным станет развитие правовых норм, учитывающих риски автоматизации, а также международное сотрудничество в области кибербезопасности. Примеры последних лет показывают, что без четкого регулирования технологический прогресс может угрожать фундаментальным свободам.

В научной среде ведутся споры о том, можно ли считать цифровые права принципиально новыми или они лишь адаптация уже существующих прав в цифровой среде.

В современной науке существуют разные взгляды на природу цифровых прав.

Сторонники адаптационного подхода считают, что цифровые права – это не что-то принципиально новое, а уже существующие права (политические, экономические, социальные), которые просто реализуются в цифровом пространстве.

Приверженцы инновационного подхода утверждают, что цифровые права представляют собой новое поколение прав, поскольку некоторые из них, например, право на цифровую идентичность, могут существовать только в цифровой среде.

Согласно комплексному подходу, цифровые права сочетают в себе как адаптированные традиционные права, так и совершенно новые, обусловленные развитием технологий.

Развитие прав человека носит накопительный характер: новые поколения прав дополняют, но не отменяют предыдущие.

В научной среде активно обсуждаются ключевые цифровые права, которые постепенно закрепляются в законодательстве разных стран. Право на доступ в интернет признается базовой свободой в ряде государств. Например, Финляндия законодательно гарантировала его с 2010 года, а в Германии оно защищается в рамках основных прав граждан. Право на цифровую идентичность реализуется через системы электронного удостоверения личности (e-ID). Подобные решения успешно внедрены в Эстонии, а также развиваются в Казахстане (с 2023 года). Право на защиту данных уже закреплено в Общем регламенте по защите данных (GDPR) в ЕС. Аналогичные нормы появляются и в других странах, включая Россию, где с 2023 года совершенствуется законодательство о персональных данных. Право на цифровое гражданство позволяет участвовать в цифровой экономике и управлении, независимо от места проживания. Пионером в этой области стала Эстония, запустившая соответствующие проекты еще в 2014 году [8, С. 134-136].

Практическая реализация цифровых прав (2023–2025 гг.). В 2023 году ЕС принял Акт об искусственном интеллекте, регулирующий использование алгоритмов и защиту прав пользователей. В России с 2024 года внедряется Единый биометрический сервис, что поднимает вопросы защиты цифровой идентичности. В США и ЕС обсуждается «право на цифровую смерть» – возможность удаления онлайн-данных после смерти пользователя (на основе решений Европейского суда 2023–2024 гг.).

Цифровые права продолжают формироваться, сочетая традиционные нормы и новые технологические вызовы. Их признание на законодательном уровне – важный шаг к защите свобод в цифровую эпоху.

Динамичное развитие цифровых технологий опережает скорость принятия нормативных актов, из-за чего государство вынуждено реагировать на уже возникшие риски постфактум. В результате граждане могут оказаться без должной правовой защиты, особенно в вопросах кибербезопасности, защиты персональных данных и цифровых прав.

Действующее законодательство РФ (например, законы «О персональных данных», «О безопасности критической информационной инфраструктуры») фокусируется на защите данных и кибербезопасности, но остается разрозненным.

В цифровой сфере одни права могут вступать в противоречие с другими. Например, право на доступ к информации иногда нарушает право на частную жизнь – это хорошо видно на примере утечки данных клиентов «Сбера» в 2024 году. С другой стороны, избыточные ограничения, такие как массовые блокировки сайтов, могут неоправданно ограничивать свободы граждан.

Чрезмерно строгое регулирование может замедлять технологический прогресс. Например, жесткие требования к блокчейну способны осложнить внедрение цифрового рубля. В 2023 году Евросоюз принял Акт об искусственном интеллекте, который пытается совместить регулирование ИИ с поддержкой инноваций. Подобный подход мог бы быть полезен и в России.

Многие граждане уязвимы перед цифровыми угрозами. Так, в 2024 году 30% жертв финансового мошенничества составили люди старше 60 лет. Дети также часто сталкиваются с кибербуллингом – по данным Минцифры, 40% школьников подвергались травле в сети. Решить эту проблему можно через обучение, причем не только силами государства, но и бизнеса. Например, в 2025 году «Яндекс» и VK запустили бесплатные курсы по цифровой гигиене.

Одной из задач современного общества является снижение вреда от киберпреступлений и повышение доверия пользователей к цифровым

сервисам. Особое значение это имеет для несовершеннолетних, которые чаще всего становятся жертвами мошенничества, фишинга и дезинформации. Например, в 2023–2024 годах участились случаи кражи персональных данных подростков через фейковые образовательные платформы, что подчеркивает необходимость усиления мер защиты и обучения цифровой гигиене.

С развитием цифровой экономики возрастает важность этических принципов при работе с данными и системами ИИ. Речь идет не о «морали алгоритмов», а о том, как люди используют технологии. Так, в 2024 году скандал вокруг манипуляций нейросетью Deepfake в политической рекламе показал, насколько важно регулировать применение ИИ. Анализ подобных случаев поможет сформировать стандарты для «этичных» систем анализа данных и придать цифровой этике правовой статус.

Цифровые права человека становятся неотъемлемой частью современного правового поля, сочетая в себе как адаптированные традиционные права, так и принципиально новые, обусловленные развитием технологий. Несмотря на преимущества цифровизации, такие как упрощение доступа к госуслугам и расширение возможностей политического участия, возникают серьезные вызовы: утечки данных, цифровое неравенство, манипуляции с помощью ИИ и киберугрозы.

Для эффективной защиты цифровых прав необходим комплексный подход, включающий:

Развитие законодательной базы (например, создание Цифрового кодекса).

Внедрение технических мер защиты (криптография, блокчейн).

Повышение цифровой грамотности населения.

Укрепление международного сотрудничества в области кибербезопасности и этики технологий.

Примеры последних лет показывают, что только сочетание правовых, технических и образовательных мер позволит обеспечить устойчивое развитие цифрового пространства при соблюдении фундаментальных прав и свобод человека.

Список литературы:

[1] Самохина Н. Н. Безопасность личности в интернет-пространстве: установление и защита новых границ конфиденциальности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1 (37). С. 148–154. DOI: 10.24151/2409-1073-2023-1-148-154.

[2] Евсиков К. С. Эволюция института тайного голосования в цифровом государстве // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 1. С. 79–87. DOI: 10.14529/law230111.

[3] Евсиков К. С. К вопросу о правовом регулировании интернет-голосования // Вектор юридической науки. 2023. № 2. С. 120–128. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.120-128.

[4] Демьянец М. В., Понизова Е. В. Некоторые аспекты права на информацию несовершеннолетних в контексте формирования культуры информационной безопасности в Российской Федерации // Образование и право. 2023. № 3. С. 25–29. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-3-25-29.

[5] Полякова Т. А., Троян Н. А. Образование и культура информационной безопасности граждан Российской Федерации: научно-правовые аспекты // Образование и право. 2023. № 3. С. 310–317. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-3-310-317.

[6] Ильичева Л. Е., Лапин А. В. Партнерство государства и гражданского общества в цифровом пространстве как условие реализации прав граждан // Политические институты, процессы и технологии. 2023. № 2. С. 3–26. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-2-3-26.

[7] Бердникова Е. В., Куликова С. А. Политико-правовые механизмы формирования российской конституционной идентичности в условиях информационного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 460–470. DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-4-460-470.

[8] Какохо Т. Г. Право, электронная демократия, «Государство 2.0» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 3. С. 134–147. DOI: 10.21685/2072-3016-2023-3-10.

Spisok literaturey:

[1] Samokhina N. N. Bezopasnost' lichnosti v internet-prostranstve: ustanovlenie i zashchita novykh granits konfidentsial'nosti [Personal Security in the Internet Space: Establishing and Protecting New Privacy Boundaries] // Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniia [Economic and Socio-Humanitarian Studies]. 2023. No. 1 (37). P. 148–154. DOI: 10.24151/2409-1073-2023-1-148-154. (In Russ.)

[2] Berdnikova E. V., Kulikova S. A. Politiko-pravovye mekhanizmy formirovaniia rossiiskoi konstitutsionnoi identichnosti v usloviakh informatsionnogo obshchestva [Political and Legal Mechanisms of Forming Russian Constitutional Identity in the Infor-

mation Society] // Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Ekonomika. Upravlenie. Pravo [Proceedings of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law]. 2023. Vol. 23, no. 4. P. 460–470. DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-4-460-470. (In Russ.)

[3] Dem'ianets M. V., Ponizova E. V. Nekotorye aspekty prava na informatsiiu nesovershennoletnikh v kontekste formirovaniia kul'tury informatsionnoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii [Some Aspects of Minors' Right to Information in the Context of Forming Information Security Culture in the Russian Federation] // Obrazovanie i pravo [Education and Law]. 2023. No. 3. P. 25–29. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-3-25-29. (In Russ.)

[4] Evsikov K. S. Evoliutsiia instituta tainogo golosovaniia v tsifrovom gosudarstve [The Evolution of Secret Voting Institute in the Digital State] // Vestnik IuUrGU. Seriia «Pravo» [Bulletin of South Ural State University. Series "Law"]. 2023. Vol. 23. No. 1. P. 79–87. DOI: 10.14529/law230111. (In Russ.)

[5] Evsikov K. S. K voprosu o pravovom regulirovanii internet-golosovaniia [On the Issue of Legal Regulation of Internet Voting] // Vektor iuridicheskoi nauki [Vector of Legal Science]. 2023. No. 2. P. 120–128. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.120-128. (In Russ.)

[6] Il'icheva L. E., Lapin A. V. Partnerstvo gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v tsifrovom prostranstve kak uslovie realizatsii prav grazhdan [Partnership Between the State and Civil Society in the Digital Space as a Condition for the Realization of Citizens' Rights] // Politicheskie instituty, protsessy i tekhnologii [Political Institutions, Processes and Technologies]. 2023. No. 2. P. 3–26. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-2-3-26. (In Russ.)

[7] Kakokho T. G. Pravo, elektronnaia demokratiia, «Gosudarstvo 2.0» [Law, E-Democracy, "State 2.0"] // Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki [University Proceedings. Volga Region. Social Sciences]. 2023. No. 3. P. 134–147. DOI: 10.21685/2072-3016-2023-3-10. (In Russ.)

[8] Poliakova T. A., Troian N. A. Obrazovanie i kul'tura informatsionnoi bezopasnosti grazhdan Rossiiskoi Federatsii: nauchno-pravovye aspekty [Education and Information Security Culture of Citizens of the Russian Federation: Scientific and Legal Aspects] // Obrazovanie i pravo [Education and Law]. 2023. No. 3. P. 310–317. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-3-310-317. (In Russ.)

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-645-649

РАЕВСКИЙ Даниил Игоревич,
аспирант
ГАОУ ВО ЛО «ГГУ» - Гатчинский
Государственный университет,
e-mail: dan.raewsky@yandex.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ОСНОВНОЕ ЛИЦО В БУДУЩЕМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА?

Аннотация. Бурное развитие права в России обуславливает так же и развитие новых субъектов права, которые в дальнейшем будут крайне распространены, одними из них так раз являются электронные юридические лица, которые собирают в себе свойства различных субъектов права, позволяющие автоматизировать и улучшить процесс реализации прав предпринимателей, использовать новые технологии и так далее. Конечно, все вышесказанное будет означать необходимость правового регламентирования всех основных аспектов внедрения новых субъектов права

Ключевые слова: искусственный интеллект, электронные юридические лица, предприниматель, право, ответственность.

RAYEVSKY Daniil Igorevich,
postgraduate student
Gatchina State University

ARE ELECTRONIC LEGAL ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION THE MAIN FACE IN THE FUTURE OF ENTREPRENEURSHIP?

Annotation. The rapid development of law in Russia also leads to the development of new subjects of law, which will be extremely widespread in the future, one of them being electronic legal entities that combine the properties of various subjects of law, allowing them to automate and improve the process of exercising the rights of entrepreneurs, use new technologies, and so on. Of course, all of the above will mean the need for legal regulation of all the main aspects of the introduction of new subjects of law.

Key words: artificial intelligence, electronic legal entities, entrepreneur, law, responsibility.

На сегодняшний день в Российской Федерации полным ходом идет процесс цифровизации всех сфер общественной деятельности для оптимизации процессов и для того что бы идти в ногу со временем. Тема цифровизации на сегодняшний день крайне популярна и о ее важности пишут многие авторы. Например, исследователи Фроленко Н.А. и Осипова Ю.В. в своей работе «Цифровизация права: Процессы цифровизации и ее особенности» [1] пишут: «Центральное место в системе цифровых технологий занимает система искусственного интеллекта.» Не секрет что для государства крайне важно оптимизировать процессы для лучшей работы всех отраслей государственной дея-

тельности. На сегодняшний день население России насчитывает приблизительно 145 миллионов человек, и рано или поздно каждый человек обращается в органы государственной власти, суды, правоохранительные органы и так далее. И что бы процессы не затягивались надолго в том числе необходимо использование новых технологий. О важности использования искусственного интеллекта и новых технологий так же задумываются на самом высоком уровне государственной власти. Например, в 2019м году был принят Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на

период до 2030 года» [2] которое закрепляет курс государства на освоение новых технологий и внедрение искусственного интеллекта в деятельность органов государственной власти и повседневной жизни общества. В 2023м году так же был отдельный законопроект [3], который предлагает создание электронного юридического лица. Так раз о важности создание такого вида юридических лиц и стоит поговорить отдельно. В первую очередь стоит разобраться с дефиницией такого юридического явления как электронное юридическое лицо.

В первую очередь электронное юридическое лицо отождествляют с обычным, привычным нам юридическим лицом, однако лишенным некоторых его черт, таких, например, как управление группой лиц. То есть в нем отсутствуют такие органы управления как совет директоров и т.д. В зарубежной литературе, например, статье Паула Новика в статье *Electronic personhood for artificial intelligence in the workplace* [4] так же есть мысль о том что это привычная рабочая среда в которой преобладает искусственный интеллект вместо руководящей должности в привычных нам организациях. Основное отличие состоит на деле в том что такие лица максимально быстро принимают решения на основе запрограммированных решений, которые заложены в них заранее. Дополнительно в зарубежной литературе поднимается и вопрос дачи правоспособности таким юридическим лицам. Но в таком случае, необходимо будет задуматься и о мерах ответственности для таких юридических лиц. Так в зарубежной литературе предусматривается дополнительный денежный фонд, так как электронное лицо и лица, использующие искусственный интеллект несут полную материальную ответственность за ошибки ИИ.

Среди отечественных исследователей выделяется Морхат П.М. со своей работой «К вопросу о правосубъектности электронного лица» [5] ». В своей работе приводится разное количество точек зрения касательно Электронных юридических лиц, например, что если искусственный интеллект будет обладать полной автономией, то следовательно будет осознавать свои действия и бездействия, а в таком случае он должен будет нести за них полную ответственность, а если он будет нести ответственность то его нужно будет приравнивать к субъекту права. Действительно, что бы нести ответственность, нужно обладать соответствующими правами. Если же приводить пример, то можно сравнить Искусственный интеллект с обычными инструментами и другими субъектами права, такими как животные. Человек использует инструменты, например строительные, осознает

их целесообразность, использует по назначению и понимает опасность неправильного их использования. Так если использовать строительный инструмент для нападения, или иного правомерного действия, или же если будет иное стечение обстоятельств от которого может пострадать другой человек, то инструмент не понесет никакой ответственности, когда его пользователь будет привлечен к таковой, смотря что он сделает. С другой же стороны можно обратиться к такому примеру как домашние животные. Не секрет что они являются важной частью жизни многих людей по всему миру. В нашем законодательстве животные являются имуществом, которое закрепляется за человеком документарно, что подтверждается в статье 137 Гражданского кодекса Российской Федерации [6] Однако животные обладают немного другим правовым статусом, нежели обычное имущество человека. К животным применяются другие правила, которые заключаются в том, что человек должен ответственно обращаться животным, а так же то, что человек несет имущественную и иную ответственность в случае, если животное причинит вред другому человеку. То есть юридически человек несет ответственность за действия животного что ему принадлежит. По сути искусственным интеллектом ситуация обстоит схожим образом.

Исходя из всех возможностей сегодняшних искусственных интеллектов и роботов следует что они являются лишь инструментами с расширенным функционалом, не способные действовать полностью самостоятельно без человека. Похожим образом мыслит исследователь из Бразилии Sergio M C Avila Negri в своей работе «*Robot as Legal Person: Electronic Personhood in Robotics and Artificial Intelligence*» [7] он считает что роботы, искусственный интеллект могут делать только то, что в них заложено, по аналогии с роботами пылесосами и роботом «Софией» нашумевшей не так давно, по тому наделение их полным перечнем прав и обязанностей было бы нецелесообразным.

О важности развития права в сфере электронных юридических лиц говорят так же не только на государственном уровне, но и иные исследователи, например Ястребов О.А. пишет, что развитие ЭЮЛ, является одним из важнейших направлений в сфере развития права в России и мира [8] По нашему мнению юридические лица в будущем так или иначе будут сильно зависеть от искусственного интеллекта и будут на них базироваться. Уже сегодня огромное количество юридических лиц полностью ведет всю свою деятельность в сети, то есть ведут свою деятельность программно, через компьютеры и тд, а в не столь

далеком будущем такое количество компаний будет составлять весомый процент от доли всех юридических лиц. По этому так важно урегулировать данный вопрос, пока ЭЮЛ не получили широкого распространения.

Однако новости о том, что такие лица действуют уже появлялись. Нашумевшая в свое время новость о первой децентрализованной автономной организации (Decentralized Autonomous Organizations, DAO) которая так раз является примером электронного юридического лица по своей природе. Основой этой компании является система само исполняемых умных контрактов. В чем особенность таких компаний? Во-первых, как и писалось ранее, у таких компаний отсутствует привычное руководство, то есть правительство, совет директоров, генеральный директор и так далее. Далее, компания является максимально прозрачной и подотчетной. Любой может проверить ее отчеты, так как вся ее деятельность сохраняется через блокчейн.

Примерами таких компаний являются, например, Aave, Uniswap и Yarn.Finance. Такие компании вызывают большое количество интереса ввиду своей природы и привлекают большое количество инвестиций. Тем более большая часть таких компаний это IT-компании. В нашем государстве существует большое количество программ по помощи таким компаниям, утвержденных приказами Президента и так далее. В их числе пособия, налоговые льготы, предоставление каникул и так далее. Все вместе это в будущем будет образовывать то, что таких компаний будет все больше и больше, по этому будет крайне важно урегулировать все вопросы связанные с их деятельностью, и что максимально важно, разобраться с вопросом ответственности таких лиц и статуса искусственного интеллекта, что используется в них.

По нашему мнению вопрос правового статуса будет стоять еще очень долгое время, по этому мы считаем что для выбора лучшего варианта будет необходимо рассматривать мнение разных ученых в этой сфере. По нашему же мнению Искусственный интеллект в целом нельзя наделять человеческими правами и обязанностями, как минимум по тому, что искусственный интеллект не обладает своей волей и не является дееспособным лицом. Именно наличие воли и свободы мысли и принятия решений является важным признаком дееспособного субъекта права. С другой стороны определенный круг авторов считает что Искусственному интеллекту нужно давать большее количество прав. Так Саттаров В.Д пишет: «В случае если на законодательном

уровне будет признана способность искусственного интеллекта нести юридическую ответственность, то следующим логичным шагом будет также закрепление за ним некоторых основных прав. Например, право на функционирование (защита от отключения), потребление электроэнергии, самообучение и т. д.» [9] В таком случае права искусственного интеллекта будут выходить за пределы прав «инструмента» и приближаться к человеческим.

Другим же важным вопросом является ответственность таких искусственных интеллектов. Сегодня в законодательстве не предусмотрены нормы, которые касались бы ответственности искусственного интеллекта, как какого-либо субъекта права, с точки зрения Российского законодательства он представляет собой инструмент которым пользуется предприниматель или организация для достижения своих целей и чаще всего это объект интеллектуальной собственности. С течением времени отечественное законодательство старается идти в ногу со временем и поэтому в скором времени, с расширением использования искусственного интеллекта, вопрос ответственности будет решен, но пока что остается только предлагать различные варианты. По нашему мнению, можно использовать зарубежный опыт и по аналогии с компаниями что уже использует искусственный интеллект в своей деятельности вводить специальные компенсационные фонды, которые будут задействованы в случае явных ошибок, сбоев и неверно принятых решений в деятельности юридического лица. По нашему мнению, это первоочередный этап, который должен принять законодатель в отношении ответственности электронных юридических лиц. Так же, нельзя будет возлагать всю ответственность только на искусственный интеллект. К ответственности в определенных случаях должны быть призваны и его пользователи а в отдельных случаях и их создатели. По нашему мнению искусственный интеллект, каким бы мощным и развитым бы не был, все равно остается инструментом и многофункциональным механизмом, которым нужно уметь пользоваться. Организации и их главы могут неправомерно использовать такой инструмент в личных корыстных целях, которые будут образовывать уже состав преступления или же быть иного рода правонарушениями. В таком случае необходимо будет вводить ответственность дополнительно и для их пользователей. Еще одним критерием ответственности в сфере электронных юридических лиц должны быть их создатели. Сами программисты которые создают искусственный интеллект могут специально оставлять

уязвимости в программе или же скрытно задавать команды, деятельность которых будет незаконна, будь то кража данных которая приведет к хищениям большого количества денежных средств, шантажу, убыткам и так далее. В таком случае необходимо продумать ответственность и для создателя такого искусственного интеллекта. И того ответственность для электронных юридических лиц должна быть продумана на трёх разных уровнях:

-Уровень самого искусственного интеллекта, допустить возможность багов, сбоев и так далее, создание компенсационного фонда для компенсации таких ошибок;

-Уровень пользователя искусственного интеллекта;

-Уровень создателя ИИ.

Так, например, при мелких сбоях в программе, из-за которых идут убытки будут на ответственности программы и юридическое лицо через специальный фонд будет готово компенсировать такие ошибки. В случаях выхода за пределы компетенции программного обеспечения, перегрузки или неправомерного его использования уже лицо владеющее им должно будет нести ответственность за свои действия, ведь это будет уже не вина искусственного интеллекта. И наконец если сам разработчик программного обеспечения выпустит на рынок товар с существенным недостатком, то есть таким недостатком, который не позволяет им в полной мере пользоваться, или же если там присутствует вредоносное ПО (программное обеспечение), то разработчик должен будет нести за него ответственность.

Таким образом хотим отметить, что развитие электронных юридических лиц в мире уже давно началось и скоро в России будут глобальные изменения в этой сфере. Недавние события с глобальной пандемией ускорили процесс цифровизации общества и скорее наличие большого количества электронных юридических лиц уже не является будущим. По нашему мнению, через 10-15 лет большая часть юридических лиц будут вести деятельность именно благодаря ИИ вместо руководящих должностей и устройство юр лица будет по сути состоять из трёх ступеней, самого владельца Юр лица, искусственного интеллекта и работников. Именно из-за этого необходимо прорабатывать на научном и законодательном уровне вопросы связанные с ответственностью и статусом искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности. Наше мнение же, по итогу заключается в том, что ИИ должен обладать особым статусом инструмента, и работая в компаниях должен иметь свой компенсационный фонд, ведь даже самые надежные вещи в мире могут

давать сбой, не говоря уже о сложнейших программах, а люди что пользуются и создают такие ИИ так же должны будут нести ответственность за неправомерное использование такого ИИ.

Список литературы:

- [1] Фроленко Н.А. Осипова Ю.В. «Цифровизация права: Процессы цифровизации и ее особенности» - Международный научный журнал «вестник науки» № 2 (71) Том 2. февраль 2024 г.
- [2] Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ 2019 №41
- [3] Законопроект № 399525-8
- [4] Палун Новик - Electronic personhood for artificial intelligence in the workplace-URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0267364921000571?via%3Dihub>
- [5] Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. №4. С. 1-8. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.4.25647-URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25647
- [6] «Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ
- [7] Sergio M C Avila Negri - Robot as Legal Person: Electronic Personhood in Robotics and Artificial Intelligence – 2021 - URL: <https://doi.org/10.3389/frobt.2021.789327>
- [8] Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве: концептуальные и теоретические подходы // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: Сб. материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти С.Н. Братуся. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Статут, 2017. – 434 с. – С. 271–283.
- [9] Саттаров В. Д. Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые проблемы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 42–50. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.004.

Spisok literatury:

- [1] Frolenko N.A. Osipova YU.V. «Cifrovizaciya prava: Processy cifrovizacii i ee osobennosti» - *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «vestnik nauki»* № 2 (71) Tom 2. fevral' 2024 g.
- [2] Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 N 490 (red. ot 15.02.2024) «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» // *Sobranie zakonodatel'stva RF* 2019 №41
- [3] Zakonoproekt № 399525-8

[4] Palun Novik - Electronic personhood for artificial intelligence in the workplace-URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0267364921000571?via%3Dihub>

[5] Morhat P.M. K voprosu o pravosub"ektnosti «elektronnogo lica» // YUridicheskie issledovaniya. 2018. №4. S. 1-8. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.4.25647-URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25647

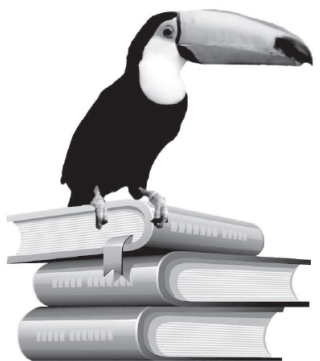
[6] "Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.11.1994 N 51-FZ

[7] Sergio M C Avila Negri - Robot as Legal Person: Electronic Personhood in Robotics and Artificial Intelligence – 2021 - URL: <https://doi.org/10.3389/frobt.2021.789327>

[8] YAstrebov O.A. Iskusstvennyj intellekt v pravovom prostranstve: konceptual'nye i teoreticheskie podhody // Pravosub"ektnost': obshcheteoreticheskij, otraslevoj i mezhdunarodno-pravovoj analiz: Sb. materialov k XII Ezhegodnym nauchnym chteniyam pamyati S.N. Bratusya. – M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF; Statut, 2017. – 434 s. – S. 271–283.

[9] Sattarov V. D. Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta: teoretiko-pravovye problemy // Ius publicum et privatum: setevoy nauchno-prakticheskij zhurnal chastnogo i publicnogo prava. 2023. № 4 (24). S. 42–50. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.004.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»
филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»,
e-mail: ur-fin@mail.ru

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

Аннотация. В статье исследованы преимущества и недостатки применения ИИ в пластической хирургии. Анализируются возможности использования ИИ в пластической хирургии и связанные с этим проблемы. Отмечена возрастающая значимость ИИ в таких клинических областях как консультирование, диагностика, хирургическое планирование, непосредственно операция, а также послеоперационный мониторинг. Технологии ИИ, открывают большие возможности на всех этапах пластической хирургии, обещая значительное улучшение результатов лечения пациентов. В то же время высказаны опасения по поводу конфиденциальности информации пациентов, безопасности сведений, получения согласия на хирургическое вмешательство с помощью ИИ. При использовании искусственного интеллекта, особенно в косметической хирургии, возникают этические проблемы. Моделям ИИ может не хватать клинического и субъективного восприятия, чтобы полностью понять ситуацию конкретного пациента. Системы ИИ, обученные на предвзятых или нерепрезентативных данных, могут давать предвзятые результаты. Роботизированные системы еще в полном объеме не понимают хирургических особенностей. С учетом изложенного, сделан вывод, что ИИ повышает точность хирургических операций и улучшает результаты лечения пациентов, однако он не может полностью заменить пластического хирурга. Установлено, что этические стандарты и нормативно-правовая база должны развиваться, чтобы обеспечить при внедрении ИИ защиту конфиденциальности пациентов, минимизировать ошибки и алгоритмические отклонения.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), пластическая хирургия, моделирование, исследования, пациенты, пластический хирург, пластические операции, ChatGPT.

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO "Leningrad Regional Bar Association"
branch "Pelevin and Partners Law Firm"

ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PLASTIC SURGERY

Annotation. The article examines the advantages and disadvantages of using AI in plastic surgery. The possibilities of using AI in plastic surgery and related problems are analyzed. The increasing importance of AI in such clinical areas as counseling, diagnosis, surgical planning, direct surgery, as well as postoperative monitoring is noted. AI technologies open up great opportunities at all stages of plastic surgery, promising significant improvements in patient treatment outcomes. At the same time, concerns have been expressed about the confidentiality of patient information, the security of information, and obtaining consent for surgical intervention using AI. Ethical issues arise when using artificial intelligence, especially in cosmetic surgery. AI models may lack the clinical and subjective perception to fully understand a particular patient's situation. AI systems trained on biased or unrepresentative data may produce biased results. Robotic systems still do not fully understand surgical features. Based on the above, it is concluded that AI improves the accuracy of surgical operations and improves patient treatment outcomes, but it cannot completely replace a plastic surgeon. It has been established that ethical standards and the regulatory framework should be developed to ensure the protection of patient confidentiality during the implementation of AI, and to minimize errors and algorithmic deviations.

Key words: artificial intelligence (AI), plastic surgery, modeling, research, patients, plastic surgeon, plastic surgeries, ChatGPT.

В настоящее время искусственный интеллект (далее - ИИ) активно внедряется в различные сферы нашей жизни, включая медицину, что открывает новые горизонты для врачей и пациентов. ИИ включает в себя использование алгоритмов и программного обеспечения для анализа медицинских данных, что дает возможность усовершенствовать диагностику, прогнозирование и лечение заболеваний. При этом ощущается нехватка научных исследований, непосредственно посвященных данной теме. Между тем, использование ИИ может позволить улучшить результаты медицинских вмешательств и повысить качество медицинской помощи. Это обуславливает актуальность комплексного исследования данной темы.

Целью работы является комплексный анализ преимуществ и недостатков применения ИИ в пластической хирургии. Результаты исследования могут быть использованы для оптимизации и повышения эффективности применения ИИ в пластической хирургии.

Искусственный интеллект (ИИ) - это слово, которое впервые было придумано профессором Джоном Маккарти, американским ученым в области информатики, в 1956 году, он определил его как «науку и технику создания интеллекта». В современном мире ИИ стал незаменимым помощником, автоматизируя большинство действий, что приводит к минимизации человеческого вмешательства и обеспечения эффективности соответствующей деятельности.

Отечественные авторы определяют ИИ как результат интеллектуальной деятельности человека, выраженный в придании способности созданным человеком объектам материального мира осуществлять функции, деятельность, свойственные человеческому интеллекту [3, с. 5-15]. ИИ рассматривается как имитация некоторых видов интеллектуальной человеческой деятельности в электронных системах.

Роль, которую ИИ играет в сфере инноваций и творчества, ценится во всем мире. Его применение в сферах образования, медицины, развлечений, транспорта, промышленности и других полностью изменило текущий сценарий нашей повседневной жизни. Поскольку человеческие возможности постепенно осваиваются машинами, грань различия между человеком и машиной почти исчезает.

Потенциальные возможности и размер предполагаемых выгод ИИ действительно огромны, начиная с первичной оценки пациента и заканчивая обследованием после операции. В последние годы возрастающую значимость ИИ можно отметить в таких клинических областях как консульти-

рование, диагностика, хирургическое планирование, непосредственно операция, а также послеоперационный мониторинг.

Исследования показали применение ИИ в хирургии груди, заживлении ран, хирургии кисти, мониторинге лоскута и эстетике. Одним из типичных применений в косметической хирургии является моделирование хирургических процедур с использованием некоторых продвинутых алгоритмов для создания визуальных прогнозов возможных результатов операции [12; 13].

Моделирование ИИ также широко используется во время предоперационных консультаций. В случаях использования моделирования ИИ, хирурги способны тщательно наметить и правильно представить предлагаемый план лечения, реалистические ожидания для обеих сторон и всех, кто с ними связан, включая любые связанные ограничения или риски. Это снижает нереалистичные ожидания и обеспечивает полную информированность пациентов до проведения операции.

На основе алгоритмов искусственного интеллекта, анализирующих данные пациента, разрабатываются индивидуальные планы лечения. Используя измерения тела пациента, данные о желаемом размере груди и типе имплантата, модель искусственного интеллекта может формировать имитации возможных результатов операции. ИИ может оценивать и количественно анализировать результаты хирургического вмешательства, предоставляя ее объективную оценку, дополняющие субъективную оценку хирурга.

Обладая необходимыми знаниями, ChatGPT может поставить точный диагноз и назначить лечение для широкого спектра заболеваний. Однако были случаи, когда ChatGPT не справлялись со своей консультативной ролью должным образом: в одном исследовании ChatGPT попросили взять у пациентов информированные согласия на операцию, и оказалось, что такие согласия были неточны и не предоставили достаточно сведений для получения согласия [10, с. 316-320].

ИИ может прогнозировать результаты операций, проводить мониторинг послеоперационного восстановления. Кроме того, ИИ может оценивать тяжесть состояния пациентов. ИИ может определять и анализировать ориентиры, необходимые для операции по фотографиям и видео, при заячьей губе и деформациях носа, что еще больше повышает его потенциальную роль в планировании операции.

ИИ полезен в процессе операций, предоставляя врачам конкретную справочную информацию. С помощью автоматизированных процедур он может распознавать анатомические струк-

туры и оптимизировать ориентирование во времени процедуры, помогая в принятии хирургических решений для операции на данных структурах. Эта технология роботизированного хирургического помощника применяется при лечении заячьей губы и неба [6, с. 3666–3672].

Наличие таких автоматизированных систем даст возможность повысить точность и эффективность хирургических вмешательств, снижая риск осложнений.

Модель ИИ может генерировать изображения операций по ринопластике, соответствующие стандартам пластической хирургии, такие прогнозы помогают пациентам принимать обоснованные решения, что ведет к росту удовлетворенности итогами операций.

Прогностическая аналитика ИИ позволяет выявить пациентов с высоким риском послеоперационных осложнений, что дает возможность заблаговременно принять меры и разработать индивидуальные и соответствующие планы лечения. Алгоритмы искусственного интеллекта также могут помочь оптимизировать обезболивание [4, с. 405–411].

Постоянный мониторинг важных показателей с помощью ИИ способен выявить осложнения на ранней стадии, снизить частоту осложнений и обеспечить своевременные вмешательства. Кроме того, модели ИИ могут оценивать результаты лечения пациентов; с помощью технологий ИИ пластические хирурги могут улучшить результаты операций, повысить удовлетворенность пациентов.

Искусственный интеллект в будущем сможет точно определять анатомические ориентиры на фото и видеоизображениях, чтобы помочь хирургам в выполнении точных вмешательств. Он также может использовать конкретные параметры пациента для разработки персонализированных планов лечения [11, с. 265–283].

Учитывая пожелания пациента, анатомические особенности и предыдущие вмешательства, искусственный интеллект может помочь адаптировать операцию к каждому человеку. Кроме того, он может оптимизировать восстановление пациента и результаты операции, отслеживая прогресс и предлагая индивидуальные программы восстановления.

Аналитика с помощью ИИ использует данные о пациентах для прогнозирования результатов хирургических операций, минимизации рисков и планирования лечения, для оптимизации ухода за пациентами.

Таким образом, потенциал искусственного интеллекта в пластической хирургии огромен. Технологии ИИ, открывают большие возможности

на всех этапах пластической хирургии, обещая значительное улучшение результатов лечения пациентов.

В то же время высказываются опасения по поводу конфиденциальности информации пациентов, безопасности сведений, получения согласия на хирургическое вмешательство с помощью ИИ, несмотря на возможные преимущества ИИ, человеческий опыт в хирургии имеет непреходящее значение.

При использовании искусственного интеллекта, особенно в косметической хирургии (при оценке красоты), возникают этические проблемы. Этические вопросы, возникающие в связи с использованием ИИ в здравоохранении, включают следующие: способность ИИ принимать ошибочные решения, ответственность при использовании ИИ для поддержки принятия решений, трудности с валидацией результатов работы ИИ-систем, риск присущей системам погрешности в данных, используемых для обучения систем ИИ, обеспечение безопасности и конфиденциальности данных, обеспечение общественного доверия к развитию и использованию технологий ИИ.

Роботизированные системы еще в полном объеме не понимают хирургических особенностей и пытаются адаптироваться к рабочим процессам. Поэтому ИИ не может полностью заменить врачей в диагностике и принятии решений. Кроме того, ИИ может усложнить такие проблемы, как излишняя диагностика и лечение [7].

Предвзятость ИИ может повлиять на оценки и рекомендации из-за социальных стандартов красоты, с которыми часто сталкивается эта область.

ИИ может выступать полезным инструментом, дополняющим процесс принятия хирургических решений. Но этические стандарты и нормативно-правовая база должны развиваться, чтобы обеспечить при внедрении ИИ защиту конфиденциальности пациентов, минимизировать ошибки и алгоритмические отклонения.

Таким образом, ИИ повышает точность хирургических операций и улучшает результаты лечения пациентов, однако он не может полностью заменить пластического хирурга. При этом, несмотря на потенциальные возможности, использование ИИ в пластической хирургии сопряжено с серьезными этическими и правовыми проблемами.

Искусственный интеллект должен показать, что он может принимать верные медицинские решения, чтобы люди могли с уверенностью идти на пластическую операцию с использованием ИИ. В настоящее время ChatGPT не могут сравниться с показателями пластических хирургов. Соответ-

ственно, моделям ИИ может не хватать клинического и субъективного восприятия, чтобы полностью понять ситуацию конкретного пациента, ИИ может правильно следовать алгоритмическому подходу, но в настоящее время ему не хватает способности рассуждать конкретно, особенно если ситуация четко не определена.

ChatGPT не достаёт медицинской специализации, поэтому он может испытывать сложности с моральными решениями и личными предпочтениями пациента. Для эффективного применения ChatGPT в пластической хирургии ключевую роль играют валидация, постоянный мониторинг и экспертная медицинская оценка [14, с. 1111–1113].

Фактический уход за пациентами в пластической хирургии имеет свои особенности и отличается от стандартных тестов, призванных дать окончательные ответы. Сегодня мы не можем с уверенностью полагаться на ИИ в принятии точных и всеобъемлющих решений о диагностике и планировании лечения.

Существует также вопрос об ответственности врачей за неблагоприятные исходы для пациентов в результате использования ИИ. Состояние пациента может ухудшиться, несмотря на получение признанного стандартного лечения, а в некоторых случаях ИИ может привести к неблагоприятным исходам, алгоритмически направляя хирургов на выполнение неправильных или потенциально небрежных процедур.

Врач обязан оказать медицинскую помощь надлежащим образом, даже если для этого был использован искусственный интеллект. Поэтому проблема некачественного оказания медицинской помощи проявляется и в случае нанесения вреда пациенту врачом, который применяет ИИ [2, с. 36–41].

В этой связи, пластические хирурги должны вести подробный учет рекомендаций ИИ, их обоснования для следования или отклонения от этих рекомендаций, а также результатов лечения пациентов.

Сложно, а часто даже невозможно претендовать на понимание внутренней работы ИИ. Врач может интерпретировать или проверять результаты этих алгоритмов, но он не может объяснить, как алгоритм пришел к своим рекомендациям или диагнозу [1, с. 70–72].

Системы ИИ создают значительные проблемы для защиты данных и конфиденциальности из-за огромных объемов персональных данных, которые они обрабатывают. Без адекватных мер безопасности эти системы могут привести к несанкционированному доступу, предвзятым результатам и отсутствию прозрачности. К основным рискам относятся сбор данных без согласия,

утечки конфиденциальной информации, кибератаки, предвзятые алгоритмические результаты, непрозрачные процессы принятия решений, слежка с помощью распознавания лиц или отслеживания местоположения, а также создание «дипфейков» и дезинформации [9, с. 29–38].

Системы ИИ, обученные на предвзятых или нерепрезентативных данных, могут давать предвзятые результаты, что приводит к неравенству в диагностике, несправедливости в отношении здоровья, лечения [5].

Искусственный интеллект способен произвести революцию в пластической хирургии, повысив точность операций, диагностики, оптимизировав рабочий процесс и улучшив взаимодействие между врачом и пациентом. ИИ способен решать проблемы, которые не под силу человеку, но остаются вопросы о его применении, этических аспектах и будущем регулировании.

В конечном итоге он может повысить удовлетворенность пациентов и улучшить результаты лечения. Однако, учитывая потенциальные риски ИИ для здоровья человека и существующие неопределенности, нужно сохранять разумный скептицизм. Вопросы, связанные с согласием пациентов, конфиденциальностью данных и предвзятостью системы, требуют постоянного изучения.

Список литературы:

- [1] Коньков М.И. Этические проблемы внедрения искусственного интеллекта в медицине // *Digital Diagnostics*. 2023. Том 4. №S1. С. 70–72.
- [2] Федотов Н.Е. Отдельные конституционно-правовые аспекты оказания высокотехнологичной медицинской помощи с применением искусственного интеллекта // *Конституционное и муниципальное право*. 2024. N 11. С. 36 - 41.
- [3] Шиткина И.С., Бирюков Д.О. Искусственный интеллект: правовые аспекты // *Право и экономика*. 2023. N 11. С. 5 - 14; N 12. С. 5 - 15.
- [4] Chartier, C.; Gfrerer, L.; Knoedler, L.; Austen, W.G., Jr. Artificial Intelligence–Enabled Evaluation of Pain Sketches to Predict Outcomes in Headache Surgery. *Plast. Reconstr. Surg.* 2023, 151, 405–411.
- [5] Dortche K, McCarthy G, Banbury SJ, Yannatos I: Promoting health equity through improved regulation of artificial intelligence medical devices. *J Sci Policy Govern.* 2022, 21.
- [6] Li, Y.; Cheng, J.; Mei, H.; Ma, H.; Chen, Z.; Li, Y. CLPNet: Cleft Lip and Palate Surgery Support with Deep Learning. *Annu. Int. Conf. IEEE Eng. Med. Biol. Soc.* 2019, 2019, 3666–3672.
- [7] Liu, J. Artificial Intelligence Is Still Far from Truly Revolutionizing Plastic Surgery. *Plast.Reconstr. Surg.* 2020, 146, 390e.
- [8] Loftus TJ, Tighe PJ, Filiberto AC , et al. Artificial intelligence and surgical decision-making.

JAMA Surg. 2020;155(2):148–158; Giordano C, Brennan M, Mohamed B, Rashidi P, Modave F, Tighe P. Accessing artificial intelligence for clinical decision-making. *FrontDigitHealth*. 2021;3:645232.

[9] M. Shiraishi, Y. Tomioka, A. Miyakuni, et al. Generating informed consent documents related to blepharoplasty using ChatGPT. *Ophthal Plast Reconstr Surg*, 40 (3) (2024), pp. 316–320.

[10] Shilo S, Rossman H, Segal E: Axes of a revolution: challenges and promises of big data in healthcare. *Nat Med*. 2020, 26:29–38.

[11] Schork, N.J. Artificial intelligence and personalized medicine. In *Precision Medicine in Cancer Therapy*; Springer: Berlin/Heidelberg, Germany, 2019; pp. 265–283.

[12] Turner, A.E.; Abu-Ghname, A.; Davis, M.J.; Ali, K.; Winocour, S. Role of simulation and artificial intelligence in plastic surgery training. *Plast.Reconstr. Surg*. 2020, 146, 390e–391e.

[13] Qin, F.; Gu, J. Artificial intelligence in plastic surgery: Current developments and future perspectives. *Plast.Aesthetic Res*. 2023, 10, 3.

[14] Weidman AA, Valentine L, Chung KC, et al. OpenAI's ChatGPT and its role in plastic surgery research: plastic and reconstructive surgery. *Plast Reconstr Surg*. 2023;151:1111–1113.

Spisok literaturey:

[1] Kon'kov M.I. Eticheskie problemy vnedreniya iskusstvennogo intellekta v medicine // *Digital Diagnostics*. 2023. Tom 4. №S1. S. 70–72.

[2] Fedotov N.E. Otdel'nye konstitucionno-pravovye aspekty okazaniya vysokotekhnologichnoj medicinskoj pomoshchi s primeneniem iskusstvennogo intellekta // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2024. N 11. S. 36 - 41.

[3] SHitkina I.S., Biryukov D.O. Iskusstvennyj intellekt: pravovye aspekty // *Pravo i ekonomika*. 2023. N 11. S. 5 - 14; N 12. S. 5 - 15.

[4] Chartier, C.; Gfrerer, L.; Knoedler, L.; Austen, W.G., Jr. Artificial Intelligence–Enabled Evalua-

tion of Pain Sketches to Predict Outcomes in Headache Surgery. *Plast. Reconstr. Surg*. 2023, 151, 405–411.

[5] Dortche K, McCarthy G, Banbury SJ, Yannatos I: Promoting health equity through improved regulation of artificial intelligence medical devices. *J Sci Policy Govern*. 2022, 21.

[6] Li, Y.; Cheng, J.; Mei, H.; Ma, H.; Chen, Z.; Li, Y. CLPNet: Cleft Lip and Palate Surgery Support with Deep Learning. *Annu. Int. Conf. IEEE Eng. Med. Biol. Soc*. 2019, 2019, 3666–3672.

[7] Liu, J. Artificial Intelligence Is Still Far from Truly Revolutionizing Plastic Surgery. *Plast.Reconstr. Surg*. 2020, 146, 390e.

[8] Loftus TJ, Tighe PJ, Filiberto AC, et al. Artificial intelligence and surgical decision-making. *JAMA Surg*. 2020;155(2):148–158; Giordano C, Brennan M, Mohamed B, Rashidi P, Modave F, Tighe P. Accessing artificial intelligence for clinical decision-making. *FrontDigitHealth*. 2021;3:645232.

[9] M. Shiraishi, Y. Tomioka, A. Miyakuni, et al. Generating informed consent documents related to blepharoplasty using ChatGPT. *Ophthal Plast Reconstr Surg*, 40 (3) (2024), pp. 316–320.

[10] Shilo S, Rossman H, Segal E: Axes of a revolution: challenges and promises of big data in healthcare. *Nat Med*. 2020, 26:29–38.

[11] Schork, N.J. Artificial intelligence and personalized medicine. In *Precision Medicine in Cancer Therapy*; Springer: Berlin/Heidelberg, Germany, 2019; pp. 265–283.

[12] Turner, A.E.; Abu-Ghname, A.; Davis, M.J.; Ali, K.; Winocour, S. Role of simulation and artificial intelligence in plastic surgery training. *Plast.Reconstr. Surg*. 2020, 146, 390e–391e.

[13] Qin, F.; Gu, J. Artificial intelligence in plastic surgery: Current developments and future perspectives. *Plast.Aesthetic Res*. 2023, 10, 3.

[14] Weidman AA, Valentine L, Chung KC, et al. OpenAI's ChatGPT and its role in plastic surgery research: plastic and reconstructive surgery. *Plast Reconstr Surg*. 2023;151:1111–1113.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-655-659

ТИХОМИРОВ Андрей Андреевич,
магистрант Юридического факультета,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: aatikhomirov02@mail.ru

Научный руководитель:
РУЗАКОВА Ольга Александровна,
д.ю.н., профессор, профессор Кафедры правового
регулирования экономической деятельности
Юридического факультета
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: oaruzakova@fa.ru

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ КАК ОБЪЕКТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье исследуются цифровые финансовые активы как новый для российского общества объект предпринимательских отношений. Целью исследования является рассмотрение особенностей правового режима ЦФА как объекта предпринимательских отношений. В статье приведена характеристика опыта России и зарубежных стран в восприятии цифровых финансовых инструментов и их внедрения в правовые отношения. Выявлен имеющийся опыт вовлечения цифровых активов в легальный оборот и их использование в теневых секторах бизнеса. Рассмотрены нормы Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» относительно ЦФА, произведено их сопоставление с положениями Гражданского кодекса РФ. Проанализированы озвученные в науке точки зрения относительно природы таких объектов. Исследованы источники неоднозначного подхода к содержанию данной категории, в том числе, рассмотрено определение ЦФА на этапе законопроектной работы, а также в итоговой версии закона. Констатируется, что затруднения в определении правового режима ЦФА не в последнюю очередь связаны с разрозненным правовым регулированием, специфическим национальным толкованием терминологии, что в совокупности усложняет правоприменительный процесс. На основе системного анализа законодательства выявлено, что законодатель закрепил цифровые права (и ЦФА в их числе) как самостоятельный объект гражданских прав, однако, в конечном счете определяет их в положениях Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ как способ цифровой фиксации имущественного права. По итогам анализа озвучен возможный вектор развития российского законодательства на данном направлении.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые активы, цифровые финансовые активы, инвестиции, финтех, объект гражданских прав, правовое регулирование, цифровые права.

TIKHOMIROV Andrey Andreevich,
Master's student at the Faculty of Law,
Financial University under the Government of the Russian Federation

Scientific supervisor:
RUZAKOVA Olga Alexandrovna,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department
of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law
Financial University under the Government
of the Russian Federation

DIGITAL FINANCIAL ASSETS AS AN OBJECT OF BUSINESS RELATIONS

Annotation. *The article examines digital financial assets as a new object of entrepreneurial relations for Russian society. The purpose of the study is to consider the features of the CFA's legal regime as an object of entrepreneurial relations. The article describes the experience of Russia and foreign countries in the perception of digital financial instruments and their implementation in legal relations. The existing experience of involving digital assets in legal circulation and their use in shadow business sectors has been revealed. The norms of the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" regarding the CFA are considered, and they are compared with the provisions of the Civil Code of the Russian Federation. The points of view expressed in science regarding the nature of such objects are analyzed. The sources of an ambiguous approach to the content of this category are investigated, including the definition of the CFA at the stage of legislative work, as well as in the final version of the law. It is stated that the difficulties in determining the legal regime of the CFA are not least related to the disparate legal regulation, specific national interpretation of terminology, which together complicates the law enforcement process. Based on a systematic analysis of the legislation, it has been revealed that the legislator has consolidated digital rights (and the CFA among them) as an independent object of civil rights, however, it ultimately defines them in the provisions of Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 as a way to digitally record property rights. Based on the results of the analysis, a possible vector for the development of Russian legislation in this area has been announced.*

Key words: *digitalization, digital assets, digital financial assets, investments, fintech, object of civil rights, legal regulation, digital rights.*

Цифровизация различных сторон общественной и государственной жизни предъявляет новые требования к правовому регулированию, которое не может сохраняться в неизменном состоянии на фоне принципиально специфичных трансформаций, изменивших облик ранее сложившихся феноменов и породивших новые для правовой сферы явления и процессы. Активное движение многих стран, включая и Россию, к «безналичному обществу» и финансовой инклюзивности неизбежно поднимает вопросы вариативности расчетных и инвестиционных инструментов, удовлетворяющих интересы рынка, но обеспечивающих сохранение низкого уровня контролируемого и прозрачного риска. Одновременно появление таких обладающих имущественной ценностью объектов ставит на повестку дня определение их места в системе имущественных отношений.

Актуальность проблематики вовлечения цифровых финансовых активов (ЦФА) в гражданский оборот обусловлена тем, что в последние годы инновационные финансовые инструменты переживают активную фазу своего развития, как в расчетной, так и в инвестиционной плоскости. Оборачиваемость разнообразных цифровых активов является той реальностью, в условиях которой живет российское общество, а сценарии применения таких инструментов в платежах и розничных инвестициях расширяются, а во многих сферах традиционные финансовые инструменты уже

практически полностью потеснены финтех, особенно это коснулось тех рынков, которые часто недооценены традиционной финансовой индустрией.

Цифровые активы повсеместно используются в теневом секторе, посредством расчета за незаконные услуги, работы (финансирование терроризма, оплата услуг закладчиков и т.п.) или запрещенные к обороту (ограниченные в обороте) товары, включая фальшивые денежные знаки, наркотики, оружие и проч. [1]. Более того, они все чаще сами становятся предметом преступного посягательства [2]. Сказанное подтверждает, что преступный сегмент уже также освоил инновации и активно использует их в целях решения своих криминальных задач.

Указанная тенденция распространения практики криминальных расчетов посредством таких финансовых инструментов является не исключительно отечественным изобретением, а получает все большее распространение по всему миру, ввиду чего наличие рисков, вызванных финтехом, привлек внимание регулирующих органов во всем мире. При этом в разных странах вопрос о вовлечении в гражданский оборот цифровых финансовых инструментов решается различным образом. Россия и ряд других зарубежных стран (например, Швейцария или Япония [3]) принимают меры к регламентации легального оборота ЦФА, создавая правовой режим требований относительно выпуска таких инструментов, юриди-

ческого статуса информационных систем ЦФА, а также сокращения инвестиционных рисков. В США с начала 2025 года также явно прослеживаются кардинальные перемены в политике относительно цифровых активов: 23 января 2025 года Указом Президента Д. Трампа предписана отмена или изменение регулирующих положений по криптовалютам во всех федеральных агентствах и учреждена рабочая группа по цифровым активам, а уже 6 марта им подписан Указ о создании стратегического резерва биткоинов и запаса цифровых активов США (DAS) для управления и контроля счетов хранения цифровых активов.

В отличие от стран, занявших исследовательскую позицию в отношении таких инструментов, Китай (как и еще 51 юрисдикция по всему миру) реализует в стране иную, более агрессивную стратегию, с сентября 2021 г. полностью объявив вне закона оборот цифровых финансовых инструментов, в том числе, предоставление онлайн-услуг китайским резидентам через зарубежные платформы торговли цифровыми активами считается незаконным и подлежит уголовной ответственности. Это происходило на фоне масштабирования опыта использования цифрового юаня (e-CNY), с вовлечением в транзакции как индивидуальных, так и коллективных субъектов. Эффект резонанса позиции Китая по регулированию данной сферы ощущается по всему миру, и многие государства следуют его примеру при формулировании собственной политики.

Следовательно, цифровая повестка не оставляет в стороне ни одно государства, однако, определение собственной политики в данной сфере выстраивается сообразно определенным государством национальным приоритетам и стратегиям.

Для порождения юридически значимых последствий с участием цифровых активов, в целом, и ЦФА, в частности, требуется четко сформулированное и непротиворечивое правовое регулирование.

В России легальное определение ЦФА, а точнее перечневое закрепление относящихся к ним прав, закреплено в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ [4]. Исходя из нормы, можно сделать вывод, что ЦФА являются не все цифровые права, а только четыре прямо поименованных в законе типа обязательственных и корпоративных прав. Между тем, в литературе указывается, что введенная законодателем терминология не соответствует устоявшейся в среде профессионального сообщества [5], порождая новые правовые институты, провоцирующие разрыв между наукой, практикой и законодательным регулированием.

За период законопроектной работы позиция о содержательном наполнении терминологии кардинально поменялась (от признания криптовалюты частью ЦФА до вывода ее из содержания этой категории), что можно увидеть из анализа проекта закона при первом чтении и итоговой версии принятого документа (законопроект № 419059-7, доступен в СОЗД ГАС «Законотворчество»).

Следовательно, до настоящего времени правовая сущность ЦФА продолжает оставаться неясной.

Производным от нее вопросом является характеристика ЦФА как объектов правоотношений в предпринимательской среде. По решению законодателя перечень признанных объектов гражданских прав приведен в ст. 128 ГК РФ. Из ее содержания следует, что цифровой принадлежностью характеризуются только два упомянутых в норме объекта: цифровой рубль и цифровые права, последнему из которых выделено специальное регулирование в отдельной статье Кодекса (ст. 141.1).

В положениях ГК РФ категория ЦФА не упоминается, однако, из совокупного толкования правового регулирования двух названных (ГК РФ и Федеральный закон № 259-ФЗ) законодательных актов следует их признание имущественным правом через цифровые права, дифференцированные по признаку происхождения по предусмотренной законом процедуре и в рамках специальной информационной системы.

В юридической литературе однозначного решения данного вопроса не выработано. В частности, позиция законодателя относительно упоминания цифровых прав среди объектов гражданских прав находит сторонников среди цивилистов, однако, их трактовки правовой природы данного феномена имеют значительные различия (например, является ли оно совокупностью данных либо должно рассматриваться как имущественные и иные права на различного рода цифровые объекты) [6].

Другими исследователями высказываются позиции о преждевременности признания цифровых прав отдельными гражданскими правами [7]. Среди специалистов-сторонников такой концепции, распространен взгляд на цифровое право как форму фиксации или цифровой способ закрепления имущественного права [8]. ЦФА трактуются как цифровые аналоги уже существующих финансовых инструментов: акций, облигаций, векселей, займов и прочих активов.

Отсутствие однозначного толкования правового режима таких объектов не в последнюю очередь связано с разрозненным правовым регулированием, специфическим национальным толко-

ванием терминологии, что в совокупности усложняет правоприменительный процесс. Между тем, устойчивое и здоровое развитие и инновации в области цифровых финансов напрямую зависят не только от соответствующей жесткой, но и от мягкой цифровой финансовой инфраструктуры, а в рамках последней – от текущей нормативно-правовой базы. Следовательно, на данном направлении должно быть в первоочередном порядке сосредоточено внимание российского законодательства.

Итак, в России цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы объявлена Президентом РФ одной из национальных целей развития государства [9]. Изучение законодательства и правоприменительной практики показывает, что в России сфера правового регулирования развивается самобытно, не в полной мере отвечая ожиданиям научного сообщества и заинтересованной общественности.

Исследование законодательства о ЦФА позволяет сделать вывод, что концептуальные основы определения их правовой природы и, исходя из этого, ответы на множественные принципиальные вопросы их правового режима остаются недостаточно разработанными и отраженными в правовом регулировании.

Мы склонны согласиться с той группой исследователей, которые не признают цифровое право в качестве самостоятельного субъективного права, что послужило бы основой для его обособления в отдельный объект гражданского права, ввиду того, что достаточные основания для такого решения до настоящего времени не представлены. Цифровые права (включая ЦФА) должны иметь существенную специфику относительно остальных имущественных прав, обладать дифференцирующим признаком, позволяющим рассуждать о его достаточной весомости для объяснения их самостоятельности. Сегодня такой признак имеет не содержательное, а формальное свойство, что недостаточно для появления нового объекта гражданских прав.

Законодатель закрепил цифровые права (и ЦФА в их числе) как самостоятельный объект гражданских прав, однако, в конечном счете определяет их в положениях Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ как способ цифровой фиксации имущественного права. Такое положение дел свидетельствует об отсутствии четкой стратегии относительно определения правовой природы и сущности ЦФА либо ее нечетком отражении в нормах права. И в том, и в другом случае требуется системный пересмотр положений российского законодательства.

Следовательно, в качестве результата настоящего исследования является вывод, что с момента создания биткоина в 2009 году постепенно пришло осознание, что текущая финансовая система переходит в стадию реформирования. Идея изначально возникла в сообществе криптовалют, ориентированном на технологии, и постепенно приобрела массовый характер. В таких условиях весьма закономерно возникновение новых инструментов, в числе которых – ЦФА.

На перспективу в России необходимо обеспечить соответствующую нормативную базу для будущего развития цифровых финансовых инструментов и технологий, найдя баланс между ростом, инновациями, их поддержкой и стимулированием, с одной стороны, и финансовой безопасностью и контролем, с другой. Изменения в правовом регулировании должны происходить оперативно и адекватно отражать уровень развития общественных отношений, а также сформированные в цивилистической доктрине представления о них, чтобы способствовать развитию новых отношений, а не сдерживать их.

Список литературы:

- [1] Дремлюга Р.И. Уголовно-правовая оценка создания и обеспечения работы сетевых платформ для сбыта и пересылки наркотических средств и психотропных веществ // Уголовное право. 2024. № 4. С. 13 - 19.
- [2] Степаненко Д.А., Гармышев Я.В. Криптовалюты как предмет и средство совершения преступлений: проблемы квалификации и расследования // Российский следователь. 2025. № 1. С. 32 - 35.
- [3] Дорофеев В.В. Регулирование цифровых финансовых активов в России и за рубежом // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 6. С. 129 - 131.
- [4] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 173. 06.08.2020.
- [5] Шипика Л.В. О цифровых финансовых активах и цифровой валюте: законодательные новеллы // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7(199). С. 99 - 102.
- [6] Гринь О.С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10(167). С. 21 - 31.
- [7] Дерюгина Т.В. К вопросу о сущностных характеристиках и правовой природе цифрового

права // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17. № 2. С. 35-54.

[8] Ефимова Л. Г. Токен как виртуальный объект гражданского права // Банковское право. 2020. № 3. С. 42 - 48.

[9] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. № 100. 11.05.2024.

Spisok literaturey:

[1] Dremlyuga R.I. Ugolovno-pravovaya ocenka sozdaniya i obespecheniya raboty setevykh platform dlya sbyta i peresylki narkoticheskikh sredstv i psiho-tropnykh veshchestv // Ugolovnoe pravo. 2024. № 4. С. 13 - 19.

[2] Stepanenko D.A., Garmyshev YA.V. Kriptovalyuty kak predmet i sredstvo soversheniya prestuplenij: problemy kvalifikatsii i rassledovaniya // Rossijskij sledovatel'. 2025. № 1. С. 32 - 35.

[3] Dorofeev V.V. Regulirovanie cifrovyykh finansovykh aktivov v Rossii i za rubezhom // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2023. № 6. С. 129 - 131.

[4] Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ (red. ot 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Rossijskaya gazeta. № 173. 06.08.2020.

[5] SHipika L.V. O cifrovyykh finansovykh aktivakh i cifrovoj valyute: zakonodatel'nye novelly // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2021. № 7(199). С. 99 - 102.

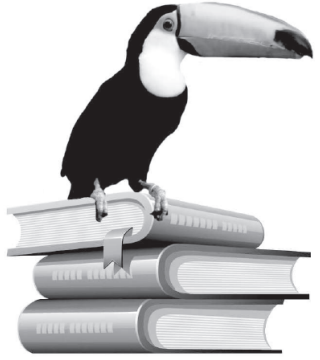
[6] Grin' O.S. Obyazatel'stvennye otnosheniya po povodu cifrovyykh ob'ektov grazhdanskih prav // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10(167). С. 21 - 31.

[7] Deryugina T.V. K voprosu o sushchnostnykh harakteristikah i pravovoj prirode cifrovogo prava // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17. № 2. С. 35-54.

[8] Efimova L. G. Token kak virtual'nyj ob'ekt grazhdanskogo prava // Bankovskoe pravo. 2020. № 3. С. 42 - 48.

[9] Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Rossijskaya gazeta. № 100. 11.05.2024.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-660-663

ГУСАРОВ Артём Владимирович,
аспирант кафедры Теории и истории государства и права,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
e-mail: gusarov.artiom@yandex.ru

КВАЛИФИЦИРОВАННОЕ МОЛЧАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЯ И ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ РИСК: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию проблематики соотношения категорий квалифицированного молчания законодателя и эколого-правового риска. Рассмотрены сущностные особенности данных правовых явлений, проанализированы их характерные черты. В авторской интерпретации существование квалифицированного молчания законодателя формирует условия для иных явлений правовой действительности, к числу которых относится эколого-правовой риск. Приведены примеры, иллюстрирующие применение квалифицированного молчания в сфере эколого-правового регулирования.

Ключевые слова: квалифицированное молчание законодателя, эколого-правовой риск, риск в праве, правовой риск, юридическая техника, эколого-правовая сфера, правовая неопределенность.

GUSAROV Artem Vladimirovich,
Postgraduate student of the Department
of Theory and History of State and Law,
Vladimir State University

QUALIFIED SILENCE OF THE LEGISLATOR AND ENVIRONMENTAL AND LEGAL RISK: RATIO PROBLEMS

Annotation. This article is devoted to the study of the relationship between the categories of qualified silence of the legislator and environmental and legal risk. The essential features of these legal phenomena are considered, their characteristic features are analyzed. In the author's interpretation, the existence of qualified silence by the legislator creates conditions for other phenomena of legal reality, which include environmental and legal risk. Examples illustrating the use of qualified silence in the field of environmental and legal regulation are given.

Key words: qualified silence of the legislator, ecological and legal risk, risk in law, legal risk, legal technique, ecological and legal sphere, legal uncertainty.

Ключевыми элементами правоотношений являются нормы права, то есть правила поведения, которые стороны-участники правоотношений используют для понимания меры своего возможного поведения, включающего в себя конкретный набор субъективных прав и обязанностей. Однако в процессе правового регулирования нередко происходят ситуации, когда юридический казус не удается решить с помощью имеющихся норм.

Во-первых, причиной этому может служить то, что качество проработки нормативно-право-

вых предписаний может не соответствовать степени развития общественных отношений, ввиду чего нужная норма права может попросту отсутствовать. Так, Г.В. Плеханов, анализируя проблематику скорости процессов развития общественных отношений и совершенствования правовых предписаний причину изменения последних видел в том, что данные предписания «перестают соответствовать новым «условиям», то есть новым фактическим отношениям, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства» [5, с. 256].

Во-вторых, возможна и обратная ситуация. Отсутствие необходимой нормы права может быть связано и с тем, что отношения, требующие правового регулирования, пока ещё недостаточно развиты. Оба процесса могут происходить синхронно, ввиду чего нормы позитивного права, как верно указывал В.И. Ленин, «могут также ... «соответствовать» регрессу или застою» [3, с. 259].

Однако это далеко не единственные причины, по которым необходимая в конкретном случае норма может отсутствовать. Иногда в нормотворческой деятельности сознательно допускается отсутствие формально установленного предписания. Нормотворческий субъект, осознавая неурегулированность вопроса, не формирует норму, а, напротив, уклоняется от ее принятия. Такой феномен получил в теоретико-правовой литературе название «квалифицированного молчания законодателя».

Так, с точки зрения Л.А. Морозовой квалифицированное молчание законодателя выражается в том, что «он (законодатель – прим. авт.) сознательно оставляет вопрос открытым, предлагая передать его решение на усмотрение правоприменителя, или законодатель сознательно выводит данные общественные отношения за сферу правового регулирования» [4, с. 288].

Причем квалифицированное молчание законодателя следует разграничивать с другим несколько схожим явлением, обозначаемым обычно как «пробел в праве». Сущность правовых пробелов связана с дефектной работой субъекта нормотворчества, когда последний, недостаточно проработав все аспекты сферы, подлежащей регламентации, не издает нужную норму. Из-за этого образуется своеобразный правовой вакуум, в котором нужные предписания отсутствуют. Существование пробелов – это не цель нормотворца и той деятельности, которую он осуществляет. Их формирование происходит неосознанно, без какой-либо цели. В этом и заключается главное отличие, которое предопределяет разную природу квалифицированного молчания и пробела в праве.

Рассуждая на тему соотношения этих явлений, И. П. Кожокар резюмировал: «Правовые пробелы необходимо отличать от мнимых пробелов и квалифицированного молчания законодателя, которые не относятся к правовым недостаткам, а являются соответственно – добросовестным заблуждением правореализатора относительно наличия правовой неопределенности либо сознательным отказом законодателя от правовой регламентации общественных отношений в силу объективных причин» [2, с. 10]. Схожих взглядов придерживается и С. И. Суслова, которая полагает, что «для разграничения квалифицирован-

ного молчания и пробела предлагается субъективный критерий – намерение законодателя: в первом случае речь идёт о целенаправленной правотворческой политике, во втором – о неосознанном бездействии, упущении законодателя» [6, с. 407].

Между тем, важнейшей проблемой, пока не до конца разрешенной в юридической науке, является выработка практикоориентированного критерия разграничения пробела и квалифицированного молчания. С технико-юридической точки зрения эти явления почти неотличимы друг от друга, ввиду чего разобраться в том, является ли отсутствие нормы осознанным допущением законодателя или же его просчетом, может быть проблематично. На текущий момент помочь в этом может лишь анализ пояснительных записок к проектам нормативных актов, учет законодательных тенденций, анализ правоприменительной практики и актов толкования. Других действенных решений этой проблемы не существует.

Существование квалифицированного молчания законодателя формирует условия и для иных явлений правовой действительности, в частности, для правового риска. Поскольку при квалифицированном молчании отсутствует необходимое нормативное предписание, это создает неопределенность для субъектов правоотношений при реализации ими прав и соблюдении обязанностей в конкретном правоотношении. Неопределенность представляет собой ту среду, где неминуемо возникает риск. Вне неопределенности риск как вероятность отклонения не может существовать, поскольку иное предопределило бы существование четкой логической связи между действием и его последствием. Наличие этой связи – индикатор определенности, в рамках которой все субъекты четко понимают характер и степень своего участия в отношениях, регламентируемых с помощью права. Известный исследователь проблематики квалифицированного молчания В. М. Баранов отмечал, что данный феномен обладает достаточно высокой степенью рискогенности, причем признаком его выступает «отсутствие правовой регламентации той или иной сферы, вида деятельности, ее какого-то фрагмента, этапа, процесса, состояния» [1, с. 64].

Учитывая тот факт, что квалифицированное молчание законодателя – это осознанное, намеренное и волевое решение законодательного субъекта, риск как следствие такого молчания не может им не осознаваться и не допускаться. Иными словами, используя квалифицированное молчание как технико-юридическое средство, законодатель в некотором роде разрешает риск в качестве формы деятельности субъекта права.

Такое допущение основывается на оценке законодателем соответствующей сферы регулирования. Если с позиции законодателя характер отношений может предусматривать наличие некоторой осознанной неурегулированности в целях предоставления свободы выбора, ввиду чего регламентация отношений может происходить при отсутствии конкретной правовой нормы, то квалифицированное молчание, и, как следствие, риск применимы. Сферы, где используется квалифицированное молчание, весьма разнообразны. В их число также входит сфера эколого-правового регулирования.

Специфика эколого-правовых отношений заключается в том, что они непосредственно затрагивают среду жизни человека. Условия, которые предопределяют существование людей как биологического вида, формируются не нормами права, а законами природы. Однако компоненты природы, образуемые в результате функционирования законов природы, находятся в прямой зависимости от действий человека. Потребительское отношение к природным богатствам пагубно влияет на окружающую среду и создает непосредственные угрозы для всех населяющих ее лиц. Этим и предопределяется особая значимость эколого-правовой отрасли как для всей сферы правового регулирования, так и для отдельных людей как субъектов этой сферы.

В литературе последних лет некоторую популярность приобрела дифференциация квалифицированного молчания законодателя на позитивное и негативное [6, с. 407]. Позитивное квалифицированное молчание представляет собой особое средство юридической техники, в рамках которого субъект законотворчества не формирует четкие нормы, а создает рамки правоотношений. Суть же этих правоотношений в силу наличия квалифицированного молчания оформляется уже на этапе использования нормативных предписаний.

Одним из примеров позитивного квалифицированного молчания в сфере эколого-правового регулирования выступает ч.8 ст.8 Водного кодекса РФ, где сказано, что «каждый гражданин вправе пользоваться (без использования механических транспортных средств) береговой полосой водных объектов общего пользования для передвижения и пребывания около них, в том числе для осуществления любительского рыболовства и причаливания плавучих средств»¹. Как можно заметить, за исключением некоторых немногочисленных аспектов законодатель не формирует четкий порядок пользования береговой полосой.

¹ Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ // Российская газета. 08.06.2006. № 121.

Другим частным случаем позитивного квалифицированного молчания выступает порядок проведения экологического просвещения. Профильная ст. 74 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» закрепляет лишь примерный перечень субъектов и средств такой деятельности в совокупности с основными ее целями². Другие сопряженные вопросы остаются за рамками нормативного регулирования.

Негативное квалифицированное молчание выступает антиподом позитивного. Суть его сводится к стремлению законодателя не оформлять с помощью правовых средств некоторые элементы общественных отношений, имманентные целям нормативно-правовой регламентации.

Примером негативного квалифицированного молчания может служить отсутствие требования о получении лицензии в отношении некоторых видов деятельности в области охраны окружающей среды. Ст.30 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» предусмотрено, что лишь некоторые виды деятельности и в случаях, прямо упомянутых в профильном законодательстве, подлежат лицензированию³. Иными словами, законодатель, используя механизм выдачи лицензий, пытается защитить наиболее уязвимые сферы от тех лиц, которые не обладают необходимыми компетенциями, ресурсной базой, квалификационными требованиями. Так, на текущий день лицензионно-разрешительный порядок действует в отношении недропользования, содержания животных в зоопарках, утилизации отходов I - IV классов опасности и т.д. Менее уязвимые сферы, не требующие такого контроля со стороны государства, лицензированию не подлежат. В их числе можно выделить пользование водными объектами, сбор ягод и грибов, посещение природных территорий и т.д.

Другим примером является перечень сведений, включаемых в федеральную государственную информационную систему состояния окружающей среды. Этот перечень формируется и администрируется Правительством РФ, ввиду чего отражает наиболее важные с позиции субъекта-администратора категории, индикативно отражающие уровень проблем окружающей среды⁴. В нем, в частности, должны быть сведения о госу-

² Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Российская газета. 12.01.2002. № 6.

³ Там же.

⁴ Постановление Правительства РФ от 19.03.2024 № 329 «О федеральной государственной информационной системе состояния окружающей среды» // Официальный интернет-портал правовой информации, 20.03.2024 (дата обращения: 07.04.2025).

дарственном экологическом контроле (надзоре) и производственном экологическом контроле. Однако общественный экологический контроль остался за рамками перечня, поскольку Правительство РФ в соответствующем акте не указало на необходимость включения сведений о нем в информационную систему.

Приведенные примеры отчетливо показывают, что квалифицированное молчание в условиях рискогенной эколого-правовой сферы обладает особой спецификой.

Во-первых, квалифицированное молчание – это специальный прием юридической техники, используемый нормотворческим субъектом для разграничения сфер, которые подлежат и не подлежат юридической оценке. Там, где существуют конкретные нормативно-правовые предписания, имеется приоритет в правовой регламентации, которая не может быть замещена иными способами регулирования. Отсутствие же правовых норм, регулирующих определённый вид общественных отношений, свидетельствует о том, что законодатель не посчитал необходимым создания соответствующих норм права либо потому, что пока «не созрели для этого» общественные отношения, либо по соображениям квалифицированного молчания.

Во-вторых, квалифицированное молчание – это форма эколого-правового риска нормотворческого характера. При допущении существования неурегулированной области общественных отношений нормотворческий субъект идет на риск, то есть пытается создать условия для гармоничного развития отношений, не задействовав в полной мере свой нормативный инструментарий. Успех этого риска не предопределен, так как существует вероятность отклонения от общей парадигмы эколого-правового регулирования как способа обеспечения надлежащего состояния окружающей среды.

В-третьих, квалифицированное молчание может создавать среду для появления правоприменительных и правореализационных рисков эколого-правового характера. Поскольку четких нормативно зафиксированных правил поведения не установлено, субъекты правоотношений на вполне легальных основаниях могут формировать свои правила поведения. Однако эта бесконтрольность также может привести к негативным результатам в виде дестабилизации основ комплексной экологической безопасности.

Проблема квалифицированного молчания законодателя в эколого-правовой сфере слабо

отражена в исследованиях юридического характера. Между тем, ее существование очевидно, а игнорирование недопустимо, поскольку качество нормативного материала напрямую влияет на то, как складываются и протекают правоотношения. Допущение неурегулированности должно быть осознанным и взвешенным шагом субъекта нормотворчества. Не все ситуации могут быть грамотно разрешены при помощи квалифицированного молчания, поэтому пользоваться им нужно крайне аккуратно и лишь в тех условиях, когда это действительно нужно.

Список литературы:

- [1] Баранов В.М. Риски «квалифицированного молчания законодателя»: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2019. №13. С.63-81.
- [2] Кожокаръ И.П. Техничко-юридическите дефекти в руското право: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 46 с.
- [3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 8. 689 с.
- [4] Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2002. 384 с.
- [5] Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956-1958. Т. 2. 829 с.
- [6] Суслова С.И. Непоименованность в гражданском праве: к постановке вопроса // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. № 160 (2). С. 404-414.

Spisok literatury:

- [1] Baranov V.M. Riski «kvalificirovannogo molchanija zakonodatelja»: doktrina, praktika, tehnika // Juridicheskaja tehnika. 2019. №13. S.63-81.
- [2] Kozhokar' I.P. Tehniko-juridicheskie defekty v rossijskom prave: avtoreferat diss. ... d-ra jurid. nauk. M., 2020. 46 s.
- [3] Lenin V.I. Poln. sobr. soch. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970. T. 8. 689 s.
- [4] Morozova L.A. Teorija gosudarstva i prava. M., 2002. 384 s.
- [5] Plehanov G.V. Izbrannye filosofskie proizvedenija: v 5 t. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956-1958. T. 2. 829 s.
- [6] Suslova S.I. Nepoimenovannost' v grazhdanskom prave: k postanovke voprosa // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija «Gumanitarnye nauki». 2018. № 160 (2). S. 404-414.

МЕЛЕНТЬЕВ Андрей Валерьевич,
преподаватель кафедры профессиональной подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: aaamelenteva2007@gmail.com

ЭТАПЫ ТАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦОПЕРАЦИЙ В ВЫСОТНЫХ ЗДАНИЯХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АЛЬПИНИСТСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются этапы тактической подготовки высотников территориальных органов МВД России к спецоперациям в зданиях с применением альпинистского снаряжения. Обучение проводится в рамках программы профессиональной подготовки по профессии «промышленный альпинист». Автором подчеркивается, что в настоящее время, когда страна переживает период значительных преобразований, характеризующихся социально-экономической неустойчивостью, существенным увеличением умственной, физической и психологической нагрузки, а также факторов риска, связанных с профессиональной деятельностью, педагогический работник должен обладать глубокими знаниями в своей области, подкрепленными практическим опытом решения задач из различных областей. Отмечается, что преподаватель, обучающий высотной подготовке, должен быть способен выявлять и устранять неисправности в оборудовании, если это возможно. Говорится о том, что педагог должен демонстрировать психологическую стабильность, способность находить оптимальные решения в сложных обстоятельствах и сохранять лидерские позиции в различных формах коммуникации.

Ключевые слова: тактическая подготовка, спецоперация, штурмовая группа, сотрудники МВД, высотные здания, альпинистское снаряжение.

MELENTYEV Andrey Valerievich,
Lecturer of the Department of Professional Training,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation

THE STAGES OF TACTICAL PREPARATION OF SPECIAL OPERATIONS IN HIGH-RISE BUILDINGS USING CLIMBING EQUIPMENT

Annotation. The article analyzes the stages of tactical training of high-altitude workers of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia for special operations in buildings using mountaineering equipment. The training is conducted within the framework of the professional training program for the profession of "industrial climber". The author emphasizes that at present, when the country is experiencing a period of significant transformations characterized by socio-economic instability, a significant increase in mental, physical and psychological stress, as well as risk factors associated with professional activities, a teaching staff member must have deep knowledge in his field, supported by practical experience in solving problems from various fields. It is noted that a teacher teaching high-altitude training must be able to identify and eliminate malfunctions in equipment, if possible. It is said that a teacher must demonstrate psychological stability, the ability to find optimal solutions in difficult circumstances and maintain leadership positions in various forms of communication.

Key words: high-rise buildings, special operation, tactical training, assault group.

Введение

Работа на высоте — это не просто вызов стихии, а сложный комплекс рисков, требующий от сотрудников подразделений специального назначения безупречной подготовки, хладнокровия и мгновенного принятия решений. Каждый их шаг, каждое действие — это баланс между жизнью и смертью, где цена ошибки измеряется не только собственной безопасностью, но и судьбами граждан, оказавшихся в эпицентре чрезвычайных ситуаций. В условиях, когда преступные действия превращают обычных людей в заложников, профессионализм спецназа становится последним рубежом между хаосом и порядком.

Однако даже самые совершенные навыки требуют постоянного развития. Современные угрозы эволюционируют, а значит, методы противодействия им должны быть на шаг впереди [6]. Данная статья — это не инструкция и не программа обучения. Её цель — обратить внимание на ключевые аспекты подготовки, подчеркнуть важность психологической и физической готовности, а также актуализировать вопросы, связанные с совершенствованием тактических и технических компетенций. Мы рассмотрим, как сочетание опыта, инновационных подходов и дисциплины формирует основу для успешного выполнения задач, где от действий одного профессионала зависят сотни жизней.

Напрашивается вывод: очевидно, что потенциал действий обусловлен совокупностью знаний, умений, навыков, а также определяется арсеналом доступных средств, текущей оперативной обстановкой, поставленными задачами и, что немаловажно, накопленным жизненным и профессиональным опытом. Последний, к сожалению, приобретается лишь с течением времени. Таким образом, выбор тактики напрямую зависит от множества факторов: уровня стрелковой подготовки, физической формы, владения альпинистским снаряжением для скрытного приближения к цели, навыков ориентирования на местности, маскировки и степени знакомства со взрывчатыми веществами [4; 5; 7].

Наличие специализированного оборудования, например, прибора ночного видения, многократно увеличивает тактические преимущества. Компетенции и доступные ресурсы могут быть практически неограниченными, и каждое их расширение открывает новые возможности для маневров и стратегий. В этом и заключается гибкость и адаптивность подхода — отказ от шаблонных действий и подстройка тактики под имеющийся арсенал, а не наоборот.

Ключевым аспектом является постоянное развитие и совершенствование профессиональных навыков [1; 2; 3]. Чем шире спектр умений,

тем больше тактических решений можно применить в конкретной ситуации. Например, знание принципов работы различных систем связи позволит эффективно координировать действия с другими участниками, а навыки оказания первой помощи могут спасти жизнь в критической ситуации.

Таким образом, тактика проведения специальных операций в высотных зданиях с привлечением специалистов-высотников, использующих альпинистское снаряжение, представляет собой не застывший свод правил, а динамичную, непрерывно эволюционирующую систему. Эта система, подпитываемая знаниями, отточенными навыками, специализированным арсеналом, богатым опытом и аналитическим мышлением, позволяет принимать оптимальные решения и достигать поставленных целей в условиях беспрецедентной сложности [8]. В контексте данной тактики на первый план выходят несколько критически важных качеств и умений штурмовой группы.

Психологическая устойчивость — это краеугольный камень подготовки бойца спецназа, опора его боевой эффективности. Работа на высоте, особенно в условиях цейтнота и под колоссальным давлением, требует не просто храбрости, но и способности обуздать первобытный страх, сохранить кристальную ясность мышления и молниеносно анализировать kaleidoscopически меняющуюся ситуацию. Тренировочный процесс должен включать в себя элементы психологической закалки, воспроизводящие стрессовые сценарии, развивающие навыки самоконтроля и безупречного командного взаимодействия. Абсолютное доверие к партнеру, четкое распределение задач и принятие взвешенных решений в условиях тотальной неопределённости, где каждая секунда может стать роковой, — вот что отличает профессионала.

Физическая подготовка — это не просто демонстрация силы и выносливости, это симфония ловкости, координации и умения действовать на пределе человеческих возможностей. Подъём и спуск по отвесным стенам, преодоление коварных препятствий, работа с альпинистским снаряжением — всё это требует отточенных движений, доведённых до автоматизма, и абсолютного контроля над своим телом. Тренировки должны быть направлены на гармоничное развитие всех групп мышц, укрепление сердечно-сосудистой системы и повышение устойчивости к запредельным физическим нагрузкам. Не менее важно уделять внимание развитию мелкой моторики, необходимой для филигранной работы со сложным оборудованием и оружием.

Тактическая подготовка — предполагает глубокое изучение различных сценариев развития

событий, отработку навыков штурма высотных объектов, освобождения заложников и нейтрализации вооружённых преступников. Боец должен обладать способностью мгновенно адаптироваться к изменяющейся обстановке, находить нестандартные решения и эффективно использовать имеющиеся ресурсы. Тренировки следует проводить в условиях, максимально приближённых к реальности, с использованием имитационного оборудования и современных средств связи. Крайне важно также доскональное изучение тактики действий противника, выявление его сильных и слабых сторон.

Техническая подготовка – охватывает освоение всего спектра альпинистского снаряжения, вооружения и средств связи, используемых при проведении операций на высоте. Бойцы должны уметь быстро и безопасно перемещаться по вертикальным поверхностям, профессионально использовать страховочные системы, грамотно организовывать спуски и подъёмы. Необходимо также знание основ инженерной подготовки, умение устанавливать и использовать взрывные устройства, обезвреживать мины и другие опасные предметы. Интеграция современных технологий, таких как беспилотные летательные аппараты и системы видеонаблюдения, позволяет значительно повысить эффективность специальных операций и минимизировать риски для личного состава.

Спецоперация в лабиринтах высоток – это не просто штурм, а сложная операция на грани возможного, где каждый шаг выверен, а риск, ощущаемый специалистами-высотниками при выполнении служебно-боевых задач, основывается на нескольких этапах:

1) Разведка – важнейший этап для получения информации о подозреваемом и объекте. Необходимо зафиксировать внешность, требования, вооружение, подготовку и слабые места подозреваемого. Также требуется информация о строении: видео- и фотосъемка здания с разных углов, фиксация окон, дверей, решеток, замков, укрытий и подъездных путей. Внутренняя планировка изучается через БТИ или соседние квартиры. Подробные фото и видео – лучшие помощники разведчика.

2) Анализ и планирование операции зависят от разведанных. На основе аэрофотосъемки маршрута движения к объекту составляется список необходимой техники и горючего. Группа огневого прикрытия комплектуется с учетом количества окон, планировки объекта, задач и вооружения преступника. Учитываются местность, погодные условия и время суток (чаще с 4 до 6 утра).

Формирование штурмовой группы (количество, вооружение, боеприпасы) происходит после изучения подозреваемого, планировки, окон и дверей. Рассматривается применение спецсредств. Информацию собирают сотрудники уголовного розыска или бойцы специальных подразделений.

3) Подготовка инструктажа. Прежде чем проводить операцию, необходимо провести инструктаж специальных групп, предоставив всю документацию с подробными фотографиями объекта и информацией о преступниках (возможно, макеты местности или строений). Командиры групп и их подчинённые должны владеть информацией, чтобы без проблем двигаться в нужном направлении на местности или внутри помещения.

1. Оперативная обстановка. Информация о преступниках и местности, на которой предстоит работать группам.

Очень важно в момент проведения инструктажа замотивировать сотрудников на серьёзный подход к делу. А значит, первым делом необходимо разместить фотографии подозреваемого, особенно если внешний вид преступника говорит о его агрессии. И напротив: если внешний вид преступника комичный или невзрачный, то фотографию лучше показать в конце инструктажа, чтобы не насмешить (в буквальном смысле) офицеров спецназа.

2. Задачи (задержать; в случае вооружённого сопротивления – уничтожить). При постановке задач важна конкретика в установлении границ применения силы и оружия. Личный состав не должен сомневаться, как действовать в той или иной ситуации.

3. План действий (подробный алгоритм действий каждой группы или каждого сотрудника в определённом месте и в определённое время).

4. Операция

Проведение операции необходимо осуществлять в строго назначенное время, предварительно обеспечив:

Оцепление территории и блокирование путей отхода подозреваемых, эвакуацию гражданских лиц (при необходимости) с привлечением служб скорой помощи и пожарных – из-за высокого риска ранений или возгораний.

Оснащение штурмовой группы

Каждый боец должен иметь:

1. Индивидуальную аптечку, средства бронезащиты и защиты органов дыхания.
2. Оружие: Основное: штурмовая винтовка (в просторечии – «автомат») или пистолет-пулемёт, альтернативное, пистолет, холодное, тактический нож.

3. Спецсредства: Светошумовые и газовые гранаты, огнестрельное оружие — с тактическим фонарём или лазерным целеуказателем (для стрельбы из-за укрытий или без использования прицела).
4. Инструменты для вскрытия: кувалды, тараны, фомки, гидравлические ножницы и т.д.
5. Для выполнения задач на высоте боец должен быть экипирован следующим снаряжением: индивидуальная страховочная система, включающая, страховочно-спусковое устройство, основная и страховочная верёвки, протектор для защиты верёвки, ножная сумка высотника (для веревки).
6. Защитное снаряжение: Защитные перчатки, кевларовый костюм, бронежилет высотный, защитный шлем, защитный комплект (наколенники, налокотники), специальные альпинистские очки.

Этапы операции

1. Сближение с объектом

Занятие позиций группой огневого прикрытия, проведение финальной разведки (доразведки), прикрытие штурмовых групп.

2. Проникновение в здание

Вход через «мёртвые зоны» (слепые участки для камер наблюдения), использование тёмного времени суток, непогоды или маскировки (например, в форме сотрудников служб), прикрытие огневой группой.

3. Действия внутри здания

Поэтапная зачистка помещений, поиск и задержание (или ликвидация) преступников, спасение заложников, эвакуация раненых.

4. Выход в зону безопасности

Отход штурмовой группы из здания под прикрытием огневой поддержки, проверка личного состава и подведение итогов.

Важные нюансы

- Связь: Рации могут заглушаться в бетонных конструкциях — дублируйте команды жестами.
- Импровизация: Если план рушится (например, заблокирован вход), используйте альтернативные пути: вентиляцию, проломы в стенах, соседние здания.
- Психология: Даже опытные бойцы могут запаниковать в замкнутом пространстве — тренируйте стрессоустойчивость.

Операция — это уравнение, где подготовка выступает константой, а импровизация — переменной. Профессионалы побеждают не потому, что не ошибаются, а потому, что превращают каждую ошибку в коэффициент для следующего решения.

5. Анализ

После проведения специальной операции необходимо проводить анализ и подведение итогов — независимо от того, успешно отработала группа (группы) или нет.

Примеры:

- Если снайперы, находясь на позиции, промокли или замёрзли и из-за этого не смогли произвести качественный или своевременный выстрел, причинами могут быть:
 - Незнание погодных условий, недостаточная экипировка; личная халатность или безответственность.
 - Если заряд для пробивания двери не сработал, это должно стать уроком: в будущем необходимо готовить запасные заряды и отрабатывать альтернативные методы вскрытия.
6. Корректировка подготовки: «Учить не ошибкам, а их отсутствию» Как это работает в нашем случае вывод Действий

Любой провал или успех прошлых операций превращается в «чек-лист» для тренировок.

Немедленно, а не «потом» Корректировки вносятся в учебный план сразу, пока ошибки свежи в памяти это создает право на второй шанс, которое даётся до боя, а не после.

Вывод:

Успешное проведение спецопераций в высотных зданиях с использованием альпинистского снаряжения требует комплексного подхода, включающего тщательную подготовку, планирование и координацию. Ключевым фактором является высокий профессионализм личного состава, сочетающий в себе психологическую устойчивость, физическую выносливость, тактические знания и технические навыки. Постоянное совершенствование и адаптация к новым угрозам, использование современных технологий и учет опыта предыдущих операций - залог успешного выполнения поставленных задач и минимизации рисков для личного состава и гражданских лиц.

Список литературы:

[1] Актуальные вопросы развития современной педагогики [Акиева С.И., Ахмедова Э.М., Бабошина Е.В. и др.] / Учебное пособие / отв. ред. Канюк А.С. — М.: «Группа компаний «Рино Лэнс», 2024. — 107 с.

[2] Грищенко Л.Л. Особенности деятельности органов внутренних дел в условиях проведения специальной военной операции // Академическая мысль. 2022. № 2 (19). — С. 106-111.

[3] Григорьева О. В., Горелов С. А., Жайлов А. А. Основные деструктивные процессы, влияющие на работу сотрудников полиции органов внутренних дел России, и пути их решения в профес-

сиональном образовании // Актуальные проблемы огневой, тактико-специальной и профессионально-прикладной физической подготовки (Могилев, 20-21 ноября 2020 г.): тезисы докладов. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2020. – С. 122-126.

[4] Мироненко В.Н. Огневая подготовка: Учебник. – М.: Воениздат, 2011. – 416 с.

[5] Мелентьев А.В. Методика и тактика проведения специальной операции по поиску и силовому задержанию вооруженных преступников [Электронный ресурс] // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 2 (18). – С. 322-325. – Режим доступа: <https://alley-science.ru/> (дата обращения: 12.04.2025).

[6] Пузенькин И.В., Михайлов В.В. Роль информационно-психологических средств в обеспечении обороноспособности государства // Военная мысль. 2015. № 7. – С. 11-15.

[7] Тактико-специальная подготовка: курс лекций: в 2-х ч. Ч. 2 / авт. кол.: Р.В. Павленков [и др.]; под ред. С.А. Осипова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. – 235 с.

[8] Шагбанова Х.С. Место патриотизма в системе ценностей сотрудников МВД России // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2020. № 2 (15). – С. 67-73.

Spisok literatury:

[1] Aktual'nye voprosy razvitiya sovremennoj pedagogiki [Akkieva S.I., Ahmedova E.M., Baboshina E.V. i dr.] / Uchebnoe posobie / otv. red. Kanyuk A.S. – М.: «Gruppa kompanij «Rino Lens», 2024. – 107 s.

[2] Grishchenko L.L. Osobennosti deyatel'nosti organov vnutrennih del v usloviyah pro vedeniya special'noj voennoj operacii // Akademicheskaya mysl'. 2022. № 2 (19). – С. 106-111.

[3] Grigor'eva O. V., Gorelov S. A., Zhajlov A. A. Osnovnye destruktivnye processy, vliyayushchie na rabotu sotrudnikov policii organov vnutrennih del Rossii, i puti ih resheniya v professional'nom obrazovanii // Aktual'nye problemy ognevoj, taktiko-special'noj i professional'no-prikladnoj fizicheskoy podgotovki (Mogilev, 20-21 noyabrya 2020 g.): tezis dokladov. – Mogilyov: Uchrezhdenie obrazovaniya «Mogilevskij institut Ministerstva vnutrennih del Respubliki Belarus'», 2020. – С. 122-126.

[4] Mironenko V.N. Ognevaya podgotovka: Uchebnik. – М.: Voениzdat, 2011. – 416 s.

[5] Melent'ev A.V. Metodika i taktika provedeniya special'noj operacii po poisku i silovomu zad'erzhaniyu vooruzhennyh prestupnikov [Elektronnyj resurs] // Alleya nauki. 2018. Т. 1. № 2 (18). – С. 322-325. – Rezhim dostupa: <https://alley-science.ru/> (data obrashcheniya: 12.04.2025).

[6] Puzen'kin I.V., Mihajlov V.V. Rol' informacionno-psihologicheskikh sredstv v obespechenii oboronosposobnosti gosudarstva // Voennaya mysl'. 2015. № 7. – С. 11-15.

[7] Taktiko-special'naya podgotovka: kurs lekcij: v 2-h ch. Ch. 2 / avt. kol.: R.V. Pavlenkov [i dr.]; pod red. S.A. Osipova. – 2-e izd., pererab. i dop. – Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2019. – 235 s.

[8] Shagbanova H.S. Mesto patriotizma v sisteme cennostej sotrudnikov MVD Rossii // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. 2020. № 2 (15). – С. 67-73.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-669-675

ЯРОЩУК Инна Александровна,
доцент кафедры судебной экспертизы
и криминалистики Юридического института
Белгородского государственного
национального исследовательского университета
(НИУ «БелГУ»), кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: yaroshchuk@bsuedu.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ТЕРМИНОПОРОЖДЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ПРАВА

Аннотация. Отправным тезисом настоящего исследования служит констатация того, что метафора в функции терминологической единицы языка права является основой процесса выражения воли законодателя и доведения этой воли до сведения участников общественных отношений. Метафоры помогают осмысливать абстрактные правовые концепции через конкретные и знакомые образы. Для определения метафорической природы терминообразования в языке права произведен анализ основных сфер использования терминологии: правового языка (юридического языка) и языка права. При этом отмечается, что использование метафорического термина в языке права является важным аспектом, который обусловлен потребностью в создании языковой материи нормативных правовых актов, таких как законы, постановления и другие официальные документы, а также актов официального толкования. При этом подчеркивается, что правовые тексты, оперирующие метафорическими терминами в целях «оязыковления» сложных абстрактных правовых понятий и категорий, всегда ориентированы на широкую аудиторию, поскольку нормы права, содержащиеся в тексте нормативного акта, должны быть понятны всем гражданам, а не только специалистам. Формулируется вывод о метафоре как одном из ведущих когнитивно-лингвистических инструментов в процессе правового мышления и терминообразования, когда через призму общеизвестных понятий интерпретируются сложные явления правовой действительности. Метафорический термин позволяет интегрировать незнакомое с привычным, создавая аналогии, которые преобразуют отвлеченные правовые идеи в доступные для понимания.

Ключевые слова: язык права, юридический язык, нормативно-правовой акт, правовые нормы, правовое сознание, юридический термин, метафора, правовое понятие, метафорическое терминообразование.

YAROSHCHUK Inna Aleksandrovna,
Associate Professor of the Department
of Forensic Examination and Criminalistics at the Law Institute
of the Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»),
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

METAPHORICAL NATURE OF TERM GENERATION IN THE LANGUAGE OF LAW

Annotation. The starting point of this study is the statement that metaphor in the function of a terminological unit of the language of law is the basis for the process of expressing the will of the legislator and communicating this will to participants in public relations. Metaphors help to comprehend abstract legal concepts through concrete and familiar images. In order to determine the metaphorical nature of term generation in the language of law, an analysis of the main areas of terminology use was carried out: legal language (legal language) and the language of law. It is noted that the

use of a metaphorical term in the language of law is an important aspect, which is due to the need to create the linguistic matter of normative legal acts, such as laws, regulations and other official documents, as well as acts of official interpretation. It is emphasized that legal texts that operate with metaphorical terms for the purpose of «linguisticizing» complex abstract legal concepts and categories are always aimed at a wide audience, since the legal norms contained in the text of a normative act must be understandable to all citizens, and not just specialists. A conclusion is formulated about metaphor as one of the leading linguistic instruments in the process of legal thinking and term generation, when complex phenomena of legal reality are interpreted through the prism of well-known concepts. A metaphorical term allows integrating the unfamiliar with the familiar, creating analogies that transform legal ideas into those accessible for understanding.

Key words: *language of law, legal language, normative legal act, legal norms, legal consciousness, legal term, metaphor, legal concept, metaphorical term generation.*

Введение. Юридическая терминология представляется в качестве обязательной составляющей языка права как носителя юридически значимой информации, репрезентирующей волю и мысли законодателя. Следовательно, доступная для реципиента в смысловом плане терминология обеспечивает условия эффективного применения правовых норм и реализации социальной интеракции.

Актуальность выбранной темы исследования определяется тем, что метафорическая терминология в языке права не представляла собой объекта полноценного исследования. Если и были попытки научных изысканий в этом направлении, то они имели единичный, фрагментарный характер. А о существовании научной концепции юридического термина-метафоры говорить вообще не приходится.

Целью настоящего исследования является выявление метафорической природы терминообразования в языке права. Данное направление не является изученным, хотя исследованию сущности процесса юридического терминообразования посвящено не мало научных работ (А. С. Пиголкин, С. П. Хижняк, В. Ю. Туранин, С. К. Магомедов, Э. Ф. Мамедов и др.), авторы которых едины в понимании того, что юридическая терминология, являющаяся обязательной в процессе сообщения нормативных установлений между законодателем и обществом, органически присуща современному российскому законодательству.

Изучение языка права диктует необходимость применения междисциплинарного подхода на пересечении языка и права, когнитивной лингвистики, юридической техники. В связи с чем методологическая база настоящего исследования определяется научными изысканиями, во-первых, в области языка права таких ученых, как А. Ф. Черданцев, А. С. Пиголкин, Н. А. Власенко, М. В. Баранов, Е. А. Крюкова, А. Н. Шепелев; во-вторых, в области когнитивно-лингвистического ракурса исследования терминологической семантики, представленной работами таких ученых, как

Л. М. Алексеева, Н. А. Мишанкина, С. П. Хижняк и др.; в-третьих, в сфере юридической терминологии, значительный вклад в изучение которой внесли В. Ю. Туранин, С. К. Магомедов, Э. Ф. Мамедов, Л. Ю. Фомина; в-четвертых, трудами в области метафорологии, представленными именами А. Ричардса, М. Блэка, В. Ю. Апресяна, А. Вежбицкой, Ф. Анкерсмита и др., и в частности, теорией концептуальной метафоры Д. Лакоффа и М. Джонсона, способствующей выявлению метафорических моделей юридических терминов. В качестве методов исследования применялись лингво-юридический, логико-языковой метод, метод исторического, системного и контекстуального анализа.

В рамках проведенного исследования установлено, что работы, посвященные метафорической концептуализации языка права, и в частности, метафорическому порождению юридической терминологии, немногочисленны и фрагментарны. В большинстве своем исследовательский интерес их авторов сосредоточивается на анализе языковых данных зарубежных правовых систем (Н. Ю. Тихонова [12], Е. А. Богачева [2], Н. Н. Лыкова [8], И. А. Гаврилова [4], С. П. Фокина [14], И. А. Жилина [6], Н. Н. Серостанова [6], И. Г. Смирнова [6], О. Ю. Нуждина, К. А. Борисова [9] и др.) или индивидуальном словарном запасе с точки зрения психолингвистической концепции юридической метафоры [7].

Язык права. В рамках юридической науки принято выделять два ключевых понятия: юридический (или правовой) язык и язык права. Н. А. Власенко подчеркивает важность различия между этими терминами. Ученый утверждает, что «правовой язык» является более общим понятием. Под ним подразумевается весь лексикон, который используется в области юриспруденции, включая все слова и словосочетания, а также термины и концепции, которые применяются в праве во всех его проявлениях. Это означает, что правовой язык охватывает не только специализированные термины, но и более общие выражения, кото-

рые могут быть использованы в различных юридических контекстах. Это разделение позволяет более точно понимать специфику и функциональные особенности каждого из этих понятий[4].

Язык права представляет собой более узкое понятие. Он включает в себя лексикон, который используется в нормативных правовых актах, таких как законы, постановления и другие официальные документы, а также в актах официального толкования. Это различие важно, поскольку язык права, как правило, более формализован и строго регламентирован, в то время как правовой язык может быть более гибким и разнообразным. Аналогичные мысли присущи исследованиям Б. П. Спасова, который указывает, что юридический язык следует рассматривать как комплексное понятие, охватывающее несколько видов языка права [12, с. 83].

Право способно воздействовать на волю и сознание людей только с помощью языка. Именно язык служит средством передачи информации о содержании правовых предписаний, поэтому язык права представляет собой сложное и многогранное явление, которое невозможно рассматривать отдельно от самого смысла права. Язык права, который соотносится с планом выражения, аккумулирует смысл права посредством различных лексических единиц – от общеупотребительных литературных слов до специализированных юридических терминов. Относительно плана содержания важно отметить, что именно в языке права фиксируется и через язык передается воля законодателя. Это означает, что язык права не просто отражает реальность, но и активно формирует ее, задавая векторы понимания и интерпретации правовых норм. Таким образом, язык права становится не только инструментом коммуникации, но и важным элементом правового регулирования, который влияет на поведение людей и функционирование общества в целом.

Следовательно, язык права – это не просто набор слов и фраз, а сложная система, которая требует внимательного изучения и понимания. Он служит связующим звеном между правом как абстрактным понятием и реальными социальными процессами, что подчеркивает его важность в современной правовой системе. Язык права можно рассматривать как систему словесного выражения идей, которая передает содержание норм, одобренных государством. Однако это лишь одна из составляющих общего понятия «юридический язык». Этот термин охватывает весь процесс взаимодействия человека с правом. В этом контексте юридический язык представляет собой комплексное и обобщающее лингвистическое средство, которое наиболее точно отражает смысл права и выражает мысли о нем.

Понятие юридического термина. Основой языка права является юридическая терминология, без нее невозможно сообщение между адресантом (автором) и адресатом (пользователем) нормативных установлений. Грамотное и обоснованное употребление каждого юридического термина способствует цельному и достоверному восприятию мысли законодателя любым заинтересованным лицом, создавая условия для правильного применения правовых норм.

В различных научных исследованиях обычно подчеркиваются следующие характеристики юридического термина: номинальность, системный характер, отсутствие синонимов, омонимов и антонимов, лаконичность, функциональная ограниченность, а также независимость термина от контекста. Номинальность подразумевает, что термин обозначает конкретное понятие или объект. Системность указывает на то, что термины взаимосвязаны и образуют определенную систему. Отсутствие синонимии, омонимии и антонимии означает, что каждый термин имеет уникальное значение и не может быть заменен другими словами, что способствует точности и однозначности в научной коммуникации. Краткость подразумевает, что термины должны быть лаконичными, то есть выражать смысл максимально сжато. Функциональная ограниченность означает, что термин используется в строго определенных контекстах и не может быть применен в других областях без потери смысла. Наконец, независимость термина от контекста говорит о том, что его значение остается неизменным, независимо от ситуации, в которой он используется. Что касается этого признака, то его одни исследователи определяют как обязательный, отрицая связь термина с контекстом, а другие, наоборот, утверждают свойство полисемии в отношении термина, которое, например, по мнению В. П. Даниленко, является результатом процесса метафоризации и других его разновидностей (метонимии, синекдохи) [6, с. 66].

О трудностях в достижении терминологической однозначности писал А. С. Пиголкин, обосновывая данное положение тем, что «наше познание, отражаемое в соответствующих понятиях, бесконечно, как бесконечна сама истина» [18, с. 61]. По этой причине, как отмечает исследователь, «более правильно говорить об относительной однозначности терминов, что несколько не снижает значение терминологического фонда юридической науки» [18, с. 61].

С опорой на общие признаки термина строятся определения юридического термина, представленные в работах А. С. Пиголкина [18], В. М. Савицкого [11], Г. Т. Чернобель [17], С. С. Алексеева [1], В. Ю. Туранина [14] и др.

Вслед за А. С. Пиголкиным определим юридический термин в качестве «слова (или словосочетания), которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [18, с. 61].

Исследования, проведенные как в области лингвистики, так и юриспруденции, объединяет указание на специфику юридического термина, характеризующегося конгломератом свойств, определяющих его функционирование в языке права, среди которых ведущим является устойчивое соотношение с юридическим понятием, обуславливающее точность семантической реализации данного понятия. Поэтому сущность феномена права раскрывается посредством понятийных доминант, репрезентированных через юридические термины, которые являются лингвистическими маркерами когнитивных структур правового сознания.

Термин и метафора в языке права. Каждый юридический термин имеет свою уникальную историю появления в языке права. Некоторые термины изначально были обыденными лексемами, которые широко использовались в повседневной речи. Другие термины были специально созданы учеными и практиками в целях номинации юридических категорий и понятий. Питательной средой терминологического фонда языка права могут быть и другие научные сферы. Мигрирующие из них термины ассимилируются в языке права и приобретают свойства и признаки, характерные для юридической терминологии.

Относительно путей образования юридических терминов в научной литературе сложилась позиция, согласно которой исследователи выделяют три основных направления: «1) терминологизация; 2) создание юридических терминов усилиями представителей науки и практики; 3) транстерминологизация» [14, с. 80].

Наряду с указанными направлениями путей образования юридических терминов выделим еще один – *метафорическая терминологизация*.

Под *метафорическим юридическим термином* мы понимаем слово или словосочетание, обозначающее правовое понятие, обладающее семантической прозрачностью и внутренней формой, репрезентирующей когнитивную схему специального знания при осмыслении и категоризации правового пространства (ср., встречное уведомление, юридическая сила, источник права, юридическое лицо, мягкое наказание, политическое убежище и др.). Так, например, метафорический термин «правовая база» подразумевает совокупность официальных письменных (изданных)

документов, которые принимаются в определенной форме правотворческим органом, – законов и нормативных актов. Метафора «база» создает образ устойчивого фундамента, на котором можно строить правовые отношения, правовую систему. А метафорический термин «правовое поле» описывает совокупность правовых норм и принципов, действующих в определенной сфере. Метафора «поле» конструирует образ пространства, в котором действуют различные юридические силы и факторы.

Одной из особенностей языка права является его знаково-метафорическая природа. Юридические термины не просто используются для обобщенного наименования определенных юридических понятий, они несут в себе символические значения. Поэтому метафора и юридический термин тесно связаны между собой. Метафора выступает как некая адаптирующая система сложных правовых понятий для субъектов общества, реализуя «стремление законодателя сделать текст закона как можно более понятным для рядового человека» [16, с. 90].

Метафорический термин точно обозначает соответствующее правовое понятие. Неотъемлемой характеристикой лингвистического воплощения метафорического термина в языке права является его единство с понятием. То есть метафорический термин реализуется в языковом пространстве права в силу устойчивой корреляции слова и понятия. Он являет собой не только вербальный носитель понятия, он формирует его взаимосвязи, представляется инструментом ретрансляции и адекватного осознания смысла, реализуемого им. Полномерное проецирование содержания понятия является показателем точности его вербальной номинации, поскольку именно словесная материализация выступает ведущим фактором его фактического существования.

Юридические понятия как абстракции, изначально создающиеся исключительно на гипотетическом уровне, присущем мышлению, визуализируются в правовом тексте посредством юридических терминов, в том числе и имеющих метафорическую природу происхождения. Вслед за Г. Т. Чернобелъ уточним, что у истоков существования любой правовой нормы находится понятие, в своей интегративной сущности представляющее «понятийный интеграл, составляющий ее моноличное смысловое содержание с заданным модулем нормативной необходимости» [17, с. 79]. Следовательно, любые размышления о праве проецируют возникновение и дальнейшее формирование юридических понятий.

Содержание правового понятия конструируется посредством комплекса характерных свойств,

который реализуется им. Рассмотрим содержание понятия, репрезентированного метафорическим термином «отмывание денежных средств». План содержания правового понятия терминологической метафоры представлен следующей дефиницией – «преступление в сфере экономической деятельности, предусмотренное ст. 174 УКРФ. С объективной стороны представляет собой совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенным заведомо незаконным путем, а равно его использование для предпринимательской или иной экономической деятельности. В международном праве легализация преступных доходов – преступление международного характера согласно Страсбургской конвенции 1990 г; о розыске, получении конфискации незаконных средств, полученных преступным путем» [3]. Данное правовое понятие представляет собой содержательный образ, воспроизводимый в мышлении суть реальных процессов правовой действительности и репрезентирующий правовую определенность обозначаемого процесса. Данное юридическое понятие абстрактно, оно приобретает конкретную вербальную форму выражения в результате вторичного семиозиса – процесса метафоризации. Термин «отмывание» происходит от глагола «отмыть», что в буквальном смысле означает очистить что-то от загрязнений. Соответственно, «отмывание» подразумевает процесс, в ходе которого незаконно полученные средства становятся «чистыми» и законными. Это достигается через сложные финансовые операции, которые маскируют истинное происхождение денег.

Таким образом, юридическое понятие можно рассматривать в качестве итогового продукта когнитивной деятельности человека, который формируется в результате наблюдений за реальными социальными явлениями и процессами, их последующей юридической интерпретации. Важным моментом является то, что оно изначально основывается на субъективном восприятии ключевых правовых характеристик явления или процесса, которые стали основой для формирования данного понятия. В конечном итоге это выражается в виде абстракции, которая репрезентирует суть правовых норм и категорий.

Заключение. Функционирование и развитие любой научной сферы во многом определяется терминологической системой, репрезентирующей основные понятия данной области знания. Юридическая наука в этом отношении не является исключением, поскольку важнейшим средством коммуникации в ней выступают термины. Выбранный в настоящей работе научный подход, реализующий концепцию метафорической природы

терминопорождения в языке права, репрезентирует понимание того, что терминопорождение определяется познавательной деятельностью нормодателя, результаты которой подлежат обязательной вербализации.

Когнитивные схемы помогают субъектам общества организовывать и интерпретировать информацию в виде нормативных предписаний, которые в языке права формируются на основе концептуальных метафор и позволяют воспринимать правовое понятие. Концептуальная метафора является важным инструментом в терминообразовании, способствует конструированию когнитивных схем, посредством которых субъект права интерпретирует нормативные предписания. Метафора является универсальным инструментом в осмыслении сложных правовых реалий. Данный языковой феномен представляет основную ментальную операцию, которая помогает познавать и категоризировать мир вокруг. В этом контексте метафора становится важным инструментом в процессе правового мышления и терминопорождения, когда через призму известных понятий постигаются новые явления правовой действительности. Метафора позволяет интегрировать незнакомое с привычным, создавая аналогии, которые делают сложные правовые идеи доступными для понимания.

Список литературы:

- [1] Алексеев, С. С. Право: азбука – теория – философия [Текст] : опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 1999. – 712 с.
- [2] Богачева, Е. А. Концептуальная метафора в юридическом дискурсе (на материале английского языка) / Е. А. Богачева // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2021. – № 04 (72). diskurse-na-materiale-anglijskogo-yazyka.html.
- [3] Большой юридический словарь / [В.А. Белов и др.] ; Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2. изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 703 с.
- [4] Власенко, Н. А. Язык права: монография. Репр. изд. / Н. А. Власенко. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 176 с.
- [5] Гаврилова, И. А. Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии / И. А. Гаврилова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21, № 2. – С. 504–512.
- [6] Даниленко, В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – Москва: Наука, 1977. – 252 с.
- [7] Жилина, И. А. Метафора как способ образования юридической терминологии /

И. А. Жилина, Н. Н. Серостанова, И. Г. Смирнова // Reports Scientific Society. – 2023. – № 11 (43). – С. 45–53.

[8] Константинова, М. В. Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе: (экспериментальное исследование): диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.19 / Константинова Маргарита Владимировна; [Курс. гос. ун-т]. – Курск, 2011. – 181 с.

[9] Лыкова, Н. Н. Метафора в терминологии права (на материале старофранцузских источников) / Н. Н. Лыкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 4 (386). – Вып. 100. – С. 106–111.

[10] Нуждина, О. Ю. Метафорические модели в юридической терминологии / О. Ю. Нуждина, К. А. Борисова // Актуальные вопросы современной лингвистики. Материалы XI международной научно-практической конференции, посвященной Году педагога и наставника в РФ. – Москва, 2024. – С. 104–107.

[11] Савицкий, В. М. Язык процессуального закона: вопросы терминологии [Текст] / В. М. Савицкий; АН СССР, Ин-т государства и права; под ред. А. Я. Сухарева. – Москва: Наука, 1987. – 288 с.

[12] Спасов, Б. П. Закон и его толкование [Текст]: [пер. с болг.] / Б. П. Спасов. – Москва: Юрид. лит., 1986. – 246 с.

[13] Тихонова, Н. Ю. Роль метафоризации в формировании англоязычной юридической терминологии: диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. Ю. Тихонова. – МГУ имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2022. – 227 с.

[14] Туранин, В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01; [Место защиты: ФГАОУВО Белгородский государственный национальный исследовательский университет]. – Белгород, 2017. – 437 с.

[15] Фокина, С. П. Метафора в дискурсе языка английского права / С. П. Фокина // Глобальный научный потенциал. – № 4 (109). – 2020. – С. 133–135.

[16] Хижняк, С. П. Юридическая терминология: формирование и состав [Текст] / С. П. Хижняк; под ред. Л. И. Баранниковой. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1997. – 132 с.

[17] Чернобель, Г. Т. Правовые понятия и их применение в законах. Гл. 5 [Текст] / Г. Т. Чернобель // Законодательная техника: науч.-практ. пособие / Л. Ф. Апт, Н. А. Власенко, В. Б. Исаков [и

др.]; под ред. Ю. А. Тихомирова; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – Москва, 2000. – С. 78–87.

[18] Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. – М., Юрид. лит., 1990. – 192 с.

Spisok literatury:

[1] Alekseev, S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya [Текст]: opyt kompleksnogo issledovaniya / S. S. Alekseev. – Moskva: Statut, 1999. – 712 s.

[2] Bogacheva, E. A. Konceptual'naya metafora v yuridicheskom diskurse (na materiale anglijskogo yazyka) / E. A. Bogacheva // Filologicheskij aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2021. – № 04 (72). diskurse-na-materiale-anglijskogo-yazyka.html.

[3] Bol'shoj yuridicheskij slovar' / [V.A. Belov i dr.]; Pod red. A. YA. Suhareva, V. E. Krutskih. – 2. izd., pererab. i dop. – Moskva: INFRA-M, 2003 (OAO Mozhajskij poligr. komb.). – 703 s.

[4] Vlasenko, N. A. YAzyk prava: monografiya. Repr. izd. / N. A. Vlasenko. – Moskva: Norma: INFRA-M, 2022. – 176 s.

[5] Gavrilova, I. A. Terminy-metafory v sostave angloyazychnoj yuridicheskoy terminologii / I. A. Gavrilova // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – T. 21, № 2. – S. 504–512.

[6] Danilenko, V. P. Russkaya terminologiya: Opyt lingvisticheskogo opisaniya / V. P. Danilenko. – Moskva: Nauka, 1977. – 252 s.

[7] ZHilina, I. A. Metafora kak sposob obrazovaniya yuridicheskoy terminologii / I. A. ZHilina, N. N. Serostanova, I. G. Smirnova // Reports Scientific Society. – 2023. – № 11 (43). – S. 45–53.

[8] Konstantinova, M. V. Specifika yuridicheskoy metafory v individual'nom leksikone: (eksperimental'noe issledovanie): dissertacii na soiskanie uche-noj stepeni kandidata filologicheskikh nauk: special'nost' 10.02.19 / Konstantinova Margarita Vladimirovna; [Kurs. gos. un-t]. – Kursk, 2011. – 181 s.

[9] Lykova, N. N. Metafora v terminologii prava (na materiale starofrancuzskikh istochnikov) / N. N. Lykova // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 4 (386). – Vyp. 100. – S. 106–111.

[10] Nuzhdina, O. YU. Metaforicheskie modeli v yuridicheskoy terminologii / O. YU. Nuzhdina, K. A. Borisova // Aktual'nye voprosy sovremennoj lingvistiki. Materialy XI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj Godu pedagoga i nastavnika v RF. – Moskva, 2024. – S. 104–107.

[11] Savickij, V. M. YAzyk processual'nogo zakona: voprosy terminologii [Текст] / V. M. Savickij; AN SSSR, In-t gosudarstva i prava; pod red. A. YA. Suhareva. – Moskva: Nauka, 1987. – 288 s.

[12] Spasov, B. P. Zakon i ego tolkovanie [Tekst]: [per. s bolg.] / B. P. Spasov. – Moskva : YUrid. lit., 1986. – 246 s.

[13] Tihonova, N. YU. Rol' metaforizacii v formirovanii angloyazychnoj yuridicheskoy terminologii: dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / N. YU. Tihonova. – MGU imeni M.V. Lomonosova. – Moskva, 2022. – 227 s.

[14] Turanin, V. YU. YUridicheskaya terminologiya v sovremennom rossijskom zakonodatel'stve (teoretiko-pravovoe issledovanie): dissertaciya ... doktora yuridicheskikh nauk: 12.00.01; [Mesto zashchity: FGAOUVO Belgorodskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet]. – Belgorod, 2017. – 437 s.

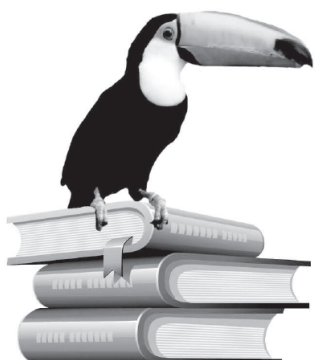
[15] Fokina, S. P. Metafora v diskurse yazyka anglijskogo prava / S. P. Fokina // Global'nyj nauchnyj potencial. – № 4 (109). – 2020. – S. 133–135.

[16] Hizhnyak, S. P. YUridicheskaya terminologiya: formirovanie i sostav [Tekst] / S. P. Hizhnyak ; pod red. L. I. Barannikovej. – Saratov : Saratov. gos. un-t, 1997. – 132 s.

[17] CHernobel', G. T. Pravovye ponyatiya i ih primenenie v zakonah. Gl. 5 [Tekst] / G. T. CHernobel' // Zakonodatel'naya tekhnika : nauch.-prakt. posobie / L. F. Apt, N. A. Vlasenko, V. B. Isakov [i dr.] ; pod red. YU. A. Tihomirova ; In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve Ros. Federacii. – Moskva, 2000. – S. 78–87.

[18] YAzyk zakona / Pod red. A. S. Pigolkina. – M., YUrid. lit., 1990. – 192 s.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-676-680

СЕДОВА Татьяна Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 2
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова,
Москва,
e-mail: paratania@mail.ru

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СИНОНИМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В статье в рамках когнитивной и сопоставительной лингвистики анализируются два случая использования синонимических рядов: к предметному существительному «роза» в русском и испанском языках на бытовом уровне и к обозначению дженериков и лекарственных препаратов в фармацевтической индустрии обеих стран на научном и потребительском уровнях. В связи с этим в работе ставится морально-этический вопрос о добре и зле, пользе и вреде использования в практической деятельности такого языкового инструмента, как синонимия. К сожалению, использование на бытовом и научном уровнях, и особенно в торговых практиках, этой универсальной языковой категории, а также синонимических рядов, не всегда идет во благо индивиду и обществу. Для объективности оценки пользы и вреда синонимии была разработана формула ее полезности. Также в статье намечена перспектива рассмотрения в дальнейшем и благоприятного положительного эффекта использования синонимических рядов и семантико-синтаксических полей.

Ключевые слова: синонимия, добро и зло, формула полезности, дженерик и оригинальный препарат.

SEDOVA Tatyana Viktorovna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages № 2,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow

MORAL AND ETHICAL APPRAISAL OF SYNONYMY (BASED ON SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

Annotation. The article analyzes two cases of using of synonymic rows within the framework of cognitive and comparative linguistics: to the subject noun "rose" in Russian and Spanish at the everyday level and to the designation of generics and drugs in the pharmaceutical industry of both countries at the scientific and consumer levels. In this regard, the work raises the moral and ethical question of good and evil, the benefits and harms of implementing such a language tool as synonymy in practice.

Unfortunately, the use of this universal language category, as well as synonymic chains, at the everyday and scientific levels, and especially in trade practices, is not always beneficial to the individual and society. For the objective appraisal of the benefits and harms of synonymy, a formula for its usefulness was developed. The article also outlines the prospect of further consideration of the beneficial positive effect of using synonymic rows and semantic and syntactic fields.

Key words: synonymy, good and evil, utility formula, generic and original drug.

Еще в 1596 г. Уильям Шекспир на онома-
сиологический вопрос "What's in a
name?" / Что значит имя? ответил

устами своей юной героини Джульетты: "A rose by
any other name would smell as sweet" / Роза пахнет
розой, / Хотя розой назови её, хоть нет. (перевод

Б. Пастернака). [1] А теперь уже в реалиях XXI века попробуем разобраться, действительно ли имя, имянаречение и нейминг не так важны в современном мире.

На страницах интернет-издания sinonim.org даны сразу три определения синонимов [2]. Самое общее: «это слова, которые пишутся и звучат по-разному, но имеют одинаковое или близкое значение». В дальнейшем данное определение конкретизируется и детализируется указанием на то, что слова должны обязательно относиться к одной и той же части речи. Хотя, например, в английском языке синонимичными считаются не только слова, но и морфемы, а также целые предложения. «A synonym is a word, morpheme, or phrase that means exactly or nearly the same as another word, morpheme, or phrase in a given language» / синоним - это слово, морфема или фраза, имеющая одинаковое или сходное значение, что и другое слово, морфема или фраза в данном языке. [3] Испанские грамматисты придерживаются мнения, что синонимы должны быть одночастиречными и при их взаимозамене в предложении смысл предложения должен оставаться неизменным. «Un sinónimo es una palabra que tiene un significado casi idéntico a otra. En general, dos palabras se consideran sinónimas si, al intercambiarlas en una oración, el sentido de ésta no varía». / Синоним - это слово, имеющее почти такое же значение, что и другое. Обычно два слова считаются синонимами, если при их взаимозамене в предложении смысл предложения не меняется. [4] И финальное определение синонимов звучит следующим образом: «это слова, относящиеся к одной части речи, которые пишутся по-разному, но имеют одинаковое или близкое смысловое значение». [2]

Лексические единицы, исходя из вышеприведенного определения попадающие под понятие «синонимы», могут формировать не только синонимические пары, но и синонимические ряды. А современное языкознание уже выделяет и семантико-синонимические поля. «Семантико-синонимическое поле представляет собой структурированность единиц, имеющих связи с исходным словом в обыденном сознании индивида» [5]. Применяя такой метод исследования, как лексико-графический, рассмотрим синонимический ряд обозначения в русском и испанском языках такого всем известного на бытовом уровне предмета, как «роза». Будем рассматривать синонимы лексемы «роза», чтобы подтвердить то, о чем говорила шекспировская Джульетта. В интернет-ресурсе sinonim.org нашлось 74 синонима к лексеме «роза» [6], а в КАРТАСЛОВ.РУ их 46 [7]. Словарь

www.interglot.es к существительному «rosa» не подобрал ни одного синонима [8]. А такое интернет-издание, как THE FREE DICTIONARY BY FARLEX, предлагает в синонимический ряд включить синонимы: rosa albardera-пион; peonía-пион; saltaojos-пион и адонис летний; rosa montés-пион [9].

Теперь зададимся целью выйти на виртуальный потребительский рынок и посмотреть, расстроится ли покупатель, если ему вместо роз продадут пионы. Возможно, кто-то расстроится, несмотря на то что получившие большую популярность пионовидные розы (внешним видом более похожие на пионы) - привлекательны, изысканны и необычайно красивы. И если потребителю предложат «Троянду», «Центифолию» или «Шраб», думаю, что конфликтной ситуации также не произойдет, поскольку — это сорта розы. Но возможно спрогнозировать нежелательную негативную реакцию со стороны покупателя, если ему постараются продать шиповник или, что хуже того - лютик.

Как говорится, куда это цветочки и дело не доходит до ягодок, то ничего «летального», как говорят медики, не происходит. Но подобные подмены при использовании синонимов в фармацевтике могут повлечь и летальный исход. Поэтому целью настоящей статьи будет рассмотрение использования синонимии и синонимических рядов в ежедневных современных практиках русских и испанцев с точки зрения дихотомических нормативно-оценочных категорий добра и зла. В работе «Диалектика добра и зла в истории философии» авторы П. Е. Остроухова и А. С. Веремчук прослеживают понимание фундаментальных философских категорий добра и зла, начиная от персидского пророка Заратустра (VI-V в. до н.э.) до мыслителей XX века: Бердяева, Соловьева, Лосского. Авторы статьи приходят к выводу, что в трудные турбулентные моменты истории (именно такие мы сейчас и переживаем) на смену устоявшимся ценностям приходят новые, нередко вызывающие дезориентацию в понимании добра и зла [10]. Добро и зло имеет нечто общее, хотя и диаметрально противоположное. Это - отношение к благу. Все устремления цивилизаций направлены на достижение блага. В философии под благом понимается конечная цель стремления и все, так или иначе, способствующее его достижению. Благо — это все, способное удовлетворить людские потребности и приносить пользу. А польза — благотворное воздействие, позволяющее добиться хорошего положительного результата и желаемых благоприятных последствий.

Для анализа пользы синонимии в фармацевтике обратимся к двум примерам.

Таблица 1.

Врач аллерголог-иммунолог выписывает спрей от вазомоторного ринита

	Название препарата	Лечебное воздействие и эффект
1	Мометазон	Является синтетическим глюкокортикостероидом (ГКС) для местного применения.
2	Назонекс	Является синтетическим глюкокортикостероидом (ГКС) для местного применения.
3	Мамот Рино	Содержит бензалкония хлорид, который может вызывать раздражение слизистой оболочки носа.
4	Дезринит	Следует применять с осторожностью при туберкулезной инфекции (активной или латентной) респираторного тракта.
5	Нозефрин	Содержит действующее вещество мометазон.

В настоящий момент в российских аптеках почти нет в продаже оригинальных препаратов из-за санкций, и 78-83% россиян вынуждены покупать лекарства российского производства. Процент замещения был выявлен методом опроса летом 2024 года, когда в столице не наблюдалось эпидемий гриппа, ковида или кори. Работавшие фармацевты аптек: 36.6, Аптеки Столички, аптеки «Озерки» и ЭВАЛАР с любезностью озвучили во время опроса такие показатели. На практике использование синонимических рядов не всегда становится благоприятным фактором для потребителя. Если заранее врач не оговаривает с пациентом необходимость и возможность применения препарата под другим названием, возникают затруднительные нежелательные ситуации. Смотрите для наглядности в Таблице 1 пример с Мамот Рино. Помимо того, и сама лексема «дженерик» формирует синонимический ряд: копия, аналог, воспроизведенный препарат, заменитель. Так же, как и оригинальные препараты в обиходе называются первыми препаратами, референтными препаратами, эталонными препаратами, препаратами-первопроходцами, оригиналами, оригинаторами. Вопрос о превосходстве оригинальных препаратов над дженериками остается дискуссионным, но синонимический ряд, а тем более семантико-синтаксические поля вызывают у потребителя много недоумений и вопросов, что на практике, как сказала фармацевт Аптеки Горздрава, вынуждает потребителя отказываться от покупки лекарства. Например, заменителями препарата Ибупрофен могут быть лекарственные средства с аналогичным действующим веществом: Адвил МАКСИМУМ; Адвил; АртраКам; Брудол для детей; Бимудол; Деблок; Ибупрофен АКООС; Интрафен ГЕН; МИГ 400; МИГ для детей; Некст Уно; Нурофаст; Нурофен; Фаспик; Макси-

дол [11]. На примере Испании возьмем paracetamol / парацетамол. Он отпускается в аптеках под названиями: Dolocatil, Cupanol, Apiretal, Aliviол и прочее [12].

На наш взгляд, в таких областях знаний, как медицина и фармакология, использование синонимических рядов приводит только к хаосу и неразберихе, поэтому был принят Федеральный закон (ФЗ) № 61 от 12.04.2010, регулирующий обращение дженериков и оригинальных препаратов [13].

Если рассматривать синонимию как инструмент, т.е. нечто, способное оказывать услуги, то возможно проанализировать общую полезность этой «универсальной языковой категории» [14].

Попробуем вывести формулу общей полезности такого языкового явления, как синонимия:

$U = (1U - \text{точность выражения мысли} / -1U - \text{неточность выражения мысли}) + 2U - \text{выражение эмоций} + 3U - \text{снятие тавтологии} + 4U - \text{конструкт текста} + 6U - \text{инструмент создания комического} + 7U - \text{обогащение лексикона} + (8U - \text{обеспечение подмены понятий и предметов} + -8U - \text{обеспечение подмены понятий и предметов})$, где $+U$ - это благо, а $-U$ - это вред.

В данной работе был сделан акцент на отрицательном опыте использования потенциала синонимического ряда и семантико-синонимических полей, когда одно и то же фармовещество может иметь разные наименования в зависимости от страны-производителя, фармацевтической компании и даже года выпуска. Гораздо хуже обстоит дело, и в этом, на наш взгляд, заключается необходимость федеральных законов, когда к действующему веществу, т.е. активному веществу, привносятся различные добавки, не всегда позволяющие добиться желаемого результата и провоцирующие негативные побочные эффекты.

И в этом видится вред, зло использования синонимии как языкового инструмента. Найти на рынке то благотворное лекарство, действительно способствующее оздоровлению индивида, не содержащее дополнительных субстанций, вызывающих нежелательные побочные эффекты, становится все труднее в дебрях широкомасштабного разброса наименований. Поэтому и вывод таков, что синонимия не всегда служит во благо. Но ее малоизученность, особенно в сопоставлении с синонимией в других языках, дает возможность открывать в этом универсальном языковом явлении новые грани.

В перспективе реальной будет задача проследить не только формирование или изменение состава сформировавшихся синонимических рядов, особенно в онтологических важных сферах, как фармацевтика, но и определить положительную роль синонимов в осуществлении торгово-коммерческих операций и других современных практик.

Список литературы:

- [1] A rose by any other name would smell as sweet [Электронный ресурс] // PoemAnalysis. - URL: <https://poemanalysis.com/shakespeare-quotes/a-rose-by-any-other-name-would-smell-as-sweet/> (дата обращения: 01.04.25).
- [2] Синонимы – это ... Что такое синонимы? Примеры, определение [Электронный ресурс] // Sinonim.org. - URL: <https://sinonim.org/sinonimy-eto> (дата обращения: 01.04.25).
- [3] Synonyms [Электронный ресурс] // Definitions. - URL: <https://www.definitions.net/definition/synonyms> (дата обращения: 01.04.25).
- [4] ¿Qué es un sinónimo? [Электронный ресурс] // Diccionario de sinónimos y analogías en español. - URL: <https://synonyms.reverso.net/sinonimo/> (дата обращения: 01.04.25).
- [5] Колодина Н.И. Структурированность семантико-синонимического поля в обыденном сознании слышащих и слабослышащих подростков [Электронный ресурс]. - URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F949444929/Kolodina.PDF> (дата обращения: 01.04.25).
- [6] Синонимы к слову «роза» (74 всего) [Электронный ресурс] // Sinonim.org. - URL: <https://sinonim.org/s/%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B0> (дата обращения: 01.04.25).
- [7] Синонимы к слову «роза» [Электронный ресурс] // КартаСлов.ру - Карта слов и выражений русского языка. - URL: <https://kartaslov.ru/%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B-%D0%BA-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83/%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B0> (дата обращения: 01.04.25).
- [8] Interglot [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.interglot.es/diccionario/es/es/search?q=rosa&m=click#resultses> (дата обращения: 01.04.25).
- [9] Rosa [Электронный ресурс] // The Free Dictionary by Farlex. - URL: <https://www.sinonimosgratis.com/rosa> (дата обращения: 01.04.25).
- [10] Остроухова П.Е., Веремчук А. С. Диалектика добра и зла в истории философии [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2021. № 6 [Электронный ресурс]. - URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/06/96058> (дата обращения: 01.04.25).
- [11] Ибупрофен инструкция по применению [Электронный ресурс] // Asna. -URL: https://www.asna.ru/product/ibuprofen/instruction/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 01.04.25).
- [12] Medicamento: aprende a diferenciar el nombre comercial del principio activo. [Электронный ресурс] // SaludMedicamentos. - URL: <https://mejorconsalud.as.com/medicamento-diferenciar-nombre-comercial-principio-activo/> (дата обращения: 01.04.2025).
- [13] Оригинальные препараты и дженерики – отличия и особенности [Электронный ресурс] // Detralex. - URL: <https://detralex.ru/articles/originalnye-preparaty-i-dzheneriki/> (дата обращения: 01.04.25).
- [14] Корсакова Ю. С. Синонимия - универсальное языковое явление. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5). Ч. 2. -URL: file:///C:/Documents%20and%20Settings/Admin/%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/Downloads/issn_1997-2911_2010_1-2_29.pdf (дата обращения: 01.04.25).

Spisok literatury:

- [1] A rose by any other name would smell as sweet [Elektronnyj resurs] // PoemAnalysis. - URL: <https://poemanalysis.com/shakespeare-quotes/a-rose-by-any-other-name-would-smell-as-sweet/> (data obrashcheniya: 01.04.25).
- [2] Sinonimy – eto ... CHto takoe sinonimy? Primery, opredelenie [Elektronnyj resurs] // Sinonim.org. - URL: <https://sinonim.org/sinonimy-eto> (data obrashcheniya: 01.04.25).
- [3] Synonyms [Elektronnyj resurs] // Definitions. - URL: <https://www.definitions.net/definition/synonyms> (data obrashcheniya: 01.04.25).
- [4] ¿Qué es un sinónimo? [Elektronnyj resurs] // Diccionario de sinónimos y analogías en español. - URL: <https://synonyms.reverso.net/sinonimo/> (data obrashcheniya: 01.04.25).

[5] Kolodina N.I. Strukturirovannost' semantiko-sinonimicheskogo polya v obydennom soznanii slyshashchih i slaboslyshashchih podrostkov [Elektronnyj resurs]. - URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F949444929/Kolodina.PDF> (data obrashcheniya: 01.04.25).

[6] Sinonimy k slovu «roza» (74 vsego) [Elektronnyj resurs] // Sinonim.org. - URL: <https://sinonim.org/s/%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B0> (data obrashcheniya: 01.04.25).

[7] Sinonimy k slovu «roza» [Elektronnyj resurs] // KartaSlov.ru - Karta slov i vyrazhenij russkogo yazyka. - URL: <https://kartaslov.ru/%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B-%D0%BA-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83/%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B0> (data obrashcheniya: 01.04.25).

[8] Interglot [Elektronnyj resurs]. - URL: <https://www.interglot.es/diccionario/es/es/search?q=rosa&m=click#resultses> (data obrashcheniya: 01.04.25).

[9] Rosa [Elektronnyj resurs] // The Free Dictionary by Farlex. - URL: <https://www.sinonimosgratis.com/rosa> (data obrashcheniya: 01.04.25).

[10] Ostrouhova P.E., Veremchuk A. S. Dialektika dobra i zla v istorii filosofii [Elektronnyj resurs] //

Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2021. № 6 [Elektronnyj resurs]. - URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/06/96058> (data obrashcheniya: 01.04.25).

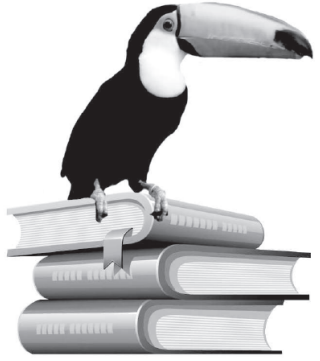
[11] Ibuprofen instrukciya po primeneniyu [Elektronnyj resurs] // Asna. -URL: https://www.asna.ru/product/ibuprofen/instruction/?utm_referer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (data obrashcheniya: 01.04.25).

[12] Medicamento: aprende a diferenciar el nombre comercial del principio activo. [Elektronnyj resurs] // SaludMedicamentos. - URL: <https://mejorconsalud.as.com/medicamento-diferenciar-nombre-comercial-principio-activo/> (data obrashcheniya: 01.04.2025).

[13] Original'nye preparaty i dzheneriki – otlichiya i osobennosti [Elektronnyj resurs] // Detralex. - URL: <https://detralex.ru/articles/originalnye-preparaty-i-dzheneriki/> (data obrashcheniya: 01.04.25).

[14] Korsakova Yu. S. Sinonimiya - universal'noe yazykovoe yavlenie. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2010. № 1 (5). CH. 2. -URL: file:///C:/Documents%20and%20Settings/Admin/%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/Downloads/issn_1997-2911_2010_1-2_29.pdf (data obrashcheniya: 01.04.25).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-681-683

ГРИГОРЬЕВ Евгений Геннадьевич,
аспирант 1 курса Юридического факультета
Чебоксарского кооперативного института (филиала)
автономной некоммерческой образовательной организации
высшего образования Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации»,
e-mail: grigorev420@bk.ru

Научный руководитель:
АНТОНОВА Елена Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: cheb@ruc.su

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИБИРСКИХ ВОЕВОДСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования и функционирования воеводской системы управления в Сибири как уникального исторического примера адаптации централизованного управления к специфическим условиям региона. В ходе исследования выявлены особенности правового статуса сибирских воевод, проанализирована нормативно-правовая база управления, исследованы механизмы взаимодействия с другими органами власти. Установлено, что система воеводского управления в Сибири представляла собой особую модель, сочетавшую элементы средневекового сословного и нового бюрократического управления.

Ключевые слова: воеводская система управления, Сибирь, государственное управление, правовое регулирование, территориальное управление, история России.

GRIGORIEV Evgeny Gennadievich,
1st year postgraduate student at the Law Faculty
of Cheboksary Cooperative Institute (branch)
of the autonomous non-profit educational organization
of Higher education of the Central Union of the Russian Federation
«Russian University of Cooperation»

Scientific supervisor:
ANTONOVA Elena Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor

LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF SIBERIAN VOIVODESHIP INSTITUTIONS

Annotation. The article examines the process of formation and functioning of the voivodeship management system in Siberia as a unique historical example of the adaptation of centralized management to the specific conditions of the region. The study revealed the peculiarities of the legal status of Siberian voivodes, analyzed the regulatory framework of management, and investigated the mechanisms of interaction with other authorities. It is established that the system of military administration in Siberia was a special model that combined elements of medieval estate and new bureaucratic management.

Key words: voivodeship management system, Siberia, public administration, legal regulation, territorial administration, history of Russia.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения исторического опыта формирования системы государственного управления в условиях освоения новых территорий. Воеводская система управления в Сибири представляет собой уникальный пример адаптации централизованного управления к специфическим условиям региона.

Цель исследования заключается в анализе правовых механизмов формирования и функционирования воеводских учреждений в Сибири. Задачи исследования:

- Изучить историко-правовые предпосылки формирования воеводской системы;
- Проанализировать нормативно-правовую базу воеводского управления;
- Исследовать особенности правового статуса сибирских воевод;
- Рассмотреть организацию делопроизводства воеводских учреждений;
- Проанализировать систему взаимодействия с другими органами управления;
- Исследовать эволюцию правовой системы воеводского управления.

Система воеводского управления в Сибири начала складываться в период активного освоения региона российским государством. Особенностью сибирского воеводства стало сочетание военных и гражданских функций, что было обусловлено спецификой региона и необходимостью комплексного подхода к управлению [4, с. 60].

Правовые основы воеводского управления формировались на стыке двух систем: средневекового местного управления и бюрократического аппарата нового времени. Это создавало особую модель управления, где сосуществовали элементы сословного и бюрократического начал.

Компетенция сибирских воевод определялась широким кругом нормативно-правовых актов, включающих законодательство XVII века, уставы, регламенты и инструкции центральных ведомств. Ключевым документом стал общероссийский наказ воеводам 1728 года, который расширил компетенцию местных органов в финансовой, судебной и административной сферах.

В 1741 году была издана специальная инструкция сибирскому губернатору, затрагивающая функции воеводского управления. Законодательство учитывало особенности местного управления Сибири, что отразилось в специфике полномочий сибирских воевод.

Правовой статус сибирских воевод обладал рядом существенных особенностей:

- Преобладание военных функций в управлении;

- Расширенные судебные полномочия при отсутствии других органов светского суда;
- Особые обязанности по управлению коренным населением и сбору ясака;
- Функции содействия земледельческой колонизации;
- Управление десятинной пашней [1, с. 14].

Делопроизводство в воеводских канцеляриях регулировалось общими нормативными актами, включая Генеральный регламент 1720 года и штаты местных учреждений. Однако до начала 1760-х годов в Сибири не существовало единого порядка комплектования штатов местных органов.

Наблюдалось постоянное расхождение между реальной и штатной численностью служащих. Общая их численность по Сибири превышала штатную, но руководство воеводских канцелярий указывало на недостаточность приказных кадров, учитывая объемы делопроизводства и круг функций местных учреждений.

Система взаимодействия воеводских канцелярий с другими учреждениями характеризовалась особым статусом. Обмениваясь «промемориями» с равными по рангу учреждениями, воеводские канцелярии обладали более высоким административным статусом, особенно в военной, финансово-хозяйственной и судебной сферах.

Взаимодействие с органами городского управления носило особый характер. Несмотря на попытки городских органов встать на защиту интересов посадских людей, воеводские учреждения сохраняли главенствующую роль в управлении [3, с. 99].

Административное деление Сибири имело свои особенности. В отличие от европейской части России, воеводства в Сибири были значительно крупнее по территории и численности населения. Это требовало создания системы помощников воевод и организации местных приказных изб.

Особенности территориального управления включали:

- Формирование местных приказных изб;
- Организация системы разъездов;
- Создание специальных экспедиций для управления отдаленными районами.

Финансовое обеспечение воеводских учреждений осуществлялось за счет:

- Государственного казначейства;
- Местных налогов и сборов;
- Ясака с коренного населения;
- Доходов от казенных промыслов.

Хозяйственные функции воевод включали:

- Управление казенными пашнями;
- Контроль за торговлей;
- Организация почтового сообщения;
- Управление государственными промыслами [2, с. 43].

Судебные полномочия сибирских воевод были значительно шире, чем в других регионах России. Это было обусловлено:

- Отсутствием других органов светского суда;
- Необходимостью оперативного рассмотрения дел;
- Спецификой местного населения;
- Необходимостью защиты государственных интересов [5, с. 139].

Трансформация правовой системы воеводского управления в XVIII веке характеризовалась усилением бюрократических начал. Инициативность воевод в первую очередь определялась степенью жесткости финансового контроля со стороны вышестоящих властей.

Анализ правовых аспектов формирования сибирских воеводских учреждений позволяет сделать вывод о создании уникальной системы управления, сочетавшей в себе элементы средневекового и нового бюрократического управления. Воеводская система стала эффективным инструментом освоения Сибири, объединив в себе военные, административные, судебные и хозяйственные функции.

Правовой статус сибирских воевод отличался универсализмом и широтой полномочий, что было обусловлено спецификой региона и необходимостью комплексного подхода к управлению. Система воеводского управления в Сибири стала важным этапом в развитии российского государственного управления, сочетая в себе элементы сословного и бюрократического начал.

Список литературы:

- [1] Азнабаев Б.А. Феномен самозванства в Уфимской провинции начала XVIII века // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2013. № 18 (309);
- [2] Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. - Новосибирск: Сова, 2005. - 264 с.;
- [3] Багрин Е.А. СИБИРСКИЕ ВОЕВОДЫ XVII ВЕКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2010-2021 ГГ. // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2022. № 4 (45);
- [4] Вершинин Е. В. Воеводские указы в Сибирь конца XVI-XVII в. как источник по истории управления // *Источниковедение массовых источников*. Москва, 1988;
- [5] Космовская А. А. Воеводское управление в Перми Великой в XVII в // *Вестн. Перм. ун-та. Сер. История*. 2012. № 1 (18).

Spisok literatury:

- [1] Aznabaev B.A. Fenomen samozvanstva v Ufimskoj provincii nachala XVIII veka // *Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii*. 2013. № 18 (309);
- [2] Anan'ev D.A. Voevodskoe upravlenie Sibiri v XVIII veke. - Novosibirsk: Sova, 2005. - 264 s.;
- [3] Bagrin E.A. SIBIRSKIE VOEVODY XVII VEKA V ISSLEDOVANIJAх, OPUBLIKOVANNYH V 2010-2021 GG. // *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij*. 2022. № 4 (45);
- [4] Vershinin E. V. Voevodskie nakazy v Sibir' konca XVI-XVII v. kak istochnik po istorii upravlenija // *Istchnikovedenie massovyh istochnikov*. Moskva, 1988;
- [5] Kosmovskaja A. A. Voevodskoe upravlenie v Permi Velikoj v XVII v // *Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istoriya*. 2012. № 1 (18).

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-684-691

МУХАМЕТЗЯНОВА Флёра Габдульбаровна,
профессор кафедры истории и педагогики,
Казанский государственный энергетический университет,
e-mail: florans955@mail.ru

КОЧУРА Антон Сергеевич,
старший преподаватель кафедры физического воспитания
Казанский государственный энергетический университет,
e-mail: a.ka4@mail.ru

САМОШИНА Анастасия Николаевна,
студентка, Московский государственный университет
технологий и управления им. К. Г. Разумовского (ПКУ),
e-mail: Samoshina.nastya@gmail.com

ЯРУЛЛИНА Альфия Шаукатовна,
доцент кафедры английской филологии
и межкультурной коммуникации,
Казанский федеральный университет,
e-mail: yarullina-74@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА

Аннотация. В статье рассматривается проблема психического здоровья субъектов образовательного процесса, являющаяся одной из ключевых в условиях возрастающих академических требований и увеличивающейся нагрузки. Особое значение, в этой связи, приобретает уровень физической активности, оказывающий влияние на различные аспекты психического здоровья, включая снижение уровня стресса, улучшение качества сна, профилактику депрессии и тревожных расстройств. Представлены практические рекомендации по организации программ оздоровления и пропаганды здорового образа жизни, особенно среди студенческой молодежи. Анализ полученных результатов позволил сделать вывод о том, что физическая активность не только способствует укреплению физического здоровья, но и служит эффективным инструментом профилактики и лечения расстройств психического здоровья.

Ключевые слова: физическая активность, психическое здоровье, студенты, преподаватели вуза, снижение стресса, улучшение сна, профилактика депрессии, тревожные расстройства, аэробные нагрузки, силовые тренировки, качество жизни

MUKHAMETZYANOVA Fleura Gabdulbarovna,
Professor of the Department of History and Pedagogy,
Kazan State Power Engineering University

KOCHURA Anton Sergeevich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education
Kazan State Power Engineering University

SAMOSHINA Anastasia Nikolaevna,
student, Moscow State University of Technology and Management
named after K. G. Razumovsky (The First Cossack University)

YARULLINA Al'fiya Shaukatovna,
Associate Professor of the Department of English Philology
and Intercultural Communication,
Kazan Federal University

THE IMPACT OF PHYSICAL ACTIVITY ON MENTAL HEALTH UNIVERSITY STUDENTS AND TEACHERS

Annotation. *The article examines the problem of mental health of subjects of the educational process, which is one of the key issues in the context of increasing academic requirements and increasing workload. Of particular importance in this regard is the level of physical activity, which has an impact on various aspects of mental health, including reducing stress levels, improving sleep quality, and preventing depression and anxiety disorders. Practical recommendations on the organization of wellness programs and the promotion of a healthy lifestyle, especially among students, are presented. The analysis of the results allowed us to conclude that physical activity not only promotes physical health, but also serves as an effective tool for the prevention and treatment of mental health disorders.*

Key words: *physical activity, mental health, students, university teachers, stress reduction, sleep improvement, depression prevention, anxiety disorders, aerobic exercise, strength training, quality of life*

Современный мир предъявляет к людям, и, в особенности, к студентам и преподавателям вуза повышенные требования, формируя условия для возникновения значительного психического напряжения. Учебный процесс, сопряженный с постоянными стрессами, связанными с сессиями, экзаменами, необходимостью быстро усваивать большой объем информации, часто сопровождается недостатком времени для отдыха и релаксации. К этому добавляются финансовые затруднения, проблемы в межличностных отношениях, неуверенность в будущем и множество других факторов, способствующих формированию хронического стресса [15; 24]. Результатом становится ухудшение психического здоровья, проявляющееся в виде расстройств сна, повышенной тревожности, депрессии, снижения когнитивных функций и общего ухудшения качества жизни. Стресс является одним из основных факторов, влияющих на психическое благополучие, и может привести к различным негативным последствиям, таким как ухудшение качества сна, снижение когнитивных функций, развитие депрессивных состояний и тревожных расстройств.

По данным Всемирной организации здравоохранения, депрессия уже стала одной из ведущих причин инвалидности среди молодежи, особенно, в странах с высоким уровнем образования [4]. Это, в свою очередь, негативно отражается на учебной деятельности, социальной адаптации и общем самочувствии студентов. Исследования последних десятилетий показывают, что регулярная физическая активность может стать важным инструментом для поддержания психического

здоровья субъектов образовательного процесса. Примерно от 75% до 90% визитов к врачу вызваны заболеваниями, связанными со стрессом [17]. В этих условиях поиск эффективных способов поддержания и улучшения психического здоровья как студенческой молодежи, так и преподавателей вуза является, по нашему мнению, одной из наиболее актуальных задач современности.

Многочисленные исследования последних десятилетий демонстрируют значительный потенциал физической активности, как средства профилактики и коррекции расстройств психического здоровья. Влияние регулярных физических нагрузок на организм многогранно и охватывает различные аспекты функционирования как физиологических, так и психологических систем. Физическая активность способствует выработке эндорфинов – нейропептидов, обладающих анальгезирующим и анксиолитическим эффектом, снижает уровень кортизола – гормона стресса, нормализует циркадные ритмы [22], улучшает сон, повышает самооценку и чувство контроля над ситуацией. Все эти факторы способствуют снижению уровня стресса, предотвращению расстройств сна и профилактике депрессии.

Однако, несмотря на обширные данные, подтверждающие положительное влияние физической активности на психическое здоровье, многие студенты и преподаватели недостаточно внимательны к состоянию своего организма. А информация о здоровье, которую они нашли, часто остается для них чисто теоретической [9]. Это обусловлено различными причинами: недостатком времени, отсутствием мотивации, нехваткой спортивной инфраструктуры, отсутствием информации о пользе

физической активности и многими другими факторами. В связи с этим, особенно важно проводить целенаправленную работу по пропаганде здорового образа жизни среди студенческой молодежи [13; 23], формируя понимание важности регулярной физической активности для поддержания психического здоровья. Необходимо разрабатывать и внедрять эффективные программы оздоровления, учитывающие индивидуальные особенности студентов и преподавателей, их учебную нагрузку и жизненные условия. Важно создавать условия для доступности спортивной инфраструктуры и обеспечивать профессиональную консультацию специалистов в области физической культуры и здорового образа жизни [5]. Только комплексный подход, включающий пропаганду здорового образа жизни, создание условий для занятий спортом и психологическую поддержку и сопровождение субъектов образовательных отношений в условиях современного коммуникативного пространства [10], может обеспечить эффективное предотвращение расстройств психического здоровья среди студентов и преподавателей.

В данной статье мы рассмотрим механизмы влияния физической активности на психическое здоровье студентов и преподавателей, сосредоточившись на трех ключевых аспектах: снижении стресса, улучшении сна и профилактике депрессии. Будут проанализированы результаты научных исследований, определяющие связь между уровнем физической активности, показателями психического здоровья и факторами, влияющими на эффективность физических нагрузок.

Все это позволит более глубоко понять важность регулярной физической активности для поддержания психического здоровья студентов и преподавателей, а также разработать эффективные стратегии по предотвращению и коррекции расстройств психического здоровья. Рассмотрение этих вопросов является необходимым для формирования компетентного подхода к организации учебного процесса и созданию благоприятной среды, для успешной учебы и полноценной жизни как студентов, так и преподавателей. Значительный объем исследований, посвященных теме влияния физической активности на психическое здоровье, позволяет с достаточной степенью уверенности говорить о существующей между ними сильной позитивной корреляции. Однако, несмотря на наличие множества работ, в данной области еще остается множество нерешенных вопросов, требующих дальнейшего изучения.

Особое внимание будет уделено исследованию механизмов взаимодействия физической активности и психического здоровья, а также разработке практических рекомендаций по внедрению эффективных программ профилактики и кор-

рекции расстройств психического здоровья у субъектов образовательного процесса. Только комплексный подход, объединяющий научные исследования, практическое применение и пропаганду здорового образа жизни, позволит достичь существенного прогресса в обеспечении психического благополучия студенческой молодежи и преподавателей.

Опрос показал, что более 40% студентов бакалавриата рассматривали возможность бросить учебу за последние шесть месяцев, по сравнению с 34% в первый год пандемии Covid-19. Большинство в качестве причины называли не финансовые проблемы, а эмоциональный стресс и личное психическое здоровье [16]. Именно эти аспекты приобретают особую актуальность в связи с усилением конкурентности в образовательном процессе, ростом информационной нагрузки и усложнением социальной среды.

В последние десятилетия ученые активно исследуют влияние физической активности на психическое здоровье, включая такие аспекты, как снижение стресса, улучшение качества сна и профилактика депрессии и тревожных расстройств. Все это связано с несколькими механизмами:

- физическая активность способствует выработке эндорфинов, которые действуют как природные антидепрессанты, повышая настроение и снижая болевые ощущения;
- физическая активность улучшает сон, нормализуя циркадные ритмы организма и уменьшая вероятность бессонницы.

Исследования показали, что от 20 до 30 минут физических упражнений каждый день могут помочь людям чувствовать себя спокойнее [17], поскольку физические нагрузки позволяют организму эффективно реагировать на внешние раздражители и восстанавливаться после них.

Тем не менее, несмотря на очевидные преимущества, существующие подходы к использованию физической активности для улучшения психического здоровья студентов и преподавателей имеют ряд ограничений:

- не все студенты и преподаватели обладают достаточной мотивацией для регулярного выполнения физических упражнений, что может привести к прерыванию тренировочного процесса;
- универсальные программы физической активности, зачастую, не учитывают индивидуальные возрастные особенности как студентов, так и преподавателей (например, такие как уровень физической подготовки, личные предпочтения и жизненные обстоятельства);

- эффект от физической активности может быть временным, и прекращение тренировок может привести к возврату прежних симптомов стресса, бессонницы или депрессии.

Таким образом, для повышения эффективности физической активности в поддержании психического здоровья студентов и преподавателей необходимы комплексные программы, включающие индивидуальный подход, постоянную мотивацию и поддержку. Важно учитывать не только физические аспекты, но и социальные, культурные и образовательные факторы, способствующие вовлечению студентов и преподавателей в регулярные занятия физической культурой.

Для оценки воздействия физической активности студентов и преподавателей на их психическое здоровье использовались методы, представленные ниже.

Количественный метод. Участники заполняли стандартные опросники, предназначенные для измерения уровня стресса (PSS-10), качества сна (PSQI), а также выраженности симптомов депрессии (BDI-II) и тревожности (STAI). Данные собирались дважды: перед началом экспериментальных тренировок. Экспериментальная группа занималась физическими упражнениями трижды в неделю по часу в день, включая аэробные нагрузки, силовые тренировки и элементы йоги. Контрольная группа продолжала вести обычный образ жизни без специальных физических нагрузок.

Физиологические измерения позволяют оценить влияние физической активности на физиологические показатели организма, которые могут быть связаны с психическим здоровьем. Например, можно измерять частоту сердечных сокращений, артериальное давление, уровень кортизола и другие показатели. Физиологические измерения позволяют получить объективные данные, которые не зависят от субъективного мнения участников исследования. Однако, проведение физиологических измерений требует специального оборудования и навыков, а также может быть дорогостоящим. Полученные данные не всегда легко интерпретировать, поскольку они могут быть связаны со множеством факторов, а не только с физической активностью.

Качественный метод. После завершения периода наблюдения участники обеих групп участвовали в полуструктурированных интервью, направленных на выявление субъективных изменений в восприятии своего психического состояния. Вопросы касались ощущений усталости, стресса, общего самочувствия, отношения к учебе и социального взаимодействия. Качественные

данные подверглись тематическому анализу, выявляющему общие тенденции и ключевые темы, касающиеся восприятия студентами и преподавателями физической активности и её влияния на их психическое здоровье.

Использование современных технологий, таких как датчики активности и фитнес-трекеры, позволяет получить более точную и детальную информацию об уровне физической активности студентов и преподавателей. Эти устройства позволяют автоматически записывать количество шагов, расстояние, скорость движения, сон и другие параметры. Данные могут быть использованы для более точной оценки влияния физической активности на психическое здоровье. Однако, использование современных технологий требует определенных финансовых затрат, а также может быть связано с проблемами конфиденциальности данных. Нами также были изучены материалы из интернет-ресурсов, позволившие выявить тот факт, что регулярные физические упражнения восстановили S-D-ассоциированное снижение базальных уровней ключевых сигнальных молекул, предотвращая нарушение памяти и сна [18].

Физическая активность способствует выработке эндорфинов – гормонов радости, которые помогают снизить уровень стресса [8; 11], также регулярные занятия спортом снижают симптомы хронического стресса и улучшают общее самочувствие [2]. В первом исследовании было установлено, что студенты и преподаватели, занимающиеся физической активностью минимум три раза в неделю, имели значительно меньший уровень кортизола (гормона стресса), чем те, кто вел малоподвижный образ жизни, также регулярные физические нагрузки способствуют улучшению качества сна. Это связано с тем, что физическая активность помогает регулировать циркадные ритмы организма и снижает уровень тревоги перед сном.

Физические упражнения являются эффективным средством профилактики депрессивных состояний. Они стимулируют выработку серотонина и дофамина – нейромедиаторов, связанных с настроением и мотивацией, еще могут снижать проявления тревожных расстройств. Во время тренировок снижается напряжение мышц, улучшается дыхание и усиливается чувство контроля над телом, что способствует снижению уровня тревоги. Даже короткие сеансы физических упражнений – всего лишь 15 минут бега или один час ходьбы в день могут снизить риск развития серьезного депрессивного расстройства на 26% [1].

Европейское исследование, проведенное среди студентов различных вузов, подтвердило, что обычный и растущий уровень умеренной и энергичной физической активности в наблюда-

тельных исследованиях обратно связан с инцидентной депрессией и появлением субклинических депрессивных симптомов среди взрослых независимо от глобального региона, пола, возраста или периода наблюдения.

Следует отметить, что современные информационные технологии, обеспечивающие здоровьесбережение субъектов образовательного процесса, помогают успешнее учиться и заниматься педагогической деятельностью [14; 25], но они не в силах заменить образовательную программу и её реализацию даже самым талантливым педагогом, ставящим долгосрочные и краткосрочные цели в соответствии с развиваемой акмеологической стратегией [21].

В данном случае и использование технических средств, персональной электронно-вычислительной техники должно быть подчинено именно этим целям. Важным фактором успешности реализации акмеологической стратегии индивидуальной программы организации физкультурного образования студентов и преподавателей является соответствие следующим принципам:

- направленность на личностно-профессиональное развитие;
- создание позитивной атмосферы для обучения;
- условия для достижения успеха;
- индивидуализация;
- наличие интегративных связей;
- соответствие государственному стандарту;
- последовательность реализации;
- содержательность учебного материала [6].

Студенческая жизнь характеризуется высоким уровнем стресса, обусловленным учебной нагрузкой, экзаменами, финансовыми проблемами, социальной адаптацией и многими другими факторами. Хронический стресс негативно сказывается на здоровье, вызывая различные соматические и психические расстройства [12; 19]. Физическая активность является эффективным способом снижения стресса благодаря нескольким механизмам:

1. *Нейрохимические изменения:* Физические упражнения стимулируют выработку эндорфинов – нейропептидов, обладающих анальгезирующим и анксиолитическим эффектом. Они снижают уровень кортизола – гормона стресса, и способствуют восстановлению гомеостаза. Регулярные тренировки способствуют повышению уровня нейротрофического фактора мозга (BDNF), важного для нейропластичности и нейрогенеза, что способствует улучшению когнитивных функций и снижению риска депрессии [3].
2. *Физиологические эффекты:* Физическая активность улучшает сердечно-сосудистую

систему, снижает артериальное давление и частоту сердечных сокращений в состоянии покоя, что способствует уменьшению реакции организма на стрессоры. Она способствует улучшению дыхательной функции, обеспечивая лучшее снабжение мозга кислородом. Регулярные физические нагрузки способствуют укреплению иммунной системы, повышая сопротивляемость организма к инфекциям, что также снижает уровень стресса.

3. *Психологические эффекты:* Физическая активность способствует отвлечению от проблем, снижению мышечного напряжения, улучшению самооценки и чувства контроля над ситуацией. Она способствует выработке положительных эмоций, повышению настроения и улучшению самочувствия. Занятия спортом позволяют наладить социальные контакты, что также важно для снижения стресса и предотвращения одиночества.

Нарушения сна являются распространенной проблемой среди студентов и преподавателей, обусловленной стрессом, нерегулярным расписанием и другими факторами. Недостаток сна негативно сказывается на академической успеваемости, когнитивных функциях и психическом здоровье. Физическая активность способствует улучшению сна следующим образом:

1. *Регуляция циркадных ритмов:* Регулярные физические нагрузки способствуют синхронизации циркадных ритмов, регулируя выработку мелатонина – гормона, регулирующего сон. Физическая активность в дневное время помогает лучше засыпать вечером и проводить более глубокий и восстановительный сон.
2. *Снижение уровня стресса:* Как уже отмечалось выше, физкультура снижает уровень стресса, что является важным фактором для нормализации сна. Хронический стресс зачастую является одной из основных причин бессонницы.
3. *Улучшение качества сна:* Физическая активность способствует улучшению качества сна, увеличивая продолжительность глубоких фаз сна и снижая количество пробуждений ночью. Это приводит к более полному восстановлению организма во время сна.

Различные виды физической активности могут иметь различную эффективность для улучшения психического здоровья [2; 20]. Аэробные упражнения (бег, плавание, велоспорт) оказывают более выраженное влияние на снижение стресса и улучшение сна. Силовые тренировки способствуют повышению самооценки и улучшению физического состояния, что также может играть

роль в профилактике депрессии. Йога и пилатес оказывают положительное влияние на снижение стресса и улучшение гибкости, что способствует общему улучшению самочувствия.

Регулярная физическая активность является эффективным способом снижения стресса, улучшения сна и профилактики депрессии у студентов и преподавателей. Для достижения оптимального эффекта рекомендуется выбирать виды физической активности, которые приносят удовольствие и не вызывают переутомления [7]. Важно обращать внимание на индивидуальные особенности организма и состояние здоровья. Рекомендуется сочетать различные виды физической активности для достижения максимального оздоровительного эффекта. В вузах необходимо создавать условия для занятий физической культурой и спортом, обеспечивая доступность спортивной инфраструктуры и пропаганду здорового образа жизни. Ранняя диагностика и своевременное обращение за помощью к специалистам важны для предотвращения развития серьезных психических расстройств.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение оптимальных режимов физической активности для различных групп студентов и преподавателей с учетом их индивидуальных особенностей и состояния здоровья, а также на разработку эффективных программ оздоровления, включающих физическую активность, рациональное питание и психологическую поддержку. Внедрение таких программ в вузах способствует повышению качества жизни студентов и улучшению их академической успеваемости.

Использование современных технологий, таких как датчики активности и фитнес-трекеры, позволяет увеличить эффективность программ оздоровления путем точного мониторинга физической активности и индивидуального подхода к каждому студенту и преподавателю. В целом, пропаганда здорового образа жизни и включение физической активности в ежедневную рутину является важным шагом к улучшению психического здоровья и повышению качества жизни студентов и преподавателей.

В заключение следует подчеркнуть значительную роль физической активности в поддержании и укреплении психического здоровья студентов и преподавателей. Проанализированные нами материалы исследований, демонстрируют положительное влияние регулярных физических нагрузок на снижение уровня стресса, улучшение качества сна и профилактику депрессии. Механизмы этого влияния многогранны и охватывают нейрохимические процессы, физиологические изменения и психологические эффекты. Выработка

эндорфинов, снижение уровня кортизола, регуляция циркадных ритмов, улучшение самооценки и социальной адаптации – все это вклад физической активности в формирование психического благополучия.

Однако, эффективность физической активности зависит от множества факторов, включая тип и интенсивность нагрузки, регулярность занятий, индивидуальные особенности организма и состояние здоровья студента и преподавателя. Не существует универсального рецепта, подходящего для всех. Оптимальный режим физической активности следует выбирать индивидуально, учитывая предпочтения, возможности и рекомендации специалистов. Важно помнить, что физическая активность является только одним из компонентов здорового образа жизни, и ее эффективность значительно повышается при сочетании с правильным питанием, достаточным сном и психологической поддержкой.

В условиях повышенной учебной нагрузки и стрессовой среды вуза необходимо создавать условия, способствующие регулярным занятиям физической культурой и спортом. Доступность спортивной инфраструктуры, организация интересных и мотивирующих программ тренировок, пропаганда здорового образа жизни – все это является залогом успеха в борьбе за психическое здоровье студентов и преподавателей. Дальнейшие исследования должны быть направлены на более глубокое изучение механизмов влияния физической активности на психику, разработку индивидуальных программ тренировок и совершенствование методов пропаганды здорового образа жизни среди студентов и преподавателей. Только комплексный подход, объединяющий научные исследования, практические рекомендации и целенаправленную работу вузов и образовательных учреждений, позволит обеспечить реальное улучшение психического здоровья студенческой молодежи и педагогического корпуса.

Список литературы:

- [1] Влияние физических упражнений на психическое здоровье и психику // [Электронный ресурс]. URL: <https://apni.ru/article/8305-vliyanie-fizicheskikh-uprazhnenij-na-psikhich> (дата обращения: 03.04.2025).
- [2] Гершун Г.С., Морозов А.В., Стрелова У.А., Яруллина А.Ш. Восстановление при посттравматическом стрессовом расстройстве и здоровьесбережение посредством занятий физической культурой // Образование и право. – 2025. – № 4. – С. 434-440.
- [3] Действие физических упражнений на мозг // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dikul.net/interest/3/581.html> (дата обращения: 10.03.2025).

- [4] Депрессивное расстройство (депрессия) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression> (дата обращения: 23.03.2025).
- [5] Ильин Е.П. Психология физического воспитания. – СПб.: Питер, 2000. – 486 с.
- [6] Лахтин А.Ю. Акмеолого-педагогические аспекты занятий физической культурой в вузах // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 5 (60). – С. 44-46.
- [7] Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2007. – 512 с.
- [8] Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2017. – 800 с.
- [9] Молодежь (не) любит ЗОЖ // [Электронный ресурс]. URL: <https://iq-media.ru/archive/279088961> (дата обращения: 29.03.2025).
- [10] Морозов А.В. Психологическое сопровождение субъектов образовательных отношений в условиях современного коммуникативного пространства // В сборнике: Образование и развитие личности в современном коммуникативном пространстве // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Печатается по решению оргкомитета НПК. – Иркутск, 2016. – С. 308-315.
- [11] Морозов А.В. Социальная психология. – М.: Академический Проект, 2008. – 336 с.
- [12] Морозов А.В. Стрессоустойчивость субъектов образовательного процесса как залог здоровья и личностного развития // В сборнике: Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы // Материалы XVII Международной научно-практической конференции. – М.: РУДН, 2024. – С. 36-40.
- [13] Морозов А.В. Формирование установки на здоровый образ жизни как ресурс сбережения нации // В сборнике: Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения. Ежегодник // Материалы XX Национальной научной конференции с международным участием. – М.: ИНИОН РАН, 2021. – С. 725-727.
- [14] Морозов А.В., Мухаметзянов И.Ш. Медико-психологические аспекты здоровьесберегающей информационно-образовательной среды // Человек и образование. – 2017. – № 2 (51). – С. 48-54.
- [15] Морозов А.В., Чебыкина А.В. Влияние стресса на профессиональную работоспособность и профессиональное долголетие специалистов // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. – 2011. – № 3-1. – С. 83-84.
- [16] Плохое психическое здоровье студентов провоцирует бросить учебу. Серьезная ли это проблема? // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.techinsider.ru/news/news-1586993-plohoe-psiicheskoe-zdorove-studentov-provociruet-brosit-uchebu-serezynaya-li-eto-problema/> (дата обращения: 03.03.2025).
- [17] Спорт и стресс // [Электронный ресурс]. URL: https://navigator.mosgorzdrav.ru/article/sport-i-stress/?sphrase_id=895531 (дата обращения: 13.04.2025).
- [18] Ученые из Гарварда выяснили, сколько времени в неделю нужно уделять спорту // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/science/news/2022/07/25/18197438.shtml> (дата обращения: 25.04.2025).
- [19] Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 1979. – 126 с.
- [20] Спилбергер Ч. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги // Тревога и тревожность: хрестоматия / сост. В.М. Астапов. – СПб.: Пер Сэ, 2008. – С. 85-99.
- [21] Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – М.: Педагогика, 1986. – Т. 1. – 408 с.
- [22] Bashkireva T., Bashkireva A., Ermakova N., Morozov A., Novikova L. Circavigintan Rhythms as an Indicator the Cardiovascular System of Students in the Context of Distance Learning During COVID-19 // Proceedings of the Research Technologies of Pandemic Coronavirus Impact (RTCOV 2020) // Atlantis press SARL / Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2020. – Vol. 486. – Pp. 525-528.
- [23] Bashkireva T.V., Bashkireva A.V., Morozov A.V., Evdokimova A.I., Apsite M.A. Conditions for Digitalization of Education and Related Health Problems of Students // 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020) // Atlantis press SARL / Advances in Economics, Business and Management Research. – 2020. – Vol. 156. – Pp. 159-162.
- [24] Khayrutdinov R.R., Mukhametzyanova F.G., Bashkireva T.V., Bashkireva A.V., Morozov A.V. Stress Resistance of Personality in the Conditions of Development of Professional Activity // International Journal of Higher Education. – 2020. – Vol. 9. – No. 8. – Pp. 100-104.
- [25] Mukhametzyanov I., Morozov A., Arinushkina A. Interdisciplinary approach to the problem of health-saving information and educational environment: a view from Russia // SHS Web of Conferences. – EDP Sciences, 2018. – Т. 55. – P. 03012.

Spisok literatury:

- [1] Vliyanie fizicheskikh uprazhnenij na psiicheskoe zdorov'e i psiichiku // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://apni.ru/article/8305-vliyanie-fizicheskikh-uprazhnenij-na-psiichich> (data obrashcheniya: 03.04.2025).

- [2] Gershun G.S., Morozov A.V., Strelova U.A., Yarullina A.Sh. Vosstanovlenie pri posttravmaticheskom stressovom rasstrojstve i zdorov'esberezenie posredstvom zanyatij fizicheskoy kul'turoj // *Obrazovanie i pravo*. – 2025. – № 4. – S. 434-440.
- [3] Dejstvie fizicheskikh uprazhnenij na mozg // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.dikul.net/interest/3/581.html> (data obrashcheniya: 10.03.2025).
- [4] Depressivnoe rasstrojstvo (depressiya) // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression> (data obrashcheniya: 23.03.2025).
- [5] Il'in E.P. Psihologiya fizicheskogo vospitaniya. – SPb.: Piter, 2000. – 486 s.
- [6] Lahtin A.Yu. Akmeologo-pedagogicheskie aspekty zanyatij fizicheskoy kul'turoj v vuzah // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. – 2016. – № 5 (60). – S. 44-46.
- [7] Leont'ev D.A. Psihologiya smysla: priroda, struktura i dinamika smyslovoj real'nosti. – M.: Smysl, 2007. – 512 s.
- [8] Majers D. Social'naya psihologiya. – SPb.: Piter, 2017. – 800 s.
- [9] Molodezh' (ne) lyubit ZOZh // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://iq-media.ru/archive/279088961> (data obrashcheniya: 29.03.2025).
- [10] Morozov A.V. Psihologicheskoe soprovozhdenie sub»ektov obrazovatel'nyh otnoshenij v usloviyah sovremennogo kommunikativnogo prostranstva // V sbornike: *Obrazovanie i razvitie lichnosti v sovremennom kommunikativnom prostranstve* // *Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem / Pechataetsya po resheniyu orgkomiteta NPK*. – Irkutsk, 2016. – S. 308-315.
- [11] Morozov A.V. Social'naya psihologiya. – M.: Akademicheskij Proekt, 2008. – 336 s.
- [12] Morozov A.V. Stressoustojchivost' sub»ektov obrazovatel'nogo processa kak zalog zdorov'ya i lichnostnogo razvitiya // V sbornike: *Vysshaya shkola: opyt, problemy, perspektivy* // *Materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. – M.: RUDN, 2024. – S. 36-40.
- [13] Morozov A.V. Formirovanie ustanovki na zdorovyj obraz zhizni kak resurs sberezeniya natsii // V sbornike: *Modernizatsiya Rossii: priority, problemy, resheniya. Ezhegodnik* // *Materialy XX Nacional'noj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. – M.: INION RAN, 2021. – C. 725-727.
- [14] Morozov A.V., Muhametzyanov I.Sh. Mediko-psihologicheskie aspekty zdorov'esberegayushchej informacionno-obrazovatel'noj sredy // *Chelovek i obrazovanie*. – 2017. – № 2 (51). – C. 48-54.
- [15] Morozov A.V., Chebykina A.V. Vliyanie stressa na professional'nuyu rabotosposobnost' i professional'noe dolgoletie specialistov // *Chelovecheskij faktor: problemy psihologii i ergonomiki*. – 2011. – № 3-1. – S. 83-84.
- [16] Plohoe psihicheskoe zdorov'e studentov provociruet brosit' uchebu. Ser'eznaya li eto problema? // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.techinsider.ru/news/news-1586993-plohoe-psihicheskoe-zdorove-studentov-provociruet-brosit-uchebusereznaya-li-etoproblema/> (data obrashcheniya: 03.03.2025).
- [17] Sport i stress // [Elektronnyj resurs]. URL: https://navigator.mosgorzdrav.ru/article/sport-i-stress/?sphrase_id=895531 (data obrashcheniya: 13.04.2025).
- [18] Uchenye iz Garvarda vyyasnili, skol'ko vremeni v nedelyu nuzhno udelyat' sportu // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.gazeta.ru/science/news/2022/07/25/18197438.shtml> (data obrashcheniya: 25.04.2025).
- [19] Sel'e G. Stress bez distressa. – M.: Progress, 1979. – 126 s.
- [20] Spilberger Ch. Konceptual'nye i metodologicheskie problemy issledovaniya trevogi // *Trevoga i trevozhnost': hrestomatiya / sost. V.M. Astapov*. – SPb.: Per Se, 2008. – S. 85-99.
- [21] Hekhauzen H. Motivatsiya i deyatel'nost'. – M.: Pedagogika, 1986. – T. 1. – 408 s.
- [22] Bashkireva T., Bashkireva A., Ermakova N., Morozov A., Novikova L. Circavigintan Rhythms as an Indicator the Cardiovascular System of Students in the Context of Distance Learning During COVID-19 // *Proceedings of the Research Technologies of Pandemic Coronavirus Impact (RTCOV 2020)* // Atlantis press SARL / *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. – 2020. – Vol. 486. – Pp. 525-528.
- [23] Bashkireva T.V., Bashkireva A.V., Morozov A.V., Evdokimova A.I., Apsite M.A. Conditions for Digitalization of Education and Related Health Problems of Students // *2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020)* // Atlantis press SARL / *Advances in Economics, Business and Management Research*. – 2020. – Vol. 156. – Pp. 159-162.
- [24] Khayrutdinov R.R., Mukhametzyanova F.G., Bashkireva T.V., Bashkireva A.V., Morozov A.V. Stress Resistance of Personality in the Conditions of Development of Professional Activity // *International Journal of Higher Education*. – 2020. – Vol. 9. – No. 8. – Pp. 100-104.
- [25] Mukhametzyanov I., Morozov A., Arinushkina A. Interdisciplinary approach to the problem of health-saving information and educational environment: a view from Russia // *SHS Web of Conferences*. – EDP Sciences, 2018. – T. 55. – P. 03012.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-692-698

РОМАНОВА Татьяна Викторовна,
юрист, выпускник УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева
г. Москва, Россия,
e-mail: romanova.tatiana.01@bk.ru

РОЛЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЗАКАВКАЗЬЯ В КОНТЕКСТЕ ИХ ВЛИЯНИЯ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В РАМКАХ ЕАЭС

Аннотация. Тема исследования направлена на изучение роли, которую играют энергетические ресурсы Центральной Азии и Закавказья в обеспечении энергетической безопасности и содействии процессам интеграции в евразийском регионе. Данная статья направлена на анализ влияния энергетических ресурсов Центральной Азии и Закавказья на процесс энергетической безопасности и интеграции в рамках евразийского региона. Данное исследование позволит более глубоко понять роль энергетических ресурсов в формировании политических, экономических и энергетических отношений между странами региона, в том числе в формирование политических отношений, экономического сотрудничества и торговли. Полученные результаты могут быть использованы для разработки стратегии обеспечения энергетической безопасности и стимулирования интеграционных процессов в Евразии. При написании работы использовались методы анализа и синтеза информации различных источников, включая академические статьи официальные документы и статистические данные. В результате исследования выявлено, что энергетические ресурсы региона имеют ключевое значение для обеспечения энергетической безопасности и стимулирования интеграционных процессов в ЕАЭС. Также были выявлены факторы, способствующие успешной реализации потенциала энергетического сектора региона, пути совершенствования правовой базы, а также проблемы и вызовы, которые необходимо преодолеть.

Ключевые слова: евразийская интеграция, энергоресурсы, энергетическая безопасность, Центральная Азия, Закавказье, ЕАЭС.

ROMANOVA Tatyana Viktorovna,
Lawyer, graduate of the Ural State Law University
named after V. F. Yakovlev, Moscow, Russia

THE ROLE OF ENERGY RESOURCES OF CENTRAL ASIA AND TRANSCAUCASIA IN THE CONTEXT OF THEIR IMPACT ON EURASIAN ENERGY SECURITY AND INTEGRATION

Annotation. The topic of the study is aimed at studying the role played by the energy resources of Central Asia and Transcaucasia in ensuring energy security and promoting integration processes in the Eurasian region. This article is aimed at analyzing the impact of energy resources of Central Asia and Transcaucasia on the process of energy security and integration within the Eurasian region. This study will allow for a deeper understanding of the role of energy resources in the formation of political, economic and energy relations between the countries of the region, including the formation of political relations, economic cooperation and trade. The results obtained can be used to develop a strategy for ensuring energy security and stimulating integration processes in Eurasia. When writing the work, the methods of analysis and synthesis of information from various sources, including academic articles, official documents and statistical data, were used. As a result of the study, it is revealed that the energy resources of the region are of key importance for ensuring energy security and stimulating integration processes in the EAEU. The factors contributing to the successful realization of the potential of the region's energy sector, ways to improve the legal framework, as well as problems and challenges that need to be overcome were also identified.

Key words: Eurasian integration, energy resources, energy security, Central Asia, Transcaucasia, EAEU.

После распада Советского Союза обострился вопрос создания интеграционных объединений для того, чтобы окончательно не разорвать исторические и культурные связи стран, а также в целях эффективного экономического развития и плавной адаптации национальных экономик к полной автономии и самостоятельности. Данная потребность сохраняется по сей день. Евразийская интеграция представляет собой сложный и многогранный процесс, охватывающий различные сферы сотрудничества между государственными членами Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС).

Важно подчеркнуть, что страны Центральной Азии и Закавказья, расположенные на пересечении ключевых торговых и транспортных маршрутов, имеют стратегическое значение для процессов интеграции на евразийском континенте. Общее геополитическое пространство – от Закавказья до Центральной Азии – определяет Россию как центральный элемент евразийских интеграционных процессов, а также главную экономическую силу союза. При этом важной особенностью ЕАЭС является создание условий для совместного развития экономик стран-участниц, что выступает серьезным фактором сближения и взаимного влияния [16].

В настоящее время обеспечение энергетической безопасности стало одним из ключевых приоритетов для многих стран, поскольку энергетические ресурсы играют важную роль в обеспечении устойчивого экономического роста и социального развития.

Страны Центральной Азии и Закавказья обладают большими запасами нефти и газа. Крупными игроками на рынке производства нефти и газа в Центральной Азии являются Казахстан, Туркменистан и Узбекистан, среди них наибольшими запасами нефти располагает Казахстан, составляя примерно 2% мировых запасов, в свою очередь около 9,4% мировых запасов газа приходится на территорию Туркменистана. Все страны Закавказья богаты энергоносителями. Так, Грузия продолжает лидировать в гидроэнергетике, основным источником энергии в Армении является производство электроэнергии [13], Азербайджан обладает самыми внушительными запасами нефти и газа в данном регионе [7]. Эксплуатационные характеристики этих ресурсов и их географическое расположение создают потенциал для дальнейшего развития энергетического сектора региона и его интеграции в мировую энергетическую систему.

Все это делает регион постсоветского пространства «лакомым кусочком» для интеграции и энергетического сотрудничества со странами Европы, Китаем, Российской Федерацией и США.

Это вынуждает государства Центральной Азии и Закавказья развивать сотрудничество с надежными партнерами, заключать выгодные контракты и осваивать маршруты для строительства новых трубопроводов.

Вопросы энергетической интеграции являются сравнительно новым направлением мировой экономики и сейчас находятся на этапе активного изучения в российской и зарубежной науке. Разбираясь в терминологии, стоит разграничить понятия энергетическая политика и энергетическая безопасность.

К. Харрис определил энергетическую политику как «путь, выбранный правительством для решения вопросов развития энергетики, включая производство энергии, ее распределение и потребление» [6]. Энергетическая политика может иметь как национальный, так и международных характер, на что влияет множество критериев, в том числе глобальные изменения климата, геополитические факторы, а также зависимость от импорта энергоносителей и запасы полезных ископаемых на территориях различных государств.

В свою очередь, энергетическая безопасность является одним из основных направлений энергетической политики. Согласно Указа Президента РФ от 13.05.2019 под энергетической безопасностью понимается состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации [3]. Эти два понятия неразрывно связаны между собой. Так, энергетическая безопасность определяет защиту страны от рисков и основных угроз, которые непосредственно связаны с энергетическими ресурсами и инфраструктурой. В свою очередь, энергетическая политика акцентирует внимание на стратегиях и мерах, направленных на управление энергетическими ресурсами и инфраструктурой, а также на обеспечение устойчивости и эффективности энергетического сектора страны.

В недавнем прошлом, процесс энергетической интеграции был успешно запущен в рамках Евразийского Экономического Союза. К целям энергетического сотрудничества относят: эффективное использование потенциала топливно-энергетических комплексов государств-членов и обеспечения национальных экономик основными видами энергетических ресурсов [8].

XX раздел Договора ЕАЭС предусматривает принципы сотрудничества стран Евразийского

экономического союза в области энергетики. В соответствии со статьей 79 Договора принципами энергетического сотрудничества относятся: обеспечение рыночного ценообразования, развитие конкуренции и транспортной инфраструктуры на общих рынках, развитие благоприятных условий для инвестиций, гармонизация национальных законодательств в сфере энергетики и другие [1]. Данные положения имеют своей целью создание общих энергетических рынков ЕАЭС, которую страны-участницы поставили себе в срок не позднее 2025 года.

Важным шагом в развитии как ЕАЭС, так и формирования внутри него энергетической интеграции, послужило создание общих рынков энергоресурсов¹. Регулирование общих рынков осуществляется статьями 81, 83 и 84 Договора ЕАЭС. Обращаясь к истории важно отметить, что концепция общих рынков энергоресурсов была разработана в 2014-2016 годах. Например, общий рынок электроэнергии ЕАЭС официально был утвержден в 2016 году [2].

В настоящее время, а именно с 2019 года, на территории ЕАЭС функционирует общий рынок электроэнергии. При этом с 1 января 2025 года в государствах-членах ЕАЭС планируется запустить общий рынок газа, нефти и нефтепродуктов [15]. Это позволит создать условия для свободного движения товаров, услуг, технологий и капиталов между государствами-членами, а значит повысит уровень сотрудничества государств, укрепит национальные экономики.

Внутренний рынок энергетических ресурсов в ЕАЭС имеет свои особенности и вызывает определенные проблемы, связанные с недостатком единого правового регулирования и недостаточной интеграцией между государствами-членами.

Во-первых, как уже упоминалось ранее, в ЕАЭС (по ст.81-84, а также Приложений к Договору) речь идет не обо всех видах энергоносителей, а лишь о электроэнергии, газе, нефти и нефтепродуктах. При этом, этот перечень энергоносителей далеко не исчерпывающий. Существует много других энергетических ресурсов, в том числе и возобновляемые источники энергии, которые добываются, экспортируются и импортируются странах евразийского союза и за его пределами. Это означает, что развитие энергетического рынка не должно ограничиваться только

¹ Общие рынки энергоносителей Евразийского экономического союза — это совокупность торгово-экономических отношений хозяйствующих субъектов государств-членов в сфере добычи, транспортировки, поставки, переработки и сбыта нефти и нефтепродуктов на территориях государств-членов. Эти рынки необходимы для удовлетворения потребностей государств-членов в различных энергетических ресурсах.

указанными ресурсами, особенно в условиях динамичности изменений в энергетическом секторе и появления новых видов энергоресурсов.

Необходимо рассмотреть возможность включения в перечень регулируемых ресурсов иных видов источников энергии. Эти действия позволят сформировать конкурентоспособную и устойчивую энергетическую систему в регионе, обеспечивая тем самым энергетическую безопасность и стабильность поставок в странах-членах ЕАЭС.

Во-вторых, энергетическое сотрудничество государств-участников должно осуществляться «с учетом обеспечения энергетической безопасности» — это является важным аспектом сотрудничества в сфере энергетики. Однако данный термин в документе не конкретизирован, что влечет за собой неопределенность в отношении того, о какой безопасности идет речь — ЕАЭС в целом или каждого государства-члена по отдельности.

В случае, если обеспечение безопасности относится к ЕАЭС в целом, необходимо уточнить данное понятие и закрепить его в законодательных актах Союза. Если же речь идет о безопасности каждого члена ЕАЭС, то каждое государство сохраняет право самостоятельно определять понятие своей энергетической безопасности и не исключена возможность различий в определении этого понятия [5, с. 21]. Представляется, что речь идет об энергетической безопасности как в пределах отдельных государств, так и всего ЕАЭС в целом. Таким образом, необходимо уделить особое внимание данному вопросу и уточнить понятие «энергетическая безопасность» в контексте сотрудничества в сфере энергетики государств-участников ЕАЭС.

В-третьих, развитие общих рынков ЕАЭС, а также развитие и расширение данного интеграционного объединения потребует оперативного решения возникающих проблем. Поскольку, важно чтобы канонам времени соответствовало не только национальное законодательство, но и международные нормативно-правовые акты. В связи с чем, потребуется более детальное и обширное регулирование таких аспектов как: принципы доступа к трубопроводам, гармонизация национальных норм и правил стран Союза, касающихся функционирования технологической и коммерческой инфраструктуры общего рынка, а также совершенствование таможенного законодательства, регулирующего единые транспортировочные тарифы внутри союза и экспортные пошлины на вывоз энергоносителей на пределы Союза и транспортировку энергоносителя через его территорию и т. д.

В связи с чем, оптимизация законодательства поможет членам Союза усилить интеграци-

онные процессы в регионе, расширит возможности и перспективы расширения евразийской интеграции за счет вхождения в его состав государств центральной Азии и Кавказе, ещё не входящих в ЕАЭС, привлечет инвесторов и способствует присоединению. При этом, необходимо учитывать специфику региона и находить оптимальные решения, учитывающие интересы всех государств-членов.

Центральная Азия и Закавказье, как уже говорилось, обладают значительными энергетическими ресурсами, которые играют ключевую роль в экономическом и социальном развитии региона. Как сам регион, так и его месторождения имеют выгодное географическое положение и внушительные запасы энергетических ресурсов. Крупнейшие месторождения нефти в рассматриваемом регионе – Кашаган, которое считается крупнейшим шельфовым нефтяным месторождением Казахстана, где балансовые запасы нефти оцениваются в 6 млрд тонн [11]; Азери-Чираг-Гюнешли, являющийся группой нефтегазоконденсатных месторождений Азербайджана с балансовыми запасами: нефти – 930 млн тонн, газа – 600 млрд тонн, также в Азербайджане добывают газ на месторождении в районе Шах Дениз, открытое в 1999 году и по последним данным балансовые запасы оцениваются свыше 1,2 трлн м³ природного газа и 240 млн тонн газового конденсата [12], что является достаточно большими запасами для относительно небольшой площади и населения этих государств. Эти месторождения являются важными источниками газа и нефти как для внутреннего потребления, так и для экспорта. Республика Кыргызстан обладает внушительными запасами каменного, коксующегося и бурого угля, который добывают в следующих месторождениях: Кёк-Янгак, Таш-Кумыр, Тегенек, Жыргалан, Сулюкты, Кызыл-Кия, Согутту, Мин-Куш, Алмалык. Всего в стране насчитывается 44 месторождения угля с суммарными запасами: бурые угли – 1,083 млрд тонн, каменные угли – 327,8 млн тонн, коксующиеся угли – 120,896 млн тонн [4]. Туркменистан находится на 4 месте в мире по запасам природного газа, которые оцениваются почти в 19,5 трлн кубометров. Однако, как отмечают эксперты, у Туркменистана нет необходимой инфраструктуры для диверсификации экспорта газа, в связи с чем, добыча газа в Туркменистане не соответствует имеющемуся потенциалу [14]. Грузия и Армения, не обладая значительными запасами природных ресурсов, в данном регионе заняли лидирующие позиции по производству гидроэнергетики и электроэнергетики, соответственно. В Грузии установленная мощность электростанций составляет 4,51 млн кВт, в том числе 3,52 млн кВт приходится на ГЭС [9]. Электроэнергетика республики Армения

характеризуется как хорошо сбалансированная и эффективно функционирующая система. По состоянию на 2021 год общая установленная мощность генерирующих источников Армении составляла 2878,7 мВт [10].

Были представлены лишь некоторые крупнейшие месторождения стран Центральной Азии и Закавказья, которые оказывают значительное влияние как на внутренний энергетический потенциал того или иного государства, а также позволяет этим государствам выйти на международный рынок энергоносителей. Что, безусловно, оказывает влияние на различные аспекты международных отношений в регионе. В том числе нельзя недооценивать их значение на международную торговлю, экономическое сотрудничество и политические отношения между странами регионами.

Энергетические ресурсы, такие как нефть и газ, являются основными товарами в международной энергетической торговли. Существование импортозависимых стран, которые не имеют достаточного количества энергетических ресурсов для обеспечения нужд государства, они безусловно будут искать выгодные каналы импорта необходимых энергоносителей. Страны Центральной Азии и Закавказья активно экспортируют эти ресурсы, что способствует не только поднятию экономики экспортируемых стран, но и увеличению объемов международной торговли, тем самым обеспечивая значительную часть доходов внешней торгового баланса. Таким образом, наличие энергетических ресурсов является ключевым фактором для развития экспортной – импортных операций и расширение международной торговли в регионе.

Кроме того, обширные запасы энергетических ресурсов создают приятные условия для развития экономического сотрудничества между странами региона. Экспорт энергоносителей обеспечивает значительные доходы для стран производителей, что способствует развитию и модернизации их экономик. Кроме того, наличие обширных энергетических ресурсов стимулирует инвестиции в энергетических сектор включая строительство инфраструктуры и развития технологий, что в свою очередь способствует росту экономической активности и содействует сотрудничеству в других областях.

Международные инвестиции играют важную роль в развитии энергетического сектора региона. Иностранные инвесторы могут принести финансовые ресурсы, технологии и опыт, необходимые для реализации крупных энергетических проектов. Тем самым, инвестиции и международное сотрудничество в вопросах передачи технологий и опыта будут способствовать улучшению технологических характеристик добычи и транспорти-

ровки энергоресурсов, модернизации структуры и повышению производительности. Передовые технологии в области добычи, транспортировки и использования энергоресурсов могут значительно улучшить эффективность и экономическую устойчивость энергетического сектора.

Энергетические ресурсы играют ключевую роль в формировании политических отношений между странами региона и их международными партнерами. Значительная зависимость от поставок энергоносителей создает основу для взаимозависимости и взаимовыгодных дипломатических отношений. В то же время, конкуренция за контроль над энергетическими ресурсами может приводить к напряжениям и конфликтам между странами.

Но необходимо помнить, что несмотря на множество возможностей, которые предоставляют государствам энергетические ресурсы, необходимо отметить вызовы, возникновение которых возможно, как для самих государств, а также для процессов евразийской интеграции.

Один из основных вызовов для энергетического сектора в регионе Центральной Азии и Закавказья – это недостаточное развитие инфраструктуры в некоторых странах. Это вызвано недостатком финансирования, недостатком квалификационных кадров и технологическим отставанием. Решению этой проблемы могут способствовать привлечение инвестиций, как государственных, так и частных, также важно уделить внимание развитию человеческих ресурсов, что позволит снизить недостаток неквалифицированных специалистов.

Ещё одной не менее значимой проблемой является проблема влияния на окружающую среду. Эксплуатация энергетических ресурсов может иметь негативное воздействие на окружающую среду. Это включает загрязнение воздуха, воды и почвы, а также изменение климата и угрозу биоразнообразию. Строгое соблюдение экологических стандартов и нормативов при добыче и транспортировке энергетических ресурсов может минимизировать их негативное воздействие на окружающую среду. Это включает контроль за выбросами парниковых газов, утилизацию отходов и регулярный мониторинг состояния окружающей среды. Для обеспечения устойчивого развития необходимо найти баланс между обеспечением энергетических потребностей и сохранением окружающей среды. Также, в целях улучшения экологической устойчивости производства и потребления энергии необходимо внедрять более эффективные технологии, стимулировать энергосбережение. Развитие чистых технологий и энергии, эффективных систем, поможет снизить

негативное воздействие на окружающую среду, то есть будет способствовать более эффективному использованию энергии.

Таким образом, энергетические ресурсы Центральной Азии и Закавказья играют ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности и интеграции на евразийском континенте. Они представляют собой важный ресурсный потенциал, который, при правильном управлении и сотрудничестве, может способствовать экономическому развитию, стабильности и мирному сосуществованию в регионе и за его пределами.

Исходя из анализа роли энергетических ресурсов Центральной Азии и Закавказья можно заключить, что они играют важную роль в евразийской энергетической безопасности и интеграции. Безусловно, необходимо продолжать развитие энергетической интеграции и регионе. Рассмотрим некоторые практические предложения и рекомендации.

Во-первых, страны региона должны стремиться к диверсификации энергетических источников, включая развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ), таких как солнечная и ветровая энергия, а также расширять использование гидроэнергетики. Однако, развитие ВИЭ не должно нарушать экосистему региона, поэтому, считаем, что развитие их добычи должно последовать дальнейшим развитиями и изучением особенностей региона.

Во-вторых, необходимо развивать транспортную инфраструктуру, в том числе посредством создания новых транспортных маршрутов и модернизация существующих инфраструктурных объектов. Это может способствовать более эффективной торговле энергоресурсами, а также увеличению их транзитного потенциала.

В-третьих, необходимо развивать региональное сотрудничество, проявляющееся в том, что страны могут стремиться к укреплению сотрудничества в сфере энергетики, в том числе через создание общих энергетических проектов и формирование региональных энергетических союзов и ассоциаций, в полномочия которых может входить, в том числе, и контроль за энергетической областью внутри союза.

В-четвертых, как уже упоминалось ранее, необходимо продолжать развитие общего рынка, поскольку это является основой интеграции. Существование общих рынков энергоносителей в рамках ЕАЭС приведет к увеличению объемов инвестиций и торговли, снижению затрат на производство энергетических ресурсов, модернизации экономики, развитию высокотехнологичных отраслей промышленности и современных перерабатывающих мощностей, а также значительному уменьшению безработицы.

При этом для эффективного функционирования общего энергетического рынка необходимо согласование правовых норм и стандартов в области энергетики внутри стран ЕАЭС, в том числе разработка единых правил для торговли энергоресурсами, регулирование доступа к инфраструктуре и создания механизмов регулирования споров.

Энергетическая интеграция в рамках евразийского экономического Союза представляет собой важный инструмент для укрепления экономических связей между странами-участниками, повышения энергетической безопасности, а также обеспечения устойчивого развития региона. Энергетические ресурсы Центральной Азии и Закавказья играют ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности, интеграции на евразийском континенте, в связи с чем, видится, что положительно скажется на развитии евразийской интеграции с тесное сотрудничество и даже присоединение к ЕАЭС других советских государств Центральной Азии и Кавказа, ещё не входящих в данное интеграционное объединение. Они представляют собой важный ресурсный потенциал, который при правильном управлении и сотрудничестве, может способствовать экономическому развитию, стабильности и мировому сосуществованию в регионе и за его пределами.

Список литературы:

- [1] Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/8fc34402312781c06e9926762f94c0b011c2850d/ (дата обращения: 08.05.2024).
- [2] Распоряжение Коллегии ЕЭК № 160 от 25 октября 2016 г. О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета «О Программе формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза» // Правовой портал ЕЭК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/16r00160/?ysclid=lw1w4o2x8t735882406> (дата обращения: 08.05.2024).
- [3] Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. N 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации».
- [4] Проект постановления Правительства Кыргызской Республики «Об утверждении Концепции развития топливно-энергетического комплекса Кыргызской Республики до 2030 года» [Электронный ресурс] — URL: <https://www.gov.kg/ru/npa/s/2351> (дата обращения: 08.05.2024).
- [5] Гликман О.В. Назарова А.У. Международно-правовые основы энергетического сотрудничества государств - членов Евразийского энергетического союза// Право и управление. XXI век./ №1(54)-2020. - С. 30.
- [6] Харрис, К. Энергетическая политика: проблемы, действия и последствия [Текст] / К. Харрис. — Нью-Йорк: Nova Science Publishers, 2009. - С.12.
- [7] Запасы энергоносителей // EES EAEC мировая энергетика // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskaa-statistika> (дата обращения: 06.05.2024).
- [8] Энергетика ЕАЭС// Портал общих информационных ресурсов и открытых данных ЕАЭС [Электронный ресурс] — URL: <https://opendata.eaeunion.org/opendata/ru> (дата обращения: 10.05.2024).
- [9] Электроэнергетика Грузии // Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса [Электронный ресурс]: URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/6/1122/ (дата обращения: 06.05.2025).
- [10] Энергетический профиль Армении// EES EAEC мировая энергетика // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-armenii> (дата обращения: 06.05.2024).
- [11] Энергетический профиль Казахстана // EES EAEC мировая энергетика // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-kazahstana> (дата обращения: 06.05.2024).
- [12] Энергетический профиль Азербайджана // EES EAEC мировая энергетика // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-azerbajdzana> (дата обращения: 06.05.2024).
- [13] Национальная статистическая служба Армении. Энергетика // [Электронный ресурс]: URL: <https://armstat.am/ru/?module=news&mid=3&id=894> (дата обращения: 06.05.2024).
- [14] «Мода» на туркменский газ: настал ли звездный час для месторождения «Достлуг»// Sputnik Азербайджан [Электронный ресурс]: URL: <https://az.sputniknews.ru/20230614/moda-na-turkmenskiy-gaz-nastal-li-zvezdnyy-chas-dlya-mestorozhdeniya-dostlug-455874725.html> (дата обращения: 06.05.2024).
- [15] Катков Матвей У единого газового рынка ЕАЭС есть шанс успеть к 2025 году, но вопросы формирования тарифов на прокачку пока не согласованы // Газета «Ведомости» (14.08.2022) [Электронный ресурс] — URL: <https://clck.ru/3AZfcV> (дата обращения: 08.05.2024).
- [16] ЦА как пространство для расширения ЕАЭС — размышления эксперта о будущем союза

// Sputnik Кыргызстан [Электронный ресурс]: URL: <https://ru.sputnik.kg/20230830/eaehs-centralnaya-aziya-rasshirenie-1078207695.html> (дата обращения: 06.05.2024)

Spisok literatury:

[1] Treaty on the Eurasian Economic Union» (Signed in Astana on 29.05.2014) (as amended on 24.03.2022) (with amendments and additions, entered into force from 03.04.2023) [Electronic resource]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/8fc-34402312781c06e9926762f94c0b011c2850d/ (accessed 08.05.2024).

[2] Disposition of the EEC Board No 160 dated October 25, 2016 On the draft decision of the Council of the Eurasian Economic Commission «On the draft decision of the Supreme Eurasian Economic Council «On the Program for the formation of the common electric power market of the Eurasian Economic Union» // Legal portal of the EEC. [Electronic resource]. Available at: <https://www.alta.ru/tamdoc/16r00160/?ysclid=lw1w4o2x8t735882406> (accessed: 08.05.2024).

[3] Decree of the President of the Russian Federation No. 216 of May 13, 2019 “On Approval of the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation”.

[4] Draft Decree of the Government of the Kyrgyz Republic “On Approval of the Concept of Development of the Fuel and Energy Complex of the Kyrgyz Republic until 2030” [Elektronnyi resurs] — URL: <https://www.gov.kg/ru/npa/s/2351> (accessed 08.05.2024).

[5] Glikman O.V., Nazarova A.U. International Legal Foundations of Energy Cooperation of the Member States of the Eurasian Energy Union. XXI century / No1(54)-2020. - P. 30.

[6] Harris, Q. Energy Policy: Issues, Actions and Consequences [Text] / Q. Harris. — New York: Nova Science Publishers, 2009. - C.12.

[7] Reserves of Energy Carriers // EES EAEC World Energy [Electronic resource]: URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskaa-statistika> (accessed 06.05.2024)

[8] Energy of the EAEU // Portal of general information resources and open data of the EAEU [Electronic resource] – URL: <https://opendata.eaeunion.org/opendata/ru> (date of access: 10.05.2024).

[9] Electric Power Engineering of Georgia // Central Dispatch Department of the Fuel and Energy Complex [Elektronnyi resurs]: URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/6/1122/ (accessed 06.05.2025).

[10] Energy Profile of Armenia// EES EAEC World Energy [Electronic resource]: URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-armenii> (accessed 06.05.2024).

[11] Energy Profile of Kazakhstan // EES EAEC World Energy [Electronic resource]: URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-kazahstana> (accessed 06.05.2024).

[12] Energy Profile of Azerbaijan // EES EAEC World Energy [Electronic resource]: URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-azerbajdzana> (accessed 06.05.2024).

[13] National Statistical Service of Armenia. Energy // [Electronic resource]: URL: <https://armstat.am/ru/?module=news&mid=3&id=894> (accessed: 06.05.2024).

[14] «Fashion» for Turkmen Gas: Has Star Time Come for the Dostlug Field) // Sputnik Azerbaijan [Elektronnyi resurs]: URL: <https://az.sputniknews.ru/20230614/moda-na-turkmenskiy-gaz-nastal-li-zvezdnyy-chas-dlya-mestorozhdeniya-dostlug-455874725.html> (accessed 06.05.2024).

[15] Katkov Matvey The Unified Gas Market of the EAEU Has a Chance to Succeed by 2025, but the Issues of Formation of Tariffs for Pumping Have Not Yet Agreed // Newspaper “Vedomosti” (14.08.2022) [Electronic resource] – URL: <https://clck.ru/3AZfcV> (date of access: 08.05.2024).

[16] Central Asia as a Space for the Expansion of the EAEU — Reflections of an Expert on the Future of the Union // Sputnik Kyrgyzstan [Elektronnyi resurs]: URL: <https://ru.sputnik.kg/20230830/eaehs-centralnaya-aziya-rasshirenie-1078207695.html> (accessed 06.05.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-699-703

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ТИХОНЕНКО Александр Евгеньевич,
военнослужащий, Министерство обороны
Российской Федерации,
e-mail: tihonenko1922@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ НАКОПИТЕЛЬНО-ИПОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛЬЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В СВЯЗИ С ПРОВЕДЕНИЕМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация. В работе рассмотрены условия обеспечения военнослужащих жилыми помещениями по накопительно-ипотечной системе. Исследуются изменения в действующем законодательстве по вопросам жилищного обеспечения военнослужащих, принятым в связи с проведением специальной военной операции. Авторами выявлены проблемные вопросы военной ипотеки и предложены пути по их решению в современных условиях.

Ключевые слова: специальная военная операция, накопительно-ипотечная система, жилищное обеспечение военнослужащих, участники боевых действий.

SHESTAK Viktor Anatolyevich,
Doctor of Juridical Science, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminalistics,
A. Ya. Sukharev Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation

TIKHONENKO Aleksandr Evgenievich,
Military personnel, The Ministry of Defense
of the Russian Federation

THE CHANGES IN THE IMPLEMENTATION OF THE FUNDED MORTGAGE HOUSING SYSTEM FOR MILITARY PERSONNEL IN CONNECTION WITH A SPECIAL MILITARY OPERATION

Annotation. The paper considers the conditions for providing military personnel with living quarters under the accumulative mortgage system. The article examines changes in the current legislation on housing for military personnel, adopted in connection with a special military operation. The authors have identified problematic issues of military mortgages and proposed ways to solve them in modern conditions.

Key words: special military operation, accumulative mortgage system, housing provision for military personnel, participants in hostilities.

В целях обеспечения военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации (далее – ВС РФ), граждан, уволенных с военной службы и членов их семей жилыми

помещениями действует накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения (далее – НИС). Правовое регулирование института НИС осуществляется в соответствии с требованиями норм,

содержащихся в следующих нормативных правовых актах: Конституции Российской Федерации¹ (далее – Конституция), Федеральном законе от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов»² (далее – Закон о бюджете), Федеральном законе от 7 октября 2022 г. № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ (далее – Закон об особенностях) Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих»⁴ (далее – Закон о НИС), Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»⁵ (далее – Закон о статусе военнослужащих) и других.

Президент Российской Федерации 24 февраля 2022 года на основании Постановления Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации»⁶ принял решение о проведении ВС РФ специальной

военной операции (далее – СВО). В законодательные акты, регулирующие вопросы обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы и членов их семей, жилыми помещениями были внесены изменения, предусматривающие дополнительные права и льготный порядок участия в НИС. Кроме того, в ходе выступления Президент России отметил, что защита прав участников специальной военной операции имеет первостепенное значение, а жилищное обеспечение военнослужащих является важным видом их довольствия. Вместе с тем в современных условиях институт военной ипотеки претерпевает определенную нехватку: выделяемой государством суммы для приобретения жилья в центральных регионах страны, средств для первоначального взноса по договору займа, суммы для осуществления ежемесячного платежа, а также имеются законодательное ограничение возможности вложения военнослужащим собственных средств с целью улучшения качества приобретаемого жилья.

Так, нормой статьи 40 Конституции установлена категория лиц, обладающая правом на льготное приобретение жилья, предоставляемого бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов. В соответствии с частью 3 статьи 40 Конституции к данной категории лиц относятся военнослужащие, военные судьи, сотрудники территориальных и военных следственных органов, работники территориальных и военных прокуратур. При этом Законом о статусе военнослужащих установлены особенности правового статуса военнослужащих, закреплены основополагающие принципы обеспечения указанных лиц жилыми помещениями. Согласно статье 15 названного закона государством гарантируется предоставление военнослужащим денежных средств для приобретения или строительства жилых помещений.

Принятый 20 августа 2004 года ФЗ о НИС регулирует основные вопросы обеспечения военнослужащих жильем. Статьей 12 названного закона закреплены права членов семьи, лиц, находящихся у военнослужащего на иждивении, на обеспечение жильем в случае исключения военнослужащего из списков личного состава части по причине гибели, смерти, безвестного отсутствия или признания умершим. Частью 1 данной нормы установлен закрытый перечень лиц, обладающих правом на жилищное обеспечение в случае гибели или пропажи военнослужащего. К данной категории лиц относятся: супруг (супруга); несовершеннолетние дети; совершеннолетние дети, ставшие инвалидами до достиже-

– Электронный ресурс. – URL: <https://ivo.garant.ru>. (дата обращения: 31.03.2025).

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июня 2020 года // Российская газета от 4 июля 2020. № 144.

² Федеральный закон от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов». – Электронный ресурс. – URL: <https://base.garant.ru/408079281/> (дата обращения: 31.03.2025).

³ Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Электронный ресурс. – URL: <https://base.garant.ru/405396257/> (дата обращения: 31.03.2025).

⁴ Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих». – Электронный ресурс. – URL: <https://base.garant.ru/12136616/> (дата обращения: 31.03.2025).

⁵ Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». – Электронный ресурс. – URL: <https://base.garant.ru/178792/> (дата обращения: 31.03.2025).

⁶ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации».

ния ими возраста 18 лет; дети до достижения возраста 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях; лица, находящиеся на иждивении у военнослужащего. В части 1.1. анализируемой нормы предусмотрена возможность получения накопленных погибшим (пропавшим) военнослужащим средств указанной выше категорией лиц. На основании части 2 статьи целевой жилищный заем погибшего (пропавшего) военнослужащего погашается за счет государственного бюджета и не подлежит возврату со стороны членов семьи или иждивенцев погибшего военнослужащего.

Нормой статьи 14 ФЗ о НИС установлены общий и специальные порядки заключения военнослужащим договора целевого займа с уполномоченным федеральным органом. Для реализации данного права на общих основаниях военнослужащему необходимо выполнить два условия. Первым условием является соблюдение цели жилищного займа (исключительно для приобретения жилого помещения или жилых помещений, земельного участка под приобретаемым жилым домом и др). Вторым обязательным условием для внесения денежных средств в качестве первоначального взноса является факт участия в системе НИС не менее чем 3 года.

На участников боевых действий при реализации института военной ипотеки распространяются особые льготы. Вступление указанной категории военнослужащих в правоотношения по обеспечению жильем регулируется в соответствии с правилами, установленными частью 1.2. статьи 14 ФЗ о НИС. Для участия в НИС на льготных основаниях необходимо быть участником боевых действий, которые происходили как на территории РФ, так и за ее пределами. В случае наличия данного основания военнослужащий имеет право на заключение с уполномоченным федеральным органом договора жилищного займа с момента включения в реестр участников накопительно-ипотечной системы.

Особое значение для исследуемой темы имеют комплексные поправки к ФЗ о НИС «О повышении эффективности реализации военнослужащими прав на жилищное обеспечение в рамках накопительно-ипотечной системы»¹, принятые Государственной думой Российской Федерации 27 октября 2022 г. Основная цель принятых поправок – улучшение правового статуса отдельных категорий военнослужащих, в том числе и участников боевых действий. Данные изменения имеют двухзвенный характер.

¹ Законопроект Государственной Думы // Система обеспечения законодательной деятельности. – Электронный ресурс. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/17973-8> (дата обращения: 30.04.2025).

Так, первым элементом поправок является предоставление военнослужащим-участникам боевых действий возможности заключения с ФГКУ «Росвоенипотека» договора жилищного займа сразу с момента включения в НИС. Второй частью поправок установлено нововведение для военнослужащих, вступивших в отношения военной ипотеки до поступления в высшие военные учебные заведения. Поправкой закреплено, что военнослужащие, проходящие военную службу по контракту (в том числе и участники боевых действий) не имеют ограничения для участия в НИС при обучении в высших военных учебных заведениях. Военнослужащий в момент обучения в военной образовательной организации продолжает свое участие в системе военной ипотеки, а не приостанавливает реализацию своего права.

Дополнительные льготы для военнослужащих – участников СВО закреплены в специализированном акте, принятом для улучшения условий жилищного обеспечения указанной категории лиц – ФЗ об особенностях. В части 1.1 статьи 2 анализируемого документа закреплено, что кредитные обязательства военнослужащего-участника правоотношений НИС в части касающейся приобретения жилого помещения в случае гибели или признания судом умершим погашаются федеральным органом исполнительной власти, обеспечивающим функционирование системы НИС.

В информационном письме Банка России от 30.03.2023 №ИН-03-59/27² дополнительно разъяснены основания для прекращения кредитных обязательств погибшего военнослужащего-участника СВО. Так, помимо смерти или признания судом умершим, поводом для прекращения обязательств является смерть после участия в СВО, но наступившая вследствие травм, ранения или контузии, полученных при проведении СВО, а также в случае признания военнослужащего-участника инвалидом первой группы.

В приказе Министра обороны Российской Федерации от 9 октября 2018 г. № 558 «Об утверждении Стандарта предоставления ипотечного кредита (займа) участникам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» (далее – Стандарт)³ содержится информация о применении норм права, регулирующих

² Письмо Банка России от 30.03.2023 № ИН-03-59/27 «О разъяснении отдельных положений законодательства Российской Федерации» // СПС Консультант-плюс. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443588/ (дата обращения: 30.04.2025).

³ Приказ Министра обороны РФ от 9 октября 2018 г. № 558 «Об утверждении Стандарта предоставления ипотечного кредита (займа) участникам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» // СПС Гарант. – Электронный ресурс.

вопросы жилищного обеспечения военнослужащих. Так, по характеру платежа по военной ипотеке являются аннуитетными. Ипотечный кредит может предоставляться участникам накопительно-ипотечной системы в целях приобретения жилого помещения, приобретения земельного участка, занятого приобретаемым жилым домом либо его частью, уплаты части цены договора участия в долевом строительстве. Ежегодный размер аннуитетного платежа регламентирован законодательством и составляет 1/12 размера накопительного взноса на одного участника накопительно-ипотечной системы, установленного федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год. Максимальный размер, на который участник накопительно-ипотечной системы может увеличить аннуитетный платеж закреплён в пункте 7 данного документа и составляет 25% от размера аннуитетного платежа.

Также Стандартом установлен максимальный срок заключения ипотечного кредита: на временной промежуток до достижения военнослужащим предельного возраста нахождения на военной службе, либо до окончания нового контракта, заключённого после достижения военнослужащим предельного возраста военной службы. В случае досрочного увольнения участника НИС с военной службы, погашение ипотечного займа осуществляется за счёт участника НИС, с возможным перерасчётом графика платежей, после подачи соответствующего заявления.

В соответствии с частью 1 статьи 8 ФЗ о бюджете для военнослужащих установлена сумма, ежегодно пополняющая индивидуальный счёт. По состоянию на 2025 год данная сумма составляет 383 тысячи 979 рублей 3 копейки. Военнослужащему, вступившему в отношения НИС на общих основаниях необходимо ждать установленный законом срок, составляющий три года, для того, чтобы использовать накопленную сумму в качестве первого платежа для приобретения жилого помещения. К моменту истечения установленного трёхлетнего периода военнослужащий накапливает сумму, равную 1 миллиону 151 тысяче 937 рублей 09 копеек. В случае, если военнослужащий участвует в НИС на льготных основаниях (участник боевых действий), то он может сразу использовать для первичного взноса сумму, равную ежегодному пополнению (383 тысячи 979 рублей 3 копейки).

Основная проблема института НИС – недостаточность предложенной суммы для эффективной реализации прав военнослужащих на жильё в ряде субъектов России. Низкая эффективность анализируемой системы видна при изучении прак-

тической составляющей темы. Одним из застройщиков в Москве, предлагающим приобретение квартир по системе военной ипотеки, является «Новострой-М». В ходе дальнейшего исследования будет рассмотрен вариант покупки у данного застройщика квартиры метражом 32.30 квадратных метра¹.

По данным, указанным на информационном ресурсе московской городской службы недвижимости, минимальной квадратурой для проживания нуклеарной семьи (отец, мать и ребенок) является площадь в 48 квадратных метров². Соответственно, анализируемое жильё даже на первоначальном этапе выбора квартиры не соответствует нормам по обеспечению военнослужащих и членов их семей жилыми помещениями.

В качестве первоначального взноса военнослужащий, вступивший в НИС на общих основаниях и выполнивший условие по соблюдению срока в три года, может использовать сумму в 1 миллион 151 тысячу 937 рублей 09 копеек. Для приобретения квартиры, рассматриваемой в качестве примера, необходим первоначальный взнос в размере 1 миллиона 580 тысяч 220 рублей. Таким образом, предоставляемых государством средств по системе военной ипотеки недостаточно для внесения первоначального взноса на приобретение жилья указанной категории. Для покупки данного жилья военнослужащему будет необходимо внести часть суммы из собственных средств, что указывает на невозможность полного обеспечения государством возможности приобретения жилья для военнослужащего.

По истечении срока службы, равного 20 годам, военнослужащий на накопительно-ипотечном счёте накапливает сумму, равную 7 миллионам 679 тысячам 580 рублям 60 копейкам. Для покупки квартиры метражом в 32.30 квадратных метра у данного застройщика (данный вариант приобретения квартиры является самым дешёвым) требуется сумма, равная 7 миллионам 705 тысячам 488 рублям. Военнослужащий вынужден использовать личные средства для окончательного приобретения квартиры, так как выделяемой суммы по системе военной ипотеки суммы не хватает для полной выплаты банковского займа.

В современных условиях выделяемой по системе ипотечного займа суммы не хватает для приобретения жилья, соответствующего требова-

¹ 1-комнатная квартира, 32.30 м², 9 этаж // Новострой-М – Электронный ресурс. – URL: <https://www.novostroy-m.ru/kvartiry/odnokomnatnaya-kvartira-v-zelenii-park-467ff3f5aef73b9947fda52b72ae66> (дата обращения: 30.04.2025).

² Минимальный размер жилого помещения // Московская городская служба недвижимости. – Электронный ресурс. – URL: <https://www.mgsn.ru/> (дата обращения: 30.04.2025).

– URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72024136/> (дата обращения: 30.04.2025).

ниям для проживания нуклеарной семьи в центральном регионе страны без вложения личных средств военнослужащего¹. Использование же личных средств военнослужащих также законодательно ограничено, что не позволяет участнику накопительно-ипотечной системы изменять жилищные условия при наличии материальной возможности.

В целях повышения эффективности решения указанных проблем полагаем высказать следующие предложения. Во-первых, считаем возможным рассмотреть вопрос об увеличении максимального порога суммы, предоставляемой по системе военной ипотеки в зависимости от выбранного для приобретения жилья региона (к примеру, до 15 млн рублей в городе Москве). Во-вторых, - повышение суммы, ежемесячно пополняющей счет военнослужащего (в частности, денежной выплаты, увеличенной до 65 тысяч 500 рублей будет достаточно, чтобы ко времени внесения первоначального взноса для приобретения квартиры у военнослужащего на ипотечном счету накопилась сумма, равная 2 миллионам 358 тысячам 00 рублям, что устранил необходимость в принудительной выплате дополнительных личных средств военнослужащего для внесения первоначального взноса.)². В-третьих, в случае отмены максимальной суммы пополнения аннуитетного платежа военнослужащий при наличии финансовых возможностей сможет за счет собственных средств дополнительно улучшить жилищные условия (купить квартиру стоимостью выше суммы, предоставляемой по системе НИС, за счет собственных платежей.)

Список литературы:

[1] Тихоненко, А. Е. Система военной ипотеки в вооруженных силах Российской Федерации / А. Е. Тихоненко // Elibrary.ru. – Электронный

¹ Военная ипотека: проблемы и пути решения // Молодойстрой. – Электронный ресурс. – URL: https://mlds.ru/articles/voennaya_ipoteka/voennaya-ipoteka-problemy-i-puti-resheniya/ (дата обращения: 30.04.2025).

² Тихоненко, А. Е. Система военной ипотеки в вооруженных силах Российской Федерации / А. Е. Тихоненко // Elibrary.ru – Электронный ресурс. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68540589> (дата обращения: 30.04.2025).

ресурс. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68540589> (дата обращения: 30.04.2025).

[2] Минимальный размер жилого помещения // Московская городская служба недвижимости. – Электронный ресурс. – URL: <https://www.mgsn.ru/> (дата обращения: 30.04.2025).

[3] Военная ипотека: проблемы и пути решения // Молодойстрой. – Электронный ресурс. – URL: https://mlds.ru/articles/voennaya_ipoteka/voennaya-ipoteka-problemy-i-puti-resheniya/ (дата обращения: 30.04.2025).

[4] 1-комнатная квартира, 32.30 м², 9 этаж // Новострой-М. – Электронный ресурс. – URL: <https://www.novostroy-m.ru/kvartiry/odnokomnatnaya-kvartira-v-zelenii-park-467ff3f5aef73b9947fda52b72ae66> (дата обращения: 30.04.2025).

[5] Путин В.В. : особое значение для судей РФ имеет защита прав участников СВО и их семей // Смотрим.ру. – Электронный ресурс. – URL: <https://smotrim.ru/article/4369472> (дата обращения: 13.05.2025).

Spisok literatury:

[1] Tixonenko, A. E. Sistema voennoj ipoteki v vooruzhenny`x silax Rossijskoj Federacii / A. E. Tixonenko // Elibrary.ru. – E`lektronny`j resurs. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68540589> (data obrashheniya: 30.04.2025).

[2] Minimal`ny`j razmer zhilogo pomeshheniya // Moskovskaya gorodskaya sluzhba nedvizhimosti. – E`lektronny`j resurs. – URL: <https://www.mgsn.ru/> (data obrashheniya: 30.04.2025).

[3] Voennaya ipoteka: problemy` i puti resheniya // Molodostroj. – E`lektronny`j resurs. – URL: https://mlds.ru/articles/voennaya_ipoteka/voennaya-ipoteka-problemy-i-puti-resheniya/ (data obrashheniya: 30.04.2025).

[4] 1-komnatnaya kvartira, 32.30 m², 9 e`tazh // Novostroy-M. – E`lektronny`j resurs. – URL: <https://www.novostroy-m.ru/kvartiry/odnokomnatnaya-kvartira-v-zelenii-park-467ff3f5aef73b9947fda52b72ae66> (data obrashheniya: 30.04.2025).

[5] Putin V.V. : osoboe znachenie dlya sudej RF imeet zashhita prav uchastnikov SVO i ix semej // Smotrim.ru. – E`lektronny`j resurs. – URL: <https://smotrim.ru/article/4369472> (data obrashheniya: 13.05.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-704-706

ШУЛЬГА Марина Викторовна,
старший преподаватель
Кафедры международного и публичного права
Юридического факультета Финансового
университета при Правительстве РФ,
кандидат юридических наук,
e-mail: mvshulga@fa.ru

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРАВОСОЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается понятие правосознания как ключевого элемента правовой системы общества. Анализируются его структура, функции и виды, а также роль в формировании правового поведения индивидов и групп. Особое внимание уделяется теоретико-правовым подходам к классификации правосознания и его влиянию на правовую культуру. Правосознание как философско-правовая категория формировалось в европейской мысли под влиянием античной философии, христианской традиции, просвещенческого рационализма и современных социологических подходов. Европейские юристы и философы рассматривали правосознание через призму: соотношения права и справедливости; индивидуального и коллективного восприятия правовых норм; роли разума и эмоций в правовом регулировании.

Ключевые слова: правосознание, правовая психология, правовая идеология, индивидуальное правосознание, общественное правосознание, правовая культура.

SHULGA Marina Viktorovna,
Senior Lecturer,
Department of International and Public Law,
Faculty of Law, Financial University under the Government
of the Russian Federation, Candidate of Law

CONCEPT AND TYPES OF LEGAL AWARENESS: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Annotation. The article considers the concept of legal awareness as a key element of the legal system of society. Its structure, functions and types are analyzed, as well as its role in the formation of the legal behavior of individuals and groups. Particular attention is paid to theoretical and legal approaches to the classification of legal consciousness and its impact on legal culture. Legal consciousness as a philosophical and legal category was formed in European thought under the influence of ancient philosophy, Christian tradition, enlightenment rationalism and modern sociological approaches. European lawyers and philosophers viewed legal consciousness through a prism: the relationship of law and justice; individual and collective perception of legal norms; the role of reason and emotion in legal regulation.

Key words: legal consciousness, legal psychology, legal ideology, individual legal consciousness, public legal consciousness, legal culture.

Правосознание является одним из фундаментальных понятий теории права, отражающим субъективное восприятие права индивидами и обществом. Оно играет важную роль в процессе правотворчества, реализации норм права и обеспечении правопорядка. Изучение правосознания позволяет глубже понять

механизмы взаимодействия личности и правовой системы, а также выявить факторы, влияющие на уровень правовой культуры [5]. Оно формируется под влиянием: правового опыта; социально-культурных факторов; индивидуального и коллективного мировоззрения. В отличие от права как системы формализованных норм, правосознание

носит субъективный характер, но при этом играет объективную роль в правовом регулировании [2].

Правосознание представляет собой совокупность представлений, чувств, оценок и установок, выражающих отношение индивидов и социальных групп к праву, его нормам, институтам и практике реализации. В юридической науке правосознание рассматривается как: *форма общественного сознания* (наряду с политическим, нравственным, религиозным); *субъективное восприятие объективного права*; *регулятор правового поведения*.

Структурно правосознание включает два основных уровня:

Правовая психология – эмоционально-чувственное восприятие права (правовые эмоции, привычки, стереотипы).

Правовая идеология – рациональные представления о праве (теории, концепции, доктрины).

В юридической литературе выделяют несколько классификаций правосознания по различным критериям [4].

1. По субъекту: индивидуальное – правовые взгляды и оценки отдельного человека; групповое – правовые представления социальных групп (профессиональных, возрастных, этнических); общественное (массовое) – доминирующие правовые идеи в обществе.

2. По уровню осознания права: обыденное (основано на повседневном опыте, часто поверхностное и эмоциональное), профессиональное (характерно для юристов, отличается глубоким пониманием права), научное (теоретическое) (формируется на основе правовых исследований и доктрин).

3. По отношению к действующему праву: позитивное (поддерживает существующие правовые нормы); негативное (отвергает или критикует действующее право); правовой нигилизм (отрицание ценности права как социального регулятора).

Функции правосознания, на наш взгляд, можно условно классифицировать на: познавательную (отражение правовой действительности), оценочную (анализ правовых явлений с точки зрения их справедливости), регулятивную (влияние на правовое поведение), прогностическую (предвидение развития правовой системы). Таким образом, правосознание выступает важным элементом механизма правового регулирования, связывающим объективное право и субъективное поведение людей. Его изучение позволяет выявить причины правового нигилизма, повысить эффективность правового воспитания и укрепить правовую культуру общества. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на анализ трансформации правосознания в условиях цифровизации и глобализации.

Рассмотрим концепции правосознания в европейской правовой и философской мысли. Правосознание как философско-правовая категория формировалось в европейской мысли под влиянием античной философии, христианской традиции, просвещенческого рационализма и современных социологических подходов. Европейские юристы и философы рассматривали правосознание через призму: соотношения права и справедливости; индивидуального и коллективного восприятия правовых норм; роли разума и эмоций в правовом регулировании.

Сократ связывал правосознание с нравственным законом, утверждая, что истинное право основано на знании добра и зла. Платон в диалоге «Государство» рассматривал правосознание как отражение идеальной справедливости, достижимой через философское познание. Аристотель разделял «естественное право» (объективное и универсальное) и «условное право» (человеческие законы), подчеркивая роль привычки в формировании правового сознания.

Римский юрист и философ Цицерон развивал идею естественного права как «истинного закона, соответствующего разуму» [6]. Ульпиан утверждал, что право должно основываться на принципах справедливости (*ius suum cuique tribuere* – «воздавать каждому свое»).

Средневековые и христианская традиция представлена, в частности, философским наследием Фомы Аквинского, который в своей работе «Сумма теологии» разделял: вечный закон (божественный порядок); естественный закон (отражение вечного в человеческом разуме); человеческий закон (позитивное право). Правосознание, по Аквинскому, должно стремиться к божественной справедливости. Например, Уильям Оккам отрицал универсальные правовые идеи, акцентируя индивидуальное восприятие права.

Основатель теории естественного права Нового времени Гуго Гроций утверждал, что право должно соответствовать разуму, даже «если бы Бога не было» (*etsi Deus non daretur*). Томас Гоббс в своем основном произведении «Левиафан» сделал вывод о том, что правосознание формируется страхом перед хаосом, что ведет к общественному договору. Джон Локк («Два трактата о правлении») считал естественные права (жизнь, свобода, собственность) основой правосознания. В понимании Иммануила Канта право – это априорная категория, основанная на категорическом императиве. Правосознание должно быть автономным и рациональным [3].

Среди современных подходов следует выделить подход Юргена Хабермаса, согласно которому правосознание формируется в процессе коммуникации [1]. Согласно теории Никласа

Лумана, право – самореферентная система, а правосознание – часть социальных коммуникаций.

В заключении отметим, что европейская мысль внесла значительный вклад в понимание правосознания, пройдя путь: от античного отождествления права и справедливости; через средневековый синтез веры и разума; к рационалистическим и социологическим концепциям Нового времени. Современные исследования правосознания продолжают развивать эти идеи, учитывая новые вызовы – цифровизацию, глобализацию и мультикультурализм.

Список литературы:

- [1] Habermas J. Between Facts and Norms. – MIT Press, 1996.
- [2] Алексеев С.С. Теория права. – М., 2020. – С. 78.
- [3] Кант И. Метафизика нравов. – СПб., 2018. – С. 56=57.

[4] Лазарев В.В. Общая теория права и государства. – М., 2019. – С. 34.

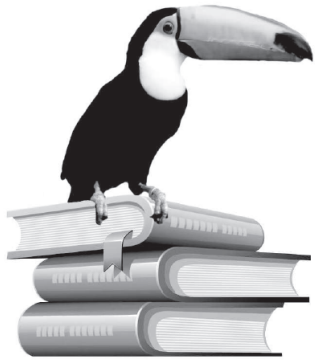
[5] Матузов Н.И. Правосознание и правовая культура // Государство и право. – 2021. – № 5. – С. 45-46.

[6] Цицерон. О государстве. О законах. – М., 2020. – С. 23.

Список литературы:

- [1] Habermas J. Between Facts and Norms. – MIT Press, 1996.
- [2] Alekseev S.S. Theory of Law. - M., 2020. - S. 78.
- [3] Kant I. Metaphysics of morals. - St. Petersburg, 2018. - P. 56 = 57.
- [4] Lazarev V.V. General theory of law and state. - M., 2019. - S. 34.
- [5] Matuzov N.I. Legal awareness and legal culture//State and law. – 2021. – № 5. - S. 45-46.
- [6] Cicero. About the state. On laws. - M., 2020. - S. 23.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-707-711

ДОРСКАЯ Александра Андреевна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой общетеоретических
правовых дисциплин Северо-Западного филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»,
профессор кафедры международного права ФГБОУ ВО
«Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена»,
e-mail: adorskaya@yandex.ru
SPIN-код: 9965-3211, Author ID: 314268

КОРНАУХОВА Виктория Денисовна,
студентка 3 курса бакалавриата
факультета подготовки специалистов
для судебной системы (юридического факультета)
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: victoriakornauhova@yandex.ru

ЗАЩИТА МЕДИЦИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы правового положения медицинских формирований в период вооружённых конфликтов. На исторических примерах показаны проблемы исполнения основных международных обязательств государств по защите медицинских формирований, закреплённых Женевскими конвенциями 1949 г., а также выявлены основные пробелы в международно-правовом регулировании данных вопросов. На примере различных международных организаций показано значение их деятельности, влияющей на обеспечение безопасности медицинских учреждений. Сделан вывод о необходимости повышения эффективности правоприменения действующих международно-правовых норм.

Ключевые слова: эффективность правоприменения, медицинские формирования, вооружённый конфликт, нападение, защита, принцип соразмерности, медицинская помощь, раненые и больные, Женевская конвенция, Организация Объединённых Наций, Международный Комитет Красного Креста.

DORSKAYA Aleksandra Andreevna,
Doctor in Law, Professor, Head of the Department of Theoretical
Legal Disciplines of North-West branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev, Professor at the Department
of International Law of Herzen University

KORNAUKHOVA Viktoriya Denisovna,
3rd year bachelor's student of the faculty of training specialists
for the judicial system (law faculty) of the North-West branch
of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

PROTECTION OF MEDICAL UNITS DURING ARMED CONFLICTS: CHALLENGES TO EFFECTIVE LAW ENFORCEMENT

Annotation. *The article examines topical issues of the legal status of medical units during armed conflicts. Analysis of historical events demonstrates the challenges inherent in upholding states' primary international obligations to protect medical units, as stipulated by the 1949 Geneva Conventions, and highlights significant deficiencies in the international legal framework governing these matters. International organizations exemplify the significance of their contributions to safety of medical institutions. The study concluded that improvements to the enforcement of current international legal norms are necessary.*

Key words: *effectiveness of law enforcement, medical units, armed conflict, attack, protection, principle of proportionality, medical care, wounded and sick, Geneva Convention, United Nations, International Committee of the Red Cross.*

Впервые в международном сообществе зашла речь о признании нейтралитета за всеми медицинскими службами, в том числе госпиталями и амбулансами, в 1864 году, когда 16 уполномоченных держав на международной конференции в Женеве приняли первую конвенцию в области международного гуманитарного права. Данное соглашение получило название «Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», и оно закрепляло основные правила, которыми должны руководствоваться стороны во время военного конфликта, чтобы, во-первых, облегчить тяжелую ношу больных и раненых при содействии «частных обществ», так называемых комитетов от каждого государства, и, во-вторых, обеспечить безопасность тех, кто оказывает медицинскую помощь в непростых военных условиях [2, с. 29].

В дальнейшем эта конвенция подвергалась неоднократным изменениям, и на сегодняшний день вопрос правового положения медицинских учреждений регулируется положениями четырех Женевских конвенций, принятых в 1949 г.: «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»¹, «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушения, из состава вооруженных сил на море»², «Об обращении с военнопленными»³, «О защите граж-

данского населения во время войны»⁴, а также дополнительными протоколами к ним.

Дополнительный протокол I от 12 августа 1949 г. раскрывает понятие «медицинские формирования», которым охватывается весь спектр разновидностей медицинских учреждений. Так, в соответствии с п. «е» ст. 8 Дополнительного протокола I «медицинские формирования» означают учреждения и другие формирования, как военные, так и гражданские, созданные для медицинских целей. В контексте данной статьи цель данных формирований раскрывается через проведение таких мероприятий, как розыск, транспортировка раненых, больных или лиц, потерпевших кораблекрушение, оказание им первой помощи, а также профилактика заболеваний⁵. Таким образом, международное сообщество устанавливает два главных критерия, при которых медицинские учреждения пользуются специальной защитой, а именно: цель - оказание медицинской помощи - и назначение стороной в конфликте данных учреждений именно для этой цели.

В контексте статуса специальной защиты объектов для оказания помощи раненым и больным стоит упомянуть принцип соразмерности в гуманитарном праве [1, с. 266]. По общему смыслу, он является составляющим элементом принципа гуманности и предполагает запрет «нападения, которое, как можно ожидать, попутно повлечет за собой потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и ущерб гражданским объектам, или то и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом полу-

¹ Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51406/ (Дата обращения: 18.04.2025 г.)

² Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51407/ (Дата обращения: 18.04.2025 г.).

³ Женевская конвенция об обращении с военнопленными // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51405/ (Дата обращения: 18.04.2025 г.).

⁴ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51404/ (Дата обращения: 18.04.2025 г.).

⁵ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года // СПС «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843> (Дата обращения: 18.04.2025 г.).

чить»¹. Таким образом, встает вопрос, будет ли считаться соразмерным нападение на медицинское формирование, которое утратило режим особой защиты, если оно использовалось не по назначению - в нем хранились боеприпасы и оружие. Согласно ст. 52 Дополнительного протокола I, военными будут считаться объекты противника, которые «в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество»². Если хранение и (или) дальнейшее использование боеприпасов и оружия, находящихся в медицинских формированиях, лишает их нейтрального статуса, то можем ли мы говорить, что удар по такому объекту будет считаться правоммерным?

Швейцарский профессор по международному гуманитарному праву Нильс Мельцер, бывший делегат МККК и юридический советник, в своем учебнике «Международное гуманитарное право. Общий курс» отражает в принципе соразмерности элемент субъективности ввиду отсутствия закреплённого мировым сообществом пределов соразмерности нападений. Он считает, что «цели сравнительно высокой ценности с военной точки зрения (важные цели) скорее оправдают более высокий уровень попутного ущерба, чем цели сравнительно небольшой ценности с военной точки зрения (второстепенные цели)» [3, с. 122]. Безусловно, если медицинские формирования используются не в соответствии со своим основным назначением, способствуя совершению враждебных действий, что должно быть достоверно известно, то они лишаются иммунитета. Однако этот факт не дает права нападать на этот объект без применения предварительных мер предосторожности, а именно без вынесения соответствующего предупреждения в силу положений Женевских конвенций: I, ст. 21; II, ст. 34; IV, ст. 19. Данные меры не освобождают участников конфликта от международных обязательств по защите и уважению прав больных и раненых, в связи с чем необходимо соотносить меры по сокращению предполагаемого военного преимущества с последствиями их принятия во избежание ситуаций, препятствующих доступу к медицинской помощи и медикаментам.

Приоритетность закрепления для сторон вооруженного конфликта обязательств по соблюдению норм международного гуманитарного права при любых обстоятельствах, в том числе по обеспечению права некомбатантов, а также при-

числяемых к ним лиц, заключается в необходимости защиты тех, кто не принимает участия в боевых действиях и не является движущей силой противоборствующих сторон в конфликте. Такая необходимость тесно связана с минимизацией жертв войны и их страданий, а также с основными принципами гуманности, нейтралитета и беспристрастности. Независимо ни от каких признаков, в том числе военных или политических взглядов, гуманитарная помощь должна быть оказана работниками медицинских формирований всем больным и раненым. Более того, медицинским работникам, которые на добровольной основе отправляются в зону боевых действий для оказания помощи тем, кто не в состоянии позаботиться о себе, должна быть гарантирована и обеспечена защита от нападений. Однако, несмотря на то, что для оказания квалифицированной медицинской помощи существуют специально отведённые для этого места – больницы, которым международным сообществом присвоен нейтральный статус, риск атаки на такие объекты не снижается.

В 2021 году работниками Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК) был сделан вывод о том, что медицинские работники и пациенты тысячи раз становились жертвами нападений за последние пять лет³ с момента принятия Советом Безопасности Организации Объединённых Наций (далее – ООН) резолюции 2286, в котором была выражена обеспокоенность вопросом недостаточной защиты лиц, непосредственно не участвующих в военном конфликте⁴. Более того, гибель медицинского персонала, раненых и больных сопровождалась уничтожением медицинских формирований и закреплённых за ними транспортных средств. К сожалению, нынешняя практика также свидетельствует о недостаточности прилагаемых усилий мировым сообществом для обеспечения защиты медицинских работников и медицинских формирований, что лишь подтверждает насущность данной проблематики.

Акторами международного гуманитарного права еще давно были провозглашены и позднее закреплёны основные обязанности сторон вооруженного конфликта по защите медицинских учреждений. Основная обязанность была закреплена Первой Женевской конвенцией 1864 г. и до сих

³ МККК: счет нападениям на медицинских работников и пациентов идет на тысячи за последние 5 лет. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mkck-schet-napadeniyam-na-meditsinskih-rabotnikov-i-pacientov-idet-na-tysyachi-za-poslednie> (Дата обращения: 18.04.2025 г.)

⁴ Резолюция 2286 (2016), принятая Советом Безопасности (о защите раненых и больных, медицинского персонала и гуманитарного персонала в вооруженном конфликте) // RefWorld. URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/themreport/unsc/2016/ru/110092> (Дата обращения: 18.04.2025 г.).

¹ Там же.

² Там же.

пор содержится во многих актах международного права, а именно – наложенный запрет на нападение на стационарные и мобильные санитарные подразделения и учреждения, в том числе военные и гражданские госпитальные суда, при условии, что их статус доведен до сведения сторон, находящихся в конфликте, за 10 дней до их использования¹.

Кроме этого, на стороны, находящиеся в конфликте, возлагается обязанность обеспечивать нахождение медицинских формирований на безопасном удалении от военных объектов во избежание причинения вреда инфраструктуре или лицам, не принимающим участие в военных действиях. Причем важной представляется норма об извещении участниками друг друга о расположении своих стационарных медицинских учреждений для уменьшения риска поражения данных объектов. Критерий «удаленности» может иметь субъективный характер, ведь как определить, что медицинские формирования находятся в зоне безопасности, если невозможно заранее знать, какое оружие будет использоваться и какой у него радиус поражения. Так, например, Армия обороны Израиля в палестино-израильском конфликте, наносила удары по объектам, которые, с ее точки зрения, являются или могут быть квалифицированы как военные цели, однако вместе с тем, эти атаки были произведены с использованием оружия с большим радиусом взрывного действия, в частности, крупногабаритных авиабомб весом до 1 тонны, в связи с чем вред наносился в том числе и гражданским объектам – жилым домам, а также расположенным рядом с ними больницам.

Возвращаясь к ранее упомянутому принципу соразмерности, нельзя не указать на обязанность противоборствующих сторон не использовать медицинские учреждения для иных целей, кроме гуманитарных.

Ярким примером нарушения норм умышленного несоблюдения норм международного гуманитарного права являются события октября 2013 года в Афганистане, когда американским самолетом-штурмовиком были нанесены авиаудары по госпиталю в городе Кундузе, в результате чего несколько десятков человек погибли и были ранены, а сам госпиталь лишился медикаментов².

¹ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (Женевская конвенция II) // СПС «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901038> (Дата обращения: 18.04.2025 г.).

² Белая книга о фактах гибели гражданского населения Афганистана в результате противоправных действий США и их союзников (Москва, 2022 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Впоследствии было проведено расследование независимыми специалистами, в результате которого США признали нарушение норм гуманитарного права со своей стороны, привлекли всех причастных военнослужащих к дисциплинарной ответственности и выплатили компенсацию пострадавшим от авиаудара, что Совет Безопасности ООН счел достаточным.

Действительно значимая роль в области защиты медицинских учреждений отведена различным международным организациям, деятельность которых направлена на обеспечение доступа раненых, больных и терпящих кораблекрушение к квалифицированной и своевременной медицинской помощи. В этой связи нельзя еще раз не упомянуть МККК, который предоставляет защиту жертвам войн и военных конфликтов, борясь за их неотъемлемые права на жизнь и уважение чести и достоинства. Значимость этой организации достаточно велика: начиная с того, что она была инициатором заключения Женевских конвенций, заканчивая тем, что по сей день она следит за соблюдением и выполнением странами правил ведения войны. Наряду с ней, структурные органы ООН проводят анализ допущенных нарушений и прилагают усилия к восстановлению мира и порядка посредством различных механизмов. Существующей в составе ООН специализированной организации – Всемирной организации здравоохранении (далее – ВОЗ) – также отведена далеко не последняя роль, поскольку она консолидирует и координирует силы разных государств для обеспечения доступа каждого человека к медицинской помощи, в том числе в период войны и военных конфликтов. Кроме этого, ВОЗ собирает пожертвования, обеспечивая поставки необходимых медикаментов в горячие точки. В 2024 году ВОЗ выступила заявлением в отношении палестино-израильского конфликта, призвав все стороны конфликта «обеспечивать охрану здоровья населения и гарантировать безопасный доступ населения к медицинской помощи»³.

Однако в свете сказанного нельзя не отметить, что, несмотря на то, что деятельность многих организаций направлена на защиту различных медицинских учреждений, в которых персонал оказывает помощь больным и раненым, проблема обеспечения их безопасности по-прежнему актуальна. К сожалению, насколько показывает практика, данное направление в международном

URL: <https://mid.ru/ru/maps/af/1838877/> (Дата обращения: 18.04.2025 г.).

³ Конфликт в Израиле и на оккупированной палестинской территории // ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/situations/conflict-in-israel-and-oPt> (Дата обращения: 18.04.2025 г.).

праве не является приоритетным, в связи с чем принимается недостаточное количество усилий для того, чтобы страны-участники военных конфликтов соблюдали установленные нормы. Тем более что эти правила были выработаны исторической практикой, чтобы в дальнейшем можно было избежать кровопролитных войн и лишних жертв среди гражданского населения и прибывших для оказания помощи нуждающимся лиц. Государства, принявшие на себя международные обязательства по соблюдению норм гуманитарного права, подчас целенаправленно их нарушают, вследствие чего количество жертвкратно растет, а возможность скорейшего достижения мира стремительно уменьшается.

Список литературы:

[1] Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Женева: МККК, 2011, 1146 с.

[2] Ивановский И.А. Женевская конвенция 10/22 августа 1864 г.: Положительный международный закон об участии больных и раненых воинов во время войны. Киев: Университетская типография, 1884. 191 с.

[3] Мельцер Н. Международное гуманитарное право. Общий курс. Женева: МККК, 2017, 419 с.

Spisok literatury:

[1] David E. Printsipy prava vooruzhennykh konfliktov. Zheneva: MKKK, 2011, 1146 s.

[2] Ivanovskiy I.A. Zhenevskaya konventsiya 10/22 avgusta 1864 g.: Polozhitel'nyy mezhdunarodnyy zakon ob uchasti bol'nykh i ranenykh voynov vo vremya voyny. Kiev: Universitetskaya tipografiya, 1884. 191 s.

[3] Mel'tser N. Mezhdunarodnoe humanitarnoe pravo. Obshchiy kurs. Zheneva: MKKK, 2017, 419 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ научных статей, поступающих в редакцию научно-правового журнала «Образование и право»

1. Автор научной статьи предоставляет оформленную и заверенную рецензию (отзыв) доктора наук, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале, либо предоставляет выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

2. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную и аргументированную оценку ее материала и обоснованные рекомендации по улучшению качества представленной работы. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в

ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

3. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется автору статьи по его письменному запросу, а также по соответственному запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту. Рецензент вправе отказаться от рецензирования в течение одной недели с момента поступления рукописи к нему и уведомить об этом редакционную коллегию журнала.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецен-

зирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

8. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

9. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

10. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет три месяца с момента поступления рукописи в редакцию.

11. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

12. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНО-ПРАВОВОГО ЖУРНАЛА «ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО»

Сведения общего характера

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Образование и право» осуществляется **БЕСПЛАТНО**, при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Допускается издание статей вне общей очередности (в кратчайшие сроки) на **ДОГОВОРНОЙ** основе.

Авторские экземпляры журнала предоставляются за **ПЛАТУ**.

Почтовые расходы («Почта России», заказное, бандероль) – за счёт денежных средств автора.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи от 10 рабочих дней до 1 месяца.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания об этом факте необходимо поставить в известность редакцию.

Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

Отправляя статью в редакцию, в случае принятия ее к публикации, автор соглашается на размещение редакцией статьи в электронных базах данных.

Технические требования

1. Тексты статей принимаются объемом от 5 до 12 машинописных страниц и (не более 25 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 5 машинописных страниц. В расчет объема статьи не входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах).

2. Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

3. На e-mail: mail@law-books.ru (в соответствии с правилами оформления статей) высылаются:

- электронная версия рукописи (сохраненная в формате Документ Word), которая должна иметь:

А. аннотацию (на русском и английском) объемом 150-250 слов. Аннотация должна иметь информативный характер и отражать актуальность, цели научного исследования, используемую методологию, основные научные результаты полученные автором (-ами) и их практическое значение.

Б. ключевые слова (на русском и английском) - 5-10 ключевых слов или словосочетаний. Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, определять предметную область исследования, встречаться в тексте статьи;

В. сведения об авторах: ФИО, их должности, ученые степени, ученые звания, место работы и адрес электронной почты (на русском и английском языках);

Г. УДК и ББК;

Д. Список литературы должен состоять не менее чем из 10 источников. Приветствуется наличие в библиографическом списке зарубежных изданий.

4. Перевод на английский язык статуса автора(-ов), название статьи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать грамматике и стилистике языка, использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии. Не допускается осуществление перевода на английский язык при помощи автоматических переводчиков.

5. Статья, поступившая в редакцию регистрируется в журнале регистрации статей с указанием даты поступления, названия, Ф.И.О. автора, места работы автора. Статье присваивается индивидуальный регистрационный номер.

6. Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам.

7. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями.

8. Рецензирование статей проходит несколько уровней по системе type of peer-review: главным редактором, открытой экспертной оценки, одного слепого редактирования, двойного контрольного рецензирования (не менее двумя рецензентами по тематике представленных материалов). Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора

9. Рецензии на опубликованные статьи за последние 5 лет подлежат хранению в редакции.

10. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена с замечаниями вместе с ее первоначальным вариантом.

11. Статья, задержанная после переработки на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

12. После анализа рецензий принимается решение об опубликовании или отказе в опубликовании статей. На основе принятого решения автору/ам направляется письмо, в котором дается общая оценка статьи, если статья может быть опубликована после доработки / с учетом замечаний — даются рекомендации по доработке; если статья не принимается к опубликованию — указываются причины такого решения.

Правила оформления статей

Набор текста производится в формате Microsoft Word 1997-2003. Шрифт – TimesNewRoman; размер шрифта – 12; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое – 3,5 см, правое, верхнее, нижнее – по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

1. УДК, ББК;
2. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;
3. Название статьи (буквы – прописные);
4. Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);
5. Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;
2. Название статьи (буквы – прописные);
3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

После текста статьи располагаются (выравнивание «По ширине»):

- Список литературы оформленный исходя из правил (ГОСТ 7.05–2008).

Источники выстраиваются в алфавитном порядке, сначала — литература на русском языке, затем — на других языках.

Указываются:

заглавие работы;

название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), отделенное от заглавия статьи двойным слешем (/), без кавычек;

выходные данные: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника указываются: автор (если есть), название статьи, после двойного слеша (/) полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (URL) и в скобках — дата обращения.

Архивные источники указываются в тексте статьи в круглых скобках, например: (ЦГА. Ф. 1, д. 2. Л. 15). В библиографию не выносятся.

После этого размещается Spisok literatury (References), в котором библиографическое описание источников на кириллице транслитерировано на латинский шрифт.

Правила транслитерации. Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

На английском языке фамилия отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры).

Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается по следующей схеме:

- фамилия и инициалы автора (авторов) - в транслитерации по системе LC (<http://translit.ru/?direction=ru&account=lc>);

- заглавие статьи / монографии — в транслитерации;

- заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках;

- название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (/);

- название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала);

- выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») — в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское Р. (р.);

- указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], — обязательно!

Отдельным файлом направляется сопроводительная информация

Вместе с текстом статьи на адрес редакции направляется доп. персональная информация об авторе (-ах):

- полный почтовый адрес места работы (включая индекс), город и страну либо полный почтовый адрес места жительства (включая индекс), город и страну;

- № тел. рабочий (домашний) с кодом города либо № моб. тел.;

- электронный адрес.

Данная информация не подлежит обнародованию в журнале, кроме электронного адреса.

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата наук в обязательном порядке необходимо указывать:

- телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены;

- данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

Автору рекомендуется при оформлении статьи внимательно ознакомиться со всеми правилами, сверяться с образцом, а в случае возникновения вопросов — направлять обращения на эл. адрес редакции.

Примерный образец

УДК 37.07

ББК 74.4

ИВАНОВА Ирина Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета,
e-mail: 1234567@mail.ru

SPIN-код: 0000-0000, AuthorID: 000000 (при наличии)

**СОВРЕМЕННЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ:
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Аннотация. Актуальность исследования вызвана ... Цель: ... Методология исследования - ... В результате обосновано ... Во-первых, ... Во-вторых, ... Авторы приходят к выводу, что ... В этой связи важно отметить ...

Ключевые слова: критерии оценки, высшая школа, научно-исследовательская работа, индекс Хирша, образовательное право.

IVANOVA Irina Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Municipal Administration
of the Institute of Social and Humanitarian Education
of the Moscow Pedagogical State University,
e-mail: 1234567@mail.ru

**MODERN CRITERIA FOR THE ASSESSMENT OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF HIGHER
EDUCATION INSTITUTIONS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE**

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО № 5 • 2025

Annotation. The relevance of the research is caused by ... Purpose: ... The research methodology is ... As a result, it is justified ... First, ... Second, ... The authors conclude that ... In this connection, it is important to note ...

Key words: assessment criteria, higher education, research work, Hirsch index, educational law.

Текст статьи

.....

Список литературы:

[1] Адизес И.К. Об образовании [Электронный ресурс] / Сайт «Институт Адизеса в России». – Режим доступа: <http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/> (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Боброва Н.А. Первый профессорский форум // Проблемы науки . 2018. № 3 (37). – С. 66 – 68.

[3] Галажинский Э. Зачем нужны рейтинги университетов [Электронный ресурс] / Сайт «Ведомости». – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov> (дата обращения: 20.08.2018).

[4] Кузьмина Н.Б. Эффективный университет: перезагрузка. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 134 с.

[5] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Гарант» (дата обращения: 20.08.2018).

[6] Сапожков О. Для экономики знаний России придется переучиваться [Электронный ресурс] / Сайт «Коммерсантъ». – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (дата обращения: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Электронный ресурс] // Adult Learning. 2016. Vol. 27. N2. P. 68-75. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1045159515602256> (дата обращения 30.07.2018).

[8].....

Spisok literatury:

[1] Adizes I.K. Ob obrazovanii [Elektronnyy resurs] / Sayt «Institut Adizesa v Rossii». – Rezhim dostupa: <http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/> (data obrashcheniya: 10.08.2018).

[2] Bobrova N.A. Pervyy professorskiy forum // Problemy nauki . 2018. № 3 (37). – S. 66 – 68.

[3] Galazhinskiy E. Zachem nuzhny reytingi universitetov [Elektronnyy resurs] / Sayt «Vedomosti». – Rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov> (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[4] Kuz'mina N.B. Effektivnyy universitet: perezagruzka. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 134 s.

[5] Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 295 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» na 2013-2020 gody» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyy resurs] / Informatsionno-pravovoy portal «Garant» (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[6] Sapozhkov O. Dlya ekonomiki znaniy Rossii pridetsya pereuchivat'sya [Elektronnyy resurs] / Sayt «Kommersant». – Rezhim dostupa: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (data obrashcheniya: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Elektronnyy resurs] // Adult Learning. 2016. Vol. 27. N2. P. 68-75. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.1177/1045159515602256> (data obrashcheniya 30.07.2018).

[8].....

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Подписано в печать 02.06.2025.
Формат 60х90/8. Печать цифровая. Печ. л. 90.
Тираж 300 экз. Заказ № 47.
Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Ленина, д.102.